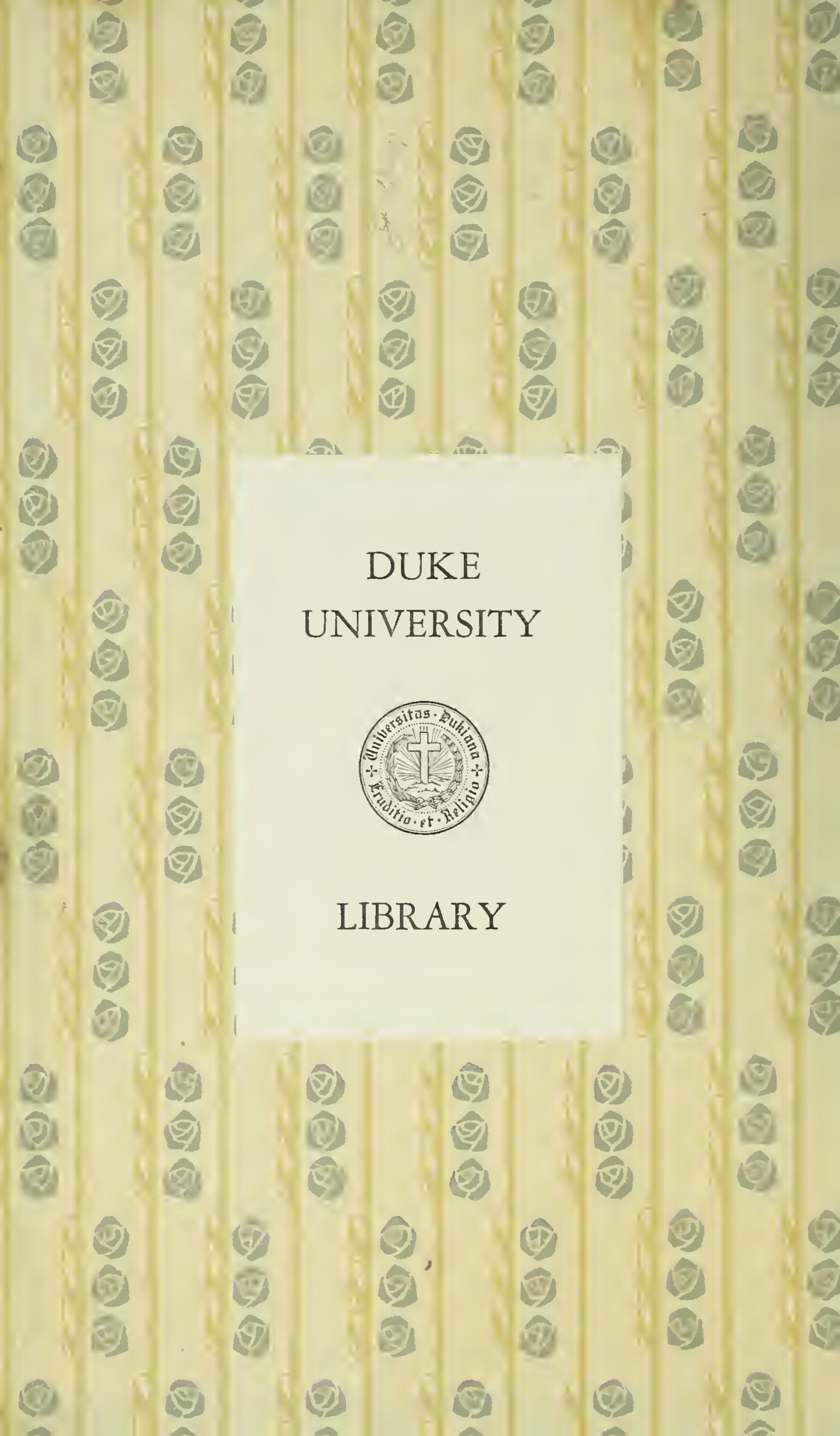
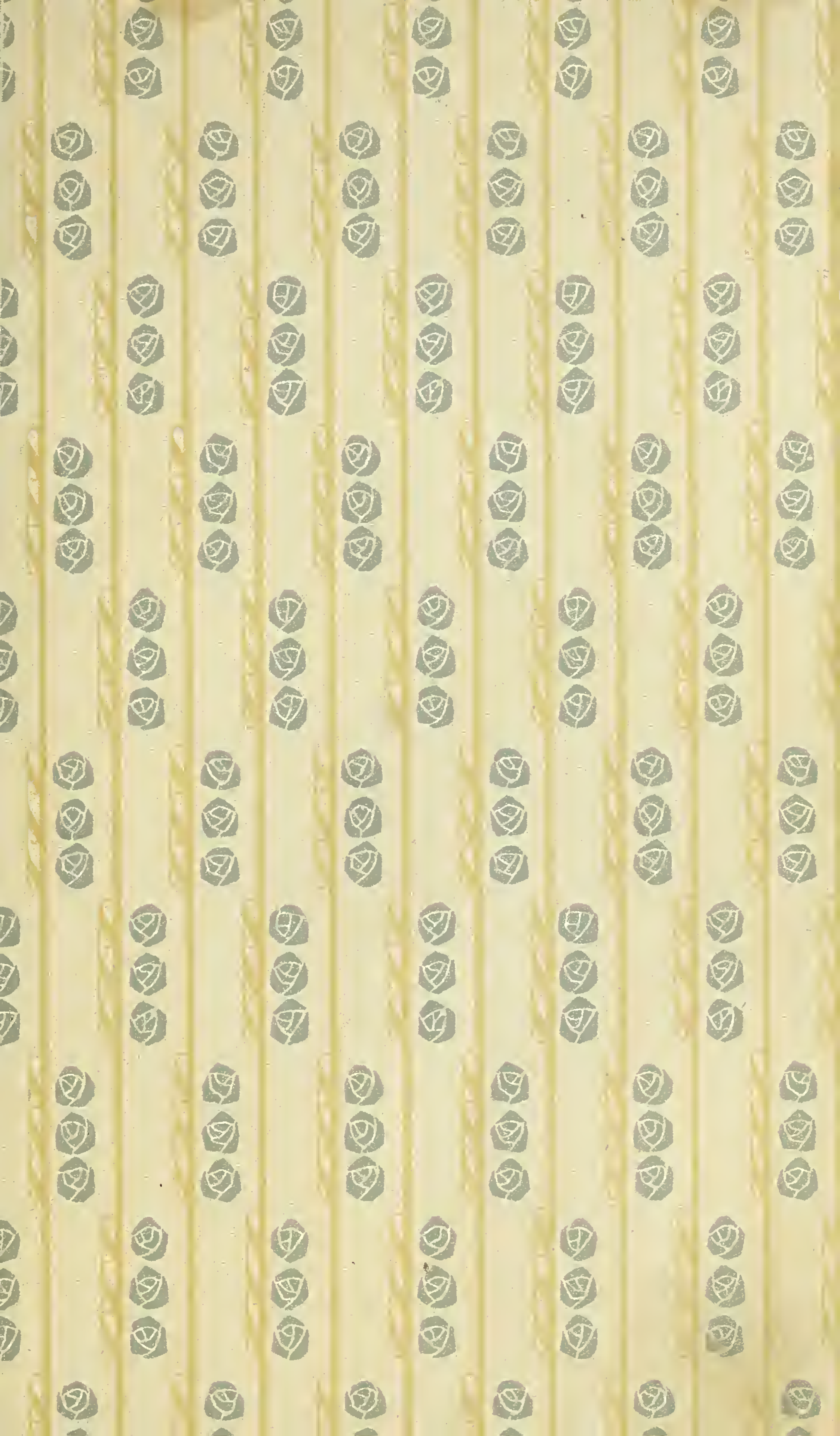

К. Головинъ
(К. Орловскій)
Полное собраніе сочиненій
Изданіе
А. Ф. Маркса
С.П.Б.

DUKE
UNIVERSITY
Universitas · Dukiana
Eruditio · et · Religio
LIBRARY

ВТОРОЕ ПОКОЛѢНІЕ

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/vtoroepokolienie01golo

К. Головинъ (К. Орловскій).

ВТОРОЕ ПОКОЛѢНІЕ

ПОВѢСТЬ.

Изданіе А. Ф. Маркса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.
1903.

891.733
G628VT

I.

Въ пасмурный январьскій день, въ началѣ четвертаго часа, молодой человѣкъ въ студенческой шинели поднимался по лѣстницѣ одного изъ большихъ многоэтажныхъ домовъ Загороднаго проспекта. Въ движеніяхъ его было что-то нервное. То онъ быстро взбѣгалъ на нѣсколько ступеней, то вдругъ замедлялъ шагъ — словомъ, онъ и торопился, и задерживало его что̀. Да и на подвижномъ лицѣ тоже читалось какъ будто двойственное выраженіе. Съ беззаботною свѣжестью юности спорила какъ бы засѣвшая на немъ упрямая, докучливая, совсѣмъ не юношеская забота.

Дойдя до площадки третьяго этажа, молодой человѣкъ позвонилъ у дверей, съ надписью намѣдной дощечкѣ: „Докторъ Александра Осиповна Токарская".

И тотчасъ затѣмъ послышались въ передней легкіе, быстрые шаги.

Дверь растворилась, и показавшаяся въ ней маленькая, худощавая особа, въ коричневомъ платьѣ, воскликнула, увидавъ юношу:

— Какъ ты сегодня поздно, Алеша! А Мареы нѣтъ— куда-то вышла. Дай-ка сюда твою шинель, я отряхну воротникъ, онъ весь у тебя въ снѣгу. Да ты и, небось, проголодался?

— Нѣтъ, тетя, нѣтъ, позавтракалъ какъ слѣдуетъ. А замѣшкался я, точно, въ лабораторіи... Опытъ все одинъ не удавался...

Говоря это, онъ предоставилъ свою шинель въ распо-

ряженіе Александры Осиповны, очень хорошо зная, какое удовольствіе ей доставляетъ оказывать ему маленькія услуги.

Она бережно повѣсила шинель и прошла съ племянникомъ въ комнату, самую большую въ квартирѣ, и потому носившую названіе залы. Здѣсь принимала она своихъ, не особенно многочисленныхъ, паціентовъ.

— Сейчасъ у меня пріемъ начнется, а Мароы все нѣтъ,—озабоченно проговорила она, входя. И тутъ же замѣтила безпокойное выраженіе на лицѣ молодого человѣка.

— Что съ тобой, Алеша? Непріятность какая случилась? Или заработался слишкомъ? Какой ты блѣдный усталый! А поѣсть, въ самомъ дѣлѣ, не хочешь?

Онъ покачалъ головой.

— Ничего не случилось, тетя, могу васъ увѣрить,— и онъ улыбнулся въ отвѣтъ на ея заботливые разспросы.—Прослушалъ двѣ лекціи, потомъ въ лабораторіи просидѣлъ часа два—дѣло самое обыкновенное. Да отчего вамъ, тетя Саша, все кажется, будто со мной непремѣнно что-нибудь дурное приключиться должно?

Въ добрыхъ сѣрыхъ глазахъ тети Саши засвѣтилась улыбка, но тотчасъ затѣмъ они задумчиво и пристально, какъ-то недовѣрчиво, вглядѣлись въ лицо молодого человѣка.

— Да такъ... Хрупкій ты у меня такой — совсѣмъ въ мать покойницу. И какъ-то не молодымъ глядишь. Все находятъ на тебя эти мысли нехорошія... Мучаешься понапрасну, точно и жить тебѣ не даютъ попросту...

Молодой человѣкъ опустилъ глаза и не возразилъ ничего.

Онъ былъ средняго роста и большой крѣпостью, въ самомъ дѣлѣ, не отличался. Тонкія плечи и немного узкая грудь не говорили о богатырскомъ здоровьѣ; не говорилъ о немъ и румянецъ, то ярко вспыхивавшій, то потухавшій вдругъ на его лицѣ. Такой румя-

нецъ бываетъ у очень нервныхъ людей. И каріе его глаза, не особенно большіе, но блестящіе, расширялись порой необыкновенно, и въ такія минуты черты его вдругъ вытягивались, и лицо казалось поразительно исхудалымъ. Оно глядѣло даже прямо болѣзненнымъ, и тетя Саша увѣряла, что глаза Алеши имѣютъ странную наклонность съѣдать у него щеки. Это совсѣмъ было не по-медицински. Но у тети Саши изъ за врача, старательнаго и любящаго свое дѣло, сквозила женщина простая и непосредственная, всегда готовая отдаться первому движенію впечатлительнаго сердца. А сердце это было необыкновенно доброе, отзывчивое и мягкое, совсѣмъ не научное и не современное сердце.

Въ передней раздался звонокъ, и Александра Осиповна, только что усѣвшаяся было въ кресло, стремительно поднялась и побѣжала отворять.

Молодой человѣкъ уже собирался пройти къ себѣ въ комнату, предоставляя залу паціентамъ тетки; но она опять показалась въ дверяхъ, держа въ рукѣ письмо.

— Это почтальонъ былъ,—сказала она, подавая ему конвертъ.—Къ тебѣ, отъ Леночки.

Онъ взялъ конвертъ изъ ея рукъ и торопливо вскрылъ.

Леночка, его пятнадцатилѣтняя сестра, исписала цѣлыхъ восемь страницъ своимъ прямымъ крупнымъ почеркомъ, старавшимся глядѣть мужскимъ, а на самомъ дѣлѣ еще полудѣтскимъ.

— Прочти громко. Секретовъ вѣдь нѣтъ?..

Онъ исполнилъ ея желаніе. Секретовъ не было никакихъ, но ему все таки не совсѣмъ было пріятно посвящать тетку въ маленькія невинныя тайны въ своей перепискѣ съ сестрой, не привыкшей стѣсняться въ выраженіяхъ, когда она писала къ нему. Избалованная и своенравная Леночка, впрочемъ, ни передъ кѣмъ не стѣснялась. И письмо дѣвочки, помимо ея воли, быть можетъ, раскрывало много такого изъ семейныхъ отно-

шеній, чего Алеша внутренно стыдился даже передъ тетей Сашей.

„Ужасно мнѣ хотѣлось бы къ вамъ въ Петербургъ“,— писала между прочимъ Леночка,—„здѣсь я окончательно стосковалась, мочи нѣтъ. Неужели папа думаетъ, что можно вдвоемъ, съ моей швейцарской мамзелью, прожить въ глухой деревнѣ цѣлую зиму? Вѣдь у насъ никто, рѣшительно никто не бываетъ изъ сосѣдей. Вѣтъ, впрочемъ, были двое. Купецъ Аршинниковъ, съ которымъ папа ведетъ дѣла, да какой-то господинъ Норкинъ, промотавшійся помѣщикъ, захотѣвшій у отца призанять денегъ. Потомъ двѣ старыя барышни Судниковы—ты помнишь, я тебѣ про нихъ говорила, онѣ часто бываютъ.

„Ну, что это за общество? Все дѣла и только дѣла. Про иное не слышишь. Несносная m-lle Моно похожа на скелетъ допотопной рыбы, а въ перемежку съ ней какой-нибудь членъ земской управы, толстый, нечесаный, немытый, или купецъ изъ города... Просто умрешь со скуки! Порядочные люди насъ, кажется, знать не хотятъ. Да оно и понятно—такой ужъ у насъ веселый домъ.

„Въ толкъ не возьму, отчего меня папа лучше въ гимназію не отдалъ? Тамъ все таки было бы получше, поживѣе. А то это вѣчное сидѣнье взаперти.—Ахъ, какъ я его ненавижу, этотъ большой нашъ унылый домъ! Мнѣ кажется, самыя стѣны на всѣхъ насъ глядятъ недружелюбно. Онъ будто не можетъ простить намъ, что мы въ немъ поселились. Чужіе мы здѣсь, и онъ намъ чужой. Отецъ этого не чувствуетъ—гдѣ ему! У него одно только на умѣ—деньги и опять деньги. Вчера онъ изъ Кіева вернулся съ какимъ-то евреемъ. Новое дѣло затѣваетъ. Отъ одного слова „дѣло“ мнѣ тошно отановится. Брр!..

„Точно на свѣтѣ ничего иного нѣтъ, кромѣ денегъ? Впрочемъ, есть, да!—уроки съ этой дурой, m-lle Моно. Да неужели можно чему-нибудь научиться, когда не-

навидишь учительницу? Держатъ меня дома и выписали эту мамзель, чтобы къ хорошимъ манерамъ меня пріучить!

„А на что нужны мнѣ эти манеры? Кого здѣсь я вижу?

„Братья, и тѣ рѣдко заглядываютъ. Сережа былъ недѣли двѣ назадъ—разумѣется, за деньгами. Папа, ты знаешь, на этотъ счетъ кремень, а все же пришлось раскошелиться. Сережа такъ кричалъ, такъ изъ себя выходилъ, увѣрялъ даже, что пулю себѣ въ лобъ пуститъ, и добился таки своего.

„Не понимаю отца; вѣдь одно изъ двухъ, по-моему: либо давать, что нужно, не доводя до этого противнаго крика, либо уже отказать наотрѣзъ и на своемъ поставить. И едва получилъ Сережа деньги, какъ махнулъ назадъ въ полкъ.

„А Петя, хоть живетъ онъ въ трехъ верстахъ на заводѣ, тоже почти глазъ не кажетъ. Онъ не то, что Сережа, конечно: не за деньгами является къ папѣ, а напротивъ, самъ ихъ доставать умѣетъ, да и какъ еще! Только мнѣ отъ этого не легче. Изъ двухъ, пожалуй, я лучше еще люблю Сережу.

„Вся наша семья вокругъ этихъ противныхъ денегъ такъ и вертится. Ты одинъ не таковъ, а тебя нѣтъ, какъ нѣтъ. Когда же, наконецъ, мы увидимся?“...

Леночка заканчивала письмо, давая брату разныя порученія. Тоска ея, видно, была не изъ глубокихъ. А все таки на Алешу письмо сестры произвело тягостное, легко изгладимое впечатлѣніе.

— Надо ее вырвать оттуда, — сказалъ онъ, дочитавъ.—Сюда бы ей пріѣхать, къ вамъ. Подѣйствуйте на отца—онъ васъ послушаетъ...

Но тетя Саша уныло закачала головой,

— Не думаю... Ѳедоръ Степановичъ не изъ тѣхъ, что принимаетъ чужіе совѣты... И мои въ особенности. Что я для него? Пустая женщина, у которой голова всякой дребеденью начинена.

— Вы, тетя,—пустая женщина?—широко раскрывъ глаза, воскликнулъ Алеша.

Ну, да,—улыбаясь, отвѣчала Александра Осиповна:—на что я гожусь для такихъ людей, какъ твой отецъ? Для Ѳедора Степановича любая кухарка въ десять разъ толковѣе и полезнѣе меня.

Она говорила это, не переставая улыбаться, безъ малѣйшаго оттѣнка горечи.

— Вы прежде всего,—возразилъ Алеша взволнованнымъ голосомъ, принимаясь быстро ходить по комнатѣ:—сестра моей покойной матери. А вы мнѣ сами говорили столько разъ, что онъ былъ привязанъ къ ней горячо и до сихъ поръ ему дорога ея память.

Александра Осиповна промолчала, опустивъ глаза, не умѣвшіе скрывать ея мыслей.

— Или это неправда? Или вы увѣряли меня въ этомъ, только чтобы меня успокоить? Мнѣ было всего семь лѣтъ, когда умерла мама. Я помню только, и то смутно помню, ея блѣдное, нѣжное, исхудалое лицо—можетъ быть... кто знаетъ?—она съ горя умерла такъ рано. И оттого я часто примѣчалъ у отца такое странное, будто испуганное выраженіе. Точно ему совѣстно чего-то предо мной. А вѣдь, конечно, ужъ не робкій онъ человѣкъ... Да скажите же мнѣ, наконецъ, всю правду, какъ бы она сурова ни была. Пора мнѣ все знать...—Алеша остановился передъ теткой, глядя на нее въ упоръ. — Пора мнѣ знать, — продолжалъ онъ почти шепотомъ: — имѣю ли я право уважать отца. Мнѣ бы такъ хотѣлось любить его... Столько разъ я порывался ему отдаться всѣмъ сердцемъ, и меня все останавливало что-то. Изъ глубины прошлаго выросталъ у меня будто какой-то призракъ, и холодомъ на меня вѣяло всякій разъ, что меня тянуло къ отцу. Есть въ этомъ прошломъ что-то нехорошее, можетъ быть, даже отвратительное. Не даромъ вѣдь всякій разъ, что при мнѣ упоминаютъ объ отцѣ, я невольно стыжусь чего-то. Вотъ хоть сегодня, напримѣръ: я въ универси-

тетѣ познакомился съ однимъ товарищемъ по курсу и тотъ спросилъ, услыхавъ мою фамилію: „А! Макшеевъ! Ужъ не сынъ ли вы будете Ѳедора Степановича?“ — мнѣ послышалась въ этомъ вопросѣ какая-то недоговоренная обида.—И такъ бывало не разъ... Съ именемъ отца связаны будто постыдныя воспоминанія... Я чувствую это давно и хочу наконецъ узнать...

— Отецъ твой ведетъ большія дѣла,—тихо отвѣтила Александра Осиповна, теперь рѣшительно поднявшая на племянника глаза. — Онъ всѣмъ обязанъ одному себѣ—тутъ постыднаго ничего нѣтъ.

— Разумѣется, я не того стыжусь, что мой дѣдъ былъ крѣпостной... И коли отецъ вышелъ въ люди прямымъ и честнымъ путемъ, ему слѣдовало бы говорить объ этомъ открыто и гордиться своимъ прошлымъ. А я—его сынъ—изъ этого прошлаго ничего не знаю... И есть вѣдь какая-нибудь причина, отчего онъ не посвящаетъ меня въ свои дѣла, и вся жизнь его будто тайною для меня остается.

Алеша опять зашагалъ по комнатѣ.

— И какъ бы мнѣ ни твердили,—продолжалъ онъ, не получивъ отвѣта,—что матушка съ нимъ была счастлива, я этому повѣрить не могу. Вы обѣ совсѣмъ другого склада, чѣмъ весь нашъ домъ. Будто иной породы. Видите, что̀ пишетъ Леночка? И кто знаетъ еще, какъ достаются эти деньги, вокругъ которыхъ все вертится у насъ въ семьѣ. Нѣтъ... матушка не могла ужиться съ этой обстановкой.

— Не мучь себя напрасно, Алеша,—принялась его успокаивать Александра Осиповна.—Могу тебя увѣрить, въ прошломъ ничего такого нѣтъ, что бы приходилось отъ тебя скрывать... Насъ, правда, твою мать и меня, не такъ воспитывали, какъ твоего отца — онъ учился на мѣдные гроши. Онъ привыкъ къ простой, даже грубой обстановкѣ. И выходя за него, мать твоя очень хорошо это знала, но это ей не мѣшало любить его и уважать тоже...

Прямодушной женщинѣ не малаго труда стоили эти слова. Она считала своею обязанностью сдѣлать усиліе, чтобы разубѣдить племянника. Рѣчь объ этомъ заходила между ними уже не въ первый разъ. И мучительный вопросъ, тревожившій Алешу, все поднимался снова, требуя разрѣшенія. Александра Осиповна попыталась, какъ умѣла, разсѣять сомнѣніе племянника. И не мудрено, что она обрадовалась, услыхавъ звонокъ, прерывавшій неловкое объясненіе.

Мареа, успѣвшая вернуться, побѣжала отворить. И изъ передней раздался чей-то сухой кашель.

— Ко мнѣ больной,—сказала она, торопливо вставая.—Мы еще поговоримъ объ этомъ, Алеша, потомъ когда-нибудь... А я подумаю, какъ бы устроить, чтобы Леночку отпустили сюда, хотя бы недѣли на двѣ. Можетъ быть, твой отецъ и согласится.

Мареа появилась въ дверяхъ, докладывая о паціентѣ, и Алеша поспѣшилъ уйти въ свою комнату.

II.

Комната молодого человѣка выходила окнами на дворъ; раннія зимнія сумерки успѣли уже сгуститься, понемногу окутывая всѣ предметы тоскливою мглой. Алеша зажегъ свѣчи на письменномъ столѣ, и брызнувшее пламя вырвало изъ полутьмы висѣвшій передъ столомъ большой поясной портретъ молодой женщины съ блѣднымъ, тонкимъ лицомъ и задумчивыми кроткими глазами. Это была мать Алеши, умершая, когда ему минуло всего семь лѣтъ, годъ спустя послѣ рожденія Леночки. Подъ нею въ простой орѣховой рамкѣ, былъ другой портретъ меньшаго размѣра—его отецъ, Өедоръ Степановичъ. Контрастъ между родителями Алеши былъ полный. Нѣжнымъ изяществомъ и какой-то стыдливой покорностью дышало лицо его матери. А низкій, выпуклый лобъ Өедора Степановича, съ нависшими

густыми бровями, большимъ мясистымъ носомъ и жесткой щетинистой бородой вокругъ твердо сложеннаго, упрямаго, почти хищнаго рта, говорили о рѣдкой стойкости воли и недюжинной, черствой энергіи. Маленькіе, заплывшіе глаза глядѣли прытко, хотя и увертливо. Фотографія уловила ихъ быструю, сметливую живость. Такіе глаза никого смутить, конечно, не могли. Зато они хорошо умѣли вглядѣться въ чужую душу и отыскать у любого противника слабое мѣсто.

Алеша, въ сущности, зналъ своего отца почти такъ же мало, какъ рано скончавшуюся мать. Ѳедоръ Степановичъ какъ-то сторонился отъ сына, хотя былъ къ нему крѣпко привязанъ. 12-ти лѣтъ мальчика отдали въ одну изъ петербургскихъ гимназій; Ѳедоръ Степановичъ въ Петербургъ заглядывалъ рѣдко, и Алеша былъ оставленъ на попеченіе тетки. Даже на каникулы онъ не всегда ѣздилъ къ своимъ въ деревню. Отецъ для него оставался загадкой, которую онъ тщетно старался разгадать. Молодой человѣкъ страстно желалъ полюбить отца, и все таки онъ не могъ освободиться отъ тайнаго нехорошаго чувства, словно отчуждавшаго его отъ полной довѣрчивой привязанности къ этому отцу.

И теперь, какъ всегда, взглядъ его остановился на рѣзкихъ чертахъ Ѳедора Степановича, словно вопрошая ихъ, въ тысячный разъ подвергая знакомое лицо пытливому допросу.

Алеша взялся было за лежавшую на столѣ толстую книгу—это было руководство къ органической химіи, но глаза его только пробѣжали разсѣянно нѣсколько строкъ и оторвались отъ недочитанной страницы, чтобы опять вглядѣться въ портреты матери и отца. И снова оба они точно зашептали ему про какую-то смутную тайну. „Да,—невольно говорилъ себѣ молодой человѣкъ, — не могла она съ нимъ быть счастлива... Бѣдная, бѣдная мама!“

И отчего это—спрашивалъ онъ себя—онъ самъ и Леночка такъ не походятъ на старшихъ братьевъ? От-

чего, при всемъ стараніи, онъ никогда ни съ Сережей, ни съ Петей, сблизиться не могъ? И не тянетъ его совсѣмъ въ Новоспасское—большое имѣніе, четыре года назадъ купленное отцомъ? Не могъ онъ позабыть тоже странное выраженіе на лицѣ товарища, съ которымъ познакомился сегодня, когда тотъ услыхалъ его фамилію. Этотъ товарищъ, Николай Смолинъ, слылъ за большого умника, и Алеша давно хотѣлъ съ нимъ познакомиться.

Бойкіе глаза Смолина, его всегда короткая, отрывистая рѣчь, точно рѣзавшая ножомъ, когда онъ съ кѣмъ-нибудь спорилъ, мѣткое слово, всегда приходившее къ нему на языкъ—все это придавало ему большое обаяніе, правда, непохожее на популярность, но зато отмѣчавшее его среди товарищей несомнѣннымъ превосходствомъ. Чувствовалось какъ-то, что свѣтлые глаза Смолина, глядѣвшіе такъ весело и смѣло, рѣдко ошибались, всматриваясь въ незнакомое лицо. Зоркой и правдивой ихъ оцѣнки побаивались всѣ. Не разъ онъ осаживалъ высокопарныхъ хвастуновъ, и увертливаго лицемѣра выводилъ безъ труда на чистую воду, дѣлая это съ самой беззаботной улыбкой на здоровомъ, совсѣмъ еще розовомъ юношескомъ лицѣ. Для него было забавно отдѣлать кого-нибудь на всѣ корки, сохраняя на чертахъ добродушную веселость.

— Да мнѣ что?—отвѣчалъ онъ не разъ, когда товарищи упрекали его за эту наклонность хладнокровно вышучивать то, чѣмъ по-настоящему слѣдовало бы возмущаться.—Легкую нотацію ему преподнесъ. А тамъ исправится онъ, или нѣтъ, какое мнѣ дѣло? Кипятиться изъ за всякаго подлеца—очень нужно!

И когда утромъ въ этотъ день Смолинъ спросилъ у Алеши, не сынъ ли онъ Ѳедора Степановича Макшеева, и глаза у него при этомъ такъ странно блеснули—у того вся кровь бросилась въ лицо. Нетвердымъ голосомъ онъ спросилъ въ свою очередь:

— А вы знаете развѣ моего отца?

— Нѣтъ, не имѣю удовольствія. А кое-что слыхалъ... Толковый человѣкъ, очень толковый. У насъ въ уѣздѣ первымъ тузомъ сталъ.

Смолинъ былъ сынъ небогатого помѣщика того самаго уѣзда, гдѣ лежало недавно купленное Ѳедоромъ Степановичемъ Новоспасское. Черезъ своего отца онъ, конечно, могъ хорошо знать, какъ составилось быстро выросшее состояніе Макшеева.

И Алешѣ показалось, что знаетъ онъ въ самомъ дѣлѣ много такого, за что сыну Ѳедора Степановича пришлось бы краснѣть. Ему самому было извѣстно только, что отецъ большимъ образованіемъ похвастаться не могъ—выше городского училища онъ не поднимался, и въ молодые годы знакомъ былъ съ нуждой. Нѣкоторое время онъ управлялъ чьимъ-то имѣніемъ—Алеша не зналъ даже, какъ звали владѣльца этого имѣнія—потомъ держалъ его въ арендѣ, а затѣмъ все шире и удачнѣе пошли его дѣла, и когда онъ мальчикомъ жилъ съ родными въ деревнѣ, у нихъ была уже своя усадьба, не такая, какъ Новоспасское, правда, но хорошо и прочно обстроенная, съ прекрасными полями, и отецъ его, слывшій отличнымъ хозяиномъ, пользовался въ околоткѣ почетомъ. Нѣтъ, впрочемъ, нельзя было этимъ именемемъ назвать своеобразныя отношенія сосѣдей къ Ѳедору Степановичу. Алешѣ трудно опредѣлить вполнѣ отчетливо, каковы были эти отношенія—ему всего вѣдь минуло 12 лѣтъ, когда онъ покинулъ родительскій домъ. Но одно онъ все таки помнитъ: пріѣзжали къ отцу за совѣтами, еще чаще за деньгами, заискивали въ немъ, но того, что выражается словомъ „уваженіе", какъ-то не чувствовалось. Тогда мальчикъ этого не примѣчалъ, но теперь, когда минувшее дѣтство передъ нимъ возстаетъ, онъ смутно припоминаетъ какой-то нехорошій, полупрезрительный оттѣнокъ въ обращеніи съ отцомъ постороннихъ.

Онъ говорилъ себѣ уже не разъ, что не надо ему

отцовскаго богатства, коли можетъ быть малѣйшее сомнѣніе насчетъ того, какъ оно создалось.

Онъ самъ пробьетъ себѣ дорогу, иную, честную дорогу научнаго труда. Крупныхъ капиталовъ этотъ трудъ не сулитъ, но зато стоитъ захотѣть, и можно отвоевать у жизни не кусокъ хлѣба только, а нѣчто гораздо большее — сознаніе принесенной пользы и, пожалуй, извѣстность.—Алеша готовилъ себя на каѳедру.

Отецъ называлъ это пустяками, фанаберіей, дурачествомъ, повторяя не разъ, что пускай себѣ молодой человѣкъ займется пока разными побрякушками, а тамъ, въ свое время, дурь эта пройдетъ, и Алеша пойметъ, что не зачѣмъ ему гоняться за грошами, когда рубли ему даются пригоршнями.

Въ этотъ день химія ему рѣшительно не давалась.

Онъ оперся локтями на столъ, стиснувъ голову руками, точно онъ хотѣлъ замкнуть себя отъ внѣшняго міра.

Болѣе часа просидѣлъ отъ такъ. Его утомила, наконецъ, напрасная борьба съ непослушнымъ пониманіемъ. Его потянуло на воздухъ, успокоить взволнованные нервы и освѣжить возбужденную голову.

Въ передней, накидывая шинель, онъ невольно прислушался къ звуку голосовъ, доходившихъ сквозь запертыя двери изъ теткиныхъ комнатъ.

— Что, много было у Александры Осиповны больныхъ?—спросилъ онъ у Марѳы.

— Нѣтъ, совсѣмъ даже мало,—осклабилась та:—человѣкъ пять не больше. А теперь у нихъ барышня молоденькая. На больную совсѣмъ не похожа-съ. Съ четверть часа сидятъ.

Алеша прислушался опять. Голоса доходили невнятно. Александра Осиповна, должно быть, увела гостью во вторую комнату. И все-таки Алешѣ почудилось какъ-то, что ему знакомъ молодой звонкій голосокъ, отрывочными, точно серебряными нотками долетавшій до его слуха.

— Вы не знаете, кто это?—спросилъ онъ у Мароы.

— Никакъ нѣтъ-съ. Въ первый разъ явились.

„Не можетъ быть,—подумалъ Алеша, сбрасывая накинутую шинель:—а все-таки... Да, это она... Эта Наташа Богушевская“.

Быстро онъ вошелъ въ залу и постучался у запертыхъ дверей въ кабинетъ Александры Осиповны.

— Можно, тетя?—спросилъ онъ.

— Войди. Что тебѣ надо?—послышалось въ отвѣтъ.

Онъ бережно отворилъ дверь.

На диванѣ сидѣла совсѣмъ еще молоденькая дѣвушка съ смугловатымъ личикомъ и большими и спокойными черными глазами, мягко блестѣвшими сквозь длинныя шелковистыя рѣсницы. На головѣ была мѣховая шапочка; темные волосы, скрученные въ косу, спадали ниже пояса. Тонкія плечи, нѣжныя, полудѣтскія черты, будто не совсѣмъ еще опредѣлившіяся—весь обликъ дѣвушки говорилъ о той свѣжей порѣ начинающейся юности, когда едва только брезжется свѣтлое утро жизни. И все таки полудѣтское личико глядѣло такъ увѣренно, и такое отсутствіе робости читалось въ спокойной улыбкѣ бархатныхъ глазъ, ея воздушный станъ выпрямился такъ твердо, что ребенкомъ дѣвушку назвать было нельзя, и всякій, увидавшій ее даже въ первый разъ, не усомнился бы, что на встрѣчу жизни она пойдетъ бодро, не колеблясь, и съумѣетъ постоять за себя.

Увидавъ молодого человѣка, она сказала, протянувъ руку и чуть-чуть засмѣявшись:

— Алексѣй Өедоровичъ—вы? Вотъ ужъ, право, не ожидала!

Какъ ни удивлена она была этой встрѣчей, слова ея прозвучали ровно, безъ малѣйшаго оттѣнка волненія.

Алеша быстро подошелъ къ ней, и въ томъ, какъ онъ пожалъ ея протянутую руку, и въ блескѣ его вспыхнувшихъ глазъ, была живая, нескрываемая ра-

дость. Здороваясь, они оба разсмѣялись. Но у обоихъ этотъ смѣхъ прозвучалъ не совсѣмъ одинаково.—У нея— однимъ только весельемъ молодости, которой любая маленькая неожиданность кажется забавной, у него— чѣмъ-то очень похожимъ на смущеніе.

— Какъ, вы знакомы съ моимъ племянникомъ?—въ свою очередь удивилась Александра Осиповна.

— Да, встрѣтились на дняхъ, съ недѣлю будетъ,— живо отвѣтилъ за нее молодой человѣкъ.—И мнѣ бы тоже слѣдовало воскликнуть, увидавъ васъ здѣсь,— обратился онъ снова къ дѣвушкѣ:—„Какъ! вы знакомы съ моей тетей“?

И оба опять разсмѣялись неизвѣстно чему.

— Да, и у насъ очень важныя дѣла съ Александрой Осиповной, съ чуть-чуть уловимымъ оттѣнкомъ задора въ голосѣ и въ глазахъ возразила она. — Дѣла, которыя васъ совсѣмъ не касаются.

— Наталья Владиміровна собирается на медицинскіе курсы, когда окончитъ гимназію,—объяснила Александра Осиповна,—и вотъ она пріѣхала ко мнѣ посовѣтоваться. — Ну а вы оба, гдѣ и какъ встрѣтились, разскажите?

— Охъ, это очень просто, — заговорила дѣвушка, опять совершенно спокойно, почти дѣловымъ тономъ.— Я бываю въ одномъ кружкѣ, гдѣ музыкой занимаются много, въ домѣ профессора Слобоцкого; его дочь—моя подруга по гимназіи. Ну, вотъ прошлый четвергъ— тамъ всегда по четвергамъ собираются,—играли одну изъ моихъ любимыхъ вещей.—Вы знаете, извѣстный квартетъ Мендельсона, и Алексѣй Ѳедоровичъ былъ однимъ изъ исполнителей. Тутъ мы и познакомились. Вотъ и все...

При этомъ воспоминаніи, неизвѣстно почему, румянецъ на лицѣ молодого человѣка выступилъ ярче.

— Натальѣ Владиміровнѣ,—добавилъ онъ полунасмѣшливымъ, полузастѣнчивымъ тономъ,—угодно было похвалить мою игру. А впрочемъ, коли сказать правду,

чего грѣха таить, хвалить было не за что—обошлось не безъ грѣшковъ...

— Затѣмъ мы про музыку разговорились, такъ... вообще... Оказалось, что мы оба любимъ классическія вещи.

— У Алеши это единственная страсть,—вставила Александра Осиповна.—Вы не повѣрите, какой онъ у меня домосѣдъ. Цѣлые вечера надъ книгою сидитъ. Я его за это не разъ журила, хотя должна бы, напротивъ,—шутливо добавила она:—за это хвалить, какъ ученая женщина. Ни въ обществѣ не бываетъ, ни въ театръ не ходитъ почти никогда. А за віолончель примется—все готовъ позабыть.

— По всему видно, образцовый молодой человѣкъ,— замѣтила Наташа, улыбнувшись. Безъ ума отъ одной только классической музыки!

— Совсѣмъ образцовый!—отозвался Алеша, и оба они опять разсмѣялись.

И, припоминая свой недавній разговоръ на вечерѣ у профессора, они вернулись назадъ къ этому разговору, только ужъ не классическіе композиторы служили для него темой. Ухватившись за прерванную нить, они пришли неожиданно къ цѣлому ряду мелкихъ впечатлѣній, оказавшихся у нихъ такими же общими, какъ и любовь къ музыкѣ.

Слушая ихъ, улыбалась Александра Осиповна: они совсѣмъ не казались такими недавними знакомыми, до того непринужденно искрилась ихъ бесѣда.

— Однако, какіе мы съ вами пустяки говоримъ!— воскликнула Наташа, только что передъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ отвѣтившая на какое-то замѣчаніе Алеши.

А когда она смѣялась, у нея точно все личико вспыхивало отъ внутренняго огонька, вдругъ просившагося наружу. И глаза, въ обыкновенное время глядѣвшіе такъ невозмутимо, всѣ сыпали искрами, точно въ нихъ зажигались лучи.

— Я пришла сюда съ вашей тетушкой посовѣтовать-

ся... Какъ смѣшно, однако, подумать, что Александра Осиповна вамъ тетушка!—перебила она себя, и съ трудомъ подавила заигравшую у нея на губахъ улыбку. Она такъ добра, что согласилась меня принять и выслушать, а я отнимаю у нея время такъ безцеремонно. Это вы, Алексѣй Өедоровичъ, виноваты.

— Ничего, моя милая, болтайте, сколько угодно. Вы мнѣ не мѣшаете,—ласково и просто сказала Александра Осиповна, и, притянувъ къ себѣ головку Наташи, поцѣловала ее въ лобъ.

Коса дѣвушки сползла черезъ плечо и повисла къ ней на грудь. Она откинула ее назадъ быстрымъ движеніемъ и приняла опять сосредоточенное, почти степенное выраженіе, какое у нея было до появленія Алеши.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу злоупотреблять вашей любезностью, — рѣшительно отвѣтила Наташа, — да и поздно ужъ очень. Такъ видите,—совсѣмъ дѣловымъ тономъ продолжала она:—я уже говорила вамъ, что меня тянетъ собственно не на медицинскіе курсы, но съ разныхъ сторонъ мнѣ такъ часто повторяли, что пользу можно принести, то есть настоящую пользу, именно будучи врачемъ...

Наташа пустилась объяснять, почему ей такъ рекомендовали медицинское поприще, не скрывая, что призванія къ нему она въ себѣ не чувствуетъ, хотя твердо рѣшилась выбрать для себя тотъ родъ жизни, который окажется лучше и практичнѣе.

— Именно практичнѣе,—не разъ повторяла она.— Слово это ей часто просилось на языкъ.

Очень забавной выходила у нея смѣсь искренней, совсѣмъ не напускной серьезности съ порывами молодого, веселаго нрава. Таившійся въ ней шаловливый ребенокъ то и дѣло просился рѣзвиться и хохотать.

Наташа Богушевская была наканунѣ своихъ восемнадцати лѣтъ. Семья ея была очень небогата, хотя и не знала настоящей нужды. Отецъ Наташи занималъ въ провинціи хорошее мѣсто, позволявшее его женѣ

и дочери скромно жить въ Петербургѣ, не отказывая себѣ въ необходимомъ, но строго воздерживаясь отъ всякой прихоти.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, пока она училась въ одной изъ частныхъ гимназій, Наташа привыкла къ мысли, что ей предстоитъ трудовая жизнь, что молодые годы не будутъ для нея сплошнымъ праздникомъ.

Дѣвушка не дѣлала себѣ иллюзій насчетъ будущаго; но трудовая жизнь ее не пугала.

Александра Осиповна слушала, мягко и снисходительно улыбаясь въ отвѣтъ на ея чистосердечныя недоумѣнія.

— Вотъ видите, моя дѣвочка, — совсѣмъ ужъ по родственному заговорила она, когда Наташа кончила:— хорошимъ врачемъ тогда только можно стать, когда любишь свое дѣло. А это только тогда возможно, когда искренно любишь тѣхъ, кому помогать приходится, то есть, по просту говоря, чувствуешь живое, дѣятельное состраданіе къ людямъ.

— Мнѣ кажется, — задумчиво отвѣтила дѣвушка,— эта любовь во мнѣ будетъ...

Александра Осиповна наклонилась къ ней, бережно поправляя на ея лбу нависшую прядь волосъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что надо знать, какова на самомъ дѣлѣ эта любовь. Любятъ иногда людей вообще, то есть отвлеченныхъ людей. А когда видишь передъ собой настоящее страданіе, да еще въ самой неказистой, часто грязной, обстановкѣ и приходится, напримѣръ, гнойную язву перевязывать — отвращеніе одно чувствуешь. Такъ вотъ подумайте хорошенько, моя милая, какого сорта ваше милосердіе и ваше желаніе помочь ближнему. И тогда рѣшите сами... Врачъ по неволѣ, помните это, никуда не годится.

Дѣвушка сперва поникла головой, но тотчасъ затѣмъ смѣло подняла глаза, устремивъ ихъ на собесѣдницу.

— Откровенно признаюсь,—сказала она:—при одной

мысли объ анатомическомъ кабинетѣ меня дрожь пробираетъ. Только не бойтесь, я превозмогу себя.

— Вы храбрая, я вижу, это хорошо. Только выдержите ли? Впрочемъ, что-жъ, попробовать не мѣшаетъ. А тамъ успѣете еще свернуть на другую дорогу. Вамъ еще восемнадцати вѣдь нѣтъ. Ну, а насчетъ другой стороны вопроса, у васъ не одно желаніе ближнимъ послужить, есть и намѣреніе быть какъ можно практичнѣе, въ уровень вѣка. Тутъ, конечно, медицинская профессія ведетъ къ цѣли. Только вотъ что̀ я вамъ скажу: между двумя этими стремленіями на самомъ дѣлѣ противорѣчія нѣтъ. Тотъ врачъ, повѣрьте мнѣ, оказывается лучшимъ, а стало быть и больше зарабатываетъ, кто любитъ своихъ больныхъ. Таланта безъ сердца не бываетъ—я въ этомъ твердо убѣждена.

— И я убѣждена въ этомъ,—робко, вполголоса проговорила дѣвушка, и потомъ, слегка вздохнувъ, добавила:—А вѣдь трудно выбирать для жизни дорогу, когда не знаешь, что впереди ждетъ.

Она встала, сказавъ это.

— Ну, милая моя, — вставая тоже и цѣлуя опять дѣвушку, отвѣтила Александра Осиповна:—тутъ вамъ ужъ никто помочь не можетъ. На жизнь маршрута нѣтъ. Однимъ надо запастись—рѣшимостью не оглядываться назадъ, да терпѣніемъ еще и вѣрою въ себя. Авось съ такимъ багажемъ не свихнешься съ пути.

Наташа поблагодарила ее, собираясь уйти.

— Наталья Владиміровна! — вскакивая съ мѣста, остановилъ ее Алеша.—Позвольте, я васъ провожу. Мнѣ самому, кстати, до обѣда захотѣлось прогуляться.

Наташа думала отказаться.

— Дойду одна, привыкла,—сказала она, чуть слышно засмѣявшись.—Да вы, кстати, не знаете, гдѣ я живу. Или, можетъ быть, готовы меня проводить на край свѣта?.. Впрочемъ, наша квартира очень недалеко отсюда,—на Кабинетской. И подумавъ немного, она добавила:—Пожалуй, пойдемте.

Алеша помогъ ей надѣть мѣховую кофточку и самъ накинулъ на плечи шинель.

Они вдвоемъ спустились на улицу, наполненную мутной, сѣрой мглой, предвѣстницей оттепели.

Александра Осиповна долго и задумчиво смотрѣла имъ вслѣдъ, точно они все еще стояли передъ нею. Какое-то недоброе воспоминаніе словно ее угнетало „Кабы они знали оба...“—проносилось у нея въ головѣ,— „кабы они могли подозрѣвать... И лучше было бы, пожалуй, для обоихъ, если бы не довелось встрѣтиться“.

III.

— Какая добрая ваша тетя!—сказала Наташа, когда они вышли на лѣстницу.—Вы къ ней очень привязаны?

— Очень... Она была мнѣ второй матерью.

И онъ разсказалъ дѣвушкѣ, идя съ ней рядомъ по тротуару, какъ протекла его ранняя молодость и чѣмъ была для него тетка.

Наташа слушала молча, и слова молодого человѣка точно подернутыя тихою, доброю грустью, какъ-то незамѣтно прокрадывались къ ней въ душу. Она сразу поняла изъ разсказа Алеши, какимъ одинокимъ онъ былъ въ тѣ самые годы, когда такъ нужно теплое семейное гнѣздо. И ей показалось, что въ скромной обстановкѣ небогатаго родительскаго дома эти годы протекли для нея неизмѣримо радостнѣе, чѣмъ для молодого человѣка.

— А какъ вы познакомились съ тетей? — спросилъ Алеша, какъ бы отряхивая съ себя невеселыя воспоминанія дѣтства.

— Александра Осиповна очень дружна съ начальницей нашей гимназіи, и съ тѣхъ поръ, какъ я въ старшемъ педагогическомъ классѣ,—не пугайтесь, пожайлуста, этого страшнаго слова!—добавила она, смѣясь:—насъ собираютъ иногда по вечерамъ послушать

умныхъ рѣчей. Учителя тутъ бываютъ и нѣкоторые изъ друзей нашей директриссы, въ томъ числѣ ваша тетя. Приготовляютъ насъ, какъ видите, къ интеллигентной жизни.

Она проговорила это чуть чуть насмѣшливо, точно заранѣе ожидая, что Алеша улыбнется при ея послѣднихъ словахъ. Но молодой человѣкъ, слушая ее, и не думалъ улыбаться. Только глаза его тихо и радостно свѣтились. А на самомъ дѣлѣ онъ внималъ не тому, что говорила Наташа, а самому звуку ея грудного голоса, немного низкаго и въ то же время звонкаго порой,—точно серебряные колокольчики иногда въ немъ звучали.

— Вы удивительно, кажется, серьезная дѣвочка, Наталья Владиміровна? И какъ вы трезво смотрите на жизнь!

— Что дѣлать? Надо пріучиться отъ нея ждать уроковъ, а не лакомства, чтобы потомъ эти уроки не показались черезчуръ суровыми...

Но проговорила она это совсѣмъ не суровымъ тономъ, и въ большихъ ея глазахъ, при слабомъ мерцаніи фонарей, заблестѣли шаловливыя искорки.

— Только видите,—добавила она,—это не мѣшаетъ подчасъ и смѣяться. И я совсѣмъ не чувствую себя подъ гнетомъ... Ну, а вы?—оборвала она вдругъ.

— Я... Вамъ тетушка на мой счетъ, кажется, много лишняго наговорила. Я совсѣмъ не такой аскетъ, какъ увѣряетъ она.

— Не аскетъ, можетъ быть, а все таки затворникъ. Музыка—вѣдь это какъ разъ забава очень одинокихъ людей... Впрочемъ, извините,—поспѣшила она добавить, замѣтивъ на его лицѣ сосредоточенное, почти грустное выраженіе:—Я говорю наобумъ. Можетъ быть, все это не такъ?..

Грустное выраженіе смягчилось, и улыбка, чуть замѣтная, правда, поразительно добрая улыбка показалась на его губахъ. Блѣдное лицо Алеши стало оттого почти красивымъ.

— Напротивъ,—сказалъ онъ,—вы совершенно правы, я очень мало толкусь среди людей. Это можетъ быть, нехорошо. Да, навѣрное, даже нехорошо. Я къ каѳедрѣ готовлюсь. А хорошимъ профессоромъ можно быть тогда только...

— А какую вы себѣ выбрали спеціальность?—перебила она.

— Химію.

— Ну, химію, пожалуй, можно изучить и не зная людей. Природа такъ широка, такъ безконечна, что съ ней наединѣ можно, пожалуй, обходиться безъ общества. А все таки, какъ будто...

Она не договорила. Но по ея глазамъ было видно, что на нее одной природы не хватило бы, несмотря на всѣ великія ея тайны.

Наташа вся была молодая, горячая, ненасытная жизнь. И одна жизнь могла дать ей то, къ чему безсознательно стремилось ея свѣтлое существо, не знавшее сомнѣній.

— Вы находите, этого мало,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Или, точнѣе,—что наука, одна только наука— очень сухая, даже бѣдная канва для жизни, въ мои годы... И вы правы, конечно. Только бѣда въ томъ, что нѣтъ у меня и не было съ дѣтства, какъ бы это выразить?.. Ну, пожалуй, нѣтъ почвы, къ которой я приросъ бы... Слишкомъ рано я былъ оторванъ отъ семьи и отпущенъ на всѣ четыре стороны. Вотъ почему я и пристрастился, должно быть, къ мертвой природѣ... Она, по крайней мѣрѣ, ничьихъ ожиданій не обманывала. И неправда, что она мертва. Какъ разъ для насъ, естественниковъ, которые ближе и трезвѣе на нее смотрятъ, она—цѣльный, живой организмъ. Вѣдь мы,—добавилъ онъ не совсѣмъ рѣшительно, — въ качествѣ матеріалистовъ, и не признаемъ въ ней ничего высшаго, таинственнаго.

— Какой вы матеріалистъ, полноте! — разсмѣялась Наташа.—Вы на себя клевещете.

— Въ моихъ глазахъ это не можетъ быть клевета, Наталья Владиміровна,—замѣтилъ онъ шутливо.

— Вы матеріалистъ? Вы? Да стоитъ послушать, какъ вы на віолончели играете, какіе выходятъ у васъ задумчивые, сердечные звуки... Такъ и чувствуешь, что васъ неудержимо тянетъ куда-то, въ безконечную, таинственную даль... Ну, а вотъ мы и дошли,—совершенно инымъ голосомъ продолжала она, останавливаясь.— Спасибо вамъ, Алексѣй Өедоровичъ. Мы живемъ въ этомъ домѣ. До свиданья... Можетъ быть, увидимся какъ-нибудь,—она протянула ему руку.

— Наташа!—обозвалъ ее въ этотъ самый мигъ чей-то необыкновенно мягкій, симпатичный голосъ.

Дѣвушка обернулась.

Къ ней подходилъ крупными шагами замѣчательно красивый, рослый молодой человѣкъ, въ путейской формѣ, съ необыкновенно правильными, будто южными чертами лица. Волосы у него были черные, слегка завившіеся. Надъ верхней губой темнѣли едва замѣтные усики. Общей гармоніи почти классическаго лица мѣшали только пряткіе, слегка прищуренные, не особенно добрые глаза и, пожалуй, еще насмѣшливое выраженіе, никогда почти не покидавшее губъ.

— Лева, ты меня испугалъ,—весело отвѣтила Наташа.

Это былъ ея братъ, четырьмя годами старше ея. Онъ вопросительно, съ какой-то двусмысленной улыбкой въ глазахъ, посмотрѣлъ на Алешу.

— Позвольте васъ познакомить съ моимъ братомъ,— обратилась къ нему Наташа. — Алексѣй Өедоровичъ Макшеевъ,—добавила она, взглянувъ на Леву.

Что-то на мигъ блеснуло въ зрачкахъ молодого путейца. Совсѣмъ по-дружески, даже съ чуть чуть преувеличенной любезностью, онъ протянулъ руку новому знакомому.

— Макшеевъ!.. А!..—вырвалось у него только, словно эта фамилія звучала для него чѣмъ-то знакомымъ. — Очень радъ, очень радъ.

Онъ крѣпко пожалъ руку Алешѣ своей маленькой рукой, обладавшей, тѣмъ не менѣе, замѣчательной силой. Вся его фигура, впрочемъ, худощавая и нервная, обнаруживала какую-то особую, энергическую упругость. Несмотря, однако, на свою несомнѣнную красоту, Лева Богушевскій почему-то не произвелъ на Алешу особенно пріятнаго впечатлѣнія.

— Вы на какомъ факультетѣ?—спрашивалъ онъ:—на естественномъ? Значитъ, мы почти товарищи. Только вы себѣ отвлеченную сторону взяли, а я прикладную. И на мой взглядъ, это благая часть... Нашъ вѣкъ — прикладной вѣдь...

Алеша не отвѣтилъ.

— Очень радъ,—повторилъ еще разъ Богушевскій.— Надѣюсь, вы станете у насъ бывать, и мы познакомимся поближе?

Алеша раскланялся. И едва онъ отвернулся, все лицо молодого путейца приняло насмѣшливое, почти злобное выраженіе.

— Скажи, пожалуйста,—спросилъ онъ у сестры:— откуда ты этого молодца подцѣпила?

Наташа холодно отвѣтила, что познакомилась съ нимъ на дняхъ, и разсказала затѣмъ въ короткихъ словахъ, какъ встрѣтились они у Александры Осиповны.

— И сразу,—добавилъ все тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ Лева, поднимаясь съ сестрой на лѣстницу,— такими близкими друзьями стали, что по улицѣ съ съ нимъ разгуливать изволишь. Больно ужъ по современному что-то. И хочешь, я тебѣ скажу, кто сей юнецъ? Вѣдь онъ намъ не совсѣмъ чужимъ приходится!

Весь тонъ брата, съ тѣхъ поръ какъ они встрѣтились, непріятно дѣйствовалъ на дѣвушку. И лицо ея становилось все холоднѣе, все замкнутѣе.

Послѣднія слова Левы пробудили, однако, ея любопытство.

— Ахъ, да, я замѣтила, что ты удивился будто, услыхавъ его фамилію.

— Еще бы не удивиться? Онъ вѣдь попросту... А впрочемъ, нѣтъ... На что тебѣ про это знать? Лучше буду наслаждаться зрѣлищемъ вашей растущей близости. Это будетъ забавно. А узнаешь, кто онъ такой — пожалуй, будешь держать себя неестественно. Только, въ самомъ дѣлѣ, я очень радъ познакомиться съ этимъ Макшеевымъ. И будь съ нимъ какъ можно любезнѣе, пожалуйста. Пусть онъ клюетъ, какъ рыба, и попадается на удочку.

И молодой человѣкъ потиралъ себѣ руки отъ удовольствія.

IV.

Богушевскіе знавали нѣкогда лучшіе дни. Въ Курской губерніи, въ ихъ деревенскомъ домѣ нерѣдко дымъ стоялъ коромысломъ, когда, бывало, съѣзжались къ нимъ сосѣди. Правда, это барское величіе миновало давно, но и до сихъ поръ въ цѣломъ околоткѣ не совсѣмъ исчезла память о хлѣбосольствѣ Семена Николаевича Богушевскаго, родного дѣда Наташи и Левы, человѣка властнаго и чиновника, широкаго и размашистаго во всемъ, и въ щедрости, и въ гнѣвѣ.

Дослужившись до генералъ-лейтенанта, Семенъ Николаевичъ вышелъ въ отставку оттого, что ему не дали въ пору какую-то ленту.

Въ Петербургѣ онъ чувствовалъ себя обойденнымъ, а въ деревнѣ, въ своихъ Красныхъ Холмахъ, могъ еще разыграть первую роль.

Въ этой роли провинціальнаго туза онъ и прожилъ остальныя восемь лѣтъ своей жизни, ссорясь съ губернаторомъ и, въ пику предводителю, угощая на славу весь уѣздъ. Дѣлами онъ при этомъ, конечно, не занимался, вполнѣ довѣряясь приказчику, человѣку еще молодому, но прыткому не по лѣтамъ и, главное, преданному всей душой „его превосходительству“.

Да и какъ было не разсчитывать на эту преданность послѣ того, что родного отца этого приказчика Семенъ Николаевичъ отпустилъ на волю за долголѣтнюю службу, а сынка отдалъ въ ученье, потомъ приблизилъ къ себѣ и выказывалъ ему полную милость и довѣріе.

Когда „его превосходительству" нужны были деньги— ему стоило сказать объ этомъ приказчику, и деньги находились. Какими средствами они доставались, Семенъ Николаевичъ не спрашивалъ.

И умеръ онъ, окруженный почетомъ, ни на минуту не покинувъ величавой, недосягаемой высоты, на которой удерживало его раболѣпство окружающихъ и невѣдѣніе о состояніи своихъ дѣлъ.

А дѣла эти были уже въ полномъ разстройствѣ, когда единственному сыну, Владиміру Семеновичу, воспитанному въ лицеѣ, а затѣмъ поступившему въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, довелось пріѣхать въ Красные Холмы, чтобы похоронить отца и принять его наслѣдство.

Владиміръ очень походилъ на батюшку и по наружности, и по душевнымъ свойствамъ. Оба они были красавцами на видъ—рослые, здоровые, стройные; оба они отличались самонадѣянностью, и привыкли не бояться ни людей, ни обстоятельствъ.

Владиміръ Семеновичъ былъ только мягче и къ самовольной расправѣ прибѣгать не любилъ. Да и времена были уже иныя. Помѣщичью Россію успѣло преобразовать 19-ое февраля.

Владиміръ Семеновичъ пробылъ въ имѣньѣ мѣсяца два, не слишкомъ внимательно просмотрѣлъ конторскія книги, и хоть убѣдился, что Красные Холмы не золотое дно, но, по примѣру батюшки, сохранилъ полное довѣріе къ молодому, юркому приказчику, такому почтительному съ бариномъ и такъ хорошо, такъ неумолимо, казалось, защищавшему всюду господскіе интересы.

Доходили, правда, до Владиміра Семеновича слухи,

что приказчикъ сколотилъ себѣ изрядную деньгу, и что вѣковая дубовая роща сведена довольно загадочнымъ образомъ.

Но молодой баринъ этому не повѣрилъ и уѣхалъ въ полкъ, лишь кое-что измѣнивъ въ отцовскомъ хозяйствѣ.

Это было по части ученыхъ нововведеній, тогда уже носившихся въ мысляхъ у просвѣщенныхъ помѣщиковъ.

А когда, лѣтъ пять спустя, Красные Холмы совсѣмъ перестали приносить доходъ, Владиміръ Семеновичъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе своего повѣреннаго, взять имѣнье въ аренду.

Это было началомъ конца. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ нельзя было сомнѣваться въ грабительствѣ приказчика, ставшаго арендаторомъ. Но пособить дѣлу было поздно. Владиміръ Семеновичъ пришелъ въ гнѣвъ неописанный. Его довѣрчивая, широкая душа тѣмъ болѣе вознегодовала, что такъ безгранично и слѣпо закрывалась прежде отъ подозрѣній... Онъ осыпалъ бранью невѣрнаго слугу и позволилъ себѣ даже, несмотря на судебные уставы, собственноручное назиданіе.

Приказчикъ побѣлѣлъ отъ злости, но смолчалъ.

Когда, однако, Владиміръ Семеновичъ захотѣлъ уничтожить контрактъ и взыскать расхищенное—оказалось, къ его изумленію, что самому пришлось заплатить неустойку.

Такъ ужъ былъ мудро составленъ арендный договоръ.

Владиміръ Семеновичъ, впрочемъ, не пожалѣлъ денегъ, лишь бы этою цѣною раздѣлаться съ ненавистнымъ обманщикомъ и удалить его изъ Красныхъ Холмовъ.

Но, увы! дни его власти были сочтены. Поправить дѣла онъ уже не могъ. Съ помощью долговъ, онъ промаялся еще нѣсколько лѣтъ, а потомъ долженъ былъ продать отцовское имѣніе купцу Расторгуеву.

Да и ненавистными ему стали Красные Холмы, съ тѣхъ поръ какъ онъ долженъ былъ спокойно смотрѣть,

что ближайшимъ его сосѣдомъ сталъ его бывшій приказчикъ, за безцѣнокъ купившій у другого разореннаго помѣщика небольшое, но хорошее имѣньице, сельцо Сытино.

Отъ крупнаго нѣкогда состоянія осталось какихъ-нибудь тридцать-сорокъ тысячъ. На это жить было нельзя.

Скрѣпя сердце, Владиміръ Семеновичъ скинулъ военную форму и сталъ обивать пороги всѣхъ столичныхъ вѣдомствъ, въ надеждѣ на казенное жалованье.

Ему пришлось долго стучаться въ заколдованныя двери чиновнаго святилища и удовольствоваться, въ концѣ концовъ, скромнымъ мѣстечкомъ въ провинціи.

Казенный рогъ изобилія, извѣстное дѣло, раскрывается тѣмъ болѣе скудно, чѣмъ сильнѣе нужна его помощь.

А капиталъ, между тѣмъ, все таялъ да таялъ. Часть его была помѣщена въ крупное предпріятіе, сулившее горы золота, а пока не приносившее никакого дохода.

Остальное было припасено на черный день, и Владиміру Семеновичу не разъ уже приходилось черпать изъ этого оскудѣвшаго источника.

Онъ перебрался съ семьей въ отдаленный губернскій городъ, съ виду покорный своей долѣ, но сохранивъ въ душѣ остатокъ былой гвардейской прыти, то и дѣло дававшей себя чувствовать. И, должно быть, эта старая закваска сидѣвшаго въ немъ избалованнаго барича мѣшала ему подняться по служебной лѣстницѣ.

Онъ тянулъ лямку, какъ самый простой изъ смертныхъ, съ трудомъ перебиваясь и негодуя внутренно на тѣсную мѣщанскую обстанову, въ которую замкнулась его когда-то широкая жизнь.

Молодая жена, хоть и была не лучше его подготовлена къ перемѣнамъ, примирилась съ ней гораздо легче.

Она только заплеснѣла понемногу, свернулась подъ давленіемъ нужды и превратилась изъ хорошенькой,

свѣтской дѣвушки въ заурядную, суетливую хозяйку, для которой главная забота—цѣна провизіи, а главное развлеченіе—городскія сплетни.

Тѣмъ временемъ подростали дѣти.

Левѣ было три года, когда надъ его родителями стряслась бѣда. Наташа родилась уже въ провинціальномъ захолустьѣ.

Приходила пора серьезно заняться ихъ воспитаніемъ, и Владиміръ Семеновичъ сталъ проситься въ Петербургъ. Ждать ему пришлось не долго: на его счастіе, тамъ какъ разъ открылась вакансія. Было ли это, впрочемъ, на счастіе—рѣшить трудно. Въ столицѣ тоскливая необходимость считать каждый грошъ чувствовалась еще сильнѣе. Владиміръ Семеновичъ крѣпился, обрѣзывалъ себя до нельзя, но порою старая закваска давала себя знать, и разсчетливый отецъ семейства вдругъ превращался въ удалого повѣсу, жаждавшаго лишній разъ хлебнуть отъ запретнаго кубка.

Ольга Андреевна—такъ звали его жену—догадывалась про шалости мужа, но сносила ихъ терпѣливо. Она хорошо знала, что не удержать ей своего Володю.

Заботы, кропотливыя и мелкія, рано превратили ее въ преждевременную старуху, ворчливую, даже скаредную.

Горько ей было особенно то, что дѣти все замѣтнѣе ускользали изъ подъ ея материнской власти. Совсѣмъ новымъ ей невѣдомымъ духомъ какъ будто вѣяло отъ Левы и Наташи. Тѣсная обстановка семейной жизни рано пріучила ихъ къ самостоятельности. И Ольга Андреевна не могла не замѣтить, что и думаютъ, и чувствуютъ они совсѣмъ по-своему, будто съ дѣтства они дышали инымъ воздухомъ, чѣмъ родители. Съ матерью они обращались почтительно, но любовь довѣрчивая, дѣтская любовь, ищущая себѣ защиты въ родномъ гнѣздышкѣ, все слабѣе чувствовалась изъ за этой почтительности.

Ольга Андреевна пробовала заговорить про это съ

мужемъ, но Владиміру Семеновичу было не до такихъ пустяковъ. Онъ и не примѣчалъ, какъ чужими становились ему дѣти.

Да и вскорѣ ему пришлось оставить Петербургъ. Ему предложили мѣсто въ провинціи, съ повышеніемъ жалованья, и онъ согласился почти съ радостью.

Слишкомъ тяжело было видѣть, какъ бывшіе товарищи идутъ въ гору, а самому ощущать на себѣ давящіе тиски мѣщанской обстановки.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и вотъ, наконецъ, хмурая жизнь Ольги Андреевны какъ будто прояснилась. Разомъ пришли отъ мужа—это было передъ самыми праздниками—два счастливыхъ извѣстія: онъ только что получилъ мѣсто управляющаго отдѣленіемъ дворянскаго банка въ одной изъ черноземныхъ губерній; а акціи того предпріятія, въ которое помѣстилъ онъ нѣкогда свой небольшой капиталъ, пріобрѣли вдругъ неожиданную цѣнность.

Дѣло, остававшееся такъ долго бездоходнымъ, попало, наконецъ, въ умѣлыя руки. Съежившееся, было, сердце Ольги Андреевны, встрепенулось и открылось наивной радости. Она не скрывала этого, въ сотый разъ повторяя домашнимъ и знакомымъ, какое ее постигло счастіе.

И страннымъ ей казалось, что дѣти такъ равнодушно отзываются на это счастіе. Наташа, всегда веселая, терпѣливо выносившая однообразіе ихъ жизни, и тутъ, правда, не измѣнила своему доброму нраву. Но радовалась она только за мать. А Лева и не давалъ себѣ труда подавить на своемъ лицѣ недобрую улыбку.

Молодой человѣкъ съ дѣтства слышалъ про широкое житье дѣда въ Красныхъ Холмахъ, и жалкимъ ему казалось теперь то, отъ чего чуть чуть лишь раздвинутся для нихъ тѣсныя мѣщанскія рамки.

Разсказы о богатствѣ предковъ разжигали его воображеніе, и съ раннихъ лѣтъ онъ далъ себѣ клятву завоевать назадъ потерянное.

Родителей онъ не уважалъ. Отецъ въ его глазахъ былъ распущеннымъ баричемъ, неспособнымъ ни на какое дѣло. А Ольга Андреевна вся ушла въ крошечные разсчеты; точно давившая ее костлявая рука нужды разучила ее даже понимать, что есть иная, настоящая жизнь, иныя, не копѣечныя заботы.

Путейцемъ Лева сталъ по собственному выбору. Онъ рано понялъ, какая дорога приведетъ его всего прямѣе къ цѣли.

Учился онъ хорошо, хоть и не было въ немъ отъ природы никакого влеченія къ наукѣ. Онъ даже презиралъ ее, то есть, презиралъ тѣхъ, кто отдается ей безкорыстно, ради нея самой. Знаніе было для него не цѣлью, а средствомъ.

Съ сестрой у него на этотъ счетъ бывали частые споры. Она, также какъ и онъ, смотрѣла на будущее трезво, съ бодрой вѣрой въ себя и въ жизнь. И все таки она глядѣла безпечнымъ, даже избалованнымъ ребенкомъ, котораго будущее не пугало оттого, должно быть, что Наташа отъ него требовала немногаго.

— Удивляюсь, право, чему такъ радуется мать?— говорилъ ей Лева въ тотъ самый день, когда пришло извѣстіе о назначеніи Владиміра Семеновича.—Въ пятьдесятъ четыре года дослужиться, наконецъ, до мѣста, на которомъ съ голоду не умрешь—экая важность! До чего, однако, съуживается кругозоръ, когда привыкаешь къ этой проклятой нищетѣ!

— Какой ты черствый, Лева!—съ тихимъ укоромъ въ голосѣ отвѣтила дѣвушка.—Неужели тебя не радуетъ, что мамѣ будетъ легче? Развѣ тебѣ ея не жаль? Посмотри, какъ она постарѣла. Какъ она мучилась за это время! И какая она добрая...

— Ну, да, конечно, знаю,—нетерпѣливо возразилъ молодой человѣкъ, принимаясь ходить по комнатѣ: — она добрая, по своему, разумѣется, и я ее люблю тоже...

— Нѣтъ, не любишь, — все тѣмъ же тихимъ голо-

сомъ сказала Наташа.—Ты никого не любишь—въ томъ-то и бѣда.

— Не люблю, конечно, по твоему,—и что-то похожее на вызовъ блеснуло въ глазахъ Левы:—не могу нѣжничать, какъ дѣвчонка. Слишкомъ уже круто обошлась съ нами судьба, чтобы оставалась у меня охота сантиментальничать. Ты, вотъ, хоть и на курсы собираешься и воображаешь себя нивѣсть какой серьезной, все таки отъ жизни однѣхъ конфетокъ просишь. А нашего брата этимъ не удовлетворишь.

И онъ разсмѣялся своимъ короткимъ, недобрымъ смѣхомъ.

А Наташа въ отвѣтъ только улыбнулась.

— Знаю, что ты мнѣ отвѣтишь,—продолжалъ молодой человѣкъ, раздражаясь все болѣе.—Ты намѣрена трудиться и сама зарабатывать себѣ хлѣбъ, и при этомъ страждущему человѣчеству помогать... Старая это пѣсня.

Какая-то искренняя, преувеличенная иронія звучала въ его словахъ.

— Не человѣчеству, а только ближнимъ,—спокойно возразила Наташа,—и даже, вѣроятно, очень немногимъ.

— Да, иллюзій ты себѣ не дѣлаешь, сестрица. Это хорошо. Только злитъ меня какъ разъ эта нелѣпая скромность желаній—это будущее въ нѣсколько вершковъ, которое ты себѣ рисуешь. Ты на этотъ счетъ совсѣмъ въ мать. Впрочемъ, вамъ, женщинамъ, иного и не надо.

— Зачѣмъ ты злишься, Лева? И на кого? Неужто ты воображаешь, что въ такой злости есть превосходство,—есть сила?

Леву взорвалъ этотъ спокойный отвѣтъ.

— Злюсь я потому, что во мнѣ не рыбья кровь. И не могу я простить папашѣ и дѣдушкѣ, что изволили они всю жизнь благодушествовать и просолили свое достояніе. Какъ вспомню я чѣмъ были наши предки, и чѣмъ стали мы...

Онъ топнулъ ногой, остановившись передъ Наташей.

— Жить въ этихъ конурахъ, въ четвертомъ этажѣ, когда прадѣдъ нашъ при Екатеринѣ вельможей былъ, а дѣдъ на отвалъ кормилъ чуть не всю губернію.

— По моему,—возразила Наташа,—ни передъ нуждой опускать головы не слѣдуетъ, ни гоняться за богатствомъ. Надо быть выше этого. Главное—оставаться самимъ собой.

— Выше!—легко сказать!—онъ повелъ презрительно плечами.

— То, чего мнѣ отъ жизни надо,—продолжала Наташа,—я могу достать сама. А ты...

— Ну, обо мнѣ не безпокойся! Кто твердо рѣшился цѣли добиться и случая изъ рукъ не выпускать...

— Какой цѣли?—широко раскрывъ глаза, спросила дѣвушка.

— Да ужъ, конечно, не мелкой. Стать тѣмъ же опять, чѣмъ были предки, и достигнуть этого тѣмъ самымъ оружіемъ, какимъ это у насъ было отнято.

— Другими словами,—презрительно вымолвила Наташа:—пуститься на обманъ въ отместку за то, что насъ когда-то обманывали?

— Обманъ! Напрасно ты не сказала ужъ прямо: „мошенничество“. Я съ уголовнымъ закономъ хочу оставаться въ ладу и на скамью подсудимыхъ не собираюсь. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, слава Богу, можно разбогатѣть, никого не обирая. То, что прежде давалъ кулакъ,—даютъ теперь мозги. Средства, какъ видишь, самыя цивилизованныя. Отцы наши потому только и прозѣвали свое добро, что мозговъ не хватало, и больно ужъ привыкли они хлопать ушами. Это все проклятое крѣпостное право! Проклятое не потому, что оно было несправедливо, а по своей безпардонной глупости. И прекрасное дѣло, что насъ проучили. Надо только, чтобы урокъ даромъ не пропалъ. И для меня онъ не пропадетъ—за это могу поручиться. Твердо зарубилъ я себѣ на носу, что пробьетъ себѣ дорогу тотъ только, кто себя не жалѣетъ... Ну, разумѣется, и другихъ тоже.

Къ чорту лѣнь и брезгливость, и нервы, въ особенности нервы...

— Странное дѣло, Лева,—пытливо вглядываясь въ брата, промолвила дѣвушка.—Ты какъ будто правъ, и все таки я съ тобой согласиться не могу. Конечно, въ наше время только знаніемъ и трудомъ и можно чего-нибудь достигнуть.

Лева опять разсмѣялся.

— Ты бы лучше сказала: сметкой и трудомъ!—а то знаніе само по себѣ, безкорыстное, научное знаніе!.. От-того-то я и пошелъ въ инженеры, что мнѣ одного зна-нія мало. Ну, а теперь, Наташа, полно болтать. Мнѣ за дѣло приняться надо. Толкую съ тобой, что времени терять не слѣдуетъ, а время, глядь, и проходитъ безъ пользы. Сегодня еще полсотни страницъ одолѣть надо.

Разговоръ этотъ происходилъ въ комнатѣ Левы, очень небольшой, но отдѣланной лучше всѣхъ осталь-ныхъ въ квартирѣ.

Молодой человѣкъ каждую свободную копѣйку тра-тилъ на украшеніе „своей конуры“, какъ онъ любилъ выражаться. И несмотря на практическіе инстинкты Левы, онъ обнаруживалъ при этомъ настоящій вкусъ.

Главнымъ ея украшеніемъ былъ книжный шкафъ изъ стараго рѣзного дуба, высмотрѣнный у одного изъ старьевщиковъ толкучки и добытый цѣною долгихъ спартанскихъ лишеній.

На стѣнахъ висѣли три старинныхъ гравюры, изъ за которыхъ онъ торговался, какъ жидъ, упрямо и тер-пѣливо. Письменный столъ и остальная мебель—все было у него хорошее, прочное. Гроши, заработанные уроками, онъ тратилъ исключительно на это, не пере-ставая мечтать о томъ времени, когда можно ему бу-детъ сложить съ себя постъ и во всю ширь побаловать свои, далеко не спартанскіе, инстинкты. Но до поры до времени надо было держать себя въ рукахъ. И Лева не давалъ себѣ воли, тѣшась пока своимъ любимымъ угол-комъ. И когда его голова утомлялась отъ упрямой ра-

боты, онъ отдыхалъ, любуясь каждой изъ пріобрѣтенныхъ имъ вещей, и хорошо помня, сколькихъ часовъ скучнаго труда каждая изъ нихъ ему стоила.

V.

Три дня спустя, наканунѣ праздниковъ, Владиміръ Семеновичъ пріѣхалъ, чтобы представиться начальству и посмотрѣть на родныхъ.

Высокій ростомъ и сложенный отмѣнно, онъ глядѣлъ молодымъ. Съ годами у него плечи только стали немного сутуловатыми—въ одномъ этомъ сказывалась тяжесть прожитыхъ лѣтъ и необходимость сгибать шею передъ сильными міра. Но красивая голова, съ едва пробивающейся сѣдиной, съ быстрымъ огонькомъ въ чуть чуть влажныхъ карихъ глазахъ, все еще сидѣла вольно, по-барски, съ какимъ-то вызовомъ глядя на окружающее. Можно было бы Владиміра Семеновича принять за человѣка крѣпкаго не только сложеніемъ, но и волей, еслибы эти самые глаза не помаргивали такъ часто, и такъ мягко не была очерчена линія нетвердо сложенныхъ, чувственныхъ губъ. И голосъ тоже, то рѣзкій, даже крикливый, то необыкновенно густой и слегка шепелявый, не говорилъ объ энергіи. Вглядѣвшись попристальнѣе въ лицо Богушевскаго, не трудно было догадаться, что суровая жизнь не разъ заставляла его подавить черезчуръ прыткій дворянскій нравъ, но сдѣлать изъ него спартанца не смогла.

Только что полученное назначеніе такъ же сильно подѣйствовало на него, какъ и на Ольгу Андреевну. Онъ пріосанился и смотрѣлъ щеголемъ въ своей новой съ иголочки парѣ, хоть и была она сшита провинціальнымъ портнымъ. И дорогой въ столицу онъ, должно быть, посибариствовалъ—это видно было по масляному блеску его глазъ.

Жена ему очень обрадовалась и пустилась въ без-

конечные разспросы. Хоть онъ и пересталъ ее баловать своею нѣжностью, Ольга Андреевна была къ нему привязана. И каждый пожалѣлъ бы ее искренно, увидавъ, съ какой преданной любовью устремляла она на мужа безпокойные поблекшіе глаза, пока онъ разсѣянно внималъ ея торопливой болтовнѣ. Одно только вызвало его изъ этой разсѣянности—извѣстіе, что Наташа собирается на медицинскіе курсы.

— Какъ на курсы!—вспылилъ онъ.—Это что еще за фантазія? Ни за что! И ты согласилась?

Ольга Андреевна, съ трепетомъ въ голосѣ, призналась, что ей пришлось уступить желанію дочери.

И тутъ же на нее посыпались грозные укоры за безхарактерность.

— Я съ ней переговорю. Сегодня же переговорю,—объявилъ онъ, вставая.—Жаль, что ея нѣтъ дома. Сладу нѣтъ теперь съ дѣтьми. Ну, да мы еще посмотримъ!

И крупною походкой человѣка, сознающаго за собой непреклонную твердость воли, Владиміръ Семеновичъ направился въ комнату сына.

— Однако, ты себѣ ни въ чемъ не отказываешь,—сказалъ онъ, озираясь.—У меня такого кабинета не имѣется.

Онъ не совсѣмъ былъ доволенъ Левой, встрѣтившимъ отца въ это утро лишь съ холодной почтительностью. Молодой человѣкъ думалъ про себя, что отецъ и этого не заслуживаетъ.

И теперь на замѣчаніе Владиміра Семеновича онъ отозвался не безъ ѣдкости:

— Это я все на трудовыя деньги купилъ. Мнѣ вѣдь расточительнымъ быть нельзя—расточать нечего.

Владиміръ Семеновичъ не отвѣтилъ, но ввернулъ таки, минуту спустя, что акціи пронинскаго завода, въ которыя онъ помѣстилъ свой капиталъ, сильно поднялись, и дивидентъ будетъ очень изрядный.

— Знаю,—усмѣхнулся Лева въ отвѣтъ:—я вѣдь за биржей слѣжу. Только могло вѣдь случиться, что предпріятіе и лопнуло бы...

— Что дѣлать!—развелъ руками Владиміръ Семеновичъ:—безъ риска ничего не получишь. Я довѣрился человѣку, который это дѣло ведетъ, и не ошибся, какъ видишь.

— Въ такомъ случаѣ жаль, — холодно возразилъ Лева,—что этихъ акцій у васъ такъ немного.

— Двадцать только, это правда.

Владиміръ Семеновичъ опустилъ глаза, понявъ намекъ сына.

„Вѣдь надо было какъ-нибудь прожить,—мысленно извинялся онъ передъ собой,—пока не дали штатнаго мѣста... Да и переѣздъ въ далекій губернскій городъ, и первое обзаведеніе тамъ — чего-нибудь да стоили". Почтенный отецъ семейства могъ бы добавить къ этимъ нѣмымъ признаніямъ, что онъ не переставалъ разрѣшать себѣ по временамъ маленькія отступленія отъ строгаго поста, наложеннаго на его вкусы жестокой судьбой. Правда, Владиміръ Семеновичъ отводилъ душу уже не совсѣмъ по-барски, и отъ первоклассныхъ ресторановъ опустился до увеселительныхъ мѣстъ средней руки,—но и эти буржуазныя удовольствія не мало унесли денегъ.

Лева зналъ это очень хорошо, но счелъ излишнимъ напоминать отцу о былыхъ грѣшкахъ.

Владиміръ Семеновичъ иногда раздумывалъ о будущемъ дѣтей, но устроилъ бы его совсѣмъ иначе, чѣмъ собирались это сдѣлать они. Онъ часто говаривалъ про это и прежде, а теперь, когда семья обезпечена и самъ онъ въ состояніи помочь имъ стать на ноги...

— Вы мнѣ посовѣтовали бы выбрать другую карьеру,—перебилъ его Лева, догадываясь, къ чему клонятся нерѣшительныя, почти робкія слова отца.

— Да, признаться, не мѣшало бы... Знаешь, совсѣмъ вѣдь это,—какъ бы сказать?—не по-дворянски.

— По-дворянски, батюшка, — отчеканилъ Лева,— только нищенствовать и тунеядствовать.

Владиміръ Семеновичъ вспылилъ.

— Тунеядствовать? Кто это говоритъ? Но есть разныя профессіи. Есть благородная работа.

— То-есть—снова перебилъ отца Лева:—такая работа, за которую ничего не платятъ. Или наоборотъ—битье баклушъ, за которое платятъ очень дорого, по протекціи. Можетъ быть, это совсѣмъ по-дворянски, но мнѣ не по вкусу... Такая карьера вѣдь тоже, что азартная игра: повезетъ — большой кушъ загребешь, и въ одинъ прекрасный день государственнымъ человѣкомъ проснешься... А не будетъ удачи—станешь вѣкъ лямку тянуть и смотрѣть, какъ тебя другіе обскакиваютъ.

— Ну, а въ твоемъ дѣлѣ не то же самое?—пріосанился Владиміръ Семеновичъ, заложивъ въ карманъ руки.

— Нѣтъ, не то же. Здѣсь все отъ меня зависитъ, отъ мозговъ моихъ и отъ старанія.

— Скажи лучше,—подступая къ сыну, закипятился Владиміръ Семеновичъ:—отъ твоего безстыдства; кому не извѣстно, какъ богатѣютъ господа инженеры?

Лева чуть чуть поблѣднѣлъ, но не смутился.

— Полноте, — засмѣялся онъ хрипло: — это бабьи сказки; а коли загребаемъ мы не одни гроши, такъ это потому, что мозги доходъ приносить стали въ наше время побольше глупаго сельскаго хозяйства и самой даже государственной службы. И знаете—почему такъ? Потому, что не себѣ только, но и другимъ они помогаютъ набивать карманъ. А разумѣется, кто поглупѣе, да не разучился зѣвать, тотъ на бобахъ остается вездѣ. Да и по дѣломъ.

Тутъ разговоръ ихъ былъ прерванъ неожиданнымъ появленіемъ новаго лица—Николая Смолина, одного изъ немногихъ обычныхъ посѣтителей Богушевскихъ. Съ Левой онъ случайно познакомился съ годъ назадъ. И врядъ ли это знакомство стало бы особенно короткимъ, еслибы Смолинъ не встрѣтилъ разъ у Левы его сестру. Съ нею у него очень скоро оказались многіе

общіе вкусы и прежде всего музыка, которую и онъ тоже страстно любилъ. И оттого, должно быть, Смолинъ не чувствовалъ, какъ мало онъ и Лева подходятъ другъ къ другу.

— Смолинъ, мой пріятель!—небрежно рекомендовалъ его Лева Владиміру Семеновичу.

Тотъ красивымъ движеніемъ протянулъ молодому человѣку свою выхоленную руку. Долгіе годы, проведенные въ захолустьѣ, не отучили Богушевскаго думать о красѣ ногтей. Онъ считалъ своею обязанностью къ друзьямъ сына, да и къ молодежи вообще, относиться съ изысканной любезностью, въ которой было что-то преувеличенно рыцарское и какъ будто нѣсколько комичное.

— Очень радъ, очень радъ,—повторялъ онъ.—Вы здѣшняго университета и какой, позвольте узнать, спеціальности?

— Я на юридическомъ факультетѣ, — отчетливо и быстро отвѣтилъ Смолинъ. И при этомъ глаза у него чуть чуть блеснули.

— И все таки товарищъ моему сыну? Хоть у васъ совсѣмъ, такъ сказать, различныя виды занятій?..

Въ присутствіи молодыхъ людей Владиміръ Семеновичъ выражался немного вычурно и, словно, конфузясь.

— Вы благую часть избрали, — продолжалъ онъ, усаживаясь и сопровождая эти слова однимъ изъ тѣхъ округленныхъ жестовъ, которые на сценѣ бываютъ у благородныхъ отцовъ. Ни одно, такъ сказать, воспитательное заведеніе не можетъ сравниться съ университетомъ. Вѣчно буду сожалѣть, что я самъ нѣкогда, будучи молодымъ... И за сына тоже сожалѣю и всегда твердилъ ему, но Лева выбралъ себѣ профессіональную карьеру.

Смолинъ возразилъ безъ малѣйшаго оттѣнка насмѣшливости:

— Ну-съ, на этотъ счетъ большого отличія, пожалуй, что не будетъ. Университетъ нашъ тоже профессіональ-

ная школа для тѣхъ, кто готовится со временемъ казенную корову подоить. Мы всѣ вѣдь будущіе люди „20-го числа".

— Ахъ, что вы говорите: служить государству или быть какимъ-нибудь тамъ инженеромъ или технологомъ! Развѣ...

— Ну вотъ, убѣди его, Смолинъ, — перебилъ отца Лева:—мнѣ онъ не вѣритъ, что это все едино; что какого-то безкорыстнаго служенія наукѣ давно въ поминѣ нѣтъ. А съ практической точки зрѣнія, пожалуй, дороги строить или завѣдывать фабрикой получше будетъ и поприбыльнѣе тоже, чѣмъ бумаги строчить въ канцеляріи.

Смолинъ взглянулъ на товарища быстрыми и свѣтлыми глазами и не проронилъ ни слова. Не упомяни Лева о прибыли, онъ, пожалуй, бы съ нимъ согласился. Но его собственная практичность была нѣсколько особаго рода: она за барышами не гонялась и ограничивалась тѣмъ, что и въ себѣ, и въ другихъ не терпѣла иллюзіи.

Владиміръ Семеновичъ, продолжая охорашиваться и ухаживать за молодымъ человѣкомъ, пустился объяснять, нѣсколько путаясь, что за высокое призваніе у новаго поколѣнія, и какой службы отъ него ждетъ родина! Онъ высказалъ на этотъ счетъ нѣсколько прописныхъ истинъ, слегка подернутыхъ либерализмомъ. Казаться либераломъ въ присутствіи молодежи Владиміръ Семеновичъ тоже считалъ своей обязанностью.

Смолину сдѣлалось скучно и онъ пересталъ слушать. Но Владиміръ Семеновичъ этого не замѣтилъ.

— А теперь, я думаю,—докончилъ онъ, вставая:— васъ надо оставить вдвоемъ. У васъ, конечно, есть о чемъ толковать. Лева,—обратился онъ къ сыну:—хочешь, въ шесть часовъ мы съ тобой гдѣ-нибудь отобѣдаемъ?

— Пожалуй,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, знавшій,

какъ расцвѣтаетъ все существо его папеньки отъ ресторанной атмосферы.

— А что?—спросилъ у Левы Смолинъ, когда Владиміръ Семеновичъ вышелъ:—твой отецъ когда-то былъ военнымъ? Да? Ну, конечно! Сейчасъ видно, покаявшійся кавалеристъ. А онъ мнѣ очень нравится, твой отецъ.

— И замѣтилъ ты,—возразилъ Лева:—какъ онъ въ твоемъ присутствіи либеральничать пустился? Воображаетъ, что такъ надо; что мы, учащаяся молодежь, непремѣнно должны быть передовыми. Онъ и не догадывается, какъ это старо!

— Добрый онъ человѣкъ, твой отецъ, вотъ что,—отвѣтилъ Смолинъ, растягиваясь на диванѣ и закуривая.—А что ни говори, въ добротѣ всегда есть что-то привлекательное.

— Да,—захихикалъ Лева:—зубастымъ его назвать нельзя, щучьей природы въ немъ нѣтъ, хоть привыкъ онъ разгуливать козыремъ, даромъ что изрядно потрепала его жизнь. Не успѣлъ научиться, что одно только и помогаетъ сухимъ выходить изъ воды — умѣнье видѣть передъ собой берегъ, къ которому надо пристать, и достаточная сила, чтобы до него доплыть.

Смолинъ усиленно тянулъ изъ своего мундштука, и на мигъ только быстрые его зрачки точно скользнули по товарищу.

— Было время,—продолжалъ Лева,—когда такъ называемые „передовые" хотѣли все человѣчество вкусными бубликами накормить, и всѣмъ медовыя рѣки въ кисельныхъ берегахъ сулили. Потомъ спохватились, что бубликовъ, пожалуй, и не хватитъ, и стали проповѣдывать, чтобы каждый въ сермягу облекся, ради пущаго равенства. Ну, а теперь поумнѣли, и всѣ по одиночкѣ благъ земныхъ для себя лично добиваются.

— Panem et circenses!—съ короткой усмѣшкой на губахъ проронилъ Смолинъ. — А это, — продолжалъ онъ,—пожалуй еще старѣе будетъ, чѣмъ иллюзіи твоего отца. При императорѣ Неронѣ еще такъ думали.

— А!..—встрепенулся онъ вдругъ, услыхавъ звонокъ изъ передней: это, должно быть, вернулась Наталья Владиміровна!

И въ самомъ дѣлѣ, минуту спустя, Наташа показалась въ дверяхъ, вся розовая, съ нерастаявшими алмазными снѣжинками на мѣховой кофточкѣ.

— Что за чудная погода!—сказала она, протягивая руку Смолину.—Снѣгъ идетъ весь такой мелкій, сухой, блестящій—и сквозь него солнце свѣтитъ. Прелесть! А папы нѣтъ дома?

Лева сказалъ ей, что Владиміръ Семеновичъ только что вышелъ.

— Какъ жаль! Я съ нимъ и не видалась совсѣмъ.

— Успѣешь. Заранѣе предупреждаю, что онъ примется тебя уговаривать на курсы не поступать.

— Ну, что-жъ, онъ это изъ любви ко мнѣ, а меня все таки не разубѣдить. Лева, вели сюда чаю подать, а я сейчасъ вернусь, только скину съ себя это.

Она убѣжала и вернулась уже черезъ нѣсколько минутъ. Горничная принесла чай, и Наташа взялась его разливать.

Между нею и Смолинымъ тотчасъ завязался споръ, одинъ изъ тѣхъ споровъ, какіе начались у нихъ съ первыхъ дней ихъ знакомства.

Чувствовалось тотчасъ, что имъ весело другъ другу возражать, и это несогласіе ихъ сближаетъ, и что, между тѣмъ, это не болѣе, какъ товарищеское сближеніе которому не перейти за черту совсѣмъ безмятежной, полушкольнической дружбы. Впрочемъ, Смолинъ, можетъ быть, и былъ не совсѣмъ равнодушенъ къ молодой дѣвушкѣ, но онъ берегъ это про себя, а непринужденность его въ обращеніи съ ней ничуть отъ этого не страдала.

— А вы такъ таки въ самомъ дѣлѣ,—спросилъ онъ вдругъ совсѣмъ особымъ, беззаботнымъ и участливымъ тономъ, обрывая неоконченный споръ, — обречете себя на служеніе Эскулапу? И невозмутимо станете мертвыя тѣла потрошить?

— И вы этому тоже не сочувствуете, какъ мои родители?—съ веселымъ задоромъ въ глазахъ спросила Наташа.

— Какъ-то я не могу себѣ представить васъ, именно васъ, медицинской дамой.

— Ко мнѣ это не идетъ? Да? Я на это слишкомъ, слишкомъ...

Безсознательное кокетство какъ бы сквозило въ ея словахъ, въ ея взглядѣ.

— Черезчуръ веселая, легкокрылая маленькая особа—докончилъ за нее Смолинъ.—Да и увѣренъ я, что и вамъ самимъ туда совсѣмъ не хочется. И вы только приневоливаете себя изъ какого-то принципа.

— Представьте, что вы правы. Въ самомъ дѣлѣ не хочется, — съ полною искренностью въ заблестѣвшихъ глазахъ отвѣтила дѣвушка.

— И все таки пойдете?

— Пойду. Куда-нибудь вѣдь надо.

— Что это—подвигъ?—морщась немного, спросилъ молодой человѣкъ.

— Полноте, — совершенно просто отвѣтила она: — развѣ я похожа на подвижницу? Я только знаю, что надо пробивать себѣ дорогу, что это невесело, но лучшая система, все таки—смотрѣть на дѣло какъ можно проще и бодрѣе... Да и вы, кажется, одного мнѣнія со мной на этотъ счетъ. Вы мнѣ не разъ это говорили.

— Да, я тоже изъ тѣхъ, кто на себя постъ добровольно накладывать не охотникъ; но зато съ постомъ мирятся, когда его накладываетъ сама жизнь.

— Какъ есть, совершенная пара,—разсмѣялся Лева.— И удивительно, право, веселая перспектива — вѣчныя будни и черный хлѣбъ. И вы совершенно этимъ, вдобавокъ, довольны?

— А по твоему, кислую мину надо дѣлать и злиться?—спросила дѣвушка.

— По моему,—воскликнулъ ея братъ, вскакивая съ мѣста и принимаясь ходить взадъ и впередъ, какъ это

онъ всегда дѣлалъ, когда его захватывало за живое:—надо отъ жизни многаго требовать, чтобы она хоть что-нибудь дала. Она скупа, какъ ростовщикъ, и уступаетъ тому, кто ея не боится. Это суевѣріе, можетъ быть, а я твердо убѣжденъ, что судьбу можно заставить себѣ служить... Только, конечно, не этой смиренной покорностью, которая за каждую копѣйку благодарить готова.

— Что дѣлать, Богушевскій!—на этотъ разъ совершенно серьезно, почти даже сурово возразилъ Смолинъ.—Мы люди маленькіе, въ гору намъ стремиться не зачѣмъ. Мой отецъ всего только и былъ, что посредникомъ, а потомъ мировымъ судьей... Ни до какихъ степеней извѣстныхъ не дослужился, хоть и могъ бы; а дѣдъ и того хуже: имѣлъ неосторожность попасть въ декабристы; о прадѣдѣ смутные ходятъ слухи. Онъ, кажется, былъ секундъ маіоромъ въ отставкѣ, или что-то въ этомъ родѣ. Три поколѣнія изъ деревни не выѣзжали, служили родинѣ, какъ могли, и пахали землю. Гдѣ тутъ въ люди выходить? Ну, и я про это не мечтаю. Должно быть, такая ужъ наклонность по наслѣдству досталась. Былъ бы кусокъ хлѣба, да чистая совѣсть...

Онъ замолчалъ и, минуту спустя, поднялся съ мѣста, чтобы проститься.

Возвращаясь пѣшкомъ къ себѣ, въ свою скромную квартиру на Васильевскомъ островѣ, Смолинъ думалъ невеселую думу. „Отчего это,—спрашивалъ онъ себя,—у милой этой дѣвушки совсѣмъ одни со мной наклонности и вкусы, а между тѣмъ“... Онъ говорилъ себѣ, невесело улыбаясь, что врядъ ли когда-нибудь сердце Наташи Богушевской забьется для него скорѣе.

VI.

Владиміръ Семеновичъ угостилъ сына на славу Тщетно Лева старался унять расходившагося папеньку когда тотъ заказывалъ дорогія кушанья и вина.

— Нѣтъ, ты ужъ дай мнѣ распорядиться по своему,— почти съ укоромъ проговорилъ Богушевскій.—Ты вѣдь ничего въ этомъ не понимаешь, не понимаешь, особенно, какое мнѣ удовольствіе доставляетъ тряхнуть стариной, да хорошенько...

Въ знакомой комнатѣ ресторана, гдѣ они обѣдали вдвоемъ, минувшія воспоминанія такъ и нахлынули на Владиміра Семеновича, и онъ принялся разсказывать Левѣ, съ какой-то усиленной торжественностью, про былые дни лихого разгула. Онъ вспомнилъ и про татарина слугу, нѣкогда такъ хорошо и быстро исполнявшаго всѣ затѣи удалой, подгулявшей компаніи, и про француза хозяина. Оказалось, что и татарина нѣтъ давно, и хозяинъ теперь новый. Владиміръ Семеновичъ какъ будто пріунылъ, услыхавъ это.

— Да, теперь не то, совсѣмъ ужъ не то,—почему-то сказалъ онъ, отхлебывая превосходнаго бургонскаго. Онъ хвастался, что ему одному, да еще двумъ-тремъ знатокамъ подавали въ ресторанѣ это вино. Другимъ не стоитъ. Они развѣ умѣли цѣнить?—А куда,—спросилъ онъ вдругъ сына,—поѣдемъ мы послѣ обѣда? Въ какой театръ?

— Да на что, папа, расходоваться вамъ еще на билеты?—уговаривалъ его Лева, которому не слишкомъ веселымъ казалось весь вечеръ провести съ отцомъ. „Чего добраго,—мысленно добавилъ молодой человѣкъ,— онъ потребуетъ, чтобы я сталъ его проводникомъ по всѣмъ стогнамъ Петербурга... Кутить меня съ собой заставитъ. Экая, право, неугомонная эта кавалерійская прыть“!..

— Нѣтъ, нѣтъ, поѣдемъ... Пусть все будетъ ужъ по настоящему. Въ Михайловскій театръ поѣдемъ. Сегодня, кстати, бенефисъ. На мое счастье, пожалуй, билеты окажутся.

Лева только повелъ плечами и не возражалъ болѣе. Онъ въ самомъ дѣлѣ не понималъ сложныхъ ощущеній, какія волновали его отца, той смѣси щемящей грусти

и потребности расходиться во всю ширь, что пробудила въ немъ давно не виданная обстановка ресторана.

Къ концу обѣда Владиміръ Семеновичъ окончательно расчувствовался.

— Эхъ, Лева!—говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, глотая рюмку ликера:—ты и представить себѣ не можешь, какъ противна мнѣ эта необходимость останавливать себя на каждомъ шагу, и въ кои вѣки, чтобы назначеніе мое вспрыснуть, угостить тебя, какъ слѣдуетъ... Да что я—я отпѣтый старикъ, во многомъ провинившійся передъ семьей; мнѣ васъ жалко, васъ обоихъ и бѣдную маму. Мнѣ смотрѣть больно, какъ вамъ жить приходится. Она, бѣдная, въ сорокъ лѣтъ съ небольшимъ шестидесятилѣней старухой смотритъ—съежилась, высохла, гроши считаетъ. А Наташа? А ты? Моя дѣвочка, которую я хотѣлъ бы разодѣть да разукрасить, какъ сдѣдуетъ, и не повеселится никогда. Сиднемъ все сидитъ въ своей каморкѣ, да съ какими-то акушерками знакомство ведетъ и хлѣбъ зарабатывать собирается.

— Наташа объ этомъ не тужитъ,—вставилъ Лева.

— Знаю, она молодецъ, да мнѣ-то оттого не легче. Да и ты, вотъ, тоже. Развѣ пришла бы тебѣ фантазія въ инженеры пойти, кабы я, старый дуракъ... А какъ вспомнишь, что было прежде? Кто были мои товарищи? Какъ я жилъ широко? Такъ и заноетъ и засосетъ на сердцѣ. Не совсѣмъ вѣдь я еще древній старикъ, а коли пересчитать прежнихъ моихъ друзей—кто изъ нихъ давно на томъ свѣтѣ — большая даже часть, — кто чуть не милостыню проситъ. Эхъ, не вспоминать бы лучше!

И онъ стеръ слезинку рукавомъ.

— Есть и такіе,—продолжалъ отецъ Левы,—что вышли въ люди, въ сановкики мѣтятъ, и попадись я имъ на глаза—небось, руки не протянутъ.

Владиміру Семеновичу припомнилось, какъ часъ назадъ, проходя черезъ общую залу ресторана, онъ уви-

дѣлъ стоявшаго тамъ изящнаго господина въ генеральской формѣ, и тотъ едва замѣтнымъ кивкомъ отвѣтилъ на поклонъ Богушевскаго. Это былъ князь Г., нѣкогда большой пріятель Владиміра Семеновича, не разъ занимавшій у него деньги и далеко не аккуратно ему платившій, хоть и былъ это очень богатый человѣкъ... А теперь? теперь онъ важное лицо и, понятное дѣло...

— Ахъ, Лева!—вырвался почти крикъ изъ груди Богушевскаго:—кабы я встрѣтилъ виновника всего этого, Ѳедьку проклятаго, я бы, кажется, всю душу подлую изъ него вытрясъ. Давеча, когда мы ѣхали сюда, мнѣ почудилось, что я узналъ его. Помнишь, на углу Конюшенной проѣхала мимо насъ карета, а тамъ сѣдой старикъ былъ, съ краснымъ, сморщеннымъ лицомъ, въ дорогой шубѣ... какъ есть онъ—Ѳедька-мерзавецъ! Хотѣлось бы его тутъ же...—и у Владиміра Семеновича глаза загорѣлись.—Да гдѣ!—у него рысаки, а мы съ тобой пѣшкомъ. Да, теперь въ каретахъ разъѣзжаетъ, въ енотовой шубѣ. Онъ, слышно, года три или четыре назадъ, большое имѣнье купилъ въ той самой губерніи, куда меня теперь назначили. Можетъ быть, увидимся когда-нибудь. Ну да полно!

Владиміръ Семеновичъ волновался напрасно: встрѣченный имъ старикъ въ енотовой шубѣ вовсе не былъ Макшеевымъ. Впрочемъ, онъ скоро овладѣлъ собой, и голосъ его опять сталъ спокойнымъ.—Пойдемъ!

Отецъ Левы провелъ въ Петербургѣ всѣ праздники. И за эти двѣ недѣли онъ еще раза два предлагалъ сыну отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ и побывать въ театрѣ. Но отпустить душу во всю ширь ему не удавалось. Какой-то горькій осадокъ чудился ему на днѣ чаши удовольствій. И сознавая это, онъ моталъ головой и говорилъ себѣ, что, должно быть, былого не вернешь, и злая лиходѣйка-старость къ нему стучится въ сердце. Онъ какъ будто живѣе прежняго чувствовалъ тѣсную обстановку семьи, именно съ тѣхъ поръ, какъ средства немножко расширились. Не разъ онъ вздыхалъ, пристально вгля-

дываясь въ глаза дочери и точно прося у нея прощенія; а у Наташи, тотчасъ догадавшейся, что за чувство шевелится у отца, любовь къ нему забилась сильнѣе прежняго, и съ ясной улыбкой въ глазахъ она старалась разсѣять укоры его совѣсти, твердя ему, что она совершенно счастлива. Не уступала она ему только въ одномъ—въ его попыткахъ отговорить ее отъ поступленія на курсы, хоть она сама еще не окончательно рѣшилась. Можетъ быть, даже какъ разъ эти совѣты Владиміра Семеновича еще болѣе, чѣмъ слова Александры Осиповны, разгоняли ея сомнѣнія на этотъ счетъ.

Когда, мѣсяцъ спустя, Лева встрѣтилъ на улицѣ сестру вдвоемъ съ Алешей Макшеевымъ, ему живо припомнилась гнѣвная вспышка отца. Передъ нимъ стоялъ сынъ того самого человѣка, которому они обязаны были своимъ разореніемъ. И въ немъ тоже зашевелилось злобное чувство, глухое желаніе вымести какъ-нибудь на сынѣ вину отца. Но вспыхнуло оно только на мигъ; новая волна ощущеній его потушила. Внутренно смѣясь надъ собой, Лева пожурилъ себя за такое нераціональное чувство, какъ желаніе отомстить ни въ чемъ неповинному Алешѣ. Слѣдовало, напротивъ, воспользоваться случаемъ и сблизиться съ этимъ блѣднымъ юношей, такъ очевидно непохожимъ на своего хищнаго отца. Въ мысли о такомъ сближеніи было для молодого человѣка что-то забавное, что-то пріятно щекотавшее его самолюбіе. Она прельщала его своею незаурядностью; и конечно ужъ родители его такъ бы не поступили. Лева живо представлялъ себѣ ужасъ матери и гнѣвное негодованіе отца, еслибъ Алеша переступилъ черезъ порогъ ихъ дома, и они узнали бы въ немъ сына Өедора Степановича. И онъ презрительно засмѣялся, говоря себѣ, какъ далекъ онъ самъ отъ этой близорукой „мѣщанской“ ненависти.

Врага не чуждаться надо, а подступать къ нему какъ можно ближе, чтобъ лучше разглядѣть его слабую сторону. И кто знаетъ,—Алеша, быть можетъ, невольно вы-

дастъ ему Ахиллесову пяту своего достойнаго папеньки. Впрочемъ, и къ самому Өедору Степановичу настоящей злобы Лева не питалъ. Вѣдь что ни говори, а была, должно быть, въ этомъ человѣкѣ не дюжинная сила, коль онъ успѣлъ подняться такъ высоко. И Лева почти готовъ былъ преклониться передъ умственною мощью Өедора Степановича. Онъ рѣшился воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы ближе познакомиться съ Алешой. Случай не заставилъ себя ждать. Разъ, проходя по Морской, Лева, близъ угла Гороховой, наткнулся на стоящую тутъ кучку студентовъ. Трое изъ нихъ поразили его своею изысканной щеголеватостью. Необыкновенно длинныя шпаги, фуражки особаго—нѣмецкаго военнаго фасона, дорогіе бобровые воротники на шинеляхъ и еще болѣе какая-то особая небрежная молодцоватость—выдавали въ нихъ такъ называемыхъ „студентовъ-гвардейцевъ". Въ двухъ остальныхъ Лева узналъ Смолина и Алешу Макшеева. Въ ту самую минуту какъ онъ проходилъ мимо, они прощались съ товарищами, и на лицѣ Смолина Лева увидѣлъ знакомую ироническую улыбку. Тремъ щеголямъ очевидно только что досталось отъ безпощаднаго насмѣшника.

— Смолинъ!—обозвалъ онъ пріятеля.

— А, Богушевскій!—протянулъ тотъ ему руку.—Вы знакомы,—кивнулъ онъ въ сторону Алеши.

— Встрѣтились разъ...

Они тоже обмѣнялись пожатіемъ руки, и всѣ трое пошли рядомъ.

— Что за отвратительные экземпляры!—воскликнулъ Алеша, оглядываясь на удалявшихся товарищей.

— Не нравятся?—хихикнулъ Смолинъ.—А вѣдь я нарочно васъ съ ними познакомилъ, чтобъ вы на нихъ полюбовались. Самые отборные фрукты современной культуры. Истинныя сливки студенчества—настоящая золотая молодежь, и въ полномъ смыслѣ золотая: самыя подлинныя денежки водятся, а не долги только. И знаешь, Богушевскій, кто они такіе? Одинъ—Пар-

менъ Лоховъ, сынъ хлѣбнаго коммерсанта, другой—Адольфъ Варшауеръ, сынъ банкира изъ жидовъ, третій,—самый очаровательный изъ всѣхъ, хохотунъ, добрый малый и все таки себѣ на умѣ,—Владиміръ Разметальскій, сынъ желѣзнодорожника. Новые слои, какъ видишь, совсѣмъ новые. А по элегантности не уступятъ самому выхоленному баричу. Пить умѣютъ не хуже любого гусара... Одинъ француженку содержитъ, другой—балетную, третій... ну да не все ли равно... А вѣдь увѣряютъ, что у такъ называемаго высшаго круга всего труднѣе перенимается его внѣшность и его пороки!

— Милый мой,—улыбнулся въ отвѣтъ Лева:—чѣмъ же эти господа не изъ высшаго круга? Измѣнился за послѣднее время способъ пополненія аристократіи,—вотъ и все. Пора это принять въ разсчетъ. Прежде были рыцари-разбойники, сторожившіе на большихъ дорогахъ; теперь разбойники болѣе мирнаго сорта, сторожащіе на биржѣ, въ ресторанахъ, въ газетахъ, и живущіе въ отличномъ ладу съ полиціей.

— Разница въ томъ только,—возразилъ Смолинъ,—что прежніе разбойники хоть кожей своей рисковали, а эти... Чего вы такъ пріуныли, Макшеевъ, точно это къ вамъ относится? Я вѣдь знаю, какой вы: отшельникъ, аскетъ,—слишкомъ даже отшельникъ. Вы людей сторонитесь, и совсѣмъ напрасно. Повѣрьте мнѣ, надо тереться между людьми и брезгливость отбросить. Мы за нихъ въ отвѣтѣ не будемъ, а глядѣть на нихъ забавно...

— Не забавно, а гадко,—сказалъ Алеша.

— Полноте, свои принципы надо при себѣ оставить, а то, какъ драгоцѣнное благовоніе, они разлетятся на воздухѣ. Да и, въ сущности, есть ли принципы? Мнѣ вотъ, претитъ совершить мерзость. Но изъ этого не слѣдуетъ, что я право имѣю того презирать, кто мерзость такую сдѣлалъ. Вкусы у него иные, вотъ и все. Да и что такое право? Каждый живетъ по своему, законъ ему собственная воля, или, пожалуй, собственный темпераментъ. И живетъ онъ такъ, пока его не запря-

чутъ въ кутузку... Ну, а теперь до свиданія господа: мнѣ въ Публичную Библіотеку надо... Эй! извозчикъ!—обозвалъ онъ стоящія у троттуара санки.

— Онъ желчный сегодня,—сказалъ Лева, когда Смолинъ отъѣхалъ.—Это съ нимъ иногда бываетъ, а въ сущности это добрѣйшій малый, и весь этотъ цинизмъ у него напускной... Его разозлили, должно быть, эти выхоленные голубчики. И совершенно напрасно. Сердиться на этихъ господъ нечего. Они—вполнѣ законное явленіе... Да, совершенно законное, — повторилъ онъ.—Что вы на меня смотрите такими удивленными глазами? Вы думаете, что я, какъ сынъ разорившагося барина, долженъ смотрѣть враждебно на вновь нарождающуюся буржуазную аристократію? Ничуть!... Историческій процессъ надо понимать, а спорить съ нимъ—нелѣпо. И въ сущности, очень немногіе понимаютъ, въ чемъ совершающаяся перемѣна. Думаютъ обыкновенно, что мы идемъ къ общему уравненію... Вздоръ! Не къ уравненію мы идемъ, потому что полнаго равенства никогда не будетъ, и у меньшиства вѣчно останется въ рукахъ палка... Только набирается оно теперь по новому. Прежде, когда воевать надо было, въ почетѣ былъ кулакъ, и тому, кто имъ владѣлъ, все давалось,—и почетъ, и богатство, и женская любовь. Теперь этотъ рецептъ не годится, да и государству—захоти оно даже—нечего больше раздавать въ награду за доблести... Надо умѣть добывать самому, не кулакомъ ужъ, а мозгами. И тѣмъ лучше для новой аристократіи, коли она будетъ набираться изъ умственныхъ людей. Господство ея отъ того станетъ только прочнѣе; а для большинства, конечно, большой разницы не предвидится: по прежнему оно останется рабочимъ воломъ, только погонять его будутъ поделикатнѣе...

Лева точно отводилъ душу съ новымъ знакомымъ, такъ весело и непринужденно лилась его рѣчь. А у Алеши, пока онъ слушалъ, протестующая волна поднималась, заливая румянцемъ его блѣдныя щеки.

— Нѣтъ, это неправда! — воскликнулъ онъ, наконецъ:—не таковъ будетъ исходъ движенія вѣка. Въ немъ есть нѣчто иное, чего вы не замѣчаете, нѣчто болѣе глубокое... Мѣняется не составъ общества только, не его поверхность, а самый внутренній стимулъ его жизни. Вмѣсто соревнованія—любовь; вмѣсто власти одного надъ многими—добровольное подчиненіе каждаго всѣмъ...

— Покорно благодарю,—засмѣялся Лева.—Да такъ живутъ молюски на коралловыхъ рифахъ. И это вамъ кажется прогрессомъ!...

— Само христіанство,—тихо возразилъ Алеша—не что иное, какъ ступень на этомъ пути.—Улыбка на губахъ у молодого Богушевскаго вырисовалась замѣтнѣе.—Мнѣ почти жаль разбивать ваши иллюзіи:—онѣ такъ симпатичны, какъ разъ потому, что такъ неосуществимы... Знаете что: коль вы охотникъ до такихъ споровъ,—заходите къ намъ, когда будете свободны. Мы дома почти всегда, сестра и я. Кой кого застанете, можетъ быть, изъ товарищей. Сестра тоже большая охотница спорить. Только предупреждаю васъ,—она особа очень положительная, и воздушные замки разбивать мастерица... Такъ будете, да?

Алеша обѣщалъ. Они разстались на углу Невскаго и Литейной.

VII.

Дома Алеша засталъ нежданнаго гостя. Едва онъ вошелъ въ переднюю, знакомый густой, немного жирный голосъ послышался изъ залы.

— Здорово, братъ! Не ожидалъ?...—раздался стукъ шаговъ, шпоры зазвенели, и въ дверяхъ показалась рослая плечистая фигура къ военной формѣ. Это былъ старшій Алешинъ братъ, Сережа.

Ни одинъ изъ сыновей Ѳедора Степановича такъ не походилъ на отца. Большой носъ подъ низкимъ лбомъ, мясистыя губы, свѣтло голубые глаза, съ пуши-

стыми бровями, и что-то смѣлое, рѣшительное въ крупныхъ чертахъ лица, наконецъ, коротко остриженные жесткіе, слегка курчавые бѣлокурые волосы съ рыжеватымъ оттѣнкомъ,—такимъ былъ Θедоръ Степановичъ въ молодости. У него тоже было тогда что-то открытое, здоровое, внушающее довѣріе. Оттого-то и полагались такъ на него Владиміръ Семеновичъ и его превосходительный батюшка. Только глаза у Θедора Степановича глядѣли не такъ весело и открыто, какъ у сына.

— Здравствуй, Сережа, очень радъ!—живо обнялъ его Алеша, торопясь скинуть шинель.—Что, на долго?

— Это смотря по обстоятельствамъ,—съ широкимъ добродушнымъ смѣхомъ засмѣялся Сережа. — Отпросился на три дня, ну, да на этотъ счетъ у насъ въ полку вѣдь не строго. Коли дашь денегъ, пробуду недѣлю. А то у насъ тамъ, въ Новгородѣ, съ тоски умрешь...

Сережа Макшеевъ прошелъ черезъ кавалерійское училище, а потомъ опредѣлился въ новгородскіе драгуны. Служилъ онъ тамъ уже восьмой годъ, доводя отца до бѣлаго каленія своими постоянными требованіями денегъ. Онъ былъ кутила, игрокъ и пьяница, но со всѣми товарищами на самой лучшей ногѣ. Ни у кого нельзя было такъ легко занять денегъ безъ особеннаго намѣренія ихъ отдать, никто такъ беззаботно не проигрывался и не любилъ такъ широко угощать. Румяныя щеки, которыя порой нервно подергивало, влажныя глаза и самый хриповатый голосъ обличали въ Сережѣ добраго собутыльника, которому по этой части никакіе подвиги не были въ диковинку.

— Вотъ, поди-ка,—говорилъ Θедоръ Степановичъ:— трудись, копи деньгу! сынокъ живо все растранжиритъ...

И Θедоръ Степановичъ все таки отсылалъ Сережѣ просимыя деньги. Своего первенца онъ любилъ, быть можетъ, больше всѣхъ остальныхъ дѣтей, хоть и считалъ почти пропавшимъ.

— Да какъ же,—сказалъ Алеша:—ты вѣдь недавно отъ отца получилъ... Леночка мнѣ писала...

— Эге, братъ, да развѣ этого надолго хватитъ!— Батюшка мнѣ тогда только триста отсыпалъ. А меня съ тѣхъ поръ обчистили раза два, на пятьсотъ или шестьсотъ, не помню навѣрно.

И онъ обнялъ шею брата своею крѣпкою рукой съ большими, короткими пальцами, на которыхъ два перстня красовались, какъ воспоминанія давно позабытыхъ, мимолетнихъ привязанностей.

— Такъ не будь скрягой, Алеша,—пойми, до зарѣзу нужно.

И онъ провелъ брата въ залу, не переставая обнимать его. Алеша казался совсѣмъ хрупкимъ и безвольнымъ подъ его мощной рукой.

— Да ты думаешъ развѣ, Сережа, у меня денегъ куча? Я отъ отца получаю всего полтораста въ мѣсяцъ. И половину этого отдаю тетушкѣ за квартиру и за столъ.

— Да какой же ты дуракъ послѣ этого!—преувеличенно громко засмѣялся старшій братъ.—Полтораста въ мѣсяцъ!.. И половину отдаешь теткѣ!.. Эхъ, гусь ты настоящій!.. Стало быть, нѣтъ ни копѣйки.

— Съ полсотни найдется. Я много на книги трачу.

— На книги?!—Сережа опять засмѣялся съ веселымъ изумленіемъ.—Да что ты—рыба? или въ монахи себя готовишь? Да зачѣмъ же у „фатера“ не просишь больше?

Алеша опустилъ глаза.

— Не хочется,—проговорилъ онъ тихо,—да и не зачѣмъ. Беру, что надо.

— Эхъ ты, дубина, дубина!—воскликнулъ Сережа, закуривая изъ серебрянаго портсигара и принимаясь ходить по залѣ, чуть чуть подпрыгивая.—А полсотни все таки давай!—И онъ сталъ фальшиво напѣвать какой-то цыганскій романсъ.—Ну,—спросилъ онъ, минуту спустя:—а тетушка твоя денегъ не дастъ, коли попросить ее хорошенько?

— Стыдись, Сережа!—было негодующимъ отвѣтомъ Алеши.

Александра Осиповна оказалась легкою на поминѣ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ раздался звонокъ, и тетя Саша, впопыхахъ, не успѣвъ раздѣться, вошла въ комнату, гдѣ были молодые люди.

— Алеша!—воскликнула она еще въ дверяхъ:—представь себѣ, Ѳедоръ Степановичъ...—она не договорила, увидѣвъ Сережу.

— А, Сергѣй Ѳедоровичъ, — довольно сухо обратилась къ нему тетя Саша—въ Петербургъ изволили пожаловать?..

Александра Осиповна, при всей сердечной добротѣ, крѣпко недолюбливала двухъ старшихъ сыновей Ѳедора Степановича,—сыновей отъ перваго брака съ малообразованной, хотя неглупой женщиной изъ „мѣщанской" среды.

Сережа звякнулъ шпорами.

— Сегодня прикатилъ, всего на нѣсколько дней. Да и не стану я васъ, Александра Осиповна, безпокоить. Съ Алешой надо только еще два слова перемолвить. Такъ пройдемъ лучше къ тебѣ.—Нѣтъ, Алеша, постой,—задержала племянника тетя Саша:—у меня важная для тебя новость. Сегодня, въ твое отсутствіе, пришло письмо отъ Ѳедора Степановича. Онъ будетъ сюда завтра и везетъ съ собой Леночку...

Если Александра Осиповна разсчитывала своимъ извѣстіемъ вызвать у молодыхъ людей радостное изумленіе,—она ошиблась.

— Ба!—воскликнулъ Сережа, и глаза у него широко раскрылись.—Значитъ, мнѣ улепетнуть надо, по добру, по здорову...

— Это зачѣмъ? — спросилъ младшій братъ, лицо котораго также не выразило большой радости. Двойственное чувство къ отцу заставляло Алешу и горячо желать сь нимъ встрѣтиться и бояться такой встрѣчи. Неразгаданная тайна прошлаго настойчиво требовала разрѣшенія, и въ то же время ея разгадка пугала молодого человѣка, не предвѣщая ему ничего хорошаго.

— У насъ тамъ, въ Новоспасскомъ, — отвѣтилъ Се-

режа,—вышло не совсѣмъ пріятное объясненіе. А коли я теперь батюшкѣ признаюсь, что у меня ни гроша мѣднаго не осталось,—чего добраго...

— Хочешь, я за тебя похлопочу?—предложилъ старшему брату Алеша.

— Пожалуй... только лучше теперь ты мнѣ полсотни то выложи.

Тетя Саша крѣпко пожурила Алешу за нелѣпую щедрость къ этому забулдыгѣ, какъ она называла Сережу, но молодому человѣку было теперь не до ея наставленій. Онъ весь ушелъ въ мысль о предстоящемъ свиданіи съ отцомъ и сестрой. Въ своемъ письмѣ Ѳедоръ Степановичъ говорилъ, что ѣдетъ въ Петербургъ уладить дѣло насчетъ новой желѣзной дороги, которая пройдетъ чрезъ Новоспасское въ самую глубь свеклосахарнаго района. Онъ былъ однимъ изъ учредителей. Новое предпріятіе отца еще разъ вызвало передъ воображеніемъ Алеши всю ненавистную ему картину жизни Ѳедора Степановича,—эту вѣчную ненасытную погоню за деньгами. Онъ заранѣе видѣлъ, какъ станетъ Ѳедоръ Степановичъ устраивать затѣянное дѣло—эти подкупы, эти недостойные дѣлежи будущей добычи... И опять въ его сердцѣ поднялось чувство, какъ бы отталкивающее его отъ отца...

Но главное было все таки достигнуто: Леночка пріѣдетъ и станетъ жить у нихъ. И надо устроить такъ, чтобъ она совсѣмъ осталась въ Петербургѣ. Весь вечеръ проговорилъ онъ съ теткой о своихъ планахъ на этотъ счетъ. А совѣсть ему между тѣмъ подсказывала втихомолку, что онъ словно заговоръ ведетъ противъ родного отца, собираясь отнять у него единственную дочь... На слѣдующее утро, однакожъ встрѣча вышла очень сердечною. Алеша не видался съ Ѳедоромъ Степановичемъ почти цѣлый годъ, и ему показалось, что за это время отецъ постарѣлъ, даже осунулся. Глубокая борозда на переносицѣ стала еще глубже. Острые глаза уже не загорались, какъ прежде, и что-то уста-

лое будто обрисовывалось въ углахъ твердо сложеннаго рта. Жизненной мощи будто убавилось въ этомъ крѣпкомъ человѣкѣ. Волосы порѣдѣли, а короткая рыжеватая борода, гдѣ еще годъ назадъ сѣдина не думала пробиваться, теперь замѣтно серебрилась. Первый разъ чувство, похожее на жалость къ отцу, зашевелилось у Алеши. Старость, до сихъ поръ не смѣвшая подступить къ его крѣпкому тѣлу, теперь такъ явно давала знать о своемъ приближеніи, что у молодого человѣка что-то екнуло на сердцѣ. И отъ этого, должно быть, онъ нѣжнѣе прежняго обнялъ отца и долго распрашивалъ про его здоровье.

— Да что ты все обо мнѣ безпокоишься?—нетерпѣливо спросилъ, наконецъ, Ѳедоръ Степановичъ.

— Видишь, стою на ногахъ. Чего тутъ распрашивать? Многихъ еще въ гробъ уложу, кто моложе меня. Ты лучше про себя разскажи. Я тобою недоволенъ,— совсѣмъ тряпкой глядишь. Кòрмите его, должно быть, плохо, Александра Осиповна, — шутя обратился онъ къ свояченицѣ. Но Ѳедоръ Степановичъ шутить не умѣлъ, въ его смѣхѣ всегда было что-то обидное. Отъ этого смѣха многимъ становилось неловко, особенно когда онъ хотѣлъ придать себѣ добродушный видъ. Александра Осиповна не отвѣтила и поспѣшила гостей усадить за чайный столъ, увѣряя, что Леночка, должно быть, проголодалась. Алеша сдѣлалъ новую попытку выразить отцу искреннюю, непринужденную сердечность. Онъ спросилъ Ѳедора Степановича, надолго ли тотъ пріѣхалъ, уговаривая хоть здѣсь въ Петербургѣ бросить вѣчныя заботы о дѣлахъ.

— Да чтò ты думаешь,—сухо разсмѣявшись отвѣтилъ тотъ:—я сюда пріѣхалъ масляницу справлять? Да откаталъ бы я, что ли, полторы тысячи верстъ, кабы не было у меня здѣсь дѣлъ? Вѣрно, васъ въ университетѣ баклушничать только учатъ? Нѣтъ, братъ, какъ сдамъ эту егозу,—онъ кивнулъ головой въ сторону дочери,—на руки твоей теткѣ, сейчасъ въ гостинницу—

переодѣться, и маршъ въ министерство! У тѣхъ только дѣла успѣваютъ, кто привыкъ не дремать. Такъ-съ, Алексѣй Өедоровичъ!—и грузной своей дланью онъ потрепалъ сына по плечу, на мигъ лишь оторвавшись отъ чашки, изъ которой онъ торопливо отхлебывалъ чай большими глотками.

Өедоръ Степановичъ и въ этотъ разъ хотѣлъ добродушно пошутить, и снова его слова вызвали неловкое молчаніе. Такимъ уже создала его природа, что мягкимъ онъ стать не могъ и въ самой его ласкѣ было что-то черствое. Одна Леночка, повидимому, нисколько не чувствовала на себѣ его грузнаго, шероховатаго нрава. Глаза ея не переставали свѣтло глядѣть на все окружающее, широко раскрываясь на встрѣчу новыхъ впечатлѣній. Это были изсѣра голубые, лучистые, веселые глаза, повидимому, не знавшіе ни робости, ни слезъ. Трудно было себѣ представить розовое личико, дышавшее непритворною дерзостью безпечно молодого дѣтства, трудно себѣ было его представить подернутымъ грустью. Довѣрчивая улыбка въ глазахъ и на полуоткрытыхъ, чуть чуть пухленькихъ губкахъ, а изъ за этой улыбки полная увѣренность, что все непремѣнно должно такъ устроиться, какъ захочетъ ея пятнадцатилѣтняя своенравная головка,—вотъ что́ читалось на миловидномъ личикѣ дѣвушки. Впрочемъ, Леночка смотрѣла старше своихъ лѣтъ. Тонкая, но совсѣмъ не хрупкая, вполнѣ уже сложившаяся, она походила бы совсѣмъ на взрослую, еслибы не выдавали ея юный возрастъ немного еще узкія плечики, да розовыя ладони, да распущенные волосы, свободною волною падавшіе изъ подъ ленты. Ступни ногъ у нея были немного велики, но узкія и стройныя. И пальчики на рукахъ тоже длинные и тонкіе, какъ у покойной матери.

За чайнымъ столомъ она одна поддерживала то и дѣло прерывавшійся разговоръ, не переставая болтать то съ братомъ, то съ Александрой Осиповной. Общей

принужденности она будто не примѣчала. Пріѣздъ въ Петербургъ ее такъ радовалъ, что ни о чемъ другомъ, кромѣ этой своей радости, она знать и слышать не хотѣла.

— Алеша, мы съ тобой будемъ гулять каждый день, не правда ли?—приставала она къ брату.—Это будетъ очень весело. И никто меня не станетъ принимать за твою сестру—мы такъ другъ на друга не похожи. А вы, тетушка, меня въ театръ повезете! И какъ можно скорѣе!

— Тебѣ, можетъ быть, сегодня хотѣлось бы?—въ шутку спросила тетя Саша.

— Конечно, хотѣлось бы! Ахъ, да, впрочемъ, у меня надѣть нечего. Да и для гулянья тоже. Нѣтъ, прежде всего надо сказать себѣ, во что одѣться. Папа, вы мнѣ денегъ дайте и побольше!

— Ты, кажется, воображаешь, что пріѣхала сюда только наряжаться и по театрамъ разъѣзжать. Да скажи, пожалуйста, кто тебя станетъ развозить по портнихамъ и тряпки разныя выбирать?

Ѳедоръ Степановичъ, проговоря это, вынулъ, однако, бумажникъ и перебросилъ черезъ столъ дочери двѣ радужныя.

— Тетя Саша, разумѣется!—бойко отвѣтила Леночка, пряча деньги въ портмонэ, живо вынутый изъ кармана. И тутъ она обратилась къ Александрѣ Осиповнѣ, почувствовавъ себя, должно быть, въ правѣ располагать ея временемъ.—Тетя, душенька, не правда ли, мы поѣдемъ?..

Все ее существо, ловкое и проворное, такъ и прильнуло къ Александрѣ Осиповнѣ, выраженіе лица такъ и сложилось разомъ въ одну страстную, настойчивую мольбу. И тетя Саша не устояла, хоть и совсѣмъ не была охотница разъѣзжать по магазинамъ и развивать у молодыхъ дѣвушекъ тщеславные инстинкты, но огорчить племянницу въ первую же минуту ей не хотѣлось. И Леночка такъ комично пустилась объяснять, въ

какомъ жалкомъ состоянiи ея туалетъ, что не согласиться было, очевидно, невозможно.

— Вы, однако, ее не слишкомъ балуйте, Александра Осиповна, — своимъ густымъ басомъ перебилъ Өедоръ Степановичъ:—коли хотите, чтобъ она здѣсь осталась подольше, извольте ее держать въ рукахъ, какъ можно строже. А то она живо и васъ, и брата осѣдлаетъ. А теперь мнѣ пора. Спасибо за хлѣбъ, за соль! Къ обѣду я вернусь. До того времени я надѣюсь кое что сдѣлать.

— А тебя, Алеша, я застану дома, если прiѣду такъ... въ пятомъ часу?

И опять тяжелая отцовская рука легла на плечо къ молодому человѣку.

Алеша поднялъ глаза на Өедора Степановича и не могъ рѣшить, что прочелъ онъ на сморщенномъ лицѣ, пристально уставившемся на него прищуренными, но прыткими зрачками. Что было во взгладѣ отца—недовѣрiе или затаенная любовь? Ему самому такъ хотѣлось бы въ эту минуту броситься къ отцу на шею, спрятать лицо на его груди и заплакать довѣрчивыми дѣтскими слезами. Но что-то его удерживало,—что-то жестокое, почти насмѣшливое во взглядѣ Өедора Степановича. Можетъ быть, Алешѣ это померещилось только. Можетъ быть, Өедоръ Степановичъ не умѣлъ высказать свое чувство къ сыну. Но у молодого человѣка и въ этотъ разъ, какъ прежде, порывъ нѣжности къ отцу замеръ, не вырвавшись наружу. Минута была пропущена, и будто ледяная стѣна опять выросла между ними.

— Конечно, я буду васъ ожидать, коли прикажете, батюшка, — было отвѣтомъ Алеши, и противъ воли молодого человѣка отвѣтъ прозвучалъ холодно.

VIII.

Ѳедоръ Степановичъ покончилъ съ дѣлами скорѣе, чѣмъ думалъ. Ему въ этотъ день необыкновенно везло. Двоихъ крупныхъ подрячиковъ и одного желѣзнорожника, которыхъ застать было очень трудно, онъ успѣлъ во время захватить дома, и былъ ими выслушанъ чрезвычайно внимательно. Въ министерствѣ его тоже приняли совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Онъ будто чувствовалъ, что у него подъ ногами крѣпнетъ почва. Онъ становился почти особой. Въ первый разъ его принялъ самъ министръ. Конечно, передъ его высокопревосходительствомъ Ѳедоръ Степановичъ совсѣмъ присмирѣлъ. Аудіенція продолжалась очень недолго, всего какихъ-нибудь семь минутъ. Да и пришлось ему довольствоваться неопредѣленными обѣщаніями разсмотрѣть вопросъ и сдѣлать, что можно. Но съ Макшеева и этого было довольно. Изъ кабинета министра онъ вышелъ съ высоко приподнятой головой и съ небывалой увѣренностью въ себѣ обратился къ свѣтиламъ второй величины, отъ которыхъ собственно и зависѣлъ дальнѣйшій ходъ дѣла. Ѳедоръ Степановичъ хорошо зналъ, что далеко невсегда главная пружина — самая важная. И тотъ вліятельный, хоть и второстепенный воротила, передъ которымъ ему пришлось теперь защищать проектъ новой линіи, диву давался, откуда взялась эта бойкая рѣчь, это умѣнье приводить точные бьющіе въ цѣль доводы—у такого человѣка, какъ Ѳедоръ Степановичъ. Вѣдь недавно еще, годъ или два назадъ, съ нимъ едва хотѣли разговаривать столоначальники. А теперь, когда его превосходительство сдѣлалъ какое-то замѣчаніе насчетъ проектированной линіи, Ѳедоръ Степановичъ такъ мѣтко отпарировалъ ударъ, что удивленный директоръ невольно переглянулся съ своимъ помощникомъ. Избранное направленіе было, разумѣется, наиболѣе выгодное для учредителей, но Ѳе-

доръ Степановичъ съумѣлъ прикрыть личные разсчеты притворной защитой общегосударственныхъ интересовъ. И сдѣлалъ онъ это не хуже любого дѣльца, издавна привыкшаго владѣть словомъ.

Неудивительно, что Макшеевъ былъ очень доволенъ собой и достигнутыми результатами. Правда, всѣ трудности далеко еще не были улажены, но приступъ былъ сдѣланъ и сдѣланъ удачно. Твердою поступью и какъ бы съ оттѣнкомъ милостивыхъ словъ министра на лицѣ, Ѳедоръ Степановичъ вошелъ въ комнату сына.

Алеша сидѣлъ у письменнаго стола, спиной къ двери. Онъ не разслышалъ шаговъ отца, хотя съ самаго утра предстоящій разговоръ не выходилъ у него изъ головы. Молодому человѣку казалось, что наконецъ-то раскроется передъ нимъ замкнутое до сихъ поръ сердце Ѳедора Степановича, и онъ узнаетъ всю правду о его прошломъ. Онъ весь такъ ушелъ въ свои мысли, что Ѳедоръ Степановичъ засталъ его врасплохъ. Ему пришлось два раза обозвать сына, прежде чѣмъ тотъ услыхалъ и обернулся.

— Видно, заботы у тебя ужъ очень большія, Алеша,—заговорилъ онъ, усаживаясь:—голосъ у меня, кажется, довольно громкій. Ну, вотъ какъ видишь, раньше успѣлъ отдѣлаться, чѣмъ полагалъ. Давай потолкуемъ... Давно не приходилось.

Ѳедоръ Степановичъ остановился, выжидая отвѣта. Но Алеша молчалъ, опустивъ глаза. Лицо у него было еще блѣднѣе обыкновеннаго. Ѳедору Степановичу это молчаніе страннымъ показалось. Онъ приписалъ его скрытности.

— Ну, братъ,—продолжалъ онъ,—коли тебѣ нечего мнѣ сказать, я, пожалуй, начну самъ. Я хотѣлъ поговорить съ тобой,—онъ запнулся на секунду,—о твоемъ будущемъ. Черезъ годъ ты выходишь. Пора подумать, что ты станешь дѣлать потомъ. На военную службу идти врядъ ли придется—такихъ, какъ ты, не берутъ. Хоть на что-нибудь узкая грудь пригодится.

— Я тебѣ еще въ прошломъ году говорилъ,—отвѣтилъ Алеша, и глаза его теперь совершенно прямо уставились на отца.

— Что?—перебилъ Ѳедоръ Степановичъ:—опять эта дурацкая затѣя? Профессоромъ быть хочешь? Цѣлыми годами все одну и ту же чепуху молоть? И много она приноситъ, чепуха эта?

— Кому какъ... Да и смотря по тому, что кому надо.

— Тебѣ небось того надо,—хрипло засмѣялся Ѳедоръ Степановичъ,—чтобы молокососы твою дребедень слушали. Или въ какихъ-нибудь тамъ отчетахъ, которыхъ и не читаетъ никто, твое имя пропечатали? Это у васъ, что ли, извѣстностью, пожалуй, даже славой называется?

Алеша промолчалъ опять. Ѳедора Степановича передернуло.

— Да что же, дождусь я отъ тебя прямого отвѣта?—громовымъ голосомъ воскликнулъ онъ.—Или ты со мной въ молчанку играть собираешься?

— Мы съ тобой говоримъ на разныхъ языкахъ, батюшка,—съ напряженнымъ спокойствіемъ отвѣтилъ молодой человѣкъ, хоть у него кровь стучала въ жилахъ, и яркая, лихорадочная краска бросилась въ лицо.—Споръ ни къ чему привести не можетъ, —намъ другъ друга не убѣдить.

Макшеевъ рванулъ правой рукой часовую цѣпочку и всѣмъ туловищемъ подался впередъ.

— Охъ, братъ, полно меня этими глупыми фразами подчивать! Я человѣкъ простой и мудреныхъ рѣчей мнѣ не надо. Только башка у меня, кажется, на своемъ мѣстѣ и вздорными словами меня не проведешь... Профессоромъ стать—велика честь!

Онъ снова захохоталъ своимъ рѣзкимъ смѣхомъ, но голосъ его оборвался, и совсѣмъ иныя, задушевныя, будто мягкія ноты въ немъ прозвучали:

— Слушай,—онъ поднялся во весь ростъ и обѣими руками взялъ сына за плечи. Онъ будто давилъ его всей мощью своей тяжелой фигуры.—Слушай,—повто-

рилъ онъ,—я вѣдь добра тебѣ желаю. Да и вся надежда моя на тебя. Вѣдь ты у насъ въ семьѣ и воспитаннѣе, и умнѣе прочихъ... Да, умнѣе,—чего ты на меня смотришь? Ты думаешь, я не знаю, что Петя, хоть и шустеръ и толковъ, твоего мизинца не стоитъ. Какъ же ты хочешь, чтобы у меня не болѣло сердце, что ты способности свои хочешь отдать на пустое, нищенское дѣло, когда ты золото можешь загребать руками? Вѣдь я тамъ, что ни говори, хоть и скопилъ деньгу, все таки настоящаго, крупнаго дѣла не слажу, потому у меня на то образованія нѣтъ. Стали меня, правда, кажись, настоящимъ человѣкомъ считать. Давеча, въ министерствѣ посмотрѣлъ бы ты, какъ глядѣли на меня всѣ эти генералы и самъ даже министръ. Я ужъ не Ѳедька Макшеевъ, котораго почти что за хама считали. А все таки я на тебя разсчитывалъ, чтобы смыть это старое пятно и нашъ родъ въ люди вывести. Я спину сгибалъ, да и теперь еще... А тебѣ можно было бы со всѣми быть на равной ногѣ, никому не кланяться. Съ моими деньгами да съ твоимъ образованіемъ...

При словѣ: „пятно“ Алеша поблѣднѣлъ. Онъ невѣрно понялъ отца.

— Пятна деньгами не смоешь,—проговорилъ онъ, понуря голову.

— И какъ еще смоешь!—громко захохоталъ Ѳедоръ Степановичъ, отступая на шагъ отъ сына.—Обращеніе съ людьми только надо знать, и въ этомъ у меня—чего грѣха таить—изъянъ. Не учился никогда деликатнымъ манерамъ; такъ, чутьемъ только распозналъ, какъ съ господами говорить надо. Ну, а коли меня, котораго всякій укорить можетъ за то, что я сынъ крѣпостного и ни въ какой гимназіи не учился...

— Ахъ, ты про это!—перебилъ его Алеша, почти обрадованный.—Тогда и хлопотать нечего. Въ происхожденіи человѣка никакого пятна нѣтъ и быть не можетъ.

Презрительная улыбка перекосила губы Ѳедора Степановича.

— Ну, это мнѣ лучше знать. Только не въ этомъ теперь дѣло. Я хотѣлъ тебѣ сказать, что отъ тебя зависитъ устроить себѣ такое будущее, какое тебѣ во снѣ не снилось. Только брось глупости, займись настоящимъ дѣломъ, стань мнѣ помощникомъ — и въ деньгахъ отказа тебѣ не будетъ. Бери, сколько хочешь.

Глаза у старика сверкнули. Какъ искуситель, онъ хотѣлъ ослѣпить молодого человѣка блескомъ ожидавшаго его богатства, лишь бы тотъ поклонился кумиру, которому не переставалъ служить Ѳедоръ Степановичъ.

Молодой человѣкъ покачалъ головой.

— Деньгами ты меня не прельстишь,—сказалъ онъ тихо.—И на что онѣ мнѣ?

— На что? деньги-то?—и презрительный хохотъ снова громко раздался по небольшой комнатѣ.—Хоть бы на то, чтобы Ѳедьку Макшеева пропустить въ кабинетъ министра, котораго генералы часами дожидаются. А коли прибавить къ моей смёткѣ твое образованіе,— нашъ родъ совсѣмъ въ люди выйдетъ, и никому и въ голову не придетъ Макшеевыхъ неравными себѣ считать.

У Ѳедора Степановича за послѣднее время проснулась незнакомая ему ранѣе потребность въ почетѣ. То, что прежде ему казалось въ порядкѣ вещей—презрительное обращеніе съ нимъ людей, стоявшихъ выше,— теперь вызывало у него гнѣвный стыдъ. И при мысли, что когда-то, очень ужъ давно, чья-то рука, рука обманутаго имъ хозяина, оставила слѣды на его щекѣ, вся кровь въ немъ яростно кипятилась. По мѣрѣ того, что совершенныя имъ продѣлки уходили все дальше въ глубь прошлаго, Ѳедоръ Степановичъ будто про нихъ забывалъ. Но ему помнился живо тотъ рядъ униженій, который онъ перенесъ, не чувствуя иной разъ ихъ жгучести. Какой-то зудъ порядочности ему не давалъ покоя. И выставить, наконецъ, въ лицѣ младшаго сына такого Макшеева, которому стыдиться было нечего, становилось для него ежечасною мечтою. А этотъ сынъ не хо-

тѣлъ понять его, сторонился какъ будто отъ его богатства, и однѣ нелѣпыя ребяческія грезы о служеніи наукѣ туманили ему голову.

Долго Ѳедоръ Степановичъ твердилъ сыну одно и то же. Онъ становился почти краснорѣчивымъ порой—особымъ грубымъ краснорѣчіемъ человѣка, гордившагося своимъ успѣхомъ и сознававшаго за собой право и на уваженіе прочихъ.

И вотъ, онъ встрѣчалъ препятствіе на первомъ шагу. Этотъ глупый мальчишка, этотъ „щенокъ", оставался глухимъ къ его словамъ.

Нѣсколько разъ ужъ Ѳедоръ Степановичъ переходилъ отъ ласки къ угрозѣ, отъ презрительнаго гнѣва почти къ нѣжности. И все было напрасно.

— Говорю тебѣ, мнѣ твоихъ денегъ не надо,—какимъ-то тихимъ, почти беззвучнымъ голосомъ повторялъ Алеша. И на горячія убѣжденія отца, сказать ему, наконецъ, что сдѣлало его такимъ, откуда у него взялось это смѣшное безкорыстіе,—у молодого человѣка вырвался долго сдерживаемый отвѣтъ:

— Не надо мнѣ твоихъ денегъ, потому что я не увѣренъ, чисты ли онѣ.

Скрещенныя руки Ѳедора Степановича захрустѣли; злой огонь блеснулъ въ его прищуренныхъ зрачкахъ.

— Ага! Вотъ оно что! Не довольно чисты мои деньги для его благородія! Знаю, знаю, откуда у тебя эти мысли берутся. Охъ, треклятая ваша порода дворянская! Чортъ меня дернулъ на твоей матери жениться! Очень было нужно! Съ Аграфеной Карповной (такъ звали первую жену Макшеева) мы жили душа въ душу. А съ этой, признаться, блѣднолицей дурой...

Онъ не ожидалъ, что за дѣйствіе произведутъ его слова. Алеша сталъ передъ нимъ съ горящимъ взоромъ, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ.

— Не смѣй такъ говорить о моей матери! не смѣй! Она святая была, а ты... ты ее въ гробъ свелъ, я все понимаю теперь!..

— А! Въ гробъ!—закрежетавъ зубами, перекричалъ Ѳедоръ Степановичъ.—Мальчишка! Щенокъ!

Но онъ тотчасъ овладѣлъ собой.

— Хорошо! Съ тобой я словъ больше терять не стану. Я знаю, съ кѣмъ мнѣ объясниться надо.

И онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

IX.

Александра Осиповна съ Леночкой только что вернулись съ покупками, и дѣвушка, у которой все еще рябило въ глазахъ отъ видѣннаго ею въ магазинахъ, накинулась на отца, съ шумнымъ восторгомъ разсказывая про свои петербургскія впечатлѣнія. Въ первую минуту она не замѣтила, какъ насупились брови у Ѳедора Степановича.

— Хорошо, хорошо, Лена,—стараясь подавить гнѣвныя ноты въ голосѣ, остановилъ ее отецъ.—Успѣешь наболтаться, а теперь ступай. Мнѣ съ теткой твоей поговорить надо.

Леночка тотчасъ замолкла и ушла на цыпочкахъ.

Александра Осиповна провела зятя въ свой кабинетъ и усѣлась, не снимая шляпы. Съ перваго взгляда на его лицо, она догадалась, какого рода объясненіе ей предстояло. Вопреки своей кажущейся робости, тетя Саша была не изъ тѣхъ, кто безмолвно уступаетъ передъ вспышкою своевольнаго гнѣва.

— Хорошо воспитали вы Алешу, нечего сказать!—началъ Ѳедоръ Степановичъ, останавливаясь передъ нею.—Спасибо вамъ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ вы мнѣ спасибо можете сказать,—твердо отвѣтила она, не спуская съ него глазъ.—За Алешу вамъ краснѣть не придется. Дай Богъ, чтобы не случилось наоборотъ.

— Понимаю,—глухо и коротко засмѣялся Макшеевъ.—Ну да этимъ меня не испугаете. Я—обстрѣленный. Мо-

жете меня попрекать сколько угодно... Только сынку моему не намѣренъ позволять мнѣ говорить дерзости. Бояться онъ меня долженъ, коли уважать не научили.

И Ѳедоръ Степановичъ передалъ свояченицѣ,—передалъ нѣсколько по своему,—разговоръ съ сыномъ.

— Отцовскихъ денегъ стыдится, молокососъ! Что-жъ, пожалуй, можно его и совсѣмъ безъ этихъ денегъ оставить. Посмотримъ, далеко ли онъ безъ нихъ уйдетъ.

Тетя Саша въ отвѣтъ только молча поглядѣла на зятя. Ѳедоръ Степановичъ продолжалъ, нѣсколько понизивъ тонъ:

— И вы послѣ этого хотите, чтобы я вамъ Леночку оставилъ? Чего добраго, ее тоже противъ меня возстановите—слуга покорный!

Александра Осиповна вся выпрямилась на креслѣ.

— Никогда—слышите ли, никогда—я Алешу противъ васъ не возстановляла. Напротивъ, я старалась всячески отъ него скрыть правду, чтобы онъ не разучился почитать васъ.

— Да, да, разумѣется!.. Будто я не знаю! Прямо вы ему не сказали ничего, а только давали понять, что есть тамъ какая-то скверная тайна. Вѣчно эти ваши бабьи увертки. И хотѣлъ бы я знать, какую это вы правду отъ него скрывали?

— Да хоть то, Ѳедоръ Степановичъ, что покойницу-сестру вы замучили.

— Я? Я замучилъ?—вскрикнулъ было Макшеевъ, но голосъ его оборвался, и, подъ настойчивымъ взглядомъ прямыхъ карихъ глазъ тети Саши, его воспаленные зрачки опустились. А рука невольно схватилась за спинку стула, точно она искала себѣ опоры.

— Да, замучили бѣдное, слабое существо грубостью своей и постоянною необходимостью видѣть всю мерзость вашей жизни.

— Это что-жъ вы за Богушевскихъ такъ заступаться изволите? Изъ за нихъ, что ли, изстрадалась ваша сестрица? Вы бы хоть то вспомнили, что Богушевскіе

давно сгинуть успѣли, когда я на ней женился. Или такъ ужъ ей тяжело было видѣть, что мужъ у нея толковый и деньгамъ счетъ знаетъ. Лучше ей было бы, что ли, за какого-нибудь лодыря или оборванца выйти,—хотя бы изъ благородныхъ? Такихъ сколько угодно теперь развелось.

— Полноте, Ѳедоръ Степановичъ!—остановила она его:—вы умный человѣкъ, а понапрасну слова тратите. Точно я не знаю, какова была жизнь сестры. Каждый день яснѣе сознавать, что приходится жить съ человѣкомъ, котораго уважать нельзя, котораго никто не уважаетъ... Для васъ это можетъ быть, все равно. Вы этого, пожалуй, и не понимаете совсѣмъ, и не чувствуете.

Ѳедора Степановича передернуло. Кулаки у него стиснулись невольно, глаза налились кровью. Глядя на него, можно было подумать, что онъ тутъ же набросится на свояченицу,—такой глухой злобой дышало его раскраснѣвшееся лицо. Но онъ все еще сдерживалъ себя, и голосъ его прозвучалъ даже какъ будто спокойнѣе, когда онъ насмѣшливо отвѣтилъ:

— Меня-то не уважаютъ? Эге! Посмотрѣли бы, какъ передо мной шапки ломаетъ народъ!

— Народъ,—перебила его Александра Осиповна,—который отъ васъ зависитъ, которому хуже теперь живется, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Не мудрено, что передъ вами дрожатъ и угодничаютъ крестьяне. Кабы у васъ только одинъ грѣхъ былъ на душѣ, его можно было бы, пожалуй, еще искупить. Честнымъ человѣкомъ стать никогда не поздно. Да нѣтъ, впрочемъ, нѣтъ, того не искупить, что вы сдѣлали. Вотъ еслибъ вы пошли, да повинились передъ Владиміромъ Семеновичемъ Богушевскимъ и вернули ему награбленное состояніе.

Ѳедоръ Степановичъ разразился громкимъ хохотомъ. Слова Александры Осиповны ему казались настолько дикими, что отъ нихъ даже гнѣвъ его какъ будто улегся.

— Да,—воскликнулъ онъ:—по вашему, мнѣ слѣдо-

вало бы пойти да поклониться бывшему барину въ ноги, и самому нищимъ остаться. И большое спасибо за это мнѣ сказала бы ваша сестрица и дѣти мои тоже.

— У васъ было бы честное имя...

— Честное имя! Развѣ у такихъ людей, какъ я, имя бываетъ? Я, что ли, такое имя отъ родителей получилъ? Нѣтъ-съ, нашему брату все свое добыть надо, и самую честь, которая сама по себѣ гроша мѣднаго не стоитъ, и которую за деньги всегда можно купить. Такъ-съ!

Александра Осиповна поднялась съ мѣста. Они глядѣли теперь въ упоръ другъ на друга.

— Вотъ этого-то и не могла вынести покойница-сестра,—вполголоса проговорила она. — Надя понимала васъ, хотя вы передъ ней, можетъ быть, этимъ и не похвалялись, какъ сейчасъ вотъ. Скажите прямо—хотѣли бы вы, чтобы Алеша присутствовалъ при нашемъ разговорѣ и слышалъ, что вы сейчасъ сказали? Хотѣли бы вы этого?

Гнѣвное восклицанiе судорожно и глухо вырвалось изъ груди Ѳедора Степановича и замерло тотчасъ. Онъ опустилъ глаза.

— Вотъ это самое я и скрывала отъ Алеши. И скрыла насколько могла, потому что онъ тоже, какъ сестра-покойница, не вынесетъ пятна на вашемъ прошломъ.

— Что вы мнѣ все про одно твердите? — топнувъ ногой, нетерпѣливо воскликнулъ Макшеевъ. — Пятно, тамъ, какое-то, вздоръ! Прошлаго не воротить, а въ Новоспасскомъ, гдѣ я живу теперь, про него и не знали никогда. И какое тамъ прошлое! Ѳедоръ Макшеевъ — сила, и никто не спроситъ, откуда эта сила взялась. Посмотрѣли бы вы, какъ меня самъ министръ принималъ.

Ѳедоръ Степановичъ сталъ ходить взадъ и впередъ.

— А совѣсть-то у васъ хоть сколько-нибудь уцѣлѣла? Или вы надѣетесь, что вамъ возвратитъ ее прiемъ министра?

— Охъ, глупости, слова пустыя!—Онъ топнулъ ногой опять.—Точно я въ дѣлѣ притѣснитель какой-нибудь, кровопійца. Мало ли я развѣ пожертвовалъ на бѣдныхъ? Тамъ, на родинѣ, больница на мой счетъ выстроена. Не слышали развѣ?

— Да, выстроена, чтобы васъ въ гласные выбрали наконецъ, послѣ того, какъ забаллотировали три раза... Подъ старость у васъ, должно быть, потребность въ уваженіи все таки проснулась. Неловко какъ-то чувствовать на себѣ презрѣніе всѣхъ порядочныхъ людей.— Глаза Ѳедора Степановича опять зажглись гнѣвомъ. Александра Осиповна кольнула его въ самое больное мѣсто, и запальчивый отвѣтъ готовъ былъ у него вырваться, какъ вдругъ въ дверяхъ показалась Марѳа.

— Барышня та самая зашла,—доложила она,—которая недѣли двѣ назадъ приходила. Фамилію ихнюю что-то запамятовала. Еще изволите помнить, съ ними вмѣстѣ Алексѣй Ѳедоровичъ вышли?

— А, Наташа! Проси ее, проси! — живо отвѣтила Александра Осиповна.

И вслѣдъ за горничной она прошла въ переднюю на встрѣчу дѣвушкѣ, бросивъ мимоходомъ взглядъ на зятя.

— Останьтесь, Ѳедоръ Степановичъ... Она всего на минуту.

И мигъ спустя, она вернулась съ Наташей.

— Извините меня. Я вамъ, кажется, помѣшала, — проговорила та, оглядываясь на Ѳедора Степановича.

Ничуть не помѣшали,—она поцѣловала дѣвушку въ лобъ.—Это мой зять—Ѳедоръ Степановичъ Макшеевъ.

Отецъ Алексѣя Ѳедоровича? Да?—звонкимъ голосомъ спросила дѣвушка, не совсѣмъ рѣшительно протягивая Ѳедору Степановичу руку. И глаза при этомъ съ какимъ-то нѣмымъ вопросомъ и въ то же время съ дружелюбной искренностью остановились на жесткомъ лицѣ стоявшаго передъ ней человѣка.

Ѳедоръ Степановичъ молча и коротко поклонился.

Дѣвушка посмотрѣла на него еще разъ. Грубоватыя черты Макшеева и вся его фигура какъ-то невольно произвели на нее сразу непріятное впечатлѣніе.

— Я зашла сказать вамъ,—начала она, обращаясь къ Александрѣ Осиповнѣ,—что окончательно рѣшилась. Осенью я поступаю на медицинскіе.

— Рѣшились? Да? И, кажется, немножко противъ воли?

Она усадила дѣвушку рядомъ съ собой.

Та усиленно покачала головой и засмѣялась.

— Представьте себѣ, я даже не чувствую теперь, что недавно еще мнѣ не хотѣлось идти. Я такъ свыклась съ этой мыслью, что она стала будто моей собственной. И теперь ужъ я не измѣню рѣшенія. Ни-ни. А васъ я благодарю отъ всей души, что вы помогли мнѣ справиться съ колебаніями. Я долго-долго раздумывала, и убѣдилась, наконецъ, что это—самое лучшее, хотя дома родные меня и отговаривали.

— Надѣюсь, однако,—спросила тетя Саша,—не вѣшло изъ за этого никакихъ...

— Домашнихъ столкновеній? Нѣтъ!—опять засмѣялась дѣвушка.—Родные хорошо знаютъ, что ничего со мной не подѣлаешь, когда я что-нибудь себѣ въ голову вобью. Они и привыкли къ моему строптивому нраву и съ нимъ мирятся. А что, — спросила она вдругъ:—племянникъ вашъ все надъ своими книгами сидитъ и все такой же нелюдимъ? Мы съ нимъ не видѣлись съ тѣхъ поръ... Скажите ему,—добавила она, какъ бы запнувшись на мигъ,—что братъ и я, мы будемъ рады, если онъ зайдетъ когда-нибудь...

Случайно взглядъ дѣвушки, все такой же ясный и спокойный, скользнулъ опять по лицу Ѳедора Степановича. И ее поразило что-то напряженное и злое въ этомъ лицѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она вошла, Макшеевъ не проронилъ ни слова.

— Хорошо, передамъ ему, — отвѣтила Александра Осиповна.

— А я вамъ все таки помѣшала, — поднимаясь съ мѣста, снова заговорила Наташа. — Вы не хотите сознаться, но я вижу...

Минуты двѣ еще она обмѣнивалась съ тетей Сашей оживленными, хоть незначительными словами, очевидно выжидая чего-то. Глаза ея при этомъ раза два вопросительно устремились къ дверямъ. Но двери оставались закрытыми—не показывался никто.

Дѣвушка простилась съ хозяйкой и, не протягивая Өедору Степановичу руки, направилась къ выходу.

Проводивъ ее до передней, Александра Осиповна тотчасъ вернулась.

— Знаете вы,—почти торжественно спросила она у зятя,—кто была эта дѣвушка? — И не дождавшись отвѣта, она добавила:—ее зовутъ Наташей Богушевской.

Удивленное восклицаніе хотѣло вырваться у Өедора Степановича, но звукъ остановился въ его стиснутомъ горлѣ. Губы только зашевелились безсознательно, и что-то робкое, похожее на стыдъ, показалось въ глазахъ.

— И она... Ничего не знаетъ?—почти беззвучно спросилъ онъ, мигъ спустя.

Александра Осиповна покачала головой.

— Ничего...

Теперь радостный лучъ блеснулъ въ этихъ самыхъ глазахъ.

— И съ Алешей она хорошо знакома? Даже какъ будто имъ интересуется?

— Можетъ быть. Я про это не знаю.

Все живѣе, порывистѣе становились вопросы Өедора Степановича. Встрѣтить у свояченицы дочь ограбленнаго имъ когда-то человѣка, и встрѣтить ее такой привѣтливой, простой — это казалось Өедору Макшееву почти залогомъ прощенія его давнишней вины. Напускная дерзость покинула его. Воспоминаніе о прошломъ воскресало во всей давящей силѣ. И этой короткой встрѣчи было достаточно, чтобы смягчить его раздраженіе.

Когда, полчаса спустя, онъ снова увидѣлъ сына и дочь, и вся семья усѣлась за обѣденнымъ столомъ, онъ старался даже загладить что-то. Съ Алешей онъ не заговаривалъ о томъ, что произошло между ними. Нѣмымъ взглядомъ да измѣнившимся, смягченнымъ голосомъ онъ только давалъ ему понять, что беретъ назадъ свои запальчивыя слова и прощаетъ сыну его непочтительную вспышку.

Леночка тоже замѣтила, что настроеніе отца измѣнилось къ лучшему, и поспѣшила этимъ воспользоваться.

— Папа, какъ я рада, что наконецъ въ Петербургѣ!— говорила она съ сіяющимъ взглядомъ.—Оставьте меня здѣсь, пожалуйста оставьте!

Она вкрадчиво ласкалась къ отцу и глядѣла совсѣмъ послушною и кроткой, пересчитывая, сколько ее въ Петербургѣ ожидаетъ удовольствій. Особеннымъ восторгомъ наполнила ее мысль о театрѣ.

— Теперь, наканунѣ масляницы, навѣрно будетъ столько интереснаго. Неужели отецъ не дастъ ей позабавиться вдоволь? Неужели онъ увезетъ ее въ Новоспасское?—взволнованнымъ голосомъ спрашивала она.

А когда Ѳедоръ Степановичъ на половину уступилъ, сказавъ, что увидитъ, да и рано еще рѣшать что-нибудь, такъ какъ самъ онъ думаетъ остаться въ Петербургѣ недѣли двѣ,—Леночка была увѣрена, что поставила на своемъ. Но надо только выказать суровому папенькѣ какъ можно больше ласковой нѣжности. Дома, въ деревнѣ, Леночка его на этотъ счетъ не баловала. И почти добившись того, чего хотѣла, она принялась за другое. Принялась описывать, какъ у нея разбѣгались глаза, пока она ѣздила съ теткой за покупками, и сколько ей накупить надо разныхъ прелестныхъ вещей.

— Ну, ты не слишкомъ тамъ насчетъ покупокъ, мотовка ты этакая!—пожурилъ ее Ѳедоръ Степановичъ, но пожурилъ съ несвойственнымъ ему добродушіемъ. На самомъ дѣлѣ онъ вовсе не думалъ теперь о дочери, позабылъ даже о своихъ крупныхъ предпріятіяхъ. Вся

голова его была занята мыслью о сынѣ и объ этой неожиданной встрѣчѣ съ дочерью бывшаго своего барина. Ему разительно представился контрастъ между прошлымъ и настоящимъ. Тогда ему приходилось лицемѣрно низкопоклонничать передъ отцомъ Наташи, дрожать каждую минуту, какъ бы не открылись его продѣлки. Теперь его бывшій хозяинъ—полунищій, а онъ—обладатель крупнаго состоянія, и дочь этого хозяина вынуждена зарабатывать себѣ хлѣбъ. Нѣжный образъ Наташи и свѣтлая ея покорность обстоятельствамъ сильнѣе подѣйствовали на его крутой нравъ, чѣмъ могли бы то сдѣлать самые пламенные, самые язвительные упреки. Въ первый разъ, быть можетъ, въ немъ зашевелилась жалость къ ограбленной имъ семьѣ...

Покончивъ съ своими маленькими дѣлами, Леночка вздумала похлопотать и о Сережѣ. Она знала черезъ тетку, что онъ въ Петербургѣ и не хочетъ показаться отцу. Ей захотѣлось помочь ему, этому доброму, безтолковому Сережѣ, какъ она мысленно его называла. И тутъ же передала Ѳедору Степановичу о пріѣздѣ старшаго сына.

— Какъ? Этотъ болванъ здѣсь?—воскликнулъ Макшеевъ.—И за деньгами пріѣхалъ? Это съ мѣсяцъ послѣ того, какъ онъ у меня цѣлыя три сотни выклянчилъ. Экій мотыга проклятый! Надѣюсь, ему не дали ни копѣйки?

— Я ему далъ взаймы полсотни,—сказалъ Алеша.— Это были его первыя слова, съ тѣхъ поръ какъ они опять встрѣтились съ отцомъ послѣ недавней размолвки.

— Взаймы? Дожидайся, когда онъ отдастъ! И хорошо онъ дѣлаетъ, что мнѣ на глаза не показывается. Я бы ему, негодяю...

Мысленно онъ добавилъ, что отъ младшаго сына, котораго онъ любилъ меньше Сережи, ему незачѣмъ бояться чего-либо подобнаго. Ему приходится деньги почти навязывать.

Онъ посмотрѣлъ на молодого человѣка, и странное

незнакомое чувство въ немъ заговорило. Какое-то чувство уваженія къ безкорыстной гордости сына. У него забрезжила мысль, что умѣть обходиться безъ денегъ и не преклоняться передъ ними—еще лучше, пожалуй, чѣмъ умѣть ихъ добывать. „Бѣдный, бѣдный Сережа,—сказалъ онъ себѣ,—ничего изъ него не выйдетъ, пропащій человѣкъ“.

И онъ все таки объявилъ Александрѣ Осиповнѣ, чтобы она велѣла этому „болвану“ придти на другой день.

— Пусть явится... Разбраню его. Да ужъ нечего дѣлать... Дамъ еще. Не умирать же ему съ голоду. Да и кто знаетъ еще, когда мы съ нимъ увидимся.

Послѣднія слова онъ произнесъ глухо, вполголоса, опустивъ голову на грудь. Но онъ поднялъ ее тотчасъ.

Александра Осиповна принялась разсказывать Алешѣ, что поручила ему передать Наташа. Румянецъ тотчасъ выступилъ на щекахъ молодого человѣка.

Ѳедоръ Степановичъ это замѣтилъ. „Неужели онъ ее любитъ,—пронеслось у него въ головѣ,—а не подозрѣваетъ ничего“?...

И воспоминанія прошлаго опять заговорили ему про неизгладимую, постыдную тайну.

X.

Тяжелое впечатлѣніе, оставшееся на душѣ у Алеши послѣ разговора съ отцомъ, не то чтобы исчезло, а стало какъ-то легче, когда онъ узналъ, что Наташа заходила къ Александрѣ Осиповнѣ и спрашивала о немъ. Его сомнѣнія не разсѣялись ничуть и не подтвердились тоже.

И утромъ онъ, самъ того не замѣчая, весь отдался мысли, что сегодня же увидится съ молодой дѣвушкой. Нельзя было не зайти къ Богушевскимъ послѣ того, какъ Лева и Наташа его приглашали.

И вотъ онъ торопливо взбѣгалъ по ихъ лѣстницѣ, звонилъ у дверей ихъ квартиры.

Ему отворилъ Лева.

— А!—воскликнулъ молодой путеецъ, увидавъ Алешу.—Очень радъ, тѣмъ болѣе, что вы отрываете меня отъ страшно трудной задачи, надъ которой я работаю цѣлыхъ два часа.

Онъ крѣпко потрясъ руку новаго пріятеля и добавилъ улыбаясь.

— Пожалуйте сюда ко мнѣ. Я одинъ дома. Придется моимъ обществомъ удовольствоваться.

Онъ провелъ Алешу въ свою комнату, усадилъ на диванъ и предложилъ покурить.

Алеша отказался. Онъ не курилъ вовсе.

Молодой Богушевскій усѣлся верхомъ на стулѣ и заговорилъ съ оживленіемъ, перескакивая съ предмета на предметъ и какъ бы отыскивая, какимъ вопросомъ можно было расшевелить Алешу и заставить высказаться. Но старанія его были напрасны.

Вся натура Левы, его блестящіе, прыткіе глаза, его самоувѣренность, даже его красивое лицо, возбуждали въ Алешѣ какую-то глухую непріязнь, невольно принуждая его съеживаться, замыкаясь въ себѣ.

„Экій ты, однако, скрытный!—думалъ про себя Лева:— точно, право, ящикъ съ секретнымъ замкомъ. Или, можетъ быть, просто въ тебѣ ничего нѣтъ, и я даромъ только стараюсь что-нибудь вычерпнуть изъ твоей пустой башки?.. Чѣмъ заинтересовалъ онъ Наташу, въ толкъ не возьму?“

Юный путеецъ свободно разглагольствовалъ о своихъ видахъ на будущее, о задачахъ молодежи, о томъ, какъ трезвѣе она стала и разумнѣе, и цѣлую теорію пустился излагать о цѣляхъ жизни и о средствахъ ихъ достигнуть.

Лева скромничать не любилъ, хотя и высказывался онъ настолько лишь, насколько онъ считалъ нужнымъ. Онъ замѣчалъ прекрасно, что свободные отъ

предразсудковъ взгляды, какіе онъ возлагалъ передъ Алешей, тому не совсѣмъ приходятся по вкусу. Но этимъ онъ не тревожился. Говорить малознакомому человѣку вещи, отъ которыхъ его нѣсколько коробитъ—это вѣдь лучшее средство задѣть за живое и вызвать на возраженіе. И пустить въ ходъ нѣкоторый цинизмъ никогда не мѣшаетъ. Робкаго человѣка—а такимъ онъ считалъ Алешу—это развѣ огорошитъ слегка и внушитъ ему высокое мнѣніе объ умственной смѣлости у собесѣдника.

Почти битый часъ Алеша выслушивалъ бойкія рѣчи молодого человѣка, все ожидая, не появится ли Наташа. Но ожиданія его были тщетны. Дѣвушка вернулась въ ту самую минуту, когда онъ, прощаясь съ Левой, накидывалъ въ передней шинель.

— Гдѣ пропадала такъ долго? — спросилъ у нея братъ.

— У подруги была...

Глаза ея такъ и свѣтились сквозь опущенную вуалетку.

— А вы уходите, — протянула она Алешѣ руку.— Очень жаль, что опоздала. Значитъ до другого раза?

— Да вотъ что, — вставилъ Лева: — заходите-ка лучше вечеркомъ. У насъ по субботамъ кое кто собирается,—разумѣется, больше учащаяся молодежь, какъ мы вотъ съ нею. И молодежь все, кажись, толковая... Ничего ты противъ этого не имѣешь, Наташа?—спросилъ онъ, подмигивая сестрѣ.

— Знаете что?—сказала она: мы иногда музыкой занимаемся, такъ вы, кстати, свою віолончель бы привезли. Сыграемъ что-нибудь вмѣстѣ. Хотите?

— И коли на то пошло,—добавилъ ея братъ,—заходите ужъ прямо послѣзавтра, не откладывая въ дальній ящикъ.

И когда это послѣзавтра наступило, Алеша не заставилъ себя ждать.

Онъ явился къ Богушевскимъ рано и засталъ у

нихъ всего только Смолина, да еще двухъ барышенъ изъ Наташиныхъ подругъ.

Одна изъ нихъ, прехорошенькая блондинка, съ мелкими, подвижными чертами и вздернутымъ носикомъ, все чему-то смѣялась, съ какой-то преувеличенно наивной дѣтской шаловливостью. Другая—высокая, стройная, но далеко не красивая дѣвушка, съ блѣднымъ, вдумчивымъ лицомъ, глядѣла необыкновенно строго для своихъ девятнадцати лѣтъ. Она годъ назадъ покончила съ гимназіей и посѣщала курсы.

Маленькое общество собралось въ одномъ изъ угловъ первой комнаты и казалось очень оживленнымъ. Завидѣвъ входившаго Алешу, Наташа быстро поднялась къ нему на встрѣчу.

— А, вотъ это мило! Хорошо, что сдержали слово.

Она крѣпко, по-мужски, пожала ему руку. Глаза у нея весело улыбались.

— А віолончель привезли?

Алеша покачалъ головой. Ему почему-то совѣстно было съ перваго раза притащить свой инструментъ.

— Ну, вотъ это совсѣмъ нехорошо,—пожурила его дѣвушка.—Только что похвалила васъ, что сдержали слово. Вамъ совѣстно было, говорите вы? Полноте, что за церемоніи! Мнѣ такъ пріятно было бы съ вами поиграть. У насъ старый рояль, — видите, престарый даже,—но звукъ у него хорошій. Такъ позвольте сейчасъ послать къ вамъ горничную, привезти віолончель. Можно?

Долго не думая, Наташа послала къ Алешѣ, а ея братъ, взявъ молодого человѣка подъ руку, повелъ его къ матери.

Когда онъ пригласилъ Алешу бывать у нихъ по вечерамъ, онъ еще не спросилъ о согласіи Ольги Андреевны. Но добиться этого согласія онъ считалъ не труднымъ. Ольга Андреевна особой твердостью воли не отличалась и слегка побаивалась сына. Но убѣдить ее оказалось не такъ легко. При одномъ имени Алеши

Макшеева, она всплеснула руками, и все негодованіе, на какое было способно ея запуганное сердце, вылилось наружу запальчивыми словами.

— Сына этого гадкаго человѣка принимать у насъ?— воскликнула она...—Подумай, что сказалъ бы твой отецъ, кабы узналъ про это!

— Папа очень вспыльчивъ, — мягко возразилъ Лева,—но ты, мамочка, не такая. Ты добрая и все понимаешь.

И Лева старался втолковать матери, что для нихъ прямой разсчетъ принимать у себя сына Өедора Степановича.—Нѣтъ нѣтъ да и разузнаемъ кое что про его батюшку,—добавилъ онъ.—Да и что эти предразсудки? Отецъ, положимъ, мошенникъ, а сынъ-то въ чемъ виноватъ?

Эти доводы сперва дѣйствовали плохо. Ольга Андреевна не совсѣмъ понимала, какая имъ польза видѣть у себя молодого Макшеева. И уступила она въ концѣ концовъ не убѣжденіямъ сына, а скорѣе его настойчивости. Какъ всѣ слабыя натуры, она понемногу устала и сдалась.

И когда сынъ привелъ къ ней Алешу въ маленькую, очень скромную гостиную, гдѣ она разливала чай, Ольга Андреевна встрѣтила молодого человѣка, правда, не особенно радушно, но и безъ всякаго оттѣнка враждебности. Алеша ей скорѣе понравился. „Какъ онъ непохожъ на отца!—подумала она:—и кто бы въ этомъ скромномъ мальчикѣ, съ такими честными голубыми глазами, призналъ сына Өедора Степановича?“

Успѣли, между тѣмъ, явиться двое новыхъ гостей. Студентъ Корскій—худощавый малый, съ нѣжнымъ, почти женскимъ лицомъ и слегка завивавшимися бѣлокурыми волосами. И товарищъ Левы, такой же путеецъ, какъ онъ, необыкновенно рослый и плечистый, съ многообѣщавшей густой бородой и столь же густыми, вѣчно путающимися волосами. Фамилія его была нѣмецкая—звали его Клейстъ. И даже не просто, а фонъ-

Клейстъ. Но по-нѣмецки онъ не говорилъ ни слова и къ соплеменникамъ своимъ относился даже съ какой-то предвзятой суровой враждебностью.

Смѣшливъ онъ былъ очень, хотя его солидный басъ плохо вторилъ наклонности шутить.

— Ну, Корскій, говорилъ онъ въ ту самую минуту когда Алеша вернулся изъ гостиной,—перестаньте насъ подчивать громкими фразами. Удивительное дѣло: у человѣка никакихъ убѣжденій нѣтъ—да и у кого они есть въ наше время?—а валяетъ то и дѣло прописную мораль, да еще какъ торжественно!

Корскій обидѣлся, и его зеленоватые глазенки заморгали. Онъ былъ самолюбивъ, очень бѣденъ и при этомъ щепетиленъ и обидчивъ до крайности. Выражался онъ витіевато, зналъ Некрасова наизусть и любилъ его приводить, а про себя мечталъ, какъ бы современемъ получить тепленькое мѣстечко. Одѣвался онъ старательно и съ геройскимъ самоотверженіемъ отказывалъ себѣ во всемъ, чтобы блеснуть щеголеватостью. А послѣ долгаго поста онъ вдругъ, бывало, сорвется съ цѣпи и въ одну ночь прокутитъ тщательно сбереженныя деньги. Товарищи его не долюбливали, хотя и старался онъ имъ угождать и почти даже къ нимъ ласкаться.

— Я только отвѣтилъ на замѣчаніе Варвары Аркадьевны (такъ звали некрасивую курсистку),—что въ нашъ вѣкъ милитаризма каждая интеллигентная личность обязана бороться противъ ретроградныхъ тенденцій.

Дружный хохотъ встрѣтилъ эти слова.

Наташа, поднявшись со стула, отошла немного поодаль съ Смолинымъ и подозвала къ себѣ Алешу.

Ея братъ, между тѣмъ, приводилъ хорошенькую блондинку въ притворный ужасъ, вызывая на ея личикѣ невольную краску удовольствія.

А сидѣвшая возлѣ нея курсистка ужасалась искренно. Лева не щадилъ дѣвическихъ ушей, твердо увѣренный, что нравится онъ всѣмъ женщинамъ.

— Такъ вотъ-съ, юная и прелестная особа,—дразнилъ блондинку Лева:—остерегайтесь лжеученій о какихъ-то личныхъ обязанностяхъ. У хорошенькой дѣвушки одна только обязанность—умѣть нравится. Помните, что молодости два раза не бываетъ, и что единственная дѣйствительно серьезная задача — это не пропустить времени, когда все въ насъ стремится къ веселью, когда жизнь сама по себѣ есть уже счастіе. Что, правда, Клейстъ? — спросилъ онъ у товарища.

— Для прекраснаго пола, конечно,—густо захихикалъ басъ инженера.—А у насъ, пожалуй, есть и дѣло посерьезнѣе.

Долго еще они развивали оба эту тему, явно любуясь хорошенькими глазками юной собесѣдницы. А та больше смѣялась, да показывала острые зубки.

У Варвары Аркадьевны, между тѣмъ, шелъ съ Корскимъ разговоръ иного рода. Въ немъ то и дѣло попадались мудреныя слова, какъ: пессимизмъ, обскурантизмъ, позитивизмъ, и разъ даже было упомянуто о гегельянизмѣ, о которомъ оба они—и студентъ, и курсистка—имѣли довольно смутное понятіе.

А, между тѣмъ, Варвара Аркадьевна была не только необыкновенно доброе, прямое и честное существо, она была дѣвушкой очень неглупой, но постоянныя усилія оставаться въ самыхъ высокихъ умственныхъ сферахъ, въ уровень съ крупнѣйшими научными вопросами, пріучили ее къ напускной вычурности рѣчи. А Корскій, хоть и вторилъ ей, въ душѣ завидовалъ Левѣ, съ которымъ онъ не смѣлъ соперничать по части ухаживанія. Одна изъ его трескучихъ фразъ случайно задѣла вниманіе Левы, и, обернувшись къ Корскому, молодой инженеръ воскликнулъ:

— Корскій, помилуй, да вѣдь это старо, какъ грѣхъ—служеніе наукѣ. Да неужели вы не знаете, что отвлеченнымъ понятіямъ одни дураки служатъ? Они, эти понятія, намъ служить должны, хотя для того, чтобы на-

ивнымъ людямъ пыль въ глаза пускать. Да вы шестидесятникъ, что ли?

Это слово онъ произнесъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и тяжелый хохотъ фонъ-Клейста подчеркнулъ его насмѣшку.

Но Корскій закипятился и принялся витійствовать съ помощью всегда готоваго арсенала общихъ мѣстъ. Онъ видѣлъ какъ смотрятъ на него кокетливые глазки миловидной блондинки, и постарался не ударить лицомъ въ грязь. Варвара Аркадьевна кстати пришла къ нему на помощь. „Принципы... великія идеи добра... индивидуализмъ... эгоизмъ... альтруизмъ“—все это такъ и трещало въ воздухѣ..

— Да какіе же принципы были у шестидесятниковъ?—остановилъ Лева этотъ потокъ.—Тогда, напротивъ, всякіе принципы отвергали.

— Отвергали на словахъ,—возразила курсистка,—но хранили ихъ въ сердцѣ и оставались имъ вѣрны.

— Смолинъ, приди къ намъ на помощь, насъ одолѣваютъ...

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣчалъ тотъ,—у насъ тоже споръ завязался, и, пожалуй, что поинтереснѣе вашего.

Споромъ нельзя было, впрочемъ, назвать оживленную бесѣду, начавшуюся у Наташи съ обоими молодыми людьми. Говорили они тоже о вѣчномъ вопросѣ, потому вѣчномъ, что наскучить онъ не можетъ,—говорили объ искусствѣ.

Молодая дѣвушка и Алеша съ какой-то мягкой робостью касались великой тайны художественнаго творчества. И чѣмъ-то въ родѣ священнаго трепета ихъ обдавало.

А Смолинъ, хоть и пробовалъ ввернуть обычную ироническую нотку, но самъ былъ невольно увлеченъ. И для него тоже искусство имѣло обаяніе, всегда присущее тому, что несовсѣмъ понятно, что чувствуется только, а не постигается.

— Искусство,—говорилъ онъ,—вѣдь это тоже пустое

слово. Есть отдѣльныя гармоническія ощущенія, есть, положимъ, группы такихъ ощущеній, какія даетъ, напримѣръ, музыка, живопись. Но искусства вообще, какъ чего-то самостоятельнаго, нѣтъ. И коли проанализировать хорошенько эти ощущенія — всѣ они, пожалуй, сведутся къ очень простымъ природнымъ фактамъ.

Но онъ очень плохо вѣрилъ въ собственныя слова.

А на другомъ концѣ комнаты голоса спорящихъ становились все громче. Всѣ говорили разомъ и не слушалъ никто.

— Наука тѣмъ велика, — долетѣло до слуха Наташи и Смолина,—что она даетъ точные выводы.

Всѣ трое подошли къ спорящимъ.

— Точные?—вмѣшался Смолинъ. — Да, можно вычислить что угодно: скорость движенія небеснаго тѣла, число колебаній звуковой волны, составныя части любого вещества. Но что такое самое это вещество? Что такое этотъ колеблющійся эѳиръ? Что такое самое время, наконецъ? Развѣ мы объ этомъ знаемъ? Мы имѣемъ дѣло съ оболочкой, а самая суть отъ насъ ускользаетъ. Да и есть ли тутъ какая-нибудь суть? Не все ли обманъ воображенія, и не въ насъ ли самихъ происходитъ все то, что мы измѣряемъ и взвѣшиваемъ? Да и какъ взвѣшиваемъ? По нашему—точно, а на самомъ то дѣлѣ выходитъ, что не только всѣ наши приборы врутъ,—даже отвлеченныя геометрическія линіи мы не въ силахъ возсоздать идеально прямыми.

Лева повелъ плечами.

— Да на что намъ, скажи пожалуйста, идеальная точность? На что сама идея? Лишь бы мы вѣрно разсчитали, что у насъ въ рукахъ, что непосредственно съ нами соприкасается. Ну, тамъ, скорость поѣзда, сила электрическаго тока, что ли... Важно чтобы поѣздъ не соскочилъ и депеша пришла по назначенію—а какіе тутъ дѣйствуютъ законы—не все ли равно?

— Ты забываешь, — съ убійственнымъ хладнокро-

віемъ возразилъ Смолинъ,—что отнесись всѣ къ этимъ законамъ такъ, какъ ты вотъ,—не додумались бы тогда ни до телеграфа, ни до желѣзной дороги. А, впрочемъ,—засмѣялся онъ,—кто знаетъ, можетъ, этихъ законовъ и нѣтъ совсѣмъ. И въ одинъ прекрасный день, солнце не встанетъ, или не будетъ дѣйствовать сила тяготѣнія, или еще какая-нибудь катавасія случится.

Эти слова вызвали настоящій взрывъ негодованія; закипятился даже Клейстъ—непрочность физическаго закона для него казалась такою нелѣпостью, противъ которой даже и возражать хорошенько не стоило.

А Смолинъ только любовался этой бурей протестовъ.

— Ахъ, господа, господа!—сказалъ онъ, когда прочіе накричались до сыта.—Очень мы и современны, и умны, только одинъ послѣдній фетишъ у насъ еще остается—наука, въ которую вы твердо вѣрите, даже когда имѣете о ней слабое понятіе. А по моему скептицизмъ, такъ ужъ скептицизмъ. На самомъ дѣлѣ наше хваленое знаніе ни на шагъ не подвинулось съ Аристотеля. А коли ужъ вѣрить,—потому что и для отрицанія нужна вѣра,—такъ ужъ лучше въ синайскаго Іегову, чѣмъ въ слѣпую, безсознательную природу, да въ подчиненное ей дурацкое человѣчество. Правда, Наталья Владиміровна?—рѣзко и неожиданно обратился онъ вдругъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Правда то, можетъ быть, правда,—вполголоса отвѣтила она,—только... только...

— Не симпатично вамъ? Послѣднюю жертву не хотите принести? Послѣднее суевѣріе отбросить, будто мы что-нибудь знаемъ и есть тамъ какой-то прогрессъ...

Алеша до сихъ поръ не участвовалъ въ спорѣ. Его глаза только блестѣли все ярче, пока онъ слушалъ, и губы вздрагивали. Но теперь онъ заговорилъ,—заговорилъ потому, можетъ быть, что, обмѣнявшись взглядомъ съ Наташей, онъ прочелъ въ ея глазахъ что-то вызывающее его тоже на возраженіе.

— Вы прогресса не признаете, Смолинъ?—началъ онъ.

— Не признаю, виноватъ,—разсмѣялся тотъ,—потому что за каждый успѣхъ больно ужъ дорого платить надо. Удобнѣе стало жить, и скорѣе мы все узнаемъ, и больше накопляемъ денегъ,—а сами то мы что? Хилыми стали, развинченными. Стариннаго прадѣдовскаго меча обѣими руками не поднимемъ. Изнервничались. Сравните хоть теперешнихъ испанцевъ съ товарищами Кортеса и Пизано, или современныхъ итальянцевъ—съ римлянами.

— Добрѣе мы стали и къ совѣсти больше прислушиваемся, и тревожатъ насъ теперь вещи, мимо которыхъ наши прадѣды, со своими тяжелыми мечами, проходили равнодушно.

— Лева,—взявъ товарища за руку, сказалъ Клейстъ:—отойдемъ ка немного, у меня для тебя есть новость поважнѣе этихъ споровъ.

Они отошли къ окну.

— Добрѣе? — презрительно возразилъ Смолинъ. — А какъ самые образованные народы поступаютъ съ такъ называемыми „низшими“ расами? Прежде ихъ тоже истребляли, но во имя религіи. А теперь ради торговыхъ выгодъ, и сама религія пускается въ ходъ не съ миссіонерскими, а съ коммиссіонерскими цѣлями.

— Все таки,—продолжалъ Алеша,—въ римскій циркъ теперь не зазовешь толпу смотрѣть на бой гладіаторовъ. И крестьянинъ, засѣявшій поле, не боится, чтобы жатву его смяли, да вдобавокъ спалили крышу какіе-нибудь разбойники.

— Да, но за то какъ мелко стало теперь, какъ некрасиво! И тотъ самый Римъ, который любовался человѣческими страданіями, въ немъ красота была и величіе, которыхъ теперь...

— А вотъ и ваша віолончель!—сказала, вскочивъ съ мѣста, Наташа, увидавъ входившую горничную.— Привезли?—спросила она.—Ну, Алексѣй Өедоровичъ, сыграемте что-нибудь. Хотите? Ноты у насъ есть. Я все время была на вашей сторонѣ,—шепнула она ему, подходя къ роялю.

А Клейстъ, между тѣмъ, передалъ Левѣ, что ихъ начальство получило предложеніе откомандировать лѣтомъ нѣсколько путейцевъ на новую линію, постройка которой начнется въ маѣ. Это была та самая дорога, о которой пріѣхалъ хлопотать Ѳедоръ Степановичъ.

— А, а, вотъ это дѣло!—потирая руки, отозвался на извѣстіе Лева.—Надо будетъ пристроиться.

И услыхавъ отъ Клейста, что Макшеевъ еще въ Петербургѣ, онъ вдвойнѣ обрадовался знакомству съ Алешей.

Молодые люди сыграли серенаду Браге, потомъ нѣсколько вещицъ Шумана и закончили молитвою Страделлы. Сперва только, на первыхъ тактахъ, Алеша неувѣренно водилъ по струнамъ віолончели, и звуки какъ будто робко, съ какой-то болѣзненной дрожью выливались изъ подъ его смычка. Но это было всего нѣсколько минутъ. Нѣжныя волны гармоніи унесли молодого человѣка, незамѣтно для самого, въ тотъ волшебный міръ чистой красоты, въ которомъ забывается дѣйствительность. Чужая рука будто водила его смычкомъ, и звуки струились, плавные и стройные, какъ бы вытекая прямо изъ его души.

А Наташа вторила ему спокойно и вѣрно, тоже будто унесенная далеко за предѣлы окружающаго міра. Однакоже Алешѣ чудилось, что между ними не одно только музыкальное созвучіе, что вторятъ ему не одни ея пальчики, такъ увѣренно и легко скользящіе по клавишамъ. Онъ видѣлъ себя какъ бы вдвоемъ съ ней на какой-то далекой высотѣ, а пока—то сладкая мелодія серенады, то болѣзненно-язвительныя фразы Шумана, пѣли на струнахъ—ему казалось, что какая-то непонятная близость установилась вдругъ между нимъ и молодой дѣвушкой. Ему и сладко, и трепетно было это чувство. Онъ точно боялся, какъ бы не разсѣялось ощущеніе. Ему хотѣлось зажмурить глаза, какъ будто онъ этимъ могъ удержать его.

И вдругъ онъ услышалъ обращенныя къ нему со-

всѣмъ простыя слова Наташи, Она шутливо замѣчала, что такое-то мѣсто у нихъ вышло не совсѣмъ гладко, и предлагала сыграть еще разъ.

И въ самой простой непринужденности ея словъ Алеша опять почувствовалъ, какъ сблизились они неожиданно.

И такъ было весь остальной вечеръ. Они говорили другъ съ другомъ уже совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. До этого ихъ связывала только любовь къ музыкѣ, теперь она сама—волшебница гармонія, точно сплетала между ними тонкія, невидимыя нити.

Лева тоже держался съ нимъ, совсѣмъ, даже черезчуръ по-дружески. Но Алеша и не примѣчалъ этого оттѣнка. Прочіе для него перестали существовать; онъ отвѣчалъ, когда съ нимъ заговаривали, но, мигъ спустя, уже не помнилъ собственныхъ словъ. Помнилъ онъ только, что говорила Наташа. Помнилъ каждое мимолетное выраженіе ея глазъ.

Молодой человѣкъ уносилъ съ собой что-то невыразимо нѣжное и обаятельное.

Онъ и не разслышалъ, какъ чьи-то шаги раздавались сзади по ступенямъ. Только у самаго выхода на улицу онъ замѣтилъ нагнавшаго его Смолина.

— Пойдемте пѣшкомъ!—сказалъ тотъ, и странная улыбка заиграла на его губахъ—Хотите, я доведу васъ? Ночь такая дивная.

И въ самомъ дѣлѣ, мѣсяцъ необыкновенно ярко сіялъ съ морознаго неба, и лучи его, точно сквозь хрустальный вѣнокъ, блестѣли въ недвижимомъ воздухѣ, Что-то бодрящее и спокойное въ то же время было въ этомъ воздухѣ и въ самомъ мерцаніи звѣздъ на бездонной выси.

— Вы, кажется, хорошій человѣкъ, Макшеевъ,—сказалъ Смолинъ, касаясь рукой до локтя Алеши.—Сперва, признаюсь, когда мы познакомились, я хорошенько васъ не раскусилъ и присматривался къ вамъ. Но теперь, когда я слышалъ вашу игру, у меня сомнѣній не оста-

лось. Такъ играютъ одни хорошіе люди, тѣ, у которыхъ есть сердце. Что вы на меня такъ смотрите удивленно? Вы находите, что я чепуху понесъ? Нѣтъ, вѣрьте мнѣ, нѣтъ. · Въ звукахъ есть что-то особенное, въ чемъ легче всего распознать чужую душу.

Алеша попробовалъ разсмѣяться, но смѣхъ его тотчасъ замеръ, когда онъ всмотрѣлся въ серьезное лицо Смолина.

— Вы какъ-то...—началъ онъ, но тотъ его перебилъ.

— Ага, вы думаете, что человѣкъ, какъ я, всегда готовый посмѣяться надъ ближнимъ, не имѣетъ права говорить о сердцѣ. Когда-нибудь узнаете меня получше и поближе. А теперь вотъ что я вамъ скажу: одного я не люблю крѣпко—лжи, во всѣхъ ея формахъ. Настоящій человѣкъ, по моему, долженъ быть прежде всего правдивъ и независимъ—независимъ отъ всего... Мнѣ претитъ всякое стѣсненіе воли, потому что дурной человѣкъ все таки отъ этого стѣсненія ускользнетъ и сдѣлаетъ гадость, а хорошій, въ девяти случаяхъ изъ десяти, съежится и завянетъ. Да, именно завянетъ; законъ, обычай, предразсудки—все это одно и то же,—безжалостные, пустые тиски глупаго общества. О, какъ я ненавижу этотъ нравственный гнетъ заурядности, толпы, надъ свободною личностью! Гдѣ онѣ—крѣпкія натуры? Крѣпкія и добрыя въ то же время? Знаете что, Макшеевъ,—не знаю, какъ вы, а мнѣ спать не хочется. Зайдемте-ка вмѣстѣ куда-нибудь и отъужинаемъ вдвоемъ. Я человѣкъ не богатый и совсѣмъ ужъ не кутящій. Но сегодня была не была! Или не хотите? Нѣтъ? Я по глазамъ вижу, что нѣтъ. И догадываюсь — почему.

Онъ улыбнулся доброй улыбкой, совсѣмъ ему несвойственной. — Ну, — продолжалъ онъ, — Христосъ съ вами, не буду настаивать: берегите про себя то, что у васъ на сердцѣ. Боитесь, какъ бы это не улетучилось въ праздной бесѣдѣ?.. Понимаю и завидую вамъ. Да, вы хорошій человѣкъ, и если хотите, побывайте у меня,

когда у васъ есть лишній часокъ. Поболтаемъ,—авось скучно не будетъ.

Разставаясь съ Алешей, Смолинъ крѣпко пожалъ ему руку, и пожатіе это было искреннее. Дурной зависти въ немъ не было, хотя сердце его болѣзненно сжималось...

Наташа Богушевская, въ этотъ самый мигъ, стоя вдвоемъ съ братомъ передъ окномъ, въ которое широко вливался полный мѣсяцъ, упрашивала его сказать наконецъ, что онъ скрывалъ до сихъ поръ, чего не захотѣлъ договорить послѣ своей первой встрѣчи съ Алешой.

Лева, слушая ее, улыбался одними глазами.

— Сказать? Ну, что жъ, теперь пожалуй и можно. Я думаю, что ты въ ужасъ не придешь—слишкомъ ужъ...

— Что слишкомъ?—спросила она, краснѣя.

— Ну, сама знаешь, небось.

И онъ сказалъ ей все.

Услыхавъ, что за роковое вліяніе имѣлъ Алешинъ отецъ на судьбу ихъ семьи, Наташа сперва въ испуганномъ недоумѣніи опустила руки, и ей почти жалко стало, что она узнала правду. Но впечатлѣніе это она отогнала тотчасъ.

— Что жъ, вина отца не падаетъ на сына. Вѣдь онъ хорошій человѣкъ, не правда ли?

— Ну, вамъ, барышнямъ,—разсмѣялся Лева,—всегда то кажется хорошимъ, что вамъ нравится. А ты все таки молодецъ. И правильно разсудила. Я, признаться, струхнулъ немножко, разсказывая, а теперь ты все знаешь. Ну, поди спать, Наташа, пора.

Но Наташѣ не спалось въ эту ночь.

XI.

Леночка стояла у одного изъ оконъ залы и глядѣла на улицу, гдѣ то и дѣло сновали чухонцы, звеня бубенчиками. Масляница была въ полномъ разгарѣ. Дѣ-

вушку тянуло туда, въ пеструю толпу, и съ возроставшимъ нетерпѣніемъ она поджидала брата, обѣщавшаго прогуляться съ нею. Заказанные наряды ей принесли наканунѣ, и одну изъ своихъ обновокъ, полудлинное, темносинее платье для прогулокъ, она только надѣла, чтобы пощеголять имъ въ этотъ ясный, веселый февральскій день.

Но Алеша не приходилъ. Солнце склонялось къ закату, и Леночка, давно бросившая взятую книгу, скучала, надувъ губки. Петербургъ не оправдалъ ея ожиданій. За прошедшія двѣ недѣли, она всего только два раза побывала въ театрѣ, и видѣнныя ею пьесы, „Гамлетъ" и „Ревизоръ", не показались ей забавными. Александра Осиповна свела ее разъ на симфоническій концертъ—и только. Не было того оживленія, того шума, къ которымъ неудержимо стремилось ея молодое воображеніе.

Жить въ большомъ городѣ и чувствовать себя вполнѣ одинокой, не бывать въ обществѣ, не знать почти никого—это вѣдь пытка, настоящая пытка вѣчно поднимавшихся неопредѣленныхъ искушеній, только дразнившихъ ее неосуществимыми грезами.

Къ теткѣ не ѣздитъ почти никто, и тѣ немногіе, кого она видитъ у Александры Осиповны,—все такіе серьезные, даже прямо скучные люди.

Да, Леночка скучаетъ. Къ чему же нашила она себѣ эти хорошенькія платьица, сидящія на ней такъ ловко? Къ чему любовалась она своими двумя красивыми шляпками, совсѣмъ по модѣ, и новою обувью, принесенною отъ Вейса? Все это ей хотѣлось бы показать, правда, неизвѣстно кому,—любому первому встрѣчному,—а ей даже по Невскому и по Морской, въ часъ гулянья, не удается пройтись.

Братъ все занятъ и всегда такъ поздно возвращается домой изъ своей лабораторіи, одну ее не пускаютъ, а горничной некогда. Да и что за охота показываться на улицѣ съ этой глупой, неуклюжей Маѳой?

Она прижимала розовое личико къ холодному стеклу окна, точно она могла этимъ заставить кого-нибудь оттуда, съ этой шумной улицы, подняться наверхъ, въ скромную квартиру тетки.

Ахъ, еслибы явился вдругъ незнакомецъ,—кто бы онъ ни былъ,—разумѣется, только красивый, бойкій, умный,—она бы пошла за нимъ, куда бы онъ ее ни повелъ. Неудержимое, хоть и смутное желаніе чего-нибудь новаго, какого-нибудь поворота въ ея однообразной жизни, заставляло крѣпче биться ея пятнадцатилѣтнее сердечко.

— А, вотъ звонокъ. Это братъ, должно быть...

Легко, неслышно она подбѣжала къ дверямъ и, растворивъ ихъ, чуть чуть высунула свое хорошенькое личико.

Въ передней стоялъ рослый молодой человѣкъ, въ какомъ-то неизвѣстномъ ей мундирѣ, съ черными волосами и смѣлымъ, красивымъ лицомъ.

— Что, Алексѣй Ѳедоровичъ дома?—спрашивалъ онъ у Марѳы.

— Нѣтъ-съ, они вышли-съ,—отвѣтила та съ видомъ неудовольствія. Марѳа терпѣть не могла выбѣгать на звонокъ.

— Братъ сейчасъ придетъ,—быстро сказала дѣвушка, немного растворяя дверь. И тутъ же сердце у нея екнуло, и краска смущенія показалась на лицѣ. Вѣдь она какъ будто приглашала молодого человѣка войти, а это выходило совсѣмъ ужъ неприлично...

Молодой человѣкъ, завидѣвъ ее, улыбнулся, пріятно удивленный неожиданнымъ появленіемъ хорошенькой дѣвочки.

— Ахъ, вы сестра Алексѣя Ѳедоровича?—обратился онъ прямо къ ней, торопливо разстегивая пальто.—Вы мнѣ позволите войти и подождать?

Леночка не знала, что отвѣтить. Лѣвая ея ножка какъ-то боязливо стучала по полу.

Но молодой человѣкъ и не дожидался отвѣта. Снявъ

пальто, онъ подходилъ къ дверямъ и, продолжая улыбаться, повторилъ:

— Позволяете? Да?

„Что тутъ дѣлать?“ — Она пріотворила дверь еще больше, и молодой человѣкъ вошелъ.

— Меня зовутъ Львомъ Богушевскимъ. Вамъ мое имя не извѣстно?—спросилъ онъ.

Леночка покачала головой и сѣла. Молодой человѣкъ усѣлся тоже.

— Алеша мнѣ не говорилъ, что у него такая...

Онъ хотѣлъ сказать: „хорошенькая“ сестра. Это не значило, правда, ничего, но блестящіе, смѣло глядѣвшіе глаза довершили смыслъ, и Леночка поняла все, какъ нельзя лучше.

Она покраснѣла и опустила глазки.

— Я въ первый разъ у вашего брата,—продолжалъ Лева,—хотя мы познакомились уже довольно давно. Сестра моя—вы, можетъ, про нее слыхали?—у вашей тетушки бывала, но про васъ она мнѣ не говорила.

— Я недавно только пріѣхала изъ деревни,—отвѣтила Леночка, находившая, что разговаривать съ этимъ молодымъ человѣкомъ совсѣмъ нетрудно. Легкая первоначальная робость исчезла, и заискрившіеся ея глаза уже безъ всякаго смущенія глядѣли на Леву Богушевскаго. Оцѣнка выходила благопріятная, и въ душѣ она была очень рада, что случай доставилъ ей неожиданнаго собесѣдника.

— А вы любите деревню?

Съ комической рѣшительностью она покачала головой.

— Деревню? Да еще зимой? О, нѣтъ, конечно! Впрочемъ, и въ городѣ не веселѣе, когда... когда никого не знаешь.

Она мысленно тутъ же прикусила себѣ язычекъ за излишнюю откровенность. Но дѣлать было нечего—сказаннаго не воротишь.

— Ну, эта бѣда, я думаю, скоро минуетъ. Стоитъ

вамъ побывать въ двухъ трехъ домахъ, и знакомыхъ у васъ будетъ сколько угодно.—А что, вы пока очень скучаете?—добавилъ онъ, наклоняясь впередъ и любуясь ею уже съ полной откровенностью.

Дѣвушка опять вспыхнула отъ его смѣлаго взгляда, но это не помѣшало ей разсмѣяться.

— Очень,—сказала она съ невольнымъ кокетствомъ въ голосѣ и качнула ножкой.

— Да, вашему горю помочь надо,—разсмѣялся юный инженеръ, у котораго странныя мысли тотчасъ закопошились въ головѣ. „Этой дѣвочкой стоитъ позаняться“,—подумалъ онъ, и добавилъ прямо:

— Я скажу сестрѣ. Она васъ перезнакомитъ кое съ кѣмъ изъ своихъ подругъ. Или вы не хотите? Она можетъ вамъ предложить свои услуги въ качествѣ спутницы для прогулокъ.

— А сестра ваша учится? Она моихъ лѣтъ или старше? Я буду очень, очень рада, если она придетъ.

Лева ей разсказалъ про Наташу и съумѣлъ таки ввернуть два три ловкихъ комплимента по ея собственному адресу.

Леночкѣ это, очевидно, понравилось.

— И я тоже буду ходить въ гимназію съ первой недѣли,—сказала она.—Что, это очень скучно?—чуть чуть нахмурила она брови.—Сестра ваша не жалуется? Впрочемъ, тамъ будутъ другія дѣвочки—есть хоть съ кѣмъ-нибудь поболтать. Нѣтъ, скучно не будетъ. А что, очень строгіе учителя?

— Къ такимъ хорошенькимъ ученицамъ, какъ вы, едва ли,—выпалилъ Лева уже прямо, не считая болѣе нужнымъ прибѣгать къ оговоркамъ.

Леночка хотѣла придать своему личику строгое выраженіе, но противъ воли опустила глазки.

Въ передней опять раздался звонокъ.

— Вотъ Алеша!—воскликнула Леночка, вставая.

Но она ошиблась.

Въ комнату входилъ, откашливаясь хрипло, Ѳедоръ Степановичъ.

— Мой отецъ,—быстро шепнула она Левѣ.

— Позвольте мнѣ отрекомендоваться,—тоже поднимаясь съ мѣста, развязно обратился онъ къ вошедшему, на лицѣ котораго выразилось удивленіе при видѣ незнакомаго молодого человѣка.

Онъ назвалъ себя и съ самоувѣренной улыбкой на губахъ протянулъ Ѳедору Степановичу руку.

Лева сознавалъ, что въ эту минуту смущаться приходится не ему, и что, протягивая руку врагу своего отца, онъ оказывалъ ему великую честь.

И въ самомъ дѣлѣ, Ѳедоръ Степановичъ прикоснулся къ этой рукѣ, какъ будто это былъ раскаленный уголь. Его пальцы дрожали, и глаза невольно опустились.

— Вы? Вы—сынъ Владиміра Семеновича? — прошепталъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Да-съ,—веселымъ тономъ отвѣтилъ Лева.—И мнѣ очень хорошо извѣстны тѣ маленькія... недоразумѣнія, которыя были когда-то между вами и моимъ отцомъ. Могу васъ увѣрить, что для меня, по крайней мѣрѣ, эти недоразумѣнія отошли въ прошлое.

Левѣ незачѣмъ было это говорить. Съ перваго взгляда Ѳедоръ Степановичъ понялъ, что молодому человѣку все извѣстно.

— Лена,—все тѣмъ же нерѣшительнымъ, ослабѣвшимъ голосомъ сказалъ дочери Макшеевъ:—я долженъ переговорить съ Львомъ Владиміровичемъ... Оставь насъ съ нимъ вдвоемъ.

Дѣвочка обвела ихъ удивленнымъ, широко раскрытымъ взглядомъ, и вышла легкими, неслышными шагами.

Ѳедоръ Степановичъ грузно опустился на кресло, то самое, на которомъ за минуту передъ тѣмъ сидѣлъ Лева. Онъ дышалъ тяжело. Что-то злое и приниженное въ то же время было у него и въ позѣ, и въ выраженіи лица.

Мигъ спустя, онъ поднялся опять и подошелъ къ

дверямъ. Ему хотѣлось убѣдиться, не подслушиваетъ ли дочь.

За дверями не было никого. Онъ опять вернулся на свое мѣсто и еще тяжелѣе, еще болѣзненнѣе прежняго усѣлся передъ молодымъ человѣкомъ, какъ обвиняемый передъ судьей.

— Вамъ можетъ страннымъ показаться,—съ прежнею увѣренностью въ голосѣ началъ Лева,—что вы меня застаете здѣсь. А дѣло въ сущности самое простое. Я знакомъ съ вашимъ сыномъ. Мы съ нимъ почти, можно сказать, друзья. Я зашелъ къ нему и не засталъ дома...

Ѳедоръ Степановичъ замоталъ головой, какъ бы давая понять, что ему не до этого. Онъ не находилъ словъ, чтобы начать объясненіе. А Лева продолжалъ все такъ же развязно:

— Считаю нужнымъ, Ѳедоръ Степановичъ, прежде всего увѣрить васъ,—я могу теперь говорить свободно, такъ какъ вашей дочери уже нѣтъ, что никакого чувства... недоброжелательства я къ вамъ не ощущаю. Прошлое, если и не забыто, то схоронено. Меня, по крайней мѣрѣ, оно не тревожитъ. Я вижу въ васъ умнаго человѣка, которому... которому въ жизни повезло...

Лева намѣренно останавливался почти на каждомъ словѣ. Онъ сознавалъ хорошо, сколько въ этомъ было язвительнаго для Ѳедора Степановича, и наслаждался своимъ явнымъ превосходствомъ надъ противникомъ.

— Вы, собственно, что же хотите сказать?— съ трудомъ проговорилъ Макшеевъ.

— Да ничего,—засмѣялся, Лева, заложивъ ногу на ногу.—Хотѣлъ только увѣрить васъ, что отъ меня вамъ нечего опасаться какихъ нибудь попрековъ. Если намъ суждено когда-нибудь встрѣтиться въ жизни, мы можемъ подать другъ другу руку, не вспоминая прошлаго.

Глаза у Ѳедора Степановича злобно сверкнули. Раздраженіе въ немъ поднималось. Потѣшается надъ нимъ, что ли, этотъ молокососъ? Надъ нимъ, передъ

которымъ столько людей дрожатъ, и который ворочаетъ такими крупными дѣлами?

— Едва ли придется,—сказалъ онъ, понемногу возвращая себѣ утраченную самоувѣренность.

— Кто знаетъ?—все такъ же весело отпарировалъ молодой человѣкъ.—Меня, напримѣръ, съ двумя товарищами собирается наше начальство командировать лѣтомъ на интересующую васъ новую дорогу. Можетъ быть, не только встрѣтиться съ вами придется, а быть вамъ полезнымъ.

— Благодарю васъ, — сухо отвѣтилъ Макшеевъ: — пожалуй, что не окажется въ этомъ особой нужды.

Лева тряхнулъ плечами.

— Я изучилъ профиль будущей дороги, и скажу вамъ откровенно, что проектъ никуда не годится. По моему, Новоспасское придется обойти верстъ на шесть.

И черные зрачки молодого инженера смѣло впились въ лицо собесѣдника, давая ему понять, что Льва Богушевскаго сбить съ позиціи не такъ то легко.

— И отъ васъ,—иронически спросилъ Ѳедоръ Степановичъ, — зависитъ измѣнить направленіе дороги? Будто?

— Не отъ меня, положимъ, а отъ тѣхъ, кому я стану докладывать про это. Мнѣніе мое быть можетъ и невѣрно. Я пока только бѣгло ознакомился съ проэктомъ, и первыя вычисленія показали... Ну, словомъ, незачѣмъ съ вами про это говорить подробно. Вы не инженеръ, и врядъ ли поймете. Увидимъ послѣ. А скажу вамъ только, что можно быть очень толковымъ дѣльцомъ, какъ вы вотъ, но сметка и ловкость еще не все. Знаніе тоже чего-нибудь да стоитъ.

Они посмотрѣли другъ на друга пристально, и глаза старика опустились снова передъ смѣющимся взглядомъ молодого человѣка.

— Видите, господинъ Макшеевъ, — продолжалъ Лева,—поймите меня хорошенько. Я хотѣлъ только воспользоваться случайной встрѣчей, чтобы устано-

вить наши будущія отношенія. Прошлое шевелятъ одни глупые люди. А мы съ вами не изъ ихъ числа. Такъ позвольте же мнѣ вамъ повторить,—при этихъ словахъ онъ поднялся,—что васъ я уважаю, какъ человѣка, сумѣвшаго природнымъ умомъ нажить крупное состояніе. Да и я тоже изъ тѣхъ, у кого нѣтъ предразсудковъ и кто твердо рѣшился не зѣвать и не бить баклуши.

Эта увѣренность въ себѣ, это умѣнье прямо подходить къ цѣли и полное отсутствіе церемонной щепетильности понравились Макшееву, и невольно онъ говорилъ себѣ, что напрасно не родился у него такой сынъ: вдвоемъ они съумѣли бы надѣлать великихъ дѣлъ.

— У васъ, кажется, очень здравыя понятія, — отозвался онъ на слова Левы.—Вы изъ тѣхъ, кажется, съ кѣмъ легко сговориться...

— Смотря по тому какъ,—улыбнулся молодой Богушевскій.—Я уступчивъ тогда только, когда заранѣе намѣренъ уступить. Во всякомъ случаѣ очень радъ, что пришлось съ вами познакомиться. Случай порой дѣлаетъ очень умныя вещи.

И вторично, но уже безъ всякаго оттѣнка насмѣшливаго покровительства, онъ протянулъ собесѣднику руку.

Макшеевъ всталъ и на этотъ разъ пожалъ эту руку безъ смущенія.

— А я очень радъ, — сказалъ онъ, принужденно захихикавъ,—что вы судите такъ разумно.

— Мнѣ думается, почтеннѣйшій Ѳедоръ Степановичъ—было отвѣтомъ Левы,—что всегда разумно не сожалѣть о томъ, чего поправить нельзя. Мнѣ какъ и вамъ, извѣстно, что время—деньги. Незачѣмъ у васъ его мнѣ отнимать. До свиданія.

И поклонившись, онъ вышелъ.

А Ѳедоръ Степановичъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, почти любуясь развязностью молодого человѣка.

„Эге,—подумалъ онъ,—вотъ какіе ноньче народились.

За умъ, должно быть, взялось ихнее дворянское отродье. Будь онъ на мѣстѣ своего батюшки, я, чего добраго, и посейчасъ къ нему съ докладомъ ходилъ бы и поклоны отвѣшивалъ“.

И Ѳедоръ Степановичъ почувствовалъ вдругъ, что у него тяжесть съ плечь свалилась. Разговоръ съ Левой какъ бы снималъ съ него отвѣтственность за прошлое. „Коли сынъ Владиміра Семеновича про него позабыть хочетъ,—думалось Макшееву,—такъ чего же мнѣ на этотъ счетъ безпокоиться“...

А Леночка, тѣмъ временемъ, дождалась-таки брата и отправилась съ нимъ прогуляться.

Погода была чудная, иней весело хрустѣлъ подъ ногами, улицы пестрѣли народомъ, и кое кто изъ прохожихъ, улыбаясь, заглядывалъ въ хорошенькое личико дѣвушки. Но ей было не до всего этого. Разговоръ съ Левой и странныя его слова, когда вошелъ ея отецъ, не выходили у нея изъ головы.

Она шла, опустивъ глаза, и все раздумывала, какъ заговоритъ про это съ братомъ. Наконецъ она рѣшилась, и, конфузясь немного, передала ему, кое что опуская, про неожиданный визитъ молодого инженера.

— И представь себѣ,—добавила она—что онъ сказалъ папѣ...

Она повторила слова Левы.

— А папа смотрѣлъ такъ странно,—точно у него въ самомъ дѣлѣ совѣсть не чиста передъ Богушевскимъ.

Алеша не могъ придти въ себя отъ изумленія.

— Какъ? Неужели между его отцомъ и семьей Наташи были какіе-то прошлые счеты? Да какъ же послѣ этого Богушевскіе принимаютъ его такъ по-дружески?

Онъ страстно, лихорадочно переспросилъ сестру о томъ, что ей довелось услышать. Но онъ до того былъ далекъ отъ правды, что изъ ея отвѣтовъ у него не сложилось даже какой-нибудь догадки.

XII.

Разсказъ Леночки пробудилъ Алешу какъ бы отъ заколдованнго сна. Совѣсть его укорила за то, что вотъ уже двѣ недѣли имъ владѣла одна только неотступная мысль, и образъ Наташи совсѣмъ заслонилъ для него все остальное, заставилъ позабыть данное себѣ слово— узнать наконецъ, положительно узнать, каково было прошлое отца. Да и не одна его любовь была тому причиной. Въ самомъ обращеніи съ нимъ Өедора Степановича произошла крутая перемѣна. Онъ сталъ выказывать сыну непривычную нѣжность, тщательно избѣгая раздражающихъ вопросовъ. И въ сердцѣ Алеши опять заговорила готовность откликнуться на отцовскую ласку, которой онъ былъ такъ долго лишенъ.

И вотъ теперь это прошлое выступаетъ передъ нимъ опять, грозя затронуть его дорогія отношенія къ Богушевскимъ.

Цѣлыхъ пять дней онъ не видалъ отца. Өедоръ Степановичъ такъ ушелъ въ дѣловыя заботы, что все это время не показывался у свояченицы. А когда сынъ къ нему заходилъ въ „Европейскую гостинницу", гдѣ онъ остановился, Алеша заставалъ его въ безконечныхъ переговорахъ съ какими-то угрюмо глядѣвшими господами изъ денежнаго міра.

Это были тяжелые дни для молодого человѣка. Онъ пересталъ ходить къ Богушевскимъ.

А тетя Саша хоть и попрежнему увѣряла, что о какихъ-то распряхъ Өедора Степановича съ родителями Наташи она ничего не знаетъ,—не могла разсѣять его воскресшихъ подозрѣній.

И вотъ наконецъ онъ захватилъ отца въ ту самую минуту, когда заканчивался у него крупный разговоръ съ однимъ изъ соучастниковъ постройки будущей дороги. Громкіе роскаты голоса Макшеева доносились до ушей Алеши, когда онъ еще подходилъ къ дверямъ номера,

занимаемаго отцомъ. А когда онъ вошелъ, и какой-то юркій человѣчекъ, съ еврейской физіономіей, шмыгнулъ мимо него, онъ засталъ Ѳедора Степановича съ видимыми слѣдами гнѣва на лицѣ.

— Ахъ, это ты?—недовольнымъ тономъ встрѣтилъ онъ сына. — Чего тебѣ?

Алеша приступилъ къ дѣлу не прямо, хоть ему и сильно претило это вынужденное двоедушіе.

Отецъ нетерпѣливо выслушивалъ молодого человѣка.

— Ну, что еще?—не разъ перебивалъ онъ.—Не для этого ты ко мнѣ явился. По глазамъ вижу.

И когда Алеша упомянулъ о словахъ Левы, переданныхъ ему сестрой, Ѳедоръ Степановичъ окончательно вспылилъ.

— Это еще что за глупости? Допросъ мнѣ станешь дѣлать изъ за сплетенъ дѣвчонки? У меня дѣла, непріятности, а онъ съ этимъ ребячествомъ...

— Богушевскіе мои друзья, — возразилъ Алеша, — и я не могу оставаться равнодушнымъ, узнавъ, что у тебя что-то вышло съ ихъ отцомъ.

Грозная туча надъ бровями Ѳедора Степановича еще сгустилась, и запальчивый отвѣтъ хотѣлъ у него вырваться. Но тутъ же онъ вспомнилъ про свой разговоръ съ Левой, и какъ-то смягчился при этомъ воспоминаніи. Да и втайнѣ онъ испытывалъ ощущеніе удовольствія при мысли о сближеніи сына съ Богушевскими. И морщина понемногу сгладилась.

— Ну, братецъ мой, ты, я вижу, охотникъ о пустякахъ хлопотать, — засмѣялся Макшеевъ, правда, нѣсколько принужденно.—Была у меня, помнится, какая-то исторія съ Владиміромъ Семеновичемъ, очень ужъ давно что-то. И, кажется даже, виноватымъ былъ я, не стану грѣха таить. Да и съ кѣмъ это не бываетъ? У кого проходитъ жизнь безъ пятнышка? Особенно у тѣхъ, кто большія дѣла ведетъ. Да, виноватъ я былъ передъ Владиміромъ Семеновичемъ, это правда. Только врядъ ли объ этомъ онъ еще помнитъ...

— Да, вотъ, вспомнилъ таки его сынъ, — возразилъ Алеша.

— Да... ну, такъ... мимоходомъ. Онъ и не думаетъ сердиться. И посмотрѣлъ бы ты, какими мы пріятелями разстались.

Полупризнаніе отца болѣе успокоило Алешу, чѣмъ могло бы это сдѣлать полное запирательство. Въ искренности Ѳедора Степановича онъ не имѣлъ повода на этотъ разъ сомнѣваться.

— Очень толковый, кажется, Левъ Владиміровичъ то,—продолжалъ Макшеевъ.—Ты очень съ нимъ подружился? А?

На лицѣ Ѳедора Степановича показалась теперь даже улыбка.

— Я цѣлую ихъ семью полюбилъ,—было нѣсколько уклончивымъ отвѣтомъ Алеши.—И мнѣ было такъ тяжело слышать, что у васъ прежде...

— Ну, да, да,—перебилъ его отецъ,—прежде!.. Незачѣмъ тебѣ голову надъ этимъ ломать. Полюбилъ всю семью? Гм! Понимаю... Что жъ, я ничего противъ этого не имѣю.

И онъ совсѣмъ уже весело потрепалъ сына по плечу.

Въ эту самую минуту вошелъ слуга и подалъ ему письмо.

Ѳедоръ Степановичъ взглянулъ на почеркъ и вскрылъ торопливо конвертъ.

Глаза его такъ и впились въ бумагу, пока онъ читалъ.

— О, чортъ! — топнулъ онъ ногой. — Опять помѣха! Думалъ, что все кончено, анъ нѣтъ вотъ. Мерзавцы! Болваны!—зашагавъ по комнатѣ, онъ весь вскипѣлъ отъ негодованія противъ тѣхъ, кто тормазилъ успѣхъ его дѣла. Видно было, что голова его сильно заработала. Въ немъ поднималась нетерпѣливая энергія сильнаго человѣка, видѣвшаго передъ собой неожиданное препятствіе, которое онъ разомъ сломить не можетъ.

— Ну, ступай теперь,—обратился онъ къ сыну, оста-

новившись передъ нимъ.—Видишь, не до тебя. И не ждите меня къ себѣ. Пока не кончу съ этимъ, — онъ сердито скомкалъ прочитанное письмо, — меня тамъ не увидите.

Не смотря на эти неласковыя слова, Алеша вышелъ отъ Ѳедора Степановича почти совсѣмъ успокоеннымъ.

Едва онъ прошелъ нѣсколько шаговъ по Михайловской, ему попался на встрѣчу Лева.

— А! Макшеевъ!—весело воскликнулъ тотъ.—Очень радъ! Долго не видались. Гдѣ вы пропадали все это время?

Онъ повернулъ съ Алешой по направленію къ Невскому.

— Вы куда?

— Да такъ просто. Я былъ сейчасъ у отца.

— Да и я никуда, представьте себѣ, — все въ томъ же возбужденно-веселомъ тонѣ продолжалъ Лева. — А это со мной рѣдко случается. Разрѣшилъ себѣ маленькую передышку на сегодня. Да и есть отчего. Узналъ, что получаю командировку на лѣто, къ вамъ на новую линію. Увидимся тамъ, надѣюсь?

Алеша не слушалъ. Онъ весь былъ погруженъ въ собственныя мысли, опять вернувшіяся въ прежнюю колею, когда онъ встрѣтилъ Леву.

— Скажите, Богушевскій,—спросилъ онъ вдругъ,— вы не знаете, что это было за...—онъ запнулся—за недоразумѣніе между вашимъ отцомъ и моимъ?

— Недоразумѣніе? Ахъ, да, помню, помню, я проговорился объ этомъ въ присутствіи вашей сестрицы, и она, должно быть... Пустяки самые, кажется. Я хорошенько не знаю. Да вы себѣ, Макшеевъ, разъ навсегда поставьте за правило, не шевелить прошлаго. Надъ нимъ крестъ—и баста! Вспоминать о немъ—чистая потеря времени. Вотъ посмотрите...

Имъ попались на встрѣчу тѣ самые три щеголеватыхъ студента, съ которыми, недѣли двѣ назадъ, на Морской, Смолинъ познакомилъ Алешу.

— Посмотрите — у этихъ молодчиковъ, если покопаться хорошенько, или, вѣрнѣе, у ихъ папенекъ, въ прошломъ, я думаю, немало всякой дряни отыщется. А какіе они гладенькіе, довольные, улыбающіеся. Имъ, я думаю, и въ голову не приходитъ стыдиться родительскихъ продѣлокъ. Да-съ. Мы быстро живемъ. Какъ бы съ курьерскимъ поѣздомъ. И прошлое стаиваетъ скоро, какъ снѣжинки при оттепели. Ну-съ, и мы съ вами когда-нибудь такими же станемъ. Такими же беззаботными, веселыми и, главное, богатыми. Да, впрочемъ, что я? Вы и теперь даже на отсутствіе карбованцевъ пожаловаться не можете. Только пользоваться ими не хотите.

Онъ всмотрѣлся пристально въ Алешу.

Тотъ промолчалъ.

— Эхъ, кабы я былъ на вашемъ мѣстѣ... Ну, да что—своихъ вкусовъ другому не привьешь. А неужели васъ такъ таки никогда не тянетъ въ ширь расправить крылья, да во всю мочь...

Это не по моей части,—сказалъ, покачавъ головой, Алеша.

Молодой Богушевскій посмотрѣлъ на него почти съ сожалѣніемъ. На эту тему онъ, однако, не продолжалъ.

— Что жъ, теперь домой?—спросилъ онъ, когда они дошли до Аничкова моста.—Или думаете, можетъ быть, завернуть къ намъ? Въ такомъ случаѣ предупреждаю васъ—сестру вы застанете дома. Ей сегодня нездоровилось чуть чуть.

— Нездоровилось?

— Ничего! Сущіе пустяки. Она васъ приметъ. А я— вы меня извините, я вспомнилъ теперь, что мнѣ передъ обѣдомъ надо побывать въ одномъ мѣстѣ. Такъ до свиданія!

Пожавъ ему руку, Алеша взялъ извозчика и поѣхалъ на Кабинетскую.

Онъ засталъ Наташу за роялемъ, въ полумракѣ надвигавшагося вечера. Молодая дѣвушка играла на па-

мять знаменитый похоронный маршъ Шопена. Томительно грустные звуки, долетѣвшіе до Алеши уже на лѣстницѣ, чѣмъ-то зловѣщимъ его поразили.

И войдя, онъ съ тревогой въ голосѣ обратился къ Наташѣ.

— Вы нездоровы, я слышалъ?

Онъ не сразу разглядѣлъ ея черты въ полумглѣ наступавшихъ сумерекъ. И лицо это ему показалось поблѣднѣвшимъ и печальнымъ. Но звонкій смѣхъ молодой дѣвушки его сразу успокоилъ.

— Съ какимъ это вы торжественнымъ видомъ спрашиваете, Алексѣй Өедоровичъ! — сказала она, протянувъ ему руку. — Точно вы поддѣлываетесь подъ тонъ похороннаго марша. Вамъ кажется, что непремѣнно надо быть въ похоронномъ настроеніи, когда такія вещи играешь. Ничуть. Я только не выходила сегодня. Болѣла немного голова. Ну и когда стало темнѣть, невольно я перешла на этотъ маршъ. Вы знаете, темнота наводитъ на грустную музыку. Одинъ учитель у насъ въ гимназіи увѣряетъ, что это — какое-то физіологическое явленіе.

Она опять засмѣялась.

— Отчего вы не были въ прошлую субботу? У насъ очень веселое общество собралось. Много смѣялись и повѣсничали. И музыка тоже была. То-есть, вѣрнѣе, пѣніе, чѣмъ музыка. И пѣли больше всего разный вздоръ — цыганскіе романсы... Хоръ вышелъ ничего. Вамъ бы понравилось.

Алеша отвѣтилъ наскоро придуманное извиненіе. „Нѣтъ, — думалъ онъ про себя, — съ какой стати я самъ выдумалъ какія-то несуществующія препятствія. Она не могла бы говорить и обращаться со мной такъ, если бы у ея семьи остались какія-нибудь тяжелыя воспоминанія, связанныя съ отцомъ“... И еще болѣе, чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда они вмѣстѣ играли, онъ почувствовалъ, какъ сблизились они.

Наташа повернулась къ нему въ полъ оборота, про-

должая сидѣть за роялемъ, и начала разспрашивать про его планы на будущее. До сихъ поръ у нихъ рѣчь объ этомъ не заходила. Онъ разсказалъ ей про свое желаніе современемъ занять каѳедру, про то, какъ онъ весь ушелъ въ свою химію, и какъ чужды ему занимавшія отца денежныя заботы.

Молодая дѣвушка слушала съ видимымъ сочувствіемъ.

— Знаете только, что я вамъ скажу, — заговорила она въ свою очередь,—одно меня поражаетъ въ васъ. Неужели въ вашихъ глазахъ какъ будто мѣста нѣтъ для самой жизни? То-есть, для чего нибудь веселаго, праздничнаго? Точно все однѣ только обязанности?

— Да развѣ въ обязанностяхъ нѣтъ тоже радости?

— Есть, конечно, есть. И я это чувствую тоже. Я, вы знаете, очень практичная особа. Только я постъ на себя наложить не намѣрена. Да и къ чему постъ? Дѣло свое надо дѣлать бодро, старательно и по возможности весело, а когда оно кончено—стряхнуть съ себя, знаете, какъ стряхиваютъ дождевыя капли.

Алеша не сразу отвѣтилъ.

— Для этого, знаете, что надо?—проговорилъ онъ, спустя минуту.—Надо, чтобы другое у насъ было помимо дѣла, что бы вамъ казалось привлекательнымъ. А у меня...

— Какъ?—перебила дѣвушка. — Васъ въ двадцать два года никуда не тянетъ? Для васъ привлекательнаго ничего нѣтъ, кромѣ вашихъ книгъ? Быть не можетъ! Да вы не изъ тѣхъ вѣдь, кого нужда трудиться заставляетъ. Вы свободны.

Алеша поникъ головой, пока она говорила это. Когда Наташа кончила, онъ медленно поднялъ на нее глаза и почти неохотно отвѣтилъ:

— Въ томъ, что вы моей свободой называете, Наталья Владиміровна, то-есть въ деньгахъ моего отца, и кроется вся причина моихъ странныхъ вкусовъ... Да,— заговорилъ онъ вдругъ живѣе, — отчего мнѣ не вы-

сказать вамъ всей правды? Я ненавижу эти деньги, потому что я не увѣренъ, какъ онѣ отцу достались. Крупнаго состоянія не наживешь безукоризненно въ нѣсколько лѣтъ.

Глаза его горѣли, пока онъ дѣлалъ это признаніе, и румянецъ стыда ярко выступилъ на щекахъ. И все таки не самолюбіе въ немъ страдало. Въ эту минуту онъ чувствовалъ, что сидѣвшая возлѣ него дѣвушка ему ближе, роднѣе собственной семьи.

Наташа въ отвѣтъ только пожала тихо ему руку. И передъ нею живо представилась фигура Алешина отца какимъ она видѣла его у Александры Осиповны. Ей вспомнилось почти отталкивающее впечатлѣніе, какое произвелъ на нее Ѳедоръ Степановичъ. И антипатія къ отцу вызвала у нея жалость къ сыну.

А молодой человѣкъ заговорилъ теперь оживленно. точно вдругъ исчезло что-то сковывавшее его языкъ. Онъ разсказалъ ей про свои дѣтскіе годы, про свое отчужденіе отъ семьи, про одиночество, выпавшее на его долю. И чѣмъ дольше слушала Наташа, тѣмъ сочувственнѣе для нея звучали слова Алеши, и тѣмъ сильнѣе ей хотѣлось помочь ему освободиться отъ гнета его нерадостной жизни.

VII.

Дѣла Ѳедора Степановича пришли къ благополучному концу, и на второй недѣлѣ поста онъ могъ уѣхать въ деревню. Давно его тянуло вонъ изъ Петербурга, гдѣ ему всегда было не по себѣ. Онъ не любилъ его шумную сутолоку и еще болѣе показную, вылощенную дѣловитость.

Дѣти поѣхали его провожать на почтовый поѣздъ Николаевской дороги. За послѣдніе дни, подъ вліяніемъ счастливаго оборота своихъ дѣлъ онъ выказалъ имъ непривычную сердечность и Леночку, на прощанье, щедро одарилъ.

Да и Александра Осиповна съ нимъ какъ будто примирилась. Ей казалось, что за послѣднее время въ немъ изъ за сухого дѣльца выглядывалъ не злой, въ сущности, человѣкъ, способный, при всей своей грубости, на доброе, искреннее чувство. И, склонная довѣрять людямъ и много имъ прощать, тетя Саша говаривала себѣ не разъ, что, пожалуй, на днѣ самого даже черстваго сердца шевелится порой что-то мягкое, человѣчное, хорошее.

Словомъ, прощанье совсѣмъ не походило на встрѣчу.

Θедоръ Степановичъ поцѣловалъ у свояченицы руку, правда, нѣсколько торопясь, а съ сыномъ и дочерью обнялся совсѣмъ по-отечески.

— А лѣтомъ, послѣ экзаменовъ, — сказалъ онъ Алешѣ, —ты въ Новоспасское пріѣдешь? Цѣлыхъ вѣдь два года тамъ не бывалъ.

Леночкѣ онъ принялся было читать въ шутливомъ тонѣ цѣлое наставленіе, но раздавшійся второй звонокъ прервалъ его.

— Ну, видно, не успѣю,—засмѣялся онъ.—Впрочемъ, это и не по моей части. Смотри, не шали и слушайся тетку...

Одинъ только маленькій, совсѣмъ, впрочемъ, ничтожный случай чуть чуть, было не испортилъ добраго впечатлѣнія Алеши. Когда Θедоръ Степановичъ усаживался въ вагонъ, молодой человѣкъ увидалъ Смолина, проходившаго мимо съ какимъ-то высокимъ сѣдымъ господиномъ, поразившимъ его строгою красотою своего какъ бы выточеннаго изъ слоновой кости, безбородаго лица. Глаза обоихъ стариковъ встрѣтились. Это былъ всего одинъ мигъ. Но Алеша замѣтилъ, какъ странно, будто пристыженно опустились вдругъ глаза Θедора Степановича; а незнакомецъ, взглянувъ на него пристально, полупрезрительно отвернулся. Это былъ не кто иной, вѣроятно, какъ отецъ Смолина, судя по нѣжности, съ которой они трижды поцѣловались. И Алешѣ невольно припомнился странный тонъ его новаго прія-

теля, когда, только что познакомившись съ нимъ, тотъ спросилъ, не сынъ ли онъ Ѳедора Степановича Макшеева.

Простившись съ отцомъ, онъ поспѣшилъ догнать Смолина, уже оставившаго платформу.

— Кто былъ этотъ сѣдой господинъ, котораго вы провожали?—торопливо спросилъ онъ.—Что у него за необыкновенное лицо!

Смолинъ улыбнулся, видимо обрадованный.

— Вы находите?—сказатъ онъ.—Да, это многіе говорятъ. Отецъ мой, въ самомъ дѣлѣ, недюжинный человѣкъ, хоть и оставался онъ всю жизнь за штатомъ. Онъ—изъ тѣхъ, которые чужой оцѣнки не добиваются... А что, Макшеевъ,—спросилъ онъ, — вы никуда не собираетесь? Такъ поѣдемте ко мнѣ? Хотите? Вы давно обѣщали.

Алеша согласился, и они вдвоемъ покатили на Васильевскій Островъ.

— Отецъ прогостилъ здѣсь четыре дня,—принялся разсказывать Смолинъ.— А пріѣхать сюда для него большой подвигъ. Много лѣтъ ужъ какъ онъ безвыѣздно живетъ въ своихъ Василькахъ. И при всемъ томъ удивительно, съ какимъ интересомъ онъ слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается у насъ и за границей. Это — живая газета! Нѣтъ, вѣрнѣе, живой лексиконъ. Прошлымъ онъ занимается больше, чѣмъ настоящимъ. Да, у этихъ стариковъ,—добавилъ онъ задумчиво,—необыкновенная способность поддерживать въ себѣ священный огонь, даже когда они сторонятся отъ жизни. Мы бы этого не съумѣли. Заглохли бы, угасли... И чадить бы отъ насъ стало, чего добраго. А мнѣ пришлось таки старика огорчить. Онъ звалъ меня къ себѣ, въ деревню, сѣсть на хозяйство и пойти по его слѣдамъ. Но меня не тянетъ туда. И я этого не скрылъ.

— Да васъ собственно, куда тянетъ, Смолинъ?

— Вы хотите сказать, что никуда,— отвѣтилъ онъ ему съ улыбкой.— И это пожалуй заслуженный упрекъ. Я вѣдь недостаточно богатъ, чтобы разрѣшить себѣ ту

полную свободу, о которой всегда мечталъ. Лямку тянуть надо. Именно лямку. Стать рядовымъ, когда всю жизнь хотѣлось бы оставаться вольнымъ казакомъ... А время такихъ казаковъ прошло. Въ томъ-то и бѣда, что наша хваленая цивилизація своимъ огромнымъ маховымъ колесомъ всякаго изъ насъ захватываетъ и передѣлываетъ по своему. А кто пытается отъ этого колеса ускользнуть, того она давитъ на пути и немилосердно обращаетъ въ сыпучую муку. Какъ ни старайся, а личности своей не отстоишь. Припишись непремѣнно куда-нибудь, закабали себя и не смѣй выходить изъ рядовъ до самой смерти, и стушуйся такъ, чтобы ничѣмъ тебя не отличить отъ прочихъ. По настоящему, ты не человѣкъ вѣдь, а муравей, которому вѣчно надо дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ прочіе. И я такимъ муравьемъ стану. Государственнымъ муравьемъ, коли въ чиновники пойду, или какъ будто вольнымъ, коли сдѣлаюсь, напримѣръ, адвокатомъ. Только хороша эта воля...

Алеша не вѣрилъ ушамъ. Не ожидалъ онъ такихъ рѣчей отъ насмѣшника Смолина, который весь, казалось, дышалъ необузданной, полной свободой,—и въ сужденіяхъ, и въ поступкахъ.

— Коли вы такъ чувствуете,—возразилъ онъ,— что же должны сказать другіе, которымъ въ самомъ дѣлѣ суждено въ жизни быть рядовыми?

— Ничего не скажутъ, потому что не чувствуютъ своей безличности; а я чувствую. Въ томъ-то и бѣда.

— Да,—продолжалъ онъ, помолчавъ немного,—поколѣніе отца было счастливѣе. Наружной свободы, пожалуй, было меньше теперешняго. За каждое неосторожное слово отвѣчать приходилось. Зато внутренняя, настоящая свобода была нетронута. Крупныхъ самостоятельныхъ людей насчитывалось какихъ-нибудь два-три десятка, да были они, по крайней мѣрѣ, настоящими людьми. Не давилъ ихъ этотъ проклятый шаблонъ общества, и посмотрѣли бы, какъ сохранили свою лич-

ность неприкосновенной тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли до сихъ поръ. Если будете тамъ у насъ лѣтомъ, я познакомлю васъ съ отцомъ—вы увидите.

И онъ принялся разсказывать про отца съ живою, почти восторженною любовью. Никакихъ особенныхъ событій въ жизни Григорія Александровича—такъ звали старика Смолина—не происходило. И все таки его фигура вырисовывалась изъ разсказа сына такой нетронутой, такой цѣльной и блестящей, какъ будто ее отчеканили изъ золота.

Слушая новаго пріятеля, Алеша неволно сравнивалъ Григорія Александровича съ своимъ отцомъ, говоря себѣ: что за невыразимое счастье быть сыномъ такого человѣка!

— Скажите, Смолинъ,—спросилъ онъ вдругъ,—знаетъ вашъ батюшка моего отца?

Смолинъ посмотрѣлъ на него пристально и отвѣтилъ, качнувъ головой:

— Я думаю—нѣтъ.

Но Алеша этимъ не удовлетворился.

— Скажите прямо. Не скрывайте отъ меня ничего. Мнѣ помнится, когда мы съ вами познакомились въ первый разъ, вы какъ будто...

Свѣтлый и пристальный взглядъ молодого человѣка опять остановился на лицѣ Алеши. Смолинъ будто колебался, что отвѣтить.

— Нѣтъ,—повторилъ онъ рѣшительно.—Они едва ли даже встрѣчались. Интересы и занятія у нихъ до того различные, что между ними точекъ соприкосновенія быть не можетъ. А вотъ мы и пріѣхали,—добавилъ онъ, остановивъ извозчика передъ небольшимъ трехъ-этажнымъ домомъ на Среднемъ проспектѣ.

Алеша не настаивалъ. Не легко было выпытать что-либо отъ Смолина, чего тотъ сказать не хотѣлъ.

Они поднялись по лѣстницѣ въ третій этажъ. Николай Григорьевичъ занималъ двѣ просторныя, свѣтлыя комнаты, окнами на солнце. Чисто, хоть и очень просто

убранныя, онѣ глядѣли весело со своими блестѣвшими, свѣже выкрашенными полами, на которыхъ пылинки не виднѣлось, съ бѣлыми занавѣсками на окнахъ, съ чинно убраннымъ письменнымъ столомъ и большимъ кожанымъ кресломъ въ углу.

— Нравится вамъ мое жилище?—спросилъ Николай Григорьевичъ. — Настоящій кладъ, скажу вамъ, эта квартира. Хозяйка убираетъ сама и, видите, убираетъ исправно. Свѣта и воздуха—сколько угодно. А весной,—и онъ кивнулъ въ сторону маленькаго садика, виднѣвшагося сквозь боковыя окна,—и зелень есть. И плачу я всего по тридцати въ мѣсяцъ. Не разорительно, какъ видите. И главное—свободнымъ себя чувствуешь. Шума никакого. Должно быть эта квартира и сдѣлала меня такимъ ненавистникомъ всякаго стѣсненія. И вотъ подивитесь, какими противорѣчіями исполнена наша природа. Съ моими наклонностями, мнѣ прямо бы въ деревню и тамъ, на семистахъ нашихъ родовыхъ десятинахъ, царькомъ жить, забывъ весь прочій міръ. А вотъ—нѣтъ. Браню общество, а не хочу оторваться отъ колеи большого города, когда, кажется, на что мнѣ жизненная сутолока? На то развѣ, чтобы надъ ней глумиться. А можетъ быть, — вполголоса добавилъ онъ,—я только такъ въ собственныхъ глазахъ охорашиваюсь и воображаю себя нивѣсть какимъ оригиналомъ... А на самомъ дѣлѣ мнѣ бы капусту сажать въ какой-нибудь трущобѣ, да мирно сидѣть въ углу съ женою и дѣтьми, да изображать сюжетъ для жанровой картины...

Онъ посмотрѣлъ на Алешу, и горькая улыбка чуть чуть проскользнула по его губамъ.

— Нѣтъ, знать не про меня это писано, и бобылемъ мнѣ прожить суждено. Ну, да чего философствовать... Проживу, какъ милліоны другихъ, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда, и буду только по-великороссійски „баломутить воду“ несуразными рѣчами. А теперь давайте-ка—мы вѣдь цѣлое путешествіе совершили—

угощу васъ чаемъ—хозяйка моя его завариваетъ чудесно,—да хорошей сигарой — у меня такія водятся—это моя единственная роскошь.

Сигары и чай оказались въ самомъ дѣлѣ прекрасными.

Большое кожаное кресло съ мягкимъ гостепріимствомъ приняло Алешу въ свои объятія, и цѣлыхъ два часа незамѣтно пролетѣли въ оживленной бесѣдѣ.

Смолинъ былъ неистощимъ, когда разговоръ ему былъ по душѣ, и слова его, то съ беззаботной веселостью, то съ затаенною горечью въ легкой съ виду насмѣшкѣ, свободно переносились съ одного предмета на другой, по широкому кругозору его мысли.

Слушая его, Алеша невольно говорилъ себѣ, однако, что самая эта свобода и эта ширина тоже, чего добраго, никогда не дадутъ этому умному человѣку остановиться ни на чемъ опредѣленномъ. И казалось ему тоже, что самое это кресло, на которомъ такъ удобно сидѣлось, втихомолку говорило о сибаритствѣ своего хозяина.

— Сколько, однако, предметовъ, которыми вы интересуетесь! Завидую вамъ! И когда, сидя вотъ на этомъ мѣстѣ, вы отдаете поводья своему воображенію, я думаю, у васъ глаза разбѣгаются отъ этой умственной пестроты.

— Это укоръ заслуженный,—улыбнулся Смолинъ.— Вы хотите сказать, что я кочую по разнымъ отраслямъ человѣческаго знанія и, какъ всякій кочевникъ, ничего не произведу никогда? И это правда, горькая правда. Будь я богатымъ человѣкомъ, изъ меня бы ничего не вышло, кромѣ празднаго эстетика. Къ счастью, мнѣ баклушничать нельзя.

— Полноте!—и Алеша вскочилъ съ мѣста, говоря это.—Вы—и баклушничать? Съ вашими способностями? И неужели васъ не тянетъ къ живому дѣлу, ради самого этого дѣла, а не изъ за денегъ только, какія оно даетъ?

— Тянетъ, положимъ, только не совсѣмъ знаю, къ

какому именно. И не чувствуй я за своей спиной нужды съ ея бичомъ...

— Полноте!—снова повторилъ Алеша:—вотъ я, напримѣръ, у котораго этого бича нѣтъ и нѣтъ половины вашихъ способностей тоже, я счастье для себя вижу въ одномъ только—въ усидчивой, даже въ кропотливой работѣ. И не въ выборѣ своемъ я сомнѣваюсь. Меня другое гнететъ—гнететъ мысль, что я — сынъ богатаго человѣка и, можетъ быть,—онъ добавилъ это вполголоса, и яркая краска залила его щеки,—можетъ быть, не имѣю права людямъ прямо въ глаза смотрѣть, потому что—кто знаетъ, какъ это богатство досталось?

— Ахъ, милѣйшій мой! — громко засмѣялся Смолинъ:—знаете, я почти васъ расцѣловать хотѣлъ бы за это. Нашли чего стыдится! Ну, допустимъ на минуту, что сомнѣніе ваше основательно—вы-то въ чемъ провинились? Работайте честно, и средства, которыхъ вы источника не знаете, употребляйте съ пользою для другихъ... Деньги очистятся, проходя черезъ ваши руки. Честный человѣкъ всегда право имѣетъ высоко держать голову, кто бы ни были его предки... Ахъ, посмотрите, посмотрите, что за чудный закатъ! Ясный, спокойный такой. Да, моя квартира тѣмъ хороша, что каждый лучъ скупого петербургскаго солнца на нее заглядываетъ и не даетъ застояться невеселымъ мыслямъ.

Безоблачный, уже чисто весенній вечеръ надвигался надъ Петербургомъ. Широкой оранжевой полосой разстилался по небосклону догаравшій отблескъ заката. Что-то бодрое, чистое, полное надеждъ вѣяло съ прозрачнаго неба.

— Да, Макшеевъ, — продолжалъ Смолинъ, — не давайте и вы засиживаться у себя тяжелымъ мыслямъ. Вы вотъ говорите, что любите трудъ ради его самого. Такъ помните же, что для успѣшнаго труда первое дѣло — приниматься за него весело и съ вѣрою въ себя...

И когда Алеша возвращался отъ Смолина, а взглядъ

его ловилъ на вечернемъ небѣ первыя загоравшіяся тамъ еще блѣдныя звѣзды, ему въ самомъ дѣлѣ казалось, что этой вѣры прибавилось у него въ сердцѣ.

XIV.

Курьерскій поѣздъ подходилъ къ большой станціи на одной изъ южныхъ линій.

Майское утро радостной улыбкой свѣтилось надъ равниной. Дымка прозрачнаго тумана разстилалась надъ полями, кое гдѣ какъ бы цѣпляясь за скатъ оврага. Одинокое свѣтлое облачко золотистымъ пятномъ одно только нарушало безконечную синеву неба.

Передъ открытымъ окномъ вагона второго класса стояла молоденькая дѣвушка, жмурясь отъ яркаго солнца и любуясь широкой, веселой картиной. И на ея смугломъ личикѣ тоже свѣтилась веселая улыбка, та открытая улыбка молодости, съ которою въ юные годы всегда готовишься встрѣтить новыя мѣста.

— Наташа—твердила ей мать, суетившаяся надъ какой-то корзинкой. — Мы черезъ минуту пріѣдемъ. Прибери вещи.

— Сейчасъ, мама, сейчасъ, — отвѣчала спокойно дѣвушка, не отрываясь отъ окна и рѣшительно не понимая, изъ за чего такъ спѣшитъ и безпокоится мать.— Вы посмотрѣли бы только, какъ хорошо, какъ чудно хорошо.

— Успѣешь налюбоваться,—брюзжала Ольга Андреевна.—И ничего тутъ особеннаго нѣтъ. Поля, какъ поля. Говорю тебѣ, сію минуту пріѣдемъ.

— Успѣемъ. Почти цѣлыхъ четверть часа осталось. А вотъ и городъ видно. Какой онъ большой и весь бѣлый какой!

Но мать не переставала ее торопить, а поѣздъ все мчался, не думая еще убавлять хода. По пути все еще попадались постройки, городъ все яснѣе выступалъ

сбоку. Поѣздъ обогнулъ крутую дугу и, подъѣзжая къ станціи, далъ пронзительный свистокъ. Наташа взялась за вещи, и проворные ея пальчики успѣли все прибрать, когда вагоны подкатили къ платформѣ.

Рослая фигура Владиміра Семеновича тотчасъ выдѣлилась изъ толпы: онъ пріѣхалъ на станцію встрѣтить жену и дочь. Начались обычные разспросы, какъ совершили онѣ обѣ длинное путешествіе, не слишкомъ ли онѣ устали и не случилось ли чего дорогой?

По внимательной заботливости его лица, когда онъ спрашивалъ объ этомъ, можно было бы Владиміра Семеновича принять за образцоваго мужа,

— Наконецъ-то мы опять проведемъ лѣто вмѣстѣ!— говорилъ онъ.—Или по крайней мѣрѣ, почти вмѣстѣ. Я буду къ вамъ наѣзжать каждую субботу... Ну, на первые два дня я васъ какъ-нибудь пристрою у себя. Будетъ немножко тѣсновато, да ничего...

Владиміръ Семеновичъ радовался совершенно искренно. И когда онъ повелъ жену подъ руку въ зало перваго класса, въ его осанкѣ было даже что-то почти гордое. Нужда и подходившая старость не разучили его красиво выпрямляться, подавая руку дамѣ.

Ольга Андреевна и Наташа собирались провести лѣто не въ самомъ городѣ, а въ деревнѣ, у дальнихъ родственниковъ, Асениныхъ, имѣніе которыхъ, Плоское, находилось верстахъ въ сорока, на боковой вѣтви желѣзной дороги.

— А что, Левы здѣсь нѣтъ?—спросила Ольга Андреевна.

— Онъ на строящейся линіи. Работаетъ молодцомъ. Онъ васъ встрѣтитъ на той станціи, когда вы послѣзавтра поѣдете въ Плоское. А что, Оля, ты чаю здѣсь напьешься или дома?

— Дома, кажется, лучше,—нерѣшительно и томно отвѣтила Ольга Андреевна.

Въ эту самую минуту къ Наташѣ подошли молодой человѣкъ и дѣвочка подростокъ. Это были Алеша и

Леночка Макшеевы. Они ѣхали вмѣстѣ съ самаго Петербуга. Имъ приходилось теперь на станціи дожидаться часъ, пока отойдетъ поѣздъ по боковой линіи.

Наташа съ ними поздоровалась совсѣмъ по-дружески. Ольга Андреевна только кивнула головой.

Леночка съ какимъ-то особымъ восторгомъ поцѣловалась съ Наташей, твердя ей, что онѣ увидятся непремѣнно на дняхъ и все лѣто будутъ наѣзжать другъ къ другу, какъ близкіе сосѣди.

Это было давно извѣстно и рѣшено, но повторять это въ сотый разъ своей пріятельницѣ — Леночкѣ доставляло особое удовольствіе.

Всю весну Леночка ходила въ ту самую гимназію, гдѣ Наташа кончала старшій, педагогическій классъ. Несмотря на разницу въ лѣтахъ, да и въ характерѣ тоже, молодыя дѣвушки сблизились. Наташѣ Богушевской нравился въ юной подругѣ порывистый, живой нравъ, чуждый малѣйшей скрытности. Леночка была съ нею самая неподдѣльная откровенность, хоть и умѣла подчасъ быть себѣ на умѣ. Ее неудержимо тянуло къ Наташѣ оттого, можетъ быть, что новая подруга была сестрою Левы. За послѣднее время она часто бывала у Богушевскихъ вмѣстѣ съ Алешей, и ей казалось, что эти два мѣсяца были чуть не самыми веселыми въ ея жизни.

— Кто это?—нѣсколько удивленно спросилъ у дочери Владиміръ Семеновичъ, выходя со своими дамами на подъѣздъ вокзала.

— Это моя подруга по гимназіи со своимъ братомъ,— довольно уклончиво поспѣшила отвѣтить Наташа, боясь, какъ бы Ольга Андреевна не выдала какъ-нибудь, кто были молодые люди.

Владиміръ Семеновичъ не настаивалъ.

Три часа спустя, Алеша и Леночка доѣхали по боковой линіи до маленькой станціи, отъ которой было верстъ тридцать до Новоспасскаго. Отсюда строилась новая вѣтъ, проходившая мимо завода Ѳедора Степа-

новича. Едва молодые люди успѣли выйти изъ вагона, къ нимъ выбѣжалъ на встрѣчу Лева, съ огромнымъ букетомъ въ рукѣ, предназначеннымъ Леночкѣ. Онъ зналъ отъ сестры, что Макшеевы пріѣдутъ въ этотъ день и поджидалъ ихъ на станціи. Дѣвушка вся зардѣлась отъ тщеславнаго удовольствія, принимая цвѣты изъ рукъ Левы.

Въ своемъ бѣломъ кителѣ, весь загорѣвшій отъ солнца, онъ смотрѣлъ необыкновенно красивымъ. И взглядъ его блестящихъ черныхъ глазъ недвусмысленно говорилъ Леночкѣ, какъ онъ ею любуется.

— Живемъ по военному,—говорилъ онъ,—точно на походѣ. Ночуемъ большею частью въ шалашѣ какомъ-то, а то и подъ открытымъ небомъ случается. Ничего. Славно здѣсь. Первый разъ въ жизни приходится настоящее дѣло дѣлать, а не сидѣть только въ душной аудиторіи да ушами хлопать. И вамъ, Макшеевъ, пора... Благо вы теперь съ университетомъ покончили. И, кажется, покончили, блистательно? Вамъ бы за хозяйство взяться. Это не совсѣмъ то же, правда, что наша инженерная работа. Ну да все же практика, а не отвлеченная наука. И кстати сказать, братецъ вашъ Петръ Ѳедоровичъ, даромъ что слишкомъ четыре года имѣніемъ управляетъ, по этой части, кажется, не слишкомъ гораздъ.

Онъ распорядился, чтобы Леночкѣ подали чаю, и хотя братъ ее торопилъ ѣхать, она дала себя уговорить безъ труда. Ей весело было слушать бойкую болтовню Левы и еще веселѣе чувствовать на себѣ ласкающій взглядъ его смѣлыхъ, красивыхъ глазъ.

— А вы такъ таки, спрашивала Леночка,—все время здѣсь, на линіи? И въ Плоское не наѣзжаете?

— Нѣтъ, какъ можно,—засмѣялся онъ въ отвѣтъ.— Дня три четыре подъ рядъ кочуемъ съ Клейстомъ, а тамъ за цивилизованную жизнь опять принимаемся. Клейстъ бы не вытерпѣлъ. Да и я, пожалуй, тоже. Особенно теперь въ Плоскомъ хорошо,—большое общества

тамъ. Надѣюсь, туда будете наѣзжать? Мы въ лодкѣ катаемся и верхомъ тоже, и васъ завербуемъ, Елена Өедоровна. Клейстъ не дальше, какъ третьяго дня съ лошади свалился. Преуморительно было. Что, Клейстъ?— обратился онъ къ рослому товарищу, тоже успѣвшему появиться:—здорово ты разбился? Въ другой разъ не станешь хвастаться умѣньемъ ѣздить? а?

Клейстъ пробурчалъ въ отвѣтъ что-то добродушно-сердитое. Видно было, что ему совсѣмъ не до верховой ѣзды да и не до хорошенькихъ глазокъ Леночки. Онъ карандашомъ заносилъ какіе-то разсчеты въ записную книжку.

— Видите, серьезный человѣкъ въ полномъ смыслѣ,—дразнилъ его Лева.—Ни минуты не отстаетъ отъ дѣла. А по моему, надо и дѣло помнить, и балагурить, когда можно. Я изъ тѣхъ, кто смѣшиваетъ два эти ремесла...

Чай былъ допитъ, и Леночка встала, замѣтивъ нетерпѣніе на лицѣ брата.

— Сообщите вашему батюшкѣ,—сказалъ Лева, протягивая Алешѣ руку,—что у меня есть для него хорошія извѣстія. Придумалъ я нѣчто совсѣмъ новое— такъ и скажите. Онъ на меня сердится немножко, вашъ батюшка. А теперь переложитъ гнѣвъ на милость.

Они усѣлись въ тарантасъ и покатили.

— Что, Лена, — спрашивалъ онъ,—теперь тебѣ въ Новоспасское хочется?.. А помнишь, что ты мнѣ писала зимой?

— Теперь не зима... Посмотри, что за прелесть!— отвѣтила дѣвочка, окидывая блестящимъ взоромъ отлогія поля, покрытыя сочною зеленью, и всѣмъ существомъ впитывая въ себя ароматный весенній воздухъ.

— Развѣ это не прелесть?

— Да, чудесно... И счастливъ тотъ, —проговорилъ онъ какъ бы про себя,—кто можетъ этимъ наслаждаться отъ полной души...

— А ты развѣ не можешь?

Онъ разсѣянно посмотрѣлъ на сестру и не отвѣтилъ. Пока они приближались къ Новоспасскому, въ головѣ у него опять возставали тревожные образы, и съ недоумѣніемъ онъ спрашивалъ себя, отчего это ему не дается просто радоваться жизни, когда все вокругъ такъ празднично и свѣтло? Отчего ему мало однихъ непосредственныхъ личныхъ ощущеній?

— Знаешь что,—вдругъ прервала его размышленія Леночка:—ты вотъ ничего не отвѣтилъ, когда Богушевскій тебѣ совѣтовалъ хозяйствомъ заняться, а надо бы. Петя — не то чтобы не гораздъ, а какъ тебѣ сказать...

— Петя меня и безъ того не любитъ. А коли я стану въ его дѣло вмѣшиваться...

— Правда, что не любитъ,—опять заговорила дѣвушка.—Да, вотъ что, Алеша,—я отъ многихъ слышала, что Петя нехорошо поступаетъ съ рабочими: ко всему придирается, чтобы у нихъ изъ жалованья высчитывать, и вообще тамъ — я хорошенько не знаю, разумѣется... Только разъ, напримѣръ, онъ рабочаго совсѣмъ прогналъ и не расчелъ его даже какъ слѣдуетъ... и все за то, что онъ четыре дня не являлся. А у него жена умерла.

Алеша встрепенулся.

— Да, если такъ,—въ самомъ дѣлѣ, ему нельзя оставаться безучастнымъ. Онъ хорошо вѣдь зналъ черствую натуру Пети. И Алеша принялся живо разспрашивать сестру.

Леночкѣ очень немного было извѣстно, и въ своихъ разсказахъ она путалась. Но изъ ея словъ Алеша все таки убѣдился, что въ Новоспасскомъ далеко не все обстоитъ благополучно. И онъ сказалъ себѣ, что есть нѣчто высшее и болѣе дорогое, чѣмъ семейный миръ— обязанность защищать слабаго отъ несправедливыхъ притѣсненій.

Въ Новоспасскомъ усадьба была очень большая, со всѣми барскими затѣями. Но славившіяся когда-то оран-

жереи пришли въ запустѣніе, и надъ коннымъ заводомъ успѣла провалиться крыша, пока доживалъ свой вѣкъ въ Ниццѣ его бывшій владѣлецъ, хандрившій и больной холостякъ. Ѳедоръ Степановичъ уже не возобновлялъ этихъ созданій причудливой роскоши, когда наслѣдники холостяка, перессорившись между собою, ему продали по сходной цѣнѣ богатое помѣстье. И обширный домъ съ многочисленными службами, далеко раскинувшимися по отлогому степному пригорку, поддерживалъ онъ съ грѣхомъ пополамъ, ремонтируя его только хозяйственно, безъ всякаго вниманія къ наружному изяществу. Ему неловко было въ обширныхъ хоромахъ съ старинной мебелью, на которой облуплялась позолота. И всякій разъ, что ему доводилось садиться въ кресло причудливой формы или на широкій диванъ съ штофной обивкой, ему мерещилось, что онъ въ чужомъ домѣ, и вотъ-вотъ сейчасъ придетъ хозяинъ и выпроводитъ непрошеннаго гостя. Неуютно глядѣло массивное, двухъ этажное зданіе, гдѣ кирпичъ мѣстами зіялъ изъ подъ обвалившейся штукатурки, точно бѣлыя стѣны всѣ были въ ранахъ, нанесенныхъ страшной медлительной болѣзнью запущенія. Огромный экипажный сарай, когда онъ сталъ рушиться, до основанія разобрали, чтобы матеріалъ употребить на болѣе полезныя сооруженія. На что все это было для Ѳедора Степановича, привыкшаго жить въ двухъ комнатахъ, и разъѣзжать въ незатѣйливомъ тарантасикѣ, съ парой мелкихъ, хоть и сытыхъ лошаденокъ?

Немудрено, что Алеша удивился, когда, подъѣзжая къ усадьбѣ, онъ увидалъ признаки спѣшнаго обновленія. Пахло свѣжей краской; лѣса еще не успѣли убрать съ цѣлой половины дома, и точно заплаты на рубище, куски новой штукатурки покрывали недавнія красныя пятна.

— Да, я забыла тебѣ сказать,—быстро отвѣтила Леночка:— ужъ съ прошлой осени принялись за работы. Папаша хочетъ, чтобы все было съ иголочки, по бар-

скому фасону. Только гдѣ ему!—она сдѣлала презрительную гримаску.

Въ ту самую минуту, какъ они подъѣзжали, чья-то лихая тройка, звеня бубенчиками и сіяя на солнцѣ мѣдными бляхами, подкатила къ крыльцу.

На порогѣ показался рослый, пріятный блондинъ, съ окладистой, тщательно расчесанной бородой, и прощался съ хозяиномъ, подавая ему выхоленную, бѣлую руку, съ большимъ перстнемъ на безымянномъ пальцѣ. Это былъ нѣкто Холминъ, Викторъ Павловичъ, крупный, хоть и сильно задолжавшій помѣщикъ, говорившій истинно дворянскимъ баритономъ—густымъ и нѣсколько медлительнымъ.

— Спасибо, Ѳедоръ Степановичъ, спасибо, — дошли до Алеши его слова, когда тотъ уже заносилъ ногу въ тарантасъ.

— А, вотъ и сынокъ вашъ, кажется, пріѣхалъ. Очень буду радъ познакомиться.

Викторъ Павловичъ опустилъ поднятую ногу и съ любезнымъ, джентльменскимъ поклономъ обратился въ сторону Алеши и Леночки. Ѳедоръ Степановичъ стоялъ позади него, засунувъ руки въ карманы короткаго пиджака и щуря лѣвый глазъ.

— Что, пріѣзжаете батюшкѣ по хозяйству помогать?—привѣтствовалъ онъ немного покровительственно Алешу. — Слѣдуетъ, слѣдуетъ. Поживите у насъ и современемъ станьте нашимъ дѣятелемъ. А это дочка ваша?—обернулся онъ опять къ Ѳедору Степановичу, и тутъ же отпустилъ по адресу Леночки комплиментъ, сказанный тономъ человѣка, знающаго толкъ въ женской красотѣ.

Минуту спустя, лихая тройка укатила.

Особой нѣжности, однако, Ѳедоръ Степановичъ ни дочери, ни сыну не выказалъ. Онъ обнялся съ ними торопливо, сказавъ Леночкѣ, что напрасно на дорогу она надѣла совсѣмъ новое платье, и выбранилъ кучера за то, что онъ заморилъ лошадей.

-- Посмотри—совсѣмъ въ мылѣ. Дуракъ! Говорилъ тебѣ сто разъ: ѣхать ровно. Ну-съ, Алексѣй Ѳедоровичъ,—обратился онъ къ сыну,—съ ученіемъ покончилъ благополучно. Надѣюсь, теперь за дѣло примешься?

Глухое раздраженіе слышалось въ тонѣ Ѳедора Степановича.

И увидѣвъ подходившаго старшаго сына, Петю, онъ обрушился на него цѣлымъ потокомъ гнѣвной брани.

— Чего ты, братецъ мой, съ рабочими принялся вздорить? Двое человѣкъ на тебя земскому начальнику подать собираются. И все изъ за копѣекъ. Глупо, до нельзя глупо! Срамъ одинъ! И нашелъ когда!.. Мнѣ теперь надо...—Ѳедоръ Степановичъ остановился, припомнивъ, что въ присутствіи Алеши слишкомъ откровенничать не годится.—Умные люди такъ не дѣлаютъ,—продолжалъ онъ, такъ и не докончивъ оборванной фразы.—Гдѣ настоящая выгода есть,—разумѣется, упускать ее не надо. А изъ за грошей исторію поднимать, да штрафы разные придумывать, да еще при этомъ народъ плохо кормить!.. Ты думаешь, этимъ я себѣ сколотилъ деньгу?—Нѣтъ, братецъ мой, народъ распускать не надо и держать въ ежевыхъ рукавицахъ. Но кормить по настоящему и платить, что слѣдуетъ, аккуратно — вотъ мое правило. Заруби себѣ это на память. Мелко ты плаваешь, вотъ что. А я давно изъ мелкихъ людишекъ вышелъ.

Петя выслушалъ эту нотацію съ поразительнымъ хладнокровіемъ. Лицо его такъ и не шевельнулось. Тогда только онъ позволилъ себѣ отвѣтить, когда отецъ на мигъ остановился, чтобы передохнуть. Ѳедоръ Степановичъ съ нѣкоторыхъ поръ страдалъ одышкой.

Петя былъ неуклюжій, приземистый молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, хотя молодости, строго говоря, и слѣда не было на его землистомъ лицѣ, съ блѣдными губами и жидкой бородой песчанаго цвѣта. Тусклые глаза съ опухшими красными вѣ-

ками то и дѣло моргали. Низкій лобъ и густыя, насупившіяся брови говорили объ упрямствѣ и ограниченности

— Ты бы мнѣ далъ, по крайней мѣрѣ, — ввернулъ онъ, осклабясь,—съ братомъ поздороваться. Два года не видались.

Алеша выступилъ впередъ, протягивая руку. Леночка убѣжала къ себѣ. Ея комната была на верху.

Братья поцѣловались. Не трудно было, однако, замѣтить, что особаго радушія не было въ ихъ встрѣчѣ. Алеша и не старался лицемѣрить на этотъ счетъ. А лицо Пети хоть и сложилось въ улыбку, сердечнаго выраженія не приняло.

— Ну что,—спросилъ онъ:—Викторъ Павловичъ къ тебѣ по дѣлу пріѣзжалъ? Очень, кажется, доволенъ остался. По лицу его замѣтилъ, какъ съ нимъ въ воротахъ встрѣтился.

— Извѣстно, по какому дѣлу,—презрительно отозвался Ѳедоръ Степановичъ.—Въ деньгахъ нуждается.

— И ты ему далъ?

Ѳедоръ Степановичъ слегка отвернулся, будто пристыженный.

— Не хотѣлъ было, да что съ нимъ подѣлаешь? Больно ужъ приставалъ. „Могу“, — говоритъ, — еще цѣлыхъ восемьдесятъ тысячъ подъ имѣніе получить изъ банка. Да возня большая, хлопоты съ этими дополнительными оцѣнками“... Ну и отсыпалъ подъ вторую закладную пять тысячъ.

Петя широко улыбнулся, показывая неровно сидѣвшіе зубы.

— Ты съ какихъ поръ,—спросилъ онъ,—сталъ деньги взаймы давать, чтобы людямъ сдѣлать удовольствіе? Такъ сказать, изъ жалости?

Прищуренные глазки Ѳедора Степановича блеснули.

— Изъ жалости, ты думаешь, я просьбамъ этого барина уступилъ? Есть чего жалѣть-то! Вольно ему было долговъ надѣлать съ такимъ хорошимъ имѣніемъ, да

просолить тысячь сто на картахъ и на скаковой конюшнѣ. Туда имъ и дорога, всѣмъ этимъ баричамъ безмозглымъ. Я палецъ о палецъ не ударю ихъ изъ бѣды вытащить. Видно, была причина не отказать, коли далъ ему пять тысячь. Ты меня, смотри, не учи, Петька! Молодъ больно. А что?—перескакивая разомъ на другой предметъ, спросилъ онъ вдругъ.—На чемъ остановилось дѣло съ дорогой? Обходятъ заводъ?

— Верстъ на семь,—отвѣтилъ Петя.

— Чортъ!—Ѳедоръ Степановичъ топнулъ ногой.—Все это мальчишки надѣлали. Хорошъ—обратился онъ вдругъ къ младшему сыну—твой другъ, какъ бишь его, Лева, что ли? Наобѣщалъ мнѣ въ три короба, а начальству докладываетъ совсѣмъ иное. Увѣряетъ, что заводъ обойти надо, потому что оврагъ тамъ какой-то засыпать пришлось бы. Этотъ молокососъ, чего добраго, мнѣ тысячъ на полтораста убытка надѣлаетъ.

Алеша понялъ теперь, что вызывало раздраженіе отца. И онъ поспѣшилъ его успокоить, передавъ ему слова Левы.

— Взяточку намѣренъ попросить?—усмѣхнулся Петя.

— По-жа-луй!—Ѳедоръ Степановичъ задумался.—Да нѣтъ, не похоже. А если ужъ возьметъ, такъ очень большую.

Алеша попробовалъ вступиться за молодого Богушевскаго.

— Ну, полно,—остановилъ его отецъ и взялъ его за плечо.—Самъ знаю. Не трудись пріятеля защищать. Два только раза съ нимъ говорилъ, а вижу его насквозь. Онъ на мелочи себя не размѣняетъ.

Ѳедоръ Степановичъ ушелъ къ себѣ въ контору, оставивъ братьевъ вдвоемъ.

XV.

Какъ ни хвастался Макшеевъ, что видитъ Леву насквозь, онъ никакъ не догадывался, что за вѣсти ему привезетъ на другой день молодой человѣкъ. А вѣсть была самаго неожиданнаго и пріятнаго свойства.

Лева явился въ Новоспасское, вооруженный цѣлымъ ворохомъ плановъ, съемокъ и разсчетовъ. И на ласковый вопросъ Ѳедора Степановича, что новенькаго онъ ему скажетъ, и настаиваетъ ли онъ на мнимой необходимости обойти заводъ, молодой Богушевскій спокойно отвѣтилъ, что идти черезъ оврагъ, какъ думали сначала, было бы совершенно безразсуднымъ и стоило бы очень дорого. Но что есть возможность измѣнить направленіе, не минуя заводъ.

— Можно къ нему подойти съ другой стороны,—сказалъ онъ, развертывая планъ.—Удивительно, что про это не догадались раньше.

И передъ внимательными глазами Ѳедора Степановича онъ сталъ на планѣ проводить черту, указывающую новое направленіе.

— Да какъ же,—недовѣрчиво спросилъ Макшеевъ:—съ этой стороны рѣка и потомъ болото?

Лева самоувѣренно улыбнулся.

— Не безпокойтесь. Болото останется въ сторонѣ, а мостъ черезъ рѣку вотъ на этомъ мѣстѣ, выше мельницы, гдѣ берега крутые, обойдется втрое дешевле засыпки оврага.

И быстро, съ точностью человѣка, хорошо изучившаго вопросъ, Лева привелъ на память цѣлый рядъ сложныхъ вычисленій.

Ѳедоръ Степановичъ залюбовался на него искренно. Это была не одна только корыстолюбивая радость человѣка, неожиданно получившаго крупную выгоду, а безкорыстное вполнѣ удивленіе недюжиннымъ дѣловымъ способностямъ.

„Ахъ, кабы у меня былъ такой сынъ“!—поду-

малъ онъ опять, какъ послѣ перваго своего разговора съ Левой.

— Однако, вы молодецъ! Спасибо вамъ, спасибо.

И онъ горячо взялъ Леву за руку. Но тутъ же прыткіе его зрачки такъ и впились въ глаза молодого человѣка.

— Не знаю, какъ и отблагодарить васъ,—добавилъ онъ. И пытливое недовѣріе какъ бы слышалось въ этихъ словахъ.

— Да никакъ, право, никакъ!—разсмѣялся Лева и, говоря это, немного подался назадъ.—Мнѣ просто удовольствіе доставляетъ васъ избавить отъ лишнихъ тратъ. Такіе люди, какъ мы съ вами, должны помогать другъ другу. Вы пустили въ ходъ эту дорогу, которая обогатитъ цѣлыхъ два уѣзда—и совершенно законно, коли вы отъ нея получите барышъ. А если мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, какъ устранить препятствіе,—торговать мнѣ, что ли, этой мыслью? Нѣтъ, Ѳедоръ Степановичъ, тогда только и пойдутъ у насъ на Руси дѣла хорошо, когда толковые люди съумѣютъ пѣть на одинъ ладъ и перестанутъ другъ другу подставлять ножку.

Онъ говорилъ это съ самымъ веселымъ, самымъ добродушнымъ тономъ. Лева былъ изъ числа тѣхъ разсчетливыхъ людей, которые понимаютъ всю выгодность безкорыстія. И онъ не ошибся. Какъ ни черствъ былъ Ѳедоръ Степановичъ, онъ почувствовалъ себя вдвойнѣ обязаннымъ передъ молодымъ Богушевскимъ и за прежнее зло, причиненное имъ Владиміру Семеновичу, и за услугу, которую ему оказывалъ теперь Лева.

— Вы можете на меня разсчитывать,—сказалъ онъ,—если вамъ когда-нибудь понадобится моя помощь.

Онъ пригласилъ молодого человѣка отобѣдать въ Новоспасскомъ, и что-то почти виноватое слышалось въ его голосѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ бы не повѣрилъ, если бы ему сказалъ кто-нибудь, что у него въ гостяхъ будетъ сынъ когда-то ограбленнаго имъ человѣка.

А Лева, принимая это приглашеніе, не испытывалъ никакой неловкости, И, выходя изъ кабинета Өедора Степановича, гдѣ происходилъ ихъ разговоръ, Лева потиралъ себѣ мысленно руки. „А будь иной на моемъ мѣстѣ,—думалось ему,—чего добраго, сталъ бы щетиниться, да руки, пожалуй, не протянулъ бы этому Макшееву... Что за дураки, право, эти брезгливые люди"!

Ему захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ передъ обѣдомъ. Въ кабинетѣ у Өедора Степановича было душно. Тамъ господствовалъ какой-то особый ѣдкій запахъ—смѣсь бумажной пыли и табачнаго дыма. Окно хозяинъ раскрывалъ рѣдко. Его не безпокоилъ спертый воздухъ. Старинныхъ, чумазыхъ привычекъ не успѣло изъ него вытравить недавнее богатство. И совсѣмъ непривѣтливо, какъ-то безпорядочно пусто глядѣла обширная комната, взятая имъ себѣ подъ кабинетъ. А у Левы дѣловитая жилка не мѣшала любоваться красотой, въ томъ числѣ красотой природы.

И когда въ сѣняхъ, куда выходилъ кабинетъ, ему попалась на встрѣчу Леночка, свѣжій обликъ молодой дѣвушки, съ распущенными волосами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ и съ блескомъ во взглядѣ, который такъ и просился къ радости и къ солнцу, въ немъ тотчасъ откликнулось такое же молодое, жизнерадостное ощущеніе. Невольно они улыбнулись другъ другу.

— Ахъ, это вы? Я не знала, что вы здѣсь,—бойко солгала дѣвушка, очень хорошо знавшая, что Лева былъ у ея отца.—Вы куда?

— Да никуда въ особенности; просто, хотѣлъ погулять до обѣда. Меня вашъ батюшка пригласилъ. А гдѣ вашъ братъ?

— Алеша на заводъ пошелъ. И вамъ придется,—добавила она, на мигъ потупивъ глазки,—довольствоваться моимъ обществомъ. Пойдемте въ садъ? Хотите? Только предупреждаю васъ, онъ совсѣмъ у насъ запущенъ и смотритъ такимъ дикимъ...

Въ самомъ дѣлѣ, и на террасѣ, куда они вышли, и

въ саду, была все та же смѣсь роскоши и запустѣнія. Жалкій видъ являлъ рядъ дорическихъ колоннъ, когда-то величественныхъ, а теперь носившихъ на себѣ слѣды неуважительной руки времени, которое сперва опошляетъ созданія людей, чтобы потомъ разукрасить ихъ печальной красотой разрушенія.

Двое мастеровъ, стоя на высокой лѣстницѣ, работали въ верхнемъ этажѣ. Каменныя ступени въ садъ замѣтно покосились, а тамъ, гдѣ когда-то разбитъ былъ цвѣтникъ, разросшіеся кусты цѣплялись своими перепутанными вѣтвями.

— Мнѣ стыдно вамъ это показывать,—говорила дѣвушка, легко спрыгивая по ступенямъ:—все это такъ гадко, такъ неряшливо...

— Да ничуть, повѣрьте. Вольная природа лучше прибранной. Да, пожалуй, и вольные люди тоже.

Леночка посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ, какъ на учителя, которому вѣрить надо, потому что онъ лучше знаетъ. Швейцарская мамзель успѣла только научить Леночку, что во всемъ нуженъ порядокъ. И дѣвушка, немного стыдившаяся своего происхожденія, старалась пріобщить себя къ требованіямъ культуры, не постигнувъ еще высшей красоты свободнаго изящества.

— Папаша все это устроить собирается. Первые годы онъ про это не думалъ—были другія заботы. А теперь...

— Что же теперь?—переспросилъ Лева запнувшуюся дѣвочку.

Она прикусила язычокъ.

— Ну, такъ я за васъ доскажу, пожалуй. Вашъ батюшка достигъ того момента, когда наживать деньги кажется недостаточнымъ. Ему пришла пора совсѣмъ бариномъ сдѣлаться, и помѣстье свое онъ хочетъ устроить на барскій ладъ. И прекрасно дѣлаетъ.

Леночка вся покраснѣла отъ этихъ словъ. Ей стало почему-то стыдно.

— Да и во всѣ времена такъ было,—продолжалъ

Лева.—Сперва заботы о деньгахъ. Зачѣмъ ужъ потребность въ красотѣ. Плохо вотъ что: когда эта потребность въ человѣкѣ уцѣлѣла, какъ во мнѣ вотъ, а средствъ нѣтъ, чтобы ее удовлетворять.

Онъ пофилософствовалъ еще на эту тему, забавляясь видимымъ замѣшательствомъ юной собесѣдницы и намѣренно говоря ей вещи, которыя были чуть чуть выше ея пониманія. Но всего какихъ-нибудь минуты двѣ онъ подвергалъ ее этому маленькому искусу. „Злоупотреблять ничѣмъ не надо,—думалъ онъ не разъ,—особенно, своимъ превосходствомъ. А передъ женщинами и подавно... Дайте имъ только слегка почувствовать это превосходство, и ни подъ какимъ видомъ не допускайте, чтобы уваженіе переходило въ скуку“.

Вѣрный этому правилу, Лева быстро оборвалъ свои мудрыя рѣчи, и совсѣмъ ужъ не скуку чувствовала съ нимъ Леночка, прохаживаясь по заросшимъ дорожкамъ. Ей такъ весело было нагибаться и раздвигать нависшіе сучки, а еще веселѣе слушать его болтовню, гдѣ, подъ прикрытіемъ самыхъ невинныхъ словъ, чудилась ей тонкая, затаенная лесть. А вѣтви сирени и жимолости то и дѣло заграждали имъ дорогу, и не разъ уже ловкая рука Левы освобождала то платье, то косы Леночки отъ вцѣпившагося въ нихъ сучка. Леночка сама не знала, почему ей было такъ хорошо. Только глазки ея свѣтились больше обыкновеннаго, а смѣхъ удивительно звонко раздавался по опустѣлому саду, точно подзадоривая вторившихъ ей пташекъ.

Они подошли къ самой изгороди—ее Ѳедоръ Степановичъ поддерживалъ тщательно,—какъ вдругъ имъ послышался взволнованный голосъ Алеши. Онъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ подходилъ къ мѣсту, гдѣ они стояли.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ громко,—нѣтъ, Петя, я ни за что не повѣрю, чтобы, при состояніи батюшки, нельзя было лучше содержать рабочихъ. Помилуй, что у нихъ за помѣщеніе—свиной хлѣвъ чище, и воздухъ какой!—

даже окна не растворяются. Обязанность хозяина, понимаешь—обязанность!—развивать въ рабочихъ человѣческій образъ, если даже имъ все равно жить среди вони и духоты...

Петя разсмѣялся.

— Вотъ куда махнулъ! Обязанность наша, по твоему, такъ вести дѣло, чтобы расходу было побольше. А при теперешнихъ цѣнахъ на хлѣбъ хозяйству почти убытокъ.

Ну и къ чорту его тогда, хозяйство,—запальчиво воскликнулъ Алеша,—если можно вести его при томъ только условіи, чтобы людей держать хуже скота! И никогда не повѣрю, чтобы народъ этимъ довольствовался. Принуждаютъ его соглашаться на грошевую плату и жить въ смрадной избѣ, потому что онъ у васъ въ кабалѣ. Гадко, Петя, гадко!

— Алеша!—окрикнула брата Леночка, но сдѣлала это негромко, какъ бы пугливо.

Онъ разслышалъ, однако, и обернулся.

— Ахъ, ты здѣсь, Лена? И съ Львомъ Владиміровичемъ? Хорошо, я къ вамъ въ садъ перелѣзу. А нашъ споръ,—обратился онъ къ старшему брату,—пусть рѣшитъ отецъ. Сдается мнѣ, что онъ не совсѣмъ будетъ съ тобой согласенъ.

Сказавъ это, онъ ухватился обѣими руками за перекладину изгороди и ловко перескочилъ въ садъ.

А Петя, проходя мимо, бросилъ искоса недружелюбный взглядъ на молодого Богушевскаго.

— Что васъ такъ взволновало, Макшеевъ?—здороваясь, спросилъ Лева.

— А слышать я не могу это вѣчное извиненіе, что иначе будто бы нельзя дохода получить, какъ на счетъ здоровья и пищи рабочихъ.

И онъ разсказалъ, въ какомъ ужасномъ помѣщеніи живутъ въ Новоспасскомъ батраки. Но говорилъ онъ про это съ видимой неохотой. Онъ чутьемъ сознавалъ, что Лева не раздѣляетъ его негодованія.

— И вѣдь скверно то, что вездѣ, я увѣренъ, въ

любомъ имѣніи—то же. Сотни десятинъ подъ запашкой—рѣчь идетъ о тысячахъ рублей, а на работника, то есть на такого же человѣка, какъ самъ хозяинъ, жаль нѣсколькихъ копѣекъ. Вѣдь это возмутительно, наконецъ? И согласитесь, что если наши доходы можно только этою цѣною...

— Позвольте, Макшеевъ,—спокойно остановилъ его Лева:—да что же прикажете дѣлать? Вѣдь работаютъ люди, чтобы получать какой-нибудь барышъ, а коли его нѣтъ, потому что цѣны упали—приходится экономничать. Лучше развѣ было бы, коли вовсе бросили бы хозяйничать?

— Да народъ,—все такъ же страстно настаивалъ Алеша,—продолжаетъ сѣять хлѣбъ, несмотря на цѣны?

— Ну и что же? Велика отъ этого польза? И много бы Россія произвела зерна, кабы все на одномъ мужицкомъ хозяйствѣ держалось? Нѣтъ, Макшеевъ, сердобольничать хорошо, но съ экономическими законами не заспоришь.

Леночка слушала внимательно, не совсѣмъ хорошо понимая, и не могла рѣшить, кто изъ нихъ правъ. Въ словахъ Алеши столько сердца,—зато какъ спокойно и убѣжденно говоритъ Богушевскій, а главное, какъ онъ красивъ съ этимъ чуть чуть насмѣшливымъ огонькомъ въ глазахъ!..

Өедоръ Степановичъ удивилъ Алешу своимъ рѣшеніемъ, когда братья представили на его судъ предметъ спора.

— Правда то, что говоритъ Алеша? —спросилъ онъ у старшаго сына. — Да навѣрно правда — Алеша не вретъ никогда.

— Если хочешь, правда, но вѣдь...

— Ну такъ вотъ что я тебѣ скажу, Петруша, — тотчасъ перебилъ его Өедоръ Степановичъ:—чтобы этого срама не было. Отвести полевымъ рабочимъ вторую избу. Ты говоришь, складъ тамъ какихъ-то орудій?

Пустяки! Найдется для нихъ другое мѣсто. Пола нѣтъ— такъ сдѣлать. И стѣны выбѣлить и вычистить хорошенько. И рамы чтобы были двустворчатыя. И мужчины съ женщинами не оставались бы вмѣстѣ на ночь,— слышишь?

Ни Алеша, ни Петя, конечно, не поняли настоящей причины щедрости Ѳедора Степановича. Онъ былъ такъ доволенъ извѣстіемъ полученнымъ отъ Левы, что хотѣлъ показать себя настоящимъ бариномъ. Понялъ это одинъ только Лева. Да и не мѣшало кстати, чтобы въ околоткѣ знали, какъ содержитъ рабочихъ Ѳедоръ Макшеевъ. Не мѣшало это, чтобы выставить, среди мѣстныхъ помѣщиковъ Ѳедора Степановича въ благопріятномъ свѣтѣ.

Алеша былъ крѣпко благодаренъ отцу за его рѣшеніе. Но Петя остался имъ недоволенъ. И вечеромъ, когда уѣхалъ Лева, сталъ возражать отцу.

— Это, значитъ,—говорилъ онъ,—поблажку народу давать. А если станетъ Алеша во все вмѣшиваться...

— Вздоръ!—рѣзко оборвалъ его отецъ,—неужто ты не понимаешь, что коли я разрѣшаю новый расходъ, такъ этотъ расходъ—выгодный. Или ты этого не смѣкаешь? Говорю тебѣ, братъ, больно ужъ ты мелко плаваешь.

XVI.

Константинъ Гавриловичъ Асанинъ, владѣлецъ „Плоскаго“, былъ образцовый семьянинъ и хозяинъ отмѣнный. И въ домѣ, и въ имѣніи, всѣ у него ходили по стрункѣ—отъ жены до послѣдней работницы. И всѣ они при этомъ вовсе даже не примѣчали, какъ твердо были натянуты вожжи въ его умѣлыхъ рукахъ. Деспотомъ не назвалъ бы его никто. И супруга его, Татьяна Васильевна, довольно таки взбалмошная и своенравная особа, въ присутствіи мужа становилась какъ шелковая, хотя за цѣлую четверть вѣка ихъ совмѣстнаго

счастія — они только что отпраздновали серебряную свадьбу—Константину Гавриловичу ни разу не случилось возвысить голосъ, чтобы усмирить не совсѣмъ кроткій нравъ своей половины. Весь секретъ безграничной власти Асанина заключался въ томъ, что онъ всегда хотѣлъ одного и того же, и съ самаго дня когда женился и сталъ хозяйничать въ „Плоскомъ“—а случились эти два событія одновременно—никогда не отступался отъ принятой программы. Зато и не жаловался онъ на жизненныя невзгоды и на сельскохозяйственный кризисъ, на своенравіе природы и людей. Сыновей у него не было, но зато судьба наградила его тремя дочерьми. И даже такой урожай на потомство женскаго пола не причинялъ ему обычныхъ треволненій. Старшей дочери, Вѣрѣ, минуло двадцать четыре, и она обѣщала навѣки остаться старой дѣвой, но смирялась передъ этой грустной перспективой и безъ всякой затаенной горечи вся отдалась благотворительности, правда, скорѣе отъ скуки, чѣмъ отъ природнаго милосердія. Вторая, Соня, была годомъ старше Наташи Богушевской, обладала большимъ музыкальнымъ талантомъ и считалась красавицей. Наперекоръ сестрѣ, эти богатые дары внушали ей очень высокое мнѣніе о себѣ и побуждали считать себя обиженной, когда передъ ея совершенствами кто-нибудь не подвергался ницъ. Младшая, Надя, рѣзвый, хоть и не красивый подростокъ, съ неправильными смугловатыми чертами и быстрыми глазенками, ходила въ коротенькихъ платьицахъ и шалила ужасно. Съ тѣхъ поръ какъ Богушевскіе поселились въ „Плоскомъ“, всѣмъ тремъ барышнямъ казалось, что стало имъ необыкновенно весело. Лева былъ невольнымъ предметомъ тайныхъ грезъ серьезной Вѣры, смѣнявшихся припадковъ жестокаго кокетства и притворнаго равнодушія Сони, и безпрестанныхъ поддразниваній Нади. Молодой инженеръ принималъ всѣ эти разновидности женскаго поклоненія съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Немудрено, что три сестры хоть и ни-

чего не знали про его ухаживанія за Леночкой, возненавидѣли ее съ тѣмъ безошибочнымъ женскимъ чутьемъ, которое догадывается о соперницѣ вѣрнѣе, чѣмъ лягавая собака о присутствіи дичи.

Въ знойный іюньскій полдень обитатели „Плоскаго“ только что успѣли отзавтракать. Лева сидѣлъ на качеляхъ подъ тѣнью старинныхъ липъ, а три барышни Асанины, вмѣстѣ съ Леночкой, составляли вокругъ него плѣнительно смѣющуюся группу. Онъ спокойно наслаждался завидной ролью избалованнаго любимца и съ развязною небрежностью тихо покачивался, снисходительно роняя насмѣшливыя замѣчанія.

Вѣра съ связкою ключей въ рукѣ вотъ уже цѣлыя десять минутъ какъ все собиралась пойти по хозяйству и не уходила. Соня, обнявшись съ Леночкой, притворно ласкалась къ ней, а сама глядѣла темнѣе ночи. Надя взобралась на толстый липовый сукъ и болтала ножками.

— Такъ вотъ-съ, какъ же вы порѣшите, очаровательныя барышни,—усиленно пуская дымъ изъ папиросы, небрежно говорилъ Лева.—Верхомъ поѣдемъ, или на лодкѣ? Или никуда не отправимся, какъ третьяго дня, и будемъ киснуть въ нерѣшительности?

— Жарко что-то,—томно замѣтила Соня.

— Я уроки должна готовить,—объявила Надя и тутъ же спустилась на землю, причемъ оборвала платье о сукъ.

— Какая ты неловкая,—кисло замѣтила ей Вѣра.—Мнѣ надо счеты сводить за прошлый мѣсяцъ,—добавила она, обращаясь къ Левѣ.

— Вотъ видите,—засмѣялся тотъ:—у всѣхъ есть занятія.

— А на самомъ дѣлѣ никакихъ уроковъ Надя готовить не станетъ, во-первыхъ, потому, что ей лѣнь, а во-вторыхъ, потому что она лучше любитъ мечтать, когда ей надѣнутъ длинное платье и станутъ за ней ухаживать.

— Соня... Ахъ, нѣтъ, Софья Константиновна, извините, я все забываю, что вы большая.—Соня... Ну, все равно, на этотъ разъ сойдетъ! хоть она и увѣрена, что

ей жарко, а предложи ей играть въ горѣлки, сейчасъ пустится бѣжать, что дастъ ей возможность показывать свои хорошенькія ножки.

— Вотъ еще стану я въ горѣлки играть,—запротестовала Соня и сердито отняла руку, обвившую станъ Леночки.

— А Вѣра Константиновна,—невозмутимо продолжалъ молодой человѣкъ,—хоть она особа пресерьезная и вѣчно занята хозяйствомъ, больными и еще разными скучными предметами, вотъ уже полчаса, какъ стоитъ здѣсь, забывая о своихъ обязанностяхъ.

— Я ухожу,—объявила Вѣра, не трогаясь съ мѣста.

— И прекрасно сдѣлаете. Я ухожу тоже.

Лева спустился съ качели и принялся застегивать китель.

— Чѣмъ время терять, лучше возьмусь за книги. А коли что-нибудь придумаете, пошлите за мной посольство. Ну, хоть Елену Ѳедоровну пошлите, которая пока ничего не сказала. Ну, а вы,—обратился онъ къ ней,—что придумали: верхомъ или на лодкѣ?

— Я думаю, мы съ братомъ уѣдемъ,—потупясь, отвѣтила Леночка.

— Ну, это вздоръ! Останетесь здѣсь и отобѣдаете. А вечеромъ увидимъ, до чего-нибудь додумаемся. Брату вашему и въ голову не приходитъ уѣзжать. Смотрите, вотъ онъ преважно толкуетъ о серьезныхъ матеріяхъ съ Григоріемъ Александровичемъ и съ моей сестрой.

Въ самомъ дѣлѣ, къ нимъ приближалось со стороны дома цѣлое общество: Наташа, Смолинъ съ своимъ отцомъ и Алеша Макшеевъ.

— Такъ до свиданія-съ. Предоставляю вамъ наслаждаться свѣжестью раскаленнаго воздуха и отправляюсь заниматься.

— Богушевскій, ты куда?—обозвалъ его подходившій Николай Смолинъ, когда Лева сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ по направленію къ дому.

— Въ свою берлогу погружаться въ науку,—отвѣтилъ тотъ, ускоряя шагъ.

— А вы съ нами?—спросила у молодыхъ дѣвушекъ Наташа.—Мы въ лѣсъ идемъ.

— Не знаю, право, — нерѣшительно отвѣтила Соня и почему-то оглянулась, точно спрашивая совѣта у невозмутимаго голубого неба, ярко сіявшаго сквозь безмолвную, неподвижную листву.

— Она загорѣть боится,—замѣтила Надя.—И совсѣмъ напрасно, загаръ къ тебѣ очень идетъ.

Соня сдѣлала гримасу и неохотно присоединилась къ прочимъ, взявъ Наташу подъ руку. Было что то преувеличенно лѣнивое въ ея походкѣ. Отправилась съ ними и Надя, забывъ про свои уроки. Вѣра извинилась своими неотложными обязанностями хозяйки.

Мужчины шли впереди, разговаривая, барышни понемногу отставали. Соня дулась на то, что скрылся Лева, а двое другихъ молодыхъ людей не обращали на нее вниманія. Она удерживала Наташу, принявшись болтать съ ней съ притворнымъ оживленіемъ и хорошо зная, что ее тянетъ послушать, что говорилъ Алешѣ Макшееву Смолинъ-отецъ.

— Да,—говорилъ онъ,—я совсѣмъ теперь приросъ къ своей раковинѣ и не хочется мнѣ больше изъ нея выходить. Не мудрено, что молодежи это не нравится. И моему Колѣ здѣсь не сидится. Тѣсно, мелко въ деревнѣ кажется вамъ, молодымъ людямъ. Земство, возня съ хозяйствомъ—все это муравьиная работа. И того въ разсчетъ вы не принимаете, сколько въ природѣ создано крупнаго мельчайшими существами, которыя иной разъ и простому глазу-то незамѣтны. Вы все ищете вырваться изъ родного угла, да въ широкое море пуститься. А кто знаетъ еще, не захлебнетъ ли тамъ волна? Жизнь-то нами строится, домосѣдами, муравьями.

И онъ добродушно засмѣялся. Удивительно пріятный, прямо даже изящный былъ у него смѣхъ. Ни

капли горечи не чувствовалось въ его мягкой ироніи. Любилъ онъ свой деревенскій уголъ вполнѣ искренно. И на неподвижность раковины совсѣмъ не походила его долголѣтняя, хоть и скромная дѣятельность.

— Вы все,—продолжалъ онъ,—отъ внѣшняго міра впечатлѣній ищете, а мы, старики, привыкли изнутри себя наматывать свой клубокъ. Повѣрите ли, я вотъ и за границей-то не бывалъ никогда. Не хитрая была, кажется, штука исполнить завѣтную мечту и на свѣтъ Божій посмотрѣть. А вотъ пришлось однѣми книгами пробавляться, и въ мысляхъ рисовать себѣ то, чего увидѣть не удалось. И много насъ такихъ было когда-то—влюбленныхъ въ западную культуру и знавшихъ ее только по наслышкѣ, какъ сказочную красавицу. Вѣдь настоящая-то любовь, пожалуй, та, предметъ которой мы видѣли только въ своемъ воображеніи.

Григорій Александровичъ говорилъ правду. Проживъ почти безвыѣздно въ деревнѣ, онъ зналъ искусство и поэзію запада лучше, быть можетъ, тѣхъ, кто много лѣтъ толкался по Европѣ.

— Правда и то, что теперь не зачѣмъ сидѣть въ своемъ гнѣздѣ, на то слишкомъ ужъ открыты дороги на всѣ стороны. И оттого столько, можетъ быть, людей, не знающихъ хорошенько, по какой изъ этихъ дорогъ имъ идти. Дѣла сколько угодно, только никто изъ теперешней молодежи этого дѣла хорошенько не любитъ, какъ мы свое любили. Или вы думаете, безъ этой самой любви удалось бы намъ тридцать пять лѣтъ назадъ уставныя грамоты вводить и „порвать цѣпь великую" такъ, чтобы не слишкомъ больно пришлось ни мужику, ни барину? Оглянитесь теперь кругомъ: и мужикъ свободенъ давно, и желѣзныхъ дорогъ настроили и банки завели, и хозяйство знаемъ, и разбогатѣли мы страшно — за мильярдъ бюджетъ перевалилъ, а все трещитъ по швамъ. У свободного мужика послѣднюю коровенку продаютъ, а баринъ закладываетъ да закладываетъ по сходной цѣнѣ свою земельку... Не видимъ

мы даже передъ собой ничего впереди, ничего не желаемъ, никуда не стремимся. Только умѣемъ Христа ради у казны милостыни просить. И созови насъ туда, на невскія болота, всѣ, чего добраго, пойдемъ въ разбродъ и все сведемъ на какія-нибудь копѣйки. Да изъ за нихъ еще передеремся. А отчего такъ? Оттого, что самой этой любви въ насъ больше нѣть. Нѣтъ главнаго,—ясно сознанной цѣли... А тогда вѣдь только, когда она есть, эта цѣль, все остальное приложится, какъ сказано въ евангеліи. Да, вмѣсто одного яркаго маяка среди открытаго моря, блуждающіе огни пошли по болотамъ,—Что, Коля, голову повѣсилъ?—обратился онъ къ сыну,—развѣ не правда?

— Любви одной недостаточно, надо вѣрить,—проговорилъ, какъ бы нехотя, Смолинъ, не глядя на отца.

— А! еще бы „Умъ изсушили мы наукою безплодной"... Это давно вѣдь сказано, даже не про мое поколѣніе. А вотъ оправдывается-то оно теперь. И вотъ какъ утрата вѣры за себя мститъ. Къ тому дѣло приходитъ, что въ самомъ знаніи усомнились. И что же тогда останется?

— Красота,—вполголоса отвѣтилъ ему сынъ.—Она насъ къ вѣрѣ и приведетъ.

— Хороша красота! Причудливыя грезы испорченнаго вкуса! Болѣзненныя мечты изнуренной фантазіи, какъ бываетъ болѣзненный апетитъ у изнуреннаго желудка. Нѣтъ, братъ, нѣтъ, ты самъ вотъ говоришь, что добрый человѣкъ тогда только и хорошъ, когда онъ вдобавокъ и крѣпкій, а не хочешь понять, что безъ узды нравственнаго долга человѣкъ не свободу находитъ себѣ, а только блужданіе безъ цѣли.

Алеша слушалъ молча, и въ его разгорѣвшемся взглядѣ ясно читалось живое сочувстіе тому, что говорилъ старикъ. Тепломъ на него вѣяло отъ словъ Григорія Александровича, и отъ мягкаго взгляда его умныхъ глазъ, въ которыхъ умъ не потушилъ отзывчивой доброты. И весь онъ, этотъ старикъ, съ сво-

ими тонкими, будто выточенными чертами, казался ему воплощеніемъ минувшаго, съ его любовью къ идеалу, съ его неугасимымъ культомъ изящнаго.

— Ты говоришь, блужданіе безъ цѣли,—тихо возразилъ отцу Николай Смолиъ.—А можетъ быть это „блужданіе“, какъ ты его называешь, лучше самой цѣли. Можетъ быть, въ немъ-то счастье и есть.

— Полно!—голосъ старика теперь почти зазвенѣлъ. И тонкими пальцами онъ взялъ сына за плечо—молодая сила чувствовалась въ этихъ старческихъ пальцахъ.

— Полно, не клевещи на себя. А если ты въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь—стыдись! Насъ обвиняли когда-то, что намъ воли не хватаетъ выполнить свою задачу. Но въ задачѣ этой мы не сомнѣвались. Вы насъ перещеголяли, васъ никуда не тянетъ и раздвоеніе у васъ не въ одной только волѣ, оно заразило и голову и сердце. Вы точно гуляете по жизни. А жизнь не прогулка—жизнь трудъ, упорный трудъ. И въ немъ самомъ, въ этомъ трудѣ должна быть радость и счастье. Вотъ смотри!—онъ взглянулъ на Алешу:—товарищъ твой меня понимаетъ, вижу по его глазамъ. Да, молодой человѣкъ,—обратился онъ уже прямо къ Алешѣ, — нужды нѣтъ, что вы здѣсь пришлый, можетъ быть, старое дерево разучилось побѣги пускать и нужна къ нему свѣжая прививка.

— Ахъ,—воскликнулъ Алеша,—кабы всѣ на васъ были похожи! Какъ стали бы мы, пришлые, на васъ молиться и вамъ подражать.

— Не подражать,—возразилъ Григорій Александровичъ, — а лучше дѣлать то, чего мы сдѣлать не съумѣли. А правда ваша, не всѣ, далеко не всѣ...—онъ вздохнулъ, оборвавъ на полусловѣ.

Нѣсколько шаговъ всѣ трое прошли молча.

— А барышни, кажется, поотстали,—оглянувшись, замѣтилъ молодой Смолинъ.— Не видно ихъ совсѣмъ. Должно быть, не любы имъ мудреныя рѣчи.

Барышни въ самомъ дѣлѣ отстали по винѣ Сони. Ей не нравились ни Смолинъ, ни Алеша, которому она даже выказывала почти явное пренебреженіе. А еще болѣе ей не нравилось, что двое молодыхъ людей, съ своей стороны, на нее особеннаго внимнія не обращали. И она принялась уговаривать Наташу вернуться домой, притворно жалуясь на палящій зной.

— Мы лучше сыграемъ что-нибудь въ четыре руки. Хочешь?—предложила она.—На что въ лѣсъ идти въ такую жару.

На самомъ дѣлѣ она только хотѣла разстроить прогулку, чтобы помѣшать Наташѣ оставаться съ молодыми людьми. Давно она успѣла подмѣтить, что оба они заинтересованы кузиной, которую она втайнѣ недолюбливала тоже. Не смѣла она только это выказать явно, зная, что Лева заступится за сестру.

— Пожалуй,—уступчиво отвѣтила Наташа, хоть ее не особенно тянуло играть въ четыре руки съ Соней.— Не лучше ли почитать что-нибудь вмѣстѣ, коли тебѣ ужъ непремѣнно хочется чѣмъ-нибудь заняться? Что вы объ этомъ думаете, Леночка?

Леночка думала одно, какъ пріятно было бы, вмѣсто этой надутой, противной Сони, прогуливаться вдвоемъ съ Левой Богушевскимъ. И она ловко устроила такъ, что обѣ онѣ съ Наташей, обнявшись, пошли по одной дорожкѣ, приближавшейся къ дому какъ разъ съ той стороны, гдѣ была комната Левы. Сестры Асанины свернули по другой.

— Елена Ѳедоровна,—обозвалъ ее Лева, высовываясь въ окно, когда съ нимъ поравнялись молодыя дѣвушки.—Куда вы это направляетесь съ такимъ серьезнымъ видомъ?

Леночка остановилась въ притворной нерѣшительности.

— Да собственно никуда,—отвѣтила она робко.

Наташа поднялась по супенямъ террасы.

— Тебя Татьяна Васильевна ждетъ не дождется!—

крикнулъ ей братъ.—Ты про это видно догадываешься? Да?

— Догадываюсь,—засмѣялась Наташа и вошла въ домъ.

— Послушайте, Леночка,—продолжалъ молодой человѣкъ, въ первый разъ называя дѣвушку уменьшительнымъ именемъ.—Неужели вамъ не скучно въ обществѣ здѣшнихъ трехъ грацій? Младшая еще туда сюда, а двѣ старшія—брр!

— Соня очень красива,—уклончиво отозвалась Леночка.

— Не надо мнѣ такой красоты, съ увѣренностью въ придачу, что весь міръ долженъ быть у ея ногъ. Вотъ вы совсѣмъ другое дѣло?

— Что я!—чуть слышно проговорила раскраснѣвшаяся дѣвушка.

— Сами знаете, небось! А я вамъ вотъ что предложу: чѣмъ тутъ математику зубрить, пойдемте-ка вдвоемъ туда, въ чащу подъ тѣнь старыхъ вязовъ. Не устанете лишній разъ туда пройтись? И солнца не боитесь? Да чего его боятся? Сами вы такая же ясная, веселая, смѣющаяся... Такъ идетъ?..

И прежде чѣмъ Леночка успѣла отвѣтить, онъ уже выпрыгнулъ въ окно и стоялъ возлѣ нея, весь улыбаясь своими большими жгучими глазами.

XVII.

Послѣ обѣда вся молодая компанія собралась прокатиться въ лодкѣ. Всѣ уже были въ сборѣ, какъ Леночка вдругъ хватилась своей шляпы, забытой въ гостиной, или въ залѣ,—она навѣрное не помнила. Отыскивая ее, она невольно разслышала, что говорилось въ кабинетѣ Асанина, гдѣ хозяинъ громко разговаривалъ съ Григоріемъ Александровичемъ и съ Викторомъ Павловичемъ Холминымъ, тоже пріѣхавшимъ въ этотъ день отобѣдать въ „Плоское“. До ея слуха донеслось нѣсколько

разъ повторенная фамилія ея отца, и она остановилась, настороживъ уши, хоть и сознавала прекрасно, что это не совсѣмъ хорошо.

— А этотъ негодяй Макшеевъ,—звучнымь своимъ баритономъ говорилъ Холминъ,—Новоспаское отдѣлывать принялся. Хочетъ возстановить усадьбу въ полномъ величіи. Уморительно! Можете вообразить, съ какимъ вкусомъ старый домъ будетъ реставрированъ? Въ бары полѣзли эти хамы, что на нашъ счетъ разжились.

Асанинъ на это отозвался только короткимъ смѣхомъ. А Григорій Александровичъ спросилъ:

— А какъ вы про это узнали, Викторъ Павловичъ?

— Да былъ тамъ недавно по... по дѣлу.

Леночка хорошо знала, по какому дѣлу пріѣзжалъ Холминъ, и краска негодованія бросилась ей въ лицо.

— А-а, по дѣлу,—холодно проронилъ Григорій Александровичъ. Онъ догадывался про истину, зная растроенныя дѣла Виктора Павловича.

— Этотъ Макшеевъ,—заговорилъ владѣлецъ „Плоскаго“,—совсѣмъ въ люди вышелъ. Желѣзную дорогу строитъ мимо своего завода. Мой племянничекъ, Лева Богушевскій, очень поусердствовалъ, чтобы направленіе было какъ можно выгоднѣе для Ѳедора Степановича. Молодчикъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Ему не кажется, будто отъ ворованныхъ денегъ воняетъ. И прекрасное дѣло! Брезгливыми намъ быть не зачѣмъ. Лучше намъ эту кулацкую породу къ себѣ приманить. Будетъ намъ оттого польза! Тщеславіе—ихъ слабая сторона.

— Продавать себя, потому что ничего иного продавать не осталось,—взволнованнымъ голосомъ проговорилъ Смолинъ.—Это вы, что ли, предлагаете, Асанинъ?

— Не продавать себя, а только примириться съ неизбѣжнымъ, хоть и непріятнымъ явленіемъ, и по возможности его обезвредить. Хуже было бы для насъ же самихъ, кабы эти проходимцы въ насъ совсѣмъ не нуждались. Чуетъ мой носъ, что Макшеевъ постарается какъ-нибудь на выборахъ проскочить въ гласные.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—громко и самоувѣренно захохоталъ Викторъ Павловичъ.

Леночка болѣе не слушала. На цыпочкахъ она вышла изъ залы, вся сгорая отъ прилива стыда и полудѣтскаго гнѣва. Все удовольствіе отъ прогулки съ Левой, каждое слово котораго еще нѣсколько минутъ передъ тѣмъ радостно звучало въ ея ушахъ, было теперь испорчено, позабыто. Она думала объ одномъ лишь—скорѣе отсюда уѣхать, чтобы никогда уже, никогда въ „Плоское" пе возвращаться. Да какъ это сдѣлать, когда было только что рѣшено всѣмъ обществомъ отправиться на рѣку? Она не рѣшалась сказать брату про слышанное...

А на террасѣ, гдѣ ее дожидались, Леночку встрѣтили насмѣшливые и колкіе намеки Сони.

— Гдѣ эти вы, душенька, пропадали?—спросила та удивительно мягкимъ голоскомъ.—Или опять съ кѣмъ-нибудь встрѣтились, какъ давеча, когда отправились тайкомъ съ Львомъ Владиміровичемъ? Я изъ своего окна прекрасно видѣла.

Леночка вспыхнула отъ этихъ словъ еще сильнѣе.

— Ну, пойдемте, пойдемте,—поторопилъ Лева, чтобы придти къ ней на помощь. И крѣпко схвативъ Соню за локоть, онъ сказалъ ей на ухо:

— Смотрите, моя прелестная кузина, чтобы это было въ послѣдній разъ. Я этого не допущу! Слышите?

— Хотѣла бы я видѣть!—вспылила дѣвушка и бросилась впередъ, сбѣгая по ступенямъ.

Катанье удалось не слишкомъ.

Какъ ни хорошо было плыть по гладкой рѣкѣ, блестѣвшей въ румянцѣ заката, какъ ни чудно нѣжилъ и ласкалъ мягкій вечерній воздухъ, весь пропитанный запахомъ луговъ, въ широкой лодкѣ, весело скользившей по водѣ, плохо вторили радостному затишью прозрачнаго іюньскаго вечера.

Соня не переставала дуться, оттого въ особенности, что Лева и не дѣлалъ попытки съ ней примириться

послѣ ихъ маленькой размолвки, и раза два только прервала молчаніе, чтобы сказать кому-нибудь колкость.

Леночка вся ушла въ свойственное ей тяжелое раздумье, а Лева, сперва постаравшись ее вовлечь въ шутливый разговоръ, принялся гresти двумя веслами съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, будто для него важнѣе этого ничего не существовало. Изрѣдка только онъ вмѣшивался въ разговоръ Алеши и Смолина съ его сестрой. Они втроемъ точно обособились отъ прочихъ.

Алеша говорилъсъ восторгомъ о впечатлѣніи, вынесенномъ изъ бесѣды съ Григоріемъ Александровичемъ.

— Какъ вы счастливы, Смолинъ, что у васъ такой отецъ!—невольно вырвалось у него.

И мысленно тотчасъ досказалъ себѣ, какъ далекъ онъ самъ отъ такого счастія.

— Жаль только, что я на него такъ мало похожъ,—отвѣтилъ Смолинъ.

— Берегитесь, Николай Григорьевичъ,—разсмѣялась Наташа,—это не совсѣмъ любезно для меня, вы знаете вѣдь, что по общему приговору мы съ вами настоящіе близнецы по духу?

— Къ сожалѣнію,—проронилъ молодой человѣкъ.

— Часъ отъ часу не легче! Вы этому не рады? Вотъ это мило!

Губы Смолина зашевелились, но не проронили ни слова. Наташа, впрочемъ, и такъ догадалась, что хотѣлъ онъ сказать. Оба они сознавали давно, что какъ разъ это духовное сродство имъ мѣшаетъ сблизиться по настоящему.

Да неужели,—заговорилъ опять Алеша,—все наше поколѣніе такъ далеко ушло отъ своихъ предшественниковъ. Неужели мы даже разучились понимать, чтобы можно было чему-нибудь отдаться всей душой.

— Дѣлу отдашься, Алексѣй Өедоровичъ, а не словамъ только. Вы знаете, я очень положительная особа.

— А въ томъ-то и дѣло, что дѣла этого самаго

нѣтъ,—не совсѣмъ удачно на этотъ разъ съострилъ Николай Смолинъ.—Или по крайней мѣрѣ непривлекательно оно для нашего брата.

— Именно потому, что оно не настоящее,—вмѣшался Лева.

— На это различные бываютъ вкусы, Богушевскій. То, что по твоему настоящее...

Онъ не договорилъ. Да вообще ему говорилось въ этотъ вечеръ какъ-то неохотно, даже съ Наташей. Слова отца на него сильно подѣйствовали.

— Что?—язвительно засмѣялся Лева.—Руки боишься запачкать? Или только намозолить?... Что у насъ, право, за урожай пошелъ на брезгливыхъ людей, которые въ сущности палецъ о палецъ ударить не хотятъ? Прежде у насъ были заражены какимъ-то переанализомъ, въ наши дни...

— Перекультурой, коли хочешь, — перебилъ его Смолинъ.

— Да, именно перекультурой.

— Видно, не то культивируемъ, что надо,—сказалъ Алеша и тотчасъ замолкъ.—Ему въ сердце кольнула мысль, какъ мало это слово годилось для его семьи.

Лева презрительно повелъ плечами.

— А знаете что, господа,—сказалъ онъ, бросая весла,—пора бы вамъ тоже взяться за работу, чѣмъ всю эту рацею разводить. А то я въ самомъ дѣлѣ себѣ намозолилъ руки. Или барышенъ призвать на помощь? А то Соня тамъ сидитъ себѣ у руля, да дуется. А Надя только шалитъ.

Надя дѣлала напрасныя усилія, чтобы срывать попадавшіяся имъ на пути водяныя лиліи и скучала не менѣе сестры.

— Да знаете что,—рѣзко объявила Соня,—лучше бы намъ причалить, гдѣ можно. А то вся эта философія не очень-то забавна!

— Слушаю-съ, Софія Константиновна!—вставая, отвѣтилъ Лева и схватился за шестъ.

Черезъ минту они причалили и, выпрыгнувъ на берегъ, понемногу разсѣялись.

Соня ушла впередъ, не скрывая своего дурного расположенія духа. Леночка пошла съ Надей, а Наташа осталась позади съ Алешей и Смолинымъ. До усадьбы было версты двѣ. Они шли лугами, блестѣвшими отъ росы. Съ близкихъ полей несся крѣпкій запахъ полыни, и освѣжѣвшій воздухъ какъ бы растворялся просыпающимися ароматами ночи. Черное южное небо точно алмазами было усѣяно. Ночь пахучая, безмолвная, широкая, какъ-то разомъ опустилась на землю, внося съ собою не сонную тишину, какъ на сѣверѣ, а какое-то могучее, страстное дыханіе.

Лева Богушевскій, отдѣлившись отъ прочихъ, полями пробрался на село. Ему хотѣлось чего-то болѣе существеннаго, чѣмъ наскучившая ему болтовня съ барышнями. А тамъ въ стройныхъ, красивыхъ смуглянкахъ недостатка не было...

У Наташи между тѣмъ съ двумя ея спутниками урывками продолжался разговоръ, начатый въ лодкѣ. Что-то неспѣшное, утомленное было въ ихъ рѣчахъ. Тихія звѣздныя ночи часто навѣваютъ такое настроеніе. Будто лѣнь какая-то словами выражать смутно-жуткое чувство, переполняющее грудь.

Смолинъ только что сдѣлалъ какое-то ироническое замѣчаніе, и вдругъ, кинувъ въ траву недокуренную папироску, объявилъ, что идетъ догонять Софью Константиновну.

— Надо ее утѣшить бѣдняжку,—сказалъ онъ, ускоряя шагъ.—Не давать же ей злиться на насъ всѣхъ.

На самомъ дѣлѣ Соня тутъ была ни при чемъ. Смолину чувствовалось, что его присутствіе почти въ тягость Наташѣ. Онъ читалъ на ея лицѣ невысказанное желаніе остаться вдвоемъ съ Алешей Макшеевымъ.

— Я ему завидую, Наталья Владиміровна,—сказалъ Алеша, когда Смолинъ успѣлъ скрыться въ темнотѣ.

— Завидуете? И какъ разъ теперь?—лукаво спросила дѣвушка.

— Вырости въ такой семьѣ, имѣть такого отца и такіе примѣры... Чего бы я не далъ, чтобы я о себѣ могъ сказать то же самое.

Лицо Наташи мгновенно стало серьезно. Онъ въ первый разъ открыто заговаривалъ съ ней о своихъ, и Наташѣ казалось, что это ихъ сближало лучше прежняго.

— Дѣти не отвѣчаютъ за родителей,—проговорила она тихо.

— Не отвѣчаютъ, да, передъ судомъ по крайней мѣрѣ и передъ совѣстью тоже. Но какъ заставить другихъ позабыть, а пожалуй и простить...

Послѣднія слова онъ произнесъ, устремивъ на нее быстрый, загорѣвшійся взглядъ. Никогда еще такого жгучаго чувства, такой страстной мольбы она не читала въ глазахъ молодого человѣка. И она отвѣтила такимъ же открытымъ, хотъ и болѣе спокойнымъ взглядомъ.

— Могу васъ увѣрить, я не спрашивала себя про это и никакихъ сравненій не дѣлала. Я знаю только васъ, и чтобы ни совершилъ кто-нибудь изъ вашихъ родныхъ,—она запнулась на мигъ, говоря это, и какъ бы подыскивала осторожно слова, — моего отношенія къ вамъ это не измѣнить не можетъ.

Волненія не было на лицѣ Наташи, но въ сердцѣ молодого человѣка звукъ ея ровнаго голоса зажегъ цѣлую бурю радостныхъ надеждъ.

— Вы, стало быть, не оскорбитесь, если я скажу вамъ, какъ дороги вы мнѣ?

Она не отняла своей руки, когда онъ схватилъ ее, крѣпко пожимая. Невольно они замедлили шагъ, и голоса прочихъ смолкли теперь совсѣмъ, потонувъ въ темнотѣ ночи. И рѣчь молодого человѣка полилась теперь, какъ освободившійся отъ льда весенній потокъ,—и горячихъ словъ, просившихся на волю изъ

переполненнаго сердца, словъ надежды и счастія, онъ удерживать не думалъ.

Наташа слушала, покоряясь какъ-то невольно милому ощущенію, и на ласку его словъ отвѣчала болѣе тихой, болѣе сдержанной лаской во взглядѣ, полускрытой во мглѣ ночи.

— Вы добрый и прямой, я это почувствовала съ первой нашей встрѣчи,—негромко проговорила дѣвушка, когда Алеша умолкъ.—И, кажется, вдобавокъ, изъ тѣхъ, на котораго положиться можно, кто сердцемъ и умомъ не робокъ.

Ясная, звѣздная ночь точно вторила имъ, такая же радостная, какъ ихъ молодыя надежды, такая же глубокая, какъ ихъ зарождавшаяся любовь.

Между тѣмъ спѣшными шагами къ нимъ подходила Леночка.

— Алеша поѣдемъ,—заговорила она быстрымъ шепотомъ,—право пора.

— Куда ты спѣшишь, Лена?—спросилъ ласково у нея братъ.

И Наташа разсмѣялась, удивившись, отчего ей вдругъ скучно показалось.

— Да не скучно, поздно только.

— Поздно?

— Кажется, очень,—торопливо, съ несвойственнымъ ей волненіемъ повторила Леночка. — И надо мнѣ съ нимъ переговорить.

Наташа обняла ее за талію.

— Ты что-нибудь скрываешь отъ меня? Будь совсѣмъ откровенна, Леночка, что̀ случилось?

— Ничего... Только кузины ваши—твои,—поправилась она,—я думаю, имъ очень непріятно, что я... что мы здѣсь бываемъ...

— Ну, это еще бѣда небольшая.

Алеша догадался, однако, по лицу сестры, что есть у нея нешуточная причина торопить отъѣздомъ. И какъ ни хорошо ему было съ Наташей, какъ ни сладко

отзывались въ его памяти только-что ею сказанныя слова, четверть часа спустя, онъ вдвоемъ съ Леночкой уже катилъ въ тарантасѣ по дорогѣ въ Новоспасское.

XVIII.

— Что случилось, Леночка?—съ волненіемъ въ голосѣ переспросилъ молодой человѣкъ, едва лошади тронули.

Она отвѣтила не сразу. Теперь ей труднымъ казалось повторить брату рѣзкія слова, осуждавшія Θедора Степановича. И жаль ей было тоже нарушить праздничное настроеніе Алеши.

— Ну?—спросилъ онъ еще разъ, съ трудомъ отрываясь отъ наполнявшихъ его голову сладкихъ грезъ,—скажи въ чемъ дѣло?

— Я думаю,—нерѣшительно заговорила дѣвушка,—я никогда больше не поѣду къ этимъ Асанинымъ.

— Вотъ какъ?..—Онъ улыбнулся, недовѣряя ея неожиданному рѣшенію.—А мнѣ казалось, напротивъ, тебѣ очень весело у нихъ. Или такъ ужъ дурно къ тебѣ относится эта чваная Соня?

— Что Соня? Это бы еще ничего!..

Леночка, робѣя и путаясь, все разсказала брату. Лицо его, пока онъ слушалъ, становилось все сумрачнѣе.

— Это они говорили про отца?—тревожно спросилъ онъ.—Всѣ говорили, или одинъ только Холминъ, который самъ вѣдь отцу обязанъ...

— То есть, какъ тебѣ сказать? Бранилъ отца только Викторъ Павловичъ. Но чувствовалось, что всѣ они—и Смолинъ, и Константинъ Гавриловичъ, дурного о немъ мнѣнія. Ахъ, Алеша, какъ тяжело видѣть, что отца не уважаютъ, и что на насъ, оттого, что мы его дѣти, смотрятъ какъ-то свысока...

— Да ты не о себѣ думай, Лена,—рѣзко оборвалъ

онъ ее,—что намъ за дѣло, какъ на насъ смотрятъ эти господа? Стыдиться своего происхожденія — глупо. За отца жаль, за него стыдно, коли въ самомъ дѣлѣ они говорятъ правду.

— Я не знаю,—обидчиво и въ то же время какъ-то холодно возразила дѣвушка, - правда это или нѣтъ, да и не все ли равно? Если это даже и не правда, намъ оттого не легче. Мнѣ вся кровь въ лицо бросилась, когда я это услышала.

Алеша вспылилъ.

— Да перестань же мнѣ все о своихъ чувствахъ говорить. Важно самое дѣло, а не мнѣніе этихъ господъ. Стыдиться можно только поступковъ, а не словъ.

Отъ его счастливаго настроенія и слѣда не осталось. И все таки ему не хотѣлось вѣрить, чтобы на Ѳедорѣ Степановичѣ лежало клеймо общаго презрѣнія. Словъ какого-нибудь Холмина, который самъ вѣдь пользуется не особенно чистой репутаціей, было недостаточно, чтобы вновь пробудить заглохшія подозрѣнія. Ему плохо вѣрилось тому, что говорила Леночка, оттого, что онъ не имѣетъ уже права бывать въ этомъ домѣ, гдѣ ему пришлось только что услышать полупризнаніе Наташи...

А въ „Плоскомъ“ между тѣмъ за чайнымъ столомъ шелъ оживленный споръ. Соня, едва едва разъѣхались гости, принялась исподтишка пускать колкіе намеки по адресу Наташи.

— Про что ты,—говорила она,—скажи, пожалуйста, такъ долго бесѣдовала съ этимъ... съ этимъ Макшеевымъ?

Она притворилась, будто не сразу вспомнила фамилію Алеши

— Очень, должно быть, было интересно?

— Очень,—коротко и спокойно отвѣтила Наташа.

Соня презрительно повела плечами.

— Охота тебѣ,—проронила она,—битый часъ толковать съ этимъ мальчишкой. И откуда они взялись, эти

Макшеевы? Отецъ твоего Алеши былъ, кажется, кабатчикомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Удивительно пріятно быть въ обществѣ такихъ людей. Ты знаешь, папа,—обратилась Соня къ отцу, видя, что Наташа болѣе не отвѣчаетъ,—она съ самаго того мѣста, гдѣ мы причалили, вдвоемъ шла съ этимъ студентомъ. Нарочно отъ всѣхъ насъ отстала. Необыкновенно трогательно—ночью, при свѣтѣ звѣздъ...

— Васъ, Соня,—рѣзко вмѣшался Лева,—должно быть, очень бѣсило, что пришлось вамъ безъ кавалера остаться?

Соня вся вспыхнула, и глазки ея злобно блеснули.

— Хороши были эти кавалеры, нечего сказать,—проронила она, неудачно стараясь придать этимъ словамъ холодную презрительность.

— На безрыбьи, Софья Константиновна, вы знаете?—насмѣшливо отвѣтилъ ей Лева.—Впрочемъ, напрасно вы такъ ужъ разборчивы.—Смолинъ очень умный малый, а Макшеевъ...

— Ну, того я охотно,—перебила она,—вашей сестрѣ предоставляю.

Константинъ Гавриловичъ, до сихъ поръ невозмутимо покуривавшій сигару, теперь счелъ долгомъ вмѣшаться.

— Видишь,—съ мягкой улыбкой на лицѣ, обратился онъ къ дочери.—Когда принимаешь кого-нибудь къ себѣ въ домъ, мой дружокъ, со всѣми надо быть одинаково любезнымъ. И нечего тамъ разбирать, кто чей сынъ,—запиши себѣ это на память.

Соня была его любимицей, но и ей онъ ничего не спускалъ.

— Однако,—вступилась Татьяна Васильевна,—нельзя тоже всѣхъ и каждаго съ улицы къ себѣ пускать. На что намъ дружбу вести съ семьей этого разбогатѣвшаго мазурика?

— Сынъ его, во всякомъ случаѣ,—съ такой же невозмутимостью возразилъ женѣ Асанинъ,—въ дѣлахъ

отца неповиненъ. Ты слышала, какъ сегодня за столомъ онъ хорошо отвѣтилъ Виктору Павловичу, когда тотъ отпустилъ одну изъ своихъ дрянныхъ шуточекъ? Мнѣ очень нравится этотъ молодой человѣкъ. Горячъ немножко, да это не бѣда. Кто въ двадцать хладнокровенъ и разсчетливъ, тотъ, чего добраго, въ сорокъ...

— Да кровь-то въ немъ какая, Константинъ Гавриловичъ?—волнуясь, настаивала Татьяна Васильевна.— Самъ посуди: вѣдь яблоко отъ дерева...

— Кровь? Полно! Будто изъ нашего брата мало негодяевъ выходитъ? Кровь только задатокъ, а сколько примѣровъ, что при одномъ задаткѣ и остаешься.

— А ты развѣ не знаешь, какъ этотъ Макшеевъ поступилъ съ Владиміромъ Семеновичемъ? Спроси лучше Ольгу Андреевну.

— Ахъ, Татьяна Васильевна,—вдругъ заговорила Наташа, слѣдившая за разговоромъ съ возрастающей тревогой,—не знаю, какъ думаетъ про это мама, но у насъ съ братомъ никакого чувства злобы на сердцѣ нѣтъ. Все это случилось давно, очень давно...

— Догадываюсь, что у тебя на сердцѣ,—кисло замѣтила Соня.

Наташа не отвѣтила и, поднявшись съ мѣста, молча подошла къ Татьянѣ Васильевнѣ и къ матери. Потомъ она кивнула головой кузинамъ и, пожелавъ имъ доброй ночи, вышла изъ комнаты.

Но съ ея удаленіемъ споръ не прекратился. Татьяна Васильевна не переставала твердить все то же.

Молчаливая Ольга Андреевна томно ей вторила, говоря, что уступила только настойчивымъ просьбамъ сына, когда рѣшилась принимать у себя дѣтей Ѳедора Степановича.

— И все таки рѣшилась, мама,—вкрадчиво, хоть и чуть чуть насмѣшливо, вставилъ Лева.

— Да что съ тобой было дѣлать? Просилъ, требовалъ... А кабы твой отецъ зналъ, что эти Макшеевы здѣсь бываютъ...

— Вотъ и не надо, чтобы онъ узналъ, мама,—настаивалъ молодой человѣкъ.

Соня попробовала еще разъ напуститься на Алешу и Леночку, задѣвъ мимоходомъ и Наташу. На этотъ разъ къ ней присоединилась и Вѣра, которую всѣ въ домѣ считали большой умницей, оттого, можетъ быть, что она говорила рѣдко, но всегда съ увѣренностью. Остановленныя Константиномъ Гавриловичемъ, обѣ барышни прикусили язычокъ.

— Конечно,—сказалъ Асанинъ, заканчивая этимъ споръ,—Лева правъ, не надо, чтобы Владиміръ Семеновичъ про это зналъ. Надѣюсь, Ольга Андреевна не проговорится. А вы тамъ, дѣвчонки, смотрите у меня!..

Съ этими словами онъ всталъ. Въ тотъ же вечеръ у него происходило длинное объясненіе съ женой. Съ глазу на глазъ съ мужемъ Татьяна Васильевна жаловалась, какъ это непріятно держать у себя на хлѣбахъ бѣдную родню, которая въ сущности приходится седьмой водой на киселѣ.

— Владиміръ Семеновичъ мнѣ двоюродный братъ,—оборвалъ ее мужъ,—да и пригодиться онъ можетъ. И какъ еще... Да не въ этомъ дѣло. Я отъ чистаго сердца, а не изъ корысти пригласилъ къ себѣ его жену и дѣтей. Ольга Андреевна, положимъ, скучновата, зато Наташа—прелесть! Прошу съ ними быть совсѣмъ по родственному. И чтобы дѣвчонки эти не смѣли, какъ сегодня вотъ, дѣлать колкія замѣчанія. Помни, когда я что сказалъ, слово мое свято... И про этихъ Макшеевыхъ Владиміру Семеновичу—ни-ни!

Татьяна Васильевна, какъ всегда, преклонилась передъ волей домашняго самодержца. И когда въ слѣдующую субботу Владиміръ Семеновичъ пріѣхалъ, онъ такъ и не узналъ, кто въ его отсутствіе зачастую наѣзжаетъ въ „Плоское“. У него какъ разъ теперь былъ новый поводъ негодовать на Θедора Степановича. Онъ недавно слышалъ, въ чьи руки попало Новоспасское, и что за обширныя затѣи у его новаго владѣльца.

— Ты слышалъ,—обратился онъ вдругъ за обѣдомъ къ двоюродному брату,—что этотъ Федька Макшеевъ задумалъ? Хочетъ бариномъ настоящимъ зажить, да принимать у себя чуть ли не всю губернію. И въ земство собирается попасть. Только этому не бывать. Не всѣ же бѣлены у васъ объѣлись, чтобы такому голубчику давать рядомъ съ собою на собраніи сидѣть.

— Ты забываешь,—примирительно и уклончиво возразилъ Константинъ Гавриловичъ,—что Макшеева не мы будемъ въ гласные выбирать.

— Знаю! Есть у нихъ тамъ свои хамскіе выборы... Только можно вѣдь сволочь эту пугнуть хорошенько, чтобы не смѣла она баллотировать такого мерзавца...

— Онъ сила,—коротко промолвилъ Асанинъ, чуть чуть склонивъ голову.

Владиміръ Семеновичъ вспылилъ.

— Сила?—да, пожалуй, что такъ. Вѣдь съумѣлъ этотъ мазурикъ устроить, чтобы новая дорога мимо его завода проходила. А „Плоское“, небось, въ пятнадцати верстахъ отъ линіи останется. И кто ему это наладилъ, не возьму въ толкъ! Вѣдь стоить это будетъ не дешево и крюкъ придется дать изрядный. Валитъ счастье этимъ прохвостамъ. А еще твердятъ, будто чужое добро въ прокъ не идетъ. Пожалуй, изъ за воровскихъ его денегъ кое кто изъ нашихъ ему даже кланяться станетъ. Да, Константинъ Гавриловичъ, только мы съ тобой держимся еще.

Асанинъ молча улыбнулся, думая про себя, какъ не пристала эта похвальба его разоренному въ пухъ двоюродному брату.

— Кто знаетъ,—продолжалъ Богушевскій,—можетъ быть и приведется мнѣ гдѣ-нибудь съ Федькой Макшеевымъ встрѣтиться, только не въ добрый часъ это будетъ для него. Напомню ему, чѣмъ онъ былъ и какъ нажилъ свои проклятыя деньги.

Владиміръ Семеновичъ ораторствовалъ долго, не встрѣчая особаго сочувствія въ слушателяхъ. Но онъ

этого не примѣчалъ. Ему не возражали, и гнѣвные звуки его голоса могли свободно раздаваться среди общаго молчанія.

Посѣщенія свои повторялъ онъ далеко не каждую недѣлю. Богушевскій успѣлъ отвыкнуть отъ семьи, а деревенская жизнь ему никогда не была по сердцу. Жена и дѣти горевали объ этомъ не слишкомъ. Наташу, однако, не покидала тревога, какъ бы не узналъ когда-нибудь отецъ про ихъ знакомство съ дѣтьми Ѳедора Степановича. Одного неосторожнаго слова было достаточно, чтобы раскрыть ему глаза. А кто могъ поручиться хотя бы за Соню?

Но время пока шло, и буря не разражалась. Даже Соня какъ-то припрятала свои коготки, напуганная должно быть, Константиномъ Гавриловичемъ.

Лева ѣздилъ часто въ Новоспасское. Ѳедору Степановичу онъ все болѣе нравился. И какъ ни былъ онъ опытенъ, какъ ни туго были затянуты у него и мошна, и сердце, онъ лишь на половину догадался, что за тайные виды на его кошелекъ были у молодого человѣка, когда тотъ развивалъ передъ нимъ разные планы на блестящія промышленныя предпріятія. Ѳедоръ Степановичъ, правда, слушалъ не совсѣмъ довѣрчиво, но Лева все таки производилъ на него впечатлѣніе своей ясной головой, своими отчетливыми соображеніями.

Зато самъ юный инженеръ былъ далеко не въ восторгѣ отъ Ѳедора Степановича. „Кулакъ проклятый“,—думалъ онъ про себя,—„сжался и не клюетъ! Думаетъ, вся мудрость въ томъ, чтобы деньги свои въ оборотъ не пускать и отъ каждой свѣжей мысли отворачиваться. А я его крупнымъ считалъ,—почти россійскимъ американцемъ. Куда ему! Нахапать онъ умѣлъ—разными мелкими дѣлишками разбогатѣть. Только, что за прокъ отъ его богатства? Подъ старость будетъ на немъ сидѣть, какъ собака на сѣнѣ. Развѣ ужъ въ серьезъ, не для потѣхи только, за этой дѣвчонкой пріударить? Скверно что-то на Ѳедькиной дочери жениться,—по-

чище могъ бы себѣ добыть. Только иного пути нѣтъ къ его деньгамъ подобраться.

И молодой человѣкъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ пріударялъ за Леночкой, кружа ей голову все сильнѣе. Ѳедоръ Степановичъ или не замѣчалъ этого, или считалъ за лучшее—Левѣ не мѣшать, а швейцарская мамзель давно получила увольненіе.

XIX.

Ѳедору Степановичу съ дѣтьми рѣшительно не везло. Старшій сынъ не давалъ ему покоя своими просьбами выслать поскорѣе денегъ, и не выходилъ изъ нелѣпыхъ долговъ и еще болѣе нелѣпыхъ кутежей. На него, впрочемъ, отецъ давно махнулъ рукой. Петя, трудолюбивый и разсчетливый Петя, все не хотѣлъ понять широкихъ замысловъ Ѳедора Степановича и оказывался плохимъ хозяиномъ, упускавшимъ десятки рублей изъ за копѣекъ. Лучшая надежда отца—Алеша, хоть и держался съ нимъ болѣе довѣрчиво и сердечно, чѣмъ прежде, упорно отказывался промѣнять ученую карьеру на дѣловую. Слова Леночки сперва было опять расшевелили въ немъ затихшія подозрѣнія. Но Ѳедоръ Степановичъ теперь высказывался передъ нимъ съ такимъ открытымъ прямодушіемъ и въ нескончаемыхъ спорахъ его съ братомъ такъ рѣшительно принималъ сторону младшаго сына, что Алеша невольно ощущалъ въ себѣ растущее довѣріе къ отцу. И какъ разъ за то, что на Ѳедора Степановича такъ сильно обрушивалась ненависть сосѣдей, онъ готовъ былъ стать теперь на его сторону со всей искренней горячностью своего неопытнаго сердца. Ѳедоръ Степановичъ говорилъ себѣ не разъ, говорилъ съ гнѣвною горечью, что некому послѣ него довершить начатое дѣло, что изъ трехъ разныхъ дорогъ, по которымъ пошли его сыновья, ни одна не ведетъ къ богатству. Глухая злоба его разбирала

при этой мысли, вызывая упорную рѣшимость тѣмъ настойчивѣе копить и все копить, и въ концѣ концовъ добиться не денегъ только, но почета и вліянія.

И Ѳедору Степановичу казалось, что онъ достигнетъ цѣли, хоть и чувствовалъ онъ порой, что жить ему остается недолго и подступаетъ къ нему грозный призракъ немощной старости. Онъ сталъ бывать у сосѣдей, и принимали его теперь уже почти на равной ногѣ. Успѣхъ съ постройкой новой дороги открылъ ему такія двери, въ которыя онъ прежде не смѣлъ бы и стучаться. Какъ будто забыли о его присхожденіи и не совсѣмъ чистомъ источникѣ его богатства. Викторъ Павловичъ, хоть и бранилъ Ѳедора Степановича заочно, выказывалъ ему почти уваженіе. Да и не онъ одинъ,— другіе помѣщики тоже дружили съ нимъ, конечно, въ разсчетѣ на его карманъ: въ этомъ Макшеевъ не обманывался. Да въ сущности ему было все равно изъ за какихъ побужденій съ нимъ водили знакомство. А когда онъ съ помощью избирателей не-дворянъ попадетъ въ гласные—склонить ихъ въ свою пользу онъ разсчитывалъ навѣрняка,—онъ съумѣетъ на земскомъ собраніи разъ играть первую руководящую роль. Съ нимъ вѣдь никто въ уѣздѣ не могъ сравниться по дѣловитости. А тамъ, года черезъ три или четыре, онъ достигнетъ и конечной цѣли своихъ желаній. Недавно его назначили тюремнымъ попечителемъ, ему дали чинъ, и не за горами для него уже личное дворянство. Отчего бы ему подъ конецъ жизни не стать, пожалуй, и предводителемъ? Бывали же тому примѣры?

Внутренно онъ презиралъ себя за эти тщеславныя мечты. Еще болѣе презиралъ онъ окружавшихъ его полуразоренныхъ сосѣдей, которые вѣдь еще годъ назадъ не захотѣли бы пустить его къ себѣ въ домъ. Раньше, въ молодые годы, онъ бы не далъ такой поблажки выросшему подъ старость тщеславію. Тогда онъ все цѣнилъ только на деньги—теперь онъ думалъ иначе. И тайный зудъ сравниться по общественному положе-

нію съ ненавидѣвшими его людьми, которымъ онъ платилъ удвоенною ненавистью, не давалъ ему покоя. Дѣти его, по крайней мѣрѣ, не будутъ считаться хамскими дѣтьми, и свою Леночку онъ когда-нибудь увидитъ настоящей барыней.

Эта самая Леночка, однако, подбавляла къ его тайному раздраженію противъ дѣтей все новые поводы къ недовольству. Съ тѣхъ поръ, какъ она познакомилась съ Богушевскими и Асаниными, дѣвочка стала будто выказывать отцу какую-то брезгливую, презрительную нелюбовь. Онъ замѣтилъ это еще въ Петербургѣ. За послѣднее время это выказывалось все яснѣе. Случалось не разъ, что когда Ѳедоръ Степановичъ за обѣдомъ, по старой привычкѣ, облокачивался обѣими руками на столъ, или принимался ѣсть отъ ножа, или въ промежуткѣ между блюдами закуривалъ, роняя пепелъ въ тарелку, Леночка отвернется съ презрительной гримаской на хорошенькихъ губкахъ. А когда, возвращаясь съ полей, онъ входилъ къ комнаты весь запыленный и грузно вваливался въ кресло, по чертамъ Леночки пробѣгало брезгливое выраженіе. Съ нѣкоторыхъ поръ сама внѣшность отца,—его волосатыя руки съ толстыми короткими пальцами, его неряшливая одежда и всклоченная щетинистая борода, да еще запахъ дегтя, которымъ часто несло отъ его сапогъ,—все это вызывало въ ней что-то похожее на отвращеніе. Она мысленно сравнивала отца съ людьми, которыхъ встрѣчала въ чужихъ домахъ, и говорила себѣ, что на Ѳедорѣ Степановичѣ, лежитъ какой-то неизгладимый плебейскій отпечатокъ, всегда напоминавшій и другимъ, и ей самой, про его происхожденіе. Уже не противъ тѣхъ она возмущалась, кто относился къ Ѳедору Степановичу съ неуваженіемъ, а противъ него, за кого ей не разъ приходилось краснѣть.

Макшеевъ долго спускалъ все это дочери. Но разъ онъ не выдержалъ. Онъ случайно вошелъ въ комнату гдѣ она сидѣла за книгой, и отыскивая оброненный портсигаръ, задѣлъ на пути стулъ и уронилъ его.

— Ахъ, папа, смотрите,—вскочила она,—вы стулъ мой сломали. И коверъ вы испачкаете совсѣмъ. Видите, какіе слѣды отъ вашихъ сапогъ!

Въ этотъ день шелъ дождь и комки мягкой черной земли пристали къ подошвамъ Ѳедора Степановича. Онъ рѣзко обернулся въ сторону дочери. Гнѣвная злоба глубже обыкновеннаго бороздила его сморщенное лицо.

— Ты что, мать моя, бѣлены объѣлась?—напустился онъ на Леночку таки́мъ громовымъ окликомъ, какого ей никогда еще не доводилось отъ него слышать. Какъ—„твой“ стулъ, говоришь ты? „Твой“ коверъ? Да что твоего въ этомъ домѣ, позволь узнать? И съ чего ты вздумала барышню изъ себя корчить? Выбью изъ тебя спѣсь дурацкую.

— Вы мнѣ читать мѣшаете, папа,—вспыхнувъ до ушей, проговорила она своенравнымъ голосомъ.

— Читать мѣшаю? Ха-Ха! Прелестно! Хочешь, небось передо мной прихвастнуть, что умныя книжки почитываешь. А на чьи деньги уму разуму выучилась? На чьи наряжаютъ тебя, какъ принцессу, неблагодарная дѣвчонка? Своими руками, что ли, добываешь себѣ деньги на модныя платья? Да знаешь ли ты, что стоитъ мнѣ приказать, и всѣ твои дурацкія тряпки выкинутъ вонъ, а на тебя простой сарафанъ надѣнутъ, да козловые башмаки, и будешь ходить ты у меня замарашкой. Да заставятъ тебя коровъ доить или что-нибудь въ этомъ родѣ. Выкинь дурь изъ головы, Лена, а то плохо будетъ—я шутить съ собой не даю, помни это. А глупая твоя книжонка, вонъ смотри, что я изъ нея сдѣлаю—полюбуйся.

Онъ выхватилъ изъ рукъ дочери изящный французскій томикъ въ желтой оберткѣ и, тутъ же изодравъ гнѣвнымъ движеніемъ сильныхъ рукъ, выкинулъ въ окно.

— Пусть валяется тамъ на дворѣ съ мусоромъ. И съ тобой я такъ же поступить могу—стоитъ захотѣть. Съ простыми дѣвками будешь спать въ одной комнатѣ и черную работу справлять.

Леночка покорилась въ нѣмомъ испугѣ. Ей не вѣрилось, чтобы отецъ исполнилъ свою угрозу. Но мощные раскаты отцовскаго гнѣва все таки сломили ея строптивость. Вся блѣдная, она стояла передъ нимъ, не зная, что сказать и двѣ слезинки потихоньку выкатились изъ ея глазъ. Это не были слезы раскаянія, и внутренно она еще болѣе прежняго ненавидѣла Ѳедора Степановича. Но открыто выказывать это Леночка уже не смѣла.

А на самомъ дѣлѣ Макшеевъ совсѣмъ не испытывалъ грознаго раздраженія, какимъ дышали его слова. Въ сущности онъ вѣдь старался всячески превратить дочку въ настоящую барышню. Притаившееся тщеславіе побуждало его страстно желать, чтобы дѣти какъ можно выше поднялись по общественной лѣстницѣ, благодаря его деньгамъ. Вѣдь для нихъ онъ работалъ, не для себя одного—себя переродить въ барина онъ не могъ. Ѳедоръ Макшеевъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ мечтать объ этомъ. И когда вспышка гнѣва нашла себѣ жертву въ изодранной книжкѣ, въ немъ самомъ она улеглась. Онъ не хотѣлъ только показать это забывшейся дочери. Довольный тѣмъ, что навелъ на нее спасительный трепетъ, онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и своимъ крупнымъ тяжелымъ почеркомъ принялся писать Александрѣ Осиповнѣ. Рѣзкіе упреки вылились изъ подъ его пера. По его мнѣнію, во всемъ была виновата она—и только она. Тутъ въ его душѣ не было уже никакой раздвоенности. Онъ чистосердечно ненавидѣлъ ее, какъ представительницу того именно рода людей, въ которыхъ онъ чувствовалъ себѣ вѣчный, неумолимый, заслуженный укоръ.

За одно съ письмомъ Ѳедора Степановича, тетя Саша получила другое, отъ Леночки. Едва вышелъ отецъ, она тоже принялась за перо. Въ страстныхъ выраженіяхъ она умоляла тетку придти къ ней на помощь, давая волю своему недоброму чувству къ отцу. Она почти дословно повторила, что ей довелось

услышать про Өедора Степановича у Асаниныхъ. Можно было подумать, читая ея горячія строки, что ей въ самомъ дѣлѣ живется невыносимо тяжело. Но Александра Осиповна вычитала изъ ея письма совсѣмъ иное. Въ негодующихъ словахъ дѣвочки просвѣчивали нехорошее тщеславіе и проснувшаяся въ ея молодомъ сердечкѣ неудержимая жажда удовольствій.

Тетя Саша заволновалась не на шутку и рѣшилась, не откладывая, съѣздить въ Новоспасское. Время, кстати, было теперь свободное. И въ концѣ іюня къ Өедору Степановичу неожиданно пришла телеграмма отъ свояченицы съ извѣстіемъ, что она будетъ въ Новоспасскомъ черезъ три дня.

Нельзя сказать, чтобы Макшеевъ этому извѣстію очень обрадовался. Не обрадовалась ему, впрочемъ, и Леночка, совсѣмъ не ожидавшая, что таковъ будетъ результатъ ея запальчиваго письма. Она поторопилась излить передъ теткой весь свой неукротимый молодой гнѣвъ, вовсе не думая звать Александру Осиповну въ деревню. Да и теперь самый этотъ гнѣвъ какъ-то улегся. Непріятное впечатлѣніе отъ послѣдней поѣздки къ Асанинымъ успѣло понемногу изгладиться — Лева такъ краснорѣчиво убѣждалъ ее снова тамъ побывать и такъ уморительно высмѣивалъ своихъ кузинъ Асаниныхъ, въ томъ числѣ и хорошенькую Соню, что Леночка не устояла. Онъ недвусмысленно давалъ ей понять, что въ его глазахъ она неизмѣримо выше и привлекательнѣе этой несносной Сони, съ ея глупымъ чванствомъ и нелѣпыми претензіями.

И Леночка поддалась его настойчивымъ просьбамъ. Ужъ на четвертый день послѣ того, какъ разразилась надъ ней гроза отцовскаго гнѣва, она снова побывала съ братомъ у Асаниныхъ. Ѣхала она туда съ затаеннымъ чувствомъ торжества на сердцѣ, предвкушая заранѣе побѣду надъ красавицей Соней, и при этой мысли ея самолюбивое сердечко наполнялось гордостью. На пути въ „Плоское“ Алеша чуть чуть поддразнивалъ се-

стру, напоминая про недавнее рѣшеніе болѣе не бывать у Асаниныхъ.

— Ахъ, Алеша, — защищалась она,—ты не хочешь меня понять, мнѣ не за себя стыдно, а за папашу. Мнѣ все кажется, что на насъ будто пальцемъ указываютъ, оттого что мы его дѣти.

— Вотъ чего тебѣ надо было бы по настоящему стыдиться, Лена,—строго возразилъ ей братъ,—этого нехорошаго чувства. Стыдно то, что въ насъ дѣлается, а не то, въ чемъ мы неповинны. Пойми же это наконецъ...

— Да развѣ я виновата, — краснѣя, воскликнула она,—коли я невольно сравниваю папашу сь тѣми, кого мы встрѣчаемъ у Асаниныхъ: съ Константиномъ Гавриловичемъ, напримѣръ, или съ отцомъ Смолина, или даже съ Холминымъ...

— Ну и выходитъ, что ты судишь, какъ ребенокъ и, вдобавокъ, какъ безсердечный ребенокъ. Предъ Холминымъ ужъ отцу никакъ не приходится краснѣть. Тебѣ нравится въ немъ, что онъ одѣвается хорошо и по-французски говоритъ свободно, и смотритъ бариномъ... А на самомъ дѣлѣ это дрянной человѣкъ и въ сравненіи съ нимъ отецъ во сто кратъ выше по уму и... и по благородству даже. Ты знаешь, мы съ нимъ были у Холмина не далѣе, какъ вчера. Викторъ Павловичъ отца счелъ нужнымъ пригласить отобѣдать, потому что занялъ у него деньги. И лебезилъ же онъ передъ нимъ все время, хоть исподтишка и давалъ чувствовать иногда, что насъ за равныхъ все таки не считаетъ. Вотъ это то и подло—это затаенное пугливое тщеславіе, которое прячется ради карманныхъ выгодъ. Отецъ это понялъ отлично и досталось таки отъ него Виктору Павловичу. Заговорили о разныхъ дѣловыхъ вопросахъ — о новой дорогѣ, о положеніи хозяйства— тамъ было еще два-три помѣщика — и толковали они вкривь и вкось, хвастаясь своими познаніями и общественнымъ положеніемъ, а въ сущности выдавали на каждомъ шагу свою безпомощность. Отецъ слушалъ-

слушалъ, да все посмѣивался молча, а потомъ взялъ, да и разбилъ ихъ на всѣхъ пунктахъ, доказывая имъ какъ дважды два четыре, что своемъ хозяйствѣ они ничего не смыслятъ. Я, положимъ, съ этими вопросами мало знакомъ, а все таки и я понималъ, что они передъ отцомъ пасуютъ. И жалко мнѣ ихъ стало... А впрочемъ, чего ихъ жалѣть?.. Туда имъ и дорога, коли пропадутъ они окончательно.

— Какъ? Всѣ? И Асанинъ тоже? И Григорій Александровичъ?

— Ну, не всѣ, положимъ. Кое кто уцѣлѣетъ... Только пора ихъ прошла.

Леночка широко раскрыла удивленные глаза.

— Какъ?—спросила она:—по твоему лучше у насъ и веселѣе и пріятнѣе, чѣмъ хотя бы въ „Плоскомъ". Неужто ты не чувствуешь, что тамъ —какъ тебѣ это сказать — все природное, родное, свое. А мы нивѣсть откуда пришли, и всѣ на насъ смотрятъ какъ на чужихъ.

— Ну да, положимъ,—задумчиво и нерѣшительно отвѣтилъ молодой человѣкъ,—ничего хорошаго тутъ нѣтъ, коли старыхъ помѣщиковъ замѣнятъ новые... Послѣднее слово не за нами... Оно впереди—его скажетъ народъ... Ну да, впрочемъ, ты этого понять не можешь...

Онъ умолкъ и углубился въ раздумье. Алеша какъ бы цѣплялся за каждое доказательство правоты и превосходста отца, цѣплялся тѣмъ усиленнѣе, что самъ въ это плохо вѣрилъ. На дняхъ у него произошло опять столкновеніе съ Петей, по прежнему съ тупымъ упорствомъ проводившимъ свою систему мелочного притѣсненія рабочихъ. И снова Θедоръ Степановичъ принялъ сторону младшато сына. На этотъ разъ онъ даже напустился на Петю грознѣе прежняго.

— Не понимаю тебя, воля твоя, — сказалъ Θедору Степановичу Петя, оставшись съ нимъ вдвоемъ.— Что тебѣ за охота Алешѣ во всемъ потакать. Неужели ты не знаешь, что вѣрнѣе меня никто тебѣ не служитъ. Я у тебя, что цѣпкая собака.

— Да, — отвѣтилъ, ухмыляясь, Ѳедоръ Степановичъ,—цѣпная собака нужна, спору нѣтъ, только надо, чтобы она знала кого ей кусать и когда, въ особенности. А теперь не время зубы точить. Что у меня на умѣ — тебѣ не вдомекъ, такъ слушайся по крайней мѣрѣ.

И Петя ушелъ отъ отца, какъ настоящій вѣрный песъ, ворча про себя, но не смѣя открыто не повиноваться.

XX.

Когда Алеша съ сестрой подъѣзжалъ къ усадьбѣ Константина Гавриловича, сердце у него взволнованно билось. Яркое счастіе, блеснувшее въ его жизни послѣ разговора съ Наташей, точно затуманилось. И онъ недовѣрчиво спрашивалъ себя, не сонъ, не призракъ ли было это счастіе. Съ этимъ чувствомъ на душѣ онъ вошелъ въ домъ Асаниныхъ. Но едва онъ спустился съ террасы въ садъ, его сомнѣнія исчезли. Онъ увидѣлъ Наташу, нагнувшуюся надъ клумбой. Она нарѣзывала цвѣты для букета.

Услыхавъ его шаги, она обернулась и съ самой открытой улыбкой протянула ему руку.

— Видите, за какой несерьезной работой вы меня застаете? Гости будутъ къ обѣду, и я хочу набрать цвѣтовъ. Татьяна Васильевна меня просила—я по этой части мастерица, а Соня этимъ заниматься не любитъ—руки боится запачкать.

Соня въ десяти шагахъ отъ нихъ о чемъ-то преважно толковала съ Левой, съ которымъ давно успѣла помириться.

Алеша пожалъ руку молодой дѣвушкѣ, и одного прикосновенія этой мягкой, теплой руки было достаточно, чтобы разсѣять его опасенія.

Къ обѣду пріѣхали Холминъ, Григорій Александровичъ, на этотъ разъ безъ сына,—Николай Смолинъ что-то хандрилъ и не захотѣлъ сопровождать отца, —

да еще кое кто изъ сосѣдей. Разговоръ за обѣдомъ былъ очень оживленный, хоть слышались все грустныя, безнадежныя ноты. Особенно громко жаловался Викторъ Павловичъ.

— Разоряютъ васъ,—возглашалъ онъ,— систематически разоряютъ... И если не придутъ къ намъ на помощь — мы пропали, а съ нами заодно пропала и Россія...

— Не слишкомъ ли ужъ за Россію пугаетесь? — мягко возразилъ Григорій Александровичъ. — Да и вспомните, Викторъ Павловичъ, крѣпко стоятъ только на собственныхъ ногахъ, въ подпоркахъ нуждаются одни расшатанныя зданія.

Холминъ всплеснулъ руками.

— Помню-съ,—отвѣтилъ онъ притворно сладкимъ голосомъ,—помню, вы на земскомъ собраніи не разъ это говорить изволили. И, положимъ, вы правы-съ. Мы въ самомъ дѣлѣ походить стали на расшатанное зданіе. Только наша ли это вина, когда насъ вотъ уже тридцать лѣтъ и сверху, и снизу расшатываютъ?

— О крѣпостномъ правѣ не перестали сокрушаться?— съ улыбкой произнесъ Смолинъ.

— Какое тамъ крѣпостное право, помилуйте-съ!

Викторъ Павловичъ горько засмѣялся.

— Мы сами въ крѣпостные попали къ поземельнымъ банкамъ. На нихъ только и работаемъ.

— Вольно вамъ было, банки вамъ своихъ денегъ не навязывали.

— Да-съ, не навязывали, — качнувъ головой, возразилъ Холминъ. Только петлю на шею намъ подставляли. И куда намъ дѣваться было, когда вокругъ насъ одни пьяные негодяи, которые и сами теперь, я думаю, по былымъ временамъ тужатъ, когда порядочнаго рабочаго ни за какія деньги не достать, а хлѣбъ нашъ никому не нуженъ и, за неимѣніемъ покупателей отдается на съѣденіе мышамъ. Смѣяться надъ этимъ— грѣшно, воля ваша, Григорій Александровичъ.

Ему усердно поддакивали и другіе двое изъ пріѣхавшихъ гостей, тоже завязшіе по шею въ долги.

— А дѣтей на что прикажете воспитывать? — не безъ паѳоса продолжалъ Викторъ Павловичъ, чувствуя себѣ поддержку.—Отъ имѣнія доходовъ никакихъ, а извольте тутъ въ городъ переселяться, чтобы Коленькѣ да Сашенькѣ воспитаніе дать.

Всѣ хорошо знали, что Коленька и Сашенька были ни при чемъ въ разореніи Виктора Павловича, а причиной его было то, что и теперь, когда наступали тощіе годы, онъ не отставалъ отъ своихъ барскихъ вкусовъ и раза по два въ годъ не могъ устоять противъ искушенія съѣздить въ Петербургъ и тамъ за какихъ-нибудь три недѣли просадить чуть ли не половину годового дохода.

— Я думаю,—съ снисходительной мягкостью вставилъ хозяинъ дома, — бѣда въ томъ, что мы во время не съумѣли приноровится къ обстоятельствамъ и хозяйничаемъ спустя рукава, когда надо вести дѣла по-коммерчески.

— Да-съ, по-коммерчески, — хихикнулъ Викторъ Павловичъ. — Знаемъ, что вамъ, Константинъ Гавриловичъ, жаловаться не на что. Сахарный заводъ построили; по-американски хозяйничать изволите, вамъ и книги въ руки. А намъ-то,—бія себя въ грудь, продолжалъ онъ:—намъ-то, простымъ смертнымъ, что дѣлать? И выходитъ на повѣрку, что одно средство осталось—бороду отпустить, въ зипунъ одѣться, да быть собственнымъ приказчикомъ, или пожалуй даже старостой, какъ дѣлаютъ кулаки. Въ этомъ и весь секретъ ихъ побѣды надъ нами, что нѣтъ у нихъ потребности жить по-человѣчески. А мы этого не умѣемъ-съ, не такъ воспитаны. Хоть и приходится хлѣбъ отдавать дешевле, чѣмъ намъ самимъ онъ стоитъ, а кулаками стать не можемъ-съ!...

При словѣ „кулакъ“ яркая краска бросилась въ лицо Алеши. И снова заговорилъ въ немъ стыдъ не

за происхожденіе отца, а за то, что на его имени могло лежать пятно кулачества. И дрожащимъ голосомъ онъ заговорилъ, обращаясь къ Холмину.

— Не кулаку придется, Викторъ Павловичъ, послѣднее слово сказать... Есть, къ счастію, выходъ иной. Вы, вотъ, говорите, что хлѣбъ отдаете дешевле, чѣмъ вамъ самимъ обходится... А про то вы забыли, что рядомъ съ вами есть голодные, которымъ не на что его купить и по этой дешевой цѣнѣ?

Холминъ презрительно тряхнулъ плечами, но молодой человѣкъ на это не обратилъ вниманія.

— Для васъ это—товаръ, — продолжалъ онъ: — вы производите его для барыша, и когда барыша этого нѣтъ, онъ въ вашихъ глазахъ теряетъ цѣнность. Но голодному онъ всегда нуженъ, и безобразное это положеніе общества должно кончиться. Коли барышъ промышленника улетучился, это значить только, что продукты земли получили свою настоящую непоколебимую цѣнность. Народу барышъ не нуженъ, лишь бы онъ былъ сытъ.

— Ого, вотъ куда махнулъ,—засмѣялся Лева,— прямо въ соціализмъ.

— Не знаю, — все болѣе горячась, продолжалъ Алеша,—соціализмъ это или нѣтъ, но по моему тутъ единственная развязка теперешняго положенія.

Холминъ не возражалъ, оттого ли, что онъ считалъ ниже своего достоинства ломать копья съ юношей, или потому, можетъ быть, что на лицахъ хозяина дома и Григорія Александровича никакого ужаса слова Алеши не вызвали. Константинъ Гавриловичъ даже снисходительно улыбнулся.

— Вы, можетъ быть, и правы, молодой человѣкъ,— сказалъ онъ:—пророча намъ это, только видите, когда наступятъ эти блаженныя времена, никто работать не станетъ, потому что кому же охота работать на одни орѣхи?

— Капиталисты не станутъ, можетъ быть, — попробовалъ возразить Алеша.

— Ахъ, Боже мой,—съ оттѣнкомъ нетерпѣнія отвѣтилъ Асанинъ,—да кто же не капиталистъ или, по крайней мѣрѣ, кто не желаетъ имъ сдѣлаться? Вѣдь и мужикъ, когда силъ наберется, принимается копить.

Григорій Александровичъ не сказалъ ничего. Изъ за словъ Алеши онъ видѣлъ нѣчто иное—чистое, искренное чувство, поднимавшееся въ груди молодого человѣка. Здѣсь, передъ этими чужими сухими людьми развѣнчивать его иллюзію онъ не хотѣлъ. И въ глазахъ, старика свѣтилось то настоящее, всепонимающее сочувствіе, которое, не останавливаясь на оболочкѣ мысли, проникаетъ въ самую ея глубь. Но Алеша среди окружающихъ искалъ одного только взгляда, и глаза Наташи ему краснорѣчиво отвѣтили, что она тоже откликнулась на его искреннее, хоть и неопытное увлеченіе.

— Мы когда-нибудь про это поговоримъ на досугѣ,—сказалъ молодому человѣку Григорій Александровичъ, когда они встали изъ за стола.—Двумя словами такихъ вопросовъ не порѣшишь. И знаете что—пріѣзжайте ко мнѣ въ „Васильки“ на дняхъ съ своимъ пріятелемъ, Левой.

Долго послѣ обѣда Алеша искалъ случая переговорить на единѣ съ Наташей. И наконецъ онъ улучилъ минуту.

Высыпавшая въ садъ молодежъ, наскучивъ игрою въ lawn-tennis, понемногу разбрелась. Лева громогласно объявилъ, что сейчасъ осѣдлаютъ лошадей, и они всѣмъ обществомъ поѣдутъ верхомъ. Наташа собиралась подняться на террасу, чтобы идти переодѣваться, какъ ее остановилъ подошедшій Алеша Макшеевъ.

— Кажется,—началъ онъ,—я за столомъ увлекся немножко. Такихъ вещей, пожалуй, не надо бы говорить въ вашемъ обществѣ.

Она повернула назадъ и пошла рядомъ съ молодымъ человѣкомъ вдоль цвѣтника, раскинутаго передъ домомъ.

— Въ этихъ вопросахъ я плохой судья,—отвѣтила

она, улыбаясь.—Можетъ быть, это очень стыдно, но представьте себѣ, что я никогда ими серьезно не задавалась. Мелькнутъ они порою у меня въ головѣ, да и улетучатся незамѣтно.

— Будто?—настаивалъ Алеша.—Это на васъ не похоже. Не можетъ быть, чтобы васъ никогда не безпокоило то, въ чемъ самая глубокая, самая мучительная задача нашего поколѣнія.

— Не то, чтобы не безпокоило,—она проговорила это, почти извиняясь,—но я ихъ разрѣшала по своему, по-женски. Добро надо дѣлать когда можешь, вокругъ себя, хотя бы оно было и крошечнымъ. То есть, попросту, надо быть добрымъ. Ну, я и старалась быть такой, да и то не всегда. А заглядывать въ даль, стремиться за облака, вы знаете, я до этого не охотница. Такой ужъ меня природа сдѣлала.

Въ ея словахъ было какъ бы осужденіе тому, что онъ говорилъ за обѣдомъ. А между тѣмъ, онъ не только не разслышалъ въ нихъ такого осужденія, онъ понялъ, что молодой дѣвушкѣ его чувство сродни, хоть и не раздѣляетъ она, можетъ быть, его мыслей. Въ одинъ аккордъ сливаются вѣдь очень несхожіе звуки.

— Да и у меня,—отвѣтилъ молодой человѣкъ,— полной увѣренности нѣтъ. Есть одно только искреннее желаніе, чтобы исчезли когда-нибудь между людьми поводы оспаривать другъ у друга каждый кусокъ хлѣба.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но позади нихъ уже слышался громкій голосъ подбѣгавшаго Левы.

— Куда ты, Наташа? Воротись!—кричалъ онъ.— Опять съ Макшеевымъ принялись важныя матеріи разбирать? Охъ, ужъ эти мнѣ философы! Всѣ васъ дожидаются—лошади поданы.

И прерванную бесѣду такъ и пришлось отложить до другого раза. Весь этотъ вечеръ имъ все не давали оставаться вдвоемъ. Лева какъ будто нарочно сторожилъ ихъ во время катанья, то и дѣло дразня сестру.

Было уже поздно, когда вернулись съ катанья. Ло-

шадей оставили на мельницѣ, гдѣ на берегу озера всѣмъ обществомъ пили чай и оттуда рощею возвратились пѣшкомъ. Лева съумѣлъ такъ устроить, чтобы вдвоемъ съ Леночкой незамѣтно отстать отъ прочихъ.

Дѣвушка послушно замедлила шагъ и, слегка зардѣвшись, невольно улыбалась въ отвѣтъ на весь тотъ вздоръ, которымъ такъ самоувѣренно сыпалъ молодой человѣкъ. Глазки ея то стыдливо опускались, то украдкою опять вскидывались на Леву, и улыбка въ нихъ вспыхивала на мигъ. А въ сущности ее ничуть не пугало, а только забавляло то, что говорилъ ей молодой человѣкъ, все ближе, все откровеннѣе всматриваясь въ нее горячими черными глазами. Не испугалась она и того, что рука его, крадучись, незамѣтно обвила ея станъ, и Лева, оборвавъ на какой-то недосказанной шуткѣ, скользнулъ быстрымъ поцѣлуемъ по ея розовымъ губкамъ. Правда, Леночка мгновенно отпрянула отъ него, освободившись отъ его руки, но едва ли это было не оттого лишь, что въ полутьмѣ она разслышала, какъ затрещали сучья и кто-то чуть чуть замѣтно хихикнулъ въ отдаленіи. И Леночка не ошиблась: это была Соня, подкравшаяся къ нимъ и подслушавшая весь ихъ разговоръ.

XXI.

Когда Александра Осиповна пріѣхала въ „Плоское", три дня спустя, она сразу увидѣла, что потревожилась напрасно. Леночка не казалась забитой. Совсѣмъ даже напротивъ: шаловливая искорки то и дѣло вспыхивали въ ея зрачкахъ. За то она какъ-то сторонилась отъ тетки, словно прячась отъ ея зоркаго, хоть и добродушнаго взгляда и повторяя не разъ, какъ ей совѣстно, что Александра Осиповна изъ за нея пустилась въ такой долгій путь.

— Чего ты извиняешься, душенька?—твердила тетя

Саша.—Мнѣ путешествіе не въ тягость. Я рада чистымъ воздухомъ подышать. А у васъ, ты говоришь, все идетъ теперь ладно? Ну, тѣмъ лучше, поживемъ—увидимъ...

Леночка очень хорошо понимала, что тетя Саша недовѣрчиво за ней слѣдитъ. И маленькая ея тайна обнаружилась очень скоро. Лева подъ какимъ-то предлогомъ уже на другой день послѣ пріѣзда тети Саши побывалъ въ Новоспасскомъ, и Александра Осиповна догадалась, въ чемъ дѣло.

— Что, къ вамъ часто ѣздитъ молодой Богушевскій?—спросила она въ тотъ же день у Өедора Степановича.

— Довольно часто. Онъ мнѣ большую услугу оказалъ.

— Ну, я думаю, не за этимъ онъ сюда жалуетъ,— отозвалась она на его разсказъ.—Напрасно вы его сюда пускаете. Онъ, кажется, Леночкѣ совсѣмъ голову вскружилъ, а въ ея годы это никуда не годится.

Но Өедоръ Степановичъ только засмѣялся въ отвѣтъ.

— Э-э, пускай себѣ! Чего тутъ бояться? Мнѣ даже смѣшно глядѣть, какъ мой Алеша врѣзался въ дочку Владиміра Семеновича, а за Леночкой пріударяетъ его сынокъ. Какъ знать, можетъ современемъ одну изъ двухъ парочекъ обвѣнчаемъ. А то, пожалуй, и обѣ... Законъ, правда, не велитъ, да что законъ? Для тѣхъ у кого деньги—онъ не писанъ...

И самодовольно покачиваясь, Өедоръ Степановичъ добавилъ:

— А не дурно будетъ, признайтесь, коли выйдетъ что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Берегитесь,—строго и холодно промолвила тетя Саша,—не вышло бы у васъ чего-нибудь иного. Если Богушевскій только что-нибудь узнаетъ.,.

— Пускай себѣ, я его не боюсь. Неизвѣстно еще, кто кому честь окажетъ, коли сосватаемъ нашихъ дѣтей. Поглядѣли бы, какъ я сталъ теперь за панибрата со всѣми здѣшними воротилами. Не дальше, какъ се-

годня, посмотрите вотъ—онъ взялъ съ письменнаго стола распечатанный конвертъ и подалъ его Александрѣ Осиповнѣ,—я получилъ отъ Виктора Павловича Холмина приглашеніе быть у него съ моими въ четвергъ. Праздникъ затѣваетъ на весь уѣздъ.

— И вы поѣдете?

— Разумѣется, поѣду!

Ѳедоръ Степановичъ выпрямился во весь ростъ, и глаза его блеснули.

— Прошли тѣ времена, когда съ Ѳедькой Макшеевымъ знаться не хотѣли. Теперь во мнѣ заискиваютъ. Кромѣ двухъ трехъ изъ этихъ господъ, развѣ не я всего уѣзда богаче. И некого мнѣ трусить, нечего стыдиться. Могу теперь всѣмъ имъ прямо въ глаза глядѣть...

— Не слишкомъ ли вы уже заноситесь высоко, Ѳедоръ Степановичъ? Берегитесь!—повторяю вамъ. Такимъ богатствомъ, какъ ваше, гордиться нечего.

Но онъ махнулъ рукой и только захохоталъ въ отвѣтъ.

— А что,—вполголоса добавила Александра Осиповна,—признались вы передъ Алешей, откуда ваши деньги?

Самодовольство Макшеева исчезло мигомъ, и гнѣвомъ задрожалъ теперь его голосъ.

— Чтобъ я сказалъ про это Алешѣ? Да ужъ не собираетесь ли вы, чего добраго?... Не совѣтую—у меня руки длинныя!

Изъ за этой угрозы слышалась, однако, плохо скрытая тревога.

— На этотъ счетъ вы можете быть покойны. Вы меня, кажется, хорошо знаете, Ѳедоръ Степановичъ,— было хладнокровнымъ отвѣтомъ тети Саши.

— То-то!.. Мы теперь съ Алешей живемъ душа въ душу. Желаніе ваше исполнилось, если оно только было искренне. Я на него пожаловаться не могу, да и онъ на меня тоже, кажется. Дурь, правда, у него изъ головы не вышла. Ну да все же онъ ужъ не то, что

прежде. Вникаетъ въ дѣла понемногу, входитъ во вкусъ... Я имъ доволенъ. Нѣжничаетъ съ народомъ немножко, ну да и это пройдетъ современемъ. Я пока ему не мѣшаю. Гоговъ даже лишнимъ рублемъ пожертвовать, чтобы его потѣшить. Постарше будетъ, отучится отъ этого. Пойметъ деньгамъ цѣну.

Александра Осиповна сомнѣвалась, чтобы сбылось когда-нибудь это предсказаніе. Но шурину возражать она сочла излишнимъ. И, странное дѣло, какъ ни старалась тета Саша поддержать семейный миръ и сблизить Алешу съ отцомъ, что-то ей кольнуло въ сердце при мысли, что племянникъ можетъ довѣриться этому самому отцу и, чего добраго, подчиниться его вліянію. Разговоръ съ Алешей на другой же день послѣ ея пріѣзда оставилъ въ душѣ тети Саши смутное, не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе. Молодой человѣкъ говорилъ про отца совсѣмъ инымъ языкомъ, чѣмъ прежде, онъ готовъ былъ теперь заступиться за него, въ негодованіи на тѣхъ, кто, добиваясь его денегъ, не стыдился заочно позорить его имя. Тетя Саша не разъ порывалась раскрыть ему глаза, сказать, что за человѣкъ его отецъ, и какъ онъ нажилъ свое богатство. Но она еще разъ подавила въ себѣ готовое вырваться признаніе, и свою правдивость вновь принесла въ жертву домашнему миру.

На слѣдующее воскресенье, на четвертый день послѣ пріѣзда Александры Осиповны, Алеша отправился къ Григорію Александровичу.

Подъѣзжая къ „Василькамъ“, онъ чувствовалъ, будто собирается войти въ иной, болѣе высокій и чистый миръ.

Уютно и весело глядѣла небольшая усадьба, вся окруженная зеленью, съ быстрою, свѣтлою рѣчкой, протекавшей подъ стариннымъ садомъ. Невольное ощущеніе прочнаго, тихаго мира охватывало каждаго, кто подъѣзжалъ къ ней. Чувствовалось какъ-то сразу, что здѣсь ровно и честно протекала жизнь многихъ поко-

лѣній, что владѣльцевъ никуда не тянуло изъ ихъ скромнаго уголка, и новые порядки не внесли въ эту жизнь ни тревоги неразрѣшимыхъ вопросовъ, ни суетливой жажды болѣе широкой жизни.

Григорія Александровича Алеша засталъ въ кабинетѣ — обширной комнатѣ, проходившей черезъ весь домъ, съ широкими окнами на двѣ стороны. Лучшимъ ея убранствомъ служили высокіе шкафы, наполненные сверху до низу книгами. И стоило пробѣжать названія этихъ книгъ, чтобы убѣдиться, какъ много разнообразнаго прочелъ на своемъ вѣку хозяинъ „Васильковъ". Среди этихъ вѣрныхъ друзей, говорившихъ ему на разныхъ языкахъ и раскрывавшихъ передъ нимъ все богатство человѣческой мысли, отъ древнихъ классиковъ до великихъ художниковъ пера, недавно сошедшихъ въ могилу, протекла его неторопливая жизнь. Только на самыхъ послѣднихъ годахъ будто обрывалась его любознательность, новѣйшіе современники, иностранные и русскіе, почти отсутствовали въ библіотекѣ Григорія Александровича. Онъ сидѣлъ за одной изъ книгъ Сенеки, когда вошелъ Алеша.

— А! Молодой человѣкъ!—вставая, привѣтствовалъ его Смолинъ.—Сдержали слово — это хорошо. И вашъ пріятель Богушевскій тоже здѣсь. Они съ сыномъ кудато пошли. А я, признаюсь, въ этотъ палящій жаръ люблю здѣсь уединяться, у меня тутъ всегда прохладно. Не обезсудьте старика, вы меня за Сенекой застали. Люблю классиковъ перечитывать. Теперь это почти смѣшнымъ кажется.

— Что—спросилъ онъ, улавливая взглядъ Алеши, озиравшагося вокругъ:—васъ удивляетъ такое обиліе книгъ у помѣщика средней руки? Гдѣ намъ, провинціаламъ, столько перечитать? А все это на самомъ дѣлѣ перечитано. И вы, чего добраго, подумаете, что это, благодаря помѣщичьему бездѣлью? Умственное сибаритство сороковыхъ годовъ? Вѣдь я почти современникъ той эпохи. Надъ нами много смѣялись, иде-

алистами да баричами насъ обзывали, а все же, кажется, мы родинѣ послужили... Видите,—добавилъ онъ, улыбнувшись,—какимъ я старческимъ самохвальствомъ зараженъ и болтливостью тоже. Пойдемте, однако, отыскивать нашихъ молодыхъ людей. Кстати, я вамъ садикъ свой покажу.

Онъ взялъ со стола широкополую соломенную шляпу и трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости.

— Пойдемте... За мной, помимо книгъ, другая еще страсть водится,—люблю въ свободное время деревья разсаживать. И много удалось развести такого, чего въ другихъ садахъ не отыщете.

Проходя черезъ террасу, Григорій Александровичъ похвастался передъ Алешей пышно расцвѣтшей манголіей,—это былъ въ самомъ дѣлѣ рѣдкій по красотѣ экземпляръ, и тутъ же, доставъ изъ кармана садовыя ножницы, старательно подстригъ лишнюю вѣтку, нарушавшую общую гармонію дерева.

— Вамъ кажется, можетъ быть, что это я напрасно, вѣтка смотрѣла такой здоровой. А я вотъ знаю, что она вытягивала лишніе соки, и цвѣтка отъ нея не дождаться. Много,—добавилъ онъ, смѣясь,—такихъ пышныхъ жировыхъ побѣговъ и среди „зеленой“ молодежи.

Они спустились въ садъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ на каждомъ шагу виднѣлась рука заботливаго хозяина.

— А что, — спросилъ Алеша, — Николай у васъ кажется скучаетъ въ деревнѣ?

— Скучаетъ, да. Оттого, что нѣтъ у него здѣсь самообмана, кажущагося оживленія, какое даетъ большой городъ. Ну, я не отчаиваюсь. Со временемъ пойметъ, что самообмана этого совсѣмъ не нужно. Въ сущности натура его сродни деревенской тишинѣ. Онъ самъ только пока этого не понимаетъ.

Не долго имъ пришлось отыскивать молодыхъ людей. Николай и Лева попались имъ навстрѣчу на первомъ же поворотѣ. Завидѣвъ Алешу, оба они какъ-то смущенно переглянулись.

— Не говори ему ничего, пожалуйста,—шепнулъ Николаю Смолину Лева.—Я самъ лучше ему скажу, только попозже. Или даже не скажу совсѣмъ... Узнаетъ и безъ насъ. А ты какъ будто не радъ извѣстію?

Въ самомъ дѣлѣ Николай Смолинъ вовсе не глядѣлъ особенно веселымъ. Поздоровавшись съ Алешей, онъ будто чувствовалъ какое-то смущеніе.

— Удивительно у тебя безкорыстная натура,—опять шепнулъ Лева.—Другой бы на твоемъ мѣстѣ...

Алеша замѣтилъ странную натянутость въ обращеніи съ нимъ товарищей, но о причинѣ онъ догадаться не могъ.

— А какого вы, Макшеевъ, тотъ разъ,—съ притворною развязностью засмѣялся Лева,—страху напустили на Виктора Павловича.—Много онъ про васъ говорилъ потомъ. Можно развѣ такія ужасныя вещи проповѣдывать степнымъ помѣщикамъ?

— Вотъ было чего пугаться... Видно, сознаютъ эти господа, что не прочна у нихъ почва подъ ногами.

— А я вѣдь съ вами тоже не согласенъ,—началъ Григорій Александровичъ.—Ваше лекарство хуже самой болѣзни. И удивляюсь я, право, какъ оно молодежи такъ нравится. Въ юные годы рвешься къ борьбѣ, къ дѣятельности, а исполнись когда-нибудь ваше пророчество, всякой борьбѣ насталъ бы конецъ. Шутка сказать была бы отнята у людей главная пружина—соревнованіе.

— Да, нечего сказать,—засмѣялся Николай,—скука вышла бы изрядная. У всѣхъ одинаковая увѣренность въ сегодняшнемъ днѣ, и никакой причины стремиться къ завтрашнему.

— Да развѣ соревнованіе можетъ быть только изъ за куска хлѣба?—воскликнулъ Алеша.

— А то изъ за чего же?—насмѣшливо спросилъ Лева.—Споконъ вѣку палка оказывалась у тѣхъ, кто обладалъ сметкой, да крѣпкими мускулами. А у кого палка, у того, извѣстное дѣло, и все остальное.

Свѣтлыя искорки забѣгали по сѣрымъ глазамъ

Григорія Александровича и съ обычнымъ мягкимъ юморомъ онъ замѣтилъ Левѣ:

— Ну, и вашъ рецептъ не совсѣмъ годится. Въ сущности, господство крѣпкихъ и умныхъ—это тоже кулачное право, какъ и власть грубаго большинства. А вся заслуга нашего вѣка, все наше превосходство надъ стариной—въ уваженіи къ личности, въ томъ, что права какого-нибудь одного человѣка такъ же святы и ненарушимы, какъ интересы многихъ. Въ домъ гражданина Англіи никто не можетъ войти безъ его согласія, кромѣ развѣ одного суда.

— Да кто же примиритъ тогда,—съ рязгорѣвшимся лицомъ перебилъ его Алеша,—нужды большинства съ правами личности?

— Кто? — улыбнулся Григорій Александровичъ, остановившись:—да все то же уваженіе къ человѣку, кто бы онъ ни былъ, слабый или сильный. Уваженіе, безъ котораго настоящей культуры нѣтъ и быть не можетъ. И только оно побуждаетъ каждаго признавать въ другомъ то же право, какое требуютъ для себя. И вотъ почему голое господство силы, не смягченное милосердіемъ, такъ же мало годится, такъ сплошное уравненіе. Положимъ, это мечта, иллюзія, но кто вѣруетъ въ будущее, не долженъ отчаиваться, что когда-нибудь эти счастливыя времена настанутъ.

Лева чуть замѣтно хихикнулъ. Григорій Александровичъ только взглянулъ на него, не сказавъ ни слова. Съ минуту царило молчаніе. Николай Смолинъ, видимо, перебиралъ въ головѣ не совсѣмъ ясно сложившіяся мысли, полубезсознательно обивая своей тросточкой головки высокихъ полевыхъ цвѣтовъ. Григорій Александровичъ, видя это, сперва поморщился, а потомъ остановилъ сына.

— Перестань, Николай, ты знаешь, я видѣть не могу, когда убиваютъ что-нибудь живое безъ повода.

Николай послушался тотчасъ и съ утомленнымъ видомъ опустился на скамейку.

— А,—произнесъ онъ какъ бы нехотя,—сколько разъ мнѣ доводилось прислушиваться къ такимъ спорамъ... И странно одно мнѣ кажется, всѣ какъ будто увѣрены, что завтрашній день непремѣнно долженъ быть лучше сегодняшняго, а между тѣмъ...

Онъ не договорилъ.

Что „между тѣмъ?"—спросилъ его отецъ.

— Да то,—нехотя отвѣтилъ Николай,—что жалкое человѣчество, какъ больной въ кровати, только поворачивается съ боку на бокъ и не перестаетъ воображать, что ему непремѣнно станетъ легче. Въ одномъ развѣ поумнѣли—распознали суть всѣхъ такъ называемыхъ „направленій". И поняли, что всѣ они одинаково никуда не годятся... И среди толковыхъ людей все меньше охотниковъ участвовать въ нелѣпой комедіи ихъ вѣчной борьбы. Предпочитаютъ сидѣть въ партерѣ и шикать плохимъ актерамъ.

— Да, — горько вставилъ Григорій Александровичъ,—съ такими взглядами, правда, не легко служить родинѣ.

— Служить? Кому служить?

Николай тряхнулъ плечами.

— Ты говоришь—родинѣ? То есть, другими словами—добиваться карьеры. Приносить пользу другимъ, а не себѣ— про это мечтаютъ одни наивные люди. Что же ты меня карьеристомъ хотѣлъ бы видѣть? Или прикажешь служить такъ называемой наукѣ, у которой ни на одинъ вопросъ нѣтъ положительнаго отвѣта? Или чего добраго, народу, человѣчеству? Ради того, можетъ быть, что по однимъ мы всѣ отъ какой-то допотопной обезьяны происходимъ, а по другимъ—мы созданіе Высшей силы, исполнители какой-то непостижимой для насъ воли? И какъ рѣшить, кто изъ нихъ правъ. Когда самъ-то нашъ разумъ—это подобіе Высшаго разума, что-то ужъ очень плохимъ оказывается и довѣриться ему такъ же трудно, какъ чувствамъ, которыя насъ обманываютъ на каждомъ шагу. И выходитъ, что тол-

ковому человѣку осталось всего два исхода... или сидѣть, сложа руки, и жить въ свое удовольствіе, или работать для барыша. Вотъ и выбирай, что лучше.

— Но одно-то въ васъ все таки осталось,—горячо вступился Алеша:—привязанность къ вашему отцу, которому была бы великая радость видѣть васъ около себя. Это вѣдь по крайней мѣрѣ не условно, не призрачно. И не призрачна тоже польза, какую вы можете принести живущему вокругъ васъ темному люду. Неужели и это вамъ не доставило бы никакой радости, никакого удовлетворенія?

Николай Смолинъ отвѣтилъ вполголоса, не вскидывая даже на Алешу своихъ опущенныхъ глазъ.

— Доставило бы, можетъ быть. Даже навѣрно. Хотя въ сущности, это совсѣмъ нераціональное ощущеніе, и никто мнѣ доказать не въ состояніи, что у меня въ самомъ дѣлѣ есть какія-то обязанности къ этому темному люду... И кончится оно, вѣроятно, тѣмъ, что я отдамся этому нераціональному ощущенію и буду, какъ многіе, безполезно киснуть въ деревенскомъ углу. Одного только не будетъ никогда: не стану носиться съ иллюзіей, будто я какое-то великое дѣло творю.

На этомъ разговоръ оборвался. У всѣхъ какъ-то прошла разомъ охота продолжать споръ. И все остальное время, проведенное Алешей въ „Василькахъ", Григорій Александровичъ, уже не поднимая никакихъ тревожныхъ вопросовъ, показывалъ только молодому человѣку свои посадки. А въ глазахъ старика что-то доброе свѣтилось, что-то похожее на благодарность за теплыя слова Алеши.

— Жаль мнѣ его, бѣднаго,—опять шепнулъ Левѣ Николай Смолинъ, когда Алеша уѣхалъ.

— Чего тутъ жалѣть? И тебѣ въ особенности? Съ такимъ горемъ помириться можно...

А про себя онъ мысленно добавилъ: „Мнѣ-то во всякомъ случаѣ папаша не помѣшаетъ на Леночкѣ жениться, если только захочу"...

XXII.

Темнѣло уже, когда Алеша Макшеевъ подъѣзжалъ къ Новоспасскому. Почти у самой околицы какой-то совсѣмъ юный паренекъ, должно быть, его поджидавшій, отдѣлился какъ-то вдругъ среди полутьмы отъ каменной стѣны сарая и робко, хоть и быстро, подошелъ къ молодому человѣку.

— Вы Алексѣй Ѳедоровичъ будете? Ѳедора Степановича, значитъ, сынокъ?—спросилъ онъ хриплымъ, негромкимъ голосомъ.

— А чего тебѣ надо?—спросилъ Алеша.

— Письмо къ вамъ есть... Плоскинская барышня вамъ доставить наказала.

И онъ торопливо сунулъ молодому человѣку запечатанный конвертъ.

— Кто тебѣ это далъ? Какая барышня, скажи толкомъ?—закидалъ его Алеша торопливыми вопросами.

Но паренекъ, едва исполнилъ порученіе, пустился бѣжать что было мочи, и тощая его фигурка мигомъ окунулась въ темноту.

Алеша поспѣшилъ къ крыльцу на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ и собирался пройти въ свою комнату, какъ его поразила вдругъ какая-то суматоха въ домѣ. Въ сѣняхъ были разбросаны чьи-то вещи, громкіе голоса раздавались изъ кабинета Ѳедора Степановича, потомъ захлопнулась дверь, и тотчасъ затѣмъ показалась на порогѣ рослая, плечистая фигура Сергѣя Макшеева.

— Какъ, ты здѣсь? Когда ты пріѣхалъ?

— Часа два назадъ, небольше. И ужъ успѣлъ, какъ слѣдуетъ, поругаться съ фатеромъ. Слышалъ, небось, какъ онъ на меня оралъ? Все по старой причинѣ, разумѣется. Ну, да это ничего, обойдется. Я съ нимъ, какъ съ упрямою лошадью—пофыркаетъ, поломается, а возьмешь его за поводъ какъ слѣдуетъ...

— Какъ тебѣ не стыдно, Сережа?

— Говорятъ тебѣ, ничего, сойдетъ. Безпутный я человѣкъ, извѣстно это давно, и какъ на меня ни кричи, да и самъ я какъ ни старайся, толку изъ меня не выйдетъ. Да съ какой стати, скажи пожалуйста, мнѣ на себя постъ накладывать? Ни на что я не гожусь, самъ это знаю, а у батьки денегъ куры не клюютъ. Все одно значитъ. Пропадать куда-нибудь придется, это ужъ навѣрняка, а пока унывать незачѣмъ... Ей, Ѳомка,— окликнулъ онъ долговязаго мальчугана въ синей рубахѣ и высокихъ сапогахъ, съ поразительно тупымъ равнодушіемъ глазѣвшаго на молодыхъ господъ.—Тащи мои вещи наверхъ въ мою комнату. Ну, а ты Алешка, какъ поживаешь?

И Сережа своей мощной рукой обнялъ шею брата, чмокнувъ его мясистыми губами, обдавая крѣпкимъ запахомъ табаку и водки.

— Зайди ко мнѣ, хочешь?

Алешу разбирало нетерпѣніе прочитать только что полученное письмо. Но онъ все таки поднялся за братомъ въ небольшую скудно меблированную комнату во второмъ этажѣ, которую Сережа въ свои пріѣзды всегда занималъ.

— Брось куда-нибудь, хоть на полъ—вотъ такъ,— отпустилъ Сергѣй Ѳому и снова обратился къ брату.

— Ты что-то блѣденъ, Алешка, и будто встревоженъ чѣмъ-то? Что съ тобой, разсказывай?

Онъ грузно усѣлся на кровати, держа Алешу за обѣ руки и съ любовью вглядываясь въ его лицо мутными сѣрыми глазами.

Но Алешѣ разсказывать не хотѣлось, и онъ отдѣлался какимъ-то неопредѣленнымъ отвѣтомъ.

— Ты лучше про себя что-нибудь повѣдай,—добавилъ молодой человѣкъ.

— Ну, секретничать хочешь со мной—твое дѣло,— добродушно отвѣтилъ Сережа.—А про меня что толковать—старая пѣснь—въ долгу, какъ въ шелку. И отъ виница этого проклятаго отстать не въ силахъ...

Была со мной исторія недавно съ товарищемъ, чуть было до барьера меня не довела... Ну, уладилъ кое какъ.. Словомъ, ничего. А все таки скверная это жизнь, самъ понимаю. Ну, постой, коли ты разсказывать не хочешь, давай я хоть себя въ порядокъ немножко приведу. А то весь въ пыли, да и не умывался слишкомъ цѣлыя сутки.

Сережа подошелъ къ столику возлѣ кровати и налилъ себѣ воды въ тазъ. Потомъ онъ раскрылъ чемоданъ и принялся выбрасывать оттуда вещи на полъ. Онъ не сразу отыскалъ, что было нужно. Вещи передъ отъѣздомъ были уложены поспѣшно и въ безпорядкѣ. Вдругъ среди бѣлья Алеша замѣтилъ что-то блестящее, металлическое.

— Что это?—воскликнулъ онъ, подходя.—Пистолетъ?

— Даже цѣлая пара. Совсѣмъ новенькіе. И отличной системы, погляди-ка! Это я по случаю несостоявшейся дуэли пріобрѣлъ.

Алеша машинально взялъ изъ руки брата пистолетъ и, разсѣянно повертѣвъ его въ своей, бросилъ назадъ въ чемоданъ.

— Э, да ты, братецъ, поосторожнѣе—они заряжены. Не лучше ли ихъ на всякій случай убрать подальше, а то, чего добраго...

И Сережа бережно взялъ обѣ смертоносныя игрушки и заперъ ихъ въ ящикъ стола, но ключъ оставилъ въ замкѣ.

— Кто знаетъ,—разсмѣялся онъ—можетъ быть, пригодится для чего-нибудь иного—порой мнѣ приходитъ въ голову, что не отвертѣться мнѣ отъ сквернаго конца.

— Полно, что за дикія мысли! — невольно вздрогнувъ, перебилъ его Алеша.—Такіе, какъ ты, не застрѣливаются.

— И какъ еще застрѣливаются! На это, дружокъ мой, указки нѣтъ. Закрутитъ въ урочный часъ голову шальная мысль, и самъ не знаешь, какъ это выйдетъ—дуло къ виску—и бацъ!

Онъ коротко засмѣялся, и невеселый звукъ этого смѣха замеръ среди молчанія. Пламя свѣчи на комодѣ разгорѣлось сильнѣе, озаривъ поблѣднѣвшее лицо Алеши, у котораго сердце сильно застучало въ груди.

— Ну, Сережа, — сказалъ онъ какимъ-то неестественнымъ глухимъ голосомъ—у меня дѣло есть, спѣшное дѣло. Пойду къ себѣ, а черезъ полчаса, коль хочешь, вернусь опять.

— Нѣтъ ужъ, братъ, лучше не приходи. Пожелаю тебѣ пока доброй ночи и завалюсь спать. Усталъ какъ собака.

Братья разстались. Войдя въ свою комнату, Алеша дрожащей рукой чиркнулъ спичкой и зажегъ свѣчу на письменномъ столѣ. Потомъ онъ торопливо досталъ изъ кармана письмо и не безъ труда разорвалъ конвертъ—пальцы ему повиновались плохо.

Онъ прочелъ слѣдующее:

„Мнѣ непремѣнно надо васъ видѣть завтра. Будьте въ 11 часовъ въ Моховомъ лѣсу, около поляны, гдѣ пасѣка. Я постараюсь не заставить васъ дожидаться. Вчера произошелъ неожиданный случай, о которомъ я должна вамъ сообщить“.

Вмѣсто подписи, стояла одна только буква „Н“. Молодой человѣкъ никогда не видалъ почерка Наташи, но онъ, разумѣется, ни минуты не усомнился, кѣмъ были написаны эти строки. Радость и боязнь одновременно имъ овладѣли,—радость, что онъ увидитъ ее съ глазу на глазъ, и въ то же время боязнь, не произошло ли чего-нибудь неожиданно-грознаго, могущаго надолго, пожалуй даже навсегда, разрушить всѣ его надежды. Онъ не спалъ всю ночь и поднялся чѣмъ свѣтъ. Нервный ознобъ пробѣгалъ по всему его тѣлу. Случайно онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ и почти испугался—лицо его было мертвенно-блѣдно. Отъ вчерашней радости будто и слѣда не оставалось.

Сѣренькій день тускло вставалъ надъ полями, весь укутанный мглистымъ туманомъ. Такіе дни и на югѣ выпадаютъ иногда въ самую середину лѣта. Тишина

стояла полная, когда Алеша, много раньше назначеннаго срока, заложилъ бѣговыя дрожки и погналъ лошадь, что было мочи, по дорогѣ въ Моховой лѣсъ. До мѣста выбраннаго Наташей, было верстъ семь: оно приходилось какъ разъ на полдорогѣ между Новоспасскимъ и усадьбою Константина Гавриловича. „Моховымъ лѣсомъ“ назывался сухой пригорокъ, посреди котораго высоко поднимались рѣдкіе дубы, а вокругъ нихъ, гдѣ недавно произведена была порубка, цѣпкій кустарникъ расползался по сѣрому мху. Когда Алеша подъѣхалъ къ рощѣ, и тѣнь отъ деревьевъ на опушкѣ пересѣкла ему дорогу, странное унылое чувство защемило у него въ груди, то особое чувство, какое вызываетъ иногда полное уединенное безмолвіе. Кругомъ во всю широкую даль полей не видно было ни души. Все точно замерло, и въ самомъ лѣсу, какъ часто бываетъ въ сѣрый день, не слышно было живого существа. Ни птичьяго свиста, ни жужжанія пчелъ, ни быстро-дрожащаго полета легкокрылаго насѣкомаго. Вѣтра не было тоже, хотя изрѣдка точно болѣзненная дрожь пробѣгала по рѣдкой листвѣ верхушекъ. Молодой человѣкъ взглянулъ на часы—было еще половина одиннадцатаго. Доѣхавъ до мѣста, онъ соскочилъ съ дрожекъ и привязалъ лошадь къ стволу дерева. Сперва онъ хотѣлъ здѣсь дожидаться Наташи и усѣлся было на мху, но тревожное чувство не давало ему оставаться въ покоѣ—минуту спустя, онъ былъ уже на ногахъ и принялся расхаживать взадъ и впередъ, нетерпѣливо вглядываясь въ широкую даль.

Такъ прошелъ цѣлый часъ, мучительный, безконечный. И вотъ, когда онъ уже почти отчаивался пріѣдетъ ли она, легкое облако пыли вдругъ показалось по отлогому склону пригорка, спускавшагося къ „Плоскому“. Еще минуты двѣ, и онъ ясно могъ разглядѣть гнѣдую лошадь, ѣхавшую рысью. Еще минута, и Наташа была возлѣ него, съ обычной, доброй, прямой улыбкой въ глазахъ. Только на этотъ разъ ему показалось, что это была очень грустная улыбка.

— Опоздала, извините,—начала она, подавая руку.— Что, скажите откровенно, пришла вамъ въ голову мысль чтобы я могла не сдержать слова?

Онъ покачалъ головой.

— А представьте себѣ, это чуть было не случилось. Соня такъ и не отставала отъ меня все утро, точно она догадывалась. Мнѣ не малаго труда стоило ускользнуть отъ надзора.

Онъ помогъ ей соскочить на землю и повелъ ея лошадь подъ уздцы. Они пошли рядомъ.

— Мнѣ необходимо было васъ видѣть,—заговорила опять молодая дѣвушка,—чтобы сообщить вамъ недобрую вѣсть... недобрую для насъ обоихъ. Надо, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, чтобы вы не показывались въ Плоскомъ. Въ субботу отецъ былъ у насъ и узналъ... черезъ Соню, что вы и сестра ваша къ намъ ѣздите...

— Какъ?—перебилъ ее Алеша:—до сихъ поръ это оставалось тайной для Владиміра Семеновича?

— Да... Мы рѣшили про это пока ему не говорить... Лева и я, и Константинъ Гавриловичъ тоже. Вы мнѣ довѣряете, надѣюсь, Алексѣй Θедоровичъ?—добавила она, замѣтивъ тревогу и смущеніе на его лицѣ.—Вполнѣ довѣряете?

— Значить,—воскликнулъ молодой человѣкъ, не отвѣчая прямо на вопросъ,—есть все таки какая-то нехорошая тайна, которую отъ меня скрывали до сихъ поръ? Есть у вашего отца причина...

— Есть одно,—спокойно возразила Наташа,—предубѣжденіе отца противъ Θедора Степановича, основанное на какихъ-то старинныхъ недоразумѣніяхъ, которыхъ я не знаю и не хочу знать.

Она прямо и смѣло глянула на Алешу, ясно говоря ему этимъ взглядомъ, какъ дорогъ онъ ей.

— Но,—запальчиво возразилъ молодой человѣкъ,— если вы сочли нужнымъ предупредить меня, если двери вашего дома для меня теперь закрыты...

Она перебила его опять все такъ же ласково и спокойно:

— Неужели самолюбіе въ васъ такъ сильно, что изъ за него вы даже не рады меня видѣть? Не понимаете, что я съ отцомъ не заодно. И этого съ васъ недовольно?

Волна счастія прилила къ сердцу Алеши, когда онъ услыхалъ это. Ему захотѣлось покрыть ея руку поцѣлуями, привлечь ее къ себѣ, сказать ей, наконецъ про свою любовь—но онъ сдержался.

— Наташа, милая,—проговорилъ онъ только, останавливаясь, и краска бросилась въ его блѣдное лицо, — вы... вы сами не знаете, какъ я жаждалъ такой минуты, гдѣ бы я могъ видѣться съ вами съ глазу на глазъ и все сказать вамъ съ полною искренностью. Отчего же къ этой радости должно примѣшиваться чувство стыда за что-то нехорошее въ прошломъ. Вѣдь поймите, какъ ни счастливъ я васъ видѣть, я не могу позабыть, что я сынъ человѣка, котораго вашъ отецъ, повидимому, имѣетъ право...

Слово „презирать“ готово было у него вырваться, и Наташа это поняла. Почти безсознательно она приложила на мигъ свою тонкую ручку къ его губамъ, чтобы не дать имъ произнести это слово.

— У моего отца свои причуды — проговорила она тихо,—вы не обязаны съ ними считаться. Я, видите, ихъ не раздѣляю.

Удерживаться Алеша былъ долѣе не въ силахъ. Онъ выпустилъ поводъ, и, схвативъ ея ручку, прильнулъ къ ней страстнымъ поцѣлуемъ.

— Стало быть, — заговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, и глаза его заблестѣли,—вы меня не стыдитесь за это прошлое, каково бы оно ни было?

Дѣвушка не отнимала своей руки, и все нѣжнѣе становился взглядъ ея большихъ глазъ.

— Такъ скажите мнѣ по крайней мѣрѣ, каково это прошлое? Я все хочу знать. Теперь никакой стыдъ для меня не страшенъ.

Она потупилась передъ его воспаленнымъ взлядомъ.

— Говорю же я вамъ, что сама не знаю ничего и не хочу знать. Васъ я... уважаю,—другое слово просилось ей на языкъ, но она его не выговорила,—и вы не отвѣчаете за своего отца, если даже онъ въ чемъ-либо провинился. Знайте,—она снова подняла голову, и рѣшимость опять заблистала въ ея глазахъ, — знайте, что бы ни случилось, я не измѣню... своего мнѣнія о васъ.

Кровь теперь громко застучала у него въ головѣ— ему захотѣлось большаго.

— Только мнѣніе? Да скажите же—скажи, Наташа, что я давно жажду услышать—что ты меня любишь, какъ я тебя люблю—на всю жизнь.

— На всю жизнь,—прошептала она, тихо склоняя голову къ нему на плечо, и, весь дрожа отъ избытка счастія, онъ осыпалъ ея лицо горячими поцѣлуями...

Цѣлый часъ еще они проговорили вдвоемъ, но Алеша ужъ не спрашивалъ, что случилось въ „Плоскомъ“ въ пріѣздъ Владиміра Семеновича.

А случилось вотъ что: съ той самой минуты, когда Соня подстерегла Леночку съ молодымъ Богушевскимъ, она твердо рѣшилась отомстить, не разбирая средствъ и не страшась даже отцовскаго гнѣва. И когда Владиміръ Семеновичъ въ субботу пріѣхалъ и по обыкновенію сталъ разспрашиватъ, кто перебывалъ въ Плоскомъ за недѣлю, Соня будто невзначай, съ притворной наивностью, назвала Макшеевыхъ.

— Макшеевы? — закипятился Владиміръ Семеновичъ?—Какіе Макшеевы?

— Да не знаю хорошенько, — съ невинностью во взглядѣ отвѣтила Соня, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ грознаго выраженія на лицѣ Константина Гавриловича.—Тутъ по сосѣдству, верстахъ въ пятнадцати, кажется, есть имѣніе Новоспасское, Его купилъ недаво какой-то Макшеевъ... Ну его дѣти сюда и ѣздятъ.

— Да Новоспасское купилъ не кто иной, какъ

Ѳедька, мой бывшій приказчикъ—воръ и мошенникъ, какихъ мало. И ты пускаешь сюда, — накинулся онъ на Асанина, — это мужицкое отродье — дѣтей такого мерзавца?

Константинъ Гавриловичъ сказалъ нѣсколько словъ въ защиту Алеши и Леночки, называя ихъ очень милыми. Но сказалъ это онъ небрежно, хорошо сознавая, что никакіе доводы на двоюроднаго брата не подѣйствуютъ.

— Ты у себя дома, Константинъ, и я помню, что не имѣю права вмѣшиваться. Но если ты хоть на каплю имѣешь ко мнѣ уваженія, прошу тебя сюда больше не пускать этой дряни! Да я не понимаю тебя, признаюсь, что за охота съ такими людьми знакомство водить?!

— Вы бы лучше спросили у Наташи,—будто невзначай проронила Соня, — что ей такъ понравилось въ Алешѣ Макшеевѣ?

Владиміръ Семеновичъ остолбенѣлъ. Негодованіе его не могло даже вылиться словами—оно сдавливало ему горло. Чтобъ родная дочь, чтобъ его Наташа могла...—Глаза его налились кровью, блуждая по комнатѣ и какъ бы ища, на комъ вылить свой гнѣвъ. И гнѣвъ этотъ, на минуту сдержанный удивленіемъ, разразился надъ дочерью:

— Если въ тебѣ нѣтъ стыда... если ты дрянная дѣвчонка, съ сыномъ этого мазурика вздумала путаться,—Владиміръ Семеновичъ уже не разбиралъ словъ,—я покажу тебѣ, что у тебя есть отецъ, который не допуститъ до такого срама, чтобы дочь его шуры да муры заводила съ сыномъ проворовавшагося приказчика... О, кабы мнѣ только гдѣ-нибудь встрѣтить этого Ѳедьку—проучилъ бы я его! Слышалъ, что его принимать стали на равной ногѣ: и все изъ за его награбленныхъ денегъ—стыдъ и срамъ!

Владиміръ Семеновичъ долго ораторствовалъ на эту тему, расхаживая крупными шагами по террасѣ, гдѣ происходила эта сцена. Наташа ему не отвѣчала, но

про себя она твердо рѣшила, что своей любви къ Алешѣ она не принесетъ въ жертву отцовскимъ предразсудкамъ. И теперь только, можетъ быть, молодая дѣвушка отчетливо поняла, какъ она его полюбила.

XXIII.

Въ четвергъ былъ праздникъ въ Корсовкѣ, имѣніи Виктора Павловича Холмина, задавшаго пиръ на весь уѣздъ, по случаю или, вѣрнѣе, подъ предлогомъ дня рожденія своего старшаго сына. На самомъ дѣлѣ, этотъ долговязый и довольно таки безтолковый шестнадцатилѣтній мальчуганъ тутъ былъ ни при чемъ. Тщеславіе, не покидавшее Холмина, несмотря на разстройство дѣлъ, заставляло его добиваться предводительства, въ надеждѣ затѣмъ попасть въ вице-губернаторы и сдѣлать административную карьеру. Стародавняя нехитрая подкладка уѣздной дипломатіи, основанная на сытныхъ обѣдахъ и усердномъ подговариваніи, была пущена въ ходъ, чтобы создать Виктору Павловичу небывалую популярность. Всѣ близкіе и дальніе сосѣди были созваны отъ мала до велика.

Передъ обѣдомъ въ кабинетѣ хозяина они обмѣнивались давно извѣстными безнадежными жалобами, хотя благодатный уголъ, въ которомъ лежала Корсовка, сравнительно немного пострадалъ отъ невзгодъ.

Былъ здѣсь и Ѳедоръ Степановичъ, котораго Холминъ тоже пригласилъ съ дочерью и сыномъ, какъ нужнаго человѣка. Леночка принарядилась къ поѣздкѣ и глядѣла очень хорошенькой въ своемъ новенькомъ платьицѣ.

Едва успѣли Макшеевы пріѣхать—цѣлыхъ три экипажа подкатили къ крыльцу, привозя съ собой обитателей Плоскаго. Алеша не могъ бы догадаться, увидавъ Константина Гавриловича и его семью, что всего только за нѣсколько дней произошла бурная сцена,

разсказанная ему Наташей. Константинъ Гавриловичъ поздоровался съ нимъ привѣтливо, а съ его отцомъ хотя нѣсколько сухо, но вполнѣ вѣжливо. Ольга Андреевна тоже, очевидно, не раздѣляла взглядовъ мужа. Извинившись передъ хозяевами, что Владиміръ Семеновичъ не можетъ пріѣхать, потому что дѣла задерживаютъ его въ городѣ, она взглянула на Алешу скорѣе виноватымъ, чѣмъ съ разгнѣваннымъ выраженіемъ на лицѣ. Одинъ только Лева смотрѣлъ немного искоса на товарища съ насмѣшливымъ выраженіемъ въ глазахъ. „Видно, еще не знаетъ, что случилось,—подумалъ онъ,—а коли знаетъ... Да, впрочемъ, мнѣ какое дѣло—ему кашу расхлебывать придется".

Алеша замѣтилъ ироническую улыбку пріятеля, но ему было не до этого. Въ глазахъ Наташи онъ читалъ такую искреннюю и такую довѣрчивую близость, въ самомъ пожатіи руки было столько откровенно-дружескаго, что весь остальной міръ будто пересталъ для него существовать. Тихая благодарная радость наполнила сердце Алеши, совсѣмъ изгладивъ изъ его памяти тревожныя мысли о прошломъ.

И, когда ему случайно довелось на нѣсколько минутъ остаться съ Наташей вдвоемъ на террасѣ, они, уже не заглядывая въ это прошлое, заговорили о томъ, что предстояло впереди. И тутъ они поняли какъ-то разомъ, что за перемѣна совершилась въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Ужъ не украдкою только, а съ полною увѣренностью, что каждый изъ нихъ имѣетъ право знать касающееся другого, они принялись толковать о своихъ планахъ. Алеша съ радостью говорилъ, что отецъ уже не противится его желанію занять каѳедру, что осенью онъ уѣзжаетъ въ Германію и пробудетъ цѣлый годъ въ двухъ тамошнихъ университетахъ. А тамъ впереди широкая плодотворная дѣятельность.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ Николаемъ Смолинымъ, только что пріѣхавшимъ изъ Васильковъ.

— Видите, — сказалъ онъ весело, обращаясь къ

Наташѣ,—я вышелъ изъ добровольнаго затворничества и стряхнулъ съ себя хандру. Отчасти благодаря ему,—добавилъ онъ, указывая на Алешу. — Я былъ очень недоволенъ собой все это время—я сознавалъ, что огорчаю отца, а между тѣмъ согласиться съ его взглядами не могъ. Ну, теперь, кажется, наша скрытая размолвка прошла. Мое избалованное привередничанье—это было не что иное, какъ неохота взяться за какое-нибудь опредѣленное дѣло. Ну и, кажется, я съ этой неохотой справился.

— И сейчасъ повеселѣли. Видите, какъ это хорошо,—сочувственно отозвалась Наташа, знавшая, что за ней, пожалуй, главная вина въ охватившей было Смолина хандрѣ. Она охотно постаралась бы его утѣшить совсѣмъ, если бы только это было въ ея власти. А Смолинъ угадалъ ея мысль и, смѣясь, добавилъ:

— Хочу вамъ доказать, Наталья Владиміровна, что другую свою блажь я тоже выкинулъ изъ головы.

Совсѣмъ иныя рѣчи велись между тѣмъ среди представителей старшаго поколѣнія. Мужчины собрались передъ обѣдомъ вокругъ обильной закуски, дамы въ гостиной уныло толковали о мѣстныхъ сплетняхъ и о домашнемъ хозяйствѣ.

Ѳедоръ Степановичъ, разрѣшившій себѣ уже три рюмочки полынной, совсѣмъ пріободрился и даже чуть чуть хватилъ черезъ край. Раза два онъ рѣзко, почти грубо, оборвалъ кое кого изъ мѣстныхъ господъ, не примѣчая даже, что у Константина Гавриловича и у Смолина отъ его словъ губы складывались въ презрительную улыбку.

— Да надо же, наконецъ, — громко ораторствовалъ онъ,—признаться въ настоящей правдѣ. Не кризисъ виноватъ, господа, а никто, какъ вы сами. Вѣдь много лѣтъ сряду дѣла шли какъ нельзя благополучнѣе, и кто же велѣлъ вамъ этимъ не воспользоваться? Сколотить бы копѣйку, завести хозяйство по настоящему, и главное, поучиться,—такъ не приходилось бы теперь..

Слова его были прерваны громкимъ звономъ бубенчиковъ. Кто-то еще подъѣхалъ къ крыльцу. Викторъ Павловичъ бросился въ сѣни принимать гостя, и оттуда послышался громкій, немного жирный, самодовольный голосъ. Ѳедоръ Степановичъ насторожилъ уши: голосъ ему показался знакомымъ. Минуту спустя, Владиміръ Семеновичъ Богушевскій входилъ въ залу съ хозяиномъ дома.

— Не разсчитывалъ къ вамъ сегодня явиться, а вотъ собрался таки,—извинялся онъ.—Были дѣла, но сплавилъ ихъ раньше, чѣмъ думалъ, и маршъ на поѣздъ! А со станціи къ вамъ извозчика нанялъ, и, кажется, попалъ къ самому обѣду... Почти незваннымъ гостемъ — добавилъ онъ все тѣмъ же самодовольно-веселымъ тономъ и принялся здороваться съ присутствующими. Какъ управляющій отдѣленіемъ банка, въ которомъ всѣ нуждались, онъ былъ въ губерніи едва ли не самимъ популярнымъ человѣкомъ. На всѣхъ лицахъ онъ видѣлъ радушіе, на многихъ умильную улыбку, готовую превратиться въ настоятельную просьбу. Но сильно проголодавшійся Богушевскій спѣшилъ приложиться къ закускѣ. Едва онъ подошелъ къ столу, взглядъ его упалъ на Ѳедора Степановича, и лицо мгновенно измѣнилось. Багряный румянецъ залилъ ему щеки. Жилы на вискахъ натянулись, глаза налились кровью, и гнѣвная морщина легла между бровями. На мгновеніе онъ оставался неподвижнымъ, глядя въ упоръ на Макшеева, потомъ обернулся къ хозяину дома и громкимъ дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Кто это у васъ тутъ, Викторъ Павловичъ, позвольте спросить? Это ужъ не Ѳедька ли Макшеевъ попалъ въ число вашихъ гостей?

Ѳедоръ Степановичъ вздрогнулъ, и что-то подтолкнуло его броситься впередъ, но онъ такъ и застылъ на мѣстѣ. Самоувѣренности его мигомъ не стало. Она потухла вдругъ, какъ задутое пламя свѣчи... Всѣ прочіе стояли вокругъ въ нѣмомъ ожиданіи бури. А

кое кто, предвкушая крупный скандалъ, злорадно улыбался.

— Извините, господа,—продолжалъ Владиміръ Семеновичъ, возвышая голосъ,—коли я позволю себѣ нарушить общее праздничное настроеніе. Но уважаемый всѣми нами Викторъ Павловичъ и вы, кажется, тоже не подозрѣваете, кто здѣсь посреди васъ и съ кѣмъ вы ведете знакомство. Такъ ужъ я позволю себѣ вмѣсто нашего милаго хозяина расправиться съ этимъ человѣкомъ, какъ слѣдуетъ!

И говоря это, протянутой лѣвой рукой онъ прямо указывалъ на Макшеева. Дамы, услыхавшія первые гнѣвные звуки голоса Владиміра Семеновича, показались въ дверяхъ гостиной, вызванныя оттуда любопытствомъ, а самъ Ѳедоръ Степановичъ попробовалъ стушеваться совершенно растерявшись передъ грознымъ окрикомъ Богушевскаго.

— Макшеевъ, ни съ мѣста!—остановилъ его Владиміръ Семеновичъ:—коли тебѣ наглости хватило втереться въ общество порядочныхъ людей, такъ изволь слушать! Пусть всѣ узнаютъ, кто ты такой. Этотъ человѣкъ,—и онъ подступилъ совершенно близко къ Ѳедору Степановичу, который будто съежился весь подъ его негодующимъ взглядомъ,—этотъ человѣкъ, господа, безнаказанно грабилъ и отца моего, и меня, пользуясь нашимъ слѣпымъ довѣріемъ. Это въ награду за то, что его отцу, такому же мошеннику, какъ онъ самъ, батюшка вольную далъ, а его самого еще мальчикомъ приблизилъ къ себѣ. Да, Ѳедька Макшеевъ, сынъ нашего бывшаго крѣпостного, и съизмальства лѣтъ воровать научился. Ну и мастеръ онъ былъ по этой части, нечего сказать! Коли у бывшаго крѣпостного мальчишки такія деньги завелись, сами можете судить, какъ онъ ихъ добылъ. Помнишь, мерзавецъ,—обратился онъ вдругъ къ Ѳедору Степановичу, глядя на него въ упоръ,—помнишь, какъ я расправился съ тобой, когда узналъ про твои шашни? Помнишь? Не бойся,—захо-

хоталъ онъ,—руки своей я вторично марать не стану, только выгоню тебя отсюда, какъ подлеца и мазурика.

Макшеевъ, пока говорилъ все это Владиміръ Семеновичъ, пугливо оглядывался на прочихъ, ища хоть бы на одномъ лицѣ признаковъ сочувствія или, по крайней мѣрѣ, жалости. Но тщетная это была надежда, И скрытое бѣшенство, поднимавшееся у него въ груди, долго не въ силахъ было сдвинуть этой, давившей его тяжести. Но теперь оно вырвалось наружу.

— Да какъ вы смѣетѣ?—хриплымъ голосомъ зашипѣлъ онъ.

— Какъ я смѣю? Ты еще разговаривать хочешь? Не доказательствъ ли тебѣ надо? Да стоитъ взглянуть на твое воровское лицо, чтобы сомнѣній на этотъ счетъ ни у кого не осталось, Вонъ! Чтобы духу твоего здѣсь не было! Двадцать слишкомъ лѣтъ ты обкрадывалъ меня и почти нищимъ сдѣлалъ, а теперь, благо въ здѣшнемъ краю про тебя ничего не знаютъ, ты вообразилъ, что тебя станутъ въ порядочные дома пускать? Вспомни одно хоть, что по моей только милости въ Сибирь тебя не упекли, вотъ гдѣ тебѣ мѣсто! Да, спасибо тебѣ, Асанинъ,—обратился онъ вдругъ къ Константину Гавриловичу,—это все благодаря тебѣ, сперва дѣтей этого мазурика, а потомъ и его самого принимать стали, великое тебѣ спасибо!

Раскаты гнѣва Владиміра Семеновича дошли наконецъ и до террасы.

— Кто это? Чей это голосъ?—изумился Алеша, и вдругъ его поразило поблѣднѣвшее лицо Наташи.— Она стояла неподвижно въ безмолвномъ ужасѣ.—Кто это?—повторилъ Алеша.—Или...—онъ догадался. Молніей блеснула передъ нимъ истина.—Вашъ отецъ? Да?— спросилъ онъ почти съ дикимъ выраженіемъ въ глазахъ и тутъ же опрометью бросился въ столовую.

— Смолинъ, пойдемте за нимъ! удержите его!— чуть слышно умоляла дѣвушка. И она тоже бросилась за Алешей.

Но молодой человѣкъ уже подходилъ къ Владиміру Семеновичу, разслышавъ послѣднія его слова.

Въ этотъ мигъ одно только чувство въ немъ говорило—неудержимое желаніе вступиться за отца, не разбирая, правъ онъ или нѣтъ.

— Господинъ Богушевскій,—проговорилъ онъ, дрожа отъ волненія, — вы забываетесь, и если никто вамъ этого не напоминаетъ...

Владиміръ Семеновичъ скрестилъ руки на груди, смѣривъ юношу презрительнымъ взглядомъ. Онъ былъ выше его цѣлой головой.

Ахъ, это достойный сынокъ достойнаго папеньки?— сказалъ онъ.—Тотъ самый, который... И вы хотите, молодой человѣкъ, можетъ быть, у меня удовлетворенія требовать? Такъ извольте же сперва посмотрѣть на своего батюшку, такими ли глядятъ напрасно оскорбленные люди? Васъ я не знаю и счетовъ у меня съ вами нѣтъ никакихъ. Не ваша вина, коли вамъ довелось быть сыномъ вора и мошенника.

Рука Алеши поднялась, чтобы отомстить за отца, но Владиміръ Семеновичъ безъ труда схватилъ ее, сжимая въ своихъ желѣзныхъ пальцахъ.

— Не горячитесь,—сказалъ онъ. Ему какъ-то жалко стало вдругъ юноши и почти мягко прозвучали его слова.—Понимаю, что вамъ очень тяжело. Вамъ приходится безвинно отвѣчать за другого.

Онъ выпустилъ руку Алеши изъ своей, и рука эта повисла, какъ безжизненная.

Глаза молодого человѣка остановились на лицѣ Ѳедора Степановича, пристально на него взглянули и опустились. Теперь въ нихъ было одно горе, отчаянное непоправимое горе. Слишкомъ ужъ ясно прочелъ онъ на этомъ лицѣ приниженное, тупое сознаніе вины. И Макшеевъ не вынесъ взгляда, брошеннаго на него сыномъ. Медленной тяжелой поступью, несмотря ни на кого и шатаясь, какъ пьяный, онъ отошелъ въ сторону, не зная даже хорошенько, куда идетъ. Словно ощупью

онъ пробрался къ дверямъ. Никто изъ присутствующихъ уже не обращалъ на него вниманія.

— Мнѣ васъ жалко, молодой человѣкъ,—продолжалъ Богушевкій, обращаясь къ Алешѣ.—Да, жалко. У васъ что-то прямое, честное въ глазахъ, вы какъ будто на отца не похожи.

Алеша стоялъ какъ бы въ забытьи. Слова Владиміра Семеновича только доходили до его слуха, не проникая въ сознаніе.

— Но все таки я не могу допустить знакомства между вами и моими дѣтьми. Сына Ѳедора Макшеева, поймите это, я принимать къ себѣ не могу.

Тутъ старикъ Смолинъ, подойдя къ Владиміру Семеновичу, тихо взялъ его за руку.

— Богушевскій,—сказалъ онъ негромкимъ, но строгимъ голосомъ,—будетъ. Съ отцомъ вы покончили, а сына оставьте въ покоѣ. Онъ не заслужилъ этихъ жесткихъ словъ.

Заступничество Григорія Александровича пробудило Алешу изъ минутнаго оцѣпенѣнія. Онъ поднялъ голову, оглянулъ присутствующихъ, и густая краска залила ему щеки. Глаза его блуждали, какъ у сумасшедшаго. Онъ замѣтилъ протянутую къ нему руку старика Смолина и невольно оттолкнулъ эту руку. Случайно его безпокойный, почти безумный взглядъ встрѣтился съ лицомъ стоявшей немного позади Наташи. Глубокая скорбь была на этомъ лицѣ. Дѣвушка хотѣла подойти къ нему, но Алешѣ стало вдругъ будто еще тяжелѣе. Онъ тряхнулъ головою, точно силясь отогнать что-то безобразное, ужасное и, нервнымъ, порывистымъ движеніемъ схвативъ себя за голову, ринулся вонъ изъ комнаты.

— Бѣдный мальчикъ,—сказалъ ему вслѣдъ Константинъ Гавриловичъ.

Наташа хотѣла пойти за нимъ, но отецъ ее остановилъ.

— Стой! куда ты? Не пущу!

Онъ сжалъ ей руку до боли. Наташа хотѣла вырваться, но отецъ ее не выпустилъ.

— Ты моя дочь,—помни это. И я заставлю тебя слушаться.

— Николай Григорьевичъ,—умоляющимъ голосомъ обратилась дѣвушка къ Смолину,—пойдите хоть вы за нимъ, остановите его.

Николай Смолинъ поспѣшилъ исполнить ея просьбу, но Алеши отыскать ему не удалось. Отъ прислуги только узналъ онъ, что Алеша, какъ выбѣжалъ изъ дому, такъ и пустился безъ оглядки по дорогѣ. Николай спросилъ себѣ лошадь и, пять минутъ спустя, скакалъ въ Новоспасское. Еще нѣсколько минутъ, и онъ настигъ Алешу. Его поразило выраженія лица пріятеля, когда онъ его окрикнулъ. Это не было ни горе, ни гнѣвъ, ни отчаяніе, а что-то еще болѣе глубокое, потрясающее—полный разрывъ со всѣмъ окружающимъ міромъ, съ самою жизнью читался на истерзанныхъ чертахъ молодого человѣка. Никогда потомъ не могъ Смолинъ забыть этого выраженія.

— Чего вамъ отъ меня надо?—хриплымъ голосомъ спросилъ Алеша:—оставьте меня.

Что-то злое было и въ голосѣ его, и въ глазахъ.

Смолинъ пробовалъ успокоить Алешу, предлагалъ ему пойти съ нимъ хотя бы до самаго Новоспасскаго. Но попытки утѣшенія только усиливали злобное отчаяніе Алеши. Онъ грубо оттолкнулъ отъ себя участіе Смолина.

Не надо мнѣ ни васъ, ни кого другого, понимаете! Всѣ вы мнѣ одинаково противны, ненавистны! Хоть одно вы за мной признайте—право быть одному..

А Өедоръ Степановичъ, пока его сынъ, оттолкнувъ отъ себя товарища, съ тупымъ отчаяніемъ на сердцѣ спѣшилъ по дорогѣ въ Новоспасское,—Өедоръ Степановичъ, едва вышелъ на крыльцо и почувствовалъ струю свѣжаго воздуха, опомнился разомъ. Могучій приливъ гнѣва возвратилъ ему и сознаніе, и силы.

— Чего вы на меня глядите?—окрикнулъ онъ хихикавшихъ при видѣ его лакеевъ. — Лошадей мнѣ, экипажъ, скорѣй! И дочь мою позовите, она въ саду. Отецъ ее требуетъ къ себѣ, такъ и скажите!—властно скомандовалъ онъ.

Нѣсколько минутъ спустя, вся испуганная и блѣдная, не зная хорошенько, что случилось, Леночка сидѣла въ коляскѣ рядомъ съ разгнѣваннымъ отцомъ. Ни слова не проронилъ онъ до Новоспасскаго. Голова его повисла на грудь, и злобная, тяжелая, но все таки строптивая дума засѣла за его сморщеннымъ лбомъ. Когда они проѣхали мимо Алеши, дѣвушка захотѣла остановить экипажъ, но Ѳедоръ Степановичъ молча схватилъ ее за руку и сердито мотнулъ головой. Коляска поѣхала далѣе, растерянная Леночка не смѣла спрашивать, что случилось.

XXIV.

Смеркалось уже, когда Алеша добрался до Новоспасскаго. Онъ шелъ не оглядываясь, не примѣчая встрѣчныхъ, и одно чувство у него было на душѣ—смутное желаніе уйти отъ чего-то, точно какой-то ужасный призракъ гнался за нимъ все время. А тамъ впереди его ждало что-то, чего онъ самъ опредѣлить бы не могъ. Что-то глухое, темное, гдѣ можно было укрыться и не ощущать болѣе этого давящаго, злого невыносимаго стыда. Онъ не въ силахъ былъ размышлять надъ своимъ положеніемъ, разобраться въ томъ, что давило ему грудь. Онъ зналъ одно только—все, что было ему дорого еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, любовь милой дѣвушки, дѣятельность, такъ еще недавно ему рисовавшаяся впереди—все это разомъ для него перестало существовать. Порой въ его головѣ мелькали обрывками слова, какими онъ обмѣнивался съ Наташей тамъ, на террасѣ Холминскаго дома. И горькая насмѣшка,

холодная и злая, какъ насмѣшка надъ покойникомъ, поднималась въ его измученномъ сердцѣ.

Когда онъ вошелъ въ сѣни, тамъ никого не было. Домъ казался опустѣлымъ. Маятникъ у стѣнныхъ часовъ громко, неестественно громко повторялъ свои мѣрные удары, да изъ кабинета Ѳедора Степановича глухо слышались тяжелые шаги.

Но вотъ на лѣстницѣ съ верхняго этажа показался свѣтъ. Кто-то нагнулся надъ перилами, держа въ рукѣ свѣчу, и мягкій и добрый голосъ тети Саши послышался сверху:

— Алеша, ты вернулся наконецъ! Пойди сюда— это я!

Молодой человѣкъ быстро поднялся по ступенямъ, радуясь, что первое встрѣченное имъ живое существо была тетя Саша. У нея, у этой искренно преданной ему женщины онъ найдетъ утѣшеніе. Но едва это слово промелькнуло у него въ головѣ, онъ отогналъ его. Развѣ кто-нибудь могъ отыскать для него утѣшенія? Развѣ самыя нѣжныя, любящія слова могли стереть то неизгладимое, ужасное, что произошло тамъ?...

Медленно, тяжело онъ взошелъ во второй этажъ. Мгновенная усталость его охватила. Но это было не простое утомленіе отъ длиннаго пути,—это было утомленіе жизнью, отъ котораго уже отдыха нѣтъ.

— Голубчикъ, милый,—обнимая его, твердила Александра Осиповна.

Полубезсознательно онъ прошелъ за нею въ ея комнату. Она цѣловала его, и слезы скатывались на его щеки. Но вдругъ онъ оттолкнулъ ее гнѣвнымъ, почти грубымъ движеніемъ.

— Не плачьте! Не зачѣмъ! Вы знали это давно. Зачѣмъ, зачѣмъ не говорили вы мнѣ правды? Вѣдь рано или поздно...

— Да развѣ легче было бы узнать это раньше?— шопотомъ спрашивала она.

Алеша топнулъ ногой и принялся нервно ходить

по маленькой комнатѣ. Тутъ только она разглядѣла его страшное, мучительно-злое лицо.

— Алеша, дружокъ мой, послушайся меня,—твердила Александра Осиповна. — Теперь не время объ этомъ говорить. Пойди, успокойся, прилягъ.

— Успокоиться?! Ха-ха! — засмѣялся Алеша. Онъ почувствовалъ вдругъ, что силы къ нему вернулись, какъ бы влитыя въ него припадкомъ гнѣва. — Какъ вамъ не стыдно говорить о покоѣ? Нѣтъ и не можетъ быть его для меня! Развѣ...

Неясная мысль, черная, какъ безлунная полночь, мысль все время носившаяся передъ нимъ, пока онъ шелъ по дорогѣ, теперь ясно предстала передъ его воображеніемъ. Алеша засмѣялся вторично.

— Не говорите этихъ ненужныхъ словъ. Надо спѣшить, надо...

Онъ схватилъ себя за голову.

— Да что, что надо?—воскликнулъ онъ болѣзненно:—что я могу теперь сдѣлать? Ничего въ будущемъ нѣтъ. А прошлое—оно замарано, и ничѣмъ не смыть этого пятна. Ни отца нѣтъ у меня больше, ни...

— Повѣрь мнѣ—она не перестанетъ тебя любить.

— Полноте! Что это за любовь? Любовь къ сыну бывшаго крѣпостного приказчика, обокравшаго ея отца? Да я и не захочу этой любви. Мнѣ стыдно, что я мечталъ объ этомъ, а она знала, знала все. Сынъ вора,—онъ проговорилъ это какъ бы про себя, — сынъ человѣка, котораго публично обезчестили, и у котораго ни одного слова не нашлось въ свою защиту.

Алеша вдругъ поднялъ голову.

— Гдѣ онъ? Гдѣ Ѳедоръ Степановичъ? — Слова „отецъ" онъ выговорить не могъ.

— Ты развѣ хочешь къ отцу? Теперь?— испуганно спросила она.

— Хочу. Да. Я потребую отъ него.—Онъ схватился за ручку двери.—Это единственное, что осталось мнѣ сдѣлать. Пустите меня.

Александра Осиповна хотѣла удержать его, но онъ вторично ее оттолкнулъ и бросился вонъ изъ комнаты, туда, откуда за нѣсколько минутъ раздавались тяжелые шаги, въ кабинетъ отца.

Ѳедоръ Степановичъ не походилъ теперь на того забитаго, безпомощнаго человѣка, который въ столовой Холминскаго дома, склонивъ голову, выслушивалъ сыпавшіяся на него оскорбленія. Сжимая кулаки, онъ метался какъ звѣрь изъ угла въ уголъ, и бѣшеныя восклицанія то и дѣло срывались съ его губъ.

— А, это ты?—рѣзко обернулся онъ, услыхавъ сына.— Что тебѣ надо?

— Я пришелъ вамъ сказать...

— Зачѣмъ не говоришь ты мнѣ больше ты, какъ всегда?—гнѣвно сверкнувь зрачками, окликнулъ Ѳедоръ Степановичъ Алешу.

— Я пришелъ вамъ сказать,—повторилъ Алеша съ поразительнымъ спокойствіемъ,—что вы должны, понимаете ли, должны,—онъ возвысилъ голосъ,—возвратить Богушевскому награбленныя у него деньги. Я этого требую, какъ имѣющій несчастіе носить ваше опозоренное имя.

Сперва Ѳедоръ Степановичъ не повѣрилъ ушамъ, чтобы Алеша могъ посмѣть такъ говорить съ нимъ. Это не укладывалось въ его пониманіи. Но вдругъ бѣшенство хлынуло къ нему въ голову и сперва вылилось ѣдкимъ смѣхомъ.

— Воз-вра-тить? Да ты съума сошелъ? Возвратить этому человѣку, который... ха-ха-ха!

— Котораго вы обокрали,—отчеканилъ Алеша.

— Что? Что?—онъ бросился къ сыну, подставляя къ его лицу стиснутые кулаки. — Молчи, щенокъ! Ты бѣлены объѣлся, должно быть! Ты думаешь, Ѳедоръ Макшеевъ проститъ когда-нибудь то, что случилось тамъ? Или, чего добраго, самъ прощенія попроситъ? Хорошо ты меня знаешь! Болванъ!

Онъ сильно потрясъ сына за плечо и оттолкнулъ въ сторону.

— Благодари Бога,—захрипѣлъ онъ, — что я еще настолько помню себя, а то...

Алеша покачалъ головой.

— Вы ничего не можете мнѣ сдѣлать. Да и никто не можетъ. Послѣ того, что мнѣ довелось тамъ услышать, худшаго уже на свѣтѣ ничего нѣтъ. Значитъ, вы не согласны? Помните, это моя послѣдняя просьба!

Ѳедоръ Степановичъ расхохотался.

— Удивительный въ самомъ дѣлѣ человѣкъ! Твоя послѣдняя просьба! Нашелъ чѣмъ испугать.

Волна ярости опять поднялась въ немъ, и онъ закричалъ, что было мочи:

— Вонъ, щенокъ! Вонъ! Чтобы и духу твоего здѣсь не было!

Онъ схватилъ со стола первый попавшійся ему предметъ—это была тяжелая бронзовая чернильница—и швырнулъ ее въ сына. Но задрожавшая рука невѣрно направила ударъ, чернильница пролетѣла мимо, и черныя пятна забрызгали стѣны и полъ. Алеша взглянулъ на отца долгимъ, грустнымъ, какъ бы прощальнымъ взглядомъ и вышелъ молча. Отцовская рука уже ничѣмъ не могла оскорбить его.

Ночь между тѣмъ наступила, тихая, мягкая лѣтняя ночь, вся озаренная полнымъ мѣсяцемъ. Чуткое безмолвіе наполняло обширный домъ, но это было какое-то тревожное, грозное безмолвіе. Молодого человѣка потянуло на воздухъ, комнаты давили его душной пустотой. А въ саду совершенно иное затишье стояло,—ласкающее, нѣжное. Лунный свѣтъ мягко струился по листьямъ деревьевъ, ярко блестѣла трава, окропленная росой. Алеша съ жадностью вдохнулъ въ себя пахучій воздухъ, наполненный благоуханіемъ расцвѣтавшихъ липъ. Но ароматная свѣжесть ночи не принесла ему успокоенія. Натянутые нервы, какъ струны, готовы были задрожать отъ малѣйшаго звука, преувеличенно отозваться на каждое прикосновеніе внѣшняго міра. А кругомъ все глубоко молчало. Безсознательно Алеша

спустился въ садъ, и ему необыкновенно гулкимъ показался звукъ его шаговъ по каменнымъ ступенямъ террасы. Песокъ хрустѣлъ подъ его ногами, сонная птица зашевелилась гдѣ-то въ вѣтвяхъ, онъ прислушался, но все умолкло опять, и среди полной, необъятной тишины ему будто слышался какой-то шепчущій и все таки неуловимый голосъ, насмѣшливо твердившій, что для него все кончено, что какъ бы ни прекрасна была яркая ночь, ему она уже не можетъ принести ни радости, ни успокоенія... Успокоенія... да... Гдѣ-то оно есть... оно поджидаетъ. стережетъ его... И снова онъ ясно увидѣлъ передъ собой, какъ тамъ, на дорогѣ, что-то черное, неподвижное, мертвенно-ужасное. Алеша пошелъ по дорожкѣ, самъ не зная куда, и все яснѣе сказывалось ему, что некуда идти, что нигдѣ на землѣ нѣтъ уже для него ни счастія, ни работы, ни будущаго... А между тѣмъ такъ еще недавно, всего за три дня, когда онъ возвращался отъ свиданія съ Наташей, молодая безконечная радость наполняла его душу, и такъ вѣрилось въ счастіе!.. Теперь, если бы даже сама Наташа передъ нимъ предстала и повторила, что она любитъ его, и почувствовалъ бы онъ на губахъ ея поцѣлуи, онъ отвернулся бы отъ нея. Даже она не въ силахъ была возвратить ему потеряное. Онъ бы не захотѣлъ ея любви, потому что эта любовь была теперь запачкана навсегда, отравлена позоромъ его отца.

Загляни онъ въ себя поглубже, поискреннѣе, Алеша нашелъ бы, можетъ быть, на самомъ днѣ сердца болѣзненное желаніе еще разъ увидать дорогую дѣвушку, услышать снова изъ ея устъ, что на дѣтей не падаетъ отцовская вина. Но онъ заглушалъ въ себѣ это тайное желаніе, какъ нѣчто постыдное, малодушное. Смыть память о случившемся было не въ ея власти, а нести тяжесть отцовскаго позора Алеша не хотѣлъ. Да и она не захотѣла бы теперь,—повторялъ онъ себѣ,—онъ увидѣлъ это на ея лицѣ тамъ, въ столовой Холминскаго дома, когда взглянулъ на нее случайно въ послѣдній

разъ. И при мысли, что всего за нѣсколько часовъ онъ могъ по-дружески говорить съ дочерью Владиміра Семеновича Богушевскаго, злобная насмѣшка поднималась въ немъ—насмѣшка надъ своей потерянной жизнью, надъ судьбой, захотѣвшей его сдѣлать такъ не похожимъ на отца, чтобы потомъ заставить такъ живо ощутить позоръ отцовскаго наслѣдства. И онъ захохоталъ горько. И среди ночной тишины весь садъ будто повторилъ его смѣхъ.

— Алеша,—услыхалъ онъ вдругъ чей-то слабый окрикъ, раздавшійся вблизи.

Молодой человѣкъ остановился. Въ нѣсколькихъ шагахъ на скамейкѣ онъ увидѣлъ сестру. Она позвала его второй разъ.

— Ты? Леночка?—Онъ подошелъ къ ней и, опустившись возлѣ дѣвочки, нѣжно обвилъ ея станъ рукою.—Зачѣмъ ты здѣсь одна?

— Ахъ, Алеша, объясни мнѣ, я ничего не понимаю,—что случилось? Отчего папа увезъ меня изъ Корсовки передъ самымъ обѣдомъ, и уѣхали мы, ни съ кѣмъ не простившись?

— Ты не знаешь? Не догадываешься?—отвѣтилъ онъ, наклоняясь къ ней, и его кольнуло въ самое сердце, когда она напомнила про то, что случилось въ Корсовкѣ. Но онъ не могъ бы теперь сказать ей что-нибудь рѣзкое.—Тѣмъ лучше,—добавилъ онъ,—и не надо тебѣ знать.

Леночка продолжала, не слушая:

— И ты потомъ, когда мы обогнали тебя на дорогѣ... какой былъ у тебя странный видъ... Я хотѣла остановить коляску, взять тебя съ собой, но папа не позволилъ. Да и теперь, смотри, ты совсѣмъ запыленный, волосы у тебя спутались, да и лицо такое блѣдное...

— Я не успѣлъ себя привести въ порядокъ—это правда,—отвѣтилъ онъ.—Да и не надо, теперь не зачѣмъ.

— Да что же случилось такое?—голосъ ея звучалъ все тревожнѣе.—Какая-нибудь непріятность съ отцомъ,

должно быть? Видно, тетя была права, когда говорила, что не зачѣмъ ѣздить въ Корсовку...

— Да, не зачѣмъ,—коротко отозвался Алеша.

— И, стало быть,—продолжала дѣвушка,—мы больше туда не поѣдемъ? И къ Асанинымъ тоже? И все это изъ за папаши? И опять мнѣ придется сидѣть здѣсь одной въ этомъ скучномъ, пустомъ домѣ.

Онъ не могъ долѣе слушать. Дѣтскія сожалѣнія Леночки слишкомъ больно отзывались въ его сердцѣ.

— Лена, — сказалъ онъ строго, невольно отстраняясь отъ нея.—Не объ этомъ надо теперь думать.

— Да, что же такое, наконецъ, случилось?—нетерпѣливо и тревожно повторила она.

— Что случилось?—почти безсознательно отозвался онъ на вопросъ Леночки.—Да, хоть ты еще ребенокъ, но и для тебя, видно, настаетъ пора узнать суровую сторону жизни—что дѣлать? Можетъ быть, и для тебя много горя впереди. Приготовься къ этому.

Эти загадочныя слова только растравили безпокойную тревогу дѣвушки.

— Да зачѣмъ ты говоришь такъ странно?—скрестивъ руки, настаивала она.—Скажи все, наконецъ, прямо скажи.

— Одно тебѣ скажу, милая моя,—грустно отвѣтилъ онъ, принимаясь нѣжно гладить ей волосы.—Будь ко всѣмъ добра. Привыкай къ мысли, что не все въ жизни одно веселье, не забывай про бѣдныхъ, слушайся тетю...

Онъ снова нагнулся къ ней, и блѣдныя его губы коснулись ея лба. Удивительно холоднымъ показалось ей прикосновеніе этихъ губъ.

— Ахъ, это все не то!—нетерпѣливо мотнула она головкой.—Я вижу, что по милости папаши мнѣ придется здѣсь затворницей сидѣть. А ты мнѣ лекцію какую-то читаешь.

Алеша взглянулъ на нее съ печальнымъ укоромъ въ глазахъ и медленно поднялся. Въ эту самую мину-

ту съ сельской церкви медленно среди ночной тишины раздались мѣрные удары колокола. Онъ вздрогнулъ, точно въ грустномъ торжественномъ звонѣ ему послышалось какое-то неумолимое напоминаніе. Колоколъ прозвонилъ десять разъ.

— Прощай, Лена. Я вижу, ты меня не понимаешь. Послѣ когда-нибудь поймешь. Прощай.

— Да ты куда?—удивленно спросила она, всматриваясь въ его лицо.

— Такъ... Никуда...

— Да ты придешь чай пить? Пора.

Она тоже поднялась со скамейки.

— Приду послѣ. А теперь—прощай.

Онъ почувствовалъ, что слезы готовы брызнуть изъ его глазъ и поспѣшно отвернулся.

Леночка съ недоумѣніемъ глянула ему вслѣдъ и еще разъ окрикнула брата, но голосъ ея замеръ въ тишинѣ. Ночь уже успѣла скрыть Алешу въ своихъ темныхъ объятіяхъ.

Наклонивъ голову на грудь, онъ прошелся по густой липовой аллеѣ, куда лишь изрѣдка сквозь частую листву брызгами падалъ свѣтъ мѣсяца. Ощущеніе холода охватило его, медленно и неудержимо подступая къ самому сердцу. И еще сильнѣе, чѣмъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ онъ почувствовалъ, что ему некуда и незачѣмъ идти, и не укрыться нигдѣ отъ давившаго его горя. У конца аллеи онъ повернулъ назадъ, невольно замедляя шагъ по мѣрѣ того, какъ приближался къ дому.

А оттуда все слышнѣе раздавался гнѣвный голосъ Ѳедора Степановича. Онъ говорилъ съ Петей. И каждое слово теперь отчетливо долетало до слуха Алеши.

— Дуракъ ты, что ли, или не понялъ, зачѣмъ я тебѣ приказывалъ мягко обращатся съ народомъ и все мужикамъ спускать. Тогда надо было, а теперь,—ну ихъ къ чорту! все лопнуло. Всѣ мои планы! Такъ взыскивай же съ нихъ все—до послѣдней копѣйки! Хо-

рошо, видно, я съумѣлъ добрякомъ прикидываться, коли и ты въ это повѣрилъ.

Чувство холода еще сильнѣе овладѣло Алешей. И теперь это былъ не холодъ только—было отвращеніе. Нѣтъ, ни съ отцомъ, ни съ братомъ Петей, ему не зачѣмъ уже встрѣчаться. Вотъ еще съ Сережой развѣ... Онъ вѣдь добрый...

И при мысли о Сережѣ одно воспоминаніе блеснуло у него въ головѣ—пистолеты, запертые братомъ въ ящикѣ стола. Можетъ быть, они тамъ еще. Да, навѣрно тамъ, и ключъ еще въ замкѣ...

Онъ поспѣшно обогнулъ домъ и спросилъ у попавшагося ему Ѳомки, гдѣ братъ Сергѣй.

— Сергѣй Ѳедоровичъ домой не приходили-съ,— отвѣтилъ тотъ.

Алеша осторожно поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ, стараясь, чтобы не разслышали его шаговъ. Изъ подъ двери комнаты Александры Осиповны виднѣлся свѣтъ. Невзначай половица заскрипѣла подъ ногами Алеши. Онъ остановился, притаивъ дыханіе. Онъ долженъ былъ какъ воръ прокрадыватся туда, гдѣ его поджидала смерть.

Дверь растворилась, и Александра Осиповна вышла. Она остановилась на площадкѣ, прислушиваясь. Но племянника она не замѣтила. Темнота скрывала его отъ глазъ Александры Осиповны. Съ минуту она постояла на мѣстѣ и вернулась въ свою комнату, заперевъ за собою дверь. Неопредѣленное безпокойство не покидало ее весь этотъ вечечъ.

Алеша беззвучно прошелъ въ комнату брата, ярко освѣщенную полнымъ мѣсяцемъ. Окнами она выходила на дворъ. Все здѣсь еще оставалось въ томъ же безпорядкѣ, какъ въ день пріѣзда Сергѣя. Раскрытый чемоданъ лежалъ на полу, вещи были разбросаны по стульямъ.

Алеша подошелъ къ столу. Онъ не ошибся. Ключъ оставался въ замкѣ, и раскрывъ ящикъ, онъ увидѣлъ

пистолеты, заблестѣвшіе въ свѣтѣ мѣсяца. Алеша взялъ одинъ изъ нихъ и внимательно осмотрѣлъ. Пистолетъ не былъ разряженъ. Онъ медленно опустилъ его на столъ—рука его дрожала. Въ послѣднюю минуту, когда ничто не мѣшало ему исполнить рѣшеніе, молодая жизнь громко зароптала въ немъ, упорно отворачиваясь передъ ужасомъ смерти. Сердце билось такъ сильно, что онъ слышалъ его удары.

„Неужели я трушу?"—промелькнуло у него въ головѣ, и приложивъ къ груди руку. онъ будто хотѣлъ принудить къ покою возмутившееся сердце. — „Чего мнѣ бояться? — говорилъ онъ себѣ. — Жить нельзя, нельзя съ этимъ непоправимымъ срамомъ... А тамъ... тамъ ничего вѣдь нѣтъ. Всего одинъ мигъ, и вѣчное... молчаніе"...

Но что-то въ немъ не повиновалось этимъ доводамъ. Онъ заглянулъ въ самую глубь своихъ убѣжденій и съ ужасомъ понялъ, что твердой увѣренности въ немъ нѣтъ, что въ сущности онъ только упрямо твердилъ, повторяя чужія слова, будто ничего нѣтъ за гробомъ, а на самомъ дѣлѣ онъ знаетъ про это такъ же мало, какъ и всѣ прочіе люди...

Въ комнатѣ было душно. Алешѣ вдругъ болѣзненно захотѣлось вдохнуть въ себя живую струю ночного воздуха, взглянуть еще разъ на этотъ широкій міръ, который онъ такъ возненавидѣлъ въ этотъ день, и который все таки былъ такимъ прекраснымъ.

Онъ раскрылъ окно и всѣмъ существомъ какъ бы окунулся въ тихую, свѣтлую ночь, надъ которой такъ мирно блестѣла луна. Обширный дворъ былъ совершенно пустымъ. Ни звука не было слышно. Тѣни деревьевъ и палисадника передъ домомъ длинными полосами ложились на землю. Онъ простоялъ такъ нѣсколько минутъ въ неподвижности, позабывъ, что время идетъ и могутъ его хватиться, могутъ придти и помѣшать.

Вдругъ ему почудился слабый звукъ конскихъ ко-

пытъ по гладкой дорогѣ. Онъ прислушался. Звукъ приближался, становился явственнѣй.

— Да что же я дѣлаю? Или я и взаправду?.. — И снова онъ устыдился своего малодушія. Рѣшительно, быстро онъ подошелъ къ столу и схватилъ пистолетъ. Мысли его вдругъ приняли иное направленіе.—Если я ошибался,—сказалъ онъ себѣ,—если тамъ есть кто-то, кому извѣстны мои мысли и кто станетъ меня судить, онъ все таки не осудитъ меня... Я вѣдь иначе не могу.

И все таки Алеша простоялъ еще неподвижно нѣсколько минутъ, безсознательно держа пистолетъ въ нетвердой рукѣ. Вдругъ его точно пробудилъ отъ оцѣпѣненія стукъ подскакавшей лошади. Кто-то соскочилъ съ сѣдла, громко крикнулъ въ сѣни... Чьи-то шаги послышались снизу. Нельзя было долѣе медлить... Послѣдняя, рѣшительная волна заколебавшейся воли хлынула ему въ грудь, и уже не чувствуя дрожи въ рукѣ, онъ подставилъ холодное дуло къ виску и спустилъ курокъ...

А подскакавшій къ крыльцу верховой былъ посланный отъ Наташи съ письмомъ къ нему, въ которомъ она говорила еще разъ, что не перестала его любить и не перестанетъ никогда...

Четыре года прошло съ тѣхъ поръ. И за это короткое время много измѣнилось въ судьбѣ людей, про которыхъ шла рѣчь въ этомъ разсказѣ.

Ѳедоръ Степановичъ не живетъ уже въ Новоспасскомъ, и все хозяйство сдалъ на руки Пети. Черствый онъ былъ человѣкъ, но и его непреклонный нравъ сломила ужасная смерть младшаго сына. Оставаться въ домѣ, на стѣнахъ котораго была еще, казалось ему, кровь этого сына, Ѳедоръ Макшеевъ не могъ. Да и неудержимо тянуло его прочь изъ края, гдѣ рухнули всѣ взлелѣянныя имъ надежды. Онъ переселился въ другую губернію, гдѣ у него тоже было имѣніе, и

постарался было по прежнему оттуда вести свои обширныя дѣла, но прежней терпкой силы въ немъ уже не было. И ровно три года послѣ Алешиной смерти, надъ нимъ грянула новая бѣда: его сразилъ параличъ. Здоровье, понемногу, правда, вернулось, онъ могъ почти свободно двигаться, и крѣпкая натура сулила впереди еще многіе годы. Но воля ослабла, и ясный, твердый умъ затуманился. Да и не было уже причины стараться. Петя могъ, конечно, вести разсчетливо дѣла, но преемника себѣ Өедоръ Степановичъ въ немъ не видѣлъ. Петя оставался такимъ же грубымъ, неотесаннымъ и мелкимъ. А старшій, любимый сынъ Сергѣй, хоть и угомонился было и сталъ радовать отца, обѣщая со временемъ отстать отъ безпорядочныхъ привычекъ,— радовалъ его недолго. На волчьей охотѣ, неосторожно толкнувъ двухстволку отъ дерева, Сережа нечаянно пустилъ себѣ въ грудь двойной зарядъ. Еще тѣснѣе сдвинулось будущее надъ ослабѣвшимъ старикомъ.

Да и отъ Леночки ему не было утѣшенія. Послѣ самоубійство Алеши она прямо возненавидѣла отца и рѣшительно отказалась съ нимъ оставаться. Александра Осиповна увезла ее въ Петербургъ, но и съ теткой Леночка жила недолго. Невыносимо скучной ей казалась скромная обстановка дома Александры Осиповны. Молодость быстро стерла тяжелую память о недавнемъ горѣ и неразборчивая во вкусахъ дѣвушка жаждала одного— быструю смѣну удовольствій, какія бы эти удовольствія ни были. Ея маленькій романъ съ Левой Богушевскимъ не привелъ ни къ чему. Но и это разочарованіе ее огорчило ненадолго. Еще въ послѣднемъ классѣ гимназіи она стала ѣздить съ подругами на всякіе танцовальные вечера, иногда даже тайкомъ отъ Александры Осиповны. На какомъ-то балу она познакомилась съ оперившимся недавно гусарчикомъ, безъ труда плѣнившимъ ее черными, какъ смоль, глазами съ красивымъ ментикомъ и шпорами въ придачу. Дома было такъ скучно, что она дала себя уговорить и обвѣнчалась съ

гусарчикомъ въ какой-то пригородной церкви. Онъ зналъ, что у Леночки богатый папенька. И хотя надежды его сбылись не сразу—вмѣсто приданаго, Ѳедоръ Степановичъ послалъ дочери свое проклятіе—гусарчикъ не унывалъ, разсчитывая, что отецъ Леночки не вѣченъ и едва-ли ее лишитъ совсѣмъ наслѣдства.

А Владиміръ Семеновичъ Богушевскій на старости лѣтъ процвѣтаетъ. Ни бодрость духа, ни красивая осанка, его не покинули, хоть ему уже стукнуло шестьдесятъ.

Лева процвѣтаетъ тоже. Его дѣла пошли быстро въ гору, и онъ уже зарабатываетъ изрядныя деньги, съумѣвъ въ то же время обезпечить за собой прекрасную репутацію. На Леночкѣ онъ не женился, сказавъ себѣ, что не зачѣмъ огорчать этимъ отца, когда деньги къ нему валятъ и безъ того, и есть у него подъ рукой кузина Соня, у которой приданое, чего добраго, не хуже. Константинъ Гавриловичъ богатѣлъ вѣдь съ каждомъ годомъ. Соня, влюбленная по уши въ мужа, очень скоро расцвѣла въ пышную красавицу, у которой, правда, уже далеко не воздушная талія, но зато нравъ сталъ необыкновенно кроткимъ. Мужъ держитъ ее твердо въ рукахъ, измѣняя ей ровно настолько, чтобы возбуждать немного ея ревность, не доводя до разрыва.

Съ сестрой Наташей онъ видится рѣдко. Она осталась вѣрною себѣ и твердо идетъ по намѣченной дорогѣ, вся отдавшись своему призванію и почти находя въ немъ счастіе. Смерть Алеши наложила тѣнь грусти на ея молодость, и какъ разъ оттого, что тѣнь это не проходитъ, горе не надломило ее, придавъ лишь еще болѣе мягкости ея свѣтлому, прямодушному нраву. Память Алеши словно нашептываетъ ей одновременно и тихую грусть, и бодрое утѣшеніе, становясь для нея какъ бы невидимымъ спутникомъ жизни.

И Николай Смолинъ сталъ на вѣрную, хоть негромкую дорогу. Онъ внялъ настояніямъ старика отца и сдѣлался его помощникомъ. А когда минуло ему двадцать-пять, онъ вошелъ въ составъ мѣстнаго земства и много зани-

мается школами. Скучновато ему порою въ Василькахъ, мало отвѣчающихъ его эстетическимъ наклонностямъ. Но онъ утѣшаетъ себя мыслью, что красота не въ одной жизни, что сущность ея, пожалуй, важнѣе формы, хоть и не было это мнѣніемъ древнихъ. И понемногу Васильки незамѣтно пріобрѣтаютъ для него затаенную, тихую прелесть.

Изрѣдка онъ переписывается съ Наташей, которую не видалъ вотъ уже четыре года. Въ дружескомъ, веселомъ тонѣ его писемъ слышится иногда скрытая полунасмѣшливая грусть.

„А что,—писалъ онъ ей разъ,—какъ вы думаете: когда мы встрѣтимся, наконецъ, большую найдемъ мы другъ въ другѣ перемѣну? И не страннымъ ли вамъ покажется, что я такъ и сижу сиднемъ на своей деревенской мели и не стремлюсь даже въ открытое море.

Они свидѣлись разъ совсѣмъ неожиданно. Лѣтомъ случается Николаю заглядывать на одинокую могилу возлѣ Новоспасской церкви. Простой чугунный крестъ безъ надписи на гладкой каменной плитѣ—единственное украшеніе этой могилы. Двѣ ивы, склоняющія надъ нею поникнувшія, скорбныя вѣтви, посажены ни кѣмъ инымъ, какъ Смолинымъ. Онъ приходитъ сюда не то чтобы молиться—этому онъ еще не совсѣмъ научился, а вспоминать. И чуствуетъ онъ себя добрѣе, мягче, когда тамъ побываетъ.

Въ одинъ тихій августовскій день—солнце пряталось зя дымкою узорчатыхъ облаковъ—онъ засталъ стоящую на колѣняхъ у могилы дѣвушку въ темномъ платьѣ. Она подняла голову, услыхавъ его шаги, и онъ сразу убѣдился, что Наташа не измѣнилась ничуть. Только нѣжнѣе еще и тоньше стали ея молодыя четры, которымъ жизнь придала еще болѣе изящества, нисколько не затронувъ ихъ свѣжести. Они встрѣтились какъ старинные друзья, просто, съ искренней, хоть и негромкой радостью. И оба какъ-то почувствовали сразу, что стали они лучше за эти четыре года.

— Вотъ видите,—улыбнулся онъ, отойдя немного въ сторону и обмѣнявшись съ нею несложнымъ разсказомъ о только что минувшихъ годахъ,—жизнь привела насъ на очень различные пути. А все же мнѣ сдается, что между нами по прежнему есть какое-то странное сходство... И если это сходство до сихъ поръ не мѣшало намъ идти врозь, неужели оно никогда не позволить намъ сойтись по настоящему, когда ничто насъ въ сущности не разъединяетъ?

Она не отвѣтила и улыбнулась только. А легкій вѣтерокъ, зашелестившій листвою ивъ, точно нашептывалъ, что дорогой имъ обоимъ покойникъ сталъ для нихъ какъ бы невидимымъ связующимъ звеномъ.

ЧЬЯ ВИНА.

I.

На крошечномъ балкончикѣ одной изъ самыхъ небольшихъ Петергофскихъ дачъ стояли, облокотясь на перила, дѣвушка и молодой человѣкъ. Они разговаривали урывками, какъ бы мысленно договаривая недосказанныя слова, и необыкновенно тихо и мирно текли ихъ неспѣшныя рѣчи, точно онѣ вторили тихому, безмятежному іюньскому вечеру. Такъ разговариваютъ обыкновенно лишь тѣ люди, которымъ есть что скрывать другъ отъ друга, либо тѣ, напротивъ, которые до того близки, что каждый и безъ словъ угадываетъ мысли другого. И эти двое были именно такими близкими людьми. Онъ зналъ ее съ самаго дѣтства: теперь ей шелъ двадцатый годъ, и хоть онъ былъ почти на цѣлыхъ десять лѣтъ ея старше, онъ чувствовалъ себя какъ бы ея ровесникомъ, до того рано и, казалось, прочно сложились въ ней не одни только взгляды, но разумъ и воля. Ихъ соединяла давнишняя привязанность, выросшая незамѣтно заодно съ ними, или даже нѣчто лучшее, чѣмъ привязанность, то полное откровенное довѣріе, какое питаешь къ старинному испытанному товарищу. Его звали Александромъ Дмитріевичемъ Борскимъ, ее Татьяной Николаевной Малиновской. Десяти лѣтъ оставшись круглымъ сиротой, Саша Борскій былъ принятъ въ домъ къ отцу Тани, Николаю Филипповичу, старинному пріятелю его умершаго отца. Малиновскій былъ очень небогатый человѣкъ, жившій однимъ жалованьемъ да уроками, — онъ преподавалъ латинскій языкъ въ одной изъ гимназій, — но всегда

крайне строгій къ себѣ и аккуратный до щепетильности, онъ не только содержалъ отлично семью и небольшое домашнее хозяйство, у него всегда была припасена копѣйка, чтобы помочь нуждающемуся товарищу. И единственнаго сына своего друга и однокашника Борскаго онъ не только воспиталъ, какъ собственнаго, онъ не переставалъ заботиться о немъ и тогда, когда восемнадцатилѣтній Саша поступилъ въ университетъ. Да и послѣ тоже, когда, четыре года спустя, молодой человѣкъ блистательно выдержалъ экзаменъ, Малиновскій всячески старался поставить его на прямую дорогу. И повидимому это удалось вполнѣ. Въ двадцать восемь лѣтъ Александръ занималъ въ университетѣ одну изъ самыхъ видныхъ каѳедръ по филологическому факультету и успѣлъ пріобрѣсти, хоть и не славу еще, но репутацію отличнаго знатока своего предмета. Не мудрено, что молодой профессоръ чувствовалъ себя связаннымъ самою теплою благодарностью съ семьей, пріютившей и воспитавшей его, и что чувство это ничуть не ослабло, когда пять лѣтъ предъ тѣмъ Малиновскій скончался, оставивъ трехъ дочерей: Варю двадцати лѣтъ, Татьяну четырнадцати и Лизу десяти. Рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобъ Александръ не навѣстилъ Малиновскихъ, зимой ли въ городѣ или на Петергофской ихъ дачѣ лѣтомъ. И мало по малу, какъ-то само собою сдѣлалось, что молодой ученый и подроставшая дѣвушка сдружились и стали такими близкими, хорошими пріятелями, что, казалось, будущая ихъ судьба была совсѣмъ рѣшена. Опредѣленныхъ словъ на этотъ счетъ, правда, между ними не было сказано, но къ чему слова, когда ихъ помолвка, казалось, была рѣшена безповоротно, если не прямымъ обѣщаніемъ, то прочнымъ союзомъ полнаго, взаимнаго довѣрія. А Татьянина мать, Екатерина Алексѣевна, хлопотливая и слегка безпокойная особа лѣтъ сорока пяти, и не сомнѣвалась насчетъ предстоявшей свадьбы. Дѣло было только за денежными средствами. И вотъ,

когда Алксандру дадутъ настоящее профессорское жалованье,—онъ числился пока доцентомъ,—все устроится какъ нельзя лучше. Правда, старшая дочь Екатерины Алексѣевны, Варя, не разъ говорила матери, что пора, давно пора объясниться на этотъ счетъ съ Александромъ Дмитріевичемъ, потому что вѣдь, кто знаетъ, иной разъ молодой человѣкъ чуть не каждый день бываетъ въ домѣ и цѣлая семья смотритъ на него, какъ на жениха, а потомъ дѣло все таки кончается ничѣмъ. Бывали же тому нерѣдкіе примѣры. Но Екатерина Алексѣевна про это и слышать не хотѣла; слишкомъ ужъ она довѣряла Александру. А у Вари были свои причины недовѣрчиво относится къ людямъ. Красивая, стройная, съ правильными, горделивыми чертами,—она была куда какъ лучше своихъ сестеръ,— Варя могла быть увѣрена, казалось, что ей пристроиться будетъ не трудно. И все таки, несмотря на ея красоту, образованность и умъ, жизнь ея сложилась грустно. У нея тоже, какъ у сестры вотъ теперь, была своя привязанность, сулившая ей самое полное счастіе. И все таки женихъ, такой честный, казалось, и славный, бросилъ ее чтобы жениться на другой. Немудрено, что сердце дѣвушки болѣзненно сжалось и поблекло, какъ ранній цвѣтокъ, побитый утреннимъ морозомъ, и что въ двадцать пять лѣтъ, все такая же красивая и умная, она уже не вѣрила въ счастье ни для себя, ни для другихъ, и горькая, преждевременная складка, часто ложилась на ея правильныя губы.

И въ этотъ вечеръ, какъ не разъ передъ тѣмъ, Варя твердила матери все то же, сидя вдвоемъ съ нею въ маленькой, уютной гостиной, выходившей на балконъ.

— Вотъ посмотрите,—повторяла она, кивая головой въ сторону открытой двери,—опять цѣлый часъ толкуютъ вдвоемъ... А про что толкуютъ, Богъ знаетъ. Подойди я къ нимъ, сейчасъ замолчатъ и на меня взглянутъ, точно я имъ мѣшаю... Не наговорятся!.. И съ тѣхъ поръ, какъ мы на дачу переѣхали, почти

вѣдь каждый день то же... Я думаю, сосѣди давно примѣтили.

— Ты все свое,—нетерпѣливо проговорила Екатерина Алексѣевна, принимаясь заваривать чай.

— Вы бы лучше ихъ сюда позвали, чѣмъ себя людямъ на показъ выставлять... Вѣдь съ сосѣднихъ дачъ видно... А еще бы лучше сдѣлали, кабы, наконецъ, рѣшились съ нимъ переговорить какъ слѣдуетъ и спросили у него, когда онъ на Танѣ думаетъ жениться.

— Полно... затвердила одно... Не знаю я, что ли, Сашу? Кажется, свой человѣкъ, съ дѣтства у насъ въ домѣ.

Екатеринѣ Алексѣевнѣ всегда было непріятно выслушивать разсудительные совѣты старшей дочери. На этотъ разъ, однако, она все таки ея послушалась.

— Александръ Дмитріевичъ,—окликнула она молодого человѣка.—Придите сюда съ Таней чай пить. Пора вѣдь... Да и сыро должно быть становится на воздухѣ.

— Сейчасъ, мама, сейчасъ, — отвѣтила дѣвушка своимъ ровнымъ, мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ. И напрасно вы безпокоитесь... совсѣмъ не сыро. Вечеръ чудесный такой.

Вечеръ въ самомъ дѣлѣ былъ чудесный. Прозрачныя іюньскія сумерки тихо надвигались, стушевывая очертанія предметовъ, стирая всѣ тѣни на землѣ и какъ бы окутывая все мягкою, серебристою мглой. Крошечный садикъ, окруженный заборомъ, изъ за котораго виднѣлись какія-то строенія, и тотъ одѣвался таинственною прелестью, точно онъ становился глубже и шире, весь объятый задумчивою природой, точно вечернее небо совсѣмъ низко опустилось надъ куполами рѣдкихъ деревьевъ, и дремавшія ихъ вершины уходили куда-то и какъ бы таяли подъ мягкою лаской безмолвнаго, неподвижнаго воздуха. Предъ балкономъ стояло всего три-четыре сиреневыхъ куста, недавно отцвѣвшіе, да пышный кустъ жасмина, еще собиравшійся зацвѣсти, и свѣтлая ихъ листва еще выдѣлялась на темномъ фонѣ

зелени позади. За ними маленькая лужайка тянулась, а тамъ небольшою группой стояли нѣсколько липъ да березъ, сросшихся густыми верхушками. Въ промежуткѣ между двумя березовыми стволами, гладкими, какъ мраморныя колонны, были придѣланы маленькія качели, на которыхъ усѣлась дѣвушка подростокъ, младшая сестра Тани, Лиза. И полудлинное ея бѣлое платье чуть замѣтнымъ свѣтлымъ пятномъ выдѣлялось среди темнѣвшей зелени.

Борскій между тѣмъ разговорился съ Таней про свою докторскую дисертацію, которую ему предстояло защищать въ первыхъ числахъ сентября, и тема эта, какъ всегда, его вдругъ оживила. Къ своему предмету, къ своей каѳедрѣ онъ относился не съ однимъ только дѣловымъ рвеніемъ ученаго спеціалиста, а съ горячею пылкостью настоящаго увлеченія. Не даромъ онъ былъ ученикомъ такого завзятаго идеалиста, какимъ до самой смерти оставался старикъ Малиновскій. И теперь, говоря о своей дисертаціи, озаглавленной *Юрьевъ день и его постепенная отмѣна*,—Борскій занималъ каѳедру русской исторіи,—онъ уносился далеко отъ своей темы въ область широкихъ, хоть и нѣсколько туманныхъ историческихъ обобщеній. Совсѣмъ не ораторъ по природѣ, даже немного застѣнчивый предъ слушателями, онъ увлекся до настоящаго краснорѣчія. Кто знаетъ, впрочемъ, быть можетъ не самъ Юрьевъ день былъ тому виной, а свѣтлое, внимательное сочувствіе, читавшееся въ большихъ карихъ глазахъ дѣвушки, придававшихъ такую мягкую, кроткую прелесть ея слегка заурядному лицу. Тѣхъ женщинъ, которыхъ сама природа, такъ сказать, приготовила къ самопожертвованію и которыя не колеблясь отдаютъ всю свою жизнь дорогимъ людямъ, она рѣдко надѣляетъ выдающеюся красотой. Женская красота, вѣдь, какъ орудіе побѣды, всегда немножко подстрекаетъ къ своенравію, всегда нашептываетъ задорныя мечты объ успѣхѣ и власти. А кроткія сердца, хоть и сказано про нихъ, что они наслѣдуютъ землю,

о себѣ думаютъ мало. Плѣнять воображеніе не ихъ задача, и ихъ особая прелесть, таинственная, задумчивая и тихая, скромно и незамѣтно прокрадывается въ душу, какъ блѣдный солнечный лучъ нашею русскою сѣверною весной робко выглядываетъ съ хмураго неба, и все таки каждый завидѣвшій его привѣтствуетъ этотъ лучъ, какъ добрую улыбку небогатой, родной природы.

— Таня,—вдругъ послышался изъ гостиной нетерпѣливый голосъ Екатерины Алексѣевны,—иди же сюда... Чай простылъ.

— Что? Пойти намъ?—спросила дѣвушка.

— Успѣемъ,—отвѣтилъ Борскій, котораго голосъ Екатерины Алексѣевны неожиданно прервалъ среди горячей тирады.—Вѣдь тамъ уже говорить такъ нельзя будетъ... Сестрица ваша насъ холодомъ такъ и обдастъ. И знаете что? сойдемте-ка немножко въ садъ, хоть всего на нѣсколько минутъ: гуляя какъ-то легче говорится...

Они спустились съ четырехъ ступенекъ довольно таки ветхаго балкончика и пошли рядомъ по узкой дорожкѣ, огибавшей лужайку. Но прерванный разговоръ принялъ теперь уже иное направленіе. Отъ своихъ научныхъ занятій Александръ перешелъ къ самому себѣ, къ ожидавшей его будущности. И будущность эту воображеніе всегда рисовало ему, какъ длинный рядъ тихихъ дней въ уютной семейной обстановкѣ.

— Я и квартирку себѣ подходящую отыскалъ,—говорилъ онъ Танѣ, слегка опустившей голову, чтобы скрыть отъ него румянецъ, показавшійся на ея щекахъ,—въ самомъ концѣ двѣнадцатой линіи. Далеконько будетъ, правда, за то недорого, и садикъ тамъ есть маленькій. И всего два жильца тамъ будутъ, да и хозяева, кажется, предобрые люди. Знаете, Татьяна Николаевна, какъ осмотрѣлъ я будущее свое помѣщеніе, такъ и сказалъ себѣ, что лучшаго мнѣ ничего не надо, хоть бы цѣлую жизнь тамъ провести... спокойно такъ и просторно тоже. Трудъ и семья, да сознаніе еще,

что не для себя одного трудишься,—развѣ можетъ быть что-нибудь лучше этого?

Таня еще ниже опустила голову, чувствуя, какъ разгораются ея щеки. Борскій уже не разъ намекалъ ей на будущую совмѣстную жизнь, но все таки не произносилъ до сихъ поръ послѣдняго рѣшающаго слова. И теперь, какъ всегда, когда рѣчь заходила у нихъ объ этомъ, сердце у нея забилось живѣе не то отъ страха, не то отъ ожиданія, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ скажетъ это слово. И на этотъ разъ онъ его сказалъ.

— А что, Татьяня Николаева, и при этомъ голосъ его прозвучалъ тише и какъ бы нѣжнѣе,—васъ бы не испугала такая жизнь, длинная, однообразная?.. Вѣдь въ томъ, что меня прельщаетъ, мало привлекательнаго для молодого существа, какъ вы.

Таня прямо не отвѣтила и украдкой лишь взглянула на молодого человѣка, не будучи въ силахъ устоять противъ желанія прочесть на его лицѣ отраженіе волновавшаго его чувства. Но лицо это оставалось спокойнымъ, и глаза смотрѣли на нее такъ же безмятежно-довѣрчиво, какъ всегда.

— Я, вѣдь, съ дѣтства привыкла,—сказала она,—именно къ такой обстановкѣ и никогда иной для себя не желала.

— Да, вы изъ тѣхъ, кому можно вполнѣ довѣриться,—продолжалъ Борскій все въ томъ же спокойномъ тонѣ, какъ будто сказанныя имъ слова были самыя заурядныя и касались они давно рѣшеннаго вопроса.

Они еще нѣсколько разъ обогнули лужайку, и молодой человѣкъ все такъ же просто и безмятежно говорилъ Танѣ о будущемъ, объ ихъ общемъ будущемъ, хотя онъ и не сказалъ ничего такого, что обыкновенно говорятъ въ подобныхъ случаяхъ, не попросилъ у нея обѣщанія стать его женою, какъ будто это само собой понималось, не взялъ ее за руку, не наклонился даже къ ней, чтобы шопотомъ признаться ей въ своемъ чувствѣ. Про

чувство она вѣдь и безъ того знала... и все таки—эта черезчуръ уже безмятежная помолвка оставила въ безхитростномъ сердцѣ Тани какое-то смутное ощущеніе чего-то похожаго на разочарованіе. „Впрочемъ,—подумала она, упрекнувъ себя за это,—онъ можетъ быть оттого говоритъ именно такъ, что сестра Лиза здѣсь въ двухъ шагахъ и все слышитъ и ему кажется неприличнымъ въ ея присутствіи"...

Лиза, однако, дѣлала видъ, что ничего не слышитъ и ни про что не догадывается. Каждый разъ, что Борскій и Таня проходили невдалекѣ отъ ея качелей, она упрямо опускала глаза на книгу, лежавшую у нея на колѣняхъ, хотя врядъ ли она могла читать при наступавшихъ сумеркахъ. Она дѣлала это нарочно, чтобъ обратить на себя вниманіе Борскаго. И наконецъ это ей удалось.

— Лиза,—остановился онъ вдругъ, замѣтивъ, что она вся, казалось, ушла въ свое чтеніе,—какая охота себѣ глаза портить?! И будто вы уже такая любительница чтенія!

Дѣвочка вспыхнула и бросила на Александра раздосадованный взглядъ.

— А вамъ какое дѣло,—сказала она вызывающимъ тономъ,—коли я себѣ глаза хочу портить?..

— Да такое,—отвѣтилъ онъ, засмѣявшись,—что дѣтямъ не надо позволять глупости дѣлать. Давайте-ка сюда вашу книгу.

Онъ подошелъ и рѣшительно взялъ изъ рукъ дѣвочки книгу. Это былъ какой-то романъ, взятый изъ библіотеки.

— И вдобавокъ еще такіе пустяки читаете,—продолжалъ онъ журить ее.—Совсѣмъ это для вашихъ лѣтъ не годится.

Лиза съ притворнымъ негодованіемъ на лицѣ соскользнула съ качелей и, сдвинувъ густыя бровки, отвѣтила совсѣмъ уже дерзко:

— Да что вы, наконецъ, власть что-ли какую надо

мной имѣете или присматривать за мной мамаша вамъ поручила?!

Говоря это, она смотрѣла на него въ упоръ своими выпуклыми глазками, и какая-то странная смѣсь своевольной досады и лукаваго кокетства была въ этихъ глазкахъ, хорошенькихъ и бойкихъ, такъ и разбѣгавшихся подъ длинными рѣсницами. Лиза была смугловатая пятнадцатилѣтняя дѣвушка, совсѣмъ уже сложившаяся, безо всякихъ притязаній на правильную красоту, но съ избыткомъ молодого румянца на щекахъ, среди которыхъ углублялись двѣ шаловливыя ямочки, да съ богатой темной косой, спадавшей почти до пояса.

Лиза вообще много заботилась о своей наружности, и одѣваться къ лицу была мастерица большая, хотя при скромныхъ средствахъ семьи это стоило ей немалаго труда. Въ домѣ она, впрочемъ, пользовалась совершенно особыми правами. Екатерина Алексѣевна ее сильно баловала, спуская ей подчасъ довольно таки рѣзкія выходки. Старшую сестру Варю, свою постоянную обличительницу, она явно не долюбливала, и стычки у нихъ происходили чуть не каждый день. Къ одной Танѣ она относилась, если не почтительно, то по крайней мѣрѣ сердечно. Это ей впрочемъ ничуть не помѣшало влюбиться по уши въ того самаго человѣка, котораго вся семья прочила Танѣ въ женихи. Это была, конечно, совсѣмъ ребяческая влюбленность. Лиза, однако, усердно пускала въ ходъ все свое немудрое пятнадцатилѣтнее кокетство, чтобъ обратить на себя вниманіе Александра Дмитріевича. Но въ глазахъ Александра Лиза все еще была совершеннымъ ребенкомъ.

И теперь онъ глядѣлъ на нее все съ тѣмъ же несноснымъ хладнокровіемъ, все съ тою же ненавистною ей снисходительною улыбкой.

— Вы бы лучше домой пошли, чаю напились,—сказалъ онъ, отворачиваясь отъ нея,—а то еще простудитесь и схватите насморкъ.

— Никакого чаю мнѣ не надо,—было ея негодующимъ отвѣтомъ.—Пойду лучше гулять въ паркъ.

— Какъ можно, Лиза?! Одна въ такой поздній часъ,—стала ее уговаривать Таня.

Но Лиза ее не слушала, быстрою, рѣшительною походкой направляясь къ калиткѣ.

— Лиза, перестаньте капризничать!—окликнулъ ее Борскій.—Въ ваши годы это стыдно, право стыдно!

Но дѣвочка еще ускорила шагъ и почти бѣгомъ скрылась за калиткой. Въ иной разъ она бы радостно послушалась каждаго слова Александра, но теперь, именно теперь, ей было невыразимо досадно оттого въ особенности, что онъ не переставалъ обращаться съ нею, какъ съ ребенкомъ. И она ни за что, ни за что не вернется домой, пока не уйдетъ этотъ несносный человѣкъ, говорящій съ ней въ этомъ наставническомъ тонѣ.

— Что дѣлать... съ нею не сладишь!—чуть чуть вздыхая, проговорила Таня, и при этомъ взглянула на Александра сіяющими, ласковыми глазами. Ей было не до сестры теперь, и маленькія тревоги, вызываемыя строптивымъ нравомъ Лизы, стушевывались предъ собственнымъ близкимъ счастьемъ.

— Пойдемте къ мамѣ,—добавила она, и вздохнула опять, потому что ей жаль было прервать ихъ хорошую бесѣду вдвоемъ.—А то мама, пожалуй, разсердится.

— Я думаю, мнѣ придется у васъ попросить извиненія, Таня,—немного сконфуженно отвѣтилъ Борскій.—Мнѣ пора...—онъ взглянулъ на часы,—совсѣмъ даже пора: сейчасъ десять.

— А вы куда-нибудь развѣ собираетесь?—спросила удивленная дѣвушка.

— Приходится вечеръ провести въ одномъ домѣ... у Коноплиныхъ... Тамъ большое сборище по случаю дня рожденія Вѣры Гавриловны... Неужто я про это вамъ не говорилъ?

Глаза Тани широко раскрылись, съ недоумѣніемъ глядя на Александра.

— У Конноплиныхъ?!—отозвалась она почти безсознательно... Нѣтъ, вы не говорили мнѣ ни слова.

— Вы знаете, Таня, какъ мало я охотникъ до такихъ вечеровъ... Совсѣмъ это не въ моемъ вкусѣ. Да и общество это мнѣ не по сердцу, хотя мой пріятель, у котораго я здѣсь живу... вы знаете, Смекаловъ, тамъ чуть не цѣлые дни проводитъ. Мнѣ тамъ будетъ не по себѣ, напередъ знаю, а все таки отказаться было нельзя.

Онъ какъ будто извинялся, Таня это сразу замѣтила, и ей было непріятно, почти больно это сознавать. Но она и не пыталась его задержать.

— Да,—чуть слышно проговорила она только,—Коноплинъ для васъ самый нужный человѣкъ, я знаю. Поѣзжайте, поѣзжайте!

Какъ ни старалась она придать ровность своему голосу и лицо свое принудить къ улыбкѣ, какой-то смутный упрекъ слышался въ ея словахъ, читался въ выраженіи ея глазъ. И попробуй она только его попросить остаться, Александръ бы тотчасъ уступилъ. Онъ ждалъ даже какъ будто, что она его объ этомъ попроситъ, но Таня этого не сдѣлала, и сама даже напомнила ему, что надо торопиться.

Едва, однако, успѣлъ онъ отвернуться, ея глаза пристально и печально устремились вслѣдъ за нимъ, а потомъ голова низко опустилась на грудь, и медленною, усталою походкой она направилась къ дому.

— А гдѣ-жъ Александръ Дмитріевичъ?—удивленно воскликнула Екатерина Алексѣевна, увидѣвъ входившую дочь.

Таня объяснила, стараясь глядѣть беззаботною и веселою. „Да и въ самомъ дѣлѣ, говорила она самой себѣ,—какое имѣю я право быть недовольною. Развѣ онъ обязанъ каждый вечеръ оставаться у насъ!“

— У Коноплиныхъ? У Коноплиныхъ большой вечеръ?—твердила Екатерина Алексѣевна взволнованнымъ голосомъ.—Да, правда, Вѣрочкино рожденье!

— Что я вамъ говорила, мама?—пристально всматриваясь въ мать, сказала Варя, и принялась медленно складывать свое вышиванье.

— Что ты говорила? Что? Пустяки одни!—было раздраженнымъ отвѣтомъ Екатерины Алексѣевны.—Коли его Коноплины позвали, онъ не могъ отказаться! Чего ты на меня смотришь? Разумѣется не могъ!

— А его бы развѣ пригласили,—неумолимо продолжала Варя,—кабы онъ съ ними не водилъ знакомства. Насъ вотъ не приглашаютъ...

— Еще бы ему не водить съ ними знакомства,—запальчиво возразила на это Екатерина Алекеѣевна,—когда отъ Гавріила Ивановича можетъ зависѣть его карьера!

А между тѣмъ въ головѣ у Екатерины Алексѣевны складывался иной рядъ мыслей, недоумѣвающихъ и недовольныхъ, и озабоченная складка показалась у нея между бровями. „А Варя права!—думала она про себя.—Насъ и не подумали пригласить, хотя и знаютъ, что у меня двѣ взрослыя дочери“.

— Карьера!..—продолжала между тѣмъ Варя.—Какая нужна профессору карьера! Александръ Дмитріевичъ человѣкъ независимый, и не зачѣмъ ему въ этихъ людяхъ заискивать, еслибы...

— Еслибы что?—спросила у нея мать.

— Еслибъ онъ не находилъ удовольствія въ этомъ обществѣ,—спокойно добавила Варя, допивая свой чай маленькими глотками. — Ни слова вѣдь онъ намъ не сказалъ про этотъ вечеръ... Совѣстно было должно быть.

Таня, занявшая свое обычное мѣсто у чайнаго стола, сидѣла неподвижная и нѣмая, стараясь казаться равнодушною, хотя все, что говорила сестра, больно отзывалось въ ея сердцѣ. Но теперь ей нельзя было долѣе молчать, и она заступилась за Александра.

— Что-жъ по твоему,—кротко возразила она,—ему надо было у насъ просить позволенія туда поѣхать?! И не имѣетъ онъ развѣ права бывать, гдѣ ему угодно!?

Варя пристально взглянула на сестру, и насмѣшливая улыбка скользнула по ея красивымъ чертамъ.

— Коли ты меня не хочешь понять, — отчеканила она медленно свой отвѣтъ,—и напередъ рѣшилась всегда оправдывать Александра Дмитріевича, это ужъ, конечно, твое дѣло. Только мнѣ кажется, что ему не слѣдовало бы, когда онъ у насъ въ домѣ почти какъ родной, принимать приглашеніе тамъ, куда насъ не зовутъ.

— Полно, Варя, полно! — недовольнымъ голосомъ остановила ее мать, у которой все сильнѣе поднималось внутреннее раздраженіе.—А что правда, то правда! Коноплины могли бы и насъ пригласить. Гавріилъ Ивановичъ былъ когда-то у насъ своимъ человѣкомъ, а Вѣрочка его къ намъ чуть не каждый день хаживала. Правда, они еще тогда разбогатѣть не успѣли...—И Екатерина Алексѣевна вздохнула. — Таня! — сказала она вдругъ,—что-жъ ты чаю не пьешь?—Она теперь только замѣтила, что Таня и не дотрагивалась до чашки.

— Благодарю васъ, мама, мнѣ не хочется, — чуть слышно отозвалась Таня.

Екатерина Алексѣевна съ минуту промолчала, и потомъ, какъ бы встрепенувшись, спросила взволнованнымъ тономъ:

— А Лиза куда дѣвалась?

— Она сказала мнѣ, что пойдетъ въ паркъ,—отвѣтила Таня.

— Одна?!.. Въ этотъ часъ?!.. Сумасшедшая!!..—воскликнула Екатерина Алексѣевна. И вся взволнованная она поднялась съ мѣста; гнѣвное чувство, накопившееся у нея, готово было теперь разразиться на младшую дочь.

— Вотъ съ Лизой тоже,—все съ тѣмъ же неумолимымъ хладнокровіемъ заговорила Варя, — все вы ей спускаете, и никого въ домѣ она не слушается. И дождетесь вы того, что пристанетъ къ ней разъ какойнибудь молодецъ, и, чего добраго, голову ей вскружитъ.

— Что?!.. И ты про сестру такъ говоришь, про родную сестру?!—негодующимъ голосомъ возразила Екатерина Алексѣевна. — Чтобы съ ней, съ моей дочерью... Да она ребенокъ еще, совершенный ребенокъ!

Въ эту минуту въ дверяхъ показалась Лиза, свѣжая и веселая, и безпокойство Екатерины Алексѣевны разомъ улеглось.

— Гдѣ ты была?—спросила она однако у младшей дочери, стараясь казаться строгою.

— Я въ паркъ собралась идти, да раздумала и вернулась,—было отвѣтомъ дѣвочки.

— Прошу другой разъ не смѣть одной въ паркѣ по вечерамъ гулять!—все еще строго, но уже гораздо спокойнѣе, продолжала Екатерина Алексѣевна.

— Да говорятъ вамъ, мама, я тамъ и не была совсѣмъ!—И сказавъ это, Лиза чинно усѣлась и налила себѣ чаю.

Минутъ пять она просидѣла молча, вся вытянутая въ струнку, не глядя ни на кого. Ея недавній приливъ своенравнаго задора безслѣдно исчезъ. Потомъ она вдругъ спросила, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— А что, Александръ Дмитріевичъ ушелъ?

— Отправился къ Коноплинымъ на вечеръ,—за всѣхъ отвѣтила Варя.

— Да, да, тамъ большой праздникъ сегодня!—беззаботно продолжала дѣвочка. — И очень весело тамъ, должно быть! Мнѣ Леля Зарубина говорила...

— Какая Леля Зарубина?!—удивленно воскликнула Екатерина Алексѣевна.

— Да вотъ дочь нашей сосѣдки. Развѣ вы не знаете? Тутъ одна Зарубина живетъ, вдова, черезъ три дачи отъ насъ. Такъ я вѣдь съ ея дочерью познакомилась на дняхъ. Живая такая, веселая, прелесть!

— Это что еще за знакомство?!

— Да что-жъ?!—встряхивая головкой, совершенно невиннымъ голоскомъ проговорила Лиза.— Встрѣтились и познакомились, что жъ за бѣда!?

Варя, не проронивъ ни слова, только взглянула на мать, какъ бы говоря ей. „Видите! Развѣ я не права!?“ И на этотъ разъ Екатерина Алексѣевна попробовала своей любимицѣ прочесть грозную отповѣдь. Но слова ея все таки грозными не вышли. И Лиза, улыбаясь своими быстрыми глазками, продолжала глядѣть избалованнымъ, но совсѣмъ уже невиннымъ ребенкомъ.

— Да говорятъ вамъ, мама, она настоящая прелесть, а кабы вы знали какая она хорошенькая! И вотъ, я думаю, какъ увидитъ ее Александръ Дмитріевачъ тамъ, у Коноплиныхъ, она даже и его растормошитъ, даромъ, что онъ выглядитъ такимъ серьезнымъ.

Варя какъ будто и ждала только случая опять напуститься на Борскаго. И снова посыпались ея тихія, но ядовитыя замѣчанія по адресу Александра Дмитріевича. На этотъ разъ не Екатеринѣ Алексѣевнѣ, а Лизѣ пришлось ее остановить.

— Да ты хоть бы Таню пожалѣла!—перебила ее дѣвочка.—Посмотри, на ней вѣдь лица нѣтъ! Ты вотъ никого не любишь, и тебѣ бы только на комъ-нибудь свою желчь излить, а другимъ каково тебя слушать. Развѣ Таня виновата, что ты старою дѣвой осталась и на всѣхъ за то сердишься?!

— Лиза, какъ смѣешь ты со старшею сестрой такъ говорить?!—остановила ее мать.

А Варя только злобно посмотрѣла на младшую сестру и проговорила необыкновенно мягко:

— Вѣдь это не въ первый разъ... Вы же ее пріучили всѣмъ дерзости говорить.—И сказавъ это, она съ достоинствомъ встала и направилась къ двери.

А Лиза подсѣла къ Танѣ, тихо обняла ея станъ рукой, и своими ласками попробовала ее утѣшить, смутно чувствуя, что у бѣдной дѣвушки на сердцѣ тяжело.

II.

Когда Александръ Дмитріевичъ подъѣхалъ къ крыльцу большой дачи, гдѣ жили Коноплины, тамъ было очень людно и шумно. Сквозь настежь открытыя окна долеталъ веселый говоръ и виднѣлся рядъ освѣщенныхъ комнатъ. Въ саду разноцвѣтные фонари гроздьями висѣли среди темной зелени, и въ ту самую минуту, когда Борскій соскочилъ съ извощичьихъ дрожекъ, ракета шипя взвилась по воздуху и разсыпалась огненнымъ дождемъ. Съ террасы послышался смѣхъ. Кто-то захлопалъ въ ладоши. Вся эта праздничная обстановка какъ-то сразу обдала холодомъ Александра. И не то застѣнчивость, не то раздраженіе было на его лицѣ, когда онъ проходилъ въ большую залу, на мигъ почти опустѣвшую. Все общество столпилось на террасѣ.

— А, наконецъ-то,—привѣтствовалъ его въ дверяхъ гостиной хозяинъ дома, стоявшій тутъ съ очень высокимъ господиномъ въ очкахъ, знаменитымъ профессоромъ Замыкаевымъ. Рядомъ въ углу удобно помѣстился въ креслахъ тучный господинъ среднихъ лѣтъ, очевидно совершенно равнодушный ко всему, что вокругъ него происходило, и къ разговору, и къ иллюминаціи, но за то усердно глотавшій мороженное. Это былъ извѣстный богачъ, инженеръ Протаевскій.

— Мои всѣ, и жена, и дѣти, давно васъ ждутъ, не дождутся,—любезно продолжалъ хозяинъ, пожимая обѣими руками протянутую руку Александра Дмитріевича—какъ не стыдно въ такой вечеръ надъ работой сидѣть!..

— Я вовсе не надъ работой сидѣлъ, а просто былъ въ гостяхъ и раньше не могъ...

Александръ не договорилъ. Ему вдругъ показалось, что именно здѣсь, въ этомъ домѣ, ему нельзя упоминать о тѣхъ, кого онъ только что оставилъ. Почему онъ

это почувствовалъ, онъ самъ бы не могъ сказать. Да и не зачѣмъ было объяснять, зачѣмъ онъ такъ опоздалъ. Гавріилъ Ивановичъ его уже не слушалъ.

— Подите къ женѣ,—продолжалъ онъ, все єще пожимая его руку.—Она здѣсь вотъ на террасѣ,

Въ этотъ самый мигъ стройная, высокая, но далеко не красивая дѣвушка съ темными волосами и какимъ-то быстрымъ повелительнымъ взглядомъ въ глазахъ, стремительно вышла въ гостиную, прерывая Гавріила Ивановича.

— Папа,—громко проговорила она, не обращая ни на кого вниманія.— Представь себѣ, тетя Лиза не хочетъ, чтобы пускали фейерверкъ, она говоритъ, что Коля не умѣетъ, что непремѣнно будетъ пожаръ, что ей даже искра одна попала на платье... Это такъ скучно... Понимаешь, я не хочу... я вѣдь сама трудилась надъ этимъ съ Колей... Скажи ей, пожалуйста!.. Она вообще такая скучная, тетя Лиза...

Гавріилъ Ивановичъ спокойно улыбнулся, очевидно не раздѣляя тревоги своей избалованной дочки, не тронулся, правда, съ мѣста, но и не пожурилъ ее за не совсѣмъ приличную выходку.

— Вотъ Александръ Дмитріевичъ,—сказалъ онъ примирительно,—уладитъ все это, какъ нельзя лучше. Поручаю ему тебя и судьбу фейерверка, онъ вѣдь большой любимецъ тети Лизы.

Борскій, вѣроятно, не въ той же мѣрѣ былъ любимцемъ Вѣры Коноплиной, по крайней мѣрѣ ея задорное личико не выразило никакой радости, и она даже не сочла нужнымъ извиниться, что войдя не замѣтила Александра Дмитріевича, хотя и обратилась къ нему теперь все съ тою же стремительностью въ голосѣ и манерахъ.

— Ахъ, вотъ и вы пріѣхали,—сказала она, протягивая ему маленькую, сухую, но не особенно нѣжную ручку.—Ну пойдемте, пойдемте... Вы все таки въ глазахъ тетушки какъ будто авторитетъ.

— Да, Александръ Дмитріевичъ—крикнулъ ему въ слѣдъ Коноплинъ,—бросьте вашу профессорскую важность и подурачьтесь съ молодежью, какъ слѣдуетъ.

Борскій, однако, не охотно послѣдовалъ за дѣвушкой, и данное ему порученіе выполнилъ крайне неловко и, очевидно, конфузясь. Веселая толпа на балконѣ совсѣмъ его оглушала неумолкаемымъ перекрестнымъ огнемъ восклицаній, шутокъ и смѣха. По дорогѣ онъ зацѣпился за длинный шлейфъ какой-то барыни и чуть не сбилъ съ ногъ лакея, разносившаго мороженое. Хозяйкѣ дома, необыкновенно томной, вѣчно скучающей и вѣчно усталой супругѣ Гавріила Ивановича онъ пробормоталъ какія-то извиненія, торопясь отъ нея уйти и не разслышавъ даже, что отвѣтила она, сложивъ губы въ неизмѣнно грустную улыбку.

— Пойдемте, пойдемте,—торопила Вѣра,— тетя Лиза здѣсь.

Тетя Лиза, или вѣрнѣе Елизавета Адамовна Эйзеншмидтъ, жена одного изъ самыхъ крупныхъ биржевыхъ маклеровъ, совсѣмъ не походила на свою томную сестру. Это была въ высшей степени живая, вѣчно суетящаяся и крайне взбалмошная особа. Ее обступила цѣлая кучка молодежи; во главѣ остальныхъ ея племянникъ Коля, красивый малый въ студенческой формѣ, сорванецъ и кутила большой руки. Она отмахивалась отъ нихъ вѣеромъ, увѣряя, что фейерверкъ самая опасная вещь, что недавно даже, благодаря такому фейерверку, большое несчастіе гдѣ-то случилось...

— Александръ Дмитріевичъ,—быстро заговорила она, увидавъ Борскаго,—вы профессоръ, вы должны знать... я увѣрена, вы будете со мной согласны, что опасно, что нельзя зажигать фейерверкъ такъ просто въ саду, у самаго дома, да еще когда этимъ дѣти занимаются.

Александру не дали рта разинуть въ отвѣтъ.

— Дѣти?! Вотъ еще!—въ одинъ голосъ воскликнули Николай и Вѣра.

Но всѣхъ болѣе негодовала на вмѣшательство тети

Лизы молоденькая дѣвушка, опиравшаяся на руку Николая. Она была очень небольшого роста и съ перваго взгляда почти ребенкомъ казалась, до того нѣжны и тонки были черты ея лица, до того дѣтски молодой глядѣла ея маленькая, воздушная фигура. Но сложена она была такъ на диво, столько было извилистой и въ то же время законченной граціи въ ея движеніяхъ, и такъ уже не по дѣтски глядѣли ея большіе, глубокіе, повелительно страстные глаза, что взглянувъ на нее случайно, нельзя было пройти мимо, не остановившись хоть на мигъ, и не скоро забывалось произведенное ею впечатлѣніе.

— Николай Гавриловичъ, — нетерпѣливо говорила она,—что вамъ за охота здѣсь стоять, точно вы милостыникакой для себя просите. Ну, боится ваша тетушка, пускай въ домъ зайдетъ; тамъ у ней платье не загорится...

Николай, даромъ, что онъ самъ не привыкъ справляться съ чужимъ мнѣніемъ, не послушался однако юной очаровательницы—какъ молодой человѣкъ весьма практичный, онъ твердо помнилъ, что у тетушки нѣтъ дѣтей и онъ единственный ея наслѣдникъ.

— Пусть лучше Александръ Дмитріевичъ объяснитъ тетѣ, коли намъ она не вѣритъ,—сказалъ онъ уступчиво.

— Вы думаете?.. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ опасности?—съ недоумѣніемъ въ голосѣ возразила тетя Лиза на какія-то полувнятныя объясненія, которыя пробормоталъ Александръ, спѣшившій покончить съ даннымъ ему нелѣпымъ порученіемъ. А молодая дѣвушка въ наказаніе за то, что Николай ея не послушался, сердито вырвала свою руку, подаривъ его самымъ презрительнымъ взглядомъ и вслѣдъ затѣмъ широко устремила на Александра свои черные, измѣнчивые глаза, въ которыхъ презрѣніе успѣло уже смѣниться любопытствомъ.

— Хорошо, по крайней мѣрѣ,—довольно дерзко за-

мѣтила она, не обращаясь прямо къ Александру,— что отыскался заступникъ, которому довѣряютъ почему-то...

— Леля, ты не знаешь Александра Дмитріевича Борскаго?—спросила у ней Вѣра Коноплина.

— Пока не знала... нѣтъ...—съ какою-то преувеличенною нерѣшимостью молвила Леля, протягивая Александру свою оголенную ручку, съ которой лишь минуту передъ тѣмъ сняла длинную шведскую перчатку. И опять она устремила на него испытующій, почти недовѣрчивый взглядъ. Глаза ихъ встрѣтились, и Александръ прочелъ въ этомъ взглядѣ столько разныхъ и, казалось, противорѣчивыхъ выраженій, что иному женскому лицу было бы не подъ силу ихъ сочесть вмѣстѣ. Въ немъ и вызовъ былъ, въ этомъ взглядѣ, и ласка, и угроза, и еще какое-то недоумѣніе, словно поджидавшее чего-то. Даже равнодушный къ женской красотѣ Александръ не могъ ею не залюбоваться на мигъ. Никакихъ притязаній на классическую правильность линій молодая дѣвушка не имѣла. Лицо у нея было въ высшей степени подвижное, измѣнчивое, какъ небо въ иное весеннее утро, когда солнце и тучи, ненастье и улыбка на немъ смѣняютя такъ быстро. Оно могло глядѣть холодно, гордо, даже непріятно-дерзко, это лицо, но за то сколько загадочной прелести, сколько брыжжущаго задора, сколько затаенной нѣги было оно въ состояніи выразить...

— Ну-съ, Елена Васильевна,—заговорилъ опять Николай, почти дерзко вглядываясь въ дѣвушку блестящими, самоувѣренными глазами. — Пойдемте-ка, да давайте за нашу химію опять приниматься, благо намъ разрѣшеніе дано.

— Нѣтъ,—холодно отвѣтила Леля,—я лучше здѣсь останусь. Съ вашими трубками себѣ только руки запачкаешь, да и совсѣмъ не забавно... Не правда ли? мсье... Борскій? Такъ вѣдь васъ, кажется, зовутъ?—неожиданно добавила она.

— Ну капризная вы таки особа,—развязно отвѣтилъ Николай, засмѣявшись.

Бровки у Лели сдвинулись при этихъ словахъ.

— Можетъ быть и капризная,—сказала она.—Только вы знаете, я всегда привыкла дѣлать по своему. Такъ ступайте же, ступайте. Чего вы стоите?—И отвернувшись отъ Николая, Леля сперва молча облокотилась на перила террасы и полузакрыла глаза, играя какимъ-то сорваннымъ цвѣткомъ, потомъ обернулась къ Александру, собиравшемуся уходить.

— Куда вы, Александръ Дмитріевичъ?—На этотъ разъ голосъ ея звучалъ совсѣмъ иначе, точно онъ опустился на нѣсколько тоновъ.—Я у васъ сейчасъ про что-то спросила, кажется, и вы не отвѣтили даже... Про что это было?.. Ну да все равно.

Она какъ будто смутилась отъ обращеннаго на нее взгляда Александра, въ которомъ читалось не совсѣмъ лестное для нея удивленіе ея чрезмѣрной развязности.

— Давайте болтать и любоваться фейерверкомъ,—добавила она, улыбаясь на этотъ разъ совсѣмъ ужъ по-дѣтски.

— Да про что вы болтать прикажете?—отвѣтилъ Александръ, не спускавшій съ нея чуть-чуть насмѣшливаго взгляда.—Я на болтовню едва ли гожусь, не привыкъ.

— Ну, къ этому живо привыкаютъ... въ ваши годы, по крайней мѣрѣ... хоть вы и профессоръ и стараетесь глядѣть очень важнымъ... Скажите, сколько вамъ лѣтъ?..

Она опять попробовала разсмѣяться и взглянуть на него своими задорными искристыми глазами, но снова опустила ихъ, прочитавъ явное неодобреніе на его лицѣ.

— Мнѣ двадцать восемь, коли вамъ это знать интересно,—холодно отвѣтилъ Александръ.—Года мои, конечно, дурачиться не мѣшаютъ, на то есть охотники и старше меня...

— Только вы не изъ ихъ числа. И такъ всегда и устоите противъ всякаго искушенія повеселиться?

— Веселье бываетъ разное, Елена Васильевна, или, пожалуй, не веселье, а удовольствіе; я выразился не точно...

— Ахъ, Боже мой, даже за точностью гонитесь?.. Сейчасъ видно профессора. Ну—скажите, развѣ вамъ никогда, никогда не хотѣлось выбиться изъ этой однообразной колеи, не тянуло васъ къ чему-нибудь новому, неожиданному, блестящему?.. Ну вотъ хоть какъ эта ракета, которую сейчасъ пустили и которая съ такимъ шумомъ поднялась...

— И, какъ видите, лопнула,—договорилъ за нее Александръ, слегка засмѣявшись...

— Да, но за то и звѣздами разсыпалась, и такими разноцвѣтными, хорошенькими... То вамъ развѣ только нравится, что тянется долго, безъ перемѣны.

Ея личико приняло вдругъ необыкновенно утомленный, скучающій видъ.

— Да какъ можете вы знать мои вкусы? Да и почему думаете вы, что все простое, вѣрное должно непремѣнно быть и однообразнымъ?

Онъ проговорилъ это уже не тѣмъ снисходительно холоднымъ тономъ, котораго придерживался до сихъ поръ. Она тотчасъ примѣтила эту едва уловимую перемѣну, улыбнулась про себя, потомъ задумалась на мигъ, потомъ сказала вполголоса:

— Да, иной разъ и прочное хорошо бываетъ... Только надо, чтобъ оно было ужъ очень, очень хорошо... Николай Гавриловичъ,—воскликнула она вдругъ, замѣтивъ молодого человѣка, пробѣгавшаго мимо террасы,—бросьте вашъ фейерверкъ, изъ него и такъ ничего не выходитъ, да и садовникъ съ нимъ безъ васъ справится... А мнѣ ужасно вальсировать хочется.

— Слушаюсь, Елена Васильевна, быть по вашему,—весело отвѣтилъ Николай.

И, пять минутъ спустя, первые аккорды новаго Штрасовскаго вальса раздались изъ залы.

Леля вопросительно посмотрѣла на Борскаго. „Хо-

тите? — какъ будто спрашивали ея глаза. И вся выпрямившись, она стояла предъ нимъ съ какимъ-то удивительно покорнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Но Борскій отрицательно покачалъ головой.

— Я вѣдь не танцую,—сказалъ онъ,—или, по крайней мѣрѣ, танцую до того плохо...

Договорить онъ не успѣлъ. На опустѣвшую террасу—молодежь уже высыпала въ залу—входилъ какъ разъ въ ту минуту стройный и щеголевато одѣтый господинъ. Головка Лели мгновенно оборотилась въ его сторону, и стыдливо-покорное выраженіе тотчасъ сбѣжало съ ея лица.

— Елена Васильевна,—заговорилъ вошедшій, тѣмъ особеннымъ самоувѣренно-ласкающимъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ люди, очень избалованные женщинами,—что это вы отъ прочихъ отстаете?.. А, да я вижу, вы погрузились въ серьезную бесѣду съ моимъ благороднымъ другомъ.—Онъ будто теперь только примѣтилъ Александра и небрежно съ нимъ поздоровался.—Пойдемте, пойдемте. Бесѣду съ нимъ вы и послѣ возобновить успѣете.

Леля принялась медленно надѣвать перчатку, какъ бы любуясь при этомъ собой и сознавая, что прочіе ею тоже любуются, потомъ она слегка оперлась на руку молодого человѣка, и оба направились въ залу, оживленно болтая. Онъ очевидно говорилъ ей что-то очень забавное и очень нравившееся ей, судя по ея сочувственному смѣху. И все таки была какая-то почти дерзкая небрежность въ его обращеніи съ ней, небрежность человѣка, привыкшаго ухаживать за женщинами, не сомнѣваясь въ успѣхѣ. Александръ медленно послѣдовалъ за ними, и звукъ ихъ веселыхъ голосовъ непріятно рѣзалъ ему ухо. Непріятно ему было какъ разъ то, что съ этою дѣвушкой, съ которою онъ недавно познакомился, говоритъ въ такомъ развязномъ тонѣ его давнишній пріятель Смекаловъ, тотъ самый, у котораго онъ поселился въ Петергофѣ. „Ну да какое мнѣ до нихъ дѣло?!“

тутъ же прочелъ онъ себѣ мысленно нотацію, „не все ли мнѣ равно, какъ держитъ себя эта барышня, очевидно плохо воспитанная?!..“ Ему вдругъ невыразимо жаль стало, что онъ покинулъ тотъ уютный семейный уголокъ, гдѣ такъ хорошо и тихо проводилъ обыкновенно вечерніе часы. А изъ залы, словно дразня молодого человѣка, брызжущіе звуки вальса неслись все быстрѣе и быстрѣе.

Рядомъ съ нимъ въ гостиной о чемъ-то спорили. Онъ старался вникнуть въ суть вопроса и въ другой разъ онъ принялъ бы живое участіе въ спорѣ, но теперь вниманіе его скоро было отвлечено въ иную сторону, и слова говорившихъ стали долетать до его слуха лишь какъ безсмысленные звуки; онъ весь былъ занятъ тѣмъ, что происходило въ залѣ, хоть и не признавался въ этомъ самому себѣ. Какое-то странное, неиспытанное чувство поднималось въ немъ, когда къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, приближалась одна изъ кружившихся паръ и глаза его встрѣчали молодую, смѣющуюся улыбку и ухо его схватывало на лету обрывокъ шутливой фразы. И вотъ, когда Леля Зарубина, вальсировавшая съ Николаемъ, какъ бы нечаянно очутилась совсѣмъ близко, до того близко, что ея платье слегка коснулось его ногъ, онъ почувствовалъ на себѣ ея вызывающій, насмѣшливый взглядъ. И хотя онъ въ отвѣтъ на это почти съ раздраженіемъ отвернулся, онъ понялъ въ тотъ же мигъ, что именно ее, эту дерзкую, плохо воспитанную дѣвушку искали его глаза все время, пока онъ тутъ стоялъ.

Но вотъ заиграли кадриль, и къ Александру подошла Вѣра Коноплина, спрашивая его, въ самомъ ли дѣлѣ онъ твердо рѣшился весь вечеръ не танцовать.

— Александръ Дмитріевичъ,—вмѣшался ея отецъ,—право, дайте себя уломать. Хотите, я вамъ добрый примѣръ подамъ?

И Гавріилъ Ивановичъ остановилъ какую-то проходившую даму, необыкновенно сердитую на видъ, пред-

лагая ей съ нимъ протанцовать кадриль. Нечего было дѣлать, Александръ уступилъ.

— Съ кѣмъ только прикажете, Вѣра Гавриловна? Я вѣдь почти никого не знаю.

— Да хоть со мною,—отвѣтила она.—Я своему кавалеру откажу въ виду такого рѣдкаго случая.

Они заняли мѣста, и Александръ увидѣлъ противъ себя Смекалова съ Лелей.

Борскій протанцовалъ кадриль, какъ исполняютъ докучливый обрядъ, словно онъ въ процессіи какой-то участвовалъ. Его сердило и то, что его какъ будто заставили танцовать, и то, что онъ не могъ это продѣлать естественно и просто.

И раздражало его тоже, что у Смекалова съ Лелей все время шла оживленная болтовня. Ему даже мнилось, что говорятъ они непремѣнно про него, и когда у Лели вспыхивалъ, словно огонекъ какой-то, ея рѣзвый, короткій смѣхъ и она прикладывала вѣтеръ къ губамъ, точно съ тѣмъ, чтобы скрыть насмѣшливую улыбку, ему жутко даже становилось и онъ въ то же время внутренно бранилъ себя за это ощущеніе. Разъ, когда они дѣлали фигуру и ему пришлось Лелѣ подать руку, она взглянула на него прямо съ нескрываемымъ уже насмѣшливымъ и въ то же время какъ бы торжествующимъ выраженіемъ въ глазахъ. „Я съумѣю покорить себѣ всякаго, стоитъ захотѣть“, говорилъ ея взглядъ. Александръ почувствовалъ, что не легко отвернуться отъ этихъ глазъ тому, кто заглянулъ въ нихъ поглубже. И намѣренно онъ придалъ своему лицу холодное, почти непріязненное выраженіе. Но вотъ кадриль была окончена, и Александръ поспѣшилъ вернуться въ гостиную, гдѣ были пожилыя дамы. Но и тутъ ему укрыться не удалось отъ преслѣдовавшей его мысли о Лелѣ. Будто на зло ему, тетя Лиза заговорила о молодой дѣвушкѣ.

— Она совсѣмъ невозможна, эта маленькая Зарубина,—сказала она, обращаясь къ сестрѣ.—Зачѣмъ ты

ее принимаешь? У нея такой дурной тонъ, такія манеры...

— Ахъ, нельзя вѣдь, нельзя,—томно отвѣтила Варвара Адамовна Коноплина.—Мы ее такъ вѣдь давно знаемъ. Отецъ ея былъ такой пріятель Гавріила Ивановича. И не ея вина, что она дурно воспитана. Мнѣ ея жаль, онѣ такія бѣдныя, эти Зарубины.

Александръ поднялся съ мѣста и перешелъ въ кабинетъ Гавріила Ивановича, гдѣ у хозяина дома была важная бесѣда съ профессоромъ и еще какими-то двумя господами. Александръ подсѣлъ къ нимъ и тщетно старался прислушаться. Непокорныя мысли продолжали бродить, невольно преслѣдуя образъ этой, странной и все таки привлекательной дѣвушки. Прошло нѣсколько минутъ, опять заиграла музыка, начинался котильонъ.

— А, вотъ онъ гдѣ, вотъ куда укрылся!—услыхалъ вдругъ Александръ самоувѣренный голосъ Смекалова, подводившаго къ нему двухъ дамъ. Одна изъ нихъ была Леля. — Ну, выбирай и помни, что отказываться нельзя, тѣмъ болѣе, что великая честь тебѣ сдѣлала. Елена Васильевна строго на строго велѣла тебя отыскать во что бы то ни стало.

Леля глядѣла уже совсѣмъ не тою взбалмошною дѣвочкой, какою видѣлъ ее Александръ полчаса передъ тѣмъ. На лицѣ ея читалось смущеніе, почти робость.

— Тихій ангелъ или бѣсенокъ?—продолжалъ Смекаловъ,—выбирай?

— Разумѣется, тихій ангелъ,—какъ-то разомъ, не задумываясь, проговорилъ Александръ.

И Леля, все такая же смущенная, какъ бы застывшая въ ожиданіи, очутилась предъ нимъ уже одна. А онъ почти безсознательно взялъ ее подъ руку и молча повелъ въ залу.

Александръ сказалъ неправду: онъ вальсировалъ недурно, хоть и самъ себѣ не отдавалъ въ этомъ отчета, — такъ рѣдко доводилось ему танцовать. Да въ

этотъ разъ впрочемъ какая-то чужая сила будто подталкивала и увлекала его за собою. Рука его крѣпко обвивала станъ молодой дѣвушки, точно ему хотѣлось долго, долго ея не выпускать.

— Что же вы меня увѣряли, будто не умѣете танцовать,—засмѣялась она, когда онъ подвелъ ее къ стулу.—Сергѣй Адріановичъ,—обратилась она къ Смекалову,—почему Александръ Дмитріевичъ такой странный?... А вы въ самомъ дѣлѣ странный, и даже очень,—добавила она, снова взглянувъ на Александра. И какая-то смѣсь довѣрчивой доброты и затаяннаго лукавства была въ этомъ взглядѣ.

Александръ молча поклонился и ушелъ на террасу, а Лелю опять увлекли. У него горѣла голова и, ощущая какую-то непонятную усталость, онъ облокотился на перила, устремивъ глаза въ загадочную даль звѣздной ночи. Никакихъ мыслей въ головѣ у него не было, пульсъ только бился почти лихорадочно.

Его однако жъ не оставили въ покоѣ. Не прошло и десяти минутъ, какъ на пустой террасѣ опять послышались громкіе голоса. Это были Вѣра и Леля и съ ними нѣсколько мужчинъ.

— Леля,—говорилъ раздосадованный голосъ Вѣры, остановившейся на порогѣ терассы,—что это за новыя причуды?! Уходишь до конца котильона, и всѣ эти господа за тобой... Это ни на что не похоже!..

Но повелительный тонъ Вѣры Гавриловны Лелю ничуть не смутилъ.

— Да, такъ вздумала и ушла,—отвѣтила та.—Надоѣлъ мнѣ просто вашъ котильонъ, чинный такой и глупый. Что за охота въ душной залѣ торчать, когда на воздухѣ такая прелесть. По моему и здѣсь вальсировать можно отлично. Вотъ посмотри. Николай Гавриловичъ, давайте.

И громко смѣясь, она стала кружится по терассѣ съ молодымъ Коноплинымъ. Ея оживленіе заразило прочихъ, и взапуски, одинъ за другимъ, стали отбивать

ее другъ у друга молодые люди, не обращая вниманія на сердитый видъ юной хозяйки.

— Какъ тебѣ не стыдно? Неужели ты не понимаешь, что это неприлично,—уже съ явною досадой сказала Вѣра, когда Леля, вся раскраснѣвшаяся, бросилась на плетеное кресло, и все съ тѣмъ же звонкимъ смѣхомъ, откинулась на спинку.

— Совсѣмъ не стыдно, и ничего неприличнаго тутъ нѣтъ,—бойко возразила она, обмахиваясь вѣеромъ. — А ты ступай себѣ въ залу соблюдать этикетъ. Ты вѣдь помѣшана на приличіи. А я здѣсь пока останусь.

— Какъ хочешь,—процѣдила Вѣра, пожимая плечами.—Сергѣй Адріановичъ, пойдемте,—величественно обратилась она къ Смекалову.

Тотъ подалъ ей руку, а Леля захихикала имъ вслѣдъ, продолжая шутить съ обступившею ее молодежью. Ей доставляла очевидное удовольствіе эта маленькая побѣда надъ Вѣрой.

— Ну, ступайте, господа, ступайте,—сказала она наконецъ, быстро обводя всѣхъ сверкающими глазками.— Во-первыхъ, вы всѣ мнѣ ужасно надоѣли, а во-вторыхъ, надо и честь знать. Дамы по васъ соскучились и ужъ конечно злятся на меня ужасно. Танцовать я больше не стану и просто буду ночью любоваться, а съ вами этого нельзя: вы это вѣдь не понимаете. Ну идите же...

И молодые люди обратно потянулись въ залу. Остался одинъ Николай, танцовавшій котильонъ съ Лелей.

— Меня по крайней мѣрѣ вы гнать отъ себя не имѣете права,—сказалъ онъ, развязно усаживаясь возлѣ молодой дѣвушки.—И знаете что? коли вамъ уже поэзіи хочется, давайте-ка спустимтесь въ садъ: онъ смотритъ такимъ таинственнымъ съ этими догорающими фонарями.

Леля покачала головой.

— Спуститься въ садъ?... Нѣтъ, вы вотъ что сдѣлайте, принесите-ка мнѣ сперва мою накидку, свѣжо становится, а потомъ увидимъ...

Едва онъ вышелъ, Леля обратилась къ Александру, котораго будто и не примѣчала до сихъ поръ. Онъ простоялъ все время неподвижно, не спуская съ нея глазъ.

— Александръ Дмитріевичъ, что это вы смотрите на меня такъ пристально и какъ будто даже.... укоризненно?

— Мнѣ просто жаль васъ,—коротко отвѣтилъ Борскій, не трогаясь съ мѣста.

— Жаль?! Вотъ какъ,—принужденно разсмѣялась она.—Это по крайней мѣрѣ оригинально. Вы первый, кто мнѣ это сказалъ. Недолюбливаютъ меня, правда, многіе, но жалости я еще никому не внушала.

— Оттого должно быть, все такъ же холодно продолжалъ онъ,—что прочіе на васъ смотрятъ какъ на игрушку, отъ которой одного лишь требуютъ, чтобы она забавляла.

— А вы,—вся вспыхнувъ, не то отъ гнѣва, не то отъ смущенія, быстро возразила она,—вы относитесь ко мнѣ... серьезнѣе и безкорыстнѣе...

— Я вижу васъ въ первый разъ, Елена Васильевна, и осуждать васъ не мое дѣло, конечно. Мы вѣдь едва ли будемъ имѣть случай увидѣться вскорѣ.

Онъ подошелъ къ ней ближе и продолжалъ, схватившись руками за спинку стула, на которомъ передъ тѣмъ сидѣлъ Николай.

— По настоящему мнѣ бы надо пройти мимо, какъ проходятъ мимо... ну, хоть какого-нибудь рѣдкаго. красиваго растенія въ чужомъ саду.

— А вы сдѣлать этого не рѣшаетесь?...—улыбка опять заиграла на ея губахъ. Въ эту самую минуту Николай вернулся съ накидкой.—Благодарю васъ,—сказала она, поднимаясь съ мѣста.—Только прогулка наша все таки не состоится, потому что мнѣ надо поговорить вотъ... съ Александромъ Дмитріевичемъ. На этотъ разъ вы ужъ меня извините.

Озадаченный Николай молча поклонился, стараясь

придать насмѣшливое выраженіе своему раздосадованному лицу. Леля вопросительно посмотрѣла на Борскаго. Не говоря ни слова, онъ спустился вмѣстѣ съ нею съ террасы.

— Ну, договорите, пожалуйста... Вы меня, кажется, сравнивали съ какимъ-то тепличнымъ растеніемъ, мимо котораго проходишь равнодушно... можетъ быть оттого, что онъ стоитъ за рѣшеткой... Это вы хотѣли сказать?

Александръ не могъ не замѣтить блеска ея черныхъ глазъ, такъ сверкавшихъ въ полутьмѣ звѣздной ночи. Но голосъ его прозвучалъ такъ же холодно, какъ и прежде.

— Зачѣмъ вы меня вызываете на этотъ разговоръ, Елена Васильевна. Вѣдь комплиментовъ отъ меня не дождетесь, предупреждаю васъ.

— Я и не жду ихъ вовсе,—живо отвѣтила она.—И даже не хотѣла бы ихъ отъ васъ слышать.

— Для того, чтобы говорить откровенно, надо имѣть права, которыхъ не даетъ мимолетное знакомство. Да и къ чему вамъ откровенность? Развѣ какъ новая причудливая забава?.. Вѣдь, что бы я ни сказалъ вамъ, цвѣтокъ останется по прежнему такимъ же красивымъ, такимъ же тепличнымъ и...

— И ненужнымъ,—быстро перебила она.

— Нѣтъ... а пригоднымъ развѣ для своего тепличнаго мірка, которому есть время имъ любоваться.

Она остановилась и, приподнявъ чуть чуть опущенную голову, прямо устремила на него свои большіе глаза.

— И вотъ, стало быть, вы меня видѣли какихъ-нибудь два-три часа, обмѣнялись со мною парой словъ, и сужденіе ваше готово. Я пустое, взбалмошное созданіе, до котораго не можетъ быть дѣла такому серьезному человѣку, какъ вы вотъ... И вы даже себѣ вопроса не задали, всегда ли я такая, какъ теперь, и въ самомъ ли дѣлѣ весело мнѣ среди этой возни и нѣтъ ли во мнѣ быть-можетъ иныхъ, болѣе задушев-

ныхъ влеченій... Это вы все такъ порѣшили мигомъ съ вашимъ профессорскимъ хладнокровіемъ.

— Нѣтъ,—съ грустнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ возразилъ Борскій,—этихъ стремленій у васъ быть не можетъ, или вѣрнѣе, коли они даже у васъ есть, они тоже причуда одна, мимолетное желаніе чего-нибудь новаго. Въ комъ дѣйствительно если потребность жить сердцемъ, а не нервами только, для кого жить не забава одна, тотъ забавляться, какъ вы, не можетъ. Поймите, именно, какъ вы. Съ этою безудержною и, признаюсь, увлекательною страстностью, за которою чувствуется, извините меня, полное отсутствіе сердца, потому что вѣдь надобно быть совсѣмъ неспособною кого-нибудь или хотя что-нибудь искренно полюбить, чтобы всѣмъ играть съ такимъ явнымъ наслажденіемъ... и другими, и, къ сожалѣнію, собою тоже. Вѣдь вы никого не цѣните, это замѣтно, въ томъ числѣ и себя. Въ васъ только самолюбіе есть, а уваженія къ себѣ нѣтъ... да, нѣтъ, и это всего хуже.

— Какъ вы, однако, быстро и безповоротно, и немилосердно меня осудили, — заговорила она взволнованнымъ голосомъ, въ которомъ слезы почти слышались.

— Вы сами напрашивались на это,—мягко продолжалъ Борскій. — Еще разъ извините меня, коли слова мои васъ огорчили.

— Огорчили?!—Она засмѣялась вдругъ вызывающимъ смѣхомъ.—Хорошо же вы меня знаете! Вотъ тутъ-то и не хватило вашей профессорской мудрости. Мнѣ только хотѣлось убѣдиться, хороши ли вы будете въ проповѣднической роли. И вы видите, я заставила васъ эту роль разыграть. Ну, а теперь прощайте... впрочемъ, кто знаетъ, можетъ-быть, до свиданія? Холодно становится. Да и къ тому же, невѣсть какія догадки тамъ строятъ на нашъ счетъ...

И, отвернувшись, она побѣжала къ дому. А тамъ ее въ самомъ дѣлѣ встрѣтили насмѣшливыми разспросами. Она отвѣтила съ притворнымъ равнодушіемъ, пожимая хорошенькими плечиками:

— Разумѣется, было скучно, и по моему, знаете, онъ далеко не то, что думаютъ, этотъ вашъ хваленый профессоръ...

Но должно быть она тотчасъ застыдилась своей неискренности, по крайней мѣрѣ весь остатокъ вечера она всѣхъ удивила своею молчаливостью, которой не успѣли разогнать ни веселый ужинъ ни пряная болтовня Смекалова.

III.

Востокъ давно уже алѣлъ, когда Александръ вернулся домой. Онъ жилъ у своего пріятеля Смекалова, занимавшаго цѣлый этажъ въ одной изъ дачъ по сосѣдству съ англійскимъ паркомъ. Смекаловъ, его университетскій товарищъ, предложилъ ему поселиться у него, но Александръ не захотѣлъ воспользоваться его гостепріимствомъ и настоялъ на томъ, чтобы Смекаловъ получалъ отъ него опредѣленную плату за комнату. Александръ и онъ были люди совершенно различнаго закала, и жизнь давно бы ихъ развела врозь, еслибы какая-то странная, непонятная товарищеская близость упорно не связывала ихъ, несмотря на все различіе въ наклонностяхъ и вкусахъ. Смекаловъ, хотя въ немъ дѣловая жилка забилась въ очень молодые годы, всегда былъ эпикурейцемъ по природѣ, рѣдко отказывавшемъ себѣ въ какой-нибудь затѣѣ. Средства у него имѣлись хорошія, а адвокатура, на которой онъ подвизался не безъ успѣха, средства эти еще увеличила. Смекаловъ всегда подтрунивалъ надъ затворническими вкусами Александра, говорилъ ему не разъ, что въ нашъ вѣкъ быть какимъ-то аскетомъ почти то же, что юродивымъ сдѣлаться.

Несмотря на поздній часъ, Александръ не улегся. Онъ долго просидѣлъ у открытаго окна, но утренняя прохлада не успокоила его возбужденныхъ нервовъ.

Дрожь пробѣгала у него по спинѣ, а голова горѣла. Неподвижными безучастными глазами онъ смотрѣлъ, какъ все ярче занималась заря, какъ багряныя полосы, одна за другой, окрашивали блѣдныя перламутровыя облака, нависшія надъ восточнымъ небосклономъ, какъ онѣ росли, все шире заливая небо, и какъ золотистыя стрѣлы брызнули наконецъ и словно пронзили сѣроватую мглу, какъ искры посыпались отъ нихъ и повсюду заблестѣли по листвѣ деревьевъ. День наступалъ, ясный и радостный. Но не радостное, а какое-то болѣзненное, томительное чувство вызывалъ наступавшій день въ сердцѣ Борскаго, точно растравлялъ онъ въ немъ едва было застывшее недоброе воспоминаніе, назойливо освѣщая темный уголокъ въ немъ самомъ, куда ему упорно не хотѣлось заглядывать.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги, и, бережно растворивъ дверь, Смекаловъ показался на порогѣ.

— Ага, не спишь еще, вотъ диковинка,—воскликнулъ Сергѣй Адріановичъ.—Профессоръ, да что это такое?—Онъ подошелъ къ Александру и потрепалъ его по плечу.—Въ припадкѣ сентиментальности залюбовался солнечнымъ восходомъ?..

— Просто голова разболѣлась... Эти іюнскія бѣлыя ночи всегда на меня безсонницу наводятъ...

—Безсонница, такъ ли?—Онъ пристальнѣе вглядѣлся въ лицо пріятеля.—И на что ты похожъ, бѣдняжка?!—усталый, измятый, сейчасъ видно, что съ непривычки.. Вотъ погляди на меня: даромъ, что третью ночь не сплю, кажется, не гляжу усталымъ, а?

Въ самомъ дѣлѣ, на стройной фигурѣ Смекалова, на его красивыхъ хотя и блѣдныхъ чертахъ не было и признака утомленія. Вѣки только покраснѣли немножко.

— Знаешь ли что, мой милый,—онъ посмотрѣлъ на часы,—теперь половина пятаго, я думаю, ложиться поздно, такъ лучше я велю чаю подать, хочешь?

Смекаловъ кликнулъ своего лакея, очень еще молодаго малаго съ лицомъ необыкновенно плутоватымъ для его лѣтъ, и приказавъ ему заварить чаю, усѣлся возлѣ Александра.

— Вотъ тоже удовольствіе, въ которомъ ты себѣ отказываешь,—продолжалъ онъ, съ явнымъ наслажденіемъ закуривая дорогую сигару. — И хотѣлъ бы я знать, ради какихъ благъ ты вѣчнымъ аскетомъ живешь, вычеркиваешь изъ своей жизни все, что сколько-нибудь на прихоть похоже. Вѣдь только въ прихоти бываетъ вкусъ... Средствъ все таки хватило бы и не на такую монашескую жизнь... Мелко плаваешь ты, мой милый, вотъ бѣда... Въ нашъ вѣкъ надо умѣть соединять дѣло съ бездѣльемъ, такъ чтобъ одно отъ другаго не страдало. Бери съ меня примѣръ. Ни въ чемъ я себѣ не отказывалъ никогда, а за легкомысленнаго человѣка меня еще никто не считалъ.

— Цинизмъ и легкомысліе не одно и то же, съ этимъ я согласенъ,—отвѣтилъ Александръ.

— A, voilà les grands mots, цинизмъ...—Смекаловъ вскочилъ со стула и прошелся по комнатѣ.—Ну и что жъ такое? Одни люди, коли знаютъ, гдѣ раки зимуютъ, стараются ихъ наловить побольше, а другіе боятся себѣ руки замарать, да смотрятъ на первыхъ съ завистью и утѣшаются тѣмъ, что циниками обзываютъ... Мнѣ тоже батенька, двадцать лѣтъ было когда-то, я тоже съ разными принципами носился, собирался безкорыстно послужить наукѣ, да разныя задачи разрѣшить, да содѣйствовать прогрессу, хотя въ точности не зналъ, какія это задачи, и на что и кому этотъ прогрессъ нуженъ. Но, слава Богу, я рано понялъ, что на весь этотъ туманъ очень много времени уходитъ и что можно быть наиблагороднѣйшимъ человѣкомъ помимо всего этого. Мнѣ что нужно? Накопить какъ можно больше пріятныхъ впечатлѣній, истративъ на это какъ можно меньше физическихъ и душевныхъ силъ. Это вполнѣ ясная и опредѣленная задача. И, замѣть, что

въ нее все укладывается, даже твоя наука, потому что вѣдь надо быть идіотомъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ наукѣ „служить“, какъ это говорится, точно это личность какая. Не мы ей, а развѣ она намъ служить должна,— доставить извѣстность, положимъ, даже славу, хотя, признаться изо всѣхъ полей, которыя воздѣлывать можно въ жизни, это самое тощее и неблагодарное. А какъ ты на нее смотришь, безкорыстно, аккуратно, по-нѣмецки, словомъ, это ужъ, мой милый, никуда не годится...

— Знаешь, Смекаловъ,—погодя немного, отвѣтилъ Александръ,—дивлюсь я, право, какъ это мы съ тобою уживаемся. Вѣдь ты не подозрѣваешь, до какой степени все то, что ты вотъ сейчасъ наговорилъ, мнѣ кажется отвратительнымъ и гнуснымъ...

— Вотъ какъ, даже гнуснымъ?—засмѣялся Смекаловъ въ отвѣтъ.—А втайнѣ ты мнѣ все таки завидуешь... Да завидуешь,—продолжалъ онъ, замѣтивъ, что краска вдругъ показалась на лицѣ Александра,— какъ вѣчно завидуютъ намъ, то есть людямъ берущимъ отъ жизни все, что она дать въ состояніи, всѣ наложившіе на себя, какъ ты вотъ, глупый обѣтъ добровольнаго отреченія. Ну, да что толковать?! Вѣдь не признаешься ты въ этомъ, а придетъ время и въ тебѣ проснется твоя настоящая плотская натура, и если ты разъ сорвешься съ цѣпи...

— Нѣтъ, не сорвусь,—объ этомъ ужъ не безпокойся, вскакивая, съ жаромъ возразилъ Александръ.—И ужъ если кому-нибудь изъ насъ придется раскаиваться, такъ ужъ конечно не мнѣ. Предо мной прямая, вѣрная дорога, хоть и не блестящая, можетъ быть. А твоя жизнь, либо самому себѣ когда-нибудь покажется омерзительною, либо натолкнетъ тебя на что-нибудь такое, что навсегда отобьетъ охоту шутить и балагурить.

— Ну посмотримъ, посмотримъ... Я предсказаній не боюсь... А вотъ, кстати, и чай какъ разъ, кажется, въ такую минуту, когда мы договорились до чертиковъ.

Онъ взялъ съ подноса стаканъ и усѣлся. Лакей вышелъ.

— А ты не полюбопытствовалъ у меня спросить,— продолжалъ Смекаловъ, отхлебывая изъ стакана,—гдѣ я пропадалъ такъ долго. Я вѣдь провелъ время презанимательнымъ образомъ.

Александръ молча занялъ свое прежнее мѣсто у окна, машинально поставивъ предъ собой стаканъ.

— Сперва былъ, разумѣется, ужинъ, скучный, какъ всѣ ужины въ порядочномъ обществѣ. Кстати, почему ты ужинать не остался?

— Предвидѣлъ, должно быть, что будетъ скучно,— съ притворной улыбкой отвѣтилъ Борскій.

— Нѣтъ, должно быть, не такъ ужъ это было спроста... Ты вѣдь исчезъ послѣ своей длинной бесѣды съ Лелей, и видно, не совсѣмъ уже это былъ заурядный разговоръ: на нее онъ нагналъ какой-то мрачный стихъ, весь ужинъ она просидѣла молча. Оттого и скучно было. Вѣдь на этомъ глупомъ вечерѣ ею только и стоило заняться, но какъ я ни старался, путнаго слова отъ нея добиться не могъ. Ужъ должно быть наговорилъ ты ей чего-нибудь такого...

Александръ пожалъ плечами.

— Эта барышня,—холодно возразилъ онъ,—вздумала въ откровенности пуститься, правды отъ меня какой-то добивалась. Было все это очень нелѣпо и скучно. Что можетъ быть у насъ общаго съ ней?!

— Ахъ, профессоръ, профессоръ, что ты меня вздумалъ морочить. Не замѣтилъ я, что ли, какъ ты пожиралъ ее глазами весь вечеръ? и другіе это тоже замѣтили... Да оно и понятно, такому отшельнику, можетъ быть, въ первый разъ попалась въ глаза подобная дѣвочка, въ которой каждая жилка бьется отъ избытка жизни. Вѣдь эта Леля безцѣнное рѣдкое существо, доложу я тебѣ.

— А я тебѣ скажу,—возвышая голосъ, перебилъ его Александръ,—что меня просто возмущало твое поведеніе съ нею весь этотъ вечеръ.

— Ага, возмущало, значитъ не оставался къ ней все таки совершенно равнодушнымъ, признаешся. Ну, а кабы ты видѣлъ, что было дальше, когда разѣзжаться стали... Мой кучеръ за мной не пріѣхалъ, на извощика сѣсть не хотѣлось, да и ночь была такая чудная, обольстительная, вкрадчивая... „Знаете ли что, Елена Васильевна, говорю я, пойдемте-ка домой пѣшкомъ; если позволите, я васъ провожу. Вѣдь не все ли равно лишнихъ полчаса не спать, когда солнце ужъ и такъ вставать собирается". Она согласилась. Съ ней не было никого: она вѣдь всегда выѣзжаетъ одна. Затѣмъ, весь этотъ вечеръ мы были съ Лелей какъ бы на военномъ положеніи. Злилась ли она на меня въ самомъ дѣлѣ или притворялась только, что сердится, не знаю, только шпилекъ она мнѣ отпустила изрядное количество. А тутъ вдругъ переложила гнѣвъ на милость. Мы съ ней, впрочемъ, давнишніе пріятили...

— Зачѣмъ ты мнѣ все это разсказываешь, ума не приложу,—недовольнымъ тономъ перебилъ его Александръ.

— А такъ просто, чтобы тебя побѣсить. Слушай дальше. У насъ установились престранныя отношенія. Я за ней не то чтобъ ухаживаю,—она вѣдь знаетъ прекрасно, что я на ней не женюсь,—а такъ даю ей просто недвусмысленно понять, что умѣю цѣнить ея прелести, эту вкрадчивую нѣгу, которая такъ и чуется во всемъ ея маленькомъ существѣ, этотъ затаенный огонь, который ждетъ только случая, чтобы вспыхнуть...

— Полно, мнѣ слушать тебя противно,—съ раздраженіемъ воскликнулъ Алаксандръ.

— Будто ужъ такъ противно?... Леля Зарубина, даромъ что ей только восемнадцать лѣтъ, не то, что другія барышни. Во-первыхъ, ей все можно говорить, во-вторыхъ она все понимаетъ. Словомъ, у ней всѣ достоинства замужней женщины заодно съ пріятнымъ букетомъ чего-то еще нетронутаго, непочатаго. А это, согласись, рѣдкость. Конечно, она на довольно таки

скользкомъ пути, и жениться на ней я бы никому не посовѣтовалъ, хотя, впрочемъ, кто знаетъ, изъ такихъ бѣсенятъ иногда отличныя жены выходятъ. Но пока она еще не свихнулась, есть что-то... опьяняющее, головокружительное въ этомъ сознаніи, возможности, что вотъ вотъ сегодня же, сейчасъ она чего добраго...

— Перестань! Это наконецъ постыдно, мерзко...

Александръ стоялъ передъ нимъ, весь блѣдный отъ гнѣва. Смекаловъ не ожидалъ, что его слова вызовутъ такой взрывъ негодованія.

— Чего тебѣ приспичило,—съ откровеннымъ удивленіемъ взглянулъ онъ на пріятеля.—Вотъ чудакъ-то! Видитъ дѣвочку въ первый разъ, увѣряетъ, что ничуть ею не заинтересованъ, а готовъ за нее копья ломать, какъ средневѣковой рыцарь. Да и было бы изъ за чего. А то совершили мы просто съ Еленой Васильевной прогулку вдвоемъ, правда, въ не совсѣмъ указанное время, а онъ кипятится. Да ты что думалъ, скажи пожалуйста? Что я собираюсь тебѣ описать соблазнительную сцену?.. Говорю тебѣ, прогулка наша закончилась самымъ зауряднымъ образомъ... До настоящей развязки еще далеко. Впрочемъ, я не изъ тѣхъ людей, которые торопятся развязкой. Женскую любовь, какъ хорошее вино, надо пить не спѣша, крошечными глотками... Да чего ты на меня такъ яростно выпучилъ глаза, Борскій? Право смѣшно... Я собирался тебѣ разсказать въ видѣ нравоученія, какъ я воспользовался прогулкой, чтобы подвинуть свои дѣла, потому что дѣла свои я все таки подвинулъ. Въ первый разъ даже повелъ настоящую атаку, далъ ей понять, чего отъ ней добиваюсь, и довелъ ее, кажется, до того, что она меня станетъ побаиваться теперь. А это со всякой женщиной необходимо: пока держишься съ ними простого балагурства, онѣ сохраняютъ полное хладнокровіе и самаго умнаго человѣка одурачатъ. Заруби это себѣ на память. Надо ее сперва пріучить къ мысли, что есть опасность, что опасность близка.

— Смекаловъ, — не помня себя отъ негодованія, закричалъ на него Александръ,—я до сихъ поръ тебя считалъ за порядочнаго человѣка, не переставалъ тебя уважать, несмотря на всю твою безобразную жизнь, но теперь ты говоришь и поступаешь...

— Какъ негодяй, — разсмѣявшись перебилъ его Сергѣй Адріановичъ,—это вѣдь ты собирался сказать? Этакія вещи лучше говорить самому себѣ, чѣмъ выслушивать ихъ отъ другихъ. Вотъ я договариваю за тебя. Когда женщина вамъ нравится и добиваешься ея любви, по твоему это значитъ быть негодяемъ? А по моему это значитъ просто не терять понапрасну времени и смотрѣть на свое чувство откровенно и прямо. Нечестно одно то, что не искренно. А тутъ, мой другъ, полная искренность, потому что, повѣрь мнѣ, каждая шестнадцатилѣтняя дѣвушка хорошо знаетъ, на что идетъ. И обмана тутъ нѣтъ никакого. Это онѣ выдумали это словечко, чтобы скрашивать въ собственныхъ глазахъ свое паденіе. Да, впрочемъ, и паденія тутъ никакого нѣтъ. Это тоже глупое, изношенное словечко.—Смекаловъ всталъ и зѣвнулъ во весь ротъ.— А теперь до свиданія, мой милый. Я все таки прилягу немножко: какъ-то растянуться хочется послѣ нашего разговора. А если ты собираешься выступить моимъ соперникомъ и помѣшать мнѣ въ достиженіи цѣли, милости просимъ. Я, ты знаешь, не ревнивъ и всегда былъ сторонникомъ вполнѣ свободной конкурренціи...

И слегка кивнувъ пріятелю головой, онъ вышелъ изъ комнаты.

IV.

Утренніе часы Александръ обыкновенно посвящалъ своей диссертаціи. Онъ съ дѣтства привыкъ строго распредѣлять день и держался этого правила и теперь. Даже лѣтомъ онъ никогда не измѣнялъ обычному роду

жизни и право на вечерній отдыхъ онъ за собой признавалъ тогда только, когда нѣсколько часовъ подрядъ имъ были проведены за рабочимъ столомъ. Таня знала это, и потому не удивилась нисколько, когда наканунѣ Александръ ей сказалъ, что зайдетъ только вечеромъ. Но этотъ день прошелъ совсѣмъ не такъ, какъ прочіе. Какъ ни старался Александръ найти отрезвленіе въ привычной работѣ, умственный трудъ былъ ему не подъ силу. Взволнованная мысль точно закусила удила и непослушно неслась по безграничной области грезъ, куда до сихъ поръ и не пыталась заглядывать. Нестерпимо долго, казалось, тянулся день, а между тѣмъ Александру не только не хотѣлось, чтобы поскорѣе вечеръ наступилъ, онъ съ удовольствіемъ отсрочилъ бы, кабы могъ, неизбѣжное свиданіе съ невѣстой. Усталый отъ долгаго безплоднаго сидѣнія за недававшеюся работой, онъ бросилъ, наконецъ, перо и вышелъ, надѣясь, что прогулка на открытомъ воздухѣ ему поможетъ овладѣть собою и привести въ порядокъ затуманившіяся мысли. Сдѣлать ему это не удалось. День былъ ясный и прозрачный, весело шептались деревья, пропуская веселые лучи солнца между своихъ вѣтвей. Яркою лазурью сіялъ небесный сводъ. Но все это обиліе лучей, все это радостное сіяніе не смогло разсѣять скопившагося у него мрака. Онъ безсознательно шелъ впередъ, тщетно принуждая свою мысль сосредоточиться, но пестрые образы не переставали кружиться передъ его воображеніемъ. „Сегодня... сегодня вечеромъ,—мысленно твердилъ онъ въ сотый разъ,—все будетъ кончено, навсегда конечно!..“ И онъ хватался за эту надежду, увѣряя себя, что въ самомъ дѣлѣ онъ чистосердечно радъ этому концу, радъ запереть себѣ всякій иной исходъ. И не подозрѣвалъ онъ даже, что повторяетъ это онъ себѣ такъ часто какъ разъ потому, что въ сущности онъ внутренно колебался, что онъ хотѣлъ уйти отъ этого рѣшенія, казавшагося ему такимъ счастливымъ и спасительнымъ.

Онъ прошелъ такъ весь огромный англійскій паркъ и, обогнувъ извилистый прудъ, на берегу котораго стоитъ массивный, неуклюжій дворецъ, все также безсознательно пошелъ по тѣнистой дорожкѣ, обсаженной огромными вѣковыми соснами. Прохлада и затишье вдругъ обдали его какою-то ласкающею волной. Онъ оглянулся. Довольно равнодушный къ природѣ или по крайней мѣрѣ рѣдко на нее обращавшій вниманіе и неумѣвшій чувствовать съ нею заодно, Александръ вдругъ ощутилъ на себѣ, чуть не въ первый разъ, ея непосредственную близость, ея вкрадчивую силу. Кругомъ не было ни души. Тихо, безъ шума покачивались вѣтви на макушкахъ сосенъ и, вторя имъ, солнечные кружки передвигались на пескѣ дорожки. Мелкія, чуть замѣтныя волны безъ шума плескались о берегъ, а вдали пара лебедей плавно скользила по гладкой водѣ. Словомъ, вездѣ было спокойствіе и миръ, все дышало вокругъ безмятежною, точно пріостановившеюся жизнію. Александръ вздохнулъ свободнѣе, полною грудью, и почему-то ускорилъ шагъ. Волненіе его будто улеглось. Окружавшее его затишье напомнило ему про то безмятежное, ровное счастіе, про которое онъ мечталъ еще день передъ тѣмъ, и снова это счастье ему показалось чѣмъ-то желаннымъ и отраднымъ. Но вотъ у поворота дорожки онъ вдругъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя на скамейкѣ молодую дѣвушку съ книгой въ рукахъ. Она подняла голову, услыхавъ приближавшіеся шаги. Это была Леля, которую онъ ужъ никакъ не ожидалъ встрѣтить въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, Леля, одѣтая необыкновенно просто, почти бѣдно, въ гладкое сѣренькое холстинковое платье. Онъ торопливо поклонился ей и хотѣлъ было пройти мимо, но она его остановила.

— Александръ Дмитріевичъ, вы куда-нибудь спѣшите?—спросила она.

— Я застаю васъ одну... за книгой... и я думалъ...

— Вамъ было совѣстно оторвать меня отъ такого

важнаго занятія?—продолжала она, смѣясь.—Напротивъ, напротивъ... Разговоръ съ такимъ умнымъ человѣкомъ, какъ вы, интереснѣе любой книги.

Но по выраженію его лица она сразу догадалась, какъ неумѣстенъ былъ этотъ шутливый тонъ.

— Присядьте, Александръ Дмитріевичъ, если только...—добавила она,—если только вы можете мнѣ удѣлить нѣсколько минутъ. Мнѣ бы очень хотѣлось съ вами серьезно поговорить.

— Вы забываете, Елена Васильевна,—было его отвѣтомъ,—какъ вы заставили меня вчера поплатиться за то, что я такъ наивно повѣрилъ вашему искреннему желанію узнать мое мнѣніе. Вы посмѣялись надо мной, и подѣломъ. Но разыграть эту ролъ второй разъ я, признаюсь, не желаю.

Она посмотрѣла на него такъ искренно, съ такимъ упрекомъ, съ такою мольбою въ глазахъ, что ему тотчасъ совѣстно стало этихъ жесткихъ словъ.

— Если я оскорбила васъ своею вчерашнею выходкой,—проговорила она тихо, протягивая нерѣшительно руку,—простите меня, пожалуйста. Это была только глупая, неумѣстная выходка. Я вѣдь такая... странная,—она не сразу подыскала это слово,—и, повѣрьте мнѣ, я даже вчера совсѣмъ не хотѣла смѣяться, а сегодня и подавно...

Онъ присѣлъ рядомъ съ ней, невольно поддаваясь задушевности ея тона.

— Мнѣ бы такъ хотѣлось,—продолжала она,—чтобы вы стали обо мнѣ иного, лучшаго мнѣнія. Вашъ вчерашній приговоръ былъ рѣзокъ и можетъ быть заслуженъ, но все таки онъ былъ несправедливъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ справедливъ...

Всѣ недоумѣнія и тревоги, наполнявшія Александра со вчерашняго вечера, разлетѣлись теперь, какъ дымъ.

— Едва ли я въ судьи гожусь,—сказалъ онъ не то строго, не то насмѣшливо.—Я, вѣдь, очень неопытный

человѣкъ во всемъ, что касается жизни, особенно такой сложной, замысловатой, какъ ваша.

— Неужели,—возразила она живо,—въ васъ все еще говоритъ раздраженное самолюбіе, даже послѣ всего того, что я вамъ сейчасъ сказала? Вы должны быть выше такого, извините меня, такого... мелкаго чувства.

— Во мнѣ говоритъ лишь недовѣріе къ себѣ, да признаюсь, и къ вамъ тоже.

— Но неужели вы не можете отличить искренности отъ притворства, не видите, что у меня теперь нѣтъ охоты ни шутить съ вами, ни въ особенности притворяться,.. Ахъ, да я вообще такъ ненавижу притворство,—въ голосѣ ея теперь слышалось неподдѣльное волненіе,—и оттого должно быть я такая взбалмошная, такъ не похожа на прочихъ. Я всегда поддаюсь каждому своему настроенію. Мнѣ всегда хочется говорить и дѣлать именно то, къ чему меня влечетъ каждую минуту.

— Настроеніе это, разумѣется, очень измѣнчиво?—все въ томъ же сдержанно-насмѣшливомъ тонѣ продолжалъ Александръ.—Иная искренность, не признающая никакого закона, никакой обязанности, пожалуй, не лучше притворства: положиться на нее также нельзя, коли она подчиняется каждой мгновенной причудѣ. Я привыкъ смотрѣть на жизнь иными глазами, Елена Васильевна; для меня она имѣетъ цѣну и содержаніе тогда только, когда ею руководитъ твердая мысль и прочное чувство.

Ему такъ хотѣлось утѣшить, приласкать это маленькое существо, такъ откровенно взывавшее къ его помощи, а между тѣмъ ему приходили на языкъ однѣ суровыя рѣчи. Онъ пристально вглядывался въ ея лицо, и такимъ скорбнымъ, почти жалкимъ казалось оно, это лицо, привыкшее смѣяться и властвовать, и все таки ему доставляло какое-то жестокое удовольствіе мучить бѣдную дѣвушку своею притворною холодностью.

— Такъ что жъ прикажете вы мнѣ дѣлать?—отвѣ-

тила она покорно скрещивая руки,—коли такою не хорошею, капризною создала меня природа и воспитаніе тоже? И что мнѣ сказать, наконецъ, чтобъ убѣдить васъ, что я въ сущности совсѣмъ вѣдь не такая дурная, что во мнѣ есть сердце, есть въ особенности желаніе исправиться, быть такою какъ надо?..

— Полно, Елена Васильевна,—покачалъ онъ головой въ отвѣтъ.—Если бы вы въ самомъ дѣлѣ были такою, вамъ развѣ могло бы доставлять удовольствіе ухаживанье какого-нибудь Смекалова...

Самъ того не подозрѣвая, Александръ покраснѣлъ, когда сорвалось съ его губъ имя пріятеля.

— И вы думаете я?..—почти съ испугомъ проговорила Леля и на мигъ запнулась, не находя словъ. — Вы думаете мнѣ нравится Смекаловъ? и весь этотъ его противный, самодовольный тонъ?..

— Въ такомъ случаѣ — Александръ развелъ руками—я перестаю васъ понимать. Вчера вы не только позволяли ему держаться съ вами этого тона, вы еще слишкомъ часъ... послѣ вечера у... Коноплиныхъ сочли нужнымъ прогуливаться съ нимъ вдвоемъ. Должно быть не такъ ужъ непріятно вамъ его общество.

Хоть слова Борскаго глубоко оскорбили молодую дѣвушку, но въ то же время женское чутье ей подсказало, что въ нихъ какъ будто звучитъ ревнивое чувство, и догадка эта вызвала у нея затаенную радость. Но двѣ слезинки все таки показались на ея рѣсницахъ.

— И оттого что я... да это было нехорошо, легкомысленно, я не спорю... оттого что я позволила Сергѣю Адріановичу проводить меня до нашей дачи, вы заключили, что я?.. Такъ ужъ лучше договаривайте прямо.

— Вамъ бы слѣдовало остерегаться Смекалова и на мѣстѣ вашей матушки...

Слезы теперь ручьемъ брызнули изъ глазъ молодой дѣвушки.

— Такъ что жъ вы наконецъ обо мнѣ думаете?!.—

воскликнула она почти съ отчаяніемъ. Вы думаете, я... Ахъ, это ужасно, ужасно... Она закрыла лицо руками какъ бы затѣмъ, чтобы скрыть отъ Александра разлившуюся на ея щекахъ краску стыда и волненія.— Какъ разубѣдить мнѣ васъ, какъ доказать вамъ?..

Онъ былъ глубоко тронутъ ея слезами, хотя все таки не хотѣлъ въ этомъ самому себѣ признаться и съ какимъ-то злобнымъ упрямствомъ продолжалъ оскорблять ее своимъ недовѣріемъ.

— Одно изъ двухъ, Елена Васильевна,—сказалъ онъ,—или вы не догадываетесь, что за человѣкъ Смекаловъ, и въ такомъ случаѣ васъ надо во время предостеречь, или, напротивъ, если вы его понимаете...—Да что я, впрочемъ, говорю?—онъ опять засмѣялся—развѣ можно допустить, чтобы при вашемъ умѣ...

— А, вотъ, вотъ, договорились наконецъ—негодующій блескъ показался въ ея воспламенившихся глазахъ—и стало быть по вашему, я все таки...

Голосъ ея оборвался и головка ея гордо выпрямилась.

— Не безпокойтесь, Александръ Дмитріевичъ,—проговорила она рѣшительно.—Я съумѣю постоять за себя, и никакой Смекаловъ мнѣ не опасенъ, пока... пока... Ну да къ чему я даю себѣ трудъ разувѣрять васъ и оправдываться предъ вами... Мнѣ оправданій не нужно, думайте обо мнѣ, что хотите.

Она схватила свою книгу и быстро поднялась съ мѣста. Александръ всталъ тоже.

— Нѣтъ, оставьте меня,—сказала она, замѣтивъ, что онъ хочетъ идти съ нею.—Я желаю быть одна. Разговоръ нашъ и безъ того слишкомъ долго продолжался. Я вижу, вы упорно не хотите меня понять...

— По крайней мѣрѣ, Елена Васильевна,—нерѣшительно проговорилъ Александръ, очевидно смущенный ея неожиданною вспышкой,—не разстанемтесь врагами. Простите меня, если...

— Врагами, нѣтъ, перебила она.—Мы только раз-

станемся, какъ люди, пути которыхъ идутъ врозь и которымъ лучше... быть чужими другъ для друга.

— Чужими послѣ всего того, что вы мнѣ сказали.— Онъ покачалъ головой.—И вы хотите, чтобъ я и этому повѣрилъ.

Самъ того не замѣчая, онъ продолжалъ быстро идти рядомъ съ нею. Въ немъ что-то растаяло вдругъ, что-то сковывавшее до сихъ поръ его сердце.

— Я не могу оставить васъ одну въ такую минуту,— продолжалъ онъ, — когда вы раздражены... справедливо раздражены за неловкое слово, сорвавшееся у меня съ языка.

— Неловкое слово?.. только неловкое?.. Развѣ я прошу васъ притворяться и говорить со мной противнымъ, лживымъ свѣтскимъ языкомъ? Я искала одной вашей искренности, и мнѣ больно, больно видѣть...

Слезы опять у нея навертывались на рѣсницы и она отерла ихъ быстрымъ движеніемъ руки.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, оставьте меня лучше... Или вамъ доставляетъ удовольствіе смотрѣть, какъ я плачу? Вы торжествуете и, можетъ быть, смѣетесь надо мной?!..

— Какъ дурно вы меня поняли, Елена Васильевна,— воскликнулъ онъ, и это былъ уже совсѣмъ не прежній его голосъ, и теплое взволнованное участіе выражалось теперь на его лицѣ. — Смѣяться надъ вами?!.. Да неужели вы не догадываетесь, скажу я въ свою очередь... Вѣдь если бы вы въ самомъ дѣлѣ были для меня совсѣмъ посторонней, чужою, сталъ ли бы я такъ говорить съ вами...

Едва произнесъ Александръ эти слова, онъ дорого, очень дорого бы далъ, чтобы взять ихъ назадъ. Но слова были сказаны и вернуть ихъ, стереть впечатлѣніе, произведенное ими на молодую дѣвушку, было ужъ не въ его власти. Она взглянула на него украдкой и потупилась. Съ минуту оба они молчали.

— Александръ Дмитріевичъ,—заговорила она опять

совсѣмъ низкимъ, чуть слышнымъ голосомъ,—ну, а что, если я послушаюсь васъ, скажу вамъ, что принимаю ваши совѣты къ сердцу?

Онъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ и промолчалъ.

— Только подъ однимъ условіемъ, Александръ Дмитріевичъ, — добавила она, и лукавая улыбочка чуть чуть заиграла на ея красивыхъ губкахъ, — чтобы вы продолжали наблюдать за мной и читать мнѣ наставленія, строгія престрогія.

У него почему-то отлегло вдругъ на сердцѣ, и онъ обрадовался даже, что она опять заговорила съ нимъ въ этомъ привычномъ для нея шутливомъ тонѣ. Они продолжали идти рядомъ, теперь уже весело болтая, какъ старинные пріятели. Они вышли изъ парка и направились по одной изъ улицъ. Александръ не спрашивалъ ее, куда она его ведетъ.

— А вотъ и наша дача, — сказала она, останавливаясь у калитки.—Вы не хотите войти, нѣтъ?

Онъ не успѣлъ отвѣтить. Въ эту самую минуту дверь отворилась и на крыльцѣ показался выходившій Смекаловъ.

— А, Елена Васильевна, вотъ вы наконецъ, — сказалъ онъ, насмѣшливо кланяясь.—И вы здѣсь, синьоръ! Брависсимо! Вы, стало быть, вдвоемъ прогуливаться изволили. А я у вашей матушки битый часъ просидѣлъ, васъ дожидаясь. Ну, дѣлать нечего, до другого раза...

И повторивъ свой насмѣшливый поклонъ, онъ удалился крупными шагами. Леля проводила его долгимъ недружелюбнымъ взглядомъ, но едва онъ скрылся, она снова подняла глаза на Александра, и въ глазахъ этихъ была опять добрая, лучистая улыбка.

— Что жъ, не войдете, нѣтъ? — сказала она, протягивая руку. Смекалову она руки не протянула.—Впрочемъ, я знаю, что не войдете, именно теперь не войдете ни за что. Да и не надо сегодня. Я тоже вамъ скажу: до другого раза. А знаете, почему не надо? Нѣтъ, не скажу, вы и сами догадаетесь...

Александръ долго пожималъ ея руку, безмолвно, неподвижно глядя ей прямо въ глаза. Что-то странное, непонятное для него самого въ немъ происходило, какое-то мягкое, сладостное и въ то же время болѣзненное чувство имъ овладѣвало.

— Мы будемъ друзьями, Александръ Дмитріевичъ,— добавила она, высвободивъ свою руку.—Будемъ?..

Онъ пробормоталъ что-то невнятное въ отвѣтъ.

— Всегда говорите со мной такъ откровенно, какъ сегодня, а я васъ слушаться стану, обѣщаю...

И, отвернувшись, она вскочила на ступеньки крыльца и скрылась за дверью. Александръ медленными шагами направился домой, но совсѣмъ не радостно глядѣло его опущенное лицо. И если бы кто-нибудь изъ знакомыхъ встрѣтилъ его въ эту минуту, онъ прочелъ бы на этомъ лицѣ что-то очень похожее на стыдъ и на раскаяніе.

Александръ былъ очень радъ, что не засталъ Смекалова дома. Онъ заперся у себя въ комнатѣ и опять, какъ утромъ, долго просидѣлъ за рабочимъ столомъ, раздумывая свою тягостную думу. Часы медленно текли, и наступившій вечеръ засталъ его все въ той же мучительной неподвижности, и полуисписанный листъ бумаги все такимъ же нетронутымъ лежалъ предъ его безучастными глазами.

Время обѣда давно прошло: ему было не до ѣды. Начинало темнѣть, и какъ бы встрепенувшись вдругъ, онъ тряхнулъ волосами и, схватившись за шляпу, вышелъ на улицу.

Таня не сказала матери ни слова о помолвкѣ. Ей какъ-то не хотѣлось про это говорить. Объясненіе съ женихомъ оставило въ ней смутное чувство неудовлетворенности, совсѣмъ непохожее на радость исполнившейся надежды. Но Лиза не стерпѣла, чтобы не повѣдать семьѣ, что случилось наканунѣ. Екатерина Алексѣевна встревожилась и засуетилась, совсѣмъ не понимая, какъ могла Таня ей про это не сообщить. Она

позвала къ себѣ дочь, бросивъ торжествующій взглядъ на Варю.

— Ну что, видишь, кто изъ насъ былъ правъ? А ты вчера еще невѣсть что пророчила.

— Увидимъ, мамаша, чѣмъ все это кончится,—хладнокровно отвѣтила та.—Странно вѣдь, согласитесь, что ни Таня, ни Александръ Дмитріевичъ вамъ про это ни слова. И могъ бы онъ кажется сегодня утромъ зайти, не такія ужъ важныя его занятія...

Екатерина Алексѣевна не успѣла возразить. Таня входила въ комнату—и запальчивый отвѣтъ такъ и замеръ на ея губахъ, но лицо у нея раскраснѣлось и радость ея была испорчена.

— Таня, Таня! Что жъ ты мнѣ до сихъ поръ ничего не сказала,—воскликнула она, обнимая и цѣлуя дочь.—Дай я тебя поздравлю и благословлю, мой ангелъ.

Она прослезилась. Въ глазахъ Тани слезы показались тоже.

— Я хотѣла, чтобъ онъ самъ вамъ объявилъ,—отвѣтила дѣвушка, пряча мокрое лицо на груди матери.—Онъ обѣщалъ зайти вечеромъ.

— Только вечеромъ?..—насмѣшливо замѣтила Варя.—Не слишкомъ онъ спѣшитъ. Ну поздравляю, поздравляю, тебя.—И она протянула сестрѣ длинные, сухіе пальцы.

— Но какъ же все это было? Разсказывай, дружокъ мой, это такъ интересно,—стала распрашивать Екатерина Алексѣевна, у которой волненіе все увеличивалось.

Таня отерла слезы и принялась разсказывать безъискуственно и просто, стараясь глядѣть веселою, и тутъ же поймала себя на этомъ стараніи, какъ на явномъ доказательствѣ, что все таки чего-то недостаетъ въ ея счастіи. Слушая сестру, Лиза отъ досадливаго нетерпѣнія заболтала ножками и нахмурилась.

— Ты мнѣ совсѣмъ не такъ разсказывала вчера вечеромъ,—замѣтила она Танѣ.—Выходило какъ будто иначе.

— Ты вѣдь сама слышала, Лиза—ласково возразила

Таня.—Ты была тутъ въ саду, когда онъ вчера со мной говорилъ.

Лиза припомнила, что было вчера, припомнила и то, какъ она сердилась на Александра Дмитріевича за его невниманіе къ ней. Но въ эту минуту всякая тѣнь полудѣтской ревности къ сестрѣ у нея исчезла предъ торжественною важностью рѣшительнаго поворота въ судьбѣ ея дорогой Тани. И совсѣмъ иное чувство, чувство недовольства противъ Александра Дмитріевича въ ней заговорило, недовольство за то, что онъ какъ будто недостаточно цѣнитъ свое счастіе.

Александръ засталъ всю семью за чаемъ. Погода хмуриласъ, и Екатерина Алексѣевна объявила, что на балконѣ сидѣть нельзя. Въ ту самую минуту, когда въ передней раздался звонокъ, Таня схватила руку матери и быстрымъ шепотомъ сказала: „пожалуйста не говорите ему ни слова, умоляю васъ. Пусть онъ самъ скажетъ“...

Всѣ невольно переглянулись. Но если бы даже Таня не просила объ этомъ, врядъ ли сама Екатерина Алексѣевна завела бы съ Александромъ разговоръ о великомъ событіи, до того сумрачно глядѣло его лицо, когда онъ вошелъ. Александръ понималъ, что значили устремленные на него взгляды, чувствовалъ всю тяжесть обращеннаго къ нему нѣмого вопроса и тяжесть эта какъ будто давила ихъ всѣхъ, создавая небывалую до сихъ поръ странную натянутость въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Екатерина Алексѣевна попробовала заговорить въ сердечномъ тонѣ, спрашивая, что дѣлалъ онъ весь этотъ день, и глаза ея такъ и выдавали неудержимое желаніе тутъ же сейчасъ высказаться, поздравить будущаго зятя, обнять его горячо. Но холодный и смущенный отвѣтъ Александра такъ и заморозилъ на ея устахъ готовыя изліянія.

— Весь день диссертаціей занимался,—неискренно сказалъ онъ, внутренно стыдясь этой лжи.—Голова

сильно разболѣлась. Варвара Николаевна, вы мнѣ дадите чаю? Представьте себѣ, я даже не обѣдалъ.

Поднялись, разумѣется возгласы и упреки, но всѣ тотчасъ почувствовали, что было въ этомъ что-то неестественное, было совсѣмъ не то, чего всѣ ожидали, и оттого имъ становилось неловко. Варя подала Александру чашку, многозначительно улыбаясь и глаза ея будто говорили: „я все понимаю, про все догадываюсь". Таня съ участіемъ спросила, зачѣмъ онъ такъ мучитъ себя работой, но, встрѣтивъ грустный, о чемъ-то молящій взглядъ жениха, не досказала своего вопроса и, получивъ какой-то смущенный, невнятный отвѣтъ, такъ и замолкла. Всегда бойкая Лиза ни слова не сказала, только глаза ея недоумѣвающе и укоризненно были пристально устремлены на Александра. Разговоръ поддерживала одна Екатерина Алексѣевна. Ей все казалось, что вотъ вотъ сейчасъ женихъ объяснится, и съ трудомъ подавленное нетерпѣніе оживляло ее, поддерживая въ ней обычную болтливость. Но Александръ только усиленно говорилъ о своихъ занятіяхъ, о своей диссертаціи, и Екатерина Алексѣевна сама понемногу начинала чувствовать, что съ каждою минутой становится какъ-то невозможнѣе высказать то, что сперва такъ порывалось у нея наружу. „Видно случилось что-то, какая-то помѣха неожиданная", думала она про себя. „И неловко было бы объ этомъ завести рѣчь, коли онъ самъ не начинаетъ... Ну да все разъяснится, конечно"...

— А какъ было вчера у Коноплиныхъ? — неожиданно спросила Лиза.

— Было скучно, разумѣется,—отвѣтилъ Александръ и тутъ же покраснѣлъ.

— Вы танцовали?—въ свою очередь спросила Варя тономъ, какимъ задаютъ вопросы обвиняемому на судѣ.

— Вы знаете, я никогда не танцую... Впрочемъ, виноватъ, одну кадриль я протанцовалъ съ Вѣрою Гавриловной.

Наступило молчаніе.

— А Лелю Зарубину вы тамъ видѣли? — спустя минуту спросила опять Лиза.

— Видѣль, конечно.

— Ну, какъ она вамъ понравилась? Не можетъ быть, чтобы вы ею не заинтересовались.

Александръ попробовалъ улыбнуться.

— Какъ не заинтересоваться?! — сказалъ онъ, принужденно засмѣявшись.—Особа во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная. Во время котильона я даже провальсировалъ съ ней разъ.

— Вотъ видите!—съ торжествующимъ взглядомъ замѣтила Варя.

— Нѣтъ, эта пытка невыносима, думалъ между тѣмъ Александръ, почувствовавъ вдругъ глубокое презрѣніе къ себѣ.—Вѣдь я краснѣю, лгу, унижаюсь.

И въ глазахъ Тани, на которую онъ украдкой посматривалъ, онъ читалъ безмолвную скорбь и въ то же время какое-то всепрощающее состраданіе.

Екатерина Алексѣевна пришла къ нему на выручку. Какъ всѣ дамы, она не могла не полюбопытствовать насчетъ того, кто былъ вечеромъ у Коноплиныхъ и какъ удался праздникъ, на который ея дочерей не пригласили. Въ ея вопросахъ слышалось затаенное раздраженіе и злорадная надежда, что празднество вышло неудачно. И Александръ, точно онъ понялъ ея скрытое чувство, отвѣтилъ ей именно такъ, какъ она хотѣла. Онъ обрисовалъ самыми непривлекательными красками и натянутую скуку шумнаго вечера, и все общество, бывшее у Коноплиныхъ. Въ эту минуту онъ былъ даже искреннимъ, съ какою-то злобой насмѣхаясь надъ этимъ обществомъ, точно онъ вымещалъ на немъ внутреннее недовольство самимъ собой. Но долго онъ этой роли выдержать не могъ: его прямодушную натуру возмущали эти принужденныя рѣчи, этотъ фальшивый тонъ, установившійся съ самаго его появленія у Малиновскихъ. Онъ такъ привыкъ смотрѣть на этихъ людей, какъ на близкихъ ему съ самаго дѣтства, почти какъ

на родныхъ, что вдвойнѣ тяжело было держаться съ ними этого оффиціальнаго тона. И всего хуже было то, что Таня—онъ чувствовалъ это—съ первой же минуты разгадала его неискренность, и на лицѣ ея онъ читалъ даже не упрекъ себѣ, а болѣзненное чувство жалости. И едва онъ успѣлъ удовлетворить любопытство Екатерины Алексѣевны, едва наступило короткое молчаніе, онъ взялся за шляпу и поспѣшилъ удалиться подъ предлогомъ головной боли.

Послѣ его ухода Малиновскія долго не рѣшались заговорить о немъ, словно онъ и не былъ у нихъ въ этотъ вечеръ. Онѣ сознавали, что у нихъ у всѣхъ на умѣ складывается тотъ же самый тревожный, недоумѣвающій вопросъ и что громко высказать этотъ вопросъ нельзя, потому что слишкомъ было бы тяжело отвѣтить на него прямо. Даже Варя не рѣшалась коснуться больного мѣста и растравить своею обычною суровостью горестное чувство сестры. Какъ бы сговорившись, онѣ завели рѣчь о постороннихъ предметахъ. И тогда только, когда Таня, измученная долгимъ усиліемъ надъ собой, рѣшилась наконецъ встать, сказавъ, что она чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо, мигомъ у всѣхъ точно языки развязались. Теперь онѣ разомъ почувствовали, что нельзя имъ все таки разойтись, не упомянувъ о томъ, что ихъ всѣхъ тревожило.

— Должно быть у Александра Дмитріевича вышла какая-нибудь очень большая непріятность, — замѣтила Екатерина Алексѣевна,—такая, что даже намъ онъ про нее не рѣшился сказатъ.

— Должно быть, мама,—кротко отвѣтила Таня.—Мнѣ все время такъ жаль было на него смотрѣть.

— По моему его поведеніе очень странно,—сказала, Варя,—и на твоемъ мѣстѣ... впрочемъ, это не мое дѣло я знаю, ты совѣтовъ не любишь.

Таня посмотрѣла на сестру и ничего не отвѣтила. За то Лиза сочла нужнымъ вступиться за Александра Дмитріевича.

— Ты опять все толкуешь въ нехорошую сторону, а я такъ увѣрена, что на дняхъ, можетъ быть, завтра, Александръ Дмитріевичъ объяснится какъ слѣдуетъ.

На этомъ и покончили, какъ будто всѣмъ имъ удовольствіе доставляло обманывать себя, скрывать другъ отъ друга зародившуюся у нихъ боязливую догадку.

И когда Лиза очутилась вдвоемъ съ сестрой въ ихъ общей комнатѣ, она принялась говорить съ ней уже совершенно иначе, утѣшая ее своими ласками и давая волю своему негодованію противъ Александра. Наединѣ съ Таней она уже не боялась оскорбить ее этимъ, какъ тамъ, въ присутствіи матери и старшей сестры.

— Я ему скажу,—твердила она,—непремѣнно скажу, когда съ нимъ увижусь, что этакъ нельзя, что онъ теперь долженъ все дѣлить съ тобой, и радость и горе, и тайнъ отъ тебя онъ не долженъ имѣть никакихъ. И на твоемъ мѣстѣ, коли завтра же онъ не придетъ и не объяснится, я бы крѣпко подумала, выходить ли за него. А кабы рѣшилась выйти, такъ прочла бы ему такую нотацію... длинную, предлинную. Когда у меня будетъ женихъ, я его заставлю себя слушаться во всемъ. Я вѣдь не такая, какъ ты...

Таня улыбнулась сквозь слезы, до того ей забавнымъ показалось желаніе ея задорной сестрички прочесть нотацію такому важному и серьезному человѣку, какъ Александръ Дмитріевичъ.

V.

Отъ Малиновскихъ Александръ домой не пошелъ. До поздней ночи онъ бродилъ по пустыннымъ алеямъ дворцоваго сада, безсильный освободиться отъ томящаго чувства стыда и недовольства собой. Какъ всѣ люди, живущіе одною умственною жизнію и незнакомые съ

тревожною внутреннею борьбой противорѣчивыхъ ощущеній, онъ не находилъ исхода изъ сложной задачи, на которую такъ неожиданно его наткнула судьба. Онъ привыкъ до сихъ поръ видѣть предъ собой ясную, прямую дорогу, и единственные вопросы, съ которыми онъ былъ знакомъ, мирные вопросы науки, не снабдили его пригодною мѣркой для несравненно болѣе сложныхъ задачъ дѣйствительной жизни. Ему казалось, что путемъ логики разрѣшаются всѣ затрудненія, но теперь это послушное орудіе оказывалось безсильнымъ. Онъ пробовалъ разсуждать со своимъ чувствомъ, мучительно доходилъ до вывода, казавшагося несомнѣннымъ, и съ удивленіемъ замѣчалъ, что выводъ этотъ все таки не приводилъ ни къ чему. „Вѣдь въ сущности ничего не случилось со вчерашняго дня“, сотый разъ повторялъ онъ себѣ. Я женюсь на Танѣ, какъ только покончу съ диссертаціей. Такъ было рѣшено, такъ оно и будетъ...

И Александръ чистосердечно воображалъ, что затрудненій въ самомъ дѣлѣ никакихъ нѣтъ, что онъ попрежнему твердо намѣренъ жениться на Танѣ, и на этомъ ему слѣдовало успокоиться. И все таки этотъ логически построенный выводъ тутъ же разпадался, какъ карточный домикъ. То ощущеніе безмятежнаго счастія, которое онъ силился въ себѣ воскресить, упорно ему не давалось. Какъ заря брежжится раннимъ утромъ, въ немъ просыпалось сознаніе иныхъ, болѣе тревожныхъ радостей. И впервые онъ почувствовалъ, что въ данномъ обѣщаніи было что-то тяготившее его, какая-то узда, которую ему хотѣлось сбросить... Вѣдь эта Леля эта взбалмошная дѣвочка, на которой жениться нельзя... втайнѣ онъ безумно жаждалъ сближенія съ нею. Нѣтъ тысячу разъ нѣтъ!.. Онъ рѣшительно закачалъ головой точно хотѣлъ стряхнуть отъ себя это безумное желаніе и, отчаиваясь въ возможности доказать самому себѣ, что семейная жизнь съ Таней сулитъ ему давно желанное счастіе, онъ прибѣгнулъ къ послѣднему отчаянному средству, онъ принудилъ къ молчанію проснувшуюся

страсть и сказалъ себѣ уже не какъ выводъ безпомощнаго ума, а какъ рѣшеніе честной, неподкупной воли, что на слѣдующій же день онъ объяснится съ Малиновскими и окончательно свяжетъ себя на цѣлую жизнь...

Прошло однако цѣлыхъ три дня, и рѣшеніе оставалось неисполненнымъ: Александръ не былъ у Малиновскихъ. Онъ придумывалъ разные предлоги, чтобъ отсрочить рѣшительное объясненіе. Длинные часы онъ проводилъ за своею диссертаціей, принуждая къ работѣ свой усталый мозгъ. Онъ съѣздилъ даже въ Петербургъ, увѣряя себя, что ему необходимо побывать въ Публичной Библіотекѣ для какихъ-то справокъ. Всѣ эти три дня онъ не переставалъ обвинять себя въ низкой лжи, въ нравственной трусости. Разговоровъ съ Смекаловымъ онъ всячески избѣгалъ, какъ бы чувствуя, что насмѣшливые глаза пріятеля пронизываютъ его насквозь.

И вотъ разъ, когда усталый отъ недававшейся работы и отъ недовольства собой, онъ усердно строчилъ диссертацію, чтобы потомъ вымарывать написанное, онъ услышалъ вдругъ снизу знакомый молодой голосокъ. Это была Лиза, спрашивавшая у кого-то, дома ли Александръ Дмитріевичъ.

— Пожалуйте, барышня, они у себя,—отвѣтила кухарка.

Александръ вздрогнулъ и поднялся съ мѣста. „Не случилось ли ужъ чего?“ подумалъ онъ.—Минуту спустя, Лиза не совсѣмъ рѣшительно, но безъ смущенія на лицѣ, растворяла дверь въ его комнату.

— Можно къ вамъ? Вы одни?—спросила она. Тутъ она вдругъ покраснѣла, точно ей теперь только стало ясно, что есть въ ея поступкѣ что-то неприличное.

— Лиза, какими судьбами? Что у васъ въ домѣ... всѣ здоровы?

— Ахъ, вы думаете я непремѣнно съ дурными вѣстями.

— Тѣмъ лучше, если нѣтъ, конечно... Я очень, очень радъ васъ видѣть. Сядьте, пожалуйста, вотъ сюда.

Онъ торопливо пододвинулъ ей кресло. Александръ чувствовалъ, что почти робѣетъ предъ этимъ ребенкомъ, и въ ея глазахъ тщетно старался отыскать обычную шаловливость. Глаза эти были устремленны на него съ пристальнымъ недовѣрчивымъ вниманіемъ.

— Я пришла къ вамъ,—начала дѣвушка, — чтобы спросить у васъ, отчего васъ такъ давно не видать. Что съ вами? Мама очень безпокоится, а Таня...

— Она здорова, надѣюсь?—перебилъ ее Александръ.

— Она, бѣдная, разстроена совсѣмъ, по ночамъ не спитъ, все плачетъ... Вы, пожалуйста, не думайте, что меня къ вамъ прислали. Я сама пришла и никому не сказала. Меня стали бы бранить дома, еслибъ узнали.

Все это Лиза проговорила рѣшительно, порывисто, безъ малѣйшаго оттѣнка прежняго кокетства. Александръ стоялъ предъ нею, какъ предъ судьей.

— Я пришла, потому что мнѣ не въ терпежъ стало глядѣть на бѣдную сестру. Она вѣдь... любитъ васъ, Александръ Дмитріевичъ.—Лиза понизила голосъ и потупилась,—и вы должны...

— Я не могъ у васъ быть,—торопливо проговорилъ Александръ,—потому что страшно занятъ все это время и вы видете, сегодня тоже.—И онъ указалъ на бумаги, разбросанныя на столѣ.—Вчера я въ Петербургъ ѣздилъ, но сегодня, сегодня вечеромъ я непремѣнно буду у васъ.

— Но вы—продолжала Лиза, опять поднимая на Александра глаза,—вѣдь женитесь на Танѣ, не правда ли? Послушайте, Александръ Дмитріевичъ, я все вѣдь слышала въ тотъ вечеръ, когда вы говорили съ нею... Вы сдержите слово?

Вся кровь бросилась въ лицо Александра.

— Да, да, конечно... еще бы,—отвѣтилъ онъ, путаясь.

— Вы на ней женитесь?—повторила Лиза свой вопросъ, все такъ же строго глядя на него.—Ваше слово?

Онъ протянулъ ей руку, но не успѣлъ отвѣтить. Въ комнату входилъ Смекаловъ.

— А,—заговорилъ Сергѣй Адріановичъ, насмѣшливо косясь на Лизу,—помѣшалъ, извините!

Лиза вспыхнула. Чутье ей подсказало, что значилъ двусмысленный взглядъ, брошенный на нее Смекаловымъ.

— До свиданья, Александръ Дмитріевичъ,—сказала она вставая,—вы будете у насъ стало быть сегодня?

Она поспѣшила скрыться за дверь. Александръ хотѣлъ ее проводить, но дѣвочка не оборачиваясь торопливо сбѣжала съ лѣстницы

— Что, милый мой, заговорилъ опять Смекаловъ, когда Александръ вернулся въ комнату, — вторично застаю тебя врасплохъ? А?..

Борскій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе рукой, но Смекаловъ не унялся.

— Три дня назадъ,—продолжалъ онъ, — встрѣчаю тебя вдвоемъ съ Лелей Зарубиной, а теперь вотъ уже до того дошло, что у себя принимать сталъ очаровательныхъ дѣвицъ! И на этотъ разъ самый, что ни на есть бутончикъ, подросточекъ какой-то. Грѣховодникъ ты этакой! А я въ простотѣ сердечной вѣрилъ въ твое профессорское цѣломудріе. Поздравляю!

— Перестань, Смекаловъ. Дѣвушка, которая была здѣсь сейчасъ, будущая моя свояченица, младшая сестра моей невѣсты.

Смекаловъ развелъ руками.

— Ты женишься?—воскликнулъ онъ, продолжая смѣяться.—Часъ отъ часу не легче. Такъ вдругъ рѣшился вступить въ законный бракъ и мнѣ про это ни слова?! И на комъ это, ради Бога, на комъ?

— Повторяю тебѣ,—нетерпѣливо возразилъ Александръ,—брось этотъ нелѣпый, трунящій тонъ: онъ, право, не у мѣста. Я говорю совершенно серьезно. Моя невѣста—дочь того самого человѣка, въ домѣ котораго я былъ воспитанъ, Татьяна Николаевна Малиновская.

Смекаловъ сперва молча взглянулъ на Александра, точно онъ сразу не могъ повѣрить его словамъ, потомъ онъ протянулъ ему руку и заговорилъ уже совсѣмъ въ иномъ тонѣ.

— Ну коли такъ, прими мои поздравленія. Нечего сказать, огорошилъ ты меня этимъ извѣстіемъ. И это на самомъ дѣлѣ твердое, безповоротное рѣшеніе?! И можно...—добавилъ онъ, опять улыбнувшись,—объявить объ этомъ всѣмъ знакомымъ?

— Нѣтъ, не говори еще никому: это пока между нами. Я по настоящему еще не получилъ формальнаго согласія.

— Ба, ба, ба, не получилъ еще формальнаго... Какъ ты это смѣшно сказалъ! И какимъ ты страннымъ глядишь, Борскій... Совсѣмъ не женихомъ, право, какъ будто ожидаемое согласіе совсѣмъ тебя даже не радуетъ...

— Смекаловъ, прошу тебя,—попробовалъ его остановить Александръ, но Сергѣй Адріановичъ на его слова не обратилъ никакого вниманія.

— Послушай, Борскій,—заговорилъ онъ, принимаясь быстро ходить по комнатѣ.—Если окончательный шагъ еще не сдѣланъ, если приговоръ не вошелъ въ законную силу—потому что ты вѣдь совершенно приговореннымъ смотришь, даю тебѣ честное слово — выслушай дружескій совѣтъ: раздумай, или, по крайней мѣрѣ, повремени. Ты,—не сердись на меня, — въ мужья не годишься. Настоящая твоя невѣста — твоя каѳедра, и ей одной ты останешься всегда вѣренъ. Кто наукѣ отдался, какъ ты, Александръ! — тотъ принесъ самъ того не зная, обѣтъ безбрачія. И я увѣренъ — говори ты тамъ, что ты хочешь—въ твоемъ рѣшеніи жениться лежитъ какое-то скрытое, нелѣпое самопожертвованіе, эпитимія, которую ты самъ на себя наложилъ за что-то.

Слова пріятеля болѣзненно отзывались въ ушахъ Борскаго. Опустившись въ кресло, онъ слушалъ молча,

и хотя его сморщенный лобъ ясно говорилъ, какъ тяжело ему получать эти непрошенные совѣты, на его лицѣ выражалось не раздраженіе, а скорѣе что-то похожее на скорбь. Но именно потому, что онъ самъ внутренно почти вторилъ Смекалову, въ немъ крѣпла рѣшимость во что бы то ни стало быть вѣрнымъ данному слову.

— И невѣста твоя,—продолжалъ между тѣмъ Сергѣй Адріановичъ, — я вѣдь ее встрѣчалъ нѣсколько разъ, — положимъ, дѣвушка прекрасная, настоящая профессорская супруга, скромная, тихая, серьезная... и любишь ты ее смолоду... Все это отлично, положимъ, но вотъ что я тебѣ скажу. Тѣ дѣвушки, которыя у насъ выросли на глазахъ, рѣдко намъ въ жены годятся, слишкомъ ужъ онѣ напоминаютъ книгу, нѣсколько разъ перечитанную... И какъ разъ для такого человѣка, какъ ты, совсѣмъ еще нетронутаго жизнію, такая жена всего менѣе пригодна. Твоя Таня старинную нѣмецкую симфонію напоминаетъ: въ ея характерѣ, въ самомъ ея лицѣ есть что-то говорящее о тихой лунной ночи, или хотя бы о монастырской службѣ въ Великій Постъ... Понимаешь, что-то ровное, серебристое, безконечно спокойное. Но все это хорошо развѣ для человѣка сильно пожившаго, какъ пристань для корабля, совершившаго кругосвѣтное плаваніе. Ну а ты... если когда-нибудь въ тебѣ проснется звѣрь?.. И онъ непремѣнно проснется, онъ даже теперь шевелится въ тебѣ... а что тогда? Тебѣ захочется бури, опьяняющаго чего-то, дикаго, страстнаго... положимъ, на мигъ только захочется, потому что ты все таки для бури не рожденъ... Но порывъ будетъ, и чѣмъ короче, тѣмъ сильнѣе... А что тогда? Предъ тобой Мадонна твоя, все такая же безотвѣтная и безупречная, и ты возненавидишь ее за эту самую ея безупречность, возненавидишь и проклинать будешь день, въ который ты на ней женился!..

Сергѣй Андріановичь остановился предъ Александромъ, договоривъ послѣднія слова съ нѣкоторымъ па-

ѳосомъ. Въ эту минуту въ немъ слышался привычный ораторъ.

— Что, ни слова въ отвѣтъ?—спросилъ онъ, вглядываясь въ смущенное лицо пріятеля.—Поникъ головой, и ни слова?! Значитъ самъ признаешь, что я правъ...

— Оставь меня, Смекаловъ, не мучь... Вѣдь ты не повѣришь, какъ тяжело это выслушивать, — глухо проговорилъ Александръ.

Смекаловъ опять на него посмотрѣлъ и, не сказавъ болѣе ни слова, вышелъ изъ комнаты, бережно притворяя за собой дверь.

VI.

Александръ сдержалъ слово, данное Лизѣ. Въ тотъ же вечеръ судьба его была рѣшена. Онъ сказалъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ про свою помолвку съ Таней, въ ея присутствіи еще разъ повторилъ невѣстѣ то же, что говорилъ, когда объяснился съ ней въ первый разъ, и будущая теща, растроганная не въ мѣру, прослезилась и обняла его своими добрыми, мягкими, немного сморщенными руками. Она искренно, довѣрчиво радовалась, что исполнено, наконецъ, ея давнишнее желаніе, и съ добродушною болтливостью принялась обсуждать всѣ подробности свадьбы и будущей совмѣстной жизни молодыхъ, не примѣчая даже, какъ разсѣянно и неохотно отвѣчалъ на это Александръ. За то прочіе это примѣтили, и какъ ни старался онъ придать задушевности своему голосу, какъ ни громко поздравляли его и Лиза, и Варя, обѣ чувствовали, что есть недомолвка какая-то въ его словахъ и ложь во всей этой общей ихъ радости. И Варя даже, хоть и не возразила она ничего на обращенный къ ней торжествующій взглядъ матери, два раза остановила Александра, когда онъ явно невпопадъ отвѣтилъ на какой-то вопросъ Екатерины Алексѣевны. Она такъ и не спускала съ него

испытующаго взгляда своихъ холодныхъ глазъ, и Александръ, чувствуя на себѣ этотъ взглядъ, еще живѣе ощущалъ затаенную вину передъ семьей Малиновскихъ, и еще большихъ усилій ему стоило выдержать до конца свою роль счастливаго жениха. А на лицѣ невѣсты онъ читалъ что-то во сто разъ худшее этого недовѣрчиваго укора, что-то еще болѣзненнѣе отзывавшееся въ его виноватомъ сердцѣ. Въ ея глазахъ была кроткая, безропотная покорность, какъ будто ей въ этотъ вечеръ не радоваться приходилось, а смиренно идти навстрѣчу ожидавшей ее жертвы. И когда онъ пожималъ ея руку, а потомъ эту руку поднесъ къ губамъ и онѣ скользнули, да, только скользнули по ней, Таня сперва отвѣтила на его пожатіе, а потомъ тихо, бережно отняла свою руку, точно она хотѣла ему сказать, что онъ не долженъ цѣловать ее, что въ поцѣлуяхъ его ложь. И сердце Александра горестно сжималось отъ сознанія какого-то скрытаго невольнаго обмана, и тѣмъ недостойнѣе былъ этотъ совершаемый имъ обманъ, что жертвой его должны были сдѣлаться эти добрые, честные, довѣрчивые люди, когда-то пріютившіе его, бездомнаго, полунищаго мальчика, и съ тѣхъ поръ встрѣчавшіе его съ такою теплою лаской. Но въ чемъ же, говорилъ онъ себѣ между тѣмъ, приходилось ему упрекать себя, когда онъ только что исполнилъ данное слово и былъ готовъ принести въ жертву все свое будущее? Онъ хотѣлъ ухватиться за эту мысль, чтобъ оправдать себя въ собственныхъ глазахъ. Но едва слово „жертва“ промелькнуло у него въ головѣ, настоящій ужасъ охватилъ его. Какъ?! Онъ мысленно называлъ жертвой сватовство на этой дѣвушкѣ, къ которой онъ привязался такъ давно, и, стало быть, въ немъ было иное, болѣе сильное чувство, которое онъ тщетно старался въ себѣ подавить изъ за вѣрности данному слову?!

— Александръ Дмитріевичъ,—услышалъ онъ вдругъ голосъ Екатерины Алексѣевны, — вамъ надо, я думаю, дать теперь наговориться съ невѣстой?

Онъ словно очнулся, услыхавъ это; до того завладѣли имъ терзавшія его противорѣчивыя мысли. А Екатерина Алексѣевна такъ добродушно улыбалась, говоря это...

— Таня, дружокъ мой,—продолжала ея мать.—Хочешь въ садъ пойти съ женихомъ? Поди, мой ангелъ, поди. Вамъ, должно быть, есть о чемъ потолковать.

Таня молча поднялась съ мѣста и направилась къ дверямъ. Александръ послѣдовалъ за нею, и опять въ немъ живо сказалось чувство виновности предъ всѣми этими близкими людьми. Съ поникшею головой онъ спустился въ садъ. Ему припомнился тотъ недавній вечеръ, когда онъ ходилъ тутъ же вокругъ этой крошечной лужайки, и сердце его не знало еще тревогъ, сомнѣній и борьбы, и весь онъ отдавался надеждѣ на честную, трудовую жизнь.

Вечеръ былъ такой же тихій и ясный. Сумерки только стояли гуще, чѣмъ тогда. На небѣ уже всѣ звѣзды зажглись, и распустившійся кустъ жасмина наполнялъ воздухъ своимъ крѣпкимъ запахомъ. Александръ опять шелъ рядомъ съ невѣстой, но прежнія рѣчи уже не просились къ нему на языкъ. Онъ уже не заговаривалъ съ ней объ ихъ будущемъ житьѣ, о скромномъ, тихомъ счастіи въ маленькой, уютной квартиркѣ: лукавить и притворяться онъ не умѣлъ. Таня пришла къ нему на помощь, повернувъ разговоръ на самые безразличные предметы. Она сдѣлала это просто, безъ усилія, какъ дѣлала она все, только необыкновенно грустнымъ казалось ея лицо, когда онъ старался разглядѣть ея черты въ полумракѣ ночи. И она первая ему предложила вернуться въ домъ, сказавъ, что ей холодно что-то. Къ чему было продолжать бесѣду, которую и онъ, и она могли бы вести съ любымъ посторроннимъ, но въ которой для нихъ обоихъ въ эту безмятежную ночь, подъ яркимъ блескомъ этихъ безчисленныхъ звѣздъ, было что-то недостойное, обидное, зловѣщее?!..

— Что, успѣли наговориться?—встрѣтила ихъ Екатерина Алексѣевна.

Вопросъ ея остался безъ отвѣта. Четверть часа спустя Александръ простился, и, странное дѣло, всѣ, даже Екатерина Алексѣевна почувствовали какое-то облегченіе послѣ его ухода.

Прервала, наконецъ, молчаніе Екатерина Алексѣевна,

— А съ нимъ что-то случилось, чего онъ намъ не говоритъ,—робко и нерѣшительно сказала она, избѣгая глядѣть на старшую дочь.—Вѣдь не такимъ онъ былъ прежде, не правда ли, Таня?

— Не знаю, мама. Онъ самъ намъ скажетъ, коли есть что-нибудь, а разспрашивать его объ этомъ, по моему, нельзя...

— Конечно, нельзя, конечно,—поспѣшила отвѣтить Екатерина Алексѣевна.—Но какая ты блѣдная, Таня! Нездорова ты, что ли? Пойди ка сюда, невѣста дорогая, дай ка я тебя поцѣлую, еще разъ поздравлю.

Таня подошла къ матери и опустилась передъ ней на колѣни. Екатерина Алексѣевна обняла ее и, покачивая головой, принялась гладить ея волосы.

— Что, дружокъ мой? Скажи.. Мнѣ ты все можешь сказать.—И въ голосѣ ея слышалась истинная материнская ласка, искреннѣе, нѣжнѣе которой не бываетъ, потому что говоритъ она о чувствѣ, котораго никакое разочарованіе ослабить не можетъ. Таня горячо отвѣтила на поцѣлуй матери, но своего горя она ей все таки не выдала.

Не выдала она его и Лизѣ. Въ этотъ вечеръ, когда обѣ сестры остались вдвоемъ, про Александра онѣ не упомянули ни словомъ. Лиза глядѣла сердито и молча улеглась, нетерпѣливо скидывая платье. Потомъ, только уже цѣлый часъ спустя, она, прислушавшись, спросила вдругъ сестру:

— Что, Таня, ты плачешь?

— Нѣтъ, мой дружокъ, тебѣ только такъ кажется,—своимъ ровнымъ, тихимъ голоскомъ отвѣтила та.—А что жъ ты не спишь?

— Такъ, не хочется,—коротко отвѣтила Лиза и снова уткнулась головой въ подушку.

Прошло еще два дня. Александръ приходилъ къ Малиновскимъ каждый вечеръ, привезъ невѣстѣ подарки: браслетикъ съ бирюзой и портретъ свой въ золотомъ медальончикѣ, старался глядѣть счастливымъ и на вопросъ Екатерины Алексѣевны — она не стерпѣла таки и спросила, не было ли съ нимъ какой непріятности — онъ развязно отвѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ были какія-то служебныя дрязги по министерству, но всѣ онѣ улажены теперь и говорить про это не стоитъ. Но его старательная непринужденность выходила какъ-то очень натянутою и совсѣмъ не удавалось ему попасть въ прежній задушевный тонъ. Нельзя было этого не замѣтить. Даже у Тани подчасъ какое-то строптивое, почти негодующее чувство подымалось въ груди, и ей хотѣлось у него спросить, зачѣмъ онъ обманываетъ ихъ и себя, зачѣмъ нарушилъ ровное теченіе ихъ жизни.

Александръ тоже все сильнѣе ощущалъ недовольство собою. Онъ пробовалъ успокоить себя тѣмъ, что всѣ эти пять дней онъ не видался съ Лелей Зарубиной и не думалъ о ней даже, по крайней мѣрѣ не позволялъ себѣ думать. Александръ словно даже выставлялъ себѣ за это хорошую отмѣтку, какъ школьнику учитель, но тутъ же онъ ловилъ себя на лжи, и какъ разъ въ эти минуты неудержимо сказывалось у него желаніе встрѣтиться съ Лелей. И вотъ, наконецъ, онъ однажды вечеромъ нашелъ у себя на столѣ крошечную записку, на которой адресъ его былъ написанъ мелкимъ, незнакомымъ ему женскимъ почеркомъ. Монограммы не было, но почему-то, вскрывая конвертъ, онъ ни минуты не сомнѣвался, отъ кого эта записка. Прочелъ онъ слѣдующее: „Удивляюсь вамъ, право. Взялись быть моимъ совѣтчикомъ и учителемъ, и такъ сразу на первомъ же шагу бросили свою ученицу на произволъ судьбы. Отчего вы глазъ не кажете, отчего не встрѣтишь васъ нигдѣ? Или вы меня боитесь? Или

вы такъ ужъ заняты своей... диссертаціей? Ахъ, профессоръ, профессоръ! Неужели въ жизни всего только есть бумажная ваша сухая наука? Нѣтъ, шутки въ сторону! Мнѣ въ самомъ дѣлѣ надо съ вами повидаться еще разъ, еще разъ получить отъ васъ выговоръ. Такія ко мнѣ недобрыя мысли приходятъ иногда въ голову, такъ я собой недовольна... Мнѣ совѣта надо и поддержки, говорю вамъ это серьезно. Ваша Л. З.“

Александръ, едва онъ прочелъ записку, сердито швырнулъ ее на письменный столъ, точно въ самомъ дѣлѣ онъ негодовалъ на Лелю за то, что она вздумала напомнить ему о себѣ. А лицо его между тѣмъ такъ и освѣтилось отъ вспыхнувшей на немъ живой, неподдѣльной радости. И не прошло и минуты, какъ онъ опять жадно схватилъ только что брошенный предъ тѣмъ клочекъ бумаги, исписанный мелкимъ, торопливымъ почеркомъ. Воспаленными, заблестѣвшими глазами онъ впился въ эти немногія строки, допытываясь въ нихъ какого-то сокровеннаго смысла, хоть и увѣрялъ себя въ то же время, что его раздражала навязчивость молодой дѣвушки. Нѣтъ, онъ упрекалъ ее напрасно, навязчивости и слѣда не было въ ея поступкѣ. Записка вся дышала чистосердечіемъ. Вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ поступилъ съ ней нехорошо, зачѣмъ было ему вмѣшиваться въ ея жизнь, брать на себя роль какого-то строгаго совѣтчика, чтобы забыть ее тотчасъ же, когда она была готова откликнуться на его слова. Да, нельзя было усомниться въ ея искренности. Она искала въ немъ поддержки, признавалась въ недобрыхъ мысляхъ, овладѣвшихъ ею... Онъ догадывался вѣдь, что это были за мысли, навѣянныя, конечно, Смекаловымъ. И Александръ сказалъ себѣ, что онъ не имѣетъ права оставить ея призывъ безъ отвѣта. Онъ уже не можетъ смотрѣть на нее, какъ на чужую. И воображеніе его стало живо рисовать подробности ихъ будущей встрѣчи, обольщая его призракомъ мнимыхъ обязанностей къ Лелѣ.

Но и на этотъ разъ Александръ устоялъ противъ

искушенія. Онъ принялся уже за перо, чтобъ отвѣтить Лелѣ, какъ его остановила вдругъ мысль объ иныхъ, на мигъ позабытыхъ обязанностяхъ. Онъ вѣдь не принадлежалъ себѣ, онъ не могъ обманываться, какъ мальчикъ, насчетъ чувства, вызваннаго у него письмомъ Лели Зарубиной. Въ этомъ чувствѣ была измѣна другой дѣвушкѣ, которой онъ обѣщалъ лишь три дня предъ тѣмъ отдать всю свою жизнь безповоротно и безраздѣльно. Если онъ далъ себя увлечь неосторожно, пора было съ этимъ покончить. Раздваивать свою жизнь безнаказанно нельзя, и жертвовать надо какъ разъ тѣмъ, что кажется наиболѣе дорогимъ. Въ этомъ-то вѣдь и заключается жертва, что мы не туда идемъ, куда насъ тянетъ... „Да, покончить надо съ этимъ, разомъ покончить! Я увижусь съ ней, конечно, но дамъ ей понять, что на меня ей разсчитывать нечего. Пусть думаетъ обо мнѣ, что хочетъ!

VII.

Судьба, извѣстное дѣло, большая насмѣшница. И надъ твердымъ рѣшеніемъ Александра она насмѣялась самымъ негаданнымъ, хотя, въ то же время, самымъ простымъ незатѣйливымъ образомъ. Когда на слѣдующій день онъ въ обычный часъ отправился къ Малиновскимъ,— путь его лежалъ мимо верхняго Дворцоваго сада,—его потянуло вдругъ туда послушать военную музыку. Оркестръ игралъ, какъ разъ въ это время, попурри изъ *Гугенотовъ*, и потрясающіе аккорды знаменитаго хора четвертаго акта, одной изъ любимыхъ вещей Александра, мигомъ приковали его вниманіе, „Что жъ, опоздаю немного, подумалъ онъ, не взыщутъ“... Да и захотѣлось ему лишнихъ полчаса остаться подъ открытымъ небомъ, подышать чуднымъ, вечернимъ воздухомъ, только что остывшимъ послѣ знойнаго дня. И онъ свернулъ направо въ садъ, не признаваясь себѣ, что не одна му-

зыка его туда манила, а была въ немъ полубезсознательная надежда увидать тамъ Лелю Зарубину. И Александръ не ошибся. Онъ быстро шелъ впередъ, отыскивая свободное мѣсто на какой-нибудь скамейкѣ, какъ вдругъ его окликнулъ насмѣшливый голосъ Смекалова.

— А, профессоръ, иди ка сюда, здѣсь знакомые...

Борскій обернулся. Въ десяти шагахъ отъ себя на одной изъ скамеекъ у фонтана, онъ увидѣлъ Лелю съ цѣлою свитою усердно болтавшей молодежи. Ее обступили Смекаловъ, Николай Коноплинъ и съ нимъ двое студентовъ, да еще три офицера. Всѣхъ этихъ господъ Александръ уже видѣлъ на вечерѣ Коноплиныхъ. Общество было очевидно самое развеселое. Другихъ дамъ тутъ не было, но Леля и безъ ихъ помощи какъ нельзя лучше справлялась со всею этою молодежью, бойко поддерживая жужжавшую вокругъ нея перекрестную болтовню.

— Что ты это, милый мой,—продолжалъ Смекаловъ,—стремишься впередъ такъ прямолинейно, что не узнаешь друзей. Елена Васильевна тебѣ кланяется, а ты и вниманія не обращаешь...

Александръ нехотя подошелъ и едва отвѣтилъ на пожатіе руки, протянутой ему Лелей. Его непріятно поразило, что онъ встрѣтилъ ее въ этомъ шумномъ обществѣ и она съ такимъ очевиднымъ удовольствіемъ принимала эту пошлую дань поклоненія ея красотѣ, какъ въ первую встрѣчу на вечерѣ у Коноплиныхъ. Слишкомъ ужъ въ разрѣзъ шло это съ тономъ ея письма.

— Въ какія это вы мысли углубились, Александръ Дмитріевичъ?—спросила она, устремивъ на него сверкавшіе глазки, и Александру показалось, что въ этихъ глазкахъ онъ прочелъ затаенную досаду.—Можно васъ поисповѣдывать?..

— Нѣтъ, ужъ лучше увольте его отъ исповѣди на сей разъ,—вмѣшался Смекаловъ.— Размышленія моего благороднаго друга слишкомъ глубокомысленны, нашему разговору не подъ масть.

— Напрасно ты безпокоишься,—холодно возразилъ Александръ.—Я вовсе не намѣренъ всѣмъ вамъ надоѣдать исповѣдью, ни для кого не интересною...

Леля взглянула на него пристальнѣе прежняго: она сразу уловила скрытое раздраженіе въ его голосѣ, и блестѣвшіе ея глаза мгновенно потухли.

— Ну, такъ что жъ, Елена Васильевна, идетъ, значитъ?—спросилъ Николай.

— Полноте, Николай Гавриловичъ, перестаньте дурачиться! Разумѣется не идетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ извините,—послышалось со всѣхъ сторонъ,—не извольте отвиливать.

— За минуту еще вы увѣряли,—вмѣшался Смекаловъ,—что мы навѣрняка проиграемъ пари, такъ не отказывайтесь же отъ своихъ словъ. Помните условіе.

— Пусть Александръ Дмитріевичъ будетъ судьей,—закричалъ Николай.—Вотъ въ чемъ дѣло. Рѣшено завтра всею компаніей ѣхать въ Ораніенбаумъ, только Елена Васильевна отправится туда съ поѣздомъ, а мы, усадивъ ее, конечно, въ вагонъ, должны верхомъ обогнать ее и встрѣтить тамъ на станціи. Если мы выиграемъ, Елена Васильевна обязалась весь день провести съ нами, отобѣдать и отъужинать и ни отъ чего не отказываться, въ особенности отъ шампанскаго. Ну, а коли мы проиграемъ, разумѣется, каждый изъ насъ поднесетъ ей что-нибудь ужъ по своему усмотрѣнію. Смекаловъ проиграетъ, за это я ручаюсь. Вѣдь не дурное пари а? Можетъ быть и вы захотите въ немъ принять участіе, Александръ Дмитріевичъ?

— Нѣтъ, я на такія предпріятія не гожусь,—медленно, почти грустно, произнесъ Александръ.— А вамъ и Еленѣ Васильевнѣ тоже я, разумѣется, отъ души желаю повеселиться.

Всѣхъ поразило что-то необыкновенно сдержанное и въ то же время какъ бы страдальческое въ выраженіи его лица и въ звукѣ его голоса.

— Что жъ, идетъ, стало быть?—повторилъ Николай.

— Нѣтъ, говорю вамъ, нѣтъ,—взволнованнымъ тономъ отвѣтила Леля.—Это была шутка, больше ничего... Александръ Дмитріевичъ, — обратилась она вдругъ къ Борскому, и въ глазахъ ея опять промелькнули гнѣвныя искорки,—скажите пожалуйста, вы на письма имѣете обыкновеніе отвѣчать?

— Конечно, имѣю,—насмѣшливо и какъ-то горько отвѣтилъ онъ.—Только иногда, право, лучше, когда помедлить отвѣтомъ. Бываетъ вѣдь такъ, что благодаря случаю всякій отвѣтъ становится излишнимъ. До свиданія, Елена Васильевна, и еще разъ желаю вамъ повеселиться завтра какъ можно лучше.

Приподнявъ шляпу и никому не протянувъ руки, онъ отвернулся и быстро отошелъ.

Но къ Малиновскимъ Александръ все таки не отправился. Безсознательно, точно кто-то его подталкивалъ, онъ прошелъ черезъ нижній этажъ Дворца на мраморную террасу, и, не удостоивъ ни единымъ взглядомъ могучую струю воды, вырывавшуюся изъ пасти золоченаго льва и точно силившуюся доплеснуть до розовыхъ облаковъ на вечерѣвшемъ небѣ, онъ быстро спустился въ нижній садъ и направился къ берегу моря. Ему хотѣлось только уйти отъ людей, отъ говора веселыхъ голосовъ и отъ шума военнаго оркестра, наигрывавшаго теперь какой-то праздничный маршъ. Тутъ вблизи морскаго берега было совершенно безлюдно, слышался только отдаленный плескъ фонтановъ, да сдержанный шопотъ густыхъ вѣтвей, по которымъ осторожно пробѣгалъ вечерній вѣтерокъ, тянувшій съ моря. И такъ хорошо было глядѣть на это сѣровато-голубое небо, вдали уже задернутое надвигавшеюся тѣнью, а тамъ надъ моремъ сверкавшее еще въ яркомъ отблескѣ заката. Точно ожерелья изъ разноцвѣтныхъ камней блестѣлъ надъ западнымъ небосклономъ освѣщенный край дымчатаго облака, а подъ нимъ тянулась оранжево-пурпурная лента, гдѣ-то сливаясь съ гладкою поверхностью воды. Огромнымъ зеркаломъ казался за-

ливъ, отражавшій на гребнѣ чуть примѣтныхъ волнъ багряный отблескъ заката, точно золотыя искры переливались отъ волны къ волнѣ. А у самаго берега легкая пѣна прибоя точно жемчугомъ обдавала сѣрую, чуть чуть колыхавшуюся гладь, и съ какою-то лаской спокойныя воды играли съ камешками на берегу.

Александръ усѣлся на одной изъ скамеекъ и опустилъ голову на руки. Безучастнымъ, тупымъ взглядомъ онъ слѣдилъ за мелкими волнами, тихо плескавшимися о берегъ, и за медленною смѣной тоновъ на вечернемъ небѣ, гдѣ мало по малу потухала заря. И на него самого тоже будто сумерки надвигались, и все мрачнѣе становилось у него на сердцѣ. Про Малиновскихъ, про свою невѣсту онъ теперь совсѣмъ забылъ. И еслибъ онъ попытался спросить у себя, что значила охватившая его глубокая, давящая скорбь, онъ бы изумился неизбѣжному отвѣту. Всѣ его помыслы въ эту минуту принадлежали одной Лелѣ, и разочарованіе въ ней мигомъ заставило его позабыть обо всемъ остальномъ. Цѣлый часъ, быть-можетъ, онъ просидѣлъ тутъ, тщетно ожидая, что тихій вечеръ и спокойная краса едва колыхавшагося моря навѣетъ миръ и на его душу. Все темнѣе надвигалась ночь и все явственнѣе сказывалось въ немъ безсиліе стряхнуть съ себя овладѣвшее имъ малодушное горе. Наконецъ онъ всталъ, ощущая во всемъ тѣлѣ какую-то безпричинную истому, онъ хотѣлъ было повернуть назадъ ко Дворцу, какъ вдругъ на другой скамейкѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя онъ увидѣлъ женскую фигуру, тоже поднявшуюся съ мѣста съ нимъ. Александръ узналъ Лелю Зарубину и весь вздрогнулъ. Онъ остановился. Медленно подойдя къ нему, Леля заговорила первая.

— Александръ Дмитріевичъ,—начала она робко,—я искала васъ по всему саду, долго, долго искала... Мнѣ надо объяснить вамъ... Вы, вы ушли въ такомъ раздраженіи... Я все не рѣшалась къ вамъ подойти. Вы казались такимъ... такимъ...

— Я думаю,—рѣзко перебилъ онъ ее,—всякія объясненія между нами излишни. Для меня и такъ совершенно ясно,—онъ нервно засмѣялся,—что я предъ вами разыгралъ комическую, нелѣпую роль, надоѣдая вамъ ненужными совѣтами...

— А если мнѣ напротивъ,—она проговорила это совсѣмъ тихо, обращая на него виноватый, умоляющій взглядъ, — доставляетъ удовольствіе выслушивать отъ васъ, да, именно отъ васъ, хотя бы самыя рѣзкія осужденія... если я готова не только выслушивать ихъ, но подчиниться вашему приговору?..

— Полноте, Елена Васильевна,—нетерпѣливо отвѣтилъ онъ,—полноте. Что за охота вамъ такъ долго продолжать эту ненужную комедію? Или вы меня уже очень наивнымъ считаете?.. Это даже обидно наконецъ!.. Сегодня, кажется, вы мнѣ довольно убѣдительно доказали, какъ цѣните вы мои слова.

— Сегодня? Я доказала это должно быть тѣмъ, что цѣлый часъ отыскивала васъ здѣсь, когда вы ушли такимъ сердитымъ, и мнѣ ни за что, ни за что не хотѣлось васъ оставить подъ дурнымъ впечатлѣніемъ?..

— Да какое вамъ дѣло до моихъ впечатлѣній?!—запальчиво возразилъ онъ.—Вы хотите, чтобъ я повѣрилъ опять... Да нѣтъ! Къ чему даромъ терять слова! Вернитесь туда къ этимъ господамъ, съ которыми вы должно быть вдоволь посмѣялись надо мной! Они ждутъ васъ, и завтра, конечно, вы съ ними проведете весело время... Такъ идите же, говорятъ вамъ, идите!—Слова эти вырвались у него почти съ крикомъ,—я въ это общество не гожусь, я не умѣю быть забавнымъ, какъ они, да и не хочу...

— Да неужели вы не понимаете, что этой поѣздки не будетъ, что я отъ нея отказалась, рѣшительно отказалась, какъ скоро замѣтила ваше раздраженіе?

— Не будетъ? Въ самомъ дѣлѣ не будетъ?—невольно спросилъ онъ, и въ голосѣ его слышалась тревога и радость.

— Хотя, впрочемъ,—продолжала она вкрадчиво,—я

совсѣмъ не понимаю, что вы нашли въ этомъ такого неумѣстнаго, нехорошаго...

— Какъ?!—воскликнулъ онъ, и голосъ его опять задрожалъ отъ гнѣвнаго волненія.—Вы не понимаете, что служите какою-то игрушкой для этихъ праздныхъ мальчишекъ? Или ужъ такъ вы ослѣплены тщеславнымъ желаніемъ успѣха, что ваша гордость не возмущается противъ этой унизительной роли? Когда я слышалъ, что говорили они тамъ, я сгоралъ за васъ отъ стыда, я, совершенно чужой вамъ человѣкъ...

Леля посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ, точно онъ говорилъ на совершенно непонятномъ языкѣ, и въ то же время въ ея смущенномъ взглядѣ блеснула вдругъ радостная искра.

— Такъ вы принимаете дѣйствительно такъ къ сердцу все, что меня касается,—проговорила она нерѣшительно.—Ну спасибо вамъ, спасибо! А я все таки не совсѣмъ заслуживаю все то, что вы мнѣ наговорили. Я отказалась отъ поѣздки. Видите, я слѣпо васъ слушаюсь... Когда вы обѣщали мнѣ, помните, тотъ разъ обѣщали, что мы будемъ друзьями, а съ тѣхъ поръ цѣлыхъ пять дней прошло, и вы...

— Да неужели вы не понимаете,—съ какимъ-то отчаяніемъ вырвалось у него, — какъ мучите вы меня этою игрой въ небывалую дружбу, какъ мнѣ бы хотѣлось повѣрить въ вашу искренность? А вы... вы... для васъ это забавная шутка, быть можетъ...

— Шутка?—воскликнула она.—И въ моемъ вчерашнемъ письмѣ вы тоже увидѣли шутку? Я вѣдь плакала, когда писала его,—у нея и теперь изъ глазъ брызнули слезы,—а вы даже не отвѣтили!.. Я вѣдь говорила вамъ, что мнѣ поддержка нужна, что нехорошія мысли у меня бродятъ въ головѣ... Или вы думаете, такія вещи можно писать такъ просто, ради забавы? Я чистосердечно обратилась къ вашей помощи, а у васъ даже времени не достало, или, можетъ быть, охоты, хоть словечкомъ откликнуться на мою просьбу...

— Елена Васильевна,—перебилъ онъ ее,—я можетъ быть виноватъ предъ вами, но совсѣмъ не такъ, какъ вы думаете... Вы узнаете когда-нибудь...

Но Леля его не слушала теперь, до того охватило ее волненіе.

— Я вѣдь сама знаю,—продолжала она страстнымъ, порывистымъ голосомъ, — что я нелѣпое, взбалмошное существо... да вѣдь я была такъ дурно воспитана, такіе нехорошіе примѣры видѣла съ ранняго дѣтства. Не моя вина, коли я стала такою, и одно, одно только меня можетъ спасти — довѣріе хорошаго человѣка, которому бы я подчинилась вполнѣ. И съ какою бы радостію я отдала такому человѣку всю свою жизнь, лишь бы только онъ могъ не усумниться въ моей искренности! А вокругъ меня одни только Смекаловы... Хорошіе люди, какъ вы вотъ, отъ меня отворачиваются...

Слезы заглушили ея слова.

— Елена Васильевна... Леля... — вырвалось у Александра.—Да развѣ вы не догадываетесь, что я люблю васъ, страстно, безгранично люблю, и что мнѣ больно говорить съ вами, какъ сейчасъ вотъ, когда мнѣ хотѣлось бы, напротивъ...

Голосъ его осѣкся. А у Леля слезы мгновенно остановились, и добрая, счастливая улыбка озарила ея мокрое лицо.

— Вы, вы... — зашептали ея задрожавшія губы, — и это правда, не шутка, не обманъ?..

Онъ схватилъ ее за обѣ руки и разомъ горячо поднесъ ихъ къ своимъ губамъ, въ то же время сжимая ихъ почти до боли.

— Я полюбилъ васъ съ первой нашей встрѣчи, тамъ еще, у Коноплиныхъ...—Онъ говорилъ это почти шопотомъ, наклоняясь къ ней, какъ будто онъ боялся, чтобы кто-нибудь не подслушалъ его.—Я не хотѣлъ въ этомъ признаться самому себѣ, потому что не могъ, не смѣлъ... Я вѣдь не имѣю права говорить вамъ все это, я обманщикъ, низкій обманщикъ, не предъ вами только, а предъ...

Онъ не договорилъ. Леля склониласъ къ нему на грудь, не разслышавъ послѣднихъ его словъ, и невольно онъ отдался искушенію, и обнимая ея станъ, прильнулъ губами къ ея губамъ, такъ и затрепетавшимъ отъ его поцѣлуя. Но это былъ одинъ лишь мигъ. Съ какимъ-то отчаяніемъ, почти рѣзко онъ оттолкнулъ отъ себя Лелю и, проведя рукой по разгоряченному лбу, проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Да, да, я не имѣю права, я знаю это, я поступаю низко, подло... Вы тоже все узнаете... А теперь прощайте, я больше не могу, не въ силахъ... Прощайте! Все вамъ скажу, только не теперь, не въ эту минуту.

Онъ удалился быстрыми шагами, почти убѣгая отъ нея. Онъ не помнилъ, что дѣлалъ, не владѣлъ собою. Ему одного хотѣлось, скрыть гдѣ-то въ темнотѣ ночи отъ людскихъ глазъ весь стыдъ, всю низость своего поступка.

А Леля еще нѣсколько минутъ простояла на мѣстѣ испуганная, недоумѣвающая, но все таки счатливая. Онъ любилъ ее, это главное, а все остальное устроится само собою.

VIII.

Разставшись съ Лелей, Александръ къ Малиновскимъ не пошелъ. Онъ не то, чтобы раздумалъ туда идти—онъ не былъ въ состояніи обдумывать что-либо и на что-нибудь рѣшаться—о будущемъ, даже просто о завтрашнемъ днѣ онъ теперь совсѣмъ и не помышлялъ. Одно только онъ сознавалъ ясно, что туда ему теперь нельзя идти, что тамъ для него все кончено. И хотя онъ въ присутствіи Лели горячо обвинялъ себя, раскаянія онъ не чувствовалъ никакого. Напротивъ, онъ весь былъ охваченъ совсѣмъ невѣдомымъ ему до сихъ поръ ощущеніемъ полной юношеской радости. Предъ нимъ раскрылся будто новый міръ, и совсѣмъ

иными восторженными глазами глядѣлъ онъ теперь на окружавшую его прозрачную лѣтнюю ночь, на безоблачное небо, гдѣ какъ-то особенно празднично горѣли звѣзды, точно зажглись онѣ тамъ именно для него, отвѣчая своимъ радостнымъ блескомъ на охватившія его радостныя чувства. И никогда еще, никогда онъ не глядѣлъ съ такою любовью на эту торжественную картину ночи, никогда еще тихій говоръ листьевъ и ласковое дыханіе теплаго вѣтерка не находили въ немъ такого счастливаго, живого отголоска. Какимъ-то длиннымъ рядомъ пасмурныхъ дней казалось ему теперь все его прошлое, всѣ его научныя работы и сама эта будничная любовь его къ Танѣ, такъ быстро поблекшая отъ яркихъ лучей настоящей страсти. Онъ точно въ первый разъ, какъ жилецъ хмураго сѣвера, увидалъ яркое, южное солнце, и что-то въ немъ живо забилось, привѣтствуя эту свѣтлую зарю возрожденія. Да, вотъ она—молодость, которую онъ не зналъ до сихъ поръ и которая теперь будто уносила его на своихъ крыльяхъ въ невѣдомый міръ сладкихъ обольщеній...

Было поздно, когда онъ вернулся домой, и Смекалова онъ нашелъ уже въ постели. Сергѣй Андріановичъ былъ очень не въ духѣ, и, когда Борскій шумно вошелъ въ его комнату, Смекаловъ встрѣтилъ его далеко не любезно.

— Чего ты это вздумалъ,—забрюжжалъ онъ,—слишкомъ въ два часа ночи влетать ко мнѣ ураганомъ какимъ-то? Положимъ, я не сплю, но все же такъ не дѣлаютъ, особенно серьезные люди, какъ ты. Совсѣмъ уже не по-профессорски...

— Мнѣ просто хотѣлось сказать тебѣ,—извинялся Александръ, подходя ближе,—что я дико, безумно счастливъ. Мнѣ надо этимъ подѣлиться съ тобой, понимаешь, надо...

Онъ даже собирался обнять пріятеля, но тотъ оттолкнулъ его сердитымъ движеніемъ руки.

— Ну, ну, вотъ еще! Это что за нѣжности!—И Сме-

каловъ, прищуривъ лѣвый глазъ, недружелюбно всмотрѣлся въ Александра.—Какое это негаданное счастье тебѣ вдругъ далось, а? Кажется, невѣста твоя совсѣмъ не такая особа, чтобъ изъ за нея такъ воспламеняться.

Но въ эту самую минуту Борскій почувствовалъ какъ-то, что нельзя, рѣшительно нельзя разсказать Смекалову про свое счастье, что это значило почти осквернить зародившееся въ немъ чувство.

— Нѣтъ, ничего я теперь не скажу тебѣ, ты не въ такомъ настроеніи,—проговорилъ онъ, отодвигаясь къ двери.

— Ну и ступай себѣ, и ложись. Угаръ твой пройдетъ, должно быть, къ утру, а мнѣ лучше не мѣшай спать.

И Смекаловъ все такъ же сердито уткнулъ голову въ подушку.

Праздничное настроеніе Александра было непродолжительно. Когда онъ очутился одинъ въ своей комнатѣ, среди знакомыхъ предметовъ, когда на столѣ онъ увидѣлъ разбросанные листы недописанной диссертаціи, трезвая дѣйствительность, отъ которой онъ было отрѣшился, опять пахнула на него своимъ черствымъ дыханіемъ. Несговорчивая жизнь стояла тутъ, предъявляя къ нему свои суровыя требованія. Онъ увлекся, какъ мальчикъ, своими грезами, а надо было подумать о томъ, какъ развязать запутавшійся узелъ его отношеній къ невѣстѣ и къ Лелѣ, а главное, какъ честно исполнить свой долгъ предъ ними обѣими. Жениться на Танѣ, полюбивъ другую дѣвушку, было, разумѣется, невозможно. Онъ видѣлъ это ясно теперь и отъ недавняго рѣшенія принести въ жертву свое чувство къ Лелѣ не оставалось и слѣда. Но какъ поступить? Какъ спасти свое достоинство и, что было всего важнѣе, чѣмъ искупить свою вину предъ бѣдною Таней? Конечно, Малиновскимъ надо во всемъ откровенно признаться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но яркая краска стыда бросилась при этой мысли въ лицо Александра, заставляя

его предвкусить всю горечь, весь позоръ ожидавшаго его объясненія съ невѣстой. И, промучившись всю ночь надъ этою задачей, Александръ пришелъ къ любимому рѣшенію людей, привыкшихъ всего ждать отъ спасительнаго дѣйствія времени. Онъ рѣшился отложить неизбѣжное свиданіе съ Малиновскими и написать Танѣ, что на два дня ему необходимо уѣхать въ Петербургъ. Но, какъ бы въ наказаніе за его малодушіе, слова извиненія упорно не давались его перу, и много пришлось ему изорвать начатыхъ записокъ, пока для своей незатѣйливой лжи онъ пріискалъ приличныя выраженія.

Раннимъ утромъ онъ уѣхалъ съ первымъ поѣздомъ. Ему хотѣлось куда-нибудь скрыться отъ близкихъ людей и отъ неизбѣжной развязки. Александръ не давалъ себѣ даже отчета, что уйти собственно онъ старался отъ самаго себя, а въ этомъ поѣздка ему не могла помочь. Напротивъ, въ опустѣломъ и пыльномъ городѣ онъ еще живѣе почувствовалъ, до какой степени онъ сталъ равнодушнымъ ко всему, что прежде его занимало. Строгія стѣны Публичной Библіотеки, куда онъ пошелъ отыскивать забвенія и спокойствія, глядѣли на него мрачно и укоризненно. Онъ понялъ наконецъ, что бороться ему нельзя, что все ему опостылѣло, и одна мысль овладѣла имъ нераздѣльно—мысль о Лелѣ Зарубиной. Онъ не вытерпѣлъ даже, чтобы миновалъ поставленный имъ себѣ двухдневный срокъ, и на слѣдующее утро отправилъ телеграму къ Лелѣ, извѣщая ее, что въ тотъ же день, въ два часа, онъ будетъ у ея матери. „Позвольте надѣяться, что застану васъ дома“, такъ закончилъ онъ свою телеграмму.

Леля вся вспыхнула, прочитавъ депешу. Наканунѣ она весь день просидѣла дома, несмотря на дивную погоду, увѣряя мать, что ей нездоровится. Да у нея и въ самомъ дѣлѣ голова болѣла. Несмотря на тепло, она куталась въ шаль, и блѣдное ея личико глядѣло необыкновенно безпомощнымъ и жалкимъ. Мать не

разпрашивала ее, что съ нею дѣлается, отчего она то въ уголъ какой-нибудь уткнется, то безпокойно встанетъ, не находя себѣ мѣста. Мать Лели, женщина ограниченная, сухая и озлобленная, не съумѣвшая ни воспитать дочь, ни сохранить надъ нею вліяніе, неотступно была занята одною заботою: какъ бы дочку пристроить получше и побольше выгодъ извлечь изъ ея привлекательной наружности. Лелю часто коробили ея беззастѣнчивыя слова на этотъ счетъ.

— Чего, мать моя, смотришь,—говорила дочери Анна Никитишна Зарубина,—чего ждешь? Обступаютъ тебя эти франты, лѣзутъ, какъ мухи на медъ, а что толку? Не съумѣешь во время кого-нибудь къ рукамъ прибрать, просидишь таки въ дѣвкахъ...

И Анна Никитишна подучала дочь окончательно вскружить голову кому-нибудь изъ своихъ обожателей, не подозрѣвая даже, на какой опасный путь она ее наталкивала. На Смекалова она всего болѣе разсчитывала и всячески старалась его залучить въ домъ: плохая она была мастерица разгадывать людей. И въ этотъ день, когда Сергѣй Адріановичъ навѣдался къ Зарубинымъ и Леля упорно не захотѣла его принять, Анна Никитишна въ гнѣвномъ изумленіи спросила у дочери, что же она, наконецъ, думаетъ о себѣ, приданое у нея развѣ есть, или принцесса она какая, чтобы такую важность на себя напускать? Но увѣщанія эти ни къ чему не привели и Аннѣ Никитишнѣ остовалось лишь весь день брюжжать, надоѣдая дочери кислыми наставленіями.

Про свое знакомство съ Борскимъ Леля матери до сихъ поръ не говорила. Это была ея особая, дорогая тайна, которую она ни за что не хотѣла сдѣлать предметовъ циничныхъ расужденій Анны Никитишны. Да Леля и сама о будущемъ не раздумывала: ей и въ голову не приходило, чтобъ Александръ могъ на ней жениться. Изо всѣхъ мужчинъ, какихъ она знала, онъ одинъ съумѣлъ внушить ей, самъ того не подозрѣвая,

чувство уваженія, въ которомъ была и боязнь не понравиться ему, и готовность ему отдаться безъ оглядки. И съ нимъ, конечно, она пробовала силу своего причудливаго кокетства, но дѣлала она это робко, нерѣшительно, совсѣмъ не такъ какъ съ другими. Едва задорная фраза срывалась съ ея губъ, она готова была искупить ее безграничною покорностью. Какъ зародилось въ ней это чувство, Леля сама не знала. И только получивъ его телеграмму, она поняла, какъ сильно полюбила Александра. Даже недогадливая Анна Никитишна сейчасъ же замѣтила внезапную перемѣну въ дочери.

— Что съ тобой, Леля?—спрашивала она не разъ,— вчера ежилась, весь день промолчала; даже подурнѣла какъ-то, ей-ей, подурнѣла... А сегодня раскраснѣлась вся, глаза такъ и блестятъ, и хочется будто изъ окна выпрыгнуть. Успокойся, мать моя, посиди на мѣстѣ... Или, пожалуй, гулять ступай, а то, на тебя глядя, у меня самой голова кругомъ идетъ. Чего егозишь, скажи пожалуйста?

Леля и въ этотъ день гулять не пошла. За то она пяти минутъ не могла усидѣть на мѣстѣ: то подходила къ окну, то сбѣгала на мигъ въ крошечный садикъ. Въ двѣнадцать часовъ она пошла къ себѣ и вернулась оттуда принарядившись. Но вдругъ ей показалось, что этого совсѣмъ не надо, что ему это не понравится—и она поспѣшно опять надѣла простенькое холстинковое платье, то самое, которое было на ней, когда они встрѣтились въ Англійскомъ паркѣ. Только въ волосы она воткнула себѣ темно красную розу.

— Ради чего ты это каждую минуту переодѣваться вздумала?—раздражительно спросила у нея мать.—Тутъ только Леля рѣшилась сказать Аннѣ Никитишнѣ, что сегодня въ два часа у нихъ будетъ съ визитомъ Александръ Дмитріевичъ, что онъ ученый, профессоръ и что ей кажется, будто не совсѣмъ кстати такого человѣка принимать въ нарядномъ платьѣ.

— Ну, моя милая, этихъ тонкостей я не разбираю.

По моему, когда мужчину принимаешь, надо быть одѣтою какъ можно лучше... Впрочемъ это твое дѣло. А скажи пожалуста, гдѣ жъ ты съ этимъ господиномъ познакомилась?

— У Коноплиныхъ на вечерѣ...

Леля вся вспыхнула, сказавъ это.

— Ты мнѣ ничего не говорила, — всматриваясь въ дочь, произнесла Анна Никитишна.—А что онъ, молодой еще? и со средствами?.. Врядъ ли: у этихъ ученыхъ всегда шишъ еловый въ карманѣ...

Раздавшійся звонокъ перебилъ ее. Леля мгновенно поблѣднѣла и почувствовала, что у нея какъ-то захолонуло на сердцѣ. Никогда еще ей не случалось ощущать въ себѣ столько робости.

— Мамаша, — сказала она поспѣшно вполголоса,— это онъ... Александръ Дмитріевичъ... Вы, пожалуйста, только...

— Не безпокойся, моя милая,—такъ и впиваясь въ Лелю своими выпученными глазами, — отвѣтила Анна Никитишна,—приму его, какъ слѣдуетъ, я, слава Богу, знаю, какъ съ людьми обращаться. И, вся выпрямившись, она съ достоинствомъ поправила на себѣ шаль.

Едва Александръ показался въ дверяхъ, Леля бросила на него испытующій безпокойный взглядъ. Глаза ихъ встрѣтились. И въ его взглядѣ она тоже мигомъ прочла обращенный къ ней робкій тревожный вопросъ. Это было всего одно мгновеніе, но его хватило, чтобы разомъ успокоить обоихъ. Никогда еще глаза молодой дѣвушки такъ краснорѣчиво не говорили о преданной, довѣрчивой любви... И съ какою благодарною радостью прочли они то же чувство въ глазахъ Александра, только болѣе сдержанное, болѣе робкое.

— Александръ Дмитріевичъ Борскій, мама,—отрекомендовала его Леля, сперва быстро протянувъ ему свою трепещущую ручку. И щеки ея, за минуту еще блѣдныя, заалѣли опять.

Анна Никитишна встрѣтила Борскаго безъ особаго

радушія. Она какъ будто принялась даже недовѣрчиво высматривать, что за птица такая этотъ новоявленный пріятель дочери.

Не впервые Аннѣ Никитишнѣ доводилось принимать у себя людей, которыхъ она не знала вовсе: Леля съ ней не церемонилась, и Анна Никитишна ей спускала это охотно. На этотъ разъ, однако, она сочла нужнымъ облечься въ холодное достоинство. Этотъ съ неба упавшій профессоръ, къ которому Леля очевидно была неравнодушна, совсѣмъ вѣдь не годился ей въ женихи.

Леля все время сидѣла будто на иголкахъ, боясь, какъ бы Александръ не обидѣлся такимъ пріемомъ. Но Александръ ничего не примѣчалъ; ему было не до Анны Никитишны. Онъ думалъ объ одномъ только, когда, наконецъ, онъ будетъ съ Лелей наединѣ и что скажетъ онъ ей, когда наступитъ эта блаженная минута.

И минута эта наступила очень скоро. Леля, нетерпѣливо слушавшая, какъ Анна Никитишна съ важностью разсказывала про своего мужа и про то, что когда-то у нея были и средства отличныя и кое-какія связи, не вытерпѣла и вдругъ обратилась къ Борскому:

— Александръ Дмитріевичъ, хотите, я вамъ садъ нашъ покажу, онъ небольшой, правда, но тѣнь въ немъ все таки есть.

Александръ вопросительно посмотрѣлъ на Анну Никитишну. Та промолчала, и Леля, принявъ это за знакъ согласія, накинула соломенную шляпку и увела Александра. Она прямо съ нимъ прошла въ самый конецъ садика, гдѣ было всего больше тѣни и гдѣ, окруженная березами, стояла ветхая деревянная скамейка.

Дорогой въ вагонѣ и потомъ на пути отъ станціи къ дачѣ Зарубиныхъ Александръ весь занятъ былъ мыслью, что вотъ, вотъ, черезъ нѣсколько минутъ онъ опять увидитъ Лелю. Но обдумывать, что скажетъ онъ при встрѣчѣ съ нею, Борскій не былъ въ состояніи. То-

гда это казалось простымъ и яснымъ, а теперь, когда она шла съ нимъ рядомъ и глаза ея съ нѣмымъ вопросомъ были обращены къ нему, онъ не зналъ какъ приступить къ объясненію.

— Вы очень удивились, получивъ мою телеграмму?— съумѣлъ онъ только сказать, хотя это очевидно былъ совсѣмъ ненужный вопросъ, ничуть не выражавшій того, что въ самомъ дѣлѣ ему хотѣлось сказать.

— Не удивилась, нѣтъ, обрадовалась скорѣе,—отвѣтила она просто, опускаясь на скамейку и складывая руки на колѣни. Мягкій блескъ свѣтился въ ея глазахъ, а на душѣ у нея было тихо и радостно. Онъ пріѣхалъ къ нимъ, пріѣхалъ очевидно съ тѣмъ, чтобы возобновить ихъ прерванную бесѣду. Стало быть онъ любитъ ее—въ этомъ она не сомнѣвалась, а про что иное ей и разспрашивать не хотѣлось.

— Я уѣхалъ въ Петербургъ, — продолжалъ онъ, не садясь, — вы это уже знаете изъ моей телеграммы... У меня были дѣла... надо было собрать кое-какія справки...

Онъ продолжалъ путаться, и чувство стыда говорило въ немъ все громче... „Отчего я лгу", промелькнуло у него въ умѣ, „лгу здѣсь, какъ и тамъ, предъ Малиновскими?.. Вѣдь совсѣмъ, совсѣмъ не это мнѣ надо сказать ей... И неужели она не придетъ ко мнѣ на помощь?.."

Но она только продолжала глядѣть на него своими открытыми блестящими глазами, и, сдѣлавъ усиліе надъ собою, онъ добавилъ:

— Я думалъ остаться тамъ два дня, но мнѣ не въ моготу стало. Надо было повидаться съ вами, объяснить вамъ мое странное поведеніе третьяго дня... Вы, я думаю, меня за сумасшедшаго приняли, когда я ушелъ отъ васъ такъ быстро.

Она медленно подняла на него свои на мигъ опустившіеся глаза. Что-то торжественное, важное и въ то же время доброе и откровенное было въ ея взглядѣ.

— Я не спрашивала себя, отчего вы такъ поступили

тогда,—отвѣтила она кротко,—я знала, что вы мнѣ скажете все. Вѣдь вы будете искреннимъ со мною, совсѣмъ искреннимъ, какъ я была съ вами? Я въ тотъ вечеръ все безъ остатка высказала вамъ. Меня вы знаете всю теперь, и одного я прошу отъ васъ, чтобы вы мнѣ вѣрили такъ же полно, какъ я довѣрилась вамъ. Если у васъ есть хотя какое-нибудь сомнѣніе, выскажите его прямо, я на все вамъ отвѣчу, ничего отъ васъ не скрою.

— Леля,—воскликнулъ онъ, садясь рядомъ съ нею и схватывая ее за руку,—не вамъ признаваться въ чемълибо, не вамъ себя винить, а мнѣ осталось сдѣлать одно признаніе, котораго я стыжусь...

— Стыдитесь? Вотъ какъ!—Краска показалась на ея щекахъ, а во взглядѣ было теперь недоумѣніе.

— Только совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы думаете,—продолжалъ онъ горячо.—Я вѣдь ужъ сказалъ вамъ, что не въ силахъ былъ лишній день прождать, не повидавшись съ вами. Вдали отъ васъ я чувствовалъ себя такимъ виноватымъ... да виноватымъ! Я не могъ сказать вамъ всю правду и въ то же время недосказанное признаніе мучило меня. Я долженъ былъ рѣшиться на дурное дѣло—на обманъ, и я рѣшился...

— Обманъ, какой обманъ? Я васъ не понимаю,—удивленно возразила она, не сводя съ него глазъ.—И вы говорите, что рѣшились на дурное дѣло. Вы, такой честный, такой прямой...

Свѣтлая улыбка такъ и не сходила съ ея лица.

— Ахъ Леля, Леля—воскликнулъ онъ, не помня себя отъ охватившаго его бурнаго чувства. И не стыдъ уже, не раскаяніе, а живая страстная радость слышалась въ его голосѣ.

— Чтобы васъ не лишиться, знайте это, я на все готовъ. Кромѣ васъ для меня теперь святаго ничего нѣтъ!

И губы его такъ жадно прильнули къ ея лицу, что не дали ей отвѣтить. Недоумѣвающія слова такъ и замерли на ея устахъ. Да ей и не до того было, чтобы

требовать объясненій: въ эту минуту она помнила одно только, что онъ принадлежитъ ей, принадлежитъ безраздѣльно и навсегда.

Скрипъ шаговъ по песку заставилъ ихъ опомниться. Смекаловъ подходилъ къ нимъ, смѣющійся и самодовольный, какъ всегда.

— Извините, Елена Васильевна, извините,—сказалъ онъ съ притворнымъ смущеніемъ, хотя и тѣни этого смущенія не было на его насмѣшливомъ лицѣ.—Я прямо къ вамъ въ садъ, чтобы не получить отказа, какъ вчера. Ваша служанка мнѣ кстати сказала, что въ саду я васъ застану непремѣнно. Не зналъ я только что застану васъ... не одну. Впрочемъ, замѣтьте, я постарался, чтобы вы могли услышать мои шаги издали... Я никого врасплохъ заставать не люблю.

— Вы стали очень многое себѣ позволять, Сергѣй Адріановичъ,—отвѣтила Леля, устремивъ на него загорѣвшіеся глаза.—Если вы боялись, чтобы вамъ не отказали, какъ вчера, вы, стало быть, догадывались, что я не желала васъ видѣть.

Леля встала и смѣрила его съ ногъ до головы.

— Мнѣ кажется,—добавила она,—что на этотъ счетъ у васъ никакихъ сомнѣній быть не можетъ.

Но Сергѣя Адріановича смутить было не легко. Недобрая самоувѣренная улыбка не покидала его губъ.

— Было время, Елена Васильевна, и недавнее,—возразилъ онъ,—когда меня въ этомъ домѣ принимали охотно. Впрочемъ, я объясняю себѣ перемѣну,—онъ повелъ глазами на Александра,—хотя, признаюсь, удивляюсь немножко моему другу, Александру Дмитріевичу. Ты милый мой, не въ мѣру сталъ прытокъ... поздравляю...

— Смекаловъ, не забывайся!—хотѣлъ было остановить его Борскій, но Сергѣй Адріановичъ, сталъ гладить бороду, сдѣлавъ видъ, будто не разслышалъ.

— Любопытно,—продолжалъ онъ,—что бы сказала твоя невѣста, если...

— Невѣста?!—перебила его Леля, не успѣвшая скрыть, до какой степени поразили ее эти слова.

Смекаловъ расмѣялся, наслаждаясь произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Моя невѣста Елена Васильевна,—неожиданно вступился Александръ,—и я здѣсь, чтобы просить ея руки.

Леля мгновенно перевела глаза на Александра, и яркая краска залила ея лицо.

— Какъ же это однако,—настаивалъ Смекаловъ, не ожидавшій такого поворота дѣла.—Нѣсколько дней назадъ ты мнѣ еще говорилъ...

— Во всякомъ случаѣ,—холодно оборвалъ его Александръ,—не тебѣ я обязанъ отчетомъ, а только Еленѣ Васиьевнѣ. Я все объясню ей, когда мы будемъ одни.

Сергѣй Адріановичъ сперва посмотрѣлъ на обоихъ. Желая сохранить рѣдко измѣнявшую ему увѣренность и съ честью выйти изъ глупаго положенія, онъ отвѣсилъ легкій поклонъ Лелѣ и, повернувшись на каблукахъ, направился къ дому и велѣлъ о себѣ доложить Аннѣ Никитишнѣ. Его приняли охотно, и Смекаловъ поспѣшилъ удовлетворить любопытство Лелиной матери, разсказавъ ей про то, что онъ видѣлъ въ саду, и про недавнюю помолвку Александра съ Таней Малиновской. Анна Никитишна всплеснула руками; Сергѣй Адріановичъ съумѣлъ воспользоваться ея настроеніемъ, и еще болѣе разжечь явное ея нерасположеніе къ Александру.

— Господи, да что же это такое,—десятый разъ твердила Анна Никитишна.—Хочетъ на Леленькѣ жениться, когда у него другая невѣста есть! Какой срамъ! А еще профессоръ. Ни за что, ни за что не соглашусь.

Александръ, между тѣмъ, повѣдалъ Лелѣ всю повѣсть своей помолвки съ Таней и тяжелой внутренней борьбы, какую перенесъ онъ за послѣдніе дни. Онъ разсказалъ ей, какъ не хотѣлъ онъ сперва поддаться чувству, сразу овладѣвшему имъ при встрѣчѣ съ ней; какъ постепенно блѣднѣлъ образъ прежней невѣсты, и какъ убѣждался

онъ съ каждымъ днемъ все болѣе, что теперь только онъ узналъ, что такое настоящая любовь.

Леля не дала ему договорить. Она опустила голову на его грудь, какъ бы прося поцѣлуя.

— Я не хочу знать, правъ ты или нѣтъ,—лепетали ея губы,—съ меня довольно и того, что ты меня любишь. А я буду тебя честно и вѣрно любить. Одно только обѣщай мнѣ, одно только: не сомнѣвайся во мнѣ никогда, потому что недовѣрія къ себѣ я не стерплю... Обѣщаешь?

Она устремила на него глаза, влажные и свѣтящіеся, и нѣмой его поцѣлуй, робкій и страстный въ то же время, показался ей наилучшимъ отвѣтомъ и самымъ вѣрнымъ обѣщаніемъ.

IX.

Когда Таня прочла записку Александра, сомнѣній у нея не осталось болѣе никакихъ. Холодныя строки, такъ мучительно вылившіяся изъ подъ пера Борскаго, выдали ей тайну писавшаго ихъ. Александръ былъ слишкомъ честенъ, чтобъ умѣть скрывать свои настоящія чувства подъ обманчивою теплотой выраженія. Она внимательно перечла записку во второй и въ третій разъ, и крупныя слезы закапали на бумагу.

Горькая истина все ярче била ей глаза... Такъ не могъ писать человѣкъ, ее любившій. Давно, правда, съ самаго того дня, когда Александръ сталъ ея женихомъ, она смутно угадывала истину въ его голосѣ, въ его словахъ, и тогда уже ей слышалось какое-то принужденіе, какая-то неискренность. Но слабая надежда все еще теплилась. Вѣдь они знаютъ другъ друга такъ давно. Съ ранняго дѣтства она привыкла видѣть въ немъ старшаго брата, и въ ней самой лишь мало по малу эта близость превратилась въ болѣе нѣжную привязанность... Такое почти родственное чувство, спокойное

и тихое, и не могло вылиться въ горячія слова, въ страстныя увѣренія... Все это сотни разъ твердила себѣ Таня, когда при встрѣчахъ съ женихомъ сердце у нея чуяло правду.

Но теперь обманывать себя уже нельзя было. Въ сухихъ, короткихъ строкахъ его записки она прочла боязливое желаніе скрыть отъ нея истину.

Но зачѣмъ, зачѣмъ это малодушное, это обидное двуличіе? Быть можетъ, онъ борется съ собой, чтобъ остаться вѣрнымъ данному слову?

При этой мысли негодующая краска разлилась по ея лицу. Развѣ она нуждается въ жертвѣ, развѣ счастье изъ милости бываетъ? Нѣтъ, нѣтъ, она сама возвратитъ ему слово, она покажетъ, что ей хватитъ силъ на отреченіе. Не гордая дѣвушка была Таня. Душѣ ея, смиренной и кроткой, самопожертвованіе было сродни. Но и она умѣла твердо нести свое горе, добровольно пойти на отреченіе, отказавшись отъ унизительной жертвы со стороны любимаго человѣка. Никто въ семьѣ не узналъ про ея рѣшеніе. И когда вечеромъ, въ обычный часъ, Александръ не явился, и Варя стала посматривать на часы, дѣлая колкія догадки на его счетъ, Таня просто сказала, что утромъ она получила отъ Александра записку съ извѣстіемъ, что на два дня онъ уѣзжаетъ по дѣламъ въ Петербургъ. Сестры и мать сдѣлали удивленныя лица, а Варя по обыкновенію проронила ѣдкое замѣчаніе. Но Таня глядѣла до того спокойно, что маленькая тревога очень скоро улеглась.

Ночью однако Танѣ не спалось. Она все раздумывала, какъ ей выполнить свое намѣреніе и, главное, какъ сказать обо всемъ матери. Она знала, что сильно огорчитъ Екатерину Алексѣевну. „Бѣдная, бѣдная мама“, думалось ей, „вѣдь она такъ долго лелѣяла эту надежду, такъ радовалась ея близкому осуществленію!“

Таня сказала себѣ наконецъ, что завтра же напи-

шетъ жениху, не дожидаясь его возвращенія. Всю вину она приметъ на себя. Пусть думаютъ про нее, что хотятъ, пусть обвиняютъ ее въ легкомысліи, въ вѣтренности—она улыбнулась даже при этой мысли. Александра она избавитъ отъ угрызенія совѣсти, а бѣдную мать отъ тяжелаго сознанія нанесенной обиды. И Таня съ твердостью взялась за свой добровольный крестъ, говоря себѣ, что эта ложь съ нея не взыщется.

Таня стойко выдержала до конца. Никому изъ домашнихъ она не сказала про свое рѣшеніе. Но оставаться съ родными, видѣть устремленные на нее вопрошающіе глаза, выслушивать безконечные толки о поведеніи жениха она была не въ силахъ. И все слѣдующее утро она провела одна въ саду, извиняясь, что у ней голова разболѣлась и ей лучше будетъ на открытомъ воздухѣ. Мать раза два приходила къ ней, разспрашивая, какъ она себя чувствуетъ, и прошла ли головная боль.

— Не совсѣмъ еще мама, но скоро пройдетъ,—отвѣчала Таня.

— Ты бы приняла капель, хочешь, я пришлю—предлагала Екатерина Алексѣевна.

— Нѣтъ, мама, не нужно, благодарю васъ...—И Таня опять принималась за книгу, лежавшую у нея на колѣняхъ, и дѣлала видъ, что очень заинтересована чтеніемъ. Время двигалось страшно медленно, и бѣдная дѣвушка все перебирала въ мысляхъ, какъ напишетъ она жениху, какъ скажетъ потомъ она матери, что никогда не бывать ихъ свадьбѣ. Но за письмо она все таки не принималась: торопиться было не зачѣмъ. Александръ пріѣдетъ только завтра и она успѣетъ написать вечеромъ... Но вотъ она слышитъ вдругъ, какъ скрипнула калитка и будто узнаетъ шаги Александра.

„Неужели это онъ? Не можетъ быть! Онъ вѣдь пріѣдетъ только завтра"...

Но вотъ онъ уже совсѣмъ близко. Онъ не загово-

рилъ еще, но Таня знала теперь, что это онъ. Она подняла голову и встала. Александръ былъ предъ ней, и достаточно было одного взгляда на его смущенное лицо, чтобы послѣднія колебанія въ ней исчезли.

— Я вернулся днемъ раньше, чѣмъ думалъ,—заговорилъ Александръ.

— Да,—перебила она Борскаго,—мы васъ не ждали сегодня. Вы прошли, должно быть, прямо сюда въ садъ, оттого что вы хотѣли меня застать одну, не такъ-ли? Вы вѣдь знаете, что въ эти часы я всегда здѣсь за книгой... Вы хорошо сдѣлали. Мнѣ тоже съ вами переговорить надо и лучше, чтобы прочія, мама и сестры, васъ не видали теперь... Присядьте и выслушайте меня.

Ея слова, все обращеніе ея поразили Борскаго. „Что это? Неужели она догадывается?.. Она вѣдь даже руки ему не протянула. Такою онъ не видалъ ее никогда“... Александръ не узнавалъ своей смиренной Тани.

— Я васъ слушаю, — проговорилъ онъ, садясь. — И мнѣ тоже есть, что сказать вамъ... Но объ этомъ послѣ... сперва вы скажите...

— Александръ Дмитріевичъ, — начала она, и что-то строгое, что-то почти непреклонное легло на ея лицо,— нѣсколько дней тому назадъ я вамъ сказала, что буду вашею женой, — она какъ будто нарочно подбирала самыя сухія, даже черствыя слова. — Теперь я должна сказать вамъ, что слишкомъ поторопилась своимъ обѣщаніемъ...

— Поторопились? — изумленно перебилъ ее Александръ.

— Это кажется вамъ страннымъ, потому что мы такъ давно, съ самаго дѣтства близки и тѣмъ не менѣе оно такъ... Можетъ быть, именно вслѣдствіе того, что мы уже слишкомъ привыкли другъ къ другу...

Онъ хотѣлъ что-то возразить, сдѣлалъ быстрое отрицательное движеніе рукой, но она остановила его, уловивъ на его лицѣ затаенное радостное удивленіе.

— Да,—продолжала она,—слишкомъ привыкли... И

теперь я должна просить васъ мнѣ возвратить данное вамъ слово. Я убѣдилась за эти дни, что могу быть только... вашимъ другомъ. Эту старинную дружбу я приняла, кажется, за иное чувство и теперь только увидѣла, что ошиблась. Оттого, должно быть, я и была такою странною съ вами и вы это замѣтили.., Да, замѣтили? Скажите.

Онъ не угадалъ, сколько было горькой ироніи въ ея словахъ. Одно онъ только понялъ, что она возвращаетъ ему свободу, что, стало быть, неожиданно легко и просто разрѣшается мучившій его тяжелый вопросъ. И невольно глаза его заблестѣли уже откровенною радостью, хоть онъ и счелъ нужнымъ выразить ей лицемѣрное сожалѣніе.

— Вы мнѣ возвращаете слово,—воскликнулъ онъ,— послѣ того, какъ нѣсколько дней тому назадъ... Помните тотъ вечеръ, когда мы... Вы, стало быть, никогда, никогда меня не любили?

Это было уже слишкомъ. Неискренность, принужденіе слишкомъ ужъ явно звучали въ его голосѣ, черезчуръ рѣзко противорѣчили его слова тому, что читалось въ глазахъ. И на одно мгновеніе негодующее, слегка даже презрительное чувство овладѣло молодою дѣвушкой, сказалось на ея кроткомъ лицѣ, и губы ея сложились въ горькую усмѣшку.

— Никогда, я васъ не любила, — холодно и отчетливо вымолвили эти губы, — никогда!.. Но будьте со мной откровенны, — продолжала она, — теперь за вами очередь признаваться, и вамъ это будетъ не трудно; вы видите, я съ вами откровенна. Нечего вамъ уже бояться оскорбить меня. Такъ будьте же вѣрны себѣ, вы, котораго я знала всегда такимъ честнымъ, такимъ прямодушнымъ... Сознайтесь, вы вѣдь тоже сожалѣли, что связали себя обѣщаніемъ? Вамъ только совѣстно было въ этомъ признаваться... А теперь лицемѣрить вамъ уже не для чего.

Мало по малу, пока она говорила это, черствое вы-

раженіе исчезло съ ея губъ и тонъ ея рѣчи смягчился: ей вдругъ жаль стало своей довѣрчивой любви къ этому человѣку и того высокаго уваженія, съ которымъ она къ нему относилась всегда. И ей захотѣлось возвратить ему это уваженіе. Танѣ казалось, что, если онъ признается во всемъ, онъ снова займетъ въ ея глазахъ прежнее мѣсто.

Александръ сперва колебался. Но задушевность ея тона побѣдила эти сомнѣнія и не мудрено, что онъ ошибся насчетъ смысла ея словъ: въ эту минуту вѣдь она сама ошибалась въ своемъ истинномъ чувствѣ.

— Татьяна Николаевна... Таня, — и, взволнованный, онъ взялъ ее за руку, — вы самое благородное, самое чистое существо, которое я когда-либо зналъ...

Онъ горячо пожималъ ея руку, чуть-было не прикоснулся до нея губами, но она бережно отняла ее и строгое выраженіе снова показалось на ея лицѣ.

— Скрывать отъ васъ что-либо,—продолжалъ онъ,— было бы вдвойнѣ нехорошо. Да и къ чему скрывать? Да, я... я тоже ошибся. Я былъ виноватъ предъ вами, въ то самое время, когда я приходилъ сюда, принятый всѣмъ вашимъ семействомъ, какъ родной, я... я любилъ уже другую.

Вся краска мгновенно исчезла съ ея лица. Она вздрогнула и отвернулась, чтобы скрыть чувство ненависти и отвращенія, вдругъ охватившее ее всю. Да, въ эту минуту она возненавидѣла его всею душой, и ѣдкая боль сжала ея сердце.

— О, не думайте, чтобъ я не боролся; я и теперь не понимаю, какъ все это случилось, какъ началась эта нелѣпая преступная любовь! Да, преступная, потому что я все таки обманывалъ васъ, мою дорогую, мою безцѣнную... И она, эта дѣвушка, совсѣмъ вѣдь не такая, какъ вы... она много, много васъ хуже, она вашего мизинца не стоитъ.

Таня какъ-то невольно отодвинулась, услыхавъ это.

— Полноте, Александръ Дмитріевичъ,—сказала она,— полноте, не унижайте ее и себя этими сравненіями. Да

и къ чему сравненія теперь? Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, думать, надѣяться, что эта дѣвушка—я не спрашиваю васъ, кто она такая,—вставила она вдругъ быстро и глаза ея при этомъ сверкнули,—что эта дѣвушка вполнѣ достойна вашей привязанности, что она лучше, гораздо лучше меня...—Таня встала.—А теперь,—добавила она,—лучше прекратить этотъ разговоръ. Могутъ спохватиться тамъ, дома, отчего я такъ долго не показываюсь, могутъ сюда придти, а я бы не хотѣла, чтобы вы теперь встрѣтились съ матушкой. Ну, такъ извините меня, я пойду къ ней... До свиданія... Да и мы, кажется, все успѣли сказать другъ другу...

Она протянула ему руку, но ея холодные пальцы не отвѣтили на его пожатіе, и, быстро отвернувшись, она пошла къ дому. Тутъ только, въ этотъ послѣдній мигъ онъ понялъ, что значили необычайный блескъ ея глазъ, эта странная прощальная улыбка на ея блѣдныхъ, стиснутыхъ губахъ. Онъ понялъ,—и болѣзненное чувство стыда волной залило его душу. Все было забыто: недавнее пламенное счастіе, когда онъ обмѣнивался съ Лелей страстными признаніями, ея жгучіе поцѣлуи и та постыдная радость, какая охватила его, когда Таня возвратила ему свободу. Одно было на душѣ—тяжелое сознаніе непоправимой вины.

Онъ вздохнулъ и медленно направился къ выходу. Испытанія его однако не кончились. Онъ только что хотѣлъ растворить калитку, какъ ему вдругъ загородила дорогу маленькая Лиза, неожиданно выскочившая изъ за куста бузины, гдѣ она предъ тѣмъ спряталась и откуда подслушала весь разговоръ его съ Таней. Ея бойкіе глазки такъ и горѣли негодованіемъ.

— Александръ Дмитріевичъ,—рѣшительно остановила она его,—неужели вамъ не стыдно?.. Я все слышала... Бѣдная, бѣдная Таня!

— Лиза,—смущенно отвѣтилъ онъ,—развѣ, вы думаете, мнѣ легко? И что же могъ я сдѣлать?.. Вѣдь сестра ваша сама...

— Не вѣрьте ей, она вамъ сказала неправду, она васъ любитъ, любитъ до сихъ поръ... Неужели вы этого не поняли?.. Нѣтъ, нѣтъ, вы не захотѣли понять!

— Увѣряю васъ, я...

— Полноте, не лгите, по крайней мѣрѣ. Низкій вы, нехорошій человѣкъ! Теперь, конечно, поздно! Сама Таня не захотѣла бы теперь. Вы сами же признались, что разлюбили ее. Я только хотѣла вамъ сказать, что думаю о вашемъ поступкѣ. Идите прочь, идите и не показывайтесь ей на глаза, по крайней мѣрѣ... Бѣдная, бѣдная Таня!

Она вспыхнула и, закрывъ лицо руками, побѣжала къ дому. Александръ еще съ минуту постоялъ на мѣстѣ, озадаченный и пристыженный. Но дѣлать было нечего. Надо было покорно снести униженіе и уйти, навсегда уйти изъ этого дома, гдѣ съ самаго дѣтства его встрѣчали, какъ родного.

А Таня, между тѣмъ, стояла на колѣняхъ предъ матерью, ласкаясь къ ней и силясь ее утѣшить. Ей тоже она всей правды не сказала, твердо принявъ на себя всю отвѣтственность за грустную развязку. Сперва Екатерина Алексѣевна вспылила, говоря, что это ни на что не похоже, что Таня сумашедшая, что никогда, никогда не ждала отъ нея такого безразсудства. Но мало по малу голосъ ея сталъ мягче, упреки ласковѣе. Она поняла, какъ тяжело было на сердцѣ бѣдной дѣвушки, и хотя не догадывалась о настоящей причинѣ размолвки, ей стало жаль своей безотвѣтной Тани.

— Ну, успокойся, дружокъ мой,—сказала она наконецъ, притягивая къ себѣ мокрое отъ слезъ лицо дочери, — Богъ милостивъ... Коли тутъ не пришлось, когда-нибудь найдешь себѣ счастье. Не обидитъ тебя Господь, душка моя. А жаль, жаль... Хорошій человѣкъ Александръ Дмитріевичъ, и была бы ты съ нимъ счастлива. Въ домѣ вѣдь у насъ выросъ. Ахъ вы дѣти, дѣти! Что съ вами горя да заботъ! Захочешь васъ при-

строить, кажется, ужъ лучше нельзя даже, а вамъ того не надо, что подъ рукой... все хотите по своему, сами не знаете, чего вамъ надо.

X.

Александръ блаженствовалъ. Не долго преслѣдовала его мысль о Танѣ. Облако, набѣжавшее на его счастье, разсѣялось отъ перваго же поцѣлуя невѣсты. Она окончательно покорила его, покорила тѣмъ самымъ, быть можетъ, что такъ охотно подчинялась ему и его вкусамъ. Повидимому, Леля совсѣмъ преобразилась. Ей захотѣлось во что бы то ни стало подняться до его уровня, сдѣлаться достойною его, какъ она твердила ему не разъ. Они много читали вмѣстѣ, просиживая долгіе часы вдвоемъ на той самой скамейкѣ, отѣненной березами, гдѣ Александръ признался ей въ любви. Необыкновенная серьезность овладѣла ею вдругъ, и, казалось, это не была простая игра въ серьезность. Образованіемъ Леля похвастаться не могла; даже съ литературой она была мало знакома. И Александру доставляло невыразимое наслажденіе расширять кругъ ея познаній, восторгаться съ нею заодно лучшими произведеніями родного слова.

Живой умъ Лели такъ горячо отзывался на художественныя впечатлѣнія, что Александръ изъ учителя не разъ превращался въ ученика.

Посторонніе имъ не мѣшали. Леля совсѣмъ бросила свои прежнія знакомства, и весь міръ словно замыкался для нея теперь однимъ любимымъ человѣкомъ. Мать ея пробовала сперва воспротивиться ея помолвкѣ но всѣ ея доводы, основанные на денежныхъ разсчетахъ, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Леля давно пріучилась не соображаться съ мнѣніями Анны Никитишны, а въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ ея замужество, она ничего и слышать не хотѣла про какія-то

нелѣпыя препятствія. Анна Никитишна, на первыхъ порахъ очень недружелюбно встрѣчавшая было Александра, уступила скоро. Правда, въ душѣ она не примирилась съ неожиданнымъ выборомъ дочери, но явно высказывать свое неудовольствіе она уже не смѣла. Леля ей напрямикъ объявила, что въ крайнемъ случаѣ твердо рѣшилась обвѣнчаться съ Александромъ, хотя бы вопреки ея волѣ. Одному Смекалову Анна Никитишна попрежнему высказывала свои затаенныя чувства. Втайнѣ она не переставала надѣяться, что ей удастся въ концѣ концовъ разстроить какъ-нибудь свадьбу дочери. И Сергѣй Адріановичъ коварно поддерживалъ эту надежду. Онъ посовѣтовалъ ей отсрочить подъ разными предлогами день свадьбы, и Анна Никитишна съ готовностью ухватилась за это послѣднее средство.

Съ Александромъ и съ Лелей Смекаловъ держалъ себя очень развязно, дѣлая видъ, что искренно радуется ихъ счастью. Надъ пріятелемъ онъ съ глазу на глазъ немного посмѣивался, напоминая, какъ предупреждалъ онъ его не разъ, что ему таки сорваться съ цѣпи рано или поздно.

— Видишь, мой милый, какъ я вѣрно угадалъ,— весело говорилъ онъ Александру.—Молодость въ карманъ не запрячешь,—она свое возметъ.

Его безпечный тонъ, добраго малаго совсѣмъ даже обманулъ Александра и Лелю насчетъ его истинныхъ чувствъ. Леля съ нимъ помирилась очень скоро: до того онъ былъ забавенъ и милъ, шутливо увѣряя ее, что посыпаетъ голову пепломъ и отрекается ото всѣхъ своихъ прежнихъ грѣховъ. Про свое чувство къ Лелѣ онъ говорилъ теперь съ такимъ добродушнымъ комизмомъ, что сѣтовать на него за прошлое было очевидно нельзя. Да и кстати Сергѣю Адріановичу пришлось на время уѣхать. Ему предстояло вести защиту по одному очень запутанному уголовному дѣлу въ Ростовѣ на Дону. Его кліентъ обвинялся въ отравленіи мужа своей любовницы, и забавно было слушать, съ какою

веселою беззастѣнчивостью Смекаловъ излагалъ свои взгляды на предстоявшій процессъ.

— Какъ же это,—съ удивленіемъ спрашивала его Лели,—вы собираетесь защищать человѣка, и не увѣрены даже въ его невинности?

— Въ невиновности хотите вы сказать. Это вѣдь совсѣмъ не одно и то же. И на что мнѣ такая увѣренность: не себя вѣдь мнѣ убѣдить надо, а только присяжныхъ.

— Мило, нечего сказать!—разсмѣялась Леля.

— Ахъ, Елена Васильевна, развѣ намъ дано знать, гдѣ начинается настоящая, то есть внутренняя вина? Это дѣло не нашего, не человѣческаго суда... Да и бываетъ ли такая вина въ самомъ дѣлѣ?.. Кто изъ насъ, порядочныхъ людей, можетъ съ увѣренностью сказать, что завтра же случай какой-нибудь, увлеченіе, слишкомъ разгоряченная кровь не натолкнетъ его вдругъ на то, что принято называть преступленіемъ? По моему, еслибы мы знали всѣ обстоятельства жизни, всѣ тайныя движенія того сложнаго механизма, который мы называемъ человѣческой душой, виновныхъ бы совсѣмъ не оказалось. Я готовъ, по крайней мѣрѣ, если не оправдать, то объяснить каждый человѣческій поступокъ. Дайте мнѣ только узнать всѣ условія, при которыхъ выросъ человѣкъ, всѣ вліянія, которымъ подчинялся...—а вѣдь наша адвокатская обязанносгь все это на судѣ выяснить, показать, какъ и почему дѣйствовалъ тотъ, кого мы защищаемъ. Разверните мнѣ любую, самую черную душу, и я берусь каждаго оправдать. Для меня не то важно, совершено ли убійство, а должно ли оно было совершиться, то есть, понимаете вы, имѣлось ли къ тому достаточно поводовъ...

— Значитъ, по вашему, коли есть поводъ, такъ и вины нѣтъ никакой?.. И если кто кого зарѣзалъ или отравилъ, имѣя на то достаточныя причины, его надо отпустить на всѣ четыре стороны, чтобъ онъ еще когонибудь на тотъ свѣтъ отправилъ?

— Повѣрьте мнѣ, никого не отправитъ, пока не будетъ повода. Не преступникъ опасенъ, если онъ только разумный человѣкъ, а опасенъ развѣ сумашедшій, потому что онъ дѣйствуетъ безъ разумнаго мотива, и вслѣдствіе того отъ него уберечься нельзя. Ну и такихъ людей, конечно, надо поскорѣй упрятать... И знаете, кто еще, пожалуй, опасенъ, и все по той же причинѣ? Женщины опасны, потому что онѣ тоже дѣйствуютъ безъ достаточнаго мотива.

— Какъ, женщины по вашему то же, что сумашедшіе?—опять засмѣялась Леля.

— Ахъ, Елена Васильевна,—вдругъ переходя на серьезный тонъ, отвѣтилъ на это Смекаловъ,—я твердо увѣренъ, что еслибы самой умной, самой милой женщинѣ пришлось отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ, ни одна бы хорошенько не знала, отчего она поступила такъ, а не иначе. Міромъ онѣ владѣютъ, но собой никогда! И какая-то страсть у нихъ, непонятная, нелѣпая страсть портить чужую жизнь, жертвуя при томъ и собственнымъ счастьемъ. А потомъ, когда дѣло сдѣлано, неизбѣжное позднее раскаяніе, какъ будто оно помогаетъ? И всѣ, всѣ таковы... вы... вы тоже.

— Я?—широко раскрывъ глаза, спросила Леля.

— Ну, да, вы тоже.

Онъ посмотрѣлъ на нее долгимъ, вопрошающимъ взглядомъ, и странная, почти грустная улыбка показалась на его губахъ.

— Ну, Елена Васильевна, прощайте, я, кажется, заврался. Не взыщите за это и дайте еще разъ поцѣловать вашу ручку, вотъ такъ. Онъ взялъ ея руку въ обѣ свои и поцѣловалъ ее въ самую ладонь долгимъ, крѣпкимъ поцѣлуемъ.—Будьте счастливы, отъ души вамъ этого желаю. Видите какой я добрый: за прошлое не сержусь и отъ всего сердца желаю вамъ самаго полнаго счастія, хоть и причинили вы мнѣ горькое разочарованіе.

У Лели сдвинулись брови, и она тотчасъ отняла руку, которую продолжалъ держать Смекаловъ.

— Я васъ просила мнѣ про это не напоминать.

— Ну, не буду, не буду... извините,—сорвалось съ языка... А все таки... все таки вамъ тоже раскаянія не миновать. Ахъ, вы опять хмуритесь, пожалуйста не дѣлайте этого, и еще разъ извините... А сознайтесь все таки, добавилъ онъ, мгновеніе спустя,—что я хорошій человѣкъ, а главное, такой, съ которымъ ужиться легко.

— Кто васъ разберетъ,—отвѣтила она,—я не люблю тѣхъ, съ кѣмъ ужъ слишкомъ легко уживаешься.

На это замѣчаніе Смекаловъ отвѣтилъ только короткимъ смѣхомъ. Когда онъ вышелъ, Леля долго просидѣла на мѣстѣ, устремивъ куда-то задумчивый, неподвижный взглядъ; потомъ она усиленно закачала головой, точно ей хотѣлось отогнать какое-то навязчивое дурное впечатлѣніе.—А вѣдь въ самомъ дѣлѣ хорошо, что онъ уѣзжаетъ,—рѣшила она.

Ей часто казалось послѣ разговора съ Смекаловымъ, что его слова дѣйствуютъ на нее, какъ пряный запахъ ядовитаго цвѣтка. Леля подняла голову и увидѣла предъ собой Александра; она и не замѣтила, какъ онъ вошелъ съ минуту предъ тѣмъ.

— Что съ тобой, Леля, — спросилъ онъ, — ты какъ будто...

— Ничего,—перебила она живо, и улыбнулась жениху, подставляя ему лобъ для поцѣлуя. А въ глазахъ у нея все таки оставалось что-то затаенное и тревожное, словно тѣнь на нихъ какая-то набѣжала.

— У меня Смекаловъ былъ сейчасъ... Ты знаешь, онъ ѣдетъ завтра. Ты, я думаю, радъ... Я удивляюсь, какъ это вы можете ужиться вмѣстѣ, такъ ужъ вы другъ на друга не похожи.

— Ничего, уживаемся,—весело отвѣтилъ Борскій,— онъ въ сущности отличный малый, хоть и любитъ прикидываться циникомъ...

Леля посмотрѣла на него и ничего не отвѣтила.— „Плохо же онъ его знаетъ“, подумала она про себя. И тутъ же она принялась уговаривать жениха поторопиться со свадьбой. До сихъ поръ день не былъ назначенъ, было только рѣшено отложить свадьбу до осени. Но теперь Лелѣ вдругъ почему-то захотѣлось ускорить этотъ срокъ. Она словно боялась чего-то: приходилось вѣдь ждать слишкомъ два мѣсяца. И страннымъ, почти обиднымъ показалось молодой дѣвушкѣ, что Александръ какъ будто совсѣмъ не раздѣлялъ ея нетерпѣнія. У него все еще была на рукахъ далеко не конченная диссертація, и пока онъ не сдалъ экзамена, нельзя было начинать новую жизнь, отвлекаться отъ работы.

— Я и такъ все это время ничего не дѣлаю,—сказалъ онъ,—а тутъ и подавно у меня голова пойдетъ кругомъ и, чего добраго, диссертаціи я не допишу, а ты сама знаешь, какъ это важно.

Да это и въ самомъ дѣлѣ было очень важно: безъ профессорскаго жалованья Александру было нечѣмъ жить вдвоемъ съ женой. И Леля это знала прекрасно, но почему-то она не хотѣла принять этого въ разсчетъ, и слова жениха ей показались холодными. Прежняя своенравная Леля въ ней проснулась опять.

— Ты говоришь, что ничего не дѣлалъ все это время,—раздраженнымъ тономъ возразила она.—Какъ это любезно! Тутъ почти даже упрекъ.

Леля думала, что послѣдніе дни были самыми счастливыми въ его жизни, что онъ весь былъ полонъ мысли о ней, а онъ сожалѣлъ о какой-то неконченной диссертаціи. Она много наговорила ему вспыльчивыхъ, несправедливыхъ словъ, и бѣдный Александръ совсѣмъ растерялся, видя свое безсиліе ее успокоить. Это была ихъ первая размолвка, короткая, правда, и разрѣшившаяся слезами Лели. Но въ концѣ концовъ Александру пришлось просить у нея прощенія. И обоимъ имъ показалось, что съ этой минуты они стали другъ другу еще дороже прежняго. А все таки, какъ ни искренно

было примиреніе, на душѣ Александра осталось смутное чувство тревоги и недовѣрія къ будущему.

На другой день опять произошелъ маленькій случай, показавшій молодому человѣку, что ему предстояла не совсѣмъ легкая задача, считаться съ пылкимъ нравомъ избалованной Лели. Они шли вдвоемъ по берегу моря, наслаждаясь чудною тишиной лѣтняго дня и мягкимъ плескомъ волнъ, такъ и блестѣвшихъ въ солнечныхъ лучахъ, какъ вдругъ имъ попались навстрѣчу только что свернувшія изъ боковой аллеи Екатерина Алексѣевна Малиновская съ двумя младшими дочерьми. Леля знала одну Лизу, но, увидавъ ее, она тотчасъ отгадала, кто была шедшая рядомъ съ ней дѣвушка съ такими кроткими и ясными глазами. И, угадавъ это, она внимательно посмотрѣла на жениха. Яркая краска досады показалась на ея лицѣ, когда она замѣтила смущеніе Александра. Онъ поклонился дамамъ, поровнявшись съ ними, но сдѣлалъ это не просто, какъ слѣдовало, а какъ-то пристыженно, торопливо и почему-то ускорилъ шагъ, точно онъ убѣгалъ отъ нихъ. Леля тотчасъ прочла на его чертахъ все, что онъ почувствовалъ въ эту минуту, и глазки ея блеснули гнѣвомъ. Она тоже поклонилась Лизѣ, и эта дѣвчонка позволила себѣ пройти мимо, не отдавъ ей поклона и смѣривъ ее какимъ-то дерзкимъ, сердитымъ взглядомъ. Раздраженіе Лели все таки не помѣшало ей разсмотрѣть лицо Тани, и она чистосердечно призналась себѣ, что рѣдко видала подобное лицо, такое открытое и честное, не знающее ни гордой заносчивости, ни малодушной боязни.

Они молча прошли нѣсколько шаговъ, и теперь, когда Малиновскія не могли ихъ разслышать, Леля насмѣшливо обратилась къ жениху:

— Ты, кажется, ихъ очень боишься? И что жъ, всякій разъ, какъ мы будемъ съ ними встрѣчаться, ты станешь разыгрывать эту глупую роль? Ты походилъ на пойманнаго вора...

— Мнѣ кажется, Леля, ты должна понять, что мнѣ передъ ними не совсѣмъ ловко...

— А мнѣ такъ кажется,—запальчиво возразила она,— что когда ты со мной, тебѣ незачѣмъ и некого стыдиться!.. Или ты, можетъ быть, скрываешь отъ этихъ людей, что женишься на мнѣ?

На этотъ разъ успокоить Лелю и разсѣять ея раздраженіе было не такъ легко, и внутренно они не совсѣмъ еще помирились, когда имъ довелось у выхода изъ парка встрѣтить цѣлое общество, остановившее ихъ веселыми распросами. Это была Вѣра Коноплина со своимъ братомъ, и съ ними вмѣстѣ нѣсколько барышень и молодыхъ людей.

Тотчасъ посыпались шутливые упреки за то, что Леля такъ долго не показывается и какъ будто стала даже дичиться прежнихъ друзей.

— Это все вы ей мѣшаете,—говорила Александру одна изъ молодыхъ дѣвушекъ.—Вы просто хотите на ключъ запереть свое счастье... Это ни на что не похоже! Вы эгоистъ, да, да, эгоистъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, отчего ты перестала бывать у насъ, Леля?—спрашивала Вѣра Коноплина, хотя всѣ очень хорошо знали, что она Лелю не долюбливала.

— Безъ васъ мы соскучились,—въ свою очередь увѣрялъ Николай. — Безъ васъ ни одно гулянье не удается...

И тутъ все общество принялось настаивать, чтобы Леля и ея женихъ не отказались принять участіе въ большой partie de plaisir, затѣянной на слѣдующій день. Предполагалось съѣздить въ Кронштадтъ на парусныхъ лодкахъ и потомъ вечеромъ собраться у Коноплиныхъ. Леля, никогда не бывшая въ Кронштадтѣ, тотчасъ согласилась.

— Вы тоже будете, конечно?—спросила Александра Вѣра Коноплина.

— Конечно, конечно, будетъ—я его заставлю,—отвѣчала за жениха Леля.

Едва они разстались съ веселою компаніей, Лелѣ показалось однако, что Александръ недоволенъ, что онъ оскорбился даже радостною поспѣшностью, съ какою приняла она приглашеніе.

— Если тебѣ это непріятно,—заговорила она вдругъ, чувствуя, что она виновата и что надо загладить произведенное на него дурное впечатлѣніе,—если ты хочешь, мы не поѣдемъ завтра. Я сейчасъ напишу Вѣрѣ...

— Нѣтъ, зачѣмъ, зачѣмъ?.. Я не хочу мѣшать тебѣ веселиться. Ты видишь, и безъ того всѣ увѣрены, что я изъ эгоизма тебя никуда не пускаю.

Онъ говорилъ это улыбаясь, но затаенная горечь все таки слышалась въ его голосѣ.

— Для меня нѣтъ веселья, нѣтъ удовольствія,—живо отвѣтила она, всматриваясь въ него любящими глазами,—какъ скоро ты себя чувствуешь не по себѣ. Пойми ты это: для меня ты одинъ дорогъ на цѣломъ свѣтѣ... И пустяки это они говорятъ, будто ты мнѣ мѣшаешь. Никогда ты не захотѣлъ бы отъ меня потребовать жертвы, ты вѣдь одного только хочешь, чтобы мнѣ было хорошо, чтобъ я была счастлива. Но я сама ни за что не поѣду, если ты...

— Леля, ангелъ,—остановилъ онъ ее,—спасибо тебѣ, только, право, не надо... Мы поѣдемъ завтра, будетъ очень, очень весело...

Примиреніе было полное и имъ одного теперь хотѣлось—другъ друга убѣдить въ своей готовности уступить во всемъ, потому что для каждаго изъ нихъ счастье могло быть только въ счастіи другого.

Поѣздка состоялась и въ самомъ дѣлѣ прошла очень весело. Леля всѣхъ заразила оживленіемъ. Такъ и сыпались ея задорныя шутки, и серебристый ея смѣхъ такъ и слышался, какъ самая звонкая, самая чистая нота въ общемъ созвучіи молодого веселья. На возвратномъ пути въ лодкахъ все время пѣли; хоръ выходилъ дружнымъ, хоть можетъ быть съ грѣшкомъ

пополамъ, а, главное, всѣхъ охватило вдругъ усиленное ощущеніе жизни и молодости, когда вечерѣвшій воздухъ задрожалъ отъ цыганскихъ пѣсенъ, а кругомъ стояло такое чуткое затишье и море едва колеблемое зыбью, отливая перламутровыми тонами, съ какою-то лаской несло на себѣ лодки, съ которыхъ спустили теперь паруса замѣнивъ ихъ веслами.

И потомъ у Коноплиныхъ, гдѣ тотчасъ устроились танцы, было тоже очень весело. Леля,—это читалось въ ея глазахъ,—какъ будто съ удвоенной радостью наслаждалась общимъ оживленіемъ и собственнымъ успѣхомъ. Она не замѣтила даже, что одинъ Александръ какъ будто отставалъ отъ прочихъ, и подъ конецъ вечера все грустнѣе становилось его лицо. Въ пѣніи онъ участвовать не могъ — у него не было ни голоса, ни слуха—и нечего было удивляться, что все время, пока они плыли изъ Кронштадта назадъ, ему не пришлось ни слова проронить. Но потомъ, у Коноплиныхъ, онъ тоже какъ бы отстранялся отъ прочихъ, а Леля и на это не обратила вниманія. Правда, она два раза къ нему подходила, спрашивая, весело ли ему и отчего онъ не танцуетъ. Но глаза ее такъ искрились и такъ разсѣянно, · казалось, она выслушивала его отвѣты, что онъ не захотѣлъ признаться ей въ своемъ настроеніи. А ему не только было не по себѣ, къ нему впервые въ сердцѣ закрадывалось незнакомое до сихъ поръ чувство ревности. Да, онъ ревновалъ ее, глупо, безпричинно ревновалъ ко всей этой молодежи, сновавшей вокругъ нея, ловившей ея взгляды и улыбки, и болѣзненно говорилъ себѣ, что ему никогда не стать на одинъ уровень съ нею, что вблизи ея сіяющей прелести онъ всегда будетъ казаться угрюмымъ и нескладнымъ, чѣмъ-то въ родѣ червяка, влюбившагося въ розу. Для нея вѣдь это жужжавшее задорное веселье—настоящая привычная стихія, а онъ, онъ никогда не съумѣлъ дышать съ ней заодно этимъ воздухомъ. Прежняя его жизнь, прежнія занятія вѣчно будутъ

разлучать его съ этимъ чужимъ, заколдованнымъ, враждебнымъ міромъ.

Всего хуже было то, что и послѣ вечера, когда они вдвоемъ шли отъ Коноплиныхъ, Леля упорно не хотѣла понять его настроенія. Опираясь на его руку, она продолжала хохотать, все еще отзываясь на воспоминанія этого дня, накопившаго столько горечи на его сердцѣ. И глаза ея, обращенные къ нему, блестѣли ярче самихъ звѣздъ, свѣтившихся на небѣ. А онъ шелъ рядомъ съ нею, молчаливый и угрюмый, не рѣшаясь высказать, что онъ чувствовалъ, и глубоко оскорбленный ея невниманіемъ.

— Да что ты все молчишь, Александръ,—говорила она, не переставая дразнить его своею веселостью.—Ты какъ будто недоволенъ чѣмъ-то. Фу, какой противный! Неужели ты сердишься за то, что мнѣ было такъ хорошо сегодня.

— Я не сержусь, Леля. На что мнѣ сердиться? Мнѣ кажется только, что сегодня ты весь день и не думала обо мнѣ совсѣмъ, точно меня и не было тутъ...

— Не думала! Вотъ какъ! Съ чего ты взялъ? Или ты хотѣлъ бы, чтобъ я при всѣхъ вѣшалась къ тебѣ на шею и съ однимъ тобою разговаривала? Вѣдь признайся, это смѣшно, право, смѣшно.

— Оттого-то мнѣ и больно, Леля, что тебѣ это смѣшнымъ кажется. И все это общество, которое такъ нравится тебѣ, словно разъединяло насъ, и боюсь, вѣчно оно будетъ такъ, если только...

— Что только?—Она остановилась и отдернула свою руку.

— Если ты будешь опять по старому постоянно бывать въ этомъ обществѣ...

— Вотъ какъ! Ты, стало быть, въ самомъ дѣлѣ собирался меня запереть на ключъ? Стыдись, Саша, и знай разъ навсегда, что этому не бывать. Ты дуешься совершенно напрасно — это просто капризъ съ твоей стороны. А такому ученому и серьезному человѣку,

какъ ты, капризничать совѣстно. Ну, до свиданія,—они дошли до воротъ дачи, гдѣ жили Зарубины.—Завтра, надѣюсь, ты будешь благоразумнѣе, не станешь морщиться, какъ теперь вотъ. Она улыбнулась, жениху и хотѣла подставить лобъ для поцѣлуя, но встрѣтивъ его недовольный взглядъ, быстро отвернулась и, пожавъ плечиками, побѣжала къ крыльцу. До его ушей донесся мотивъ изъ вальса, который она принялась напѣвать вполголоса, какъ бы на зло ему.

XI.

Размолвка и на этотъ разъ была непродолжительна. Когда они встрѣтились на слѣдующій день, оба думали объ одномъ только: не о томъ, чтобы себя оправдать, а о томъ лишь, чтобы загладить другъ передъ другомъ свою вину. Но поводъ къ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ отъ того не исчезъ. Каждый изъ нихъ былъ готовъ пожертвовать другому своими привычками и вкусами, потому что взаимная ихъ любовь была сильнѣе всего этого, и главнымъ для обоихъ все еще было не стремленіе поставить на своемъ, а желаніе увидать счастливую улыбку на лицѣ дорогого существа. И чуть они разставались послѣ мимолетной ссоры, раздраженіе у обоихъ мгновенно изчезало, и оставалось одно лишь — пламенное желаніе возстановить нарушенное согласіе. Но каждый разъ, что имъ доводилось мириться, — а случалось это довольно таки часто,—полное чистосердечіе было только на сторонѣ Лели. Ей нечего было скрывать отъ жениха; она признавалась охотно въ своемъ легкомысліи, въ своей жаждѣ удовольствій, въ потребности шума и веселья. Александръ не могъ такъ же откровенно признаваться Лелѣ въ своихъ затаенныхъ мысляхъ. Онъ бережно скрывалъ отъ нея свою ревность, и, какъ всякое невысказанное чувство, эта ревность въ немъ не переставала рости. Сперва это была еще безпричинная ревность, жадно и слѣпо искав-

шая себѣ предмета. Всякій разъ, что они вмѣстѣ бывали въ обществѣ Коноплиныхъ и Александръ видѣлъ, какъ разгорались у Лели глаза, какимъ оживленнымъ румянцемъ пылали ея щеки, онъ съ одинаковою ненавистью окидывалъ тревожнымъ взглядомъ всю эту молодежь, мучительно отыскивая соперника въ каждомъ, съ кѣмъ бы ни заговорила невѣста, стараясь уловить на ея лицѣ, кому изъ окружающихъ молодая дѣвушка дарила больше вниманія. И внутренно онъ немилосердно казнилъ себя за это постыдное, завистливое чувство. Не однихъ мужчинъ даже онъ ненавидѣлъ въ такія минуты, на все это общество, какъ на враждебную стихію, онъ глядѣлъ съ ревнивою злобой. Онъ не могъ понять, какъ это Леля, такъ искренно его любившая, находила все таки такое очевидное наслажденіе въ кругу этихъ пустыхъ ничтожныхъ людей. Что же ожидало его впереди, коли даже теперь ей такъ скоро прискучило ихъ тихое счастье вдвоемъ? И мысль эта грызла, разъѣдала его сердце, не покидала его даже въ тѣ минуты, когда онъ оставался наединѣ съ невѣстой

Мало по малу его подозрительная тревога сосредоточилась на одномъ человѣкѣ. Ему померещилось, что Леля оказываетъ какое-то предпочтеніе Николаю Коноплину. У Николая были живые, каріе глаза, вьющіеся, густые каштановые волосы; молодой румянецъ часто вспыхивалъ на его тонкомъ, немного женственномъ лицѣ, такъ живо отзывавшемся на смѣхъ и на веселье. Большимъ умомъ, правда, Николай не отличался, но въ немъ было одно, чего Борскому не доставало — непочатая молодость, всегда готовая вылиться черезъ край, и бойкая, черезчуръ даже бойкая прыть избалованнаго юноши, которому легко прощаютъ любую шалость. Глядя на его стройную, ловкую фигуру, на его свободное обращеніе съ женщинами, въ томъ числѣ и съ Лелей, Александръ вообразилъ, что невѣста его такъ охотно бываетъ въ обществѣ Коноплиныхъ не потому только, что въ ихъ богатомъ домѣ часто собираются, а изъ

какой-то, быть можетъ, безсознательной склонности къ Николаю. Много стыда и мученія причинила Александру эта зародившаяся въ немъ мысль. Онъ невольно сравнивалъ себя съ этимъ ничтожнымъ соперникомъ и, странное дѣло, онъ съ злобнымъ малодушіемъ готовъ былъ признать несомнѣнное превосходство Николая. И въ такія минуты все, что было ему дорого, все, чѣмъ пріобрѣлъ онъ привязанность Лели, его честный научный трудъ, его ранняя преданность серьезнымъ жизненнымъ цѣлямъ, теряло въ его собственныхъ глазахъ почти всякую цѣну. Лелѣ онъ все еще не рѣшался заикнуться про свою догадку, по своему толкуя каждое ея слово, каждый взглядъ, обмѣненный ею съ Николаемъ, и скрытыя подозрѣнія все принимали большіе размѣры.

Такъ прошло недѣли три. Свои занятія Александръ бросилъ совсѣмъ: ему было теперь не до нихъ. Разъ онъ отказался пойти съ невѣстой къ Коноплинымъ подъ предлогомъ необходимости провести вечеръ за работой. На самомъ дѣлѣ онъ хотѣлъ только узнать, пойдетъ ли туда Леля безъ него, и въ этомъ пустомъ обстоятельствѣ онъ думалъ найти средство разрѣшить свои сомнѣнія. Если она все таки безъ него отправится къ Коноплинымъ, онъ, стало быть, не ошибся... Да, онъ замѣтилъ даже на ея лицѣ, когда онъ сказалъ, что просидитъ дома весь вечеръ, блеснувшую искру удовольствія. Его подозрительность во всемъ находила себѣ пищу, все истолковывала по-своему. И когда Леля на другое утро сама пришла къ нему, думая его обрадовать этимъ—до сихъ поръ она ни разу къ нему не заходила—въ ея поступкѣ онъ увидалъ какую-то дерзкую насмѣшку, въ свѣжести ея улыбающагося личика прочелъ тайную радость удачному обману, и долго подавленная ревность вспыхнула разомъ.

Когда она вошла, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, весь погруженный въ тяжелое раздумье. Онъ поднялъ голову, услыхавъ легкій шорохъ ея платья.

И воспаленные глаза, и блѣдныя, вытянутыя черты говорили о безсонной ночи и о безпокойной работѣ мысли.

— Саша,—подошла она къ нему и нѣжно обвила его шею рукой,—вотъ и я къ тебѣ пришла. Ты не ждалъ, говори, не ждалъ?.. И доволенъ, надѣюсь?

Въ ея голосѣ, въ улыбкѣ, во всемъ этомъ сіяніи молодости, такъ недавно еще наполнявшемъ его сердце чѣмъ-то радостнымъ и теплымъ, онъ увидѣлъ теперь рѣзкій, обидный контрастъ съ охватившимъ его мрачнымъ настроеніемъ, упорное непризнаніе его оскорбленнаго чувства. Онъ почти грубо оттолкнулъ ея руку и, встряхивая спутанными волосами, такъ и вонзился въ нее пристальнымъ, раздраженнымъ взглядомъ.

— Я, въ самомъ дѣлѣ, тебя не ждалъ. До сихъ поръ вѣдь ты меня не баловала своими посѣщеніями. Видно была какая-нибудь причина выбрать какъ разъ сегодняшнее утро.

— Александръ, да что же это?—спросила дѣвушка, озадаченная насмѣшливою горечью его тона и явною непріязнью обращенія.—Какой ты странный, и глаза у тебя злые такіе... Ты сердишься? За что, за что?

— За что!—воскликнулъ онъ, вставая.—Будто ты и не догадываешься, ты, такая умная, проницательная...

— Все еще за вчерашній вечеръ? Саша, да какъ тебѣ не стыдно! А я такъ думала, приходя сюда, что ты обрадуешься, что мы вмѣстѣ будемъ пить чай и такъ прелестно проведемъ время...

Она все еще пробовала къ нему ласкаться, не догадываясь, что за глубокіе ростки пустили въ его сердцѣ нелѣпыя подозрѣнія. А въ немъ эти старанія смягчить его гнѣвъ только сильнѣе растравляли слѣпую ревность, въ нихъ онъ видѣлъ лишь новое доказательство вины.

— Полно, Леля, стыдись лгать: ты знаешь, что оскорбило меня вчера. И эта притворная нѣжность только лишнее оскорбленіе...

Теперь и ея глаза блеснули гнѣвомъ: Леля не выносила несправедливыхъ обвиненій.

— Александръ, ты съ ума сошелъ! Говори прямо,— я не понимаю, что ты хочешь сказать. Виноватою я себя не чувствую и...

— Не чувствуешь? Вотъ какъ! Вчера, когда я тебѣ сказалъ, что не пойду съ тобой къ Коноплинымъ, ты, стало быть, не догадывалась, какъ мнѣ не хотѣлось, чтобы ты опять у нихъ провела вечеръ? Будто ты не знаешь, какъ мнѣ непріятна твоя близость съ этими людьми.

— А, вотъ что! Тебѣ надо, чтобъ я затворницей была. И ты хочешь, чтобъ я этому глупому капризу...

За ней была очередь возмущаться. Ея строптивый нравъ, ея ненависть ко всякому стѣсненію непокорно заговорили въ ней, не давая взвѣшивать слова.

— Наконецъ-то,—засмѣялся онъ злобно,—высказалась, признаешься, что это общество въ твоихъ глазахъ значитъ больше меня, что до моего мнѣнія тебѣ дѣла нѣтъ, лишь бы ты слышала вокругъ себя пошлую лесть да плоскія шутки. Я вѣдь замѣтилъ вчера, какъ ты обрадовалась, что я съ тобой тамъ не буду...

— Александръ,—воскликнула она съ негодующимъ укоромъ въ голосѣ.

Но онъ даже и не разслышалъ,—до того сильно было его раздраженіе.

— Въ мое отсутствіе, по крайней мѣрѣ,—продолжалъ онъ,—не такъ стыдно кокетничать съ каждымъ первымъ встрѣчнымъ, да выслушивать двусмысленныя остроты... И тебѣ весело было вчера, скажи, весело? Кому ты кружила голову, разсказывай...

Онъ будто опьянѣлъ отъ собственныхъ словъ. Голосъ его становился хриплымъ, глаза лихорадочно блуждали. Леля опустилась на стулъ, какъ бы въ изнеможеніи. Она слушала и рѣшительно не могла понять—до того нелѣпыми, возмутительными, казались ей эти обвиненія. Глубокая скорбь овладѣла ею, точно

она лишилась вдругъ дорогого существа, и заодно съ этою скорбью сознаніе своей правоты въ ней поднималось все сильнѣе.

— Да говори же, по крайней мѣрѣ,—настаивалъ онъ,—оправдывайся... Или ты не считаешь болѣе нужнымъ притворяться?

— Мнѣ не въ чемъ оправдываться, Александръ...— Она рѣшительно подняла голову, и смущенія не было и слѣда въ ея открытыхъ глазахъ, заблестѣвшихъ отъ гнѣва.—Вы помните, что я сказала вамъ разъ, въ тотъ самый день, когда вы стали моимъ женихомъ? Недовѣрія я вынести не могу, и если вы перестали вѣрить, намъ лучше растаться...—она встала и посмотрѣла на него въ упоръ сухимъ, рѣшительнымъ взглядомъ, и ни одна черта на ея лицѣ не дрогнула.—Говорите прямо, прямо. У васъ есть какая-то затаенная мысль, и вы даже не смѣете ее открыто высказать.

— Леля!—воскликнулъ онъ,—неужели до этого дошло, неужели тебѣ такъ дороги эти люди, эта проклятая среда, изъ которой я надѣялся тебя вырвать, что изъ за нея, изъ за этихъ людей, ты готова на разрывъ со мною. Нѣтъ, тутъ не одна потребность развлеченія, тутъ иное что-то... Ты бываешь тамъ, у этихъ Коноплиныхъ, такъ часто потому, что у нихъ ты видишь кого-то, кто особенно тебѣ дорогъ... Признавайся.

Брови ея сдвинулись, словно тѣнь легла на ея лицо, но голосъ на этотъ разъ измѣнилъ ей, и губы задрожали.

— И вамъ не стыдно это говорить,—произнесла она чуть слышно. — Да назовите же, по крайней мѣрѣ, назовите кого-нибудь.

Борскій не рѣшился назвать ей имя, просившееся къ нему на языкъ. Онъ чувствовалъ, какъ унизительна для него ревность къ Николаю. Но ея страстные, настойчивые разспросы вынудили его наконецъ произнести это имя.

— Николай Коноплинъ!—вырвалось у нея изумлен-

ное восклицаніе.—Коля, этотъ ничтожный, пустоголовый мальчикъ! И вотъ кого, стало быть, я предпочитаю тебѣ!

Она всплеснула руками, и негодованіе вдругъ перешло въ нервный хохотъ. Гнѣвъ у нея мгновенно стихъ. Ей было почти весело, она почти обрадовалась, убѣдившись, какъ дѣтски наивна была его ревность, и въ то же время слегка презрительное чувство къ нему за самую эту нелѣпость его подозрѣнія зашевелилось у нея на сердцѣ. Онъ пробовалъ оправдаться, приводилъ какія-то основанія своей догадки, но она его уже не слушала.

— Нѣтъ, это уже черезчуръ смѣшно, — продолжала она хохотать,—до того, до того смѣшно, что я уже сердиться не могу болѣе. Николай Коноплинъ! Да кому бы я про это ни сказала, всякій бы разсмѣялся. И тебѣ не стыдно?—Она опять стала говорить ему ты, словно они помирились совсѣмъ, хотя на лицѣ ея и въ самомъ этомъ смѣхѣ любой проницательной глазъ могъ бы прочесть далеко не улегшееся оскорбленное раздраженіе. Тебѣ не стыдно? Такой серьезный и умный человѣкъ, и этотъ мальчикъ... Умный!..—она повторила это слово, щурясь взглянула на него, и засмѣялась опять, но уже сдавленнымъ, недобрымъ смѣхомъ.—Вотъ, стало быть, какія диковинныя подозрѣнія могутъ тебѣ запасть въ голову. Съ тобой надо быть осторожною.

А у Александра между тѣмъ съ чувствомъ стыда боролась охватившая его вдругъ громкая радость. Въ искренности Лели сомнѣваться онъ не могъ,—слишкомъ ужъ непритворно было ея насмѣшливое изумленіе. И Борскій принялся цѣловать ея руки, умоляя о прощеніи, Леля ихъ не отнимала, но какъ-то безучастно отдавала ихъ въ его распоряженіе, и что-то грустное промелькнуло вдругъ въ ея недавно еще смѣющихся глазахъ.

Они не разслышали оба, какъ къ дому подъѣхали извощичьи дрожки, и кто-то сталъ подниматься по

лѣстницѣ. Минуту спустя, двери шумно растворились, и въ нихъ показалась фигура Сергѣя Адріановича въ дорожномъ костюмѣ съ иголочки и съ побѣдоносно-веселымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Ба, кого я застаю! Само олицетвореніе лѣтняго солнца,—произнесъ онъ, скидая шляпу и быстро подходя къ Лелѣ.—Вотъ какъ бы всегда находить такіе пріятные сюрпризы, возращаясь домой.

Онъ съ самымъ добродушнымъ видомъ горячо пожималъ имъ руки, и зоркіе его глаза между тѣмъ успѣли уже уловить на ихъ лицахъ слѣды только что происшедшаго бурнаго объясненія, и на сердцѣ у него поднималось злорадное, торжествующее чувство.

— Ну, что, удачна была ваша поѣздка?—спросила Леля.

— Полная побѣда, Елена Васильевна, оправдали блистательно! И знаете—что всего для меня дороже—совѣщались эти олухи присяжные всего какихъ-нибудь десять минутъ. Такъ я выложилъ имъ все дѣло, что и сомнѣній никакихъ не оставалось... А все таки, между нами будь сказано...—Онъ съ притворнымъ смущеніемъ почесалъ себѣ лобъ.

— Подсудимый былъ виновенъ?—спросила Леля.

Смекаловъ сдѣлалъ утвердительное движеніе головой и вздохнулъ.

— И ты радуешься!—воскликнулъ Борскій,—ты...

— О мудрый и ученый другъ мой,—перебилъ Смекаловъ,—кабы ты видѣлъ, что за овацію мнѣ сдѣлали, какъ дамы хлопали и махали платками... Въ первую минуту, признаюсь, я себя чувствовалъ не совсѣмъ ловко: на совѣсти будто камешекъ лежалъ, маленькій, правда, но все таки камешекъ. Но явное сочувствіе публики, эти возгласы, апплодисменты мигомъ стерли непріятное ощущеніе. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ внутренно себя укорять, когда вокругъ слышишь однѣ похвалы. Успѣхъ—вѣрное средство противъ угрызеній совѣсти. Елена Васильевна, не слишкомъ возму-

щайтесь, если я и не совсѣмъ правъ, такой грѣхъ, какъ мой, вѣдь не всякому по плечу, признайтесь.

Цинизмъ у Смекалова всегда принималъ такой оттѣнокъ добродушія, столько было въ немъ безпечной веселости, что ему удавалось обезоруживать самыхъ неподатливыхъ охотниковъ до строгой морали.

— А знаешь, мой милый,—замѣтилъ ему однако Борскій,—что съ этой точки зрѣнія можно, пожалуй, и шулеромъ восторгаться, если онъ ужъ очень ловко передергиваетъ.

— Ну, ради Бога, только не философствуй,—разсмѣялся въ отвѣтъ Смекаловъ,—и главное, не пускайся въ сравненія.

Онъ съ покровительственною небрежностью потрепалъ Борскаго по плечу.

— Отдадимся лучше праздничному настроенію—продолжалъ онъ.—Оно вѣдь на сердцѣ у всѣхъ насъ, и у меня и у васъ тоже, не правда ли?—онъ лукаво прищурилъ глаза.—А за симъ не мѣшало бы приступить къ легкому завтраку. Елена Васильевна, вы не откажетесь? Мой другъ Борскій до того привыкъ витать на седьмомъ небѣ, что ему и въ голову не приходитъ, что инымъ людямъ доступно такое грубое ощущеніе, какъ голодъ. Перейдемте ка лучше въ мои аппартаменты,—а я сейчасъ насчетъ завтрака распоряжусь.

Смекаловъ вышелъ, и въ какихъ-нибудь четверть часа столъ былъ накрытъ и завтракъ поданъ. Слуга у Сергѣя Адріановича былъ малый необыкновенно расторопный, совсѣмъ въ барина. За столомъ, благодаря Смекалову, разговоръ не умолкалъ ни на минуту, и Леля волей-неволей заразилась его оживленіемъ. Сергѣй Адріановичъ обладалъ умѣньемъ быть непринужденно забавнымъ даже тогда, когда ему не вторилъ никто изъ присутствующихъ. Онъ всегда дѣлалъ видъ, что не примѣчаетъ натянутости общаго настроенія, и тѣмъ самымъ помогалъ другимъ освободиться отъ этой натянутости. А между тѣмъ его зоркій глазокъ куда

какъ вѣрно угадывалъ чужія затаенныя мысли, и рѣдко отъ него ускользалъ самый мимолетный оттѣнокъ выраженія, скользнувшій по чьему-нибудь лицу. И теперь онъ отчетливо отличалъ что-то нервное, принужденное въ звонкомъ смѣхѣ Лели, а по лицу Александра онъ читалъ, какъ по открытой книгѣ, и раза два его прищуренные глаза украдкой насмѣшливо останавливались на Борскомъ. Леля поймала его улыбку, какъ подмѣтила она съ самаго появленія Смекалова что-то покровительственно-небрежное въ его обращеніи съ Александромъ. И за все это она досадовала на жениха гораздо болѣе, чѣмъ на самого Смекалова. Ей непріятно было видѣть этотъ рѣзкій контрастъ между развязнымъ оживленіемъ Сергѣя Адріановича и стѣсненною молчаливостью Александра. Что-то робкое, почти обиженное было въ самыхъ его движеніяхъ, и Лелю стало подмывать надъ нимъ тоже посмѣяться. Въ ней не совсѣмъ еще остыло раздраженіе противъ жениха; съ тѣхъ поръ, какъ онъ признался въ своей догадкѣ насчетъ Николая Коноплина, къ этому раздраженію присоединилась какая-то презрительная жалость.

— Ну, а что же вы ничего не раскажете, Елена Васильевна?—спросилъ ее вдругъ Смекаловъ.—Я вамъ съ три короба новостей выложилъ, а вы, и мой благородный другъ тоже, упорно молчите о своемъ житьѣ-бытьѣ. Истинное счастье, я знаю, не сообщительно, но все таки это ужъ черезчуръ. Что вы подѣлывали безъ меня, скажите? Продолжали уединяться, или увлекъ васъ опять жизненный водоворотъ?

Смекаловъ перевелъ глаза съ Лели на Александра. Смущеніе обоихъ его забавляло. Леля однако стряхнула съ себя чувство неловкости и заговорила съ притворнымъ оживленіемъ.

— Водоворотъ очень спокойный во всякомъ случаѣ, хотя Александру Дмитріевичу и это кажется излишнимъ. Вѣдь вы знаете, что онъ смотритъ на жизнь, какъ на рядъ подвиговъ.

— Знаю, знаю,—одобрительно разсмѣялся Сергѣй Адріановичъ.

— И представьте себѣ,—продолжала Леля,—въ немъ проявляется даже съ нѣкоторыхъ поръ такое вульгарное чувство, какъ ревность... И знаете, кто вызвалъ въ немъ это чувство? Нѣтъ, я вамъ лучше скажу—вы не отгадаете ни за что—Николай Коноплинъ.

Смекаловъ такъ и разразился громкимъ хохотомъ. Александръ молчалъ.

— Вотъ, батюшка, что значить ученость,—замѣтилъ Сергѣй Адріановичъ.—Вѣдь простому смертному такая мысль и въ голову не пришла бы. Нашелъ соперника: Николай Коноплинъ! Браво! Ну, Елена Васильевна, вы его въ руки возьмите, а то онъ у васъ совсѣмъ удила закуситъ, даромъ, что смирный.

Разговоръ въ этомъ тонѣ продолжался еще минуту. Вдругъ Леля его рѣзко оборвала, сказавъ, что ей пора домой. Непонятная грусть охватила ее разомъ, и продолжать болтовню, хохотать съ притворною беззаботностью ей стало уже не подъ силу. По лицу Александра она видѣла, что онъ внутренно страдалъ, и жалость къ нему, мягкая, уже не презрительная жалость зашевелилась въ ея сердцѣ. Она быстро простилась съ хозяиномъ и вышла. Александръ послѣдовалъ за нею въ сосѣднюю комнату, гдѣ она оставила шляпу, и заперъ дверь.

— Леля,—сказалъ онъ,—неужели ты не догадываешься, какъ мучила ты меня все это время?

Она прямо не отвѣтила. Въ ней заговорила вдругъ чисто женская потребность не признавать за собою никакой вины, всю отвѣтственность свалить на другого И поступая такъ, она была почти искренна. Его мягкій упрекъ вызвалъ у ней яркое воспоминаніе о происшедшей между ними сценѣ. И утихшее было негодующее чувство въ ней снова заговорило.

— Нѣтъ, ты не догадываешься, ты не понимаешь, что сдѣлалъ ты сегодня. Ты не только оскорбилъ меня

своею ревностью, ты во мнѣ убилъ чувство уваженія къ тебѣ. А безъ уваженія не бываетъ и любви. Много, много времени пройдетъ, пока я опять буду прежняя. На этотъ разъ я тебя простила—слишкомъ ужъ мнѣ смѣшнымъ показалось, что ты меня ревнуешь къ Николаю Коноплину, я и теперь, видишь, не могу не смѣяться... Нѣтъ, лучше про это не вспоминать, а то я опять тебѣ наговорю чего-нибудь... Только знай, Александръ, если еще разъ... еще разъ мнѣ выкажешь такое недовѣріе, я уже не прощу.

Онъ смотрѣлъ на нее пристальными, глубоко скорбными глазами, какъ будто не разслышалъ ея словъ. Ему хотѣлось бы, какъ до сихъ поръ послѣ каждой изъ прежнихъ небольшихъ размолвокъ, совсѣмъ помириться съ нею, но на этотъ разъ что-то его удержало. Слова мольбы и раскаянія такъ у него и застыли на губахъ. Вѣдь сама она была неправа теперь и въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она стала его невѣстой, Александръ считался съ нею, отстаивалъ передъ ней собственную правоту. Что то не совсѣмъ искреннее, двоедушіе какое-то померещилось ему въ ея словахъ, и онъ остался неподвижнымъ и нѣмымъ, и не проводилъ ее даже, когда, сказавъ ему торопливое „прощай“, она отвернулась и вышла.

Полчаса спустя въ его комнату вошелъ Смекаловъ. Онъ внимательно посмотрѣлъ на товарища, потомъ заговорилъ о какихъ-то безразличныхъ предметахъ, но вдругъ, какъ бы опомнившись, остановился передъ Александромъ и сказалъ;

— Знаешь, Борскій, а выходитъ, что я передъ тобой почти что виноватъ. Я твердилъ тебѣ, помнишь? что рано или поздно кровь въ тебѣ заговоритъ и надо тебѣ не такую жену, какъ твоя прежняя невѣста. Помнишь? Ну и выходитъ, что я былъ неправъ и что ты именно рожденъ, кажется, для такой будничной жизни, гдѣ все напередъ разсчитано и каждый день отпускается по равной порціи мѣщанскаго счастья. Пожа-

луй, для тебя это было бы лучше того, что ты выбралъ теперь.

Александръ не отвѣтилъ ни слова.

XII.

Прошла еще недѣля. Смекаловъ продолжалъ втихомолку наблюдать за женихомъ и невѣстой, дѣлая видъ, что принимаетъ самое искреннее и безкорыстное участіе въ ихъ судьбѣ. А между тѣмъ онъ съ радостью подмѣчалъ, что въ судьбѣ этой готовится, незамѣтно для обоихъ, неизбѣжный роковой переломъ. Болѣзненная подозрительность Александра то утихала на мигъ, то снова вспыхивала, какъ блѣдный огонекъ надъ тлѣющими угольями. И Смекалову доставляло особое, злое наслажденіе выслушивать признаніе Борскаго, откровенно повѣрявшаго ему свои мучительныя сомнѣнія. Смекаловъ добродушно журилъ его, совѣтовалъ не отдаваться ревнивымъ подозрѣніямъ, а между тѣмъ каждый такой разговоръ съ пріятелемъ оставлялъ въ душѣ Александра лишній осадокъ недовѣрчиваго безпокойства. Не разъ за эту недѣлю онъ съ трудомъ лишь сдерживалъ себя, чтобы снова не дать волю своей неугомонной ревности. И, видя это, Смекаловъ будто притаился и поджидалъ, чѣмъ это кончится, какъ лисица, стерегущая добычу. Когда нетерпѣливое выраженіе пробѣгало по лицу Лели, и сухой блескъ вспыхивалъ въ ея глазахъ, — а случалось это всякій разъ, что у Александра вырывался какой-нибудь полувысказанный упрекъ,—Сергѣй Адріановичъ съ мягкою улыбкой на устахъ тотчасъ бралъ на себя роль совѣтчика и примирителя. Онъ принимался защищать Александра, хорошо зная, что этимъ онъ только подливаетъ масло въ огонь. Какъ старшій братъ, опытный и хладнокровный, онъ какъ будто прилагалъ всѣ усилія, чтобы мирить ихъ и научать, какъ разумные люди всегда усту-

паютъ другъ другу въ мелочахъ, „а изъ мелочей", говорилъ онъ, „вѣдь соткана цѣлая жизнь". И всегда выходило, что его дружескія наставленія лишь обостряли ихъ затаенное несогласіе.

Онъ зашелъ разъ къ Зарубинымъ на другой день послѣ вечеринки у Коноплиныхъ, куда Леля на этотъ разъ не пошла, добровольно уступая невысказанному желанію Александра. Смекаловъ догадывался, что внутренно она сердится на жениха, и Александру придется дорого поплатиться за маленькую жертву, принесенную его прихоти. И Сергѣй Адріановичъ не ошибся. Онъ засталъ Лелю недовольною собой и другими, съ недобрымъ огонькомъ въ глазахъ, словомъ, расположенную капризничать и дуться. Она сидѣла въ уголку маленькой гостиной, и въ самой ея позѣ, въ томъ, какъ она держала книгу на колѣняхъ, очевидно ея вовсе не читая, было что-то строптивое и раздражительное.

— Что, Елена Васильевна,—началъ онъ,—опять за чтеніемъ? Какою вы серьезною стали, сейчасъ видно, что за профессора выходите.

Она молча вскинула на него сердитыми глазами, едва протягивая руку.

— Вы думаете, она читаетъ?—проворчала Анна Никитишна. — Только такъ, для виду держитъ книгу въ рукахъ, и слова отъ нея не добьешься.

— Вотъ какъ!—Смекаловъ улыбнулся,—Какъ же это послѣ вчерашняго вечера? Я думалъ, вы проведете его такъ поэтически вдвоемъ... и для васъ будетъ такое наслажденіе видѣть на лицѣ жениха благодарное счастье. Или онъ не съумѣлъ оцѣнить?..

Леля нетерпѣливо швырнула книгу на столъ и поднялась съ мѣста.

— Пойдемте въ садъ, — сказала она, — мнѣ поговорить съ вами надо.

Они вышли. Леля сперва молчала, склонивъ голову и покусывая лепестки какого-то цвѣтка. Смекаловъ молчалъ тоже, выжидая, что она скажетъ.

— Я его не понимаю, — сказала она вдругъ, бросая цвѣтокъ на траву.—Чего ему, кажется, надо? Или онъ думалъ, что на цѣлую жизнь я запрусь съ нимъ вдвоемъ и буду счеты сводить по хозяйству да съ кухаркой браниться, пока онъ станетъ ученые трактаты строчить. Коли такъ, ему надо было другую жену себѣ искать, а я не могу, не могу: я задохнулась бы отъ такой жизни... Ну, что-жъ вы молчите, Смекаловъ? Вѣдь нарочно молчите, чтобы меня разсердить и заставить наговорить кучу нехорошихъ вещей.

— Вы знаете мое мнѣніе на этотъ счетъ, Елена Васильевна. Вы не созданы...

— О, да, знаю, знаю, — нетерпѣливо перебила она его, и горькія слезы показались на ея рѣсницахъ, — по-вашему, я создана, какъ вы любите выражаться, для блеска и веселья, такъ ли? То-есть, другими словами, для того, чтобы стать игрушкой для кого-нибудь, и потомъ, какъ всѣ игрушки, быть кинутою въ уголъ. Въ вашихъ глазахъ я вѣдь недостойна быть хорошею и честною—такая жизнь не по мнѣ. Помню еще, какъ вы мнѣ твердили это въ тотъ вечеръ, когда мы возвращались отъ Коноплиныхъ вдвоемъ. Мигъ счастья по-вашему лучше длиннаго ряда тусклыхъ дней. О, подите, подите, я понимаю васъ... Какъ будто отъ такихъ дней спасаетъ этотъ мигъ счастья! Отъ нихъ спасаетъ одно только—смерть. Нѣтъ, ни за что, ни за что... И я люблю его, люблю, я хочу быть честною. Только зачѣмъ онъ самъ такой... неуживчивый и странный.

— Такой педантъ, хотите вы сказать, — отчетливо вставилъ Сергѣй Адріановичъ.

Она остановилась и взглянула на него сверкнувшими глазами.

— Перестаньте, Смекаловъ. Если вы пришли сюда меня возстановлять противъ Александра, уходите лучше.

Смекаловъ закусилъ губу. Онъ понялъ, что слишкомъ поторопился, захотѣвъ воспользоваться ея на-

строеніемъ, чтобы высказать ей прямо въ лицо свое пренебрежительное мнѣніе о Борскомъ.

— Слушаюсь, Елена Васильевна,—отвѣтилъ онъ съ ироническимъ поклономъ.—Спѣшу удалиться. Позвольте мнѣ только вамъ сказать на прощанье, что вѣчно уступать, какъ вы дѣлаете, любому капризу Александра Дмитріевича — довольно плохая политика. Недовѣрчивости его этимъ вы не успокоите, вѣдь онъ все таки знаетъ, что вкусы и взгляды у васъ не тѣ, что у него. Вы только пріучаете его становиться съ каждымъ днемъ все болѣе требовательнымъ, а въ концѣ концовъ вы все таки не вытерпите. И чѣмъ позже вы рѣшитесь отстоять свою независимость, тѣмъ это будетъ труднѣе.

— Вы мнѣ, однако, не то говорили до сихъ поръ. Вы сами мнѣ совѣтовали уступать въ мелочахъ, помните?

— Я хотѣлъ видѣть, надолго ли хватитъ у васъ терпѣнія и какую вы заслужите благодарность. Это былъ маленькій психологическій опытъ... вотъ и все. Посудите сами, насколько онъ удался.

Леля хотѣла что-то отвѣтить, но тутъ же раздумала и отвернулась.

— Не сердитесь, Елена Васильевна,—продолжалъ Смекаловъ все съ тою же насмѣшливостью.—Я вѣдь добра вамъ обоимъ желаю, вы это знаете. И, пожалуй, коли вамъ угодно было выбрать себѣ такое... мѣщанское счастье, вамъ лучше заранѣе помириться съ неизбѣжными условіями подобнаго... счастья. Александра вы передѣлать не можете, такъ вы ужъ постарайтесь себя перевоспитать на его ладъ: вѣдь назначеніе женщины покоряться и уступать. Не правда ли?

— Вы несносный, вы злой человѣкъ,—прогорила она сквозь слезы.—Подите, подите, напрасно я вздумала къ вамъ обратиться за совѣтомъ.

Онъ еще разъ поклонился съ преувеличенною вѣжливостью и направился къ дому. А Леля продолжала медленно идти по дорожкѣ. Внутренній голосъ ей твердилъ почти то же, что Смекаловъ, но ей хотѣлось за-

глушить этотъ голосъ, увѣрить себя въ правотѣ Александра и заступиться за него передъ Сергѣемъ Адріановичемъ. Но теперь, когда она была одна, и Александра уже не приходилось защищать отъ чужихъ нападокъ, возмущенное чувство заговорило въ ней громко. Никакой вины она передъ женихомъ за собой не сознавала; она, съ дѣтства привыкшая слушаться лишь своей прихоти, уступала ему во всемъ, терпѣливо выносила незаслуженныя подозрѣнія... и все таки она этимъ ничего не достигла. Какое-то непобѣдимое чувство недовѣрія гнѣздилось въ сердцѣ Борскаго, прячась только на время, чтобы потомъ выступить съ новою силой. Леля устала отъ этой постоянной мелочной борьбы. Гордость ея была возмущена; любовь къ свободѣ, къ самостоятельности заявляла о своихъ правахъ.

Она отерла слезы и встряхнула головой, какъ бы сбрасывая съ себя добровольно признанную надъ собой власть.—Нѣтъ, полно,—говорила она себѣ,—незачѣмъ смиряться и уступать. Коли онъ меня любитъ, пусть любитъ такою, какою я была всегда.

Смекалова между тѣмъ задержала Анна Никитишна.

— Ну, что?—спросила она, нетерпѣливо всматриваясь въ него.—Съ вами она, вѣдь, откровеннѣе, чѣмъ со мной. Кажется, женихъ начинаетъ ей надоѣдать.

Смекаловъ немного по-своему передалъ ей разговоръ съ Лелей.

— Дайте срокъ, не торопите ея,—сказалъ онъ,—и я думаю, все устроится къ лучшему.

— Ахъ, Сергѣй Адріановичъ,—и Анна Никитишна протянула ему обѣ руки,—какъ я буду вамъ благодарна, если вы мнѣ поможете разстроить эту свадьбу. Васъ она послушается, вы вѣдь такое огромное вліяніе на нее имѣете.

Смекаловъ добродушно улыбнулся, принимая эти выраженія благодарности отъ довѣрчивой матушки, совсѣмъ не подозрѣвавшей, что за тайныя цѣли преслѣдовалъ онъ такъ настойчиво и терпѣливо.

Минутъ черезъ десять вернулась Леля, и Сергѣй Адріановичъ сразу замѣтилъ перемѣну на ея лицѣ. Глаза ея блестѣли рѣшимостью, вызовъ кому-то въ нихъ читался.

— А я и забылъ вамъ сказать, Елена Васильевна,—началъ Смекаловъ,—что вчера у Коноплиныхъ было рѣшено послѣ завтра устроить поѣздку въ Ораніенбаумъ, ту самую, помните, отъ которой вы отказались два мѣсяца назадъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—оживленно отозвалась Леля.—Я непремѣнно поѣду, и пари наше идетъ, да? Вы еще не забыли?

— Конечно, идетъ... Боюсь одного только, какъ бы не встрѣтилось препятствіе. И Смекаловъ двусмысленно улыбнулся.

— Со стороны Александра? Я хотѣла бы видѣть, какъ онъ помѣшаетъ!

Сергѣй Адріановичъ вышелъ отъ Зарубиныхъ, потирая руки: онъ предвкушалъ близкое торжество.

И возвратясь домой, онъ небрежно, мимоходомъ сказалъ Борскому о предположенной поѣздкѣ, но сдѣлалъ именно такъ, чтобы вызвать Александра на какую-нибудь неосторожную выходку. Борскій не замѣтилъ подставленной ловушки и въ тотъ же день рѣшительно потребовалъ отъ Лели, чтобъ она отказалась. Но на этотъ разъ онъ встрѣтилъ у нея самый рѣшительный отпоръ. Она заранѣе приготовилась къ бурному объясненію и тутъ же могла убѣдиться, какъ права она, не уступая его причудѣ. Сперва Александръ вспылилъ и мрачная складка легла у него между бровями, но онъ не смогъ устоять противъ ея твердаго рѣшенія, когда она хладнокровно ему объявила, что поѣдетъ, хотя бы и безъ него, потому что ей надоѣло во всемъ уступать. Его охватила вдругъ боязнь потерять ее. И угроза, готовая уже сорваться съ его губъ, такъ и осталась невысказанною. И какъ съумѣла она поблагодарить его за уступку, какіе лучи мягкаго свѣта лились на него изъ

ея темныхъ глазъ. А все таки, когда онъ вечеромъ возвращался домой, скорбное ощущеніе тяжело лежало у него на сердце, что-то неискреннее, лживое чуялось ему въ ея ласкахъ, и словно тучи громоздились надъ его будущимъ счастьемъ, какъ тамъ, на далекомъ краѣ неба онѣ темнѣли надъ закатомъ и зловѣщимъ блескомъ играла по нимъ зарница.

Два дня спустя, къ утреннему поѣзду на станціи собралось довольно многочисленное общество. Тутъ была семья Коноплиныхъ и всѣ обычные посѣтители ихъ вечеринокъ. Шесть осѣдланныхъ лошадей стояли у подъѣзда станціи въ ожиданіи своихъ ѣздоковъ.

Было заранѣе условлено, что кавалькада тронется въ ту самую минуту, когда раздастся третій звонокъ. Постороннихъ на станціи было немного, и веселая компанія, чувствуя себя, какъ дома, наполняла говоромъ и смѣхомъ обширную залу I-го класса. Не было пока одной Лели, хотя раздался уже первый звонокъ и сторожъ раскрылъ двери на платформу. Смекаловъ, пріѣхавшій съ Александромъ, сталъ выказывать безпокойство, недовѣрчиво посматривая на хмурое лицо пріятеля.

— Что жъ невѣста твоя не ѣдетъ? — спрашивалъ онъ.—Вѣдь безъ нея все гулянье разстроится...

— Не знаю, — коротко отвѣтилъ тотъ,—и продолжалъ стоять молчаливый и недовольный, какъ бы выдѣляя себя изъ общаго веселія.

До прихода поѣзда оставалось всего пять минутъ и въ публикѣ уже нетерпѣливо посматривали въ сторону Петербурга, не покажется ли оттуда голубоватый дымокъ локомотива. Лели еще не было. Дамы засуетились, говоря, что это ни на что не похоже. Одна Вѣра оставалась равнодушною, увѣряя, что и безъ Лели обойтись можно. Но вотъ уже послѣ второго звонка, когда всѣ разсаживались по вагонамъ, показалась легкая, стройная фигурка Лели въ свѣтломъ платьѣ, вся сіяющая и смѣющаяся, и со всѣхъ сторонъ на нее по-

сыпались упреки и разспросы. Какъ можно такъ опаздывать и всѣмъ причинять такое безпокойство?! Леля отвѣчала всѣмъ разомъ, ничуть не торопясь и не конфузясь, и быстрые ея глазки мигомъ оглядѣли всѣхъ присутствующихъ, подаривъ каждаго ласковымъ оживленнымъ взглядомъ. На одномъ только Александрѣ они остановились на секунду и что-то странное, неподвижное и въ то же время какъ бы вызывающее показалось въ нихъ, словно потушивъ ихъ искристый блескъ. Но это было всего одно мгновеніе и, вспрыгнувъ на подножку вагона, Леля стала такою же, какъ всегда, беззаботною и непринужденною, заражая всѣхъ звонкимъ смѣхомъ, словно такъ и суждено ей было приносить съ собою оживленіе и радость.

— Ну, ну, идите же, торопитесь,—повторяла она Смекалову,—чего заболтались? Опоздаете.

— А вамъ очень хочется, чтобъ я выигралъ?—И пожавъ лишній разъ ей ручку, Сергѣй Адріановичъ успѣлъ вскочить на сѣдло къ самому третьему звонку.

Четверть часа пути до Ораніенбаума прошли въ непрерывной болтовнѣ. Елизавета Адамовна Эйзеншмидтъ не переставала тревожиться за ѣздоковъ, увѣряя, что всѣ они, всѣ до единаго переломаютъ себѣ шеи и что было непозволительно соглашаться на такое нелѣпое пари. Молодая часть общества, однако, совсѣмъ не раздѣляла этой тревоги, и когда поѣздъ убавилъ хода, приближаясь къ Ораніенбаумской станціи, всѣ бывшіе въ вагонѣ принялись жадно выглядывать, не показываются ли въ отдаленіи головы лошадей.

— Имъ ни за что не поспѣть,—томно повторяла госпожа Коноплина.

— Дай Богъ, дай Богъ,—твердила тетя Лиза, но вдругъ ее перебили громкія восклицанія.

— Посмотрите, посмотрите, — вскрикнула Леля. — Ѣдутъ и Смекаловъ впереди всѣхъ. Молодцы! Обгонятъ, непремѣнно обгонятъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ разъ въ ту минуту, когда

локомотивъ, тяжело пыхтя, въѣзжалъ подъ навѣсъ станціи, всѣ шестеро молодыхъ людей дружнымъ галопомъ подскочили къ наружному фасаду и всѣ замѣтили, какъ Смекаловъ, пропуская мимо себя товарищей, намѣренно осадилъ лошадь и принялся закуривать папироску. Все общество, высыпавъ изъ вагона, бросилось къ крыльцу, поздравивъ съ побѣдой ловкихъ ѣздоковъ. Барышни принялись гладить взмыленныя шеи животныхъ, а Смекаловъ, преспокойно объѣхавъ шагомъ кругъ передъ станціей, соскочилъ съ торжествующею улыбкой на губахъ.

— Я одинъ проигралъ, какъ видите, Елена Васильевна,—сказалъ онъ, подходя къ ней.

— Нарочно проиграли, нарочно,—отвѣтила она...— Это не считается.

— Ну тамъ нарочно или нѣтъ, а коли проигралъ, то долженъ нести повинную.

И дерзкій взглядъ его маслянистыхъ, свѣтящихся глазъ самодовольно остановился на лицѣ молодой дѣвушки, пока онъ доставалъ изъ кармана какую-то вещицу въ кожаномъ футлярѣ. Его обступили всѣ.

— Что это, что это такое?—всплеснувъ руками, воскликнула тетя Лиза.—Браслетъ, и такой дорогой, съ такими бриллiантами!

Леля, вся смущенная, не проронила ни слова.

— Ну, ужъ это вы мнѣ предоставьте, Елизавета Адамовна,—спокойно возразилъ Смекаловъ.—Было условлено, что проигравшій самъ долженъ выбрать, что поднести Еленѣ Васильевнѣ. Я только пользуюсь своимъ правомъ.

И онъ хотѣлъ уже надѣть золотой обручъ на руку молодой дѣвушки, какъ вдругъ Александръ остановилъ его рѣзкимъ движеніемъ.

— Нѣтъ, ты не смѣешь, я тебѣ не позволю,—вырвалось у Александра.—И щеки его вспыхнули, а глаза такъ и воспламенились гнѣвнымъ огнемъ.

Не позволишь? Хотѣлъ бы я видѣть!—съ короткимъ

смѣхомъ отвѣтилъ Сергѣй Адріановичъ, и въ то же время въ спокойномъ взглядѣ, брошенномъ на пріятеля, показалась нешуточная угроза.—Оставь, не дури! И крѣпко сдавивъ руку Борскаго, онъ оттолкнулъ ее рѣзко.—Передъ дамами не дѣлаютъ сценъ, не забывай этого...

Леля хотѣла было отказаться отъ богатаго подарка, но выходка Александра подзадорила ее на зло жениху измѣнить свое первое рѣшеніе. Она взяла браслетъ изъ рукъ Смекалова и надѣла его сама.

— А права выигравшаго за вами все таки остаются, Сергѣй Адріановичъ,—сказала она, подаривъ его ласковымъ взглядомъ.

— Ну ѣдемъ, ѣдемъ,—заторопилъ Гавріилъ Ивановичъ Коноплинъ.—Что за охота пыль глотать!

Всѣ разсѣлись попарно въ извощичьихъ колясочкахъ и покатили въ паркъ. Программа дня была заранѣе условлена: сперва прогулка въ паркѣ и завтракъ на травѣ подъ открытымъ небомъ, потомъ катанье на лодкахъ, а вечеромъ послѣ обѣда собирались въ театръ, гдѣ должна была играть одна московская знаменитость. Смекаловъ, взявшійся быть распорядителемъ, все устроилъ на славу. Общее настроеніе было самое праздничное. Молодые люди, такъ лихо обскакавшіе поѣздъ, гордились своимъ успѣхомъ, и самодовольство придавало имъ особенное оживленіе. Старшее поколѣніе очень скоро, правда, утомилось прогулкой и поотстало отъ молодежи. Предоставленныя самимъ себѣ, юныя парочки разбрелись по парку, а болѣе степенная часть общества усѣлась на скамейкахъ, находя вѣроятно, что затѣянныя удовольствія имъ не совсѣмъ по лѣтамъ. Елизавета Адамовна завладѣла Александромъ, не перестававшимъ молчаливо хмуриться. Преневоливать себя и притворно участвовать въ общемъ веселіи, котораго онъ не раздѣлялъ, Борскій не былъ въ силахъ. Никогда еще такъ ясно не подступало къ нему сознаніе, что все его дорогое счастье куда-то раз-

летѣлось и глухое чувство непоправимаго разочарованія грызло у него на сердцѣ. Онъ разбилъ жизнь близкаго существа, довѣрившагося ему, и разбилъ для того лишь, чтобы погнаться за призракомъ. Какъ увлекшійся мальчикъ, онъ далъ себя опутать несбыточной страсти къ этой прелестной, но безсердечной дѣвушкѣ, которая смѣется теперь надъ его оскорбленною любовью, и внутреннее раздвоеніе съ невѣстой будетъ все расти и расти съ каждымъ днемъ—онъ ясно видѣлъ это теперь. А все-таки, когда зарождалась въ немъ мысль о возможности разрыва съ нею, онъ ужасался этой мысли, холодъ пробѣгалъ по всему его существу, и ни за что, ни за что не уступилъ бы ее другому, ни за что не промѣнялъ бы свои теперешнія мученія на разлуку съ нею.

— Вы удивительно мрачны, Александръ Дмитріевичъ,—съ необыкновеннымъ тактомъ замѣтила ему госпожа Эйзеншмидтъ.

Онъ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, а Елизавета Адамовна, наклоняясь къ нему и обмахивая длиннымъ вѣеромъ свое раскраснѣвшееся пухлое лицо, добавила вполголоса:

— Что вы такъ любезны съ невѣстой сегодня? Или вышла у васъ маленькая ссора, une querelle d'amoureux?

Она почувствовала, должно быть, что ему неловко отозваться на эти нескромныя слова и продолжала съ добродушно-хитрою улыбкой въ глазахъ:

— Я бы вамъ посовѣтовала не давать ей такъ много воли и... и... присматривать за ней получше. Вы знаете, Леля дѣвочка избалованная и привыкшая дѣлать все, что ей въ голову придетъ. Между нами, я нахожу ея обращеніе съ этимъ Смекаловымъ довольно-таки страннымъ... Этотъ браслетъ, который она отъ него приняла... И вотъ теперь, замѣтьте, они вѣдь совсѣмъ неразлучны... Я бы на вашемъ мѣстѣ...

Александръ не вытерпѣлъ

— Елизавета Адамовна,—оборвалъ онъ ее глухимъ

надтреснутымъ голосомъ,—объ одномъ васъ прошу, не говорите со мной объ этомъ. Ни въ утѣшеніяхъ, ни въ совѣтахъ я не нуждаюсь...

И проговоривъ это, онъ всталъ и удалился быстрыми шагами, а Елизавета Адамовна неподвижно поглядѣла ему вслѣдъ, широко раскрывъ свои выпученные глаза, а рука съ вѣеромъ такъ и остановилась отъ изумленія, охватившаго ее.

Александръ шелъ, не оглядываясь, упорная, мрачная дума засѣла у него въ головѣ, и какъ въ болѣзненномъ бреду онъ безсознательно ворочалъ ее въ головѣ, не отдавая себѣ даже яснаго отчета, что мучительно твердила ему взволновання мысль. Раза два онъ вздрагивалъ и тупо озирался, не различая предметовъ вокругъ себя, не зная, куда и зачѣмъ онъ спѣшитъ.

Его окликнули чьи-то голоса, и онъ не разслышалъ даже обращеннаго къ нему вопроса. Онъ только безсмысленно кивнулъ головой въ сторону заговорившихъ съ нимъ и пошелъ еще быстрѣе прежняго. Вдругъ онъ наткнулся на какое-то дерево, стоявшее возлѣ самой дороги, и опомнился. Онъ схватилъ себя за голову и нервно разсмѣялся. Потъ выступилъ у него на лбу. „Такъ, такъ,—громко заговорилъ онъ съ собой,—всѣ это видятъ, всѣ... Я одинъ былъ слѣпъ, и эта дура повторила только, что всѣ они замѣтили давно... А я подозрѣвалъ Николая Коноплина.., да, это ясно... ясно, какъ день. И началось это у нихъ давно: онъ самъ, вѣдь, говорилъ мнѣ... И она, моя безцѣнная Леля, все время дурачила меня, увѣряя въ своей любви... Хороша любовь“! Онъ опять засмѣялся и судорожно стиснулъ зубы. „Куда же они дѣвались, однако,—подумалъ онъ опять, стараясь проникнуть взглядомъ сквозь чащу кустовъ и деревьевъ. Вокругъ него все было тихо и безлюдно; самъ того не примѣтивъ, онъ зашелъ въ самую отдаленную часть незнакомаго ему парка. Онъ повернулъ назадъ, напрягая слухъ... Теперь ему усиленно хотѣлось настигнуть ихъ, подстеречь. Онъ былъ увѣ-

ренъ, что застанетъ ихъ непремѣнно вдвоемъ. И онъ не ошибся. Вдругъ сквозь густую зелень мелькнуло предъ его глазами что-то бѣлое. Онъ направился туда, нетерпѣливо раздвигая сучья, и увидѣлъ Смекалова вдвоемъ съ Лелей на скамейкѣ. Они оживленно разговаривали. Леля чему-то смѣялась. Замѣтивъ его, они замолчали оба, но лица ихъ не выдали ему никакой тревоги.

— А, вотъ вы гдѣ, господинъ профессоръ,—привѣтствовалъ его Сергѣй Адріановичъ,—что это ты въ благоустроенномъ паркѣ, гдѣ все дышетъ цивилизаціей, прокрадываешься кустами, точно краснокожій индѣецъ?

Но выраженіе лица Александра такъ ясно говорило объ охватившемъ его страстномъ волненіи, что у Смекалова прошла охота шутить.

— Вотъ, въ самомъ дѣлѣ,—добавилъ онъ, всматриваясь въ пріятеля,—зачѣмъ ты отсталъ отъ прочихъ? Мы тебя все поджидали, ей-Богу, цѣлый часъ поджидали.

Александръ стоялъ предъ ними со скрещенными на груди руками.

— Въ самомъ дѣлѣ?—насмѣшливо проговорилъ онъ.—И, я думаю, съ большимъ нетерпѣніемъ поджидали... ну вотъ явился, какъ видите... Что-жъ, весело было вдвоемъ?..

Такъ неестественно звучалъ голосъ Борскаго, до того странно блуждали его воспаленные глаза, что Леля и Смекаловъ невольно обмѣнялись удивленнымъ, почти испуганнымъ взглядомъ. Потомъ она перевела глаза на жениха, и что-то недоброе, почти презрительное мелькнуло въ нихъ. Мгновеніе спустя она отвернулась и принялась что-то чертить на пескѣ зонтикомъ.

— Зачѣмъ ты становишься въ такую трагическую позу, мой милый?—спросилъ Сергѣй Адріановичъ.— Присядь-ка лучше и постарайся быть забавнымъ.

Александра подмывало тутъ же кинуться на Сме-

калова, ударить его въ лицо и высказать Лелѣ, что онъ думалъ объ ея поведеніи. Но онъ удержался, съ какимъ-то злымъ наслажденіемъ любуясь накипѣвшимъ у него гнѣвомъ и своею властью надъ собой.

— Нѣтъ, я лучше мѣшать вамъ не стану: вамъ, вѣдь, и безъ меня хорошо. Мнѣ хотѣлось только посмотрѣть, какъ вы проводите время.

И отвернувшись, онъ скрылся опять за кустами. А когда онъ вскорѣ потомъ натолкнулся на кучку молодыхъ людей, болтавшихъ какой-то вздоръ, онъ всѣхъ ихъ удивилъ необыкновеннымъ оживленіемъ, съ какимъ принялъ участіе въ ихъ разговорѣ. Ему достало силы, чтобы прикинуться веселымъ, и никто не замѣтилъ, какъ мучился онъ внутренно.

Въ половинѣ второго всѣ собрались на лужайкѣ, гдѣ расторопный лакей Смекалова и съ нимъ вмѣстѣ деньщикъ одного изъ офицеровъ все приготовили для завтрака. Сергѣй Адріановичъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Закуска была обильная, и весело захлопали пробки раскупориваемыхъ бутылокъ шампанскаго. Веселое настроеніе поднялось еще тономъ выше. Всѣ заговорили громче обыкновеннаго; шуткамъ конца не было и подчасъ онѣ выходили довольно таки пряными. Александръ не переставалъ слѣдить за Смекаловымъ и за Лелей. Они сидѣли рядомъ, не переставая болтать и не разъ чокаясь бокалами. На жениха она совсѣмъ, повидимому, не обращала вниманія. Александръ подмѣчалъ каждое ея движеніе, ловилъ каждый звукъ ея голоса, и все сильнѣе въ немъ росла увѣренность въ ея обманѣ. Но онъ и тутъ сдержалъ себя и спокойно велъ какую-то дѣловую бесѣду съ Гавріиломъ Ивановичемъ. Съ Лелей онъ не обмѣнялся ни однимъ словомъ.

Но вотъ всѣ поднялись съ мѣста. Завтракъ былъ конченъ, и все общество направилось къ берегу моря. Александра удержала возлѣ себя Елизавета Адамовна, и безъ явной невѣжливости онъ не могъ отъ нея изба-

виться, хоть и порывался впередъ, чтобы нагнать Лелю, шедшую подъ руку съ Сергѣемъ Адріановичемъ. Онъ рѣшилъ про себя, что не дастъ ей провесть остальной день съ этимъ обществомъ, заставитъ ее тотчасъ вернуться вмѣстѣ съ нимъ въ Петергофъ. Но Елизавета Адамовна все не отпускала его отъ себя.

А Леля между тѣмъ откровенно высказывала теперь Смекалову свою досаду на жениха. Поведеніе Александра за все время прогулки казалось ей чѣмъ-то непозволительно смѣшнымъ и нелѣпымъ.

— Я ему скажу, — возбужденнымъ голосомъ говорила она,—что такъ это продолжаться не можетъ. Я поставила ему одно условіе, про которое онъ совершенно забылъ,—полное довѣріе ко мнѣ. Пока онъ дѣлалъ мнѣ сцены съ глазу на глазъ, я могла это еще сносить, но здѣсь, передъ цѣлымъ обществомъ... неужели онъ не догадывается, какъ онъ смѣшонъ былъ сегодня?

— Онъ любитъ васъ... только по-своему,—насмѣшливо возразилъ Смекаловъ.

— Вы смѣетесь, а я плакать готова... — съ укоромъ отвѣтила она.

— Полноте! — онъ наклонился почти къ самому ея уху, говоря это, — вы слишкомъ умны и слишкомъ у васъ твердая воля, чтобы вы стали безплодно оплакивать легко поправимую ошибку. Вѣдь это была ошибка... признайтесь... Вамъ стоитъ сказать одно слово...

— Нѣтъ, нѣтъ, этого слова вы отъ меня не дождетесь никогда,—живо перебила дѣвушка.

— Будто?—Онъ посмотрѣлъ на нее въ упоръ своими наглыми, блестящими глазами.—Или вамъ хочется, въ самомъ дѣлѣ, этого дряннаго мѣщанскаго благополучія?... счастіемъ его и назвать нельзя, и вы это сознаете сами... Рѣшитесь же взглянуть прямо на свое будущее, откиньте разъ навсегда эти предразсудки и согласитесь наконецъ... пойти, куда васъ тянетъ давно. Вѣдь рано или поздно, вы все таки будете моею...

— Леля! — послышался вдругъ голосъ Александра,

онъ догонялъ ихъ, отдѣлавшись, наконецъ, отъ госпожи Эйзеншмидтъ, — пойдемъ! Я уѣзжаю сейчасъ въ Петергофъ, и беру тебя съ собою, пойдемъ.

Онъ проговорилъ это съ непривычною для него повелительною рѣшимостью. Смекаловъ вскинулъ на него безпокойнымъ взглядомъ: „Могъ ли Борскій разслышать его послѣднія слова?“ Но Александръ на него и не глядѣлъ, и на лицѣ его отвѣта на свою мысль Смекаловъ не прочелъ.

— Вы хотите, чтобъ я уѣхала съ вами?—спокойно и холодно спросила Леля.—Зачѣмъ?

— Я не могу тебя оставить здѣсь съ этими людьми... Съ тебя этого пока довольно... послѣ я тебѣ объясню, коли хочешь. А я оставаться здѣсь не могу и не хочу. Пойдемъ!..

— Вы съ ума сошли...—она смѣрила его съ ногъ до головы.—Уѣзжайте, коли хотите, мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла.

— Берегись, Леля,—съ трудомъ сдерживаясь, хриплымъ и дрожащимъ голосомъ настаивалъ Александръ.— Я не шучу теперь... Дѣло идетъ о всемъ нашемъ будущемъ. Я требую, слышишь, требую, чтобы ты поѣхала со мной... сейчасъ поѣхала, и если ты...

— Какъ?! Угрозы?—она громко и нервно расхохоталась.—Посмотрю, какъ вы меня заставите уѣхать! Довольно, помучили вы меня нелѣпыми подозрѣніями и капризами еще болѣе смѣшными... Уѣзжайте!.. Я васъ удерживать не стану...

Лицо у нея пылало. А черты Александра исказились, какъ отъ боли. Но онъ и тутъ сдержалъ себя, и отвѣтилъ съ притворнымъ спокойствіемъ.

— Хорошо. Я поѣду одинъ. Только смотрите, не раскаивайтесь послѣ, завтра утромъ я буду у васъ и объяснюсь съ вами.

Онъ отвернулся, не сказавъ болѣе ни слова. Смекалова онъ не удостоилъ и взгляда.

XIII.

Александръ шелъ быстро, не обращая вниманія на палящее солнце, хотя потъ давно струился съ его лба. Онъ спѣшилъ на станцію и все таки не взялъ ни одного изъ попадавшихся ему навстрѣчу извозчиковъ. Онъ не замѣтилъ даже, что сбился съ пути, а когда увидѣлъ, что идетъ не по той дорогѣ, было слишкомъ поздно, чтобы поспѣть на поѣздъ. Онъ равнодушно махнулъ рукой и, еще прибавивъ шагу, свернулъ на шоссе. Усталости онъ не чувствовалъ никакой, онъ сознавалъ одно только, что въ жизни его совершился какой-то переломъ, что все наполнявшее эту жизнь разомъ погибло. Онъ самъ не зналъ потомъ, какъ добрался до своей дачи. Встрѣтившая его служанка была поражена его растеряннымъ видомъ, безсознательнымъ, почти дикимъ выраженіемъ его глазъ! Войдя въ свою комнату, онъ свалился на кресло и нѣсколько часовъ просидѣлъ въ полномъ оцѣпенѣніи мысли и воли. Но кровь остыла понемногу и сознаніе вернулось, вызывая нестерпимую, почти физическую боль. Надо было принять рѣшеніе, сдѣлать что-нибудь, чтобы хотя какимъ-либо дѣйствіемъ вылить наружу переполнявшее его мучительное чувство. И прежде всего надо было сейчасъ оставить этотъ домъ, гдѣ бы онъ ни за что не захотѣлъ провести и нѣсколько часовъ. Съ лихорадочною поспѣшностью онъ сталъ укладывать свои вещи, точно въ этой работѣ онъ находилъ отдыхъ какой-то отъ терзавшей его неотступной мысли. Служанка хотѣла ему помочь, но онъ грубо отослалъ ее, приказавъ только нанять извозчика, чтобы тотчасъ отвезти его вещи въ гостиницу. Потомъ онъ досталъ пачку ассигнацій и, сунувъ ихъ въ конвертъ, написалъ Смекаову нѣсколько строкъ, извѣщая его, что съѣзжаетъ съ квартиры. Перечтя ихъ потомъ, онъ удивился, какъ ему хватило силъ хладнокровно писать человѣку, самое имя котораго

вызывало въ немъ омерзѣніе. Онъ запечаталъ конвертъ, позвонилъ и велѣлъ служанкѣ передать Сергѣю Адріановичу, когда тотъ пріѣдетъ. Теперь все было сдѣлано, онъ могъ уѣхать. Онъ всталъ и направился было къ выходу, какъ по лѣстницѣ вдругъ раздались быстрые шаги и въ комнату влетѣлъ Смекаловъ.

— Что это?—воскликнулъ онъ.—Ты уѣзжаешь?

Лицо у Александра перекосилось отъ душившей его злобы, но онъ сохранилъ, однако, видимое спокойствіе.

— Я не могу... Не желаю оставаться съ вами подъ одною кровлей... Деньги я передалъ служанкѣ.

— Да ты мнѣ скажешь по крайней мѣрѣ, съ чего ты это выдумалъ?..

— Съ чего выдумалъ?! Чудесно,—онъ неестественно засмѣялся.—Вы позволили себѣ... Да что вамъ объяснять?! Мнѣ противно даже съ вами... Всѣ, всѣ видѣли ваше неприличное поведеніе. Я одинъ до сихъ поръ, признаюсь, не замѣчалъ ничего... Вы, должно быть, посмѣялись таки надъ моею наивностью...

— Послушай, Борскій, это ни на что не похоже— съ притворнымъ добродушіемъ отвѣтилъ Сергѣй Адріановичъ.—Тебѣ что-то померещилось должно быть, или ты воображалъ, чего добраго, что, разъ ты объявленъ женихомъ Елены Васильевны, никто и говорить съ ней не имѣетъ права?

— Говорить?!—Борскій опять разсмѣялся.

— Ну, положимъ, ухаживать... Я вѣдь никогда не скрывалъ отъ тебя, что Елена Васильевна мнѣ нравится. И не на такой дѣвушкѣ тебѣ слѣдовало жениться, коли ты хотѣлъ запереть ее на ключъ и любоваться ею одинъ, какъ паша турецкій. Эти пріемы, братецъ мой, устарѣли. Женихъ ты или нѣтъ, а монополіи въ нашъ вѣкъ за тобой никто не признаетъ... конкуренція свободна.

— Я знать и слышать не хочу,—подступая къ нему, почти закричалъ Александръ, — про ваши нелѣпые, про ваши гадкіе, отвратительные взгляды. Помните ли?..

Не хочу... мнѣ дѣла нѣтъ до нихъ. Я не стану посмѣшищемъ вашего глупаго общества. Съ нею я увижусь завтра... и тогда... все рѣшится... Ну, да чего толковать!.. Будь, что будетъ! А съ вами, господинъ Смекаловъ, у насъ счеты покончены, мы болѣе незнакомы.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—холодно отвѣтилъ Смекаловъ, благоразумно отстраняясь отъ Александра.—Вы можетъ быть собираетесь потребовать у меня того, что принято называть удовлетвореніемъ?..

Александръ только пожалъ плечами и, сдѣлавъ презрительное движеніе рукой, молча вышелъ изъ комнаты.

На другой день въ двѣнадцатомъ часу онъ звонилъ у крыльца Зарубинской дачи.

Леля вздрогнула, услыхавъ звонокъ.

— Кого это нелегкая принесла,—проворчала Анна Никитишна, занявшаяся было вязаньемъ.—Не твой ли это уже изволилъ пожаловать въ такой ранній часъ?

— Мама, душечка,—съ непривычною, робкою нѣжностью, заговорила дѣвушка, подходя къ матери. — Оставьте насъ вдвоемъ, прошу васъ: это онъ, Александръ.

— Опять тайны какія-то, — недовольнымъ тономъ отозвалась на это Анна Никитишна.—Ну, пожалуй, сиди съ нимъ, коли отъ матери хоронишься. Развязалась бы ты съ нимъ лучше, съ женишкомъ-то; безпутный, кажись, онъ, совсѣмъ безпутный... Она вышла, бормоча себѣ что-то подъ носъ.

У Лели было не легче на сердцѣ, чѣмъ у Александра. Съ той самой минуты, какъ наканунѣ онъ разстался съ нею, веселости ея какъ не бывало. Своенравный задоръ, какой она выказывала въ присутствіи Александра, смѣнился вдругъ раскаяніемъ и грустью. Она, вѣдь, не переставала его любить, хоть ее и подстрекалъ непокорный нравъ выказывать ему притворную холодность. Всѣ замѣтили происшедшую въ ней перемѣну; не слыша болѣе ея звонкаго смѣха; всѣ

какъ-то пріуныли, не хотѣли даже піесу дослушать до конца и вернулись въ Петергофъ раньше, чѣмъ думали.

Всю ночь Леля не смыкала глазъ, перебирая въ умѣ подробности ссоры съ женихомъ и раздумывая, какъ встрѣтитъ она его на слѣдующее утро. Еслибъ онъ могъ видѣть ея горькія слезы, заглянуть къ ней въ сердце, понять какъ мучилась она, упрекая себя, онъ бы все забылъ и прижалъ бы только къ своей груди маленькое трепещущее существо, которому одного было надо,—довѣрчивой всепрощающей ласки...

Леля встала, блѣдная, разстроенная, почти больная. Личико ея глядѣло исхудалымъ и безпомощнымъ. Она нетерпѣливо поджидала прихода Александра и въ то же время боялась предстоявшаго объясненія. Но вотъ, едва она успѣла одѣться, къ ней принесли записку отъ Смекалова. „Дорогая Елена Васильевна,—писалъ онъ,—считаю долгомъ извѣстить васъ, что у насъ съ сожителемъ моимъ Александромъ Дмитріевичемъ произошелъ неожиданный разрывъ, надѣюсь, впрочемъ, не окончательный. Я засталъ его, представьте, за укладываніемъ вещей. Наговоривъ онъ мнѣ кучу жалкихъ и довольно таки несообразныхъ вещей, въ томъ числѣ, не скрою, и на вашъ счетъ, и уѣхалъ въ великомъ гнѣвѣ на насъ обоихъ. Всего бы лучше, конечно, не обращать на это вниманія и дать утихнуть грозѣ, но зная ваше доброе сердце и нѣкоторую вашу слабость къ нашему общему другу, смѣю посовѣтовать вамъ, милая барышня, быть съ нимъ поосторожнѣй и на первыхъ порахъ не допускать его до себя. Кто знаетъ, что за неожиданная фантазія можетъ придти въ его ученую голову? Тихони эти, когда закусятъ удила, выкидываютъ подчасъ отчаянныя штуки. Вчера у насъ съ нимъ едва до вызова не дошло... Право, я не могъ спокойно выслушивать, какъ позволялъ онъ себѣ на вашъ счетъ выражаться. Впрочемъ, считаю излишнимъ вамъ передавать его слова и, зная вашъ умъ и вашу твердость, предоставляю дальнѣйшій ходъ дѣла на ваше

благоусмотрѣніе. Знайте одно: если вамъ нужна крѣпкая дружеская рука, на меня вы всегда можете разсчитывать. Искренне вамъ преданный С. Смекаловъ.

Яркая краска гнѣва и стыда разлилась по блѣднымъ щечкамъ Лели, и остывшее было раздраженіе противъ Александра въ ней опять зашевелилось. Она была виновата, разумѣется, кругомъ виновата, но и онъ тоже... Развѣ онъ до сихъ поръ въ эти два мѣсяца не съумѣлъ понять, какъ искренно, сердечно она привязалась къ нему, какъ ненавидитъ она все похожее на обманъ, хотя быть можетъ, вспышки причудливаго нрава и придаютъ ей иной разъ видъ капризнаго, безсердненаго существа? Неужели онъ не могъ простить этихъ вспышекъ избалованной дѣвочки, не догадывался, сколько въ ней было искреннихъ порывовъ къ добру, сколько любви къ нему скрывалось подъ этими мимолетными причудами.

И вотъ теперь черезъ двѣ-три секунды она увидитъ его. Какова будетъ ихъ встрѣча? Сердце у нея сильно забилось. Она стояла, обратившись лицомъ къ двери, черезъ которую онъ долженъ былъ войти. По выраженію лица, когда онъ вошелъ, она тотчасъ поняла, что онъ приноситъ ей не слова утѣшенія и любви, которыя она жаждала услышать, а рѣшимость быть строгимъ и непреклоннымъ, какъ судья. И она тоже вся похолодѣла и какъ бы заперлась отъ него, увидавъ это. Они поздоровались молча, формально и натянуто, какъ чужіе.

— Сядьте,—проговорила она, указывая ему на стулъ. Она сѣла тоже и положила руки на колѣни, выжидая что онъ скажетъ.

— Елена Васильевна,—началъ онъ, намѣренно заговоривъ въ сдержанномъ, почти враждебномъ тонѣ.— Ваше вчерашнее поведеніе было такъ странно, такъ непозволительно...

— Что, вы явились сюда, — перебила она сухо и насмѣшливо,—мнѣ выразить все свое негодованіе по этому поводу?..

— Я вижу, къ сожалѣнію,—продолжалъ онъ,—что вы и теперь не расположены меня выслушать, какъ слѣдуетъ, и, должно быть, не признаете себя даже виноватою...

Онъ промолчалъ, выжидая ея отвѣта. Но она не возразила ни слова, только легкимъ движеніемъ головы приглашая его продолжать.

— Наше объясненіе едва ли къ чему-нибудь поведетъ, если вы рѣшились со мной держать себя, какъ теперь вотъ. Скажите это лучше прямо. Тогда незачѣмъ будетъ даромъ терять слова, не особенно пріятныя для насъ обоихъ.

— Вы навѣрно хотите оставаться въ своей профессорской роли,—отвѣтила она все съ тою же враждебною насмѣшливостью.—Извольте, я васъ буду слушать покорно, какъ ученица.

Его напускное хладнокровіе мигомъ исчезло.

— Вы хотите довести меня до сумасшествія—воскликнулъ онъ, вскакивая.—Неужели вы не видите, что я сдерживаюсь лишь съ величайшими усиліями, что предъ вами человѣкъ, глубоко оскорбленный вами и... глубоко несчастный тоже.

Но теперь ее не могли смягчить никакія слова Александра.

— Несчастіе обыкновенно смиряетъ людей, а вы...

— Я?! О, вы не подозрѣваете, что я вытерпѣлъ со вчерашняго дня! Какъ мучился во все время этой несчастной поѣздки. Этой пытки я болѣе выносить не могу...

Онъ принялся ходить по комнатѣ.

— И вы пришли сюда покончить... съ этой пыткой, какъ вы ее называете?

— Елена... Леля, умоляю васъ, бросьте этотъ ужасный, насмѣшливый тонъ, хотя бы изъ состраданія бросьте. Я вѣдь знаю, что вы меня не любите и не любили никогда, что все это...

— Никогда не любила? Да?—вполголоса съ невыразимою горечью проговорила она.—Вы правы...

Онъ и на этотъ разъ ея не понялъ.

— Вы признаетесь, стало быть? Но зачѣмъ, зачѣмъ этотъ обманъ? Зачѣмъ увѣрять меня столько разъ, что вамъ опротивѣла эта среда, откуда я силился васъ вырвать, что вамъ ненавистенъ этотъ Смекаловъ? Къ чему было вамъ портить мою жизнь изъ за какой-то злой, взбалмошной причуды? Кто мѣшаетъ вамъ любить Смекалова, отдаться ему даже...

— Любить Смекалова... — тоже вполголоса, какъ бы безсознательно повторила она.—Любить Смекалова... да, вы отгадали...—Она судорожно засмѣялась.

— Вы смѣетесь? Чудесно. И это моя невѣста, та самая дѣвушка, которая столько разъ увѣряла меня въ своей любви, заставила меня стать обманщикомъ! И какъ могъ я вамъ повѣрить!.. — Онъ стиснулъ себѣ лобъ обѣими руками.—Вѣдь этотъ Смекаловъ, вашъ дорогой Смекаловъ, самъ признавался мнѣ, что за возмутительныя цѣли онъ преслѣдуетъ. О, я былъ слѣпъ, непростительно слѣпъ. Меня обмануть вѣдь не трудно... Я вѣдь былъ наивенъ до того, что ревновалъ васъ къ Николаю Коноплину. Это была глупая ребяческая ревность... я понимаю, что вы смѣялись надо мной тогда. А теперь вы и скрываться не считаете нужнымъ... со мной церемониться вѣдь не стоитъ.

Улыбка такъ и не сходила съ губъ Лели, пока эти упреки неудержимо и бѣшено вырывались у Александра. И какъ ни очевидно было, что онъ страдалъ невыносимо, Леля ожесточалась противъ него все сильнѣе. Слезы подступали, правда, къ ея глазамъ, но плакать ей хотѣлось только надъ собою, надъ своимъ разбитымъ, поруганнымъ счастьемъ...

— Что жъ вы замолчали?—сказала она. — Продолжайте. Найдите еще какое-нибудь лишнее оскорбленіе.

— Оскорбленіе? Развѣ вы способны чувствовать оскорбленіе? Вы, которая вчера при всѣхъ приняли дорогой подарокъ отъ человѣка, который явно позоритъ васъ своимъ ухаживаніемъ. И какъ держались

вы съ нимъ потомъ?! Всѣ, вѣдь, говорю вамъ, всѣ замѣтили ваше поведеніе. Мнѣ пришлось выслушивать прозрачные намеки на вашъ счетъ. О, какой стыдъ, какой стыдъ! И когда я хотѣлъ вамъ дать случай загладить вашъ легкомысленный поступокъ—тогда считалъ я его только легкомысленнымъ,—какъ вы мнѣ отвѣтили, какъ, скажите?..

Леля молчала.

— Что жъ, теперь не отвѣчаете ни слова? Или вы стали ужъ равнодушною даже къ ожидающему васъ позору?..

Леля медленно обратила къ нему глаза, потомъ еще медленнѣе встала. Александръ не замѣтилъ даже, какъ дрожали ея руки.

— Александръ Дмитріевичъ,—произнесла она.—Я выслушала васъ кажется терпѣливо. Теперь будетъ. Отъ такихъ упрековъ я оправдываться не намѣрена. Оставьте меня... Ступайте. Послѣ того, что было между нами сейчасъ, вы понимаете, я думаю, что я невѣстой вамъ быть уже не могу. Да и вы сами бы этого не захотѣли. Она проговорила это твердо, хотя мертвенная блѣдность лежала на ея искаженномъ отъ страданія лицѣ.

— Какъ? Больше вы не имѣете ничего сказать? Вы хотите разрыва? Гоните меня прочь?

— Да посудите сами,—было ея спокойнымъ отвѣтомъ.—Можемъ ли мы оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ послѣ того, что вы сказали сейчасъ?

— Леля, да развѣ я пришелъ сюда искать разрыва? Развѣ вы не понимаете, что я хочу, требую отъ васъ оправданія?—Онъ подступилъ къ ней совсѣмъ близко, попробовалъ взять ее за обѣ руки, но она отстранилась отъ него, покачивая головой.

— Есть обвиненія, въ которыхъ оправдаться нельзя, да и не стоитъ. Вы сказали мнѣ, что я люблю Смекалова и обманываю васъ. Продолжайте этому вѣрить, коли хотите...

— Леля, да что же это?—проговорилъ онъ хриплымъ

голосомъ.—Я вѣдь не оскорблять васъ хотѣлъ, а только добиться отъ васъ правды.

— Правды? Ну вотъ вы и добились. И теперь идите. Вы думали, что можете бросить мнѣ въ лицо какой угодно упрекъ, а я только поплачу и стану просить у васъ прощенія. Помните, я говорила вамъ не разъ, что одного я вынести не могу,—недовѣрія къ себѣ. И вашихъ сегодняшнихъ словъ я вамъ не прощу никогда, ни за что.

— Не простите? Да кажется прощать не вамъ приходится, а мнѣ...

— Какъ хотите... Только прощать вамъ придется, уже не здѣсь, не въ моемъ присутствіи... Ступайте!

Она отвернулась отъ него, указывая ему рукой на дверь. Онъ весъ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства.

— А, вотъ какъ?! Вы хотите меня увѣрить, что въ васъ говоритъ теперь только оскорбленная гордость. Лучшаго оправданія, стало быть, не нашли?..

Но вдругъ онъ словно опомнился. Горе стиснуло ему грудь, и почти со слезами на глазахъ онъ сталъ умолять ее о примиреніи. Но теперь ужъ она его слушать не хотѣла.

— Поздно, Александръ Дмитріевичъ,—возразила она.—Съ этого вамъ слѣдовало начать, а теперь ваши слова не приведутъ ни къ чему.

Опять его глаза блеснули гнѣвомъ, и униженныя мольбы смѣнились опять запальчивыми рѣчами

— Я вижу, вы только искали случая отъ меня отдѣлаться,—проговорилъ онъ, стиснувъ зубы.—Такъ ступайте же, ступайте къ своему любовнику. Я вамъ больше мѣшать не стану.

Онъ кинулся вонъ. О, еслибъ онъ даже теперь обернулся назадъ и подошелъ къ ней съ распростертыми руками, подошелъ, не дѣлая упрековъ, не требуя объясненій, а просто и задушевно обнялъ ее, съ теплыми слезами въ глазахъ прося ее все позабыть, свои несправедливыя обвиненія, свои оскорбительныя слова, она смягчилась бы даже теперь и въ ея взволнован-

номъ сердцѣ нашелся бы откликъ на его любовь. Этого только и жаждало ея строптивое больное и измученное сердце. Но онъ этого не сдѣлалъ. Онъ считалъ себя вполнѣ правымъ, а ее безгранично виноватою, онъ лучше хотѣлъ потерять ее навсегда, обречь на погибель, чѣмъ лишній разъ унизиться до мольбы о прощеніи, казавшейся ему теперь непростительною слабостью. Но когда онъ вышелъ на улицу въ сознаніи своей правоты, раздраженіе его мгновенно упало и смѣнилось горестною скорбью о потерянномъ счастіи. Онъ шелъ впередъ съ поникшею головой, не зная даже куда направлялъ свои шаги. Онъ не замѣтилъ даже, что свернулъ въ ту сторону гдѣ была дача Малиновскихъ. Но когда Александръ поровнялся съ нею и случайно поднялъ голову, все прошлое разомъ воскресло въ его памяти. И онъ остановился на мигъ, грустнымъ взоромъ окидывая домикъ, съ которымъ у него было связано столько дорогихъ воспоминаній. И теперь онъ уже правымъ себя не чувствовалъ. Онъ, легкомысленно разбилъ двѣ жизни, онъ, всегда строгій къ себѣ, онъ, труженикъ науки, всегда стермившійся къ честному дѣлу... Александръ старался заглянуть въ эти знакомыя окна, надѣялся увидать свою бѣдную кроткую Таню или, по крайней мѣрѣ, добродушное лицо ея матери. Но домъ казался опустѣлымъ, окна были завѣшены, и голосовъ не слышалось за ветхими, досчатыми стѣнами. Тяжело и задумчиво глядѣли на него эти стѣны, точно онѣ тоже укоряли его, скромно и тихо укоряли, какъ сдѣлали бы это, увидавъ его, добрыя существа ,также жестоко имъ оскорбленныя. Александръ простоялъ нѣсколько минутъ, тщетно выжидая чего-то. Но услышалъ онъ только слабый лай собаки во дворѣ, да почудилось ему, словно дверь гдѣ-то скрипнула въ домѣ. Потомъ все опять замолкло. И глубоко вздохнувъ, Александръ побрелъ далѣе медленною, разбитою походкой.

XIV.

Неслыша болѣе голосовъ въ передней, Анна Никитишна бережно растворила дверь.

— Что, ушелъ твой ненаглядный?—спросила она.

— Ушелъ и не вернется уже никогда,—глухо и медленно отвѣтила дѣвушка, не глядя на мать. Она сидѣла въ углу, съежившись какъ бы отъ холода, и полное изнеможеніе читалось на ея лицѣ, во всей ея фигурѣ.

— Ну, въ добрый часъ! Наконецъ-то! Ты какъ будто еще по немъ горюешь. Есть о чемъ! Тебѣ жаль, что жениха упустила. Не безпокойся: другой отыщется.

Лелю будто разбудили эти слова. Потухшіе было глаза мигомъ зажглись, и, вскочивъ на ноги, она гнѣвно отвѣтила матери:

— Вы это сдѣлали, вы! Радуйтесь: это ваше дѣло. Всячески вы старились насъ разъединить, и вотъ добились своего! Коли со мной что случится теперь, вините въ этомъ себя.

Анна Никитишна такъ остолбенѣла отъ этихъ словъ, что и возразить ничего не нашла. Губы у нея только полураскрылись, не проронивъ ни единаго звука.

— Прошу васъ объ одномъ,—продолжала Леля,—не ищите меня и не посылайте за мной. Весь день вы меня не увидите. Оставаться съ вами я не могу.

Сказавъ это, она выбѣжала въ садъ. Но едва она очутилась на открытомъ воздухѣ, лихорадочное возбужденіе прошло, и силы ей измѣнили. Она съ трудомъ добралась до скамейки. Цѣлые часы она оставалась тутъ безпомощная, убитая, понуривъ голову и скрестивъ руки на колѣняхъ.

Размышлять о будущемъ, или хотя бы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что произошло сейчасъ, Леля не была въ состояніи. Она чувствовала одно лишь, что наступило полное крушеніе всей ея жизни, что не было теперь на свѣтѣ ни одного существа, ей дорогого и близкаго.

никого, съ кѣмъ бы она могла подѣлиться своимъ горемъ. Она теперь совсѣмъ одна, негдѣ искать помощи, совѣта, утѣшенія... А на сердцѣ у нея точно рана какая-то, и рана эта уже не заживетъ никогда. Ей одного хотѣлось,—отомстить какъ-нибудь Александру, причинить и ему такое же страданіе. Въ этой мысли она находила странное болѣзненное утѣшеніе. Ей стало понятнымъ вдругъ, какъ иныя женщины мстятъ за себя, рѣшаются на преступленія, на убійство; ей казалось, что она ненавидитъ Александра всѣми силами наболѣвшей души, не подозрѣвая даже, сколько затаенной любви было въ этой ненависти. Если бы кто-нибудь, даже совершенно чужой человѣкъ, подошелъ къ ней теперь и, взявъ ее за руку, захотѣлъ увести съ собою, она бы послушно за нимъ послѣдовала, лишь бы не оставаться здѣсь, въ этомъ домѣ, вдвоемъ съ матерью, лишь бы никого не увидать болѣе изъ тѣхъ, кого она знала...

Время шло. Леля не отдавала себѣ отчета, сколько часовъ она тутъ просидѣла. Долго ея не тревожили. Но вотъ послышался скрипъ шаговъ. Леля встрепенулась. Это была служанка, несшая ей какую-то записку. Леля узнала почеркъ Вѣры Коноплиной. „У насъ сегодня вечеромъ опять собираются. Пожалуйста приходи“, было краткимъ содержаніемъ записки.

— Ни за что, ни за что, — громко воскликнула дѣвушка, изорвавъ бумажку на мелкіе клочки.

— Будетъ отвѣтъ?—спросила равнодушно служанка.

— Никакого. Отвѣта не нужно.

Служанка ушла, и молодая дѣвушка опять погрузилась въ мучительную неподвижность. Жажда мщенія не одному только Александру, но всѣмъ, всѣмъ, кого она знала, и матери тоже, ощущалась ею все отчетливѣе. Одного человѣка она ненавидѣла въ эту минуту какъ-то менѣе всѣхъ, точно онъ одинъ могъ помочь ей отомстить. Человѣкъ этотъ былъ Смекаловъ.

Наступило время обѣда. Анна Никитишна послала за дочерью, не рѣшаясь сама къ ней пойти, но Леля

отъ обѣда отказалась. И, чтобы никто уже не могъ нарушать ея одиночество, чтобы не видѣть предъ собой этотъ домъ, внушавшій ей отвращеніе, она вышла изъ сада и направилась къ парку. Тамъ въ этотъ часъ не было почти никого, и подъ задумчивою тѣнью старыхъ деревьевъ Лелѣ стало какъ-то легче. Она шла безъ цѣли, не выбирая дорожекъ, шла, не чувствуя усталости и остановилась тогда только, когда очутилась случайно на морскомъ берегу. Лѣнивыя волны тихо плескались о камни, повторяя какую-то спокойную, невнятную рѣчь. Леля заслушалась этой рѣчи и опустилась на скамейку. Взглядъ ея безсознательно слѣдилъ за движеніемъ волнъ. Ей вдругъ захотѣлось укрыться подъ ихъ вѣчнымъ покровомъ. Въ первый разъ мысль о самоубійствѣ предстала ей отчетливо, и она содрогнулась отъ этой мысли. Ей вдругъ стало холодно, хотя наступившій вечеръ былъ необыкновенно теплый, и деревья едва шептали въ отвѣтъ на говоръ плескавшагося моря. Ознобъ прошелъ по всему тѣлу Лели. „У меня лихорадка, должно быть", подумала она и поднялась съ мѣста. Тутъ только она почувствовала усталость и потребность отдыха, но домой ей все таки не хотѣлось.

Она все шла, едва держась на ногахъ. Надвигался вечеръ. По землѣ ползали длинныя тѣни, постепенно выростая. Потомъ онѣ стушевались мало по малу, сливаясь понемногу съ полупрозрачными сумерками. Гдѣ-то далеко наверху тихо гулялъ вѣтеръ, шевеля сучьями. Со стороны дворца слышалась военная музыка, то утихая на мигъ, то раздаваясь сильнымъ аккордомъ. Леля свернула въ сторону. Звуки оркестра стихли, и вдругъ ей страшно стало почему-то среди обступавшей ее темноты. Ее обдало тягостнымъ ощущеніемъ полнаго, рокового одиночества. Она остановилась, какъ бы прислушиваясь. Кто-то шелъ къ ней навстрѣчу. Она захотѣла опять свернуть въ сторону, но ей ноги уже не повиновались.

— Леля,—услыхала она вдругъ голосъ Смекалова.— Вы однѣ, что вы здѣсь дѣлаете?

Она почти обрадовалась, увидавъ его, точно она почувствовала, что есть у нея теперь у кого искать помощи и опоры.

— Куда вы идете? Вы, кажется, устали... — продолжалъ онъ спрашивать, вглядываясь въ ея лицо, и что-то участливое, мягкое ей послышалось въ его словахъ.

— Да, я устала немножко, — съ непривычною робостью проговорила она.

— Пойдемте вмѣстѣ, возьмите мою руку. До вашего дома далеко. Вы шли туда?

— Нѣтъ, нѣтъ.—Она усиленно покачала головой.— Туда я не могу, не хочу теперь.

— Ну, такъ отдохните, присядьте. Вотъ скамейка. И главное, скажите мнѣ, что съ вами?.. Да рука ваша совсѣмъ дрожитъ... Бѣдная моя! смотрите, не захворайте. Что съ вами?

Она послушно опустилась на скамейку. Смекаловъ продолжалъ стоять.

— Что со мной? — заговорила она чуть слышнымъ, надорваннымъ голосомъ.—Я разошлась съ Александромъ Дмитріевичемъ, кажется, навсегда...

— Это все изъ за вчерашняго? И онъ позволилъ себѣ упрекать васъ?..

Вдругъ ей припомнилось все, что было утромъ, припомнилось тоже, что ей надо было спросить у Смекалова, какъ произошло у него наканунѣ столкновеніе съ Александромъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ скажите прежде,—живо перебила она Сергѣя Адріановича,—что было у васъ съ нимъ вчера. Я не успѣла его разспросить. Онъ былъ такъ раздраженъ, такъ озлобленъ.

— Онъ просто сумасшедшій... Такъ не поступилъ бы ни одинъ разсудительный человѣкъ. Онъ не хотѣлъ принять никакихъ объясненій, наговорилъ мнѣ кучу

нелѣпыхъ словъ, обвинялъ васъ въ обманѣ какомъ-то. Толковаго отъ него нельзя было добиться отвѣта. И когда онъ позволилъ себѣ рѣзко выразиться на вашъ счетъ, я просто оборвалъ его. Я не хотѣлъ довести до открытой ссоры, не хотѣлъ изъ за васъ. Да не сокрушайтесь объ этомъ, Леля, а главное, не обвиняйте въ этомъ себя: вы ни въ чемъ не виноваты передъ нимъ. А рано, или поздно, вы бы непремѣнно разошлись, и лучше для васъ обоихъ, что это случилось теперь, когда еще не слишкомъ поздно.

Леля покачала головой.

— Я не знаю, лучше ли... Я убѣжала сегодня изъ дому, чтобы только съ матерью не оставаться... Я здѣсь давно, очень давно. Мнѣ кажется, не было и трехъ часовъ, когда я ушла изъ дому.

— Съ трехъ часовъ? Какъ вы, должно быть, устали, бѣдная моя! И, стало быть, вы и не обѣдали сегодня?

— Мнѣ было не до этого,—тихо проговорила она, робко и покорно вглядываясь въ него.

— Леля, да такъ вѣдь нельзя! Вы, въ самомъ дѣлѣ, захвораете. Ну, если вамъ тяжело возвращаться къ себѣ, пойдемте со мной. Довѣрьтесь мнѣ, Леля. Хоть я вамъ чужой, мнѣ вы довѣриться можете. Я не оставлю васъ никогда, что бы съ вами ни случилось. Если вы отдохнули немножко, пойдемте, я васъ доведу. Вамъ надо силы подкрѣпить, поужинать немножко. И, знаете что, это будетъ всего лучше; пойдемте ко мнѣ, тамъ васъ никто не увидитъ, вы отдохнете, повѣрите мнѣ свое горе, а тамъ, когда вы успокоитесь, вы вернетесь къ себѣ.

— Дѣлайте со мной, что хотите,—безпомощно отвѣтила она. Она ощущала такое полное онѣмѣніе воли, что возразить что-нибудь, противиться ему не была въ силахъ. О приличіяхъ, объ огласкѣ, Леля даже не думала теперь: ей было все равно, что бы объ ней ни подумали, ни сказали. Одно только чувство въ ней было живо, чувство жестокой обиды, нанесенной ей Александромъ, и она хорошенько не знала даже, чѣмъ

отзывалась эта обида въ ея сердцѣ,—жаждой отмстить ему, или сожалѣніемъ о своей погибшей любви...

Леля встала и оперлась на руку Смекалова. Дойдя до шоссе, Сергѣй Адріановичъ усадилъ ее на извощика. Она не противилась и всю дорогу молча и покорно выслушивала его увѣренія въ готовности защитить ее отъ всякой невзгоды, увѣренія, среди которыхъ все чаще стали попадаться нѣжныя влюбленныя слова. Но слова эти не доходили до сознанія Лели. Она слишкомъ была подавлена всѣмъ случившимся въ этотъ день, чтобъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что съ ней дѣлалось и что говорилъ ей этотъ человѣкъ, хвалившійся передъ ней своею безкорыстною преданностью.

Она очнулась тогда только, когда извозчикъ подъѣхалъ къ воротамъ дачи.

— Гдѣ это мы? Куда вы меня привезли?—спросила она вдругъ, озираясь съ какимъ-то безсознательнымъ испугомъ.

— Вы у меня, Леля... Войдите... вамъ отдохнуть надо,—нѣжно и вкрадчиво отвѣтилъ Смекаловъ, помогая ей сойти съ дрожекъ.

— Да, да, отдохнуть,—проговорила она полушопотомъ и, взглянувъ на него, прочла на его лицѣ столько искренней заботливости, что сомнѣнія ея исчезли. Она прошла нѣсколько шаговъ и на мигъ только остановилась, на самомъ порогѣ дачи. Ее обдало будто страннымъ недобрымъ предчувствіемъ. Она опять взглянула на Смекалова, и глаза ея блеснули. Какое-то ей самой не вполнѣ понятное чувство подталкивало ее войти въ этотъ домъ, заставляя ее осилить набѣжавшій на нее было страхъ. Въ этомъ чувствѣ было и тупое отчаяніе и безсознательное желаніе мести. Но вглядываться въ себя, отдать себѣ отчетъ въ томъ, что она ощущала, Леля не могла и не хотѣла.

Смекаловъ провелъ ее къ себѣ въ кабинетъ и, усадивъ въ мягкое кресло, предложилъ ей сперва напиться чаю.

— Вамъ согрѣться надо, вы вѣдь продрогли совсѣмъ. бѣдненькая моя. А потомъ намъ поужинать дадутъ. Вы, вѣдь, проголодались, сознайтесь, Леля?.. Онъ говорилъ съ ней почти какъ съ больнымъ ребенкомъ. Она только молча наклонила голову въ знакъ согласія. Смекаловъ вышелъ, чтобы распорядиться, и, минуты двѣ спустя, вернулся опять. Леля сидѣла неподвижно съ полузакрытыми глазами, вся охваченная какимъ-то безсиліемъ. Въ комнатѣ было темно. Смекаловъ зажегъ свѣчи и опять подошелъ къ ея креслу,

— Что, вамъ получше теперь? — спрашивалъ онъ нѣсколько разъ, наклоняясь къ ней. — Ручки-то какія у васъ холодныя.

Онъ пожималъ ея руки въ своихъ, повторяя шутливо и нѣжно: — ахъ, ужъ эти мнѣ ваши нервы. Потомъ онъ сталъ цѣловать эти руки, но такъ бережно и стыдливо, что она совсѣмъ не испугалась этой ласки.

Лакей принесъ лампу и подалъ чай. Леля теперь только вспомнила, что въ этой самой комнатѣ такъ недавно еще она провела цѣлое утро съ Александромъ и съ Смекаловымъ. Вспомнила она и про свое тогдашнее настроеніе. Она была такъ задорно-насмѣшлива со своимъ женихомъ, такъ увѣрена въ своей власти надъ нимъ... Какъ все перемѣнилось съ тѣхъ поръ! Грусть снова овладѣла ею, но Смекаловъ такъ ласково шутилъ, такъ видимо старался угодить ей, разсѣять ея тоску, что нельзя было не поблагодарить его за это. И блѣдная, робкая улыбка не разъ показывалась на ея губахъ. Смекаловъ не давалъ ей задумываться надъ своими невеселыми мыслями. Онъ поистинѣ былъ неистощимъ въ забавныхъ разсказахъ, осторожно примѣшивая къ нимъ, какъ бы невзначай, убѣдительные доводы стряхнуть съ себя малодушную грусть и бодро глядѣть на будущее.

— Ахъ, Леля, Леля, — говорилъ онъ, между прочимъ, — вамъ будто кажется, право, что предъ вами стѣна какая-то выросла и заслонила отъ васъ свѣтъ

Божій, точно ужъ радости у васъ впереди никакой нѣтъ. Полноте! грѣшно вамъ. Много чести для Александра Дмитріевича. Онъ не съумѣлъ оцѣнить васъ, а вы такъ духомъ упали, словно безъ него для васъ и счастія никакого быть не можетъ. Помилуйте! Вамъ девятнадцати лѣтъ еще нѣтъ и вы думаете, что для васъ все кончено! Вы, такая умная, полная жизни, вы, глядѣвшая всегда такимъ яснымъ лучемъ свѣта.

Вѣдь счастливою она съ Александромъ все таки не была бы. Разрывъ былъ неизбѣженъ рано или поздно. А коли такъ, о чемъ же она сожалѣетъ теперь? Да, Смекаловъ былъ правъ: надо было стряхнуть съ себя это малодушіе. Въ ея ушахъ все еще звучали незаслуженныя, оскорбительныя слова жениха... И еслибъ онъ вернулся къ ней, если бы сталъ у нея просить прощенія, она съумѣла бы ему показать, что онъ опоздалъ съ раскаяніемъ... Леля твердила это мысленно, хоть и знала, что это неправда. И напускное желаніе доказать и себѣ, и оскорбившему ее жениху, что она не сожалѣетъ о прошломъ, говорило въ ней все громче.

Когда ужинъ былъ поданъ въ сосѣдней комнатѣ, Леля почти весело оперлась на руку Смекалова и прошла съ нимъ въ ярко освѣщенную маленькую столовую. Но едва они усѣлись, этой принужденной веселости мигомъ не стало. Свѣтъ отъ лампы, ярко освѣтившей ея лицо, точно пробудилъ въ ней подавленное горе. И на чертахъ ея опять ясно читались недавнія скорбныя думы. Она захотѣла пересилить себя, принудить къ улыбкѣ свое лицо, даже разсмѣялась въ отвѣтъ на какое-то замѣчаніе Смекалова. Но удивительно жалкою вышла ея робкая улыбка, а въ смѣхѣ такъ и слышалась затаенная горечь. Смекаловъ налилъ ей вина, и безсознательно поднесла она стаканъ къ губамъ, но тотчасъ, едва отхлебнувъ, отставила его съ какимъ-то отвращеніемъ.

— Вамъ нездоровится, да? — съ участіемъ проговорилъ Смекаловъ. — Да будьте же со мной откровенны,

совсѣмъ откровенны, не приневоливайте себя, поплачьте даже, коли хотите. Я вѣдь другъ вамъ, настоящій, искренній другъ.

Она даже не разслышала въ точности его словъ. До нея только доходилъ звукъ его голоса, такой мягкій, участливый... И ей опять стало вдругъ стыдно, что передъ нимъ она выказываетъ себя такою слабою. Рѣшительнымъ движеніемъ она схватила стаканъ и выпила залпомъ.

— Плакать? О чемъ мнѣ плакать?—съ какимъ-то вызовомъ въ голосѣ проговорила она.—Я не хочу, не хочу грустить. И вотъ увидите, не стану.

Какъ избалованный, своенравный ребенокъ, она твердила свое „не хочу". Да и въ самомъ дѣлѣ, что-то совсѣмъ дѣтское было во всемъ ея маленькомъ существѣ, въ ея жалкихъ усиліяхъ показать себя твердою, равнодушною, даже веселою. Смекаловъ не обманулся насчетъ того, что таилось за ея смѣхомъ, такъ часто обрывавшемся на полусловѣ. Онъ лучше ея самой зналъ, сколько отчаянія, самаго горькаго, самаго безвыходнаго наполняло ея сердце. Но онъ сдѣлалъ видъ, что и не догадывается. Когда бывало нужно, шутка, то остроумно злая, то беззаботно - добродушная, всегда имѣлась у Смекалова наготовѣ. И теперь, чтобы не дать Лелѣ углубиться въ себя, онъ былъ неистощимъ какъ разъ на такія добродушныя шутки. И молодая дѣвушка была тронута его стараніями развеселить ее. Предъ ней былъ совсѣмъ не прежній Смекаловъ, не холодный насмѣшникъ, такъ часто волновавшій ее своимъ безпощаднымъ цинизмомъ, а совсѣмъ иной человѣкъ, полный искренности и доброты. Леля вѣрила въ эту перемѣну, вѣрила безкорыстной дружбѣ этого человѣка, потому что въ цѣломъ свѣтѣ не было у нея ни одного истинно близкаго существа, и съ горя она хотѣла ухватиться хоть за эту ненадежную опору. И если Смекалову не удалось разогнать ея грусть, довѣріе къ себѣ онъ въ ней вызвать съумѣлъ. Мало по малу она уже

не приневоливала себя, отвѣчая ему; улыбка, хоть и слабо, но ужъ безъ принужденія показывалась на ея губахъ, и раза два она даже почти звонко разсмѣялась, услыхавъ сказанную имъ особенно удачную остроту.

— А у васъ хорошо здѣсь устроено,—замѣтила Леля,—вернувшись послѣ ужина опять въ кабинетъ.— Тотъ разъ, помните, когда мы завтракали вмѣстѣ, я не обратила на это вниманія.

Она принялась разглядывать гравюры, фотографіи, рисунки. Потомъ она перешла къ столу, гдѣ стояло нѣсколько красивыхъ, дорогихъ вещей. И тутъ, среди разбросанныхъ книгъ, она примѣтила крошечный револьверъ, глядѣвшій совсѣмъ игрушкой. Она взяла его и принялась разсматривать.

— Какой хорошенькій...—сказала она,—совсѣмъ не страшнымъ глядитъ... А стоитъ вѣдь только...—она какъ бы въ шутку приложила дуло къ виску.

— Леля,—съ испуганнымъ крикомъ бросился къ ней Смекаловъ и вырвалъ у нея изъ рукъ пистолетъ.

— Онъ, стало быть, заряженъ?—спросила она.

— Да, да... этимъ играть нельзя...—онъ заперъ револьверъ въ одинъ изъ ящиковъ стола.

— А вы очень перепугались, очень?—съ загадочною улыбкой на губахъ приставала къ нему молодая дѣвушка.

— Не испугался, конечно... Вамъ вѣдь не можетъ придти въ голову застрѣлиться, я это знаю. Но все таки... этимъ шутить опасно... можно невзначай.

Онъ говорилъ это нетвердымъ голосомъ, пристально въ нее всматриваясь.

— А вы убѣждены въ самомъ дѣлѣ,—становясь вдругъ необыкновенно серьезною, проговорила Леля,—что мнѣ ничего подобнаго въ голову не приходило? Ошибаетесь, Сергѣй Адріановичъ. Сегодня, когда я сидѣла тамъ въ паркѣ, у взморья, меня такъ и тянуло туда, подъ эти холодныя, тихія волны...

— Полноте, Леля,—хотѣлъ онъ ее перебить.

— Да что-жъ тутъ страшнаго... мигъ одинъ, а потомъ вѣчное забытье... и заранѣе знаешь, что по своей волѣ идешь туда, что безъ страданій кончаешь со всею этою глупою жизнью...

Она не договорила, попробовала разсмѣяться, но вмѣсто того изъ глазъ ея вдругъ брызнули слезы.

— Леля,—воскликнулъ онъ, схватывая ее за руки,—да откуда у васъ берутся такія ужасныя, отчаянныя мысли... Да нѣтъ же, нѣтъ, отгоните ихъ... Жизнь такъ хороша, такъ богата свѣтлыми радостными минутами, что изъ за этихъ минутъ надо переносить тяжелыя ощущенія, ради этого свѣта проходить черезъ мрачныя полосы... Леля, у васъ такъ много счастія впереди, такъ много... счастія и любви...

Она не слушала, вся погруженная въ свои думы. А онъ поднесъ обѣ ея руки къ своимъ губамъ и принялся ихъ цѣловать, бережно притягивая ее къ себѣ... Тутъ только, когда она почувствовала на своихъ рукахъ прикосновеніе его горячихъ губъ, она очнулась.

— Что вы дѣлаете? Или вы хотите этимъ меня убѣдить не разставаться съ жизнью? Ну, не буду, не буду, обѣщаюсь.

Это было сказано шутливо, и говоря это, она хотѣла отнять у него руки, но онъ не выпускалъ ихъ изъ своихъ.

— Леля, вѣдь я люблю васъ, вы знаете это давно,—твердилъ онъ, глядя на нее пламенными глазами.

Она взглянула на него въ свою очередь твердымъ, пронизывающимъ взглядомъ и вдругъ она поняла. Въ его глазахъ она увидѣла теперь, что таилось за его притворнымъ добродушіемъ, и въ первый мигъ возмущенная гордость заставила ее вырвать у него обѣ руки, которыхъ онъ все не выпускалъ, и окинуть его негодующимъ взглядомъ. Но тутъ же горькая мысль промелькнула у нея въ головѣ, для кого было ей беречь себя, ей, которую вѣдь не любилъ никто... Вѣдь тотъ, кого она избрала, оскорбилъ ее во сто разъ хуже, чѣмъ

могла ее оскорбить двусмысленная нѣжность Смекалова. Этотъ человѣкъ вѣдь все таки по своему привязанъ къ ней и, быть можетъ, иной привязанности она и не стоитъ. Горькая насмѣшка надъ собою, надъ всею своею испорченною жизнью поднялась на сердцѣ бѣдной Лели. Вся утренняя сцена снова представилась ей во всемъ своемъ безобразіи, и отчаянное злобное желаніе отплатить Александру за все, что она вытерпѣла отъ него, заглушило въ ней тревоги совѣсти и стыда. Ею овладѣло то особое болѣзненное ощущеніе, когда самому себѣ хочется нанести ударъ, когда неудержимо тянетъ въ разверстую пропасть. Она понимала, что предъ нею былъ омутъ, безвыходный и мрачный, но гнѣвъ и отчаяніе толкали ее въ этотъ омутъ, точно на зло своему горю она искала горя еще худшаго... Леля замерла въ какой-то безчувственной неподвижности и не противилась уже обнимавшимъ ее рукамъ Смекалова.

. . . .

XV.

Когда Леля очнулась, первою искрой проснувшагося сознанія была рѣшимость тутъ же разомъ покончить съ собой. Отвращеніе къ себѣ и къ этому человѣку, ненавистные поцѣлуи котораго горѣли еще на ея лицѣ, проснулось въ ней съ такой силой, что выносить это давящее чувство, этотъ гнетъ непоправимаго позора, она не была въ состояніи. Все ея существо возмущалось противъ невыносимыхъ воспоминаній, обступавшихъ ее со всѣхъ сторонъ среди этой комнаты, свидѣтельницы ея стыда. Это было просто физическое ощущеніе гадливаго ужаса. Она бросилась къ столу, куда наканунѣ вечеромъ Смекаловъ заперъ револьверъ. Ключъ былъ еще въ замкѣ, она отперла ящикъ и достала оттуда пистолетъ. Живое чувство радости охватило ее, когда она убѣдилась, что револьверъ заряженъ,

и тотчасъ затѣмъ мелкнуло въ ней горькое ощущеніе. что это была послѣдняя радость въ ея жизни, еще такъ недавно сулившей ей столько хорошаго и свѣтлаго. И она не рѣшилась тутъ же исполнить свой приговоръ надъ собою. Дрогнула ли ея рука или остановило ее грозное представленіе о томъ, что будетъ послѣ, о людскихъ пересудахъ, о неизбѣжной огласкѣ, она теперь уже хорошенько не знала. Захвативъ второпяхъ револьверъ, она бережно, крадучись, вышла изъ комнаты, быстро спустилась съ лѣстницы и бросилась къ выходной двери...

Къ счастью дверь оказалась не запертою. Ея ухода не замѣтилъ никто. Она была на свободѣ. Но что это была за ужасная, за безнадежная свобода! Куда ей было идти, куда?! Возвратиться домой къ матери, выслушивать ея грубыя попреки? Нѣтъ, ни за что, ни за что. Она чувствовала себя глубоко виновною, пристыженною, падшею, но это сознаніе непоправимой вины не внушало ей смиреннаго раскаянія, готовности преклонить голову предъ людскимъ судомъ и предъ худшимъ во сто разъ приговоромъ возмущенной совѣсти. Раскаяніе возможно тогда только, когда есть надежда искупить вину, освободиться изъ подъ ея гнета. А для нея не было такой надежды. Если-бъ и другіе ее простили, себѣ самой она простить не могла. Отчаяніе, безвыходное, черное отчаяніе безраздѣльно овладѣло ея душой, твердя ей, что не отмаливать ей надо свой грѣхъ, не ждать чужого приговора, а самой исполнить собственный неумолимый приговоръ...

Туманное августовское утро едва брезжилось, когда Леля, осторожно растворивъ наружную дверь, вышла на крыльцо Смекаловской дачи. Кругомъ все было тихо. Но дѣвушка, пугливо озираясь, точно она боялась погони, быстрою, неровною походкой поспѣшила къ воротамъ и, все ускоряя шагъ, пошла по безлюдной улицѣ. Она то и дѣло вздрагивала, охваченная ощущеніемъ холода. Болѣзненный ознобъ пробѣгалъ по всему ея

тѣлу. Утро было свѣжее и сырое. Бѣловатый туманъ окутывалъ еще дремлющую улицу, какъ бы цѣпляясь за вѣтви деревьевъ, словно застывшія въ тяжелой неподвижности. Навстрѣчу Лелѣ не попадалось ни души, городъ еще не просыпался. Она все торопливо шла, понуривъ голову, боясь оглянуться, точно самые дома, мелькавшіе предъ ея глазами, смотрѣли на нее съ строгимъ укоромъ. Она не знала сама, куда спѣшитъ, гдѣ хочетъ укрыться. Дойдя до перекрестка, она остановилась и перевела духъ. Теперь только она почувствовала себя на свободѣ, теперь только могла собраться съ мыслями. И воспоминанія нахлынули на нее вдругъ, одно другого мучительнѣе. До сихъ поръ она только смутно чувствовала, что ей надо бѣжать куда-то, бѣжать отъ своего стыда. Теперь она разомъ вспомнила все и безсознательно схватилась руками за голову, какъ бы желая заглушить свои проснувшіяся мысли. Но нѣтъ, принудить ихъ къ молчанію было нельзя. Попытка стряхнуть съ себя ихъ давящій гнетъ только усилила острую боль у нея на сердцѣ... А занимавшееся утро, отъ котораго понемногу обрисовались предметы вокругъ, все отчетливѣе вызывало въ ея памяти отвратительные призраки минувшей ночи. Леля пошла опять, только медленнѣе прежняго, сознавая свое безсиліе освободиться отъ мучившихъ ее образовъ и полную невозможность найти себѣ покой. Она понимала теперь, какъ нелѣпо и жестоко она обманывала себя въ своемъ безумномъ желаніи отомстить жениху и бросить вызовъ кому-то. Вызова ея и не замѣтитъ никто, а мщеніе ея всею тяжестью обрушилось на нее же. Она отдалась нелюбимому человѣку, любя другого. Ненависть къ оскорбившему ее Александру привела ее въ этотъ домъ, бросила въ объятія Смекалова... И теперь она понимала, сколько любви было въ этой ненависти и какъ безповоротно поругана ею эта самая любовь. Вчера еще, когда впервые мелькнула предъ ней мысль о самоубійствѣ, она отшатнулась отъ нея въ ма-

лодушномъ ужасѣ... А развѣ то, что она сдѣлала съ собой, не было худшимъ изъ самоубійствъ?..

Утро между тѣмъ занималось все ярче. Послѣднія тѣни минувшей ночи разсѣялись; нависшій было на землю туманъ разстаялъ и исчезъ въ первыхъ лучахъ зари. И вотъ изъ за небосклона брызнулъ яркій свѣтъ восходящаго солнца и предъ глазами Лели словно поднялась завѣса, обнажая съ безжалостною рѣзкостью всѣ окружающіе ее предметы. И ея внутренній душевный міръ тоже какъ будто озарился теперь новымъ безпощаднымъ свѣтомъ. Въ ней тоже словно разсѣялись сумерки, и сознаніе вины, до сихъ поръ только нашептывавшее ей слова горестнаго отчаянія, теперь заговорило съ неумолимою ясностью. Ей стало еще хуже, еще страшнѣе при этимъ грозномъ свѣтѣ начавшагося дня. Улицы были еще пусты. Но въ этой пустотѣ Лелѣ отовсюду слышался какой-то обличающій голосъ. И сама эта всеобщая радость просыпавшейся природы, этотъ свѣтъ, будто разлившійся для нея одной, казались ей какою-то невыносимо жестокою насмѣшкой надъ ея горемъ. Болѣзненное желаніе бѣжать, укрыться куда-нибудь, заговорило въ ней еще сильнѣе. Она чувствовала, будто для нея мѣста уже нѣтъ на Божьемъ свѣтѣ, что здѣсь, среди живыхъ людей ей не найти себѣ пристанища. И усталое сердце, терзаемое мучительнымъ стыдомъ, хотѣло одного только,—забвенія и вѣчнаго, непробуднаго покоя...

Леля не замѣчала, что безсознательно она давно уже шла по направленію къ дому ея матери. Она не узнавала знакомыхъ мѣстъ, до того ею овладѣла одна мучительная, неугомонная мысль. Вдругъ она оглянулась и теперь только увидѣла, что идетъ по той самой улицѣ, гдѣ стояла ихъ дача. До этой дачи оставалось всего нѣсколько шаговъ, и въ первую минуту Леля почувствовала какъ бы облегченіе, словно она могла укрыться тамъ отъ преслѣдовавшихъ ее мучительныхъ образовъ, укрыться отъ самой себя. И вотъ она рас-

крыла калитку. Въ домѣ все спало. Ставни были заперты. На двухъ только окнахъ—это были окна ея комнаты — ихъ почему-то не задвинули, и раннее солнце весело играло на стеклахъ...

„Что-жъ, войти?“ Тутъ Лелѣ живо представилось, какъ встрѣтитъ ее мать, какъ взглянетъ на нее служанка. Вѣдь надо будетъ позвонить, въ домѣ проснутся... Что скажетъ она, какъ объяснить матери свое возвращеніе въ такой часъ? Да что мать!? Отвратительная картина предстоящаго ей будущаго опять выступила предъ ней во всемъ своемъ ужасѣ, какъ тамъ, у Смекалова. Но здѣсь въ свѣтѣ занявшагося утра она казалась еще отвратительнѣе. Ей отчетливо сказался весь ея позоръ, и тѣмъ ужаснѣе, непоправимѣе онъ былъ, этотъ позоръ, что на сердцѣ у нея съ какою-то ноющею болью зашевелилось прежнее чувство къ Александру и мучило ее неизгладимымъ сознаніемъ непоправимой вины и невозможности прощенія. Это чувство, вчера еще казавшееся ей потухшимъ, и поруганное ею такъ ужасно, оно всегда будетъ жить въ ней неугасимымъ упрекомъ, станетъ отравлять каждую минуту ея существованія. Нѣтъ, съ такимъ чувствомъ на душѣ жить нельзя, нельзя глядѣть въ глаза прочимъ людямъ и выносить не ихъ презрѣніе только—какое ей было дѣло до того, что они думаютъ?! — а собственное, въ тысячу разъ худшее презрѣніе...

И ее снова поманило туда, въ загадочный темный міръ, гдѣ она найдетъ по крайней мѣрѣ забвеніе и покой. Смерть уже не казалась ей страшною. Что-то почти ласковое, почти лелѣющее было для нея въ мысли, что сейчасъ, черезъ какую-нибудь минуту, когда все вокругъ нея радостно пробуждалось, ея глаза закроются навѣки. Она ощупала у себя въ карманѣ пистолетъ и достала его оттуда рѣшительнымъ движеніемъ. Въ послѣдній разъ она окинула взглядомъ окружавшіее ее предметы, точно прощаясь съ ними, потомъ она зажмурила глаза и спустила курокъ.

XVI.

Было слишкомъ девять, когда Смекаловъ проснулся. Увидавъ, что Лели въ комнатѣ нѣтъ, онъ сталъ тревожно разспрашивать прислугу, но никто не замѣтилъ, какъ она ушла. Онъ перепугался не на шутку, и что-то похожее на угрызеніе совѣсти въ немъ зашевелилось. Тутъ только Смекалову бросилось въ глаза, что ящикъ у стола раскрытъ и револьверъ оттуда исчезъ. Испугъ овладѣлъ имъ, недоброе предчувствіе сдавило ему грудь. Онъ поспѣшно одѣлся и бросился на улицу.

Весело глядѣло прозрачное августовское утро. Прохожіе то и дѣло попадались ему навстрѣчу.

Сергѣй Адріановичъ спѣшилъ къ Зарубинской дачѣ, все сильнѣе охваченный тревожнымъ предчувствіемъ. Нерѣшительною, почти дрожащею рукой онъ позвонилъ у крыльца, и когда ему отворили, онъ не посмѣлъ даже разспросить служанку. Какъ заговорить о Лелѣ, не выдавъ ни ея, ни себя? По испуганному лицу служанки онъ увидѣлъ, что опасенія его сбылись и случилось нѣчто ужасное, чего онъ и вымолвить не смѣлъ.

Съ нѣмымъ вопросомъ на лицѣ онъ стоялъ весь растерянный у полураскрытой двери, не рѣшаясь переступить черезъ порогъ.

— Что, дома?.. Всѣ?..—съ трудомъ проговорилъ онъ наконецъ.

— Да вы не слыхали развѣ?—всхлипывая, отвѣтила служанка.—Съ барышней нашей, съ Еленой Васильевной несчастіе какое...

— Что, что?—сказалъ онъ, и зубы его застучали. Онъ боялся услыхать роковой отвѣтъ, подтвержденіе своей догадки.

— Онѣ руки на себя наложили... Какъ услыхала я выстрѣлъ, бросилась въ садъ, а онѣ тамъ на травѣ ужъ лежатъ... Грѣхъ-то какой, грѣхъ!..

— Жива она, жива? Да говорите же!—воскликнулъ Сергѣй Адріановичъ, входя въ переднюю.

— Да вамъ нельзя туда, нельзя, — остановила его служанка.—Докторъ у нихъ, онѣ безъ памяти...

— Да жива ли она по крайней мѣрѣ, жива ли?— повторилъ Смекаловъ свой вопросъ.

Но въ эту самую минуту въ дверяхъ гостиной показался маленькій полный человѣкъ съ золотыми очками на носу. Это былъ докторъ. И Смекаловъ бросился къ нему, отталкивая служанку.

— Что, докторъ? Есть надежда? Будетъ жива?..

Докторъ пожалъ плечами.

— Вынимать пулю нечего и думать,—отвѣтилъ онъ.— Едва ли оправится. Впрочемъ, бывали случаи. Вы.. родственникъ? Вамъ извѣстно, можетъ быть...

Но Смекаловъ перебилъ его.

— А можно мнѣ войти, увидать ее?

— Она въ полномъ безпамятствѣ, — снова пожимая плечами, отвѣтилъ докторъ, очевидно недовольный, что какой-то незнакомый господинъ его задерживаетъ, не отвѣчая на его собственные вопросы.—Извините, я долженъ спѣшить къ другому паціенту. Черезъ два часа я буду здѣсь опять.

Тутъ только Смекаловъ замѣтилъ, что въ гостиной были какіе-то неизвѣстные люди, говорившіе о чемъ-то вполголоса. На одномъ былъ полицейскій мундиръ. Онъ стоялъ, прислонившись къ окну. Другой сидѣлъ у стола и что-то записывалъ. — „Вотъ, началось уже“, промелькнуло въ головѣ Смекалова. И мысль о начавшемся слѣдствіи обдала его холодомъ, какъ поруганіе надъ смертью, стучавшеюся въ этотъ домъ, и какъ неминуемая опасность для него самого. Ему уже мерещилось, что его принялись допрашивать и обнаружилось все, что было въ прошлую ночь. И Смекаловъ не рѣшился войти. Но кромѣ страха было въ немъ и другое чувство, остановившее его, чувство глубокой, постыдной вины. И съ поникшею головой, точно преступникъ, ду-

мающій ускользнуть отъ людскаго суда, онъ медленно спустился съ крыльца, унося съ собою сознаніе совершеннаго имъ, непоправимаго зла.

А въ маленькой угловой комнаткѣ, гдѣ окна были завѣшены, Леля между тѣмъ лежала на своей кроваткѣ, вся блѣдная и неподвижная, словно объятая уже холоднымъ оцѣпенѣніемъ смерти. Головка ея тяжело упала на подушки, глаза были закрыты. Анна Никитишна, растерявшаяся и безпомощная, смотрѣла на нее съ тупымъ отчаяніемъ, и безмолвныя слезы, которыхъ она и не думала утирать, капали на ея сморщенныя щеки. Материнское чувство въ ней наконецъ проснулось. Первыя минуты, когда она узнала о случившемся, она заметалась въ дикомъ отчаяніи, ломая руки, и гнѣвныя обвиненія такъ и посыпались у нея, страстныя и негодующія. Теперь у нея силъ уже не было, чтобы проклинать кого бы то ни было. Она тихо шептала какую-то безсознательную молитву, упорно цѣпляясь за послѣднюю надежду. Нѣсколько разъ ее вызывали въ сосѣднюю комнату, все допрашивая о вѣроятныхъ причинахъ самоубійства. Что сама Леля наложила на себя руки, на этотъ счетъ сомнѣній не возникало. Докторъ это призналъ самымъ положительнымъ образомъ. Но гдѣ провела она ночь? Откуда достала револьверъ? Про все это у бѣдной женщины допытывались эти ужасные люди, равнодушно тамъ строчившіе что-то и требовавшіе отъ нея во имя какого-то неумолимаго права раскрытія ужасной тайны, невѣдомой ей самой. Сперва она запальчиво отвѣчала, потомъ смиренно просила не мучить ее разспросами. А ей все твердили, что про это знать нужно, что это необходимо во имя какого-то чужого, непонятнаго ей правосудія, что слѣдователь прибудетъ сейчасъ, и новые допросы начнутся, и вызваны будутъ всѣ, кто близко зналъ ея дочь и могъ догадываться о причинахъ ея смерти. И до слуха ея доходили замѣчанія, которыми обмѣнивались эти люди, порой отъ скуки принимавшіеся шутить и смѣяться... А

время шло такъ медленно, такъ ужасно медленно. Леля все не открывала глазъ. Только слабый вздохъ поднимался изъ ея груди, и на губахъ показывалась кровавая пѣна, которую мать бережно обтирала платкомъ. Надо было спасти ее во что бы то ни стало, а у всѣхъ была словно одна только забота узнать про что-то, докопаться до тайны какой-то. Не все ли равно было теперь, какъ и зачѣмъ это случилось, лишь бы Леля осталась жива.

Анна Никитишна всѣмъ готова была простить, и, дочери, и Александру, въ которомъ она видѣла главнаго виновника случившагося, лишь бы очнулось ея бѣдное дитя. И вотъ докторъ опять появился въ дверяхъ, все такой же равнодушный и торопливый. Онъ спросилъ, не заговорила ли больная, не сказала ли хоть одно слово, которое могло бы дать ключъ къ ея загадочному поступку.

— Да спасите ее, спасите... Развѣ вы не можете ее спасти?—восклицала Анна Никитишна.

Докторъ только покачалъ головой и сталъ осматривать перевязку. И вотъ Леля очнулась наконецъ и безжизненными глазами обвела присутствующихъ.

— Мама, священника пожалуйста, священника,—съ трудомъ проговорила она.

Лучъ радости сперва блеснулъ въ глазахъ Анны Никитишны.

— Заговорила, стало быть есть надежда,—шепнула она доктору.

Тотъ опять только покачалъ головой. Аннѣ Никитишнѣ не хотѣлось посылать за священникомъ. Въ этомъ было какъ бы признаніе роковой неизбѣжности смерти. Но Леля посмотрѣла на нее такимъ умоляющимъ взглядомъ, что она рѣшилась исполнить ея желаніе. А докторъ между тѣмъ, подойдя къ умирающей, сталъ ее спрашивать, что привело ее къ этому.

— Ахъ, не мучьте ее, — останавливала его Анна Никитишна.

— Я сама... сама...—простонала Леля.—Никого не... обвиняйте... сама...

Иного отвѣта отъ нея не добились.

Вдругъ безжизненное лицо больной точно оживилось, слабая краска даже показалась на щекахъ.

— Мама, мама...—съ безпокойствомъ зашептала она.— Я будто слышу въ той комнатѣ... Да, да, это онъ здѣсь...

Анна Никитишна тоже узнала голосъ Александра, хотя голосъ этотъ звучалъ надорванно и хрипло.

— Ты хочешь его видѣть?—спросила она испуганно, не смѣя однако противиться желанію больной.

— Нѣтъ, о, нѣтъ, пожалуйста... застонала Леля,—я не могу, не могу... все это кончено, кончено... Я хочу думать объ одномъ только...

Леля умолкла, не договоривъ, но безпокойство ея не унималось. И широко раскрытые, испуганные глаза будто молили о пощадѣ. Анна Никитишна вышла въ сосѣднюю комнату. Ея нелюбовь къ Алексадру, замолкнувшая было отъ постигшаго ее горя, заговорила въ ней опять.

— Зачѣмъ вы пришли, что вы здѣсь дѣлаете? — рѣзко обратилась она къ нему. — Полюбуйтесь: вы ее довели до этого.

Александръ выслушалъ это покорно.

— Позвольте мнѣ хоть остаться здѣсь, — сказалъ онъ тихо.—Я подожду только, пока можно будетъ...

— Увидать ее? Нѣтъ, нѣтъ... Докторъ запретилъ, да она и сама не хочетъ. Дайте ей хоть умереть спокойно.

Александръ не отвѣтилъ. Онъ смирился предъ горемъ бѣдной женщины, смирился и предъ чувствомъ собственной вины.

Онъ случайно на улицѣ узналъ про случившееся— предъ Зарубинской дачей собралась цѣлая толпа. И опрометью онъ бросился туда, забывъ про все, что было наканунѣ. То, что онъ услыхалъ отъ служанки,

отворившей ему, ошеломило его совсѣмъ. Лелѣ оставалось жить всего нѣсколько часовъ, надежды не было никакой. И онъ, онъ, быть можетъ, натолкнулъ ее на это ужасное дѣло, когда вчера бросилъ ей въ лицо незаслуженное обвиненіе. Онъ не былъ въ состояніи что-либо соображать, ни разспрашивать о подробностяхъ. Весь онъ былъ охваченъ сознаніемъ, что онъ былъ виной этого ужаснаго конца... Она любила его, стало быть, не переставала его любить, она, бѣдная, оскорбленная имъ Леля.

Съ поникшею головой выслушалъ онъ рѣзкія слова ея матери. Но вотъ какой-то господинъ съ портфелемъ въ рукѣ, предъ тѣмъ разговаривавшій съ полицейскимъ, обратился къ нему въ сухомъ оффиціальномъ тонѣ. Это былъ слѣдователь.

— Вамъ, можетъ быть, будетъ угодно намъ сообщить что-нибудь. Вамъ извѣстно, быть можетъ, о причинахъ катастрофы. Вы были, какъ слышно, женихомъ...

Приходилось давать показанія, передъ этими равнодушными людьми выставлять на показъ свое горе и раскаяніе. Александръ не могъ себя осилить настолько, чтобы пройти чрезъ это новое мучительное испытаніе. Вѣдь не поможетъ онъ ей, не спасетъ отъ неминуемой смерти, удовлетворивъ это ненужное оффиціальное любопытство, домогавшееся почему-то узнать, какъ дошла несчастная дѣвушка до своего отчаяннаго поступка. И онъ уклончиво пробормоталъ въ отвѣтъ, что онъ ничего положительно не знаетъ. Слѣдователь надъ нимъ сжалился, повидимому, и оставилъ его въ покоѣ.

Но у самаго Александра мысль пошла усиленно работать. Онъ былъ до того пораженъ, что не разобралъ сперва хорошенько, какъ и гдѣ случилось несчастіе. Мало по малу однако подробности возникли предъ нимъ. Это случилось въ шестомъ часу утра, кажется, говорили ему, и передъ тѣмъ ея никто не видалъ. Она, стало быть, возвращалась домой, но откуда же, откуда?

Онъ переспросилъ служанку и отвѣты ея пробудили

въ немъ страшное, мучительное сомнѣніе. Гдѣ же провела она эти долгіе часы? Тутъ была очевидно какая-то отвратительная тайна и, быть можетъ, настоящій виновникъ не онъ, а...

Онъ привсталъ и хотѣлъ уже обратиться къ слѣдователю, хотѣлъ сказать, что онъ догадывается, на кого должна падать отвѣтственность за ея смерть. Но въ эту самую минуту дверь въ переднюю растворилась и въ ней показалась сгорбленная фигура старичка священника, приносившаго Дары. Гнѣвныя слова такъ и застыли на губахъ Александра, и онъ понялъ, что теперь не время шевелить грустную тайну, сокрытую, быть можетъ, въ этомъ дѣлѣ, что онъ и права не имѣетъ своими догадками набрасывать тѣнь на умиравшую дѣвушку, что тайна ея принадлежитъ одному Богу.

Священника провели въ комнату Лели. Александръ опять опустился на стулъ и съ горестною покорностью закрылъ лицо руками. Ему хотѣлось остановить взволнованную мысль, принудить къ молчанію мучившее его ревнивое чувсто и смириться передъ великою, примиряющею силой смерти. Не его дѣло быть судьей тамъ, гдѣ иной судъ уже произнесъ рѣшеніе, не его дѣло доискиваться до виновныхъ, когда самъ Богъ милостиво принималъ раскаяніе молодой грѣшницы.

Недолга была исповѣдь Лели. Она едва могла говорить и произносила лишь несвязныя слова, да и священникъ не разспрашивалъ ее много.

— Вы раскаиваетесь въ своемъ поступкѣ?—было его единственнымъ вопросомъ.

— Не въ этомъ только но и во всемъ, во всемъ каюсь,—слабо отвѣтила дѣвушка.

Анна Никитишна все время простояла на колѣняхъ; пока священникъ причащалъ ея дочь. Она знала теперь, положительно знала, что надежды нѣтъ и старалась заглушить ропотъ своего негодующаго сердца. Священникъ удалился. Анна Никитишна поцѣловала Лелю въ ея трепетавшія, засохшія губы и скоро затѣмъ больная

опять впала въ забытье. Она уже не приходила въ себя до самаго конца. Полная тишина стояла теперь въ маленькомъ домѣ. Докторъ ушелъ, сказавъ, что вернется къ вечеру. Ушелъ и слѣдователь съ полицейскими, понявъ должно быть всю безцѣльность своего оффиціальнаго вмѣшательства. Одинъ Александръ все время оставался въ углу комнаты, все такой же безмолвный. Никто съ нимъ не заговаривалъ, никто даже словно не примѣчалъ его присутствія. А на сердцѣ у него совершался странный переломъ. Все, что было на этомъ сердцѣ горечи и гнѣва, растворилось какъ-то, точно и на него свыше повѣяло какимъ-то благодатнымъ всепрощающимъ чувствомъ. Онъ возвысился надъ условными, ограниченными людскими понятіями, и все, что было оскорбительнаго для него въ проступкѣ Лели, вся эта ужасная загадка послѣднихъ часовъ ея жизни, перестало возмущать въ немъ ревнивое чувство. Чувство это, узкое, себялюбивое, смѣнилось постепенно инымъ, болѣе широкимъ, сознаніемъ общей взаимной виновности всѣхъ другъ передъ другомъ, виновности, которой нельзя подводить счеты и которая поглощается однимъ лишь правильнымъ милосердіемъ Бога и взаимною прощающею любовью людей...

Должно быть смягчилось и сердце Анны Никитишны. Она подошла вдругъ къ Александру и тихо сказала:

— Пойдемте, я васъ проведу къ ней.

Леля неподвижно лежала, спокойная такая, бѣлая, чистая, и вечерній свѣтъ ласково и мирно освѣщалъ комнату. Она не раскрыла глазъ, не замѣтила словно вошедшихъ. Но когда Александръ поднесъ къ губамъ ея слабенькую ручку и осыпалъ ее горячими поцѣлуями, и слезы его закапали на эту ручку, раскаянныя и примѣренныя, онъ почувствовалъ, что пальчики ея словно отвѣтили ему чуть чуть замѣтнымъ пожатіемъ, говоря ему о благодарности и прощеніи...

МОЛОДЕЖЪ.

РОМАНЪ.

К. Головинъ (К. Орловскій).

МОЛОДЕЖЬ

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Изданіе А. Ф. Маркса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.
1903.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одно изъ послѣднихъ чиселъ мая 1878 года у графини Елизаветы Андреевны Брунендорфъ былъ маленькій вечеръ. Профессоръ Радугинъ, громко извѣстный въ журнальномъ и въ ученомъ мірѣ, обѣщался прочесть для тѣснаго кружка избранныхъ непропущенное цензурой произведеніе знаменитаго сатирика, посвященное событіямъ только-что оконченной войны. Приглашенныхъ было очень не много, всего человѣкъ десять двѣнадцать, конечно, не изъ-за боязни огласки: для того міра, къ которому принадлежала графиня, осторожность необязательна. Но въ концѣ мая, когда почти всѣ разъѣхались, большихъ пріемовъ не бываетъ, да и графиня къ тому же была въ глубокомъ траурѣ по мужу, за десять мѣсяцевъ передъ тѣмъ убитому во второмъ Плевненскомъ бою. Покойный графъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ мужемъ. Потомокъ одной изъ лучшихъ остзейскихъ фамилій, красавецъ собой и вдобавокъ обладатель крупнаго состоянія, онъ сразу далъ своей женѣ то высокое положеніе въ обществѣ, о которомъ она всегда мечтала, будучи въ дѣвушкахъ. При Дворѣ его любили, по службѣ онъ шелъ какъ нельзя лучше, въ тридцать пять лѣтъ онъ былъ свитскимъ генераломъ. Нрава онъ былъ самаго ровнаго; и съ чужими, и дома никогда не выказывалъ нетерпѣнія,

Она должно быть отлично сознавала, что нравиться она не можетъ и что въ домѣ тетки ее держатъ изъ милости. Вся она, и голосъ ея, и самая поступь отзывались покорностью и смиреніемъ.

— Какъ вы однако мрачно смотрите на положеніе!— возразила графиня на одинъ изъ ѣдкихъ сарказмовъ Павла Александровича.

— Совсѣмъ не мрачно!—разсмѣялся онъ.—Я только вижу яснѣе другихъ, можетъ-быть. И люди, и самое положеніе износились до послѣдней нитки; перемѣны неизбѣжны и пора на нихъ рѣшиться.

— Это тамъ отлично понимаютъ,—отвѣчала графиня.

— Можетъ быть и понимаютъ, а все-таки по старому одною рукой поводья распускаютъ, а другою ихъ затягиваютъ. А вы знаете, что дѣлаютъ лошади съ такими сѣдоками?

— Сѣдоковъ сбрасываютъ только кровныя лошади,— улыбнулась въ отвѣтъ графиня.

— А отъ нашей мужицкой клячи этого бояться нечего?! Можетъ быть вы и правы. Только вѣрнаго хода вы отъ нея все-таки не ждите. Эта нерѣшительность хоть кого выведетъ изъ терпѣнія, особенно теперь, когда полная несостоятельность и умственная, и денежная всѣмъ бросается въ глаза. Это замѣтно даже въ мелочахъ. Ну, вотъ, напримѣръ, не смѣшно ли запрещать эту вещь, которую мы сегодня услышимъ? Говорятъ, написано очень сильно. Надо умѣть себя поднимать на смѣхъ, когда и безъ того надъ нами смѣется вся Европа.

— Да, на это мы ,кажется, большіе мастера!—коротко и беззвучно засмѣялась графиня.

— Конечно мастера; только и на этотъ счетъ любимъ прятаться отъ самихъ себя, какъ будто отъ кого-нибудь можно скрыть, что насъ одурачили кругомъ. Онъ нагнулся къ ней и продолжалъ вполголоса, стараясь говорить все тѣмъ же шутливымъ равнодушнымъ тономъ:

— Ну, а что вы скажете про городскіе толки на мой счетъ? Вы имъ вѣрите?

Она добродушно улыбнулась.

— Я слышала про нихъ, конечно. Но осуществятся они, или нѣтъ, это зависитъ отъ того, останется ли рѣшеннымъ завтра то, что было рѣшено сегодня.

— Да, но та воля, которой приходится это рѣшать,— онъ замѣтно оживился, говоря это,—можетъ быть направлена въ ту или другую сторону.

Она посмотрѣла на него своими загадочными глазами. Для нея было совершенно ясно, что Коловратскій добивается ея содѣйствія въ томъ убѣжденіи, что она въ состояніи оказать ему помощь.

— Будемте вполнѣ откровенны, графиня. Я честолюбивъ и этого не скрываю, потому что, кажется, я могу быть полезенъ. Дѣла такъ запутаны, что надо много самоотверженія, много патріотизма и вѣры въ себя...— Онъ остановился и спустя мгновеніе продолжалъ, вдругъ понизивъ голосъ.—У меня есть энергія и патріотизмъ. Но у меня есть и враги какъ разъ тамъ, гдѣ привыкли васъ слушать.

— Слушать еще не значитъ слушаться!—отвѣтила она, смѣясь.

— Полноте, графиня, полноте! Я, вѣдь, по опыту знаю, и не я одинъ, что вы подчините себѣ всякаго, стоитъ захотѣть.—Это было сказано уже прямо по адресу хорошенькой женщины и взглядъ, сопровождавшій эти слова, подчеркивалъ ихъ смыслъ.

Появленіе Радугина прервало ихъ бесѣду. Онъ вошелъ немного торжественно, держа въ рукахъ печатный оттискъ. Это былъ полный, немного сутуловатый человѣкъ небольшого роста, глядѣвшій совсѣмъ уже старикомъ, хотя ему минуло едва пятьдесятъ лѣтъ. Волосы у него были совершенно сѣдые, лицо изрыт- морщинами. Порой, однако, онъ былъ способенъ увлекаться какъ юноша, и въ усталыхъ глазахъ зажигались искры то гнѣвныя, то восторженныя. Радугинъ былъ однимъ изъ видныхъ представителей либеральнаго міра, получившій извѣстность еще въ горячее время кре-

стьянской реформы. Убѣжденіямъ своимъ онъ въ цѣлую жизнь не измѣнилъ ни разу. Его искренность доходила порой до наивности. Онъ воображалъ, что всѣ одинаково съ нимъ должны принимать къ сердцу маленькія треволненія его журнальнаго кружка и смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія его прямодушнаго, кабинетнаго либерализма. И теперь съ графиней и Коловратскимъ онъ завелъ рѣчь о какихъ-то опасностяхъ, грозившихъ одному изъ его дорогихъ дѣтищъ—высшимъ женскимъ курсамъ. Графиня и Павелъ Александровичъ, скрывая невольную улыбку, слушали его съ изысканною любезностью. Графиня дорожила репутаціей серьезной женщины, а Коловратскій популярностью въ либеральной средѣ, купленной дешевою цѣной ласкательства. Въ глубинѣ души Радугинъ былъ несомнѣнно польщенъ, хоть и не сознавалъ этого: загляни онъ поглубже въ самого себя, его прямодушная натура этимъ бы возмутилась, но Радугинъ, хоть и писалъ много о философскихъ вопросахъ, самого себя разглядѣть не умѣлъ. Онъ былъ очень талантливый и ученый, но въ сущности недальновидный человѣкъ.

Между тѣмъ къ крыльцу подъѣхала карета. Въ гостиную немного стремительно вошла, шумя длиннымъ платьемъ, очень нарядная молодая дама. Это была одна изъ самыхъ взбалмошныхъ и въ то же время самыхъ привлекательныхъ женщинъ Петербургскаго свѣта, Марья Борисовна, или, какъ всѣ ее называли, Мери Столѣнина, получившая шумную извѣстность своимъ бѣшеннымъ мотовствомъ и своими дерзкими до невозможности выходками. Съ графиней ее связывала давнишняя, хоть и совершенно непонятная дружба, такъ какъ обѣ онѣ принадлежали къ двумъ различнымъ кружкамъ Петербурга и рѣзко отличались и по вкусамъ, и по характеру. Вся бойкая особа Марьи Борисовны была какъ бы соткана изъ противорѣчій. Удивительно фамильярная съ близко знакомыми ей мужчинами, наглая въ своихъ рѣчахъ иной разъ до цинизма, болѣе чѣмъ рав-

нодушная къ мужу, за котораго вышла очень рано, она до тридцати двухъ лѣтъ избѣгла всѣхъ нареканій молвы. И молва, не касаясь ея, была совершенно права. Да и про ея наружность нельзя было сказать ничего опредѣленнаго. Ея подвижное лицо съ матовымъ оттѣнкомъ кожи, съ прямымъ, немного короткимъ носомъ, и вызывающимъ, дерзкимъ выраженіемъ черныхъ глазъ никто бы не назвалъ красивымъ. Но въ этомъ лицѣ было столько своенравнаго задора, оно такъ быстро переходило отъ равнодушной, лѣнивой усталости къ необузданному оживленію, густые, волнистые волосы золотистоогненнаго оттѣнка придавали столько непокорной смѣлости ея чертамъ, что обольстить и увлечь она могла не хуже любой красавицы.

— Я ничего не поняла изъ вашей записки, моя милая,—заговорила она по-французски.—Кажется, у васъ читать что-то собираются. Вы знаете, я совсѣмъ слушать не умѣю, но я все-таки пріѣхала, потому что я рада всякому случаю васъ видѣть. Все это было сказано громко и скороговоркой.

Графиня объяснила, въ чемъ дѣло, и представила ей Радугина. Лицо Мери вдругъ приняло утомленное выраженіе. Она коротко ему кивнула головой и на мигъ уставила на него свои большіе, равнодушные глаза, точно передъ ней было пустое мѣсто, а не живой человѣкъ.

— Откровенно говоря,—начала она, садясь, — я нахожу невыносимо скучнымъ, — она сказала „assommant“,—все, что касается этой нелѣпой войны. Пора бы ее кончить, а то это глупое сидѣнье передъ какою-то запертою дверью и все одни толки, что люди умираютъ тамъ, какъ мухи, на берегу Босфора, котораго мы такъ добивались. Просто невыносимо! Сколько мы корпіи нарвали, сколько надоѣдали всѣмъ знакомымъ съ этими несносными пожертвованіями, точно милостыню просили. А мы въ самомъ дѣлѣ скоро будемъ милостыню просить, Павелъ Александровичъ!—вдругъ обратилась она къ Коловратскому,—говорятъ, вы будете скоро завѣды-

вать всѣми нашими пустыми кошельками; такъ смотрите же, не допустите до этого. Только я увѣрена, что вы ничего не поправите.

— Постараюсь,—отвѣтилъ онъ, засмѣявшись.

Дерзостями Марьи Борисовны никто не оскорблялся. Разъ навсегда было признано, что она говоритъ ихъ всѣмъ. Въ Петербургскомъ обществѣ стоитъ обезпечить за собою извѣстную репутацію, и какъ бы она ни была дурна, она даетъ право вести себя согласно съ нею. За то честная, профессорская душа Радугина была глубоко возмущена словами молодой женщины. Какъ западникъ и либералъ, онъ тоже не сочувствовалъ войнѣ, но онъ требовалъ, чтобы къ ней относились серьезно.

— Вы смѣетесь,—сказалъ онъ и на щекахъ его показался румянецъ,—тамъ, гдѣ вся Россія негодуетъ и плачетъ!

Она опять посмотрѣла на него съ усталою надменностью во взглядѣ и какъ бы нехотя проронила въ отвѣтъ, впрочемъ, на этотъ разъ по-русски:

— Ахъ! это вы, должно-быть, сожалѣете объ этихъ милыхъ братушкахъ, которыхъ освободили только на половину...

Какъ разъ въ эту минуту лакей внесъ серебряный самоваръ и поставилъ его на круглый столъ, накрытый для чая, и вслѣдъ за нимъ Катя съ Нелли вошли и принялись за исполненіе своихъ обязанностей. Въ то же время стали съѣзжаться и приглашенные. Это были все лица съ вѣскимъ положеніемъ въ обществѣ, и потому, разумѣется, не первой молодости. Прежде всѣхъ пріѣхала самая почетная изъ нихъ—княгиня Зинаида Степановна Старобѣльская. Вслѣдъ за нею вошли два сановника, военный и статскій, оба не у дѣлъ, и потому съ видомъ той особой дряхлости, которую неминуемо влечетъ за собой отставка. Эта дряхлость, впрочемъ, не потушила въ нихъ любезной болтливости, долго не гаснущей въ старикахъ, привыкшихъ до гроба тянуть свѣтскую лямку. Потомъ явился русскій дипломатъ изъ

балтійскихъ нѣмцевъ, только-что вернувшійся въ Россію отдохнуть на своихъ очень сомнительныхъ лаврахъ. Наконецъ пріѣхалъ молодой еще свитскій генералъ съ академическимъ значкомъ на груди; даже на войнѣ, въ которой онъ участвовалъ, онъ какъ-то не былъ ни въ одномъ бою, но за то привезъ съ собою цѣлую кучу сужденій о чужихъ промахахъ.. Входя и перекидываясь оживленными привѣтствіями, всѣ они производили ту именно необходимую маленькую суматоху, которая такъ походитъ на оживленіе. Словомъ, все было какъ нельзя лучше. Скучала одна Мери Столѣнина, не считая даже нужнымъ этого скрывать. Тутъ не было рѣшительно никого изъ привычнаго ей круга молодыхъ женщинъ и мужчинъ, среди котораго существуютъ свои особыя, совсѣмъ товарищескія отношенія, и царствуетъ дорогая имъ свобода рѣчи, пересыпанная имъ однимъ понятными намеками игриваго свойства. Но была не совсѣмъ довольна и хозяйка дома. Она ждала къ себѣ еще одного гостя, котораго собиралась поднести остальнымъ, какъ самую интересную новинку, молодого князя Двинскаго, только-что за два дня передъ тѣмъ вернувшагося съ театра войны. А князь Двинскій не являлся, хотя пробило уже половина одиннадцатаго.

Чай былъ выпитъ. Легкій, негромкій говоръ не умолкалъ. Толки о войнѣ, выраженія патріотической скорби пересыпались анекдотами, игривыми словцами, и эта скорбь выходила какъ-то очень веселою. Но когда графиня обратилась къ Радугину съ просьбой начать, всѣ разсѣлись по мѣстамъ и насторожили уши. Хотя рѣдкій изъ нихъ интересовался литературой, но на этотъ разъ запретный плодъ возбуждалъ живой интересъ. Одна Мери Столѣнина, очевидно, не слушала и заняла мѣсто поодаль отъ прочихъ, у окна. Ей скоро, впрочемъ, удалось сманить къ себѣ двухъ государственныхъ старичковъ, и оба они принялись, хоть и вполголоса, но дружно болтать съ ней всякій вздоръ, стараясь другъ друга перещеголять скоромными шутками.

Радугинъ читалъ превосходно. Онъ съ явнымъ наслажденіемъ подчеркивалъ злые, прозрачные намеки сатирика, какъ будто торжествовавшаго побѣду, когда онъ глумился надъ русскими неудачами. И одобрительный смѣхъ не разъ сочувственно отзывался на это глумленіе. Но вотъ раздался въ передней еще звонокъ. Графиня въ нѣкоторомъ волненіи приподняла голову, но тотчасъ же опустила ее съ недовольнымъ видомъ, когда увидала вошедшаго. Это былъ ея родной племянникъ, Гриша Непрядвинъ, высокій двадцатидвухлѣтній молодой человѣкъ, только-что сдавшій, и очень блистательно, кандидатскій экзаменъ. Онъ вошелъ неловко, очевидно, конфузясь и стараясь ходить какъ можно тише. На его прямомъ, открытомъ лицѣ, съ откинутыми назадъ густыми каштановыми волосами было не то чтобы смущеніе, а добродушное желаніе извиниться, что онъ вошелъ такъ невпопадъ. Онъ, очевидно, совсѣмъ не привыкъ къ дамскому обществу. На его почтительный поклонъ графиня отвѣтила лишь нетерпѣливымъ движеніемъ, какъ будто говорившимъ: „садитесь поскорѣй и не мѣшайте слушать“.

— Кто этотъ красивый молодой человѣкъ? — спросила у графини княгиня Старобѣльская.

— А!... это сынъ моего стариннаго пріятеля, вашего брата!—сказалъ Коловратскій, услыхавъ отвѣтъ графини.

Гриша подошелъ къ чайному столу, за которымъ сидѣли молодыя дѣвушки. Его двоюродная сестра Катя была здѣсь единственнымъ существомъ, съ которымъ онъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ. Въ ея сосѣдствѣ онъ искалъ убѣжища.

— Какъ можно такъ опаздывать? Гдѣ ты пропадалъ?—спросила у него Катя вполголоса.

— Нельзя было: провожали товарища; завтра въ Сибирь уѣзжаетъ.

Онъ старался говорить какъ можно тише, но звучный голосъ не слушался его, и самый шопотъ его выходилъ громкимъ.

— Какъ, сослали?—спросила Катя.

— Нѣтъ,—разсмѣялся онъ.—Просто къ родителямъ ѣдетъ, славный такой. А чаю ты мнѣ дашь?

Нелли, слушавшая его съ опущенными глазами, думала про себя, что странно промѣнять свѣтскій вечеръ на прощаніе съ какимъ-то сибирякомъ товарищемъ, и въ то же время другой рядъ мыслей быстро подвергалъ оцѣнкѣ наружность Гриши, и оцѣнка эта выходила очень благопріятною. Она радовалась, что будетъ съ кѣмъ поболтать, когда окончится это несносное чтеніе.

— Я тебя сперва представлю mademoiselle Коловратской,—сказала Катя.

Гриша слегка приподнялся на стулѣ, отчего опять произошелъ маленькій шумъ. Нелли хотѣла разсмѣяться, но тотчасъ прикусила губку и приняла видъ благовоспитанной барышни. Она, впрочемъ, ошиблась, думая, что Гриша ею займется. Онъ сталъ что-то вполголоса разсказывать Катѣ.

— Шш... нельзя... Тетушка на насъ смотритъ!—пугливо остановила его та.

— Знаете что,—весело сказалъ онъ, допивъ чашку,— пойдемте туда, въ ту комнату, а то мы все-таки не слушаемъ...

— Какъ можно! я слушаю, — отвѣтила Нелли, хотя ей очень хотѣлось послѣдовать совѣту Гриши.

— Нельзя. Я должна чай разливать, а то тетушка разсердится,—сказала Катя.

— Ну, коли такъ, давайте слушать.

У Гриши теперь не было и слѣда застѣнчивости. Возлѣ Кати онъ чувствовалъ себя какъ дома. Ему дѣла не было до всѣхъ этихъ людей, сидѣвшихъ тамъ, около тетки. Прядь негладко зачесанныхъ волосъ упала къ нему на лобъ, и Катя ему это замѣтила.

— Ничего, — сказалъ онъ, засмѣявшись, и встряхнулъ головой.

— На Нелли онъ совсѣмъ не обращалъ вниманія.

Она въ его глазахъ принадлежала къ особому міру, въ которомъ требуется со стороны молодыхъ людей его возраста какая-то замысловатая, вынужденная любезность, а онъ не способенъ былъ на такое усиліе. Нелли, между тѣмъ, сидѣла тихоней; лишь украдкой ея хорошенькіе глазки взглядывали на Гришу, и еслибъ онъ умѣлъ читать въ дѣвическихъ глазахъ, онъ нашелъ бы въ нихъ самую ободряющую улыбку. Но Гриша охотно занимался лишь тѣми барышнями, съ которыми незачѣмъ принуждать себя и можно говорить по душѣ.

Нелли была очень хорошенькая, высокая для своихъ лѣтъ, хоть и не совсѣмъ еще сложившаяся дѣвушка. Узкія плечи и тонкій станъ выдавали ея молодыя лѣта. За то на смугломъ личикѣ и въ большихъ черныхъ глазахъ, какъ ни скромно опускала она свои длинныя рѣсницы, проглядывала совсѣмъ не дѣтская, самовольная, даже задорная рѣшительность. Ее, правда, очень баловали дома; но въ ея молодомъ своенравіи сказывалось не одно воспитаніе, а что-то свое, прирожденное. Ярко красныя, слегка пухлыя губки умѣли выражать и настойчивую волю, и презрительную насмѣшку. Румянецъ часто вспыхивалъ на круглыхъ щечкахъ, гдѣ близъ угловъ губъ обрисовывались двѣ крошечныя ямочки. Но это не былъ румянецъ застѣнчивости. Умъ бойкій, не дѣтскій умъ такъ и искрился въ блестящихъ глазахъ, въ выпукломъ лбу, даже въ правильной дугѣ густыхъ бровей. Словомъ, въ ней была какая-то странная, обольстительная смѣсь полудѣтской шаловливой свѣжести съ какимъ-то затаеннымъ лукавствомъ, съ какою-то увѣренностью въ силѣ своей красоты, точно жизненный опытъ успѣлъ уже вышколить эту шестнадцатилѣтнюю головку.

Но вотъ изъ передней послышался звукъ шпоръ, дверь отворилась, и Гриша, къ немалому своему изумленію, увидѣлъ лучшаго своего друга, Юрія Двинскаго, котораго онъ считалъ за тысячи верстъ отъ Петербурга. Гришу тотчасъ поразило, какъ измѣнился его

пріятель за годъ, проведенный имъ на войнѣ. Его тонкія, нѣжныя, почти женственныя черты—князю Юрію было всего двадцать семь лѣтъ — стали глубже и законченнѣе, даже какъ бы постарѣли; должно быть отпущенная борода—Двинскій былъ въ походной формѣ— и сильный загаръ на лицѣ придавали ему скороспѣлую возмужалость. Двинскій былъ невысокаго роста, худощавый и бѣлокурый. Стоило всмотрѣться въ его спокойные, холодные, голубые глаза, въ твердое выраженіе тонкихъ губъ, часто переходившее въ иронію, и нельзя было усомниться, что жизнь не прошла для него даромъ, что она рано научила его сдержанности и развѣяла въ немъ молодыя иллюзіи. Да и въ прежнее время кто бы ни посмотрѣлъ на него не глазами неопытнаго Гриши, вдобавокъ почти влюбленнаго въ своего друга, тотъ увидѣлъ бы, что этотъ бѣдный юноша, котораго баловала судьба, давшая ему и знатность, и огромное богатство, и рядъ успѣховъ не по лѣтамъ,— многое перенесъ и передумалъ уже въ очень ранніе годы. Горькое выраженіе и тогда уже часто скользило по его губамъ, и тогда уже въ товарищеской средѣ, въ самомъ разгарѣ веселья и кутежа, его вдругъ словно охватывала какая-то строгая, недовѣрчивая холодность.

Пріѣздъ Двинскаго прервалъ чтеніе.

— Comme vous venez tard!—упрекнула его хозяйка дома, любезно пожимая ему руку.

Князь вѣжливо извинился.

— Понимаю, понимаю!—съ самою изысканною лестью и въ голосѣ, и въ глазахъ продолжала хозяйка.—Я не имѣю права на васъ сѣтовать, я думаю, у васъ нѣтъ и минуты свободной.

Двинскій былъ въ Петербургѣ всего два дня, и всѣ уже знали, что при Дворѣ его приняли, какъ нельзя милостивѣе. На войнѣ онъ отличился и два раза, при Дунайской переправѣ и подъ Горнымъ Дубнякомъ, выказалъ самую лихую отвагу. Его тѣмъ охотнѣе произвели въ герои, что у него было такое

завидное блестящее положеніе. Лишній разъ подвергать свою жизнь такой очевидной опасности, когда жизнь эта сулила ему столько въ будущемъ, это всѣмъ казалось совершенно особымъ, выдающимся подвигомъ. Да этотъ подвигъ и не остался незамѣченнымъ. Двинскій получилъ Георгіевскій крестъ изъ рукъ самого Государя и послѣ переправы былъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

Стоя передъ графиней и обводя присутствующихъ бѣглымъ, но спокойнымъ взглядомъ, онъ отвѣчалъ на ея вопросы съ учтивою холодностью, говорящей о полной увѣренности въ себѣ, о глубокомъ равнодушіи къ постороннимъ. Голосъ его, мягкій и грудной, звучалъ необыкновенно ровно и глубоко; въ немъ не было ни торопливости, ни заискиванія.

Двинскому пришлось вынести цѣлый рядъ вопросовъ. Всѣ были убѣждены, что онъ привезъ съ собою кучу самыхъ интересныхъ новостей и впечатлѣній: онъ пріѣхалъ прямо изъ Константинополя, и тамъ, въ главной квартирѣ, могъ все видѣть и знать лучше многихъ.

— Какъ могло случиться, что мы цѣлые три мѣсяца стояли тамъ и не вошли въ обѣтованную землю?

— И прекрасно сдѣлали, что не вошли,—глубокомысленно объявилъ остзейскій дипломатъ. Il est plus facile d'entrer à Constantinople que d'en sortir...

— Что жъ, мы тамъ бы и остались,—спокойно возразилъ князь.

— Да, такъ всѣ военные думаютъ... et nous aurions payé les pots cassés...

— Пока, однако, — ледянымъ, почти враждебнымъ тономъ возразилъ Юрій по-русски, — расплачивались тамъ мы, и деньгами, и кровью...

— Да,—разсмѣялся ученый генералъ, нетерпѣливо выжидавшій случая, чтобы сострить,—только расплачивались не за битую посуду, а за толченіе воды.

Генералъ считался горячимъ патріотомъ и славянофиломъ, и при случаѣ готовъ былъ этимъ блеснуть.—

Нечего сказать,—продолжалъ онъ,—много было надѣлано непростительныхъ ошибокъ. И тутъ же принялся развертывать тотъ настоящій планъ военныхъ дѣйствій, котораго почему-то не привели въ исполненіе. Но дамы его скоро остановили. Дамы вообще не охотницы до длинныхъ разсужденій: имъ всякую серьезную мысль надо преподносить въ гомеопатической дозѣ. Онѣ тотчасъ свели разговоръ на то, что ихъ интересовало гораздо болѣе военныхъ плановъ и политическихъ задачъ,—на крошечные личные вопросы. Имъ хотѣлось узнать что-нибудь новое, забавное о томъ, какъ ссорились начальники въ главной квартирѣ, какъ вели они другъ противъ друга подкопы, и что-за кислыя мины были у тѣхъ, кому не удалось получить ожидаемой награды. На этотъ счетъ онѣ выказали удивительную проницательность. Юрій отвѣчалъ имъ съ вѣжливою сдержанностью. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ-подъ Константинополя, совсѣмъ не укладывались въ забавные анекдоты, какихъ отъ него требовали, и онъ плохо удовлетворилъ общее любопытство.

Коловратскій, между тѣмъ, всталъ и взялъ подъ руку одного изъ сановниковъ, засѣдавшаго вмѣстѣ съ нимъ въ высшемъ совѣщательномъ учрежденіи. Надо было условиться насчетъ недавно внесеннаго туда законопроекта, чтобы дружно провалить его. И надо было это сдѣлать совсѣмъ не потому, что проектъ самъ по себѣ былъ не хорошъ, а потому лишь, что имъ обоимъ нужно было устроить подвохъ тому лицу, отъ котораго онъ исходилъ.

— Вы, стало быть, думаете, князь,—сказала Двинскому княгиня Зинаида Степановна, какъ бы заканчивая этимъ истощившійся разговоръ, — что и теперь еще можно было бы войти въ заколдованныя ворота Константинополя?

— Мнѣ кажется, — возразилъ онъ, — что ворота эти были заколдованы только въ нашемъ воображеніи.

Въ отвѣтахъ Юрія звучала какая-то усталость, точно

ему въ сотый разъ приходилось говорить всѣмъ давно извѣстное и никому не нужное. И въ самомъ дѣлѣ эта вынужденная роль вѣстовщика, это выставленіе его на показъ, вызывало въ немъ какое-то раздраженіе. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ въ Петербургѣ, ему пришлось отвѣдать той опьяняющей лести, отъ которой кружатся и не такія молодыя головы. И однако, за эти короткіе два дня лесть эта успѣла ему опротивѣть. Онъ смутно чувствовалъ, что дѣла идутъ неладно, что всѣ усилія людей, отъ которыхъ зависятъ эти дѣла, ни къ чему не послужатъ и что говорившіе о нихъ такъ оживленно въ сущности равнодушны къ исходу, да и не могутъ понять самой сути того, что непосредственно видѣлъ онъ тамъ, въ главной квартирѣ и среди лазаретовъ русской арміи. А у него подъ наружнымъ равнодушіемъ таилось глубокое, горестное сознаніе напрасно пролитой крови, даромъ потраченныхъ страданій. Онъ самъ не пытался и не могъ, конечно, опредѣлить, гдѣ кроется ошибка и чѣмъ можно бы помочь. Но онъ привезъ съ собою ноющее чувство какой-то обиды, понесенной Россіей, и его злило равнодушное любопытство людей, которые—въ этомъ онъ былъ увѣренъ—думали здѣсь, въ Петербургѣ, какъ и тамъ, подъ Константинополемъ, каждый только о своихъ личныхъ выгодахъ.

Гришу Непрядвина, между тѣмъ, разбирало нетерпѣніе. Нелли тщетно старалась его втянуть въ разговоръ. Онъ отвѣчалъ ей невпопадъ, и она приписывала это застѣнчивости. Ее смѣшило, что этотъ красивый, рослый молодой человѣкъ передъ нею робѣетъ, и она видимо хотѣла его ободрить. Въ иное время Гриша замѣтилъ бы, конечно, что его юная собесѣдница не только очень недурна собой, но что въ ея непринужденныхъ словахъ такъ и искрится живой умокъ. Но теперь его занимали совсѣмъ иныя мысли. Двинскій его не примѣтилъ. „Неужели, думалось Гришѣ, онъ ко мнѣ измѣнился за этотъ годъ и дружбы нашей какъ не бывало?

Да оно и понятно. Ему теперь не до меня. Онъ тамъ отличился на глазахъ у самого Государя". И Юрій Двинскій казался теперь бѣдному малому стоящимъ на какой-то недосягаемой высотѣ. Онъ почти былъ увѣренъ, что пріятель о немъ позабылъ.

Но Гриша не поддался этому чувству. Онъ всталъ, не разслышавъ даже послѣднихъ словъ, обращенныхъ къ нему Нелли, и быстрыми шагами подошелъ къ Двинскому. А юная кокетка, думавшая его обворожить, проводила его гнѣвнымъ взглядомъ своихъ бойкихъ глазокъ.

— Юрій!—сказалъ Гриша, взявъ Двинскаго за локоть,—ты меня не узнаешь? Я и не подозрѣвалъ, что ты въ Петербургѣ.

Присутствующіе переглянулись: это выходило совсѣмъ неприлично. Съ какой стати позволялъ себѣ этотъ никому неизвѣстный молодой человѣкъ прерывать общій разговоръ и соваться съ непрошенными заявленіями дружбы?!... Но Юрій не обратилъ вниманія на это неприличіе. Съ добрымъ, радостнымъ выраженіемъ на лицѣ онъ всталъ и крѣпко пожалъ руку товарища.

— Какъ я радъ тебя видѣть! Извини, что не далъ знать о своемъ пріѣздѣ; не было ни минуты времени. Понимаешь, долженъ былъ представляться...

— Полно, чего ты извиняешься! Я, вѣдь, все отлично понимаю. Я только хотѣлъ тебѣ сказать, съ какимъ восторгомъ я про тебя читалъ въ газетахъ...

— Объ одномъ прошу тебя, братецъ,—перебилъ его Двинскій,—пожалуйста безъ этихъ восторговъ!

— Ну, хорошо, скажи же мнѣ про себя и про все, что тамъ было!—живо продолжалъ Гриша, воображавшій, что товарищъ теперь совсѣмъ принадлежитъ ему.— Что за чудеса вы тамъ натворили! И какъ меня тянуло туда, за Дунай!..

Гришѣ хотѣлось теперь же, сейчасъ выразить то горячее, восторженное чувство, съ которымъ онъ относился къ войнѣ и ко всему славянскому дѣлу.

— Погоди, успѣемъ наговориться!—съ легкою улыбкой остановилъ его Двинскій.—Здѣсь, право, не мѣсто. Давай-ка я тебя лучше представлю кое-кому: ты навѣрно здѣсь мало съ кѣмъ знакомъ. Да я вижу, ты по-прежнему дикаремъ остался...

Гришу мигомъ обдало, какъ холодною водой, но онъ молча подчинился товарищу и послушно далъ себя представить княгинѣ Зинаидѣ Степановнѣ. Неприступная княгиня обошлась съ нимъ милостиво. Очень молодымъ людямъ дамы охотно выказываютъ благосклонность.

— Я много наслышался про васъ отъ моихъ сыновей,—сказалъ Гришѣ Коловратскій, съ которымъ его тоже познакомили.—Очень радъ, что вы такъ дружны.

И онъ тутъ же вспомнилъ про отца Гриши, какъ про своего товарища.

Прерванное чтеніе между тѣмъ возобновилось. Конецъ статьи былъ еще лучше начала. Сатирикъ теперь прикидывался скорбящимъ; но сквозь его крокодиловы слезы такъ и слышался злорадный смѣхъ. И всѣ ему вторили, всѣ кромѣ Двинскаго и Гриши. Юрій чувствовалъ, точно этотъ смѣхъ растравляетъ у него плохо зажившую рану, а у Гриши такъ и закипало негодованіе.

— Я просто уйду,—сказалъ онъ въ полголоса князю,—слушать противно.

— Сиди смирно, чего кипятиться! — хмуря брови, отвѣтилъ Двинскій.—Мало ли что пишутъ.

Радугинъ кончилъ. Мигомъ гостиная оживилась, точно всѣ обрадовались, что можно отдохнуть отъ долгаго, вынужденнаго молчанія. Нѣкоторые изъ мужчинъ встали. Сперва урывками шла безсодержательная болтовня, потомъ все общество разбилось на двѣ группы. Одна изъ нихъ образовалась около княгини и хозяйки дома, другая вокругъ Мери Столѣниной. Въ первой завязалась серьезная бесѣда, вызванная чтеніемъ Радугина, а съ того мѣста, гдѣ усѣлась Мери, слышался

громкій говоръ и смѣхъ. Вокругъ нея стояли Коловратскій и оба сановника.

— Все это совершенная правда!—объявила графиня, поблагодаривъ Радугина.

Профессоръ, очевидно довольный собою и произведеннымъ впечатлѣніемъ, медленно укладывалъ въ карманъ прочитанную брошюру.

— Да, но очень грустная правда! отозвалась княгиня, плавно обмахиваясь вѣеромъ.

— Зато совершенно заслуженная!—возразилъ Радугинъ.—Мы взялись не за свое дѣло. Намъ роль освободителей не къ лицу, сила вещей немилосердно разбиваетъ всякую фальшь.

Онъ и не подозрѣвалъ, какая фальшь была въ его собственныхъ словахъ.

— Вы какъ будто этому радуетесь?—сказалъ Двинскій, вскидывая на него короткій, холодный взглядъ.

— Не радуюсь, а констатирую фактъ. Законовъ исторіи безнаказанно нарушать нельзя!

Двинскій хотѣлъ что-то возразить, но тотчасъ же отвернулся. „Не стоитъ спорить“, подумалъ онъ и обратился къ Зинаидѣ Степановнѣ.

— Тамъ, на войнѣ, мы и не подозрѣвали, что, исполняя свой долгъ, мы нарушаемъ какіе-то историческіе законы. Да и времени не было объ этомъ думать.

Гришу тоже подмывало рѣзко отвѣтить Радугину. Онъ не вѣрилъ ушамъ, слыша такія рѣчи отъ профессора, котораго въ университетѣ привыкъ уважать. И, должно быть, это самое уваженіе остановило готовыя вырваться у него запальчивыя слова.

— Да, князь, вы исполнили свой долгъ!—любезно замѣтила графиня.—Вы можете быть собою довольны.

— Ахъ, повѣрьте!—съ грустною улыбкой вымолвилъ онъ,—совсѣмъ не о себѣ теперь я думаю.

— Вы поѣдете въ Берлинъ на конгрессъ?—спросила княгиня Старобѣльская у дипломата.

— Я еще ничего положительнаго не знаю,—осторожно

отвѣтилъ тотъ и съ самодовольно-таинственнымъ видомъ посмотрѣлъ на свои длинные ногти.

— Какъ?!.. Развѣ уже рѣшено, что конгрессъ будетъ? вырвалось у Гриши.

Всѣ посмотрѣли на него съ улыбкой, точно могло быть въ этомъ сомнѣніе.

Мы добровольно пойдемъ на этотъ срамъ?

— Тутъ простой ариѳметическій разсчетъ,—снисходительно замѣтилъ дипломатъ,—имѣемъ ли мы достаточно денегъ и людей, въ особенности денегъ...

— Нѣтъ, вопросъ совсѣмъ не въ томъ!—встряхивая эполетами, перебилъ его молодой генералъ. — Вопросъ въ нашей нравственной силѣ, въ вѣрности національной идеи. L'idée slave en un mot! пояснилъ онъ по-французски: весь разговоръ шелъ по-русски изъ вниманія къ Радугину. Онъ помнилъ, какъ слышанная имъ подобная фраза произвела фуроръ на одномъ изъ засѣданій славянскаго общества, но у него почему-то изъ нея ничего не вышло.

— Ахъ, генералъ!—смѣясь замѣтилъ только-что подошедшій къ нимъ Коловратскій,—вы опоздали на цѣлый годъ. Кто теперь думаетъ о вашей славянской идеѣ?..

— Мы уступаемъ силѣ высшей цивилизаціи,—сказалъ Радугинъ.—Это совершенно законно.

Онъ словно торжествовалъ, говоря это, точно онъ съ профессорской каѳедры доказывалъ преимущество Запада надъ русскою отсталостью. Онъ не догадывался, какъ смѣшно и напыщенно звучали въ этой средѣ его громкія слова.

Дипломатъ, какъ дважды два — четыре доказалъ, что въ случаѣ продолженія войны мы были бы разбиты въ пухъ. И говорилъ онъ это съ видимымъ наслажденіемъ.

— Довольно мы играли въ Донъ-Кихоты!—закончилъ онъ.

— Въ одномъ только,—замѣтилъ Павелъ Александ-

дровичъ,—мы на Донъ-Кихота не похожи: онъ до конца остался вѣренъ своей Дульцинеѣ, а мы ей измѣнили очень скоро. И боюсь, какъ бы дома намъ теперь не пришлось воевать и не съ однѣми только вѣтреными мельницами.

— Да,—сказала графиня, схватывая намекъ на лету.— Нравственный кредитъ упалъ еще болѣе денежнаго. Побѣда, которою не воспользовались, хуже пораженія.

— Это правда, когда имѣешь дѣло съ женщиной!— смѣясь возразилъ одинъ изъ сановниковъ, тоже подошедшій къ говорившимъ.—Но въ политикѣ...

Въ гостиной произошло передвиженіе. Двинскій воспользовался имъ, чтобы встать. Взглядъ его случайно встрѣтился съ насмѣшливымъ взглядомъ Мери Столѣниной, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

— Что, вы собираетесь уѣзжать? сказала она, смотря на него прямо. Вы, кажется, проскучали весь вечеръ?

— Отъ васъ зависитъ, чтобы мнѣ тотчасъ стало весело,—развязно отвѣтилъ онъ.

Двинскій не принадлежалъ къ кружку Марьи Борисовны и ѣздилъ къ ней очень рѣдко. Но въ эту минуту ему вдругъ захотѣлось разсѣять въ ея обществѣ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе проведеннаго вечера. Его странно подзадоривалъ откровенный и дерзкій взглядъ ея большихъ глазъ.

— Напротивъ, я и не думаю васъ удерживать,—продолжала Мери.—Я, вѣдь, знаю, куда вы собираетесь.

— Я вамъ скажу, куда собираюсь,—засмѣялся Юрій.— Я прямо ѣду домой, чтобы лечь спать.

Онъ сразу попалъ въ привычный ей развязный фамильярный тонъ.

— Устали съ дороги? Бѣдный! Впрочемъ, что же мы стоимъ, коли вы устали! Сядемте.

Они усѣлись рядомъ у окна. Мери продолжала:

— Вотъ васъ сегодня много разспрашивали про то, что тамъ происходитъ. А одно вы все-таки не разсказали... Не безпокойтесь, про политику я съ вами не

заговорю: я ее терпѣть не могу. Мнѣ хотѣлось бы знать, какъ вы себя тамъ вели подъ Константинополемъ, вы и всѣ вамъ подобные? Я увѣрена, что кутили вы тамъ страшно, не хуже чѣмъ въ Петербургѣ.

— Совершенно ошибаетесь. За другихъ не ручаюсь, а что до меня касается... мнѣ было право не до этого... Я вижу, вы меня совсѣмъ не знаете!—добавилъ онъ, немного помолчавъ.

— Да, я васъ въ самомъ дѣлѣ знаю очень мало. Вы сами виноваты въ этомъ: вы почти никогда у меня не бывали. Только предупреждаю васъ, я не стану ломать себѣ головы, чтобы разгадать васъ.. Право, не стоитъ. Я давно убѣдилась, что, въ сущности, всѣ мужчины другъ на друга похожи, какъ двѣ капли воды.

— Будто? Вотъ я, напримѣръ, и мой пріятель, Непрядвинъ, который вамъ кстати приходится троюроднымъ братомъ, развѣ мы другъ на друга похожи?

— Вашъ пріятель Непрядвинъ пока совершенный мальчикъ, а я мальчиками не интересуюсь, какъ вы, я думаю, не интересуетесь молоденькими дѣвушками. Со временемъ наши вкусы можетъ быть перемѣнятся... А что онъ мнѣ троюродный братъ, то это мнѣ рѣшительно все равно: я родней ни съ кѣмъ не считаюсь.

„Что-за пустоголовая бабенка!“ подумалъ Двинскій. А между тѣмъ эта пустоголовая бабенка смѣшила и занимала его, какъ нѣчто совсѣмъ для него новое.

Юрій сталкивался въ жизни съ женщинами двоякаго рода. Во-первыхъ, это была его многочисленная, большею частью знатная родня, тетки и кузины и женщины ихъ круга. Далеко не всѣ онѣ были вполнѣ безупречны. Двинскій зналъ многія семейныя тайны очень двусмысленнаго, иногда безобразнаго свойства. Но за то въ этомъ кругу всѣ безъ исключенія строго придерживались внѣшнихъ формъ. Приличія въ немъ соблюдались свято. Съ другой стороны были кокотки, которыхъ онъ зналъ вдоль и поперекъ. Но съ женщинами того типа, представительницей котораго была Мери, принадлежав-

шими къ большому свѣту, но по своимъ пріемамъ очень похожими на кокотокъ, Двинскій не встрѣчался почти вовсе. Онѣ имѣли для него прелесть новизны. Онъ, въ сущности, плохо вѣрилъ въ безупречную репутацію Марьи Борисовны и ему захотѣлось узнать, что кроется за дерзкою свободой ея обращенія—одна ли пустота ничѣмъ незанятой жизни или, пожалуй, отважное прямодушіе натуры, которой претятъ условныя формы. И онъ завелъ съ ней разговоръ самаго пряннаго свойства. Она отвѣчала безъ всякаго смущенія. Ее, очевидно, не пугали самые двусмысленные намеки. И эта искристая прянность ему нравилась. Его голова закружилась, какъ отъ вина, глаза заблестѣли у обоихъ; вдругъ она рѣзко оборвала бесѣду.

— Ну, полно вздоръ болтать, князь!—сказала она, вставая и протягивая руку. — Посмотрите, всѣ уѣзжаютъ. Хотите у меня отобѣдать завтра въ семь?

Онъ далъ ей слово.

— Съ мужемъ моимъ, — продолжала она,—вы, кажется, знакомы гораздо больше, чѣмъ со мной? Вамъ, конечно, случалось вмѣстѣ кутить!

— А вы ему позволяете развѣ кутить?

Она слегка повела плечами.

— Я ему даю полную свободу, и онъ ею кажется злоупотребляетъ. У него страсть шалить съ людьми, которые гораздо его моложе, вотъ какъ вы, напримѣръ. Ну, до свиданья!

Она еще разъ протянула ему руку и вышла, простившись съ хозяйкой дома. Двинскій подошелъ къ Гришѣ, успѣвшему, между прочимъ, разговориться съ Нелли.

— Гриша,—сказалъ онъ,—ѣдемъ, пора!

Гриша Непрядвинъ тоже весело провелъ время. Онъ словно теперь только успѣлъ хорошенько разглядѣть Нелли и убѣдиться, что ею стоило заняться. Ея непринужденная веселость, а еще болѣе можетъ быть ея хорошенькіе глазки разогнали негодующее чувство,

вызванное у него тѣмъ, что ему пришлось услышать въ этотъ вечеръ: въ двадцать два года впечатлѣнія быстро мѣняются. Молодая дѣвушка сперва на него немного дулась, но очень скоро преложила гнѣвъ на милость. Гриша ей очень нравился. Она была дѣвушка развитая и начитанная для своихъ лѣтъ и заинтересовала его сразу.

Едва, однако, къ нему подошелъ Двинскій, Гриша живо всталъ и торопливо съ нею простился. Онъ весь горѣлъ нетерпѣливымъ желаніемъ услышать наконецъ отъ Юрія подробный разсказъ про войну, такъ сильно занимавшую его воображеніе.

II.

Молодые люди вышли.

— Знаешь что, Гриша?—началъ Двинскій, взявъ пріятеля подъ руку,—я тебя повезу къ себѣ или даже не повезу, а мы просто отправимся съ тобой пѣшкомъ. Я страхъ какъ люблю эти Петербургскія бѣлыя ночи.

Юрій велѣлъ своей коляскѣ ѣхать за ними шагомъ. Товарищи направились по набережной. Ночь, въ самомъ дѣлѣ, была чудная. Теплый неподвижный воздухъ какъ-то особенно сладко млѣлъ въ свѣтлыхъ объятьяхъ полупрозрачныхъ майскихъ сумерекъ, точно онъ весь застылъ въ какомъ-то страстномъ упоеніи. На широкой набережной не было ни души. Только съ Троицкаго моста слабо доносился ровный гулъ экипажей, возвращавшихся съ островововъ. На тихомъ небѣ не было видно звѣздъ. Оно точно сливалось съ прозрачной мглой, стоявшей надъ городомъ. Какъ привидѣніе возставалъ изъ-за Невы высокій шпицъ Петропавловскаго собора. На востокѣ зорко бѣлѣла заря и странно глядѣли большіе дома, всѣ залитые бѣлымъ сіяніемъ, точно они тоже не могли уснуть среди весенней безсонницы.

— Ну, теперь,—живо заговорилъ Гриша,—ты мнѣ все разскажешь и про себя, и про все, что тамъ было.

— Ахъ, братецъ мой!—съ оттѣнкомъ нетерпѣнія отвѣ-

тилъ Юрій,—уволь, пожалуйста... успѣемъ наговориться. Мнѣ и безъ того весь вечеръ прожужжали уши этими разспросами.

— Да, я понимаю, тебѣ непріятно было про это говорить тамъ, у моей тетки. Но со мной другое дѣло! Кстати, ты вѣдь знаешь, что я самъ едва не пошелъ въ добровольцы. Сильно меня тянуло, только отецъ про это и слышать не хотѣлъ.

— И прекрасно сдѣлалъ твой отецъ, что тебя не пустилъ. По крайней мѣрѣ, ты свои экзамены сдалъ, и вдобавокъ преотлично, какъ я слышалъ; а то, чего добраго, вернулся бы оттуда безъ ноги.

— Что у тебя за скверная привычка,—воскликнулъ Гриша, весь вспыхнувъ,—эгоиста изъ себя корчить и говорить то, чего ты и не думаешь совсѣмъ! Экзамены?.. Экая важность, право!

— Ну, полно кипятиться! Положимъ, ты былъ бы очень доволенъ остаться калѣкой и чувствовать себя героемъ, хотя въ сущности глупо подставлять себя подъ пулю, когда никто тебя объ этомъ не проситъ.

— Послушай, Юрій! будемъ говорить серьезно. Это, наконецъ, ни на что не похоже. Ты шутишь этимъ, а во мнѣ вся кровь кипѣла при мысли, что тамъ дерутся, а я здѣсь кисну.

— Хорошо! будемъ говорить серьезно!—Въ голосѣ Юрія зазвучала искренняя, но въ то же время горькая нота.—Ты думаешь, слава тебѣ такъ бы и далась въ руки. А что, если тебѣ пришлось бы торчать гдѣ-нибудь въ арріергардѣ, да видѣть, какъ люди мрутъ, сидя на мѣстѣ, потому что ихъ кормятъ гнилью, и чувствовать, что все идетъ скверно. Много такихъ, братецъ мой, что про лихія аттаки, да про Георгіевскіе кресты мечтали, а непріятеля не видѣли, какъ своихъ ушей. Теперь, по крайней мѣрѣ, ты свои иллюзіи сохранилъ и можешь воображать, что мы всѣ тамъ себя героями показали. А будь ты за Дунаемъ, чего добраго... Онъ не договорилъ и махнулъ рукой.

Гриша поникъ головой. Пріятели нѣсколько шаговъ прошли молча.

— Такъ-то, братецъ ты мой, такъ-то!—вдругъ оживившись, проговорилъ Юрій и похлопалъ товарища по плечу.—Ты мнѣ лучше про себя кое-что разскажи. Какъ ты провелъ этотъ годъ? Что собираешься дѣлать?

— Да, что!—сумрачно отозвался на это Гриша.—Все прежняя канитель, стоитъ про это говорить! Дня черезъ три я въ деревню собираюсь.

— Ну, вотъ это дѣло! И я туда же лѣтомъ поѣду. Полно хмуриться, полно! Смотри, что за прелесть эта ночь! Слышишь, какъ свѣжею зеленью вдругъ изъ-за Невы запахло? Экая роскошь! Совсѣмъ спать не хочется! Знаешь что!? Поѣдемъ-ка за городъ, да выпьемъ хорошенько!—Глаза у Юрія вдругъ разгорѣлись.—Или ты по-прежнему ведешь себя какъ красная дѣвица, вина боишься? Поѣдемъ, право!

Гриша рѣшительно отказался.

— Ну, какъ хочешь! А только я вижу, ты по-прежнему остался маменькинымъ сынкомъ. Воображаю, какъ тебя на смѣхъ поднимаютъ товарищи!

А между тѣмъ совсѣмъ не маменькинымъ сынкомъ глядѣлъ рослый молодецъ Гриша, весь дышавшій здоровою силой. Двинскій былъ почти цѣлою головой его ниже и въ сравненіи съ нимъ казался почти хрупкимъ и тщедушнымъ, и все-таки Гриша невольно подчинялся его, давно признанному, авторитету.

Они подходили къ Троицкому мосту. Въ эту самую минуту передъ ними проѣхала коляска, запряженная парой вороныхъ. Въ ней сидѣли двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, еще молодой на видъ, съ густыми, черными усами, тотчасъ узналъ князя Юрія и остановилъ кучера.

— Ба!.. Двинскій!..—воскликнулъ онъ.—Вотъ встрѣча!.. Я, впрочемъ, слышалъ, что ты вернулся!

Это былъ Владиміръ Валеріановичъ Столѣнинъ, мужъ Марьи Борисовны, бывшій на пріятельской ногѣ

съ цѣлымъ Петербургомъ, весельчакъ и кутила, большой охотникъ до женщинъ и до лошадей, выпивавшій брудеръ-шафты уже со вторымъ поколѣніемъ молодежи. Въ тридцать восемь лѣтъ онъ оставался совершеннымъ повѣсой, беззаботнымъ, какъ мальчикъ, едва выпущенный изъ школы. Гришѣ онъ поклонился довольно небрежно. Рядомъ съ нимъ помѣщался нѣкто господинъ Пестряцевъ, бодрый на видъ, кругленькій, пятидесятилѣтній юноша, не перестававшій усердно посѣщать увеселительныя заведенія и покровительствовать начинающимъ звѣздамъ опереточныхъ сценъ!

— Что ты,—продолжалъ Столѣнинъ,—маціона ради совершаешь полночную прогулку?

Двинскій разсказалъ про вечеръ у графини.

— Ахъ, да! жена собиралась. Вотъ скука-то! Ты бы лучше въ Ливадію поѣхалъ. Завтра я тебя туда везу всенепремѣнно. Тамъ одна пѣвица новая есть. Уродъ уродомъ, а Пестряцевъ въ нее влюбился. Представь себѣ, букетъ ей поднесъ!

Господинъ Пестряцевъ ухмыльнулся.

— Завтра я у васъ обѣдаю: твоя жена меня пригласила.

— Ну и прекрасно! А теперь прощай! Или хочешь, отъужинаемъ вмѣстѣ? Мы съ Пестряцевымъ ѣдемъ ужинать. Нѣтъ, не хочешь? Ну какъ знаешь! Au revoir, mon cher!

Коляска тронулась. Юрій проводилъ ее слегка презрительнымъ взглядомъ.

— Что же ты не отправился съ ними ужинать?—нѣсколько обиженнымъ тономъ спросилъ Гриша.

— Такъ, раздумалъ... А ты, я вижу, на меня дуешься!—спустя минуту продолжалъ Юрій.—Напрасно! Я, напротивъ, теперь какъ разъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа... право!

Голосъ молодого человѣка, наперекоръ его словамъ, звучалъ не особенно весело.

— И о чемъ намъ съ тобой сокрушаться? Мы на

судьбу пожаловаться не можемъ. Ты чуть не первымъ кандидатомъ вышелъ, тебѣ всѣ дороги открыты, а я, какъ видишь, цѣлъ и невредимъ, да еще отличился и двѣ награды получилъ. А что тамъ глупостей натворили много, какое намъ до этого дѣло?! Каждый для себя живетъ. И чортъ тамъ побери всѣ эти славянскія идеи и все это патріотическое нытье!

По тону Юрія очень трудно было угадать, говорилъ ли онъ искренно. Да и самъ онъ этого, можетъ быть, хорошенько не зналъ. На него порой находилъ странный стихъ. Онъ любилъ дразнить и себя, и другихъ, какъ бы щеголяя своимъ презрѣніемъ къ людямъ. И удавалось ему настроить себя на такой ладъ, что онъ самъ почти вѣрилъ своимъ словамъ. А какъ разъ въ такія минуты не то злобное, не то горькое чувство подымалось у него въ груди.

— Какъ тебѣ не стыдно это говорить!—съ грустнымъ укоромъ произнесъ Гриша. Вѣдь, есть же у тебя какія-нибудь убѣжденія?

— Должно быть, что есть гдѣ-то тамъ, очень далеко!—все съ тою же напускною ироніей отвѣтилъ Двинскій.—Самого себя я разбирать не охотникъ. Я знаю,—насмѣшливая нота у него теперь исчезла,—чего требуетъ отъ меня мой долгъ и мое имя, и этому я не измѣню никогда. А что касается такъ называемыхъ убѣжденій... Скажи, пожалуйста, когда ты, наконецъ, бросишь глупую студенческую привычку отпускать громкія слова? Ты прежде не былъ такимъ, а теперь я вижу...

— Да и теперь, кажется,—слабо засмѣялся Гриша,—во мнѣ особаго унынія нѣтъ. У многихъ есть эта черта, правда.

Оба смутно чувствовали, что мысли у нихъ идутъ какъ-то въ разбродъ и, пожалуй, лучше ихъ не высказывать другъ другу. Но вскорѣ Гриша стряхнулъ съ себя это чувство: его откровенная натура не любила недомолвокъ.

— Видишь, Юрій!—съ оттѣнкомъ робости загово-

рилъ онъ.—Мнѣ часто приходится надъ собой задумываться. Глупо это, да нечего дѣлать—привычка. Я люблю себѣ отдавать отчетъ въ каждой изъ своихъ мыслей. и чуть замѣчу противорѣчіе, стараюсь провѣрить, откуда оно взялось. По моему, каждый порядочный человѣкъ обязанъ твердо знать—во что онъ вѣритъ и отъ этого ужъ ни шагу въ сторону!

— Вотъ охота себѣ понапрасну голову ломать!—разсмѣялся Юрій.—И что же? Ты самому себѣ подвелъ итогъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ!—перебилъ его Гриша.—Все какъ-то одно не вяжется съ другимъ. И не въ силахъ я заставить себя думать, какъ слѣдуетъ: умъ говоритъ одно, а чутье подсказываетъ другое...

— Фу, какая чепуха!—нетерпѣливо брякнулъ Юрій.— И какое ты тамъ чутье въ себѣ отыскалъ! По-моему, надо вести себя какъ порядочный человѣкъ, и баста! На это никакой философіи не требуется, хоть и это, признаться, иной разъ довольно мудрено...

Онъ помолчалъ немного, насупилъ брови и сталъ крутить свои рѣдкіе, мягкіе, бѣлокурые усы. Ты мнѣ лучше прямо вотъ что скажи. Не прельстился ли ты ужъ этими длинноволосыми идеями, а?

— Въ томъ-то и бѣда, мой милый,—нехотя, почти конфузясь отвѣтилъ Гриша,—что прелести въ нихъ я мало вижу, а въ то же время мнѣ иногда сдается, что правда-то на ихъ сторонѣ. И выходитъ оно, что я самъ съ собою въ разладѣ.

Гриша долго и горячо высказывалъ передъ Юріемъ свои недоумѣнія. Натура у него была необыкновенно добросовѣстная, и какъ разъ по этому можетъ быть, немного, робкая. Ни принять что-либо прямо на вѣру, ни сразу отвергнуть, онъ не рѣшился бы никогда. Всякую новую мысль, на которую онъ наталкивался, онъ считалъ своимъ долгомъ обсудить со всѣхъ сторонъ. Въ родномъ деревенскомъ домѣ, гдѣ протекли первые годы его юности, жизнь была не сложна и никакихъ тревожныхъ

вопросовъ не представлялось. Въ гимназіи своего губернскаго города онъ учился хорошо, но тамъ его молодая мысль все больше работала надъ книгами, а книги терпѣливы и невзыскательны. Гриша много ѣздилъ верхомъ, ходилъ на охоту, любилъ кататься на конькахъ, а кто съ раннихъ лѣтъ привыкъ къ сильнымъ физическимъ упражненіямъ на чистомъ воздухѣ, у того быстроструящаяся молодая кровь не даетъ розыграться болѣзненному напряженію мысли. За то въ университетѣ новые вопросы на него нагрянули разомъ, неудержимо и бурно, точно онъ изъ тихой рѣки выплылъ въ открытое волнующееся море. И были тоже готовые отвѣты, было полное міросозерцаніе, шедшее прямо въ разрѣзъ съ цѣлымъ складомъ его домашней жизни. Гришу оно не привлекало. Но именно вслѣдствіе этого онъ отнесся къ нему въ высшей степени искренно и безпристрастно. У него не было достаточно сильныхъ доводовъ, чтобъ его опровергнуть, а довѣриться одному чутью онъ не хотѣлъ. Изъ-за этого въ немъ и шла внутренняя борьба.

Юрій слушалъ молча, иногда лишь дѣлая нетерпѣливое движеніе рукой. Ему нѣсколько смѣшными казались черезчуръ добросовѣстныя колебанія Гриши, но въ то же время въ немъ сказывалось какое-то невольное уваженіе къ ихъ чистосердечію.

— Ну, я вижу,—сказалъ онъ, наконецъ,—хорошо для тебя, что ты съ университетомъ покончилъ. Ты, можетъ быть, учености много набрался, а все-таки ты совершенный ребенокъ. Пожить тебѣ надо, вотъ что! Посмотри, какъ тогда вся твоя философія улетучится... А вотъ мы и пришли!

Двинскій позвонилъ у подъѣзда своего дома на Сергіевской. Это былъ двухъ-этажный большой домъ съ выступомъ на фасадѣ и съ широкими окнами въ итальянскомъ стилѣ. Имъ долго не отворяли. Наконецъ, послышались торопливые шаги, ключъ заскрипѣлъ въ замкѣ, и въ растворенныхъ дверяхъ показа-

лась тощая, почтительная фигура старика-слуги, державшаго подсвѣчникъ въ рукахъ.

— Извините, ваше сіятельство, — заговорилъ онъ, впуская молодыхъ людей,—швейцаръ куда-то ушелъ, а я, дожидаясь васъ, задремалъ.

Негостепріимно и холодно глядѣли обширныя сѣни, за которыми поднималась, уходя въ полумракъ, широкая лѣстница изъ бѣлаго мрамора съ черными колоннами.

— Пойдемъ на верхъ!—сказалъ Юрій, сбрасывая шинель,—мои комнаты внизу передѣлываютъ. Я пока живу тамъ, на половинѣ матери.

Молодые люди поднялись на широкую площадку, откуда во всѣ стороны открывались высокія двери изъ краснаго дерева. Они вошли въ одну изъ этихъ дверей, и Двинскій повелъ Гришу цѣлымъ рядомъ большихъ комнатъ; впереди, неся подсвѣчникъ и торопливо сѣменя ногами, шелъ старичекъ-слуга. Сразу было видно, что въ этомъ роскошномъ домѣ давно уже не жилъ никто. На мебели были надѣты чехлы, стулья и кресла стояли въ безпорядкѣ. Пламя свѣчи тускло освѣщало обширные покои, погруженные въ тяжелую дремоту. Мрачнымъ и унылымъ казалось ихъ роскошное убранство съ лѣпными потолками, со штофными обоями и съ завѣшанными картинами на стѣнахъ.

Пріятели вошли, наконецъ, въ комнату меньшихъ размѣровъ, гдѣ для Юрія была поставлена складная кровать. Хотя здѣсь чехлы были сняты съ мягкихъ креселъ, обитыхъ лиловымъ шелкомъ, а подъ ногами былъ пушистый коверъ, на которомъ не слышно было шаговъ, но и эта комната глядѣла неуютно. Отъ широкаго мраморнаго камина какъ-то вѣяло холодомъ. Позолота на высокомъ потолкѣ слабо блестѣла въ полумракѣ, котораго не разсѣяла и лампа, зажженная слугой. За то эта лампа ярко освѣтила висѣвшій на стѣнѣ портретъ красивой женщины съ правильными, юными, но жесткими чертами лица. Это была мать Двинскаго, княгиня Софья Станиславовна.

Юрій усѣлся на диванѣ и разстегнулъ сюртукъ.

— Вотъ гдѣ я поселился, точно на бивуакѣ,—иронически сказалъ онъ.—Можно, какъ видишь, быть не дома и у себя. Филиппъ, дай намъ чего-нибудь поѣсть!—сказалъ онъ старику-камердинеру.

Тотъ вышелъ.

— Да, братецъ мой,—продолжалъ Юрій,—тяжеленько послѣ года отсутствія находить дома эту пустоту. Вотъ тутъ-то и поймешь, что значитъ семья. Ну, да я къ этому привыкъ!—онъ вздохнулъ.

— Твои все заграницей?—спросилъ Гриша, оглядывая убранство комнаты.

— Да, третій годъ,—сквозь зубы процѣдилъ князь. Онъ съ видимою неохотой говорилъ про семью. — Что ты тамъ все разсматриваешь?—спустя минуту спросилъ онъ, оглядываясь на Гришу. Тотъ остановился передъ портретомъ.

— Это твоя мать?—спросилъ онъ.

— Да, лѣтъ двадцать тому назадъ. Здѣсь ея кабинетъ.

— Какая она была красавица, однако!—продолжалъ любоваться портретомъ Гриша.

— Она и теперь еще очень хороша. Давно я ее впрочемъ не видалъ, скоро два года будетъ. Въ ея семьѣ всѣ красивы.

Мать Юрія была полька родомъ. Князь и княгиня Двинскіе почти безвыѣздно проживали заграницей, отъ того ли, что здоровье княгини, всегда, впрочемъ, отличное, не выносило Петербургскаго климата, отъ того ли, что князь, человѣкъ неуживчивый и нервный, испыталъ какія-то служебныя непріятности и не былъ оцѣненъ сообразно своимъ притязаніямъ. Повсюду скучая, онъ странствовалъ по Европѣ, величаво разыгрывая роль добровольнаго изгнанника и усердно браня русское правительство. Огромное состояніе и крупные долги были вполнѣ предоставлены главному управляющему. Юрію отецъ до сихъ поръ не поручалъ своихъ дѣлъ,

да и самъ онъ неохотно бы сталъ ими заниматься. Ему исправно отпускали ежемѣсячно по полторы тысячи, которыхъ ему часто не хватало. Юрій, впрочемъ, ни разу не обращался съ просьбой о деньгахъ ни къ отцу, ни къ его повѣренному и предпочиталъ занимать у ростовщиковъ. Между нимъ и его родными установились холодно-приличныя отношенія, и молодой князь не пытался сдѣлать ихъ болѣе задушевными, хотя часто въ немъ сказывалась ноющая скорбь о томъ, что его жизнь никогда не была согрѣта чувствомъ семейной любви. Въ этомъ онъ неохотно признавался, избѣгая говорить о родныхъ.

На этотъ разъ, однако, онъ не вытерпѣлъ: горькое чувство слишкомъ уже щемило ему сердце.

— Ахъ, Гриша, Гриша, — заговорилъ онъ вдругъ, отдаваясь потребности высказаться передъ товарищемъ,—завидую я иногда тебѣ, право! — Гриша подошелъ и молча опустился на стулъ передъ Юріемъ.— Ты вотъ,—продолжалъ князь,—черезъ нѣсколько дней поѣдешь къ себѣ въ деревню. Тамъ, навѣрно, тебя ждутъ не дождутся отецъ съ матерью, и пойдетъ у тебя жизнь тамъ гладко и просто. И домъ вашъ деревенскій встрѣтитъ тебя привѣтливо, какъ родной, и съ каждымъ мѣстечкомъ въ саду у тебя связаны дорогія воспоминанія. А я, какъ перстъ, одинъ въ этомъ огромномъ домѣ. Цѣлый годъ я былъ на войнѣ, и сколько разъ меня убить могли, а, вѣдь, никто меня даже не встрѣтилъ здѣсь, когда я пріѣхалъ. Нѣтъ, встрѣтила меня, правда, и даже съ большимъ трескомъ княгиня Зоя Варенцова,—ты знаешь, эта несносная княгиня Зоя!—и увѣряла меня, что она, какъ лучшій другъ моей матери, здѣсь, въ Петербургѣ, замѣнитъ мнѣ семью.—При этихъ словахъ Двинскій разсмѣялся.

— Она заставила меня обѣщать у нея отобѣдать въ самый день моего пріѣзда. А, знаешь, отчего такое усердіе? Отъ того, что у нея дочерей полонъ домъ, а у моего отца двѣсти тысячъ дохода и я у него един-

ственный сынъ. Единственный сынъ! Нечего сказать, много мнѣ отъ того радостей пришлось испытать, много я видѣлъ ласки отъ родныхъ! Есть-ли чѣмъ дѣтство вспомянуть! И, главное, отлично воспитали! Были у меня дорогіе учителя и дядька нѣмецъ, глупый и грубый, и французъ-гувернеръ, пьяница и развратникъ, льстившій моимъ родителямъ и во всемъ мнѣ потакавшій. И научилъ онъ меня съ дѣтства скрытничать передъ отцомъ и втихомолку, когда мнѣ было всего шестнадцать лѣтъ, пьянствовать со своимъ воспитателемъ. Да, братецъ мой, я съ шестнадцати лѣтъ жить началъ, то-есть—по-просту говоря—кутить, да къ женщинамъ ѣздить! И сколько лжи, сколько мерзостей разныхъ я насмотрѣлся! Не мудрено, что изъ меня проку не вышло.

— Полно! чего ты на себя клевещешь!—воскликнулъ Гриша.—И какое право ты имѣешь говорить, что изъ тебя проку не вышло, когда ты себя такимъ молодцомъ показалъ на войнѣ.

Ему хотѣлось разсѣять мрачное настроеніе пріятеля; но самъ Юрій уже раскаивался, что далъ себя увлечь и черезчуръ откровенно высказался передъ Гришей. „Чего я нюни-то распустилъ, какъ баба какая!“ подумалъ онъ. Двинскій съ юныхъ лѣтъ привыкъ зорко сторожить себя и не давать воли своимъ чувствамъ. Недовѣріе къ людямъ развилось въ немъ рано, и хотя онъ зналъ, что Гриша ему преданъ всею душой, даже передъ нимъ онъ неохотно выкладывалъ наружу то, что накопилось у него на душѣ.

— Ты, стало быть, уѣзжаешь на-дняхъ?—совершенно инымъ, почти веселымъ голосомъ заговорилъ онъ опять послѣ короткаго молчанія, какъ будто эти слова имѣли какое-нибудь отношеніе къ тому, о чемъ между ними шла только-что рѣчь.—Но мы еще непремѣнно увидимся. Ахъ, да! ты мнѣ не сказалъ еще, гдѣ ты живешь?

Онъ живо всталъ и принялся крупными шагами ходить взадъ и впередъ.

— Вдвоемъ съ университетскимъ товарищемъ, съ Леонтіемъ Радугинымъ. Мы вмѣстѣ занимаемъ три комнаты на Острову въ пятой линіи.

— Это, должно быть, сынъ того господина, который сегодня вечеромъ читалъ, а потомъ сталъ нести такую глубокомысленную чепуху? Понимаю теперь, откуда у тебя сумбуръ въ головѣ набрался. Онъ, разумѣется, нигилистъ, твой товарищъ Радугинъ?

— Совсѣмъ напротивъ, необыкновенно сдержанный и умный малый; онъ по курсу всегда у насъ первымъ считался. Да ты его у меня видѣлъ, помнишь, когда я въ прошломъ году жилъ на Кирочной?

— Помню, да. Только мнѣ онъ не понравился. Что-то во взглядѣ у него есть скользящее такое. Все чувствуешь, что онъ съ боку на тебя глядитъ, едва отъ него отвернешься. И отчего ты у нихъ поселился? Весело, я думаю, жить въ профессорской семьѣ!

— Во-первыхъ, Леонтій живетъ отдѣльно отъ отца. Радугинъ даетъ сыну полную волю: онъ находитъ, что молодые люди должны быть самостоятельны; а во-вторыхъ,—Гриша немного запнулся,—на мои средства жить на особой квартирѣ не совсѣмъ удобно. Въ прошломъ году я даже долговъ надѣлалъ. Мнѣ присылаютъ всего полтораста въ мѣсяцъ.

— Да, на это не раскутишься...

Юрію стало какъ-то неловко.

— А, да вотъ и ужинать принесли. Я, кстати, голоденъ, какъ волкъ, да и ты, я думаю, тоже.

Филиппъ вошелъ съ подносомъ и скатертью въ рукахъ, и принялся накрывать на столъ. Пріятели сѣли и усердно принялись за холодную закуску.

— Ваше сіятельство, изволили видѣть,—сказалъ Филиппъ,—двѣ записки у васъ тутъ есть на столѣ?

— Давай сюда!

Двинскій равнодушно вскрылъ одинъ за другимъ оба квадратные конверта съ замысловатыми разноцвѣтными вензелями. Въ первомъ было приглашеніе къ

обѣду на слѣдующій день. Юрій кинулъ записку въ каминъ.

— Экая скука! — проговорилъ онъ. — Придется еще извиненіе сочинять. Оставили бы меня лучше въ покоѣ.

Другая записка была отъ одного изъ военныхъ товарищей Юрія, князя Борисоглѣбскаго, приглашавшаго его на пріятельскій ужинъ, устроенный въ честь его пріѣзда.

— Ну, отъ этого, къ сожалѣнію, отказаться нельзя,— проговорилъ сквозь зубы Юрій.—Только я вотъ что отъ нихъ потребую, чтобъ они тебя пригласили. Ужъ коли меня чествовать собираются, ты непремѣнно долженъ участвовать.

Онъ объяснилъ Гришѣ, въ чемъ дѣло. Тотъ покраснѣлъ немного, точно ему совѣстно было, что самъ онъ еще не успѣлъ подумать объ устройствѣ пріятелю торжественной встрѣчи. И въ то же время ему совсѣмъ не нравилась перспектива очутиться въ совершенно чужомъ для него обществѣ военной молодежи; но отказаться было, очевидно, невозможно.

За ужиномъ разговоръ молодыхъ людей принялъ совершенно иной оборотъ. Они дружно перекидывались шутками и смѣялись юнымъ, безпричиннымъ смѣхомъ. И слѣда не осталось отъ прежняго настроенія. Не прошло и получаса, какъ Двинскій, развалившись на стулѣ, оживленно разсказывалъ про то, что было съ нимъ на войнѣ, разсказывалъ то самое, чего такъ долго и тщетно добивался отъ него Гриша. Въ голосѣ его было и молодое возбужденіе, и молодой задоръ.

— Ну, а скажи, пожалуйста,—вдругъ спросилъ у него Гриша, — что, собственно, ты ощущалъ, когда въ первый разъ пошелъ въ огонь? Воображаю, какъ было хорошо!

— Скверно было, другъ мой, совсѣмъ даже скверно! Трусилъ я отчаянно, душа такъ въ пятки и ушла. Было это при Дунайской переправѣ. Сѣли мы въ лодку, какъ теперь это помню, молодцы молодцами; а какъ пошли вокругъ насъ свистѣть пули, ознобъ такъ и сталъ про-

бирать меня по всему тѣлу, руки совсѣмъ похолодѣли, и сперва я, чего грѣха таить, какъ услышу этотъ свистъ поганый, такъ и опущу голову и глаза закрою. И ты знаешь, набожностью своей я похвалиться не могу, а тутъ и пошелъ креститься.

— Ну, а что-жъ были у васъ убитые?

— Въ нашей лодкѣ было трое; одного изъ нихъ рядомъ со мной хватило на повалъ въ голову. И представь себѣ, гадкое это было чувство, я почти обрадовался, точно я зналъ, что та самая пуля, которая въ меня должна была попасть, убила сосѣда, и меня уже другая не задѣнетъ. А славный былъ солдатикъ, совсѣмъ еще молодой и веселый такой...

— Ну, ну! а что же было послѣ?—весь задыхаясь отъ волненія, спросилъ Гриша.

— Представь себѣ, я этого совсѣмъ теперь даже не помню. Какъ спрыгнули мы на берегъ, все будто смѣшалось. Иду я, словно меня подталкиваетъ кто-то сзади. Я пересталъ и слышать, и видѣть, и даже чувствовать. И вдругъ, не знаю я даже, сколько времени прошло, только случилось это скоро, мы всѣ поняли разомъ какъ-то, что наша взяла, и къ моему немалому удивленію оказалось потомъ, что я особенную храбрость выказалъ въ этомъ дѣлѣ. Я зналъ, напротивъ, какъ нельзя лучше зналъ, что велъ себя, какъ совершенный трусъ. Одна во мнѣ мысль только и была, какъ бы другіе не замѣтили, что я трушу. И какъ мнѣ было стыдно слышать похвалы моей мнимой храбрости. Самолюбіе меня, должно быть, и спасло. Въ слѣдующій разъ хоть тоже было жутко, но я, кажется, себя уже не выдавалъ, а потомъ я понемногу привыкъ. Только знай одно—храбрости на самомъ дѣлѣ никакой нѣтъ, а есть только нервы, болѣе или менѣе крѣпкіе, и, пожалуй, еще самолюбіе...

— Ну, ты опять за свое!—перебилъ его Гриша.— Далась же тебѣ эта иронія надъ собой. Въ моихъ глазахъ, да и въ глазахъ всѣхъ товарищей, ты себя мо-

лодцомъ показалъ. И знать я не хочу, чтобъ это было не такъ. Давай-ка лучше выпьемъ за твоего Георгія.

Пріятели опорожнили уже вторую бутылку. Глаза у Гриши загорѣлись отъ непривычнаго ему вина; только онъ чувствовалъ не опьяненіе, а какой-то особый, сладостный и добрый восторгъ. На блѣдныхъ щекахъ Двинскаго тоже показался румянецъ.

Время незамѣтно летѣло. Теперь очередь разсказывать была за Гришей. Только онъ говорилъ не о прошломъ, которое считалъ черезчуръ заурядн ымъ. Его помыслы всѣ были устремлены впередъ, къ невѣдомому широкому будущему. Онъ стремился къ этому будущему съ бодрою вѣрой, и какъ ни говорилъ онъ прежде Юрію про свои колебанія, несомнѣнно было, что въ его молодомъ сердцѣ вмѣстѣ съ этою вѣрой въ себя было горячее и твердое желаніе прожить не даромъ для родины, своего счастья искать въ безкорыстной службѣ на ея пользу. На этотъ счетъ въ немъ не имѣлось сомнѣній, хоть и говорилъ онъ это безъ громкихъ фразъ, не задаваясь широкими задачами, и хоть рисовалась ему, быть можетъ, слегка неопредѣленною его будущая дѣятельность. Чѣмъ-то хорошимъ, честнымъ и бодрымъ вѣяло отъ долгой ночной бесѣды молодыхъ людей.

— Знаешь что, Гриша,—вдругъ сказалъ Двинскій,— вѣдь, на повѣрку-то выходитъ, что ты гораздо счастливѣе меня. Ты вотъ собираешься въ деревнѣ поселиться, хочешь пойти по земству. Это, положимъ, не громкая карьера и многихъ бы она не прельстила; за то это простой и вѣрный путь, и разочарованій на немъ бояться нечего. А я... кто знаетъ, что еще со мной будетъ? Очень мнѣ повезло, это правда, да, случается, вѣдь проиграть игру, когда полна рука козырей. Будь во мнѣ одно тщеславіе, какъ у многихъ, мнѣ бы и желать ничего не оставалось, а мнѣ много хочется. Во мнѣ сидитъ неугомонный бѣсъ честолюбія, котораго не удовлетворишь придворною карьерой.

— Да твоихъ способностей на все хватитъ!—живо возразилъ Гриша.

— Ну, про это бабушка на-двое сказала. И дѣло не въ однѣхъ способностяхъ, мой милый. Навидался я, какъ дѣлаются карьеры... Да, кабы можно было,—задумчиво добавилъ онъ спустя минуту,—все это бросить, да по-твоему въ свой уголъ забраться и жить тамъ потихоньку, пожалуй, куда какъ лучше оно бы вышло...

Часы на каминѣ пробили четыре. Молодые люди и не замѣтили, какъ прошла ночь и какъ утренній свѣтъ мало-по-малу вкрадывался въ комнату сквозь опущенныя занавѣси, все ярче освѣщая въ ней темные обои.

— Ну, засидѣлся таки я у тебя.

Теперь только опомнился Гриша, вставая съ мѣста и отдергивая занавѣсь у одного изъ оконъ. Утренній свѣтъ хлынулъ къ нимъ въ комнату, и удивительно блѣднымъ и усталымъ вдругъ показалось Гришѣ лицо Юрія.

— Ну, ложись, тебѣ отдохнуть надо, а я пойду къ себѣ пѣшкомъ. До свиданья!

Швейцаръ, все время въ сѣняхъ дожидавшійся ухода Гриши, съ недовольнымъ укоризненнымъ видомъ подалъ ему пальто. Молодой человѣкъ вышелъ на улицу и крупною, быстрою походкой направился къ набережной. Молочный утренній туманъ стоялъ еще надъ городомъ. Сѣрая гладь Невы отливала серебряными блестками. Косые лучи восходящаго солнца скользили по домамъ, весело пробуждая сонный еще городъ, и навстрѣчу имъ съ запада ласково вѣялъ слабый вѣтерокъ. Круглыя сѣрыя облака стояли надъ востокомъ, какъ бы залитыя снизу растопленнымъ червоннымъ золотомъ. Никогда, можетъ быть, такъ хорошъ не бываетъ Петербургъ, какъ въ самые ранніе часы весенняго утра, которыхъ почти не знаютъ его жители, въ тѣ часы, когда отъ всей природы вѣетъ бодрою свѣжестью, и самый этотъ городъ, почти круглый годъ непривѣтливый и хмурый, глядитъ такимъ молодымъ и свѣтлымъ. Гришѣ хорошо дышалось на утреннемъ хо-

лодкѣ! Ему вдругъ захотѣлось прокатиться на лодкѣ. Нечего было и думать о снѣ, когда все, и вокругъ его, и въ немъ самомъ, говорило о полной радостной жизни. Онъ спустился къ Гагаринской пристани и разбудилъ одного изъ лодочниковъ, прикурнувшихъ на своихъ яликахъ.

— Вези-ка меня куда хочешь, — сказалъ онъ ему, вскакивая въ лодку,—только подальше, на Острова.

III.

Было уже восемь часовъ, когда Гриша, немного продрогшій отъ безсонной ночи и вдобавокъ голодный, вернулся къ себѣ домой. Онъ занималъ съ Леонтіемъ три небольшія комнаты въ нижнемъ этажѣ. Гриша немало удивился, услышавъ сквозь двери квартиры шумъ нѣсколькихъ голосовъ. Онъ нетерпѣливо позвонилъ.

— Кто здѣсь, Герасимъ?—спросилъ онъ у отворившаго ему слуги.

— Четверо ихъ!—недовольнымъ тономъ отвѣтилъ тотъ.—Господинъ Перекатовъ, господинъ Нестеренко, да еще двое, не знаю, какъ ихъ звать. Ужъ цѣлый часъ будетъ, что зашли сюда.

Гриша, войдя въ прихожую, живо скинулъ пальто.

— А я васъ, баринъ,—продолжалъ Герасимъ съ явнымъ укоромъ въ голосѣ,—до трехъ часовъ дожидался. Что это вы сегодня?

Гриша, не слушая его, вошелъ въ первую комнату, всю наполненную дымомъ отъ множества выкуренныхъ папиросъ.

Леонтій Радугинъ сидѣлъ у письменнаго стола, нетерпѣливо играя карандашемъ, и молча слушалъ расходившихся товарищей. Трое изъ нихъ стояли у дивана, на которомъ полулежалъ высокій, неуклюжій молодой человѣкъ съ огромными руками и ногами, съ черною всклокоченною бородой и такими же курчавыми волосами; одѣтъ онъ былъ очень небрежно, въ длиннопо-

ломъ сюртукѣ, очевидно, сшитомъ не для него. Это былъ Перекатовъ, естественникъ третьяго курса, считавшійся у товарищей крупнымъ авторитетомъ. Всѣ говорили разомъ, не слушая другъ друга и размахивая руками.

— Нѣтъ, господа, это, чортъ знаетъ, что такое! Этого допустить нельзя. Товарища надо выручить!—кричалъ одинъ изъ стоявшихъ, Василій Нестеренко, полный и румяный малый съ длинными волосами рыжеватаго цвѣта.

— Такъ чего же время попусту терять!? — послышался густой басъ Перекатова. — Рѣшено, стало быть, на сходку. И онъ поднялся всѣмъ своимъ огромнымъ тѣломъ, лѣниво расправляя члены. — Ба! Да вотъ Непрядвинъ! Ты гдѣ пропадалъ, мой милѣйшій?

Всѣ обернулись къ вошедшему Гришѣ.

— Всю ночь на пролетъ изволилъ протрезвонить!?— не трогаясь съ мѣста произнесъ Леонтій, медленно поворачивая къ Гришѣ свое красивое лицо.—Поздравляю! съ тобой это первый разъ. Что-то сухое было въ его ровномъ, отчетливомъ голосѣ.

Гриша въ двухъ словахъ сказалъ, какъ провелъ ночь, и тутъ же спросилъ, что случилось? Но ему не тотчасъ отвѣтили. Его слова вызвали общій смѣхъ: до того нелѣпымъ показалось имъ всѣмъ его одиночное катанье на лодкѣ.

— Что за романтикъ, подумаешь! На Острова укатилъ въ пятомъ часу ночи. Такъ мы этому и повѣримъ!—съ холодною насмѣшливостью отозвался молодой Радугинъ.

— Ты знаешь, что я никогда не вру! — отвѣтилъ Гриша.

Леонтій это зналъ, въ самомъ дѣлѣ, очень хорошо, но ему хотѣлось подразнить товарища.

— А что, скажи, пожалуйста, была тебѣ за надобность торчать до четырехъ часовъ у этого князька?— спросилъ Перекатовъ.

— Это одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей. Онъ только-что съ войны вернулся.

— Дешевенькіе лавры пожиналъ, сидя въ главной квартирѣ. Знаемъ мы этихъ птенцовъ...

Гриша принялся защищать Юрія. Онъ видимо начиналъ сердиться.

— Что вы къ нему пристаете?—ехидно вставилъ Леонтій, почему-то возненавидѣвшій Двинскаго, котораго видѣлъ всего одинъ разъ.—Понятное дѣло, нельзя не поддержать аристократическое знакомство: этотъ Двинскій вдобавокъ ему, кажется, троюроднымъ братомъ приходится...

— Леонтій, что ты за чепуху несешь!?—не на шутку обидѣлся Гриша.

— Ну, полно вамъ о пустякахъ толковать! — вмѣшался Перекатовъ. — Тутъ скверная исторія вышла, а они о какомъ-то князькѣ заспорили.

— Какая исторія? Что случилось?—повторилъ Гриша свой вопросъ, тотчасъ забывая свое минутное неудовольствіе на товарищей.

Ему разсказали. Недѣли двѣ передъ тѣмъ былъ арестованъ одинъ совсѣмъ незнакомый имъ студентъ, естественникъ Вуличъ, второй разъ державшій переходный экзаменъ на третій курсъ.

Произведенный у него обыскъ ничего особеннаго не обнаружилъ и спустя нѣсколько дней его отпустили. Но за время ареста Вуличъ невольно пропустилъ какъ разъ одинъ изъ самыхъ главныхъ экзаменовъ и ему предстояло выключеніе изъ университета, такъ какъ онъ уже два года пробылъ на курсѣ. Онъ тщетно упрашивалъ профессора проэкзаменовать его отдѣльно. Извѣстный своимъ желчнымъ педантизмомъ профессоръ Вашуткинъ ему рѣзко отказалъ. Вуличъ обратился въ совѣтъ, но и тутъ встрѣтилось препятствіе. Инспекторъ, у котораго было личное неудовольствіе на Вулича, подъ рукой заявилъ по начальству о неблагонадежности молодого человѣка. Тутъ сыръ-боръ и загорѣлся. Вуличъ не былъ популяренъ между товарищами и блестящими способностями не отличался. Но когда среди однокурсниковъ стало извѣстно, что ему не даютъ экзамено-

ваться и что тѣмъ самымъ испорчена вся его будущность, товарищи рѣшительно приняли его сторону. Сперва была послана отъ факультета депутація въ совѣтъ, потомъ къ попечителю. Ни тамъ, ни здѣсь коллективной просьбы не приняли. Начавшееся волненіе тотчасъ охватило весь университетъ. Профессора Вашуткина всѣ ненавидѣли, а когда разузнали вдобавокъ, что въ дѣло вмѣшался инспекторъ, страсти разгорѣлись не на шутку. Самимъ Вуличемъ интересовались мало, но за то въ немъ видѣли жертву ненавистныхъ порядковъ, а главное,—предлогъ къ манифестаціи противъ начальства. Естественники собрались на сходку, это было какъ разъ наканунѣ, и хотя лекціи давно прекратились, народу въ университетѣ было много благодаря экзаменамъ. Было рѣшено на слѣдующее утро собрать общую университетскую сходку на площадкѣ передъ актовой залой. Ни Гриша, ни Леонтій, давно не бывавшіе въ университетѣ, про это не знали, и товарищи собрались къ нимъ спозаранку, чтобы потолковать объ общемъ дѣлѣ. Гриша, уже вышедшій изъ университета, не могъ, конечно, принять участія въ сходкѣ, но посовѣтоваться съ нимъ не мѣшало. Никто не сомнѣвался, что онъ горячо приметъ къ сердцу это общее дѣло: онъ пользовался большою популярностью. А Леонтія, который собирался экзамены держать осенью, надо было и совсѣмъ завербовать. Привлечь на свою сторону студента четвертаго курса, да еще такого всѣмъ извѣстнаго умника, казалось очень важнымъ.

— Надо проучить этихъ скотовъ!—говорилъ Нестеренко.—Понимаешь, Непрядвинъ, наше милое начальство оттого только Вулича гонитъ изъ университета, что у него обыскъ былъ и подлецъ инспекторъ на него изподтишка наклепалъ попечителю. Но мы имъ и покажемъ, что съ собою шутить не дадимъ.

Нестеренко былъ, въ сущности, предобрый малый, но большой охотникъ пошумѣть, хоть и кипятился онъ всегда очень не долго.

— А по-моему,—спокойно возразилъ Гриша,—суть дѣла не въ томъ, чтобы передъ начальствомъ похрабриться, а въ томъ лишь, чтобы товарища вывести изъ бѣды.

— Что за узкій взглядъ на вопросъ?!—продолжалъ кричать Нестеренко.

— По...слу...шай-те, Непрядвинъ,—будто спотыкаясь на каждомъ слогѣ, хриплымъ голосомъ заговорилъ тощій, болѣзненный молодой человѣкъ, вы раз...вѣ не ви...ди...те, что тутъ преж...де все...го по...ли...ти...чес...-кій прин...ципъ, по...ли...ти...ческій.

Прочіе не дали ему договорить. Это былъ Яковъ Бауманъ, не то нѣмецъ, не то еврей, которому природное косноязычіе не мѣшало, повидимому, горячиться болѣе всѣхъ, хотя обыкновенно его никто не слушалъ.

Поднялся споръ. Гриша сталъ доказывать, что сходка дѣлу не поможетъ, а, пожалуй, окончательно испортитъ судьбу Вулича и что гораздо лучше обратиться къ одному изъ профессоровъ съ просьбой заступиться за товарища передъ начальствомъ.

— Петръ Кирилловичъ Радугинъ,—заключилъ онъ,—конечно, не откажется съѣздить къ попечителю. И его послушаютъ: онъ на такомъ отличномъ счету.

— Вотъ еще! станемъ мы унижаться!—перебилъ его Нестеренко.—И очень намъ знать нужно, кто тамъ на хорошемъ счету.

— Мы должны до...до...ка...зать, что ихъ не бо...бо...имся,—продолжалъ заикаться Бауманъ и тяжело закашлялъ.

Сторону Гриши принялъ одинъ только Перекатовъ, въ качествѣ однокурсника, живо интересовавшійся судьбой Вулича. Для прочихъ самъ виновникъ происшествія стоялъ на второмъ планѣ.

— Непрядвинъ совершенно правъ!—рѣшительно объявилъ Перекатовъ.—Надо на вопросъ смотрѣть практически.

— Тѣмъ болѣе,—продолжалъ Гриша,—что если выйдетъ исторія, мы сами только поплатимся, а товарищу не поможемъ.

— Ну, ты ужъ не поплатишься!—засмѣялся Нестеренко.—Твоя хата теперь съ краю, сейчасъ замѣтно.

— Именно потому, что моя хата съ краю,—живо возразилъ Гриша,—я имѣю право другихъ предостерегать. Что за охота подъ петлю лѣзть?!.

Перекатовъ желчно засмѣялся какъ-то всѣмъ лицомъ и въ черныхъ его глазахъ блеснула злобная искра.

— Больно ты остороженъ сталъ!—отвѣтилъ онъ.—Я давно за тобой это примѣчаю. Я самъ думаю, что Вуличу мы сходкой не поможемъ, и нахожу, что надо обратиться къ Петру Кирилловичу. Только Вуличъ самъ по себѣ, а наше общее дѣло—тоже само по себѣ.

Онъ говорилъ медленно и спокойно, и потому, можетъ быть, слушали его лучше другихъ.

— И сходку все-таки надо собрать. Во-первыхъ, потому, что это ужъ рѣшено, а во-вторыхъ потому, что надо всякимъ случаемъ пользоваться для поддержанія нашей борьбы противъ... ну, самъ ты знаешь, противъ кого... А вы, Леонтій Петровичъ, что же все молчите?—обратился онъ вдругъ къ молодому Радугину.

— Дай-ка намъ чаю, Леонтій,—сказалъ Нестеренко, въ десятый разъ закуривавшій свою все потухавшую папиросу,—въ горлѣ совсѣмъ пересохло.

— Извини, Перекатовъ, это ужъ ни съ чѣмъ не сообразно!—серьезно возразилъ Гриша, усаживаясь на диванѣ возлѣ товарища.—Развѣ мы по-твоему въ университетъ за тѣмъ поступаемъ, чтобы нелѣпыя демонстраціи устраивать? И, наконецъ, какое право мы имѣемъ враждовать противъ правительства, которое на свой счетъ содержитъ этотъ самый университетъ? И ты, коли ужъ на то пошло, какъ стипендіатъ, имѣешь на то всего менѣе права.

— Браво! Вотъ махнулъ!—отозвался Нестеренко.

Заволновались и прочіе. Перекатовъ сперва молча

уставилъ на Гришу свои недобрые глаза, и рѣзкія черты его большого лица стали какъ-то еще рѣзче. Потомъ онъ заговорилъ совсѣмъ низкимъ и тихимъ голосомъ, въ которомъ слышалось, однако, сдержанное негодованіе.

— Такъ я, по-твоему, продалъ себя правительству за ихъ грошевую стипендію, съ которою мнѣ, все-таки, почти голодать приходится!? И ты говоришь, что это казенныя деньги. А кто, позволь узнать, эти деньги платитъ казнѣ, какъ не тотъ самый народъ, за который мы только и стоимъ вполнѣ искренно?!

— Правда, правда!—закричали прочіе.

— Ну, а ваше мнѣніе на этотъ счетъ какое будетъ?—снова обратился къ Леонтію Перекатовъ.—Вторично заявляю вамъ, что вы что-то необыкновенно молчаливы сегодня.

Леонтій до сихъ поръ совсѣмъ не участвовалъ въ спорѣ. Онъ былъ вообще не словоохотливъ и на сходкахъ говорилъ очень рѣдко. Но за то когда ему случалось что-нибудь сказать, онъ производилъ впечатлѣніе на слушателей. Онъ владѣлъ словомъ превосходно. И потому, можетъ быть, что не злоупотреблялъ этимъ природнымъ даромъ, онъ пользовался среди товарищей большимъ вліяніемъ. За все четыре года своей университетской жизни онъ въ исторіи не попадался ни единаго раза, что популярности его, однако, ни чуть не мѣшало. Онъ слылъ за человѣка вполнѣ закаленнаго въ своихъ передовыхъ убѣжденіяхъ. И чѣмъ рѣже онъ ихъ проявлялъ на словахъ, тѣмъ охотнѣе вѣрили въ ихъ искренность и глубину. Ему прощалось даже старательное изящество внѣшности, доходившее почти до щегольства. Леонтій былъ очень хорошъ собой, не слишкомъ высокій ростомъ, но сложенъ на славу. Черты у него были правильныя и какъ-то законченныя не по лѣтамъ. Черные волосы, которые онъ носилъ довольно длинными, ровно и мягко ложились вокругъ его высокаго бѣлаго лба. На всемъ его лицѣ, въ особенности же въ

глубокихъ карихъ глазахъ, читалось полное самообладанiе, за которымъ какъ-то невольно чувствовалась страстная, но сдерживаемая сила.

— Я согласенъ съ мнѣнiемъ Непрядвина,—заговорилъ онъ теперь, увидавъ, что уклоняться болѣе нельзя,—но совсѣмъ не согласенъ съ его доводами.—На сходку идти не слѣдуетъ,—онъ на мигъ остановился какъ бы затѣмъ, чтобы удвоить вниманiе слушателей,—конечно, не потому, что мы чѣмъ-либо обязаны передъ властью... Это нечаянно, должно быть, вырвалось у Гриши,—снисходительно добавилъ онъ.—И самъ онъ своихъ словъ теперь навѣрное стыдится.

— Ни чуть не стыжусь!—горячо возразилъ Гриша.

— Не потому также,—медленно продолжалъ Леонтiй, не обращая вниманiя на восклицанiе прiятеля,—мы должны отказаться отъ сходки, что мы чего-либо боимся, это кажется не въ нашихъ привычкахъ. Но безполезно жертвовать кѣмъ-либо изъ насъ,—вѣдь кто знаетъ, чѣмъ можетъ кончиться эта исторiя,—не слѣдуетъ никогда, потому что это значило бы преграждать самимъ себѣ дальнѣйшiй путь. Вѣдь что бы мы ни сдѣлали, нашъ теперешнiй протестъ ни для кого не страшенъ. Настоящая борьба для насъ начнется послѣ. И для нея мы должны себя приберечь. Вѣдь изъ тѣхъ, кого теперь сошлютъ, пожалуй, за то, что они погорячились на сходкѣ, могли бы впослѣдствiи выйти люди съ крупнымъ талантомъ и съ большимъ влiянiемъ. Вотъ эти таланты, это влiянiе и должны послужить конечной цѣли. Какая это была цѣль, Леонтiй не счелъ нужнымъ высказать.—А тратить ихъ по мелочамъ на безполезныя манифестацiи (тутъ голосъ его вдругъ упалъ, и онъ снова на мигъ прiостановился) виноватъ господа, это просто глупо!

Слова Леонтiя были, въ сущности, выраженiемъ благоразумной осторожности. Но они ни съ чьей стороны негодованiя не возбудили: до того всѣ были увѣрены въ непоколѣбимомъ радикализмѣ молодого Радугина. Одинъ

только косноязычный еврей Бауманъ что-то пробормоталъ о „по...по...степеновцахъ...“

— Пожалуй, вы и правы!—сказалъ Перекатовъ.—А на сходку я все-таки пойду, потому что, во-первыхъ, это рѣшено, а во-вторыхъ, я-то за свою шкуру не боюсь. Ну, а теперь, такъ какъ всего еще девять часовъ, я поговорю съ Непрядвинымъ, такъ какъ онъ, повидимому, упорствуетъ.

— Ну, а что-жъ чаю?—спросилъ опять Нестеренко.

Герасимъ какъ разъ въ эту минуту явился съ подносомъ. Всѣ разсѣлись и принялись за чай. Одинъ Гриша забылъ про свой голодъ, совсѣмъ увлекшись горячимъ споромъ съ Перекатовымъ. Не прошло и десяти минутъ, и они, какъ водится, совершенно забыли настоящій предметъ этого спора и перешли на широкую неистощимую тему общихъ вопросовъ. Русскій умъ, извѣстное дѣло, особенно въ молодые годы, никакъ не можетъ удержаться въ опредѣленныхъ рамкахъ; его тянетъ въ ширь, словно онъ похожъ на степной вѣтеръ, свободно несущійся по раздолью русскихъ полей.

Леонтію скоро надоѣло слушать и онъ объявилъ, что идетъ къ отцу передать ему просьбу товарищей. Петръ Кирилловичъ жилъ въ томъ же домѣ, но двумя этажами выше. Черезъ нѣсколько минутъ Леонтій вернулся и привелъ съ собою отца. Они встрѣтились на лѣстницѣ.

— Я готовъ исполнить ваше желаніе, господа!—сказалъ Петръ Кирилловичъ, поочередно здороваясь со всѣми молодыми людьми.—Сегодня же поѣду къ попечителю. Надѣюсь, мнѣ удастся это уладить. Я всегда радъ случаю послужить молодежи тѣмъ небольшимъ вліяніемъ, какимъ я, можетъ быть, пользуюсь.

Радугинъ всегда отличался среди профессоровъ особымъ радушіемъ въ своихъ отношеніяхъ къ студентамъ, правда, нѣсколько приправленнымъ торжественностью. Это радушіе заслужило ему общую признательность, хотя и знали по опыту, что заступничество Петра Кирил-

ловича далеко не всегда бывало увѣнчано успѣхомъ. Ему, впрочемъ, не разъ уже пришлось извѣдать на дѣлѣ, какъ неустойчива иная популярность. Когда въ 1862 году, во время закрытія университета послѣ осеннихъ безпорядковъ начались лекціи въ городской думѣ, Петръ Кирилловичъ принялъ въ нихъ живое участіе, и на его чтеніяхъ толпилась самая разношерстная молодежь. Но, увы, когда случилось извѣстное происшествіе съ профессоромъ Павловымъ, было кѣмъ-то рѣшено, что въ отместку за то истинно передовые люди должны отказаться и отъ вольной науки, и наложить на себя какой-то умственный постъ; и когда Радугинъ, вопреки этому рѣшенію, захотѣлъ продолжать свои лекціи, его освистали, какъ самаго послѣдняго обскуранта, а на его честную либеральную голову изъ толпы посыпались даже гнилыя яблоки. Но это временное отлученіе отъ передовой церкви не охладило Петра Кирилловича и не потрясло его вѣры въ благоразуміе русской молодежи.

— Но я со своей стороны,—продолжалъ онъ,—обращусь къ вамъ, господа,—я не скажу съ совѣтомъ, въ совѣтахъ вы не нуждаетесь,—а съ покорнѣйшею просьбой.

Онъ усѣлся и на мигъ замолкъ, обводя слушателей глазами: Радугинъ не переставалъ быть ораторомъ при самой простой бесѣдѣ.

— Вотъ моя просьба господа: откажитесь отъ задуманной вами сходки; постарайтесь убѣдить своихъ товарищей ея не собирать вовсе.—Его слушали въ гробовомъ молчаніи.—Я далекъ отъ мысли отрицать ваше право на самоуправленіе. Оно принадлежитъ вамъ, какъ передовой части русскаго общества. Но, къ сожалѣнію, оно пока не признано закономъ, и вашъ долгъ, какъ передовыхъ русскихъ гражданъ, подчиниться этому закону, несмотря на всю его несправедливость. Помните, господа, что соблюденіе законности и со стороны власти, и со стороны гражданъ—самая прочная основа для преуспѣванія въ разумной свободѣ.

Ему не возражалъ никто. И Петру Кирилловичу стало чуть-чуть неловко.

— Леонтій!—обратился онъ къ сыну,—мнѣ надо сказать тебѣ пару словъ. Виноватъ, господа, я долженъ спѣшить на засѣданіе совѣта.

Сказавъ это, онъ всталъ и увелъ сына въ сосѣднюю комнату.

— Скажи, пожалуйста,—началъ онъ, запирая за собою дверь, — какъ ты думаешь, убѣдилъ я ихъ? Надѣюсь...

— Не знаю, право!—стараясь не смотрѣть на отца, отвѣтилъ Леонтій. — Мнѣ кажется, все-таки будетъ сходка.

Петръ Кирилловичъ помолчалъ, очевидно, разочарованный отвѣтомъ сына.

— И опять выйдетъ исторія,—заговорилъ онъ снова съ тревогой на лицѣ,—и опять изъ-за этого пострадаютъ многіе... Но ты, по крайней мѣрѣ, не ходи туда... Ты наканунѣ выхода. Ты можешь испортить всю свою будущность. Я знаю, тяжело отставать отъ товарищей, но что же дѣлать, когда надъ всѣмъ господствуетъ этотъ гнетъ... Дай мнѣ слово, Леонтій!

Молодой Радугинъ подумалъ, что плохо же знаетъ его отецъ, коли за него боится. „Вотъ стану я, сказалъ онъ себѣ, наканунѣ экзаменовъ подвергать себя риску изъ-за какого нибудь Вулича...“

— Даю тебѣ слово!—проговорилъ онъ такимъ голосомъ, какъ будто приносилъ отцу великую жертву.

Петръ Кириллловичъ Радугинъ души не чаялъ въ сынѣ. На немъ одномъ сосредоточивались всѣ надежды его жизни, послѣ того, какъ его бросила, и бросила самымъ обиднымъ, жестокимъ образомъ, красавица жена, на которую Леонтій былъ необыкновенно похожъ. Она тайкомъ уѣхала съ приглянувшимся ей провинціальнымъ актеромъ, не оставивъ мужу ни строчки на прощанье. Петра Кирилловича это несчастіе сразило. Онъ мигомъ постарѣлъ, осунулся, но остался по-прежнему

горячимъ сторонникомъ женской эмансипаціи и сохранилъ твердую вѣру въ высокія качества русской женщины. Сыну онъ посвятилъ всѣ свои немногіе свободные часы, стараясь вдохнуть въ него всю свою безкорыстную любовь къ человѣчеству и весь свой добродушный, нѣсколько мечтательный либерализмъ. А когда Леонтій выросъ и поступилъ въ университетъ, отецъ щедро удѣлилъ ему бо̀льшую половину изъ своихъ небогатыхъ средствъ. И Леонтій, котораго природа не обдѣлила способностями, могъ на ряду съ усерднымъ посѣщеніемъ лекцій втихомолку ублажать всѣ прихоти своей на видъ только холодной, а на самомъ дѣлѣ сластолюбивой натуры.

Петръ Кирилловичъ сѣлъ и ладонью усиленно потеръ себѣ лобъ. То, что онъ собирался еще сказать, видимо, его нѣсколько смущало: втайнѣ онъ немного робѣлъ передъ сыномъ, въ которомъ онъ чувствовалъ присутствіе воли гораздо болѣе сильной, чѣмъ его собственная.

— Вчера вечеромъ у графини Брунендорфъ,—заговорилъ онъ опять,—я видѣлся съ Коловратскимъ. Мы толковали о многомъ, и, между прочимъ,—онъ слегка запнулся,—о тебѣ. Ты знаешь, какъ я ненавижу всякое заискиванье, но Коловратскій совсѣмъ не такой человѣкъ, какъ прочіе. У него не только свѣтлая голова, но вполнѣ просвѣщенное, даже передовое направленіе.

Петръ Кирилловичъ опять остановился, какъ бы выжидая, что сынъ что-нибудь возразитъ, но Леонтій попрежнему молчалъ. Слова отца не вызывали въ немъ, повидимому, никакого отголоска.

— Я узналъ изъ вѣрнаго источника, что назначеніе Коловратскаго состоится. И мнѣ кажется, что еслибы тебѣ пришлось служить подъ начальствомъ такого человѣка, для тебя это, пожалуй, было бы даже лучше, чѣмъ идти по адвокатурѣ. Я упомянулъ про это, разумѣется, вскользъ, но Коловратскій мнѣ тотчасъ отвѣтилъ, что возьметъ тебя съ величайшимъ удовольствіемъ.

Радугинъ посмотрѣлъ на сына, какъ бы прося у него извиненія за свою заботливость объ его будущей карьерѣ. Онъ, повидимому, ожидалъ запальчиваго отвѣта. Между ними давно было признано, что всякая мысль о карьерѣ, а тѣмъ болѣе о протекціи, недостойна ихъ передовыхъ взглядовъ. Но Леонтій не выказалъ никакого негодованія. Онъ плохо вѣрилъ въ умѣнье отца что-либо устроить въ практическихъ вопросахъ жизни, а въ либерализмъ Павла Александровича онъ не вѣрилъ даже вовсе. Но какое ему было дѣло до образа мыслей Коловратскаго?! И если этому умному человѣку въ самомъ дѣлѣ удастся занять видный постъ, начать службу подъ его руководствомъ будетъ даже очень пріятно. Это, въ самомъ дѣлѣ, даже лучше адвокатуры, такъ какъ, вѣдь, званіе присяжнаго повѣреннаго дается только послѣ долгаго искуса. „И отчего отецъ какъ будто стыдится своего предложенія?“ подумалъ онъ. „Неужели онъ воображаетъ, что я изъ какихъ-то принциповъ откажусь отъ выгодной протекціи?“

— Я подумаю о томъ, что ты сказалъ,—отвѣтилъ онъ отцу.—Теперь это не къ спѣху: Коловратскій пока не назначенъ.

— Конечно, конечно!.. я тебя не тороплю!—живо возразилъ Петръ Кирилловичъ, очень довольный уступчивостью сына.

Когда оба Радугина вернулись въ первую комнату, они застали тамъ одного Гришу, допивавшаго стаканъ чаю. Остальные ушли.

— Стало быть, сходка все-таки состоится?—спросилъ у Гриши Петръ Кирилловичъ.

— Что дѣлать!? Ихъ не уломаешь,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Бился я съ ними, сколько могъ, доказывалъ...

Петръ Кирилловичъ махнулъ рукой и уѣхалъ на засѣданіе совѣта.

— А ты не пойдешь?—спросилъ Гриша у Леонтія, оставшись съ нимъ вдвоемъ.

— Конечно, нѣтъ. И охота тебѣ съ этими олухами время терять въ пустыхъ разсужденіяхъ?! Пусть себѣ болтаютъ чепуху, да лѣзутъ подъ петлю...

Гриша широко раскрылъ удивленные глаза.

— Я хотѣлъ ихъ убѣдить, потому что я съ ними въ принципѣ не согласенъ.

— Э, причемъ тутъ принципы!..

Изумленіе Гриши все росло.

— Да какой ты странный сегодня!—воскликнулъ онъ. —Ты, вѣдь, всегда имъ сочувствовалъ! Ты, вѣдь, такой же радикалъ, какъ и они?

— Ну, что-жъ изъ этого, что я радикалъ?—Леонтій глядѣлъ на товарища пристальными, не смущающимися глазами.

— Съ какого-же права ты ихъ олухами называешь? Я вотъ расхожусь съ ними во многомъ, ихъ взгляды мнѣ не симпатичны, но сами они честные и хорошіе люди. И меня часто беретъ раздумье, не ошибаюсь ли я, не соглашаясь съ ними. А ты, стоящій на той же почвѣ, какъ и они...

— Эхъ, мой милый!—засмѣявшись, перебилъ его Леонтій.—Дѣло тутъ очень незамысловатое. То, что зовется радикализмомъ, это просто безъ мудреныхъ словъ желаніе образованныхъ людей, которымъ теперь закрыты пути вверхъ... ну, понимаешь! — себѣ эти пути завоевать. Но развѣ сходками тутъ поможешь? Повѣрь мнѣ, сотни манифестацій не сдѣлаютъ и десятой доли того, чего можетъ достигнуть одинъ изъ нашихъ, если когда-нибудь въ его рукахъ будетъ власть. А для этого пока надо держать языкъ за зубами.

Леонтій прежде никогда такъ прямо не высказывался передъ Гришей. Но теперь онъ уже не считалъ нужнымъ стѣсняться. Всегда настаетъ минута, когда хочешь сбросить съ себя надоѣдливую маску, а порой ощущаешь какое-то ѣдкое наслажденіе въ откровенномъ цинизмѣ. Гришу такъ огорошили слова товарища, что онъ не повѣрилъ въ ихъ искренность и счелъ ихъ за дрян-

ненькое хвастовство. Но съ этой минуты въ его душу незамѣтно вкралось полусознательное недовѣріе къ Леонтію. И прежде настоящей, полной дружбы между ними не было. Впечатлительную, порывистую натуру Гриши часто коробила сдержанность молодого Радугина. Въ самыхъ горячихъ словахъ Леонтія всегда слышалась какая-то затаенная холодность, какъ ледокъ иногда таится на днѣ проталины. Но теперь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ порвалась еще одна лишняя струна.

Гриша ушелъ въ свою комнату, чтобы переодѣться. Пока онъ былъ этимъ занятъ, къ дому подъѣхали дрожки, и Леонтій, выглянувъ въ окно, тотчасъ узналъ сидѣвшаго на нихъ очень еще молодого человѣка.

— Непрядвинъ! приходи скорѣй!—крикнулъ онъ товарищу сквозь растворенную дверь.—Къ тебѣ явился твой вѣрный ученикъ и послѣдователь, Паша Коловратскій. А я не намѣренъ сего юнаго птенца занимать.

Тѣмъ не менѣе, когда Гриша, умывшись и перемѣнивъ платье, спустя нѣсколько минутъ вернулся, онъ засталъ обоихъ молодыхъ людей въ самой оживленной бесѣдѣ. Къ его удивленію, Леонтій выказывалъ даже особую предупредительность молодому Коловратскому. Паша, котораго онъ назвалъ ученикомъ Гриши, въ самомъ дѣлѣ относился къ своему старшему товарищу съ такимъ же поклоненіемъ, какое было въ отношеніяхъ Непрядвина къ его другу Юрію. На видъ Паша былъ еще совершенный мальчикъ. Странно глядѣла его слишкомъ большая голова съ рѣдкими, вьющимися темно-каштановыми волосами на маленькомъ, худощавомъ тѣлѣ. Она словно гнулась на тонкой шеѣ, какъ у иныхъ растеній гнутся на тонкихъ стебляхъ черезчуръ крупные цвѣты. Черты его блѣднаго лица были мягкія, но имъ не доставало жизни и движенія. А на впалыхъ щекахъ часто вспыхивалъ болѣзненный румянецъ. Въ восемнадцать лѣтъ Паша Коловратскій носилъ уже признаки ранняго увяданія. За то его большіе, задумчивые,

сѣрые глаза порой оживлялись, даже блестѣли. Въ ихъ выраженіи, сосредоточенномъ и серьезномъ не по лѣтамъ, будто пріютилась вся жизненная сила юноши. Не весело прошли его дѣтскіе годы; добрая ихъ половина протекла въ борьбѣ слабаго организма съ цѣлымъ рядомъ недуговъ. Физическая немощь и жизнь взаперти рано пріучили къ работѣ его мысль, и Паша, мало водившійся съ товарищами, знавшій Божій міръ почти только изъ книгъ, въ восемнадцать лѣтъ совмѣщалъ въ себѣ дѣтское незнаніе людей и способность глубоко задумываться надъ самыми мудреными, отвлеченными вопросами.

— Я къ вамъ съ просьбой, Непрядвинъ,—заговорилъ онъ, увидавъ Гришу, и на лицѣ его блеснула радостная, хоть и робкая улыбка.—Приходите къ намъ нанняхъ отобѣдать. Вы вчера познакомились съ отцомъ и сестрой, и отецъ поручилъ мнѣ васъ пригласить.

Леонтій вскинулъ глазами на Гришу. „Ага, подумалъ онъ, ты мнѣ не сказалъ про это новое знакомство. Воды не замутитъ, а, вѣдь, тоже малый не промахъ, знаетъ, гдѣ раки зимуютъ". Леонтій дорого бы далъ, чтобы стать на короткую ногу съ домомъ Коловратскихъ. И не потому только, что онъ нуждался въ Павлѣ Александровичѣ. Проходя разъ по Невскому съ его старшимъ сыномъ, Викторомъ, съ которымъ онъ былъ на довольно пріятельской ногѣ, онъ случайно встрѣтилъ Нелли, и молодая дѣвушка ему сразу приглянулась.

— Я думаю, это будетъ трудно сдѣлать,—отвѣтилъ Гриша.—Я черезъ три дня уѣзжаю въ деревню... Ты, кажется, собирался куда-то?—обратился онъ къ Леонтію, присутствіе котораго почему-то какъ разъ теперь ему было не особенно пріятно.

— Нѣтъ, ничего! я посижу,—отозвался тотъ, закинувъ ногу на ногу.

Гриша быстро на него взглянулъ и тотчасъ подмѣтилъ въ глазахъ Леонтія сдержанную насмѣшку.

— Что-жъ, въ три дня это можно будетъ устроить,—

настаивалъ Паша.—Мнѣ такъ бы хотѣлось, чтобы вы стали у насъ бывать и кое-что мнѣ надо показать вамъ.

При этихъ словахъ онъ чуть-чуть покраснѣлъ.

— Я увѣренъ, что это стихи!—разсмѣялся Леонтій.

Румянецъ на щекахъ Паши тотчасъ исчезъ, и его блеснувшіе глаза почти враждебно взглянули на Леонтія.—Что-жъ тутъ смѣшного,—сказалъ онъ,—что я пишу стихи?! Вы, вѣдь, сами ихъ пишите.

— Я—другое дѣло. У меня это такъ, мимоходомъ, въ свободныя минуты. Да и мотивы, я думаю, у меня не тѣ, что у васъ.

— Гражданскіе, конечно,—отвѣтилъ Паша и тотчасъ отвернулся.

Тихій и робкій юноша ощущалъ какую-то болѣзненную, почти гнѣвную обидчивость, когда кто-нибудь подсмѣивался надъ его стихотворствомъ.—Что-жъ дѣлать? Каждый пишетъ по-своему!—добавилъ онъ и тотчасъ обратился къ Гришѣ.—Да, и не одни тутъ стихи. Мнѣ про многое надо бы съ вами переговорить. Мнѣ, право, кажется, любая мысль никогда для меня не становится такъ ясна, какъ послѣ разговора съ вами.

— А теперь, сейчасъ, развѣ нельзя?—опять вмѣшался Леонтій.

— Мнѣ надо спѣшить домой: мать не совсѣмъ здорова.—Это, очевидно, была отговорка, вызванная нежеланіемъ говорить въ присутствіи Леонтія.

Гриша обѣщалъ быть у Коловратскихъ наканунѣ своего отъѣзда. Паша хотѣлъ тутъ же уйти,—ему всегда было какъ-то неловко, когда въ его бесѣду съ Гришей вмѣшивался посторонній,—но Леонтій его остановилъ.

— А вы вдвоемъ все будете до самой настоящей сути допытываться?—спросилъ онъ.—Такъ сказать до корня всѣхъ корней?

Онъ зналъ, что молодой Коловратскій страстный охотникъ до безконечныхъ философскихъ бесѣдъ. Да кто, впрочемъ, въ юные годы не питалъ несбыточной надежды, что ему именно суждено, наконецъ, раскрыть

ту настоящую, полную истину, которая упорно не дается человѣческому уму?

— А вы,—отвѣтилъ Паша, почти грустно взглянувъ на Леонтія своими задумчивыми глазами,—развѣ никогда не чувствовали потребности добраться до этой сути, выйти изъ этой томящей условности?

— Съ меня довольно и того, что на землѣ происходитъ,—сказалъ Леонтій.—Ни въ небеса я не стремлюсь. ни подъ землей не люблю рыться.

Паша хотѣлъ что-то возразить, но только повелъ плечами и простился съ Гришей. Леонтію онъ холодно, какъ бы нехотя протянулъ руку.

Оставшись вдвоемъ, товарищи нѣсколько минутъ промолчали. Леонтій что-то насвистывалъ, думая про себя, что какъ онъ ни старается, а все у него съ Пашей Коловратскимъ выходятъ какія-то стычки. „Совсѣмъ это даже глупо!“ говорилъ онъ самому себѣ. „Съ мальчишкой не умѣю сладить... Ну, да ничего: познакомлюсь я съ ними черезъ Виктора. Съ нимъ я уживаюсь отлично, хоть онъ, положимъ, совершенная дрянь...“

Викторъ былъ очень не глупый малый, но обѣщалъ современемъ стать изряднымъ шелопаемъ, такъ какъ уже въ девятнадцать лѣтъ онъ обнаруживалъ иной разъ безстыдство и цинизмъ стараго повѣсы, закаленнаго въ развратѣ.

— А что, Гриша,—вдругъ заговорилъ Леонтій,—ты вчера познакомился съ сестрой этого юнаго философа. А она, говорятъ, прехорошенькая?

— Да, какое тебѣ дѣло,—сердито оборвалъ его тотъ,— хорошенькая она или нѣтъ?! И, сказавъ это, онъ вышелъ. громко хлопнувъ дверью. „Очень хорошо, принялся онъ разсуждать самъ съ собою, что я уберусь отсюда черезъ три дня. По крайней мѣрѣ не буду вдвоемъ жить съ этимъ Радугинымъ. И когда я вернусь, я дамъ ему почувствовать. что мы совсѣмъ ужъ не такіе закадычные друзья...“ Гриша въ эту минуту позабылъ, какъ горячо онъ заступался наканунѣ за того же Леонтія передъ Юріемъ Двинскимъ.

IV.

Въ кабинетѣ Владиміра Валерьяновича Столѣнина собралось нѣсколько мужчинъ, его пріятелей, или вѣрнѣе пріятелей его дома, такъ какъ съ неодушевленными предметами въ этомъ домѣ, съ мебелью и съ кухней, они были по меньшей мѣрѣ такъ же дружны и близки, какъ и съ самимъ хозяиномъ. Только-что пробило три, недавно отзавтракали, Марья Борисовна ушла къ себѣ переодѣваться, предоставивъ гостей въ распоряженіе мужа. Это были люди самаго разнообразнаго возраста и положенія въ обществѣ, и тѣмъ не менѣе, всѣ они находились, повидимому, въ самыхъ короткихъ товарищескихъ отношеніяхъ. Никто изъ нихъ другъ передъ другомъ не стѣснялся. Разговоръ не блисталъ оживленіемъ. Онъ большею частью состоялъ изъ отрывочныхъ словъ и восклицаній, будто всѣми овладѣла какая-то пресыщенная лѣнь отъ ѣды и сопровождавшей ее пряной болтовни. Тутъ былъ принцъ Эрнстъ Гольштейнъ-Брайтенбургскій, состоявшій въ родствѣ со многими царствующими домами; онъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ въ разстегнутомъ сюртукѣ и занимался перелистываніемъ альбома съ фотографическими карточками. На кавказской тахтѣ полулежалъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Борисоглѣбскій, гвардейскій полковникъ, рослый, красивый мужчина, съ усталымъ выраженіемъ, курившій огромную сигару. Медленно выпуская изо рта кольца и полузакрывъ глаза, онъ перекидывался немногими словами съ кавалергардскимъ корнетомъ Стрѣшневымъ, юношей, у котораго едва пробивался надъ губой пушокъ. Онъ стоялъ возлѣ князя, опираясь колѣномъ на тахту и по временамъ смѣялся совсѣмъ еще дѣтскимъ смѣхомъ. Господинъ Пестряцовъ тяжело погрузился въ широкое кресло: пищевареніе вызвало въ немъ наклонность къ дремотѣ. Тутъ были, наконецъ, двое господъ довольно сомнительной репутаціи, усердные посѣтители

всѣхъ домовъ, гдѣ много и хорошо кормили. Одинъ изъ нихъ, извѣстный острякъ, баронъ Гейзенъ, имѣвшій на вѣку съ полдюжины сквернѣйшихъ исторій, но тѣмъ не менѣе всюду принимаемый въ качествѣ забавнаго прихлебателя, прекрасно исполнявшаго всевозможныя шансонетки, разсказывалъ принцу какое-то необыкновенно скандальное происшествіе. Другой, Иванъ Ивановичъ Сабанѣевъ, по происхожденію чистокровный замоскворѣцкій купчикъ, какимъ-то чудомъ втерся въ общество золотой молодежи, за то, вѣроятно, что съ невозмутимою покорностью терпѣлъ отъ нея всевозможныя униженія. Его необыкновенно плоское лицо, черты котораго будто забыли додѣлать, всегда послушно вторило чужому смѣху, даже когда предметомъ этого смѣха былъ онъ самъ. Деньги за нимъ водились большія и протиралъ онъ имъ глаза съ необыкновеннымъ ухарствомъ. Его рысаки славились въ Петербургѣ, и тароватo расплатиться за роскошный ужинъ ему доставляло очевидное наслажденіе, когда въ такомъ ужинѣ принималъ участіе кто-нибудь изъ „настоящихъ“. И теперь онъ хвастался передъ Столѣниномъ однимъ изъ такихъ Лукулловскихъ пировъ, устроенныхъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ честь одной театральной знаменитости. Прихлебателемъ въ барскихъ домахъ онъ былъ не изъ нужды, конечно, а изъ тщеславія.

— Что же князь,—обратился онъ вдругъ къ Борисоглѣбскому,—когда же мы учинимъ встрѣчу Двинскому? Кажется, рѣшено было завтра?

— Завтра,—отрѣзалъ тотъ,—друзья его даютъ ему ужинъ, но про васъ, кажется, и рѣчи не было.

Стрѣжневъ громко разсмѣялся.

— Вы все шутите, князь!—осклабился Сабанѣевъ.— Я вѣдь тоже очень радъ...

— Ну, и ступайте къ Двинскому и пригласите его.

— А ты знаешь, Борисоглѣбскій,—подхватилъ Столѣнинъ,—какую съ нимъ на-дняхъ выкинули штуку. Онъ все собирался показать намъ свою новую пассію, кото-

рой онъ такъ хвастаетъ. Пристаетъ онъ съ этимъ вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ, позвалъ онъ на это торжество Пестряцова, Кравскаго, Албанова, меня... словомъ пропасть народа...

— Ну?..

— И задалъ, конечно, пиръ горой. А мы въ послѣднюю минуту порѣшили, что будетъ тамъ скука смертная, и оставили его вдвоемъ веселиться со своею возлюбленною. Говорятъ, она такъ на него взбѣсилась, что теперь знать его не хочетъ.

— Нѣтъ, это не правда, не правда! защищался Сабанѣевъ среди общаго хохота.

— Столѣнинъ, что вы все пристаете къ бѣдному Ивану Ивановичу? Это скучно наконецъ!—слегка шепелявя, сказалъ принцъ.—Послушайте-ка лучше, что мнѣ разсказываетъ Гейзенъ.

— Что такое, ваше высочество?—подошелъ къ нему Столѣнинъ.

— Что вы это нарочно,—продолжалъ принцъ, указывая на двѣ фотографіи въ альбомѣ,—такъ у себя карточки попарно размѣстили, чтобы всѣмъ понятно было? Это даже неприлично! Вотъ Гейзенъ увѣряетъ, что графиня Тата...

— Что такое, что такое?—живо вставая спросилъ Борисоглѣбскій.

— Нѣтъ, князь, вы не подходите! пряча отъ него альбомъ, засмѣялся принцъ. — Это до васъ не касается.

— Слишкомъ касается!—шепотомъ вставилъ баронъ.

— Неужели это правда?—продолжалъ вполголоса принцъ, обращаясь ко Столѣнину.—И она тоже, стало-быть... Онъ наклонилъ къ себѣ голову Столѣнина и продолжалъ уже шепотомъ, поводя смѣющимися глазами на Борисоглѣбскаго.—Такъ это правда? Еще одну, стало быть, вонъ изъ списка честныхъ женщинъ.

Честною женщиной графиня Татьяна Викторовна, или, какъ всѣ ее называли Тата Блонская, могла назы-

ваться развѣ потому, что она за послѣдніе три года оставалась вѣрною одной и той же, хотя и незаконной привязанности. Про эту связь, которой она теперь только-что измѣнила, зналъ рѣшительно весь городъ.

— А что же мужъ? продолжалъ спрашивать принцъ.

— Мужъ хлопаетъ ушами, благо они у него длинныя,—сказалъ Гейзенъ вполголоса.—Да и не все ли ему равно, кто исправляетъ его должность.

— Пестряцовъ заснулъ, посмотрите, совсѣмъ заснулъ!—Принцъ кинулъ альбомъ на столъ и всталъ.—Какъ жаль, что онъ не женатъ! Онъ бы тоже проспалъ свою жену.

— Я проспалъ... какую жену?—вдругъ проснулся Пестряцовъ и скорчилъ необыкновенно смѣшную физіономію.

— Вы невозможны, Пестряцовъ! Зачѣмъ, скажите пожалуйста, васъ принимаютъ въ порядочныхъ домахъ? Марья Борисовна васъ не дождалась и уѣхала.

— Какъ уѣхала?! Пестряцовъ вскочилъ на ноги. За завтракомъ было рѣшено, что Мери, собиравшаяся прокатиться, возьметъ Пестряцова съ собой.

— Успокойтесь! Она дома. Только вы рѣшительно никуда не годитесь, Пестряцовъ! Пора вамъ въ старики записаться. Принцъ всталъ, застегнулъ сюртукъ и принялся опоясываться палашомъ. — Вы, стало-быть, на лѣто въ деревню, Столѣнинъ?—сказалъ онъ, надѣвая фуражку и прощаясь съ хозяиномъ дома.—Неужели на все лѣто?!

— Что дѣлать! Надо исполнить свои обязанности. Quand on est père de famille et propriétaire...

— Ну, хорошій вы отецъ семейства, нечего сказать! И хозяинъ, я думаю, тоже вы отличный! Ну, до свиданья. Господа, до свиданья!

Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Онъ поклонился имъ разомъ, приложивъ руку къ козырьку, и вышелъ въ сопровожденіи Столѣнина.

Проведя принца до лѣстницы, Владиміръ Валеріа-

новичъ хотѣлъ вернуться къ гостямъ, но дверь въ переднюю отворилась и быстрыми легкими шагами изъ корридора вышла стройная дѣвочка лѣтъ тринадцати въ коротенькомъ платьицѣ и въ высокихъ ботинкахъ. Она была, видимо, чѣмъ-то смущена, подходя къ Столѣнину.

— Что такое, Олли? спросилъ Владиміръ Валеріановичъ.

— Папа!—немного пугливо заговорила она, хотя робость вовсе не была въ ея нравѣ,—меня къ вамъ мама прислала. Учитель музыки сейчасъ уходитъ, сегодня десятый урокъ и... и...

— Ну, чтожъ? нетерпѣливо спросилъ ее отецъ, хватаясь за ручку двери въ кабинетъ.

— У мама нѣтъ денегъ, она сказала, что вы заплатите.

— А чтожъ она думаетъ, у меня онѣ есть?! рѣзкимъ тономъ проговорилъ Столѣнинъ. Но замѣтивъ краску, показавшуюся на лицѣ дочери, онъ добавилъ болѣе мягкимъ тономъ.—Ну, все равно, въ слѣдующій разъ, послѣзавтра заплатимъ. И, сказавъ это, онъ поспѣшилъ скрыться.

Дѣвочка нѣсколько минутъ простояла на мѣстѣ какъ бы въ нерѣшительности. Она одна только въ домѣ и сознавала, можетъ быть, все уродливое противорѣчіе между роскошной обстановкой этого дома и постоянною невозможностью сдѣлать, когда было нужно, самую ничтожную уплату. Ее тяготила и мучила распущенность, какую она чуяла своимъ дѣтскимъ пониманіемъ во всей жизни родителей.

Олли, какъ ее называли, коверкая на англійскій ладъ русское имя Ольга, была въ томъ угловатомъ возрастѣ, когда подростающія дѣвочки, вышедшія изъ дѣтскихъ лѣтъ, утратили мягкую, округлую миловидность ребенка и не пріобрѣли еще изящной законченности очертаній. За то въ ея нѣжномъ, миловидномъ личикѣ, въ задумчивомъ изгибѣ ея твердо сложенныхъ

губъ, въ глубокихъ, темно-карихъ глазахъ было какое-то почти строгое выраженіе, совсѣмъ не свойственное ея лѣтамъ, оттого, можетъ быть, что рано сложившійся дѣтскій умъ привыкъ уже все обдумывать не по-дѣтски. Ее не только не баловали родители, они вполнѣ предоставляли ее самой себѣ, такъ какъ ея воспитательница, уроженка французской Швейцаріи, сухая и педантичная, могла внушить ей только отвращеніе къ себѣ и боязнь подѣлиться съ нею какою-либо изъ своихъ молодыхъ мыслей. И дѣвочка одиноко росла въ домѣ, всегда полномъ гостей, неслышно, какъ тѣнь, проходя по обширнымъ покоямъ этого дома и лишенная всякаго общенія съ людьми. Да она и не искала такого общенія. Обычные посѣтители родительскаго дома возбуждали въ ней какую-то пугливую непріязнь; словно ей чутье подсказывало, что въ этихъ людяхъ и была та враждебная сила, отъ которой такъ безпорядочно складывалась вся жизнь ея родныхъ.

Простоявъ минуты двѣ въ передней, куда сквозь запертыя двери кабинета доносился звукъ тяжелаго, грубоватаго хохота, Олли глубоко вздохнула и на-цыпочкахъ, словно она боялась, что ее услышатъ, вернулась черезъ корридоръ въ свою комнату, самую отдаленную и неуютную изо всѣхъ въ этомъ большомъ домѣ.

А въ кабинетѣ продолжался все тотъ же обмѣнъ плоскихъ шутокъ и замѣчаній, очевидно, успѣвшій всѣмъ надоѣсть, хотя, въ силу какой-то привычки, его не рѣшались прекратить. Одинъ хозяинъ дома не принималъ въ немъ участія. Онъ угрюмо сидѣлъ у письменнаго стола и, открывъ одинъ изъ его ящиковъ, принялся считать деньги, сложеныя въ пачки. Тутъ было три тысячи въ сторублевыхъ ассигнаціяхъ, припасенныя для уплаты карточнаго долга, по которому надо было разсчитаться непремѣнно въ этотъ же день. Владиміръ Валеріановичъ пошарилъ въ ящикѣ, какъ бы надѣясь тамъ отыскать что-нибудь, но болѣе не оказа-

лось ни копѣйки. Столѣнину было очень непріятно, что ему пришлось отказать дочери въ уплатѣ пятидесяти рублей учителю. Онъ все еще чувствовалъ на себѣ грустный, какъ бы укоряющій взглядъ дѣвочки, и смутное ощущеніе стыда шевелилось въ немъ. Онъ нетерпѣливо жевалъ окурокъ сигары, мысленно посылая къ чорту всѣхъ этихъ людей, очевидно, привыкшихъ смотрѣть на его домъ, какъ на какой-то трактиръ.

— Что ты въ свой ящикъ уткнулся и капиталы свои считаешь?—заговорилъ съ нимъ князь Борисоглѣбскій,— Точно Гейзена дразнишь! Онъ, навѣрно, сидитъ безъ гроша и собирается у тебя занять! А ты ему все-таки не дашь.

— Разумѣется, не дамъ, а сейчасъ въ клубъ поѣду, чтобъ Албанову заплатить, которому я третьяго дня проигралъ.

— А интересно было бы вычислить,—кисло засмѣялся Гейзенъ,—изъ-за какой дамы женатые мужчины болѣе разоряютъ своихъ женъ, la dame de pique ou la dame de coerr?

— Я думаю,—подхватилъ Борисоглѣбскій,—всего разорительнѣе оказываются свои собственныя, законныя жены.

— Тѣмъ болѣе, что онѣ разоряютъ не своихъ мужей только!—продолжалъ Гейзенъ.

Онъ опять принялся разсказывать какую-то очень пряную исторію, но въ комнату вошла Марья Борисовна, одѣтая для гулянья въ очень простое, но и въ очень нарядное свѣтлое фуляровое платье.

— Какъ, вы все здѣсь?!—остановилась она на порогѣ, натягивая свои длинныя шведскія перчатки.— Какъ хорошо, что мы черезъ недѣлю уѣзжаемъ, а то вы совсѣмъ привыкнете по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлать, сидя у насъ!

Она подошла къ письменному столу и достала папироску изъ стоявшаго въ немъ ящика.

— Вы находите, Марья Борисовна, что здѣсь еще не довольно накурено?—съ нѣкоторымъ нахальствомъ, спросилъ Борисоглѣбскій.

— Пожалуйста, не забывайтесь!—отвѣтила она.—Я терпѣть не могу противнаго запаха вашей сигары. Пестряцовъ, ѣдемъ! Вы, надѣюсь, выспались?!

Пестряцовъ быстро всталъ и засѣменилъ ножками, отыскивая свою шляпу.

— А ты что собираешься дѣлать?—обратилась Марья Борисовна къ мужу.

Я сейчасъ въ клубъ.

— Опять играть?! — она презрительно повела плечами.—Ну, да это твое дѣло! И, рѣзко повернувшись къ нему спиной, она обратилась къ Борисоглѣбскому. — Коли хотите, оставайтесь обѣдать, и вы Гейзенъ тоже.

Оба мужчины слегка поклонились.

— У насъ будетъ Двинскій. Васъ, Сабанѣевъ, я не приглашаю, а васъ Стрѣшневъ... нѣтъ, тоже не приглашаю. Будетъ Тата́ Блонская, въ которую вы влюблены, а влюбленные молодые люди невыносимы. Я васъ только потому и принимаю, что никто изъ васъ въ меня не влюбленъ. До свиданья!

И, сопровождаемая Пестряцовымъ, она вышла.

— Послушай, Столѣнинъ, ты себѣ уѣзжай, коли хочешь,—опять развалившись на тахтѣ, заговорилъ Борисоглѣбскій, — а мы здѣсь останемся. Жара сегодня страшная, и я не понимаю, какая твоей женѣ охота пыль глотать въ своей коляскѣ. И вотъ что я тебѣ скажу. Вели-ка разложить ломберный столъ и подать бутылку портвейна. До обѣда успѣемъ отыграть таліи три четыре въ quinze.

— На это, кажется, имѣется клубъ! недовольнымъ тономъ отозвался Столѣнинъ.

— Да, но туда надо ѣхать, а это скучно. Ну не ломайся и позвони!

Столѣнинъ не даромъ слылъ за отличнаго малаго. Онъ никогда не противился самымъ нелѣпымъ жела-

ніямъ своихъ товарищей; и вовсе не потому, чтобы онъ предъ ними пасовалъ; въ немъ просто было какое-то жалкое уступчивое добродушіе, не дававшее ему чувствовать всю уродливость порядковъ, установившихся въ его домѣ. Онъ позвонилъ и приказалъ камердинеру принести карточный столъ и вино, а самъ, спрятавъ деньги въ боковой карманъ, кивнулъ пріятелямъ головой и поспѣшилъ уйти.

На площадкѣ лѣстницы онъ былъ, однако, остановленъ поджидавшимъ его главнымъ жокеемъ его скаковой конюшни. Дюжій, румяный британецъ, съ рыжими бакенбардами, обкрадывавшій Столѣнина. съ невозмутимымъ достоинствомъ, объявилъ ему, что необходимо теперь-же выдать триста рублей на покупку овса, потому что кормъ весь вышелъ. Столѣнинъ вспылилъ. Съ самаго утра ему надоѣдали денежными просьбами и какъ бы на зло выбрали такой день, когда у него не было ни копѣйки.

— Удивительно скоро у васъ выходитъ овесъ!—сказалъ Столѣнинъ.

— Когда выходитъ, я вамъ докладываю сэръ!—съ хладнокровною дерзостью отвѣчалъ англичанинъ.—Если вы мною недовольны...

— Ну, хорошо! зайдите завтра утромъ: теперь вы видите, я тороплюсь!—оборвалъ Владиміръ Валеріановичъ, поспѣшно сбѣгая по ступенямъ.

Онъ терпѣть не могъ объясненій по денежнымъ дѣламъ и всячески отъ нихъ увертывался, готовый скорѣе заплатить лишнее, чѣмъ войти въ споръ и разбирать счеты. Столѣнинъ былъ очень богатый человѣкъ. Доходовъ съ имѣнія онъ получалъ слишкомъ восемьдесятъ тысячъ, но жизнь его какъ-то помимо воли сложилась такимъ образомъ, что расходы каждый годъ далеко переходили за эту цифру. И Владиміръ Валеріановичъ хорошо зналъ, что, какъ ни старайся онъ, этого положенія дѣлъ измѣнить невозможно. Въ первые годы своей женитьбы онъ много бился надъ цифрами,

старался урѣзывать расходы, но скоро убѣдился, что этого достичь нельзя и что причиной тому жена. И сказавъ себѣ это, онъ на все махнулъ рукой и разорялся съ легкимъ сердцемъ.

Когда, около семи часовъ, пріѣхалъ Двинскій, ему сказали, что Владиміра Валеріановича нѣтъ дома, а Марья Борисовна переодѣвается къ обѣду. За то въ кабинетѣ, куда его ввелъ лакей, гости въ отсутствіе хозяевъ все еще сидѣли за карточнымъ столомъ. Юрія встрѣтили съ громкими привѣтствіями, но онъ принялъ ихъ холодно, не думая скрывать брезгливаго чувства, вызваннаго у него азартною игрой, устроенною въ чужомъ домѣ среди бѣлаго дня. Гейзену и Сабанѣеву онъ едва протянулъ кончики пальцевъ: и того, и другого онъ рѣшительно не выносилъ.

— Сейчасъ кончимъ,—слегка конфузясь, объявилъ князь.—Мы съ барономъ этимъ молодымъ людямъ дали генеральное сраженіе.

По лицамъ Стрѣшнева и Сабанѣева не трудно было догадаться, что они потерпѣли рѣшительное пораженіе. И въ самомъ дѣлѣ у обоихъ значились очень крупныя записи.

— Ты, Стрѣшневъ, совсѣмъ играть не умѣешь! подводя итогъ своему выигрышу, по-отечески обратился къ младшему товарищу Борисоглѣбскій. — Вотъ Сабанѣева не жаль: онъ видалъ виды. А тебя грѣшно обыгрывать. Право, отстань!.,. Куда ты, Двинскій? спросилъ онъ у Юрія, направлявшагося къ двери.

— Марья Борисовна, кажется, вышла, — отвѣтилъ онъ. — Слышишь, кто-то на рояли играетъ. Это она должно-быть.

Изъ гостинной сквозь опущенныя занавѣси слабо доходили звуки Шопеновскаго вальса. Но за рояленъ Двинскій засталъ не Мери, а ея дочь. Увидавъ его, дѣвочка тотчасъ встала, остановивъ на немъ свой недовѣрчивый, пугливый взглядъ.

Юрій не подозрѣвалъ, что у Марьи Борисовны та-

кая большая дочь. Онъ быстро окинулъ дѣвочку взоромъ, удивленный тѣмъ явно недружелюбнымъ выраженіемъ, которое онъ прочелъ въ ея глазахъ. Одна изъ ея длинныхъ, темнокаштановыхъ косъ перекинулась черезъ плечо на грудь, когда она встала. Олли отбросила ее назадъ нетерпѣливымъ, почти рѣзкимъ движеніемъ.

— Продолжайте, пожалуйста!—ласково сказалъ Двинскій. — Я васъ послушаю съ удовольствіемъ: вы очень хорошо играете.

Но Олли рѣшительно отказалась и хотѣла уйти.

— Нѣтъ, останьтесь и давайте болтать!—удержалъ онъ ее. — Развѣ вы меня боитесь?

Голосъ его, должно быть, внушилъ ей довѣріе. Она стала ручною и снова присѣла, глядя на него уже безъ всякой враждебности. Минутъ черезъ пять въ сосѣдней комнатѣ послышался шелестъ платья, и въ гостинную вошла молодая женщина лѣтъ двадцати восьми, графиня Тата Блонская. Это была лучшая пріятельница Мери, ненавидѣвшая ее съ тою безпощадностью, съ какою обыкновенно ненавидятъ другъ друга свѣтскія пріятельницы. Миловидная, немного полненькая брюнетка, съ мягкими очертаніями плечъ, томными съ поволокой глазами, съ какою-то округленностью и въ лицѣ, и въ движеніяхъ, и въ маленькихъ, пухленькихъ ручкахъ, Тата Блонская ничуть не походила на Мери. У нея и слѣда не было той рѣзкости, которою любила щеголять Марья Борисовна. Ласковая, хоть и нѣсколько кошачья, улыбка почти не сходила съ ея лица и, касаясь въ разговорѣ самыхъ щекотливыхъ предметовъ,—робостью графиня Тата не отличалась,—она такъ ловко подыскивала выраженія, что выходило оно безукоризненно прилично.

— А! здравствуйте, князь! Какъ я рада! протянула она Двинскому руку.—Bon jour ma petite! Она ласково потрепала Олли по щекѣ и поцѣловала ее въ самыя губы, хотя дѣвочка попробовала отвернуться отъ ея ласки.—

А Мери еще нѣтъ? Какъ это на нее похоже. Милая Мери! Она, вѣдь, никогда не знаетъ, который часъ и что ей придется дѣлать черезъ пять минутъ.

— Я сейчасъ скажу мама, что вы здѣсь,—промолвила Олли и поспѣшно удалилась.

Тата усѣлась на диванъ и оправила на себѣ платье.

— А я совсѣмъ не ожидала васъ здѣсь встрѣтить, заговорила она.—Кажется, вы не особенно дружны со Столѣнинымъ? Не правда-ли, что за странный домъ?

Юрій не успѣлъ отвѣтить. Въ дверяхъ показалась Мери, въ третій разъ перемѣнившая платье. Она была одѣта и причесана необыкновенно къ лицу, да и въ самомъ выраженіи ея очень измѣнчивыхъ чертъ было что-то особенное, что-то прямое, ласковое, доброе, такъ и располагавшее къ довѣрію. Юрію она показалась гораздо привлекательнѣе, чѣмъ наканунѣ вечеромъ. Впрочемъ, Юрій былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, готовый ко всѣмъ относиться необыкновенно радушно. Утромъ онъ имѣлъ длинный серьезный разговоръ съ однимъ высокопоставленнымъ генераломъ, задавшимъ ему нѣсколько вопросовъ о войнѣ совсѣмъ не такъ, какъ разспрашивали его прочіе. Его отвѣтами остались, повидимому, довольны, и Юрію казалось, что его займутъ настоящимъ дѣломъ, и его честолюбивымъ замысламъ суждено въ близкомъ будущемъ оправдаться. Потомъ одинъ изъ его пріятелей, которому онъ передъ отъѣздомъ далъ взаймы большую сумму, неожиданно возвратилъ ее сполна. Юрій какъ разъ теперь очень нуждался въ деньгахъ, но главное было то, что товарищъ, которому онъ повѣрилъ на честное слово, оправдалъ это довѣріе, и что, стало быть, однимъ человѣкомъ больше, къ которому Юрій можетъ относиться съ уваженіемъ.

Минуту спустя явились Борисоглѣбскій и Гейзенъ. Но самого хозяина дома все еще не было.

— Не понимаю, куда дѣвался мужъ!—нетерпѣливо сказала Мери.

— Онъ, должно быть, въ клубѣ, гдѣ его опять обыгрываютъ!—съ невозмутимою безпощадностью замѣтила графиня Тата.—Я проѣзжала мимо и узнала его лошадей у подъѣзда.

Догадка графини оказалась вѣрною. Когда, спустя десять минутъ, Столѣнинъ явился, извиняясь за то, что опоздалъ, на немъ лица не было.

— Меня задержали, приходилось докончить партію,— объяснилъ онъ, неудачно стараясь казаться веселымъ!

Жена на него презрительно посмотрѣла и тотчасъ отвернулась. Увидавъ вошедшаго лакея, она подала Двинскому руку, и всѣ направились въ столовую.

Обѣдъ прошелъ чрезвычайно весело. Мери была въ какомъ-то особомъ мягкомъ настроеніи, никому дерзостей не говорила и съ самымъ милымъ добродушіемъ то подшучивала надъ мужемъ и надъ Борисоглѣбскимъ, то подстрекала барона лишній разъ отпустить пряное словцо. Ближняго, которому отъ нея все-таки доставалось, она гладила кошачьею лапкой, хоть когти и чувствовались подъ часъ изъ подъ этой бархатной лапки. Но на этотъ счетъ вообще Мери была неисправима. Злословіе у нея совсѣмъ вошло въ привычку, только это было злословіе особаго рода, безо всякой примѣси желчи или озлобленія. За то графиня Тата, выражавшая притворный ужасъ, когда разговоръ становился черезчуръ скоромнымъ, роняла подъ часъ изъ своихъ хорошенькихъ, невинно глядѣвшихъ, губокъ такіе ядовитые намеки, что слушателямъ становилось жутко. „Ну, думалось каждому, а какъ за моею спиной она и на мой счетъ отпуститъ такую же отравленную шпильку?“ Глаза ея при этомъ были скромно опущены и только изрѣдка на мигъ останавливались на князѣ Борисоглѣбскомъ. А князь смотрѣлъ на нее съ такою тупою влюбленностью во взорѣ, и такъ явно читалось на его лицѣ торжество недавно одержанной побѣды, что выходило оно почти неприлично и въ то же время смѣшно. Гейзенъ даже сказалъ про него на ухо Мери,

когда вышли изъ-за стола: Il est bien fier d'avoir emporté d'assaut une place ouverte". Но во время обѣда всѣ прикидывались, будто не догадываются о причинѣ его торжества. И графиня Тата такъ добродѣтельно злословила на счетъ чужихъ слабостей, что, очевидно, нельзя было и усомниться въ ея собственной непогрѣшимости. Одинъ только хозяинъ дома сначала глядѣлъ сумрачно, говорилъ мало и задумчиво крутилъ усы, но и его подъ конецъ втянули въ общую искристую болтовню. Владиміръ Валеріановичъ не способенъ былъ долго скорбѣть о чемъ бы то ни было. У Столѣниныхъ и кухня, и вина были отличныя, за то и друзей у нихъ водилось много, и за ихъ столомъ не было скучныхъ лицъ и натянутыхъ разговоровъ. Среди общаго, сѣраго тона петербургской жизни, гдѣ всѣ такъ привыкли жаловаться и на себя, и на другихъ, домъ Столѣнина казался свѣтлымъ исключеніемъ, гдѣ беззаботная веселость свила себѣ прочное гнѣздо.

И Юрій Двинскій поддался общему настроенію, пріятно щекотавшему его нервы послѣ тяжелыхъ впечатлѣній войны и того унылаго подтруниванія надъ собой, которое такъ непріятно поразило его въ Петербургѣ. Здѣсь, въ этомъ домѣ, наконецъ можно было отдохнуть. О политическихъ вопросахъ не говорили, касаясь ихъ развѣ мимоходомъ. И Юрій не могъ не замѣтить тотъ особый, лестный для него оттѣнокъ внимательности, которымъ хозяйка этого дома отличала его передъ всѣми прочими. Обращаясь къ нему, она говорила какъ-то иначе; даже лицо ея будто становилось серьезнѣе, точно ей хотѣлось подчеркнуть все различіе между нимъ и прочими, близкими ей и, можетъ быть, забавными людьми, но которыхъ она, въ сущности, не ставила ни въ грошъ. Когда Борисоглѣбскій, не участвовавшій въ компаніи, вдругъ очень самоувѣренно заговорилъ про войну и про сдѣланные тамъ промахи, она его сразу оборвала.

— Ну, какъ вамъ не стыдно,—сказала она,—такъ го-

ворить въ присутствіи Двинскаго, который все это видѣлъ своими глазами и былъ въ настоящемъ дыму, когда вы только глотали пыль въ манежахъ, да на парадахъ?!

Тата была до того поражена явнымъ благоволеніемъ Мери къ Двинскому, что почему-то вдругъ навела на нее въ упоръ свой двойной лорнетъ.

— Pourquoi me regardez vous comme cela, ma chere?— спросила ее Мери, смѣясь.

— Я только разсматриваю твою прическу!—отвѣтила она.—Она тебѣ очень къ лицу.

За то послѣ обѣда она сказала Гейзену:

— Вы замѣтили, что этотъ Двинскій... il n'y en avait que pour lui. Не даромъ въ Евангеліи сказано, что послѣдніе будутъ первыми.

— Только не въ этомъ смыслѣ графиня!—засмѣялся онъ.

— C'est l'ouvrier de la douziéme heure qui a toujours raison!—настаивала графиня.

— А развѣ вы думаете, что въ остальные одиннадцать часовъ... Il y avait quelqu'un dans la vigne?

— Кто знаетъ!..—загадочно отвѣтила графиня, поводя плечами.

Юрію страннымъ показалось, что единственная, и притомъ почти уже взрослая, дочь Марьи Борисовны не присутствовала за обѣдомъ. Онъ ей это даже замѣтилъ.

— А развѣ то, что всѣ мы говорили за столомъ,— отвѣтила она,—годится для дѣтскихъ ушей!?

Съ этимъ нельзя было не согласиться, хотя Марья Борисовна потому-то и удалила дочь, чтобы не препятствовать вольности разговора.

Вечеромъ рѣшено было ѣхать слушать цыганъ въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ. Всѣ размѣстились въ высокомъ четырехмѣстномъ кабріолетѣ съ двумя парами чалыхъ, запряженныхъ цугомъ, которыми Столѣнинъ правилъ отлично. Этими чалыми особенно гордилась его конюшня, одна изъ лучшихъ въ Петербургѣ. Владиміръ Валеріановичъ превосходно лавировалъ меж-

ду рядами экипажей, тянувшихся по Каменноостровскому шоссе и весело перекидывался шуточками съ сидѣвшимъ возлѣ него на козлахъ барономъ Гейзеномъ. Въ кабріолетѣ тоже не умолкала пестрая болтовня. Должная дань была отдана Елагинской стрѣлкѣ, гдѣ скучившаяся толпа, по обыкновенію, безжизненно любовалась закатомъ. Въ этотъ вечеръ, впрочемъ, настоящаго заката и не было вовсе. Солнце ежилось за сѣрыми облаками. нависшими надъ заливомъ, и уныло опускалось за финскимъ берегомъ. Блѣдныя тучки бахромой расползлись по небу, въ воздухѣ пахло сыростью, бѣловатый туманъ тяжело носился надъ многочисленными прудами Елагина. Дамамъ скоро надоѣло любоваться тусклымъ вечеромъ и общею дремотой. Кабріолетъ направился дальше къ Новодеревенскому мосту. Публика въ саду ресторана съ какимъ-то непріязненнымъ удивленіемъ глазѣла на пріѣхавшее общество. Марья Борисовна была охотница до загородныхъ увеселительныхъ мѣстъ, потому именно, что на нихъ лежитъ какая-то печать неприличія. Ей всегда казалось, что она пріѣзжаетъ сюда будто на зло какимъ-то установленнымъ порядкамъ, и ея обычное оживленіе отъ того становилось какъ-то еще болѣе громкимъ и вызывающимъ. И въ этотъ вечеръ ей особенно хотѣлось повѣсничать, точно она дала себѣ слово удивить Двинскаго вольною дерзостью своего обращенія. А Юрій и не думалъ удивляться. Непривычный для него тонъ молодой женщины его, напротивъ, забавлялъ и подзадоривалъ. Ему какъ-то нравилось, что въ этомъ кругу царствовали пріемы и языкъ полусвѣта, хотя настоящій полусвѣтъ давно успѣлъ ему надоѣсть своею заурядностью. При всемъ томъ ему подсказывало чутье, что у Мери Столѣниной за наружнымъ легкомысліемъ кроется нѣчто другое, болѣе задушевное и глубокое. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ думалъ. Его подкупала въ ней ея очевидная искренность, тотъ особый отпечатокъ славнаго малаго, которымъ она такъ отличалась среди петербургскихъ женщинъ.

И вдругъ въ ней произошла странная перемѣна. Ей почему-то надоѣло пѣніе цыганъ, хотя пѣли они какъ нельзя лучше, и лицемѣрное приличіе графини Тата, и влюбленные глаза Борисоглѣбскаго, и наглыя остроты барона; надоѣло въ особенности видѣть, какъ ея мужъ, не стѣсняясь ея присутствіемъ, ухаживаетъ за какою-то смазливою цыганкой. „Какъ все это глупо и пошло!“ вдругъ сказала она себѣ, и ею овладѣло капризное отвращеніе ко всему этому мишурному веселью. Она подозвала мужа и рѣшительно сказала ему, чтобъ онъ распорядился немедленно отослать цыганъ и заказалъ ужинъ. Смѣшно было видѣть, какъ Владиміръ Валеріановичъ мгновенно притихъ и поспѣшилъ исполнить волю супруги.

— Пойдемъ-те на чистый воздухъ!—сказала она Двинскому.—Здѣсь невыносимо душно. Баронъ!—обратилась она къ Гейзену, собиравшемуся пойти вслѣдъ за ними,— вы насъ позовете, когда ужинъ будетъ готовъ.

Это было равносильно приказу не слѣдовать за ними, и баронъ, оставшись въ залѣ съ графиней и Борисоглѣбскимъ, разумѣется, не поскупился на ехидные намеки.

Мери, опершись на руку Двинскаго, прошлась съ нимъ по опустѣвшему саду.

— Что-жъ, вамъ не скучно было, князь? Не такъ. какъ вчера?—спросила она.

— Я вамъ это все время доказываю!—съ веселыми и смѣющимися глазами отвѣтилъ Двинскій.—Вы меня, кажется, за какого-то буку принимаете? Я, вѣдь, умѣю повѣсничать не хуже другихъ.

— А вы думаете, со мною надо непремѣнно повѣсничать?—серьезнымъ тономъ возразила она.—Признайтесь, вы обо мнѣ самаго дурнаго мнѣнія?

— Я вамъ скажу, какого я о васъ мнѣнія. Вы первая, вполнѣ откровенная женщина, съ которою я когда бы то ни было встрѣчался. Вы, должно быть, никогда не говорите неправды?!

— Никогда!.. это, можетъ быть, черезчуръ: иной разъ

приходится. Но я въ самомъ дѣлѣ ненавижу ложь и въ себѣ, и въ другихъ. И если вы хотите, чтобы мы были друзьями...

— Да развѣ мы еще не друзья, Марья Борисовна?

— Ахъ, Боже мой! Друзей у меня очень, очень много! Но я совсѣмъ не приглашаю васъ увеличить собою ихъ число, потому что всѣ они, въ сущности, мнѣ давно надоѣли.

Они прошлись нѣсколько разъ взадъ и впередъ около террасы. „Съ какой стати, почему-то разомъ промелькнуло въ головѣ у обоихъ, разговоръ нашъ принялъ вдругъ такой странный оборотъ? Точно это въ самомъ дѣлѣ задушевный разговоръ, а не простое балагурство".

И вдругъ Мери звонко разсмѣялась.

— Ахъ, князь! Какія мы съ вами дѣти! Точно мы оба не знаемъ, что когда намъ хочется говорить серьезно—это все тѣ же пустыя слова, только совсѣмъ не забавныя. Да и искать намъ иного не зачѣмъ, потому что серьезнаго, въ сущности, ничего нѣтъ... А коли есть даже,—спустя мигъ добавила она,—мы, пожалуй, этого и не замѣтимъ и пройдемъ мимо.

— Марья Борисовна, ужинъ, ужинъ поданъ,—послышался хриповато-пискливый голосъ барона. За нимъ показался Столѣнинъ.

— Послушай, Двинскій, милый другъ!—отвелъ онъ Юрія въ сторону.—Мнѣ надо тебѣ два слова сказать. Представь себѣ, сегодня передъ обѣдомъ въ клубѣ чортъ меня попуталъ еще проиграть Албанову двѣ тысячи. Завтра надо непремѣнно заплатить, а нѣтъ, представь себѣ, ни копѣйки. Черезъ три дня будутъ деньги, но заплатить надо непремѣнно завтра. Не можешь ли ты мнѣ одолжить? Всего, конечно, на двое сутокъ.

Двинскій тотчасъ согласился. Его почему-то сразу обдало холодомъ. Онъ вовсе не былъ скупъ по природѣ, но всякая подобная просьба, даже простое упоминаніе о деньгахъ, всегда звучала непріятно въ его ушахъ, какъ что-то неумѣстное, почти неприличное. И въ эту

минуту непріятное, брезгливое чувство въ немъ сказалось особенно сильно. Онъ самъ бы не могъ объяснить отчего, но все удовольствіе вечера было испорчено, даже веселый ужинъ не совсѣмъ разогналъ это мгновенно налетѣвшее облако.

Когда, часъ спустя, они вернулись въ городъ, онъ попросилъ Мери его высадить на набережной: домъ Столѣнина былъ на Милліонной. Онъ простился съ ними, обѣщавъ побывать у нихъ лѣтомъ въ деревнѣ, и направился къ себѣ домой пѣшкомъ. И когда обширныя хоромы родного дома снова приняли Юрія подъ свою негостепріимную сѣнь, опять еще болѣе, чѣмъ наканунѣ, зашевелилось въ немъ горькое чувство одиночества—живая потребность чѣмъ-либо наполнить свою блестящую, но томительно-пустую жизнь.

V.

Четыре дня спустя, въ десятомъ часу утра, небольшой тарантасъ тройкой карихъ ѣхалъ по проселку, ведущему отъ одной изъ станцій Московско-Курской дороги къ селу Солнцеву, усадьбѣ Непрядвиныхъ. Малорослыя, сборныя лошадки шли мелкою рысцой, хотя совсѣмъ еще не парило. Ровно стучали копыта по твердому грунту, жидко позвякивали бубенчики. Кучеръ, пріѣхавшій за Гришей на станцію, счелъ даже нужнымъ извиниться, что не выслали за нимъ лошадей получше.

— Вороная тройка,—сказалъ онъ, укладывая вещи въ тарантасъ,—сегодня ко второму поѣзду за батюшкой вашимъ поѣдетъ: Михаилъ Андреевичъ въ губерніи на собраніи. Къ обѣду вернуться обѣщались.

— Вотъ жаль-то!—услышавъ это, воскликнулъ Гриша.—Кабы я зналъ это, непремѣнно остался бы въ Тулѣ и вмѣстѣ съ нимъ бы поѣхалъ.

Но дѣлать было нечего и Гриша пустился въ путь,

заранѣе соображая, что добрыхъ четыре часа ему придется трястись по дорогѣ, пока онъ доберется до усадьбы и увидитъ родныхъ: до Солнцева было слишкомъ тридцать верстъ. То и дѣло онъ задавалъ кучеру вопросы насчетъ своихъ. Дома все, казалось, шло какъ нельзя лучше. Отецъ и мать были здоровы, сестра тоже; два брата, мальчугана, за прошлую зиму много выросли, впрочемъ, по словамъ кучера, особыхъ перемѣнъ ни въ чемъ не было. Да служащіе въ домѣ рѣдко замѣчаютъ перемѣну у господъ. И любимая его собака, рыжій сетеръ Нептунъ, тоже живъ и здоровъ.

— А что хлѣба?—спросилъ Гриша, принимая дѣловой видъ. Въ хозяйствѣ онъ толку не зналъ и потому спрашивалъ о немъ всегда немного робѣя.

— Хлѣба ничего, какъ водится.—Пшеница маленько повымерзла, во ржи тоже вымочка есть... Ничего хлѣба! погодя немного и встряхнувъ кудрями, добавилъ кучеръ.—Ей, вы, голубчики! тутъ же прикрикнулъ онъ на лошадей, протяжно выводя послѣднее „и“.

Кнутъ просвистѣлъ въ воздухѣ, лошади прибавили шагу, но скоро перешли опять на прежнюю, неторопливую рысцу. Онѣ при этомъ даже съ какимъ-то укоромъ замотали головой, точно имъ непонятно было, зачѣмъ ихъ торопятъ. День былъ такой славный; гладкая дорога ровною лентой тянулась по полямъ; а все вокругъ дышало такою мирною, неторопливою радостью. Воздухъ, весь проникнутый молодою свѣжестью утра, весь сіяющій въ золотистомъ блескѣ лучей, чуть колыхался, когда по немъ пробѣгала, какъ весенняя улыбка, свѣжая струя, принося съ собою изъ рощи крѣпкій медовый запахъ молодой почки и прошлогодняго листа. Поля мягкими, широкими волнами тянулись вдоль дороги, изрѣдка смѣняясь молодымъ дубнякомъ.

Гриша Непрядвинъ любовался знакомою картиной родного края, точно находилъ онъ въ ней какія-то новыя прелести, какъ послѣ разлуки находятъ ихъ въ знакомыхъ чертахъ любимой женщины. Онъ особенно

любилъ эту чудную пору первыхъ лѣтнихъ дней, когда все вокругъ смотритъ такъ молодо и бодро. И въ этотъ свой пріѣздъ онъ съ особою живою радостью будто здоровался съ роднымъ краемъ, точно онъ теперь только хорошо сознавалъ, что здѣсь, въ этомъ скромномъ углу, настоящая полная жизнь. А между тѣмъ какъ разъ за послѣдніе дни онъ вынесъ изъ Петербурга цѣлый рой впечатлѣній и хорошихъ, и дурныхъ. И наканунѣ, пока онъ сидѣлъ въ вагонѣ, эти впечатлѣнія весь день толпились у него въ головѣ. Первыми, лучшими изъ нихъ была встрѣча съ Двинскимъ и ихъ долгая ночная бесѣда, послѣ которой онъ еще тѣснѣе прежняго привязался къ товарищу. Но это хорошее, теплое воспоминаніе тотчасъ смѣнялось другимъ: онъ видѣлъ себя въ средѣ почти незнакомыхъ ему людей за ужиномъ, устроеннымъ въ честь Юрія. Ему жутко и стыдно было вспомнить, что было за этимъ ужиномъ, какъ шумная болтовня скоро перешла въ разгулъ пьяной оргіи, какъ сыпались отовсюду пошлыя, грязныя шутки, какъ приставали къ нему всѣ, заставляли его пить, и самъ онъ подъ конецъ, совсѣмъ уже пьяный, снопомъ повалился на диванъ. О томъ, что было послѣ, остались у него одни отрывочныя воспоминанія: двое военныхъ, съ которыми онъ видѣлся въ первый разъ, подшучивали надъ нимъ и, говоря ему „ты“, долго обкачивали водой, потомъ всею гурьбой отправились куда-то, и онъ, едва держась на ногахъ, бодрился, чтобы не отстать отъ прочихъ, и вмѣстѣ съ ними громко хохоталъ и буйствовалъ. Тутъ уже все терялось въ какомъ-то пестромъ, отвратительномъ и смутномъ безпорядкѣ. Онъ помнилъ, какъ онъ цѣловался, выпивая брудершафтъ съ кавалергардомъ Стрѣшневымъ, какъ сидѣлъ онъ, обнявшись въ загородномъ ресторанѣ съ какою-то женщиной, самыя черты которой совсѣмъ изчезли изъ его памяти. Онъ помнилъ тоже одного молодого статскаго господина, все время противно лебезившаго передъ Двинскимъ; наконецъ, въ седьмомъ

часу утра Юрій отвезъ его домой и съ помощью Герасима уложилъ спать. Одинъ только Двинскій, да князь Борисоглѣбскій держали себя прилично за всю эту безобразную ночь. Выпитое вино на нихъ будто и не дѣйствовало. На лицѣ Юрія Гриша все время подмѣчалъ даже какое-то холодное, полупрезрительное выраженіе, и чѣмъ громче становились пьяные голоса, тѣмъ явственнѣе оно сказывалось. Гришѣ было особенно стыдно за себя какъ разъ передъ Юріемъ. Ему казалось, что презрѣніе товарища должно было относиться и къ нему. Онъ проснулся поздно съ тяжелою болью въ головѣ и немало пришлось ему вынести насмѣшекъ отъ Леонтія Радугина; но эти насмѣшки его не трогали. Какое было ему дѣло до мнѣнія Леонтія? Онъ почувствовалъ вдругъ какое-то отчужденіе отъ него, словно онъ какъ-то разомъ понялъ, что никогда они взаправду и не были пріятелями. Но какъ покажется онъ на глаза Юрію? Ему думалось, что товарищъ навсегда перемѣнилъ теперь свое мнѣніе на его счетъ. Но они свидѣлись еще разъ, правда, лишь на нѣсколько минутъ, и Юрій, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ, улыбаясь спросилъ, долго ли у него трещала голова и доволенъ ли онъ, что наконецъ сталъ такимъ же, какъ всѣ. „Какъ всѣ!“ Вотъ, стало-быть, какъ Юрій смотрѣлъ на его безобразное поведеніе.

И теперь, когда онъ весь отдался радостному ожиданію встрѣчи съ родными, всѣ эти воспоминанія снова нахлынули мутною волной и жгучій стыдъ отозвался отъ нихъ въ его сердцѣ. Но тутъ на смѣну къ нимъ явился другой рядъ уже совершенно иныхъ впечатлѣній. Наканунѣ отъѣзда онъ былъ у Коловратскихъ. Приняли его какъ нельзя лучше. Павелъ Александровичъ долго его разспрашивалъ про отца, настаивая, чтобы Михаилъ Андреевичъ бросилъ свою должность мирового судьи и переселился въ Петербургъ. Тамъ онъ обѣщался ему подыскать хорошее мѣсто. Гриша былъ увѣренъ, что̀ отецъ не приметъ этого

предложенія: онъ такъ полезенъ и уважаемъ въ своемъ земствѣ. Какъ можно было промѣнять на Петербургъ, на его мишуру, эту живую дѣятельность? Но все-таки было очень любезно со стороны Павла Александровича принимать въ его отцѣ такое участіе.

Съ Пашей у него былъ длинный разговоръ передъ обѣдомъ. Что за чудесный мальчикъ этотъ Паша! Сколько въ немъ искренней задушевности! Они много и пространно толковали про самые глубокіе философскіе вопросы. Паша очень много читалъ и обладаетъ поразительною способностью къ анализу. Одно только въ немъ не совсѣмъ понятно для Гриши—это какая-то странная наклонность къ мистицизму. Паша много задумывался надъ религіей. Положимъ, это очень хорошо; самъ Гриша, хоть онъ никогда не ломалъ себѣ головы надъ богословскими тонкостями, не утратилъ вѣрованій дѣтства. Правда, и на него находили сомнѣнія, и даже очень крупныя, но ему всегда удавалось,—такъ онъ думалъ, — эти сомнѣнія побороть. А съ Пашей было совсѣмъ не то. У него какое-то восторженное, почти болѣзненное отношеніе къ вѣрѣ... Но все-таки онъ славный малый, и это современемъ пройдетъ.

А что за прекрасная женщина, должно быть, Анна Дмитріевна, мать Паши. Она молчалива и даже какъ будто грустна немножко. Но сколько доброты въ ея лицѣ, въ ея словахъ, въ самомъ голосѣ. Паша къ ней очень привязанъ.

Но особенно пріятно было вспомнить про Нелли. И каждый разъ, какъ въ воображеніи Гриши мелькалъ образъ молодой дѣвушки, глаза его улыбались и блестѣли. Нелли совершенный еще ребенокъ по лѣтамъ, но сколько у нея непринужденнаго ума и какъ много она знаетъ. Она совсѣмъ не похожа на прочихъ дѣвушекъ. Съ другими барышнями Гришѣ всегда было какъ-то неловко. Ему приходилось дѣлать усилія надъ собой, чтобы найти предметъ для разговора. А съ ней

совсѣмъ не то. Съ ней такъ легко разговаривать. Слова такъ просто, безъ труда приходятъ на умъ, и она такъ отлично умѣетъ дать самой ничтожной болтовнѣ неожиданный оборотъ... Не замѣтишь, какъ съ ней проходитъ время. „Я, кажется, думалъ Гриша, непозволительно долго у нихъ засидѣлся“. И онъ съ удовольствіемъ говорилъ себѣ, что часто станетъ къ нимъ ѣздить, когда будетъ опять въ Петербургѣ.

Гриша такъ замечтался, что совсѣмъ даже пересталъ глядѣть на дорогу и очень удивился, когда его тарантасъ въѣхалъ въ околицу большой деревни.

— Да, вѣдь, это ужъ Гнѣздово?—воскликнулъ онъ, увидавъ знакомыя избы.

— Да, теперь пять верстъ всего до дому осталось,— отвѣтилъ кучеръ. — Вишь, лошадки какъ уморились. Надо ихъ шагомъ пустить маленько.

— Нѣтъ, братецъ ты мой,—весь охваченный нетерпѣніемъ возразилъ Гриша. — Теперь пусти ихъ поживѣй, недалеко, вѣдь.

Все было мигомъ позабыто, и Юрій, и домъ Коловратскихъ, и сама Нелли. Гришей овладѣла одна мысль о близкомъ свиданіи съ матерью, съ братишками, съ сестрой Наташей, особенно съ нею. Почти уже два года онъ ее не видалъ. Прошлымъ лѣтомъ Наташа гостила въ Рязанской губерніи у тетки, матери Кати. Какова она теперь?! Она, должно быть, много выросла и похорошѣла. Онъ помнилъ ее почти еще подросткомъ, теперь, на-дняхъ, ей будетъ восемнадцать. Она была рѣзвая, бойкая дѣвочка, съ шаловливыми, карими глазками и длинными бѣлокурыми косами. Они пѣли вмѣстѣ, играли въ саду, катались верхомъ и на лодкѣ. Наташа гребла и правила лошадью отлично. Не будь у нея длинныхъ косъ, она глядѣла бы совершенно мальчикомъ. Какова она теперь? Въ эти годы молодыя дѣвушки быстро мѣняются...

Гришу все сильнѣе разбирало нетерпѣніе и все чаще онъ торопилъ кучера. Солнцево было уже видно, оно

стояло на пригоркѣ, но оставалось до него еще цѣлыхъ три версты. Поля кругомъ теперь шли уже свои, Непрядвинскія. А вотъ налѣво отъ дороги и дубовая роща, куда они всею семьей такъ любятъ ходить по вечерамъ пить чай на открытомъ воздухѣ. А вотъ и извѣстная во всемъ околоткѣ Солнцевская аллея, обсаженная столѣтними березами. Тутъ грачи, какъ всегда, толпятся вокругъ своихъ гнѣздъ и поднимаются шумною стаей, услыхавъ стукъ экипажа. Дорога спустилась къ рѣчкѣ, за которою уже виденъ на пригоркѣ большой старинный садъ Непрядвинской усадьбы. Переѣхали мостъ, и по крутому подъему измученныя лошади потащились шагомъ. Налѣво показались постройки, гумно и скотный дворъ; впереди виднѣлась церковь, и золоченый крестъ ярко блестѣлъ на солнцѣ. А вотъ направо и садъ съ большою каменною оградой. Гриша тотчасъ замѣтилъ, что она кое-гдѣ стала обваливаться. „Надо сказать папа, чтобы починили“, тотчасъ мелькнуло у него въ головѣ. Но кто это вышелъ тамъ изъ садовой калитки на дорогу и говоритъ съ какою-то бабой? Кто эта стройная, высокая дѣвушка въ сѣромъ холстинковомъ платьѣ и въ соломенной шляпѣ съ широкими полями, скрывающими ея лицо? Неужели это Наташа? Какъ она выросла, однако! Тарантасъ подъѣхалъ къ ней ближе. Да, это была она! Но какъ она перемѣнилась! Полныя, румяныя щечки словно вытянулись и поблѣднѣли, черты стали правильнѣе, можетъ быть, красивѣе даже, но это уже не прежнія милыя черты шалуньи сестры; онѣ говорятъ уже не о полудѣтскомъ рѣзвомъ весельѣ, а о привычкѣ много и сосредоточенно мыслить. Волосы потемнѣли и нѣтъ уже длинныхъ распущенныхъ косъ, которыми Гриша такъ любовался: онѣ чинно заплетены подъ затылкомъ. И какъ строго глядятъ большіе глаза.

— Наташа!—воскликнулъ Гриша, не въ силахъ дожидаться, пока съ ней поравняется экипажъ.

Услышавъ его голосъ, она повернула къ нему лицо— до этого она какъ будто и не замѣчала его приближе-

нія — и улыбка показалась на ея чертахъ. Но что это была за спокойная, за серьезная улыбка!

Онъ выпрыгнулъ изъ экипажа и побѣжалъ къ ней на встрѣчу. Она шла къ нему ровною неторопливою поступью. Наташа!—повторилъ онъ свое восклицаніе и хотѣлъ ее обнять, но она только протянула ему руку и крѣпко, по-мужски, ее пожала.

— Я тебя едва узналъ, ей Богу!—началъ онъ, смѣясь. Ты такъ... онъ хотѣлъ сказать похорошѣла, но другое слово ему пришло на языкъ,—какъ ты выросла, измѣнилась!..

— Это неудивительно,—отвѣтила она.—Когда мы видѣлись послѣдній разъ, я была ребенкомъ.

И голосъ ея звучалъ совсѣмъ иначе. Это былъ чудный, грудной, бархатный голосъ, но прежнихъ, звонкихъ, серебристыхъ нотъ въ немъ уже не было.

— Пойдемъ вмѣстѣ черезъ садъ. Хочешь? Я такъ радъ, что съ тобой встрѣтился здѣсь прежде, чѣмъ съ другими.

— Сейчасъ. Я только два слова скажу этой женщинѣ.

Она обратилась къ бабѣ, глядѣвшей изо всѣхъ глазъ съ явнымъ восхищеніемъ на молодого барина.

— Акулина, приходи послѣ въ домъ, когда Михаилъ Андреевичъ пріѣдетъ. Я ему скажу про твое дѣло и, надѣюсь, онъ исполнитъ твою просьбу.

По лицу Акулины было видно, какимъ уваженіемъ, даже авторитетомъ, пользовалась у народа молодая дѣвушка. Гриша это тотчасъ примѣтилъ.

— Пойдемъ!—сказала ему сестра и направилась къ калиткѣ.

— Ты, я вижу, у отца помощницей состоишь по мировому участку! — шутливо замѣтилъ ей Гриша.

— Если я могу бѣднымъ людямъ помочь, выслушивая ихъ просьбы, въ этомъ кажется смѣшного ничего нѣтъ!—спокойно возразила Наташа.

— Конечно, еще бы!—поспѣшно отвѣтилъ онъ почти сконфуженный.—Ну что, всѣ, кажется, здоровы?

— Слава Богу!

— Новаго ничего нѣтъ?

— Ничего.

— Ну и прекрасно! Пусть все остается по-старому, когда оно такъ хорошо.

Онъ оглянулся и жадно вдохнулъ въ себя пахучій воздухъ сада. Они шли подъ густою тѣнью старыхъ кленовъ, на которыхъ широкіе листья не утратили еще нѣжно-золотистыхъ отливовъ весны.

— То-есть, какъ все по-старому? — отвѣтила она, взглянувъ на него съ удивленіемъ.—Я не вижу, чему тутъ особенно радоваться!

— Да вотъ садъ, домъ нашъ, семья... Удивленіе слышалось теперь въ его голосѣ.

— Ахъ, ты про это! Она помолчала, устремивъ глаза внизъ и какъ бы слѣдя за солнечными кружками, игриво перебѣгавшими по песку дорожки съ одного мѣста на другое.

Тутъ только онъ замѣтилъ, какъ сильно она загорѣла, и на тонкихъ рукахъ тоже былъ виденъ загаръ. Онъ шутливо ей это замѣтилъ.

— Даже эта большая шляпа, видно, не помогаетъ?! Ты откуда такую достала, цѣлая крыша?!

— Находишь, что не по модѣ? Зато въ ней удобно по солнцу ходить, а я то и дѣло на селѣ бываю. А насчетъ рукъ не взыщите, Григорій Михайловичъ, перчатокъ я не ношу.

„Да, она по-прежнему осталась добрая и простая“, сказалъ онъ себѣ, любовно глядя на нее. „Въ этомъ она не измѣнилась ничуть... А все-таки... все-таки... есть въ ней какая-то новая, странная черта“...

Они подходили къ террасѣ. Мать Гриши, Варвара Петровна, уже знавшая о пріѣздѣ сына, выходила къ нимъ на встрѣчу. Это была далеко еще не старая женщина, ей минуло недавно сорокъ, и черты ея сохранили замѣтные слѣды прежней красоты: въ молодые годы она была очень хороша собой. Но той привлека-

тельности, какой даже въ старости не теряютъ иныя женскія лица, у Варвары Петровны не было и тѣни. Глаза у нея казались добрыми и въ улыбкѣ тоже сквозило что-то мягкое, привѣтливое. Но это была какая-то усталая, томная доброта, точно она лишь тлѣла въ ней, какъ догорающій уголекъ подъ слоемъ безцвѣтнаго пепла. Лицо не успѣло еще постарѣть, но уже совсѣмъ поблекло, и во всемъ, во всѣхъ ея движеніяхъ, даже въ самой рѣчи чуялась какая-то вялость, а подъ часъ какъ будто подмѣчалось и нѣчто иное, тщательно скрываемое,—какая-то подавленная горечь.

Мать и сынъ обнялись. Они были искренно привязаны другъ къ другу, можно бы сказать, пожалуй, горячо, еслибы нраву Варвары Петровны была сколько-нибудь свойственна горячность.

— Ты, я думаю, усталъ и проголодался?—заботливо спрашивала она.—Хочешь сейчасъ поѣсть или сперва переодѣнешься?

— Прежде всего,—весело отвѣтилъ Гриша, — надо смыть съ себя эту черную пыль. Я на трубочиста похожъ. Да и тебя, смотри, запачкалъ. А братья гдѣ?

— Въ поле ушли. Ты ихъ сейчасъ увидишь. Они, должно быть, услыхали бубенчики.

Гриша стремглавъ побѣжалъ наверхъ въ свою комнату и уже десять минутъ спустя, умытый и переодѣтый, сидѣлъ въ столовой за завтракомъ, живо разсказывая о себѣ, то и дѣло перебиваемый вопросами матери и двухъ братишекъ.

Оба они, тринадцатилѣтній Андрюша и одиннадцатилѣтній Митя, глядѣли здоровыми, краснощекими бутузами, и походили другъ на друга чрезвычайно. Прежде всего, разумѣется, Варварѣ Петровнѣ хотѣлось подробно узнать про экзамены сына. Она очень гордилась его успѣхами и глаза ея такъ и заблестѣли отъ удовлетвореннаго самолюбія. Наташа слушала молча.

— Ты знаешь, Гриша, я научился верхомъ ѣздить!—черезъ весь столъ закричалъ старшій изъ двухъ маль-

чиковъ.—Папа мнѣ славную лошадь подарилъ, я тебѣ покажу.

— И я тоже умѣю ѣздить!—перебилъ Андрюшу младшій братъ.—Только на большую лошадь меня не пускаютъ. Папа мнѣ пони досталъ изъ Тулы, и скачетъ онъ отлично, отъ большихъ не отстаетъ.

— Постойте, дѣти! Не шумите! — остановила ихъ Варвара Петровна.—Дайте Гришу толкомъ разспросить.

— Ты, конечно, сюда на цѣлое лѣто?—обратилась она къ старшему сыну.

— Не только на лѣто, мама, я думаю у васъ совсѣмъ остаться и отцу помогать по хозяйству.

— А какъ же служба?!—съ нѣкоторымъ удивленіемъ опять спросила Варвара Петровна.

— Что служба! Мнѣ учиться надо, а канцелярщина чему научитъ!?

— Какъ учиться? на лицѣ Варвары Петровны показалось слегка недовольное выраженіе.—У тебя, кажется, не мало времени пошло на ученіе!

— Въ томъ-то и дѣло,—перебилъ ее сынъ,—что я рѣшительно ничего не знаю изъ того, что знать всего нужнѣе: хозяйство, народный бытъ, ну жизнь, словомъ, настоящую жизнь.

Варвара Петровна слушала и недоумѣвала; для нея эти слова были тарабарскою грамотой. „Къ чему, думалось ей, четыре года убить на университетъ, да экзамены сдать такъ отлично, коли вслѣдъ затѣмъ похоронить себя въ деревнѣ?"

За то на лицѣ Наташи показался теперь румянецъ удовольствія: она явно сочувствовала брату.

— Я собираюсь по земству пойти, мама,—продолжалъ Гриша.—Бѣда только, что придется цѣлыхъ три года ждать: раньше двадцати пяти нельзя, вѣдь. Такъ это глупо!...

— Вотъ видишь, цѣлыхъ три года ждать... И не понимаю, что толку въ твоемъ земствѣ! Вотъ хоть твой отецъ. Весь вѣкъ здѣсь, въ провинціи служилъ,—она

сказала это съ оттѣнкомъ пренебреженія,—и въ сорокъ семь лѣтъ всего только мировой судья. А служи онъ въ Петербургѣ, при его связяхъ... Варвара Петровна вздохнула и не договорила. Хотя она цѣлыхъ двадцать три года своего замужества почти безъвыѣздно провела въ деревнѣ, всегда покорная волѣ мужа, но въ глубинѣ ея сердца не переставалъ шевелиться робкій, но вѣчный протестъ. Не такою рисовалась ей жизнь въ ея дѣвическіе годы. По рожденію она была княжна Двинская: и съ этимъ именемъ въ ея глазахъ соединялись какія-то смутныя притязанія на блестящее положеніе въ обществѣ, хоть она и происходила отъ захудалой вѣтви этого богатаго и знатнаго рода. Варвара Петровна воспитывалась въ Смольномъ и считалась тамъ чуть не первою по музыкѣ, по знанію французскаго языка и особенно по красотѣ. Она живо помнила до сихъ поръ, что-за лестныя похвалы ей пришлось разъ услыхать изъ очень высокихъ устъ, когда она была всего только семнадцатилѣтнею дѣвушкой. И вотъ, по выходѣ изъ института, она очутилась въ домѣ сварливой, небогатой, хоть и очень знатной тетки, гдѣ ее держали изъ милости, но за то тщательно поддерживали въ ней фамильное тщеславіе. Когда за нее посватался молодой, красивый семеновскій офицеръ, Михаилъ Андреевичъ Непрядвинъ, тетка чуть-было не отказала жениху: въ ея глазахъ это была неравная партія, такъ какъ Непрядвины, тульскіе помѣщики средней руки, въ Петербургѣ никакой роли не играли. Но молодая дѣвушка была по уши влюблена въ своего красиваго жениха, и тщеславіе въ ней на время умолкло. Ей хотѣлось прежде всего уйти изъ несноснаго дома тетки. Годъ спустя послѣ свадьбы, Непрядвинъ лишился отца и тотчасъ вышелъ въ отставку. Молодая жена, которой и двадцати лѣтъ еще не было, покорно послѣдовала за нимъ въ деревню и съ преданною вѣрностью дѣлила съ тѣхъ поръ всѣ его интересы и заботы. Но въ ней все-таки таилась надежда, что, рано или поздно, хотя

бы на склонѣ лѣтъ, она снова увидитъ дорогой Петербургъ и напомнитъ о себѣ многочисленной роднѣ. И уже, конечно, ея сынъ, ея Гриша, подававшій столько надеждъ, не пойдетъ по слѣдамъ отца и откроетъ себѣ иную, настоящую дорогу. То, что Варварѣ Петровнѣ пришлось теперь услыхать отъ Гриши, причинило ей нѣкоторое разочарованіе.

Чтожъ,—простодушно отвѣтилъ Гриша,—я думаю, папа очень доволенъ... По крайней мѣрѣ онъ всѣмъ себѣ обязанъ, никому не кланялся. Что-за охота попрошайничать!...

— Попрошайничать! Quelle expression!... — Варвара Петровна и въ провинціи не позабыла своего французскаго языка и всегда прибѣгала къ нему въ минуты волненія. Языкъ этотъ, какъ она думала, особенно годился для выраженія сильныхъ чувствъ.

— И коли правду сказать,—продолжалъ Гриша,—насчетъ этихъ связей ты себѣ дѣлаешь иллюзію, мама, какія тамъ связи!

— А сестра твоего отца, графиня Елизавета Андреевна? А Столѣнины?.. Надѣюсь, ты у нихъ бываешь?!

Варвара Петровна терпѣть не могла свою невѣстку, но тщательно поддерживала съ нею сношенія и по два раза въ годъ, къ Рождеству и къ Пасхѣ, отправляла къ ней поздравительныя письма, на которыя графиня отвѣчала холодно и небрежно.

— На тетю Лизу,—Гриша покраснѣлъ, говоря это,—разсчитывать особенно нечего. И признаюсь, я бы очень былъ радъ никогда своего носа къ ней не показывать.

Варвара Петровна хотѣла что-то возразить; на ея поблекшихъ щекахъ показалась даже краска, но она опустила глаза. Ей было очень непріятно это слышать, хоть она отлично знала болѣе чѣмъ холодныя отношенія, существовавшія между братомъ и сестрой.

— А у Столѣниныхъ я не бываю совсѣмъ. Зашелъ къ нимъ разъ какъ-то въ эту зиму, приняли меня хо-

лодно, тоже важность на себя напускають, ну, разумѣется, послѣ этого я къ нимъ ни ногой.

— Еще бы!—вмѣшалась въ разговоръ Наташа.—Очень нужно заискивать въ богатой роднѣ, которая къ вамъ относится свысока.

Варвара Петровна посмотрѣла на дочь, и Гришѣ показалось, что въ ея взглядѣ былъ какой-то нѣмой, затаенный укоръ.

Минуты двѣ прошли въ неловкомъ молчаніи. Но Гриша тотчасъ стряхнулъ съ себя охватившее его на мигъ непріятное ощущеніе какого-то смутнаго разлада между его матерью и сестрой, и опять весело заговорилъ про деревенскую жизнь, въ которую онъ такъ радъ былъ окунуться послѣ Петербургской зимы. Тутъ его ожидалъ цѣлый рядъ знакомыхъ и дорогихъ впечатлѣній, которыя онъ торопился возобновить. И во всемъ этомъ знакомомъ міркѣ во время его отсутствія много, конечно, завелось новаго, сдѣлана ли въ саду посадка молодыхъ деревьевъ, о которой онъ такъ хлопоталъ еще осенью? разбита ли цвѣточная клумба по его рисунку и какимъ оказался новый садовникъ, присланный имъ изъ Петербурга? И старый ворчунъ Егоръ, съ которымъ онъ всегда ходилъ на охоту, все-ли еще живъ и бодръ? А что сталось съ его любимою верховою лошадью? И куда дѣвался его Нептунъ? Братья удовлетворили всѣ его вопросы. Они были въ такомъ же радостно-восторженномъ настроеніи, какъ и онъ. И сегодня, непремѣнно сегодня, всѣ они вмѣстѣ поѣдутъ верхомъ, благо день такой славный и совсѣмъ не жарко. И Наташа поѣдетъ съ ними тоже.

— Я больше не ѣзжу!—отозвалась она.

— Вотъ какъ! Отчего? Вѣдь ты была такая охотница!

— Да такъ!—улыбнулась она.—Разлюбила кататься, времени на это много уходитъ.

— Она все у насъ занимается!—съ чуть замѣтной ироніей проговорила Варвара Петровна.—Цѣлый день надъ книжками сидитъ.

Легкій блескъ раздраженія показался въ глазахъ Наташи, но она ихъ тотчасъ опустила, не сказавъ ни слова.

— Что же ты читаешь?—спросилъ ее Гриша.

— Въ чтеніи недостатка нѣтъ!—спокойно возразила она.—Я получаю книги изъ городской библіотеки и на два журнала подписалась. Стараюсь то наверстать, чему насъ въ гимназіи не учили.

— Наташа всю зиму у насъ въ школѣ съ дѣтьми занималась!—отозвался Андрюша, съ явнымъ восторгомъ глядя на сестру.

— Вотъ это славно! Наташа молодецъ!—сказалъ Гриша.—Только большой учености для этого, кажется, не требуется. И верхомъ ѣздить оно не мѣшаетъ, особенно лѣтомъ, когда школа закрыта.

Наташа не отвѣчала, только брови у нея чуть-чуть сдвинулись.

— Ну, вотъ поди, толкуй съ ней!—опять вмѣшалась мать на этотъ разъ почти враждебно.—Она находитъ, что всѣ мы, и отецъ и я, не довольно образованы... Hous sommes des ignorants. Она себя въ профессоры готовитъ. Въ мое время дѣвушекъ музыкѣ учили, исторіи, географіи... la litterature..., а ей этого мало. Она это пустяками считаетъ. Ей подавай философію, политическую экономію, мало ли тамъ чего еще. C'est une savante!

Гриша съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мать и на сестру. Нельзя было уже сомнѣваться, что между ними существуетъ глухое раздраженіе.

— А ты мнѣ не досказалъ про князя Юрія,—продолжала Варвара Петровна, перемѣняя разговоръ.—Ты говорилъ, что съ нимъ видѣлся на-дняхъ.

Гриша опять оживился, передавая матери про свою встрѣчу съ другомъ. Она слушала съ горделивымъ восхищеніемъ. Варвара Петровна особенно дорожила родствомъ съ Двинскимъ: это была вѣдь ея собственная, хоть и очень дальняя родня, особенно льстившая ея тщеславію.

— И князь пріѣдетъ сюда лѣтомъ въ Набережное?—такъ называлось тульское имѣніе Двинскихъ. И у насъ онъ будетъ?

— Разумѣется, будетъ! Наташа, ты не можешь себѣ представить, какой онъ славный! Вотъ съ нимъ тебѣ будетъ про что разговаривать. Онъ такъ уменъ.

Варвара Петровна вскользь посмотрѣла на дочь и въ ея головѣ мелькнула смутная надежда, что, чего добраго, ея Наташа приглянется блестящему князю. И чтожъ тутъ особенно несбыточнаго: сама она вѣдь тоже Двинская... А Наташа такъ хороша собой! Ей стоитъ захотѣть... Только захочетъ ли?

— При немъ, надѣюсь,—громко досказала она свою мысль, — ты перестанешь изъ себя корчить ученую барышню, да глядѣть какою-то дикаркой.

— Я со всѣми держу себя одинаково, мама, — спокойно возразила Наташа,—кто бы ни были они—князья или простые люди!

Сказавъ это, она встала.

— Куда ты? спросилъ Гриша.—Пойдемъ въ садъ.

— Я сейчасъ приду, только я книгу съ собой захвачу.

— Опять за книгу!—воскликнула Варвара Петровна.—Ты глаза свои побереги, здоровье...

— Здоровье, мама, у меня преотличное. Вы это знаете!—отвѣтила Наташа и вышла.

Варвара Петровна вздохнула.

— Ну, дѣти, пойдемъ!—сказалъ Гриша, вставая.

Мальчики стремительно кинулись за своими шляпами и побѣжали въ садъ. Варвара Петровна съ Гришей послѣдовала за ними. На террасѣ лежалъ, весь растянувшись на солнцѣ, красивый рыжій сетеръ. Завидѣвъ хозяина, онъ замахалъ хвостомъ и съ радостнымъ визгомъ вскочилъ къ нему на грудь, упираясь въ нее передними лапами. Гриша поласкалъ собаку, тщетно старавшуюся достать своею мордой до его лица.

— Что, Нептунъ? Что? Не разучился своему дѣлу?

говорилъ Гриша, трепля Нептуна по лохматой шеѣ.— Ну давайте бѣгать, дѣти. Посмотримъ, кто изъ васъ меня догонитъ.—И онъ пустился бѣжать по дорожкѣ, а Нептунъ бросился впередъ съ громкимъ, веселымъ лаемъ.

VI.

Битыхъ три часа Андрюша и Митя водили старшаго брата по всѣмъ закоулкамъ усадьбы и по окрестнымъ полямъ. Много было тутъ хохота и бѣготни. И на скотный дворъ они забрались, гдѣ Гриша добросовѣстно выслушалъ длинный разсказъ ключницы, изъ котораго, впрочемъ, ничего почти не понялъ, и съ наслажденіемъ выпилъ цѣлую крынку парного молока; и въ рощѣ они побывали, поочередно заходя во всѣ любимыя мѣста, каждую весну встрѣчавшія Гришу съ тѣмъ же ласковымъ привѣтомъ. Все ему показали братишки: и своихъ лошадокъ, которыми они такъ гордились, и новую лодку, на которой еще не совсѣмъ обсохла краска. И всѣмъ этимъ Гриша любовался съ терпѣливымъ чистосердечіемъ; а болѣе всего, конечно, свѣжимъ пахучимъ воздухомъ, которымъ такъ хорошо дышется на родномъ привольѣ, и тихимъ плескомъ рѣки, густо обросшей плакучими вербами, купавшими свои длинныя вѣтви въ ея прозрачныхъ струяхъ.

— А съ тобой веселѣе, чѣмъ съ Наташей!—въ десятый разъ повторялъ ему Андрюша.—Право веселѣе! Она тоже добрая, только съ нами ей, должно быть, скучно. Зовемъ мы ее съ собою гулять, а у нея все свои дѣла; рѣдко когда она съ нами въ лѣсъ соберется. И въ лодкѣ кататься она не охотница, а бѣгать съ ней ужъ совсѣмъ нельзя, не то, что съ тобой.

— Она большая!—серьезно и съ убѣжденіемъ подхватилъ Митя.

— А я такъ маленькій, не правда ли?—разсмѣялся Гриша.

— Нѣтъ, ты... ты совсѣмъ другое,—неувѣренно проговорилъ мальчикъ, пристально всматриваясь въ Гришу своими большими глазами.

И самому Гришѣ немного страннымъ показалось, что Наташа съ ними не пошла. Разъ во время прогулки она съ ними встрѣтилась. Она стояла на дорогѣ возлѣ ограды сада, окруженная цѣлою толпою бабъ и крестьянскихъ дѣвушекъ. Онѣ приходили къ ней за медицинскими совѣтами: Богъ вѣсть почему, Наташа въ деревнѣ прослыла за лѣкарку. Гриша звалъ ее въ лѣсъ, но ей нельзя было идти, дѣла еще много оставалось неконченнаго: въ деревнѣ надо было двухъ больныхъ старухъ навѣстить и потомъ у себя дома прошеніе написать для той самой женщины, съ которою Гриша ее видѣлъ утромъ, когда онъ пріѣхалъ. Все это было прекрасно, и Гришѣ нравилось, конечно, что сестрѣ удалось такъ пріучить къ себѣ народъ, а все-таки было жаль чего-то, было жаль прежней, беззаботно веселой Наташи, которая никогда не отказывалась участвовать въ играхъ и въ прогулкахъ.

Время обѣда уже приближалось, когда Гриша, порядочно усталый и запыленный, вернулся съ братишками въ садъ. Они прошли мимо замѣченнаго имъ прежде мѣста, гдѣ обвалилась ограда.

— Что же это не поправятъ?—спросилъ онъ у одного изъ мальчиковъ.

— Папа хотѣлъ приказать, мы ему говорили.

Передъ ними очутился новый садовникъ Гаврила. Съ развязностью бывалаго питерщика, онъ представился молодому барину и сталъ ему расхваливать свои нововведенія, конечно, жалуясь при этомъ, что „порядковъ никакихъ не дознаешься и въ народѣ все отказъ бываетъ“.

— А то мы развѣ въ такомъ бы видѣ вамъ садъ представили!—похвастался онъ.

Гриша указалъ ему на обвалившуюся стѣну. Гаврила сердито махнулъ рукой.

— Докладывали мы вашему папенькѣ, оченно его

даже утруждали, да что! распоряженія нѣтъ никакого настоящаго!

Гриша отвернулся, не желая продолжать разговоръ на эту тему. Во время своей прогулки по усадьбѣ, онъ примѣтилъ не одно упущеніе. Съ прошлой осени все какъ будто чуть-чуть постарѣло и осунулось, словно ослабла заботливая рука хозяина. И Гриша сказалъ себѣ, что завтра же про все это переговоритъ съ отцомъ.

Но вотъ у самаго обвала стѣны показалась стройная фигура Наташи. Она вся зардѣлась отъ прогулки по солнцу, платье глядѣло немного помятымъ, длинныя косы расплелись и, какъ прежде, свободною волной опустились на плечи.

— Такъ вотъ вы гдѣ,—воскликнула она,—а я васъ-таки искала!

Она мигомъ вспрыгнула на широкій, неровный камень фундамента, торчавшій на самомъ мѣстѣ обвала.

— Да ты ушибешься!—воскликнулъ Гриша и подбѣжалъ къ сестрѣ, чтобы протянуть ей руку.

— Вотъ еще! Я не по такимъ мѣстамъ лазить умѣю. Она ловко пробралась по камню и мусору, и соскочила въ садъ.

— Ты устала, должно-быть? — заботливо спросилъ Гриша.—Какъ можно безъ зонтика ходить?! Да и посмотри, у тебя платье разорвано. а въ волосахъ репейникъ торчитъ. И онъ высвободилъ ея волосы отъ колючей шишки репейника.

— Устала я, правда, немножко!—улыбнулась она.—Да это ничего! привыкла! Ну, сядемъ вотъ здѣсь,—она указала рукой на обвалившуюся бесѣдку, всю обросшую кустами акаціи,—да поболтаемъ по-старинному! А мальчиковъ ты отпусти.

Мальчики, впрочемъ, и безъ того убѣжали: они поняли, что старшимъ теперь уже не до нихъ.

— Знаешь, Наташа,—заговорилъ ея братъ. закуривая папироску,—какую я въ тебѣ перемѣну замѣчаю?

Ты, пожалуйста, не разсердись только! Прежде, когда ты еще дѣвочкой была, ты, помнится, собой много занималась, и я увѣренъ былъ, что изъ тебя настоящая кокетка выйдетъ. Право! Ты всегда такою нарядною глядѣла, а теперь...

— Ну, что же теперь?—она посмотрѣла на него въ упоръ.—Говори прямо!

— Теперь въ тебѣ какъ разъ обратное замѣтно. И ты этимъ какъ будто даже щеголяешь немножко.

— Вотъ какъ, щеголяю даже! И вы, Григорій Михайловичъ, за это меня упрекнуть готовы? За то упрекнуть, что у меня теперь не такой вѣтеръ въ головѣ, какъ прежде; за то, что я не занимаюсь много своимъ туалетомъ, да въ зеркало собой не любуюсь? И по-твоему это нехорошо?

— Не то, чтобы нехорошо, а есть въ этомъ какъ будто преднамѣренность какая-то, ну протестъ что ли какой-то... А противъ чего протестъ, я, право, не разберу.

Наташа громко расхохоталась.

— Ну, этого я отъ тебя не ожидала, Гриша. Должно-быть, ты больно ужъ на кисейныхъ барышень въ Петербургѣ залюбовался. И захотѣлось тебѣ, чтобы твоя деревенская сестра на нихъ походила! Чего другого, а этого отъ меня не жди! И кому ты мнѣ прикажешь здѣсь кружить голову? Ксенофонту Матвѣевичу что ли?

— А кто такой сей невѣдомый субъектъ?—спросилъ Гриша.

— Ахъ, ты его еще не видалъ! Ксенофонтъ Матвѣевичъ Клировъ—учитель братьевъ. Онъ къ намъ на лѣто пріѣхалъ, московскій студентъ, естественникъ, а родомъ онъ изъ здѣшнихъ мѣстъ, сынъ Гнѣздовскаго священника.

— Стало-быть кутейникъ! Очень нужно было такого для братьевъ приглашать!

— А... вотъ какъ вы изволите выражаться, Григорій Михайловичъ! Кутейникъ!.. Барскихъ предразсуд-

ковъ въ Петербургѣ набрались. Должно быть у тети Лизы!

— Никакихъ во мнѣ предразсудковъ нѣтъ,—серьезно отвѣтилъ Гриша,—а породу эту не люблю, это правда! Впрочемъ, готовъ извиниться и взять это слово назадъ, коли сей юнецъ того заслуживаетъ. Хорошій онъ человѣкъ, да?

— Человѣкъ онъ преотличный! Смѣшной, правда, немножко, но такой честный и добрый... ну, да ты самъ увидишь! Жилъ онъ всегда на мѣдные гроши, въ Москвѣ пробивался уроками да перепиской, а когда началась Сербская война, бросилъ университетъ и пошелъ въ добровольцы. А какой онъ военный! Онъ и ружья, кажется, передъ этимъ никогда въ рукахъ не держалъ.

— И, стало быть, за славянскую идею стоитъ?!—живо откликнулся Гриша.—Это хорошо! Идеалистъ...

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ!—продолжала разсказывать Наташа. — Напротивъ, коли его послушать, ни во что не вѣритъ, а все-таки душа въ немъ чистая, какъ у ребенка. У насъ съ нимъ длинные споры бываютъ. И вотъ еще: когда онъ только свободенъ отъ занятій съ братьями, сейчасъ въ лѣсъ заберется и травки собираетъ: онъ ботаникъ. И готовъ онъ забыться тамъ на цѣлые часы, даже безъ ѣды остается.

— Курьезный субъектъ! — отозвался Гриша, бросая окурокъ папиросы. Оба промолчали съ минуту.

— Да ты вотъ что скажи,—началъ онъ опять. глядя ей въ лицо.—Съ кѣмъ ты здѣсь еще встрѣчалась? Вѣдь, не этотъ же сербскій доброволецъ имѣлъ на тебя такое вліяніе?

Услышавъ это, Наташа гордо выпрямилась.

— Вліяніе!—сказала она, хмуря брови.—Какое вліяніе? Я старше стала и кое-что понимаю теперь, вотъ и все! И, коли правду сказать, не я перемѣнилась, а ты.

— Въ чемъ же перемѣна?—переспросилъ онъ.

— Да хоть въ томъ, что мы вотъ съ полчаса тол-

куемъ, а ты мнѣ еще ни слова не сказалъ, что у васъ было въ университетѣ какъ разъ передъ твоимъ отъѣздомъ. Прежде ты не относился къ этому такъ равнодушно.

— Ахъ, да! Эта глупая исторія... Да ты откуда про нее слышала?

— Глупая исторія! — негодующимъ голосомъ перебила его Наташа.—А знаешь, какія послѣдствія этой глупой исторіи? Ксенофонтъ Матвѣевичъ вчера только получилъ письмо изъ Петербурга отъ одного изъ своихъ друзей, отъ Перекатова. Онъ тоже здѣшній, изъ нашей губерніи.

— Да я его знаю!—перебилъ Гриша.—Онъ мой хорошій товарищъ. Ну, такъ что же? говори!

— Перекатовъ ему пишетъ, что послѣ сходки...

— Такъ они все-таки пошли на эту сходку, — воскликнулъ Гриша, перебивая сестру.—Какъ это глупо!..

— Нѣтъ не глупо! — вспыхнула Наташа. — Я право тебя не понимаю, Гриша. Это просто возмутительная несправедливость со стороны вашего начальства!

— Ну, да разсказывай же порядкомъ, а то изъ твоихъ словъ ничего не разберешь!

Но ей не пришлось разсказать. По дорожкѣ изъ-за густыхъ сиреневыхъ кустовъ послышались чьи-то торопливые шаги и крупные, и неровные въ то же время: такъ ходятъ обыкновенно робкіе люди. Минуту спустя показалась худощавая, неуклюжая фигура, въ высокихъ сапогахъ и въ широкомъ болтавшемся на ней холстинковомъ пиджакѣ. Это былъ учитель Клировъ. Увидавъ Наташу, онъ слегка покраснѣлъ и нерѣшительно остановился передъ входомъ въ бесѣдку. Лицо его съ рѣдкою бородой, со скуластыми щеками и короткимъ мясистымъ носомъ, было очень некрасиво. Да и вся его оторопѣлая, будто развинченная фигура, съ черезчуръ длинными руками, которыми онъ часто и порывисто размахивалъ, возбуждала невольный смѣхъ. Но за то было столько искренности и доброты въ его

робкихъ, сѣрыхъ глазахъ и въ мягкомъ очертаніи слегка дрожавшихъ губъ, что смѣхъ этотъ тотчасъ замиралъ, уступая мѣсто довѣрчивой симпатіи.

— Войдите, Ксенофонтъ Матвѣевичъ, войдите!—сказала Наташа. — Вотъ это мой братъ!—отрекомендовала она Гришу.—Онъ только что пріѣхалъ.

Клировъ неловко пожалъ протянутую ему руку молодого человѣка.

— Вы и завтракать сегодня не пришли! Въ лѣсъ ходили?

— Занятій сегодня не полагалось, Наталья Михайловна!—съ очевидною застѣнчивостью отвѣтилъ учитель.—Ну, такъ я и порѣшилъ весь день посвятить на экскурсію, далеко ходилъ. А какъ хорошо-то! Погода—роскошь! А насчетъ завтрака не извольте безпокоиться. Меня въ деревнѣ молокомъ съ хлѣбомъ накормили.

— Ну, такъ присядьте и разскажите брату, что вамъ пишутъ изъ Петербурга?

Клировъ принялся разсказывать немного сбивчиво, то ускоряя, то замедляя рѣчь. Оказалось, что всѣ участники въ сходкѣ были переписаны и двѣнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ Перекатовъ, исключены изъ университета и высланы на родину.

Гришѣ стало очень совѣстно и онъ живо упрекнулъ себя за то, что, уѣзжая изъ Петербурга, онъ не позаботился даже разузнать про судьбу товарищей.

— Перекатовъ, должно быть,—заключилъ свой разсказъ Клировъ,—на-дняхъ въ здѣшніе палестины прибудетъ. Вы, можетъ быть, его увидите, Григорій Михайловичъ.

Въ эту минуту изъ-за дома съ той стороны, гдѣ было крыльцо, послышался веселый звонъ колокольчика, а минуту спустя къ дому подкатилъ экипажъ.

— Это папа, должно быть, пріѣхалъ!—сказалъ Гриша, живо поднимаясь съ мѣста.—Пойдемъ!

Михаила Андреевича Гриша засталъ уже въ столовой, гдѣ онъ съ видимымъ аппетитомъ глодалъ лом-

тики сочнаго швейцарскаго сыра, запивая ихъ домашнею листовкой, которую на славу приготовляла старая ключница Агафья. Тамъ всѣ уже были въ сборѣ: и Варвара Петровна, и дѣти. Михаилъ Андреевичъ что-то живо и громко разсказывалъ, обтирая салфеткой молодецкіе усы и весело шутя съ двумя обступившими его мальчуганами. Они очень любили отца и совсѣмъ его не боялись. Да Михаила Андреевича нельзя было не любить! Съ дѣтьми онъ охотно шутилъ, игралъ съ ними, училъ кататься верхомъ и не бранилъ почти никогда. Словомъ, это былъ самый милый и веселый папаша, и хоть онъ немного времени посвящалъ дѣтямъ, надъ воспитаніемъ которыхъ не ломалъ себѣ головы, каждый изъ рѣдкихъ часовъ, который онъ проводилъ съ мальчиками, былъ для нихъ настоящимъ праздникомъ.

— Ага!.. Вотъ и нашъ философъ явился!..—привѣтствовалъ онъ старшаго сына.—Здравствуй, Гриша, здравствуй! Онъ потрепалъ его по плечу и звонко съ нимъ расцѣловался.—Ты, говорятъ, молодцомъ экзамены сдалъ, поздравляю!—А что-жъ, Варя? обратился онъ къ женѣ, пора бы и обѣдать.

— Сейчасъ подадутъ! — отвѣтила она, усаживаясь за столъ. Въ ея голосѣ слышалось раздраженіе.—Тебя дожидались. Мы сегодня цѣлымъ часомъ позже обѣдаемъ.

Варвару Петровну всегда сердили слишкомъ ужъ частыя отлучки мужа то въ губернскій городъ, то въ Москву. Для этихъ отлучекъ всегда имѣлись уважительные предлоги, связанные съ какими-то дѣлами. Но Варвара Петровна въ эти дѣла плохо вѣрила. А на этотъ разъ она имѣла свои причины особенно досадовать на мужа. И дай онъ себѣ трудъ вглядѣться въ ея лицо, онъ бы увидѣлъ въ немъ признаки сдержаннаго гнѣва. Но Михаилъ Андреевичъ слишкомъ привыкъ къ безусловной покорности жены, чтобы стараться разгадывать ея настроеніе.

— Ну, такъ я все-таки успѣю,—все тѣмъ же веселымъ тономъ продолжалъ онъ,—пока супъ подадутъ, руки вымыть да привести себя въ приличный видъ. Я всего на двѣ минуты!

Сказавъ это, онъ вышелъ и, въ самомъ дѣлѣ, черезъ какихъ-нибудь двѣ минуты вернулся. У Михаила Андреевича и походка, и всѣ движенія были не по лѣтамъ быстры. Въ сорокъ семь лѣтъ онъ сохранилъ замѣчательную моложавость. Рѣдкая сѣдина чуть-чуть лишь серебрила его мягкіе, густые, русые волосы и молодцеватыя бакенбарды, всегда выхоленныя и раздушенныя. Въ глазахъ его, слегка прищуренныхъ, часто вспыхивалъ огонекъ, и когда ему случалось разсказывать что-либо забористое,—до этого онъ былъ большой охотникъ,— они подергивались маслянистою влагой. Въ молодые годы онъ слылъ красавцемъ; да и теперь его рослая, плечистая фигура, на которой такъ ловко сидѣла свѣтло-сѣрая визитка,—одѣвался Михаилъ Андреевичъ всегда тщательно—его здоровое лицо съ большимъ прямымъ носомъ и крупными, слегка чувственными губами, сохранили почти юношескую молодцеватость. Съ перваго взгляда на него было видно, что жилось ему легко и привольно.

За обѣдомъ Михаилъ Андреевичъ много и оживленно разспрашивалъ сына, но еще болѣе говорилъ самъ. Онъ привезъ съ собою не только богатырскій аппетитъ, но и отличное расположеніе духа. На экстренномъ земскомъ собраніи, на которое онъ ѣздилъ, было шумно и людно, и слышанныя имъ тамъ хлесткія рѣчи—самъ Михаилъ Андреевичъ ораторствомъ не отличался—еще звенѣли въ его ушахъ.

— Ну-съ!.. хвастался онъ передъ женой и сыномъ,— земство наше, можно сказать, отличилось! Такого собранія я не запомню. Къ намъ запросъ былъ отъ губернатора на счетъ ассигнованія денегъ для семей убитыхъ и раненыхъ на войнѣ. Деньги мы, разумѣется, дали, но и не упустили случая показать имъ тамъ, въ Петер-

бургѣ, какого мнѣнія мы насчетъ ихъ милой политики. И написали же мы адресъ!.. такой адресъ, что ахнутъ тамъ въ министерствѣ! У Михаила Андреевича при этомъ даже глаза разгорѣлись, хоть самъ онъ былъ совсѣмъ неповиненъ въ составленіи адреса.

— Prenez garde, Michel!—испуганно отвѣтила Варвара Петровна, могутъ, пожалуй, еще выйти непріятности...

— Ничего! повѣрь мнѣ! — продолжалъ храбриться Михаилъ Андреевичъ. Насъ не тронутъ, они теперь сами носъ повѣсили. Да и надо, наконецъ, себя показать, тутъ, понимаешь, гражданскій долгъ... Говоря это, онъ глотнулъ изъ рюмки превосходной мадеры и съ наслажденіемъ отеръ себѣ губы. Михаилъ Андреевичъ былъ любитель и знатокъ хорошаго вина.

— Parlons français... devann les domestiques!—опять остановила его Варвара Петровна.

Но Михаилъ Андреевичъ, кстати довольно слабый по части французскаго языка, вовсе не расположенъ былъ соблюдать осторожность.

— Когда требуютъ отъ страны жертвъ,—продолжалъ онъ,—надо вести дѣло успѣшно. А коли этого не умѣютъ, такъ ужъ виноватъ! приходится горькія истины выслушивать.

— А ты самъ ихъ умѣешь выслушивать?—кислымъ тономъ спросила Варвара Петровна.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на жену. „Какая она строгая сегодня!—подумалъ онъ. Что съ ней?“ Она совсѣмъ не пріучила его выслушивать колкія замѣчанія.

— Я, кажется, не подаю повода!—полушутливо возразилъ онъ, теперь только вглядываясь въ недовольное лицо жены.

— Никакого повода, разумѣется!—иронически отвѣтила она.

Михаилъ Андреевичъ еще разъ на нее посмотрѣлъ, и рука съ приподнятою рюмкой, которую онъ готовился поднести къ губамъ, такъ и остановилась на полпути.

Онъ предпочелъ, однако, пропустить мимо ушей слова Варвары Петровны.

— Такъ это было замѣтно на собраніи, — сказалъ онъ,—всѣ мы какъ будто почувствовали отчего-то, что у насъ силы прибавилось...

— Но какъ же это, папа,—недоумѣвалъ Гриша,—силы прибавилось оттого, что Россія терпитъ униженія?

— Объ этомъ, разумѣется, мы всѣ сокрушаемся,— отвѣтилъ Михаилъ Андреевичъ, залпомъ опоражнивая рюмку.—Но за то, понимаешь, когда слабѣетъ правительство... всѣмъ дышется вольнѣе.—Говоря это, онъ даже повелъ глазами въ сторону Клирова, какъ бы ожидая найти у него сочувствіе.

Но Клировъ, даромъ что самого себя считалъ отъявленнымъ радикаломъ, горячо былъ преданъ родинѣ и ничего радостнаго въ ея неудачахъ не видѣлъ.

— А что у васъ тамъ, въ Петербургѣ, говорятъ?— снова обратился Михаилъ Андреевичъ къ сыну.—Очень шумятъ, волнуются?

— Лучше не спрашивай, папа. Самое тамъ глупое настроеніе! Острятъ тамъ, ногами попираютъ то самое, изъ-за чего мы воевали. Вотъ, напримѣръ, я передъ отъѣздомъ былъ на вечерѣ у тети Лизы.—И Гриша разсказалъ про то, что было у графини.

— Ну, да!—обличительнымъ тономъ провозгласилъ Михаилъ Андреевичъ.—Наше милое высшее общество всегда было такимъ. Нами только, провинціей, держится Россія!.. А признайся, Варя!—повернулся онъ къ женѣ,— тебя все еще тянетъ порой туда, въ Петербургъ?

— Я, кажется, цѣлыхъ двадцать три года доказываю, что умѣю жить и въ провинціи,—обиженно возразила Варвара Петровна.

— А все-таки по миломъ Петербургѣ вздыхаешь? И я увѣренъ, что все еще переписываешься съ этою старою вѣдьмой, твоею теткой...

— Michel! — укоризненно остановила его Варвара Петровна.

Но Михаилъ Андреевичъ не унимался.

— Ну, что такое Michel? — добродушно захохоталъ онъ.—Вѣдь, я знаю, что ты преисправно длиннѣйшія посланія къ ней отправляешь, и портретъ дорогой тетушки бережно у себя хранишь, да цѣлую дюжину карточекъ разныхъ милыхъ родственниковъ, которые и про существованіе-то твое успѣли забыть!

Михаилъ Андреевичъ долго говорилъ въ этомъ тонѣ. Онъ любилъ трунить надъ великосвѣтскими кумирами жены и дѣлалъ это вовсе не изъ гордаго пренебреженія къ ея родовитымъ связямъ, а изъ простого желанія подразнить жену. Варвару Петровну это всегда сердило, и она горячо заступалась за родныхъ. На этотъ разъ, однако, она съ достоинствомъ молчала. Но по сухому блеску ея глазъ видно было, какъ сильно закипало въ ней раздраженіе.

Гриша съ безпокойствомъ и недоумѣніемъ глядѣлъ то на мать, то на отца, рѣшительно не зная, что подумать. И прежде ему доводилось быть свидѣтелемъ маленькихъ стычекъ между родителями; но это были шутливыя, добродушныя стычки. А теперь уже было не то: теперь чувствовался какой-то глухой, затаенный разладъ.

Наконецъ у Варвары Петровны лопнуло терпѣніе.

— Я не понимаю,—сказала она по-французски, какъ бы не обращаясь ни къ кому въ особенности,—по какому праву такъ позволяютъ себѣ говорить люди, которые сами ровно ничего не дѣлали цѣлый вѣкъ!

Михаилъ Андреевичъ посмотрѣлъ на жену и промолчалъ. Онъ даже какъ будто опѣшилъ немножко. По крайней мѣрѣ онъ теперь уже не глядѣлъ козыремъ. Втайнѣ, должно быть, онъ чувствовалъ за собой какую-то вину передъ женой.

Конецъ обѣда прошелъ довольно натянуто. Разговоръ поддерживалъ больше Гриша. А Михаилъ Андреевичъ, хоть и старался ему отвѣчать съ оживленіемъ, а порой обращался и къ остальнымъ, очевидно, думалъ совершенно о другомъ.

Вскорѣ послѣ обѣда всѣ разбрелись. Дѣти убѣжали въ садъ, Наташа исчезла тоже куда-то, а Варвара Петровна увела мужа къ себѣ въ кабинетъ и долго съ нимъ пробесѣдовала. Объясненіе ихъ, должно быть, было не изъ самыхъ пріятныхъ. Сквозь открытыя окна порой долетали до террасы, гдѣ Гриша остался одинъ, рѣзкіе запальчивые звуки раздраженнаго голоса Варвары Петровны. Уже стемнѣло, когда Михаилъ Андреевичъ вышелъ изъ комнаты жены и принялся ходить крупными шагами взадъ и впередъ по террасѣ. Онъ пощипывалъ усы и насвистывалъ какой-то маршъ, а это всегда служило признакомъ, что Михаилу Андреевичу не по себѣ.

— Повтори мнѣ еще разъ, Гриша,—обратился онъ вдругъ къ сыну,—что тебѣ говорилъ Коловратскій.

Гриша про это уже упомянулъ за обѣдомъ, но тогда Михаилъ Андреевичъ выслушалъ его съ равнодушною, снисходительною улыбкой человѣка, которому не въ диковинку быть на самой короткой ногѣ съ любымъ сановникомъ. За то теперь онъ сталъ разспрашивать сына очень внимательно.

— Хм..! Вотъ какъ!.. задумчиво отозвался онъ на разсказъ сына.—Объ этомъ стоитъ подумать. Видишь ли, мой милый, очень можетъ статься, что мы на зиму переѣдемъ въ Петербургъ.

— А какъ же твоя земская служба, папа? съ удивленіемъ спросилъ Гриша, крѣпко вѣрившій въ преданность отца земскому дѣлу.

— Хм... да! нерѣшительно произнесъ Михаилъ Андреевичъ. — Поживемъ, увидимъ! Быть мировымъ судьей тоже не ахти что-за важность! Я еще, понимаешь, ничего не рѣшилъ, но вѣдь надо же и мальчиковъ въ гимназію опредѣлить: здѣшніе учителя что!..

Въ прежніе годы Михаилъ Андреевичъ никогда такъ не отзывался о мѣстныхъ преподавателяхъ. Самъ Гриша вѣдь учился въ Тулѣ! Но времена, должно-быть, измѣнчивы, и Гришѣ пришлось разубѣдиться въ пламенномъ рвеніи отца къ своей выборной службѣ.

— Нельзя же всѣмъ намъ здѣсь вѣчно киснуть! продолжалъ его отецъ, какъ бы извиняясь.—Да и тебѣ надо будетъ на службу поступить. У тебя есть на этотъ счетъ какіе-нибудь планы?

Гриша сказалъ отцу про свое намѣреніе посвятить себя хозяйству.

— Ну да, хозяйство! ты къ нему и лѣтомъ присмотришься. Да, откровенно говоря, это самое пустое занятіе: овчинка выдѣлки не стоитъ. Вотъ хоть я напримѣръ, цѣлый вѣкъ съ нимъ вожусь, а чего я въ сущности достигъ?!

Гриша самъ еще хорошенько не зналъ, за какое дѣло ему приняться. Онъ весь порывался къ жизни и движенію, какъ молодой конь, чувствующій въ себѣ избытокъ силъ; но будущая дѣятельность ему рисовалась пока въ довольно туманныхъ очертаніяхъ. Деревня его манила своимъ привольемъ, съ охотой за птицей лѣтомъ и съ гончими осенью, а впереди была земская служба, казавшаяся ему особенно благородною и привлекательною. Но пожалуй онъ былъ не прочь и отъ Петербурга, тѣмъ болѣе, что тамъ ждала его дружба съ Юріемъ и гостепріимный домъ Коловратскихъ. Все это онъ откровенно высказалъ отцу, ходя съ нимъ взадъ и впередъ по широкой террасѣ.

— Да, да! поживемъ, увидимъ! повторилъ Михаилъ Андреевичъ.—Если Коловратскаго въ самомъ дѣлѣ назначатъ, я тебя непремѣнно къ нему пристрою. Мы были съ нимъ когда-то большіе пріятели...

Разговоръ ихъ былъ прерванъ Варварой Петровной, появившеюся въ дверяхъ. Лицо ея носило еще слѣды недавно пролитыхъ гнѣвныхъ слезъ.

— Гриша!—сказала она сыну, явно стараясь не глядѣть на мужа.—Приди ко мнѣ на минутку: я не успѣла съ тобой хорошенько переговорить.

— Поди къ матери, поди!—тотчасъ отпустилъ сына Михаилъ Андреевичъ, и Гриша замѣтилъ на его лицѣ какое-то странное, виноватое выраженіе.

Гриша послѣдовалъ за матерью въ угловую диванную, превращенную въ кабинетъ, гдѣ она любила проводить долгіе часы въ мечтательномъ, немного слезливомъ раздумьѣ, возвращаясь мысленно назадъ къ тусклымъ годамъ своей молодости, которую теперь ея воображеніе разукрашивало небывалою поэзіей. Здѣсь было ея настоящее святилище, гдѣ она тщательно сберегала свои немногія петербургскія воспоминанія. Въ углу стояла маленькая старинная кушетка, обитая ситцемъ, единственное украшеніе ея комнаты въ домѣ тетки. Портретъ этой тетки, сухой и сгорбленной женщины, съ сердитымъ выраженіемъ лица, висѣлъ на стѣнѣ, окруженный многочисленными фотографіями, изображавшими живыхъ и мертвыхъ представителей фамиліи Двинскихъ; въ числѣ ихъ были и такіе, которыхъ Варвара Петровна никогда въ глаза не видала. На маленькой этажеркѣ были собраны въ рядъ книжки, подаренныя при выпускѣ изъ института. Всѣ эти жалкіе остатки блѣднаго прошлаго имѣли теперь въ ея глазахъ необыкновенную цѣну. И ихъ она призывала въ свидѣтели, когда она мысленно жаловалась на свою теперешнюю жизнь, хотя настоящее счастье она узнала въ этой самой деревенской жизни, казавшейся ей такою заурядною. Но въ человѣческомъ сердцѣ жива потребность создавать себѣ хотя бы въ прошломъ фантастическій образъ небывалаго блеска.

Для Гриши же не было ровно ничего смѣшного въ томъ набожномъ почитаніи, съ которымъ Варвара Петровна берегла свои маленькія сокровища. Напротивъ, онъ относился къ нимъ почти такъ же сердечно, какъ и она сама. Входя въ ея завѣтную комнату, онъ всякій разъ ощущалъ словно новый приливъ ласковой нѣжности къ матери. И теперь, когда она усадила его рядомъ съ собой на маленькой, низкой кушеткѣ, и онъ ближе вглядѣлся въ ея заплаканные глаза, теплая волна сыновняго чувства хлынула ему на душу. Онъ бережно обнялъ мать и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее именно

въ глаза, куда онъ съ самаго дѣтства такъ любилъ ее цѣловать.

— Ты плакала, бѣдная мама! говорилъ онъ.—Отчего ты плакала. Развѣ ты не рада, что я пріѣхалъ?

— Какъ не рада, Гриша! улыбаясь, отвѣчала она на его поцѣлуи. — И совсѣмъ я не плакала, тебѣ только такъ кажется.

И въ самомъ дѣлѣ Варвара Петровна ощущала въ эту минуту приливъ гордой радости. Вдвоемъ съ сыномъ, съ этимъ красавцемъ Гришей, который такъ ее любитъ, она чувствовала себя какъ-то сильнѣе.

— Ну, скажи мнѣ еще что-нибудь про себя!—повторила она; и хоть она говорила, что вовсе не плакала, слезы опять теперь навертывались у ней на глазахъ. Только это были уже радостныя, торжествующія слезы.

Гриша въ сущности ничего ей не могъ разсказать. Совсѣмъ не такъ легко разсказывать про себя, выкладывая все по порядку. Да и Гриша теперь какъ бы оторвался отъ Петербурга и всѣмъ существомъ своимъ принадлежалъ деревнѣ, ея милымъ воспоминаніямъ и тому, что ждало его тамъ впереди. А Варвара Петровна восхищалась каждымъ его словомъ, хотя собственно и не слушала того, что онъ говорилъ. Ей вовсе не надо было знать, какъ Гриша думаетъ перестроить оранжерею и какія новыя дорожки проложитъ въ саду. Хотѣлось ей только самаго звука его милаго голоса, и ей хорошо было сознавать, что въ немъ каждое ея маленькое горе найдетъ вѣрный отголосокъ.

У Варвары Петровны то и дѣло почти безсознательно вырывались жалобы на мужа. Недавнее раздраженіе еще не улеглось и все еще сквозило изъ-за радости быть здѣсь, въ любимомъ углу, вдвоемъ съ дорогимъ сыномъ. Невзначай она спросила у Гриши, что говорилъ ему отецъ, когда она застала ихъ на терассѣ, и услыхавъ его отвѣтъ, она иронически замѣтила, что Михаилъ Андреевичъ напрасно самому себѣ приписываетъ намѣреніе переѣхать въ Петербургъ, что до сихъ поръ

ему это и въ голову не приходило. А вѣдь ея лучшіе годы были принесены ему въ жертву: она безропотно провела всю молодость въ этомъ захолустьѣ... Гришѣ было очень больно это слушать; онъ, конечно, сочувствовалъ матери, цѣнилъ принесенную ею жертву, но тѣмъ самымъ разбивалось его представленіе о томъ особомъ, тихомъ и ровномъ счастьи, среди котораго, какъ прежде онъ думалъ, протекла жизнь его родителей.

— Я не должна бы говорить такъ... не должна!—по-французски повторяла Варвара Петровна, отирая слезы.— Сыну не годится быть судьею между отцомъ и матерью.

— Да что жъ такое случилось?—встревоженно спросилъ Гриша.

— Ничего, мой другъ! Ничего!—отвѣтила она, лаская его густые, мягкіе волосы. — Отецъ твой былъ... былъ очень несправедливъ ко мнѣ. Но теперь это все... улажено и позабыто.

А случилось вотъ что: какъ разъ наканунѣ пріѣзда Гриши, зашедши въ кабинетъ мужа, чтобы взять оттуда позабытую ею книгу, она нашла на письменномъ столѣ распечатанный конвертъ, на которомъ адресъ Михаила Андреевича былъ написанъ незнакомою ей женскою рукой. Полубезсознательно, совсѣмъ даже не думая, что она совершаетъ что-либо дурное, Варвара Петровна прочла записку... прочла и остолбенѣла! По содержанію нельзя было усомниться въ томъ, что писала ее любовница мужа. Она заранѣе радовалась предстоявшему свиданію и съ полной довѣрчивостью говорила про свои маленькія домашнія дѣла. Видно было, что связь ея съ Михаиломъ Андреевичемъ началась не со вчерашняго дня. Въ тонѣ записки чувствовалась короткость, свидѣтельствовавшая о привычкѣ все передавать другъ другу. Варвару Петровну доказательство измѣны мужа вывело изъ себя. За нимъ и прежде, конечно, водились грѣшки, но это большею частью были лишь кратковременныя развлеченія съ разными Акульками да Матрешками изъ ближайшаго сосѣдства. Въ первые годы и

эти сельскія идилліи возмущали Варвару Петровну. Она, подарившая мужу все, и молодость свою, и будущія надежды, имѣла право разсчитывать на безраздѣльную любовь. Мало-по-малу однако она къ этому привыкла и стала смотрѣть на шалости мужа сквозь пальцы. Акулька и Матреша не могли быть опасными соперницами. Разъ, правда, у Михаила Андреевича завелась болѣе серьезная интрига съ молодою экономкой, миловидною нѣмочкой изъ Ревеля, но ее скоро удалось изобличить въ кражѣ молока и скопа, и Михаилъ Андреевичъ долженъ былъ согласиться на удаленіе фаворитки.

Теперь было совсѣмъ иное. Особа, съ которою Михаилъ Андреевичъ переписывался такъ развязно, не считая даже нужнымъ прятать ея письма, принадлежала къ числу самыхъ опасныхъ. Она была разведенная жена одного изъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, стало быть,—такъ разсуждала Варвара Петровна,—очевидная вольнодумка и женщина безо всякихъ правилъ; вдобавокъ она занималась литературой и участвовала въ какомъ-то петербургскомъ журналѣ. Отъ такой женщины всего можно было ожидать, даже, про это и подумать страшно, побѣга съ Михаиломъ Андреевичемъ. Почтенныя лѣта мужа не придали этой мысли комическаго оттѣнка, за то усугубили его виновность. Вотъ почему Варвару Петровну Гриша засталъ въ такомъ нервномъ, раздраженномъ настроеніи, что даже его пріѣздъ не разсѣялъ накопившуюся тучу. Вотъ почему шутки мужа во время обѣда возбуждали въ ней такое негодованіе.

И досталось-таки бѣдному Михаилу Андреевичу отъ своей всегда покорной супруги. Не даромъ говорятъ, что, когда робкіе, тихіе люди выведены изъ терпѣнія, они въ состояніи перещеголять самыхъ рѣшительныхъ. Варвара Петровна разомъ стряхнула съ себя тяготѣвшее надъ нею иго. Какъ! Она состарилась здѣсь, народила ему дѣтей, и пока онъ на сторонѣ отыскивалъ себѣ удовольствіе, воспитала ихъ, не жалѣя ни времени, ни трудовъ! И вотъ награда! Она, безу-

пречно вѣрная жена, должна терпѣть, что какая-то проходимка, une femme perdue, можетъ быть нигилистка, овладѣла ея мужемъ, станетъ разорять его, отниметъ будущее состояніе дѣтей, а можетъ быть, чего добраго, захочетъ за него выйти замужъ!.. Вѣдь теперь, говорятъ, это возможно. И онъ не сознаетъ даже, какъ смѣшно, какъ позорно его поведеніе! Онъ, почти старикъ, даетъ себя увлечь, какъ мальчишка! Такъ вотъ почему онъ такъ часто ѣздитъ въ Тулу подъ предлогомъ разныхъ дѣлъ и этихъ глупыхъ собраній. Вотъ, почему онъ при дѣтяхъ говоритъ возмутительныя рѣчи contre le gouvernement!.. И чѣмъ же все это кончится? Разореніемъ, скандаломъ?—Да, скандаломъ...

Но Варвара Петровна этого не допуститъ. Она вѣрнымъ сторожемъ будетъ стоять у домашняго очага и защищать бѣдныхъ дѣтей противъ легкомысленнаго отца. И если въ немъ есть капля совѣсти и чести, онъ пойметъ, что надо разорвать эту позорную связь, отъ которой ему нечего ждать кромѣ гибели.

Михаилъ Андреевичъ, молча, съ поникшею головой выслушалъ эту горячую отповѣдь. Нѣкоторая высокопарность въ выраженіяхъ его жены не вызвала у него даже улыбки. Онъ казался уничтоженнымъ. И когда, наконецъ, Варвара Петровна выставила условія, на которыхъ могъ быть заключенъ миръ, Михаилъ Андреевичъ поспѣшилъ изъявить согласіе. Условія эти заключались въ томъ, что они на зиму переѣдутъ въ Петербургъ, и Михаилъ Андреевичъ тамъ пристроится на службѣ. Конечно, это будетъ стоить денегъ, но, оставаясь въ провинціальной глуши, семья никогда не выберется на свѣтъ Божій и сыновья никогда не сдѣлаютъ карьеры. А въ Петербургѣ самъ Михаилъ Андреевичъ, которому всего сорокъ семь лѣтъ—теперь жена уже не обзывала его старикомъ—найдетъ себѣ хорошее мѣсто: не даромъ же Гриша привезъ такія предложенія отъ Коловратскаго.

Словомъ, торжество Варвары Петровны было полное.

Но она отъ этого не смягчилась. Говорятъ, одержанная побѣда склоняетъ къ милости; съ женщинами это едва-ли такъ: А кабы Варвара Петровна знала настоящія причины уступчивости мужа, она не имѣла бы особенной причины торжествовать. Передовая дама, съ которою Михаилъ Андреевичъ сблизился за шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ, успѣла ему порядкомъ-таки наскучить. Онъ не разрывалъ съ ней не то изъ деликатности, не то изъ-за какой-то лѣнивой боязни предъ неизбѣжною сценою. Теперь былъ на лицо готовый нравственный поводъ, которымъ разрывъ облагораживался въ глазахъ Михаила Андреевича. Но было и нѣчто другое. Во время сессіи на вечерѣ у губернатора Михаилъ Андреевичъ случайно познакомился съ хорошенькою вдовушкой, у которой было въ губерніи имѣніе, разумѣется, очень разстроенное. Звали ее Анна Всеволодовна Бакалейцова. Вдовушка, у которой было до Михаила Андреевича дѣло по его участку, очаровала его сразу искристыми взглядами своихъ черныхъ глазокъ и задорно-хитрою улыбкой своихъ пухленькихъ губокъ. Михаилъ Андреевичъ съ тѣхъ поръ успѣлъ уже три раза у нея побывать и убѣдился въ томъ, что Анна Всеволодовна его за старика не считаетъ. Онъ узналъ вдобавокъ, что вдовушка зиму намѣрена провести въ Петербургѣ. Послѣднее обстоятельство онъ, конечно, счелъ излишнимъ повѣдать женѣ.

Варвара Петровна и Гриша пробесѣдовали долго, даже чай она захотѣла пить не со всѣми въ столовой, а здѣсь съ нимъ вдвоемъ. Многое у нея было на душѣ; и хотя про главное, про свою размолвку съ мужемъ, она сыну сказать не могла, на сердцѣ у нея стало все-таки какъ-то легче. Не высказывая прямыхъ обвиненій противъ мужа, она хоть косвенно, намеками, дала исходъ накопившемуся у нея раздраженію. Да и не одинъ мужъ ее безпокоилъ. Наташа тоже стала какая-то странная. И Гриша замѣтилъ, конечно, случившуюся съ ней перемѣну?

— Замѣтилъ, да!—понуривъ голову, сказалъ онъ.— Она какъ будто въ лѣсъ смотритъ, точно на свободу порывается...

— На свободу!—воскликнула Варвара Петровна.—Да развѣ кто-нибудь мѣшаетъ ей дѣлать, что угодно! Нѣтъ я прямо тебѣ скажу, въ чемъ дѣло. Она разныхъ сумасбродныхъ идей набралась тамъ, у тетки прошлымъ лѣтомъ. Кто ей тамъ голову вскружилъ, не знаю. Постарайся ее разспросить! И зачѣмъ я пустила ее туда? Вѣдь, знала же я, что Вѣра Андреевна — такъ звали старшую сестру Михаила Андреевича—совсѣмъ пустая женщина, которая и свою-то дочь воспитать не сумѣла. А мужъ ея, Николай Ѳедоровичъ Берестовъ, совсѣмъ вѣдь изъ красныхъ! Да, не могу себѣ этого простить. Я, право, думаю, что Наташа оттуда вернулась... нигилисткой!

Его сестра, его дорогая Наташа — нигилистка! этого Гриша допустить не могъ. Онъ старался разувѣрить и успокоить мать на этотъ счетъ. Но, у него самого все сильнѣе выростало сознаніе, что и въ деревнѣ, въ родномъ Солнцевѣ, не такъ просто и гладко складывается жизнь, какъ онъ прежде думалъ. И здѣсь возникаютъ тревожные вопросы, и здѣсь всходятъ уже сѣмена раздора.

И вотъ, наконецъ, когда всѣ въ домѣ улеглись, онъ наверху, въ своей комнатѣ съ окнами, выходящими въ садъ, въ комнатѣ, гдѣ онъ жилъ съ ранняго дѣтства, гдѣ все ему говоритъ о миломъ прошломъ, тѣмъ болѣе миломъ, что оно такъ не замѣтно сливается съ настоящимъ. На стѣнѣ виситъ все тотъ же портретъ, писанный неискустною рукой, но все-таки смотрящій на него съ доброю, сладкою улыбкой счастливой двадцатидвухлѣтней женщины. А на другой стѣнѣ кѣмъ-то и почему-то повѣшенныя изображенія тучнаго господина въ кафтанѣ Екатерининскаго вѣка съ Андреевскою лентой черезъ плечо; рядомъ съ нимъ историческая картина, представляющая Петра Великаго на работахъ

Ладожскаго канала. И портретъ, и картина намалеваны грубо, но они все-таки дороги Гришѣ, какъ дорогъ ему уцѣлѣвшій его письменный столикъ, за которымъ онъ въ дѣтствѣ приготовлялъ уроки. И вотъ онъ здѣсь опять. И въ открытыя окна майская ночь посылаетъ къ нему свои пахучія волны. Первый день въ деревнѣ конченъ, и Гриша старается привести въ порядокъ свои впечатлѣнія. Не всѣ они радостнаго свойства. Многое измѣнилось въ семьѣ и измѣнилось къ худшему. У матери съ отцомъ какія-то несогласія; Наташа, веселая, беззаботная Наташа, смотритъ дикаркой; и въ концѣ концовъ, всѣ они, тяготятся прежнею, давно знакомою жизнью; всѣхъ тянетъ на просторъ, въ столицу. И старые, вѣрные устои, въ крѣпость которыхъ такъ вѣрилось Гришѣ, расшатаны и грозятъ паденіемъ.

Гриша вздохнулъ и долго неподвижно простоялъ у открытаго окна. Вѣтеръ пробѣгалъ по верхушкамъ деревьевъ и тихо, безъ шума колыхалъ ихъ молодыя вѣтви. Задумчивая ночь, безлунная и безмолвная, уже не Петербургская, бѣлая, возбуждающая ночь, спокойно глядѣлась ему въ окно, зорко, но безстрастно мерцая тысячами звѣздъ. Это то же небо, и все тѣ же звѣзды-прекрасныя, хоть и неизмѣнныя! И садъ остался все тѣмъ же; незамѣтно, на чуточку лишь подросли деревья. Вотъ и соловей въ кустѣ бузины на старомъ мѣстѣ защелкиваетъ все ту же старую пѣсню. Отчего же, думалось Гришѣ, среди вѣчно-неизмѣнной прелести, вѣчно-юной природы, такъ быстро измѣняются и вянутъ и людская жизнь, и людскія надежды? Теперь, ему уже, не кажется, что прошлое незамѣтно слилось съ настоящимъ. Его ужъ нѣтъ, его унесло куда-то!

Гриша опять вздохнулъ, еще разъ всмотрѣлся въ знакомое очертаніе сада и закрылъ окно. Но долго ему не удалось заснуть, и бѣлѣвшая заря уже прокрадывалась къ нему сквозь опущенную занавѣсь, когда крѣпкій молодой сонъ далъ, наконецъ, успокоиться его возбужденному мозгу.

VII.

Гриша долго не просыпался. Не разбудили его ни громкіе птичьи голоса, съ самой зари неумолкаемо чирикавшіе въ саду подъ его окнами, ни церковный благовѣстъ, гулко раздававшійся въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Былъ уже девятый часъ, когда въ его дверь постучались братишки, по обыкновенію поднявшіеся рано.

— Гриша, неужто ты спишь?—отворивъ дверь окрикнулъ его старшій изъ мальчиковъ.—Всѣ давно встали. Мама уже къ чаю вышла. Ты съ нами въ церковь развѣ не пойдешь? Сегодня воскресенье.

Младшій братъ, Митя, не смѣлъ войти и нерѣшительно осматривалъ комнату, ежась къ раскрытой двери.

Гриша протеръ глаза и съ наслажденіемъ потянулся на кровати.

Вся комната весело сіяла въ яркихъ солнечныхъ лучахъ, пронизывавшихъ спущенныя занавѣси. Все въ ней словно улыбалось и помолодѣло, и полинялая старая мебель, и самыя картины съ облупившеюся позолотой на рамахъ.

— Какъ! Половина девятаго!—воскликнулъ Гриша, посмотрѣвъ на часы и, вскочивъ на ноги, отдернулъ занавѣси и растворилъ окно. Радостно хлынулъ въ комнату свѣжій, утренній воздухъ. Гриша залюбовался на проснувшійся садъ. Онъ весь сіялъ въ безчисленныхъ переливахъ свѣта, дрожавшаго на молодой зелени.

Что можетъ быть лучше перваго утра въ деревнѣ въ тѣ ранніе, лѣтніе дни, когда весь Божій міръ полонъ говора и жизни, не суетной, болѣзненной жизни большаго города, а того стройнаго ликованія природы, которое одно только и знаетъ—полную безпримѣсную радость. Гриша въ эту минуту совсѣмъ позабылъ про вчерашнія впечатлѣнія, и родная усадьба опять явилась передъ нимъ во всей свѣтлой прелести его дѣт-

скихъ годовъ. Онъ одѣлся и быстро спустился съ лѣстницы. Мать онъ засталъ на террасѣ за чайнымъ столомъ съ Наташей и съ учителемъ. Не было одного Михаила Андреевича: онъ толковалъ съ приказчикомъ у себя въ кабинетѣ. На лицѣ Варвары Петровны ночь не совсѣмъ еще стерла слѣды вчерашнихъ волненій. Но Гриша этого не примѣтилъ. Онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, что на каждомъ лицѣ ему виднѣлась добрая улыбка и всѣ,—онъ въ этомъ былъ увѣренъ,—даже учитель Клировъ, такъ неуклюже сидѣвшій надъ своимъ стаканомъ чая, непремѣнно должны чувствовать то же праздничное, счастливое настроеніе, какое было въ немъ самомъ. Торопливо отпили чай; благовѣстъ кончился, и Варвара Петровна немного кисло замѣтила, что надо спѣшить, потому что ихъ ждутъ къ обѣднѣ. Богомолка она была ревностная, хотя, можетъ быть. не изъ настоящаго религіознаго чувства, а въ силу правила, завѣщаннаго въ Смольномъ, что въ церковь надо ходить аккуратно, особенно съ тѣмъ, чтобы donner au peuple de bons exemples. „Le peuple“, вѣроятно, обращалъ мало вниманія на примѣръ Варвары Петровны, но ей доставляло нѣкоторое утѣшеніе воображать себя не простою русскою помѣщицей, а какою-то „chatelaine“ на французскій ладъ.

Всѣ собирались встать, когда вошелъ Михаилъ Андреевичъ, вошелъ съ видомъ человѣка, старающагося придать себѣ развязность, хотя на лицѣ его далеко уже не было вчерашней веселой самоувѣренности. Онъ съ чувствомъ поцѣловалъ у жены руку, которую та ему протянула, даже не взглянувъ на него, какъ бы выражая этимъ милостивое, но далеко не сердечное прощеніе. На замѣчаніе мужа, что чай совершенно холодный, она сухо отвѣтила, что вольно ему такъ поздно являться и что она не намѣрена опаздывать къ обѣднѣ. Сказавъ это, она поднялась съ мѣста. Михаилъ Андреевичъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, немного щуря глаза, и покрутилъ усы.

— Чортъ знаетъ, что сдѣлалось съ здѣшнимъ народомъ!—сердито проговорилъ онъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности,—совсѣмъ отъ рукъ отбился. Я, мировой судья, бывшій посредникъ, и коли у меня въ имѣніи такой безпорядокъ, что же послѣ этого у другого? Хотѣлъ бы я знать, чего смотритъ правительство?!

— Что такое случилось, папа?—спросилъ Гриша, пораженный контрастомъ этихъ словъ со вчерашними застольными рѣчами Михаила Андреевича.

— Да все старая пѣсня — порубки, да потравы! Мнѣ сейчасъ прикащикъ доносилъ, что сторожъ отъ мѣста отказывается, потому что мужики его убить грозились, коли онъ еще разъ ихъ лошадей загонитъ. Просто житья нѣтъ! Куда ты, Наташа?—спросилъ онъ у дочери, увидавъ, что она хочетъ уйти.

— Я въ церковь, папа! Ты, Гриша, придешь?

— Конечно, приду, дай только допить чай.

— Тебѣ не хочется слушать, что я про мужиковъ говорю?—засмѣялся Михаилъ Андреевичъ,—ты всегда, вѣдь, за нихъ горой стоишь,

Наташа вышла, не возразивъ ни слова. Мальчики тоже ушли въ сопровожденіи учителя.

— Она у насъ, ты знаешь, передовая!—продолжалъ Михаилъ Андреевичъ, обращаясь къ сыну.—Ну, да это ничего. Я въ ней это даже люблю. Всѣ вы, молодые люди, пока сами за дѣло не взялись, большіе охотники за народъ распинаться. Да ужъ народецъ, нечего сказать! Я, кажется, не притѣснялъ крестьянъ никогда. И надѣлъ у нихъ отличный, и не охотникъ я съ ними судиться... Въ моемъ положеніи оно, понимаешь, какъ-то неловко, а годъ отъ году съ ними ладить все труднѣе. И все отчего? Отъ одной распущенности. Какая надъ ними власть? Полиція? Ей бы только недоимки собирать, а тамъ хоть трава не рости. Мы что ли, мировые судьи? Чуть станетъ кто изъ насъ построже взыскивать по искамъ своего брата-помѣщика, того сейчасъ крѣ-

постникомъ обзовутъ. У насъ тоже въ земствѣ не мало такихъ найдется, кто на чужой счетъ радъ случаю полиберальничать... И кто въ этомъ виноватъ? Опять-таки правительство. Насочинили реформъ, натворили новыхъ должностей цѣлый полкъ, все такъ перепутали, что скрипитъ машина на каждомъ шагу. Одного недостаетъ — главной-то пружины. Ну и заводи механизмъ сколько угодно тамъ циркулярами, предписаніями разными, а онъ скрипитъ себѣ и ни съ мѣста.

— А я думалъ,—отозвался на это Гриша,—у тебя здѣсь все отлично идетъ! Съ твоею опытностью...

— Эхъ, братецъ мой, какая тутъ опытность! Попробуйка у кучера его кнутъ отнять, что онъ съ лошадьми-то подѣлаетъ? Такъ и народъ. Теперь у него за барина цѣловальникъ, потому что тотъ съ нимъ не церемонится, да шкуру съ него деретъ. А мы, помѣщики, что? Чучела какія-то, на которыя воробьи садятся. Ну. Гриша, пойдемъ!

Михаилъ Андреевичъ говорилъ это такъ же искренно, какъ наканунѣ онъ хвастался своимъ либерализмомъ. И совсѣмъ онъ даже не подозрѣвалъ, какъ мало его сегодняшнія рѣчи вяжутся со вчерашними. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ послѣднее впечатлѣніе не только беретъ верхъ надъ прежними, но словно ихъ даже изгоняетъ изъ памяти. Во дни своей молодости, въ горячее время крестьянской реформы, Михаилъ Андреевичъ слылъ за либерала въ томъ хорошемъ, задушевномъ смыслѣ этого слова, въ какомъ у насъ либералами обзывали посредниковъ, заботившихся о томъ, чтобы 19-е февраля было настоящимъ, а не мнимымъ только улучшеніемъ крестьянскаго быта. Да и съ тѣхъ поръ онъ поостылъ немного и охотно выдавалъ себя за человѣка практическаго и не увлекающагося. Михаилъ Андреевичъ на земскомъ собраніи не могъ устоять противъ задористой фразы и съ какимъ-то мягкимъ волненіемъ на душѣ готовъ былъ присоединиться къ любой манифестаціи. Но при всемъ томъ барская закваска

въ немъ сидѣла крѣпко, да и самый либерализмъ его былъ чисто барскаго свойства: онъ весь состоялъ изъ какой-то расплывчатой наклонности пошумѣть, не подвергая себя слишкомъ большому риску, да изъ дешевенькаго умиленія предъ красивымъ словцомъ, а въ сущности иные изъ новыхъ порядковъ далеко ему не были по сердцу, и всякій разъ когда ему приходилось почувствовать, что со своими мужичками онъ уже не можетъ распорядиться по-отечески, онъ втайнѣ почти скорбѣлъ о минувшей помѣщичьей власти. Гриша этого прежде не замѣчалъ оттого ли, что въ его глазахъ авторитетъ отца стоялъ слишкомъ высоко, или, пожалуй, оттого, что Михаилъ Андреевичъ стѣснялся предъ сыномъ, въ которомъ видѣлъ представителя передовой молодежи. Съ годами, должно быть, онъ сталъ менѣе наблюдать за собою, а у Гриши ухо сдѣлалось болѣе чуткимъ къ противорѣчіямъ отца. Гриша, впрочемъ, и теперь за это не порицалъ его даже въ мысляхъ. Но усвоенная имъ привычка зорко слѣдить за собой дѣлала его болѣе требовательнымъ и къ другимъ. И незамѣтно для него самого въ немъ пошатнулось прежнее слѣпое уваженіе къ отцу.

Обѣдня на половину уже отошла, когда Михаилъ Андреевичъ съ Гришей вошли въ церковь, биткомъ набитую народомъ, какъ всегда бываетъ въ нерабочую пору. Они съ трудомъ протѣснились сквозь толпу. Имъ добродушно, но туго давали дорогу: семья Непрядвиныхъ всегда стояла впереди у праваго клироса. Увидавъ мужа, Варвара Петровна бросила на него мелькомъ укоряющій взглядъ и тутъ же набожно перекрестилась, словно она просила у Бога прощеніе за то, что мысленно осудила супруга. Михаилъ Андреевичъ сталъ немного поодоль, Гриша пошелъ къ пѣвчимъ на клиросъ: у него былъ хорошій голосъ, и онъ любилъ церковное пѣніе. Его немного удивило, что стоявшій тутъ же учитель Клировъ тоже усердно подтягивалъ немного пискливымъ, но вѣрнымъ тенoромъ. Хоръ выходилъ очень недурнымъ для сель-

ской церкви; да и вся обѣдня шла чинно, почти торжественно. Священникъ, маленькій тщедушный старичекъ съ такимъ ласковымъ, добродушнымъ умиленіемъ велъ службу; да и народъ, толпившійся предъ амвономъ, казалось, слушалъ обѣдню такъ внимательно и сердечно, что Гришу сразу охватило какое-то совсѣмъ невѣдомое ему въ Петербургѣ мягкое и въ то же время торжественное настроеніе. Онъ часто поглядывалъ на крестьянскую толпу и на своихъ, и будто чувствовалъ, что теперь, въ эту самую минуту какъ-то особенно ихъ всѣхъ полюбилъ; и его какъ-то особенно обрадовало, что сестра Наташа вся ушла въ какую-то сосредоточенную, глубокую молитву. „Какая же она нигилистка?"—тотчасъ сказалось въ его умѣ.—„Она славная, славная!"—повторилъ онъ.—„И какъ матушка ее плохо понимаетъ!"

Когда служба кончилась и онъ увидѣлъ, что на паперти Наташу остановила кучка женщинъ, съ которыми она долго говорила, и такъ хорошо сердечно говорила, онъ еще больше убѣдился, что и мать, и онъ самъ были къ ней несправедливы. И онъ тутъ же сказалъ себѣ, что сегодня же переговоритъ съ сестрой обо всемъ и возобновитъ съ ней прежнія задушевныя отношенія.

Михаилъ Андреевичъ съ мальчиками и съ учителемъ направился въ садъ. Гриша присоединился къ нимъ, а вскорѣ ихъ нагнала и Наташа. Варвара Петровна ушла прямо въ домъ, объявивъ, что у нея голова разболѣлась отъ ладона, которымъ такъ сильно пахло въ церкви. Она все еще была сердита со вчерашняго дня.

— Вотъ теперь на головную боль жалуешься,—сказалъ ей вслѣдъ Михаилъ Андреевичъ,—а на каждую службу къ самому началу ходишь, точно боишься, что съ тебя взыщется, коли ектенью какую-нибудь пропустишь! Ужъ эти мнѣ святоши!

Варвара Петровна ничего не отвѣтила и лишь ускорила шагъ.

— Хорошо мы съ тобой сдѣлали, Гриша,—продолжалъ Михаилъ Андреевичъ,—что опоздали немножко, а то полтора часа тамъ стоять при такой жарѣ и вони, слуга покорный! Очень нужно имъ молебны служить, да еще съ акаѳистомъ, точно одной обѣдни имъ не довольно!

Гришѣ служба совсѣмъ не показалась длинною и никакой духоты онъ въ церкви не ощущалъ.

— А мнѣ служба очень понравилась, папа!—сказалъ онъ.—Народъ себя такъ хорошо держитъ и пѣли мы, право, ничего!

— Народъ?!..—разсмѣялся Михаилъ Андреевичъ,—много онъ въ службѣ понимаетъ!—И онъ тутъ же разсказалъ какой-то анекдотъ, доказывавшій по его мнѣнію, всю тупую бесмысленность религіознаго чувства народа.—Ну, а вы, Ксенофонтъ Матвѣевичъ,—вдругъ обратился онъ къ учителю,—какъ это, при вашихъ убѣжденіяхъ, вы ходите въ церковь да еще поете, и преисправно поете?! Удивляюсь я, какъ это вы службы знаете такъ хорошо. Я бы не сумѣлъ, ей-Богу, не сумѣлъ!

— Съ дѣтства еще помню! – осклабился Клировъ, показывая рядъ большихъ крѣпкихъ зубовъ.—А что я въ церковь хожу, такъ что-жъ за бѣда! Занятіе невинное! Не все ли равно—пѣть херувимскую или тамъ что-нибудь другое, все та же музыка?! Ну, а въ народѣ, Михаилъ Андреевичъ, вы меня извините! чувство вѣры я уважаю, потому оно, вѣдь, искренно.

— Конечно, конечно!—поспѣшилъ согласиться Михаилъ Андреевичъ,—только все-таки, знаете, безсознательное...

— А я, Ксенофонтъ Матвѣевичъ,—строго взглянувъ на учителя, вмѣшалась Наташа—ни за что бы не пошла туда, гдѣ другіе молятся Богу, кабы сама въ этого Бога не вѣрила.

Клировъ смутился.

— Зачѣмъ же, мой другъ!—опять заговорилъ Михаилъ Андреевичъ,—вѣдь тутъ никакой бѣды нѣтъ, а

всѣмъ вамъ Ксенофонтъ Матвѣевичъ доставилъ удовольствіе.

— Да не въ пѣніи дѣло, папа!—вся вспыхивая, настаивала Наташа.—Какъ ты этого не понимаешь?! Къ религіи нельзя относиться равнодушно! Вѣрить или не вѣрить, это не шутка! Это должно отражаться на цѣлой жизни!

Михаилъ Андреевичъ опять покрутилъ усы и не нашелъ, что отвѣтить. Онъ былъ видимо озадаченъ горячностью дочери.

За то Гриша смотрѣлъ на сестру съ настоящимъ восторгомъ. „Она все такая же,—думалъ онъ про себя.—Я узнаю ее теперь...

— Наталья Михайловна совершенно права, нерѣшительно проговорилъ Клировъ, какъ бы прося у молодой дѣвушки прощенія робкимъ взглядомъ своихъ сѣрыхъ глазъ. — Убѣжденія — дѣло серьезное! И я обѣщаю на будущее время...

— Вы хотите сказать,—живо перебила его Наташа,— что въ церковь больше не пойдете? Напрасно. Она для всѣхъ открыта. И можетъ быть, кто знаетъ, вы почувствуете когда-нибудь... Она остановилась, замѣтивъ устремленный на нее взглядъ Клирова, въ которомъ такъ и читались и покорность, и восхищеніе. — Одного не надо, добавила она,—ходить туда съ насмѣшкой на умѣ.

— Повѣрьте мнѣ, я и не думалъ смѣяться!—отвѣчалъ онъ.—Я только... и не моя вина, коли у меня сложились извѣстныя убѣжденія...

— Посмотрите, Ксенофонтъ Матвѣевичъ,—вдругъ закричалъ, подбѣгая къ нимъ, Андрюша,—что я за большого жука поймалъ! Какой это жукъ?

Клировъ тотчасъ же далъ себя увести мальчикамъ, очевидно довольный, что они избавили его отъ необходимости точнѣе выразить свою мысль.

— А ты я вижу, Наташа,—живо и сочувственно обратился къ ней братъ,—молиться не разучилась. И какъ

это ты хорошо сказала Клирову. Сейчасъ видно, что ты къ этому не относишься равнодушно.

— Еще бы?—широко раскрывъ глаза посмотрѣла на него сестра.—Я не понимаю, какъ можно къ этому относиться холодно. Одно изъ двухъ, либо вѣровать, либо отрицать; середины я не допускаю. И жалкими мнѣ кажутся люди, которые вѣчно стоятъ на распутьи! Ты развѣ думалъ,—промолчавъ немного, добавила она,—что я за этотъ годъ невѣрующею стала?—Она проговорила это съ такимъ волненіемъ въ голосѣ, что одна мысль объ этомъ ее, очевидно, задѣла за живое.

— Во всякомъ случаѣ,—поспѣшилъ отвѣтить Гриша,—я очень радъ, что ошибся. И, пожалуй, тѣмъ болѣе радъ, что самъ я... онъ понизилъ голосъ,—нахожусь какъ разъ на этомъ распутьи.

Наташа опять на него посмотрѣла, но не сказала ни слова. Нѣсколько шаговъ они прошли молча.

— Ты не думаешь, папа,—вдругъ заговорилъ Гриша,—что этотъ учитель можетъ имѣть вредныя вліянія на братьевъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!—живо вмѣшалась Наташа.—Ты этого не бойся! Онъ ни за что не станетъ имъ говорить ничего такого. На то онъ слишкомъ честенъ.

— Признаюсь, я объ этомъ не подумалъ!—произнесъ Михаилъ Андреевичъ, немного сконфуженно посматривая на сына и на дочь.—Человѣкъ онъ, кажется, хорошій и знающій, а дѣти его любятъ, чего же больше!...

Михаилъ Андреевичъ, захоти онъ быть вполнѣ искреннимъ, могъ бы сказать, что воспитаніе дѣтей вообще его тревожило очень мало. Клировъ ему казался особенно подходящимъ наставникомъ благодаря тому, что молодой человѣкъ былъ очень невзыскательный относительно вознагражденія, но про это Михаилъ Андреевичъ не упомянулъ и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ.

— Коли хочешь,—сказалъ онъ,—мы послѣ завтрака пройдемся по хозяйству? Я всею своею наукой съ тобою подѣлиться готовъ.

— Ахъ, да, папа!—словно вспомнивъ что-то возразилъ Гриша,—я тебѣ еще вчера хотѣлъ сказать,—вели ограду садовую починить. Ты видѣлъ, какъ она обвалилась?...

— Видѣлъ, разумѣется, видѣлъ и приказывалъ нѣсколько разъ. Что дѣлать! все какъ-то не успѣваютъ, лѣнятся. Да, да, это непремѣнно нужно!

Михаилъ Андреевичъ казался теперь еще болѣе сконфуженнымъ. По его тону чувствовалось, что помимо лѣни рабочихъ тутъ кроется иная болѣе глубокая причина, упадокъ энергіи въ немъ самомъ и вѣчный недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ. Въ этомъ онъ сыну не признался.

Михаилъ Андреевичъ хозяйничалъ давно и усердно въ своемъ Солнцевѣ, но знаніемъ дѣла и практичностью онъ похвалиться не могъ. Имѣніе давало изрядный доходъ, потому что двѣ съ половиной тысячи десятинъ въ одномъ изъ лучшихъ уѣздовъ Тульской губерніи не могутъ не приносить дохода. При крѣпостномъ правѣ, Непрявдины, владѣльцы четырехъ сотъ душъ, считались помѣщиками средней руки. Но къ концу шестидесятыхъ годовъ, когда желѣзныя дороги оживили черноземъ и подняли въ немъ цѣны. Михаилъ Андреевичъ оказался крупнымъ землевладѣльцемъ и Солнцево, помимо всякихъ его стараній, стало давать слишкомъ пятнадцать тысячъ. Съ этимъ въ деревнѣ можно было жить припѣваючи, и хозяйство улучшить, и копѣйку сберечь на черный день. Но Михаилъ Андреевичъ копѣйки не сберегъ, а сталъ держать больше лошадей, да выписывать заграничное вино, да усерднѣе прежняго играть по большой. Дамочки, съ которыми онъ сходился, тоже стоили немало. По части хозяйства заводились машины и племенной скотъ, но толку изъ этого особеннаго не выходило. И теперь онъ махнулъ рукой на всѣ нововведенія, оставивъ хозяйство на рукахъ прикащика, угодливаго и ловкаго плута, а самъ лишь урывками, для вида въ него вмѣшивался.

И Солнцево пошло по наклонной плоскости въ то самое время, когда владѣльцевъ его стало тянуть въ Петербургъ, и надо было крѣпко призадуматься надъ будущностью дѣтей. Мысль объ этой будущности порой сильно тревожила Непрядвина. Но онъ всегда старался отгонять эту докучливую думу и, благодаря счастливой легкости своего нрава, онъ скоро разсѣевалъ тревожившіе его мрачные призраки. Стоило ему часъ-другой проболтать съ хорошенькою женщиной или побывать на собраніи, гдѣ можно было послушать такихъ умныхъ рѣчей, да вдобавокъ пообѣдать отлично, и всѣ заботы о будущемъ исчезали какъ дымъ.

Послышались, между тѣмъ, чьи-то осторожные и въ то же время торопливые шаги, и минуту спустя изъ зелени кустовъ словно вынырнулъ маленькій тощій человѣчекъ, съ крошечнымъ, гладко выбритымъ лицомъ, весь дышавшій мягкою и усердною почтительностію. Это былъ Солнцевскій прикащикъ изъ бывшихъ дворовыхъ, Ипполитъ Данилычъ, съ молодыхъ ногтей научившійся въ барской конторѣ всѣмъ изворотамъ канцелярскаго пронырства. Онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ, всѣмъ своимъ маленькимъ туловищемъ поклонился молодому барину и Наташѣ, и потомъ обернулся въ сторону Михаила Андреевича, изобразивъ на своемъ лицѣ благонравную печаль безпомощнаго усердія. Какъ всѣ старые прикащики изъ бывшихъ крѣпостныхъ, Данилычъ отличался глубокимъ пессимизмомъ.

— Мужики опять пришли, Михаилъ Андреевичъ! Что прикажете?

— Все насчетъ загнанныхъ лошадей?—возвышая голосъ, спросилъ Михаилъ Андреевичъ.

— Точно такъ-съ! безучастно отвѣтилъ прикащикъ.

— Гони ихъ прочь!—вспылилъ Непрядвинъ.—Я-жъ тебѣ утромъ говорилъ, что никакихъ просьбъ я принимать не намѣренъ. Надоѣли мнѣ эти потравы. Говорю тебѣ, гони!

— Гналъ ихъ, не идутъ!—все также спокойно возразилъ Данилычъ.—Отъ васъ милости ждутъ.

— Ага!.. не идутъ!.. бунтуютъ! Меня спрашиваютъ!.. Хорошо. Я имъ покажу, какая будетъ отъ меня имъ милость! Распустилъ ты ихъ, Ипполитъ, совсѣмъ распустилъ! Надо имъ показать, наконецъ, что надъ ними есть власть.

И Михаилъ Андреевичъ, у котораго даже лицо побагровѣло, крупными шагами направился къ дому.

Данилычъ поспѣшилъ за нимъ все такъ же почтительно; но еслибы Непрядвинъ къ нему обернулся, онъ прочелъ бы на его безстрастномъ лицѣ полный скептицизмъ насчетъ успѣха барской строгости.

Михаилъ Андреевичъ по природѣ былъ очень мягкій человѣкъ: кипятиться и кричать вовсе не было въ его привычкахъ. Но, какъ всѣ слабые люди, иногда онъ вымещалъ на другихъ непріятное сознаніе собственной безпомощности. И въ это утро ему особенно хотѣлось показать себя. Наканунѣ онъ спасовалъ передъ женой, а теперь вдобавокъ въ словахъ Гриши онъ словно почувствовалъ какой-то укоръ себѣ. На Гришу этотъ припадокъ строгости произвелъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Молодой человѣкъ, вѣроятно, почувствовалъ всю дѣланность этой строгости.

— Съ какихъ это поръ,—спросилъ онъ у сестры,— папа сталъ такъ круто поступать съ крестьянами? Прежде онъ не былъ такимъ!

— Это не крутость, Гриша! — возразила она, и въ голосѣ ея прозвучала грусть. — Это скорѣе, какъ тебѣ сказать, самодурство!

Гриша посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Я знаю, что такъ про отца говорить не надо,— продолжала она.—Да что дѣлать! Я люблю вещи называть по имени. По моему, это даже хуже, чѣмъ крутость. Сегодня всѣмъ спускать, потому что лѣнь взыскивать, а на другой день изъ себя выходить ради бездѣлицы; гдѣ тутъ справедливость? Вѣдь, для отца это

сущіе пустяки, какое-то мнимое нарушеніе какихъ-то правъ, за которыя и стоитъ-то онъ больше для вида. А для нихъ, для крестьянъ... развѣ они такъ поступаютъ съ намѣреніемъ сдѣлать дурное?! Ихъ нужда заставляетъ. И когда мнѣ случается видѣть, — и Наташа говорила это съ возраставшимъ волненіемъ,—какъ они готовы цѣлый часъ на колѣняхъ простоять въ надеждѣ, что имъ возвратятъ лошадей и отпустятъ штрафъ, я такъ этимъ возмущена и пристыжена! Подумай только, какое тутъ униженіе человѣческаго достоинства ради грошей, и мы—все-таки богатые люди въ сравненіи съ ними—мы станемъ взыскивать съ нихъ эти гроши... Не знаю, какъ ты, а я этого вынести не могу!

Они шли рядомъ по широкой аллеѣ, густо обсаженной высокими старыми липами. Здѣсь было чудное прохладное затишье. Голубое небо едва сквозило коегдѣ изъ-за тѣнистой чащи; листъ не колыхался, до того нѣжно и ласково пробѣгалъ легкими струйками слабый вѣтерокъ. Невольнымъ движеніемъ Наташа оперлась на локоть брата, пристально глядя на него большими, вдумчивыми глазами. Ей какъ-то особенно хотѣлось въ эту минуту, чтобы братъ мыслилъ и чувствовалъ съ нею за-одно.

— Конечно, Наташа, все это правда!—сказалъ онъ.— Только, видишь ли, коли на то пошло, вѣдь, пожалуй, совсѣмъ бы и хозяйничать нельзя было, кабы на все великодушно смотрѣть сквозь пальцы.

— Ну, и Богъ съ нимъ, съ хозяйствомъ! — запальчиво возразила она, отнимая свою руку. — По-моему, коли оно безъ несправедливости обходиться не можетъ, лучше его бросить совсѣмъ.

Гриша разсмѣялся.

— Вотъ какъ ты это быстро рѣшила! Молодецъ! Ты, я вижу, ни передъ какимъ выводомъ не останавливаешься. Скажи, пожалуйста, ты гдѣ-нибудь видѣла людей, которые такъ поступаютъ?

— Да, видѣла! И мнѣ больно, что ты надъ этимъ

смѣешься! Дядя Берестовъ, у котораго я гостила прошлымъ лѣтомъ, гораздо бѣднѣе насъ и у него тоже большая семья, а посмотрѣлъ бы ты, какъ у него дѣло не расходится съ убѣжденіями. Не то, что у отца.

— Ахъ! такъ вотъ откуда ты новыхъ идей набралась, а я и не подозрѣвалъ!

— Нѣтъ, ты послушай, Гриша! То, что я тебѣ говорю, совсѣмъ не смѣшно. Николай Ѳедоровичъ Берестовъ поставилъ себѣ за правило, что то лишь законно, что пріобрѣтено трудомъ. И онъ этого правила держится твердо. Онъ всю свою землю отдалъ крестьянамъ, и съ нихъ получаетъ всего третью часть дохода. На это онъ смотритъ, какъ на вознагражденіе за свои хлопоты. По его словамъ, онъ только глава ассоціаціи. Крестьяне даютъ свой трудъ, онъ—свою землю и знаніе... Наташа смутилась немного, замѣтивъ, что улыбка не сходитъ съ лица брата. — Я, можетъ быть, не умѣю объяснить это, какъ слѣдуетъ,—сказала она нерѣшительно.

— Нѣтъ, нѣтъ, досказывай! Это очень интересно.

Наташа, слегка путаясь, усердно принялась излагать предъ братомъ, какъ устроено хозяйство у дяди.

— И кабы ты видѣлъ, какимъ онъ пользуется уваженіемъ, какъ съ нимъ приходятъ совѣтываться крестьяне! И изъ своихъ небольшихъ денегъ онъ еще тратится на школу да на больницу. И въ земствѣ онъ всегда во главѣ каждаго полезнаго дѣла. Онъ горой стоитъ за народное образованіе, онъ съѣзды учителей завелъ, статистику въ губерніи устроилъ. И когда его сравниваю съ отцомъ, который, вѣдь, тоже слыветъ за либерала, я невольно краснѣю.

— Ну, а зачѣмъ же тогда,—спросилъ Гриша,—кузину Катю отдали въ Петербургъ на попеченіе графини Елизаветы Андреевны?

— Про это мы съ Катей много толковали, когда прошлою осенью графиня написала сестрѣ, предлагая ей взять къ себѣ Катю. Николай Ѳедоровичъ долго не соглашался, но тетѣ Вѣрѣ этого очень хотѣлось. Тетя

думала, что нельзя отказаться отъ случая устроить судьбу дочери. Я, впрочемъ, Катѣ отсовѣтывала ѣхать въ Петербургъ.

— А вотъ она все-таки поѣхала!

— Катя вся въ мать, робкая, тихая... ну, словомъ, ручная.

— А ты, нѣтъ? Ты въ лѣсъ глядишь?—Онъ посмотрѣлъ ей прямо въ лицо.

— Я бы ни за что не пошла жить на чужихъ хлѣбахъ! — отвѣтила она рѣшительно и тотчасъ опустила глаза.—И вотъ что я тебѣ еще скажу, Гриша, — добавила она, спустя минуту.—Я рѣшила, что нельзя мнѣ здѣсь вѣчно оставаться, да жить на счетъ родныхъ...

— Это что еще за фантазія!—воскликнулъ Гриша и остановился, разведя руками.

— Да, да, я говорю это совершенно серьезно!—отвѣтила она, и краска ей вдругъ хлынула въ лицо. — Я хочу тоже свой хлѣбъ зарабатывать, потому что, знай это, я ничего не соглашусь взять отъ отца. Самое это слово „приданое" мнѣ противно и дико.

— Такъ что-жъ ты затѣяла?—взволнованнымъ голосомъ спросилъ ее братъ.

Она посмотрѣла на него своими откровенными, не смущавшимися глазами.

— Я пойду, — она проговорила это почти торжественно,—въ учительницы, или, можетъ быть, въ гувернантки, или въ классныя дамы, пожалуй. Только для этого надо еще много, много поучиться. И вотъ я и занимаюсь здѣсь, сколько могу, читаю. А на зиму... я думаю поступить на курсы.

Она съ нѣкоторой тревогой выжидала, что онъ скажетъ.

— Батюшки, и она тоже!—воскликнулъ онъ съ оттѣнкомъ досады въ голосѣ.—Да что васъ всѣхъ здѣсь, словно вы сговорились, въ Петербургъ разомъ потянуло! Я думалъ, когда ѣхалъ сюда,—и голосъ его дрогнулъ и упалъ, — найти здѣсь крѣпко свитое гнѣздо,

а на дѣлѣ выходитъ, что всѣ вы хотите улетѣть куда-то...

У Гриши стало горько и больно на сердцѣ. Онъ сѣлъ на скамейку и опустилъ голову на приподнятыя руки. Для него все было свято и дорого въ родномъ гнѣздѣ, каждый уголъ стариннаго сада, каждое дерево въ рощѣ. И онъ не понималъ, какъ все это опостылѣло сестрѣ. Къ чему ей было мечтать о какомъ-то далекомъ, мнимомъ долгѣ, когда здѣсь, дома, у нея столько дѣла, дома, гдѣ всѣ ее такъ любятъ. Но она упорно качала головой.

— Что дѣлать, Гриша,—съ мягкою грустью проговорила она,—коли во мнѣ замерла любовь ко всёму этому! Тебѣ оно нравится, потому что оно старинное, заповѣдное, а для меня эта ветошь не имѣетъ цѣны. И потомъ, Гриша, ты, вѣдь, не послѣдователенъ. Ты признаешь же, что я права, когда говорю, что честно можно жить только собственнымъ трудомъ?! Отчего же ты не хочешь допустить прямой выводъ изъ этого?

Гриша нетерпѣливо вскочилъ съ мѣста.

— Богъ съ ней, съ послѣдовательностью! — горячо воскликнулъ онъ. — Я люблю наше Солнцево, каждую горсточку земли въ немъ люблю, а ты мнѣ про какіе-то логическіе выводы толкуешь! За правдой, Наташа, нечего далеко ходить: она здѣсь, вокругъ насъ, въ семьѣ, въ народѣ здѣшнемъ, который привыкъ насъ считать своими, близкими. Посмотри, какъ здѣсь хорошо. И ты, вѣдь, прежде любила Солнцево не меньше моего.

— Прежде... я ребенкомъ была!—вполголоса отвѣтила Наташа.

— Ахъ, лучше бы ты такимъ ребенкомъ осталась и теперь! И его воображеніе мгновенно представило себѣ прежнюю Наташу, полную молодой, необузданной жизни, съ ея задорными, прыгавшими отъ оживленія глазками и прелестнымъ, чуть - чуть оттопыреннымъ ротикомъ. „А теперь она словно постъ на себя наложила

какой-то", мысленно сказалъ онъ про нее,—„строгость въ ней какая-то, сдержанность"...

— Знаешь что, Наташа,—добавилъ онъ вслухъ,—ты будто по рецепту стала жить, право! Ты даже смѣяться-то себѣ разрѣшаешь лишь по столько-то разъ въ день...

Она звонко расхохоталась отъ этихъ словъ.

— Вотъ видишь,—сказала она,—по твоей милости я смѣюсь лишній разъ. Такъ вамъ, Григорій Михайловичъ, кажется, что во мнѣ есть что-то напускное, натянутое?

— Какъ тебѣ сказать! Не то, чтобы напускное, къ тебѣ оно бы не пристало, а въ самомъ дѣлѣ перемѣна въ тебѣ странная есть. Прежде ты росла себѣ, какъ вольное деревцо въ лѣсу, а теперь тебя словно обстригли по рисунку. Надо молодымъ быть, пока молодость длится; въ этомъ настоящая правда и есть, а въ восемнадцать лѣтъ грѣшно себя обрекать на какой-то монашескій подвигъ...

VIII.

Гриша уже цѣлыхъ десять дней пробылъ въ Солнцевѣ. Наступилъ іюнь. Прозрачные дни, смѣняясь, также походили другъ на друга, какъ ровно и гладко, безъ скачковъ и событій, текла въ Солнцевѣ жизнь его обитателей. А между тѣмъ подъ этой невозмутимо ровной жизнью чувствовался въ семьѣ какой-то затаенный разладъ. Гриша это примѣчалъ какъ нельзя лучше; ему подчасъ неловко становилось съ родными, когда за обѣдомъ или за вечернимъ чаемъ царило тяжелое молчаніе, прерываемое лишь отрывочными недовольными словами Варвары Петровны. Совсѣмъ по душѣ ему было только съ сестрой, хотя они почти ни въ чемъ другъ съ другомъ не сходились.

Михаилъ Андреевичъ сдержалъ слово и охотно подѣлился съ Гришей своей наукой. Но молодой чело-

вѣкъ скоро догадался, что съ этой наукой далеко не уйти. Все, что говорилъ Михаилъ Андреевичъ про свое хозяйство, слишкомъ ужъ смахивало на заученный урокъ. Пока онъ толковалъ про теоріи, все у него выходило гладко и послѣдовательно; но чуть дѣло касалось примѣненія, Михаилъ Андреевичъ спотыкался, и съ пугливой досадой увертывался отъ прямыхъ отвѣтовъ. И какъ скоро Гриша хотѣлъ добраться до настоящей сути, отецъ принимался пощипывать усы, да поглядывалъ на Данилыча, будто призывая его на помощь. Не трудно было Гришѣ догадаться, что главная причина неудачъ отца коренится въ этомъ самомъ Данилычѣ и въ слѣпомъ довѣріи къ нему отца. Старый прикащикъ всегда поддакивалъ разглагольствованіямъ барина на счетъ будущихъ благъ отъ разныхъ улучшеній. А, между тѣмъ, насмѣшливая искорка въ его пpыткихъ глазкахъ, чуть Михаилъ Андреевичъ повернется къ нему спиной, ясно говорила, какого онъ мнѣнія на счетъ хозяйскихъ затѣй. И стоило Михаилу Андреевичу въ минуту разочарованія замѣтить: — А что, Ипполитъ, толку, вѣдь, кажется, не выйдетъ, а-а?—лицо Данилыча тотчасъ принимало скорбный видъ, и онъ уныло отвѣчалъ: „Сами изволите видѣть, Михаилъ Андреевичъ, вамъ ближе извѣстно“.

А причина всѣхъ недочетовъ была не въ чемъ иномъ, какъ въ тѣхъ незаконныхъ барышахъ, которые Данилычъ невозмутимо получалъ съ каждой статьи дохода. У него завелся уже изрядный капиталецъ, чего Михаилъ Андреевичъ и не думалъ подозрѣвать, потому, вѣроятно, что Данилычъ вѣчно ходилъ въ длиннополомъ засаленномъ сюртукѣ и почтительно твердилъ барину: „Я вамъ по гробъ слуга. Куда мнѣ безъ васъ дѣваться - то?!“ Гришѣ, тщетно старавшемуся разувѣрить отца, до-нельзя опротивѣла вся фигура Данилыча и сама его мягкая беззвучная походка. Должно быть, Данилычъ скоро примѣтилъ нерасположеніе молодого барина, только онъ усердно, хоть и осторожно

сталъ возбуждать Михаила Андреевича противъ сына. „Григорій Михайловичъ,—говорилъ онъ,—очинно стараются по хозяйству, только молоды они больно, прытки-съ! Разсчету не знаютъ они еще никакого. И какъ наслышаны мы, батюшка, что ваша милость хотите имъ имѣніе сдать на руки, чтобъ потомъ непорядки какіе не вышли, мы въ отвѣтѣ будемъ!“.

Данилычъ не упускалъ случая, чтобы въ превратномъ видѣ представить всякое приказаніе, данное Гришей, всякое слово, имъ сказанное. Выходило какъ будто, что Гриша хочетъ распоряжаться помимо отца. И какъ ни мягокъ и ни покладистъ былъ Михаилъ Андреевичъ, ему не совсѣмъ пріятно было это слушать. Сталъ онъ слегка выговаривать сыну.

— Ты однако, Гриша,—сказалъ онъ ему разъ,—со мной бы посовѣтоваться могъ, прежде чѣмъ распорядиться...

Конечно, тутъ было одно недоразумѣніе. Но такія недоразумѣнія повторились разъ-другой, и у Гриши скоро прошла охота принимать дѣятельное участіе въ хозяйствѣ. Онъ ограничился тѣмъ, что кое-что почитывалъ по земледѣлію, да со стороны наблюдалъ за ходомъ дѣла. Имъ овладѣло тягостное сознаніе собственной безполезности. И по цѣлымъ часамъ онъ бродилъ одиноко по окрестностямъ Солнцева, забираясь въ лѣсъ и тамъ, растянувшись на мягкой травѣ, неподвижно глядѣлъ сквозь опущенныя вѣки на блестящую лазурь іюньскаго неба.

Разъ его такъ застала Наташа. Онъ лежалъ подъ тѣнью стараго дуба, закинувъ руки за голову; книга, взятая съ собою, валялась на травѣ. Наташа, вся зардѣвшаяся отъ прогулки по солнцу, подошла къ нему легкими, неслышными шагами. Она была видимо довольна собой, глаза ея искрились. Она только что побывала на селѣ, гдѣ заходила къ двумъ изъ своихъ паціентокъ, которыя стали замѣтно поправляться.

— Какъ! ты спишь, Гриша?—спросила она, опускаясь

рядомъ съ нимъ на колѣни, и дотрогиваясь до его лица сорванною кленовою вѣткой. — Это на тебя не похоже!

Онъ живо встрепенулся.

— Не сплю, а такъ лѣнь одолѣвать стала, лѣнь, да пожалуй еще хандра. Себя я не узнаю: раскисъ я у васъ совсѣмъ!

— Вотъ какъ!?—широко раскрыла она глаза.—Да куда же всѣ твои планы дѣвались? Видно, хваленая деревня—совсѣмъ ужъ не такое широкое поле для дѣятельности...

— Эхъ, душка, Наташа! Деревня-то хороша, чего говорить, только и здѣсь, я вижу, съ азбуки начинать надо...

— А по складамъ читать скучно, не такъ-ли!? смѣясь возразила она.

Братъ и сестра помѣнялись ролями. У Наташи опять сквозило молодое оживленіе, и вся она, какъ прежде, глядѣла вольною птичкой, такъ и готовой вспорхнуть. Что-то почти шаловливое было и въ движеніяхъ ея, и въ блескѣ ея глазъ.

— А я къ тебѣ съ добрыми вѣстями. Пришло письмо отъ твоего пріятеля; я давно тебя ищу, чтобъ передать.

— Письмо отъ Юрія! — воскликнулъ онъ. — Давай сюда, давай.

Двинскій писалъ, что взялъ на лѣто отпускъ и черезъ недѣлю будетъ у себя въ Набережномъ. Гриша весь просіялъ отъ этого извѣстія.

Едва успѣлъ онъ прочитать письмо, какъ не вдалекѣ отъ нихъ послышались чьи-то голоса. Сухія вѣтви захрустѣли подъ тяжелыми шагами. Минуты двѣ спустя до Гриши стали долетать слова. Въ одномъ изъ подходившихъ онъ по голосу тотчасъ узналъ Клирова, но кто былъ другой? Кому принадлажалъ этотъ густой, грубоватый басъ? Неужели это Перекатовъ? Еще минута и крупная фигура Варѳоломея Перекатова ясно выдѣлилась изъ зелени лѣса. Одѣтъ онъ былъ, не смотря

на знойный іюньскій день, въ неизмѣнный поношенный сюртукъ изъ чернаго толстаго сукна, и въ черной же войлочной шляпѣ. Гриша быстро пошелъ къ нимъ навстрѣчу.

— Ты точно съ неба упалъ!—весело поздоровался онъ съ товарищемъ.—Ты развѣ здѣсь по сосѣдству поселился?—Ему тотчасъ же бросилась въ глаза сильно запыленная одежда и вспотѣвшее лицо Перекатова.

— Тебя удивляетъ,—въ свою очередь спросилъ тотъ, сухо при этомъ засмѣявшись,—что я странствую по образу пѣшаго хожденія? Непривычнымъ это кажется?

Перекатовъ, по исключеніи изъ университета, отправился въ уѣздный городъ Ч*, отстоявшій отъ Солнцева верстъ на двадцать пять. Тамъ у его матери, вдовы мелкаго чиновника, былъ крошечный домишко. Жила она на грошевую пенсію, да на счетъ выручки съ огорода. Содержать сына ей было рѣшительно не по средствамъ, да Варѳоломей ни за что бы на это не согласился. Цѣлую недѣлю онъ бѣгалъ по городу, тщетно предлагая свои услуги всѣмъ мѣстнымъ властямъ. Онъ охотно бы пошелъ хотя бы въ канцелярскіе писцы, да, какъ водится, всѣ вакансіи были заняты. Не побрезгалъ бы онъ и заработками иного рода и готовъ былъ поступить въ сидѣльцы къ купцу, но тамъ отъ него какъ отъ студента, просто открещивались, хотя рослый дѣтина съ желѣзными мускулами куда какъ годился на любую работу. Посовѣтовали ему отправиться въ губернскій городъ. Да и мѣстный предсѣдатель Управы, Ермолинцевъ, готовый всѣмъ предлагать свое содѣйствіе, хотѣлъ его снабдить всевозможными рекомендаціями. Но Перекатову въ эти рекомендаціи плохо вѣрилось, да и средствъ у него не хватало на поѣздку въ губернскій городъ. Выручило его изъ затрудненія письмо, наканунѣ полученное отъ Клирова. Пріятель извѣщалъ, что у Михаила Андреевича Непрядвина открывалось мѣсто письмоводителя, такъ какъ занимавшій до того времени эту должность запилъ мертвую и его пришлось уволить.

Перекатовъ и безъ того собиравшійся навѣстить Гришу, рѣшилъ, что времени терять нечего, и пѣшкомъ отмахалъ двадцатипяти-верстную дистанцію. На пути онъ зашелъ въ Гнѣздовокъ священнику, отцу Матвѣю, и тамъ случайно встрѣтился съ Клировымъ. Потолковавъ немного, оба пріятеля пошли въ Солнцево вмѣстѣ и, по настоянію Клирова, направились черезъ лѣсъ, что было хотя нѣсколько длиннѣе, но за то куда какъ лучше, по мнѣнію Ксенофонта Матвѣевича.

— Поэтическая душа! Что съ нимъ подѣлаешь?!— замѣтилъ по этому случаю Перекатовъ.

Все это онъ передалъ Гришѣ въ сжатыхъ и сухихъ выраженіяхъ: лишнихъ словъ онъ терять не любилъ. Даже упоминая про мать, къ которой онъ былъ крѣпко привязанъ, онъ не измѣнилъ своего сухого тона.

— Вы мнѣ про это не говорили!—сказалъ Клирову Гриша.

— Я думалъ, вамъ лучше будетъ прямо съ Варѳоломеемъ объясниться, а то, чего добраго, вамъ, да батюшкѣ вашему мое предложеніе могло бы не понравиться!

— Вотъ еще!—воскликнулъ Гриша... Я буду очень радъ, конечно...

— Въ твоей радости, батенька, толку еще мало!— отрѣзалъ Перекатовъ.—А каково будетъ мнѣніе твоего родителя, это иной вопросъ! На мнѣ, вѣдь, лежитъ, такъ сказать, печать отверженія.

— Полно толковать пустяки! Отецъ не такой человѣкъ. Напротивъ, я увѣренъ, онъ будетъ очень доволенъ. Я самъ бы тебѣ про это написалъ, да не смѣлъ предложить такую должность.

— На этотъ счетъ не безпокойся!—рѣзко возразилъ Перекатовъ.—Важности мы на себя не напускаемъ. Да и какая тутъ важность, когда человѣку ѣсть нечего, а въ карманѣ волчій паспортъ. Посмотрѣлъ бы ты, какъ мать моя изо дня въ день перебивается, да иной разъ по цѣлымъ недѣлямъ не то что безъ мясного, а безъ чаю сидитъ, такъ понялъ бы ты, что нужда не разбор-

чива. И какъ просидишь на хлѣбахъ у полунищей старухи, а самъ при этомъ чувствуешь, что по настоящему для нея бы надо хлѣбъ заработывать, зло такъ разбирать тебя и станетъ. Говорятъ тебѣ, я къ торговцамъ набивался, хотя бы мѣшки съ мукою перетаскивать. Да и то не взяли. А еще говорятъ, что нужна интеллигенція. Ничего никому не нужно, пока онъ сытъ, а вотъ у кого брюхо голодное... Ну, да что брехать по-пустому! Слухи носятся, будто твой родитель по тридцати рублей въ мѣсяцъ платитъ. Это намъ годится, лишь бы захотѣлъ меня взять! А то, чего добраго, побоится. Вѣдь я тоже, что клейменый...

Къ нимъ между тѣмъ подошла Наташа. Она протянула Варѳоломею руку.

— Извините, барышня,—проговорилъ онъ съ тою же желчною сухостью, — пожалуй запачкаетесь: моя лапа вся въ пыли.

Они всѣ вмѣстѣ направились къ дому. Наташа видимо, старалась побудить Варѳоломея разговориться. Онъ заинтересовалъ ее сразу той несмущавшейся простотой, съ которой онъ упоминалъ про свою бѣдность. Перекатовъ на молодую дѣвушку не обращалъ, повидимому, никакого вниманія. Его исключительно занимало дѣло, изъ-за котораго онъ пошелъ въ Солнцево, и скрывать этого онъ не считалъ нужнымъ.

— Такъ слушай, братъ! — говорилъ онъ Гришѣ. — Когда ты про меня будешь съ отцомъ толковать, объясни ты ему вотъ что. На счетъ судебныхъ уставовъ я плохъ, потому, самъ знаешь, въ университетѣ мы этого не читаемъ. Надѣюсь, однако, скоро всю эту мудрость осилить. Башка за мной, ты знаешь, водится. Грамотно писать умѣю. Взятокъ брать не стану.

Гриша вздумалъ было протестовать, но Перекатовъ его тотчасъ же остановилъ.

— Э! братецъ мой! ты думаешь, разъ я студентъ, да еще изъ не совсѣмъ благонамѣренныхъ, такъ непремѣнно долженъ этимъ возмущаться? Поди-ка, мало ли

такихъ, кого въ двадцать лѣтъ отъ одной такой мысли въ краску бросаетъ, а потомъ при случаѣ берутъ, и преизрядно даже. Только я не изъ такихъ: темпераментъ не таковскій. А жалкихъ словъ на этотъ счетъ не отпускаю, потому это—лишнее, и бывалыхъ людей жалкими словами не надуешь... А что, имѣніе у васъ большое?

Проходя черезъ усадьбу, Перекатовъ сталъ озираться съ холоднымъ любопытствомъ.

— Такъ себѣ, среднее! — отвѣтилъ Гриша.—А тебѣ что?—Его нѣсколько покоробило отъ безцеремонности этого вопроса,

— Ничего. Гляжу я вотъ на ваши постройки. Много ихъ что-то очень. Хозяйство, стало быть, крупное. Только позапущено маленько, сейчасъ видно. На то вѣдь мы русскіе, чтобы въ заплатахъ ходить, даже когда у насъ бархатное платье...

Было рѣшено, что Перекатовъ останется на цѣлый день въ Солнцевѣ, даже если съ Михаиломъ Андреевичемъ у него дѣло не устроится. Но Михаилъ Андреевичъ высказалъ полную готовность принять къ себѣ на службу молодого человѣка. Его положеніе—лица, политически нѣсколько опаснаго, даже какъ будто возвышало его въ глазахъ отца Гриши. И по этому случаю въ присутствіи Перекатова Михаилъ Андреевичъ отпустилъ двѣ-три громкія фразы. Ему казалось, что онъ совершаетъ почти гражданскій подвигъ, давая у себя пристанище студенту, исключенному по политическому дѣлу. А подвигъ этотъ кстати былъ изъ неособенно опасныхъ.

И Варѳоломей Перекатовъ поселился въ Солнцевѣ къ немалому огорченію Варвары Петровны, смотрѣвшей на него съ какимъ-то пугливымъ отвращеніемъ. Она словно ожидала, что длинноволосый, неуклюжій юноша нѣтъ-нѣтъ, да и выкинетъ какую-нибудь штуку. Впрочемъ пожаловаться на него и она не могла. Держался онъ со всѣми крайне сдержанно и рѣдко даже кому изъ семьи показывался на глаза. За то дѣло свое онъ велъ такъ аккуратно, что Михаилъ Андреевичъ нахва-

литься не могъ. Онъ выказывалъ молодому человѣку предупредительность необыкновенную, а порой даже какъ будто передъ нимъ рисовался. Но и съ Михаиломъ Андреевичемъ помимо своихъ обязанностей Перекатовъ въ разговоры не вступалъ, отвѣчая на его вопросы коротко и сухо.

— Какимъ ты молчаливымъ сталъ! — замѣтилъ ему однажды Гриша.—Совсѣмъ даже кипятиться разучился.

— А ты думалъ, — разсмѣялся въ отвѣтъ Перекатовъ, — я сюда проповѣдывать явился?! Очень нужно мнѣ порохъ тратить попусту.

— Со мной-то порохъ тратить!—удивился Гриша.

— Да разумѣется и съ тобой тоже. Мы вѣдь, что ни говори, не одного поля ягоды. Разойдемся мы рано или поздно, коли сама жизнь насъ не разведетъ. Не понимаю я этого, что-ли?!

— Да, изъ-за чего намъ расходиться? Развѣ ты мнѣ не по-прежнему товарищъ?

— Эхъ, батенька!—И Перекатовъ своею мощною рукою потрепалъ Гришу по плечу.—Чего турусы на колесахъ распускать? Вѣдь ты, хоть и славный малый, а все-таки баричъ; у тебя это въ крови сидитъ. Ты вѣдь всей душой къ своему Солнцеву привязанъ, именно потому, что оно твое, родное! А нашему брату, какъ ни старайся его приласкать, сочувствовать этому нельзя. Между нашей кочевой породой и вашей барской давно идетъ война, только разница между нами та, что мы это сознаемъ, а вы нѣтъ. И вотъ почему побѣда останется за нами. Ты заруби себѣ это на носъ разъ навсегда и не потѣшай себя сладенькими мечтами о какомъ-то сближеніи.

Съ лица Перекатова, пока онъ это говорилъ, исчезла всякая тѣнь добродушія. Глаза его смотрѣли почти хищно. Гришѣ однако показалось, что вся эта суровость у пріятеля была напускная. Но скоро онъ убѣдился въ противномъ.

Однажды онъ сидѣлъ съ Наташей на ея любимомъ мѣстѣ, въ дальнемъ углу сада. По обыкновенію они

горячо спорили. Вдругъ изъ-за кустовъ послышались голоса Клирова и Перекатова, шедшихъ по липовой аллеѣ. Сидѣвшихъ на скамейкѣ они сквозь густую зелень видѣть не могли.

— Я тебя не понимаю,—говорилъ Клировъ. — Какъ можешь ты съ такою холодною враждебностью относиться къ Непрядвинымъ! Во-первыхъ, они тебѣ все-таки услугу оказали, а во-вторыхъ, они такіе славные люди

Перекатовъ желчно разсмѣялся. — Что касается услуги,—отвѣтилъ онъ,—ты это скинь со счетовъ: платятъ мнѣ за мою работу и больше ничего. Да услугъ мнѣ ни отъ кого и не надо. А что они славные люди— это, положимъ, такъ, только мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла. Вотъ посмотри-ка на эту дуплистую липу. Она тоже славная, и красивая, и тѣни много даетъ; а все-таки года черезъ два ее придется на дрова срубить, чтобы она сама не свалилась, потому что она внутри вся перегнила. Таково, мой милый, и все ихъ барское племя. Сгинетъ оно, и не намъ съ тобою объ немъ тужить!

Дальше словъ нельзя было разслышать. Братъ и сестра встрепенулись. — Значитъ, мы на дрова только годимся! — попробовалъ пошутить Гриша. Но у него далеко не весело было на душѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ въ Солнцевѣ, ему самому казалось, что гниль стала разъѣдать домашніе порядки, какъ эту старую дуплистую липу. А, коли это бы такъ, коли правда въ самомъ дѣлѣ на сторонѣ этихъ новыхъ людей, развѣ будущая ихъ побѣда не была въ интересахъ общаго блага?!

— Отъ насъ самихъ зависитъ,—отвѣтила Наташа, и глаза ея заблестѣли, — чтобы мы на что-нибудь иное пригодились. Трудиться надо, какъ дѣлаютъ тѣ, которыхъ нужда заставляетъ.

Трудиться, да! Но какъ? Жажда дѣятельности наполняла все сердце Гриши, только за послѣдніе дни онъ сталъ крѣпко призадумываться надъ тѣмъ, что это, совсѣмъ не такъ просто, какъ ему прежде казалось.

Съ этихъ поръ Гриша сильно охладѣлъ къ Перекатову. За то Наташа съ нимъ охотно вступала въ разговоръ. Ей какъ будто хотѣлось убѣдить угрюмаго юношу, что сама она по крайней мѣрѣ барствомъ не заражена. И Перекатовъ говорилъ съ ней, конечно, безъ тѣни заискиванья, но и безъ всякой завзятой враждебности. А она съ той самой минуты, когда услыхала въ лѣсу его разсказъ, почувствовала какое-то уваженіе къ нему, уваженіе, котораго не могли поколебать самыя рѣзкія его выходки.

Разъ Михаилъ Андреевичъ, только-что вернувшись изъ города, гдѣ происходило засѣданіе мирового съѣзда, засталъ на терассѣ старшаго сына съ Наташей и съ Перекатовымъ. Варвара Петровна ушла къ себѣ, чтобы дать почувствовать дочери свое неудовольствіе за ея „фамильярность“ съ „этимъ длиноволосымъ“. Молодые люди горячо спорили. Перекатовъ, котораго Наташѣ удалось на этотъ разъ вывести изъ обычной сдержанности, съ жаромъ доказывалъ, что мѣстные крестьяне раззорены до тла и что виною этому не какія-нибудь случайныя обстоятельства, а полная невозможность свести концы съ концами. Гриша ему возражалъ.

— Да перестань же, наконецъ,—говорилъ онъ,—все на свои книжки ссылаться! Оглянись-ка на живую дѣйствительность! Что, видишь ты развѣ кругомъ себя нищету вопіющую или безутѣшное горе? А коли нѣтъ, зачѣмъ же небывальщину нести?!

Но Перекатовъ твердо стоялъ на своемъ, приводя цѣлый рядъ безнадежныхъ цифръ, заимствованныхъ изъ журнальныхъ статей.

Михаилъ Андреевичъ тотчасъ же вмѣшался въ разговоръ и захотѣлъ явиться примирителемъ. Перекатовъ, по его словамъ, былъ совершенно правъ. И народной нуждѣ, въ самомъ дѣлѣ, можно помочь только дружными усиліями общества и правительства.—На правительство, конечно,—сказалъ онъ, закуривая превосходную сигару,—надежды мало. Но мы, земскіе люди, помочь въ состояніи. И мы поможемъ!

Перекатовъ слушалъ молча, какъ разглагольствовалъ Михаилъ Андреевичъ на эту тему, слегка раскачиваясь на каблукахъ и выпуская кольца голубоватаго дыма. „Ты примѣчаешь,—сказалъ онъ только на ухо Гришѣ,— какъ твой отецъ со мной кокетничаетъ? Просто уморительно!“

— Отъ земства зависитъ,—добавилъ Михаилъ Андреевичъ, видимо довольный собой и своей сигарой,— принять необходимыя мѣры. Дѣло совсѣмъ не такъ непоправимо.

— А позвольте у васъ спросить,—возразилъ теперь Перекатовъ съ плохо скрытой ироніей въ голосѣ,—какія собственно, мѣры вы имѣете въ виду? И что до сихъ поръ земство сдѣлало для народа?—Онъ мѣрно отчеканилъ каждое слово.

— Какъ что?!—загорячился Михаилъ Андреевичъ.— А переложеніе натуральныхъ повинностей? А школы? А... а... Ну, словомъ, весь нашъ бюджетъ, который...

— Гроши, да крохи,—перебилъ его Перекатовъ,— больше ничего! Сотню, другую прибавятъ къ смѣтѣ изъ великодушія, или вѣрнѣе изъ чувства стыда...

— Сотню, другую!—воскликнулъ Михаилъ Андреевичъ.—Вотъ тебѣ на! Пятнадцать тысячъ на школы выходитъ, пятнадцать тысячъ!—Онъ ударилъ себя рукой по груди.

— И вы бы очень не прочь эти пятнадцать тысячъ пріурѣзать!—холодно возразилъ Перекатовъ.

— Кто не прочь? Я... я... который...—Михаилъ Андреевичъ просто задыхался отъ волненія.

— Да, вы и всѣ подобные вамъ крупные землевладѣльцы. Нѣтъ, Михаилъ Андреевичъ, ничего ваше земство не сдѣлаетъ, потому что никто, вѣдь, себѣ не врагъ; а народу пособить можно двумя только путями: переложить то, что онъ платитъ, на плечи тѣхъ, кто получаетъ много, не трудясь, и утвердить за нимъ тѣ земли, которыя онъ держитъ теперь за дорогую цѣну. Только добромъ онъ этого, конечно, не добьется.

— Эхе! Вотъ вы куда махнули!—попробовалъ разсмѣяться Михаилъ Андреевичъ, внутренно бранившій себя за то, что онъ впутался въ этотъ разговоръ. Этого не скоро дождетесь!

— Самъ знаю, что не скоро. А что будетъ оно такъ, это вѣрно. Вѣдь дворянская то земелька съ каждымъ годомъ все уплываетъ, да уменьшается! А за то съ каждымъ годомъ ростетъ число людей, готовыхъ народу помогать въ дѣлѣ его настоящаго освобожденія. И хотите, я вамъ укажу на вѣрный признакъ нашей будущей побѣды. Мы своихъ взглядовъ не скрываемъ. Я, вотъ, хотя и состою у васъ на службѣ, прямо говорю вамъ свое мнѣніе. А вы, вамъ какъ-то совѣстно признаваться въ своихъ настоящихъ мысляхъ. И вы скрываете ихъ, дѣлаете уступки, сочувствуете на словахъ тому, что вамъ, въ сущности, противно. А сынъ вашъ, посмотрите! Развѣ онъ хоть слово сказалъ въ опроверженіе меня?

Гриша вспыхнулъ.—До сихъ поръ,—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—я тебѣ не возражалъ изъ простого чувства деликатности. Но сдѣлать это я могу въ двухъ словахъ. Чего ты празднуешь какую-то будущую побѣду, да небывалымъ союзомъ съ народомъ хвастаешься! Побѣдѣ этой никогда не бывать, потому что случись она какимъ-нибудь чудомъ, это была бы лишь кратковременная побѣда разбойничьей шайки. А союзъ съ народомъ... Кого ты этимъ морочить станешь!? Ваша братія, положимъ, давнымъ-давно этотъ союзъ мужику навязываетъ, только мужикъ васъ что-то упорно своими считать не хочетъ.

Сказавъ это, Гриша отвернулся. Ему немножко совѣстно было, что пришлось сдѣлать отповѣдь товарищу. Да и шевелилось въ немъ иное чувство. Онъ невольно сравнивалъ ту вѣру въ свое дѣло, какая несомнѣнно была въ словахъ Перекатова, прямоту и цѣльность его взглядовъ съ неискренней увертливой мягкостью отца. И опять вертѣлся въ его головѣ докучливый вопросъ,

не правы ли въ сущности тѣ люди, которые такъ рѣшительно идутъ войною противъ всего, что ему дорого съ дѣтства.

Перекатовъ стиснулъ зубы и не отвѣтилъ, бросивъ искоса недружелюбный взглядъ на товарища. Михаилъ Андреевичъ подчеркнулъ слова сына одобрительнымъ хихиканьемъ и принялся ходить по террасѣ. Потомъ онъ подошелъ къ дочери, спросилъ ее, что она рисуетъ,—на столѣ передъ Наташей лежалъ бѣлый листъ бумаги, на которомъ карандашъ едва начертилъ нѣсколько штриховъ. Потомъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе насчетъ погоды, сказавъ, что завтра, вѣроятно, будетъ дождь и, рѣзко повернувшись на каблукахъ, вдругъ обратился къ Перекатову.

— Варѳоломей Ивановичъ,—сказалъ онъ, придавая своему голосу нѣкоторую строгость и засовывая обѣ руки въ карманы,—что, готовъ у васъ протоколъ по дѣлу Осипова съ Кузнецовымъ?

— Готовъ,—отвѣтилъ Перекатовъ.

Михаилъ Андреевичъ принялся что-то насвистывать и по ступенькамъ медленно спустился въ садъ.

— Какъ ты думаешь,—вполголоса спросилъ у Гриши Перекатовъ,—прогонитъ меня твой отецъ, а?.. Я готовъ объ закладъ побиться, что не прогонитъ, хоть и вздумалъ теперь задать себѣ начальническій тонъ!

Гриша не отвѣтилъ, а, взявъ со стола газету, усѣлся возлѣ сестры; но по судорожному движенію его рукъ видно было, что онъ и не думалъ читать. Перекатовъ взглянулъ на него презрительно изъ подлобья и тоже спустился въ садъ. „Плохи же вы, господа“, думалъ онъ, „въ себя и въ свою будущность вѣрите, коли стоитъ вамъ сказать два-три рѣзкихъ слова, чтобы съ толку васъ сбить“. Едва онъ скрылся, Гриша вскочилъ съ мѣста и швырнулъ газету на столъ.

— Что съ тобой?—спросила Наташа.

— Что?.. Ты думаешь, мнѣ пріятно было это слышать и чувствовать, что, пожалуй, вѣдь, онъ правъ?

Что тамъ ни говори, а папаша передъ нимъ все время пасовалъ, да отвиливалъ. И какъ онъ это сейчасъ примѣтилъ! А, вѣдь, кто собственныхъ мыслей стыдится, тотъ... Онъ не договорилъ.

Блестящіе глаза Наташи пристально устремились на брата.

— Что-жъ, Гриша, — тихо сказала она,—если это въ самомъ дѣлѣ такъ, надо умѣть помириться съ правдой, какъ бы она ни была непріятна.

Онъ сердито топнулъ ногой.

— Нѣтъ, это все таки неправда!—воскликнулъ онъ. — Это не можетъ и не должно быть правдой! Слишкомъ возмущаетъ меня одна эта мысль, и я докажу... докажу...— Онъ быстрыми шагами заходилъ по террасѣ.

— Они насъ за какихъ-то трутней считаютъ, эти господа! И тѣмъ для насъ стыднѣе, коли оно на самомъ дѣлѣ такъ. Только я трутнемъ не хочу быть и не буду — это я знаю твердо.

Лицо его все горѣло отъ овладѣвшаго имъ волненія.—И, вѣдь, не въ первый разъ мнѣ приходится это слышать!—продолжалъ онъ, останавливаясь передъ сестрой.—Ужъ въ университетѣ мнѣ протрубили уши на этотъ счетъ. И я самъ, чего грѣха таить, съ глупымъ чувствомъ малодушнаго стыда поддакивалъ иногда говорившимъ это. Ну, а теперь полно будетъ опускать голову, да надъ собственною слабостью потѣшаться!

Гриша живо передалъ сестрѣ про зародившуюся у него мысль. Въ Солнцевѣ верстахъ въ пяти отъ главной усадьбы имѣлся отдѣльный хуторъ, порядкомъ таки запущенный. Михаилъ Андреевичъ туда рѣдко заглядывалъ. А Гришѣ всякій разъ, когда онъ тамъ бывалъ, больно было глядѣть на полуразвалившіяся стѣны построекъ, да на жалкія, тощія поля. И онъ рѣшился попросить у отца этотъ хуторъ, чтобы лично завѣдывать тамъ хозяйствомъ —это будетъ для него настоящей школой. Онъ поселится тамъ, и никакой уже Данилычъ ему мѣшать не станетъ. Научиться, вѣдь, можно только

на собственномъ опытѣ. И Гриша весь отдался своему новому плану со всей неудержимой страстностью молодости, которая рвется впередъ, чтобы сейчасъ, не откладывая, осуществить задуманное.

Наташа его слушала, и сочувственно, и слегка недовѣрчиво.

Вдругъ среди наступившаго вечерняго затишья дрогнулъ гдѣ-то вдали чей-то женскій голосъ, нетвердый, словно нерѣшительный. Но вотъ къ нему присоединился другой, третій, потомъ цѣлый хоръ, правда, крикливыхъ и невѣрныхъ, но звонкихъ и здоровыхъ голосовъ залился могучей струей, а надъ ними звонче и сильнѣе другихъ поднимался чей-то молодецкій дискантъ. Крестьянскія женщины и дѣвушки возвращались въ село съ начавшагося сѣнокоса. Нестройно и весело разносился ихъ напѣвъ по тихому вечернему воздуху. Кому не приходилось заслушаться нескладной, почти дикой русской пѣсни, такой же простой и незатѣйливой, какъ сама матушка русская природа? И кому однако не звучала она чѣмъ-то отраднымъ, до того отраднымъ, что безъ нея не мила родная деревня? И кто, слушая ее, не спрашивалъ у себя, какъ это послѣ тяжелой работы хватаетъ и силы, и веселья, чтобы оглашать воздухъ этой звонкой пѣсней? Нѣтъ, что ни говори, въ ней звучитъ не смиренное покорное горе, надъ которымъ столько пролито лицемѣрныхъ слезъ, а иное, тоже покорное, но совсѣмъ ужъ не горестное чувство—мирная радость по оконченному труду.

— Слышишь, Наташа!—сказалъ Гриша, улыбаясь,— развѣ такъ поютъ забитые люди? Съ горя развѣ такъ лихо заливаются? Нѣтъ, мой другъ, помогать народу, конечно, нужно, но только не хныканьемъ.

Въ тотъ же вечеръ Гриша сказалъ отцу про свое желаніе завѣдывать Соколовскимъ хуторомъ. Михаилъ Андреевичъ согласился удивительно скоро, и развѣ для виду привелъ кое какія возраженія на счетъ того, что Гришѣ, чего добраго, это скоро надоѣстъ, да и не при-

вычно для него это дѣло. Но двадцатилѣтнее рвеніе молодого человѣка такими доводами затушить было нельзя, и Данилычъ на слѣдующее же утро получилъ приказъ сдать молодому барину управленіе хуторомъ.

IX.

Въ слѣдующее утро верховой привезъ Гришѣ коротенькую записку отъ Юрія. Двинскій пріѣхалъ три дня тому назадъ и звалъ пріятеля къ себѣ. Гриша тотчасъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и поскакалъ въ Набережное, до котораго было всего какихъ-нибудь верстъ десять. Въ Набережномъ давно не жилъ никто, и Гриша, не бывшій тамъ цѣлыхъ шесть лѣтъ, ожидалъ его увидѣть въ полномъ запустѣніи. Но усадьба поддерживалась въ отличномъ порядкѣ нѣмцемъ управляющимъ, при этомъ, конечно, не забывавшимъ и себя. И большой каменный домъ съ колоннами, построенный еще при Александрѣ I, въ тогдашнемъ величавомъ, угловатомъ, стилѣ, и многочисленныя службы, и огромный садъ съ прямыми стриженными аллеями, все глядѣло нарядно и чинно, точно оттуда и не выѣзжали хозяева. Это совсѣмъ была не чета Солнцеву. Самъ Юрій поселился не въ большомъ домѣ—онъ терпѣть не могъ пустыхъ хоромъ, наводившихъ на него тоску, а въ садовомъ павильонѣ, возведенномъ изъ за какой-то прихоти однимъ изъ прежнихъ князей Двинскихъ. Тамъ было всего двѣ маленькія комнаты, за то кругомъ роскошной, зеленой оправой стояли вѣтвистые старые вязы и дубы, и сквозь ихъ прохладную тѣнь виднѣлся крутой берегъ рѣки, и ея веселыя струйки кое-гдѣ блестѣли въ солнечныхъ лучахъ. Юрій успѣлъ уже придать уютный видъ давно заброшенному павильону, вовсе не предназначенному для пріема владѣльцевъ. Гриша засталъ его въ оживленной бесѣдѣ съ управляющимъ и еще съ какимъ-то господиномъ, техникомъ, привезеннымъ изъ Петербурга

для устройства завода. Вездѣ, на столахъ, на диванахъ, лежали планы и чертежи. Гриша тотчасъ замѣтилъ какое-то особенно возбужденное настроеніе у пріятеля. Увидавъ его, Двинскій бросилъ на столъ бумагу, на которой что-то чертилъ, и отпустилъ обоихъ ученыхъ господъ.

— Ты видишь, я здѣсъ опять на бивакѣ, какъ въ городѣ!—сказалъ онъ, звонко расцѣловавъ Гришу.— Такова ужъ моя судьба!

Но здѣсь было совсѣмъ не то, что въ Петербургѣ: Юрій глядѣлъ бодрымъ и веселымъ, глаза его оживленно блестѣли, и лицо успѣло порядкомъ загорѣть. И это было совсѣмъ не дѣланное оживленіе. Онъ искренно втянулся въ деревенскіе интересы, много толковалъ про свои планы и заранѣе восхищался новой для него сельской жизнью. Въ Петербургѣ онъ получилъ отъ своего отца письмо, въ которомъ тотъ просилъ его лѣтомъ объѣздить всѣ имѣнія и привести въ порядокъ запущенныя дѣла. Юрій очень этому обрадовался. Прежде отецъ не давалъ ему никакихъ порученій, а Юрій самъ не хотѣлъ навязываться на довѣріе. „Наконецъ-то будетъ у меня настоящее дѣло!“ подумалъ онъ. Въ нѣсколько дней онъ отыскалъ техника, выпросилъ себѣ отпускъ и, пріѣхавъ въ Набережное, съ лихорадочною поспѣшностью весь окунулся въ работу. Педантичнаго нѣмца, давно не видавшаго въ лицо никого изъ владѣльцевъ,— онъ порядкомъ удивилъ не только своимъ усердіемъ къ работѣ, но и легкостью, съ какой онъ схватывалъ мало знакомые ему техническіе вопросы.—Эге!—подумалъ онъ,—да съ нимъ надо уши держать востро.—Почтенный нѣмецъ даже въ мысляхъ дѣлалъ грамматическія ошибки, даромъ что цѣлыхъ двадцать лѣтъ безвыѣздно провелъ въ Россіи.

И Гришѣ, въ свою очередь, тоже пришлось изумиться. Избалованный Петербургскій баричъ въ три дня своего пребыванія въ деревнѣ освоился съ новой обстановкой гораздо лучше его самого. Онъ весь былъ

наполненъ радостнымъ оживленіемъ при мысли, что работа у него закипитъ, и что, взявъ дѣло въ свои руки, онъ поведетъ его твердо и настойчиво. Юрій повелъ пріятеля на строившійся заводъ, показалъ ему чертежи, посвятилъ его во всѣ разсчеты задуманнаго дѣла. Онъ, можетъ быть, при этомъ чуть чуть хвастался своими новопріобрѣтенными познаніями, но развѣ можно было на него за то сѣтовать!? Развѣ живой интересъ къ дѣлу, которымъ весь дышалъ Юрій, не во сто разъ лучше той безпомощности, которой такъ недавно еще поддавался Гриша? И какъ хорошо онъ держался съ людьми, какъ сумѣлъ имъ внушить къ себѣ уваженіе! „А, да это совсѣмъ не по моему!" думалось Гришѣ. „Я передъ какимъ-нибудь Данилычемъ спасовалъ, а тутъ люди знающіе, опытные и все таки онъ держитъ ихъ въ рукахъ... Гриша былъ такъ искренно преданъ Юрію, что это сравненіе его съ собой не вызвало въ немъ никакого завистливаго чувства.

— А долго ты здѣсь думаешь остаться?

— Недѣли двѣ, три... Потомъ въ Воронежское имѣніе проѣду, потомъ въ Саратовъ... Вездѣ побывать надо. А въ августѣ я сюда вернусь; я отпускъ взялъ на четыре мѣсяца. И кто знаетъ, можетъ быть совсѣмъ даже въ отставку выйду?! Богъ съ ней, съ карьерой! Глупо за ней гоняться, когда здѣсь столько настоящаго дѣла, и чувствуешь, что отъ тебя здѣсь зависитъ направить его, куда хочешь. Вѣдь ты не повѣришь, что за наслажденіе знать, что любой планъ можно осуществить тотчасъ же, и ни у кого разрѣшенія спрашивать не надо.

Словомъ, передъ Гришей былъ уже не прежній Двинскій, не столичный повѣса, не блестящій штабный офицеръ, а сельскій дѣятель, весь охваченный новой для него любовью къ деревнѣ. Такъ Гришѣ по крайней мѣрѣ казалось. А въ сущности это былъ все тотъ же избалованный Юрій, которому прежде всего хотѣлось видѣть быстрое исполненіе каждой своей причуды и которому деревня потому такъ и нравилась, что въ ней онъ такъ

легко могъ удовлетворить свою жажду полной власти. Но про это Гриша догадаться не могъ. Онъ остался въ Набережномъ до поздняго вечера, и обаяніе Юрія въ его глазахъ еще выросло.

— А ты къ намъ, въ Солнцево, пріѣдешь?—спросилъ онъ, садясь на лошадь.

— Разумѣется, пріѣду на этихъ дняхъ.—Легкое выраженіе скуки при этомъ скользнуло по лицу Юрія: ему тотчасъ представилось, съ какою торжественностью его станетъ принимать провинціальная тетка, съ которой онъ былъ мало знакомъ. И воображеніе ему нарисовало цѣлую галлерею смѣшныхъ портретовъ: „У Гриши, я знаю, подумалъ онъ, есть сестра, съ которой любезничать придется, какая-нибудь плаксивая уѣздная барышня, мечтающая о самостоятельности: всѣ онѣ теперь на какой-то самостоятельности помѣшаны“... Но какъ это ни казалось скучнымъ, Двинскій рѣшилъ, что поѣдетъ въ Салнцево: не сдѣлать этого значило обидѣть Гришу.

И онъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ уже на третій день, ранѣе, чѣмъ его ожидали. Варвара Петровна оказалась совсѣмъ такою, какъ представлялъ ее себѣ Двинскій. Она приняла его съ необыкновеннымъ трескомъ, какъ принимаютъ только оффиціальныхъ лицъ, вся сіяя радостнымъ торжествомъ и суетясь при этомъ чрезвычайно. Ее пугала мысль, что обѣдъ выйдетъ не какъ слѣдуетъ, или мужъ выкинетъ какую-нибудь штуку. Михаилъ Андреевичъ напротивъ хотѣлъ казаться добродушно простымъ, развязно шутилъ и дѣлалъ видъ, что пріѣздомъ Юрія онъ нисколько не польщенъ. Молодому князю онъ тоже не слишкомъ понравился. Двинскій нашелъ, что онъ смѣется невпопадъ и черезчуръ громко, да и ломается немного, стараясь говорить въ небрежно-фамильярномъ тонѣ. Но Юрій не подалъ вида, что они ему кажутся смѣшными. Онъ держался съ ними просто и радушно, совсѣмъ по родственному. И обворожилъ онъ ихъ въ какихъ-нибудь десять минутъ.

Правда, Варвара Петровна представляла его себѣ не такимъ. Двинскій не соотвѣтствовалъ ея понятіямъ о геройствѣ; за то она не могла не признать, что и въ лицѣ его, и въ манерахъ было что-то необыкновенно „distingué“. И оба мальчика, которыхъ онъ заставилъ себя догонять въ саду и съ которыми онъ состязался на „гигантскихъ шагахъ“, были отъ него безъ ума. Даже на учителя Клирова онъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе. И, сидя вечеромъ у своего пріятеля Перекатова, онъ говорилъ ему, что молодой князь совсѣмъ не надутый аристократъ, какимъ онъ его себѣ представлялъ, и что даже среди золотой молодежи какъ исключеніе бываютъ очень милые и умные люди. Перекатовъ въ отвѣтъ на это только злобно посмѣивался.

Наташа долго не показывалась. Варвара Петровна отъ этого пришла въ сильное волненіе, у нея даже красныя пятна выступили на щекахъ. Нѣсколько разъ она посылала за дочерью обоихъ мальчиковъ. А когда наконецъ, она явилась, вышло еще хуже. Варвара Петровна ахнула, увидавъ на дочери простенькое, холстинковое платье, подпоясанное чернымъ кожаннымъ кушакомъ. Гнѣвнымъ взглядомъ своихъ блеснувшихъ глазъ Варвара Петровна дала ей понять все свое негодованіе. Но она безпокоилась совершенно напрасно. Большой знатокъ женской красоты, Двинскій тотчасъ разглядѣлъ и оцѣнилъ всю безъискуственную прелесть свѣжаго личика Наташи, изящную линію ея чистаго профиля и свободную граціозность ея стана. Самая непритязательность ея одежды и та полная непринужденность, которая сказывалась въ каждомъ ея движеніи, даже усилили въ его глазахъ впечатлѣніе, произведенное на него съ перваго взгляда молодой дѣвушкой. А когда она заговорила, бархатная пѣвучесть ея грудного голоса какою-то лаской прозвучала въ его избалованномъ слухѣ. Онъ ожидалъ увидѣть провинціальную дѣву, не то робко жеманную, не то преднамѣренно дерзкую. Онъ думалъ, что услышитъ ломаный французскій языкъ съ ужаснымъ

акцентомъ, и заранѣе представлялъ себя Наташу очень неестественной и почти комичной. То, что онъ увидѣлъ, поразило его своей мягкой законченной гармоніей и полнымъ отсутствіемъ всякой дѣланности. Говорила она немного, неторопливо, но безъ робости, и каждое изъ ея словъ дышало простотой и спокойствіемъ. Очевидно было, что она нисколько не озабочена впечатлѣніемъ, какое она произведетъ на него. Правда, она сперва какъ будто дичилась; какъ всѣ дѣвушки, мало привыкшія къ обществу, она сразу не развертывалась при встрѣчѣ съ новымъ знакомымъ, почти съ недовѣріемъ наблюдая за нимъ. „Она точно себя стережетъ", подумалъ онъ, „пока убѣдится, что я за человѣкъ". Ему вдругъ захотѣлось, чтобы она составила себѣ объ немъ хорошее мнѣніе. А для этого,—онъ сразу это понялъ,—прежде всего надо было, чтобы ни одна фальшивая нота, ничего искусственнаго не прозвучало для нея въ его собственныхъ рѣчахъ. Да малѣйшій оттѣнокъ лжи и дѣланности, малѣйшая попытка рисоваться показалась бы Юрію въ присутствіи Наташи чѣмъ-то въ высшей степени недостойнымъ, до того сама она была преисполнена правды и искренности.

Варвара Петровна, тревожно слѣдившая за дочерью, была очень недовольна ея короткими отвѣтами и полнымъ отсутствіемъ въ ней всякаго кокетства. „Другая на ея мѣстѣ", думалось ей, „постаралась бы ему вскружить голову; улыбалась бы, когда нужно, внимательно бы слушала каждое его слово: всѣ мужчины это любятъ. А она сидитъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало. Даже на него не взглянетъ"... Во время обѣда, за которымъ, разумѣется, Наташу посадили рядомъ съ Юріемъ, молодые люди понемногу разговорились. Но что это былъ за простой, безсодержательный разговоръ! „Тутъ-то бы ей", продолжала разсуждать съ собою Варвара Петровна, „про войну спросить да дать князю случай разсказать про дѣла, гдѣ онъ участвовалъ. А она ему про наше Солнцево разсказываетъ, про свои занятія, да про боль-

ныхъ. Забавно ему это слушать! И зачѣмъ она все говоритъ по-русски, точно я не выучила ее французскому языку?“.

Варвара Петровна добросовѣстно старалась дополнить то, что, по ея мнѣнію, было недостаткомъ любезности со стороны Наташи, и занимала гостя преусердно.

Послѣ обѣда мальчики пристали къ сестрѣ, чтобы она устроила игру въ крокетъ, до которой оба они были страстные охотники. Сперва она отказывалась, но Юрій къ нимъ присоединился, объявляя, что это будетъ отлично, и ему тоже это доставитъ большое удовольствіе. Молодежь собралась на круглый лужокъ передъ домомъ. Надо было однако подъискать шестого участника, чтобы составилось двѣ партіи. Наташа, завидѣвъ Перекатова, стоявшаго возлѣ съ Клировымъ, предложила ему тоже взять молотокъ и шаръ; но тотъ угрюмо отказался.

— Охота вамъ, Наталья Михайловна,—сказалъ онъ,—этакимъ ребячествомъ забавляться! А меня ужъ вы увольте, пожалуйста. Я изъ себя шута не намѣренъ представлять.

Наташа пожала плечами и предложила шаръ Клирову. Бѣдный учитель, не имѣвшій понятія объ игрѣ, покраснѣлъ, но согласился. Слишкомъ часъ молодые люди занимались катаніемъ шаровъ по гладко обстриженной травѣ. Юрій игралъ съ такимъ неподдѣльнымъ оживленіемъ, такъ чистосердечно смѣялся надъ собственными промахами, что удивилъ самого Гришу.

— Я и не подозрѣвалъ у тебя такую способность ребячиться,—сказалъ онъ пріятелю.—Ты, право, здѣсь, въ деревнѣ, помолодѣлъ.

Да и самъ Юрій чувствовалъ въ себѣ приливъ какой-то добродушной, молодой веселости.

Все время, пока длилась игра, Перекатовъ, усѣвшись на скамейкѣ, изъ подлобья глядѣлъ на прочихъ съ какой-то упорной насмѣшкой на губахъ. Ему какъ будто хотѣлось, чтобы всѣ, въ особенности Наташа и Юрій, замѣ-

тили презрительное выраженіе, какое онъ такъ старался себѣ придать. Но Юрій, съ которымъ его познакомилъ Гриша, только вѣжливо ему поклонился, а потомъ не обращалъ на него вниманія. У Наташи за то, чувствовавшей на себѣ его пристальный взглядъ, въ первый разъ, можетъ быть, сказалось не совсѣмъ пріязненное чувство къ молодому человѣку.

— Что вы такимъ волкомъ глядѣли все время?— замѣтила она ему, когда Юрій уѣхалъ.

— Да такъ... любовался просто, какъ разумные люди изъ себя дѣтей корчатъ. И очень вамъ было весело?

— Должно быть!—холодно возразила она.—А вамъ-то ужъ навѣрно не было весело!

Лицо Варѳоломея передернулось.—Вы словно меня за что-то укоряете, Наталья Михайловна?—сказалъ онъ.

— Я только не люблю все напускное! Вы это отлично знаете. А укорять васъ я не имѣю ни права, ни... охоты.

Сказавъ это, она отошла прочь, а онъ сердито пробормоталъ ей что-то въ слѣдъ.

X.

Юрій сталъ часто бывать у Непрядвиныхъ. Солнцево ему полюбилось. Даже Варвару Петровну онъ пересталъ находить смѣшною, и Михаилъ Андреевичъ уже не коробилъ его своимъ дешевенькимъ либерализмомъ и размашистыми ухватками перезрѣлаго повѣсы. Разумѣется, привлекала его въ Солнцевѣ одна только Наташа. Но въ его частыхъ посѣщеніяхъ была и причина совершенно иного свойства. Молодой князь—чего грѣха таить —такъ же скоро охладѣлъ къ своей роли хозяина, какъ быстро къ ней пристрастился. Онъ по прежнему выслушивалъ пространныя донесенія управляющаго, по-прежнему цѣлые часы проводилъ, не смотря на палящій зной, на строившемся заводѣ и на полевыхъ работахъ; но побуждало его къ этому уже не рвеніе ново-

бранца въ хозяйствѣ, а терпѣливая выдержка человѣка, умѣвшаго принудить себя и къ скучному дѣлу. И порой, когда онъ цѣлые часы проводилъ въ своемъ павильонѣ за какими-нибудь сложными выкладками, либо на своемъ караковомъ жеребцѣ безъ цѣли скакалъ по обширнымъ полямъ Набережнаго, давно знакомая гостья—томительная скука—неотвязчиво его преслѣдовала. На самомъ дѣлѣ—и онъ прекрасно это сознавалъ—хозяйство было для него такою же игрушкою, какъ все, чѣмъ была наполнена до сихъ поръ его жизнь—кутежи съ товарищами, продажная женская любовь и сама служба, и мечты о карьерѣ. Всѣмъ этимъ онъ могъ увлекаться съ молодой пылкостью, жадно искавшей чего-нибудь, что заставило бы забиться его сердце, но скоро, очень скоро въ немъ пробуждалось ноющее сознаніе, что настоящей, живой цѣли во всемъ этомъ нѣтъ, что души своей онъ ни во что изъ всего этого положить не въ состояніи. И чуть вокругъ него утихалъ бѣшеный круговоротъ его жизни и онъ могъ заглянуть въ самого себя, безцѣльность, суета его существованія выростали предъ нимъ, какъ уродливый призракъ, вызывая въ немъ злую насмѣшку надъ собой. Онъ принуждалъ себя къ работѣ, намѣренно доводилъ себя до усталости, чтобы заглушить въ себѣ этотъ докучливый голосъ. За то, когда онъ оставался наединѣ съ собой, Двинскій говорилъ себѣ, что вѣдь и хозяйство для него такое же мишурное дѣло, какъ и все остальное, потому что вѣдь въ сущности ему рѣшительно все равно, прибавится или нѣтъ дохода съ обширныхъ отцовскихъ помѣстій. „Надо поскорѣе отсюда убраться“, думалъ онъ въ такія минуты. „Тамъ, на новомъ мѣстѣ, съ новыми людьми я, можетъ быть, и найду чѣмъ заинтересоваться“...

Но прошли двѣ недѣли, приходила къ концу и третья, а Двинскій не уѣзжалъ. И Варвара Петровна предавалась уже горделивымъ мечтамъ о возможности близкаго осуществленія ея затаенныхъ плановъ на

счетъ замужества Наташи. Она замѣтно пріободрилась и заранѣе предвкушала тщеславную радость по случаю блестящей будущности дочери. Разъ она даже не вытерпѣла и намекнула про это мужу. Но Михаилъ Андреевичъ только разсмѣялся.

— Выкинь ты дурь эту изъ головы!—отвѣтилъ онъ ей безъ обиняковъ. — Ѣздитъ онъ къ намъ просто отъ нечего дѣлать, а что онъ не женится на Наташѣ, за это я голову дамъ на отсѣченіе!

А Юрій въ самомъ дѣлѣ и не думалъ помышлять о свадьбѣ. Онъ просто находилъ удовольствіе въ обществѣ молодой дѣвушки. И мысль о томъ, что частыя бесѣды съ нею могутъ связать его будущее, ему даже не приходила въ голову. Она нравилась ему не только какъ женщина, не одной красотой своей, а непочатой правдивостью, неустрашимой самостоятельностью мысли, какую онъ почувствовалъ въ ней съ перваго же дня ихъ знакомства. Ухаживанья въ его обращеніи не было и слѣда. Онъ считалъ ее близкою, какъ сестру своего друга, и говорилъ съ ней такъ же просто, какъ съ самимъ Гришей, не подозрѣвая даже, что онъ старался проникать въ ея внутренній міръ съ такимъ живымъ интересомъ, какого никогда не возбуждалъ въ немъ ходъ мыслей ея брата. Гриша иногда къ нимъ присоединялся, но скоро чутье ему подсказывало, что онъ своимъ присутствіемъ имъ какъ будто мѣшаетъ.

— Я очень радъ, — сказалъ онъ разъ Наташѣ, — что Юрій тебѣ понравился. Онъ такой славный, не правда ли? И совсѣмъ простой, надо съ нимъ только взяться попросту.

Наташа однако ни за что не хотѣла признаться, что Юрій ей нравится, и простоты она въ немъ не примѣчала вовсе; на этотъ счетъ она была дальновиднѣе брата.

— Ну, ну! — принялся ее дразнить Гриша.— Точно я не вижу! ты цѣлые часы готова съ нимъ толковать,

а меня увѣрить хочешь, что онъ такъ себѣ, не то чтобы очень скучный, да и не особенно милый и забавный тоже. Экая у васъ всѣхъ скрытность какая. А вѣдь погляди ка на себя, за послѣдніе дни на свой туалетъ даже гораздо больше вниманія обращаешь, и шляпа твоя, что на крышу похожа, исчезла куда-то!

Наташа чуть чуть покраснѣла и перемѣнила разговоръ, хоть сдѣлала она это скорѣе безсознательно, чѣмъ изъ разсчетливой скрытности. Да отъ Гриши нечего было и хорониться особенно. Весь занятый своимъ хуторомъ, онъ не подолгу оставался въ Солнцевѣ, и часто, когда Юрій туда пріѣзжалъ, Гришу онъ не встрѣчалъ тамъ вовсе.

Варвара Петровна молодымъ людямъ, разумѣется, не мѣшала. Она даже всячески старалась, чтобы они подольше оставались вдвоемъ. Ея тщеславныя надежды все росли, да росли. Пройдетъ она будто случайно мимо скамейки, гдѣ сидѣли Юрій съ Наташей, и, мелькомъ взглянувъ на нихъ, ускоритъ шагъ, да многозначительно улыбнется. А поздно вечеромъ, послѣ отъѣзда князя, она, бывало, потреплетъ дочь по щекѣ — почему-то за послѣднее время она ощущала къ ней небывалую прежде нѣжность—и спроситъ, пристально глядя ей въ лицо:

— Ну, что Наташа? что скажешь?

— Ничего мама,—просто отвѣтитъ Наташа, опуская глаза и слегка отворачиваясь. Вопросъ матери и самое прикосновеніе ея руки вызывали въ ней смутное, неловкое ощущеніе.

Одно пугало Варвару Петровну. Ну какъ Наташа вздумаетъ высказывать и передъ Юріемъ свои шальныя, вольнодумныя идеи!? Что тогда? Какъ благоразумная мать, она раза два пробовала урезонить дочь, но по одному взгляду Наташи Варвара Петровна тотчасъ убѣждалась, что ея доводы остаются безъ всякаго дѣйствія. А кабы она хоть разъ могла подслушать разговоръ молодыхъ людей, она пришла бы въ настоящій

ужасъ. Наташа и не думала скрывать отъ Юрія свои мысли и, — странное дѣло! — самая ихъ смѣлость какъ-то особенно его прельщала. Съ такими дѣвушками, какъ Наташа, онъ прежде не встрѣчался никогда. Самъ Юрій, не смотря на среду, въ которой онъ выросъ, былъ вполнѣ свободенъ отъ предразсудковъ. Умъ его не отступалъ ни передъ какими выводами. Юрій даже самодовольно лелѣялъ въ себѣ эту наклонность къ вольнодумству, какъ что-то отличавшее его отъ прочихъ заурядныхъ людей. Положеніе его въ обществѣ было настолько выше средняго уровня, что гордиться имъ казалось ему пошлымъ. За то надо было выдѣлиться изъ небольшого кружка людей, равныхъ ему по богатству и по знатности, а возвыситься надъ ними въ собственномъ сознаніи можно было всего лучше думая и чувствуя иначе, не такъ какъ они. Ему казалось, что сильные независимые умы тѣмъ и отличаются отъ прочихъ, что они свободны отъ иллюзій и ко всему относятся съ легкой, изящной насмѣшливостью.

Да у Юрія въ самомъ дѣлѣ немного уцѣлѣло иллюзій. Слишкомъ рано ему пришлось заглядывать за кулисы. Онъ не любилъ и не уважалъ отца, мелкое, болѣзненное тщеславіе котораго обнаружилось передъ нимъ очень рано. Не могъ онъ уважать и матери, которую, однако, любилъ какою-то почти скорбною привязанностью: едва выйдя изъ дѣтскихъ лѣтъ, онъ зналъ уже, что жизнь ея далеко не бузупречна. Да и въ прочихъ близко знакомыхъ ему семьяхъ было почти то же. Полковые товарищи большею частью, конечно, были славные малые. Правила чести между ними соблюдались твердо. Но сколько разъ, однако, приходилось ему замѣчать, что правила эти не болѣе какъ внѣшняя узда, не позволяющая дѣлать то, что признано безчестнымъ. Случалось и то, что люди, за которыми онъ зналъ несомнѣнно дурные поступки, благодаря ловкой смѣлости, умѣли сохранить положеніе въ обществѣ и всѣми принимались

какъ нельзя лучше. А во время войны, гдѣ, казалось, всѣ были воодушевлены безкорыстною преданностью родинѣ, онъ хорошо разглядѣлъ настоящія пружины, двигавшія многими изъ этихъ лихихъ храбрецовъ. Религія, патріотизмъ, честь, святость присяги, все это, конечно, отлично звучало въ оффиціальныхъ рѣчахъ и приказахъ, но сколько изъ числа людей, шедшихъ отважно въ огонь, про все это не думали вовсе! Какъ разъ въ его кругу, всего болѣе призванномъ стоять за престолъ и за вѣру, онъ часто не видѣлъ ни искренней преданности власти, ни признаковъ религіознаго чувства. И Юрій съ молодою неопытностью рѣшилъ, что для огромнаго большинства людей все это пустыя слова, а существуетъ одно лишь—брезгливое отвращеніе отъ всего низкаго и подлаго, отвращеніе, вошедшее въ привычку или, пожалуй, унаслѣдованное. Эта чисто инстинктивная нравственность исчерпывалась для него словомъ „долгъ", словомъ довольно неопредѣленнымъ, хотя для Юрія было совершенно ясно, чего именно требовалъ отъ него этотъ долгъ. Далѣе онъ не шелъ, не стараясь выяснить для себя настоящій корень этого смутнаго нравственнаго понятія. Но онъ, тѣмъ не менѣе, раздѣлялъ людей на два рѣзко отличавшихся лагеря. Съ одной стороны были избранные, такъ называемые порядочные люди, признающіе этотъ долгъ и умѣющіе себя вести какъ слѣдуетъ. Они имѣли въ его глазахъ право относиться съ полнымъ презрѣніемъ къ остальнымъ, къ толпѣ, отъ которой требовалось одно лишь—повиновеніе. А кучка избранныхъ, къ которой онъ причислялъ и себя, обладала не только свойствомъ ненавидѣть дурное, дававшимъ ей отпечатокъ благородства, но сверхъ того еще высшимъ умственнымъ развитіемъ, обезпечивающимъ за нею право на власть.

И къ этимъ избраннымъ Юрій причислялъ и Наташу, и ея брата. Но Гриша былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы Юрій могъ съ нимъ, какъ съ равнымъ, дѣлиться всѣми своими мыслями. Не то было съ Наташей. Она

развита не по лѣтамъ, чутье ей подсказывало то, чему ранній жизненный опытъ выучилъ Юрія. Она тоже, какъ и онъ самъ, ненавидитъ все заурядное и низменное. Ея образъ мыслей, ея радикальныя увлеченія—не болѣе, какъ благородный порывъ чистаго молодого сердца, возмущеннаго несправедливостями жизни. Конечно, если бы передъ нимъ была не эта хорошенькая дѣвушка, вся исполненная природнаго изящества, а одна изъ безчисленныхъ передовыхъ барышень, не обладающихъ этимъ свойствомъ, онъ бы только снисходительно улыбнулся, услыхавъ ея восторженныя рѣчи. Но сестру Гриши Непрядвина природа отмѣтила, какъ одну изъ своихъ избранницъ, и прелестною наружностью, и непринужденною гибкостью ума.

Разъ, пріѣхавъ къ Непрядвинымъ, Двинскій засталъ у нихъ цѣлое общество. Тутъ былъ уѣздный предводитель, Барсуковъ, человѣкъ стараго покроя, жирный и обрюзглый, тщедушный предсѣдатель Управы, Ермолинцевъ, сладенькій, застѣнчивый и глупый, да товарищъ по службѣ Михаила Андреевича, мировой судья Хмуровъ, большой либералъ и краснобай, что не мѣшало ему дешево вести хозяйство посредствомъ ростовщичества. Въ присутствіи мѣстныхъ властей мигомъ исчезъ тотъ слабый европейскій лоскъ, который Михаилъ Андреевичъ и его супруга такъ старались поддерживать въ своемъ домѣ. Запахло настоящей захолустной провинціей съ ея добродушнымъ цинизмомъ, съ ея мелкими сплетнями и тяжеловатымъ злословіемъ. Говорили про урожай, да про хлѣбныя цѣны, про то, что съ народомъ теперь не сладишь, но еще болѣе про то, какъ въ уѣздѣ всѣ перессорились и какъ, благодаря этому, Богъ вѣсть, какой кавардакъ выйдетъ на будущихъ выборахъ; бранили, конечно, правительство и жаловались на всеобщее раззореніе. Когда, впрочемъ, на него не жаловались на святой Руси?! Начиная отъ Нестора лѣтописца вплоть до благословенныхъ годовъ желѣзнодорожнаго строительства и невѣроятнаго подъ-

ема хлѣбныхъ цѣнъ. Юрію тошно стало отъ этихъ рѣчей. А тутъ, какъ бы на зло, Варвара Петровна всячески передъ гостями выставляла его напоказъ, очевидно хвастаясь ихъ отдаленнымъ родствомъ. Юрій, молчавшій во все время обѣда—онъ сидѣлъ между хозяйкой дома и либеральнымъ мировымъ судьею,—переглянулся съ Наташей и прочелъ на ея лицѣ отраженіе того же гадливаго чувства, какое испытывалъ онъ самъ.

Говорили между прочимъ и о недавнемъ пріѣздѣ Столѣниныхъ, послѣ долгихъ годовъ опять проводившихъ лѣто въ своемъ Вороновѣ. Пріѣздъ этотъ видимо занималъ мѣстное общество, хотя вызванные имъ толки и пересуды не отличались благосклонностью.

— Должно быть,— сказалъ предводитель,—петербургское житье, да заграничныя поѣздки поразстроили таки финансы Владиміра Валерьяновича. Съ самой своей женитьбы сюда глазъ не казалъ. А теперь, видимо, пришлось волей-неволей въ деревню заглянуть.

— Что вы говорите, Петръ Петровичъ!?—вмѣшался Ермолинцевъ,—финансы разстроены!! Вы бы посмотрѣли, чего чего они изъ Петербурга не навезли, мебели разной, дорогой, лошадей сколько; а лакеевъ полонъ домъ, поваровъ однихъ цѣлыхъ три. Видно, гостей принимать собираются. А усадьба у нихъ богатѣйшая, дворецъ настоящій!

— Полно, Арсеній Васильевичъ! — замѣтилъ Хмуровъ.—Усадьба то усадьбой, а имѣніе совсѣмъ раззоренное: лѣсъ вырубленъ, поля не родятъ. Извѣстное дѣло, имѣніе безъ хозяина! Да и что за хозяинъ Владиміръ Валерьяновичъ!

Варвара Петровна заволновалась.—Ахъ, нѣтъ!—сказала она.—Прекрасный онъ человѣкъ! Онъ мнѣ, вы знаете, троюроднымъ братомъ доводится... Какъ ты мнѣ про это не сказалъ, Миша?!—обратилась она къ мужу.

— Я первый разъ слышу. Впрочемъ, намъ-то что-за дѣло!?

— Какъ, что? Къ нимъ поѣхать надо. И вы гово-

рите,—спросила Варвара Петровна у предводителя,—они давно здѣсь?

— Да три недѣли будетъ!

— Представьте себѣ, а я и не знала!—Варвара Петровна чувствовала себя немного обиженною невниманіемъ къ ней родственниковъ, но этого нельзя было выказать передъ чужими.—Непремѣнно поѣдемъ въ Вороново на дняхъ: мы съ ними такъ вѣдь дружны! А вы, Петръ Петровичъ, у нихъ были?

— Нѣтъ,—сухо отвѣтилъ тотъ.—Счелъ излишнимъ. Владиміръ Валерьяновичъ самъ ни у кого въ уѣздѣ еще не былъ, даже у меня. Что-жъ, мы въ этихъ петербургскихъ барахъ не нуждаемся.

Несмотря на родство Столѣниныхъ съ хозяйкой дома, о которомъ она такъ громко заявила, гости не поскупились на самыя нелюбезныя догадки на ихъ счетъ. Досталось при этомъ, разумѣется, и Марьѣ Борисовнѣ, которую Хмуровъ расписалъ самыми непривлекательными красками.

— А вы ее когда-нибудь встрѣчали?—холодно спросилъ Юрій.

— Нѣтъ-съ, не имѣлъ этой чести. Да ужъ извѣстное дѣло, петербургская барыня!

— Ну, такъ я бы вамъ посовѣтовалъ не судить о тѣхъ, о комъ вы понятія не имѣете!

На этомъ разговоръ оборвался. Хмуровъ посмотрѣлъ на Юрія, собираясь что-то отвѣтить, да такъ и остался съ разинутымъ ртомъ, да съ выпученными глазами. Кстати, подавали пирожное, за которое онъ усердно принялся.

Когда встали изъ за стола и можно было, соблюдая приличіе, освободиться отъ наѣхавшихъ гостей, Юрій сошелъ въ садъ и какимъ-то чутьемъ тотчасъ отыскалъ Наташу. Она медленно шла, немного опустивъ голову, по широкой липовой аллеѣ.

— Что вы,—поравнявшись съ нею, весело проговорилъ Юрій,—подобно мнѣ, спасаетесь сюда отъ умныхъ рѣчей этихъ милыхъ господъ?

— Это съ моей стороны не совсѣмъ вѣжливо!—отвѣтила она, слегка улыбнувшись.—Да что дѣлать, я ужъ такая, съ приличіями не справляюсь.

— Вотъ, говорятъ,—продолжалъ онъ,—что здѣсь, у васъ въ провинціи, лучше и проще живутъ, и люди будто все такіе славные, а на повѣрку то выходитъ, что вездѣ то же дряненькое злословіе и тѣ же крошечные интересики. Только здѣсь они еще помельче, а оттого и смѣшнѣе.

— Смѣшны они, можетъ быть, только ужъ совсѣмъ не забавны.

Они помолчали немного. Наташа въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ она знала Юрія, ощущала передъ нимъ какую-то странную неловкость. Даже въ поступи ея было что-то робкое. И въ то же время она какъ-то почувствовала вдругъ, что между ними установилась странная, непонятная близость. И жутко, и хорошо ей было это чувствовать.

И Юрій словно отгадалъ это ощущеніе.

— Вы никогда не задавали себѣ вопроса, Наталья Михайловна,—заговорилъ онъ, понизивъ голосъ,—какими судьбами мы такъ хорошо понимаемъ другъ друга, точно мы въ самомъ дѣлѣ близкіе люди, не смотря даже на то, что мы почти во всемъ расходимся?

Она не отвѣтила и еще ниже опустила голову.

— А знаете отчего это? — продолжалъ онъ, весело и прямо смотря ей въ лицо.—Отъ того, что люди сходятся не по тому, что каждый изъ нихъ думаетъ, а по тому, какъ они думаютъ.

Она на мигъ подняла глаза и тотчасъ ихъ опять опустила.

— Я вѣдь увѣренъ, что, когда вамъ прежде про меня говорили, вы составили себѣ на мой оченъ очень плохое мнѣніе! Вѣдь тотъ кругъ, къ которому я принадлежу, вамъ глубоко антипатиченъ, не правда ли?

— А вамъ онъ симпатиченъ?—спросила она въ свою очередь.

— Ну, это другой вопросъ и вдобавокъ очень сложный... Вотъ, напримѣръ, этотъ передовой земскій дѣятель, господинъ Хмуровъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе обѣдать, не смотря на весь свой либерализмъ, вамъ навѣрное такъ же противенъ, какъ и мнѣ. А тотъ неотесанный юноша, письмоводитель вашего отца, который почему-то меня возненавидѣлъ...

— Нѣтъ, вы на него не нападайте!—живо возразила она—Онъ такой несчастный и... и славный...

— Несчастный, можетъ быть, только ужъ совсѣмъ не славный! Полно, Наталья Михайловна, не притворяйтесь. Между вами никакого сочувствія быть не можетъ, хотя вы и воображаете, что у васъ съ нимъ одинаковыя революціонныя симпатіи. Вы, и такіе люди, какъ онъ... Полноте! Сходиться съ ними вы можете на словахъ только. А вотъ мы съ вами, такъ спѣлись съ перваго же раза! Не отрицайте этого; вѣдь мы спѣлись, я это знаю, не смотря на то, что я не вѣрю, будто отъ мужика все грядущее спасеніе Россіи и что ученыя дѣвицы, которыя говорятъ и мыслятъ, да и веселятся не иначе какъ серьезно, наводятъ на меня тоску...

— Берегитесь!—разсмѣялась она.—Вѣдь я сама одна изъ этихъ дѣвицъ. Развѣ вы не знаете, что я на курсы идти собираюсь?

— Что жъ, вы думали меня этимъ словомъ очень испугать? Куда бы вы ни пошли, васъ никакая среда не испортитъ. Курсы вы, пожалуй, будете слушать, но курсистки изъ васъ все таки не выйдетъ.

— Какъ же это? Вы говорите что-то больно мудрено.

— Да очень просто. Къ вамъ никогда не пристанетъ та вычурная, ломанная внѣшность, которую представляешь себѣ при этомъ словѣ. Натура у васъ на то слишкомъ... слишкомъ аристократическая. Не пугайтесь этого выраженія, пожалуйста!

— Я ничего не пугаюсь, въ особенности словъ...

— Это я давно знаю!—перебилъ онъ ее съ блестѣвшими отъ оживленія глазами.—И оттого именно, от-

того я такъ... Онъ немного запнулся, ему на языкъ навертывалось слово, которое онъ не захотѣлъ выговорить.—И вѣрьте мнѣ, рано или поздно вы поймете, что не можете идти за одно съ людьми, которымъ вы теперь сочувствуете.

— Можетъ быть!—задумчиво вымолвила она.—Будущаго не угадаешь. Вѣдь, своя душа, пожалуй, еще болѣе потемки, чѣмъ чужая. Только одно для этого нужно,—нужно, чтобы въ моей ошибкѣ на счетъ этихъ людей меня убѣдили не словами только. А пока я не могу не стоять за тѣхъ, кто честно трудится.

Юрій не возражалъ; опять наступило молчаніе. Онъ зналъ, что въ своемъ разговорѣ они дошли до того самаго опаснаго мѣста, котораго онъ всегда избѣгалъ, бесѣдуя съ нею. Въ ея глазахъ вся его грѣшная, ничѣмъ незанятая жизнь должна была вѣдь казаться чѣмъ-то въ высшей степени уродливымъ. Разувѣрить ее на свой счетъ какими-нибудь громкими фразами онъ не хотѣлъ, потому что всякая ложь ему претила. А онъ не чувствовалъ въ себѣ рѣшимости измѣнить эту жизнь, облагородить ее трудомъ, посвященнымъ безкорыстному дѣлу. И если, не смотря на это, ее все таки влекло къ нему, надо было старательно беречь это чувство и, говоря съ нею, не заходить въ ту область, гдѣ ихъ взгляды непримиримо должны были разойтись.

Вечеръ между тѣмъ тихо наступалъ. Низкое солнце проникало своими косыми лучами сквозь частые стволы высокихъ липъ, окрашивая ихъ багрянымъ отблескомъ. Длинныя тѣни все тянулись и выростали; вдали за рѣкой поднимался бѣлый паръ, а лѣсъ уже синѣлъ, весь погруженный въ тѣнь, и лишь по его краю яркимъ золотомъ кое гдѣ блестѣли концы вѣтвей. Стояла торжественная тишь надвигавшагося іюльскаго вечера; липы въ полномъ цвѣту наполняли воздухъ прянымъ возбуждающимъ запахомъ, листья шептались на макушкахъ деревьевъ; ночныя бабочки словно опьянѣлыя вились вокругъ цвѣтовъ, трепеща крыльями, а потомъ стрѣлой,

какъ испуганныя, кидались, очертя голову, исчезая въ неподвижномъ воздухѣ. Какое-то утомленіе, какую-то тоскливую нѣгу навѣвалъ этотъ теплый, словно дремлющій вечеръ. И говорить не хотѣлось, точно мысль нѣмѣла подъ тяжестью смутнаго полусознательнаго ощущенія...

Разговоръ молодыхъ людей шелъ урывками, словно онъ лѣниво цѣплялся за недосказанныя слова, не рѣшаясь идти далѣе. И слова эти не служили даже отвѣтомъ одно другому, а между тѣмъ Юрій и Наташа понимали, какъ нельзя лучше, тотъ внутренній, невысказанный строй мысли, къ которому принадлежали эти слова, совсѣмъ заурядныя, казалось иногда даже шутливыя. И имъ не хотѣлось уже возобновлять прерванную бесѣду, точно оба они боялись чего-то, пока не совсѣмъ яснаго для нихъ, къ чему могла привести эта бесѣда.

Когда они пришли къ тому мѣсту, гдѣ Юрій настигъ молодую дѣвушку, Двинскій сталъ прощаться.

— Вы ужъ не пойдете туда, въ домъ? — спросила она.

— Нѣтъ, больно я ужъ не разговорчивъ сегодня. Голова что-то разболѣлась. Отъ запаха липъ, должно быть, — прибавилъ онъ, слабо улыбнувшись. — А надняхъ мы опять увидимся.

Она молча наклонила голову и протянула руку.

Раставшись съ нимъ, она медленно продолжала свою прогулку. Она дошла до конца аллеи и повернула назадъ. Вокругъ нея все гуще ложились тѣни. Солнце уже закатилось за край неба. Багряный отблескъ на деревьяхъ потухъ, очертанія предметовъ слились въ полупрозрачныхъ, бездонныхъ сумеркахъ. Липы еще сильнѣе запахли; еще полнѣе стало затишье. А молодая дѣвушка мысленно повторяла каждое слово своего разговора съ Юріемъ. Она вся ушла въ какое-то безсознательное созерцаніе, точно и въ ней самой затихло все, какъ вокругъ нея въ задремавшемъ саду. И на лицѣ ея заиграла невольная улыбка.

Она дошла до перекрестка и почему-то повернула направо. Тутъ въ двухъ шагахъ отъ нея на скамейкѣ подъ старымъ кленомъ сидѣлъ человѣкъ, державшій въ рукахъ книгу. Читать онъ ее не могъ, такъ какъ почти совершенно стемнѣло. Завидя ее, онъ тотчасъ приподнялся; она узнала Перекатова и почему-то вздрогнула.

— Вы, кажется, меня испугались, Наталья Михайловна?! — сказалъ онъ. — Извините великодушно. Что это съ вами: нервы у васъ всегда такіе крѣпкіе?

Онъ старался говорить добродушнымъ тономъ, а Наташа тотчасъ все таки разслышала въ его голосѣ скрытую ироническую нотку. У дѣвушки, сердце которой начинаетъ пробуждаться, удивительно чуткимъ становится слухъ.

— А я тутъ, представьте себѣ, — добавилъ онъ, — цѣлый часъ сижу, да размышляю. Самое пустое занятіе, не правда ли?

Она почувствовала, что краснѣетъ отъ его пристальнаго взгляда. „Вотъ глупо-то!“ подумала она. „Точно я въ чемъ виновата передъ нимъ!“ И въ то же время другая полускрытая мысль ей подсказывала, что Перекатовъ былъ свидѣтелемъ ея прогулки съ Юріемъ и, чего добраго, слышалъ ихъ разговоръ. „И все таки не ушелъ!“ добавила она тутъ же.

— Вы домой собираетесь? — спросилъ онъ съ притворной развязностью. — Ну, такъ пойдемте вмѣстѣ. Мнѣ тоже надо въ свою конуру: дѣломъ пора заняться!

У Перекатова была комната въ особомъ флигелѣ, гдѣ помѣщалась мировая камера.

Они пошли рядомъ. — Съ какихъ это поръ, — спросила она въ свою очередь, стараясь оправиться отъ смущенія, — вы цѣлые часы въ мечтахъ проводите, вы — всегда такой положительный?

— Что-жъ. Я думаю, на всякаго это находитъ. Впрочемъ, я на своей скамейкѣ не скучалъ! — Онъ разсмѣялся и посмотрѣлъ ей въ лицо. — Дивился я, про

что это вы такъ пространно и серьезно толковали съ этимъ князькомъ. Интереснымъ онъ вамъ кажется что ли? Или чтите вы его за военные подвиги?

Въ присутствіи женщины бранить человѣка, котораго ей хочется полюбить, это вѣрное средство пріобрѣсть ея немилость. Можно иной разъ дурно отзываться про мужа, можно пожалуй отпустить нелестное замѣчаніе и на счетъ любовника, не вызвавъ этимъ гнѣва въ женскихъ глазахъ, но едва зарождающееся, полубезсознательное чувство не прощаетъ тому, кто неласково коснулся его предмета. И въ нѣмомъ отвѣтѣ холодныхъ глазъ Наташи, этихъ глазъ, прежде смотрѣвшихъ на него такъ кротко, Перекатовъ могъ прочесть все вызванное имъ негодованіе. И страннымъ образомъ въ немъ зашевелилась какая-то злобная радость.

— Вы бы по крайней мѣрѣ объяснили его сіятельству, — продолжалъ Варѳоломей, — благо онъ васъ слушаетъ охотно, что въ его положеніи благодушествовать, да разными красивыми чувствами пробавляться—немножко смѣшно. Подумаешь, право, иной разъ, что вотъ я, напримѣръ, готовъ хоть цѣлый день спины не разгибать ради хлѣба насущнаго, а такой молодчикъ, у котораго денегъ куры не клюютъ, а дѣла подъ руками не оберешься, и самаго разнообразнаго дѣла, сидитъ себѣ, да размышляетъ, за что, молъ, я примусь, чтобы оно и благородно вышло, и не слишкомъ головоломно!

— Не понимаю, съ какой стати вы мнѣ все это говорите, Варѳоломей Ильичъ! — слегка поведя плечами, возразила она. — Я вѣдь отъ васъ слышала неоднократно, что вы проповѣдывать не охотникъ.

— Съ какой стати?! Да такъ, ни съ какой; къ слову пришлось. А что проповѣдывать — значитъ терять даромъ время, это совершенная правда... Ну, вотъ мы и дошли: здѣсь вамъ направо, а мнѣ налѣво. До свиданія, Наталья Михайловна! Не взыщите за откровенность!

Онъ поклонился ей, какъ бы выжидая, что она, по обыкновенію, протянетъ ему руку; но она отошла, слегка только кивнувъ головой. И долго провожалъ молодую дѣвушку его гнѣвно распаленный взглядъ. Бѣдный малый былъ по уши въ нее влюбленъ.

Дойдя до террасы, гдѣ не было никого, Наташа прошла къ себѣ на верхъ, и не сходила къ чаю. Добрую часть ночи она неподвижно просидѣла передъ открытымъ окномъ, опустивъ голову на руки. Небо ярко сіяло въ блескѣ звѣздъ, и много могло бы оно сказать ей тихихъ, ласковыхъ словъ, въ мерцаніи каждой звѣзды она могла бы прочесть добрую, сочувственную улыбку. Мало ли сладостныхъ грезъ нашептываетъ молодому сердцу чудное небо іюльской ночи?! Но Наташа не глядѣла на звѣзды, не старалась понять, что было загадочнаго въ ихъ спокойномъ блескѣ. Не къ тихому говору шепчущихъ листьевъ прислушивалась она, а къ неровному, безпокойному говору своего возбужденнаго сердца. Въ вискахъ ея стучала кровь. Она поняла теперь, поняла вдругъ, что за перемѣна въ ней случилась. И какъ могла она допустить до этого! Какъ не слѣдила лучше за собой! Вѣдь ей, такъ думала она, до сихъ поръ только нравилось общество Юрія; онъ возбуждалъ ея интересъ, какъ новое для нея явленіе въ невозмутимомъ строѣ жизни. Она знала теперь, что скрывалось и росло подъ этимъ мирнымъ ощущеніемъ. Она полюбила человѣка, женой котораго она не будетъ никогда, и не потому только, что такъ неравно ихъ общественное положеніе, не потому даже, что самъ Юрій, очевидно, нисколько не раздѣляетъ ея чувство... Нѣтъ! Если бы даже все это не было такъ, если бы любовь ея не была безразсудною любовью, она все таки не стала бы его женой! Не стала бы потому, что общаго ничего у нихъ не можетъ быть впереди, что онъ никогда не будетъ сочувствовать ея взглядамъ, а она не уживется съ тѣмъ міромъ, къ которому принадлежитъ онъ. Вѣдь чѣмъ была его жизнь до сихъ поръ? Рядомъ

забавъ, отъ которыхъ у него осталось одно пресыщеніе. Ту трудовую дѣятельность, о которой она мечтала всегда, тотъ суровый долгъ, которому она отъ всѣхъ и отъ себя самой требовала подчиненія, Юрій не знаетъ и не захочетъ знать! Насмѣшливыя слова Перекатова еще звучали въ ея ушахъ и, не смотря на все негодованіе, вызванное ими, она чувствовала, что Перекатовъ былъ правъ...

А все таки, какъ ни повторяла она себѣ это, смутная, робкая надежда прокрадывалась къ ней въ сердце, какъ слабый родникъ просачивается сквозь каменную гору. Она ясно видѣла всю извращенность среды, въ которой выросъ Юрій и къ которой льнулъ до сихъ поръ; она сознавала невозможность счастія, а все таки жажда этого самаго счастія поднималась въ ней.

XI.

Когда въ тотъ же вечеръ Юрій Двинскій возвращался верхомъ въ свое Набережное, знакомыя мѣста, по которымъ онъ проѣзжалъ, будто обнаружили вдругъ передъ нимъ до сихъ поръ незамѣченную имъ прелесть, и тихіе образы семейнаго счастія въ первый разъ, можетъ быть, предстали передъ нимъ, какъ что-то заманчивое; а звѣзды, зажигавшіяся одна за другой на далекомъ небѣ, точно улыбались ему въ отвѣтъ на эти мысли.

Дома онъ нашелъ записку отъ Мери Столѣниной. Вотъ что писала къ нему, разумѣется, по-французски, Марья Борисовна:

„Ваше поведеніе ни на что не похоже. Вы здѣсь почти цѣлый мѣсяцъ и даже не заглянули ко мнѣ въ Вороново. Мнѣ приходится слышать про васъ отъ постороннихъ и восхищаться издали вашимъ неожиданнымъ рвеніемъ къ хозяйству. Это очень похвально, но времени у васъ, кажется, довольно, чтобы подумать и объ вашей бѣдной сосѣдкѣ. Я тоже здѣсь цѣлый мѣ-

сяцъ и рѣшительно не знаю, что дѣлать. Я пріѣхала сюда съ прекрасными намѣреніями, — собиралась принимать, быть любезной со всѣми. Словомъ, я никогда себя не чувствовала такою доброю, какъ здѣсь. А между тѣмъ изъ моей доброты ничего не выходитъ. Обитатели этого милаго края до того дикіе, что не знаешь, какъ за нихъ взяться. Пріѣжайте ко мнѣ и, можетъ быть, вдвоемъ мы, что-нибудь придумаемъ М. С.“

Прочитавъ это посланіе, Юрій улыбнулся, потомъ зѣвнулъ, потомъ изорвалъ записку и велѣлъ подать себѣ чай. Часъ спустя, онъ спалъ богатырскимъ сномъ.

Когда на слѣдующее утро онъ вышелъ изъ своего павильона, вчерашнія мечты въ немъ успѣли поблѣднѣть. Небо хмурилось; сѣрыя тучки сновали, гонимыя порывистымъ вѣтромъ; по временамъ накрапывалъ дождь. И высокія деревья вокругъ павильона глядѣли непривѣтливо, сердито махая своими мокрыми вѣтвями. И рѣка вдали не блестѣла, а уныло и скучно катилась, отражая въ себѣ унылое сѣрое небо.

Почта въ это утро принесла Юрію два письма. Одно было отъ княгини Зои Варенцовой, еще въ Петербургѣ навязавшей ему свою непрошенную дружбу. Она сообщала ему, стараясь быть осторожной, цѣлый рядъ сплетень про Петербургъ и замысловатыхъ предположеній о грядущихъ событіяхъ. Это была давно извѣстная, успѣвшая ему надоѣсть петербургская трескотня. Онъ нетерпѣливо дочиталъ и принялся за другое письмо. Оно было отъ одного изъ немногихъ людей его круга, въ которыхъ Двинскій признавалъ настоящее знаніе жизни и положительность ума,—отъ князя Борисоглѣбскаго. Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ, правда, велъ ту же нелѣпую, безпорядочную жизнь, какъ и всѣ, но здраваго смысла въ немъ было много, и въ промежуткахъ между бездѣліемъ онъ былъ способенъ заинтересоваться настоящимъ дѣломъ. И Юрій сталъ читать со вниманіемъ. Борисоглѣбскій упоминалъ про бывшій между ними, передъ отъѣздомъ Двинскаго, разговоръ,

въ которомъ Юрій откровенно признавался въ своемъ желаніи стать на путь настоящей, а не придворной только карьеры. И такая перспектива теперь открывалась. Борисоглѣбскій имѣлъ случай говорить о немъ съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, отозвавшимся на его счетъ самымъ лестнымъ образомъ. Лицо при этомъ указало на ожидавшуюся въ близкомъ будущемъ вакансію уполномоченнаго по военнымъ дѣламъ въ одной изъ важнѣйшихъ европейскихъ столицъ. Такой постъ обыкновенно дается только офицерамъ генеральнаго штаба, но для Юрія будетъ сдѣлано исключеніе. И Борисоглѣбскій совѣтовалъ ему объ этомъ крѣпко подумать. „Ты будешь на виду“, заканчивалъ онъ, „и въ то же время оставишь Петербургъ. А этого ты именно хочешь. И тамъ у тебя будетъ полная возможность выказать свои способности. Что онѣ у тебя есть, въ этомъ никто не сомнѣвается. А послѣднее всего важнѣе, такъ какъ быть на хорошемъ счету гораздо выгоднѣе, чѣмъ обладать талантомъ, если этотъ талантъ не признанъ. Помни въ особенности, что ковать желѣзо надо пока оно горячо“.

Юрій призадумался. Да, это въ самомъ дѣлѣ хорошій совѣтъ. Онъ прекрасно сознавалъ, что, оставаясь въ Петербургѣ, онъ не выберется изъ привычной обстановки праздной жизни товарищей. Тамъ вѣчно будетъ старое,—длинная цѣпь мнимыхъ обязанностей и скучныхъ удовольствій, отъ которыхъ однако нельзя отдѣлаться, потому что они общія у всѣхъ, съ кѣмъ ему приходится встрѣчаться. Тамъ, чего добраго, и имъ завладѣетъ дрянное тщеславіе, превращающее жизнь въ какую-то скачку, у которой и цѣли нѣтъ вовсе, а есть только потребность обскакать другихъ. На новомъ мѣстѣ, среди новаго общества онъ стряхнетъ съ себя эту зависимость. Онъ будетъ много читать, онъ пополнитъ свои отрывочныя свѣдѣнія: въ томъ городѣ, куда онъ поѣдетъ, вѣдь привыкли цѣнить и уважать знанія! Юрій интересовался политикою и думалъ, что кое что

въ ней смыслитъ. Онъ можетъ оказать родинѣ настоящія услуги. И тогда... Въ двадцать шесть лѣтъ онъ военный агентъ, значитъ — вѣдь были же примѣры — ранѣе сорока онъ можетъ сдѣлаться посланникомъ, а тамъ... впереди цѣлая жизнь, и вѣрная и широкая дорога вверхъ. И надо отдать ему справедливость, — не одно пустое, эгоистическое честолюбіе въ немъ говорило... Вчерашнія мечты были забыты совсѣмъ.

Вдругъ онъ вспомнилъ про записку Мери. Надо было поѣхать къ ней въ Вороново, и откладывать этого нельзя, такъ какъ черезъ нѣсколько дней онъ долженъ будетъ отправиться въ прочія отцовскія помѣстья, а вернувшись оттуда, съѣздить въ Петербургъ, чтобъ повидаться съ тѣми, отъ которыхъ зависѣло его назначеніе.

Въ два часа онъ поѣхалъ къ Столѣнинымъ верхомъ. Вѣтеръ стихъ, дождя уже не было, но по небу все еще тянулись сѣрыя облака; было душно, воздухъ стоялъ какъ-то неподвижно, тяжело, и какая-то печать усталости и скуки легла на всю природу. Двинскій проѣзжалъ тѣми же мѣстами, которыя наканунѣ вечеромъ его очаровали. Теперь они казались ему будничными и заурядными. И онъ не понималъ даже, какъ могъ онъ хотя на мигъ замечтаться о томъ, чтобы всю жизнь замкнуть въ этой тѣсной рамкѣ.

Вдругъ онъ оглянулся. Поворотъ въ Вороново былъ давно оставленъ позади. Онъ даже не примѣтилъ, что ѣхалъ по знакомой дорогѣ въ Солнцево. И вотъ уже виднѣлся крестъ Солнцевской церкви. „Что, повернуть назадъ?“ подумалъ онъ. И рука стягивала уже поводья, но онъ жеребца своего однако не повернулъ. Почему-то необыкновенно скучной ему показалась ожидаемая встрѣча съ Марьей Борисовной. Что-то полубезсознательное тянуло его къ Солнцеву. Онъ даже пришпорилъ лошадь. Весь его вчерашній разговоръ съ Наташей живо воскресъ въ его памяти, и онъ почувствовалъ какъ-то вдругъ, что много у нихъ еще осталось

недосказаннаго, и что ему хочется теперь же, сейчасъ вотъ, снова увидать ее и возобновить разговоръ съ нею. Онъ расхохотался, когда онъ поймалъ себя на этомъ желаніи, но тутъ же примѣтилъ, что смѣхъ его звучитъ какъ-то неискренно. „Вотъ, что значитъ“, продолжалъ онъ немилосердно трунить надъ собой, „хваленая деревенская жизнь. Одиночество да скука всякую блажь навѣютъ на умъ. И чтожъ ожидаетъ меня, коли я этому поддамся? Женитьба, глупая деревенская жизнь... Въ двадцать шесть лѣтъ? Слуга покорный!“

И все-таки, пока онъ говорилъ себѣ это, воображая, что побѣдилъ въ себѣ нелѣпое ребяческое чувство, иной, слабый, правда, голосъ шепталъ ему, что это — дрянная ложь, что онъ глупо и дерзко смѣется надъ истиннымъ счастіемъ, и дѣлаетъ это потому лишь, что весь онъ опять во власти своей прежней жизни.

Но вотъ уже Солнцево близко. Онъ въѣхалъ въ знакомую рощу, гдѣ на дняхъ еще съ Наташей и ея братомъ провелъ такъ славно вечеръ. Робкій солнечный лучъ проглянулъ вдругъ сквозь нависшія тучи, и золотыя брызги заблестѣли на темныхъ листьяхъ дубовъ. А чье это бѣлое платье промелькнуло тамъ, за стволами? Онъ узналъ, Наташу. Вся его напускная насмѣшливость мигомъ исчезла, и сердце въ немъ какъ-то забилось, должно быть отъ быстрой ѣзды. Поровнявшись съ нею, онъ соскочилъ съ лошади и, улыбаясь, протянулъ руку.

— Не ожидали меня видѣть сегодня, не правда ли? — промолвилъ онъ весело.

Но съ перваго же взгляда на ея блѣдное лицо онъ увидѣлъ, что передъ нимъ не вчерашняя Наташа, вся полная мягкой довѣрчивости.

— Я, въ самомъ дѣлѣ, васъ не ждала сегодня, — сказала она, едва отвѣчая на его пожатіе. Рука ея задрожала въ его рукѣ, грустно и какъ-то пугливо глядѣли полуопущенные глаза, и въ самомъ ея голосѣ звучала непривычная ей робость.

Держа лошадь за поводъ, онъ пошелъ съ нею рядомъ и съ тревогою вглядывался въ ея измѣнившіяся черты.

— Что съ вами, Наталья Михайловна?—заботливо спросилъ онъ. Вы какъ будто... вы мнѣ не рады сегодня? Скажите прямо!

Утромъ послѣ безсонной ночи она твердо рѣшилась, что надо покончить съ завязавшимися между ними за послѣдніе дни странными отношеніями, и что она ему это скажетъ при первой ихъ встрѣчѣ. Но теперь, когда онъ былъ съ нею, когда онъ смотрѣлъ на нее съ такою искреннею лаской, она не въ силахъ была выполнить свое рѣшеніе. Языкъ ей не повиновался, краска смущенія залила ея поблѣднѣвшія щеки.

— Вы мнѣ не рады?—повторилъ онъ свой вопросъ, еще понизивъ голосъ.

Юрій понялъ вдругъ, понялъ какъ-то разомъ, что происходило въ ней. И ему стыдно стало недавнихъ своихъ нехорошихъ мыслей.

— Наталья Михайловна!.. Наташа!.. — сказалъ онъ, въ первый разъ называя ее такъ. — Будьте со мной откровенны... вы всегда такая прямая со мною, и со всѣми. Если что-нибудь въ моихъ вчерашнихъ словахъ... вамъ нехорошимъ показалось... васъ, можетъ быть, оскорбило...

— О нѣтъ! Разумѣется нѣтъ! — живо теперь возразила она, поднимая на него смущенные глаза. — Это не то, совсѣмъ не то... Я только хотѣла вамъ сказать... Я много думала вчера... послѣ того, какъ вы уѣхали, про то, о чемъ мы съ вами говорили.

— Да мы, кажется, съ вами во всемъ сходились, Наталья Михайловна... И не только вчера, но и прежде.

— А все таки... все таки... — продолжала она, — мнѣ иногда сдается, что думаемъ мы съ вами совсѣмъ неодинаково... То, что въ моихъ глазахъ несомнѣнная истина, для васъ, одно мимолетное впечатлѣніе, про

которое вы и забываете совсѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ...

— Это, однако, далеко не лестно, Наталья Михайловна!—засмѣялся онъ, гладя рукою взмыленную шею лошади, послушно и ровно шедшей у него въ поводу.

— Я знаю, что не имѣю права такъ говорить съ вами. Но мнѣ бы такъ хотѣлось — она опять опустила голову — уважать васъ, а уважать я могу тѣхъ только, у которыхъ слово съ дѣломъ не расходится.

— Могу васъ увѣрить, — съ серьезною задушевностью отвѣтилъ онъ, — что ни одного неискренняго слова вы отъ меня не слышали и... не услышите никогда!

Небо теперь совсѣмъ прояснилось; голубой сводъ весело глядѣлъ изъ за макушекъ дубовъ, и весь лѣсъ былъ полонъ радостнаго сіянія. Мотыльки запорхали на полянкѣ; коромысла стремительно засновали, блестя прозрачными крыльями, пчелиный рой пронесся съ шумнымъ жужжаніемъ.

— Вы мнѣ часто говорили, — продолжала она, — что сами упрекаете себя за свою прежнюю жизнь. Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы это не были одни слова. Вѣдь вы столько можете сдѣлать хорошаго въ вашемъ положеніи! Такое вѣдь это счастіе, когда чувствуешь, что приносишь пользу, а вамъ для этого только надо захотѣть!

— Ахъ, Наталья Михайловна, и мнѣ сколько разъ мерещилось это... Только приносить пользу, настоящую пользу совсѣмъ не такъ легко, какъ вы думаете: надо умѣть!

— Неужели вы не умѣете? Вы могли вѣдь недавно на войнѣ подвергать себя опасности, потому что для васъ, какъ для военнаго, это была обязанность?

— Война, — отвѣтилъ онъ, — не будничная жизнь. А для того, чтобы каждый день дѣлать то же, много выдержки надо. „Куда, однако, насъ завелъ разговоръ! — сказалъ онъ при этомъ себѣ. — „Я почти какъ

на исповѣди. Не такія бы рѣчи я услыхалъ, кабы сидѣлъ теперь вдвоемъ съ Марьей Борисовной"... — Онъ даже улыбнулся при этой мысли.

— Вамъ такъ легко было бы,—спустя минуту заговорила она опять, — я въ этомъ увѣрена, заслужить всеобщую любовь и признательность, и вдобавокъ быть довольнымъ собой. А теперь вѣдь вы часто собой недовольны...

— Еще бы! Да это, впрочемъ, кажется, общая судьба всѣхъ, хоть сколько-нибудь порядочныхъ людей. И не ради этого нехитраго благополучія сталъ бы я изъ кожи лѣзть, повѣрьте! Я понимаю дѣятельность не изъ за чужой похвалы, а еще менѣе ради пустого самодовольства; счастіе должно быть въ ней самой, въ самой работѣ, хотя бы даже — горькое, насмѣшливое выраженіе скользнуло по его губамъ — въ концѣ концовъ изъ нея не вышло ничего, какъ большею частью оно и бываетъ.

Наташа покачала головой. — Нѣтъ этого я не понимаю! — возразила она горячо. — Трудиться, такъ ужъ съ тѣмъ, чтобы отъ этого былъ прокъ. И будь я на вашемъ мѣстѣ... — Она запнулась.

— Такъ что-жъ бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

Она посмотрѣла на него, какъ бы вопрошая его своимъ взглядомъ, можно ли ей вполнѣ довѣриться ему и не покажется ли опять въ его глазахъ ужъ знакомая ей, насмѣшливая искорка. —Не мнѣ васъ учить, Юрій Александровичъ, — Но я бы на вашемъ мѣстѣ не захотѣла себѣ ни почести, ни болѣе еще высокаго положенія... На что оно вамъ? Я бы одного желала — видѣть вокругъ себя побольше счастливыхъ людей, поубавить вокругъ себя горе, а вамъ это такъ легко!

Онъ могъ бы отвѣтить ей, что высокаго положенія онъ добивается съ тѣмъ лишь, чтобы имѣть еще большую возможность творить добро, но онъ этого не сказалъ. Въ немъ было слишкомъ много гордости, чтобы прикрашивать свое честолюбіе филантропическими

мечтами, занимавшими его въ сущности очень мало. За то правдивая горячность молодой дѣвушки его увлекла, и онъ принялся увѣрять ее, что и самъ онъ тоже не разъ думалъ о томъ, какъ бы ему поселиться здѣсь, въ деревнѣ; что жить не для себя, а для другихъ — это самое лучшее и самое надежное счастіе. Онъ увлекся, говоря это, и въ эту минуту онъ былъ совершенно искреннимъ, въ немъ будто ожили вчерашнія думы, а письмо князя Борисоглѣбскаго и вызванныя имъ мечты совсѣмъ иного рода вдругъ поблекли. Кого въ двадцать шесть лѣтъ не убѣдятъ въ чемъ угодно краснорѣчивые женскіе глаза, говорящіе про довѣріе и любовь?

Они съ добрый часъ бродили по лѣсу, словно они забыли про остальной міръ. Но вотъ со стороны Солнцева послышался стукъ экипажа, и минуты черезъ двѣ показалась на дорогѣ запряженная четверкой старинная коляска Непрядвиныхъ. Въ ней сидѣла Варвара Петровна, разряженная въ пухъ. Да и самъ кучеръ, Акимъ, разодѣлся по праздничному.

Варвара Петровна радостно вскрикнула, увидавъ Юрія, идущаго рядомъ съ дочерью.

— Ахъ, князь, вы опять къ намъ, какъ это мило! — сказала она, остановивъ поровнявшуюся съ ними коляску.

Двинскій, почти извиняясь, объяснилъ, что, проѣзжая лѣсомъ, онъ случайно встрѣтилъ Наташу.

— Какъ жаль, что меня сегодня дома не будетъ,— продолжала она. — Я должна ѣхать въ Вороново, непремѣнно должна! Но я васъ застану здѣсь, когда вернусь? Неправда ли?

Отъ этихъ немногихъ словъ очарованія, навѣяннаго на Юрія Наташей, мигомъ какъ бы не стало.

— Я не хочу злоупотреблять вашимъ гостепріимствомъ, — холодно отвѣтилъ онъ, — тѣмъ болѣе, что васъ самихъ не будетъ дома.

— Нѣтъ, я вернусь, непремѣнно вернусь къ вечернему чаю! И я буду очень, очень рада васъ видѣть. Вы вѣдь знаете, князь, что вы у насъ самый желанный гость!

Молодая дѣвушка упорно молчала, избѣгая даже глядѣть на мать и на Юрія.

— У меня сегодня пропасть дѣла въ Набережномъ,— отговаривался Двинскій,—на этотъ разъ вы меня, пожалуйста, извините!

Чѣмъ усерднѣе его упрашивала Варвара Петровна, тѣмъ сдержаннѣе звучали его отвѣты. И имъ снова овладѣла свойственная ему брезгливая, слегка презрительная недовѣрчивость къ людямъ.

— Какъ жаль, князь! — замотала головой Варвара Петровна.—Право, какъ жаль! Вы говорите: у васъ дѣла, ну тогда, конечно, я не смѣю настаивать... Но вы на дняхъ у насъ будете, да? Можетъ быть завтра?

Юрій пробормоталъ какое-то неопредѣленное обѣщаніе.

— Мы васъ будемъ ждать,—все съ тѣмъ же искательствомъ въ голосѣ продолжала она, протягивая ему руку.—А теперь вы меня извините: я должна спѣшить. Трогай, Акимъ! Ахъ, да! не прикажете ли вы что-нибудь передать Марьѣ Борисовнѣ?

— Скажите ей только, что я непремѣнно буду у нея завтра.

Коляска успѣла уже отъѣхать, но Варвара Петровна еще разъ обернулась и съ сахарной улыбкой кивнула Юрію на прощанье.

Онъ былъ опять наединѣ съ Наташей, но прежній ихъ разговоръ уже не возобновлялся. Юрію было жаль хорошаго чувства, которое такъ немилосердно развѣяла навязчивая любезность Варвары Петровны. И онъ не въ силахъ былъ стряхнуть овладѣвшей имъ досады. Слова у него выходили какими-то оффиціальными, натянутыми, точно онъ говорилъ ихъ не простой дѣвушкѣ, выросшей въ деревнѣ, а одной изъ женщинъ Петер-

бургскаго свѣта. Юрій сознавалъ, какъ фальшиво звучали эти слова, и за это внутренно бѣсился. Молодая дѣвушка тотчасъ замѣтила перемѣну, но она тоже замкнулась въ себя и стала вдругъ молчаливой. Она чувствовала себя почти оскорбленной въ эту минуту и не дѣлала попытки снова вернуться къ прежнему ихъ задушевному тону. Еще четверть часа, и Юрій уже скакалъ по дорогѣ въ Набережное.

XII.

Немного на Руси найдется такихъ помѣщичьихъ усадебъ, какъ Столѣнинское Вороново. Большой двухъэтажный домъ съ затѣйливымъ фасадомъ и съ башенкой, на которой развивался флагъ, казалось, былъ цѣликомъ выписанъ изъ за границы: до того глядѣлъ онъ не порусски нарядным. Обширныя сѣни съ широкой лѣстницей на верхъ, гдѣ въ углахъ стояли двѣ мраморныя статуи, широкія террасы, всѣ установленныя тепличными растеніями, большой цвѣтникъ передъ крыльцомъ съ фонтаномъ посреди, да и садъ тоже, въ которомъ всѣ дорожки, усыпанныя краснымъ пескомъ, были вычищены до нельзя, а ярко-зеленый газонъ обстриженъ точно бритвой—все это говорило про далекій Западъ, все это казалось блестящей игрушкой, искусственнымъ созданіемъ прихоти. Эта блестящая лицевая сторона имѣла, впрочемъ, свою очень неказистую изнанку. Стоило выйти за ограду двора, да заглянуть на хуторъ — и передъ глазами открывалась столь обычная на Руси мерзость запустѣнія. Растрепанныя соломенныя крыши повсюду давали течь, каменныя стѣны грозили обвалиться. Но Владиміръ Валерьяновичъ давно махнулъ рукой на хозяйство и рѣдко даже заглядывалъ туда, гдѣ грустно доживали свой вѣкъ обветшалыя постройки хутора. Однако ему было нужно, чтобы передъ глазами у него всегда была привычная обстановка, безъ которой

жизнь ему казалась совершенно невозможной. И лѣто въ деревнѣ грозило обойтись дороже заграничнаго путешествія. Вдвоемъ Столѣнинымъ всегда было такъ невыносимо скучно, что на помощь имъ вскорѣ явились приглашенные изъ Петербурга двое обычныхъ прихлебателей, Пестрецовъ и баронъ Гейзенъ. Оба они гостили въ Вороновѣ уже три недѣли. Обязанности барона ограничивались тѣмъ, что днемъ онъ игралъ съ Марьей Борисовной въ четыре руки, послѣ обѣда распѣвалъ шансонетки, а вечеромъ за карточнымъ столомъ собиралъ приличную мзду съ своихъ добродушныхъ хозяевъ. Отъ Пестрецова требовалось и того менѣе: быть исправнымъ партнеромъ въ винтъ, не дѣлая слишкомъ грубыхъ ошибокъ, и терпѣливо выносить насмѣшки, вотъ и все, чѣмъ онъ платилъ за гостепріимство Столѣниныхъ. Не мудрено, что Марья Борисовна отчаянно скучала, и въ ней росло неугомонное желаніе чѣмъ-нибудь нарушить деревенское однообразіе.

Было съ небольшимъ три часа. На одной изъ боковыхъ террасъ второго этажа Марья Борисовна, немного откинувшись назадъ, сидѣла на широкомъ садовомъ креслѣ. На колѣняхъ у нея покоилась ея любимая собачка, взъерошенная до нельзя крысоловка. Юрій Двинскій уже цѣлый часъ сидѣлъ противъ нея, ведя съ нею полушутливую бесѣду, одну изъ тѣхъ бесѣдъ, отъ которыхъ въ памяти не остается ровно ничего. Но Юрій еще и не думалъ уѣзжать. На широкой террасѣ, куда солнце не проникало и гдѣ померанцевыя деревья въ полномъ цвѣту разливали свой возбуждающій запахъ. а легкій вѣтерокъ свободно проходилъ сквозь полуопущенныя занавѣси изъ полосатаго тика, было такъ хорошо и прохладно, что надо было отдаться чувству убаюкивающей лѣни, къ которому такъ шла эта безсодержательная болтовня. А Марья Борисовна съ легкимъ загаромъ на лицѣ, въ простой прическѣ съ завившимися на лбу волосиками, обладала въ этотъ день особенно пряною, задорною прелестью. Одѣта она была какъ всегда

необыкновенно къ лицу, съ той замысловатой простотой, которая на первый взглядъ кажется очень скромной, а въ самомъ дѣлѣ стоитъ очень дорого. И что-то именно пряное было и въ выраженіи ея полуопущенныхъ глазъ и въ ея словахъ, что-то сливавшееся въ одно впечатлѣніе съ зноемъ іюльскаго дня и съ крѣпкимъ запахомъ померанцевъ.

Для Юрія все это отзывалось чѣмъ-то давно знакомымъ и въ то же время какъ будто новымъ. И въ этой развязной скоромной болтовнѣ, легко и своевольно переходившей съ одного предмета на другой, онъ находилъ странное удовольствіе, какъ отъ хорошаго обѣда послѣ долгаго поста.

— Кстати,—вдругъ сказала Марья Борисовна, обмахиваясь широкимъ соломеннымъ опахаломъ,—хотя это въ сущности совсѣмъ не было кстати,—ко мнѣ вчера заѣзжала ваша здѣшняя тетушка, Варвара Петровна Непрядвина. Мы очень много про васъ говорили. Она какъ-то очень дорожитъ своимъ родствомъ съ вами, даже какъ будто этимъ хвастается. А какими судьбами она вамъ доводится тетушкой?

Юрій объяснилъ.

— Да, да... Вотъ какъ! Я забыла, что она урожденная Двинская. Мы съ ней вѣдь тоже въ какомъ-то далекомъ родствѣ. Охота же этимъ провинціаламъ родней считаться! Да, ужъ эти провинціалы, нечего сказать! Не знаешь даже, какъ съ ними и взяться. Стараешься съ ними быть любезной, а они обижаются...

— Вы, кажется, успѣли ужъ и враговъ себѣ здѣсь нажить!—отвѣтилъ Двинскій.

— Да, я знаю.—Она слегка повела плечами.—Эти господа недовольны, что мужъ не поспѣшилъ объѣздить весь уѣздъ и оттого сюда глазъ не кажутъ. Ну, да Богъ съ ними! Видѣла я кое кого изъ здѣшнихъ и ломала себѣ голову, чтобы найти предметъ для разговора. И все время я чувствовала, что имъ бѣднымъ такъ скучно... такъ скучно...

Она вздохнула, прищурила глаза, а потомъ своенравнымъ движеніемъ сбросила съ своихъ колѣнъ собаку. Та лѣниво потянулась и удивленно посмотрѣла на госпожу. Мери достала изъ японской фарфоровой чашки, на столѣ, крошечную папироску и стала задумчиво выпускать голубоватыя кольца дыма.—Говорятъ, у Непрядвиныхъ,—продолжала она,—есть дочь, очень замѣчательная молодая особа.

— То есть чѣмъ замѣчательная?

— Очень эксцентричная и при томъ хорошенькая.

— Да, она не дурна собой.

Мери, бросивъ папироску, взглянула на Юрія изъ подлобья и принялась маленькими острыми зубами покусывать лепестки чайной розы, которую вынула изъ вазы.

— Мнѣ пришла вчера въ голову смѣшная мысль!—помолчавъ немного, снова заговорила она.—Вы не разсердитесь, если я вамъ скажу?—Она высунула изъ подъ платья свои маленькія ножки и скрестила носки.—Мнѣ вчера показалось, что эта тетушка имѣетъ на васъ виды, и очень даже серьезные виды.—Она пристально посмотрѣла на розовый, блестящій ноготокъ своего мизинца и расхохоталась.—Не правда ли, какъ это смѣшно? А вы, я увѣрена, и не догадывались: вы, молодые люди, очень не догадливы. Ѣздите себѣ въ домъ самымъ невиннымъ образомъ и не примѣчаете вовсе, какъ васъ опутываютъ сѣтями. Берегитесь! Впрочемъ, какія это сѣти? Вы и эта захолустная красавица! Нужно быть госпожей Непрядвиной, чтобы придумать такую комбинацію.—Она проговорила все это, не глядя на Юрія, а потомъ разомъ, приподняла свои опущенныя вѣки и посмотрѣла на него смѣющимися глазами.—Зачѣмъ вы не смѣетесь князь? Развѣ вамъ не смѣшно?—спросила она невиннымъ голоскомъ.

— Вы совершенно ошибаетесь на счетъ этой дѣвушки,—серьезно отвѣтилъ онъ.—Она очень милая и простая.

— Да, и, говорятъ, нигилистка въ придачу. Это, можетъ быть, ее дѣлаетъ интересною въ вашихъ глазахъ! И я, которая нигилистокъ не видала никогда, постараюсь, чтобы она здѣсь бывала. Любопытно будетъ посмотрѣть. Я все новое люблю, то есть когда дѣло идетъ о людяхъ, конечно. Я люблю новыхъ людей и старинныя вещи! — разсмѣялась она, показывая рядъ бѣлыхъ и острыхъ зубковъ.

— Такъ, стало быть, вы мѣняете друзей охотнѣе перчатокъ?—стараясь вторить ея тону, отвѣтилъ Двинскій.

— Вы надо мной смѣетесь! А вѣдь знаете, что въ сущности...—Она словно призадумалась на мигъ, — въ сущности, я вѣдь тоже, коли хотите, въ своемъ родѣ нигилистка.

— Вотъ какъ! — Онъ громко захохоталъ. — Это, признаюсь, ужъ совсѣмъ неожиданно.

— Да, да! Вамъ это страннымъ кажется? А знаете, что я цѣню въ жизни одно только, — она проговорила это совершенно серьезно, — полную, неограниченную свободу. И вѣдь не я одна только: много такихъ въ нашемъ свѣтѣ... До другихъ, впрочемъ, мнѣ дѣла нѣтъ. И если бы вздумалъ кто-нибудь этой свободѣ въ чемъ-либо мѣшать...

— Вотъ мужъ, напримѣръ? — перебилъ ее Юрій.

— Мужъ?!.—Она широко раскрыла глаза, до того ей несообразнымъ казалось, чтобы Владиміръ Валерьяновичъ могъ предъявить на нее какія-нибудь права.— Нѣтъ, ужъ никакъ не мужъ! А хотя бы та неуловимая власть, которую принято называть общественнымъ мнѣніемъ. Я живу съ нею пока въ мирѣ и согласіи, потому что она меня оставляетъ въ покоѣ. Вѣдь такимъ женщинамъ, какъ я, не приходится выказывать своей самостоятельности, только пока этой самостоятельности ничего не угрожаетъ.

— Другими словами, — возразилъ онъ, въ первый разъ можетъ быть всматриваясь въ нее внимательно,— въ вашей жизни все идетъ гладко и спокойно, пока

не нагрянула буря. А съ вами еще бури не было, Марья Борисовна? — добавилъ онъ, спустя мигъ.

— А вы какъ думаете, была?

Онъ не успѣлъ отвѣтить. Въ дверяхъ показалась сморщенная, гладко выбритая рожица барона Гейзена, удивительно похожая на морду англійскаго мопса. Увидавъ его, Марья Борисовна выразила на своемъ лицѣ совсѣмъ откровенную досаду. Гейзенъ поздоровался съ княземъ, двусмысленно улыбаясь своими искристыми, недобрыми глазками, и развязно усѣлся на стулъ. Онъ вполнѣ сознавалъ, что его присутствіе имъ обоимъ непріятно, и какъ будто наслаждался этимъ.

— Вы давно здѣсь? — спросилъ онъ Юрія.

— Давно.

— А можно узнать предметъ разговора?

— Мы говорили про то — безцеремонно отвѣтила Мери, — какъ скучно бываетъ, когда посторонніе вмѣшиваются въ начавшійся дружескій разговоръ.

— Вотъ какъ! Я думаю можно найти тему позабавнѣе. — Онъ попробовалъ отпустить одну изъ своихъ шутокъ, но въ отвѣтъ на нее никто не разсмѣялся. — А куда дѣвался вашъ мужъ? — спросилъ онъ у Мери. Обычная развязность начинала ему измѣнять.

— Я его отправила дѣлать визиты по сосѣдству.

— Такъ таки и отправили, чтобы онъ...

— А на что онъ вамъ? — перебила его Мери.

— Я хотѣлъ съ нимъ на бильярдѣ сразиться. Въ эту жару до того глупѣешь, что ни на что иное не бываешь способенъ.

— Ну, такъ идите и упражняйтесь на бильярдѣ съ самимъ собою; для васъ это полезно: вы такъ плохо играете.

Гейзенъ посмотрѣлъ на нее, попробовалъ было засмѣяться, но лицо Мери говорило о такомъ недвусмысленномъ желаніи отъ него отдѣлаться, что Гейзенъ всталъ, отвѣсилъ ироническій поклонъ и удалился.

— Марья Борисовна, — сталъ увѣщевать ее Двинскій, — на что это похоже? Вѣдь вы его просто услали. Что онъ подумаетъ?

— А пусть себѣ думаетъ, что хочетъ. Мнѣніемъ людей я вообще интересуюсь столько же, какъ и мнѣніемъ вотъ этого воробья, который прыгаетъ здѣсь на перилахъ... Я вижу, вы меня еще плохо знаете, Юрій Александровичъ. — Она устремила на него свои большіе глаза и замолчала.

— А знаете что,—поднявшись съ мѣста, заговорила она опять, — стало какъ будто посвѣжѣе: солнце за облакомъ скрылось. Пойдемте-ка въ садъ. Показать его вамъ стоитъ.

Она накинула на голову шляпку съ длиннымъ перомъ, раскрыла зонтикъ и спустилась съ террасы по каменнымъ ступенямъ, уставленнымъ высокими олеандрами.

— Про что мы съ вами говорили, — начала она, слегка опираясь на его руку, — когда намъ помѣшалъ этотъ несносный Гейзенъ? Да, я собиралась вамъ сказать, что я за женщина. Вы никогда не задавали себѣ этого вопроса, скажите, съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами знакомы? Или васъ, можетъ быть, это совсѣмъ не интересуетъ?

— Задавалъ, конечно, и, какъ водится, не разрѣшилъ. Я загадки разрѣшать не мастеръ.

— Ахъ, я совсѣмъ не загадочная! Я самое простое и въ сущности доброе существо. Впрочемъ, я навѣрное не знаю, добрая я въ самомъ дѣлѣ, или нѣтъ. Ну, да это вамъ совершенно все равно. Женщины нашего круга бываютъ добрыми только по отношенію къ низшимъ, бѣднымъ, больнымъ, несчастнымъ...

Рука ея теперь уже крѣпко опиралась на его локоть. Она шла легкою, скользящею поступью, и длинный шлейфъ ея платья съ мягкимъ шуршаньемъ плавно извивался по песку дорожки.

— Повторяю вамъ, я очень безхитростное существо. И коли я разыгрываю передъ вами всѣми роль какого-то шалуна, которому всѣ шалости прощаются, то лицемѣрія въ этомъ ровно никакого нѣтъ... Хотя, между нами, очень часто мнѣ совсѣмъ не до шалости и не до смѣха.

— Стало быть, загадка все таки есть? — сказалъ Юрій.

Она тихо покачала головой.

— Другая на моемъ мѣстѣ, — продолжала она, — стала бы, можетъ быть, интересничать и взывать къ людскому сочувствію, или придумала бы себѣ какую-нибудь серьезную забаву... Въ моихъ глазахъ все это невыносимо скучно, во-первыхъ, потому что притворяться не стоитъ, а, во-вторыхъ, потому что моя грусть ни другимъ, ни мнѣ удовольствія доставить не можетъ... А всѣ эти мнимые интересы, которыми такъ щеголяютъ иныя женщины, ну тамъ религія, благотворительность, искусство — все это одно притворство и самое несносное, вдобавокъ. Я предпочитаю не подпускать къ себѣ ни одну грустную мысль, не ломать себѣ головы надъ своимъ положеніемъ, и забавляться, на сколько могу. А такъ какъ я охотно къ себѣ принимаю всѣхъ и кормлю ихъ, вдобавокъ, хорошо, — друзей у меня безъ счета. Только, конечно, я ихъ не только не считаю, но и не разсчитываю на нихъ. — Сказавъ это, она нервно разсмѣялась.

— Да развѣ... развѣ... въ самомъ дѣлѣ вы все таки несчастны? — спросилъ онъ, и въ его голосѣ послышалось участіе.

Она, должно быть, ожидала этого вопроса. Да и кто бы на мѣстѣ Юрія его не сдѣлалъ? На мигъ она вскинула глазами, и улыбка торжества въ нихъ чуть чуть заискрилась. Потомъ она ихъ снова опустила и сосредоточенное, почти горестное выраженіе легло на ея подвижныя черты.

— Вы знаете моего мужа, хорошо его знаете?

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Впрочемъ, кто его въ Петербургѣ не знаетъ!? Ну, а я за него вышла по любви! И съ тѣхъ поръ... съ тѣхъ поръ...

— Все продолжаете его любить? — вырвалось у Юрія, и онъ тотчасъ же раскаялся въ этихъ словахъ.

— Не знаю, право, но за то не любила никого другого... Впрочемъ, что это, право, я собиралась вамъ садъ показать, а вмѣсто того васъ заставляю слушать свою біографію. Неправда ли, садъ хорошъ?

— Очень хорошъ,—разсѣянно отвѣтилъ Юрій, не удостаивая даже взглядомъ красиво разбитый цвѣтникъ, на который указывала ему Марья Борисовна.

— Какой вы смѣшной! — улыбнулась она, замѣтивъ его разсѣянность. — О чемъ вы задумались?

По боковой дорожкѣ послышались легкіе, быстрые шаги, и мигъ спустя изъ за группы деревьевъ вынырнула стройная фигура маленькой Олли въ полудлинномъ, свѣтломъ холостинковомъ платьѣ, обхваченномъ широкой синей лентой. Ея темнокаштановые волосы, перевитые на затылкѣ лентой того же цвѣта, густыми мягкими кольцами вились по плечамъ. Дѣвочка успѣла уже въ деревнѣ вырости и похорошѣть. Съ своей легкой походкой въ легкой одеждѣ она казалась полувоздушнымъ существомъ, чѣмъ-то похожимъ на свѣжее дыханіе вѣтерка среди тяжелаго іюльскаго зноя. Увидавъ мать, она остановилась какъ вкопанная, словно она не ожидала ее тутъ встрѣтить. И оживленное ея личико, загорѣвшее на деревенскомъ воздухѣ и разрумянившееся отъ быстрой ходьбы, — вдругъ какъ-то застыло. Но тотчасъ затѣмъ она живо подошла къ Двинскому и дружески съ нимъ поздоровалась. Она вспомнила про свою встрѣчу съ нимъ въ Петербургѣ. Какъ всѣ дѣти, которыхъ не балуютъ домашніе, Олли сохраняла добрую память о тѣхъ, кто съ ней ласково обращался.

— Не правда ли, какъ у насъ здѣсь хорошо?—весело сказала она Юрію.

— Очень хорошо. А вы довольны, что въ деревнѣ? Сейчасъ по глазамъ видно, что довольны! Да вы такъ выросли здѣсь. Вы совсѣмъ большая, право!

Она засмѣялась, но глаза ея встрѣтили недовольный взглядъ матери, и веселость тотчасъ исчезла съ ея лица. Какъ разъ въ эту минуту видъ своей почти уже взрослой дочери какъ-то непріятно поразилъ Марью Борисовну, хотя она себѣ въ этомъ не отдавала яснаго отчета.

— Олли,—сказала она, стараясь придать своему голосу ласковый оттѣнокъ,—прикажи, чтобы подали чай.

Дѣвушка удалилась неслышными шагами.

— Я всегда въ это время пью чай, — продолжала Мери.—До обѣда еще далеко.

Они медленно вдвоемъ обошли круглую площадку передъ домомъ, на которой затѣйливыми, мудреными узорами были разбиты цвѣточныя клумбы. Но разговоръ уже не возобновлялся. Чуткое ухо Юрія подсказало ему то не совсѣмъ хорошее чувство, какое было у Мери къ ея хорошенькой тринадцатилѣтней дочери. И довѣрчивое сочувствіе, готовое зародиться, мигомъ куда-то исчезло. Мери это тотчасъ примѣтила и поняла, что теперь уже не годилась та смѣсь задушевности и своенравія, какая была передъ тѣмъ въ ея бесѣдѣ съ Юріемъ. Подходя къ дому, она заговорила уже инымъ тономъ. И въ двухъ-трехъ, какъ бы случайно выроненныхъ словахъ она постаралась оттѣнить свою материнскую заботливость къ воспитанію Олли. Надо было оставить въ немъ впечатлѣніе, что она совсѣмъ искренно привязана къ дочери и что Олли, хоть и выросла за послѣдній мѣсяцъ, все еще маленькая дѣвочка, почти ребенокъ.

На террасѣ чай уже былъ поданъ. И Мери принялась его разливать съ принужденнымъ, полунаивнымъ кокетствомъ. Она вдругъ словно помолодѣла,—столько было шаловливаго изящества въ ея гибкихъ движеніяхъ и во всемъ ея упругомъ станѣ. Къ чаю явились

баронъ Гейзенъ и Пестрецовъ. Разговоръ сталъ общій. И это былъ совсѣмъ незатѣйливый и въ то же время веселый разговоръ, какой бываетъ только между очень хорошими и очень неглупыми людьми, жизнь которыхъ течетъ беззаботно и мирно.

— Какая вы удивительно добрая стали! — всматриваясь въ Мери, сказалъ вдругъ баронъ. — Совсѣмъ не то, что часъ назадъ!

И въ самомъ дѣлѣ она казалась совсѣмъ доброй и милой женщиной, которой такъ и хочется подѣлиться съ другими избыткомъ своего счастія. И Юрія тоже заразилъ общій тонъ непринужденной веселости. Онъ болталъ, смѣялся и не замѣчалъ, какъ летѣло время. Когда Пестрецовъ и Гейзенъ ушли,—они хорошо понимали, что оба они тутъ совсѣмъ лишніе, — Юрій съ искристой улыбкой въ глазахъ обратился къ Мери съ шутливымъ упрекомъ:

— Полноте, Марья Борисовна, я сейчасъ вотъ готовъ былъ вообразить себѣ, что у васъ на сердцѣ Богъ вѣсть какія происходятъ тайныя бури, а въ дѣйствительности вы самая счастливая женщина, какую я только знаю!

— Вы думаете? Удивительно, право, какъ мужчины догадливы и какъ быстро они все рѣшаютъ по одному какому-нибудь мимолетному впечатлѣнію! Вѣдь всѣхъ женщинъ принято какими-то комедіантками считать, а между тѣмъ стоитъ въ вашемъ присутствіи немного похохотать, и вы уже рѣшили, что передъ вами легкомысленное существо, у котораго и въ сердцѣ, и въ головѣ ничего нѣтъ, кромѣ пустяковъ. И, благодаря этому, вы не умѣете догадываться, когда въ самомъ дѣлѣ мы бываемъ искренними.

Все это было сказано съ какою-то глубокою затаенною горечью: шутливаго тона какъ не бывало.

— Ну, Богъ вамъ судья, Марья Борисовна! — отвѣтилъ онъ.—Я и въ самомъ дѣлѣ ничего не разберу.

— Вы лучше и не старайтесь. Пусть я останусь для васъ взбалмошной и вздорной женщиной, съ которой можно весело поболтать... и больше ничего!

— Марья Борисовна!—воскликнулъ онъ, и голосъ его слегка дрогнулъ.—Извините мои неосторожныя слова... Я вѣдь сказалъ ужъ вамъ, въ Петербургѣ еще сказалъ, какого я мнѣнія на вашъ счетъ. Въ васъ много этой самой искренности, которой, по вашему мнѣнію, я разгадать не съумѣю. А это, вѣрьте мнѣ, я цѣню больше всего. И если ваше настроеніе такъ быстро мѣняется, это потому лишь, что вы отдаетесь каждому новому впечатлѣнію.

Въ Набережномъ Юрія ждало въ этотъ день не совсѣмъ пріятное извѣстіе. Старшій управляющій большимъ Воронежскимъ имѣніемъ скоропостижно умеръ отъ удара. Извѣстія оттуда какъ будто укоряли молодаго князя за то, что онъ такъ долго медлилъ своимъ пріѣздомъ. И Юрій самому себѣ безпощадно высказывалъ эти укоры, говоря себѣ, что на первомъ же серьезномъ дѣлѣ онъ далъ себя уклонить въ сторону, какъ увлекающійся мальчикъ. Онъ рѣшилъ, что завтра же уѣдетъ и тотчасъ настрочилъ двѣ записки одну къ Марьѣ Борисовнѣ, другую къ Гришѣ. Обоихъ онъ извѣщалъ о своемъ внезапномъ отъѣздѣ, извиняясь, что не успѣетъ у нихъ побывать и проститься.

XIII.

Въ Солнцевѣ кончали сѣнокосъ. Гриша Непрядвинъ теперь совсѣмъ перебрался на Соколовскій хуторъ, чтобъ ничѣмъ не отвлекаться отъ своего дѣла. Пылъ новобранца не только въ немъ не угасъ, а, напротивъ, съ каждымъ днемъ молодой человѣкъ все живѣе ощущалъ горделивое удовлетвореніе тѣмъ, что трудовая жизнь оказывается ему по силамъ. Онъ словно даже

искалъ физической усталости, цѣлые часы слѣдилъ за пахотой подъ отвѣсными лучами палящаго солнца, либо присматривалъ за косовицей. Да и самъ онъ не разъ брался за плугъ и косу, и съ наслажденіемъ подмѣчалъ, какъ съ каждой новой попыткой работа шла у него спорѣе и рука даже какъ будто уставала не такъ скоро. Во всемъ этомъ было, правда, немного ребяческаго, было даже чуточку хвастовства передъ собою, точно онъ дразнилъ кого-то: на вотъ, посмотри, каковъ я на самомъ дѣлѣ! Но было тутъ и настоящее, добросовѣстное желаніе показать, что не въ словахъ только онъ искалъ себѣ работы. И какъ бы въ награду за свое усердіе онъ ощущалъ въ себѣ ростъ здоровья и силъ, точно онъ весь окунулся въ живительную струю. А когда наступала ночь, и онъ уходилъ въ свою комнатку, на скоро отдѣланную для него въ небольшомъ ветхомъ флигелькѣ, — что за богатырскій, счастливый сонъ принималъ его въ свои объятія!

Соколовскій хуторъ былъ очень запущенъ Данилычемъ. Гриша настоялъ, чтобы нанята была партія рабочихъ и выпросилъ у Михаила Андреевича денегъ на покупку новыхъ орудій. Михаилу Андреевичу плохо вѣрилось въ умѣніе сына справиться съ дѣломъ,—свѣдѣнія у Гриши были набраны только изъ книгъ. Но отказать ему онъ все таки не захотѣлъ,—слишкомъ ужъ настойчиво Гриша его упрашивалъ.

Но какъ ни жутко становилось Гришѣ, когда онъ подмѣчалъ упорное недовѣріе Михаила Андреевича, въ успѣхѣ онъ не сомнѣвался. Да и кто въ двадцать два года не вѣритъ, что стоитъ только добросовѣстно захотѣть, а успѣхъ ужъ не заставитъ себя ждать. Съ утра до вечера Гриша возился съ рабочими, пуская въ ходъ новые выписанные имъ плуги. И любо ему было глядѣть, что за славныя отношенія, казалось, пошли у него съ народомъ, какъ весело и охотно его слушались нанятые имъ парни изъ своихъ родныхъ деревень.

Одно Гришу озадачивало. Старый пасѣчникъ Егоръ, съ которымъ онъ всегда прежде ходилъ на охоту, да и теперь въ рѣдкіе свободные дни отправлялся стрѣлять дупелей, старый пасѣчникъ Егоръ все хмурился и былъ, очевидно, недоволенъ своимъ бариномъ. На старика вдругъ молчаливость нашла. Гриша пыталъ его, пыталъ и наконецъ услышалъ отъ него неожиданный приговоръ:

— Эхъ, батюшка, Григорій Михайловичъ: пустое вы дѣло затѣяли. И не барское совсѣмъ это дѣло! — сказалъ онъ разъ, покачивая головой.

Гриша только что передъ тѣмъ хвалился, что утромъ въ этотъ день онъ цѣлый прокосъ отмахалъ, не отставъ даже отъ прочихъ.

— Чѣмъ же это пустое дѣло, Егоръ?—спросилъ онъ, недоумѣвая.

— Да такъ ужъ, мужицкое, не подъ стать оно вамъ?

— Что-жъ такое, что мужицкое?—настаивалъ Гриша.—Слава Богу, силы у меня есть; и коли у меня на первыхъ порахъ оно и выходитъ не совсѣмъ сладко, такъ это съ непривычки только. Со всякимъ дѣломъ такъ бываетъ. Всему учиться надо.

Но Егоръ упорно качалъ головой.--Такъ оно, такъ, а все таки за любымъ деревенскимъ парнемъ, за самымъ то есть лядящимъ, вамъ не угоняться. Потому онъ съ измальства лѣтъ тому дѣлу выученъ. А взглянешь на васъ, какъ вы изъ силъ-то выбиваетесь, а все одно у васъ выходитъ, что костите вы работу, да и только. Потому вы баринъ. Смотрѣть даже жалко.

„Что-жъ это однако?“ раздумывалъ Гриша, почти обиженный этими словами. „Онъ будто меня взаправду ни къ какой работѣ способнымъ не считаетъ!“ И въ самомъ дѣлѣ слово „баринъ“ Егоръ произносилъ съ какой-то странной смѣсью почтительности и презрѣнія.

Но вдругъ рыжій сетеръ Нептунъ, мирно растянувшійся у ногъ Гриши, и, высунувъ языкъ, смотрѣвшій на него своими прищуренными, умными глазами, вско-

чилъ на ноги и, потянувъ воздухъ своимъ носомъ, принялся шнырять по кустамъ, приткнувъ морду къ самой землѣ.

— Эхъ, баринъ!—съ укоромъ произнесъ Егоръ, схватываясь за ружье.—Мы съ вами лясы, да балясы точимъ, а, чего добраго, дѣло упустимъ. Почуялъ, должно быть, что-то вашъ Нептунчикъ.

Гриша сперва нехотя пошелъ за Нептуномъ: совсѣмъ не до охоты ему было въ эту минуту. Но скоро любимая забава увлекла его снова. Раздался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него выстрѣлъ Егора, и старый пасѣчникъ нагнулся, чтобы поднять подстрѣленнаго бекаса. А самъ онъ, Гриша, какъ на зло раза два передъ тѣмъ промахнулся,—и весь онъ былъ мигомъ охваченъ внимательной страстностью бывалаго охотника. А когда вечеромъ усталый до нельзя онъ вернулся въ свою хату, ему было уже не до того, чтобы раздумывать надъ сложными докучливыми вопросами. Правда, все еще непріятно звучали въ его ушахъ слова Егора. „Что же развѣ въ самомъ дѣлѣ они на меня глядятъ, какъ на бѣлоручку какого-то?..“ спрашивалъ онъ себя. „Думаютъ они, что я только потѣшиться хочу отъ нечего дѣлать“. И сдавалось ему, что, чего добраго, рабочіе, такъ почтительно и добродушно къ нему относившіеся, втихомолку надъ нимъ посмѣиваются. Но разрѣшить ему эти вопросы не пришлось, сонъ слишкомъ ужъ быстро сковалъ его усталые члены...

А на другое утро тоже было некогда разсуждать. Гриша вставалъ съ пѣтухами и въ шестомъ часу уже былъ на полѣ. Надо было поскорѣй убрать скошенный лугъ, такъ какъ, чего добраго, къ вечеру соберется дождь. И Гришѣ было весело глядѣть, какъ быстро подвигалась работа. Онъ съ наслажденіемъ, да и съ нѣкоторою завистью, слѣдилъ за сильными размахами крѣпкихъ мужицкихъ рукъ; а въ головѣ у него какъ-то безсознательно копошилась мысль: „а въ самомъ дѣлѣ какъ здорово и просто у этихъ людей склады-

вается жизнь... Никакихъ сомнѣній, никакихъ вопросовъ... Мужику такъ легко, кажется, быть хорошимъ человѣкомъ. Обязанности у него такія несложныя, противорѣчій нѣтъ никакихъ... Въ самомъ дѣлѣ, они много лучше насъ... И Гришѣ въ эту минуту почти хотѣлось самому зажить такою жизнью. Народъ ему сильно полюбился за послѣднее время не той отвлеченной любовью, съ какой мечтаетъ о немъ учащаяся молодежь, а непосредственнымъ ощущеніемъ близости къ нему и общности съ его интересами. Одного изъ своихъ рабочихъ онъ особенно любилъ. Это былъ молодой еще парень, однихъ съ нимъ лѣтъ, но женатый уже цѣлыхъ три года. Принадлежалъ онъ къ богатой крестьянской семьѣ и жилъ въ строгомъ послушаніи у отца, посылавшаго двухъ сыновей на работу, потому что съ домашнимъ дѣломъ справлялся съ бабами самъ. Звали парня Карнѣемъ. Нравился онъ Гришѣ здоровой крѣпостью тѣла, открытымъ высокимъ лбомъ и всегдашнею веселостью на работѣ. Карнѣй то и дѣло посмѣивался и охотно говорилъ прибаутками. И Гришѣ казалосъ, что къ нему онъ тоже привязанъ. И думалъ онъ такъ недаромъ. Разъ въ жаркій іюльскій день Гриша купался въ рѣкѣ немного выше мельничной плотины и, самъ того не замѣчая, въ разсѣянности подплылъ почти къ самымъ колесамъ. Тутъ въ омутѣ возлѣ плотины было очень глубокое мѣсто, и отъ внезапно охватившаго холода воды съ Гришей случилась судорога. Онъ силился подплыть къ берегу, но обѣ его ноги свело, и Гриша уже пошелъ было ко дну, какъ вдругъ увидавшій это съ берега Карнѣй, долго не думая, бросился въ омутъ и благополучно вытащилъ барина. Съ тѣхъ поръ они уже были настоящими друзьями.

Полюбился ему тоже отецъ Карнѣя, Степанъ, одинъ изъ самыхъ домовитыхъ и зажиточныхъ мужиковъ въ Солнцевѣ. Разъ проходя по крестьянскому полю, Гриша увидалъ Степана, пахавшаго свою полосу. Онъ шелъ по бороздѣ мѣрною, твердою поступью, и удивительно крѣп-

кой и здоровой глядѣла его прямая рослая фигура съ густыми, чуть чуть серебрившимися волосами. И славно такъ шла его сытая лошаденка, точно и у ней, какъ у хозяина, было сознаніе крѣпости и довольства. Увидавъ молодого барина, Степанъ остановился и снялъ шапку. Гриша, знавшій его въ лицо, тутъ же сказалъ ему про случай съ его сыномъ и выразилъ свою живую благодарность Карнѣю. На Степана, повидимому, это не произвело никакого впечатлѣнія.

— Малый онъ у меня настоящій, хаить его не приходится, и отъ работы не отстаетъ, спокойно отозвался онъ на слова Гриши.—Ну, чего ты?!..—прикрикнулъ онъ на лошадку, стегнувъ ее возжей. Лошадь, спину которой облѣпили слѣпни, сперва обмахивалась хвостомъ, но потомъ рванулась впередъ, отъ чего сошникъ выскочилъ изъ борозды.

Гришѣ между тѣмъ хотѣлось разговориться, и онъ принялся разспрашивать Степана на счетъ его хозяйства, а Степанъ, хоть и отвѣчалъ почтительно, подумывалъ про себя, что молодому барину должно быть дѣлать нечего, коли онъ съ любымъ встрѣчнымъ мужикомъ, да еще въ рабочую пору, калякать принимается.

— Удивляюсь тебѣ, право, Степанъ, — продолжалъ Гриша,—человѣкъ ты не бѣдный: самъ говоришь, что трехъ лошадей держишь, да пять душъ за тобой считается. Что-жъ тебѣ за охота на старости лѣтъ самому землю пахать? Нанялъ бы ты батрака, либо сыновей заставлялъ работать.

Степанъ, очевидно, совсѣмъ не понялъ, какъ могла такая странная мысль придти въ голову молодому барину.—Какъ же это, батюшка,—отвѣчалъ онъ, сыновей за себя работать заставлять: вѣдь они мнѣ деньги въ домъ приносить должны, а что батрака держать, такъ совсѣмъ это пустое дѣло. Развѣ батракъ противъ хозяина управится?

— Да тебѣ, я думаю, и отдохнуть пора бы,—замѣтилъ Гриша.

Степанъ усмѣхнулся, показывая рядъ крѣпкихъ бѣлыхъ зубовъ.—Гдѣ же тутъ отдыхать! Сами изволили сказать, что за мной пять душъ считается, такъ кому противъ меня работу справлять: въ страдную пору на печкѣ лежать не приходится, не къ тому пріученъ.

Гришѣ стало вдругъ совѣстно: онъ понялъ, что у этого богача Степана особый складъ понятій, въ который совсѣмъ не входитъ чуждое ему барское представленіе о необходимости отдохнуть и пользоваться, ничего не дѣлая, плодами прежнихъ трудовъ, что все его прочное мужицкое хозяйство только и держится этой постоянной работой чуть ли не до самаго гроба. И эта тяжелая работа, которая Гришѣ все таки кажется чѣмъ-то подневольнымъ и докучливымъ, такъ прочно охватила всю Степанову жизнь, что безъ нея онъ себѣ эту жизнь и представить не можетъ. Послѣ разговора со Степаномъ у Гриши еще сильнѣе прежняго сказывалось сознаніе превосходства мужика, для котораго трудъ до того обычная стихія, что для него непонятна даже та боязнь передъ этимъ трудомъ, то отвращеніе къ нему, какое всегда сквозитъ изъ подъ самыхъ добросовѣстныхъ порывовъ къ работѣ у образованнаго человѣка.

Въ это утро Гриша съ особеннымъ усердіемъ ворошилъ граблями валы пахучаго сѣна, точно самому себѣ хотѣлъ доказать, что неправъ былъ старикъ Егоръ. Онъ и не замѣтилъ, какъ подъѣхала къ хутору телѣжка и выскочили изъ нея его братишки, за которыми своими длинными неуклюжими ногами быстро шагалъ учитель Клировъ.

Андрюша и Митя еще не бывали на хуторѣ съ тѣхъ поръ, какъ тамъ хозяйничалъ ихъ старшій братъ. Мильчики туда давно просились, и поѣздка въ Соколово, наконецъ, состоялась въ награду за прилежаніе по латинской грамматикѣ, по которой они шли довольно туго. Клировъ, самъ не очень сильный на этотъ счетъ, не слишкомъ настаивалъ на урокахъ. Но Михаилъ Андреевичъ, рѣдко заходившій въ классную,

разъ туда случайно завернулъ и въ припадкѣ строгости бѣгло проэкзаменовалъ мальчиковъ по разнымъ предметамъ. Хоть ученостью самъ онъ похвастаться не могъ, почему-то ему вдругъ показалось, что мальчики, особенно старшій, сильно поотстали для своихъ лѣтъ. А когда онъ узналъ отъ Клирова, что они нетверды въ латинскихъ спряженіяхъ, о которыхъ самъ онъ ровно никакого понятія не имѣлъ, Михаилъ Андреевичъ распекъ и сыновей, и учителя, да тутъ же объявилъ, что такъ нельзя, что ученіе дѣло серьезное и надо бросить игры да прогулки, чтобы Андрюша и Митя не осрамились на экзаменахъ. Клировъ, скрѣпя сердце, взялся за учительскую ферулу и поналегъ на латинскіе глаголы.

Гриша очень обрадовался братьямъ, но тутъ же увѣрилъ себя, что онъ имъ совсѣмъ не радъ, потому что они навѣрное ему помѣшаютъ въ такомъ серьезномъ и неотложномъ дѣлѣ, какъ уборка луга. И когда мальчики захотѣли съ нимъ затѣять игру на свѣжихъ копнахъ сѣна, онъ наотрѣзъ отказался, рѣшительно объявивъ, что въ такой день ему каждая минута дорога. Еще усерднѣе прежняго онъ принялся за грабли, точно ему надо было, чтобы Клировъ, глядѣвшій на его работу съ папироской въ зубахъ, ему выставилъ хорошій баллъ за прилежаніе. И когда наступилъ часъ завтрака, онъ съ усиленнымъ наслажденіемъ принялся уписывать кашу и печеный картофель. Обоимъ мальчикамъ этотъ завтракъ на открытомъ воздухѣ, вмѣстѣ съ рабочимъ людомъ, тоже показался чѣмъ-то необыкновенно восхитительнымъ.

— Что, очень устали, Григорій Михайловичъ? — спросилъ Клировъ, замѣтивъ, какъ съ его лба градомъ катится потъ.

— Какое усталъ!—гордо отвѣтилъ Гриша. — Мнѣ, напротивъ, такъ хорошо...

Клировъ замолчалъ, да принялся пощипывать жидкую бороду.

— А знаете что,—вполголоса заговорилъ онъ опять, спустя минуту, — вотъ я любуюсь вами цѣлый часъ, и мнѣ, право, совѣстно, глядя на васъ...

— Вотъ какъ?!.. Это зачѣмъ?...

— Я, чего грѣха таить, васъ всегда за барича принималъ, который на нашего брата бѣдняка свысока глядитъ.

— Свысока, вотъ еще выдумали!—разсмѣялся Гриша.

— И вижу, что ошибался: совсѣмъ, совсѣмъ вы не такой. Вы такъ просто себя держите съ народомъ и сами такъ работаете отъ всей души; и я такъ радъ, что долженъ теперь раскаяться передъ вами въ своемъ предубѣжденіи. Признаться, хотъ я и живу въ вашемъ домѣ и видѣлъ отъ вашей семьи одно хорошее, все таки я не могъ осилить въ себѣ какое-то глухое, почти враждебное чувство.

Бѣдный Клировъ весь покраснѣлъ, говоря это. Видно было, что немалаго труда ему стоило это признаніе и все таки онъ считалъ себя обязаннымъ его сдѣлать. Сочувствіемъ такъ и блестѣли его робкіе глаза.

— Вотъ — закончилъ онъ, — кабы всѣ были такіе, какъ вы, и въ поминѣ не было бы этихъ проклятыхъ жгучихъ вопросовъ, надъ которыми мы такъ безнадежно себѣ ломаемъ головы.

Гришѣ было необыкновенно отрадно это слышать. Онъ ощущалъ въ этотъ день особенную потребность въ похвалѣ себѣ. И когда братишки уѣхали съ своимъ учителемъ домой и рабочіе опять принялись за уборку, Гриша чувствовалъ въ себѣ новый приливъ счастливой самоувѣренной бодрости.

— Что, можешь ты мнѣ удѣлить нѣсколько минутъ и оторваться отъ сельскохозяйственныхъ подвиговъ?— вдругъ послышался Гришѣ знакомый голосъ, и тяжелая рука Варѳоломея Перекатова легла къ нему на плечо.

На Перекатовѣ было надѣто въ накидку толстое драповое пальто, изъ подъ котораго виднѣлись рукава

грубой бумажной сорочки и желтый холостинковый жилетъ.

— Тебѣ не жарко въ этомъ одѣяніи? — спросилъ Гриша, отирая лобъ.—Смотри, какъ паритъ!

— Да, кажется, паритъ, — равнодушно отвѣтилъ Варѳоломей, озираясь кругомъ. — У меня, братецъ, времени нѣтъ, чтобы примѣчать, жарко мнѣ или холодно; а накинулъ я на себя этотъ балахонъ, чтобы сюртукъ свой поберечь: онъ у меня, ты знаешь, единственный. И ты, я думаю, за мой костюмъ не взыщешь. Ну, да не въ этомъ дѣло! Я къ тебѣ съ просьбой.

Послѣ своей недавной стычки молодые люди почти не разговаривали другъ съ другомъ. Но у Гриши скоро исчезла всякая тѣнь раздраженія противъ бывшаго товарища. Стоило ему вспомнить про нужду Перекатова, и въ особенности про его бѣдную старушку мать, и Гриша даже готовъ былъ себя упрекнуть за недоброе чувство къ нему, и услыхавъ, что у товарища до него просьба, Гриша тотчасъ бросилъ работу и прошелъ съ нимъ къ недалекой опушкѣ лѣса. Но Перекатовъ, видимо, не торопился. Съ насмѣшливымъ выраженіемъ на губахъ онъ оглянулъ Гришу съ ногъ до головы.

— А ты, я вижу, —началъ онъ, — вошелъ совсѣмъ во вкусъ своей роли, даже костюмъ изобрѣлъ подходящій.

На Гришѣ была кумачевая рубаха и высокіе сапоги.

— Вѣдь это, милый другъ, скоморошество, маскарадъ, и только!

Гриша сталъ добросовѣстно защищаться.

— Ну, положимъ, — настаивалъ онъ, — ты самъ поступаешь совсѣмъ искренно, и серьезно думаешь, что дѣлаешь ты настоящее дѣло и съ меньшей братіей сближаешься. Слышали мы эту канитель. Ты просто въ періодѣ нѣжничанія съ мужикомъ. Со многими это бывало, и бѣды тутъ большой нѣтъ, потому эта самая невинная барская забава. Только вотъ въ чемъ бѣда,

мужичекъ-то охъ какъ чутокъ на всякую фальшь! И едва онъ замѣтитъ, что ты за нимъ ухаживаешь, подниметъ онъ тебя на смѣхъ, коли давно ужъ не поднялъ.

— Да что ты воображаешь въ самомъ дѣлѣ, что мы съ ними породы какой-то различной, или я среди крестьянъ то же, что капля масла, которую никакъ не разведешь въ водѣ?!..

— Ну, братецъ мой, — разсмѣялся Варѳоломей, — хромаютъ твои сравненія. Масло въ водѣ — тутъ физическій законъ, котораго не передѣлаешь, а вашему брату съ народомъ слиться не законъ мѣшаетъ, а одна ваша природная барская дурь, которую ничѣмъ не излѣчишь. Ну, а что въ концѣ концовъ разболтаютъ таки васъ, да растолкутъ самымъ основательнымъ образомъ, на этотъ счетъ имѣется въ исторіи, я думаю, достаточно примѣровъ.

— Коли ты сюда философствовать пришелъ, — съ трудомъ сдерживаясь, возразилъ Гриша,—такъ уволь. У меня, видишь, дѣло есть.

— Ага! обидѣлся! — сквозь зубы произнесъ Варѳоломей. Въ этотъ день онъ ощущалъ особенный приливъ злости.

Гриша повелъ плечами. — Есть, чѣмъ обижаться! Бѣситъ меня только, что ты вотъ неглупый человѣкъ, а несешь околесицу. Спѣси во мнѣ нѣтъ ровно никакой, ты знаешь это очень хорошо. И коли хочешь въ этомъ убѣдиться, посмотри, какъ относится ко мнѣ народъ.

— Да народъ—дипломатъ великій! — кисло усмѣхнулся Перекатовъ.

— Можетъ быть, только я ему пока вѣрю. И вотъ что я тебѣ скажу разъ навсегда. Попробуй ка ты самъ съ народомъ дѣло имѣть, и увидишь, скорѣе ли меня ты добьешься его довѣрія. Чутье, какъ ты сказалъ, у народа большое, и пойметъ онъ сразу, что въ моемъ

обращеніи съ нимъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ задней мысли, ну а ты...

— Ну, что-жъ договаривай!—съ притворной увѣренностью сказалъ Перекатовъ, съ лица котораго теперь сошла насмѣшка.

— Да, что-жъ, ты и безъ меня знаешь, какъ радушно народъ принимаетъ своихъ непрошенныхъ братій.

— Ну, на этотъ счетъ, — процѣдилъ сквозь зубы Перекатовъ,—бабушка еще на двое сказала.

— Да коли ты въ самомъ дѣлѣ спѣшишь, я мѣшать не желаю, время, говорятъ,—деньги. Такъ вотъ въ чемъ моя просьба. Жить я у васъ больше не намѣренъ.

— Это отчего?!—перебилъ его удивленный Гриша.

— Такъ, не считаю для себя удобнымъ, да и дѣло, кажется, для меня наклевывается иное, болѣе подходящее. У тебя дядя есть въ Рязанской губерніи, который земскую статистику ведетъ.

— Берестовъ, Николай Ѳедоровичъ?

— Кажется, что такъ. Ну, такъ ты ему напиши и рекомендуй меня. Понимаешь! Я къ этому дѣлу способенъ.

— Да ты собственно съ какой стати?—продолжалъ недоумѣвать Гриша.—Такъ еще недавно...

— Вотъ присталъ человѣкъ! Что ты думаешь, я тебѣ скажу настоящую причину, коли она даже есть? Отвѣчай ты мнѣ прямо, согласенъ ты написать Берестову, да или нѣтъ, и баста!

Гриша обѣщалъ, хоть и не совсѣмъ охотно. Рекомендовать Перекатова кому-либо ему казалось немного рискованнымъ. Но природное добродушіе побѣдило колебанія.

А причина внезапнаго рѣшенія Перекатова была вотъ какая. Вспыхнувшее въ немъ страстное чувство къ Наташѣ все росло, да росло, и какъ ни бранилъ себя за него Варѳоломей со всей откровенной черствостью своей натуры, а оно не уступало, а только болѣзненно

ожесточалось, какъ-то странно сливаясь съ накипавшей въ немъ гнѣвной злобою.

Обманчивыми надеждами онъ себя, конечно, не тѣшилъ: не глупый онъ былъ человѣкъ и баловать себя не любилъ, а все таки—все таки ему иногда казалось въ первые дни его знакомства съ Наташей, что сближеніе между нимъ и молодой дѣвушкой не такъ ужъ невозможно, что она изъ числа тѣхъ не вполнѣ еще сложившихся натуръ, которыя легко подчиняются натурамъ болѣе сильнымъ, а къ такимъ онъ причислялъ и себя. И хотя пока не могло быть и рѣчи о любви къ нему Наташи,—на этотъ счетъ Перекатовъ себѣ иллюзій не дѣлалъ,—ея молодой, колеблющійся умъ не могъ развѣ увлечься тѣмъ строгимъ и твердымъ складомъ убѣжденій, который онъ признавалъ въ себѣ самомъ? Эта мысль исполняла его гордымъ, почти злораднымъ самодовольствіемъ. Онъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку почти уже какъ на жертву, готовую отдаться на служеніе его суровымъ немилосерднымъ богамъ. И вдругъ, съ тѣхъ поръ какъ на Солнцевѣ появился Юрій Двинскій, онъ понялъ, что жертва эта отъ него ускользаетъ. Горячая ненависть къ Двинскому мгновенно въ немъ закипѣла. Перекатовъ догадался, конечно, что за промахъ онъ сдѣлалъ, давъ передъ Наташей волю своему злобному чувству къ молодому князю. Да въ его положеніи и былъ только выборъ между различными промахами: замолкнуть и смириться передъ неизбѣжностью онъ не былъ въ силахъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день онъ узналъ про неожиданный отъѣздъ Юрія, и не то, чтобы радость, а какое-то мстительное чувство въ немъ зашевелилось. Какой-то бѣсъ его толкалъ искать встрѣчи съ Наташей. И разъ, наканунѣ того дня, когда онъ отправился къ Гришѣ, въ Соколово, онъ засталъ молодую дѣвушку въ саду. Она сидѣла на скамейкѣ въ большой липовой аллеѣ; на колѣняхъ у нея лежала книжка „Отечественныхъ Записокъ“, но она ея, очевидно, не читала. Глаза ея были упорно, неподвижно

устремлены на землю; она и не примѣтила, какъ подошелъ къ ней молодой человѣкъ.

— Можно прервать ваше чтеніе, Наталья Михайловна?—заговорилъ онъ съ своей обычной насмѣшливой сухостью.—Полагаю, что можно, такъ какъ вы на самомъ дѣлѣ и не читаете вовсе.

— Да, не читаю,—она подняла на него глаза и положила книгу на скамейку. Что-то недовѣрчивое было въ ея взглядѣ, точно она держала себя настороже. Поразительно блѣднымъ глядѣло ея лицо, такъ недавно еще искрившееся румянцемъ. Внезапный отъѣздъ Юрія ее глубоко оскорбилъ, и тѣмъ сильнѣе и неотвязчивѣе ныло въ ея сердцѣ чувство боли и стыда, что себѣ она въ этомъ чувствѣ признаваться не хотѣла. Тотъ самый человѣкъ, который чуть не каждый день бывалъ у нихъ въ Солнцевѣ, давая ей недвусмысленно понять, какъ живо онъ ею заинтересованъ, уѣхалъ вдругъ подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ и не далъ себѣ даже труда проститься съ семьей, гдѣ онъ былъ принятъ такъ радушно. Особенно больно поразилъ ее сухой тонъ записки Юрія. Гриша не нашелъ въ этой запискѣ ничего особеннаго.

— Скучновато безъ него будетъ,—сказалъ онъ сестрѣ,—да надо полагать, онъ недѣли черезъ двѣ вернется. И, должно быть, неожиданное извѣстіе онъ получилъ, а то бы непремѣнно сюда заѣхалъ передъ отъѣздомъ.

Наташа не раздѣляла мнѣнія брата, но она не отвѣтила ни слова, стараясь отъ него скрыть охватившее ее горькое чувство. Да и не только передъ другими, даже передъ собою она себя не выдала. Съ безжалостной стойкостью она заглушила поднимавшійся въ ней ропотъ. „Вѣдь я сама хотѣла разрыва“, твердила она себѣ. „И давно я знала, что иного исхода и быть не могло“... Но какъ ни старалась Наташа себя увѣрить, что ей почти радоваться надо отъѣзду Двинскаго, утѣшиться и забыть она была не въ силахъ. Ровно, по прежнему зву-

чалъ ея голосъ, и къ прежнимъ занятіямъ она вернулась, но прежней любви къ нимъ въ ней уже не было. И когда она оставалась наединѣ съ собой, непокорная мысль уносила ее къ тѣмъ недавнимъ хорошимъ минутамъ, когда она такъ довѣрчиво заслушивалась мягкаго, ласковаго голоса Юрія. Но, разумѣется, никому, въ особенности Варѳоломею Перекатову, она не выдастъ своей тайны.

— А позвольте полюбопытствовать, — уже совсѣмъ насмѣшливо продолжалъ Перекатовъ,—что это вы тутъ почитывали?—Онъ взялъ книгу и прочелъ заглавіе статьи. — Ага! Про крестьянское малоземелье! Матерія сухая! Немудрено, что васъ не забавляетъ.

Онъ былъ взбѣшенъ тѣмъ, что Наташа, за послѣднее время явно его избѣгавшая, и теперь, очевидно, не желала съ нимъ вступать въ бесѣду. Глаза ея глядѣли холодно, почти гордо. Но при его словахъ въ ней тотчасъ проснулась осторожность.

— Напротивъ,—не совсѣмъ искренно отвѣтила она,—вы знаете, какъ я этимъ вопросомъ всегда интересуюсь. Статья, кажется, дѣльная, только для меня въ ней, конечно, не все понятно.

— Гм... дѣльная!—Онъ сталъ небрежно перелистывать книгу.—Вышло бы оно дѣльно, разумѣется, кабы можно было всю правду высказать въ печати, а такъ полуслова, да полунамеки... Вотъ это вы прочли напримѣръ?—Онъ указалъ пальцемъ на одно мѣсто. — Это про ваши черноземные порядки...

Онъ прочелъ вслухъ нѣсколько строкъ и сталъ ей толковать про излюбленную тему о крестьянской нуждѣ. Наташа приневолила себя слушать со вниманіемъ и Перекатовъ, замѣтившій по ея лицу, что она дѣлаетъ надъ собой усиліе, говорилъ долго и пространно, очевидно наслаждаясь ея смущеніемъ. Но какъ ни напрягала она свое вниманіе, слова его пролетали мимо ея ушей, непокорная мысль бродила гдѣ-то далеко. Наташа

отвѣтила ему даже совсѣмъ невпопадъ. Онъ сухо разсмѣялся и бросилъ книгу на скамейку.

— Эхъ, Наталья Михайловна! — заговорилъ онъ. — Лучше вы бы мнѣ прямо сказали, что надоѣло вамъ все это, было бы оно, по крайней мѣрѣ, откровенно, а то, кажется, я даромъ слова теряю. Да и понятно оно, совсѣмъ понятно! Развѣ вамъ теперь до этихъ будничныхъ, скучныхъ мелочей?! Это вѣдь совсѣмъ не то, признайтесь, что съ его сіятельствомъ разговоръ вести о высокихъ поэтическихъ чувствахъ.

На мигъ остановился на немъ ея вспыхнувшій взглядъ, потомъ она взяла брошенную Перекатовымъ книгу и медленно поднялась съ мѣста, не отвѣтивъ ему ни слова. Но заговорившее въ немъ злобное, мстительное чувство и тутъ не угомонилось.

— А было время,—заговорилъ онъ опять, останавливая ее,—когда эти самые вопросы, на которые вы теперь смотрите свысока, интересовали васъ и даже немного тревожили... Да и ко мнѣ тоже вы относились тогда совсѣмъ иначе.

Она вся выпрямилась и отвѣтила холодно.—Я всегда относилась къ вамъ одинаково, Варѳоломей Ивановичъ. Я не переставала смотрѣть на васъ...

— Какъ на письмоводителя вашего батюшки, не правда ли?—захихикалъ онъ, перебивая ее. Но тутъ же онъ мысленно добавилъ: „Фу, какъ глупо! Вѣдь такъ, какъ разъ, говорятъ шаблонные герои въ чувствительныхъ пьесахъ!“

— Нѣтъ,—возразила она спокойно,—просто какъ на товарища моего брата. Ничѣмъ инымъ вы въ моихъ глазахъ не были и быть не могли.

И странное дѣло, отъ этихъ немногихъ словъ весь его напускной задоръ куда-то вдругъ исчезъ. Должно быть онъ прочелъ въ нихъ то полное глубоко-оскорбительное равнодушіе, съ какимъ она относилась къ нему даже въ тѣ дни, когда онъ мечталъ о какой-то власти надъ ней. Невыразимо смѣшнымъ ему показался передъ

лицомъ этого гордеяиваго равнодушія весь пылъ его вспыхнувшей страсти. Она ушла, а онъ долго еще стоялъ на мѣстѣ, судоржно сжавъ кулаки и словно угрожая кому-то своимъ безпомощнымъ гнѣвомъ. Онъ такъ ненавидѣлъ теперь Юрія, что, попадись тотъ ему на глаза въ эту минуту... Но Двинскій, увы, былъ далеко. И черствый разсудокъ, всегда бравшій у него верхъ надъ увлеченіемъ, скоро подсказалъ ему, что гнѣвъ его смѣшонъ, что месть свою надо пока отложить въ сторону, и единственное средство выйти съ честью изъ глупаго положенія, въ которое онъ себя поставилъ — убраться поскорѣе изъ Солнцева. Кстати ему припомнилось то, что Наташа ему не разъ говорила про своего дядю Берестова, и на другое же утро онъ отправился къ Гришѣ.

Варвара Петровна между тѣмъ никакъ не могла примириться съ отъѣздомъ Двинскаго. Казалось, все шло такъ гладко, такъ хорошо, и вдругъ этотъ неожиданный поворотъ. Тщеславная маменька не обрушилась однако, какъ водится, всею горечью обманутыхъ надеждъ па виновника своего разочарованія: слишкомъ ужъ неотразимо въ ея глазахъ было обаяніе Юрія. Она старательно искала причины случившейся перемѣны и въ членахъ семьи, даже въ себѣ самой, но не могла найти. „Кажется, я была всегда съ нимъ такъ любезна!“ твердила она себѣ, наивно воображая, что ея любезность могла что-нибудь значить для Юрія. „И вѣдь Наташа съ нимъ тоже держала себя отлично. Немножко вольно, это правда, trop familièrement! Да вѣдь мужчины это нынче любятъ. Должно быть, мужъ сказалъ или сдѣлалъ что-нибудь такое“...

И Михаилу Андреевичу досталось таки отъ своей разгнѣванной супруги. За послѣднее время, должно быть, въ отместку за долгіе годы покорности, Варвара Петровна рѣшительно подняла знамя возстанія. Но Михаилъ Андреевичъ и въ этотъ разъ, какъ и всегда, слушалъ ее съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Я уже тебѣ говорилъ,—засмѣялся онъ въ отвѣтъ, глотая рюмку отличной листовки и закусывая сочнымъ балыкомъ, — что изъ всѣхъ твоихъ затѣй путнаго ничего не выйдетъ. Ну, гдѣ намъ съ тобой до этого придворнаго князька! И не понимаю даже, что ты въ немъ особеннаго нашла. Пустой человѣкъ, фанфаронъ...

— Вотъ ужъ неправда, совсѣмъ не фанфаронъ!—заступилась за Юрія Варвара Петровна.

— Я знаю, ты вѣдь всегда на знатность молишься, какъ на чудотворную икону. Пора бы понять, что въ нашъ демократическій вѣкъ...

Но Варвара Петровна его остановила: въ комнату входила Наташа, а въ присутствіи дочери Варвара Петровна не говорила про Юрія, на то у нея хватало женскаго чутья.

— Вотъ ужъ гораздо важнѣе, коли на то пошло,— продолжалъ Михаилъ Андреевичъ,—чѣмъ про эти пустяки толковать—подумать ка теперь, гдѣ мнѣ достать письмоводителя?

Гриша ему въ это утро объявилъ про намѣреніе Перекатова уѣхать.

— Вотъ тоже зазнается, прощалыга этакій! Ему бы денно и нощно судьбу благодарить, что его нищаго порядочные люди къ себѣ въ домъ взяли, а онъ еще фордыбачитъ, въ земствѣ думаетъ служить, тоже, должно быть, мечтаетъ про какой-то самостоятельный трудъ.

Послѣднія слова Михаилъ Андреевичъ произнесъ необыкновенно презрительно.

— Что, Наташа, правда вѣдь? — обратился онъ къ дочери, гладя ея шелковистые волосы. — Ты всегда горой стоишь за эту голь перекатную, а сознайся, что спѣсива она не по карману?

— Вы знаете, папа, — тихо возразила молодая дѣвушка, — что я человѣческое достоинство по карману мѣрить не привыкла.

Михаилъ Андреевичъ пожалъ плечами и усѣлся за столъ; подавали супъ.

— Хорошо, что не опоздалъ!—обратился онъ къ входившему Гришѣ, только что пріѣхавшему изъ Соколова.—Что, лугъ убрали?

— Да, убрали,—отвѣтилъ тотъ.

— Молодецъ!

Но Гриша, повидимому, совсѣмъ не ощущалъ въ этотъ день обычнаго подъема духа по случаю своихъ хозяйственныхъ успѣховъ. Онъ ничего не отвѣтилъ на похвалу отца и, поздоровавшись со всѣми, молча усѣлся.

— А что же, закуски не хочешь? — угощалъ его отецъ.—Чудо, что за балыкъ! Давно такого не ѣдалъ, съ самой Нижегородской ярмарки, гдѣ я былъ шесть лѣтъ назадъ. Странное, вѣдь, право, это дѣло. Отсталая наша страна, чего грѣха таить, почти дикая, а вѣдь нигдѣ такъ не ѣдятъ, какъ у насъ.

И Михаилъ Андреевичъ распространился о своихъ гастрономическихъ воспоминаніяхъ, которыхъ у него водилось очень много. Забота о трудностяхъ замѣстить Перекатова была совсѣмъ позабыта. Въ сущности, Михаилъ Андреевичъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, что, впрочемъ, съ нимъ почти всегда случалось, когда его не особенно тѣснили денежныя затрудненія. А въ этомъ году кстати урожай былъ хорошъ, и одна изъ лошадей его завода на дняхъ выиграла призъ на скачкахъ. И, вдобавокъ, милая вдовушка, съ которой онъ познакомился недавно, подарила его нѣсколькими совсѣмъ обворожительными часами. Словомъ, Михаилъ Андреевичъ чувствовалъ себя до того молодцомъ, что даже не примѣтилъ, какъ прочіе за столомъ плохо вторили его оживленію.

Марія Борисовна въ точности выполнила планъ дѣйствій, зародившійся у нея въ головѣ во время ея разговора съ Двинскимъ. Два дня спустя, она уже отдала визитъ Варварѣ Петровнѣ, держала себя очаровательно просто, невинно пококетничала съ Михаиломъ Андреевичемъ и всю семью Непрядвиныхъ пригласила съ себѣ. Немного ей труда стоило очаровать Солнцев-

скую чету. Варвара Петровна слишкомъ ужъ падка была на знакомства съ вышимъ кругомъ, а Михаилъ Андреевичъ — на хорошенькихъ женщинъ. И оба они, притомъ врознь, очень скоро затѣмъ отправились въ Вороново, нехотя признаваясь другъ другу въ этомъ посѣщеніи. Варвара Петровна, впрочемъ, и не думала сѣтовать на мужа за очевидный восторгъ, съ какимъ онъ относился къ Мери. Тщеславіе въ ней заглушало ревность. Но Марьѣ Борисовнѣ этого было недостаточно. Ей хотѣлось залучить въ Вороново не Варвару Петровну и не ея влюбчиваго супруга, надъ обоими она уже преусердно смѣялась потомъ съ барономъ Гейзеномъ, ей надо было сдѣлать ручной Наташу, чтобы убѣдиться въ справедливости своей догадки на счетъ близкенія ея съ Юріемъ Двинскимъ. И вотъ, едва прошло еще два дня, она снова отправилась въ Солнцево и на этотъ разъ взяла съ собою Олли. Марья Борисовна сумѣла придать себѣ столько задушевной простоты, что даже строптивость Наташи не устояла, и молодая дѣвушка согласилась прогостить у Столѣниныхъ весь день. Впрочемъ, подѣйствовало на нее, вѣроятно, не столько любезность Марьи Борисовны, сколько взаимное чувство симпатіи, тотчасъ зародившееся между ней и маленькой Олли.

— Что за странная семья, эти Столѣнины!—говорила она брату на слѣдующій день.—И живутъ они въ своемъ большомъ домѣ, точно они тамъ не у себя, точно они чужіе люди, случайно съѣхавшіеся вмѣстѣ. И вся ихъ жизнь будто напоказъ устроена. Я бы такой жизни невыдержала. Меня бы заморозило отъ холода и скуки; хотя они, кажется, объ этомъ только и думаютъ, чтобъ всѣмъ имъ было какъ можно веселѣе. Они и говорить то другъ съ другомъ умѣютъ только шутя, а отъ всѣхъ ихъ забавныхъ словъ такъ и вѣетъ тоской. Нѣтъ, Гриша, я не понимаю, какъ могутъ люди жить такимъ образомъ среди этого полнаго явнаго равнодушія другъ къ другу!? Это совсѣмъ, совсѣмъ не то, что у насъ...

— Еще бы! И съ какой стати ты вздумала у нихъ прогостить цѣлый день!? Въ другой разъ по крайней мѣрѣ не поѣдешь.

Наташа покачала головой. — Нѣтъ, поѣду— сказала она, — и даже на дняхъ. Очень мнѣ понравилась эта дѣвочка, Олли.

— Да, вѣдь, она совершенный ребенокъ! — возразилъ Гриша. — И вдобавокъ, должно быть, избалованный ребенокъ!?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Она меня тѣмъ и заинтересовала, что отъ этой безобразной, пустой среды, къ ней даже словно ничего не пристаетъ. Ее не то, чтобы дурно, ее совсѣмъ не воспитали. Отецъ съ ней холодно ласковъ, иногда даже съ какимъ-то оттѣнкомъ противной любезности, точно она ему чужая, и онъ хочетъ извиниться, что такъ мало объ ней думаетъ. А мать — та еще хуже, словно ее сердитъ, что у нея подростаетъ дочь. Ну, да слава Богу, не испортили они ее по крайней мѣрѣ; оттого-то она такъ и не похожа на родныхъ. Она точно полевой цвѣтокъ, случайно выросшій въ теплицѣ. И столько въ ней живости, смѣется она даже такъ звонко... А между тѣмъ такъ и чувствуешь, что очень, очень рѣдко ей приходится смѣяться. И совсѣмъ не по-дѣтски смотрятъ ея глаза. Пришлось имъ, должно быть, очень ужъ многое видѣть и понимать...

Гриша попробовалъ, было, подтрунить надъ сестрой, что она, эта гордая, серьезная Наташа, удостоивала такого вниманія тринадцатилѣтнюю дѣвочку. А между тѣмъ его самого живо заинтересовалъ разсказъ сестры.

— Курьезная парочка, — эти Столѣнины! — отозвался онъ на слова Наташи. — Точно не люди, а куклы. А пожалуй, что на нихъ посмотрѣть стоитъ, хоть бы затѣмъ, чтобы послѣ дома, у себя, казалось лучше...

И въ концѣ концовъ, Гриша рѣшилъ, что въ слѣдующій разъ онъ поѣдетъ въ Вороново съ сестрой.

XIV.

— Вотъ это мило, князь, тѣмъ болѣе мило, что такъ неожиданно!

Мери Столѣнина, свѣжая и смѣющаяся, стоя на главномъ крыльцѣ Вороновскаго дома, привѣтствовала этими словами только что прискакавшаго на своемъ гнѣдомъ жеребцѣ Юрія Двинскаго.

— Когда вы пріѣхали? Только вчера? Въ такомъ случаѣ это ужъ до того любезно, что я даже не знаю, какъ и благодарить васъ, а стало быть лучше и не благодарить вовсе.

Она опять глядѣла избалованнымъ шалуномъ, и слова ея звучали обычнымъ насмѣшливымъ задоромъ, точно она хотѣла скрыть отъ Юрія, какъ радовалъ ее и льстилъ ей пріѣздъ молодого человѣка.

— Вы необыкновенно скоро покончили со всѣми этими дѣлами,—продолжала она, поднимаясь съ нимъ по лѣстницѣ, — которыя, по вашимъ словамъ, должны были занять васъ такъ долго. Я вижу, вы рѣшительно готовите себя въ государственные люди: вѣдь главное качество государственнаго человѣка, не правда ли, умѣнье быстро справляться и съ людьми, и съ затрудненіями.

Они прошли на широкую террасу, гдѣ такъ долго пробесѣдовали въ первое посѣщеніе Юрія. И должно быть видъ этой террасы, съ ея изящнымъ безпорядкомъ, воскресилъ въ памяти молодого человѣка одни пріятныя воспоминанія, по крайней мѣрѣ, онъ весело и оживленно вторилъ искристому вздору, который жемчугомъ сыпался изъ красивыхъ губокъ Марьи Борисовны.

Юрій въ самомъ дѣлѣ необыкновенно быстро и удачно справился съ затрудненіями. Не было, разумѣется, недостатка въ попыткахъ опутать его цѣлою сѣтью лживыхъ доносовъ и извиненій; но Юрій былъ

заранѣе убѣжденъ, что встрѣтится въ отцовскомъ имѣніи съ повальною нечестностью, и не далъ своего довѣрія никому изъ тѣхъ, кто заискивалъ въ немъ и наушничалъ ему. Онъ сказалъ себѣ, что не дать себя сбить съ толку можно однимъ только средствомъ — не впутываться въ мелочи, въ которыхъ послѣдній изъ приказчиковъ отца, конечно, будетъ сильнѣе его. Надо было смотрѣть впередъ и рѣшительно покончить со всѣмъ запутаннымъ наслѣдствомъ прошлыхъ годовъ. Это, конечно, было связано съ убытками, но временные убытки ничего не значили при огромномъ состояніи Двинскихъ. Важнѣе всего было сразу поставить хозяйство на правильный путь и обезпечить за собой довѣріе крестьянъ. И онъ достигъ цѣли такъ скоро и легко, какъ и самъ того не ожидалъ. Затянувшіеся споры не только были покончены миромъ, но крупная сумма была ассигнована на устройство больницы въ главномъ селѣ и на образованіе ссудосберегательной кассы.

И Юрій мысленно сравнивалъ себя съ тѣми либеральными правителями, которые, вопреки совѣтамъ приближенныхъ, смѣло и довѣрчиво идутъ навстрѣчу желаніямъ своего народа. Поступая такъ, стараясь щедрою рукой загладить прошлое и привязать къ себѣ крестьянъ, Юрій невольно вспомнилъ про свои разговоры съ Наташей. „Она была бы теперь довольна мной“, часто думалъ онъ. И хорошее, радостное чувство поднималось въ немъ при этой мысли, точно образъ Наташи, какъ добрый его геній, нашептывалъ ему какъ слѣдовало поступать.

Не одинъ ея образъ, однако, носился передъ его воображеніемъ. На ряду съ нимъ воскресали въ его памяти капризныя черты Марьи Борисовны. Въ ушахъ его звучалъ ея серебристый смѣхъ. И хоть онъ мысленно продолжалъ называть ее пустой и взбалмошной, воспоминаніе о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ ней вызывало въ немъ пріятное, слегка возбуждающее ощущеніе. Въ короткій

двухнедѣльный срокъ всѣ дѣла были окончены. Юрій сперва думалъ прямо вернуться въ Петербургъ и тамъ приняться за исполненіе совѣта, даннаго Борисоглѣбскимъ. Но теперь честолюбивыя мысли опять отошли на второй планъ. Ему казалось, что все, сдѣланное имъ въ Воронежскомъ помѣстьѣ, гораздо важнѣе широкихъ, но себялюбивыхъ видовъ на будущую карьеру. Въ первый разъ, можетъ быть, въ цѣлой жизни онъ былъ доволенъ собою, болѣе даже чѣмъ въ тотъ день, когда при Дунайской переправѣ онъ стойко вынесъ испытаніе непріятельскаго огня. И за это счастливое чувство онъ мысленно благодарилъ Наташу. Ея милый образъ манилъ его обратно въ Набережное.

Когда, однако, на другой день послѣ своего возвращенія, Юрій велѣлъ осѣдлать себѣ жеребца, онъ поскакалъ не въ Солнцево, а, доѣхавъ до того мѣста, гдѣ дорога сворачивала въ Вороново, долго не задумываясь, повернулъ туда голову лошади, И теперь, когда онъ вдвоемъ съ Мери сидѣлъ на террасѣ Вороновскаго дома, ея смѣхъ и болтовня, и самый блескъ глазъ, слегка подернутыхъ влагой, пріятно щекотали его нервы. Только ему все казалось, что онъ словно портитъ впечатлѣнія, вызванныя у него поѣздкой, передавая ихъ молодой женщинѣ. Въ этихъ впечатлѣніяхъ она ничего не могла понять и невольно Юрій настроилъ себя на ея легкій насмѣшливый тонъ. Онъ снова поддался старинной привычкѣ трунить надъ собой и прикидываться холоднымъ и безсердечнымъ. И въ то же время, дѣлая это, онъ стыдился самого себя.

— Я вижу, однако, что на вашъ счетъ сильно ошибалась,—говорила ему Марья Борисовна.—Я всегда думала, что вы... ой, ой... что называется, съ душкомъ, и съ вами ухо надо держать востро! А на повѣрку выходитъ, что вы славный и добрый такой—въ хорошемъ смыслѣ конечно. И даже нѣтъ въ васъ совсѣмъ этой струнки петербургскаго честолюбія, которую я въ васъ подозрѣвала.

По тону Марьи Борисовны очень трудно было догадаться, насмѣшка или похвала звучали въ ея словахъ,—до того искренно и добродушно улыбались ея глаза.

— И знаете,—продолжала она,—я уже заранѣе вижу васъ женатымъ на какой-нибудь доброй, хорошенькой дѣвочкѣ, живущимъ у насъ въ провинціи, хоть и не круглый годъ, словомъ отцомъ семейства и земскимъ дѣятелемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше этого?!

Послушный голосокъ Марьи Борисовны попрежнему избѣгалъ иронической нотки. Но Юрію, должно быть, эта нотка въ немъ все таки послышалась: по крайней мѣрѣ онъ отвѣтилъ ей съ легкимъ оттѣнкомъ нетерпѣнія.

— Я самъ очень прельщенъ этой картиной счастья, которую вы такъ мило рисуете. Одно въ ней только не совсѣмъ вѣрно: о свадьбѣ я пока и не помышляю.

— Напрасно, вы были бы отличнымъ мужемъ. Вы, я увѣрена, себя воображаете страшнымъ повѣсой, котораго перспектива быть прекраснымъ мужемъ совсѣмъ не прельщаетъ. И вы ошибаетесь, какъ многіе это дѣлаютъ... А вотъ, кажется, молодежь наша вернулась съ прогулки, и мужъ съ ними тоже. — Мери нагнулась черезъ перила террасы, подъ которой слышались чьи-то оживленные голоса и въ числѣ ихъ сухой, немного хриплый голосъ Владиміра Валеріановича. Странная, не совсѣмъ добрая улыбка, заиграла на лицѣ Мери.

— А я и забыла васъ предупредить,—сказала она,—кого вы здѣсь встрѣтите. У насъ сегодня домъ полонъ гостей...—крикнула она въ садъ.

Минуту спустя на террасѣ показалась цѣлая гурьба молодежи. Тутъ съ Владиміромъ Валеріановичемъ и его дочерью были оба Коловратскіе, наканунѣ пріѣхавшіе въ Солнцево къ своему пріятелю Гришѣ и, къ немалому изумленію Юрія, была и Наташа съ братомъ. Юрій поднялся съ мѣста и въ быстромъ пожатіи руки, ко-

торымъ онъ обмѣнялся съ Наташей и съ ея братомъ, было что-то похожее на смущеніе. Ей тоже какъ будто измѣнило обычное самообладаніе. Щеки ея чуть чуть заалѣли. А рука ея слегка задрожала, торопясь высвободиться изъ руки Юрія. Въ ея вспыхнувшихъ глазахъ, тотчасъ скрывшихся подъ опущенныя рѣсницы, былъ и нѣмой упрекъ, и невольная радость, которой она будто стыдилась. Все это мигомъ прочла въ нихъ Марья Борисовна. „Они любятъ другъ друга, это ясно,—подумала она,—и, вдобавокъ, стараются это скрыть!..“ Она еще разъ изъ подлобья скользнула недобрымъ взглядомъ по молодымъ людямъ и при этомъ ласково сказала:

— Не правда ли, вы не ожидали другъ друга встрѣтить, и я хорошо сдѣлала, не предупредивъ васъ обоихъ?!

Юрій быстро овладѣлъ собою и заговорилъ съ напускнымъ оживленіемъ. Наташа тотчасъ подмѣтила какую-то фальшивую ноту въ его голосѣ.

— Что, удалась ваша поѣздка, — разспрашивала Мери,—весело было?

Владиміръ Валеріановичъ отвѣчалъ за всѣхъ, немного кисло подтрунивая надъ собой за то, что взялся показывать молодежи какое-то необыкновенно живописное мѣсто въ окрестностяхъ Воронова.

— А я такъ не понимаю,—съ утомленнымъ выраженіемъ на лицѣ сказала Марья Борисовна,—какъ это благоразумные люди въ такую жару не предпочитаютъ сидѣть дома!

— Monsieur Victor, — обратилась она къ старшему Коловратскому,—неужели и вамъ это доставило удовольствіе?

— Я сожалѣлъ о томъ только, что вы не захотѣли быть съ нами! — съ чрезвычайнымъ усердіемъ произнесъ Викторъ, у котораго такъ и запрыгали масляныстые глаза.—Теперь, надѣюсь, вы насъ за это вознаградите?

— Теперь, напротивъ, я собираюсь васъ предоставить самимъ себѣ!—засмѣялась въ отвѣтъ Марья Бо-

рисовна и медленно поднялась съ мѣста.—Черезъ полчаса будутъ обѣдать.

Викторъ, какъ ему и подобало, успѣлъ уже по уши влюбиться въ Мери, хоть и былъ у нея всего во второй разъ, и всячески старался, чтобы всѣ его замѣтили. Его развязная на видъ, а въ сущности очень и очень робкая влюбленность до крайности смѣшила Мери.

Съ уходомъ Марьи Борисовны не исчезла натянутость между Юріемъ и Наташей. Онъ готовилъ для нея столько искреннихъ, теплыхъ словъ, а теперь, когда онъ стоялъ передъ нею, онъ находилъ одни безсодержательныя выраженія условной вѣжливости. А между тѣмъ, ему такъ хотѣлось быть съ нею опять наединѣ и возобновить ихъ прежнія, длинныя, хорошія бесѣды.

— Я долженъ извиниться передъ твоей семьей, — сказалъ онъ, обращаясь къ Гришѣ,—что уѣхалъ тогда съ такой непозволительной поспѣшностью.

— И ты опять сюда на долго?

— Я думаю, на недѣлю. Во всякомъ случаѣ, я буду у васъ завтра.

Говоря это, Юрій пристально взглянулъ на Наташу, но ея глаза ему не отвѣтили.

— Ну, а ты мнѣ теперь скажи,—продолжалъ Юрій, отводя пріятеля въ сторону,—какими судьбами тебя я здѣсь застаю? Что можетъ быть у васъ общаго съ этими Столѣниными?!

— Да я прежде къ нимъ былъ несправедливъ, Юрій!—добродушно отвѣтилъ Гриша. — И Владиміръ Валеріановичъ въ сущности предобрый малый.

— Ну, братецъ мой, такими добрыми малыми хоть прудъ пруди. Терпѣть не могу я этого выраженія, и добрые-то они потому только, что силенки не хватаетъ быть злыми.

— Ну,—разсмѣялся Гриша, — деревенскій воздухъ тебя однако не смягчилъ...

Юрій весь этотъ день былъ въ какомъ-то желчномъ настроеніи. Раза два онъ даже почти рѣзко отвѣтилъ

Владиміру Валеріановичу, а барона Гейзена, когда онъ вздумалъ отпускать свои шуточки, осадилъ такъ рѣшительно, что тотъ мгновенно присмирѣлъ и умолкъ. Марья Борисовна примѣчала все это и слегка посмѣивалась. Она была почти рада своему открытію, хоть оно и возбудило въ ней далеко не доброе чувство къ Наташѣ.

За обѣдомъ она усердно занялась Викторомъ Коловратскимъ. У бѣднаго малаго совсѣмъ голова закружилась. Онъ самоувѣренно болталъ, бросая изрѣдка по сторонамъ побѣдоносные взгляды. Само собою разумѣется, что въ Марьѣ Борисовнѣ его привлекала не столько сама она въ качествѣ хорошенькой женщины, сколько то обаяніе свѣтской львицы, которое такъ неотразимо дѣйствуетъ на воображеніе очень тщеславныхъ юношей.

Словомъ, въ этотъ день всѣмъ было весело, всѣмъ, кромѣ Юрія и Наташи. Даже младшій братъ Виктора на время забылъ про свои аскетическія мечты. На его блѣдномъ лицѣ часто вспыхивало неподдѣльное молодое оживленіе. При всей суровости его взглядовъ на жизнь въ немъ былъ, незамѣтный для него самого, непочатый запасъ молодости, готовый развернуться при первомъ случаѣ. Отецъ его не любилъ, считая его мало на что способнымъ. Отцы, впрочемъ, рѣдко любятъ сыновей, которые совсѣмъ на нихъ не похожи. Братъ и сестра надъ нимъ охотно подтрунивали, товарищей у него не было вовсе и въ богатомъ родномъ домѣ онъ росъ одинокимъ. Правда, онъ былъ любимцемъ матери. Но бѣдная мать, всегда жившая затворницей, не могла вдохнуть въ его молодую жизнь счастія, котораго не было у нея самой. Въ самыхъ ея ласкахъ было что-то болѣзненное. И вотъ здоровый воздухъ, которымъ дышалось въ Непрядвинской семьѣ, чѣмъ-то бодрящимъ повѣялъ на Пашу. Къ Гришѣ онъ привязывался все болѣе той особой, немного робкой привязанностью, съ которой слабое существо всегда льнетъ къ сильному. Наташа,

правда, обращала на него мало вниманія: для дѣвушки, недавно полюбившей въ первый разъ, всѣ остальные люди какъ-то стушевываются. Но въ немъ за то ея спокойная прелесть, то честное, правдивое, что сразу читалось въ ея прямомъ взглядѣ, вызывало какое-то особое поклоненіе—иного слова не подберешь. Это было именно поклоненіе, безкорыстное и робкое.

И въ Вороновѣ, куда онъ неохотно поѣхалъ, Паша не чувствовалъ себя такимъ чужимъ, какъ онъ думалъ. Причиной тому была маленькая Олли.

Подружились они въ этотъ самый день и вотъ по какому случаю. Когда Солнцевская молодежь во второмъ часу прикатила въ Вороново, тамъ успѣли только что отзавтракать. Владиміръ Валеріановичъ увелъ Гришу и барона Гейзена въ конюшню, гдѣ онъ проводилъ большую часть дня, лѣниво потягивая душистую сигару. Марья Борисовна тоже куда-то исчезла, оставивъ въ столовой дочь и Наташу съ обоими Коловратскими. День, какъ и всегда въ Вороновѣ, тянулся свободно, но вяло.

— Не понимаю право,—говорила Наташа своей маленькой подругѣ, — какъ это вы можете жить такимъ образомъ, рѣшительно не зная за часъ впередъ, что вы собираетесь дѣлать!

— Мама это свободой называетъ,—улыбнулась Олли въ отвѣтъ.

— А меня бы нетерпѣніе взяло отъ такой свободы.

Олли не отвѣчала. Она ни за что не высказала хотя бы косвенный упрекъ матери. Вдругъ дверь растворилась и вошла сильно разгнѣванная Марья Борисовна.

— Что это значитъ?—прямо обратилась она къ дочери, не обращая вниманія на остальныхъ.—У тебя въ комнатѣ опять сидитъ эта деревенская дѣвчонка, которую я еще вчера приказала выгнать! Ты знаешь, что я терпѣть не могу этой фамильярности. Я сто разъ тебѣ запрещала...

— Она, должно быть, пришла, — вставая перебила Олли, — мнѣ сказать на счетъ своей матери. Докторъ у нихъ былъ сегодня. Я сейчасъ къ ней пойду.

— Совсѣмъ тебѣ незачѣмъ идти!—запальчиво остановила ее мать.—Доктора имъ послали, чего же больше! А пускать къ себѣ въ домъ этихъ грязныхъ дѣтей, которыя чего добраго еще болѣзней разныхъ занесутъ, про это я и слышать не хочу, понимаешь!

Мать дѣвушки, про которую шла рѣчь, была вдова когда-то зажиточнаго мужика, долго служившаго въ Вороновѣ. По смерти мужа, утонувшаго въ рѣкѣ во время ледохода, у нея осталось на рукахъ шестеро малолѣтокъ, и семья безъ работника быстро опустилась. Теперь захворала и единственная ея опора—мать, и Олли, которой дѣвочка, ея сверстница, приходила жаловаться на домашнее горе, навѣдала больную и настояла, чтобы къ ней доктора выписали изъ города.

Олли ничего не возражала матери, только щеки ея вспыхнули, и сильно задрожала рука, которой она опиралась объ стулъ.

— Ты удивительно стала непослушна,—продолжала бранить ее мать,—я тебѣ сто разъ запрещала въ деревню къ больнымъ ходить. Ты докторъ что ли?!

— Я и не была тамъ съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ про это говорили,—сдержанно отвѣчала Олли.

— Ты лжешь. Я увѣрена, что ходила. Откуда бы иначе взялась смѣлость у этой дѣвчонки къ тебѣ прямо въ комнату явиться?

Глаза Олли блеснули, но она отвѣтила все такъ же спокойно, хотя голосъ у нея дрожалъ.

— Я никогда не лгу, мама: вы это знаете! — Олли почувствовала, что слезы готовы были у нея навернуться, но она не дала имъ воли; заплакать при чужихъ она бы ни за что не захотѣла.

— Ну, хорошо. Только знай, что дѣвчонки этой сюда больше не пустятъ! — Сказавъ это, Марья Борисовна вышла.

Паша Коловратскій съ грустнымъ сочувствіемъ глядѣлъ на дѣвочку, вспоминая, какъ часто ему тоже въ родномъ домѣ приходилось молча сносить оскорбленія. Молчаніе прервалъ его старшій братъ.

— А я просто любуюсь,—не совсѣмъ умѣстно захихикалъ онъ, обращаясь къ Олли,—какъ сердито вспыхнули ваши глазки! Это къ вамъ очень идетъ.

Наташа взглянула на него почти съ отвращеніемъ. Съ самаго пріѣзда Коловратскихъ Викторъ ей сильно не нравился. Потомъ она обвила рукой гибкій станъ маленькой Олли, нагнула къ себѣ ея головку и тихо сказала:

—Не грустите, мой дружокъ. Вѣдь вы все таки съумѣете такъ устроить, чтобы эта бѣдная семья не осталась безъ помощи, не правда ли?

— Только я не буду знать теперь, что тамъ дѣлается,—отвѣтила Олли.

— Про это не безпокойтесь, — весь вспыхнувъ, сказалъ Паша, смотря на Олли своими разгорѣвшимися робкими глазами.—Я возьмусь быть вашимъ разсыльнымъ. Я хоть сейчасъ побываю на селѣ, и, если позволите мнѣ тоже немного помочь этимъ бѣднымъ людямъ...

Олли живо протянула ему руку. Такое искреннее желаніе въ самомъ дѣлѣ помочь свѣтилось въ глазахъ юноши, а Олли такъ мало привыкла еще въ комъ-либо встрѣчать сочувствіе къ своимъ маленькимъ заботамъ, что сердце ея мгновенно откликнулось на слова Паши. И молодой человѣкъ въ тотъ же день успѣлъ выполнить свое обѣщаніе, чѣмъ навлекъ на себя лишній разъ насмѣшки старшаго брата.

Когда кончился долго тянувшійся обѣдъ, сумерки уже ложились на Вороново: обѣдали тамъ поздно, по столичному. Наташа подошла къ брату и сказала ему, что пора запрягать лошадей.

— Что вы такъ спѣшите, мой дружокъ? — обмахиваясь вѣеромъ, подошла къ нимъ Мери. — Вамъ какъ

будто сегодня не весело?—Необыкновенно ласково звучали ея слова, но совсѣмъ не ласку прочла въ ея пристальномъ взглядѣ Наташа.

— Мы и такъ будемъ дома только въ десять часовъ,—почти сухо отвѣтила Наташа.

Ей хотѣлось поскорѣе освободиться отъ тяжелыхъ ощущеній этого дня.

Когда лошади были поданы, она быстро встала и пошла къ лѣстницѣ, не зная даже хорошенько, кому протянула руку, прощаясь. Мери проводила ее до передней и въ ласковомъ поцѣлуѣ молодой женщины Наташѣ почудилась насмѣшка. Но гдѣ же былъ Юрій? Неужели и теперь онъ не скажетъ ей ни слова?! Онъ куда то исчезъ. Его не было тутъ, когда она ушла съ террасы... Наташа торопилась сѣсть въ коляску, забывъ даже надѣть свою накидку.

— Наталья Михайловна!—вдругъ послышался рядомъ съ нею знакомый голосъ,—берегитесь, вы простудитесь ночь будетъ свѣжая!

И чьи то руки бережно укутывали ея плечи. Въ обширныхъ сѣняхъ было темно. Ея братъ былъ уже на крыльцѣ и приказывалъ что-то кучеру; Викторъ Коловратскій, весь отдавшійся веселымъ впечатлѣніямъ, не обращалъ на нее вниманія и съ торжествующимъ видомъ закуривалъ папироску; Паша, стоя на послѣдней ступени лѣстницы, прощался съ Олли: Коловратскіе собирались уѣзжать на слѣдующій день. Наташа быстрымъ нервнымъ движеніемъ схватила накидку и хотѣла идти...

— Наталья Михайловна,—тихо продолжалъ голосъ Юрія, и она почувствовала, что онъ нагнулся къ ея уху,—неужели мы стали чужими оттого только, что за эти двѣ недѣли не видались? Сегодня мы вѣдь и двухъ словъ другъ другу не сказали. Или вы уже успѣли позабыть...

Она забыла!.. Она!—мгновенно промчалось у нея въ

мысляхъ, но совсѣмъ не съ упрекомъ взглянули на него ея полуопущенные глаза.

— Я весь этотъ день былъ не свой, — продолжалъ онъ.—Завтра я буду у васъ, и надѣюсь, смѣю надѣяться по крайней мѣрѣ, вы опять будете прежняя добрая и привѣтливая, какъ всегда...

Чудною музыкою прозвучали эти слова въ ея ушахъ. Она не отвѣтила, однако, и чуть чуть лишь пожала его протянутую руку.

XV.

Мѣсяцъ уже высоко стоялъ на небѣ, когда Юрій собрался уѣхать изъ Воронова. Марьѣ Борисовнѣ его и удерживать не пришлось. Простившись съ Наташей, онъ опять поспѣшилъ на верхъ, и Мери тотчасъ замѣтила, что съ нимъ какая-то перемѣна случилась. Разумѣется, она его не разспрашивала о причинѣ. Мери и безъ того догадалась, что молодымъ людямъ удалось, наконецъ, объясниться. Юрій словно помолодѣлъ даже, до того охватилъ его приливъ какой-то ребяческой веселости. И, странное дѣло, этимъ избыткомъ оживленія ему хотѣлось теперь подѣлиться съ молодой женщиной. Мери сперва чуть чуть надула губки, не совсѣмъ довольная тѣмъ, что не она вызвала въ немъ это счастливое настроеніе, но скоро оно заразило и ее. Они хохотали, какъ дѣти, болтая всякій вздоръ.

— Чего ты, мой другъ, такъ расходилась?—спросилъ у жены Владиміръ Валеріановичъ, не считавшій нужнымъ скрывать передъ нею и Юріемъ овладѣвавшей имъ скуки, вѣчной и неутомимой спутницы его жизни. Въ деревнѣ я въ первый разъ тебя вижу такой.

— Тебѣ завидно, что мнѣ съ княземъ весело? Вы всѣ, и ты, и Гейзенъ, и Пестряцовъ, на меня одно уныніе наводите. Поди спать, Владиміръ. Ты безъ того зѣваешь цѣлый часъ.

Весь этотъ вечеръ Мери обращалась съ мужемъ съ явною, почти враждебною презрительностью. Столѣнинъ давно привыкъ къ ея причудамъ и къ рѣзкому тону въ ея обращеніи. Обыкновенно онъ и не думалъ этого принимать къ сердцу, до того онъ сталъ равнодушнымъ къ женѣ. Но теперь въ словахъ Мери и въ самомъ звукѣ ея голоса ему послышалась какая-то новая, непривычно враждебная нота. Ему стало вдругъ даже неловко. Онъ то и дѣло пересаживался съ мѣста на мѣсто, изрѣдка вставляя не впопадъ какое-нибудь замѣчаніе. Подъ конецъ ему это надоѣло, и онъ ушелъ къ себѣ, не простившись.

Долго въ эту ночь Владиміръ Столѣнинъ ворочался на кровати, не находя сна. Неопредѣленное предчувствіе какой-то грозившей бѣды засѣло у него въ головѣ. Столѣнинъ до сихъ поръ никогда не ревновалъ жены къ ея многочисленнымъ друзьямъ. Самая небрежная короткость въ ея обращеніи съ ними его успокаивала. Онъ хорошо зналъ, что въ сущности никого изъ нихъ она въ грошъ не ставитъ. Но съ Юріемъ она держала себя совершенно иначе. И Владиміру Валеріановичу смутно мерещилась не совсѣмъ лестная судьба осмѣяннаго мужа. Страдало въ немъ не оскорбленное чувство, — на такое чувство онъ и не былъ способенъ, — а самолюбіе человѣка, которому грозило стать предметомъ насмѣшекъ и сплетень. Но безпорядочное легкомысліе его жизни до того ослабило въ немъ всѣ нравственныя пружины, что и теперь непріятное сознаніе возможной бѣды чуть чуть лишь скользнуло по его равнодушному сердцу, вызвавъ въ немъ лишь кратковременное ощущеніе чего то неловкаго и скучнаго, съ чѣмъ надо будетъ, пожалуй, бороться. И подъ утро онъ заснулъ тяжелымъ сномъ, махнувъ рукою и на это скверное ощущеніе, какъ онъ махнулъ ею на свои разстроенныя дѣла и на всю свою легкомысленную, а на самомъ дѣлѣ давно ему опротивѣвшую жизнь.

— Такъ вы уѣзжаете черезъ недѣлю? — прощаясь

съ Юріемъ, говорила Мери. — И вы все таки воображаете, что вамъ надо туда, въ Петербургъ, гоняться за призраками? Ну, это ваше дѣло! Я никогда совѣтовъ своихъ не навязываю. Надѣюсь только, что мы будемъ видѣться, пока вы не уѣхали. Пріѣзжайте сюда обѣдать, когда хотите, хоть каждый день. Мы вѣдь такіе близкіе сосѣди, и съ нами, я думаю, вамъ будетъ все таки веселѣе, чѣмъ дома. Такъ когда же вы пріѣдете? Завтра? Ахъ нѣтъ, завтра, я знаю, вы обѣщали быть у Непрядвиныхъ. Поѣзжайте туда, поѣзжайте! Я не хочу вамъ мѣшать—это вѣдь священная обязанность, un devoir de coeur! — Она расхохоталась, говоря это, и глазки ея насмѣшливо прищурились.

— Я просто вамъ запрещаю быть у меня завтра. Слово свое держать надо, особенно съ такими добрыми, простыми людьми, какъ эти Непрядвины, которые, я думаю, васъ ждутъ, не дождутся. — Она опять разсмѣялась. Конечно ея слова ничего не значили въ сравненіи съ тѣмъ хорошимъ, праздничнымъ чувствомъ, какое охватило Юрія, когда онъ пожималъ своими пальцами маленькую ручку Наташи. Но все таки это настроеніе было чуть чуть испорчено теперь, какъ будто насмѣшливыя слова Мери вызывали въ немъ какой-то неопредѣленный, малодушный стыдъ. Ему было непріятно, что Мери то и дѣло намекаетъ ему на какія-то его отношенія къ Непрядвинымъ, и что простыя эти отношенія становятся предметомъ нелѣпыхъ толковъ и догадокъ.

Когда въ слѣдующее утро онъ поѣхалъ въ Солнцево, отъ этихъ смутныхъ ощущеній не оставалось однако и слѣда. И предстоявшее свиданіе съ Наташей вызывало въ немъ опять одну безпримѣрную радость. Онъ то и дѣло шпорилъ своего коня; и порывистые удары вѣтра, вдругъ поднимавшагося откуда-то, чтобы гдѣ-то опять замереть на мигъ, словно подгоняли его. Чѣмъ-то безпокойнымъ дышала вся природа въ это утро. Сѣроватыя, разорванныя облака низко и быстро неслись

по небу. Тѣни, какъ волны, набѣгали на поля, и подъ ними темнѣли золотые колосья спѣлаго хлѣба. Лихорадочно и сухо, точно испугъ овладѣлъ ими, шумѣли сучья ракитъ по дорогѣ, даже въ тѣ минуты, когда стихалъ вѣтеръ. И самыя птицы, казалось, безпокойно летали, и въ крикѣ ихъ тоже будто слышался испугъ. Но Юрій и не примѣчалъ всего этого. Мысль его вся была занята тѣмъ, что скажетъ онъ Наташѣ. Какъ было бы хорошо, если бы ему удалось увидать ее наединѣ, чтобы ихъ встрѣчѣ не помѣшалъ никто.

И вотъ желаніе это исполнилось. Едва въѣхалъ Юрій въ Солнцевскую рощу, навстрѣчу ему показалась черная амазонка, мелькавшая между стволами деревьевъ. Дѣвушка ѣхала шагомъ, и, повидимому, его не примѣтила. Голова ея была слегка наклонена; Наташу не сопровождалъ никто. Юрій пришпорилъ лошадь и мигомъ очутился возлѣ молодой дѣвушки.

Ловко и прямо сидѣла она на лошади, вся стройная и воздушная. Слегка нагибалась ея тонкая шея, туго обхваченная отложнымъ воротничкомъ, а на затылкѣ непослушно вились и блестѣли золотые кончики волосъ.

— Вы, я вижу, настоящая мастерица ѣздить! — заговорилъ Юрій, поздоровавшись съ нею. — Что же вы прежде объ этомъ не сказали мнѣ ни слова? Такъ хорошо было бы съ вами кататься вдвоемъ. — Онъ повернулъ голову лошади, и онѣ пошли рядомъ.

— Прежде, — широко улыбнулись ея глаза, — то есть очень недавно еще, я была совсѣмъ иная, чѣмъ теперь.

— И что же вызвало перемѣну? — Онъ тоже улыбнулся, ясно говоря ей глазами, что оба они хорошо понимаютъ, отчего они оба не такіе сегодня, какъ вчера.

— Что, не знаю. Только я чувствую, будто ко мнѣ вернулись дѣтскіе годы. Право! Это можетъ быть смѣшно, но это такъ!

— Что-жъ, давайте шалить, благо насъ оставили

безъ надзора! Я тоже себя необыкновенно молодымъ чувствую сегодня. Наталья Михайловна, рѣшайте, куда мы поѣдемъ!?

Они только что выѣхали изъ лѣса. Передъ ними широко разстилались поля, за которыми виднѣлся крутой обрывъ берега.

— Знаете что, Юрій Александровичъ? Мнѣ бы хотѣлось взглянуть на ваше Набережное. Дорога туда настоящая прелесть! Мы были тамъ всей семьей два года назадъ, и, признаюсь, оно произвело на меня тогда довольно грустное впечатлѣніе. А теперь, говорятъ, у васъ тамъ все передѣлано.

Живая радость блеснула въ его глазахъ.

— Я не смѣлъ вамъ этого предложить... А вы не повѣрите, какое для меня счастіе видѣть васъ, — онъ запнулся на мигъ,—хотя бы только вблизи своего дома. Ну и не прочь я тоже, — весело продолжалъ онъ, — похвастать передъ вами своею дѣятельностью. Вы увидите, что я здѣсь не лѣнился!

Вѣтеръ теперь совершенно стихъ. Поднятая лошадьми пыль медленно и тяжело опускалась за ними на черную ленту проселка. Тучи сгустились и почернѣли. Становилось душно, и будто сѣрой запахло. Но молодые люди не замѣтили, какъ надвигалась гроза. Они продолжали идти шагомъ, исключительно занятые своими мыслями, и не обращая даже вниманія на видъ, который Наташа только что назвала прелестнымъ.

Юрій говорилъ молодой дѣвушкѣ о своей недавней поѣздкѣ, внимательно ища на ея лицѣ признаковъ одобренія и сочувствія. Онъ не то, чтобы хвастался — это совсѣмъ не было въ его привычкахъ, — но ему нравилось, что онъ все таки можетъ выказаться передъ ней не празднымъ баловнемъ роскоши. Теперь и за нимъ водилось настоящее дѣло. И всѣмъ тѣмъ хорошимъ, что успѣлъ онъ исполнить, онъ былъ обязанъ ей.

Она слушала, наклонивъ голову, и яркій румянецъ откровеннаго счастія заливалъ ея лицо. Ей вѣдь такъ

хотѣлось ему вѣрить, вѣрить, что онъ въ самомъ дѣлѣ способенъ на самопожертвованіе и на трудъ.

— А представьте себѣ,—вдругъ тихо сказала она,— вчера, когда я слушала васъ за обѣдомъ у Столѣниныхъ, вчера я судила объ васъ совсѣмъ иначе. Вы говорили такъ насмѣшливо и сухо... Скажите, — отчего вамъ какъ будто удовольствіе доставляетъ смѣяться надъ тѣмъ, что вы въ сущности уважаете?

— Ахъ, Наталья Михайловна! Во мнѣ, да и не во мнѣ одномъ, я думаю, какъ будто два человѣка живутъ бокъ о бокъ. Едва заговоритъ во мнѣ искреннее, теплое чувство, какъ тотчасъ какой-то голосъ подскажетъ мнѣ, что оно, чего добраго, напускное, фальшивое, и словно дразнитъ онъ меня и шепчетъ насмѣшливыя слова. И есть во мнѣ глупая боязнь быть смѣшнымъ передъ самимъ собою, поддаться обману громкихъ фразъ. И сдается мнѣ иногда, что я потерялъ умѣнье различать даже въ самомъ себѣ фразу отъ искренности. Точно я стою на сценѣ передъ будкой суфлера и не знаю, роль ли я твержу съ его словъ, или выражаю собственныя мысли...

Она слушала съ тревожнымъ недоумѣніемъ.

— Стало быть, — сказала она, — вы этого, можетъ быть, и теперь не знаете?

Въ его глазахъ она прочла въ отвѣтъ такое пламенное, недвусмысленное признаніе, что тотчасъ опустила свои.

— Теперь,—отвѣтилъ Юрій, продолжая глядѣть на нее,—у меня сомнѣнія быть не можетъ, потому что во мнѣ говоритъ не какое-нибудь отвлеченное убѣжденіе, а...

Она опустила голову еще ниже.

— Я, можетъ быть, не хорошій человѣкъ,—продолжалъ онъ, — я имѣю несчастіе ни во что не вѣрить, или, по крайней мѣрѣ, не знать хорошенько, во что я вѣрю. Но одно для меня свято... — Онъ договорить не успѣлъ. Яркая молнія мгновенно разодрала завѣсу

тучъ, и ослѣпительное облако свѣта зажглось передъ ними. И въ тотъ же мигъ надъ самыми ихъ головами раздался сухой трескъ, словно хриплый голосъ какого-то разъяреннаго чудовища, и долго потомъ сердитою волною раскатывался по тучамъ.

Жеребецъ Юрія шарахнулся въ сторону, но тотчасъ, послушный рукѣ ѣздока, остановился, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Громъ не умолкалъ, и молніи, одна другой ярче, то и дѣло вспыхивали широкими, огненными струями. Тучи, обложившія небо кругомъ, такъ низко нависли, что, казалось, будто сумерки настилались на землю.

— Вѣдь хорошо, неправда ли? — озираясь вокругъ сказала Наташа.—Я люблю грозу. И она съ наслажденіемъ подставила лицо поднявшемуся вѣтру.

— Красиво-то оно красиво, только будетъ гроза, кажется, не на шутку. Чего я, право, смотрѣлъ! Что-жъ, повернемъ назадъ!

Но про возвращеніе домой нечего было и думать. Вѣтеръ дулъ все сильнѣе, неистово кружа сорванные листья и сучья. Вотъ онъ бѣшеной волной пронесся по открытымъ полямъ и дико завылъ, наткнувшись на опушку стариннаго лѣса. Потомъ на мигъ все стихло; сѣрая мгла окутала все, какъ бы сливая съ землей низкое, потемнѣвшее небо; потомъ бѣловатою змѣйкой пробѣжала по тучамъ электрическая струя; оглушительный ударъ тотчасъ затѣмъ встряхнулъ всю ихъ грозную массу, и въ отвѣтъ на него застонали лѣсъ и поля; и словно тучи ждали только этого призыва, чтобы опуститься на землю. Ихъ тяжело нависшая громада мгновенно разрѣшилась крупнымъ ливнемъ.

— Нечего дѣлать, Наталья Михайловна,—окинувъ ее виноватымъ, озабоченнымъ взглядомъ, сказалъ Юрій,— домой теперь ѣхать нельзя. Остается одно: дождаться въ Набережномъ, пока минетъ гроза. До Набережнаго теперь съ небольшимъ верста. — Онъ проговорилъ это, видимо смущенный.

Молодая дѣвушка взглянула на него просто и открыто, точно она и не понимала причины его смущенія. Она молча кивнула головой, и, не проронивъ болѣе ни слова, оба они среди неумолкаемаго грохота тучъ проскакали гонимые вѣтромъ, до въѣзда въ обширный дворъ Набережнаго. Здѣсь только, и то лишь на мигъ, Наташа оглянулась какъ бы въ нерѣшительности, словно ее теперь только поразило что-то необычайное и не совсѣмъ ловкое въ ея поступкѣ. Юрій успѣлъ однако уловить пробѣжавшее по ея лицу недоумѣніе. Онъ какъ бы избѣгалъ смотрѣть на молодую дѣвушку.

— Не сюда,—сказалъ онъ, увидавъ, что Наташа хочетъ остановиться у подъѣзда большого дома. — Здѣсь не живетъ никто! — Онъ повернулъ налѣво черезъ ворота, открывавшіяся въ садъ, а минуту спустя они подъѣхали къ павильону. Двое конюховъ, завидѣвшіе молодого князя, успѣли уже туда прибѣжать, но Юрій никому изъ нихъ не далъ высадить Наташу изъ сѣдла. Онъ живо соскочилъ съ лошади и, подставивъ ей лѣвую руку, другою бережно и почтительно, все съ тѣмъ же виноватымъ .выраженіемъ на лицѣ, обхватилъ станъ молодой дѣвушки. Она посмотрѣла на него, довѣрчиво улыбнувшись, и почти испугалась того, что прочла въ его глазахъ,—до того безпокойно и тревожно блестѣли они. И тотчасъ она высвободилась изъ его рукъ и соскочила на ступеньку крыльца. А у него отъ легкаго прикосновенія ея промокшей одежды странный ознобъ пробѣжалъ по всему тѣлу. Онъ продолжалъ не глядѣть на нее.

— Сейчасъ осѣдлать другую лошадь! Ты поѣдешь въ Солнцево!—крикнулъ онъ одному изъ конюховъ. — И коляску заложить четверкой!

Удивительно хрипло и надорванно прозвучалъ его голосъ. Какая-то нервная тревога была во всѣхъ его движеніяхъ. Онъ пододвинулъ Наташѣ большое мягкое кресло и поспѣшно притворилъ дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ была его спальня.

Наташа послушно дала себя усадить, озираясь на убранство комнаты. Ей тоже вдругъ стало неловко. Это была довольно большая, квадратная комната съ двумя широкими, итальянскими окнами въ садъ, очевидно, на скоро и небрежно уставленная мебелью самыхъ разнообразныхъ формъ. Рядомъ съ широкою, кавказскою тахтою, надъ которой висѣли охотничьи ружья, стояли прямыя, чопорныя кресла въ стилѣ Людовика XVI, а къ простѣнку между окнами былъ придвинутъ большой рабочій столъ краснаго дерева съ бронзовою отдѣлкой, массивной формы первой имперіи.

— Коляска для васъ будетъ сейчасъ подана,—сказалъ Юрій, садясь за письменный столъ,—но мнѣ кажется, что вамъ бы лучше обождать, пока стихнетъ гроза. А я напишу два слова вашему брату, чтобы прислали сюда за вами горничную съ вещами. — Онъ проговорилъ это все съ той же робостью въ голосѣ и тутъ же принялся быстро писать на клочкѣ бумаги.

Вѣтеръ продолжалъ неистово завывать; крупный дождь барабанилъ по стекламъ оконъ.

— Конечно, я обожду,—отвѣтила она, уже оправившись отъ перваго смущенія.

— Вы, я думаю, страшно промокли? — продолжалъ онъ, дописывая листъ. — Вы бы хоть чашку чаю выпили, чтобы согрѣться... А я объ этомъ до сихъ поръ и не подумалъ!

Онъ позвонилъ и заказалъ чаю вошедшему камердинеру.

— Вотъ, что я написалъ вашему брату. — Бумага тряслась въ его рукѣ, пока онъ читалъ.

Наташа смотрѣла на него съ удивленіемъ. Ей страннымъ казалось, что Юрія, такъ часто бывавшаго подъ непріятельскими пулями, гроза сдѣлала такимъ нервнымъ. „Гриша, твоя сестра у меня въ Набережномъ!“ стояло въ запискѣ. „Мы встрѣтились съ нею въ вашемъ лѣсу, и насъ захватилъ ливень, когда мы были слишкомъ далеко отъ Солнцева, чтобы туда ѣхать. Пришли

поскорѣе горничную съ вещами Натальи Михайловны".

— Вы, стало быть, здѣсь подождете?—повторилъ онъ еще разъ, дочитавъ записку.

Она молча наклонила голову. Юрій вышелъ и приказалъ конюху тотчасъ скакать въ Солнцево.

Оставшись на минуту одна, Наташа глубоко вздохнула. Но у нея легко было на сердцѣ. Въ первый разъ, можетъ быть, она ощущала покорное чувство подчиненія, точно она отдавала и себя, и свою волю подъ чью-то власть; и ей хорошо было это чувствовать. Услыхавъ его шаги, она опять подняла голову.

— Вы не чувствуете озноба?—спросилъ онъ.—Я такъ боюсь, какъ бы вы не простудились, и такъ виню себя за свою неосторожность.

Въ его заботливомъ голосѣ совсѣмъ не слышалось радостной ноты, и на его недавно еще такомъ блѣдномъ лицѣ теперь показалась краска. Случилось то, чего онъ и въ мысляхъ не могъ себѣ представить. Дорогая дѣвушка у него, на единѣ съ нимъ... и эта комната, и каждая бездѣлка въ ней будутъ для него теперь освящены ея присутствіемъ.

Старый камердинеръ, Филиппъ, принесъ, между тѣмъ, небольшой самоваръ на спирту и двѣ фарфоровыя чашки.

— Погодите, я сама заварю, — сказала Наташа, засмѣявшись.—Вы, кажется, совсѣмъ не умѣете.

Она принялась хлопотать за самоваромъ. Юрій еще больше залюбовался ею въ эту минуту; ему было какъ-то особенно жутко и пріятно видѣть ее хозяйничающею у него.

— Вы все время живете здѣсь, въ этихъ двухъ комнатахъ?—спросила она, наливая въ чайникъ кипятокъ.

— Я вѣдь здѣсь только на бивуакѣ, почти какъ въ палаткѣ. Я терпѣть не могу большихъ пустыхъ хоромъ. Да и вся моя жизнь такова! — добавилъ онъ, садясь поодаль отъ нея.—И въ Петербургскомъ домѣ я тоже чувствую себя чужимъ.

— Да развѣ это зависитъ только отъ обстановки!— Она вдругъ покраснѣла, сказавъ это, и быстро продолжала.—Здѣсь, я думаю, вамъ некогда было себя чувствовать одинокимъ: вы были такъ заняты, а въ Петербургѣ... тамъ у васъ, конечно, мысль и планы еще гораздо шире, чѣмъ здѣсь. Вѣдь вы мнѣ признавались не разъ, что вы честолюбивы.

Она подала ему маленькую чашку, которую онъ машинально принялъ изъ ея рукъ.

— Ахъ, Наталья Михайловна, вы не повѣрите, какимъ дряннымъ мнѣ кажется иногда мое пресловутое честолюбіе, точно длинная, длинная дорога безъ опредѣленной цѣли. Вотъ много есть охотниковъ по горамъ лазить, а что, вы думаете, хватило бы имъ терпѣнія карабкаться вверхъ, кабы они не были увѣрены, что тамъ ихъ ждетъ такой широкій видъ.

— Да кто же вамъ мѣшаетъ себѣ выбрать настоящую цѣль и въ ней уже болѣе не сомнѣваться? То развѣ, что вы мнѣ сказали полчаса назадъ, будто вы сами не знаете, вѣрите ли вы во что-нибудь? Только мнѣ кажется, вы на себя клевещете.

— Въ одномъ я, конечно, не сомнѣваюсь, — отвѣтилъ онъ не сразу;—есть люди, очень немногіе люди, которыхъ судьба или случай поставили такъ, что для нихъ не довольно—просто и пошло свой вѣкъ доживать, не оставивъ по себѣ никакой памяти. Ихъ оттого то и гонитъ вверхъ какой-то бѣсъ неугомонный, что на верху просторнѣе и воздухъ тамъ чище. И способны они находить такія наслажденія, о которыхъ другіе и не подозрѣваютъ—умственныя наслажденія, конечно. Имъ и трудъ не въ тягость. Да вы это по опыту знаете, Наталья Михайловна! Вы сами изъ такихъ. А что до цѣли касается,—онъ покачалъ головой...

— Напрасно вы меня считаете такой,—отвѣтила она.— Я бы не способна была трудиться, еслибы въ этомъ находила только удовольствіе и какое-то право презирать другихъ. Я бы не хотѣла для себя такого счастія, ко-

торое годилось бы для горсти избранныхъ... Какая однако въ васъ гордость!—добавила она.—Хоть, можетъ быть, и не заурядная гордость. Вы какъ будто довольны тѣмъ, что вамъ дана способность всѣмъ интересоваться такъ равнодушно и невозмутимо, точно весь Божій міръ для васъ только любопытное зрѣлище.

— Нѣтъ, не равнодушно. На этотъ счетъ вы ошибаетесь!—горячо возразилъ онъ, и краска на его щекахъ стала ярче.

Сорвись у него съ языка одно еще слово, дай онъ волю чувству, на которое онъ намекалъ, и все его будущее теперь же могло найти себѣ простую, мирную колею. Но онъ не сказалъ этого слова. Ему будто жаль было разстаться съ неопредѣленными ощущеніями чего-то хорошаго впереди, въ которомъ оставалось еще столько невысказаннаго. Все, вѣдь, рѣшится само собой и рѣшится очень скоро. Онъ успѣетъ договорить это послѣднее слово. Завтра же онъ объяснится съ нею и съ ея родными, а пока какъ отрадно чувствовать эту близость вѣрнаго счастья, глядѣть на нее очарованными глазами, сознавая, что она уже принадлежитъ ему. Настоящій мигъ былъ исполненъ такой прелести, что надо было имъ насладиться вдоволь, не осушая разомъ до дна этотъ очарованный кубокъ. Бережно, капля за каплей, Юрій словно глоталъ сладкій напитокъ.

Про свое намѣреніе уѣхать черезъ недѣлю онъ совершенно забылъ въ эту минуту, и когда Наташа вдругъ про это упомянула вскользь, онъ будто очнулся.

— Да почему же вы знаете, что я собираюсь ѣхать?— удивленно спросилъ онъ.

— Вы сами говорили вчера.

— Говорилъ? Да? Можетъ быть. Но это совсѣмъ, вѣдь, еще не рѣшено. Я, вы знаете, вольная птица.—Его радовала мысль о его полной, неограниченной свободѣ той самой свободѣ, прежде такъ часто тяготившей его. „Вѣдь совершенно свободны,—думалось ему прежде,— тѣ только люди, которые никому ни на что не нужны“.

Теперь онъ такъ уже не думалъ. Его охватила вдругъ волна оживленной веселости. Никогда до сихъ поръ они еще не говорили такъ просто.

Наташа и не примѣтила, какъ прошла гроза, и прояснилось небо. И когда у крыльца раздался стукъ экипажа, ихъ удивило, что такъ быстро пролетѣло время.

— Ну-съ, Наталья Михайловна, — объявилъ сестрѣ пріѣхавшій Гриша,—извольте переодѣться поскорѣй, ибо папа изъ города навезъ цѣлую кучу гостей, и васъ тамъ ждутъ не дождутся.

Пріятели ушли въ спальню Юрія. Но тутъ, оставшись вдвоемъ, оба они какъ то разомъ почувствовали, что имъ другъ передъ другомъ неловко. До сихъ поръ Гришѣ никогда и въ голову не приходило, что Юрій могъ сдѣлаться мужемъ его сестры. Но теперь близость, даже неизбѣжность этой развязки почему-то стала вдругъ для него совершенно очевидна. И Гриша ожидалъ, что товарищъ передъ нимъ выскажется. Но Юрій этого не сдѣлалъ. Ни за что бы онъ не лишилъ себя наслажденія объясниться съ Наташей прежде, чѣмъ узнаютъ про все ея родные.

— Я думаю,—сказалъ Двинскій, закуривая папироску,—гроза очень для тебя не кстати пришлась? Ты вчера еще такъ безпокоился на счетъ уборки!

Гришѣ тотчасъ показалось, что въ шутливомъ тонѣ Юрія было что то неумѣстное и какъ бы фальшивое... Въ этотъ мигъ ревностный сельскій хозяинъ въ молодомъ человѣкѣ совсѣмъ исчезъ.

— Что жъ дѣлать, всяко бываетъ,—разсѣянно отвѣтилъ онъ и при этомъ бросилъ на пріятеля слегка удивленный взглядъ.

Тонкое чутье Юрія тотчасъ подсказало ему, что его безразличныя слова были въ самомъ дѣлѣ неумѣстны, и что Гриша имъ почему-то недоволенъ. Но онъ заупрямился и принялся говорить о ходѣ работъ по новымъ постройкамъ въ Набережномъ. Гриша слушалъ молча, изрѣдка на него посматривая. И когда, десять

минутъ спустя, Наташа была готова, и пріятели другъ другу пожали руку, въ этомъ пожатіи была чуть чуть замѣтная натянутость. Всю дорогу домой Гриша упорно молчалъ. Онъ не хотѣлъ заговорить съ сестрой въ присутствіи горничной. За то, когда онъ улучилъ минуту, чтобы остаться съ нею вдвоемъ, онъ вдругъ ее поспѣшно спросилъ:

— Что? Юрій ничего тебѣ не говорилъ особеннаго сегодня?

Наташа покраснѣла до ушей, но не захотѣла показать видъ, что поняла брата, и тотчасъ замкнулась въ притворную недогадливость.

— Ничего. А что?..

— Такъ... я думалъ... Хм!.. Странно!..—загадочно пробормоталъ себѣ Гриша подъ носъ.—Вы такъ оживленно болтали, когда я вошелъ... И ты, вѣдь, часа два у него просидѣла. Про что же собственно вы разговаривали?

— Да ни про что особенное, самый простой разговоръ, какъ всегда.

Гриша взглянулъ на сестру и промолчалъ. — „Что она, притворяется или въ самомъ дѣлѣ ее это не удивляетъ?“ — подумалъ онъ. — „Но какъ же Юрій, если онъ ее любитъ... а если нѣтъ, онъ долженъ вѣдь понять, что этимъ шутить нельзя“...

Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ они были знакомы, Гришѣ приходилось мысленно осуждать пріятеля.

А въ сердцѣ Наташи и не заглядывало сомнѣніе на счетъ Юрія. Она тоже, какъ и онъ, не задумываясь о будущемъ вся жила настоящею минутой; только у нея это чувство вытекало изъ безкорыстной довѣрчивости отдающейся безъ оглядки и забывающей о себѣ.

Но это свѣтлое настроеніе было непродолжительно. Въ тотъ же вечеръ, едва разъѣхались гости, Варвара Петровна, все время просидѣвшая на иголкахъ, поспѣшила развѣдать у дочери про событія дня. Она и не сомнѣвалась, что непремѣнно случилось нѣчто очень важное, и на этотъ разъ уже не давала себѣ труда

скрывать отъ дочери свои давно взлелѣянныя надежды. Каково же было ея изумленное негодованіе, когда она услышала, что не только Юрій никакого предложенія не сдѣлалъ, но что Наташа какъ будто и не ожидала ничего подобнаго. Да, эту глупую дѣвочку возмутила самая мысль, что мать на ея отношенія къ Юрію смотритъ съ практической стороны, какъ и подобаетъ разсудительной матери. Неужели она до сихъ поръ ни объ чемъ не догадывалась и воображала, будто Юрія они принимаютъ спроста.

— Да развѣ я бы тебѣ иначе позволила, — совсѣмъ уже откровенно воскликнула Варвара Петровна, — съ этимъ голубчикомъ по цѣлымъ часамъ вдвоемъ разгуливать? А ты, я вижу, съ нимъ только шуры, да муры заводишь, а про настоящее дѣло и не думаешь. Я считала тебя умнѣе.

Еслибы Варварѣ Петровнѣ это пришлось сказать по-французски, она конечно стала бы выражаться изящнѣе, но съ русскою рѣчью она не церемонилась.

Наташа вся похолодѣла отъ этихъ словъ. Они безжалостно срывали молодой расцвѣтъ ея только что развернувшагося чувства.

— Я не знаю и знать не хочу,—воскликнула она, — что у васъ были тамъ за разсчеты! Я вѣрю ему, потому что если-бы не вѣрила, я не могла бы его любить!

— Вѣрь себѣ, сколько угодно. Всѣ влюбленныя дѣвочки такъ говорятъ. Я вижу, мнѣ уже придется за тебя постоять. А то онъ, чего добраго, приволокнулся за тобой отъ нечего дѣлать, а тамъ и улизнетъ въ Петербургъ. Только я этого не допущу и объяснюсь съ нимъ, какъ слѣдуетъ!

Наташа не спала всю эту ночь. Она встала утромъ вся блѣдная, съ болью въ головѣ.

— На что ты похожа сегодня!? — говорила ей раздосадованная мать. — Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что, когда пріѣдетъ князь — Варвара Петровна была твердо

убѣждена, что Юрій непремѣнно пріѣдетъ, — ты сумѣешь держать себя, какъ слѣдуетъ, и не покажешься ему съ такимъ лицомъ.

Наташа не отвѣтила ни слова, но рѣшила про себя, что, если Юрій въ самомъ дѣлѣ пріѣдетъ въ этотъ день, она запрется у себя въ комнатѣ.

Варвара Петровна не ошибалась. Въ третьемъ часу коляска подкатила къ дому и вошедшій слуга доложилъ о пріѣздѣ Двинскаго. Какъ на зло въ это самое время въ гостиной Непрядвиныхъ сидѣлъ Владиміръ Валеріановичъ, пріѣхавшій отдать визитъ Михаилу Андреевичу. Варвара Петровна, какъ ни дорожила она знакомствомъ съ Столѣнинымъ, мысленно посылала его за тридевять земель.

— Просите сюда Наталью Михайловну! — приказала она лакею.

Объясненіе въ присутствіи гостя, конечно, произойти не могло. Впрочемъ, едва ли бы Варвара Петровна и рѣшилась на такое объясненіе съ Юріемъ, хотя бы и осталась съ нимъ съ глазу на глазъ. Передъ нимъ она всегда немного робѣла. За то она постаралась облечь себя въ самую оффиціальную торжественность и обмѣнялась съ мужемъ многозначительнымъ взглядомъ. Все утро она съ нимъ проговорила на счетъ будущей свадьбы и ей удалось настроить его на свой ладъ. Михаилъ Андреевичъ, здороваясь съ Юріемъ, глядѣлъ уже не просто добрымъ малымъ, какъ всегда, а будущимъ тестемъ. А лицо Варвары Петровны все было исполнено сановитаго достоинства и ликующаго ожиданія. Въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ взглядѣ читалось сознаніе важности грядущихъ событій. Она, правда, не потребовала Юрія къ отвѣту, но въ принужденной улыбкѣ, которая такъ и застыла на ея губахъ, въ заискивающей любезности ея пріема такъ и подчеркивалась увѣренность, что долго лелѣянная надежда наканунѣ осуществленія. И когда лакей пришелъ съ отвѣтомъ, что Наталья Михайловна нездорова

и не можетъ сойти, гнѣвный блескъ ея глазъ откровеннымъ образомъ выдалъ ея досаду. Столѣнинъ все это примѣчалъ какъ нельзя лучше и внутренно посмѣивался. „Эта глупая дѣвочка капризничать изволитъ“, думала про себя Варвара Петровна. Но къ обѣду я ее заставлю сойти. Только какъ бы устроить, чтобы Столѣнинъ обѣдать не остался? Пока онъ здѣсь, Двинскій, конечно, ничего не скажетъ... Всѣ дипломатическія усилія Варвары Петровны были напрасны. Владиміръ Валеріановичъ, правда, уѣхалъ до обѣда, но вмѣстѣ съ нимъ поднялся и Юрій. Пріемъ, сдѣланный ему у Непрядвиныхъ, вся эта нелѣпая, принужденная любезность, такъ и намекавшая на что-то значительное, его взбѣсила. Недовѣріе къ людямъ, вкоренившееся въ его натурѣ, тотчасъ въ немъ зашевелилось. Нельзя было не понять, что его принимаютъ здѣсь почти какъ нареченнаго жениха, и въ глазахъ Столѣнина онъ ясно читалъ насмѣшливое признаніе его въ этой роли. Онъ понялъ сразу, что Непрядвины, должно быть, съ перваго же дня ихъ знакомства прочили его себѣ въ зятья, и эта пошлая мѣщанская подкладка ихъ кажущагося радушія тотчасъ обезцвѣтила въ его глазахъ всю прелесть его отношеній къ Наташѣ. Онъ любовался ея чувствомъ непринужденнымъ и безсознательнымъ. И вотъ опять таки за этимъ чувствомъ проглядываетъ обычный, презрѣнный разсчетъ. Очевидная попытка его опутать, пользуясь его увлеченіемъ, тотчасъ вызвала въ немъ строптивый отпоръ, а когда онъ всталъ, чтобы уѣхать, такая горделивая холодность была въ его лицѣ, что отповѣдь, которую ему собиралась прочесть Варвара Петровна, такъ и замерла на ея оробѣвшихъ устахъ.

XVI.

Прошла недѣля. Юрій не уѣхалъ въ Петербургъ, но и не сталъ женихомъ Наташи Непрядвиной. За все это время онъ даже не показывался въ Солнцевѣ. Любовь его къ Наташѣ не остыла — такъ, по крайней мѣрѣ, ему казалось, — но явное стараніе Варвары Петровны его уловить въ грубо разставленныя сѣти глубоко возмутило въ молодомъ человѣкѣ всю его гордую брезгливость.

И здѣсь, стало быть, какъ въ Петербургѣ, онъ не можетъ просто и довѣрчиво относиться къ людямъ, не можетъ свободно отдаться искреннему чувству, не сдѣлавшись предметомъ искательства и разсчета. Его исключительное положеніе становится для него какъ бы проклятіемъ; вездѣ преслѣдуетъ его, какъ неотвязчивая тѣнь, эта глупая роль завиднаго жениха.

Онъ сталъ теперь почти каждый день заѣзжать къ Столѣнинымъ. Видѣться съ Мери незамѣтно сдѣлалось для него какою-то потребностью. Самый контрастъ между ней и Наташей, ея добродушный цинизмъ, за которымъ чувствовалось полное презрѣніе къ другимъ и къ самой себѣ, полное отрицаніе какой бы то ни было обязанности, прельщалъ его и немного кружилъ ему голову. Ни образованіемъ, ни глубиной ума Мери, конечно, не отличалась. Но все, что ни говорила она, выливалось у нея съ такой непринужденностью, что очень мѣткими выходили порой ея необдуманныя рѣчи, и такъ хорошо она умѣла безъ смущенія касаться самыхъ щекотливыхъ вопросовъ, что получалось то жгучее ощущеніе, какое бываетъ, когда ступаешь по самому краю скользкаго обрыва. Все то нехорошее, что унаслѣдовалъ Юрій отъ матери и что развило въ немъ безобразное воспитаніе, его эгоистическіе инстинкты и своенравная презрительность къ людямъ, все это развертывалось и находило пищу въ обществѣ Марьи Бори-

совны. И съ какимъ то злорадствомъ онъ заглушалъ въ себѣ теперь, какъ глупую полудѣтскую наивность, лучшіе порывы своей двойственной натуры.

Владиміръ Валеріановичъ не преминулъ разсказать женѣ по свою встрѣчу съ Юріемъ въ Солнцевѣ и прибавилъ уже отъ себя, что помолвка его съ Наташей теперь не заставитъ себя долго ждать. Но слова его не произвели на жену ожидаемаго впечатлѣнія. Слушая его, она то и дѣло посмѣивалась, да покусывала блѣдные лепестки чайной розы. И когда она увидѣла Юрія у себя, — а случилось это уже на слѣдующій день,—она вдругъ съ безцеремонною развязностью заговорила про его отношенія къ Непрядвинымъ.

— Воображаю, — сказала она, — что это была за уморительная сцена, и какъ Варвара Петровна была безподобна въ роли вашей будущей тещи! Я такъ сожалѣю, что не мнѣ, а мужу пришлось быть свидѣтелемъ этой торжественной встрѣчи. Вамъ непріятно, что я про это говорю? По вашему лицу вижу, что непріятно. Но, вѣдь, вы знаете, я не люблю стѣсняться и всегда говорю, что думаю. И подѣломъ вамъ, Юрій Александровичъ! Въ другой разъ не будете совершать романтическихъ поѣздокъ верхомъ во время грозы и спасать въ своемъ домѣ молодыхъ дѣвушекъ отъ непогоды. Вы видите, я все знаю. Я—не скрою отъ васъ—ужасно смѣялась, когда мнѣ разсказывали, какъ вы увезли къ себѣ Наташу. Хорошо ей было, бѣдняжкѣ, я думаю, съ вами битыхъ два часа вести умные разговоры, оставаясь въ мокромъ платьѣ. Она вѣдь большая охотница до умныхъ разговоровъ! И я отъ души вамъ обоимъ желала схватить насморкъ. Это достойный конецъ для такихъ трогательныхъ приключеній. Иного конца, вѣдь, не будетъ, я это впередъ знаю!

Юрій пробовалъ отшутиться, но вышло оно довольно неудачно, Мери, впрочемъ, не настаивала и скоро перемѣнила разговоръ. Но она успѣла таки набросить легкій комическій оттѣнокъ на его встрѣчу съ Наташей

и всю семью Непрядвиныхъ обрисовать, какъ дѣйствующихъ лицъ въ чувствительной, буржуазной пьесѣ, которой, однако, суждено остаться безъ развязки. И недавнія еще, сладкія впечатлѣнія были слегка задернуты теперь какой то опошляющей ихъ окраской.

Разъ, въ одинъ изъ тѣхъ ясныхъ августовскихъ дней, когда близкая осень облекаетъ всю природу тихой, блѣдной прелестью наступающаго увяданія, Юрій подъѣзжалъ на своемъ жеребцѣ къ Вороновскому дому. У самого въѣзда въ усадьбу его окликнулъ веселый голосъ Марьи Борисовны. Она сидѣла въ маленькомъ кабріолетѣ, запряженномъ парою чалыхъ, которыми она правила сама.

— Вотъ это отлично! — сказала она, глядя на него своими задорными, сіяющими глазками.—Я думала, что мнѣ придется совершить прогулку одной. Слѣзайте съ лошади и прокатимся вмѣстѣ.

Онъ повиновался молча и хотѣлъ взять изъ ея рукъ возжи.

— Нѣтъ, нѣтъ, править буду я. И вы должны совсѣмъ отдать себя въ мое распоряженіе. Я вамъ не скажу теперь, куда собираюсь ѣхать.

Она подтянула возжи и ударила по лошадямъ длиннымъ бичемъ. Онѣ побѣжали ровною, крупною рысью. Мери была мастерица править, да она и все дѣлала отлично, за что ни принималась. Мери и не направляла бѣгъ лошадей, точно онѣ сами знали, куда вела ихъ хозяйка. Все время она безъ умолку болтала. Никогда еще на матовой бѣлизнѣ ея красиваго лица Юрій не видѣлъ такого свѣжаго румянца, никогда избытокъ жизни не сыпалъ такими искристыми брызгами изъ ея смѣющихся глазъ. Она глядѣла совсѣмъ молоденькой въ своемъ туго стянутомъ платьѣ, обрисовывавшемъ такъ отчетливо извилистыя очертанія ея стройнаго тѣла. Юрій вдругъ ощутилъ какую то странную близость къ ней, оттого, можетъ быть, что въ тѣсномъ кабріолетѣ онъ то и дѣло чувствовалъ прикосновеніе ея одежды.

И вспыхнувшіе его глаза вдругъ жадно скользнули по стройнымъ и упругимъ очертаніямъ ея стана. Она уловила этотъ взглядъ, и мимолетная, загадочная усмѣшка пробѣжала по ея губамъ.

— А вы и не догадываетесь, куда я васъ везу? — спросила она вдругъ, останавливая лошадей.—Мы ѣдемъ къ вамъ въ Набережное. Я давно собиралась васъ удивить своимъ посѣщеніемъ. Надѣюсь, вы ничего противъ этого не имѣете?

Юрій и не примѣтилъ, какъ Мери свернула съ большой дороги на проселокъ. Краска бросилась ему въ лицо, точно ему, а не ей приходилось смущаться.

— Зачѣмъ же вы меня не предупредили? Я бы успѣлъ, по крайней мѣрѣ....

— Устроить мнѣ великолѣпный пріемъ?—перебила она. Это совсѣмъ не нужно. Мнѣ, именно, хотѣлось быть у васъ за-просто, по-товарищески. Или вы находите это неприличнымъ? Да вы покраснѣли, въ самомъ дѣлѣ покраснѣли! Надѣюсь, отъ удовольствія?

Она звонко разсмѣялась и опять пустила лошадей.

— Вы находите, что я странная женщина, не правда ли, совсѣмъ не похожая на другихъ? Я нахожу страннымъ и нелѣпымъ это вѣчное требованіе, чтобы всѣ женщины были одна на другую похожи, какъ-будто людямъ непремѣнно хочется, чтобы въ жизни вѣчно царила скука. По моему тогда только и стоитъ жить, когда стряхнешь съ себя эту глупую узду воображаемыхъ приличій. Вѣдь и безъ того въ нашъ образованный вѣкъ такъ мало осталось мѣста для свободы и неожиданности, такъ мы застраховали себя отъ всего забавнаго... Такъ что жъ, вы очень удивлены, что мнѣ пришла въ голову эта мысль?

— Я прежде всего благодаренъ вамъ за нее,—отвѣтилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

Она искоса посмотрѣла на него и слегка прикусила губу.

Цѣлыхъ два часа Мери провела въ Набережномъ. Опираясь на руку Юрія, съ послушнымъ, смиреннымъ видомъ она обошла съ нимъ весь обширный садъ и всю усадьбу, интересуясь его проэктами и внимательно разспрашивая его и нѣмца управляющаго. Потомъ, немного утомленная, она вошла съ нимъ въ павильонъ, гдѣ успѣли тѣмъ временемъ наскоро приготовить завтракъ. Здѣсь она тотчасъ сбросила съ себя принятый на время степенный видъ.

— Вы видите,—сказала она,—я тоже умѣю быть серьезной. Надѣюсь, этотъ вашъ ученый нѣмецъ составилъ себѣ на мой счетъ самое выгодное мнѣніе. Ну, а теперь полно роль разыгрывать! Я опять хочу смѣяться и въ добавокъ проголодалась страшно.

Передъ Юріемъ была снова прежняя Мери. Нѣтъ, даже не совсѣмъ прежняя! Что то новое было въ ней теперь, что то безпокойное и жгучее. Хотѣла ли она вознаградить себя за скуку разговора съ ученымъ нѣмцемъ или ударили ей въ голову лихо выпитыя двѣ рюмки стараго портвейна, только въ ея движеніяхъ сказывалось что то порывистое и нервное, и сухой блескъ зажигался въ ея глазахъ. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее зналъ, Юрій отчетливо почувствовалъ, что передъ нимъ молодая, красивая женщина и что женщина эта можетъ принадлежать ему. Въ первый разъ въ немъ сказалось это, какъ физическое ощушеніе; и Юрій понялъ вдругъ, отчего порой, когда онъ возвращался изъ Воронова поздно вечеромъ, у него въ вискахъ такъ стучала кровь. Но подступившее къ нему внезапнымъ приливомъ жгучее, почти хищное желаніе произвело въ немъ странную перемѣну. Лицо его поблѣднѣло, губы засохли и какая то неохота, почти невозможность говорить вдругъ овладѣла имъ. Его блестѣвшіе глаза блуждали по комнатѣ, словно они искали въ ней кого то иного. И въ самомъ дѣлѣ, иной образъ неожиданно пронесся передъ его воображеніемъ: воспоминаніе о томъ, что недавно еще происходило въ этой

самой комнатѣ, ярко представилось Юрію. Съ тѣхъ поръ только недѣля прошла, а какая неизмѣримая бездна отдѣляетъ его отъ недавней минуты, когда онъ на порогѣ этой комнаты прощался съ Наташей Непрядвиной... Юрію показалось вдругъ, что и онъ, и самое присутствіе Мери оскверняетъ это чистое воспоминаніе, словно въ томъ, что онъ чувствовалъ теперь, было какое-то кощунство надъ его чистою любовью. Горькій стыдъ овладѣлъ имъ, холодною струей обдавая его только что проснувшуюся страсть. Негаданно для Мери Столѣниной образъ Наташи явился тутъ какъ бы затѣмъ, чтобы защитить ее на этотъ разъ отъ собственной слабости.

Однако уже на другой день, и въ слѣдующіе дни тоже, Юрій опять былъ въ Вороновѣ. Проводить тамъ долгіе часы стало для него привычкою. Былъ, впрочемъ, и готовый предлогъ на лицо: прогостившіе такъ долго въ Вороновѣ Гейзенъ и Пестрецовъ недавно уѣхали и Мери безъ нихъ скучала. Всѣ въ домѣ встрѣчали теперь Юрія такъ, какъ будто его ежедневныя посѣщенія стали чѣмъ то установленнымъ и напередъ извѣстнымъ. Юрій подмѣчалъ это и въ торопливомъ пожатіи, съ которымъ, не то добродушно, не то насмѣшливо, встрѣчалъ его Столѣнинъ, и въ самомъ выраженіи на лицахъ прислуги. Было тамъ, впрочемъ, одно существо, передъ которымъ Юрій при каждой встрѣчѣ невольно опускалъ глаза; и существо это, странно сказать, было никто иное, какъ тринадцатилѣтняя Олли. Дѣвочка, прежде всегда привѣтливая и довѣрчивая въ обращеніи съ нимъ, съ нѣкоторыхъ поръ его замѣтно чуждалась, а порой съ какимъ то недѣтскимъ, почти строгимъ недоумѣніемъ вскидывала на него своими большими глазами. Онъ чутьемъ догадывался, что у этого ребенка зарождалось къ нему полусознательное враждебное чувство.

Прошла еще недѣля. Пятнадцатаго августа въ Вороновѣ былъ храмовой праздникъ и Столѣнинымъ вздумалось ознаменовать этотъ день, задавъ по старинному пиръ на весь уѣздъ. Давно Вороновскій домъ не видалъ

гостей; и мѣстное общество, въ котсромъ Столѣнины популярностью не пользовались, довольно таки дружно откликнулось на ихъ зовъ. Не пріѣхали, впрочемъ, какъ разъ главные мѣстные тузы съ предводителемъ во главѣ.

За отсутствіемъ тузовъ собралось однако немало народу. Столѣнины, отложивъ петербургскую спѣсь, не побрезгали и мелкою сошкой. Узнавъ, что у Михаила Андреевича временно гостилъ пріѣхавшій изъ Рязани его шуринъ тамошній земскій дѣятель Берестовъ, Владиміръ Валерьяновичъ пригласилъ и его. Берестовъ, кстати сказать, успѣлъ ужъ найти для Перекатова мѣсто въ управѣ. И молодой человѣкъ погрузился въ дебри земской статистики, усердно подбирая въ ней обличительныя цифры.

Надо отдать справедливость Марьѣ Борисовнѣ: она изъ силъ выбивалась, чтобы занимать гостей. Но какъ она ни старалась, Мери чувствовала, что въ настоящій тонъ она никакъ не попадала. Ея привычная, шутливая развязность, отъ которой такъ легко зажигалась искристая болтовня ея петербургскихъ друзей, здѣсь не находила отголоска. Двѣ мѣстныя дамы, съ такими смѣшными лентами на громадныхъ чепцахъ, выражали на своихъ лицахъ затаенное, холодное осужденіе. Земскій врачъ Суперфосфатовъ, хилый человѣкъ съ угрюмымъ лицомъ, упорно глядѣлъ букой, точно онъ былъ оскорбленъ чѣмъ то и собирался отстаивать свое обидчивое достоинство. Три некрасивыхъ барышни—дочери отставного поручика Бубановскаго, до того похожія одна на другую, точно всѣ онѣ были копіи съ одного портрета,—сидѣли рядкомъ и молчаливо скучали; а когда одной изъ нихъ приходилось отвѣтить на какой-нибудь вопросъ, двѣ остальныя тотчасъ послушнымъ эхомъ почти слово въ слово повторяли тотъ же отвѣтъ... Да могло оно развѣ и быть иначе—общаго ничего не имѣлось у Марьи Борисовны съ ея гостями. Ее не интересовали мѣстныя сплетни насчетъ незнакомыхъ ей лицъ, не трогали ее и вѣсти объ урожаѣ, и толки о хозяйствѣ.

Гости это чувствовали отлично; и чѣмъ болѣе старалась она быть любезною, тѣмъ упорнѣе они замыкались въ недоброжелательную, угловатую чопорность.

Владиміръ Валерьяновичъ гораздо лучше жены приноровился къ своимъ гостямъ. Въ его кабинетѣ въ ожиданіи обѣда была подана обильная закуска. Столѣнинъ не поскупился на хорошее вино и на отличныя сигары. Несмотря на свои нерусскія замашки, въ душѣ онъ былъ природный русскій баринъ, распущенный и своенравно добродушный, хоть, можетъ быть, не совсѣмъ добрый.

Удовлетворенный желудокъ — лучшій путь къ провинціальнымъ сердцамъ, и мало-по-малу всѣ мужчины одинъ за другимъ перекочевали въ кабинетъ.

Одинъ Михаилъ Андреевичъ, несмотря на свои гастрономическія наклонности, предпочелъ обильной закускѣ дамское общество. Усѣвшись рядомъ съ Марьей Борисовной на терассѣ, онъ съ юношескимъ пыломъ разсыпался мелкимъ бѣсомъ. Лихо закрутивъ усы и старательно пригладивъ густыя бакенбарды, онъ глядѣлъ совершеннымъ молодцомъ; да и въ костюмѣ его была явная попытка на щеголеватость, словно онъ хотѣлъ показать, что провинція не стерла въ немъ прежней закваски гвардейскаго франта. Марья Борисовна, слушая его, часто покусывала губки, чтобы не расхохотаться, но Михаилъ Андреевичъ этого не примѣчалъ и былъ, очевидно, доволенъ собою, какъ нельзя болѣе. За то Варвара Петровна смотрѣла какъ то уныло, хоть и принарядилась она по случаю торжества; и самыя тяжелыя складки ея шелковаго платья, совсѣмъ не подходящаго ко времени года, придавали ей какую то грустную величавость. Да и было ей отчего грустить: ея тщеславныя мечты, повидимому, разлетались въ прахъ.

Съ Юріемъ она поздоровалась довольно кисло.

— Вы насъ совсѣмъ забыли, князь,—сказала она, стараясь себѣ придать выраженіе равнодушнаго достоинства. Юрій холодно извинился, сказавъ, что передъ

отъѣздомъ непремѣнно побываетъ въ Солнцевѣ. Варвара Петровна еще хотѣла прибавить что-то, но подходящихъ словъ не нашлось, и умоляющій взглядъ только повторилъ ея нѣмую просьбу. Юрій, между тѣмъ, искалъ глазами Наташу. Какъ встрѣтятся они? Что скажетъ онъ ей, чѣмъ оправдаетъ свое поведеніе? Нехорошая гордость сковывала его слегка забившееся сердце, вызывая въ немъ рѣшимость холодно отвѣтить на ожидаемый упрекъ.

Но встрѣча ихъ обошлась совершенно просто. Она показалась въ дверяхъ вмѣстѣ съ маленькой Олли и протянула ему руку, какъ ни въ чемъ не бывало. Прямо и спокойно глядѣли ея большіе глаза, въ которыхъ не было ни смущенія, ни укора.

У Наташи въ тотъ самый день, когда Юрій пріѣзжалъ въ Солнцево, произошла съ матерью тяжелая сцена. Изъ жесткихъ словъ Варвары Петровны молодая дѣвушка сразу поняла, что за унизительную роль ея мать разыграла передъ княземъ. Краска бросилась ей въ лицо при мысли, какъ Юрій могъ истолковать себѣ этотъ нелѣпый, торжественный пріемъ и какого мнѣнія теперь онъ, конечно, на ея собственный счетъ. Чѣмъ откровеннѣе мать признавалась ей въ своихъ обманутыхъ надеждахъ, тѣмъ громче чувство стыда говорило въ сердцѣ Наташи. Нѣтъ, ни за что она не выдастъ себя передъ нимъ! Лучше не видать его болѣе, разстаться съ дорогой мечтой, чѣмъ краснѣть передъ нимъ хоть одну минуту, чѣмъ допустить, чтобы онъ могъ считать ее соучастницею матери... И ни одна черта не дрогнула на ея лицѣ, когда она увидѣла Юрія; хоть сердце ея болѣзненно щемило, самый опытный глазъ не примѣтилъ бы въ ней и слѣда тревоги.

Юрія поразило ея самообладаніе; и теперь, съ странной непослѣдовательностью, онъ почувствовалъ себя почти оскорбленнымъ непонятной холодностью ея обращенія. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ онъ готовъ былъ подозрѣвать ее въ недостойномъ расчетѣ. А те-

перь, когда она осмотрѣла его такъ спокойно, онъ внутренно упрекнулъ ее за это спокойствіе.

Но вотъ широко распахнулись двери въ столовую и все общество туда повалило. Тоскливо и вяло тянулся безконечный обѣдъ. Въ присутстіи столичной барыни всѣ держались чинно, стараясь казаться необыкновенно приличными. Хмуровъ силился глядѣть настоящимъ джентльменомъ и оттого выходилъ смѣшнымъ, но не забавнымъ. Мѣстныя дамы жеманно обмѣнивались шпильками. Три дѣвицы Бубановскія — Маничка, Соничка и Таничка, дома вышколенныя мамашей, сидѣли вытянутыя въ струнку и съ грустнымъ видомъ отказывались почти отъ всѣхъ блюдъ. За то докторъ Суперфосфатовъ ѣлъ, какъ двѣ акулы, разумѣется съ ножа, и на всѣхъ глядѣлъ со свирѣпою развязностью, точно онъ хотѣлъ показать, что онъ хозяевъ и гостей не ставитъ ни въ грошъ.

Но Марьѣ Борисовнѣ было не до этого: она внимательно наблюдала за Юріемъ и Наташей. Отъ нея не ускользнуло, конечно, что молодые люди встрѣтились холодно и за весь этотъ день другъ съ другомъ не говорили. За то теперь, какъ ни владѣла собою Наташа, она не могла согнать со своего лица налетѣвшее облако грусти. Наташу въ первый разъ поразила странная короткость, установившаяся между Юріемъ и Мери. Она сквозила въ каждомъ бѣгломъ взглядѣ, которымъ обмѣнивались они. И незнакомое до сихъ поръ Наташѣ ѣдкое чувство ревности кольнуло ее въ сердце. Она старалась осилить это чувство, но глаза ея противъ воли то и дѣло останавливались на Мери и затаенная тревога овладѣвала ею все сильнѣй. „Вотъ, стало быть, въ чемъ разгадка“, думалось ей, и въ то же время она упрекала себя за свое малодушіе: не все ли равно ей было теперь, когда она твердо рѣшила, что Юрій и она навсегда останутся чужими...

Гости разъѣхались рано. Остались только супруги Непрядвины да Хмуровъ, усѣвшійся съ хозяиномъ дома

за винтъ. На терассѣ, облокотясь на перила, стояли вдвоемъ Наташа и Олли. Дѣвочка тихо и нѣжно обняла Наташу рукой и, наклонясь къ ней, полушопотомъ сказала:

— Мнѣ такъ грустно сегодня, Наташа. Ты знаешь, мама объявила мнѣ, что мы черезъ двѣ недѣли уѣзжаемъ заграницу.

— Отчего же тебѣ грустно? Ты развѣ не любишь путешествовать?

Олли тихо покачала головой.—Люблю да только не теперь... не въ этомъ году. Мнѣ здѣсь лучше нравится. Олли не объяснила, почему въ этомъ году именно ей не хотѣлось заграницу. Да и не могла она это объяснить. Неохота уѣхать съ матерью находилась въ связи съ цѣлымъ рядомъ не совсѣмъ ясныхъ ощущенiй, въ которыхъ она даже себѣ самой не отдавала отчета. Одно только она сознавала вполнѣ—ей не хотѣлось разстаться съ своимъ новымъ другомъ Наташей. Какъ всѣ дѣти, которымъ родители не выказываютъ любви, Олли сильно нуждалась въ посторонней привязанности, и она всѣмъ сердцемъ полюбила Наташу, тѣмъ сильнѣе, можетъ быть, что Наташа во всемъ была полнымъ контрастомъ Марьи Борисовны. Мать она любила робкою, почти запуганною любовью, и въ то же время ее отталкивалъ, возмущалъ весь складъ жизни этой самой матери. Странно мирились въ ней эти два чувства привязанности и отвращенiя, точно въ ея матери были два различныхъ существа—одно близкое и родное, ласкавшее ее и ходившее за нею въ первые годы дѣтства, другое—блестящая свѣтская женщина, отъ которой она почему то сторонилась.

Не любила она въ матери, какъ что то дурное, враждебное, не любила именно эту ея свѣтскость.

Какъ разъ за послѣднiе дни какiя то новыя, еще болѣе холодныя отношенiя возникли между ними, и эта ненавистная ей сторона жизни Марьи Борисовны выступила сильнѣе и отчетливѣе.

— Мнѣ бы такъ хотѣлось,—продолжала Олли,—чтобы мама отпустила меня къ вамъ, пока она будетъ заграницей. И твоя мать согласится, не правда ли

— Разумѣется согласится,—отвѣтила Наташа, но отвѣтила какъ то разсѣянно, и отъ чуткаго уха дѣвочки не ускользнулъ этотъ едва замѣтный оттѣнокъ.

Олли весь этотъ день сознавала, что Наташа не такая какъ всегда, и въ ней сказывалось неудержимое желаніе какъ-нибудь ее утѣшить. Она давно догадалась, что Наташа полюбила Юрія Двинскаго. И хотя онѣ прямо никогда про это не говорили, обѣ хорошо понимали, что эта важная для нихъ тайна то и дѣло подразумѣвается между ними.

— Да я напередъ знаю, что меня не пуститъ мама. Я даже не рѣшаюсь ее просить.

— Отчего же не пуститъ?—Наташа, говоря это, попробовала улыбнуться, но улыбка ея вышла необыкновенно грустной.

Этого Олли опять не могла объяснить. Увѣренность въ несогласіи матери какъ разъ была связана съ догадкой о какой-то затаенной враждѣ ея къ Наташѣ и съ тѣми смутными ощущеніями, которыя такъ пугали дѣвочку за послѣдніе дни.

— Тебѣ сегодня у насъ было скучно?—спросила Олли помолчавъ.

Наташа не отвѣтила.

— Я была бы такъ рада, такъ рада,—проговорила Олли, чуть слышно, наклоняя голову и какъ бы всматриваясь въ темноту. И вдругъ, не досказавъ своей мысли, она прибавила: я не удивляюсь, что тебѣ было скучно, я и сама не люблю, когда у насъ бываетъ много гостей. Когда я буду большая, я совсѣмъ не стану ѣздить въ свѣтъ...

— И какъ еще станешь!—разсмѣялась Наташа.

— Нѣтъ, я рѣшила. Знаешь что, сойдемъ въ садъ, хочешь?

— Пожалуй.

— Онѣ спустились съ террасы и, обнявшись, легкими шагами повернули вправо.

Ночь была тихая, ласкающая, теплая. По безоблачному небу, какъ золотыя брызги, разсыпались звѣзды, а мѣсяцъ, поднявшійся изъ за верхушекъ деревьевъ, дрожащими блестками серебрилъ листву и широкими мягкими лучами ложился на круглую лужайку передъ домомъ.

Молодыя дѣвушки вошли въ крытую аллею, обсаженную густыми рядами стриженныхъ липъ. Здѣсь онѣ усѣлись на скамейкѣ. Тихое, уединенное мѣсто располагало къ откровеннымъ признаніямъ.

Олли вдругъ какъ то разомъ показалось, что теперь можно совсѣмъ прямо и открыто говорить съ Наташей.

— Ты мнѣ вотъ что скажи,—начала она,—отчего ты сегодня такъ странно... вела себя съ Двинскимъ, точно между вами черная кошка пробѣжала?

Она лукаво взглянула на старшую подругу, но веселое выраженіе тотчасъ исчезло съ ея губъ: до того строго глядѣло лицо Наташи.

— Никогда мнѣ не говори про это, Олли, никогда!— отвѣтила она взволнованнымъ голосомъ.—Ты не знаешь и не можешь понять...

Наташа не договорила. Въ эту самую минуту со стороны дома послышались чьи-то шаги и мгновеніе спустя изъ-за деревьевъ, все облитое луннымъ сіяніемъ, показалось бѣлое платье Марьи Борисовны. Ея длинный шлейфъ слабо шуршалъ по песку дорожки. Она шла, опершись на руку Двинскаго, наклонивъ голову къ нему, и въ отвѣтъ на его слова засмѣялась тихимъ, но счастливымъ смѣхомъ, какъ смѣются тогда только, когда очень хорошо на душѣ и бываешь вдвоемъ съ близкимъ, дорогимъ человѣкомъ. Они подвигались медленно, продолжая говорить другъ съ другомъ, но такъ, что словъ ихъ не было слышно; изрѣдка только въ голосѣ Мери вырывалась звонкая серебристая нотка. Дѣвушки притаили дыханіе. Онѣ сперва хотѣли встать, но что-то ихъ приковало къ мѣсту.

Мери и Двинскій проходили теперь мимо самыхъ липъ, за которыми онѣ сидѣли.

— Ну, а вашъ отъѣздъ? — отчетливо услышали онѣ теперь слова Мери и въ свѣтѣ мѣсяца могли ясно разглядѣть блестѣвшее отъ задорнаго оживленія лицо молодой женщины.

— Я остаюсь здѣсь, пока не уѣдете вы,—отвѣтилъ Юрій, прямо вглядываясь въ это лицо. Вѣдь вы это знаете.

— Ну что-жъ, коли знаю!—продолжала дразнить его Мери.

— Такъ знайте также, — опять послышался голосъ Юрія,—что куда бы вы ни уѣхали отсюда, я послѣдую за вами, потому что въ жизни теперь для меня ничто не дорого, кромѣ васъ одной!...

— Полноте, вы слишкомъ умный человѣкъ, чтобы говорить такіе пустяки, хоть это можетъ быть и очень трогательные пустяки...

Она опять разсмѣялась. Они повернули въ другую аллею и мало по малу голоса ихъ замерли, какъ бы окунувшись въ тишину ночи.

Олли вдругъ почувствовала, какъ рука Наташи, опершаяся объ ея локоть, затряслась и похолодѣла. Дѣвочка все разомъ поняла, точно мѣсяцъ, такъ равнодушно сіявшій, своимъ яркимъ свѣтомъ озарилъ ей жизнь и все то ужасное и отвратительное, что давно уже мерещилось ей въ родномъ домѣ. Она поняла тоже, что утѣшить Наташу нельзя никакими словами, что бываютъ тяжкія минуты, которыя надо перетерпѣть молча, потому что каждое, даже самое любящее слово можетъ только растравить открывшуюся рану; и она, не сказавъ ничего, тихо обвила станъ Наташи своей дѣтской ручкой и долгимъ, долгимъ поцѣлуемъ прильнула губами къ ея лицу.

XVII.

Гриша давно примѣчалъ странную перемѣну въ пріятелѣ. Юрій, прежде бывавшій въ Солнцевѣ чуть не каждый день, теперь слишкомъ двѣ недѣли тамъ не показывался, а сегодня въ Вороновѣ Наташа и онъ явно чуждались другъ друга. Что же такое случилось? Или Гриша ошибся въ своей догадкѣ? Онъ собирался разспросить про все это сестру въ тотъ же вечеръ. Но едва Непрядвины пріѣхали домой, Наташа ушла къ себѣ, объявивъ, что у нея сильно разболѣлась голова: она хотѣла избѣгнуть объясненія съ матерью. Лицо Варвары Петровны было мрачнѣе тучи и семейная буря очевидно надвигалась. Бѣдная дѣвушка чувствовала себя не въ силахъ лишній разъ выслушивать унизительные попреки матери. Ей надо было уединиться хоть на нѣсколько часовъ, чтобы овладѣть собой и спокойно встрѣтить ожидаемую грозу. Но грозы никакой не случилось. Варвара Петровна была такъ уничтожена, ея самолюбіе такъ страдало, что бороться она уже была не въ состояніи. Она сложила оружіе. Къ тому же блѣдное лицо Наташи разшевелило въ ней материнскую нѣжность и ей захотѣлось приласкать дочь. Но для Наташи ласки матери были едва ли не тяжелѣе упрековъ, и на слѣдующее утро, едва поздоровавшее съ нею, она поспѣшила сойти въ садъ. Еще наканунѣ ей казалось, что она давно освоилась съ мыслью о неизбѣжномъ разрывѣ съ Юріемъ.

— Ну, мой дружокъ,—услышала она вдругъ за собой голосъ брата, прозвучавшій какъ-то особенно нѣжно, — она и не примѣтила, какъ подошелъ къ ней Гриша, — мы одни, насъ здѣсь никто не услышитъ,— онъ взялъ ея руку и положилъ въ свою, — ты, надѣюсь, со мной будешь совсѣмъ откровенна... Что такое, скажи пожалуйста, у тебя произошло съ Юріемъ? От-

куда такая перемѣна? Были вы, кажется, друзья закадычные, а вчера васъ обоихъ точно морозомъ подернуло...

Вотъ оно — то самое, чего Наташа такъ боялась... И передъ нимъ тоже, передъ братомъ, съ которымъ она привыкла дѣлиться каждымъ своимъ ощущеніемъ, надо скрытничать и притворяться. Да, передъ нимъ особенно: вѣдь Двинскій его лучшій пріятель и эти давнишнія, хорошія отношенія не должны пострадать по ея винѣ.

Увѣряю тебя,—сказала Наташа, стараясь улыбнуться, — ничего особеннаго не было вчера; тебѣ, должно быть, показалось.

— Ну вотъ еще, будто я не примѣтилъ! Двумя словами вчера не перекинулась съ человѣкомъ, съ которымъ прежде по цѣлымъ часамъ болтала. И не это одно — слишкомъ двѣ недѣли, какъ Юрій къ намъ ни ногой. Мнѣ это такъ странно показалось, что мнѣ самому вчера было какъ-то неловко говорить съ нимъ по-старому.

Гриша, въ самомъ дѣлѣ, въ Вороновѣ держалъ себя съ пріятелемъ холодно и былъ крайне обиженъ тѣмъ, что Юрій этого какъ будто не примѣчалъ.

— А я, признаться, думалъ, что у васъ давно все слажено и вы только до поры до времени секретничаете, какъ оно и подобаетъ счастливымъ влюбленнымъ...

Наташа отвернула лицо отъ брата, чтобы онъ не примѣтилъ ея волненія. Страшнаго усилія надъ собой стоили ей спокойныя слова, которыя она проговорила въ отвѣтъ ровнымъ, недрогнувшимъ голосомъ.

— Ты совершенно ошибаешься, Гриша. У Юрія Александровича ничего подобнаго и въ мысляхъ не было, а что касается меня...

— Такъ зачѣмъ же въ такомъ случаѣ, — горячо перебилъ онъ сестру, — Юрій сюда ѣздилъ такъ часто и велъ съ тобой эти нескромные разговоры? Нѣтъ, какъ хочешь...

— Какія у тебя странныя понятія, — не дала она ему договорить, — намъ было пріятно вдвоемъ, вотъ и все. Развѣ нельзя разговаривать другъ съ другомъ безъ того, чтобы тутъ непремѣнно было ухаживанье? или, по твоему, это неприлично? Какой ты смѣшной! Такъ думаютъ только маменьки стараго покроя.

Ей удалось придать своимъ словамъ легкій, шутливый тонъ.

— Ты меня понять не хочешь,— нетерпѣливо возразилъ Гриша, совсѣмъ не подозрѣвавшій, какой пыткѣ онъ подвергаетъ сестру, — что тутъ за приличія, Богъ съ ними! Мнѣ просто казалось, что вы сошлись. Да и почему же нѣтъ? Вы какъ нельзя лучше подходите другъ къ другу.

— Ну такъ вотъ что на это я тебѣ скажу, Гриша, — отвѣтила она, покачавъ головой. — Знай, что еслибы даже — пойми, я говорю это такъ только, ничего вѣдь въ сущности не было — еслибы даже твой пріятель захотѣлъ на мнѣ жениться, я бы за него не пошла!

— Вотъ какъ! — Гриша развелъ руками. — Не нравится онъ тебѣ, что ли?

— Тебѣ это страннымъ, дикимъ кажется? вѣдь по твоему Юрій Александровичъ блестящая партія и я бы должна быть рада...

— Кто про это говоритъ! Я вѣдь хорошо знаю, что ты не въ состояніи себя унизить до такихъ соображеній. Но Юрій уменъ и вдобавокъ отличный человѣкъ.

— Можетъ быть... Но вѣдь не выходятъ за человѣка изъ за того, что онъ умный и хорошій, не правда ли? И я пойду за такого только, у кого одинакіе со мною понятія и вкусы.

— Ну, а коли такой человѣкъ тебѣ не подвернется, что тогда? въ старыя дѣвы записаться намѣрена?

— Хоть и въ старыя дѣвы... я этого не боюсь. Я вѣдь давно знаю, что дорога, которую я себѣ выбрала, не ведетъ къ тому, что принято называть счастьемъ.

Слова Наташи далеко не убѣдили брата. Онъ все еще подозрѣвалъ, что настоящей правды она ему не говоритъ. — Трудно разобрать, — пробормоталъ онъ недовольнымъ тономъ, — чего вы, барышни, собственно хотите. Очень вы ужъ мудреныя.

Но хотя разговоръ съ сестрой оставилъ въ немъ смутное чувство неудовлетворенности, Гриша все таки былъ радъ, что ему не въ чемъ упрекнуть пріятеля. Наташѣ удалось таки выгородить Юрія и она говорила себѣ, что теперь, по крайней мѣрѣ, родные оставятъ ее въ покоѣ и ей можно будетъ вернуться къ прежнимъ дорогимъ занятіямъ, совсѣмъ позабытымъ за послѣднее время. И она ужъ не дастъ себя сбить съ настоящаго пути.

А на самомъ дѣлѣ случай сыгралъ съ нею злую шутку. Слова Юрія, услышанные ею наканунѣ, его увѣренія, будто Мери для него дороже всего на свѣтѣ въ сущности далеко не выражали того, что онъ на самомъ дѣлѣ чувствовалъ. Это была лишь одна изъ тѣхъ преувеличенныхъ фразъ, которыя такъ легко вырываются въ пылу мгновеннаго увлеченія. И если бы Юрій могъ знать, что эти, пущенныя имъ на вѣтеръ, слова надолго его свяжутъ, какъ настоящее торжественное обѣщаніе, онъ бы не произнесъ ихъ, конечно; но судьба часто подстерегаетъ людей на каждомъ необдуманномъ словѣ и вынуждаетъ за него платиться иной разъ дорогою цѣной.

Избалованное самолюбіе Юрія было оскорблено явною холодностью Наташи, когда они встрѣтились въ Вороновѣ, и онъ съ умысломъ отвѣтилъ ей такою же холодностью. Но уже на слѣдующій день въ немъ заговорило раскаяніе: вѣдь онъ въ сущности былъ не правъ передъ Наташей. Онъ зналъ ее хорошо, зналъ, что въ ея сердце не можетъ проникнуть низменное чувство, какъ мутная капля не въ силахъ загрязнить прозрачную ключевую струю. Юрій не позабылъ еще тѣхъ хорошихъ минутъ, которыя онъ провелъ вмѣстѣ

съ нею, и онъ застыдился глупой вспышки своего минутнаго раздраженія. Ему захотѣлось еще разъ передъ отъѣздомъ повидаться съ молодой дѣвушкой, чтобы заставить ее позабыть о случившемся. Нѣсколько дней спустя онъ поѣхалъ въ Солнцево.

У самаго крыльца Непрядвинскаго дома онъ увидѣлъ Наташу. Она только что вышла и куда-то собиралась.

— Я къ вамъ, чтобы проститься,—сказалъ онъ, выскакивая изъ коляски и подходя къ ней.

Краска ярко зажглась на ея лицѣ и въ глазахъ вспыхнули искры. Простой дружескій тонъ Юрія вызвалъ у нея негодующее чувство. Ее возмутило даже, что Юрій такъ беззастѣнчиво протянулъ ей руку. Наташа едва до нея прикоснулась, не отвѣчая на его пожатіе. Но самообладаніе и тутъ ей не измѣнило: глаза ея тотчасъ потухли и кровь, бросившаяся ей въ лицо, отхлынула назадъ.

— Вы меня примете, надѣюсь? — спросилъ онъ, нѣсколько озадаченный.

— Матушка васъ приметъ, она дома, а меня, Юрій Александровичъ, вы извините: у меня есть дѣло.

— И неотложное дѣло, Наталья Михайловна?—И голосъ его опять прозвучалъ холодно, какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ Вороновѣ.

— По крайней мѣрѣ для меня. Я иду больную одну навѣстить. Вы, вѣдь, знаете, я большая охотница возиться съ больными, а въ послѣднее время я часто про нихъ забывала.

— И за это васъ упрекаетъ совѣсть? —чуть-чуть насмѣшливо сказалъ Юрій.—Въ такомъ случаѣ я не смѣю васъ удерживать...

Съ минуту они постояли другъ передъ другомъ, не находя словъ, чтобы заговорить опять. Что-то почти враждебное было въ молчаливомъ взглядѣ, которымъ они обмѣнивались, а между тѣмъ имъ обоимъ такъ хотѣлось разсѣять это набѣжавшее облако вражды и не-

довѣрія и такъ легко имъ было это сдѣлать!.. Но гордость имъ не дала высказаться.

— Такъ до свиданія же, князь, — твердымъ и равнодушнымъ голосомъ проговорила Наташа, на этотъ разъ сама протягивая ему руку, — вы скоро думаете ѣхать?

Онъ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, самъ не зная, что именно, и простился съ нею. Юрій дорого бы далъ, чтобы вовсе не входить въ этотъ домъ, къ которому онъ вдругъ почувствовалъ отвращеніе, но дѣлать было нечего: объ немъ уже доложили и волей-неволей Юрій долженъ былъ ради приличія обречь себя на скучный разговоръ съ Варварой Петровной. Остался онъ съ ней, разумѣется, недолго; и полчаса спустя онъ уже скакалъ домой, твердо рѣшивъ, что въ Солнцево онъ уже не вернется никогда. Поведеніе Наташи онъ объяснилъ причудливымъ кокетствомъ провинціальной барышни.

„Не стану я ломать себѣ головы надъ этой загадкой, подумалъ онъ, очень мнѣ нужно знать, что-за капризы могутъ быть у этой дѣвочки“... И Юрій увѣрялъ себя, что онъ совершеннно равнодушенъ къ этимъ капризамъ.

Марія Борисовна торжествовала побѣду. Раздраженное самолюбіе Юрія отдало его совсѣмъ въ ея власть. Онъ болѣе не пытался вырваться изъ тонкой паутины, которою незамѣтно опутала его Мери. Прежде онъ смотрѣлъ на свои отношенія къ ней, какъ на игру въ любовь, нѣтъ даже не въ любовь, а въ какое-то соблазнительное товарищество съ бойкой, увлекательной женщиной. Это было не болѣе, какъ легкое опьяненіе, отъ котораго едва загоралась его кровь. Но, мало по малу, онъ все съ большею жадностью упивался своимъ чувствомъ и голова его сильнѣе кружилась. Юрій настойчиво, хотя и безсознательно можетъ быть, шелъ теперь къ той самой цѣли, передъ которой онъ недавно еще отшатнулся почти съ отвращеніемъ.

А сама Мери, легкомысленная Мери, привыкшая всѣмъ шутить, привязалась къ Юрію со всею непоча-

чатою страстью первой любви. До встрѣчи съ нимъ она не любила. Она даже не вѣрила въ потребность любить и посмѣивалась надъ увлеченіями другихъ женщинъ. Рано, почти дѣвочкой, выданная за Столѣнина, она смотрѣла на свою замужнюю жизнь, какъ на роскошную забаву, въ которой мужъ былъ удобнымъ поставщикомъ развлеченій. Она сразу вошла въ кругъ его пріятелей и привыкла на нихъ смотрѣть, какъ на какое-то дополненіе къ меблировкѣ своего дома. Беззастѣнчивая фамильярность, которую она усвоила въ обращеніи съ ними, лучше оберегала ее отъ искушенія, чѣмъ могъ бы то сдѣлать авторитетъ мужа. Мери слишкомъ привыкла смотрѣть на своихъ друзей, какъ на пустыхъ забавниковъ, чтобы кто-либо изъ нихъ могъ нарушить спокойное теченіе ея жизни. Раза два кое-кто изъ нихъ пытался выйти изъ своей роли шутника — такая женщина, какъ Мери, даже этимъ людямъ казалась легкою добычей. Но едва она подмѣчала такую перемѣну въ тонѣ, ея неумолимая, холодная насмѣшливость останавливала такія попытки на первыхъ же порахъ. Воображеніе у нея было разнуздано, какъ у самой порочной женщины, но кровь оставалась спокойною.

Не то было съ Юріемъ. Прежде она встрѣчалась съ нимъ лишь мелькомъ, онъ даже словно чуждался ея. И какъ разъ потому, что онъ стоялъ вдали отъ ея привычнаго круга, она смотрѣла на него совсѣмъ иными глазами. Онъ имѣлъ для нея обаяніе новизны, и ея избалованному тщеславію захотѣлось привязать къ себѣ этого чужого ей человѣка, такъ долго не поддававшагося ея власти. Сперва она занялась этимъ только какъ забавой, но его зараждающаяся любовь къ Наташѣ подстрекнула и раззадорила ее. Мери вдругъ поняла, что въ ея сердцѣ, наконецъ, зашевелилось настоящее чувство, а это открытіе вызвало въ ней живую радость, точно она неожиданно вступила въ новый очарованный міръ чистыхъ ощущеній. Бороться съ своей страстью она и не думала. Да во имя чего она бы и стала бо-

роться? Чувство долга? Но она такъ часто насмѣхалась надъ нимъ, что оно давно обратилось для нея въ пошлую фразу. Привычка всѣмъ шутить подорвала въ ней всѣ нравственныя понятія. Ей самой, правда, казалось, что у нея есть религіозныя вѣрованія, сохранившіяся съ дѣтства—она, вѣдь, ходила въ церковь, молилась утромъ и вечеромъ не очень горячо, но чистосердечно молилась. И все-таки эти вѣрованія жили въ ея душѣ, какъ пустые отголоски давно заглохнувшаго чувства, какъ туманное созданіе, готовое разлетѣться отъ перваго солнечнаго луча.

Въ старинныхъ могильныхъ склепахъ находятъ иногда останки умершихъ людей, удивительно сохранившіеся въ теченіи многихъ вѣковъ, но стоитъ ихъ вынести на открытый воздухъ. они разсыпаются какъ пыль. Таковы были и нравственныя убѣжденія Мери. Мысль объ ея обязанностяхъ передъ мужемъ не только ее не останавливала, она вызывала у молодой женщины презрительную улыбку. Мери была увѣрена, что Владиміръ Валеріановичъ не посмѣетъ даже заикнуться передъ нею о своихъ правахъ. Онъ сдѣлалъ, правда, слабую попытку заявить какой - то протестъ, удержать жену отъ послѣдняго рокового шага и при этомъ прибѣгнулъ къ своему обычному оружію—къ насмѣшкѣ. Какъ всѣ слабые люди, онъ видѣлъ въ ней единственную защиту своего достоинства. Столѣнинъ попробовалъ, оставшись разъ съ женою послѣ отъѣзда Юрія, намекнуть ей полушутливымъ, полугрозящимъ тономъ на опасность ея сближенія съ молодымъ княземъ. Онъ думалъ, несчастный, что его беззубая иронія можетъ, пожалуй, расхолодить жену, бросая какую-то комическую, опошляющую тѣнь на ея чувства къ Юрію. Но Мери не оставила ему и этой надежды. Она безжалостно напомнила ему всю его собственную жизнь, его нелѣпое мотовство, его холодную развращенность, среди которой погибла у него вся бодрость сердца и ума. И она спросила, во имя чего онъ думаетъ заявлять о своихъ правахъ и какъ смѣетъ онъ говорить о

нравственномъ долгѣ, онъ, чья жизнь была сплошною насмѣшкою надъ этимъ долгомъ. Столѣнинъ не повторялъ уже своихъ неудачныхъ увѣщаній, утѣшая себя тѣмъ, что не онъ первый, не онъ и послѣдній.

Не могъ удержать Мери и страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ: она, вѣдь, давно по опыту знала, что оно, какъ соломенное чучело, страшно для тѣхъ только, кто его боится. Свою власть это пугало сохранило только на сценѣ, какъ привычная драматическая пружина, и Мери, часто сидя въ своей ложѣ въ Михайловскомъ театрѣ, смѣялась надъ тревогою преступныхъ героинь, готовыхъ на все, даже на смерть, чтобы избѣжать огласки. Она вѣдь знала, что въ свѣтѣ съ этой оглаской мирятся какъ нельзя лучше, что виновныхъ женъ давно перестала пугать ревность мужей, а, напротивъ, мужья боятся угрозы развода, который ставитъ ихъ передъ обществомъ въ такое глупое положеніе. Если жена сумѣетъ держать себя какъ слѣдуетъ, сочувствіе будетъ на ея сторонѣ. Правда, свѣтъ не прощаетъ скандала — хоть и на этотъ счетъ сильно притупились его нервы, — но развѣ съ нѣкоторою ловкостью такого скандала избѣгнуть нельзя, развѣ при характерѣ ея мужа, годнаго лишь на водевильныя роли, можно ожидать трагической развязки?

И Мери открыто, не смущаясь, шла на встрѣчу тому, чего такъ жаждала ея разгорѣвшаяся кровь. Когда она теперь видѣлась съ Юріемъ, глазами они уже ясно говорили другъ другу, чего оба они хотятъ съ неудержимою страстностью молодого чувства. И когда эта жгучая минута наступила, когда, наконецъ, онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, образъ Наташи уже не стоялъ передъ нимъ, какъ въ первый разъ и укоряющій голосъ совѣсти уже не слышался ему среди охватившаго его счастливаго опьянѣнія.

XVIII.

Сентябрь приходилъ къ концу. Вороново давно опустѣло. Въ самыхъ первыхъ числахъ Марья Борисовна съ мужемъ уѣхала за границу на морскія купанья, а вслѣдъ за ними черезъ нѣсколько дней уѣхалъ и Двинскій. Въ Петербургѣ онъ пробылъ не долго, поспѣшивъ выхлопотать себѣ отпускъ. Онъ совсѣмъ забылъ про свои недавніе планы; для него теперь все поблѣднѣло и стушевалось передъ жгучей прелестью его новой любви. Юрію казалось, что онъ никогда еще, даже въ первые годы юности не любилъ, какъ теперь, и, очертя голову, съ пыломъ неудержимаго увлеченія онъ какъ бы окунулся въ нахлынувшую на него бурную волну.

Варвара Петровна дала волю своему гнѣвному разочарованію и не щадила уже ни прежняго любимца, ни четы Столѣниныхъ. Недавнія еще подобострастныя отношенія къ нимъ она совсѣмъ позабыла и, говоря объ нихъ, недвусмысленно выражала свое добродѣтельное негодованіе.

— Ну, чего расходилась, матушка? не разъ пробовалъ ее останавливать Михаилъ Андреевичъ. Но его раздраженная супруга не унималась и ядовито возражала, что, должно быть, онъ имѣетъ свои причины смотрѣть такъ снисходительно на скандальное поведеніе этой потерянной женщины.

Надъ семьею Непрядвиныхъ собирались густѣвшія тучи. Глухой разладъ между женой и мужемъ, прежде выражавшійся мимолетными вспышками, теперь разроссял въ постоянную, уже не скрытую вражду. Варвара Петровна каждый день сыпала колкими замѣчаніями и Михаилъ Андреевичъ, выведенный изъ терпѣнія, не разъ отвѣчалъ на нихъ, что дома теперь житья нѣтъ: и не мудрено, коли ему приходится искать раз-

влеченій и отдыха на сторонѣ. Подъ этимъ отдыхомъ онъ разумѣлъ госпожу Бакалейцеву, и Варвара Петровна про себя часто проклинала близость желѣзной дороги, благодаря которой мужу было такъ удобно повторять свои поѣздки въ губернскій городъ подъ благовиднымъ предлогомъ неотложныхъ дѣлъ. Послѣдствіемъ этихъ поѣздокъ были финансовыя затрудненія, вызванныя рыцарскою щедростью Михаила Андреевича къ дамѣ его сердца; и, несмотря на обильный урожай, владѣтель Солнцева уже часто помышлялъ о залогѣ своего имѣнія въ банкѣ. Варвара Петровна все настойчивѣе говорила о необходимости переѣхать въ Петербургъ. „Коли ужъ дѣлать долги, разсуждала она съ собой, такъ не для того, по крайней мѣрѣ, чтобы разоряться на провинціальныхъ дамочекъ. Въ Петербургѣ Михаилъ Андреевичъ можетъ получить хорошее мѣсто, да и Гришу пристроить на службу въ одно изъ министерствъ... Да и, наконецъ, отчего же ей одной обрекать себя на скучную деревенскую жизнь, когда ея мужъ на старости лѣтъ соритъ деньгами на юношескія шалости“... Своеобразная женская логика доводила Варвару Петровну до страннаго заключенія, что коли мужъ тратитъ деньги не по средствамъ, то зачѣмъ же ей отставать и приносить себя въ жертву, когда онъ этого не умѣетъ цѣнить. И у Варвары Петровны былъ на лицо готовый предлогъ, чтобы оправдать себя въ собственныхъ глазахъ. Надо было позаботиться о подроставшихъ мальчикахъ: „нельзя же ихъ вѣчно оставлять на рукахъ у этого неотесаннаго Клирова, который въ наукахъ немного смыслитъ, думала Варвара Петровна, а Петербургскія гимназіи ужъ, конечно, много лучше провинціальныхъ... И Наташа тоже, — нельзя ей вѣчно сидѣть въ захолустьѣ... Ее надо людямъ показать, а то жди здѣсь, въ Солнцевѣ, пока для нея женихъ подвернется“.

Наташу Варвара Петровна теперь оставляла въ покоѣ и дочь была ей благодарна хоть за это. Молодая

дѣвушка отдалась прежнимъ занятіямъ и съ начала сентября каждый день ходила въ сельскую школу учить дѣтей, но прежняго усердія въ ней уже не было. Наташа себя за это упрекала. Но какъ ни старалась она возродить въ себѣ угаснувшее рвеніе, она чувствовала, что любимыя занятія стали для нея чѣмъ-то безжизненнымъ.

— Что съ тобой, Наташа?—часто спрашивалъ у нея братъ, съ удивленіемъ замѣчавшій, что она, прежде такая дѣятельная и живая, теперь по цѣлымъ часамъ сидитъ безъ дѣла, погрузившись въ тяжелую думу.

И Наташа, бывало, вскинетъ на брата разсѣянный взглядъ и покачаетъ головой. Она даже избѣгала разговаривать съ Гришей: и съ нимъ она не могла быть откровенной, тѣмъ болѣе, что и самой себѣ она не хотѣла признаться въ настоящей причинѣ овладѣвшаго ею тоскливаго равнодушія.

Да и на самого Гришу осенніе дни тоже нагнали какое-то уныніе, словно вѣтеръ, тоскливо завывавшій по саду, кружа по дорожкамъ сорванные поблекшіе листья, грустно твердилъ ему о несбывшихся мечтахъ. И въ самомъ дѣлѣ, лѣто въ деревнѣ, отъ котораго Гриша ждалъ такъ много хорошаго, оставило по себѣ невеселую память. Ни про что нельзя было заговорить съ родными, не затронувъ наболѣвшаго мѣста, не вызвавъ горькаго отвѣта, точно всѣмъ имъ пріѣлась долголѣтняя совмѣстная жизнь. Да и съ Юріемъ тоже онъ простился совсѣмъ не такъ, какъ встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ. Гриша смутно чувствовалъ, что прежней близости уже нѣтъ, хоть и не могъ себѣ объяснить, откуда взялась перемѣна.

На Соколовскомъ хуторѣ тоже дѣло что-то пошло не совсѣмъ ладно. Книжная мудрость Гриши дала таки себя знать неизбѣжными промахами: зеленя глядѣли не весело, не въ примѣръ хуже, чѣмъ въ Солнцевѣ; новая выписанная молотилка мудреной конструкціи работала плохо, а когда свели счеты за все лѣто, оказа-

лось, что управленіе Гриши обошлось значительно дороже прежняго незамысловатаго хозяйства. Данилычъ злорадно потиралъ себѣ руки, хотя въ присутствіи господъ и глядѣлъ такимъ же смиреннымъ какъ всегда. А Михаилъ Андреевичъ, когда сынъ принесъ ему повинную, прочелъ ему суровую нотацію.

— Ну, что я тебѣ говорилъ? Я напередъ зналъ, что будетъ такъ. Нѣтъ, братъ, по книгамъ хозяйничать нельзя, нельзя пренебрегать давнишнимъ опытомъ. Ты все на Данилыча нападаешь, а посмотри, какъ у него дѣло идетъ гладко. Я поопытнѣе тебя, а съ нимъ не перестаю совѣтоваться. Нѣтъ, какъ хочешь, далъ я тебѣ побаловаться, а теперь полно. Тебѣ учиться надо, а не хозяйничать. Да и всѣ вы, молодые люди, на прыть горазды, а на повѣрку то выходитъ, что вы намъ старикамъ не чета.

Михаилъ Андреевичъ былъ какъ будто радъ неудачѣ сына. Онъ совершенно позабылъ въ эту минуту, какіе промахи надѣлалъ онъ самъ, и какъ мало пошла ему въ прокъ его двадцатилѣтняя опытность. Гриша не возражалъ отцу и покорно возвратилъ бразды правленія Данилычу. Но съ этой минуты деревенское житье утратило для него всякую прелесть.

Разочаровался онъ и въ своемъ поклоненіи народу. Случилось это вотъ какъ. Въ одно пасмурное сентябрьское утро на задворкахъ за крестьянскими избами въ Солнцевѣ нашли лежавшее на землѣ за плетнемъ окровавленное тѣло того самаго богача Степана, который внушилъ Гришѣ такое уваженіе къ своей крѣпкой домовитости. У Степана въ двухъ мѣстахъ была пробита голова, липкая грязь съ запекшеюся кровью безобразила его правильное, строгое лицо. Село переполошилось. Побѣжали кто за старшиной, кто за урядникомъ, и въ ожиданіи властей къ убитому былъ приставленъ караулъ. До тѣла не смѣли дотронуться, а богачъ Степанъ—первый мужикъ на селѣ—лежалъ неподвижно подъ мелкимъ осеннимъ дождемъ и одинъ только вѣтеръ сво-

бодно касался его, играя сѣдыми волосами. Недолго пришлось искать и орудіе преступленія, и самого убійцу. На землѣ въ двухъ шагахъ отъ Степана лежалъ топоръ съ окровавленнымъ обухомъ, а изъ волости привели, связавъ ему руки веревкой, Степанова сына, Карнѣя, во всемъ повинившагося старшинѣ.

Узнавъ о случившемся, Гриша тотчасъ поспѣшилъ къ Степанову двору. Тамъ, у плетня, тѣло убитаго обступила кучка мужиковъ. Старшина важно распоряжался: бабы голосили, вызывая презрительныя насмѣшки стариковъ. Приникнувъ къ трупу, громко рыдала красивая, рослая молодуха.

Карнѣй, потупивъ глаза, стоялъ передъ убитымъ отцомъ съ холоднымъ безжизненнымъ выраженіемъ на лицѣ. Гриша не вѣрилъ глазамъ. Это былъ тотъ самый Карнѣй, спасшій ему жизнь, веселый, добрый парень, вѣчный балагуръ и въ то же время такой усердный къ работѣ. И онъ могъ совершить такое ужасное дѣло и теперь глядѣть на трупъ отца съ такимъ отвратительнымъ безучастіемъ!..

Карнѣй не думалъ запираться: поклонившись въ поясъ собравшимся односельчанамъ, онъ разсказалъ, какъ все было.

Степанъ овдовѣлъ два года назадъ и съ тѣхъ поръ сошелся съ женою старшаго сына Василія, котораго и отправилъ, какъ водится, на заработокъ въ Петербургъ. Василій былъ тихоня по природѣ и безпрекословно далъ себя услать изъ дому. Въ Петербургѣ онъ скоро забылъ про жену и сталъ запивать. Отецъ на него махнулъ рукой и не требовалъ его назадъ. Любо старику было житье съ крѣпкой, здоровой молодухой. Но вотъ за послѣднее время Пелагея—такъ звали жену старшаго сына—должно быть пріѣлась Степану и онъ сталъ подлаживаться къ женѣ младшаго сына, Аннѣ. Та была женщина совсѣмъ иного рода: тихая, скромная, невысокаго роста, съ тонкими, правильными чертами лица. Анна, любившая мужа, долго не поддавалась свекору. Дома ей житья не

было ни отъ Степана, ни отъ сварливой Пелагеи. Степанъ то приставалъ къ ней съ ласками, то бранилъ ее и даже колотилъ, а Пелагея никому не давала покою своей руганью. Она привыкла быть первою въ домѣ и неистово злобилась на Анну. Бѣдная женщина долго не смѣла признаться мужу, но, наконецъ, ей стало невтерпежъ и разъ ночью она ушла изъ дому на Соколовскій хуторъ, гдѣ жилъ Карнѣй. Молодой малый, всегда покорный отцу, не вытерпѣлъ однако кровной обиды. Съ женой онъ обошелся грубо—проучить бабу вѣдь никогда не мѣшаетъ,—а съ отцомъ у него произошло бурное объясненіе. Степанъ, выведенный изъ себя, пригрозилъ домашнимъ, что Пелагею онъ выгонитъ изъ дому, а Карнѣя отправитъ въ Петербургъ. На это сынъ ему объявилъ, что на такой случай онъ и жену возьметъ съ собой. Но не тутъ то было: привыкши властвовать надъ домашними, разгнѣванный Степанъ занесъ руку на сына. „Я на тебя управу найду", раскричался онъ, „коли ты вздумалъ у меня изъ послушанія выйти. Отведутъ тебя въ волость да тамъ проучатъ не по-моему. Коли я говорю, что ты должо̀нъ въ Питеръ идти, деньгу зарабатывать, ты мнѣ перечить не смѣй, а про то, чтобы Анну съ собой брать, ты и думать не моги".

Пока на томъ дѣло и стало. Карнѣй вернулся на хуторъ и прожилъ тамъ еще съ недѣлю угрюмый и молчаливый. Другіе парни его тѣмъ временемъ дразнили, что жена его дома избаловалась, живя въ милости у свекора. Отъ такихъ рѣчей у Карнѣя глаза загорѣлись. Но вотъ наканунѣ этого самаго дня Анна опять прибѣжала на хуторъ и бросилась къ нему въ ноги. „Возьми меня изъ дому", завопила она, „а то я на себя руки наложу. Пристаетъ ко мнѣ твой отецъ—безпутникъ такъ, что и мочи нѣтъ. А сегодня избилъ онъ меня всю, одежонку даже изодралъ совсѣмъ"...

Тутъ у Карнѣя въ умѣ помутилось... Онъ пошелъ въ Солнцево, захвативъ съ собою топоръ, самъ не зная для чего. Подходя къ отцовской избѣ, на задворкахъ

онъ наткнулся на Степана, возвращавшагося съ гумна. Отецъ накинулся на него съ бранью.

— Тутъ я его и порѣшилъ,—сказалъ Карнѣй,—не въ моготу стало. Тяжкій грѣхъ на душу принялъ; а теперь пускай меня судятъ. Самъ знаю, что пропащій я человѣкъ.

— Въ Питеръ не хотѣлъ идти,—сухо засмѣялся на это старшина, — а теперь, небось, подальше тебя отправятъ.

Гриша не сводилъ глазъ съ Карнѣя, не рѣшаясь къ нему подойти. Онъ весь холодѣлъ отъ ужаса и омерзѣнія. Но вотъ изъ Степановой избы вышла нетвердою поступью совсѣмъ молоденькая, стройная баба съ заплаканными глазами. Она подошла къ мужу и бросилась ему въ ноги.

— Что ты надѣлалъ, касатикъ, — зарыдала она, — грѣхъ-то какой, охъ Господи! И что съ тобою-то будетъ!

Но у Карнѣя сурово насупились брови. — Пошла прочь! — крикнулъ онъ на жену, толкнувъ ее ногой.— Изъ-за тебя, мерзавка, все это вышло. Пошла съ глазъ долой!

Но Анна продолжала лежать на землѣ, громко всхлыпывая. Вдругъ, услыша ея голосъ, подняла голову женщина, стоявшая на колѣняхъ возлѣ трупа. Это была Пелагея. Она стремительно набросилась на соперницу.

— Чего ревешь-то подлая? Тебѣ бы стыдиться людямъ на глаза показываться! Ты всему вина, ты змѣя подколодная...

Карнѣй повелъ глазами на Пелагею, не сказавъ ни слова; только лицо его вспыхнуло и губы задрожали.

— И кому теперь хозяиномъ быть, кому? — продолжала вопить Пелагея. — Пропадетъ нашъ домъ, пропадетъ...

До сихъ поръ она не глядѣла на Карнѣя, сосредоточивъ весь свой гнѣвъ на своячeницѣ, но тутъ она бросила на него взглядъ ненависти и презрѣнія.

— Вотъ ты что надѣлалъ, окаянный! Полюбуйся.

— Да вѣстимо, — проговорилъ тутъ одинъ изъ старшихъ мужиковъ, — душу съ васъ, небось, міръ то скинетъ. На што вамъ земли то столько теперь?

— Слышь, что говорятъ люди? — мотнувъ головой, добавила Пелагея, — такъ оно и будетъ, без премѣнно такъ!

— А мужъ твой, Василій — сказалъ старшина, — его вернуть надо.

— Да что онъ, мужъ! пропойца, безпутникъ! Былъ у насъ хозяинъ настоящій, да вонъ что съ нимъ подѣлали...

Она заплакала.—И все черезъ нее, черезъ подлую!— опять закричала Пелагея на свяченицу.

— Ступай, Анна, ступай! Говорю тебѣ ступай!—необыкновенно тихимъ голосомъ произнесъ Карнѣй.

Долѣе Гриша вытерпѣть не могъ — слишкомъ ужъ тяжело было ему глядѣть на эту сцену. Онъ отвернулся и пошелъ къ усадьбѣ. „Такъ вотъ стало быть, раздумывалъ онъ, прочные семейные порядки: хороши они, нечего сказать, и въ народѣ!“

И всего отвратительнѣе ему было то, что на ряду съ ужасной семейной драмой такъ прямо выступали наружу грубые будничные разсчеты, — этотъ вопросъ о хозяйствѣ, недавно еще богатомъ и прочномъ, надъ которымъ уже сосѣди заносили свою завистливую руку. Какъ всѣ очень молодые люди, Гриша весь отдался впечатлѣнію рѣзкаго факта и тутъ же обобщилъ его. Вся крестьянская жизнь, которой онъ недавно восхищался, показалась ему вдругъ сотканною изъ грязнаго разврата, грубаго насилія и мелкаго хищничества.

И всѣ прежнія его мечты съ этой минуты приняли иное направленіе.

Прежній идеалъ деревенской жизни былъ разбитъ. Непривлекательна, конечно, и петербургская жизнь, но образованная среда столичнаго города все же лучше, пригляднѣе его захолустья, гдѣ нравы не чище и вдобавокъ вся ихъ грубая подкладка такъ не-

приглядно выступаетъ наружу. Да и, пожалуй, дѣла въ Петербургѣ найдется побольше и будетъ оно пошире, чѣмъ въ деревнѣ...

Въ началѣ октября случились два событія, окончательно рѣшившія дальнѣйшую судьбу семьи Непрядвиныхъ. На земскомъ собраніи, къ всеобщему удивленію, Михаилъ Андреевичъ провалился на выборахъ въ мировые судьи. На его мѣсто попалъ нѣкто господинъ Фуфаевъ, про котораго всѣ знали, что, будучи уѣзднымъ исправникомъ въ прежніе годы, онъ открыто бралъ взятки. Теперь это, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему считаться въ рядахъ земскихъ либераловъ.

Какими судьбами предпочли его всѣми уважаемому Михаилу Андреевичу, никто объяснить не могъ, и въ выраженіяхъ негодующаго соболѣзнованія по этому случаю недостатка не было. Но Михаилъ Андреевичъ, хоть и самъ подумывалъ нерѣдко о переселеніи въ Петербургъ, былъ глубоко возмущенъ измѣною своихъ избирателей и тутъ же рѣшилъ съ земствомъ покончить навсегда. Нѣсколько дней спустя, газеты принесли ему пріятное извѣтіе. Его бывшій товарищъ, Павелъ Александровичъ Коловратскій, получилъ назначеніе на тотъ высокій постъ, на который давно прочила его молва. Михаилъ Андреевичъ воспрянулъ духомъ. Онъ теперь окончательно освоился съ мыслью перенести свою дѣятельность въ столицу. Написавъ длинное письмо Павлу Александровичу и заложивъ Солнцево въ пятьдесятъ тысячъ, онъ въ концѣ октября съ цѣлой семьей перебрался на берега Невы.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Свѣтлый январскій день стоялъ надъ Петербургомъ. Солнце еще не грѣло, но ярко уже сіяло на стеклахъ оконъ, и бѣлая морозная пылъ, поднятая копытами лошадей, блестѣла въ его лучахъ алмазными брызгами. Было около половины третьяго, когда къ подъѣзду красиваго двухъ-этажнаго дома на Моховой подкатили одиночныя сани, запряженныя воронымъ рысакомъ. Толстый швейцаръ съ гербовыми пуговицами на ливреѣ и съ епанчею черезъ плечо выбѣжалъ отстегивать пушистую полость. Войдя въ домъ, Павелъ Александровичъ Коловратскій быстро скинулъ енотовую шубу и сдалъ на руки камердинеру большой портфель, туго набитый бумагами. На немъ былъ форменный вицмундиръ, съ двумя звѣздами на правой сторонѣ груди. Павелъ Александровичъ только что вернулся изъ засѣданія Комитета, гдѣ обсуждалось очень важное, сильно интересовавшее его дѣло. Дѣло это послѣ долгихъ стараній ему удалось провести, но его лицо не выражало ни физическаго утомленія, ни самодовольнаго торжества. Оно казалось спокойнымъ и гладкимъ, какъ всегда. Павелъ Александровичъ хотѣлъ было не переодѣваясь подняться во второй этажъ: въ этотъ день онъ еще не видѣлся ни съ женой, ни съ дѣтьми.

У Анны Дмитріевны никого нѣтъ? — спросилъ онъ у швейцара.

— У ихъ высокопревовосходительства княжна Максатина,—отвѣчалъ тотъ,—и госпожа Кранцъ.

Павелъ Александровичъ, уже поднимавшійся по лѣстницѣ, тотчасъ остановился. Названныя дамы принадлежали къ тому особому кругу знакомыхъ его жены, которыхъ онъ положительно не выносилъ. Княжна Максатина была старая дѣва, совсѣмъ маленькая, сухая и болѣзненная на видъ, но вѣчно суетившаяся по всевозможнымъ благотворительнымъ дѣламъ. Мадамъ Кранцъ была нѣкогда извѣстная пѣвица, но теперь спавшая съ голоса и находившаяся въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Анна Дмитріевна, любивая музыку, всегда помогала госпожѣ Кранцъ въ устройствѣ концертовъ, на которые публика съѣзжалась неохотно.

Павелъ Александровичъ повернулъ назадъ, направляясь къ дверямъ своего кабинета. Вѣчныя благотворительныя затѣи жены его сердили, вызывая у него холодную, брезгливую насмѣшливось.

— Николай Арсеньевичъ у вашего высокопревосходительства,—скороговоркой положилъ камердинеръ. — Десять минутъ ужъ какъ дожидаются.

— Что жъ ты мнѣ раньше не говорилъ,—поспѣшно, но не возвышня голоса, отвѣтилъ Павелъ Александровичъ, — ты знаешь, я никого не заставляю себя ждать.

Въ первой комнатѣ, гдѣ обыкновенно принимались просители, на кожаномъ стулѣ сидѣлъ человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ съ рѣдкими, гладко причесанными волосами и необыкновенно холоднымъ лицомъ, не выражавшимъ ничего, кромѣ бюрократическаго приличія и безстрастной внимательности.

Это былъ правитель дѣлъ, Николай Арсеньевичъ Варсонофьевъ, усидѣвшій на своемъ мѣстѣ при трехъ министрахъ.

Увидавъ Коловратскаго, онъ тотчасъ поднялся съ мѣста, но безъ всякаго излишняго оттѣнка подчиненнаго усердія. Павелъ Александровичъ за четыре мѣ-

сяца управленія уже сообщилъ всему личному составу министерства вполнѣ европейскій складъ, равно чуждый низкопоклонства и фамильярности.

— Очень сожалѣю, что вамъ пришлось меня дожидаться, — протягивая руку Варсонофьеву, проговорилъ Коловратскій тѣмъ особымъ холодно-вѣжливымъ тономъ, который одинаково далекъ отъ задушевности и отъ начальническаго величія.—Много у насъ съ вами будетъ работы?

— Постараюсь васъ не задержать,—съ тѣмъ же оттѣнкомъ приличной холодности и сдержаннаго усердія отвѣтилъ тотъ.

Они молча прошли въ кабинетъ, обширную, свѣтлую комнату съ тремя окнами на улицу, сѣли другъ противъ друга по обѣ стороны огромнаго рабочаго стола, уставленнаго кипами бумагъ и массивными письменными принадлежностями.

Начался докладъ сухой, отчетливый и сжатый. Павелъ Александровичъ отличался умѣньемъ быстро, какъ бы на лету, схватывать всю суть каждаго дѣла и въ подчиненныхъ особенно цѣнилъ способность въ короткихъ словахъ преподносить ему какъ разъ эту суть, извлекая весь сокъ изъ длиннаго и ненужнаго оффиціальнаго хлама. И Варсонофьевъ, какъ нельзя лучше, усвоилъ себѣ этотъ вкусъ начальника, какъ умѣлъ онъ, впрочемъ, поддѣлываться подъ тонъ каждаго смѣнявшагося при немъ министра. Оба они, точно спѣвшись, давали понять другъ другу, что вся эта длинная и тяжелая бюрократическая процедура въ сущности нелѣпая и лишняя, и имъ, какъ нельзя лучше, понятна вся комическая ненужность оффиціальной торжественности. И все таки, оба они никогда не отступали отъ этой самой торжественности, сознавая отлично, что на ней собственно и держится вся ихъ сложная работа, все ихъ вліятельное положеніе. Два предмѣстника Коловратскаго, баронъ Пильценбахъ и генералъ Растригинъ, придерживались двухъ совершенно раз-

личныхъ системъ въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. У перваго была система оффиціальнаго подтягиванія, у котораго — система милой халатности. И Варсонофьевъ олицетворялъ и ту и другую съ необыкновенной податливостью. Въ результатѣ оказалось, что при первомъ изъ этихъ министровъ формализмъ убивалъ всякій дѣятельный починъ, а при второмъ царилъ полный безпорядокъ. Коловратскій тотчасъ завелъ новую систему — просвѣщеннаго европеизма: и подчиненныхъ, и просителей, онъ поражалъ своей необыкновенно вѣжливой доступностью, отъ которой вѣяло, однако, такимъ холодомъ, что не забывался никто, и ходили предъ нимъ всѣ по стрункѣ. Персоналъ министерства дѣлился на двѣ категоріи — на старыхъ служакъ, хорошо знавшихъ дѣло, но совершенно равнодушныхъ къ плодамъ своего рутиннаго усердія, и на молодыхъ, презиравшихъ форму, склонныхъ вносить въ служебныя отношенія свободную небрежность тона и гордившихся тѣмъ, что у нихъ цѣлый запасъ новыхъ плодотворныхъ идей. Эти просвѣщенные, либеральные чиновники, даже какъ бы стыдившіеся своего оффиціальнаго положенія, возлагали на Коловратскаго большія надежды. И Павелъ Александровичъ сперва относился къ нимъ очень благосклонно. Но когда одинъ изъ нихъ, молодой вице-директоръ Монументовъ, подвелъ его разъ самымъ непозволительнымъ образомъ, снабдивъ его передъ засѣданіемъ Совѣта такой запиской, гдѣ всѣ цифры оказались невѣрными, Коловратскій перемѣнилъ тактику и понялъ, что старый механизмъ не можетъ обходиться безъ старинныхъ пріемовъ. И несмотря на весь его либерализмъ, на всю его современную вѣжливость, очень скоро весь новый европейскій духъ ограничился тѣмъ, что происходило у него въ кабинетѣ съ двумя, тремя изъ самыхъ приближенныхъ, а внизу подъ этимъ легкимъ оттѣнкомъ передоваго лоска стала попрежнему царить вѣковѣчная рутина.

Дѣло, которое докладывалъ ему теперь Варсонофьевъ,

касалось самыхъ животрепещущихъ интересовъ страны. Это былъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ надо было отстоять выгоды народнаго производства и казны противъ дальнѣйшихъ посягательствъ иностранныхъ спекулянтовъ. Весь докладъ былъ составленъ такъ, что національные интересы какъ будто принимались къ сердцу очень горячо, а между тѣмъ выводъ, неизбѣжность котораго доказывалась подъ конецъ, заключался въ томъ, что все должно остаться по старому. Варсонофьевъ зналъ очень хорошо, что таково было въ сущности мнѣніе Павла Александровича. Коловратскому, когда онъ выслушивалъ подобные доклады, всегда становилось почему-то неловко. Какъ человѣкъ очень умный, онъ отлично понималъ, гдѣ больное мѣсто и что слѣдовало бы собственно сдѣлать, но понималъ онъ это именно только умомъ, какъ отвлеченное рѣшеніе, ничего не говорившее его сердцу; и неловко ему становилось какъ разъ потому, что онъ чувствовалъ въ себѣ какое-то странное раздвоеніе. Онъ ясно видѣлъ, гдѣ настоящіе интересы страны, какъ смышленый наемникъ видитъ интересы хозяина, но въ сущности къ благу родины онъ былъ совершенно равнодушенъ.

— Да,—сказалъ онъ, когда Варсонофьевъ умолкъ,— вы такъ и напишите. Намъ радо думать объ освобожденіи отъ иностраннаго капитала. Это пока бредни.

Онъ всталъ и слегка потянулся.

— Нельзя также забывать, Павелъ Александровичъ,— замѣтилъ Варсонофьевъ, тоже вставая, — что эти преимущества иностранныхъ торговыхъ домовъ коренятся въ прошломъ, освящены долгой практикой и что никакія мѣропріятія...

У Варсонофьева было два любимыхъ слова — мѣропріятіе и предначертаніе, которыя непремѣнно попадались у него въ каждой фразѣ.

— Да, да, именно такъ — перебилъ его начальникъ, очень нелюбившій длинныхъ торжественныхъ выраже-

ній, — вы стало быть изготовите мнѣ это къ завтрашнему дню, если только будетъ возможно?..

Для Варсонофьева ничего не было невозможнаго. Да онъ и зналъ въ добавокъ, что Коловратскій при всемъ своемъ либерализмѣ не допускалъ задержки въ исполненіи своихъ требованій.

Отпустивъ правителя дѣлъ, Павелъ Александровичъ тотчасъ, не переодѣваясь, отправился на верхъ, на половину жены. Въ этотъ самый день его дочери минуло семнадцать лѣтъ. Нелли была не только его любимицей, но единственнымъ существомъ, къ которому онъ былъ истинно привязанъ, а между тѣмъ онъ не успѣлъ даже ее поздравить. При мысли о дочери на сухомъ, дѣловитомъ лицѣ Коловратскаго блеснуло что-то теплое, мягкое, словно лучъ солнца озарилъ на мигъ это лицо. Но тотчасъ затѣмъ это выраженіе снова исчезло, и брови у Павла Александровича нахмурились: онъ вспомнилъ, что ему предстояло крайне непріятное объясненіе съ старшимъ сыномъ, который за послѣднее время сталъ отчаянно кутить и въ эту ночь вернулся домой въ пять часовъ утра совершенно пьяный. Павелъ Александровичъ былъ не строгій отецъ и многое прощалъ Виктору за его красивую наружность но онъ въ то же время зналъ, что молодыхъ людей надо держать въ рукахъ и что на кутежи нельзя смотрѣть сквозь пальцы, когда они повторяются слишкомъ часто. Но зналъ онъ это опять таки лишь, какъ отвлеченное правило. Свою роль отца семейства онъ выполнялъ совершенно такъ же, какъ свои обязанности передъ родиной — сухо и холодно, всегда чувствуя про себя, что зло не возбуждаетъ въ немъ ровно никакого негодованія, потому что у него отсутствуютъ настоящее убѣжденіе въ необходимости того, что нарушается этимъ зломъ. Когда Павелъ Александровичъ говорилъ во имя нравственныхъ принциповъ, онъ ощущалъ въ себѣ какую-то неловкость и мысленно сравнивалъ себя съ проповѣдникомъ, не вѣрующимъ въ

своего Бога, или съ шарлатаномъ врачомъ, завѣдомо прописывающимъ недѣйствительное средство. Въ сущности всѣ нравственныя убѣжденія Павла Александровича сводились къ правиламъ житейской мудрости. А эти правила было какъ-то неудобное прямо излагать передъ дѣтьми. Неудобно это было въ особенности потому, что оба его сына отнеслись бы къ такой проповѣди совершенно различно. Старшій, Викторъ, вѣроятно, ужъ слишкомъ хорошо себѣ усвоилъ бы такую проповѣдь и вывелъ бы изъ нея, чего добраго, очень двусмысленныя заключенія; за то у младшаго, Паши, она вызвала бы настоящій взрывъ негодованія. Павелъ Александровичъ хорошо зналъ болѣзненно восторженную натуру младшаго сына, и наклонность Паши къ мистицизму ему нравилась еще менѣе, чѣмъ ранній, беззастѣнчивый цинизмъ Виктора. Сыновьями онъ вообще похвалиться не могъ. На Пашу онъ смотрѣлъ почти какъ на юродиваго, а Викторъ, хотя Павелъ Александровичъ и любовался его красивыми чертами и природной ловкостью, порой въ немъ возбуждалъ нешуточное опасеніе за будущее. Да, Коловратскій не годился въ отцы семейства и отлично сознавалъ это.

Въ ту самую минуту, когда Павелъ Александровичъ входилъ изъ передней въ залу, растворились двери въ сосѣднюю комнату и въ нихъ показался Викторъ. Онъ очевидно не ожидалъ попасться на глаза отцу и сперва хотѣлъ было отретироваться, но тутъ же разсудилъ, что головомойки ему ни въ какомъ случаѣ не избѣгнуть, и, собравшись съ духомъ, быстро подошелъ къ родителю. Сильно помятое лицо молодого человѣка выражало скорѣе досаду, чѣмъ боязнь. Какъ всегда, онъ одѣтъ былъ съ иголочки и сильно надушенъ, но какъ ни усердно окатывалъ онъ холодной водой свою воспаленную голову, слѣды ночной оргіи ясно читались на его покраснѣвшихъ вѣкахъ и на блѣдныхъ вытянувшихся чертахъ. Павелъ Александровичъ вытя-

нулся и окинулъ сына съ ногъ до головы недовольнымъ взглядомъ.

— Хорошъ,—промолвилъ онъ сквозь зубы, стараясь придать себѣ строгій видъ, и не подставилъ, какъ всегда, своей щеки для поцѣлуя, — хорошъ, въ двадцать лѣтъ такъ себя вести. Посмотри-ка на себя въ зеркало.

Викторъ стоялъ передъ нимъ молча, и никакого раскаянія не видно было въ его упорно потупленныхъ глазахъ.

— Не вздумай, пожалуйста, оправдываться, — я все знаю.

— Я нисколько и не оправдываюсь, папа, почти дерзко отозвался на это Викторъ, — я думаю, покутить съ товарищами въ мои годы не особенная бѣда.

— Ты это называешь покутить! Чортъ знаетъ гдѣ и съ кѣмъ всю ночь протрезвонилъ! Что изъ тебя выйдетъ, скажи пожайлуста?

— Ну, на этотъ счетъ вы ошибаетесь, — уже совсѣмъ развязно промолвилъ молодой человѣкъ, рѣшительно вскидывая на отца глазами, выпилъ я, правда, довольно много, но только ужъ никакъ не чертъ знаетъ съ кѣмъ, а съ самой лучшей компаніей: тамъ были Стрѣшневъ, Албановъ, Гейзенъ...

— Какое мнѣ дѣло, съ кѣмъ ты изволилъ кутить,— перебилъ его отецъ, — ты еще, кажется, хвастаться вздумалъ.

Но вся напускная строгость Павла Александровича успѣла ужъ исчезнуть, и Викторъ тотчасъ это замѣтилъ.

— Я для того только говорю вамъ про это,—возразилъ онъ,—чтобы вы знали, съ кѣмъ я ужиналъ. Я, вы знаете, не сталъ бы пьянствовать съ какими-нибудь мальчишками. Но вы понимаете, что, когда бываешь въ одной компаніи съ людьми, которые гораздо старше меня, нельзя не пить; меня бы на смѣхъ подняли. Или вы хотите, чтобы я былъ такой же бабой, какъ Паша.

Викторъ давно выбивался изъ силъ, чтобы втереться въ общество настоящей золотой молодежи. Ему, какъ студенту второго курса, казалось очень лестнымъ быть на товарищеской ногѣ съ офицерами, да съ людьми уже зрѣлаго возраста, какими были Гейзенъ и Албановъ. И онъ никакъ не понималъ, какъ можно было ему выговаривать, когда онъ такъ ловко сумѣлъ попасть въ этотъ блестящій кругъ. Павелъ Александровичъ, повидимому, сдался на эти доводы; по крайней мѣрѣ онъ отвѣтилъ на нихъ уже безъ всякаго оттѣнка строгости и слегка даже засмѣялся.

— Я очень хорошо знаю,—сказалъ онъ, что всѣ молодые люди не могутъ быть такими смирными, какъ Паша, но это не причина безобразничать и возвращаться домой въ пять часовъ. Такая жизнь ни къ чему хорошему не приведетъ, пойдутъ карты, долги.

— Въ карты я не играю и долговъ дѣлать не стану,—самоувѣренно засмѣявшись, отвѣтилъ Викторъ, убѣдившійся теперь, что гроза миновала, — потому что это было бы глупо, когда вы мнѣ въ деньгахъ и безъ того не отказываете. Я не дуракъ, и на этотъ счетъ вы можете быть спокойны, а требовать отъ меня, чтобы я велъ себя какъ монахъ, это, ужъ воля ваша, никакъ нельзя. Вы мнѣ сами говорили не разъ, что пошалить не бѣда, а не надо только дѣлать глупости, и главное надо быть разборчивымъ на товарищей...

— Хорошо, хорошо, — нетерпѣливо перебилъ его отецъ,—только смотри, чтобы впередъ этого не было, а то выйдетъ изъ тебя пустой человѣкъ.

— Пустой человѣкъ по моему тотъ,—вскинувъ плечами, произнесъ Викторъ, — кто живетъ безъ разсчету какъ вотъ Паша, напримѣръ, а я не таковъ.

Павелъ Александровичъ пропустилъ это замѣчаніе мимо ушей. — Кто у матери?—спросилъ онъ, проходя далѣе.

— Да все тѣ же,—съ оттѣнкомъ презрѣнія отвѣтилъ Викторъ, — княжна эта старая, да пѣвица.

Увидавъ вошедшаго Павла Александровича, обѣ дамы, сидѣвшія въ гостиной Анны Дмитріевны, тотчасъ стали прощаться. Должно быть холодно вѣжливая улыбка сановника и величественный блескъ его звѣздъ внушили имъ какой-то страхъ.

— Такъ вы пришлите мнѣ адресъ этихъ бѣдныхъ семействъ,—сказала княжнѣ Анна Дмитріевна, съ трудомъ приподнимаясь съ мѣста. Она давно страдала изнурительной болѣзнью, почти не позволявшей ей двигаться.

— Пришлю, пришлю,—тонкимъ голоскомъ затараторила княжна, — какая вы добрая! Вы просто ангелъ. Пожалуйста не трудитесь вставать.

Она поцѣловала ее своими блѣдными, сухими губами. — И для нашего базара вы намъ доставите эти вещицы?

И, смиренно взглянувъ на Павла Александровича своими близорукими, выпученными глазами, она промолвила, поспѣшно уходя.—C'est un ange votre femme.

А отставная пѣвица съ выраженіемъ благороднаго искательства на лицѣ, робко проговорила въ свою очередь.

— Вы мнѣ позволите вамъ прислать билеты?

— Да, да, пятьдесятъ билетовъ, моя милая,—отвѣтила Анна Дмитріевна, и ея прекрасные кроткіе глаза при этомъ засвѣтились самой искренней добротой.

Мадамъ Кранцъ, проходя мимо сановника, постаралась придать своимъ поблекшимъ, немного еврейскимъ чертамъ одно изъ тѣхъ очаровательныхъ выраженій, которыми она прежде сводила съ ума цѣлую залу. Но вмѣсто улыбки у нея вышло что-то похожее на гримасу. Павелъ Александровичъ величаво наклонилъ голову и, притворивъ дверь за ушедшими дамами, усѣлся возлѣ жены.

— Ты, я вижу, неисправима, мой другъ,—сказалъ онъ, сухо засмѣявшись и не менѣе сухо коснувшись губами тонкой, прозрачной руки Анны Дмитріевны. —

Эти попрошайки никогда не даютъ тебѣ покоя, даже въ такой день, какъ сегодня.

— Развѣ есть такіе дни,—мягко сказала Анна Дмитріевна, съ упрекомъ взглянувъ на мужа, когда не слѣдуетъ помогать бѣднымъ?

Слабый голосъ Анны Дмитріевны чуть слышно выходилъ изъ ея когда-то красивыхъ губъ, но звучалъ онъ до сихъ поръ до того музыкально, что напоминалъ собою меланхолическую фразу изъ какой-нибудь грустной Шопеновской пьесы.

— Ну хорошо, хорошо,—небрежно отвѣтилъ Павелъ Александровичъ, — тебя, я знаю, не переспоришь. Ты мнѣ лучше скажи, какъ ты себя чувствуешь сегодня?

— Ничего, какъ всегда... А что было у тебя въ Комимитетѣ, чѣмъ все кончилось? Представь себѣ, я отъ княжны слышала, что тамъ рѣшалось важное для тебя дѣло, и ты ничего мнѣ про это не сказалъ. Я такъ безпокоилась.

И глаза Анны Дмитріевны были теперь устремлены на мужа съ робкимъ и въ то же время страстнымъ участіемъ. Несмотря на его постоянную холодность, на его многочисленныя измѣны, начавшіяся чуть ли не съ первыхъ лѣтъ ея замужества, Анна Дмитріевна была до сихъ поръ привязана къ нему самой кроткой и самоотверженной любовью. Можно бы почти сказать, что она до сихъ поръ влюблена въ мужа, еслибы это выраженіе шло къ такому слабому, почти неземному существу. Анна Дмитріевна была еще не старая женщина, но ранній недугъ и тихое горе уже запечатлѣли ея когда-то миловидныя черты признаками безпомощнаго увяданія.

— Все прошло какъ нельзя лучше,—весело сказалъ Павелъ Александровичъ, — побѣда полная. Я не говорилъ тебѣ про это ранѣе, чтобы тебя не безпокоить.

Анна Дмитріевна слабо улыбнулась: она хорошо знала, что не забота объ ней, а полное равнодушіе мужа было причиною тому, что онъ никогда не говорилъ съ ней про занимавшіе его вопросы.

— А гдѣ же Нелли? — спросилъ Коловратскій, — я еще не далъ ей своего подарка.

И онъ досталъ изъ кармана кожаный футляръ, въ которомъ былъ золотой браслетъ съ крупнымъ рубиномъ.

— Зачѣмъ ты ей даешь такія вещи,—сказала Анна Дмитріевна, — я такъ не люблю, чтобъ ее пріучали къ роскоши и тщеславію.

Въ отвѣтъ на слова жены Павелъ Александровичъ только улыбнулся. Онъ любилъ свою хорошенькую дочку и еще болѣе ею любовался. Для этого красиваго, маленькаго созданія жизнь должна была непремѣнно сложиться, какъ непрерывный, свѣтлый праздникъ. И Павелъ Александровичъ, балуя и наряжая свою Нелли, заботился о томъ лишь, какъ бы дать ей побольше блеска и счастья, того счастья, которое складывается изъ ряда удовольствій и успѣховъ. А по его состоянію не трудно будетъ — въ этомъ онъ и не сомнѣвался — пріискать ей такого мужа, который далъ бы ей блестящее положеніе въ свѣтѣ и во всемъ угождалъ ея прихотямъ; заглядывать въ душу своего ребенка ему и въ голову не приходило. Коловратскій былъ обязанъ своимъ быстрымъ возвышеніемъ лишь самому себѣ и своей находчивой ловкости, а потому былъ склоненъ въ жизни цѣнить прежде всего успѣхъ, пріобрѣтаемый такой ловкостью, и этой мѣркой опредѣлялъ достоинства людей, и ихъ счастье. Не мудрено, что ловкая и тщеславная дѣвочка, хорошо понимавшая отца, съ раннихъ лѣтъ пріучилась лелѣять честолюбивые замыслы въ своей хорошенькой головкѣ.

— Надо бы, однако, позвать сюда Нелли, — сказалъ Павелъ Александровичъ, посмотрѣвъ на часы.

Какъ всегда, день у него былъ строго распредѣленъ напередъ, и въ четыре онъ собирался къ графинѣ Бруннендорфъ, своей вѣрной союзницѣ, съ которой надо было подѣлиться извѣстіемъ объ успѣхѣ въ Комитетѣ.

Анна Дмитріевна позвонила.

— Елена Павловна у себя, — доложилъ вошедшій лакей — онѣ только что съ прогулки вернулись.

Нелли, между тѣмъ, сидѣла въ низенькомъ креслѣ въ своей собственной маленькой гостиной, свѣтлой комнаткѣ, весело и нарядно убранной голубымъ кретономъ. Вернувшись съ прогулки, она успѣла уже переодѣться въ свѣтло сѣрое шелковое платье, съ узенькой малиновой тесьмой. Серьги съ маленькими брилліантами — сегодняшній подарокъ Елизаветы Андреевны— блестѣли въ ея розовыхъ ушахъ. Откинувшись назадъ, она протянула свои изящно обутыя, хорошенькія ножки на медвѣжью шкуру, лежавшую передъ кресломъ, и, прищуривъ глазки, задумчиво глядѣла на пылавшій каминъ. На колѣняхъ у нея лежала книжка въ желтой оберткѣ — французкій романъ, довольно скоромнаго содержанія, данный ей старшимъ братомъ. У матери, а еще менѣе у гувернантки, m-lle Бонно, изъ которой она дѣлала рѣшительно все, что хотѣла, Нелли и не думала справляться на счетъ своего чтенія. Дѣвушка лѣниво разрѣзывала книгу костянымъ ножомъ, давая свободно бродить своимъ не вполнѣ яснымъ, хотя и задорнымъ мыслямъ.

— А, вотъ ты гдѣ, — услышала она вдругъ голосъ вошедшаго старшаго брата,—ты къ мама не идешь?

Дѣвушка презрительно вскинула плечиками.

— Вотъ тоже охота, — сказала она, продолжая нѣжиться въ креслѣ, — у нея все еще эти двѣ старухи торчатъ. Часъ тому назадъ я отъ этой скуки ушла, прогуляться успѣла, а онѣ все тутъ.

Нелли бросила книгу на столъ, приподняла головку и усталымъ, долгимъ взглядомъ останавилась на братѣ.

— Не понимаю, какъ ей не надоѣстъ вѣчно возиться съ такою дрянью. Вѣдь, благодаря ей, никто почти у насъ не бываетъ. Вотъ сегодня мое рожденіе, а никто даже поздравить не пріѣхалъ. Скучнѣе нашего дома, я думаю, нѣтъ въ Петербургѣ. Ну, ужъ въ будущую зиму, когда я стану выѣзжать, я все это передѣлаю по своему.

Ножка ея стала нетерпѣливо биться о полъ.

— Ну, а что, — спросила она, покровительственно взглядывая на брата,—былъ у тебя разговоръ съ папà?

— Былъ, сейчасъ вотъ.

Викторъ потянулся, зѣвнулъ и досталъ папироску изъ серебрянаго портсигара.

— Что, разрѣшаешь курить?

— Разрѣшаю. Только ты мнѣ тоже дай.

— Вотъ еще, съ этихъ лѣтъ?

— Что за пустяки! Я вѣдь давно курю, хоть и запрещаютъ. Я на ихъ запрещеніе вотъ какое вниманіе обращаю,—и она щелкнула розовымъ ногтемъ большого пальца о ноготь указательнаго, скорчивъ при этомъ уморительную гримасу.

Викторъ бросилъ ей папироску на колѣни, она взяла ее и закурила съ важнымъ видомъ.

— Ну что, — спросила она, — сошло благополучно?

— Отлично сошло: никакихъ громовъ даже не было.

— Видишь, что жъ я тебѣ говорила?! А ты еще трусилъ. Я папа лучше знаю, чѣмъ ты. Онъ на это смотритъ, какъ слѣдуетъ. Il faut que jeunesse se passe, — произнесла она, передразнила голосъ отца, — папа въ молодые годы тоже, я думаю, да и не въ молодые только годы...

Она засмѣялась, показывая рядъ острыхъ почти хищныхъ зубковъ. Викторъ прошелся раза два по комнатѣ, а потомъ видимо усталый, ввалился въ широкое кресло, стоявшее въ углу. Нелли оглянула его презрительно.

— А ты, однако, я вижу,—сказала она,—все еще не въ своей тарелкѣ. Да и видъ у тебя ужасный! Ты весь зеленый, измятый, противно даже смотрѣть. Куда вы, право, годитесь, молодые люди. Паша блаженный какой-то, все глупой философіей занимается вмѣсто того, чтобы жить, — она произнесла это словно съ особымъ удареніемъ — а ты, хоть тебѣ жить и хочется, да не умѣешь какъ-то. А, кабы я была на вашемъ мѣстѣ...

— Воображаю,—произнесъ Викторъ и принялся насвистывать опереточный мотивъ.

Братъ и сестра были очень дружны, хотя въ ихъ обращеніи другъ съ другомъ всегда сквозилъ оттѣнокъ насмѣшливости. Викторъ считалъ себя неизмѣримо выше сестры въ качествѣ взрослаго молодаго человѣка, давно вкусившаго отъ запретныхъ плодовъ. А Нелли въ свою очередь, хоть и любила брата, была на его счетъ не слишкомъ высокаго мнѣнія.

— Ну, а скажи мнѣ, заговорила она опять, слегка закусивъ губу, — какъ у васъ все было вчера?

Она встала, подошла вдругъ къ брату и, усѣвшись на ручку его кресла, обернула къ нему свое заискрившееся лицо.

— То есть, что такое собственно было?—спросилъ онъ, слегка позѣвывая. — Былъ разумѣется кутежъ и, откровенно говоря, довольно скучный.

Шаловливая улыбка скользнула по ея темнымъ глазамъ, а высунувшаяся правая ножка въ бронзовой ботинкѣ съ застежками спереди, черезъ которыя виднѣлся шелковый чулокъ подъ цвѣтъ платья, медленно закачалась чуть чуть приподнятая надъ поломъ.

— Какъ ты смѣшонъ, Витя, точно не понимаешь. Я увѣрена, что вы были — она слегка зардѣлась — не въ одной только... мужской компаніи.

— Ты съ ума сошла?! Что это за глупый вопросъ!

— Нѣтъ, я хочу знать, Витя, какъ это у васъ происходитъ, когда вы ужинаете вмѣстѣ съ этими дамами.

— Вотъ тоже вздумала,—принужденно разсмѣялся Викторъ, — да какъ ты можешь про это спрашивать? Развѣ это касается барышень?

— Ну, вотъ еще! Точно я не знаю ,—проговорила она ухарски затягиваясь почти докуренной папироской... — Ты меня за дурочку, что-ли считаешь?

Викторъ всталъ и развелъ руками. — Чудесно, Нелли, часъ отъ часу не легче. Я скажу m-lle Bonneau, чтобъ она тебя порядкомъ...

Онъ не успѣлъ договорить, — въ дверяхъ показался лакей.

— Павелъ Александровичъ васъ спрашиваютъ, — обратился онъ къ молодой дѣвушкѣ, — они въ гостиной.

Нелли мигомъ вскочила на ноги, кинула папироску въ каминъ и преобразилась въ благовоспитанную, чинную барышню, которой и въ голову не могло прійдти что-нибудь не строго приличное.

— Есть кто-нибудь у мама?— спросила она у лакея.

— Григорій Михайловичъ Непрядвинъ только что пріѣхали,—отвѣтилъ тотъ.

При этомъ имени легкая краска показалась на лицѣ молодой дѣвушки. Она быстро оправила на себѣ прическу и платье.

— Я сейчасъ приду, отпустила она лакея и обратилась къ брату... Витя, пойди тоже къ мама. Попроси у нея прощенія...

Викторъ скорчилъ гримасу.

— Оно точно бы не мѣшало, — сказалъ онъ, ну да чего тутъ, не стоитъ, и такъ сойдетъ.

Въ этотъ самый день, часа за три передъ тѣмъ, Викторъ крайне грубо обошелся съ матерью, которая, узнавъ о его позднемъ возвращеніи домой, стала было его нѣжно укорять за это. Викторъ зналъ, что въ родномъ домѣ у матери не было никакой власти и считалъ себя въ правѣ выказывать ей явное пренебреженіе. Какъ всѣ грубыя натуры, онъ уважалъ того только, въ комъ признавалъ силу. Его дерзкіе отвѣты довели Анну Дмитріевну до слезъ. Не въ первый разъ ужъ ей случалось горько плакать по его винѣ. И теперь онъ былъ бы не прочь съ ней помириться: совѣсть, хоть слабо, въ немъ тоже изрѣдка шевелилась, но выслушивать опять надоѣдливые, хоть и мягкіе упреки, это казалось такъ скучнымъ, что нехорошая гордость да лѣнь какая-то заглушали голосъ совѣсти.

— Какъ знаешь, а я бы на твоемъ мѣстѣ пошла.

Она направилась къ дверямъ, бросивъ искоса бѣглый взглядъ въ зеркало.

— Куда ты спѣшишь,—хотѣлъ остановить ее Викторъ, постой, я тебѣ разскажу, коли хочешь, про все, что было вчера.

Но она его не слушала и взялась уже за ручку двери.

— Ага,—разсмѣялся онъ,—вотъ оно что. Теперь на мѣстѣ не сидится, и покраснѣла вся. Что, очень нравится тебѣ этотъ Гриша, сознайся?

Но Викторъ отвѣта не дождался. Нелли уже скрылась за дверью и легкими шагами поспѣшила на половину матери.

II.

Когда Нелли вошла къ матери, она ужъ совсѣмъ не походила на бойкую своенравную дѣвочку, за пять минутъ передъ тѣмъ болтавшую не совсѣмъ приличный вздоръ съ старшимъ братомъ; въ ея походкѣ, въ звукѣ ея голоса, въ выраженіи ея лица было теперь что-то скромное, хоть и, правда, неробкое, то самое сдержанное оживленіе, какое должно быть у полувзрослой, но хорошо воспитанной дѣвушки. Слегка покраснѣвъ, она приняла изъ рукъ отца дорогой подарокъ и надѣла его себѣ на руку, выразивъ при этомъ ровно въ мѣру и благодарность, и удовольствіе. Онъ обнялъ ее; и когда она слегка приподнялась на цыпочки, чтобы поцѣловать его, даже въ этомъ движеніи было столько законченнаго изящества, что она какъ будто заранѣе выучилась, какъ это сдѣлать, зная напередъ, что ею будутъ любоваться. Да и въ самомъ дѣлѣ глаза Гриши безпокойно слѣдили за ней, пока она говорила съ отцомъ. А когда она такъ мило отвѣтила на его поздравленія, чуть чуть пожавъ его руку, на мигъ у нея блеснуло что-то шаловливое, ей было весело сознавать

свою безграничную власть надъ этимъ рослымъ, красивымъ юношей. Но это было только на мигъ. Нелли сѣла возлѣ матери, и въ ея лицѣ было опять то особое праздничное, но прилично сдержанное выраженіе, съ какимъ она за минуту передъ тѣмъ вошла въ гостиную. И въ тонѣ ея, когда она заговорила съ Гришей, была опять свойственная ей прелестная смѣсь чего-то полудѣтскаго, почти наивнаго, съ какимъ-то затаеннымъ чарующимъ задоромъ, прорывавшимся у нея и въ звукахъ голоса, и въ легкомъ смѣхѣ, и въ мимолетномъ блескѣ взгляда. Гриша слушалъ и восхищался, и совсѣмъ неумными выходили его смущенные отвѣты. Нетрудно было бы догадаться, что за чувство вызвала въ немъ молодая дѣвушка. Но догадывалась объ этомъ одна Нелли. И неумѣлая робость его словъ доставляла ей, повидимому, особое самолюбивое удовольствіе. Гришѣ недолго однако пришлось на этотъ разъ заодно робѣть и восхищаться, — а то и другое взятое вмѣстѣ составляетъ, извѣстное дѣло, главную прелесть зарождающейся любви. Вошедшій лакей доложилъ о пріѣздѣ княгини Зои Никитишны Варенцовой съ дочерью. Анна Дмитріевна вздохнула и приказала просить. Павелъ Александровичъ всталъ и объявилъ, что ему пора ѣхать. Жена не разспрашивала его, куда онъ собирается, но по ея лицу пробѣжало грустное и въ то же время покорное выраженіе. Въ залѣ Павелъ Александровичъ встрѣтился съ входившей дамой, сильно шумѣвшей тяжелымъ шлейфомъ.

— Comme vous êtes beau,—послышался оттуда нѣсколько крикливый, неестественный голосъ дамы, и тотчасъ затѣмъ немного стремительно вошла въ гостиную невысокая женщина среднихъ лѣтъ, сильно молодившаяся, съ оттѣнкомъ напряженной любезности на очень некрасивомъ, но выразительномъ лицѣ. За нею шла, вся вытянувшись, молодая дѣвушка, въ каждомъ движеніи которой читалась строгая, даже мучительная выправка и необыкновенная боязнь передъ матерью.

Княгиня Зоя нѣсколько шумливо, неестественно выпрямляя станъ, поздравила новорожденную и ея мать, причемъ выразила преувеличенное восхищеніе, потомъ стремительно опустилась на стулъ, придавъ своему шлейфу необыкновенно быстрое вращательное движеніе, потомъ стала увѣрять гримасничая, что дочь ея Lise питаетъ къ Нелли необыкновенную привязанность, хотя молодыя дѣвушки видѣлись всего въ третій разъ, а сама Lise неподвижно молчала. Когда княгинѣ представили Гришу, она сперва вмѣсто поклона сдѣлала неопредѣленное движеніе глазами и отвернулась. Но когда Нелли вслѣдъ затѣмъ добавила: „Le neveu de la comtesse Brunnendorff, madame“, княгиня улыбнулась и даже протянула Гришѣ кончики пальцевъ. Начался вертлявый разговоръ, отъ котораго у Анны Дмитріевны черезъ пять минутъ заболѣла голова,—до того быстро княгиня вплетала въ него самыя разнообразныя темы— и безпокойство за здоровье Анны Дмитріевны, и похвалы государственному уму Павла Александровича, и высшую политику, и городскія сплетни, въ томъ числѣ сдержанный намекъ на отношенія Мери Столѣниной къ Двинскому.

У княгини Зои Никитишны были очень разстроенныя дѣла, и ея довольно многочисленной семьѣ грозила въ будущемъ печальная участь, если бы ей не удалось заблаговременно пристроить своихъ дѣтокъ. Въ виду этого она зорко и усердно высматривала для своихъ двухъ очень невзрачныхъ сыновей богатыхъ невѣстъ, а для трехъ дочекъ не только богатыхъ, но и блестящихъ жениховъ. Не смотря на свою материнскую заботливость, княгиня отказывать себѣ ни въ чемъ не любила и въ ожиданіи будущихъ благъ всегда жила на широкую ногу. Трудно сказать, какимъ чудомъ она добывала средства на туалеты, на пріемы и на заграничныя путешествія. Но въ Петербургѣ она держала открытый домъ, а каждую осень аккуратно наѣзжала въ Парижъ заказывать платье у Ворта. Она хорошо понимала, что товаръ надо лицомъ

показать, и дочекъ своихъ наряжала какъ куколъ. Жениховъ она травила не только въ Петербургѣ, но и за границей и старшую дочь Вава̀ недавно съ большимъ трескомъ выдала за какого-то испанскаго гранда. Для второй, Lise, только что выпущенной въ свѣтъ, у нея давно на примѣтѣ былъ Двинскій; и княгиня, забывая про свои многочисленные грѣшки, сильно негодовала на его связь съ Мери Столѣниной. Младшая, самая красивая изъ ея дочерей, Китти, была еще подросткомъ. За годъ передъ тѣмъ княгиня едва ли бы стала ухаживать за Коловратскими и ѣздить къ нимъ съ поздравленіями. Анна Дмитріевна, вся ушедшая въ благотворительность и никогда у себя не дѣлавшая пріемовъ, недавно еще въ глазахъ княгини не имѣла ровно никакого значенія; но теперь Нелли, которую она случайно встрѣтила у графини Елизаветы Андреевны, была почти совсѣмъ большая. И въ слѣдующую зиму, когда она станетъ выѣзжать, у Коловратскихъ начнутся пріемы, и Анна Дмитріевна вдругъ пріобрѣтетъ очень высокую цѣнность на свѣтскомъ рынкѣ. Нелли куда какъ могла пригодиться для любого изъ долговязыхъ болвановъ, сыновей княгини, выводившихъ ее изъ терпѣнія сперва неудачами на экзаменахъ, а потомъ необыкновеннымъ умѣніемъ дѣлать долги и попадать въ глупыя исторіи; и княгиня, прежде совсѣмъ не водившая знакомства съ Анной Дмитріевной, теперь въ угоду ей даже взяла у ней цѣлыхъ двадцать билетовъ на одинъ изъ ея благотворительныхъ концертовъ.

На Гришу точно холодомъ повѣяло отъ княгини Зои Никитишны и ея бойкой трескотни. Онъ упорно, почти обиженно молчалъ, смотря на нее недружелюбными глазами. Княгиня была олицетвореніемъ чуждаго для него міра, отъ котораго онъ, вопреки стараніямъ матери, упрямо и пугливо сторонился. Въ этомъ мірѣ онъ чуялъ какую-то враждебную ему силу, которая рано или поздно станетъ между нимъ и Нелли и отниметъ у него молодую дѣвушку. Для тѣхъ, кто со свѣтомъ не знакомъ

и на него смотритъ лишь издали, онъ всегда кажется чѣмъ-то похожимъ на заколдованный лѣсъ. Гриша не только возненавидѣлъ княгиню за то, что она не давала ему разговаривать съ Нелли, — онъ былъ обиженъ и тѣмъ, что сама молодая дѣвушка теперь все свое вниманіе отдавала пріѣхавшимъ дамамъ, какъ будто даже позабывъ о его присутствіи. А Нелли, примѣчавшая это какъ нельзя лучше, усердно занимала княжну. Ее забавляла и робость его, и досада, въ которой она видѣла лишнее доказательство поклоненія себѣ.

Пытка молодого человѣка скоро кончилась. Вошла еще какая-то дама, и Гриша этимъ воспользовался, чтобы удалиться.

— Павелъ Павловичъ дома? — спросилъ онъ швейцара, сходя по лѣстницѣ.

Гришѣ теперь хотѣлось потолковать съ Пашей. Случалось это съ нимъ каждый разъ, когда, повидавшись съ Нелли, онъ былъ не совсѣмъ доволенъ ею или самимъ собой. Въ томъ особомъ отвлеченномъ мірѣ, въ которомъ замыкалась вся жизнь Паши, онъ въ такія минуты и для себя какъ бы искалъ убѣжища отъ другаго нехорошаго, суетливаго міра, всегда готоваго отнять у него Нелли.

Комнаты молодыхъ Кловратскихъ находились въ нижнемъ этажѣ. Паша былъ у себя, по обыкновенію за книгой. Онъ читалъ Шопенгауэра и какъ всегда, когда ему случалось надолго углубиться въ философское сочиненіе, ощущалъ потребность съ кѣмъ нибудь другимъ подѣлиться вопросами и недоумѣніями, переполнявшими его голову. Гришѣ онъ очень обрадовался и тотчасъ сталъ ему излагать, въ чемъ онъ не согласенъ съ Шопенгауэромъ.

— Самое главное,—твердилъ онъ,—уяснить себѣ, для чего мы созданы, какая цѣль нашей жизни, а потомъ ужъ все станетъ ясно и не будетъ этихъ вѣчныхъ безплодныхъ жалобъ на невозможность счастья и добра.

Гриша внимательно слушалъ пріятеля и добросо-

вѣстно старался вникнуть въ его мысли. Онъ отправился къ Пашѣ, исполненный сочувствія къ нему и къ его взглядамъ. А между тѣмъ, едва Паша заговорилъ. въ немъ тотчасъ поднялся цѣлый рой недоумѣвающихъ возраженій. Гриша самъ никогда не задумывался надъ тѣмъ, какая собственно настоящая жизненная задача: вопросъ этотъ онъ считалъ даже совершенно празднымъ. Для него всегда представлялась прямая, ближайшая цѣль, требовавшая всего напряженія воли; и такою задачею для него въ настоящее время была его служба, которой онъ увлекался на первыхъ порахъ, какъ чѣмъ то сулившемъ впереди необыкновенно плодотворную дѣятельность. И Гриша тотчасъ свелъ разговоръ на практическіе вопросы о необходимыхъ преобразованіяхъ и объ улучшеніи народнаго быта. Гришѣ вѣрилось, что такое улучшеніе можетъ быть достигнуто очень скоро посредствомъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ. И въ Павлѣ Александровичѣ онъ видѣлъ какъ разъ того человѣка, который всего лучше въ состояніи это сдѣлать. Общее высокос мнѣніе о государственныхъ способностяхъ Коловратскаго заранѣе подкупило молодого человѣка въ его пользу, а когда, поступивъ въ министерство, онъ представился начальнику, и сановникъ обворожилъ его ласковой простотой обращенія и немногими, но очень вѣскими словами о предстоящихъ по министерству работахъ, Гриша сталъ однимъ изъ самыхъ горячихъ его поклонниковъ. Въ тонѣ Павла Александровича было такъ мало оффиціальности, онъ такъ выпукло и мѣтко излагалъ каждую свою мысль, что въ его глубокомъ умѣ и безкорыстной преданности родинѣ, очевидно, нельзя было сомнѣваться. И Гришѣ казалось, что здѣсь, въ министерствѣ творится великое дѣло обновленія Россіи, о которомъ онъ такъ часто и долго мечталъ еще на университетской скамьѣ.

— Работать по мѣрѣ способности, — говорилъ онъ пріятелю, — вотъ единственная настоящая жизненная задача. Возьми въ примѣръ своего отца. Вѣдь своимъ

положеніемъ онъ обязанъ только себѣ,—своему труду и таланту. Онъ съ истинной гордостью можетъ оглянуться на свое прошлое и чего, чего не въ состояніи онъ сдѣлать еще впереди. Чувствовать, что имѣешь власть въ рукахъ и пользуешься ею для общаго блага,—вотъ это настоящая, завидная доля.

Паша горько усмѣхнулся.

— Плохо же ты его знаешь,—сказалъ онъ, понизивъ голосъ.—Кабы ты слышалъ, какъ я вотъ, иныя изъ его словечекъ, которыми онъ рѣжетъ точно бритвой, ты бы не дѣлалъ себѣ такихъ иллюзій на его счетъ. Онъ хорошо ведетъ свое министерство; но такъ, какъ хорошій актеръ умно ведетъ роль, не больше. Нѣтъ, Богъ съ ними, съ такими успѣхами. Еслибы я когда-нибудь сказалъ себѣ, что живу только для себя, еслибъ я пересталъ вѣрить, что есть иная, лучшая, безконечная жизнь...

Паша запнулся.

— А развѣ и на тебя находили такія сомнѣнія?—спросилъ Гриша, удивленный страннымъ оборотомъ ихъ разговора.

— Находили, да!—совсѣмъ беззвучно произнесъ Паша,—и тогда я говорилъ себѣ, что лучше покончить съ собою, чѣмъ жить такимъ образомъ.

Гриша не отвѣтилъ. Съ минуту оба они промолчали. Имъ какъ-то стало неловко, точно они вдругъ поняли, что расходятся почти во всемъ, хоть и воображали до сихъ поръ, что симпатія и взгляды у нихъ общіе. На самомъ дѣлѣ они даже не были способны понимать другъ друга. Весь умственный складъ Паши стоялъ какъ-то въ сторонѣ отъ дѣйствительной жизни, отъ тѣхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, которые занимали его старшаго товарища.

Паша быстрыми взволнованными шагами заходилъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, какъ хочешь,—сказалъ онъ—а всѣ эти твои практическіе интересы, вся твоя политика въ сущности пустяки!

— Какъ, и судьба нашего русскаго народа тоже по твоему пустяки?—горячо воскликнулъ Гриша.

— Не пустяки, положимъ. Я не такъ выразился...

У Паши сморщились брови. Видно было, что мозгъ его усиленно работалъ, стараясь уловить не совсѣмъ ясную мысль.—Все таки это не главное, не существенное. Тутъ одна матеріальная сторона жизни, стало быть, все же прахъ и суета. И ради чего я, напримѣръ, для котораго полной жизни нѣтъ и не будетъ никогда, ради чего я стану изъ кожи лѣзть для какого-то народнаго благополучія?

— Да просто оттого, что ты не эгоистъ!—запальчиво возразилъ Гриша.

— Положимъ такъ. Но скажи мнѣ теперь, пожалуйста, отчего въ сущности эгоизмъ намъ кажется гадкимъ? Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ счастія нѣтъ, если жизнь въ самомъ дѣлѣ зло—а для меня оно, кажется, такъ и есть,—изъ за чего мы станемъ хлопотать, изъ за какой-то недостижимой цѣли, изъ за нравственнаго принципа? Да вѣдь для того, чтобы вѣрить въ такой принципъ, надо прежде всего признать, что есть нѣчто высшее, чѣмъ наша жизнь; и вотъ почему я говорилъ...

Вдругъ изъ сосѣдней комнаты послышался звонкій молодой хохотъ. Паша остановился смущенный и раздосадованный. Онъ и Гриша тотчасъ узнали голосъ Нелли. Въ пылу спора они и не разслышали, какъ она вошла.

— Какъ тебѣ не стыдно такіе пустяки говорить, Паша, — сказала она показываясь въ дверяхъ, — я слушала тебя, слушала, но не могла удержаться и разсмѣялась.

Она присѣла на кресло, обводя молодыхъ людей улыбающимся взглядомъ.

— Я не догадывалась, что вы здѣсь у брата,—добавила она, обращаясь къ Гришѣ, иначе бы я не посмѣла войти. Извините, что помѣшала вашему глубокомысленному спору.

Нелли говорила неправу: она была вполнѣ увѣрена, сходя внизъ, что Гриша сидитъ у ея младшаго брата и у нихъ опять завелся одинъ изъ ихъ безконечныхъ споровъ. И пришла она затѣмъ только, чтобы вознаградить Гришу за скучныя минуты, проведенныя имъ наверху, въ гостиной.

Она достигла своей цѣли вполнѣ. Какъ свѣтлый лучъ на облачномъ небѣ показалась она Гришѣ, и отъ первыхъ же звуковъ ея голоса всѣ тревожные, запутанные вопросы мигомъ куда-то отлетѣли, какъ туманъ, разсѣянный утреннимъ солнцемъ.

— Неужели вамъ весело говорить о такихъ мудреныхъ вещахъ, — продолжала она улыбаться, очевидно сознавая, что въ ея присутствіи Гриша объ этихъ вещахъ, конечно, не заведетъ рѣчи, — и договорились вы хоть до чего-нибудь, скажите?

— Разумѣется нѣтъ, — разсмѣялся Гриша.

Они заболтали вдвоемъ, и мигомъ на Гришу чѣмъ-то свѣжимъ пахнуло, точно онъ изъ душной комнаты вышелъ на яркое солнце. И Паша молчаливый и угрюмый уткнулся въ дальній уголъ, куда едва попадалъ свѣтъ отъ горѣвшей на столѣ лампы. Контрастъ между нимъ и сестрой былъ полный. Она вся сіяла молодою жизнью, а онъ грустно понурилъ голову, какъ увядшій цвѣтокъ. Онъ болѣзненно сознавалъ этотъ контрастъ. Сестра будто нарочно дразнила его своимъ брызжущимъ оживленіемъ. И всѣ въ домѣ, и отецъ, и старшій братъ относились къ нему съ тѣмъ же полунасмѣшливымъ состраданіемъ. Съ одной только матерью онъ чувствовалъ себя, какъ съ родною. И это отчужденіе отъ жизни семьи теперь отзывалось въ немъ тѣмъ отчетливѣе, что даже любимый товарищъ въ присутствіи Нелли словно отшатнулся отъ него. Да, онъ былъ слабое, ничтожное созданіе, съ которымъ всѣ прочіе здоровые и счастливые люди обращаются какъ-то презрительно мягко...

А Гришѣ такъ легко и весело говорилось съ моло-

дой дѣвушкой. Здѣсь, гдѣ не было посторонних пытливыхъ глазъ — Паша вѣдь не могъ идти въ счетъ — Нелли свободно отдалась вполнѣ охватившему ее оживленію. Глаза ея то лукаво прятались подъ длинныя рѣсницы, то прямо глядѣли на Гришу во всей своей дѣвической прелести. Шла у нихъ самая безсодержательная болтовня. А между тѣмъ Гриша такъ и чувствовалъ, что въ этихъ пустыхъ словахъ есть какой-то затаенный смыслъ, понятный имъ обоимъ.

Такъ пролетѣло слишкомъ полчаса. Они только что порѣшили, что на слѣдующій день будутъ вмѣстѣ кататься на конькахъ, — Гриша былъ отличный конькобѣжецъ, а Нелли только что выучилась — какъ вдругъ послышался въ дверяхъ хриповатый голосъ Виктора.

— А вотъ ты куда забралась. Хочешь, Нелли, я тебя до обѣда покатаю въ своихъ саняхъ. Ты увидишь, какъ славно бѣжитъ лошадь; да и погода чудесная.

Викторъ былъ въ пальто съ бобровымъ воротникомъ и въ мѣховой шапкѣ. Отецъ подарилъ ему на праздники рослаго, караковаго жеребца и новыя сани, которыми онъ хвастливо щеголялъ передъ товарищами.

Нелли тотчасъ согласилась. Ей было очень весело съ Гришей, но она хорошо знала, что баловать никого не слѣдуетъ и что во время прекратить оживленный разговоръ — это лучшее средство усилить впечатлѣніе, произведенное ея обществомъ. И, живо простившись съ Гришей, она побѣжала на верхъ одѣваться.

— Что, вы опять тутъ вдвоемъ ученую воду толкли? — небрежно сказалъ Викторъ, закуривая папиросу.

— Мы были не вдвоемъ, — отвѣтилъ Паша — а съ Нелли, я думаю, ученыхъ разговоровъ не бываетъ.

— То-то у тебя видъ такой кислый. Волей неволей пришлось спуститься съ седьмого неба. Что, ты поѣдешь съ нами вечеромъ въ театръ?

— Нѣтъ, не думаю.

— Опять весь вечеръ просидишь за какой-нибудь

дурацкой книгою. Что у тебя тутъ, Шопенгауэръ? Фу, охота такую ахинею читать. Ну какъ знаешь, я самъ вѣдь не надолго съ ними въ ложѣ останусь. Собирается компанія къ цыганамъ. Вотъ тебѣ, Гриша, когда-нибудь бы съ нами. Ты вѣдь не то, что мой братецъ.

— И душой бы радъ, — сказалъ Гриша, хоть и совсѣмъ онъ не былъ радъ провести ночь въ одной компаніи съ Викторомъ, — да не могу, работа есть по министерству.

— Тоже въ серьезные люди записался, — захихикалъ Викторъ, — ну да это ничего, хвалю — честолюбіе, по крайней мѣрѣ, карьера... въ этомъ есть практическій смыслъ. Это не то, что Пашина философія. Что, Нелли, готова? Молодецъ, — обернулся онъ, увидавъ, что сестра уже пришла, успѣвъ перемѣнить платье и накинуть котиковое пальто и бархатную шапочку, отороченную тѣмъ же котиковымъ мѣхомъ. Викторъ и она, оба красивые и смѣющіеся, казались олицетвореніемъ дерзкой молодости, увѣренной въ томъ, что жизнь передъ нею стелется скатертью. Они вышли, простившись съ Гришей, и минуту спустя, караковый рысакъ, широко расправляя ноги и поднимая снѣгъ сильными копытами, быстро мчалъ ихъ къ Невѣ. А Гриша, все еще полный какого-то сладкаго опьяненія, веселою походкой шелъ по направленію къ Знаменской, гдѣ жили его родные.

III.

Непрядвины занимали довольно просторную меблированную квартиру въ третьемъ этажѣ большого, совсѣмъ новаго дома. Изъ квартиры этой только что выѣхалъ крупный чиновникъ судебнаго вѣдомства, получившій назначеніе въ провинцію, и Михаилъ Андреевичъ поторопился ее снять, чтобы не тратиться на

дорогую жизнь въ гостинницѣ. Совсѣмъ неуютно глядѣла она съ высокими, голыми стѣнами, съ потертою мебелью и съ несвѣжими гардинами на окнахъ. Важное оффиціальное лицо оставило на своемъ бывшемъ жильѣ какой-то унылый отпечатокъ чего-то казеннаго и въ то же время заурядно мѣщанскаго. И какъ ни старательно Варвара Петровна разставляла жалкую мебель, какъ ни развѣшивала по стѣнамъ привезенные изъ деревни портреты и гравюры, этотъ отпечатокъ ей стереть не удалось. Все въ домѣ глядѣло сѣро, холодно и голо, все напоминало скорѣе номеръ гостинницы, чѣмъ постоянное семейное гнѣздо. И всего непріятнѣе поражало глазъ странное противорѣчіе между этой поношенной меблировкой, очевидно набранной случайно, и новизной самаго дома, гдѣ отъ стѣнъ отдавало сыростью и въ воздухѣ все еще носился приторный запахъ свѣжей краски. Хотя Непрядвины тутъ жили уже третій мѣсяцъ, они все какъ-то не чувствовали себя дома: не доставало чего-то необходимаго, не доставало семейнаго очага. И, должно быть, сознавая это, Михаилъ Андреевичъ старался дома оставаться какъ можно меньше. Петербургъ еще усилилъ его кочевыя наклонности. У него завелась уже цѣлая куча знакомыхъ. А Варвара Петровна, хоть и не обладала его умѣньемъ быстро сближаться съ людьми, тоже по цѣлымъ днямъ разъѣзжала въ извощичьей каретѣ, то дѣлая безчисленные визиты, то выводя изъ терпѣнія продавщицъ въ магазинѣ своей нерѣшительностью выбрать себѣ что-нибудь по вкусу.

Михаилъ Андреевичъ чувствовалъ себя въ Петербургѣ, какъ рыба въ водѣ. Онъ не понималъ даже, какъ могъ онъ такъ долго киснуть въ своемъ захолустьѣ. Городъ совсѣмъ охватилъ его своимъ суетливымъ потокомъ, и Михаилу Андреевичу казалось, что и дома, и улицы ему какъ-то сродни, что на Невскомъ онъ знаетъ въ лицо чуть ли не всѣхъ прохожихъ. Старинные, давно забытые пріятели не только признали

его и ему обрадовались, но выходило даже, какъ будто они не разставались съ нимъ никогда. Въ какой-нибудь мѣсяцъ лицо Михаила Андреевича стало знакомо всѣмъ театральнымъ капельдинерамъ и татарамъ всѣхъ ресторановъ. А Михаилъ Андреевичъ въ свою очередь твердо зналъ, гдѣ надо спрашивать такое-то вино, и гдѣ особенно хорошо готовятъ такое-то блюдо. Непрядвинъ имѣлъ тѣмъ болѣе права всѣмъ этимъ наслаждаться, что ему въ Петербургѣ рѣшительно повезло. Коловратскій принялъ его какъ нельзя лучше. Правда, къ себѣ въ министерство онъ его не взялъ: въ какихъ-нибудь десять минутъ бесѣды съ нимъ, Павелъ Александровичъ вполнѣ убѣдился въ непригодности бывшаго товарища для серьезной работы. Но можно было не обременять своего вѣдомства ненужнымъ человѣкомъ и все таки доставить этому человѣку хорошее мѣсто на сторонѣ. Не мало вѣдь въ Петербургѣ такихъ мѣстъ, гдѣ не требуется ни большихъ способностей, ни усидчиваго труда, — мѣстъ какъ бы созданныхъ для того, чтобы доставить порядочнымъ людямъ средства прожить въ столицѣ и при случаѣ кутнуть. Павелъ Александровичъ твердо держался правила никогда не забывать товарищей. А Михаилъ Андреевичъ, вдобавокъ, имѣлъ права на его вниманіе въ качествѣ роднаго брата графини Елизаветы Андреевны. И Коловратскій пріискалъ ему мѣсто члена комитета, учрежденнаго для надзора за процвѣтаніемъ сельскаго хозяйства. Мѣсто это состояло въ другомъ вѣдомствѣ, но министръ, отъ котораго зависѣло назначеніе, нуждался въ Павлѣ Александровичѣ, и назначеніе состоялось.

Михаилъ Андреевичъ былъ очень доволенъ своимъ мѣстомъ. По четвергамъ онъ аккуратно ѣздилъ въ свой комитетъ и не менѣе аккуратно подписывалъ журналы, разумѣется, не прочитывая ихъ и не слушая докладовъ ихъ. Въ преніяхъ онъ не принималъ участія, но за стаканомъ чая, выкуривая одну папироску за

другой, охотно, ради оживленія скучной оффиціальной бесѣды, вставлялъ какую-нибудь шуточку или какой-нибудь забористый разсказецъ. Михаилъ Андреевичъ всѣмъ своимъ сочленамъ полюбился; да и самъ онъ былъ въ восторгѣ отъ своего комитета, гдѣ всѣ держали себя такъ мило и непринужденно и такъ забавно острили насчетъ правительства. А получать за все это еще 4 тысячи въ годъ,—было очень пріятно. Михаилъ Андреевичъ сразу попалъ въ особый петербургскій тонъ либеральнаго чиновничества. Чутье ему подсказало, что здѣсь совсѣмъ уже не годится его провинціальный, земскій либерализмъ, основанный на томъ, что правительство вѣчно мѣшаетъ земству идти впередъ, а можно было бы такъ много сдѣлать для страны, лишь бы дать мѣстнымъ дѣятелямъ наговориться въ сласть. Здѣсь въ Петербургѣ напротивъ господствовало совсѣмъ иное настроеніе. Мнѣніе, будто можно что-нибудь сдѣлать вообще, признавалось чѣмъ-то ребяческимъ и смѣшнымъ. Всѣ были убѣждены, что рѣшительно ничего сдѣлать нельзя, и забавлялись именно этимъ роковымъ безсиліемъ. Россія съ этой чисто петербургской точки зрѣнія такая страна, гдѣ всѣ — и правительство, и земство, и частные люди — могутъ дѣлать однѣ только глупости, но есть избранная кучка просвѣщенныхъ людей, которые дѣлаютъ видъ, будто управляютъ страной, а на самомъ дѣлѣ только смѣются надъ всѣмъ, въ томъ числѣ и надъ собою — и за то получаютъ солидное жалованье. И Михаилъ Андреевичъ эту столичную точку зрѣнія усвоилъ себѣ очень быстро. Онъ даже сталъ теперь, какъ истый петербургскій чиновникъ, самодовольно потѣшаться насчетъ провинціальныхъ иллюзій. И дома онъ охотно повторялъ слышанныя имъ въ его новомъ чиновничьемъ кругу удивительно свободныя рѣчи. Варвара Петровна тщетно пыталась его остановить. „Какъ можно передъ дѣтьми!.“—унимала она мужа,—„что ты за примѣръ подаешь!“

— Полно,— улыбался въ отвѣтъ Михаилъ Андреевичъ,—то ли еще говорятъ другіе! Въ нашемъ комитетѣ... Да что комитетъ, самъ Коловратскій — нужды нѣтъ, что онъ на такомъ видномъ мѣстѣ — а какія слышалъ я отъ него удивительныя вещи! Съ нимъ про все можно говорить съ полной откровенностью. Да, голова, нечего сказать!

Но Михаилъ Андреевичъ въ женѣ отголоска не находилъ. — Варвара Петрова успѣла разочароваться въ Петербургѣ. Не разъ, конечно, она уже объѣхала всю родню; и нельзя даже сказать, чтобы ее приняли особенно дурно. Въ томъ свѣтѣ, куда хотѣла она проникнуть, либо совсѣмъ не принимаютъ людей, либо принимаютъ ихъ вѣжливо. Конечно, ей не слишкомъ обрадовались: кому пріятно видѣть упавшую съ неба провинціальную родственницу. Но все таки ее встрѣтили хорошо, даже съ оттѣнкомъ снисходительнаго радушія. И почти всѣ, къ кому она ѣздила, ей отдали визиты. Графиня Елизавета Андреевна два раза ее даже пригласила обѣдать, а старуха княгиня Двинская, у которой она жила до замужества, хотя и высказала ей съ ворчливой откровенностью, что незачѣмъ ей было съ мужемъ таскаться въ Петербургъ, хоть и называла ее „моя милая“, хоть и заставляла иногда при гостяхъ оказывать ей маленькія услуги, поднимать упавшую на полъ работу или звонить лакея, все таки при этихъ самыхъ гостяхъ, всегда называла ее „ma nièce“ и всѣмъ своимъ знакомымъ отрекомендовала въ этомъ качествѣ. Но все же это было не то. Варвара Петровна ясно сознавала, что въ этомъ давно покинутомъ ею мірѣ ей ни за что не стать въ уровень съ прочими, не выйти изъ этого унизительнаго положенія забытой родственницы, которую принимаютъ чуть не изъ милости. Она чувствовала, что между ней и этимъ петербургскимъ міромъ двадцать слишкомъ лѣтъ, проведенныхъ въ деревнѣ, вѣчно будутъ стоять непроходимой стѣной, что не помогутъ ей ни родственныя связи, ни французскія языкъ,

бережно ею сохраненный, какъ паспортъ для входа въ этотъ міръ, ни угодливость передъ всей ея знатной родней. И когда она таскалась по городу въ своей несчастной извощичьей каретѣ, въ своей старенькой шубѣ на изношенномъ песцовомъ мѣху, Варвара Петровна съ ужасомъ говорила себѣ, что она сдѣлала непростительную ошибку, что деньги, полученныя отъ залога Солнцева, пойдутъ на безполезные расходы, или, что еще хуже, на любовныя шалости Михаила Андреевича, что вернуться въ свѣтъ и вывозить Наташу—несбыточная, глупая мечта. И съ горечью она постигала теперь, что между ней и этимъ свѣтомъ есть еще одно неустранимое препятствіе — недостатокъ въ деньгахъ, презрѣнная, стыдившая ее необходимость дрожать надъ каждой копѣйкой и краснѣть предъ чужими лакеями, когда подавали къ подъѣзду какого-нибудь барскаго дома ея дребезжавшую карету, запряженную двумя клячами. У Варвары Петровны, всегда преклонявшейся предъ богатствомъ и знатностью, теперь поднимался въ душѣ раздраженный ропотъ противъ этого богатства. Разъ, оставшись вдвоемъ съ графиней Елизаветой Андреевной, она дала волю своему негодующему чувству, жалуясь, что въ петербургскомъ обществѣ теперь Богъ вѣсть кого можно встрѣтить, а рожденіе, повидимому, не значитъ ужъ ничего. Графиня, снисходительно улыбнувшись, ей отвѣтила на это, что въ наше время некогда припоминать, кто кому доводится родней, а надо прежде всего „быть, какъ всѣ", то есть попросту пріучить къ себѣ общество, постоянно торчать у него на глазахъ. „Если кого привыкли встрѣчать вездѣ", сказала, между прочимъ графиня, „никому и въ голову не приходитъ спрашивать, откуда онъ родомъ и какое право онъ имѣетъ бывать въ свѣтѣ". Да, это странное, непонятное для нея правило петербургскаго свѣта теперь кололо глаза Варварѣ Петровнѣ, доводя ее до тихаго бѣшенства. Госпожа Больцева, напримѣръ, принята вездѣ, и всѣ у нея бываютъ, а между тѣмъ хорошо извѣстно

всякому, что она дочь какого-то откупщика, чуть ли не изъ бывшихъ крѣпостныхъ. Недавно еще въ присутствіи Варвары Петровны графиня принимала съ изысканною любезностью одного молодого статскаго господина, Александра Филипповича Скворцова. Этотъ господинъ, судя по его манерамъ и по увѣренности его тона, очевидно, принадлежалъ къ числу самыхъ „настоящихъ“. А между тѣмъ, когда она послѣ спросила графиню, кто этотъ Скворцовъ, та ей сказала, что о его происхожденіи ей ничего неизвѣстно, а принимаютъ его всѣ, потому что вездѣ его встрѣчаютъ и совершенно позабыли, кто первый вздумалъ пустить его въ оборотъ. „Конечно, это была какая-нибудь дама“, при этомъ добавила графиня. А самый этотъ Коловратскій, про котораго такъ много говорятъ и который занимаетъ одинъ изъ самыхъ видныхъ постовъ, откуда онъ взялся, кто слыхалъ про его отца? „Выскочка, пролазъ“, обзывала его мысленно Варвара Петровна, очень не разборчивая на русскія выраженія, особенно, когда она бесѣдовала съ собой. А между тѣмъ какъ она была благодарна этому выскочкѣ, когда онъ принялъ въ свое министерство ея сына и сразу приблизилъ его къ себѣ. Да, ея старинныя понятія о родовитости приходилось бросить, какъ нѣчто отжившее. Деньги съ одной стороны, а съ другой — умѣніе попасть на истинную дорогу и держаться на ней — вотъ что теперь даетъ положеніе. А все таки Варвара Петровна видѣла и нѣчто другое, что совсѣмъ уже спутывало ея понятія: въ свѣтѣ принимались, и принимались очень хорошо совсѣмъ небогатые люди и молодые, и старые. Этотъ самый Скворцовъ, котораго она встрѣтила у графини не имѣлъ состоянія. Были очень блестящіе на видъ господа изъ военной молодежи, которые, по общему отзыву, жили неизвѣстно чѣмъ. А какъ объяснить себѣ, что такимъ почетомъ окружены иныя, совсѣмъ небогатыя старухи, хотя бы ея тетка Двинская, къ которой по большимъ праздникамъ ѣздятъ даже члены царской фамиліи. На

все это было только одно объясненіе, непостижимое для Варвары Петровны: къ этимъ людямъ привыкли, они вросли въ петербургскую почву, они стали чѣмъ-то такимъ же несмѣняемымъ, какъ памятники на площадяхъ. А она—бѣдная, забытая провинціалка, и никому дѣла нѣтъ до того, что по рожденію она принадлежитъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ семей, и чувствуетъ она себя передъ всѣми этими людьми, какъ чужая, почти какъ приживалка...

Много заботъ причиняла Варварѣ Петровнѣ и Наташа. Вывозить ее оказывалось совсѣмъ не такъ легко, какъ думала она прежде въ своей деревенской простотѣ. Петербургъ стоялъ передъ ней, какъ заколдованный лѣсъ. Когда она прикинула, во что обошлись бы туалеты для нея и для дочери, Варвара Петровна ужаснулась. Можно было, конечно, сдать ее на руки какой-нибудь родственницѣ, и какъ ни скорбѣло при этомъ самолюбіе Варвары Петровны, она на это почти рѣшилась. Но главная бѣда была въ томъ, что Наташа и слышать не хотѣла про выѣзды.

— Бросьте это, право, мама, — сказала она разъ тихо и ласково, заставъ мать за сложными денежными разсчетами. — Ну, подумайте сами, какая я свѣтская барышня! И развѣ я соглашусь вводить васъ въ такіе расходы? Сшейте мнѣ, пожалуй, два-три платьица, совсѣмъ простенькихъ, или нѣтъ, лучше я сама все выберу и устрою, а про выѣзды нечего и думать...

Наташа совсѣмъ перемѣнилась въ своемъ обращеніи съ матерью: въ ней было теперь что-то мягкое, покорное, прежняя строптивость исчезла совсѣмъ. Но Варварѣ Петровнѣ было отъ того не легче. Переубѣдить въ чемъ-нибудь дочь, заставить ее отказаться отъ принятаго рѣшенія она по прежнему не умѣла. Наташа не возражала, не спорила — ласка слышалась въ ея голосѣ, — и все таки она стояла на своемъ.

Наташа даже отказалась бывать у старой тетки, гдѣ Варвара Петровна покорно высиживала длинные часы

услужливо разливая чай, пока княгиня сидѣла за своей вѣчной партіей. Наташа безпрекословно объѣздила съ матерью всю родню и своей миловидной наружностью произвела даже очень выгодное впечатлѣніе. Но исполнивъ это, она рѣшительно не захотѣла лишній разъ подвергать себя этой пыткѣ, „ѣздить на поклоненіе къ этимъ мощамъ", какъ она выразилась. Ей просто было скучно среди удушливой атмосферы пустыхъ толковъ и приличнаго злословія, а скучать изъ уваженія къ старой теткѣ, которой вовсе она не знала, Наташѣ казалось унизительнымъ. Варварѣ Петровнѣ даже пришлось допустить нѣчто худшее — Наташа стала ходить на курсы и добилась она согласія матери опять таки безъ всякой борьбы съ нею, спокойно и покорно. На этотъ разъ, правда, она нашла союзника въ отцѣ. Михаилъ Андреевичъ хорошенько не зналъ, что такое собственно курсы, но либеральныя газеты столько разъ отзывались про нихъ съ горячей похвалой, что, очевидно, нельзя было не сочувствовать желанію дочери.

— Что у тебя за старомодныя идеи, — говорилъ онъ женѣ по этому поводу, — развѣ въ образованіи можетъ быть что-нибудь худое? Я давно нахожу, что дѣвушки должны знать все то же... ну, или тамъ почти все то же, что молодые люди... учиться всегда хорошо, особенно, когда это обходится такъ дешево...

Убѣдили или нѣтъ эти доводы Варвару Петровну, но уступить ей пришлось, хоть и противъ воли. И когда Наташа цѣлый мѣсяцъ побывала на курсахъ и никакой замѣтной перемѣны съ ней не произошло, Михаилъ Андреевичъ принялся даже трунить надъ опасеніями жены. „Ну видишь, что я говорилъ, Наташа осталась такая же, какъ и была: не остриглась, не носитъ синихъ очковъ. Такъ гдѣ же тутъ ужасы, которыхъ ты пугалась?"

Въ самомъ дѣлѣ, не только ужасовъ не было никакихъ, а Наташа за послѣднее время какъ будто даже

ожпвилась и повеселѣла. Молчаливая грусть, облакомъ нависшая на нее осенью передъ отъѣздомъ изъ Солнцева, словно разсѣялась; такъ по крайней мѣрѣ казалось Варварѣ Петровнѣ, не умѣвшей глубоко заглядывать въ душу молодой дѣвушки. На самомъ дѣлѣ въ сердцѣ Наташи по прежнему было затаенное, скорбное чувство разочарованія въ первой любви. Но гордость ей мало по малу помогла, если не заглушить это чувство, то по крайней мѣрѣ стряхнуть съ себя его гнетъ. Она будетъ помнить нанесенную ей горькую обиду, но ей незачѣмъ малодушно опускать голову, точно она стыдится чего-то. И коли суждено опять встрѣтиться съ этимъ человѣкомъ, она сумѣетъ показать, что власть онъ надъ нею утратилъ навсегда.

Когда Гриша вернулся отъ Коловратскихъ, онъ засталъ Михаила Андреевича въ самомъ отличномъ расположеніи духа — онъ славно позавтракалъ, истребивъ цѣлыхъ два десятка устрицъ; а потомъ, заѣхавъ къ сестрѣ, имѣлъ съ ней длинный разговоръ, отъ котораго у него зародилась въ головѣ цѣлая куча плановъ и надеждъ самаго пріятнаго свойства.

— Гриша,—раздался изъ кабинета его голосъ, едва молодой человѣкъ вошелъ въ переднюю,—поди ка сюда. Послушай-ка, что у насъ за чудеса творятся!

Михаила Андреевича такъ и подмывало поскорѣе сообщить кому-нибудь изъ домашнихъ про то, что онъ слышалъ у сестры. Это былъ самый свѣжій, еще не проникшій въ публику скандалъ въ оффиціальномъ мірѣ. Одно чиновное лицо, которому былъ пожалованъ участокъ казенной земли, удачно и вполнѣ безнаказанно, при содѣйствіи другихъ чиновныхъ лицъ, отмежевало въ свое владѣніе такой же участокъ, но покрытый великолѣпнымъ мачтовымъ лѣсомъ. И разсказъ объ этой продѣлкѣ былъ встрѣченъ графиней и бывшими у нея гостями; какъ самая забавная новость; а затѣмъ по поводу этой исторіи сидѣвшіе у графини господа стали передавать другъ другу самые невѣроятные случаи

удачныхъ спекуляцій, совершенныхъ, конечно, насчетъ одураченной казны. Все это говорилось самымъ веселымъ тономъ, точно слышать про это всѣмъ доставляло большое удовольствіе, а у Михаила Андреевича такъ и разбѣгались глаза. Не въ первый разъ ему доводилось присутствовать при такихъ разсказахъ. Графиня передъ нимъ не стѣснялась, и мало по малу—сестра была въ его глазахъ большимъ авторитетомъ — онъ привыкалъ смотрѣть на подобныя вещи совсѣмъ иными глазами, чѣмъ прежде. По природѣ Михаилъ Андреевичъ былъ очень честный человѣкъ, и въ недавнее еще время всякое сомнительное дѣло вызвало бы въ немъ искреннее негодованіе. Но въ Петербургѣ онъ скоро понялъ, что его провинціальная честность немного смѣшна, что здѣсь привыкли относиться ко всему этому лишь съ веселымъ зубоскальствомъ. И онъ очень скоро поддѣлался подъ столичный тонъ, отбросивъ свое тяжеловѣсное, земское фрондерство. Да и приходилось ему диву даваться, какъ это въ столицѣ быстро и легко достаются такіе крупные барыши, о которыхъ ему и не снилось въ его Тульскомъ захолустьи. Михаилъ Андреевичъ рѣшительно просвѣщался. И когда, послѣ отъѣзда гостей, онъ остался вдвоемъ съ сестрой, онъ признался ей откровенно, что, пожалуй, и ему незачѣмъ отказывать себѣ въ долѣ отъ той манны небесной, которая такъ щедро сыплется на тѣхъ, кто умѣетъ не зѣвать: вѣдь чѣмъ же онъ хуже другихъ, наконецъ? Онъ даже повѣдалъ сестрѣ, что у него успѣлъ уже сложиться и опредѣленный планъ. Онъ сдѣлался недавно акціонеромъ одного изъ крупныхъ банковъ. И когда весною будутъ въ этомъ банкѣ выбирать новое правленіе, отчего бы ему не попасть въ директора? Павелъ Александровичъ имѣлъ въ этомъ банкѣ сильную руку. Вѣдь даже такому сановнику не мѣшало на всякій случай имѣть въ правленіи лишній, вполнѣ преданный ему голосъ.

Графиня выслушала эти изліянія довольно равнодушно. Ее удивляло немножко, что у такого новичка,

какъ ея братъ, такъ быстро разгарался аппетитъ. Но подумать объ этомъ все таки не мѣшало. Графиня, хоть и не питала особой нѣжности къ брату, не лишена была все таки нѣкотораго родственнаго чувства, и чувство это всегда выражалось у нея въ видѣ готовности оказать матеріальную услугу, особенно на чужой счетъ. Она была очень не прочь содѣйствовать обогащенію брата. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть хуже и скучнѣе бѣдной родни? А Михаилъ Андреевичъ, вдобавокъ, хоть и коробилъ ее иногда своими манерами и вслѣдствіе того былъ не совсѣмъ удобенъ на какомъ-нибудь великосвѣтскомъ вечерѣ, ей все таки внушалъ нѣкоторую симпатію, не въ примѣръ болѣе, конечно, чѣмъ его несносная жена. Онъ въ сущности былъ славный малый, добродушный и почти забавный, и, вдобавокъ, необидчивый.

Все это, какъ бы заранѣе облизываясь отъ удовольствія, Михаилъ Андреевичъ повѣдалъ сыну, и повѣдалъ съ необыкновеннымъ жаромъ, точно онъ почувствовалъ, что у него крылья отростаютъ.

— Воображаю,—говорилъ онъ,—какую у васъ тамъ въ министерствѣ строчатъ благонамѣренную канитель про необходимость положить конецъ злоупотребленіямъ и повсюду водворить порядокъ!..

Онъ произнесъ это, надсаживая грудь и комически возвышая голосъ.—Хорошъ порядокъ! Такъ и общипываютъ казенную курицу по всѣмъ правиламъ искусства. И подѣломъ, подѣломъ!..

Михаилъ Андреевичъ словно торжествовалъ какую-то побѣду. Гришѣ было тяжело это слышать. Онъ пробовалъ остановить отца, но Михаилъ Андреевичъ не унимался.

— Да вотъ ты мнѣ что устрой,—продолжалъ онъ все тѣмъ же побѣдоноснымъ тономъ. Я слышалъ, тамъ какой-то законъ вышелъ недавно, которымъ запрещается служащимъ занимать директорскія мѣста. Ну, да коли есть законъ такой, есть навѣрно и средство его обойти!

Ты мнѣ про это разузнай хорошенько. Собери тамъ справки, что ли.

Михаилъ Петровичъ позвонилъ и велѣлъ слугѣ подать, только что привезенную имъ изъ милютиныхъ лавокъ закуску,—кусокъ сыра Roquefort и превосходной икры.

— Попробуй, отличная,—предложилъ онъ Гришѣ, намазывая икру на ломоть хлѣба.

За этимъ занятіемъ его застала Варвара Петровна. Она вернулась домой усталая и раздосадованная. Весь этотъ день она провела у старой княгини Двинской. Старая княгиня простудилась и должна была сидѣть дома. Варвара Петровна изъ силъ выбивалась, чтобы развлечь ее, но въ награду за то должна была выслушивать одни колкія, ворчливыя замѣчанія. Княгиня была не въ духѣ отъ того, что докторъ ей запретилъ принимать гостей и оттого, вдобавокъ, что передъ ней торчала эта несносная племянница, которой она и прежде не долюбливала. И Варвара Петровна это прекрасно сознавала. Она вдругъ какъ то почувствовала, что и сама она никогда не любила тетку, за которой такъ ухаживала, и что все это одна ложь, при томъ глупая, безцѣльная ложь. Желчный ропотъ поднялся у нея на душѣ. Зачѣмъ это она, изъ за какихъ разсчетовъ теряетъ время и силы, таскается къ этой ненужной роднѣ. Когда она вошла въ кабинетъ мужа и увидѣла его свѣжаго и довольнаго собой, долго копившееся чувство вырвалось наружу. Порывистымъ сердитымъ движеніемъ она развязала ленту у своей шляпы и опустилась въ кресло.

— Устала? Можетъ быть проголодалась?—неосторожно спросилъ у нея мужъ. — Хочешь закусить? Икра славная.

Варвара Петровна съ неимовѣрнымъ презрѣніемъ взглянула на супруга, и нога ея стала усиленно биться о полъ.—Благодарю, мнѣ ничего не нужно,—проговорила она сквозь зубы.—Это тебѣ все закуски да лакомства

разныя на умъ идутъ. Очень нужно тратиться на это! И хотѣла бы я знать, разбогатѣли мы, что ли?..

— Во всякомъ случаѣ,—обиженнымъ, но добродушнымъ тономъ отвѣтилъ Михаилъ Андреевичъ,—я трачу собственныя деньги. И когда получаешь четыре тысячи въ годъ...

— Много останется отъ этихъ четырехъ тысячъ! Какъ подумаешь, чего стоитъ одна эта ужасная квартира, гдѣ порядочнымъ людямъ жить совѣстно!..

— Ну, матушка, ужъ это капризы настоящіе,—жуя свою икру, проговорилъ Михаилъ Андреевичъ, не замѣчавшій даже, какъ раздражали жену каждое его слово и самъ онъ, весь цвѣтущій здоровьемъ, и въ особенности этотъ неприличный его аппетитъ.—Чего тебѣ еще нужно? Квартира преотличная. Мы не милліонеры: по одежкѣ, знаешь...

— Да,—гнѣвно возразила Варвара Петровна, — на глупыя прихоти, на ужины, на театръ, на подарки разные, Богъ вѣсть какимъ женщинамъ можно сорить деньгами; а что мы живемъ въ какихъ-то сараяхъ, гдѣ и принять кого-нибудь стыдно — это по твоему ничего?

И Варвара Петровна дала волю всей презрительной злобѣ, давно накопившейся у нея противъ всей этой скверной мѣщанской обстановки. Каждый разъ, что она возвращалась къ себѣ изъ какого-нибудь барскаго дома, ее возмущали эти голыя стѣны, эта дрянная меблировка, весь этотъ мизерный складъ жизни средняго люда. И мужъ даже не примѣчалъ этого, могъ удовлетворяться жалкимъ хламомъ, собраннымъ здѣсь какимъ-то чиновникомъ, не подозрѣвавшимъ даже, какъ живутъ порядочные люди. Ее въ особенности бѣсило то праздничное настроеніе, въ которомъ постоянно находился ея мужъ, точно онъ каждый день имянинникъ. Тамъ, гдѣ все оскорбляло ея наболѣвшее самолюбіе, онъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше, жилъ на распашку, во все свое удовольствіе. „И это потому лишь“,

говорила себѣ Варвара Петровна, „что ему ничего иного и не нужно, что ему нравится эта буржуазная среда, эти буржуазныя удовольствія.

Съ первыхъ же словъ матери Гриша вышелъ изъ кабинета, чтобы не присутствовать при домашней сценѣ. Ему не хотѣлось даже въ мысляхъ осуждать ни отца, ни матери. Онъ бережно хранилъ въ себѣ завѣщанное ему съ дѣтства уваженіе къ нимъ; а между тѣмъ онъ чувствовалъ, какъ съ каждымъ днемъ все болѣе меркнутъ свѣтлыя воспоминанія этого дѣтства, какъ будничные споры понемногу разрушаютъ дорогую ему семейную жизнь. Здѣсь въ Петербургѣ было еще хуже, чѣмъ въ деревнѣ, хотя столкновенія между родителями и происходили рѣже, потому что жизнь ихъ шла все замѣтнѣе врозвь. Большой городъ своей шумною суетой будто поглотилъ въ себѣ ихъ крошечный мірокъ. Все то, чѣмъ столько лѣтъ твердо держалась семья, — взаимное довѣріе, — разлагалось, исчезало. Невыразимо грустно было Гришѣ это видѣть и сознавать, что самъ онъ не можетъ помочь бѣдѣ, сплотить распадающуюся семью. Онъ могъ только сторониться отъ семейныхъ несогласій, заглушая въ себѣ готовый подняться голосъ осужденія.

— Гдѣ Наташа? — раздраженно спросила Варвара Петровна, входя въ столовую. — Кажется, пора бы ей вернуться съ этихъ курсовъ.

— Ахъ, да, совсѣмъ забылъ, — небрежно отвѣтилъ Михаилъ Андреевичъ, — она обѣдаетъ у сестры.

Варвара Петровна повела плечами и съ недовольнымъ видомъ усѣлась за столъ. Въ другой разъ ее бы нисколько не разсердило, что Наташа обѣдаетъ внѣ дома, не предупредивъ ее; но въ этотъ день она въ каждой мелочи видѣла какую-то обиду себѣ. И противъ золовки у нея давно зародилось недружелюбное чувство. Она помнила, какъ холодно графиня всегда отзывалась на ея заискиванія; и теперь какъ на зло нелюбимая ею женщина выказывала мужу и дочери какое-

то покровительство, за которое даже приходилось ее благодарить: она доставила мужу назначеніе, пристроила сына въ министерствѣ, какъ будто благоволитъ и къ Наташѣ. Благодарность за все это тяготила Варвару Петровну, какъ разъ вслѣдствіе того, что она сравнивала это покровительство графини съ полнымъ равнодушіемъ ея собственныхъ родственниковъ. Вѣдь Елизавета Андреевна была не ея, а мужнина родня. И графиня давала ей чувствовать, что своими близкими она считаетъ только брата и племянника. Варвара Петровна сознавала что-то обидное для себя въ обращеніи графини. Съ мужемъ у нея было какое-то странное глухое соревнованіе, точно ей хотѣлось, чтобы семья всѣмъ была обязана ея личной знатной роднѣ. Ухаживать за этой родней ей не казалось унизительнымъ, но признавать какое-то превосходство золовки потому только, что Елизаветѣ Андреевнѣ удалось сдѣлать блестящую партію — противъ этого возмущалась вся фамильная гордость Варвары Петровны.

Обѣдъ прошелъ въ кисломъ молчаніи. Неудивительно, что Михаилъ Андреевичъ, едва выпилъ онъ кофе и выкурилъ папироску, сталъ посматривать на часы, увѣряя жену, что долженъ спѣшить на какое-то важное совѣщаніе по дѣламъ. Варвара Петровна ничего не отвѣтила на это, но отвернулась, когда мужъ хотѣлъ поцѣловать ее на прощанье, и глаза ея выразили ясно, какого она мнѣнія насчетъ этихъ дѣлъ. Потомъ она просидѣла нѣсколько минутъ, не двигаясь съ мѣста, какъ бы окаменѣвъ въ своемъ неудовольствіи. Съ сыномъ ей говорить не хотѣлось. Да и Гриша чувствовалъ какъ-то, что нѣжныя слова утѣшенія не идутъ къ нему на языкъ. Онъ почти даже обрадовался, когда мать встала и молча пошла къ себѣ въ комнату...

IV.

Всю эту зиму жизнь Гриши складывалась какъ-то своеобразно, совсѣмъ не по петербургскому. Въ такъ называемый „свѣтъ“ онъ по прежнему не ѣздилъ. Товарищей у него почти не было вовсе. Всѣ, съ кѣмъ онъ былъ на короткой ногѣ въ университетѣ, куда-то исчезли. Удивительно быстро, какъ вешній снѣгъ, будто стаяла эта школьная дружба, казавшаяся такою прочной. И все таки эта почти одинокая жизнь была такъ полна и дѣлъ и сладкихъ грезъ, что Гриша и не тяготился своимъ одиночествомъ: съ одной стороны было министерство, въ которомъ Гриша работалъ много и усердно, искренно вѣря въ серьезность и важность этого бумажнаго дѣла, и съ другой — цѣлый кругъ интересовъ и отношеній, тоже казавшихся очень серьезными. Гриша аккуратно посѣщалъ вечернія собранія у Петра Кирилловича Радугина, гдѣ собирались профессора, адвокаты, литераторы и многіе изъ видныхъ представителей судебнаго міра. Гриша тамъ заслушивался хлесткихъ и умныхъ рѣчей, и отъ этихъ рѣчей въ головѣ его оставался опьяняющій туманъ; и съ гордостью онъ говорилъ себѣ, что самъ тоже со временемъ станетъ въ первыхъ рядахъ передовыхъ дѣятелей, такъ хорошо и ясно умѣющихъ рѣшать труднѣйшіе вопросы. На ряду съ этимъ былъ совершенно иной, еще болѣе заманчивый мірокъ, въ центрѣ котораго вся дышащая свѣжестью и блескомъ стояла Нелли. Безкорыстное честолюбіе, отъ котораго такъ билось у Гриши сердце, жило въ немъ бокъ о бокъ съ инымъ сладкимъ и трепетнымъ чувствомъ.

Было около десяти часовъ вечера. Гриша весь погрузился въ объемистое дѣло, по которому ему было поручено составить записку. Но какъ ни старался онъ постичь тяжеловѣсную мудрость оффиціальнаго слога,

передъ его глазами то и дѣло мелькалъ заманчивый, шаловливый образъ Нелли, и среди сухихъ фразъ Гришѣ вспоминались отрывки бойкихъ, веселыхъ рѣчей, слышанныхъ имъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ въ комнатѣ Паши. Глаза его искрились, и раза два онъ даже разсмѣялся вполголоса, припомнивъ что-то изъ своего разговора съ Нелли.

— Какъ, ты одинъ у себя въ комнатѣ, — неожиданно услышалъ онъ вдругъ мягкій голосъ сестры, — а я думала, съ тобой кто-то сидитъ; ты сейчасъ такъ весело смѣялся. Это у васъ оффиціальныя бумаги такъ забавно пишутъ въ министерствѣ?

— Я такъ, замечтался, — слегка покраснѣвъ, отвѣтилъ Гриша и тутъ же спросилъ, чтобы перемѣнить разговоръ, — что ты такъ засидѣлась у графини? Неужели тебѣ весело тамъ?

— Видно не скучно было. Тетя велѣла тебѣ сказать, чтобы ты былъ у нея завтра вечеромъ: будутъ гости.

— Не знаю, право... я вѣдь до вечеровъ не охотникъ. Да ты сама ужъ больно часто стала бывать у тети, — прежде ты ее не долюбливала.

— Я просто перестала дичиться, вотъ и все.

Съ Наташей дѣйствительно перемѣна случилась, перемѣна, которой братъ до сихъ поръ не замѣчалъ; даже одѣта она была не по прежнему. Ея свѣтло сѣрое платье сидѣло на ней ловко, изящно. И прическа у нея была совсѣмъ не та ужъ, какъ въ Солнцевѣ. Во всемъ этомъ сказывалось незамѣтно для самой Наташи вліяніе графини Елизаветы Андреевны. Графиня, какъ женщина умная, тотчасъ поняла, что въ Наташѣ, не смотря на ея деревенское воспитаніе, много природнаго чутья, что стоитъ этимъ самородкомъ заняться, и отшлифуется онъ въ совершенствѣ. Къ счастію Варвара Петровна охотно отпускала ее одну. И можно было заняться ея перевоспитаніемъ, не навязывая себѣ на шею скучную маменьку. Сердце Наташи, правда,

совсѣмъ не лежало къ графинѣ, но за то ее скоро прельстилъ недюжинный и вдобавокъ совсѣмъ ужъ независимый умъ тетки. Графиня въ душѣ такъ же ненавидѣла все условное, какъ и сама Наташа, хоть и дѣлала всегда неизбѣжныя уступки тому, чего требовало ея положеніе. Желаніе Наташи посѣщать курсы не внушало ей ровно никакого ужаса, она только снисходительно улыбалась, думая про себя, что мимолетное увлеченіе пройдетъ само собою и пройдетъ очень скоро. И молодая дѣвушка уже нѣсколько разъ присутствовала на ея маленькихъ вечернихъ пріемахъ. Молодежи у графини не бывало почти вовсе, но объ этомъ Наташа и не жалѣла. И сдѣлалось какъ-то само собой, что Наташа мало по малу вошла въ новую колею и незамѣтно для себя переняла тонъ и пріемы чуждаго ей круга.

Въ этотъ день Наташа провела время у тетки особенно пріятнымъ образомъ. До обѣда она оставалась вдвоемъ съ кузиной Катей, съ которой у нея было столько общихъ милыхъ воспоминаній. Отъ каждой бесѣды съ Катей миромъ вѣяло на сердце Наташи, и въ эти минуты она почти завидывала безропотному смиренію двоюродной сестры. „Да, лучше быть такой, гораздо лучше“, твердила она себѣ, слушая мягкія неторопливыя слова кузины, „ничѣмъ не волноваться, ни противъ чего не роптать, но я такой все таки быть не могу“.

Обѣдали у графини въ этотъ день два молодыхъ генерала, изъ числа тѣхъ, которыхъ всѣ, а въ особенности они сами, считаютъ ближайшими кандидатами въ государственные люди. Одинъ изъ нихъ, Алексѣй Петровичъ Ломовисовъ, уже бойко шелъ по крутой и опасной дорогѣ, ведущей на самую вершину, и занималъ въ ожиданіи лучшаго одинъ изъ видныхъ второстепенныхъ постовъ; другой, графъ Дмитрій Васильевичъ Албановъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ пошелъ въ гору съ необыкновенною прытью, но увы! свихнулся на полпути, потому что не во время зазнался. Съ тѣхъ поръ

въ утѣшеніе себѣ онъ съ какимъ-то франтоватымъ ухарствомъ сыпалъ, гдѣ только могъ, насмѣшками по адресу власть имущихъ. Эта видная роль члена салонной оппозиціи нисколько ему, впрочемъ, не мѣшала выбиваться изъ силъ, чтобы вновь попасть на покинутую дорогу и тогда, о, тогда уже, конечно, онъ всѣмъ сумѣетъ показать, какъ слѣдуетъ держать въ рукахъ возжи. Дамъ у графини въ этотъ день не было.

Оба генерала были изъ числа самыхъ лучшихъ друзей Елизаветы Андреевны. Ея домъ они любили особенно потому, что въ немъ разъ навсегда установилась привычка о всемъ говорить совершенно свободно. И въ этотъ день разговоръ у графини былъ до того смѣлый и непринужденный, что Наташа диву далась, какъ это ей такія рѣчи приходилось слушать отъ этихъ людей, столь близкихъ къ самому источнику власти. Заговорили сперва про успѣхъ, одержанный въ этотъ самый день Коловратскимъ. Павелъ Александровичъ былъ у графини въ четыре часа и повѣдалъ ей про это подъ секретомъ, но оказалось, что всѣ уже знали о преніяхъ, въ то же утро происходившихъ въ комитетѣ. Павелъ Александровичъ въ этотъ день сжегъ свои корабли: онъ произнесъ горячую рѣчь въ самомъ рѣшительномъ либеральномъ духѣ. Дѣло шло о продолженіи казенной субсидіи одному товариществу, состоявшему изъ иностранцевъ и тѣмъ не менѣе близкому къ банкротству. По этому поводу Коловратскій доказалъ, что мы еще долго будемъ учиться и за это должны платить и что собственное хозяйничанье для насъ убыточнѣе такой науки, вслѣдствіе нашей повальной нечестности. Онъ сослался при этомъ на примѣръ недавней войны.

— Что жъ, мы опять понесли всенародное покаяніе и съ великимъ удовольствіемъ признали себя никуда негодными—сказалъ графъ Албановъ,—это прекрасно! Только вотъ бѣда,—каемся мы усердно, а исправленія что-то не видать. И самъ Коловратскій...

Ломовисовъ подъ столомъ слегка толкнулъ его но-

гой, этимъ напоминая ему про слухи, ходившіе въ городѣ о близкихъ отношеніяхъ Павла Александровича къ хозяйкѣ дома. Графъ покрутилъ свои блестѣвшіе, мягкіе черные усы.

— Мнѣ сдается, — проговорилъ онъ, — что это начало конца...

— Да ты долженъ быть доволенъ, — замѣтилъ ему Ломовисовъ, — ты вѣдь числишься въ оппозиціи.

— Я всегда доволенъ, когда другіе дѣлаютъ глупости, потому что на это забавно смотрѣть; но все таки, когда карабль собирается идти ко дну и самъ имѣешь несчастье плыть на этомъ кораблѣ...

— И вдобавокъ плыть противъ теченія, — вскользь замѣтила графиня.

— Ахъ, Елизавета Андреевна,—разсмѣялся графъ,— кто разберетъ, гдѣ тутъ теченіе. По моему, его совсѣмъ и нѣтъ. И ко дну мы пойдемъ даже не въ открытомъ морѣ, а въ болотѣ какомъ-то; и это тѣмъ стыднѣе.

По словамъ графа никогда нельзя было разобрать, чѣмъ онъ собственно недоволенъ, слабостью власти, или, напротивъ, излишнею ея строгостью.

Онъ былъ недоволенъ вообще, какъ всѣ честолюбцы, которымъ не даютъ кормила въ руки. Надо ему, однако, отдать справедливость; желчность его была веселая.

— Vous avez, mon cher, le mécontentement gai, — сказалъ ему Ломовисовъ.

— Самъ знаю, что гожусь только въ оперетку съ своей оппозиціей. Да и ты тоже, мой милый, и всѣ вы тамъ, стряпающіе кухню, прямо взяты изъ оперетки; оттого васъ никто и не боится.

Разговоръ не сходилъ съ этой почвы добродушно ядовитаго глумленія. Графъ то и дѣло дразнилъ Ломовисова, обзывая его, между прочимъ, русскимъ „бонапартистомъ“. Ломовисовъ слылъ за одного изъ сторонниковъ энергической политики.

— Ну, скажи пожалуйста, — спросилъ его между прочимъ, графъ, накладывая себѣ на хлѣбъ ломтикъ

сыра, — ты вѣришь, что всѣ ваши мѣры къ чему-нибудь поведутъ и что вамъ удастся схватить звѣря за хвостъ и раздавить ему голову?

— Да что жъ, — засмѣялся Ломовисовъ, высокій мужчина съ крупнымъ здоровымъ лицомъ и дерзко глядѣвшими сѣрыми глазами,—хвостовъ мы, кажется, довольно отрубили, да все новые отрастаютъ, таковъ ужъ звѣрь. А что насчетъ головы, ты знаешь мое мнѣніе — ее напрасно ищутъ, потому что ея нѣтъ вовсе.

— А все таки васъ проглотитъ этотъ звѣрь, — сказала графиня.

— И по вашему, Елизавета Андреевна, подѣломъ? Ну представьте себѣ, иногда вотъ какъ посмотришь на всѣ глупости, какія у насъ творятся — онъ понизилъ голосъ — на это полное отсутствіе системы, на это шатаніе справа налѣво, такъ и подумаешь за одно съ вами, что подѣломъ. Nous sommes pourris, voilà le mot.

— Eh bien! alors vive la pourriture! — воскликнулъ графъ, поднося къ губамъ рюмку отличнаго рейнвейна.

Графиня еще передъ обѣдомъ своимъ обоимъ друзьямъ отрекомендовала Наташу, какъ очень горячую головку. „Une tête a l'envers qui ne recule devant rien“.

— Будьте при ней осторожны,—сказала между прочимъ графиня, — c'est une jacobine dans l'âme.

При этомъ она потрепала Наташу по щекѣ. Но даже эта страшная кличка, повидимому, ничуть на испугала генераловъ. Напротивъ, они обратили на молодую дѣвушку усиленное вниманіе и осыпали ее любезностями. Графиня, напередъ знавшая, что будетъ именно такъ, оттого и выставила племянницу въ этомъ свѣтѣ.

— Я бы очень желалъ, — между прочимъ замѣтилъ Ломовисовъ, — чтобы всѣ хорошенькія женщины стали революціонерками: роль преслѣдователя сдѣлалась бы гораздо забавнѣе.

— А что, — отозвался на это графъ, — если бы въ плѣну очутился ты. Прекрасное вышло бы средство покончить споръ — l'enlevement des sabines à rebours.

Они очевидно смотрѣли на нее просто какъ на хорошенькую дѣвушку, мнѣнія которой не могутъ идти въ счетъ. Ей до крайности претилъ этотъ тонъ вѣчнаго подтруниванія; но природный тактъ подсказалъ ей, что надо отвѣчать въ томъ же легкомъ шутливомъ тонѣ, что всякая попытка говорить съ этими людьми серьезно вышла бы неминуемо смѣшной. И Наташа сдѣлала это какъ нельзя лучше, словно она давно привыкла къ вертлявому языку гостиныхъ. Она сама удивилась, откуда у нея взялось умѣнье уклончиво и бойко отвѣчать на шутки. Оба генерала были отъ нея въ восхищеніи.

— Да вы въ самомъ дѣлѣ преопасная молодая особа, — твердилъ ей Ломовисовъ, у котораго обычное дерзкое выраженіе глазъ стало заискивающимъ и мягкимъ, — только не въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете.

Il s'est tout a fait emballé pour votre nièce,—сказалъ графъ на ухо Елизаветѣ Андреевнѣ.

Будущіе сановники не только не стѣснялись присутствіемъ Наташи, но какъ будто захотѣли щегольнуть передъ ней своимъ беззастѣнчивымъ глумленіемъ надъ средой, къ которой они принадлежали сами. Не смотря на легкую шутливость ихъ рѣчей, Наташѣ казалось, что никогда еще ей не доводилось слышать такія ѣдкія, безпощадныя обличенія „всероссійской неурядицы“. Графъ Албановъ привелъ одинъ за другимъ два недавно бывшихъ случая, въ которыхъ все поведеніе дѣйствующихъ оффиціальныхъ лицъ было „верхомъ нелѣпости“. А Ломовисовъ, подзадоренный этимъ, разсказалъ еще одинъ эпизодъ, гдѣ представители власти оказались „совершенно одураченными“ двумя юношами изъ числа неблагонамѣренныхъ. И говорили они это оба съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ, точно они смаковали всю прелесть этой комической неумѣлости властей.

— Что, вы очень удивлены все это слышать,—обра-

тился вдругъ къ Наташѣ Ломовисовъ,—cela vous scandalise, n'est ce pas? Nous vous montrons le dessous des cartes: les secrets du métier.

— Не правда ли, мы похожи на римскихъ авгуровъ?— смѣясь, въ свою очередь вставилъ графъ.

Наташѣ въ самомъ дѣлѣ казалось, что эти двое господъ похожи на языческихъ жрецовъ, которые втихомолку насмѣхаются надъ обрядами своей вѣры. Когда оба генерала уѣхали, графиня спросила у нея, довольна ли она сегодняшнимъ днемъ.

— Я по твоимъ глазамъ замѣтила, что тебѣ весело. Видишь, мой другъ, и отъ свѣтскихъ людей можно услыхать кое-что не совсѣмъ банальное.

— Да, — задумчиво отвѣтила Наташа, — но коли всѣ въ вашемъ свѣтѣ такъ думаютъ и говорятъ, — въ самомъ дѣлѣ, недалеко до начала конца.

— Что дѣлать, мой другъ, — кто заглядываетъ за кулисы, у того иллюзій мало, но вѣдь это нисколько не мѣшаетъ актерамъ доиграть свою роль до конца.

„Всѣ они въ этомъ свѣтѣ“, думала Наташа, пока карета графини увозила ее домой, „въ самомъ дѣлѣ только роль играютъ; и вотъ почему имъ совершенно все равно, чѣмъ бы ни кончилась пьеса, лишь бы имъ самимъ достался на долю успѣхъ. И я была совершенно права, такъ ненавидя этотъ свѣтъ“... А между тѣмъ—она не могла скрыть этого отъ себя—для нея было что-то привлекательное въ этомъ самомъ ненавистномъ ей обществѣ, въ увѣренной легкости, съ которой оно касалось самыхъ тревожныхъ вопросовъ, самыхъ глубокихъ убѣжденій. И хоть и стыдно было ей признаться въ этомъ передъ собой, она выносила изъ дома тетки какое-то странное возбуждающее чувство удовлетвореннаго самолюбія.

Все видѣнное и слышанное ею у тетки Наташа оживленно передала брату. Гришу поразилъ искристый блескъ ея глазъ, пока она про это разсказывала.

— Ты будто восхищаешься всѣмъ этимъ—перебилъ онъ ее, — а по моему здѣсь одинъ наглый цинизмъ, все это безстыдно и гадко.

— Можетъ быть и гадко, — возразила она, — но во всякомъ случаѣ интересно. У нихъ, что ни говори, есть одно — есть смѣлость глядѣть на вещи прямо и называть ихъ по имени; у нихъ кругозоръ не узокъ. И вотъ что я тебѣ еще скажу. Эти люди совсѣмъ не то, что я думала, — они держатъ себя гораздо проще, свободнѣе, чѣмъ тѣ, которыхъ мы привыкли видѣть тамъ, въ Солнцевѣ: въ нихъ нѣтъ предразсудковъ.

Гриша собирался возражать, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то шаги.

— Можно войти къ тебѣ на минуту?—спросилъ высокій молодой человѣкъ, показавшійся въ дверяхъ.

Это былъ Леонтій Радугинъ. Гриша не слишкомъ обрадовался приходу товарища, прервавшему его разговоръ съ сестрой. У нихъ за всю эту зиму установились довольно странныя отношенія, и холодныя, и короткія въ то же время. Они видѣлись часто и въ министерствѣ, гдѣ они вмѣстѣ служили, и на вечерахъ у Петра Кирилловича. Но настоящей близости между ними уже не было. Леонтій сознавалъ это отлично, но дѣлалъ видъ, что не примѣчаетъ этого.

— Наташа, прикажи, чтобъ намъ принесли чаю,— сказалъ Гриша сестрѣ, — и останься съ нами, мы поболтаемъ втроемъ.

Наташа до сихъ поръ встрѣчалась съ Леонтіемъ лишь мелькомъ. Она догадывалась, что братъ не долюбливаетъ товарища. И на нее тоже онъ сперва производилъ не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе. Ей не нравился пристальный, почти дерзкій взглядъ его пытливыхъ глазъ. Но въ глазахъ этихъ она все таки успѣла прочесть несомнѣнную силу воли, и немногія слова, сказанныя имъ въ ея присутствіи, показались ей незаурядными.

Черезъ минуту Наташа вернулась и молча сѣла

возлѣ письменнаго стола. У молодыхъ людей успѣлъ уже подняться споръ. Гриша, повидимому, горячился, между тѣмъ какъ въ спокойномъ тонѣ Леонтія чуть чуть звучала сдержанная иронія.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что объясни,—говорилъ Гриша, возвышая голосъ. — Ты вѣдь радикалъ, стало быть, долженъ вѣрить въ прогрессъ...

— Вѣра тутъ не причемъ, мой милый! — спокойно перебилъ Леонтій.

— Ну! Не придирайся къ словамъ! — нетерпѣливо возразилъ Гриша. — Ты не можешь отрицать, что у Россіи великое будущее, и что, стало быть, не вѣкъ намъ топтаться въ болотѣ и тянуть старую канитель. Многое, вѣдь, ужъ сдѣлано за послѣднія двадцать лѣтъ!

— Да, помазали нѣсколько по губамъ, это правда, а потомъ...

— Знаю я не хуже тебя, что мы остановились на полпути, что реформы не доведены до конца. Но та сила, которая насъ двинула впередъ, можетъ опять взяться за дѣло преобразованія. Стоитъ ей довѣриться народу, и посмотри, какъ мы развернемся! Да и есть уже признаки новаго поворота: назначеніе Павла Александровича...

Леонтій разсмѣялся. — Любо васъ, право, слушать, господа оптимисты. Переставятъ тамъ какую-нибудь пѣшку на шахматной доскѣ, назначатъ новенькаго администратора, и все должно пойти какъ по маслу. Больно ужъ легко это у васъ выходитъ и немногаго вамъ надо, чтобы воспрянуть духомъ.

— Да развѣ ты не признаешь, что Коловратскій...

— Умный онъ человѣкъ, спору нѣтъ, только одна ласточка весны вѣдь не дѣлаетъ.

Такіе споры часто возникали у молодыхъ людей. Съ тѣхъ поръ какъ Гриша разочаровался въ своемъ поклоненіи простому народу, въ немъ зародилось убѣжденіе, что благой починъ у насъ можетъ идти только

сверху. И на первыхъ порахъ его службы ему твердо вѣрилось, что дѣтищу Великаго Петра надолго еще суждено вести за собою Россію. Все, что дѣлалось и писалось въ министерствѣ Павла Александровича, было такъ преисполнено гуманныхъ идей, что Гриша чувствовалъ въ себѣ новую увлекавшую его волну служебнаго рвенія.

— Да на кого же ты разсчитываешь, наконецъ, — горячился онъ, — откуда намъ ждать спасенія, отъ провинціи? Отъ помѣщиковъ, что ли, которые умѣютъ лишь разоряться и бѣгутъ изъ своихъ имѣній на казенное, либо на земское жалованье.

— Ну, помѣщики и даже земство ваше,—усмѣхнулся Леонтій,—на этотъ счетъ ты мое мнѣніе знаешь.

— Что жъ, народъ по твоему, народъ?.. Я самъ недавно, признаюсь, крѣпко вѣрилъ въ мужика, но пришлось разувѣриться.

— Въ томъ то и дѣло, милый мой, что ни на кого разсчитывать не приходится, потому что сверху до низу все никуда не годится.

— И что жъ, стало быть, у насъ по твоему нѣтъ будущаго?..

Гриша вскочилъ со стула и принялся ходить, по комнатѣ. Леонтій не отвѣтилъ и только слегка улыбнулся.—Я думаю, Гриша,—сказалъ онъ,—мы Натальѣ Михайловнѣ сильно надоѣдаемъ. И лучше бы намъ...

— Напротивъ,—сказала Наташа,—мнѣ очень интересно васъ слушать.

— А вамъ не кажется немножко смѣшнымъ, что въ такихъ спорахъ всегда какъ будто хотятъ сейчасъ вотъ сразу разрѣшить всѣ крупнѣйшіе вопросы, точно вся будущность Россіи въ самомъ дѣлѣ зависитъ отъ того, къ какому мы придемъ заключенію? А вѣдь ни къ какому заключенію мы въ сущности не придемъ. Вы это, я думаю, напередъ знаете.

Наташа принялась разливать чай.

— Такъ по твоему выходитъ,—продолжалъ Гриша,

останавливаясь передъ Леонтіемъ,—что намъ такъ вѣчно и остаться недорослемъ среди европейскихъ народовъ? Иль ждать намъ что ли, пока придутъ къ намъ какіе-нибудь новые варяги.

— Совсѣмъ этого изъ моихъ словъ не выходитъ,—все такъ же сдержанно отвѣтилъ Леонтій,—только вотъ что я тебѣ доложу. Мы вотъ недавно, въ прошлую войну, имѣли случай показать себя, провѣрить, чему въ двадцать лѣтъ мы научились. И что жъ?.. какъ въ Севастополѣ, мы опять не выдержали экзамена, и опять намъ приходится, какъ провалившемуся гимназисту, повторять зады...

— Знаете, что меня поражаетъ,—задумчиво проговорила Наташа,—съ часъ тому назадъ я слышала почти то же, что говорите вы теперь...

И Наташа разсказала Леонтію про странныя рѣчи молодыхъ генераловъ.—Вотъ съ какими людьми вы сходитесь. Конечно, вы этого не ожидали; удивительныя бываютъ совпаденія.

Леонтій разсмѣялся.—Что жъ я говорилъ тебѣ, Гриша?—сказалъ онъ, вскинувъ на товарища насмѣшливыми глазами,—видишь, какъ плохо вѣрятъ въ себя наши руководители?

— Такъ признайся лучше, что въ самомъ дѣлѣ приходитъ начало конца и, что намъ объ этомъ сожалѣть незачѣмъ.

Леонтій вдругъ оживился, замѣтивъ, что Наташа его слушаетъ охотно. Онъ тряхнулъ своими густыми волосами, откинулъ голову назадъ и заговорилъ бойко и горячо.

— Я вовсе не смотрю безотрадно на будущее,—самоувѣренно закончилъ онъ—и черные его глаза такъ и блестѣли,—совсѣмъ нѣтъ, природа насъ учитъ, что тамъ, гдѣ есть гниль, разложеніе, готова зародиться новая лучшая жизнь. Спящее общество можетъ проснуться, лишь бы пробѣжала по немъ электрическая искра. Надо только свыкнуться съ мыслью, что стараго чинить не

стоитъ, что только огнемъ и бурей можетъ быть очищенъ воздухъ, а послѣ бури, вы знаете, наступаютъ ясные дни.

Наташа его слушала съ явнымъ сочувствіемъ. Это ужъ совсѣмъ не походило на безотрадное подтруниванье обоихъ генераловъ.

— Однако, я не понимаю,—заговорила она тихо, — какъ это вы съ такими убѣжденіями поступили на службу.

Лицо молодого человѣка мгновенно приняло сосредоточенное выраженіе. У него даже потупились глаза.

— Вы имѣете право этому удивляться, — медленно отвѣтилъ онъ,—вамъ это можетъ показаться даже нечестнымъ...

И вдругъ Леонтій снова поднялъ на молодую дѣвушку на этотъ разъ нерѣшительный робкій взглядъ, словно онъ искалъ передъ ней оправданія.

— Я можетъ быть въ самомъ дѣлѣ покривилъ душой, потому что—признаюсь въ этомъ--я служу не правительству, а только странѣ. Но если это и не хорошо, что дѣлать, коли иного выбора нѣтъ! Готовятся грозныя событія, и когда они наступятъ, вѣдь нужно, чтобъ имѣлись на лицо люди, готовые пожертвовать собой въ минуту опасности и облегчить неминуемый кризисъ. Вамъ это, можетъ быть, покажется самоувѣреннымъ, я слишкомъ еще молодъ, чтобы такъ говорить, но каюсь въ этомъ, я вѣрю въ себя,—смиреннымъ быть я не умѣю.

— Хорошо, по крайней мѣрѣ, что вы въ этомъ признаетесь—отвѣтила Наташа, на которую слова Леонтія произвели какое-то нѣжное впечатлѣніе. Она чувствовала, что въ нихъ есть что-то неясное; но въ то же время въ его, можетъ быть, черезчуръ громкихъ фразахъ ей слышалась искренняя вѣра въ собственныя силы. И такая вѣра не только ей не казалась смѣшною,—она подкупала ее въ пользу Леонтія.

Не таково было впечатлѣніе Гриши.—Какъ хочешь,

милый мой,—сказалъ онъ, качая головой,—а служить правительству и въ то же время ждать его паденія—просто нечестно!

Но Леонтій уже не давалъ себѣ труда возражать Гришѣ. Онъ отвѣтилъ ему вскользь двумя-тремя словами и все свое вниманіе отдалъ Наташѣ. Ему хотѣлось разсѣять ея сомнѣнія на его счетъ. И хоть это ему не совсѣмъ удалось, онъ успѣлъ въ одномъ, онъ заставилъ ее призадуматься надъ тѣмъ, что онъ говорилъ; а вызвать женщину на такое раздумье, пожалуй, выгоднѣе, чѣмъ внушить ей сразу полное довѣріе къ себѣ.

Когда Леонтій вышелъ отъ Непрядвиныхъ, полный мѣсяцъ ярко свѣтилъ на морозномъ небѣ. Довольный собою Леонтій быстрою походкой шелъ по пустынной улицѣ. Извозчиковъ не было; да онъ радъ былъ пройтись на чистомъ ночномъ воздухѣ, весь еще полный возбуждающаго оживленія отъ собственныхъ рѣчей и въ особенности отъ блеска прекрасныхъ глазъ, которые останавливались на немъ такъ загадочно, пока онъ говорилъ. Гордыя мысли наполняли его самонадѣянную голову.

Когда-нибудь, думалось ему, въ этомъ городѣ, гдѣ теперь онъ занимаетъ такое скромное мѣсто, его имя получитъ извѣстность. Конечно, онъ не пойдетъ той заурядной дорогой, на которую поставилъ его отецъ! То, что могло удовлетворять скромныя мечты почтеннаго профессора, казалось Леонтію мелкимъ и презрѣннымъ. Лишь бы представился случай, онъ всѣмъ покажетъ, каковъ его настоящій полетъ, хотя бы этотъ случай и потребовалъ у него жертвы его убѣжденій. Убѣжденія!.. Онъ внутренно разсмѣялся при этомъ словѣ. Они должны служить человѣку на его пути вверхъ, какъ палка служитъ опорой при подъемѣ на гору, а не являться помѣхой, какъ лишняя обуза. И для этого прежде всего надо выйти изъ той узкой, мѣщанской среды, въ которую поставило его рожденіе. „Вотъ у этой дѣвушки“, подумалъ онъ, вспомнивъ опять про

Наташу, „есть, какъ и у меня, стремленіе вверхъ, смѣлое пониманіе жизни“. И ему казалось, что Наташа ему сродни и онъ замечтался, думая объ ней.

Леонтій вышелъ на Сергіевскую. Здѣсь, передъ однимъ яркоосвѣщеннымъ домомъ, толпились кареты. Сквозь занавѣси на окнахъ блестѣли огни. Леонтій окинулъ этотъ домъ жаднымъ, завистливымъ взглядомъ. Тамъ былъ чужой для него замкнутый міръ, дразнившій своимъ загадочнымъ блескомъ его честолюбивое воображеніе. Туда ему надо проникнуть, если онъ хочетъ завоевать себѣ настоящее, видное положеніе. И онъ не сомнѣвался, что рано или поздно ему удастся это сдѣлать. Вѣдь сколько, и самыхъ громкихъ, русскихъ именъ недавно лишь вышло изъ неизвѣстности. Россія не даромъ страна быстрыхъ, почти сказочныхъ успѣховъ. Надо одно лишь — найти доступъ въ этотъ міръ, а потомъ уже идти впередъ, смѣло и осторожно въ то же время. И Леонтій зналъ, что лишь бы удалось ему найти этотъ ключъ, сдѣлать первый, необходимый шагъ, а потомъ ужъ онъ съ пути не собьется.

V.

Давно Марья Борисовна такъ много не выѣзжала, какъ въ эту зиму, и никогда еще не тратила она такихъ бѣшеныхъ денегъ на туалетъ. Когда въ ноябрѣ она вернулась изъ за границы, она ощутила въ себѣ небывалый еще приливъ оживленія, словно ей усиленно захотѣлось шума, блеска и суеты. Въ сущности ей хотѣлось совсѣмъ инаго. Ей надо было бросить вызовъ этому обществу, въ которомъ злорадная молва успѣла уже, конечно, пустить на ея счетъ ядовитыя догадки, и предстать предъ ними во всемъ сіяніи своего новаго счастья, своей торжествующей красоты. Она знала, что въ этомъ обществѣ любое положеніе берется

только съ боя. И въ то же время ея прежніе друзья и обычные посѣтители ея дома ей какъ-то вдругъ опротивѣли. Передъ ними она ощущала теперь какой-то стыдъ, съ ними она не могла уже сохранить давно усвоенный тонъ, держаться обычной колеи установленныхъ отношеній. Мери знала, что они въ сущности гораздо болѣе друзья ея мужа, чѣмъ ея собственные, и за это особенно они стали ей теперь ненавистны. Вернувшись въ Петербургъ, она совершенно измѣнила прежній порядокъ своей жизни, переставъ даже почти вовсе принимать у себя обычныхъ прихлебателей. Огорченные такой неожиданной опалой, они попробовали было сомкнуться вокругъ хозяина дома и, принявъ рѣшительно его сторону, образовать въ его кабинетѣ свой особый лагерь, враждебный Марьѣ Борисовнѣ. Но и это имъ не удалось, Владиміръ Валеріановичъ самъ рѣдко теперь бывалъ дома. Какъ ни старался онъ съ достоинствомъ выносить свое незавидное положеніе, какъ ни спасалъ онъ свое самолюбіе подъ личной холодной насмѣшливости—ему было неловко въ присутствіи жены: слишкомъ уже явно было ея презрѣніе къ нему, презрѣніе, еще усилившееся въ виду покорнаго равнодушія. Она не могла простить ему его развязно-насмѣшливаго тона за которымъ не безъ основанія она чуяла малодушную неспособность къ отпору. Правда, на первыхъ порахъ, когда въ началѣ сентября Юрій пріѣхалъ въ Баденъ, гдѣ тогда жили Столѣнины, а Мери на глазахъ у всѣхъ, съ нимъ вдвоемъ, совершала длинныя прогулки, ничуть не скрывая своей близости къ нему, Владиміръ Валеріановичъ попытался было протестовать. Онъ даже сдѣлалъ женѣ что-то похожее на сцену.

— Вы должны бы понять, — сказалъ онъ ей, — что во всемъ есть границы, требуемыя приличіемъ. Вамъ, кажется, на меня пожаловаться нельзя, — злобно усмѣхнулся онъ, — но я не могу пожертвовать ради васъ своимъ именемъ...

— Ваше имя?!—вспылила она, — и вы смѣете про

него говорить! вы, у котораго за всѣ эти десять лѣтъ я не замѣтила ни малѣйшаго проблеска чувства!.. Да и какое мнѣ дѣло до вашего имени?! Себя я не уроню, потому что дорожу я на свѣтѣ однимъ только — своимъ собственнымъ мнѣніемъ, а всѣхъ остальныхъ — и васъ, и весь этотъ глупый свѣтъ—я презираю.

— И князя Юрія вы тоже презираете?—неудачно попробовалъ уязвить ее Столѣнинъ.

Она только повела плечами и холодно расхохоталась.

— Вы жалкій и дрянной человѣкъ! Васъ и теперь только хватаетъ на шуточки, и вы меня хотите увѣрить, что въ васъ есть что-то похожее на негодованіе. Полноте! я вѣдь не мѣшаю вамъ жить какъ вы хотите и никогда не мѣшала, чего же вамъ больше? Вамъ вѣдь этого только и нужно въ сущности, — вашихъ дрянненькихъ удовольствій, которыя вамъ гораздо дороже и меня, и дочери вашей... Такъ не говорите же мнѣ громкихъ словъ, да избавьте меня овъ вашихъ совѣтовъ!

— Въ такомъ случаѣ, — съ достоинствомъ отвѣтилъ Столѣнинъ, — мнѣ остается одно: уѣхать отсюда и увезти съ собою Олли, чтобы не быть свидѣтелемъ вашихъ сумасбродныхъ выходокъ и, по крайней мѣрѣ, уберечь вашу дочь. Въ ея возрастѣ дѣти уже начинаютъ кое-что понимать...

И, объявивъ, что онъ умываетъ себѣ руки на счетъ поведенія жены, Столѣнинъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ на другой же день, вмѣстѣ съ дочерью, на Югъ Франціи, подъ предлогомъ необходимости морскихъ купаній для Олли. А Марья Борисовна воспользовалась данной ей свободою, чтобы вдвоемъ съ Юріемъ уединиться въ очаровательномъ уголкѣ на берегу одного изъ верхнеитальянскихъ озеръ, куда изрѣдка лишь заглядываютъ милые соотечественники. Здѣсь они подъ ласкающей улыбкой осенняго итальянскаго неба провели цѣлый волшебный мѣсяцъ, „мой настоящій медовый мѣсяцъ“,

какъ называла его Мери. А когда въ въ октябрѣ супруги съѣхались опять, Владиміръ Валерьяновичъ казался уже совсѣмъ примиреннымъ, и лишь ироническій оттѣнокъ его рѣчи, да холодная насмѣшливость въ глазахъ порою выдавали его не совсѣмъ отрадное настроеніе. За то онъ вполнѣ умѣлъ придать себѣ увѣренную развязность тона. Было даже что-то чуть чуть хвастливое въ этой развязности, точно онъ дразнилъ ею кого-то. Съ Юріемъ въ особенности онъ держалъ себя какъ-то совсѣмъ по-товарищески, точно ему доставляло удовольствіе вызывать на лицѣ молодого князя брезгливое раздраженіе своимъ напускнымъ дружескимъ тономъ.

„Странное это дѣло", — говорилъ иногда самому себѣ Владиміръ Валерьяновичъ,—по настоящему я вѣдь долженъ бы ненавидѣть Двинскаго, ощущать какую - то жажду мщенія, словомъ, трагическое чувство какое-то, а между тѣмъ ничего такого нѣтъ, никакого мщенія я не жажду... Должно быть, я, въ сущности, очень добрый человѣкъ!.."

И, придя къ такому заключенію, Владиміръ Валерьяновичъ добродушно хохоталъ, точно онъ любовался собою и собственнымъ остроуміемъ. А когда онъ съ женою пріѣхалъ въ Петербургъ и убѣдился, что приняли его какъ всегда, что ровно ничего въ его положеніи не перемѣнилось, Владиміръ Валерьяновичъ нашелъ, что въ самомъ дѣлѣ, apèrs tout, ничего такого ужаснаго въ роли обманутаго мужа нѣтъ, пожалуй, даже ничего смѣшного.

„Вѣдь сколько, сколько такихъ примѣровъ", подумалъ онъ и съ какимъ-то наслажденіемъ высчитывалъ эти примѣры: „Корнѣевъ, Саханскій, графъ Блонскій, Медвѣдевъ... И что же? вѣдь они всѣ чувствуютъ себя какъ нельзя лучше... Да, все это пустяки и предразсудки!"

Юрію сперва очень неловко становилось отъ милой развязности Владиміра Валерьяновича, но мало по

малу и онъ съ нею свыкся. Отвращеніе, какое сперва возбуждала въ немъ самодовольная насмѣшливость Столѣнина, смѣнилось презрительнымъ равнодушіемъ.

Между тѣмъ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ счастливымъ. Любовь къ Мери, сперва казавшаяся ему самому какимъ-то легкимъ, почти шутливымъ чувствомъ, мало по малу совсѣмъ заполонила все его существо, опутавъ его сѣтью невѣдомыхъ до того ощущеній. Съ ней никогда нельзя было знать заранѣе, какая причуда ей придетъ въ голову, что за неожиданный поворотъ скажется у нея въ мысляхъ и ощущеніяхъ. Точно на клавишахъ инструмента въ ней могли поочередно звучать самыя разнообразныя, даже противоположныя интонаціи. И несмотря на свои тридцать два года она отдавалась своему чувству съ пылкостью совсѣмъ молоденькой еще женщины, полюбившей впервые. Да Юрій и былъ ея первой любовью. И Юрій, несмотря на то, что цѣлыми шестью годами былъ ея моложе, подчинился вполнѣ ея обаянію; онъ какъ будто не сожалѣлъ даже, что среди мягкой праздности, опутавшей его новую жизнь, гибнутъ одна за другою всѣ его прежнія мечты о дѣятельности и власти. Съ однимъ только онъ иногда примириться не могъ — съ шумной, свѣтской жизнью, которою увлекалась Мери, точно ей могъ быть нуженъ этотъ шумъ, точно она искала тщеславныхъ успѣховъ, когда у нея была иная жизнь, вдвоемъ съ нимъ, наполненная истиннымъ, незамѣнимымъ счастьемъ. Что для нея это было настоящее, дорогое счастье—въ этомъ онъ сомнѣваться не могъ. Но зачѣмъ же тогда эта погоня за свѣтомъ, куда и онъ поневолѣ долженъ былъ слѣдовать за нею, скучая среди этого празднаго шума? И онъ часто выговаривалъ ей за это, даже иногда въ шутку увѣряя ее, что самъ онъ съ нѣкоторыхъ поръ становится мишенью для ея свѣтскихъ пріятельницъ, явно старавшихся завлечь его потому только, что онѣ догадывались про ихъ взаимную близость.

— Берегись, Мери, — смѣясь говорилъ онъ ей, разсказывая, какъ его иной разъ принимались обольщать,— если бы меня заставили разыграть роль Іосифа, я, чего добраго...

Мери отвѣчала ему въ томъ же шутливомъ тонѣ, зажимая ему губы своей розовой ладонью; а между тѣмъ по тревожному блеску ея глазъ, по сдвигавшимся дугамъ бровей видно было, какъ волновалъ ее даже въ шутку брошенный намекъ.

— Ты не хочешь, чтобы я выѣзжала,—говорила она, становясь серьезной,—изволь, я сдѣлаю все, что ты хочешь... Но, развѣ ты не понимаешь, какая прелесть эти наши разговоры вдвоемъ именно послѣ всей этой толкотни, какъ хорошо тамъ среди толпы чувствовать себя такими близкими. Иногда вдругъ я на тебя посмотрю мелькомъ и дожидаюсь — встрѣтятся ли наши глаза... И каждый разъ они встрѣчаются... и я такъ этимъ счастлива, и въ тотъ же мигъ я словно читаю въ твоихъ мысляхъ... Тутъ есть что-то особенное, чего вы, мужчины, не понимаете...

Мери очень любила, какъ разъ среди какого-нибудь бала уловить минуту, шепнуть на ухо Юрію два-три слова, исполненныхъ самой неудержимой страсти. Юрію всякій разъ страшно за нее становилось, какъ бы кто-нибудь не услыхалъ этихъ на лету брошенныхъ словъ, а она, говоря ихъ, улыбалась съ спокойнымъ торжествомъ. И не разъ въ теченіе этой зимы, кутаясь, чтобы ея не узнали, Мери ѣздила съ нимъ вдвоемъ въ одинъ изъ петербургскихъ ресторановъ и тамъ безъ оглядки отдавалась самымъ шальнымъ затѣямъ.

Марья Борисовна очень любила контрасты. Любилъ ихъ и Двинскій. Но все же здѣсь, въ Петербургѣ, среди этой разгоряченной жизни, точно скачущей во всю лихую прыть, ему жалко было тѣхъ блаженныхъ дней, какіе они провели вдвоемъ на берегахъ Комскаго озера. Тамъ рядомъ съ нимъ была совсѣмъ иная Мери: тихая и нѣжная... И обходились же они тамъ безо всего этого

шума, такъ отзывавшагося искусственнымъ возбужденіемъ. Правда, Мери, не особенно любившая и понимавшая природу, иногда и тамъ удивляла Юрія своимъ страннымъ равнодушіемъ къ ея красотамъ, но Юрію было не до того, чтобы подвергать оцѣнкѣ ея слова и мысли. Они жили вдвоемъ, какъ бы слившись въ одно существо и тихо струилась ихъ жизнь, точно ее качала одна изъ лѣнивыхъ итальянскихъ лодокъ, что стояли передъ ихъ виллой на гладкой лазури озера.

Впрочемъ, и тамъ произошелъ одинъ не совсѣмъ пріятный случай. Имъ вздумалось совершить поѣздку въ сосѣднюю Швейцарію. Въ одномъ изъ мѣстечекъ, куда они завернули, Двинскій случайно наткнулся на своихъ родителей; онъ не зналъ, что князь и княгиня пріѣхали въ это мѣстечко уже нѣсколько дней передъ тѣмъ. Встрѣча эта была ему очень непріятна. Онъ предвидѣлъ, хотя Мери и онъ изъ предосторожности даже остановились въ разныхъ отеляхъ, что княгиня Софья Станиславовна, тотчасъ догадается про ихъ связь. И онъ не ошибся. Стоило княгинѣ съ полчаса просидѣть съ ними вмѣстѣ — и сомнѣнія на этотъ счетъ у ней не осталось. Съ Мери, которую она знала въ Петербургѣ, она обошлась необыкновенно любезно, только изрѣдка вглядываясь въ нее пристально своими не совсѣмъ добрыми глазами. И когда въ тотъ же вечеръ сынъ былъ у нея, она, не обинуясь, ему сказала:

— Vous êtes en bonne fortune, je crois... Ne le niez pas, c'est inutile... Mes compliments d'ailleurs, c'est une femme charmante.

И княгиня съ необычайной развязностью высказала сыну, какъ полезна, по ея мнѣнію, для молодого человѣка связь въ большомъ свѣтѣ, придающая, какъ она выразилась, окончательную отшлифовку воспитанію.

— Но за послѣднее время,—добавила она, — это уже не совсѣмъ такъ безопасно, какъ прежде.

И она выразила надежду, что сынъ ея не дастъ себя увлечь „a quelques bêtises sentimentales“.

— Еще бы, вмѣшался старый князь, сухо засмѣявшись, — онѣ всѣ теперь помѣшаны замужъ выходить отъ живыхъ мужей Прежде такія отношенія были совсѣмъ безопасны, а теперь, когда чуть чуть не сватаются за чужихъ женъ...

— Да и свататься нечего,—сказала княгиня, — on a change tout cela. Онѣ сами вѣшаются на шею каждому, у кого есть имя и состояніе. Но ты поймешь, Юрій, что въ твоемъ положеніи можно найти себѣ иную партію, чѣмъ эта женщина, которая на шесть лѣтъ тебя старше. C'est bon pour un temps, но затѣмъ надо умѣть развязаться; и къ тому же это все таки неправильная жизнь, а люди въ нашемъ положеніи должны подавать примѣръ.

Юрій отвѣтилъ княгинѣ съ почтительной холодностью, — онъ всегда избѣгалъ споровъ, особенно съ родными, — но въ душѣ его какъ разъ отъ этихъ словъ окрѣпла рѣшимость отдать всего себя и всю свою жизнь любимой женщинѣ, если ей нужна эта жертва. Да въ его глазахъ это и не было жертвою.

Одно только смущало Юрія среди его счастья: онъ не могъ не замѣтить то чувство явнаго пугливаго отвращенія, какое вызывалъ онъ въ маленькой Олли. Глаза дѣвочки — эти большіе, строгіе не по лѣтамъ глаза — часто останавливались на немъ съ выраженіемъ нѣмого укора.

Разъ, когда онъ пріѣхалъ къ Столѣнинымъ, узнавъ, что Мери вдругъ заболѣла, и встрѣтивъ Олли въ первой гостиной, съ безпокойствомъ спросилъ у нея про мать, та отвѣтила ему такъ холодно и враждебно, какъ будто онъ даже не имѣлъ права про это спрашивать. А когда онъ, не задумываясь, хотѣлъ тутъ же пройти въ ея спальную, дѣвочка его остановила.

— Мама еще не вставала,—сказала она, глядя на него съ испугомъ въ глазахъ.

Но Юрій не послушался; ему было въ эту минугу не до соблюденія приличій. Онъ отворилъ дверь въ

комнату молодой женщины и, обернувшись на порогѣ увидѣлъ, какимъ горестнымъ и въ то же время негодующимъ взглядомъ смотрѣли на него глаза дѣвочки.

А, между тѣмъ, ему такъ хотѣлось примириться съ этимъ ребенкомъ, возбудить къ себѣ его довѣріе, хоть сколько-нибудь загладить зло, невольно причиненное этому ребенку. Вѣдь благодаря ему, въ ея молодой умъ запали первыя сѣмена недовѣрія къ людямъ, и отношенія ея къ матери стали такими натянутыми. Теперь, въ четырнадцать лѣтъ, она глядѣла совсѣмъ почти уже большою: только узкія плечи, да не совсѣмъ развившаяся грудь, да еще короткія платья, какіе она носила, выдавали ея возрастъ. На лицѣ ея теперь уже рѣдко играла улыбка. И совѣсть Юрія громко укоряла его, когда онъ встрѣчался съ дѣвочкой, обмѣниваясь съ ней мимоходомъ двумя, тремя короткими словами...

Домъ Столѣниныхъ не былъ уже въ этомъ году такъ полонъ шума и толкотни, какъ прежде. „Свой звѣринецъ“, какъ Мери называла иногда сборище своихъ друзей, она распустила. Олли почти радовалась этому, хоть она знала, чему она была обязана наступившей тишиной. Дѣвочку не тревожилъ никто, когда она цѣлые часы просиживала за рояломъ или за книгой, либо задумчиво глядѣла въ окно, на которомъ морозъ выводилъ затѣйливые узоры.

Но въ четырнадцать лѣтъ одинокая тишина — плохое утѣшеніе.

Подругъ у нея не было. Изрѣдка лишь ѣздила она къ Непрявдинымъ повидаться съ Наташей, да и съ ней она не могла подѣлиться тѣмъ, что такъ тревожило ея молодое сердце. Изъ тѣхъ, кто бывалъ у Столѣниныхъ, одинъ только Паша Коловратскій иногда заговаривалъ съ дѣвочкой; да и Паша бывалъ у нихъ очень рѣдко и лишь мимоходомъ, на нѣсколько минутъ и, случайно встрѣтивъ Олли, останавливался съ нею.

Съ нимъ только однимъ дѣвочкѣ говорилось легко и довѣрчиво. А онъ, напротивъ, передъ ней какъ будто робѣлъ. Всякій разъ, когда вмѣстѣ съ братомъ Викторомъ Паша бывалъ у Столѣниныхъ, онъ непремѣнно старался улучить минуту, чтобы увидать Олли и заговорить съ нею; но, едва скажетъ онъ нѣсколько словъ, странная неловкость овладѣвала имъ, точно онъ стыдился чего-то. А стыдился онъ того безсознательнаго чувства, какое влекло его, двадцати лѣтняго юношу, къ этому полуребенку.

Разъ, въ одинъ сумрачный февральскій день, Юрій Двинскій, входя къ Столѣнинымъ, гдѣ онъ бывалъ почти ежедневно, засталъ въ первой проходной гостиной Олли за какой-то работою, въ которой, повидимому, ей помогалъ Паша Коловратскій. Олли затѣяла устроить маленькую благотворительную лотерею для одного бѣднаго семейства и разставляла на столъ разныя бездѣлки, предназначенныя для этой лотереи. Паша усердно занимался приготовленіемъ билетиковъ. Увидѣвъ Двинскаго, онъ вспыхнулъ, какъ виноватый.

— Что это, — спросилъ Юрій, улыбаясь, — у васъ тутъ цѣлая лавка, Олли? Лотерею устраиваете, да?

Она, какъ всегда, отвѣтила ему неохотно.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, Юрій тутъ же предложилъ принять участіе въ ея сердобольной затѣѣ, доставивъ ей нѣсколько выигрышей.

— И двадцать билетиковъ за мной, не правда ли?— добавилъ онъ весело.

Но къ его удивленію Олли про это и слышать не хотѣла.

— Нѣтъ, пожалуйста, не нужно, — тихо, но упорно отказалась она отъ его предложенія, избѣгая на него глядѣть.

И какъ ни увѣрялъ ее Двинскій, что онъ отъ всего сердца радъ случаю помочь бѣднымъ людямъ, о которыхъ она хлопочетъ, дѣвочка упорно настаивала на своемъ, точно въ ея глазахъ подарокъ Юрія былъ чѣмъ-

то обиднымъ, чѣмъ-то могущимъ испортить затѣянное ею доброе дѣло.

Вдругъ, пока они говорили, вошла Марья Борисовна и, замѣтивъ возбужденныя лица Юрія и Олли, строго и холодно посмотрѣла на дочь и неестественнымъ, измѣнившимся голосомъ обратилась къ Юрію:

— Что же вы не войдете, князь? Мнѣ давно про васъ доложили, и я никакъ не могла понять, гдѣ вы пропадаете все это время...

Онъ молча послѣдовалъ за нею въ ея кабинетъ, не смѣя догадываться про то странное чувство, какое, повидимому, зашевелилось въ сердцѣ Марьи Борисовны. Чувство это было ничто иное, какъ ревность къ дочери, нелѣпое, безсмысленное подозрѣніе, что Двинскій, чего добраго, можетъ заинтересоваться ребенкомъ. „Вѣдь бывали же такіе случаи“, скользнуло у нея въ головѣ. И она вдругъ съ горечью вспомнила про свои года.

— Я пораженъ,—мягко заговорилъ Юрій,—какъ ты иногда строго обходишься съ своей дочерью; ты ее какъ будто не любишь. Она вѣдь такая хорошая дѣвочка, мнѣ часто жаль ее становится...

— Жаль? почему жаль? Развѣ ей не достаетъ чего-нибудь?

Голосъ Мери звучалъ сухо и отрывисто.

— Да за что ты съ ней такая?—настаивалъ Юрій, котораго не въ первый разъ уже возмущалъ странный, почти враждебный тонъ Мери съ дочерью.

Но Мери не только не смягчилась, а раздраженіе ея все росло, подозрительность была на сторожѣ и по своему толковала каждое слово Юрія въ защиту дѣвочки.

Когда онъ въ этотъ день уѣхалъ отъ Столѣниныхъ, у него въ первый разъ отчетливо сказалось тягостное сознаніе безсердечія Мери. Прежде онъ въ ней этого не замѣчалъ или вѣрнѣе замѣчать не хотѣлъ; теперь онъ не могъ освободиться отъ досадливаго, непріятнаго ощущенія. Самая мысль, что она могла смотрѣть

на дочь, какъ на соперницу, словно роняла Мери въ его глазахъ.

Дома у себя Юрій нашелъ два письма, только что пришедшихъ изъ-за границы: одно было отъ отца, другое отъ матери. Старый князь напоминалъ про запутанныя дѣла по имѣніямъ, оставшіяся нерѣшенными, и давалъ сыну цѣлый рядъ сложныхъ и важныхъ порученій. Юрій не могъ не сказать себѣ, прочитавъ письмо, что онъ много виноватъ передъ отцомъ, что онъ не оправдалъ его довѣрія. Очень ужъ быстро исчезло въ немъ рвеніе новичка, какое ощущалъ онъ прошлымъ лѣтомъ, когда на первыхъ порахъ такъ охотно принялся за дѣло.

„Да, придется наверстать упущенное и на дняхъ поѣхать въ отцовскія деревни“.

Самъ онъ былъ не прочь отъ путешествія и къ своему удивленію даже почувствовалъ какую-то радость при мысли, что онъ стряхнетъ съ себя петербургское бездѣлье. „Но что скажетъ на это Мери? Вѣдь придется уѣхать на цѣлый мѣсяцъ, можетъ быть, и больше“...

Юрій почувствовалъ, что онъ уже не вполнѣ свободенъ, что надо ему справляться съ чужой волей, съ чужими причудами и, чего добраго, выдержать цѣлую бурю подозрительныхъ упрековъ. И въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сблизился съ Мери, это чувство зависимости сказалось въ немъ, какъ что-то тягостное и докучливое.

Письмо матери было еще непріятнѣе. Княгиня говорила, что съ крайнимъ неудовольствіемъ узнала, какъ разлетѣлись въ прахъ всѣ планы Юрія на счетъ карьеры, планы, живо интересовавшіе самолюбивую мать.

„Можно сколько угодно веселиться и повѣсничать“, писала между прочимъ княгиня, „но умные люди дѣлаютъ это всегда такъ, чтобы оно не мѣшало серьезнымъ цѣлямъ. Умъ и заключается въ томъ, чтобы шутя достигать важныхъ результатовъ, а ты, я вижу, со-

всѣмъ поставилъ себя въ зависимость отъ прихоти извѣстной особы. Любовь, конечно, многое извиняетъ, но въ твои годы и съ твоимъ умомъ надо и любить, не теряя голову. А между тѣмъ, заканчивала она рядъ своихъ упрековъ, судя по тому, что я слышу, на тебя въ Петербургѣ какъ будто махнули рукой, на тебя не смотрятъ какъ на серьезнаго человѣка, имѣющаго шансы впереди; а это всего хуже. Репутація гораздо важнѣе заслугъ, и если ты проиграешь свое будущее изъ за этой глупой страсти, ты глубоко огорчишь меня и разочаруешь въ себѣ".

Какъ ни черствы были слова матери, они затронули Юрія за живое. Да, онъ не могъ не сказать себѣ, что въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ измѣнилъ горделивымъ мечтамъ, которыми еще за годъ передъ тѣмъ было переполнено его воображеніе. Блестящее мѣсто, про которое лѣтомъ писалъ ему Борисоглѣбскій, давно было отдано другому. При встрѣчахъ съ нимъ — Юрій это давно успѣлъ замѣтить — высокопоставленныя лица, отъ которыхъ могла зависѣть его судьба, теперь уже только снисходительно улыбались, но о дѣловыхъ вопросахъ болѣе не заговаривали. На него, очевидно, начинали смотрѣть, какъ на милаго балагура, отъ котораго многаго ожидать нельзя. И честолюбивыя мечты, которыя онъ считалъ заглохшими, опять зашевелились въ его сердцѣ. Вѣдь онъ наконецъ и не имѣетъ права отдать свою жизнь, свое будущее въ жертву одному увлекшему его чувству; вѣдь у него есть обязанности передъ собой и передъ родиной и даны же ему на что-нибудь энергія и способности, какія онъ за собой признаетъ...

Говоря себѣ это, Юрій вспомнилъ, какъ тщетно онъ пытался иногда вызвать въ Мери сочувствіе къ своимъ планамъ на будущее. Онъ заговаривалъ съ ней про это не разъ.

Но молодая женщина упорно отказывалась вникать во всѣ эти вопросы, казавшіеся Юрію такими важны-

ми, а въ ея глазахъ лишенные смысла и значенія. Онъ долженъ весь принадлежать ей, и ни одна изъ его мыслей не должна выходить изъ того заколдованнаго круга, въ который любовь замкнула его жизнь. И зачѣмъ думать о будущемъ? Самое это слово ей претило, какъ напоминаніе, что любовь ихъ не будетъ длиться вѣчно, что за предѣлами ея можетъ быть нѣчто иное, могущее завлечь Юрія. Мери сознательно старалась вызвать у него полное равнодушіе къ этому будущему, убить въ немъ энергію и честолюбіе... Чѣмъ мельче и ниже онъ станетъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ будетъ въ ея власти...

Юрій теперь вдругъ припомнилъ все это и съ горечью сказалъ себѣ, что, чего добраго, эта любовь, которой онъ отдалъ себя безъ оглядки, мало по малу загубитъ въ немъ все, что возвышаетъ человѣка, всякую благородную мечту, всякое стремленіе къ дѣятельности.

На другой день онъ сказалъ Мери про свое намѣреніе уѣхать, сказалъ бережно и мягко, точно онъ боялся оскорбить ее. Мери про его отъѣздъ и слышать не хотѣла; запальчивые упреки посыпались съ ея губъ, и страстныя, злыя слезы навернулись къ ней на глаза.

— Я понимаю, чего ты хочешь, — говорила она прерывающимся голосомъ; — ты ищешь только случая со мной разстаться; эти дѣла, про которыя пишетъ твой отецъ — одинъ предлогъ и больше ничего.

Онъ тщетно старался разувѣрить ее—чѣмъ больше онъ настаивалъ на своемъ, тѣмъ сильнѣе росли ея подозрѣнія. Должно быть, Юрій не сумѣлъ придать своимъ словамъ достаточно искренности и теплоты. Оскорбленный недовѣріемъ молодой женщины, онъ отвѣчалъ ей слишкомъ холодно; природная неуступчивая гордость въ немъ заговорила.

— Уѣзжай, коли хочешь,—утирая слезы, продолжала она, и глаза ея теперь сухо заблестѣли, — уѣзжай, ты

вѣдь свободенъ; удерживать тебя я не могу и не стану. Но знай, что я не вѣрю ничему изъ того, что ты мнѣ тутъ наговорилъ. Какъ! теперь, зимой тебѣ понадобилось въ деревню изъ за какихъ-то дѣлъ, и на цѣлый мѣсяцъ! Да развѣ могутъ у тебя быть такія дѣла, которыя важнѣе нашего счастья? И ты, съ твоимъ богатствомъ, не стыдишься со мною заговаривать о какихъ-то денежныхъ вопросахъ, точно деньги могутъ что-нибудь значить для тебя...

Мери неопровержимо доказала ему, что онъ кругомъ передъ ней виноватъ, доказала съ помощью той особой женской логики, которую нельзя опровергнуть никакими доводами, потому что во всемъ, что говорится во имя холоднаго разсудка, для каждой любящей женщины есть что-то обидное и ненавистное, есть признаніе всемогущества любви. Юрію пришлось не только отказаться отъ своего намѣренія, но и просить у нея прощенія, увѣрять ее, цѣлуя ея руки и лицо, мокрое отъ слезъ, что на свѣтѣ у него ничего не можетъ быть важнѣе ея счастья и что отъ всего онъ готовъ отказаться, лишь бы не огорчить ее. Вѣдь та жертва, которую она принесла ему, даетъ ей право имъ располагать. И Мери успокоилась тогда только, когда убѣдилась, что всякая мысль о поѣздкѣ имъ оставлена. Торжествующая улыбка даже показалась въ ея глазахъ, и горделивая радость наполнила ея сердце, радость не тому только, что онъ остается съ нею, а тому въ особенности, что онъ покорился ея волѣ.

Но такія побѣды достаются не даромъ. Тронутый ея слезами Юрій совершенно искренно увѣрялъ ее въ своей готовности исполнить каждую ея прихоть; но когда, два часа спустя, онъ былъ опять наединѣ съ собою, имъ овладѣло горькое чувство стыда за высказанное малодушіе. Онъ заперся у себя въ кабинетѣ, приказавъ не пускать къ себѣ никого, и долго угрюмо ходилъ взадъ и впередъ по обширной комнатѣ, говоря себѣ, что сдѣлалъ непростительную ошибку, уступивъ

на этотъ разъ ея прихоти. Онъ чувствовалъ себя связаннымъ какими-то невидимыми цѣпями и связаннымъ по своей винѣ. „Не такъ надо было поступить“, говорилъ онъ себѣ; „слѣдовало прямо сказать ей, что я уѣзжаю послѣ завтра, сказать, что это рѣшено безповоротно. Женщины всегда примиряются съ совершимся фактомъ; онѣ прибѣгаютъ къ слезамъ и упрекамъ тогда только, когда у нихъ есть надежда поставить на своемъ“...

Онъ самъ не замѣтилъ, какъ мысль его невольно приняла направленіе, почти враждебное Мери. У нихъ сказывалась уже та всегдашняя глухая, взаимная борьба, которая таится, долго незамѣчаемая, даже подъ самою искреннею горячею любовью.

VI.

Когда Павелъ Александровичъ Коловратскій вступилъ въ управленіе министерствомъ, всѣ ожидали, что онъ внесетъ въ это управленіе новые порядки, и разомъ освободитъ его отъ давнишней рутины. Свою карьеру Павелъ Александровичъ сдѣлалъ довольно необычнымъ путемъ. Онъ былъ ею обязанъ тѣмъ, что въ эпоху реформъ, когда требовались прежде всего свѣжія оригинальныя мысли и умѣнье ихъ бойко прилагать, онъ такія мысли высказывалъ какъ разъ передъ тѣми людьми, которые могли и хотѣли ихъ оцѣнить, потому собственно, что новизна была въ модѣ и всѣмъ, даже людямъ стараго закала, нужно было показать себя свободными отъ предразсудковъ и отъ устарѣлыхъ пріемовъ. Павелъ Александровичъ обладалъ двумя способностями, въ одинаковой степени полезными для карьериста: онъ прекрасно умѣлъ старую, заѣзженную, даже пошлую идею облечь въ новую съ иголочки форму, точно онъ ее лакомъ покрывалъ; и не менѣе прекрасно могъ идею не только новую, но пожалуй даже и дерз-

кую, выразить до того осторожно, что она превосходно укладывалась, никого не пугая, въ оффиціальную колею. Словомъ, вопреки евангельскому изреченію, онъ не вливалъ вина новаго въ новые мѣхи, и опытъ ему показалъ, что въ разсчетѣ онъ не ошибался. Благодаря этому, въ концѣ 70-хъ годовъ, когда о реформахъ уже не было рѣчи, но все таки еще цѣнился въ людяхъ нѣкоторый, хотя и не слишкомъ яркій, либеральный лоскъ, Павелъ Александровичъ считался кандидатомъ въ сановники, сохранивъ при томъ за собою широкую популярность. Отъ него ждали многаго, потому что до сихъ поръ онъ никогда не развертывался вполнѣ и ничего положительнаго не обѣщалъ.

Въ сущности у Павла Александровича не было ровно никакихъ убѣжденій. Одному онъ оставался непоколебимо вѣренъ — умѣнью понимать свои интересы. Онъ считался въ рядахъ либеральной партіи, потому что вступилъ въ нее въ молодые годы, когда это было выгодно, а теперь находилъ для себя неудобнымъ мѣнять давно принятое знамя. Впрочемъ, либераломъ онъ былъ не только изъ разсчета, а еще болѣе, такъ сказать, по личному вкусу. Либерализмъ говорилъ, что необходимы новые люди, а Павелъ Александровичъ былъ человѣкъ новый, самодѣльный. Либерализмъ утверждалъ, что талантъ — выше рожденія, а Коловратскій за собой признавалъ талантъ недюжинный. Либеральные идеалы были всѣ заимствованы съ запада, и Павлу Александровичу тоже всегда былъ симпатиченъ западъ съ его шумною жизнью какъ бы въ курьерскомъ поѣздѣ, тѣмъ болѣе что она открывала такое обширное поприще людямъ, обладающимъ смёткой и даромъ слова. Наконецъ, либерализмъ училъ, что умъ образованнаго человѣка долженъ быть такимъ же космополитомъ, какъ вексель на золотую валюту, и для Павла Александровича такія слова, какъ „народность“ и „отечество“, имѣли мало значенія, и ему тоже казалось, что настоящая родина тамъ, гдѣ

всего лучше живется. Конечно, ради либеральнаго направленія онъ бы не принесъ ровно никакой жертвы. Для такой вѣры, которая поклонется однимъ удобствамъ и наслажденіямъ жизни, смѣшно вѣдь приносить въ жертву эти самыя наслажденія и удобства. Въ одномъ только у Павла Алексанровича не могло быть сомнѣній: коли онъ успѣлъ въ сорокъ восемъ лѣтъ завоевать себѣ министерскій портфель, надо было удержать этотъ портфель за собой какъ можно долѣе, а для этого прежде всего не слѣдовало гнаться за какой-нибудь программой, а вести игру съ тѣми картами, какія имѣлись у него въ рукахъ и ходы свои разсчитывать, смотря по тому, какіе у него случались партнеры.

Въ министерствѣ Павла Александровича, какъ во всѣхъ прочихъ вѣдомствахъ, существовали два теченія. Большинство, и въ томъ числѣ самыя крупныя чиновныя лица, все еще съ восторгомъ припоминали время реформъ и съ порицающимъ сожалѣніемъ замѣчали, что реформы эти не доведены до конца. Они вѣрили слѣпо въ благотворность выборнаго начала, полагая, что избранникъ большинства непремѣнно лучшій человѣкъ, хотя бы большинство это состояло изъ одного голоса, и сердились, когда при нихъ допускали возможность какой-нибудь ошибки со стороны присяжныхъ. Другіе, и это было меньшинство, держались противуположныхъ взглядовъ, плакались на отсутстіе сильной власти и съ злорадствомъ указывали на каждый промахъ новыхъ судовъ, на каждую оппозиціонную выходку земства. Но у тѣхъ и другихъ была одна общая черта — было убѣжденіе, что важнѣе всего не самое дѣло, а та бумага въ синей оберткѣ, гдѣ это дѣло изложено, что управлять государствомъ, значитъ писать отношенія, доклады и циркуляры, и совершенно все равно, выходитъ изъ этого что-нибудь или нѣтъ. Люди эти были прежде всего чиновники, а потомъ уже люди. Для нихъ жизнь страны начиналась объяснительной запиской и кончалась полученіемъ установленной

награды. Въ этомъ одинаково сходились всѣ — и либералы и консерваторы, и къ дѣйствительно живой Россіи относились съ одинаковымъ презрѣніемъ.

Павелъ Александровичъ попробовалъ было всколыхнуть эту стоячую воду, поглощающую въ себѣ всякую живую струю. Но онъ скоро убѣдился, что ничѣмъ не передѣлать эту вѣковую пассивную мощь чиновнаго міра, всегда неподвижпую и неизмѣнную при какихъ угодно реформахъ. Онъ понялъ, что этой силой держится вся тяжелая машина управленія и что въ его вѣдомствѣ главный столпъ этой машины — правитель дѣлъ Варсонофьевъ, усидѣвшій при трехъ министрахъ и всегда умѣвшій каждому изъ нихъ угодить. Для Варсонофьева вся Россія замыкалась въ его канцеляріи, точно всѣ ея интересы заперты были подъ ключомъ въ ящикѣ его письменнлго стола. И Павелъ Александровичъ подчинился этой вѣковой силѣ. Только на самой поверхности его вѣдомства живѣе потекли новые проекты — тѣ, которые могли быть ему полезны, — а тамъ внизу попрежнему, какъ маятникъ, двигался, не сходя съ мѣста, старинный бюрократическій механизмъ.

Гриша Непрядвинъ былъ зачисленъ въ министерство состоящимъ при самомъ Павлѣ Александровичѣ. Это положеніе, доставившее ему многихъ завистниковъ, открывало ему прямой доступъ къ начальнику и отражалось на самомъ характерѣ его работъ: это были всего больше пространныя соображенія теоретическаго свойства. Гриша былъ этимъ очень доволенъ, потому что эти работы гораздо больше отзывались университетской диссертсаціей, чѣмъ оффиціальной бумагой. Вся обстановка министерства ему очень нравилась: все это были такіе славные люди съ такой милой простотою въ обращеніи. И когда ему доводилось слышать, какъ лица въ генеральскомъ чинѣ съ умиленіемъ говорили о народныхъ нуждахъ, восхваляли свободу и гласность и даже, прочитывая утромъ газеты, всегда съ неизмѣн-

нымъ сочувствіемъ относились къ успѣхамъ республиканцевъ во Франціи, онъ не могъ не сказать себѣ, что министерство Павла Александровича въ самомъ дѣлѣ какой-то избранный уголокъ, гдѣ царствуетъ правда и всѣ — отъ курьеровъ до директоровъ департаментовъ поклоняются просвѣщенію и прогрессу.

Совсѣмъ не такъ относился къ службѣ Леонтій Радугинъ. Онъ скромно поступилъ въ одинъ изъ департаментовъ подъ высокую руку тайнаго совѣтника Пресмыкаева и аккуратно занимался текущими дѣлами, вѣроятно называемыми такъ потому, что они такъ долго лежатъ безъ движенія. Онъ не дѣлалъ себѣ иллюзій, подобно Гришѣ, не вѣрилъ въ пользу работы, къ которой былъ приставленъ, и даже охотно подсмѣивался надъ ней. Но за то онъ очень быстро умѣлъ снискать себѣ расположеніе начальства, въ томъ числѣ ближайшаго, которое едва ли не важнѣе всѣхъ. И странное дѣло: не смотря на весь свой радикализмъ, онъ уживался съ чиновнымъ людомъ несравненно лучше Гриши. Дѣло было въ томъ, что въ Леонтіѣ весь этотъ людъ признавалъ своего человѣка, для котораго важно, хорошо ли составлена и четко ли переписана бумага, но которому совершенно все равно, выйдетъ ли изъ этой бумаги какой-нибудь прокъ. А въ Гришѣ эти господа съ первыхъ же дней почувствовали иного поля ягоду. У него не было и слѣда чиновничьихъ наклонностей: онъ работалъ запоемъ, урывками, но не любилъ постоянно заниматься однимъ и тѣмъ же. Онъ часто, самъ того не подозрѣвая, неловко затрогивалъ усвоенные въ этомъ міркѣ особые взгляды; онъ считалъ важнымъ то, что въ глазахъ прочихъ никакой важности не имѣло — окончательную судьбу тѣхъ вопросовъ, которые поднимались въ министерствѣ, и относился совершенно равнодушно къ тому, что было всего важнѣе — къ тому особому тяжело кудреватому слогу, которымъ такъ щеголяетъ опытное бюрократическое перо. Словомъ Павелъ Александровичъ могъ, пожалуй — такъ ду-

мало о Гришѣ ближайшее начальство — выводить въ люди этого молодчика, отъ котораго такъ и вѣяло деревенской свободою, но дѣйствительный статскій совѣтникъ Варсонофьевъ и тайный совѣтникъ Пресмыкаевъ его рѣшительно не долюбливали.

Разъ, въ началѣ марта часу во второмъ, Гриша принесъ въ министерство только что оконченную имъ обширную записку, которую поручилъ ему составить самъ Павелъ Александровичъ.

— Ты однако поздно являешься, — замѣтилъ Леонтій, — что-то строчившій за своимъ столомъ, не разгибая спины.

— Только-что кончилъ,—впопыхахъ отвѣтилъ Гриша, — послѣднія строки тому полчаса дописалъ.

— Ахъ, братецъ мой,—покачалъ головой Леонтій,— въ этомъ развѣ признаются! Работа всегда должна быть готова давно: ей отлежаться надо, какъ хорошему вину. На службѣ главное правило — никогда не торопиться и никогда не опаздывать.

Гриша собирался уже пройти въ кабинетъ главнаго начальника, но Леонтій его остановилъ.

— Погоди, нѣтъ его здѣсь, — закричалъ онъ ему вслѣдъ; — Павелъ Александровичъ сегодня на особомъ секретнѣйшемъ засѣданіи. Вотъ ты приближенный къ нему, фаворитъ, такъ сказать, и не знаешь... а я такъ знаю.

— Ну, такъ я Варсонофьеву сдамъ свою работу.

И Гриша отправился къ начальнику канцеляріи.

— Хорошо, оставьте здѣсь, я просмотрю потомъ,— холодно и небрежно отозвался Варсонофьевъ, нехотя подавая Гришѣ свою влажную руку.

Гришу нѣсколько озадачилъ этотъ пріемъ. Вѣдь самъ Варсонофьевъ недавно еще торопилъ его, увѣряя, что порученное ему дѣло очень важно.

— Про какое это ты говорилъ сейчасъ секретнѣйшее засѣданіе?—спросилъ Гриша у Леонтія, опять вернувшись къ его столу.

— Тш!.. не говори такъ громко! Видишь разное дурачье навострило уши! Это новая кухня для изготовленія самыхъ что ни на есть репрессивнѣйшихъ мѣръ въ виду опаснаго распространенія крамолы. Тутъ и о печати рѣчь будетъ, и о паспортахъ, и о нашемъ университетѣ, конечно. Это все, знаешь, въ силу новыхъ взглядовъ, что всякій, у кого нѣтъ брюшка и сѣдыхъ волосъ, уже тѣмъ самымъ возбуждаетъ подозрѣніе; ну и, разумѣется, кого вѣчно подозрѣваютъ, тому нѣтъ разсчета быть благонадежнымъ.

И Леонтій, сказавъ это, беззвучно засмѣялся.

Гриша терпѣть не могъ въ пріятелѣ этой вѣчной наклонности подтрунивать надъ всѣмъ, въ томъ числѣ и надъ самимъ собою.

— Охота же имъ какъ будто нарочно портить свое положеніе!—воскликнулъ онъ. Точно они не понимаютъ...

— Тѣмъ лучше, братецъ, — перебилъ его Леонтій — тѣмъ для насъ лучше, по крайней мѣрѣ.

— Ахъ перестань, пожалуйста!—нетерпѣливо возразилъ Гриша. — Что ты все изъ себя какого-то Мефистофеля корчишь? И удивительно напускнымъ это у тебя всегда выходитъ... Нельзя вѣдь тоже правительству сидѣть сложа руки, когда чортъ знаетъ что за безобразія творятся? Впрочемъ, коли Павелъ Александровичъ въ этомъ комитетѣ, онъ помѣшаетъ имъ дѣлать глупости.

— Да, помѣшаетъ. У него, милый мой, одна теперь забота — какъ бы на мѣстѣ усидѣть, а тамъ...

Леонтій не договорилъ. Въ дверяхъ показалась фигура Павла Александровича; лицо его было сумрачно и озабоченно. Онъ коротко и разсѣяно кивнулъ головой въ отвѣтъ на общій поклонъ подчиненныхъ и прошелъ въ кабинетъ своей быстрой ровной походкой.

— Что-то неладно тамъ было, — проговорилъ ему вслѣдъ Леонтій. — Я рѣдко его видѣлъ такимъ. Онъ всегда вѣдь старается не выдавать своихъ впечатлѣній... Ага! часъ отъ часу не легче! Мой отецъ,—удивленно

добавилъ онъ, увидавъ входившаго почти вслѣдъ за Коловратскимъ Петра Кирилловича Радугина.

— Можно видѣть министра? — встревоженнымъ тономъ спросилъ у Гриши профессоръ, съ чувствомъ пожимая ему руку.

— Онъ только что пріѣхалъ изъ засѣданія; погодите немного, я доложу.

Павелъ Александровичъ поморщился, узнавъ о пріѣздѣ Радугина, но принялъ его тотчасъ, вѣрный своему правилу никогда не заставлять себя ждать.

— Представь себѣ, зачѣмъ пожаловалъ сюда мой родитель!—насмѣшливо сказалъ Гришѣ Леонтій, когда Петръ Кирилловичъ исчезъ за дверью кабинета Павла Александровича. Увѣщевать Коловратскаго быть защитникомъ молодежи противъ несправедливыхъ нареканій. Да-съ, мой милый, вотъ какъ! Удивительный, право, человѣкъ мой отецъ! Пятьдесятъ давно стукнуло, а настоящій ребенокъ: вѣритъ, что министръ, да еще не твердо сидящій на мѣстѣ, будетъ чѣмъ-нибудь рисковать ради какихъ-то либеральныхъ принциповъ.

Петръ Кирилловичъ между тѣмъ витіевато излагалъ передъ сановникомъ свою странную просьбу о заступничествѣ. Павелъ Александровичъ сперва никакъ не могъ понять, чего собственно добивается отъ него почтенный профессоръ, мысленно желая какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ докучливой, ни къ чему не ведущей бесѣды. Но Павелъ Александровичъ въ то же время зналъ, что Радугинъ—одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей той либеральной среды, мнѣніемъ которой онъ не переставалъ дорожить. И онъ выслушалъ Петра Кирилловича терпѣливо, даже почти любезно.

— Ваше высокопревосходительство, — настаивалъ Радугинъ, — на васъ, на васъ однихъ надежда всей мыслящей Россіи. Если на университеты обрушатся новыя гоненія, если молодежь будетъ постояннымъ предметомъ несправедливыхъ заподозрѣваній, если сво-

бода преподаванія будетъ стѣснена еще болѣе—нельзя поручиться за послѣдствія: возникнутъ новые безпорядки, и лишніе десятки молодыхъ людей пострадаютъ въ угоду близорукой реакціи.

Сановникъ съ трудомъ удержалъ на своемъ лицѣ улыбку.

— Вы, Петръ Кирилловичъ, — съ любезнымъ вздохомъ отвѣтилъ онъ, — преувеличиваете себѣ мое вліяніе. Я могу только подать голосъ въ пользу умѣренности, съ которой всегда совпадаетъ и дальновидная осторожность, но могу васъ увѣрить, ваши опасенія напрасны, и до сихъ поръ ничего такого не рѣшено...

— Генералъ Авиновъ,—доложилъ курьеръ, растворяя дверь кабинета.

— Извините меня, — вставая и пожимая руку профессора, сказалъ Коловратскій, обрадованный тѣмъ, что пріѣздъ генерала прекращалъ скучное объясненіе.

Радугинъ поклонился съ достоинствомъ и вышелъ.

Генералъ Авиновъ — невысокаго роста человѣкъ, съ далеко невоинственнымъ видомъ и хитро прищуренными глазами — былъ товарищъ по должности Павла Александровича и одинъ изъ самыхъ заклятыхъ его враговъ. Но именно потому, что они были враги, они соблюдали другъ съ другомъ самую изысканную любезность и такъ же часто обмѣнивались маленькими явными услугами, какъ тайными крупными подвохами.

На этотъ разъ генералъ пріѣхалъ къ Павлу Александровичу по очень важному дѣлу — важному собственно потому, что оно касалось денежнаго вопроса. Еслибы дѣло это затрогивало лишь какую-нибудь государственную мѣру, генералъ ограничился бы, конечно, отсылкою надлежащаго отношенія въ вѣдомство Павла Александровича. Но теперь шла рѣчь о дополнительной ассигновкѣ въ полмилліона рублей для вѣдомства генерала, и разрѣшеніе этого кредита во многомъ зависѣло отъ того, какъ отнесется къ нему Коловратскій. Оффиціальная бумага по этому дѣлу была Коловрат-

скимъ получена давно, и онъ медлилъ отвѣтомъ намѣренно.

Генералъ далъ ему понять въ самыхъ милыхъ выраженіяхъ, что онъ хорошо знаетъ о враждебномъ къ нему настроеніи Павла Александровича, но въ то же время намекнулъ на участіе, какое принимаетъ въ этомъ вопросѣ та самая особа, которой Павелъ Александровичъ былъ обязанъ своимъ назначеніемъ. Услыхавъ это, Коловратскій чуть чуть даже перемѣнился въ лицѣ. „Что же это графиня меня, однако, не предупредила“, подумалъ онъ, закусивъ нижнюю губу. У него, впрочемъ, были и иныя причины удовлетворить желаніе генерала: онъ зналъ, что Авиновъ недавно очень недвусмысленно выражался на счетъ его собственной политической неблагонадежности, и щекотливый вопросъ, поднятый въ комитетѣ, въ которомъ Павлу Александровичу поневолѣ надо было постоять за свой либерализмъ, заставлялъ его быть вдвойнѣ сговорчивымъ въ личныхъ отношеніяхъ. Онъ позвонилъ и вошедшему курьеру велѣлъ позвать Варсонофьева.

— Готова у васъ записка по дѣлу, о которомъ сносился съ нами генералъ? — спросилъ Павелъ Александровичъ у начальника канцеляріи.

Варсонофьевъ былъ сильно озадаченъ вопросомъ начальника. Павелъ Александровичъ вѣдь долженъ былъ знать, что записка эта и не могла быть готова, такъ какъ самъ онъ распорядился, чтобы отвѣтомъ не торопились. Но въ то же время для него было теперь совершенно ясно, что по какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ Павлу Александровичу вдругъ понадобилось ускорить рѣшеніе этого самаго дѣла и показать видъ, будто онъ готовъ сдѣлать все зависящее отъ него, чтобы удовлетворить требованію генерала.

— У насъ идутъ пока однѣ подготовительныя работы, — уклончиво сказалъ Варсонофьевъ.

— Но вы, конечно, — примирительно замѣтилъ генералъ, — не откажетесь намъ дать нѣкоторыя объ-

ясненія. Я для того и пріѣхалъ къ вамъ, Павелъ Александровичъ, чтобы уладить это дѣло между нами по-товарищески. Я думаю, сговориться намъ будетъ не трудно.

Павелъ Александровичъ былъ готовъ пойти на всевозможныя уступки, но на бѣду онъ совсѣмъ не изучилъ вопроса, по которому хлопоталъ Авиновъ. Вопросъ этотъ былъ отложенъ въ долгій ящикъ, какъ нѣчто совсѣмъ неспѣшное, и Павлу Александровичу было очень непріятно сознаться передъ генераломъ въ своей оплошности. Вѣдь не даромъ же онъ слылъ за отмѣннаго знатока дѣла, отъ котораго не ускользаютъ даже малѣйшія подробности.

— Конечно, конечно! — отвѣтилъ онъ съ оттѣнкомъ нерѣшительности въ голосѣ и тутъ же обратился къ Варсонофьеву.

— Изложите, пожалуйста, генералу въ короткихъ словахъ наши соображенія.

Но, замѣтивъ по лицу Варсонофьева, что правитель дѣлъ не былъ въ состояніи удовлетворительно отвѣтить, онъ тотчасъ спросилъ:

— Кто у васъ занимается этимъ дѣломъ?

— Предварительную записку поручено составить младшему дѣлопроизводителю Радугину, — отвѣтилъ Варсонофьевъ.

Павелъ Александровичъ съ недовольнымъ видомъ покачалъ головой.

— Какъ можно было такую важную работу довѣрить совсѣмъ неопытному молодому чиновнику!

Но дѣлать было нечего.

— Хорошо, одобрилъ онъ, — попросите сюда г. Радугина.

Съ каждымъ человѣкомъ хотя разъ въ жизни бываетъ счастливый случай, отъ котораго можетъ зависѣть успѣхъ всей его дальнѣйшей судьбы. Но далеко не каждый умѣетъ за такой случай ухватиться. Не таковъ, однако, былъ Леонтій. Онъ твердо вѣрилъ, что

рано или поздно судьба поможетъ ему выказать свои способности и, конечно, онъ сумѣетъ воспользоваться такой желанной минутою.

Когда правитель канцеляріи позвалъ его въ кабинетъ министра, Леонтій предсталъ передъ начальникомъ спокойно и увѣренно, держа въ рукахъ составленную имъ записку. И слогъ и почеркъ у него были такіе же изящные и щеголеватые, какъ сама его наружность. Съ первыхъ же словъ, обращенныхъ къ нему Павломъ Александровичемъ, Леонтій понялъ, однако, что недостаточно блеснуть этими заурядными качествами, что требуется отъ него теперь нѣчто большее. Онъ догадался, что мнѣніе начальника почему-то перемѣнилось и что тотъ уклончивый отвѣтъ, который ему велѣно было изготовить, теперь совсѣмъ уже не годился. И къ немалому удивленію Коловратскаго, когда молодой человѣкъ принялся излагать дѣло, этотъ самый отвѣтъ вышелъ уже совершенно инымъ, чѣмъ было сперва предположено. Леонтій бойко и неопровержимо доказалъ, что требованіе генерала Авинова было какъ нельзя болѣе правильно и въ подтвержденіе этого, ни разу не сбившись въ своей гладкой рѣчи, привелъ цѣлый рядъ краснорѣчивыхъ цифръ. Конечно, еслибъ его заставили тутъ же прочесть то, что было имъ такъ четко написано на этихъ глянцовитыхъ листахъ бумаги — и Леонтій, и самъ Павелъ Александровичъ были бы поставлены въ довольно затруднительное положеніе. Но Леонтій зналъ, что прочитать этого его не попросятъ, и Павелъ Александровичъ, отлично смекнувшій бойкую до дерзости передержку своего подчиненнаго, былъ въ совершенномъ восторгѣ отъ его смѣтливости. „Вотъ выручилъ, спасибо ему!“ — подумалъ онъ, одобрительно вглядываясь въ молодого человѣка своими блестящими, умными глазами.

— Поразительно! феноменально! — громко выражалъ свое одобреніе генералъ Авиновъ, не знавшій въ своемъ вѣдомствѣ ни одного чиновника, который былъ бы

способенъ въ присутствіи двухъ министровъ, ничуть не смущаясь, экспромптомъ изложить такое сложное и запутанние дѣло.

— Молодой человѣкъ, вы далеко пойдете! — похватилъ онъ Леонтія, когда былъ оконченъ докладъ, и, прощаясь, даже счелъ долгомъ пожать ему руку.

Леонтій вышелъ изъ кабинета начальника очень довольный собою, но ничѣмъ не выдавая своего торжества. Лицо его глядѣло не то чтобы скромно — это выраженіе никогда не было свойственно чертамъ Леонтія, — но сдержанно и спокойно, Леонтій хорошо зналъ, что подчиненнымъ никогда не слѣдуетъ открыто торжествовать побѣду въ присутствіи начальника, и когда Варсонофьевъ, еще не пришедшій въ себя отъ удивленія, похвалилъ его, впрочемъ, съ оттѣнкомъ недоумѣвающаго укора, Леонтій выслушалъ его молча, и лишь едва уловимая презрительная искра мелькнула на мигъ въ его сѣрыхъ глазахъ.

Пріемъ у министра между тѣмъ продолжался. Въ числѣ прочихъ явился просить аудіенціи и Михаилъ Андреевичъ. Отецъ Гриши въ этотъ день глядѣлъ особенно по праздничному. Да и было отчего. На общемъ собраніи акціонеровъ банка, гдѣ происходили выборы правленія, Михаилъ Андреевичъ получилъ десятью голосами болѣе своего конкуррента и этой побѣдою онъ былъ несомнѣнно обязанъ всемогущему вліянію Павла Александровича. Непрядвинъ самъ диву давался, какъ это ему такъ везетъ за послѣднее время: вѣдь онъ въ сущности ровно ничего не смыслитъ въ финансовыхъ дѣлахъ, и вдругъ ни съ того ни съ сего, волею судебъ онъ — членъ правленія одного изъ самыхъ крупныхъ петербургскихъ банковъ. Новая отвѣтственность его немного смущала, но счастливый нравъ помогъ ему скоро стряхнуть съ себя это малодушное смущеніе. „Что-жъ“, думалъ онъ, „не боги вѣдь горшки обжигаютъ“. И Михаилъ Андреевичъ все болѣе усваивалъ себѣ ту особую петербургскую мораль, въ

силу которой успѣхъ куда какъ выше заслуги и незачѣмъ долго задумываться, имѣешь ли за собою необходимыя способности для отправленія какой-нибудь должности. „Вѣдь одни дураки въ себѣ сомнѣваются“, думалъ Михаилъ Андреевичъ, весь исполненный благодарности къ своему бывшему товарищу и къ любезной сестрицѣ, сумѣвшей такъ хорошо подогрѣть расположеніе къ нему Павла Александровича.

Выходя изъ кабинета министра, который задержалъ его очень недолго, — благодарность всегда выражается лаконически — Михаилъ Андреевичъ на нѣсколько минутъ остановился въ первой пріемной комнатѣ, гдѣ были тогда Гриша и Леонтій.

Онъ находился въ томъ особомъ счастливомъ настроеніи, когда отъ избытка радости становишься необыкновенно словоохотливымъ.

— Теперь, Гриша,—сказалъ онъ сыну, слегка потрепавъ его по плечу,—можно подумать о новой квартирѣ на будущую зиму, какъ ты полагаешь? Не мѣшаетъ заранѣе и мебель заказать.

Но сообразивъ, вѣроятно, что не совсѣмъ удобно въ присутствіи постороннихъ распространяться объ этихъ домашнихъ вопросахъ, онъ обратился къ Леонтію, слегка покачнувшись на каблукахъ — онъ всегда такъ дѣлалъ, когда имѣлъ поводъ быть довольнымъ собою:

— А что вы, Леонтій Петровичъ, вчера не пріѣхали на засѣданіе общества? Правда, вы не членъ, но было такъ интересно, что стоило послушать. Публики съѣхалось пропасть.

Наканунѣ въ обществѣ вольныхъ агрономовъ — самомъ старинномъ и многолюдномъ изъ петербургскихъ ученыхъ обществъ — происходило засѣданіе, на которомъ недавно пріѣхавшій въ Петербургъ Николай Ѳедоровичъ Берестовъ читалъ пространный докладъ о крестьянскомъ вопросѣ и о поземельной общинѣ. Какъ извѣстный земскій дѣятель передоваго на-

правленія, Берестовъ былъ встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ, а когда онъ, между прочимъ, сказалъ, что крестьянская община „должна быть прототипомъ имущественныхъ порядковъ для всѣхъ классовъ населенія, какъ форма собственности будущаго“, — раздались неистовыя рукоплесканія. Въ публикѣ было много дамъ, въ томъ числѣ стриженыхъ съ синими очками, которыя, хотя имѣли очень смутное понятіе о крестьянской общинѣ, тѣмъ не менѣе горячо сочувствовали докладчику. Произошелъ даже немного скандальный пассажъ, такъ какъ одинъ изъ бывшихъ тутъ членовъ позволилъ себѣ, вопреки мнѣнію большинства, высказать нѣсколько возраженій. Ему тотчасъ зашикали изъ публики, и когда озадаченный этимъ, онъ обратился къ предсѣдателю, тотъ ему отвѣтилъ, что не въ силахъ остановить понятный взрывъ негодованія, вызваннаго отсталыми мнѣніями, не симпатичными большинству интеллигенціи. Предсѣдатель этотъ былъ никто иной, какъ Петръ Кирилловичъ Радугинъ, и слова его, конечно, вызвали настоящій громъ преимущественно дамскихъ аплодисментовъ. Пріѣхалъ на это засѣданіе и Михаилъ Андреевичъ, главнымъ образомъ, потому, что докладчикъ былъ его шуринъ, но увлеченный общимъ потокомъ сочувствія,—хоть онъ далеко не раздѣлялъ мнѣнія Берестова,—онъ аплодировалъ ему не хуже другихъ. Впрочемъ, онъ въ этотъ день отлично пообѣдалъ, и лишняя рюмка вина всегда вызывала у Михаила Андреевича нѣсколько восторженное настроеніе.

— Напрасно вы не полюбопытствовали,—продолжалъ Михаилъ Андреевичъ, — Берестовъ говорилъ очень хорошо, правда, вы знаете... немножко въ этомъ... — онъ слегка запнулся, — красномъ духѣ, но теперь вѣдь иначе нельзя... И все таки, что ни говори, это очень оживляетъ, когда много публики и аплодисментовъ.

— По моему, — возразилъ ему сынъ, — дядюшка говорилъ совершенный вздоръ.

— Какъ вздоръ! Этого ты не говори. Вѣдь аграр-

ный вопросъ поставленъ на очередь, отрицать этого нельзя.

И Михаилъ Андреевичъ, немного путаясь, передалъ сущность рѣчи своего шурина.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ директоромъ банка, деревенскіе интересы въ его глазахъ нѣсколько стушевались, и столичный либерализмъ имъ овладѣвалъ все сильнѣе.

— Одного только я не совсѣмъ понимаю,—улыбаясь сказалъ Леонтій, — какъ это вы, Михаилъ Андреевичъ, этому сочувствуете? Вѣдь что ни говори, кабы на дѣлѣ осуществились эти проекты, имѣніе ваше пришлось бы порядкомъ таки поурѣзать.

— Ну, до этого правительство не допуститъ!—возразилъ Михаилъ Андреевичъ, вдругъ охваченный твердой вѣрой въ то самое правительство, дѣйствія котораго онъ обыкновенно подвергалъ такому порицанію.

— Да, вотъ они, господа либералы изъ вашей братіи—помѣщиковъ,—сказалъ Гришѣ Леонтій, когда Михаилъ Андреевичъ удалился, сочувствововать-то они всему горазды, а чуть рѣчь коснется практическаго примѣненія — они въ кусты, да готовы взывать къ властямъ предержащимъ. Ну, Гриша, пойдемъ; четыре часа, пора...

Молодые люди давно уже перестали быть друзьями; иногда въ ихъ отношеніяхъ даже какъ будто сквозила взаимная антипатія. Тѣмъ не менѣе, въ силу установившейся привычки, у нихъ сохранилась товарищеская короткость, переживавшая дружбу. И въ этотъ день, какъ почти всегда, они вмѣстѣ вышли изъ министерства, направляясь къ Большой Морской.

Былъ одинъ изъ тѣхъ славныхъ мартовскихъ дней, когда на солнцѣ уже изрядно грѣетъ, а въ тѣни домовъ, подъ ногами, все еще хруститъ снѣжокъ. Морская была полна народа. Гуляющіе толпились на тротуарѣ, сани быстро сновали, какъ бы спѣша воспользоваться послѣднимъ снѣгомъ, и полозья то и дѣло

скрипѣли по обнаженной мостовой. Лихо мчались въ своихъ колясках нарядныя дамы. На лицахъ прохожихъ и въ самой ихъ походкѣ замѣчалось весеннее оживленіе; во всемъ было какое-то безсознательное неудержимое стремленіе впередъ куда-то вширь и вдаль, которое охватываетъ все живое въ первые весенніе дни.

Вдругъ молодыхъ людей обозвалъ хриповатый голосъ Виктора Коловратскаго. Сани подкатили къ тротуару; Викторъ отстегнулъ кожаную полость и поздоровался съ Гришей и Леонтіемъ.

— Вотъ прекрасно, что настигъ васъ обоихъ,—сказалъ онъ, выскакивая изъ саней,—а то, право, не зналъ, куда дѣваться... На катокъ ѣхать одному что-то лѣнь... Давайте погуляемъ вмѣстѣ.

Гриша немного удивился, замѣтивъ необыкновенную короткость въ отношеніяхъ Виктора и Леонтія, казавшихся столь чуждыми другъ другу и по своимъ вкусамъ, и по общественному положенію. Въ тонѣ Леонтія притомъ замѣтно было какое-то странное, непріятное заискиваніе передъ молодымъ Коловратскимъ. „Что онъ такъ противно лебезитъ передъ этимъ Викторомъ", подумалъ Гриша, не совсѣмъ дружелюбно взглянувъ на товарища по службѣ. „Хочетъ задобрить министерскаго сынка... Фу, какъ гадко!..." Но мысленно онъ тутъ же добавилъ: „а я самъ-то хорошъ, нечего сказать! Развѣ мнѣ симпатиченъ этотъ Викторъ съ своимъ вѣчнымъ самодовольнымъ цинизмомъ, съ этимъ глупымъ хвастовствомъ деньгами отца, точно онъ радъ всѣмъ показать, что имѣетъ полное право бить баклуши, благо папаша завоевалъ себѣ видное положеніе..."

И Гриша долженъ былъ признаться себѣ, что самъ онъ немного кривитъ душой передъ этимъ красивымъ, самодовольнымъ шалопаемъ и что, не будь у Виктора его прелестной сестрицы...

И Гриша всегда откровенный съ собою, немного даже покраснѣлъ при этой мысли.

Викторъ былъ, впрочемъ, изъ числа тѣхъ славныхъ малыхъ, въ которыхъ собственно ровно ничего нѣтъ славнаго, но съ которыми рѣшительно всѣ были на короткой ногѣ, хотя настоящихъ друзей у нихъ не бываетъ.

— Знаешь что, Гриша,—вдругъ остановился Викторъ, когда они втроемъ дошли до угла Гороховой, — давай ка все таки поѣдемъ туда на катокъ, народа тамъ сегодня будетъ пропасть и, кстати сказать, будетъ тамъ сестра...

— Какъ? — весь вспыхнувъ, возразилъ Гриша. — Елена Павловна мнѣ вчера говорила, что не поѣдетъ!

— Ну, да у нихъ вѣдь извѣстно — семь пятницъ на недѣлѣ: вчера не хотѣла ѣхать, а сегодня рѣшила иначе... Стало быть, отправляемся?

Гриша, разумѣется, согласился и вмѣстѣ съ Викторомъ вскочилъ въ сани.

— А будешь вечеромъ у отца?—спросилъ у Гриши, протягивая ему руку, Леонтій.

Въ этотъ день было обычное еженедѣльное собраніе у Петра Кирилловича.

— Врядъ ли,—отвѣтилъ Гриша; — я долженъ быть у тетки: у нея большой вечеръ сегодня.

— Что жъ, прекрасно! Мы туда вмѣстѣ и отправимся, я тоже званъ къ графинѣ.

Гриша взглянулъ на него съ удивленіемъ, но не сказалъ ничего. Онъ и не подозрѣвалъ, что Леонтій былъ знакомъ съ его теткой.

— Ба!.. часъ отъ часу не легче!..—беззвучно разсмѣялся Викторъ. Леонтій Радугинъ пустился въ большой свѣтъ! какими судьбами?

— Да очень просто,— хладнокровно отвѣтилъ Леонтій — отецъ давно знакомъ съ графиней, и я просилъ его меня ей представить.

— Поздравляю, поздравляю, — насмѣшливо продолжалъ Викторъ.—Я вижу, длинноволосыя идеи тебѣ не мѣшаютъ стремиться туда, гдѣ раки зимуютъ. Оно и по-

хвально и не безвыгодно... Желаю вамъ обоимъ повеселиться... а я на этотъ счетъ слуга покорный, меня на этихъ вечерахъ зѣвота одолѣваетъ... Я сегодня съ цѣлою компаніею къ цыганамъ собираюсь. Это будетъ повеселѣе... Ну трогай!..—приказалъ онъ кучеру, кивнувъ Леонтію головой.

Лошадь, все время нетерпѣливо передвигавшая ногами, быстро взяла съ мѣста и четверть часа спустя лихо подкатила молодыхъ людей къ Таврическому Дворцу.

VII.

Въ этотъ день вечернее собраніе у Петра Кирилловича Радугина было многолюднѣе обыкновеннаго. Ходившіе по городу слухи о новыхъ строгостяхъ не на шутку переполошили цвѣтъ петербургской интеллигенціи и придали особое оживленіе толкамъ и разговорамъ на вечерѣ у почтеннаго профессора.

Тутъ были профессора Градобоевскій и Пивоквасовъ, знаменитый адвокатъ Дымъ-Дымановскій. Была тутъ, разумѣется, и молодежь: Петръ Кирилловичъ Радугинъ широко, хотя и съ осторожностью, раскрывалъ ей двери своего гостепріимнаго кабинета. И молодежь эта большею частью почтительно внимала медовымъ рѣчамъ авторитетовъ, хотя подчасъ изъ ея среды и вырывались нетерпѣливые возгласы, когда ея пылкій нравъ слишкомъ уже коробили увертливыя рѣчи. Но въ этотъ вечеръ всѣ были въ самомъ дружномъ, въ самомъ приподнятомъ настроеніи. Неопредѣленныя опасенія передъ чѣмъ-то носившимся въ воздухѣ разомъ всѣхъ оживили. И примѣръ показалъ самъ хозяинъ дома.

— Господа!—своимъ взволнованнымъ, немного торжественнымъ голосомъ говорилъ Петръ Кирилловичъ. — Пора намъ признать, что мы ошибались, отталки-

вая такъ долго отъ себя болѣе передовую часть нашего общества... Мы ошибались, убѣждая ее терпѣливо выжидать поворота къ лучшему, мириться съ существующимъ зломъ. Мы, какъ сторонники строгой законности, не хотѣли видѣть, что есть минуты, когда страстное увлеченіе разумнѣе холоднаго разсчета, потому что оно ближе ведетъ къ цѣли. Мириться и выжидать можно тогда только, когда остается надежда; но когда передъ нами китайская стѣна, и стѣна эта съ каждымъ днемъ становится все выше и выше, нечего ждать, что вдругъ широко растворятся ворота и для Россіи наступитъ день мирнаго обновленія... Тогда, къ сожалѣнію, правы бываютъ тѣ, которые хотятъ приступомъ взять эту стѣну или, что лучше, разобрать ее по частямъ.

Это было туманно и витіевато, и на лицахъ коекого изъ присутствующихъ показалась даже саркастическая улыбка, а блѣдный и худощавый молодой человѣкъ съ необыкновенно тонкими искривленными губами, къ вискамъ котораго прилипали длинныя пряди рѣдкихъ черныхъ волосъ, даже безцеремонно разсмѣялся короткимъ и сухимъ смѣхомъ. Это былъ Жмыхинъ, бывшій студентъ Петровской академіи, уже замѣченный въ двухъ прежнихъ исторіяхъ и недавно возвращенный изъ административной ссылки.

Вопросъ, около котораго вращались въ этотъ вечеръ всѣ пренія, заключался въ слѣдующемъ: до сихъ поръ постоянно отрицали всякую солидарность съ партіею движенія. Теперь, по мнѣнію нѣкоторыхъ, наступала минута, когда обѣ эти партіи должны были слиться. Въ сущности ихъ отдѣляло одно лишь — неодинаковая горячность въ стремленіи къ цѣли. Такъ называемые крайніе, съ которыми либералы до сихъ поръ расходились, въ сущности интересовались гораздо болѣе политическимъ вопросомъ, чѣмъ соціальнымъ, а такъ какъ въ концѣ концовъ этотъ послѣдній вопросъ былъ пока за горами, незачѣмъ было отвергать союзъ съ тѣми людьми, которые, благодаря своей большей энер-

гіи и полной готовности жертвовать собою, гораздо болѣе дѣйствовали на молодые умы, чѣмъ сторонники умѣренности и законности. А затѣмъ нельзя было не признать, что въ соціализмѣ есть немалая доля истины. Недавно вѣдь одинъ изъ столповъ умѣренной партіи, профессоръ Пивоквасовъ, въ своей книгѣ доказалъ, что крестьянскіе надѣлы обезпечиваютъ мужику лишь медленную, голодную смерть и что давно пора къ нимъ прирѣзать добрую часть помѣщичьихъ земель. И почииъ въ этомъ смыслѣ уже сдѣланъ. Въ обществѣ вольныхъ агрономовъ вопросъ поставленъ ребромъ, и восторженная овація, сдѣланная наканунѣ докладу Николая Ѳеодоровича Берестова, доказала наглядно, какимъ сочувствіемъ пользуется въ публикѣ идея новой крестьянской реформы.

Такъ думало большинство, и сухощавый профессоръ Пивоквасовъ своимъ желчнымъ и ядовитымъ голоскомъ тутъ же доказалъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что въ виду опасности „надо сплотиться и одновременно дѣйствовать на два фронта“... Онъ, конечно, не объяснилъ, куда должны быть направлены оба эти фронта, но всѣ — это поняли какъ нельзя яснѣе. А Николай Ѳедоровичъ Берестовъ, тоже бывшій на вечерѣ въ качествѣ героя дня, добавилъ отъ себя, что въ провинціи желаемый союзъ заключенъ давно, что передовые члены земства поняли свою солидарность съ молодежью и лучшіе люди изъ самой помѣщичьей среды готовы на всякія жертвы для общаго блага.

— Воображаю, какъ готовы!—вполголоса хихикнувъ, сказалъ сидѣвшему возлѣ него Леонтію Жмыхинъ.

Леонтій на это лишь чуть замѣтно улыбнулся, но Гриша Непрядвинъ, разслышавшій замѣчаніе Жмыхина, счелъ долгомъ возразить.

— Всякому истинно хорошему дѣлу, разумѣется, будутъ сочувствовать всѣ честные люди, но добиваться собственнаго раззоренія, конечно, станутъ одни сумасшедшіе.

— Вродѣ твоего дяди Берестова?—насмѣшливо сказалъ Леонтій.

Жмыхинъ не отвѣтилъ и только съ холоднымъ высокомѣріемъ вскинулъ глазами на Гришу: „вотъ тоже", презрительно какъ бы говорили эти глаза, „вздумалъ сюда явиться этотъ голубчикъ. Сейчасъ видна птица по полету".

Самый костюмъ Гриши — его фракъ и бѣлый галстукъ — въ глазахъ Жмыхина были какимъ-то святотатствомъ на этомъ сборищѣ.

Не всѣ однако изъ присутствующихъ были одинаковаго мнѣнія.

— Позвольте, — сладкимъ и пѣвучимъ голосомъ заговорилъ профессоръ Градобоевскій, плотный и курносый господинъ съ круглымъ рябоватымъ лицомъ, — позвольте! — мы что-то уже слишкомъ забѣгаемъ впередъ. У насъ нѣтъ самыхъ элементарныхъ гарантій...

— Что жъ изъ этого?—возвразилъ Пивоквасовъ, — на то мы и русскіе, чтобы шагать черезъ промежуточныя ступени...

Коснувшись этого жгучаго вопроса, всѣ какъ-то разомъ заговорили иносказательно, и даже тотъ, кто за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ громко высказывался въ пользу общаго передѣла земель, теперь прибѣгалъ къ осторожнымъ уклончивымъ выраженіямъ.

— Заговоривъ объ аграрной реформѣ, — продолжалъ Градобоевскій, — мы неминуемо возстановимъ противъ себя весь классъ землевладѣльцевъ, который вѣдь въ сущности съ нами заодно, потому что онъ, какъ и мы, хочетъ добиться того...—профессоръ вдругъ запнулся.

— Чтобы увѣнчано было зданіе! — досказалъ его мысль, слегка засмѣявшись, адвокатъ Дымъ-Дымановскій.

При этихъ словахъ Жмыхинъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ ближе къ столу, вокругъ котораго сидѣли главныя свѣтила.

— Вы хотите увѣнчать зданіе, — взволнованнымъ голосомъ заговорилъ онъ, — а его надо разрушить до основанія.

Прежнія заслуги Жмыхина, его двукратная ссылка въ глазахъ прочихъ давали ему право такъ рѣзко выражаться.

— Не дѣлайте себѣ иллюзій, господа,—продолжалъ онъ, хватаясь обѣими руками за спинку стула, — на эту приманку никто изъ нашихъ не пойдетъ. Мы ставимъ вопросъ ребромъ: или принимайте всю нашу программу, или отвергайте ее цѣликомъ, а компромиссовъ мы не допускаемъ.

Жмыхинъ проговорилъ это отчетливо среди общаго молчанія, и слова его разомъ произвели такое же дѣйствіе, какое среди плавной симфоніи производитъ рѣзкій и фальшивый аккордъ.

— Однако чего же мы должны тогда добиваться?— заискивающимъ тонОнъ началъ опять Градобоевскій,— вѣдь согласитесь сами, что прогрессъ можетъ быть обезпеченъ тогда только...

— Какой тамъ прогрессъ!..—нетерпѣливо и запальчиво перебилъ его Жмыхинъ, встряхнувъ своими длинными волосами.

— Къ черту его! Поправокъ намъ не нужно... пусть все идетъ хуже, да хуже и чѣмъ болѣе всѣмъ станетъ не втерпежъ, тѣмъ скорѣе наступитъ...

Онъ не договорилъ, но энергическое движеніе рукою замѣнило недосказанный выводъ.

Поднялся ропотъ. Это было уже слишкомъ для сторонниковъ законнаго развитія. Можно было сочувствовать энергіи крайнихъ представителей движенія, но согласиться на этотъ дикій безнадежный пессимизмъ, было, очевидно, нельзя.

— Къ счастью, не всѣ такъ думаютъ, какъ вы, — примирительно заговорилъ Петръ Кириллловичъ, обращаясь къ Жмыхину; — я хорошо знаю молодежь: она способна увлекаться, но благодарная вѣра въ будущее

Россіи въ ней не изсякла, и стоитъ ей увидать передъ собой болѣе отрадное будущее, чтобы довѣрчиво встрѣтить призывъ свыше, какъ это было уже двадцать лѣтъ назадъ.

Жмыхинъ презрительно махнулъ рукой и молча усѣлся на прежнее мѣсто. Ему болѣе не возражалъ никто, но общая дружная бесѣда уже не возобновлялась, и, какъ оно всегда водится, до послѣдняго слова не договорились.

Гости Петра Кирилловича разбились на мелкія кучки.

— А вѣдь, чего добраго,—говорилъ въ одной изъ этихъ кучекъ професоръ Пивоквасовъ, — этотъ длиноволосый молодой человѣкъ правъ, и напрасно мы такъ добиваемся этого пресловутаго вѣнца зданія.

— Какъ? что?!—почти съ негодованіемъ отозвались на это прочіе.

— Да, такъ: очень можетъ статься, что поработаемъ мы не для себя. Какъ вы думаете, кто бы оказался выбраннымъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ? Никто иной, какъ мѣстные дѣятели, положимъ, очень почтенные люди, но все таки изъ помѣщичьяго класса. А это въ сущности бы значило вдохнуть новую жизнь въ умирающее поземельное дворянство.

— Да что же вы находите въ этомъ такого страшнаго?—обратился къ нему съ вопросомъ Гриша.—Вѣдь дворянство это не какая-нибудь каста, а всѣ мы; въ томъ числѣ и тѣ, кто на него обыкновенно нападаетъ.

Профессоръ снисходительно улыбнулся, но не нашелъ, что отвѣтить. Онъ вспомнилъ, что еще прошлою зимой этотъ молодой человѣкъ сидѣлъ на скамьѣ передъ его каѳедрой, слушая его лекціи, и ему страннымъ казалось, что теперь, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, этотъ самый молодой человѣкъ позволяетъ себѣ дѣлать ему не совсѣмъ удобныя возраженія.

— Такъ-то оно такъ,—переминаясь съ ноги на ногу,

засмѣялся присяжный повѣренный, — да все таки это не то, совсѣмъ не то. Дѣло не въ самомъ дворянствѣ, а въ землѣ.

— А пріобрѣсти землю вамъ развѣ мѣшаютъ?—опять спросилъ Гриша.

— Да что мы съ ней дѣлать будемъ? Кто къ ней съ дѣтства не привыкъ, тому съ ней и не справиться никогда. И что тамъ ни говори, городъ и деревня — это два племени, которыя долго еще у насъ будутъ смотрѣть врознь...

— Одного я не понимаю,—нѣсколько минутъ спустя, заговорилъ опять Гриша, подойдя къ другой группѣ, гдѣ ораторствовалъ профессоръ Градобоевскій,—какъ ни плохо все идетъ, а за послѣднія двадцать лѣтъ, все таки куда какъ легче живется. И тѣмъ не менѣе теперь всѣ недовольны, всѣ бранятъ существующіе порядки, а двадцать лѣтъ назадъ, когда эти порядки были гораздо тяжелѣе, про такое недовольство и помину не было.

Градобоевскій улыбнулся.

— Объяснить это не трудно,—отвѣтилъ онъ. Тогда въ самомъ дѣлѣ была китайская стѣна, и всѣ отлично знали, что дальше извѣстнаго мѣста шагу ступить нельзя; а теперь не то: теперь уже хорошенько не знаешь, что позволено, что нѣтъ, да и передъ нами уже пе стѣна, а простой барьеръ, который ставятъ то повыше, то пониже; всякій разъ, что онъ передъ нами опускается, многимъ въ голову приходитъ нельзя ли черезъ него и совсѣмъ перескочить.

— Изъ вашихъ словъ выходитъ однако, — улыбнувшись возразилъ Леонтій, до сихъ поръ слушавшій молча, — что пожалуй, было бы лучше, кабы опять выстроили по прежнему китайскую стѣну...

— Пожалуй, что и такъ,—отвѣтилъ Градобоевскій и тотчасъ отошелъ прочь.

— Ну что, Гриша,—обратился Леонтій къ товарищу, — кажется, довольно поораторствовали... пора-

бы и въ путь; вѣдь сейчасъ половина одиннадцатаго.

Они сошли по лѣстницѣ въ квартиру, занимаемую въ нижнемъ этажѣ Леонтіемъ, — ту самую квартиру, гдѣ прежде оба жили вмѣстѣ.

— Удивляюсь я, право,—сказалъ Гриша, пока Леонтій сталъ переодѣваться, — какъ это ты все время такъ безучастно присутствовалъ на этихъ спорахъ. Вѣдь ты прежде былъ такой охотникъ на упражненія въ краснорѣчіи.

— Ахъ, братецъ мой,—живо надѣвая свѣжую рубашку, разсмѣялся Леонтій. — Говорить стоитъ передъ толпой или съ женщиной, потому что и ту, и другую увлечь можно; а съ этими господами чего слова тратить понапрасну; только враговъ себѣ наживешь, коли не по шерсткѣ кого-нибудь погладишь... Вотъ, посмотри, какъ я все дѣлаю съ разсчетцемъ: даже во фракъ не облекся заранѣе, чтобы гусей не раздразнить. Вѣдь уморительно было смотрѣть, какъ иные изъ нихъ все время на тебя глаза таращили, точно твой бѣлый галстукъ — позорное клеймо. Да, странные, право, иные господа: умниками себя считаютъ, передовыми, а прежде всего на внѣшность обращаютъ вниманіе. Врожденная у насъ страсть къ мундиру, должно быть... Ну, а вотъ я и готовъ.

Леонтій тщательно причесался, опрыскалъ себя духами; и бантъ его бѣлаго галстука вышелъ безукоризненный.

Его красивая наружность во фракѣ еще выигрывала: онъ глядѣлъ такъ, какъ будто съ молодыхъ ногтей привыкъ вращаться въ томъ искусственномъ мірѣ, куда отправлялся теперь.

— Вотъ видишь, милый мой,—добавилъ онъ, взявъ со стола шляпу и перчатки, — кто бы сказалъ теперь, глядя на меня, что я изъ тѣхъ, неблагонамѣренныхъ...— онъ разсмѣялся, говоря это, — о коихъ столь печется бдительное око властей? А развѣ мои убѣжденія отъ этого становятся податливѣе?

— Не знаю, каковы твои убѣжденія,—нерѣшительно отвѣтилъ Гриша; — только не понимаю, что тебѣ за охота пускаться въ это чужое для тебя общество.

— Не понимаешь, нѣтъ?—перебилъ его Леонтій. — Ну, когда-нибудь поймешь, а пока я вотъ что тебѣ скажу: вездѣ надо бывать и знакомиться съ людьми всякаго сорта... А теперь полно философствовать, поѣдемъ...

Они накинули шинели и вышли на улицу.

VIII.

Хотя было уже безъ четверти одиннадцать, когда Гриша и Леонтій пріѣхали къ графинѣ Елизаветѣ Андреевнѣ, вечеръ только что начинался. Пріѣхавшихъ было еще очень немного. Во второй гостиной, гдѣ была золоченая мебель съ блѣдно-зеленой обивкой, двѣ пожилыя дамы, да секретарь иностраннаго посольства уныло поддерживали утомительную бесѣду съ хозяйкой дома. Павелъ Александровичъ, пріѣхавшій однимъ изъ первыхъ съ дочерью, стоя велъ серьезный разговоръ съ другимъ, тоже очень важнымъ лицомъ. Въ комнатахъ пахло еще свѣжимъ воздухомъ и куреньемъ, и обнаженныя плечи дамъ ежились отъ ощущенія стужи. Чѣмъ то холоднымъ и натянутымъ, какъ всегда при началѣ любого вечера, вѣяло и отъ разговоровъ, и отъ самыхъ лицъ. Въ первой красной гостиной, за чайнымъ столомъ помѣстилась Катя съ какой-то барышней. Съ ними, держа на колѣняхъ каску, разговаривалъ, очевидно только ради приличія, молодой офицеръ, лицо котораго одинаково выражало покорную скуку и сознаніе исполняемаго долга. На противоположномъ концѣ стола рядомъ сидѣли Наташа и Нелли. Онѣ только что познакомились, и въ словахъ, которыми онѣ обмѣнивались, была та особая пытливая осторожность, какая всегда сказывается при первой встрѣчѣ

двухъ молодыхъ дѣвушекъ, точно онѣ хотятъ сперва подвергнуть другъ друга недовѣрчивой оцѣнкѣ. Нелли впрочемъ старалась быть очень ласковой съ Наташей и видимо желала на нее произвести выгодное впечатлѣніе.

Это былъ первый большой пріемъ у графини въ этомъ году. Обыкновенно молодежи не бывало на ея вечерахъ, но на этотъ разъ было сдѣлано исключеніе изъ за Наташи и Нелли: вечеръ одинаково предназначался для обѣихъ. Танцовать было нельзя, такъ какъ уже начался постъ, но въ большой залѣ и въ столовой, предоставленныхъ молодежи, собирались играть въ такъ называемыя petits jeux.

Гриша и Леонтій, поклонившись графинѣ, тотчасъ вернулись въ первую комнату, гдѣ были молодыя дѣвушки. Леонтій самъ удивился, какъ это онъ, въ первый разъ попавшій на свѣтскій вечеръ, не ощущаетъ въ себѣ ровно никакой робости. Бѣглымъ увѣреннымъ взглядомъ окинулъ онъ почти еще пустыя гостиныя, какъ опытный генералъ осматриваетъ боевую позицію, на которой онъ надѣется выиграть сраженіе. И Леонтій ни на мигъ не сомнѣвался, что завоюетъ себѣ положеніе въ этомъ чуждомъ для него мірѣ.

— Представь меня Еленѣ Павловнѣ,—шепнулъ онъ на ухо Гришѣ, подходя съ нимъ къ молодымъ дѣвушкамъ.

— Ты ее развѣ не знаешь?—удивился Гриша.

Не смотря на всѣ свои старанія и на долгое ухаживаніе за Викторомъ, проникнуть въ домъ Коловратскихъ Леонтію до сихъ поръ не удалось.

Нелли очень холодно отвѣтила на поклонъ молодого Радугина и не протянула ему даже руки. Она давно знала, что юная ея красота произвела впечатлѣніе на молодого человѣка: при случайныхъ встрѣчахъ съ нею на улицѣ краснорѣчивые глаза Леонтія выдавали это впечатлѣніе не разъ, и ей захотѣлось наказать его за дерзкую увѣренность, читавшуюся въ этихъ глазахъ.

Нелли окинула быстрымъ взглядомъ Гришу и Леонтія, сравнивая обоихъ и не могла не признать, что правильныя и тонкія черты молодого Радугина, гораздо выразительнѣе и красивѣе здороваго лица Гриши Непрядвина. Но красота эта, въ которой такъ и читалась самоувѣренность, всегда готовая перейти въ насмѣшку, почему-то не понравилась Нелли, и она съ преднамѣренной холодностью отвѣтила на развязную фразу, которой Леонтій попытался начать съ ней разговоръ. Въ тотъ же мигъ вѣеромъ и ласкающимъ движеніемъ глазъ она указала Гришѣ на стулъ возлѣ себя.

— Надо намъ возобновить сегодняшній разговоръ,— начала она, припоминая что-то сказанное имъ въ этотъ день на каткѣ.

Что это былъ за разговоръ, Гриша совсѣмъ даже не помнилъ. Но суть была не въ томъ, про что они говорили, а въ томъ ощущеніи близости, какое тотчасъ же охватило Гришу съ первыхъ ея словъ. Они говорили весело и живо, хотя совсѣмъ не про то, о чемъ между ними шла рѣчь на каткѣ.

Нелли казалась особенно прелестною въ этотъ вечеръ въ своемъ розовомъ платьѣ съ небольшимъ вырѣзомъ на груди, съ розовымъ вѣеромъ изъ страусовыхъ перьевъ и съ блестящимъ румянцемъ искрившейся молодости на тонкихъ чертахъ.

— Мы оба съ вами здѣсь, кажется, новобранцы, — развязно заговорилъ Леонтій, садясь возлѣ Наташи, — и, стало быть, интересы у насъ общіе. Наталья Михайловна, вы не робѣете, нѣтъ?

— Да я въ огнѣ ужъ была, — разсмѣявшись отвѣтила Наташа. — Къ этому скоро привыкаешь.

Наташа уже ѣздила съ графиней на нѣсколько вечеровъ, и первое не то пугливое, не то враждебное чувство, какое сначала возбуждалъ въ ней свѣтъ, теперь исчезло, замѣнившись равнодушнымъ спокойствіемъ, черезъ которое чуть чуть сквозило любопытство. Неловкой робости въ ней не было и слѣда, потому, мо-

жетъ быть, что ее вовсе не занимала мысль, какое впечатлѣніе она произведетъ на эту новую для нея среду. А впечатлѣніе она произвела самое выгодное. Что-то своеобразное и потому самому привлекательное находили въ томъ особомъ, сдержанно-горделивомъ выраженіи, какое читалось въ ея чертахъ, незнавшихъ ни боязни, ни заискиванія. Конечно, не будь эти черты такъ красивы, никто, вѣроятно, не обратилъ бы вниманія на молодую провинціалку. Даже та чуть чуть рѣзкая нота, какая слышалась иной разъ въ ея отвѣтахъ, почему-то нравилась. Кто-то ее въ шутку обозвалъ „la vierge au petrole“, и это самое строптивое вольнодумство, иногда проглядывавшее въ ея словахъ, пріобрѣло ей неожиданный успѣхъ.

— Помните, Наталья Михайлова, исторію про генуэзскаго дожа, пріѣхавшаго ко двору Людовика XIV? Когда у него спросили, что особенно поражаетъ его въ Версалѣ, онъ отвѣтилъ, что всего болѣе его удивляетъ видѣть тамъ самого себя. Ну, вотъ, я думаю, мы съ вами какъ разъ въ положеніи этого дожа: согласитесь, мы съ своими убѣжденіями и этотъ міръ — что за странный контрастъ. Есть что-то жуткое и забавное въ этомъ контрастѣ, точно мы проникли сюда изъ враждебнаго лагеря.

— А у меня и этого впечатлѣнія нѣтъ,—отвѣтила Наташа. — мнѣ кажется, я уже привыкла къ этому обществу; меня оно даже и не пугаетъ.

— Да, вы, кажется, не изъ пугливыхъ... Впрочемъ, я вѣдь самъ такой же... Да въ сущности чего и пугаться?!

— Оригинальности въ немъ мало, вотъ что,—отвѣтила Наташа. — Оно такъ привыкло видѣть каждый день то же самое, что его всегда удивляетъ, чуть передъ нимъ что-нибудь новое.

— И какъ смѣшно, — добавилъ Леонтій, — что люди съ нашимъ образомъ мыслей обыкновенно сторонятся отъ этого общества съ какою-то предвзятой враж-

дебностью. Можно оставаться самимъ собою вездѣ, въ какомъ угодно кругу... Мы съ вами, по крайней мѣрѣ, это сумѣемъ, не правда ли?

У Леонтія установились съ Наташей за послѣднее время довольно своеобразныя отношенія. Онъ часто бывалъ у Непрядвиныхъ, иногда заставая тамъ молодую дѣвушку совсѣмъ одну. Леонтій и не думалъ скрывать отъ Наташи, что ѣздить къ нимъ исключительно для нея. Его живо интересовалъ ея умственный складъ, въ которомъ такъ удивительно мирились противоположныя теченія. Особенно его привлекала въ ней та свобода мысли, та смѣлость ума, которая такъ поражала въ дѣвушкѣ ея лѣтъ и ея воспитанія. И въ себѣ самомъ онъ тоже чувствовалъ не меньшую смѣлость: эта черта у нихъ была общая, и она-то, должно быть, и сблизила ихъ, хотя понятія и характеры у нихъ были такъ несходны.

Между тѣмъ карета за каретой подъѣзжала къ крыльцу, лакеи хлопали дверцами, и гостиныя наполнились говоромъ сдержанныхъ голосовъ и шелестомъ женскихъ платьевъ, сливавшихся въ общую волну пестрыхъ неопредѣленныхъ звуковъ. Пріѣхали одна за другой три очень важныя дамы съ такой надменной улыбкой въ неподвижныхъ глазахъ, что онѣ словно приносили съ собою уличный холодъ и передъ ними, когда онѣ проходили впередъ, само собой образовалось пустое пространство. Были тутъ два совсѣмъ дряхлыхъ старика съ раздушенными сѣдинами, почему-то слывшіе очень забавными и по старинной привычкѣ остававшіеся любимцами женщинъ. Была тутъ и молодежь и притомъ молодежь самаго разнообразнаго свойства: приличные юноши, ничего не имѣвшіе за собой, кромѣ этого приличія и до того однообразные, что ихъ трудно было отличить другъ отъ друга, и выдѣляясь среди этихъ рядовыхъ большого свѣта, нѣсколько молодыхъ людей, игравшихъ завидную роль солистовъ въ свѣтскомъ оркестрѣ. Стоило имъ сказать два-три слова,

хотя бы ничуть не забавныхъ, и одобрительный женскій смѣхъ тотчасъ отзывался на эти слова. Въ полномъ сознаніи своего превосходства они глядѣли на всѣхъ, въ томъ числѣ и на женщинъ, съ благовоспитанной дерзостью.

Вечеръ удался вполнѣ. Было то главное, чѣмъ опредѣляется такой успѣхъ: никто собственно другъ съ другомъ не разговаривалъ, такъ какъ не было рѣшительно никакой возможности уединиться, хотя бы на двѣ минуты, а носился какой-то общій неопредѣленный гулъ, весь состоящій изъ обрывковъ фразъ, изъ мимолетныхъ замѣчаній и легкаго, часто безпричиннаго смѣха.

Разговоръ Наташи съ Леонтіемъ былъ, разумѣется, прерванъ. Ее представили тремъ важнымъ дамамъ; ей пришлось отвѣчать на шутливыя рѣчи стариковъ, отъ которыхъ вѣяло какой-то допотопной любезностью; и сама она диву давалась, какъ легко сами собой приходили ей на умъ тѣ самыя слова, какія нужно было проговорить въ отвѣтъ. Какъ племянница хозяйки, она стала будто общимъ достояніемъ всѣхъ ея гостей и свою роль исполняла почти безсознательно. Въ ея ушахъ звенѣли лишь обрывки безсвязныхъ рѣчей, ее точно волна какая-то носила, и она послушно отдавалась этой волнѣ.

А Леонтію, хотя онъ совсѣмъ не былъ робкаго десятка, пришлось таки испытать довольно жуткія минуты. Онъ не зналъ рѣшительно никого, кромѣ развѣ своего начальника, любезно кивнувшаго ему головою, да генерала Авинова, вспомнившаго утреннюю сцену и опять, какъ тогда, самымъ ласковымъ образомъ протянувшаго ему руку. Все это, конечно, могло пригодиться со временемъ, но здѣсь — Леонтій это зналъ — женская улыбка гораздо больше значила, чѣмъ вниманіе любого сановника. Надо было завоевать себѣ мѣсто въ этомъ мірѣ, гдѣ были свои особые порядки, гдѣ право на женское вниманіе дается куда какъ

труднѣе, чѣмъ на службѣ одобреніе начальства. И въ то же время Леонтій понималъ, что въ его скромномъ положеніи торопиться нельзя. Надо сперва умѣть стушеваться въ толпѣ, пріучить къ себѣ глазъ и лишь мало по малу, шагъ за шагомъ осторожно выдвигаться изъ рядовъ. На этотъ разъ онъ подвинулъ свои дѣла очень немного: графиня представила его двумъ дамамъ и то изъ второстепенныхъ, — хозяйкѣ дома надоѣдать вѣдь нельзя. За то на обѣихъ дамъ онъ сумѣлъ произвести впечатлѣніе человѣка, у котораго есть, что сказать, но который пока не развертывается изъ скромности.

Толпившіеся гости мало по малу размѣстились; кое-кто уѣхалъ, и волна безсвязнаго говора улеглась. Общество въ зеленой гостиной разбилось на два кружка, средоточіемъ которыхъ были хозяйка дома и княгиня Зинаида Степановна Старобѣльская. Здѣсь говорилось все больше о предметахъ важныхъ: о политикѣ, объ искусствѣ и въ связи съ этимъ объ упадкѣ вкуса и правилъ въ современномъ обществѣ. Все это было приправлено осторожнымъ, мягкимъ злословіемъ. Третій кружокъ, сперва образовавшійся въ противоположномъ углу, перешелъ въ сосѣднюю опустѣвшую гостиную, какъ пчелиный рой отдѣляется отъ главнаго улья. Тутъ была самая веселая часть общества, состоявшая изъ молодыхъ, наиболѣе элегантныхъ дамъ и мужчинъ большею частью уже не первой молодости, забавлявшихъ этихъ дамъ своимъ умѣньемъ беззастѣнчиво и все таки прилично говорить самыя невозможныя вещи.

— Перейдемте туда, хотите? — предложила одна изъ этихъ дамъ, указывая вѣеромъ на пустую, красную гостиную.

— On est par trop serieux ici, on dirait une académie...

И шумя платьями, онѣ встали. Тутъ были: Мери Столѣнина, графиня Тата̀, и совсѣмъ еще молодая женщина, Эленъ Друйская, съ невинными, почти дѣт-

скими чертами лица, дѣлавшая первые, пока еще робкіе шаги въ этомъ веселомъ и нѣсколько распущенномъ обществѣ. Ею восторгались всѣ мужчины, особенно потому, что она все еще не разучилась краснѣть, услыхавъ какой-нибудь двусмысленный намекъ. Тутъ была, наконецъ, смѣшная, полная и очень некрасивая княгиня Сицкая, надъ которой всѣ подтрунивали за то, что при своей наружности она всегда силилась не отставать отъ чистокровныхъ львицъ.

— Мы точно нижняя палата, играемъ въ оппозицію, — сказала Тата̀ Блонская, усаживаясь за чайный столъ.

Общество, къ которому принадлежали онѣ всѣ, привыкло держать себя враждебно по отношенію къ кружку Зинаиды Степановны, осмѣивая серьезныя причуды этого кружка. Княгиню Старобѣльскую прозвали даже le cerbère de convenance, увѣряли, что ея присутствіе замораживаетъ смѣхъ на губахъ.

— Ici nous sommes plus à l'aise pour dire des folies,— сказала Сицкая.

И въ самомъ дѣлѣ тотчасъ поднялась болтовня совсѣмъ особаго свойства, состоящая изъ взаимнаго добродушнаго подтруниванія, комическихъ анекдотовъ и прозрачныхъ намековъ, пойманныхъ на лету.

Воображаю, какъ объ насъ теперъ говорятъ тамъ, dans le temple des austérités, — продолжала графиня Тата...

— А вѣдь когда-то сама княгиня... Удивительно выгодно иногда забывать прошлое! Можно, пожалуй, заставить про него забыть и другихъ.

— Elle a su être légère avec gravité! — подхватилъ одинъ изъ мужчинъ.

И злословіе, удовлетворивъ себя на счетъ княгини, стало все дальше плести свою легкую паутину.

Княгиню Сицкую заставили, къ общему удовольствію, разсказать, какъ она разъ на улицахъ Парижа подверглась вечеромъ преслѣдованію какого-то гос-

подина. И не смотря на то, что ей приходилось разсказывать это уже неоднократно, она, какъ всегда, вспомнила про это съ притворнымъ ужасомъ.

— А я, княгиня, увѣренъ,—сталъ дразнить ее одинъ изъ бывшихъ тутъ военныхъ, — что вы теперь неискренни и что вамъ, въ сущности, какъ и всякой женщинѣ, пріятно, когда васъ преслѣдуютъ.

— Quel horreur!—какъ вы смѣете!—отмахиваясь вѣеромъ, протестовала княгиня, знавшая очень хорошо, что ея парижское приключеніе всегда вызывало не лестный для нея хохотъ, и все таки очень любившая про него разсказывать.

Не смѣялась одна Мери. Она была раздражена тѣмъ что до сихъ поръ не пріѣхалъ Двинскій, хотя было уже за полночь. И случалось это съ нимъ уже не въ первый разъ.

— А вотъ и онъ, наконецъ-то!—воскликнулъ Борисоглѣбскій, увидавъ входившаго Юрія.

— Сядьте съ нами, князь,—сказала ему Тата:—васъ тамъ замучатъ: тамъ княгиня Старобѣльская и, разумѣется, серьезный разговоръ.

Но Юрій, съ любезной улыбкой поздоровавшись со всѣми, тѣмъ не менѣе прошелъ во вторую гостиную и не возвращался.

— Впрочемъ, мы не станемъ ревновать его къ княгинѣ, не правда ли?—ехидно сказала графиня Тата, замѣтивъ раздраженіе Марьи Борисовны и намѣренно скрадывая свой намекъ подъ словечкомъ „мы".

Изъ залы между тѣмъ доносились звуки хохота и бѣготни молодежи.

Это была необыкновенно приличная и сдержанная бѣготня. Молодежь рѣзвилась будто въ мѣру и въ тактъ, словно повинуясь смычку невидимаго капельмейстера. Нелли было однако очень весело. Въ первый разъ она себя видѣла совсѣмъ наравнѣ съ большими. Всѣ бывшія тутъ дѣвушки, правда, тоже очень молодыя, выѣзжали уже второй годъ или даже больше. А

между тѣмъ Нелли чувствовала себя настоящей царицей вечера. Ни одна изъ прочихъ барышень не выказывала такой по истинѣ кошачьей ловкости, когда надо было перебѣгать быстро съ мѣста на мѣсто, либо уклоняться отъ ловившихъ и жадныхъ рукъ. Ни одной не приходили въ голову такія забавныя выдумки, ни одна не отгадывала такъ легко заданное слово, и всѣ бывшіе тутъ молодые люди были въ нее влюблены той мимолетною влюбленностью, которая забывается конечно на слѣдующій день, но отъ которой такъ живо искрятся юные глаза. Нелли охватило настоящее опьяненіе успѣха. И особенно хорошо ей было отъ того, что въ восторженныхъ и смущенныхъ взглядахъ Гриши она ясно читала и восхищеніе, и скрытую досаду. Никогда еще Гриша не ощущалъ такъ сильно обаяніе ея прелести. И когда Нелли пришлось, во время какой-то игры, ему платкомъ завязать глаза, и стоя передъ ней на колѣняхъ, онъ почувствовалъ у себя на затылкѣ легкое прикосновеніе ее пальчиковъ, завязывавшихъ узелъ, сладкій знобъ пробѣжалъ у него по спинѣ. А въ то же время Гришѣ было жутко и досадно видѣть, что вниманіе Нелли не всецѣло принадлежитъ ему, что здѣсь онъ для нея значитъ не больше, какъ любой изъ этихъ молодыхъ людей, съ которыми она только что познакомилась. Вѣдь такъ недавно еще, въ самомъ началѣ вечера, когда они разговорились, она, казалось, вся принадлежала ему. И ревнивое сомнѣніе опять овладѣвало имъ. Она видѣла это какъ нельзя лучше, и ее смѣшило, что онъ такъ легко отдается этому ребяческому, малодушному чувству. Неужели онъ не понималъ, что здѣсь, когда она на глазахъ у всѣхъ, она не можетъ держать себя такъ, какъ дома у себя, когда они вдвоемъ? Неужели онъ не умѣетъ читать въ ея глазахъ? Вѣдь сколько разъ даже здѣсь, во время игры, то быстрымъ взглядомъ, то легкимъ пожатіемъ руки она давала ему понять, что всѣ прочіе въ сравненіи съ нимъ не значатъ для нея ничего.

Она даже позволяла ему ловить себя, хоть ей такъ легко увернуться отъ него, какъ и отъ прочихъ. И разъ она придумала особую игру, въ которой надо было вдвоемъ сочинить загадку, чтобы имѣть случай остаться наединѣ съ нимъ на минуту въ сосѣдней комнатѣ. Отчего жъ онъ не воспользовался этимъ, чтобы сказать ей наконецъ то чарующее слово, которое такъ давно просилось къ нему на языкъ? Она заранѣе наслаждалась его смущеніемъ и немножко своимъ собственнымъ. Но Гриша и тутъ, робко стоя передъ ней, только нерѣшительно вымолвилъ: — Что вы такая странная сегодня, Елена Павловна?

— Вы находите? Чѣмъ же я такая странная? — невинно разсмѣялась она въ отвѣтъ.

Но времени терять нельзя. Надо было скорѣе найти то замысловатое французское слово, которое остальные должны были отгадывать. Гриша, конечно, ничего не придумалъ.

— Ахъ, какой вы, право! — нетерпѣливо топнула она ножкой. — Ну, вотъ... Она уже отыскала требуемое слово и объяснила Гришѣ, какъ ему придется отвѣчать на ея вопросы, чтобы лучше сбить съ толку всѣхъ прочихъ.

Все это было очень забавно. А когда, наскучивши игрой, все молодое общество разсѣялось на легкіе гнутые стулья, и Нелли, не смотря на свои семнадцать лѣтъ, такъ уморительно и бойко дразнила двухъ, совсѣмъ очарованныхъ ею, офицеровъ, стало еще веселѣе. Одинъ изъ этихъ офицеровъ взялъ у нея вѣеръ изъ рукъ, и, комично обмахиваясь, увѣрялъ, что ни за что не отдастъ его. Нелли прикинулась испуганною, искристо поглядывая на Гришу, не сводившаго съ этого офицера своихъ мрачныхъ сердитыхъ глазъ.

Наташа не участвовала въ играхъ. Она все еще не могла побѣдить въ себѣ предразсудка, будто такія забавы ей не по лѣтамъ и не по характеру. Она чувствовала себя какъ-то гораздо старше всей этой молоде-

жи. И, странное дѣло, она здѣсь, какъ и всегда, особенно обращала на себя вниманіе уже зрѣлыхъ мужчинъ. Отъ нея весь этотъ вечеръ не отставали Албановъ и Ломовисовъ, съ которыми она встрѣтилась у тетки два мѣсяца передъ тѣмъ, и которые съ тѣхъ поръ такъ и записались въ ряды ея поклонниковъ. Да и не только они, — другіе будущіе сановники ею тоже усердно занимались. Повидимому, сорокалѣтнимъ мужчинамъ она казалась особенно привлекательной. И эти господа, такъ привыкшіе съ женщинами касаться самыхъ щекотливыхъ вопросовъ, бережно избѣгали съ нею малѣйшаго двумысленнаго намека, платя ей невольную дань уваженія. А Наташа, — чего грѣха таить — не могла скрыть отъ себя, что этотъ успѣхъ особаго рода и бойкія, замысловатыя рѣчи этихъ немолодыхъ уже людей ей доставляютъ особое неиспытанное прежде удовольствіе. Слушая ихъ, Наташа старалась заглушить въ себѣ набѣгавшую на нее тревожную мысль, что на этомъ вечерѣ она встрѣтится съ Юріемъ. Она не видѣла, какъ онъ вошелъ, но ей было извѣстно, что Двинскій въ числѣ приглашенныхъ ея тетки. И зная это, Наташа поѣхала нарочно къ графинѣ, чтобы побѣдить въ себѣ малодушную боязнь его встрѣтить.

Но вотъ изъ зеленой гостиной послышался легкій шумъ отодвигаемыхъ стульевъ: стали разъѣзжаться. Мамаши высыпали въ залу, чтобы увезти своихъ дочекъ. Княгиня Зинаида Степановна на мигъ остановилась въ дверяхъ съ Коловратскимъ.

— Помните,—сказала она, обмахиваясь вѣеромъ,— какъ вы говорили здѣсь прошлою весной, что намъ придется расплачиваться дома за наши дипломатическія ошибки. Ваше предсказаніе сбылось.

— Дурныя предсказанія, княгиня, увы! всегда сбываются, — отвѣтилъ сановникъ, слабо улыбнувшись. — Только за такими пророками обыкновенно не признаютъ ихъ заслуги.

— Даже когда отъ нихъ зависитъ исправить чужіе

грѣхи?... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, скажите мнѣ, — продолжала она, оживляясь, — что думаете вы о теперешнемъ состояніи дѣлъ? Вѣдь это настоящее осадное положеніе, только въ обратномъ смыслѣ...

— Что дѣлать, мы, кажется, начинаемъ съ этимъ свыкаться! — загадочно отвѣтилъ государственный человѣкъ.

— И вы, стало быть, тоже находите, что надо ждать и только ждать?... Терпѣніе — великая добродѣтель, конечно; только спасаются имъ въ томъ свѣтѣ, а не въ этомъ.

Коловратскій пожалъ плечами и улыбнулся. Было совершенно очевидно, что княгиня и не ждала отъ него настоящаго отвѣта, потому что такого отвѣта и не могло быть. А хотѣлось ей только лишній разъ озадачить человѣка, всѣми признаннаго за великаго умника, поставить ему одинъ изъ своихъ любимыхъ замысловатыхъ вопросовъ. Теперь уже не было времени обсуждать серьезныя государственныя задачи, вечеръ кончался и надо было уѣзжать, унося съ собою утѣшительное сознаніе, что у тѣхъ, кто руководитъ событіями, есть лишь полное, унылое невѣдѣніе на счетъ завтрашняго дня.

И Коловратскій, раскланявшись съ княгиней, пошелъ отыскивать дочь. Съ Нелли между тѣмъ заговорилъ Двинскій, ласково улыбаясь ей, какъ улыбался онъ каждому хорошенькому женскому личику.

— Вотъ какъ быстро идетъ время въ ваши годы,— сказалъ онъ, обращаясь съ ней, какъ съ милымъ, избалованнымъ ребенкомъ. — Годъ тому назадъ, когда мы познакомились, вы были еще совсѣмъ маленькая, а теперь васъ произвели въ большія, и вы, кажется, съ перваго же раза вошли въ свою новую роль.

— Нелли, мы уѣзжаемъ—подходя, сказалъ ей отецъ.

— Сейчасъ, папа, сейчасъ! — И она отвѣтила что-то Двинскому, скромно опуская передъ нимъ глазки: съ нимъ очевидно, нельзя было говорить такъ, какъ съ

этими, едва оперившимися молодыми людьми. Они обмѣнялись двумя, тремя безразличными словами, но этого мимолетнаго вниманія со стороны Юрія было довольно, чтобы еще усилить общее пріятное впечатлѣнія вечера. И Нелли послѣдовала за отцомъ съ новымъ ощущеніемъ удовлетвореннаго тщеславія.

Юрій заглянулъ въ почти опустѣлую залу. И тутъ, у самаго входа, онъ очутился лицомъ къ лицу съ Наташей. И быстро, подойдя къ ней, съ приливомъ оживленія, вспыхнувшаго на лицѣ, онъ протянулъ ей руку.

— Представьте себѣ, Наталья Михайловна, — заговорилъ онъ своимъ мягкимъ, ласкающимъ голосомъ,— я и не зналъ, что вы здѣсь. Не могу себѣ простить, что провелъ весь этотъ вечеръ, и говорилъ и слушалъ столько ненужныхъ вещей, когда могъ бы съ вами...

Онъ остановился, смущенный страннымъ, почти испуганнымъ выраженіемъ ея глазъ. Лицо ея вспыхнуло, и трудно было сказать, взволнована ли она была этой встрѣчей, или отъ негодующаго чувства загорѣлись ея глаза. Пальчики ея задрожали въ обхватившей ихъ рукѣ Юрія, но не отвѣтили на его пожатіе. „Неужели я до сихъ поръ не могу спокойно глядѣть на этого человѣка?“ укорила она себя за свое малодушіе.

Но тотчасъ она овладѣла собой и принудила свои глаза спокойно, безъ робости отвѣтить на его испытующій взглядъ.

— Я почти все время, князь—отвѣтила она,—оставалась здѣсь, въ этой залѣ. Не мудрено, что мы не встрѣтились.

— Но давайте же побесѣдуемъ! Надо мнѣ хоть воспользоваться этой счастливой минутой...

Онъ говорилъ съ ней опять въ прежнемъ дружескомъ тонѣ, точно съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись лѣтомъ, не случилось ничего. Онъ подставилъ ей стулъ, и хотѣлъ сѣсть возлѣ нея, но она будто не замѣтила этого.

— Про что же мы будемъ говорить, князь? — спро-

сила она въ отвѣтъ, и въ голосѣ ея послышалась чуть чуть замѣтная иронія. — Вы, я знаю, любите серьезные разговоры, а теперь поздно...—Она, играя вѣеромъ, подчеркнула даже послѣднее слово. — Видите, всѣ разъѣзжаются.

Онъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ, точно его теперь только поразила какая-то перемѣна въ ней. Да, она удивительно быстро усвоила себѣ внѣшніе пріемы чужого для нея міра. Осанка, движеніе, голосъ — все въ ней говорило объ удивительномъ самообладаніи. Она была совсѣмъ безукоризненна въ своемъ незатѣйливомъ, голубомъ платьѣ, такъ изящно обвивавшемъ ея стройныя формы. И длинныя, шведскія перчатки почти до локтей такъ обрисовывали ея словно изваянныя руки. Въ ней была и непринужденная простота, и горделивая холодность, точно она съ дѣтства привыкла къ этому обществу.

— Вы, я вижу, стали одною изъ нашихъ, — заговорилъ онъ опять, ощущая въ себѣ какую-то неловкость. — И что жъ, станете выѣзжать? Тетушка васъ передѣлала по своему.

— Меня передѣлать нельзя. Неужели вы думаете, что стоитъ попасть въ иную обстановку, иначе одѣваться, пожалуй, даже иначе говорить, и самъ отъ того перемѣнишься?

— Ахъ, Наталья Михайловна!—почти грустно возразилъ онъ. — Обстановка великое дѣло, и я не разъ это испытывалъ на себѣ. Сознайтесь въ этомъ: вы хоть на чуточку измѣнили прежнимъ своимъ богамъ!

Она немного наклонила голову, точно задумавшись, какъ отвѣтить, и потомъ сказала тихо:

— Нѣтъ, не измѣнила я ничему! Служить этимъ богамъ, какъ вы ихъ называете, можно вездѣ.

У Юрія вдругъ защемило сердце отъ невыразимой, горькой жалости къ ней, и къ самому себѣ. „Какъ нелѣпо и жестоко складывается жизнь!“ промелькнуло у него въ головѣ. „Вѣдь я ее до сихъ поръ люблю, и

она меня любитъ, хоть и силится не показывать этого. И какъ счастливо, какъ честно могла бы сложиться наша жизнь! Она бы не стала гасить во мнѣ хорошія побужденія, а теперь"... Онъ внутренно усмѣхнулся. Но Юрій лишь на мигъ отдался этимъ горестнымъ мыслямъ и, взглянувъ на нее открыто и прямо, добавилъ, сознавая, что продолжать начатый разговоръ нельзя, — они вѣдь почти одни оставались теперь въ опустѣвшихъ комнатахъ.

— Что жъ, Наталья Михайловна, будемъ съ вами встрѣчаться? Можетъ быть даже часто? И надѣюсь, будемъ встрѣчаться друзьями?

Онъ опять протянулъ ей руку, и на этотъ разъ она подала ему свою рѣшительно и твердо, но не отвѣтивъ ему ни слова. Юрій поклонился и вышелъ, а Наташа, вся застывшая въ какомъ-то ощущеніи холода, вдругъ обдавшаго ее, съ минуту простояла на мѣстѣ, глядя ему вслѣдъ черезъ растворенныя двери.

IX.

Нелли проснулась поздно. Всю ночь ей спились золотые сны. Едва раскрывъ заспанные глазки, она мигомъ припомнила все, что было вчера, и тутъ же улыбнулась этимъ веселымъ, дразнившимъ ее воспоминаніямъ. Долго она не вставала, лѣниво нѣжась въ постели и перебирая въ памяти, какою сладкою, опьяняющею лестью встрѣтилъ ее вчера этотъ новый для нея міръ. Она чувствовала себя теперь совсѣмъ большою, точно она выросла за этотъ одинъ вечеръ. Но главное было все таки не это ласкающее сознаніе своего торжества — главное было то, что неразлучно соединялось съ мыслью о Гришѣ. Она припоминала, какъ робѣлъ онъ и сердился, и въ то же время какъ ясно читалась на его лицѣ полная, безграничная любовь къ ней. Думая о немъ, она чувствовала какой то жгучій

и сладкій трепетъ во всемъ своемъ существѣ. Какъ смѣшонъ онъ былъ и все таки милъ, когда, оставшись съ ней на мигъ вдвоемъ, онъ весь смущенный готовъ былъ высказать эти горячія слова признанія и не посмѣлъ. Какъ потомъ, проводивъ ее въ переднюю, онъ бережно окутывалъ ей голову и плечи и непремѣнно хотѣлъ самъ накинуть на нее бархатную шубку. Она словно почувствовала опять легкое прикосновеніе его рукъ и вся зардѣлась отъ этого воспоминанія. „Какой онъ смѣшной и глупый!“ подумала она, разсмѣявшись. Неужели онъ не понимаетъ, что ей самой такъ хочется услышать это слово, которое онъ все не рѣшается высказать? Другой бы на его мѣстѣ... Но, думая это, Нелли никакъ не могла представить себѣ этого другого. И, будь въ самомъ дѣлѣ на мѣстѣ Гриши кто-нибудь иной, она бы не почувствовала ничего, кромѣ равнодушной насмѣшливости.

Было уже слишкомъ десять, когда Нелли наконецъ встала и принялась одѣваться. Молодая, юркая горничная попробовала разспрашивать барышню насчетъ ея вчерашнихъ впечатлѣній, замѣтивъ, должно быть, по ея оживленному лицу, каковы были эти впечатлѣнія. Но Нелли терпѣть не могла фамильярности съ прислугой и ни за что бы не согласилась взять горничную въ наперсницы. Она оборвала ее строго и холодно и быстро окончила свой туалетъ. Она надѣла простенькое платье цвѣта vert-bouteille, опоясанное кушакомъ; широкій отложной воротничокъ чуть чуть обнажалъ ея шею, обнаруживая на ней прелестную ямочку спереди. Волосъ она не заплела совсѣмъ, распустивъ ихъ мягкими волнами по плечамъ. Ее тянуло на воздухъ, но, какъ на зло, день былъ пасмурный и не то снѣгъ, не то дождь сыпалъ съ хмураго неба. Было это немножко досадно, но ея праздничнаго настроенія такая бездѣлица разстроить, конечно, не могла. Гораздо скучнѣе было то, что за невозможностью въ это утро, гулять, надо было приняться за занятія.

Необыкновенно разсѣянно прошла она съ m-lle Bonneau урокъ французской литературы, совсѣмъ не слушая того, что говорила ей гувернантка о трагедіяхъ Корнеля. Потомъ, отдѣлавшись отъ француженки, она сѣла за рояль, недавно подаренный ей отцомъ. Но и музыка ей не давалась въ это утро; надъ первыми же тактами знаменитаго романса Шумана „Ich grolle nicht“, Нелли вдругъ задумалась и пальцы ея такъ и замерли на клавишахъ...

„Отчего это“, сказала она себѣ, „въ поэзіи и музыкѣ все говорится о любви, какъ о чемъ-то болѣзненно-мучительномъ, почти страшномъ“. А ей, напротивъ, это чувство кажется чѣмъ-то свѣтлымъ и веселымъ, какъ яркій весенній день, и даже въ мысляхъ она не допускаетъ, чтобы въ ея жизни любовь, къ которой безсознательно стремилась она всѣмъ своимъ молодымъ существомъ, могла сказаться чѣмъ-либо не радостнымъ. Вѣдь то чувство, какое испытываетъ она теперь, лишь скользитъ по ея сердцу, да сладко щекочетъ всѣ ея нервы и какимъ-то рядомъ праздничныхъ, почти шутливыхъ ощущеній дразнитъ ея воображеніе... И въ первый разъ ей представился вопросъ — что же будетъ дальше и чего собственно хочетъ ея недавно забившееся сердце? Тутъ передъ нею стояло что-то загадочное, неопредѣленное, чему она даже имени подыскать не умѣла. Стать женою Гриши Непрядвина — нѣтъ, ей этого даже не хотѣлось! Ей рано еще думать о замужествѣ; да и будущая, далекая пока, замужняя жизнь, представлялась ей совсѣмъ не розовой идилліею, въ которой первое мѣсто принадлежало бы тому, за кого она выйдетъ. Тщеславное воображеніе рисовало ей иныя картины — картины богатства и блеска, свѣтскихъ успѣховъ и высокаго положенія въ обществѣ. Это громкое будущее представлялось ей чѣмъ-то совершенно независимымъ отъ ея чувства къ Гришѣ: то была серьезная, немного сухая жизненная проза, а здѣсь ее привлекали совсѣмъ иныя, прелестныя, но

какъ будто не глубокія ощущенія, которымъ нельзя было отдать всего своего будущаго. Гриша былъ такой славный — славный, добрый и умный, хоть немножко смѣшной. Нравился онъ ей гораздо болѣе всѣхъ, кого она до сихъ поръ встрѣчала и все таки она не могла представить себя его женою. „Такъ неужели я его не люблю? т. е. не люблю отъ всего сердца?“ спрашивала она у себя почти съ испугомъ. „И братъ Паша все таки правъ, увѣряя, что я безсердечная и дурная?“ Но она тотчасъ отогнала эту докучливую мысль. Зачѣмъ было заглядывать такъ далеко въ будущее?. „Будущее?...“ И вдругъ передъ ней какъ бы изъ земли выросъ другой человѣкъ, тоже встрѣченный ею наканунѣ у графини, и, хотя она обмѣнялась съ нимъ лишь очень немногими словами, ея тщеславная головка съ особымъ удовольствіемъ задумалась надъ этимъ мимолетнымъ воспоминаніемъ. Человѣкъ этотъ былъ никто иной какъ Юрій Двинскій. „Да“, сказала она себѣ, „стать женою Юрія — вотъ это въ самомъ дѣлѣ было бы настоящимъ крупнымъ успѣхомъ. И какъ бы позавидовали ей всѣ ея подруги“. Она засмѣялась и хотѣла отогнать и эту новую мысль, показавшуюся ей совсѣмъ нелѣпой и дерзкой. Но самолюбивая мечта неугомонно твердила ей, что за блестящее положеніе она займетъ въ Петербургѣ, сдѣлавшись княгиней Двинскою. „Полно“, говорила она себѣ, „что за глупости, вѣдь онъ мнѣ даже не нравится: есть въ немъ что-то сухое, насмѣшливое. Развѣ онъ можетъ идти въ сравненіе съ Гришей?...“

Да, Юрій ей нисколько не нравился. Она говорила себѣ даже, что, будь она его женою, она бы никогда, никогда не могла почувствовать къ нему хотя сотую долю того, что вызываетъ въ ней каждая встрѣча съ Гришей. И все таки заглянувшая къ ней шальная ребяческая мысль улыбалась ей, хоть и вызывала она совсѣмъ иной рядъ представленій, чѣмъ ласкавшее ее все это утро воспоминаніе о томъ, что было между нею и Гришей.

На этихъ размышленіяхъ застала Нелли одна изъ ея пріятельницъ, которую она поджидала въ этотъ день къ завтраку, — Соня Винклеръ. Соня была бойкая, даже разбитная дѣвушка ея лѣтъ съ пышными волосами золотистаго оттѣнка, съ блестящими глазами аквамариноваго цвѣта, съ замѣчательно тонкой таліею, но развитыми не по годамъ плечами и грудью. Она глядѣла много старше Нелли. Младшая изъ многочисленныхъ дѣтей генерала Винклера, она воспитана была на полной свободѣ въ не слишкомъ богатомъ родительскомъ домѣ и держала себя очень развязно. Но въ сущности, несмотря на все это, Соня была гораздо болѣе ребенкомъ, чѣмъ Нелли. И вольность ея пріемовъ не мѣшала ей оставаться наивной дѣвочкой, совсѣмъ не умѣвшей, какъ Нелли, скрывать далеко не дѣтскія мысли подъ наружнымъ видомъ мнимой скромности.

— Какъ хорошо, что ты пріѣхала, несмотря на эту ужасную погоду! — воскликнула Нелли, звонко цѣлуясь съ подругой.

— Какія у тебя славныя свѣжія губки!—И вдругъ шальная мысль взбрела къ ней въ голову: — вотъ я думаю, — сказала она, разсмѣявшись, — еслибы кто-нибудь другой, не я, ну, молодой человѣкъ, словомъ, поцѣловалъ тебя въ эти самыя губки, что бы ты почувствовала, а?...

Соня также разсмѣялась, но неловкимъ, какъ бы пристыженнымъ смѣхомъ, бережно отталкивая подругу. И яркій искренній румянецъ залилъ ея холодныя отъ воздуха щеки.

Нелли, однако, не унялась, и весь разговоръ молодыхъ дѣвушекъ, когда онѣ усѣлись за столъ, продолжался въ этомъ же тонѣ. Нелли не переставала дразнить свою пріятельницу, вызывая ее на признаніе. И, хотя Соня сперва уклонялась отъ этихъ черезъ чуръ развязныхъ объясненій, мало по малу слова подруги ее раззадорили.

— Какъ хорошо, не правда ли, что насъ оставили вдвоемъ? — щуря глазки и подчуя Соню, сказала Нелли. — Мы можемъ шалить и говорить глупости, сколько намъ угодно.

На первыхъ порахъ Соня Винклеръ то и дѣло тревожно озиралась, точно ей мерещилось, что ихъ разговоръ могутъ все таки подслушать. Но убѣдившись, должно быть, что онѣ совершенно однѣ, и невольно подчиняясь настроенію пріятельницы, она повѣдала ей свои маленькія тайны. Сонѣ давно ужъ нравился Викторъ, и Нелли это знала; знала даже гораздо больше самого Виктора, который передъ сестрой прикидывался, будто его совсѣмъ не интересуетъ, — влюблена ли въ него эта дѣвчонка, какъ онъ называлъ ее. Нелли такъ немилосердно выпытывала Соню, что довела ее почти до слезъ.

— А скажи, когда это началось?—распрашивала Нелли. — Вѣдь братъ у васъ, кажется, совсѣмъ не бываетъ?

— Какъ началось? Да увѣряю же тебя, тутъ ничего нѣтъ, ровно ничего... Встрѣчались мы съ твоимъ братомъ сперва въ церкви, потомъ на улицѣ, онъ меня еще совсѣмъ не зналъ тогда...

— Ну такъ что жъ дальше?

— Да ничего, говорятъ же тебѣ, — вся красная отъ смущенія прошептала Соня... — Я только замѣтила, что онъ какъ будто... какъ будто нарочно старается попасть мнѣ навстрѣчу.

— Ахъ, Боже мой, какая ты смѣшная! Да что жъ тутъ особеннаго? Съ кѣмъ этого не бывало...

— Съ тобой же? Такъ признавайся же въ свою очередь, — перебила ее Соня.

— Ну, я — другое дѣло! Не обо мнѣ теперь рѣчь,— скрывая подъ рѣсницами заблестѣвшіе глазки, осторожно возразила Нелли. Такъ что жъ, только-то и было? Встрѣчался съ тобой на улицѣ и больше ничего?

— Нѣтъ... онъ не только встрѣчался, онъ сталъ меня преслѣдовать: обгонялъ меня, потомъ останавливался, чтобы пропустить впередъ... Но зачѣмъ же ты меня заставляешь про все это разсказывать? Вѣдь это глупости...

— Совсѣмъ не глупости, это очень забавно... Что жъ ты чувствовала при этомъ? Тебѣ это было непріятно?

— Конечно, непріятно... то есть, нѣтъ... не совсѣмъ...

Нелли захлопала въ ладоши.

— Ну, вотъ, наконецъ таки призналась!... Онъ съ тобой объяснился? Какой, однако, молодецъ, мой братъ!

— Онъ разъ даже заговорилъ со мной на улицѣ, я шла съ своей бывшей няней... Мнѣ было такъ совѣстно и я, разумѣется, ему не отвѣчала. И представь себѣ мое удивленіе, когда я встрѣтилась съ нимъ здѣсь у васъ и узнала, что онъ твой братъ!..

— И, воображаю, какъ покраснѣла при этой встрѣчѣ!.. Ахъ, какая ты уморительная! Что жъ такого страшнаго, что онъ съ тобой заговорилъ?

— Ну, а ты? если-бы съ тобой что-нибудь подобное случилось?

— Сколько разъ случалось!—воскликнула Нелли.— Развѣ это страшно?

— Какъ? заговаривали съ тобой на улицѣ и ты...

Нелли прикусила язычокъ. Привычная осторожность опять ею овладѣла.

— Нѣтъ, не заговаривали,—отвѣтила она сдержанно— я бы этого не позволила, но... глядѣли на меня такими странными, глупыми глазами. И, откровенно говоря...— она подумала немного и потомъ рѣшительно проговорила:—непріятнаго тутъ ровно ничего нѣтъ и послѣдствій отъ этого вѣдь никакихъ не бываетъ, надо только умѣть себя держать, какъ слѣдуетъ.

При этихъ словахъ Нелли, дверь въ корридоръ съ шумомъ растворилась, и въ ней показался Викторъ.

Соня хотѣла сперва вскочить съ мѣста, но осталась какъ бы прикованная къ стулу — испугъ, смущеніе до того ясно выразились на ея лицѣ, что Нелли ее даже стало жалко.

— Можно войти?—спросилъ Викторъ, не примѣчая Сони. — А! да вотъ кто съ тобой! — узналъ онъ ее вдругъ — Софья Густавовна!... Вотъ неожиданно! Моя счастливая звѣзда меня привела сюда,—съ преувеличенной любезностью проговорилъ онъ.

Но какъ ни былъ онъ развязенъ, какъ ни воображалъ себя покорителемъ сердецъ, онъ совсѣмъ не зналъ, съ чего начать разговоръ, и его старанія быть забавно-остроумнымъ оказывались неудачными. Даже Соня, готовая восхищаться каждымъ его словомъ, не могла этого скрыть отъ себя, и ея собственное смущеніе мгновенно исчезло.

— Нелли, а я къ тебѣ гостя привелъ,—началъ Викторъ, немного раздосадованный, что ничего подходящаго не приходитъ на умъ;—и привелъ, могу тебя увѣрить, даже насильно. Отгадай, кого?

— Не стану давать себѣ трудъ отгадывать,—съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣтила ему сестра.

— Нѣтъ, душечка, Нелли, будь мила, позволь ему войти. Я тебѣ прямо скажу, кто это... или сперва помучить тебя немножко?... Ну, такъ и быть, скажу: со мной здѣсь въ корридорѣ Гриша.

При этомъ имени Нелли покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ. Соня, замѣтивъ это, лукаво прищурила глазки.

— Да ты съ ума сошелъ?!—негодующимъ голосомъ воскликнула Нелли. Развѣ я могу принять Григорія Михайловича здѣсь у себя? Да я и не одѣта совсѣмъ.

— Полно, уговаривалъ ее Викторъ; во-первыхъ, ты не только одѣта, но даже очень мила съ этими распущенными волосами; а, во-вторыхъ, когда я здѣсь — ровно никакого неприличія въ этомъ нѣтъ. Не правда ли, Софья Густавовна?

Соня вся сгорала отъ желанія увидать молодого человѣка, въ которомъ она отгадывала предметъ скрытаго чувства своей подруги, и потому принялась ее упрашивать впустить Гришу. И Нелли согласилась, конечно, не вслѣдствіе этихъ упрашиваній, а потому, что сама она была очень рада его видѣть,—рада, что благодаря неожиданному стеченію обстоятельствъ, стало возможнымъ то, что въ сущности было совсѣмъ невозможно и противно всѣмъ правиламъ.

— Гриша, войди! Всемилостивѣйше велѣно тебя впустить,—крикнулъ Викторъ черезъ двери.

— Извините меня, Елена Павловна,—входя, заговорилъ Гриша.—Могу васъ увѣрить — не будь вашего брата, я бы ни за что не посмѣлъ...

Но по оживленнымъ, смѣющимся, лицамъ обѣихъ дѣвушекъ, Гриша тотчасъ понялъ, что извиняться ему было нечего.

Соня приналась шушукаться и вполголоса хохотать съ Викторомъ, а Нелли, шаловливо встряхнувъ волосами, пригласила молодого человѣка сѣсть и отвѣтила съ притворной строгостью:

— А я, въ свою очередь, впускаю васъ сюда только по милости Виктора. Его одного, стало быть, вамъ приходится благодарить.

Гриша сразу впалъ въ общій веселый тонъ. Вѣдь то, о чемъ онъ не смѣлъ и мечтать, вдругъ осуществилось, какъ въ сказкѣ. Говорили всѣ они совершенные пустяки, то и дѣло перебивая свою рѣчь откровеннымъ смѣхомъ; но это были такіе чудные, очаровательные пустяки.

Вдругъ послышался за дверью голосъ лакея, пришедшаго объявить, что за барышней Винклеръ пріѣхала карета.

Соня заторопилась: она знала, какое значеніе имѣла карета въ ихъ многочисленной, небогатой семьѣ. Прощаясь съ Нелли, она лукаво шепнула ей:

— Il est vraiment tsès pien, ton amoureux, ma chère; je te félicite... Un peu timide, mais tu le formeras.

И, звонко разсмѣявшись, она убѣжала.

Викторъ послѣдовалъ за нею подъ предлогомъ ее проводить до лѣстницы.

Гриша и Нелли остались вдвоемъ.

У обоихъ мигомъ исчезло ихъ недавнее оживленіе. Точно околдованные, они, молча, глядѣли другъ на друга. Даже Нелли охватила незнакомая ей робость, а у молодого человѣка голова пошла кругомъ. Глаза его жадно и страстно глядѣли на дѣвушку, и засохшія губы не находили словъ. У него застучало въ вискахъ. Нелли смущенно опустила глаза передъ его загорѣвшимся взглядомъ.

— Вы сегодня на катокъ не собираетесь?—нашелся онъ только сказать, и самъ застыдился безсмысленности этого вопроса: въ такую погоду вѣдь нечего было и думать о катаньѣ.

Смущеніе Нелли тотчасъ исчезло.

— Помилуйте, дождь идетъ,—засмѣялась она;—посмотрите въ окно.

И заискрившіеся глазки опять смѣло на него устремились.

— Ну что мы будемъ дѣлать теперь?—добавила она, мгновеніе спустя, и скрестила руки на столѣ. — Хотите, я вамъ что-нибудь сыграю.

Онъ ничего не отвѣтилъ, не спуская съ нея очарованныхъ глазъ. Она встала и подошла къ роялю. Ему не разъ уже приходилось ее слушать: она играла бойко и увѣренно, какъ дѣлала она, впрочемъ, рѣшительно все.

— Такъ что жъ вамъ сыграть?—спросила она, перебирая ноты.—Приказывайте, или лучше я сама выберу, вѣдь вы такъ не скоро рѣшитесь. Вотъ это, кажется, ваша любимая вещь.

Она взяла первые аккорды одной изъ лучшихъ шопеновскихъ прелюдій, исполненной скорбной, безутѣшной страстности. Это была въ самомъ дѣлѣ любимая вещь Гриши. Но онъ не слушалъ, судорожно перебирая

пальцами какую-то нотную татрадь. Онъ весь, казалось, былъ сосредоточенное вниманіе, но не чарующіе звуки шопеновской музыки приковывали къ себѣ это вниманіе: все оно было устремлено на сидѣвшую передъ нимъ дѣвушку, чьи тонкіе розовые пальчики проворно мелькали по бѣлымъ клавишамъ. Странное нѣмое волненіе овладѣло имъ. И Нелли, должно быть, почувствовала устремленный на нее пылающій взглядъ; только вдругъ она повернула къ нему свое личико и остановилась. Что-то похожее на испугъ сказалось въ ея чертахъ.

— Да вы не слушаете!—воскликнула она.—Вы думаете совсѣмъ о другомъ. Для васъ не стоитъ играть.

Она поднялась съ мѣста и захлопнула крушку рояля. Ей стало вдругъ какъ-то жутко. Не зная, что сказать, опустивъ глаза, она лѣвой рукою безсознательно перебирала складки платья.

— Елена Павловна... Нелли...—съ рѣшимостью отчаянія вырвалось у Гриши. — Я самъ не свой, я... простите меня... я люблю васъ, какъ сумасшедшій...

Онъ схватилъ другую ея руку и прильнулъ къ ней горячими губами. Она не отнимала ея, не то смущенная не то обрадованная, и долго длился этотъ нѣмой поцѣлуй.

Вдругъ она отшатнулась отъ него, почти испуганная тѣмъ, что читала въ его лицѣ. „Что, обниметъ онъ меня теперь, или нѣтъ?“ промелькнуло у нея въ головѣ, и почему-то она слегка зажмурила глаза. Должно быть, Гриша угадалъ ея мысль: только недавно еще робѣвшій юноша вдругъ бережно обвилъ ея станъ своей сильной рукою и тихо привлекъ ее къ своей груди. Уста ихъ слились, и алыя губки Нелли смущенно отвѣтили на его поцѣлуй. Это былъ всего одинъ мигъ: испуганный собственной смѣлостью, Гриша тотчасъ выпустилъ ее изъ своихъ рукъ. Ему казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ громъ грянетъ надъ нимъ въ наказаніе за его дерзость. И онъ готовъ былъ опуститься передъ нею на колѣни, чтобы просить прощенія.

Но совсѣмъ не строгость читалась въ ея глазахъ, и какъ ни силилась она придать имъ гнѣвное выраженіе, невольная улыбка скользила по ея лицу. Теперь она была совсѣмъ уже другая: исчезла шаловливая рѣзвость. Почувствовавъ надъ собою его власть, она покорно отдалась этой власти, сама не понимая хорошенько, что за странное, невѣдомое, и томительное, и сладостное чувство шевелилось у нея въ сердцѣ—чувство, отъ котораго словно таяло все ея привычное насмѣшливое своенравіе.

Полчаса спустя, они все еще сидѣли другъ противъ друга и совсѣмъ уже иныя, не прежнія были ихъ простыя и задушевныя рѣчи. Куда дѣвались задорныя, тщеславныя мечты, недавно еще забѣгавшія на умъ молодой дѣвушки! Она понимала теперь, что такое настоящая любовь, и чувство это совсѣмъ не походило на то, которое такъ часто грезилось юному ея воображенію...

— Ну, Гриша, я вижу, ты совсѣмъ здѣсь засидѣлся,— перебилъ ихъ разговоръ вошедшій Викторъ,—надо и честь знать. Пойдемъ ко мнѣ. У меня Леонтій Радугинъ сидитъ и заспорилъ съ братомъ... Это поскучнѣе будетъ, чѣмъ съ нею вотъ болтать, да не все коту масляница... И хороша, нечего сказать, твоя мамзель!— обратился онъ къ Нелли.—Отлично за тобой присматриваетъ... Что, онъ сдѣлалъ тебѣ признаніе, какъ слѣдуетъ, по всѣмъ правиламъ искусства?

Но молодой дѣвушкѣ было теперь совсѣмъ не до того, чтобы отвѣчать на шутки брата. Она, молча, протянула руку Гришѣ и, выбѣжавъ изъ комнаты, заперла за собою дверь.

— Ахъ, батюшка, что за прелесть эта Соня,—хлопнувъ Гришу по плечу, воскликнулъ Викторъ.—Представь себѣ, тамъ вотъ въ корридорѣ, въ темномъ углу, когда мы шли къ лѣстницѣ, а поцѣловалъ ее вотъ сюда, за ухо, въ шейку. Она, понимаешь, только для вида противилась, а на самомъ дѣлѣ... Ну, не дѣлай же такого

кислаго лица, точно ты подвижникъ какой! На то вѣдь и созданы эти дѣвчонки... А что, ты, признайся, воспользовался случаемъ, а?

— Полно глупости болтать!—покраснѣвъ до ушей, нехотя отвѣтилъ Гриша.

X.

Въ отношеніяхъ Двинскаго къ Мери, повидимому, не произошло никакой перемѣны. Они попрежнему видѣлись почти каждый день, и Юрій былъ съ нею такъ же внимателенъ и нѣженъ, какъ самые первые дни ихъ связи. И все таки чего-то прежняго недоставало: не было уже того свѣтлаго, безмятежняго спокойствія, съ которымъ они пользовались своимъ незаконнымъ счастьемъ. Въ сердце молодой женщины часто прокрадывалась теперь тревожная мысль о непрочности этого счастья. Она боялась потерять любовъ Юрія и съ пугливымъ безпокойствомъ взвѣшивала каждый его поступокъ, малѣйшее его слово, старалась прочесть затаенную мысль въ звукѣ его голоса, въ выраженіи его лица — словомъ, она дѣлала все, чтобы ускорить страшившую ея развязку, чтобы раздражить Юрія постоянной недовѣрчивой ревностью. Чуть ли не каждый день ей надо было новыхъ подтвержденій его любви. Ей доставляло какое-то болѣзненное удовольствіе подвергать его все новымъ испытаніямъ. И всякій разъ, что онъ приносилъ какую-нибудь маленькую жертву ея причудамъ, она радовалась новой побѣдѣ, хоть и сознавала, что и этого новаго доказательства ей будетъ мало, что неугомонная ревность потребуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ. Юрій подчинялся ея прихотямъ, и лишь изрѣдка сдвинувшіяся брови обнаруживали его подавленное раздраженіе.

Отъѣздъ свой въ деревню онъ откладывалъ со дня на день, боясь вызвать у нея новую вспышку гнѣва.

Онъ убѣдился, наконецъ, что не уѣдетъ совсѣмъ, потому что у него не хватаетъ рѣшимости на прямой отпоръ ея своенравной подозрительности, и, сказавъ себѣ это, онъ горько усмѣхнулся надъ собой, сознавая, что онъ не въ силахъ разорвать добровольно накинутыя на себя цѣпи.

Людскія отношенія очень походятъ на сложный механизмъ, гдѣ зубчатыя колеса устроены такъ, чтобы идти ровно, не цѣпляясь другъ за друга. Люди—тѣ же колеса; и тогда имъ только легко живется, когда они совсѣмъ не чувствуютъ присутствія у себя этихъ зубцовъ, и совмѣстная жизнь ихъ идетъ ровно безъ тренія и толчковъ. Но хуже всего имъ бываетъ съ той минуты, когда они примѣчаютъ, что механизмъ уже не движется такъ ровно, какъ прежде, и стараются исправить его ходъ: каждая такая попытка обыкновенно только портитъ дѣло, усиливая обоюдное сознаніе чего-то неловкаго и шероховатаго.

Нѣчто подобное теперь происходило съ Юріемъ и Мери. Онъ начиналъ замѣчать, что не дѣлится съ нею попрежнему всѣми своими мыслями, что, говоря съ ней онъ уже вынужденъ соблюдать осторожность, дѣлать усиліе, чтобы не выдать себя. Эта неискренность въ его обращеніи съ нею особенно ясно сказалась ему послѣ его встрѣчи съ Наташей на вечерѣ у графини. Мери тревожно слѣдила за нимъ изъ сосѣдней комнаты, пока длился ихъ разговоръ. Словъ ихъ она разслышать не могла, но одного взгляда на его взволнованное лицо, когда онъ простился съ Наташей, было достаточно, чтобы вызвать у молодой женщины цѣлую бурю оскорбленной ревности. Она не сказала ему ничего и въ отвѣтъ на его поклонъ не протянула ему даже руки, но въ ея заблестѣвшемъ взглядѣ онъ ясно прочелъ, что почувствовала она въ эту минуту. И на слѣдующій день, когда онъ пріѣхалъ къ Мери, на него посыпался цѣлый градъ страстныхъ негодующихъ словъ.

— Не лги, Юрій, не лги, — упорно отвѣчала она на всѣ его увѣренія. — Ты ее любишь, а не меня, я прочла это въ твоихъ глазахъ. Ты сожалѣешь теперь, что я стала между тобой и этой дѣвушкой. Такъ скажи это прямо. Вѣдь время не ушло: вѣдь стоитъ тебѣ сказать одно слово, и твоя дорогая Наташа съ радостью приметъ твое раскаяніе.

Мери злобно засмѣялась, говоря это.

— Она? она?... плохо же ты ее знаешь,—невольно вырвалось у Юрія въ отвѣтъ.

Мери посмотрѣла на него засверкавшими глазами.

— Ты думаешь, она слишкомъ горда, чтобы простить?—насмѣшливо заговорила она.—Да развѣ у этихъ дѣвочекъ есть гордость? Пойди къ ней, попробуй, и ты увидишь, какъ легко достанется тебѣ прощеніе. Развѣ она понимаетъ, что такое настоящая любовь, твоя Наташа? Довольно съ нея и крохъ твоей любви...—Но чѣмъ больше она старалась уязвить Наташу, принизить ее въ глазахъ Юрія, тѣмъ строптивѣе и холоднѣе становился онъ. Юрій мысленно сравнивалъ обѣихъ женщинъ и съ горечью на сердцѣ говорилъ себѣ, какъ неизмѣримо выше стояла бѣдная покинутая имъ дѣвушка.

— Да какъ же смѣлъ ты увѣрять меня сейчасъ вотъ, — воскликнула Мери, — что ты не любишь ее? Говори же прямо, сознавайся; это, право, достойнѣе тебя и меня.

Какъ проигравшійся игрокъ, она съ отчаяніемъ бросала послѣднюю ставку, точно ей хотѣлось теперь поторопиться окончательнымъ разрывомъ. Но чѣмъ сильнѣе въ сердцѣ Юрія поднималось сожалѣніе о потерянной любви Наташи, тѣмъ рѣшительнѣе заглушалъ онъ въ себѣ это чувство. Жизнь его была связана съ жизнью Мери, и поздно было сожалѣть объ этомъ. Въ немъ сказывалось даже болѣзненное желаніе еще тѣснѣе связать свою дорогую когда-то свободу, отдать ее окончательно во власть этой женщины, все еще лю-

бившей его, быть можетъ, даже любившей сильнѣе и безотчетнѣе, чѣмъ въ первые дни ихъ сближенія.

Онъ сказалъ это ей прямо.

— Ну, хорошо, — отвѣтила она, пристально въ него вглядываясь: — не забывай этихъ словъ, я когда-нибудь тебѣ ихъ припомню.

Съ этого дня новая тревожная мысль овладѣла молодой женщиною. Отношенія ея къ Юрію, прежде казавшіяся ей такими простыми, вызывали въ ней теперь какое-то ощущеніе стыда. Незаконность этихъ отношеній, прежде ничуть не безпокоившая ея совѣсть, вдругъ предстала передъ ней въ новомъ свѣтѣ. Въ его глазахъ она въ сущности — такъ думала теперь Мери — лишъ одна изъ тѣхъ женщинъ, съ которыми сходишься на время, даря имъ мимолетное чувство и не признавая за ними права на уваженіе. А когда это чувство остываетъ, вмѣсто него остается лишь жалкая пародія на любовь, что-то похожее на состраданіе, которымъ мужчины думаютъ великодушно прикрыть свою холодность. Все это Мери сто разъ твердила себѣ въ долгія безсонныя ночи и сама не хотѣла вѣрить въ этотъ безотрадный приговоръ надъ своей любовью. И опять, когда она была вдвоемъ съ Юріемъ и онъ говорилъ съ ней прежнимъ ласковымъ голосомъ, она успокаивала себя, отгоняя эти мрачныя мысли... Но онѣ снова стучались къ ней въ сердце — то робко, чуть слышно, то громко и безжалостно. Молодая женщина мучилась и съ ужасомъ замѣчала, что за послѣднее время стали блекнуть ея недавно еще цвѣтущія черты. „И все это отъ того“, говорила она себѣ, „что я въ его глазахъ потерянная женщина, съ которой церемониться нечего“. И Юрій имѣлъ полное право осуждать ее: сдѣлавшись его любовницей, оставаясь въ домѣ мужа, она пользовалась деньгами этого нелюбимаго, опозореннаго мужа. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, она лучше одного изъ тѣхъ продажныхъ существъ, съ которыми она и въ мысляхъ никогда прежде себя не

сравнивала? Въ этомъ двусмысленномъ положеніи, прежде казавшемся ей такимъ обычнымъ, она видѣла что-то унизительное, преступное и низкое. Юрій не только имѣлъ право — онъ долженъ былъ презирать ее. Если бы она въ самомъ дѣлѣ его любила, какъ честная самоотверженная женщина, ей слѣдовало бросить всю эту дорогую роскошь, разстаться со своимъ положеніемъ въ свѣтѣ и жить только для своей любви. Страсть требуетъ жертвъ, только ими она можетъ быть облагорожена, только онѣ дарятъ право на вѣрность любимаго человѣка. Въ глазахъ свѣта она то же, что и прежде, потому что ея мужу угодно равнодушно смотрѣть на собственное униженіе; и благодаря этой постыдной сговорчивости, отъ которой ея собственный стыдъ дѣлается еще хуже и унизительнѣе, она сохранила себѣ положеніе въ этомъ лицемѣрномъ обществѣ, какъ бы въ награду за свой наглый и торжествующій позоръ. „Нѣтъ, мнѣ надо сбросить съ себя личину и цѣною презрѣнія этого свѣта купить себѣ право уваженія Юрія!“

Еслибы у Мери былъ какой-нибудь разсчетъ, когда она разсуждала такимъ образомъ, она бы не могла разсчитывать вѣрнѣе. Юрій въ самомъ дѣлѣ считалъ себѣ навсегда связаннымъ съ нею. Ему казалось, что обязывала его къ этому честь. Прежде, въ началѣ ихъ связи, видѣться съ молодой женщиной какъ можно чаще, мыслить и чувствовать съ нею за одно — было для него живою потребностью. Теперь вмѣсто голоса сердца онъ повиновался уже суровому голосу долга. Странное дѣло, въ немъ подымалось даже боязливое чувство, что у него, пожалуй, не хватитъ силъ выдержать до конца, что долгу этому онъ можетъ измѣнить. И онъ готовъ былъ на вѣки связать себя торжественнымъ обѣщаніемъ пожертвовать всѣмъ своимъ будущимъ, чтобы отрѣзать отъ себя всякій путь къ отступленію. Еслибы Мери прямо объявила ему, что хочетъ разойтись съ Владиміромъ Валеріановичемъ и стать его женой, онъ бы не колеблясь отдалъ ей свое имя.

А между тѣмъ все это время его неотступно преслѣдовалъ образъ Наташи, какъ бы дразня его заманчивой картиной навсегда погубленнаго счастья. Въ тотъ самый вечеръ, когда онъ видѣлъ ее у графини, вернувшись домой, Юрій принялся къ ней писать. Пламенныя и горькія строки раскаянія и любви выливались у него одна за другой. Онъ умолялъ Наташу его простить и дать ему случай увидѣть ее съ глазу на глазъ. Юрій хорошо зналъ, что никогда онъ не пошлетъ къ ней этого письма, что каждое слово въ этомъ письмѣ было бы оскорбленіемъ для чистой гордой души. И все таки писать къ ней было для него какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ, точно листъ бумаги, который никогда не попадетъ къ ней въ руки, становился для него дорогимъ повѣреннымъ. Когда на другой день ему пришлось услыхать страстные упреки Мери, и въ отвѣтъ на нихъ онъ сказалъ молодой женщинѣ, что не разстанется съ нею никогда, послѣдняя слабая нить, еще соединявшая его съ Наташей, была, казалось, окончательно порвана. Юрій перечиталъ написанное имъ наканунѣ вечеромъ, и горькою болью отозвались въ его сердцѣ эти безумныя выраженія теперь уже безнадежной любви. Юрій сперва хотѣлъ сжечь письмо, но у него не хватило рѣшимости это сдѣлать, точно ему жаль было разставаться съ этимъ послѣднимъ нѣмымъ свидѣтелемъ его чувства. И онъ бережно уложилъ этотъ листъ бумаги въ одинъ изъ ящиковъ рабочаго стола.

Время между тѣмъ шло. Положеніе дѣлъ становилось все грознѣе. Юрію каждый день приходилось слышать о новыхъ покушеніяхъ, о безсильныхъ поискахъ за главными виновниками заговора, опутавшаго, казалось, цѣлую Россію. Въ началѣ апрѣля, нѣсколько дней спустя послѣ событія 4-го числа, онъ случайно зашелъ въ клубъ, куда рѣдко заглядывалъ, и засталъ тамъ оживленные толки о недавнемъ покушеніи. Его поразило удивительное легкомысліе этихъ толковъ, точно собравшіеся люди его круга говорили о событіи,

вовсѣ не касавшемся ихъ лично, совершившемся гдѣ-то далеко, въ чужой странѣ. Не было и слѣда трезваго взгляда на угрожающую серьезность положенія, на тѣсную общность интересовъ съ правительствомъ. Разсказывали о новыхъ мѣрахъ предосторожности, очевидно, нисколько не довѣряя этимъ мѣрамъ и самимъ людямъ, которымъ была поручена охрана порядка.

— Вчера вечеромъ, — говорилъ между прочимъ Албановъ, — проѣзжаю я по набережной, на улицѣ ни души. За то передъ запертыми воротами вездѣ дворники сидятъ и, конечно, почиваютъ сномъ праведныхъ. Уморительно, право!... Можно бы подумать, что городъ осаждаютъ непріятели, и что всѣ дома сидятъ взаперти. И хорошее придумали это средство! Полиція никуда не годится, такъ вотъ поручили дворникамъ за нами смотрѣть. Говорятъ, сколько народу теперь набралось изъ деревень наниматься на должность новыхъ охранителей порядка!...

— Да! — вставилъ баронъ Гейзенъ, — когда я теперь возвращаюсь къ себѣ, я всегда низко кланяюсь господину дворнику. Что ни говори — власть! Чего добраго, вздумаетъ заподозрить въ тайныхъ козняхъ!...

— Однако жъ это очень хорошо!... — замѣтилъ господинъ Скворцовъ, слывшій за умника, которому суждено далеко пойти. — Только что же будетъ дальше? Вѣдь толкуютъ про какую-то горсть молокососовъ, которыхъ стоитъ только переловить и перевѣшать, а между тѣмъ эти молокососы, какъ ихъ тамъ ни ловятъ, держатъ всю страну въ осадномъ положеніи.

— Бѣда въ томъ, — опять заговорилъ Албановъ,— что очень трудно указать, гдѣ кончается эта горсть и начинается благонамѣренная часть общества. Въ сущности, что тамъ ни говори, между этими длинноволосыми и всѣми тѣми, которыхъ они стараются стереть съ лица земли, непрерывная цѣпь недовольныхъ; и мы чувствуемъ себя ближе къ нимъ, чѣмъ къ власти, которая насъ будто бы охраняетъ.

— Это хорошо по твоему? — спросилъ Двинскій, который никакъ не могъ понять этого страннаго, насмѣшливаго отношенія къ вопросу, грозившему стать роковымъ для самыхъ этихъ людей, теперь наканунѣ возможной катастрофы все еще продолжавшихъ зубоскалить.

— Не хорошо, конечно! Да что дѣлать? Не мы заваривали кашу, а придется расхлебывать и намъ! Это всѣ чувствуютъ. Il faut faire des concessions... voilà!

Юрій пожалъ плечами и пошелъ въ другую комнату. Тамъ за ломберными столами шла азартная игра. И на лицахъ не было даже и этого шутливаго интереса къ тайному недугу, охватившему Россію. Было однако шумное возбужденіе игрой, отъ котораго вспыхивали блѣдныя черты и наливались кровью тусклые глаза. Тутъ между прочими Юрій увидалъ Столѣнина, по обыкновенію сильно проигравшагося.

— Двинскій, присядь съ нами! Очень интересная партія! — съ притворною веселостью воскликнулъ Столѣнинъ, завидѣвъ его. — Представь себѣ, Иванъ Ивановичъ Сабанѣевъ взялъ девять картъ сразу. Никто противъ него не рѣшается идти. Попробуй-ка счастье, вѣдь, право стоитъ того!

Юрій отказался. Онъ въ карты не игралъ, а видѣть Столѣнина, упорно проигрывавшаго ставку за ставкой— было для него несказанно противно. Онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ была читальня; съ сердитымъ видомъ молча поклонился сидѣвшимъ тутъ и поспѣшилъ укрыться, какъ за ширмами, за листомъ большой газеты. Но читать онъ ее и не думалъ. Онъ мысленно повторялъ все виданное и слышанное за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. „Хорошо, нечего сказать", думалъ онъ, „у этихъ господъ пониманіе серьезности положенія! Чудесная преданность родинѣ! Одни зубоскалятъ, другіе проигрываютъ деньги, которыхъ у нихъ давно уже нѣтъ. Какъ увидишь такое полное разложеніе, поневолѣ усумнишься въ возможности устоять про-

тивъ врага, у котораго, что тамъ ни говори, недостатка нѣтъ въ готовности жертвовать собой“.

Юрій мрачно глядѣлъ на будущее оттого, можетъ быть, что былъ очень недоволенъ самимъ собою за послѣднее время. Онъ чувствовалъ себя не такимъ вѣдь, какъ эти господа; сознавалъ, что, будь у него отвѣтственное мѣсто, онъ бы всей душой самоотверженно и честно исполнилъ свое дѣло, готовый съ случаѣ нужды встрѣтить опасность гдѣ-нибудь на улицѣ точно такъ же, какъ встрѣчалъ ее въ бою съ непріятелемъ. Теперь онъ уже не думалъ объ удовлетвореніи личнаго честолюбія, о легкой и блестящей карьерѣ. Ему казалось, что наступила суровая пора, въ которую вѣрный сынъ своей родины обязанъ служить ей, хотя бы не громко, безъ надежды на успѣхъ и на славу, забывая о себѣ. Но что могъ онъ сдѣлать?.. Развѣ ему поручили бы даже самое невидное мѣсто? На него вѣдь смотрятъ, какъ на одного изъ тѣхъ милыхъ праздныхъ людей, которымъ при встрѣчѣ дарятъ нѣсколько ласковыхъ словъ, но не думаютъ поручать серьезное дѣло. Онъ въ этомъ самъ виноватъ: онъ во время не понялъ, что отдать всего себя во власть женской любви — значитъ лишить себя права на свободу, когда любовь эта утрачиваетъ свою первоначальную, всемогущую прелесть.

Въ этотъ самый день къ нему пришло изъ за границы неожиданное извѣстіе. Мать писала, что черезъ недѣлю она будетъ съ мужемъ въ Петербургѣ. Она много говорила о ходившихъ повсюду тревожныхъ слухахъ, но изъ за этой заботы о политическихъ дѣлахъ сквозила иная, тревожная забота и о немъ самомъ. Хотя княгиня и не упоминала про Марью Борисовну, Юрій понялъ безъ труда, что смутныя опасенія на этотъ счетъ, быть можетъ,—главная причина неожиданнаго возвращенія его родителей. „Они думаютъ тамъ“, нервно сказалъ онъ себѣ, „что меня могутъ завлечь, какъ мальчишку какого-нибудь и что они обязаны явиться сюда меня выручать изъ бѣды“. Его раздражало это

недовѣріе къ нему, это непризнаніе его человѣкомъ вполнѣ самостоятельнымъ и отвѣтственнымъ за свои дѣйствія только передъ самимъ собой. Мать думала конечно, что стоило облечься въ негодующее величіе, и Юрій въ угоду ей тотчасъ измѣнитъ принятое рѣшеніе. Какъ будто что-нибудь на свѣтѣ могло заставить его отступить передъ тѣмъ, чего по его мнѣнію, требовала честь! И мысль о неизбѣжномъ вмѣшательствѣ матери въ его отношенія къ Марьѣ Борисовнѣ побудила его рѣшительнѣе прежняго сказать себѣ, что, захоти этого Мери, онъ женится на ней. Да, онъ объявитъ это матери съ перваго же дня ея пріѣзда. И въ сущности, развѣ это не лучше?! Вѣдь теперь онъ не можетъ располагать собою, какъ разъ благодаря незаконности ихъ отношеній. Связь съ замужней женщиной для всякаго порядочнаго человѣка—полное отреченіе отъ свободы, потому что онъ тѣмъ болѣе обязанъ уступать ей во всемъ, что она не имѣетъ на него прямыхъ законныхъ правъ. Когда Мери станетъ его женой, у нея уже не будетъ поводовъ сомнѣваться въ его привязанности, стеречь всѣ его поступки, какъ дѣлаетъ она это теперь. Да, это будетъ лучше, гораздо лучше!.. Но какъ ни увѣрялъ себя Юрій въ разумности такого исхода, какъ ни хорошо было чувствовать въ себѣ готовность выполнить свой долгъ,—онъ не могъ осилить гнетущаго сознанія, что надъ жизнью его словно нависла туча, навсегда, можетъ быть, скрывшая отъ него недавно еще такъ свѣтившее ему солнце молодости и счастія.

X.

Дѣла Владиміра Валеріановича находились уже не только въ запутанномъ, они были теперь въ отчаянномъ положеніи. Богатые люди могутъ очень долго не замѣчать своего постепеннаго разоренія, потому что услуж-

ливый кредитъ скрадываетъ отъ нихъ печальную дѣйствительность. Пока всѣ вѣрятъ въ долгъ, и есть наличныя деньги для текущихъ расходовъ, можно попрежнему жить, не отказывая себѣ ни въ чемъ, такъ какъ вѣдь рѣшительно все равно, проживаешь ли собственныя деньги или чужія. Но рано или поздно, настаетъ критическая минута, когда этотъ благодатный источникъ вдругъ изсякаетъ. И такая минута теперь наступила для Столѣниныхъ. Приходилось разомъ уплатить по нѣсколькимъ довольно крупнымъ векселямъ и внести деньги въ банкъ по залогу имѣнія, а главное, разсчитаться съ карточными долгами. Въ то же время изъ за границы были получены нѣсколько очень рѣзкихъ писемъ, требовавшихъ уплаты по счетамъ, а петербургскіе поставщики, какъ бы сговорившись, не захотѣли болѣе отпускать товара въ долгъ. Нужно было купить овесъ для конюшни, расплатиться по счетамъ повара и выдать за нѣсколько мѣсяцевъ жалованье прислугѣ, въ обращеніи которой съ господами съ нѣкоторыхъ поръ уже стала проявляться открытая дерзость. На все это требовалось немедленно по меньшей мѣрѣ пятнадцать тысячъ, а денегъ было достать не откуда. Городской домъ не только былъ заложенъ давно, но были уже истрачены деньги и по второй закладной. Съ имѣній, правда, можно было еще получить довольно крупныя суммы. Но для этого слѣдовало ждать по крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ, такъ какъ для залога въ банкъ требовались формальности, а платежи съ крестьянъ въ этомъ году поступали туго. Владиміръ Валеріановичъ рыскалъ по всему городу, обращался и къ знакомымъ, и къ ростовщикамъ, предлагая неимовѣрные проценты, и получалъ одни отказы. Въ клубъ за послѣдніе дни онъ уже пересталъ ѣздить, такъ какъ онъ стыдился друзей, которымъ задолжалъ по карточнымъ проигрышамъ. Это съ нимъ случилось въ первый разъ. А тутъ какъ на зло главный наѣздникъ — англичанинъ — явился въ одно прекрас-

ное утро, нагло требуя немедленно разсчета. И когда Столѣнинъ попробовалъ было раскричаться, британецъ наговорилъ ему такихъ хладнокровныхъ дерзостей, что Владиміръ Валеріановичъ чуть чуть не далъ волю рукамъ и во время остановился только изъ боязни, какъ бы рослый дѣтина не далъ ему сдачи. И вотъ какъ разъ послѣ этого непріятнаго объясненія къ нему вошла въ кабинетъ разгнѣванная Марья Борисовна, держа въ рукахъ какое-то письмо.

— Что это значитъ?—заговорила она взволнованнымъ голосомъ.—Прочтите это письмо! Вортъ мнѣ объявляетъ, что не исполнитъ моего послѣдняго заказа, пока не заплачены будутъ его счета. Онъ смѣетъ мнѣ говорить, что за русскими дамами въ долгу слишкомъ двѣсти тысячъ франковъ... Какое мнѣ до этого дѣло! Подобныхъ писемъ я отъ роду не получала. Вы, кажется, могли бы меня избавить отъ такихъ любезностей. Вы знаете, что я ни въ какія дѣла не вмѣшиваюсь и все предоставила вамъ.

Столѣнинъ выслушалъ жену спокойно. На губахъ у него заиграла холодная насмѣшливая улыбка. Его почти обрадовало, что женѣ приходилось испытывать хотя небольшую долю того униженія, какое онъ переносилъ за послѣдніе дни. При всей своей равнодушной податливости онъ въ душѣ ненавидѣлъ жену боязливой и въ то же время мстительной ненавистью, и былъ очень не прочь ей дать это почувствовать.

— Что прикажете дѣлать!—сказалъ онъ, небрежно пробѣгая заграничное письмо.—Этого слѣдовало ожидать. У меня гроша нѣтъ, чтобы людямъ заплатить, а вы хотите, что бы я возился съ вашими счетами. Вы очень хорошо знаете, кто изъ насъ виноватъ въ миломъ положеніи нашихъ дѣлъ. Я вамъ до сихъ поръ ни въ чемъ не отказывалъ, но когда живешь свыше средствъ...

— Да кто же васъ просилъ жить свыше средствъ?— остановила его Марья Борисовна, смѣривъ его враждеб-

нымъ и презрительнымъ взглядомъ.—Развѣ вы для меня держите на конюшнѣ двадцать лошадей и проигрываетесь въ карты чуть не каждый день?—И развѣ я когда-нибудь требовала отъ васъ отчета въ моихъ собственныхъ деньгахъ...

— Ваши деньги, ха, ха, ха!!...—злобно засмѣялся Владиміръ Валеріановичъ.—На много бы ихъ хватило. Ваше имѣніе въ цѣлости, могу васъ увѣрить, и даже не заложено. Завтра же я могу вамъ сдать на руки всѣ ваши дѣла, и вы убѣдитесь, что все какъ нельзя болѣе въ порядкѣ. Только съ вашей деревни, вы это, кажется, знаете, получается какихъ-то несчастныхъ пять тысячъ, а на одни ваши туалеты, не говоря о прочемъ, выходитъ каждый годъ по крайней мѣрѣ тысячъ по восьми, да не заплаченныхъ счетовъ будетъ тысячъ на двѣнадцать. Есть вамъ на что жаловаться, право!

— Такъ что же вы мнѣ прикажете дѣлать?!—вся замкнувшись въ ледяное равнодушіе сказала Мери.—Получать оскорбительныя письма?...

— Да мнѣ то не все ли равно!?—съ торжествующей ироніей возразилъ ей мужъ.—Удивительное, право, дѣло! Вы разоряли меня слишкомъ десять лѣтъ, и я молчалъ. Вамъ угодно было завести себѣ любовника, и я продолжалъ молчать... Кажется, лучшаго, болѣе покладистаго мужа и отыскать трудно!

Негодованіе все сильнѣе овладѣвало Марьей Борисовной. Она сознавала всю свою неправоту, готова была даже понести заслуженное наказаніе за свою виновную жизнь, но въ эту минуту всѣмъ своимъ женскимъ чутьемъ она возмущалась противъ холоднаго безстыдства мужа, въ его словахъ видѣла неправоту, еще болѣе преступную, безнравственность, еще болѣе позорную. Глаза у нея заблестѣли.

— Вы будто хватаетесь этимъ!—возразила она.—Точно въ своемъ отвратительномъ равнодушіи къ собственному стыду есть какая-то заслуга! Да развѣ такого мужа можно не презирать, можно не обманывать!!

Я виню себя, да, но только не за свою невѣрность, а за то, что такъ долго жила съ вами, что теперь, когда я узнала васъ наконецъ, я все еще остаюсь въ вашемъ домѣ!..

— Прекрасно!..—отозвался на это Владимiръ Валерiановичъ, принужденно засмѣявшись.—Это по крайней мѣрѣ откровенно. Такъ уѣзжайте изъ моего дома, уѣзжайте, куда хотите! Одного, признаюсь, я не понимаю: какъ вы послѣ этого приходите ко мнѣ просить денегъ?! Видно, мой кошелекъ по крайней мѣрѣ вы не презираете, и потому только вздумали со мной разстаться, что кошелекъ этотъ оказывается пустымъ!

У Мери вдругъ слезы брызнули изъ глазъ, вызванныя не грустью и не раскаянiемъ, а негодующимъ оскорбленнымъ чувствомъ.

— У васъ даже нѣтъ,—тихо, почти испуганно проговорила она,—того простого достоинства, какое есть у всякаго благовоспитаннаго человѣка, будь онъ даже отъявленный негодяй.

— Нѣтъ, знаете что?—продолжалъ хихикать Владимiръ Валерiановичъ.—Вамъ бы слѣдовало просто обратиться къ князю Юрiю. Онъ, конечно, не откажетъ вамъ уплатить ваши долги. Не понимаю, какъ вамъ это давно не пришло въ голову!

Владимiръ Валерiановичъ сказалъ это просто изъ желанiя уязвить жену. Это была лишь одна изъ его милыхъ шутокъ. Но Марью Борисовну она окончательно взорвала. Это была послѣдняя капля, упавшая въ переполненный сосудъ, послѣднее оскорбленiе, котораго молодая женщина вынести не могла. Яркiй румянецъ стыда и гнѣва залилъ ея щеки.

— Вы раскаетесь въ этихъ словахъ!—произнесла она грозящимъ голосомъ!—Я не забуду ихъ никогда. И сегодня же, сейчасъ я уѣду изъ вашего дома, чтобы никогда болѣе не возвращаться!

Сказавъ это, она вышла. Сухой, короткiй смѣхъ Владимiра Валерiановича провожалъ ее. Но едва она

скрылась за дверью, смѣхъ этотъ замеръ на его губахъ.

— Чортъ побери, однако!...—воскликнулъ онъ.—Вѣдь она, чего добраго, въ состояніи выкинуть какую-нибудь отчаянную глупость.

Но онъ тотчасъ и на это махнулъ рукой. „Пускай себѣ, была не была!“ добавилъ онъ мысленно и принялся шагать по комнатѣ, обдумывая, гдѣ и какъ достать необходимыя деньги.

Юрій былъ у себя въ кабинетѣ и отдавалъ приказаніе дворецкому по случаю ожидавшагося въ этотъ день пріѣзда князя и княгини, какъ вдругъ подкатили къ подъѣзду извощичьи дрожки, съ которыхъ сошла молодая женщина, вся одѣтая въ черное. Не смотря на двойную вуаль, закрывавшую ея лицо, Юрій тотчасъ же узналъ Мери. Онъ торопливо услалъ дворецкаго и бросился въ сѣни. Мери едва держалась на ногахъ. Онъ взялъ ее за обѣ руки и, не говоря ни слова, увелъ въ кабинетъ.—„Никого не принимать!“—крикнулъ онъ швейцару. И, притворивъ за собою двери, бережно усадилъ ее въ кресло.

Никогда до сихъ поръ она у него не бывала. Двинскій не упрашилъ ее пріѣхать. Тутъ была въ сознаніи ихъ обоихъ какая-то послѣдняя черта, которой оба они не хотѣли переступать, оберегая этимъ ея женское достоинство. Онъ испугался, увидѣвъ ее. Случилось, должно быть, что-то необычайное, коли она вдругъ рѣшилась пріѣхать.

— Что съ тобой?—спрашивалъ онъ ее дрожащимъ голосомъ.—На тебѣ лица нѣтъ!

Мери не могла говорить отъ волненія. Дрожащими руками она откинула вуаль и молча посмотрѣла на него вопрошающимъ взглядомъ. Послѣ тяжелаго объясненія съ мужемъ она второпяхъ, почти безсознательно, какъ бы повинусь чужой силѣ, переодѣлась безъ помощи горничной и, не повидавшись даже съ дочерью, стремительно вышла на улицу. Тамъ она взяла перваго

ей попавшагося извощика и велѣла ему ѣхать на Сергіевскую. Она хорошенько не знала, зачѣмъ она ѣдетъ къ Юрію и что ее ждетъ впереди. Ей хотѣлось только поскорѣй оставить ненавистный ей теперь домъ мужа, совершить что нибудь такое, послѣ чего стало бы уже невозможнымъ возвращеніе къ прежней, опротивѣвшей ей жизни.

— Хочешь воды?—продолжалъ онъ спрашивать.

Мери кивнула головой.

— Да, да,—едва внятно произнесли ея засохшія губы.

Она отклебнула немного изъ стакана, принесеннаго Юріемъ и медленно провела рукой по своему блѣдному лбу.

— Ты очень удивленъ меня видѣть?—спросила она, не спуская съ него неподвижныхъ глазъ.—И радъ въ то же время?.. Да?.. Скажи!..

— Радъ, конечно, радъ,—торопился онъ отвѣтить, пожимая ея холодныя руки,—счастливъ даже... Только объясни, что случилось.

— У меня была.... ужасная сцена съ мужемъ... сейчасъ вотъ... Нѣтъ, я не могу про это говорить, не могу повторять его отвратительныя слова. Не разспрашивай меня. Одно только я знаю, мнѣ нельзя уже оставаться тамъ, въ одномъ домѣ съ нимъ. И я поѣхала къ тебѣ, чтобы... чтобы посовѣтоваться съ тобой...

Послѣднія слова она проговорила нерѣшительно, почти боязливо, какъ бы замѣняя ими что то другое, чего она не рѣшалась сказать.

— Только будь со мной откровененъ, Юрій!—продолжала она уже твердымъ голосомъ.—Я теперь вся принадлежу тебѣ, вся моя судьба въ твоихъ рукахъ. Скажи мнѣ прежде всего, скажи мнѣ, какъ честный человѣкъ, хочешь ли ты меня взять... То есть, пойми это, сдѣлаешь ли ты это отъ всего сердца, не приневоливая себя, потому что—я вѣдь знаю—слову своему ты не измѣнишь, а я жертвы отъ тебя не хочу.

Мери часто твердила себѣ, что принудитъ Юрія соединить свою жизнь съ ея жизнью. И ему самому въ минуту запальчивой ревности она грозила напомнить данное имъ слово никогда не покидать ее. Но теперь, когда она была у него, рѣшительный шагъ ею сдѣланъ, вся ея женская гордость возмутилась при мысли о такомъ принужденіи. Ей нужна была только его любовь, а безъ нея одна холодная вѣрность обѣщанія не имѣла въ глазахъ Мери никакой цѣны. И отъ подобной жертвы она бы отказалась, какъ отъ чего-то недостойнаго ея.

Она медленно приподнялась и обѣ свои дрожащія руки положила къ нему на плечи.

— Скажи, Юрій... отвѣчай мнѣ!—робко продолжала она, и глаза ея такъ и впились въ его лицо.—Ты не жертву мнѣ принесешь, не будешь раскаиваться потомъ?

Онъ притянулъ ее къ себѣ и губы его коснулись ея лба. Но Мери поцѣлуй его показался удивительно холоднымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—проговорилъ онъ, стараясь придать искреннее и теплое выраженіе своему отвѣту.—Я вѣдь лгать не умѣю, ты это знаешь. Ты будешь моею навсегда... моею... женой...

Послѣднее слово онъ произнесъ, какъ бы дѣлая усиліе, и выраженіе его глазъ, въ которыхъ не было и слѣда радости, явно противорѣчило задушевности его тона. Какъ ни старался Юрій выдержать свою роль и убѣдить ее въ своей искренности, Мери уловила оттѣнокъ нерѣшительности въ его горячихъ увѣреніяхъ.

— Юрій, не обманывай меня,—настаивала молодая женщина.—Я готова освободить тебя отъ даннаго обѣщанія; я забуду все прошлое, исчезну куда нибудь съ своимъ одинокимъ горемъ, и никогда ты не услышишь отъ меня даже слова упрека.

Но чѣмъ болѣе она смирялась передъ нимъ, чѣмъ полнѣе и самоотверженнѣе была ея готовность пожертво-

вать собой, тѣмъ громче въ немъ говорила совѣсть. Онъ не могъ воспользоваться ея великодушіемъ, бросить недавно еще любимую имъ женщину въ минуту скорбнаго отчаянія. Къ нему вернулась какъ будто теплая волна прежняго чувства, и въ его отвѣтныхъ словахъ прозвучало уже вполнѣ искреннее участіе.

— Ни за что я не оставлю тебя, моя бѣдная, бѣдная Мери. Ты хорошо сдѣлала... что обратилась ко мнѣ.—И онъ прижалъ ее тѣснѣе къ груди. Она наклонила голову на его плечо и на мигъ осталась неподвижною въ его объятіяхъ.

— Я потребую отъ твоего мужа, — продолжалъ Юрій,—чтобы онъ далъ тебѣ разводъ. Онъ согласится, я знаю. Да и есть вѣрное средство уговорить его...

Въ голосѣ Юрія опять промелькнула ироническая нотка: презрѣнія своего къ Владиміру Валеріановичу онъ не въ силахъ былъ скрыть.

— Ну, а теперь,—добавилъ онъ, замѣтивъ что волненіе молодой женщины улеглось,—разскажи мнѣ все. Мнѣ надо вѣдь знать, что случилось, а потомъ обсудить съ тобою, что намъ дѣлать.

Успокоенная его словами, Мери дословно передала ему весь свой разговоръ съ мужемъ. У него сдвинулись брови отъ невольнаго чувства гадливости.

— Я догадывался,—проговорилъ онъ сквозь зубы,— что это именно такъ, что тутъ замѣшаны эти отвратительныя денежныя дрязги. Ну, да этой бѣдѣ можно помочь. Положись только на меня.

Мери опять посмотрѣла на него съ испугомъ.

— Какой ты странный, Юрій!—сказала она. — Съ минуту назадъ еще ты былъ опять такой же, какъ прежде, а теперь... теперь глаза твои смотрятъ такъ холодно.

— Да не моя же вина, коли мужъ твой возмущаетъ меня своимъ поведеніемъ! Не хватило Владиміру Валеріановичу такта и приличія, которыми онъ всегда такъ хвастаетъ...

— Ты, стало быть, понимаешь—робко проговорила она,—что я уже не могу жить съ нимъ попрежнему?..

— Понимаю, конечно, понимаю... Только вѣдь этого нельзя сдѣлать сейчасъ разомъ... Потребуется время, нужны будутъ формальности, а пока... Вѣдь ты даже не имѣешь права жить отдѣльно отъ мужа!

Онъ проговорилъ это, видимо затрудняясь упоминать при ней объ этихъ совсѣмъ чуждыхъ ея женскому пониманію вопросахъ.

— У тебя нѣтъ разрѣшенія отъ мужа, — пояснилъ онъ.

— Разумѣется, нѣтъ!—Что же изъ этого?

— Къ сожалѣнію, это совершенно необходимо. Положимъ... я добьюсь отъ него этого разрѣшенія. Постараюсь сегодня же добиться. Но все таки... пока...

Къ ней опять вернулась недавняя тревожная подозрительность.

— Что ты хочешь сказать, Юрій? Я не могу, вѣдь, говорю тебѣ, вернуться къ нему. И думала... остаться пока у тебя.

Ея глаза опять устремились на него съ безпокойнымъ вопрошающимъ взглядомъ.

Юрій отвѣтилъ не тотчасъ.

— Одного я тебѣ еще не сказалъ,—проговорилъ онъ наконецъ, дѣлая усиліе, — сегодня пріѣзжаетъ изъ за границы моя мать,—это, конечно, очень непріятно,—но что же дѣлать...

— А!.. Ты не хочешь, чтобы я осталась у тебя, — вспылила она вдругъ, — такъ говори же прямо. Я съ первыхъ же твоихъ словъ догадалась, что ты этого не хочешь!

Мери не могла не понять, что встрѣтиться съ княгиней Двинской ей, конечно, нельзя. И она сама бы ни за что не захотѣла остаться подъ одной кровлей съ матерью Юрія. Но, странное дѣло, когда онъ упомянулъ объ этомъ, въ его осторожныхъ словахъ она разслышала нѣчто совсѣмъ иное, объяснила ихъ не-

желаніемъ самого Юрія видѣть ее въ своемъ домѣ, и оскорбленное чувство въ ней тотчасъ же заговорило.

— Зачѣмъ ты не рѣшаешься быть искреннимъ со мной?! — съ горечью упрекнула она его.—Лучше мнѣ прямо сказать всю правду... Вѣдь ты ее все таки не скроешь отъ меня!

Не малаго труда стоило Юрію убѣдить ее, что она къ нему несправедлива, подозрѣвая его въ неискренности. И какъ ни очевидны были его доводы, горькій осадокъ недовѣрчиваго чувства все таки остался у нея на сердцѣ.

— Вотъ что я сдѣлаю,—рѣшилъ Юрій, немного подумавъ.—Времени терять нельзя. Теперь слишкомъ два часа, а въ шесть я долженъ ѣхать на Варшавскую дорогу. Я сейчасъ напишу твоему мужу и скажу ему, что буду у него сегодня около четырехъ.

Онъ усѣлся за письменный столъ и быстрымъ твердымъ почеркомъ набросалъ нѣсколько строкъ къ Владиміру Валеріановичу. Запечатавъ письмо, онъ позвонилъ.

— Послать это сейчасъ къ Владиміру Валеріановичу Столѣнину!—крикнулъ онъ вошедшему камердинеру.— Коляска заложена?

— Подаютъ, ваше сіятельство,—отвѣтилъ тотъ, получивъ изъ рукъ Юрія письмо.

— Извини меня, Мери — сказалъ Юрій, когда ушелъ камердинеръ, — иначе вѣдь нельзя. — Голосъ его звучалъ теперь рѣшительно и твердо. Онъ совсѣмъ овладѣлъ собой и съ полнымъ спокойствіемъ шелъ навстрѣчу къ крутому повороту въ своей жизни, который навсегда свяжетъ его съ судьбою довѣрившейся ему женщины. Удивительно ясно и отчетливо стояла передъ нимъ ожидавшая его тяжелая задача. Онъ весь былъ охваченъ холодной рѣшимостью, не задумываясь ни на минуту передъ неизбѣжнымъ роковымъ шагомъ, котораго требовало отъ него неумолимое сознаніе долга.

— Я долженъ буду оставить тебя здѣсь на часъ

или на два, чтобы отыскать тебѣ квартиру, гдѣ ты могла бы провести хотя бы нѣсколько дней. Потомъ надо будетъ переговорить съ твоимъ мужемъ. И когда все будетъ рѣшено, я пріѣду сюда за тобой. Мнѣ тяжело тебя оставлять здѣсь одну, но вѣдь иначе нельзя. Ты видишь, что нельзя! Будь умницей, моя бѣдная Мери, и не слишкомъ безъ меня скучай!—добавилъ онъ нѣжно, обнимая ее на прощанье. Онъ говорилъ съ ней теперь почти какъ съ ребенкомъ.

Она молча отвѣтила на его поцѣлуй своими похолодѣвшими губами, не удерживая его и стараясь принудить себя къ ласковой довѣрчивой улыбкѣ. Но помимо ея воли въ ея глазахъ все еще читалась и робкая, почти горестная мольба, и подозрительное, ревнивое сомнѣніе.

XI.

Ровно въ половинѣ четвертаго Юрій звонилъ у подъѣзда Столѣнинскаго дома. Онъ успѣлъ уже пріискать квартиру для Мери и все уладилъ съ хозяиномъ гостинницы, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ теченіе первыхъ двухъ дней, тотъ не требовалъ у нея вида на жительство. Но осталось сдѣлать главное — убѣдить Владиміра Валеріановича согласиться на разводъ, а пока будетъ тянуться дѣло въ консисторіи, выдать женѣ необходимый документъ. Юрій заранѣе морщился при мысли о неизбѣжномъ тяжеломъ объясненіи съ человѣкомъ, котораго онъ глубоко презиралъ, но съ которымъ ему необходимо будетъ сдерживаться. Онъ не сомнѣвался въ согласіи мужа, но предвидѣлъ съ его стороны разныя придирки, внушенныя мелкой, мстительной злобою. Въ крайнемъ случаѣ, онъ готовъ былъ принять вызовъ Столѣнина, еслибы тотъ вздумалъ геройски постоять за свое оскорбленное достоинство.

Владиміръ Валеріановичъ былъ дома. Онъ встрѣ-

тилъ Юрія, стараясь придать себѣ, если не дружескій, то, по крайней мѣрѣ, развязно-добродушный тонъ. Руки онъ ему, впрочемъ, не протянулъ, опасаясь, что Юрій ее не приметъ.

— Вы видите, я васъ жду, — началъ онъ, — хотя, признаюсь, ровно ничего не понялъ изъ вашей записки. Помѣститесь гдѣ нибудь поудобнѣе и разсказывайте,—онъ указалъ ему рукой на кавказскую тахту.— Буду васъ слушать съ должнымъ вниманіемъ. Нарочно приказалъ никого не принимать.

Столѣнинъ заперъ двери въ переднюю и усѣлся противъ молодого князя.

— Одного въ толкъ не возьму,—продолжалъ онъ,— съ какой это вы стати такъ торжественно упомянули въ своей запискѣ о готовности быть къ моимъ услугамъ, еслибы я захотѣлъ потребовать отъ васъ удовлетворенія? Неужели вы подумали, что мнѣ можетъ придти въ голову васъ вызвать?—при этихъ словахъ Владиміръ Валеріановичъ почему-то счелъ долгомъ засмѣяться.

— Вы имѣли на то полное право,—холодно возразилъ Юрій: — я не скрылъ отъ васъ, что жена ваша у меня.

— Да, конечно, это очень глупое и щекотливое положеніе, — отвѣтилъ Столѣнинъ, перекидывая ногу на ногу и вдругъ принимая видъ достойной сдержанности.— Но вѣдь она давно меня пріучила къ самымъ удивительнымъ выходкамъ.

— Я не имѣю ни права, ни желанія, — остановилъ его Двинскій, — знать о причинахъ случившейся между вами размолвки. Но Марья Борисовна обратилась ко мнѣ, къ моему содѣйствію, и я считаю себя обязаннымъ исполнить ея порученіе и спросить у васъ, что вы намѣрены дѣлать.

— Это, въ самомъ дѣлѣ, очень оригинально, — все болѣе замыкаясь въ свое достоинство, проговорилъ Столѣнинъ и при этомъ посмотрѣлъ на кончики своихъ длинныхъ ногтей. — Повидимому, теперь посто-

ронніе люди находятъ возможнымъ являться повѣренными чужихъ женъ передъ ихъ мужьями. Это ново, совсѣмъ даже ново, такіе ужъ нравы пошли.

Столѣнинъ захотѣлъ испробовать, какое дѣйствіе на Юрія произведетъ его попытка стать дерзкимъ, но по холодному блеску пристальныхъ глазъ молодого князя онъ тотчасъ понялъ, что заходить слишкомъ далеко на этомъ пути могло быть опаснымъ

— Я конечно не говорю этого на вашъ счетъ,—добавилъ онъ примирительно, — но такъ, вообще, къ слову пришлось. Ну-съ, такъ что же вамъ поручила мнѣ передать моя супруга?

Столѣнинъ нашелъ, что насмѣшливый тонъ ему удается гораздо лучше холодно достойнаго и что трагическая роль ему рѣшительно не по плечу.

— Марья Борисовна, — отвѣтилъ Юрій, дѣлая усиліе надъ собой, чтобы не дать волю накипавшему въ немъ чувству презрѣнія, — имѣетъ свои причины не желать болѣе возвращаться къ вамъ въ домъ. Полагаю, что вы знакомы съ этими причинами и избавите меня отъ необходимости излагать ихъ передъ вами.

Столѣнинъ кивнулъ головой.

— Ну-съ, что жъ дальше?—проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Марья Борисовна увѣрена, что вы не откажетесь облегчить ей неизбѣжныя формальности...—Юрій съ трудомъ подыскивалъ слова; ему было какъ-то стыдно просить объ одолженіи такъ долго оскорбляемаго имъ мужа.

Столѣнинъ тотчасъ подмѣтилъ, что его собесѣднику становится неловко и не упустилъ случая этимъ воспользоваться.

— Ага! вотъ какъ! прекрасно!—заговорилъ онъ, снова почувствовавъ въ себѣ наклонность быть самоувѣренно дерзкимъ. — Во мнѣ, стало быть, нуждаются, и моя супруга, ничуть не стѣсняясь, хочетъ отъ меня получить особый видъ... такъ, кажется, этотъ документъ называется?.. А если я въ этомъ откажу?

— Вы въ этомъ не откажете, могу васъ увѣрить,— спокойно возразилъ Юрій.

— Въ самомъ дѣлѣ? Согласитесь, однако жъ, что довольно странно требовать такихъ любезностей отъ человѣка, котораго... ну, словомъ, передъ которымъ чувствуешь себя не совсѣмъ правымъ.

— Вы въ этомъ не откажете! — нервно отчеканилъ Двинскій, — потому что, въ случаѣ нужды, я заставлю васъ согласиться.

— Допустимъ, допустимъ...—съ притворнымъ равнодушіемъ тотчасъ отступилъ Владиміръ Валеріановичъ со своей боевой позиціи, — я вѣдь человѣкъ покладистый... Ну, а что жъ дальше? Вѣдь вы понимаете, князь, — и въ благородномъ порывѣ Столѣнинъ вскочилъ со стула, ударивъ себя рукою по груди, — вы понимаете, что свое имя я не могу отдать на волю городскимъ сплетнямъ и что, разставшись со мной, моя жена уже не должна носить это имя?

— Успокойтесь на этотъ счетъ,—все также холодно произнесъ Юрій, — Марья Борисовна будетъ носить мое имя: какъ скоро она получитъ разводъ, она станетъ моей женою. Даю вамъ слово.

Юрій самъ удивился тому равнодушію, съ какимъ онъ произнесъ это, навѣки связывая себя этимъ обѣщаніемъ. Насмѣшливая судьба заставляла его усиленно добиваться того самаго, что замыкало для него въ будущемъ всякую возможность свободы и счастья. Теперь только, въ этотъ мигъ, онъ понялъ, что за жертву онъ приноситъ Мери. „И вѣдь совсѣмъ это даже не трудно“, пронеслось у него въ головѣ. Онъ былъ доволенъ собой. Безъ колебаній, въ расплату за минувшее увлеченіе, онъ отдавалъ все, чѣмъ могла быть красна его жизнь.

Владиміръ Валеріановичъ помолчалъ немного, какъ бы задумавшись надъ предложеніемъ Юрія, и лицо его приняло важный сосредоточенный видъ.

— Вы поступаете благородно, счелъ онъ долгомъ

сказать, — не могу съ этимъ не согласиться. — Вы поняли, что это въ сущности единственный исходъ...

— Прошу васъ объ одномъ,—перебилъ его Двинскій, въ свою очередь, вставая: — воздерживаться отъ всякихъ оцѣнокъ моихъ дѣйствій... Дѣло не во мнѣніи вашемъ, а просто въ вашемъ согласіи.

— Да что-жъ прикажете отвѣтить?—Голосъ Столѣнина опять прозвучалъ почти весело. — Не особенно лестно, разумѣется, для меня слышать такія предложенія, да коли въ самомъ дѣлѣ нѣтъ иного выхода, остается одно, покориться. — И, сказавъ это, онъ сдѣлалъ рукою благородный жестъ.

— Одно для меня особенно тяжело, — продолжалъ онъ: — то, что послужило поводомъ ко всей этой исторіи. Вы вѣдь знаете, конечно, за что собственно на меня разсердилась Мери... то есть виноватъ... Марья Борисовна — теперь я ужъ долженъ называть ее такъ.

— Не лучше ли къ этому не возвращаться, Владиміръ Валеріановичъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! я вѣдь этого не скрываю: наши несогласія съ женой произошли по самому глупому денежному вопросу. Я, вы знаете, ненавижу самое это слово — деньги... Но что дѣлать! Были затрудненія, и пришлось отказать женѣ въ уплатѣ ея парижскихъ счетовъ. И душою бы радъ, да какъ помочь бѣдѣ? Весь городъ обрыскалъ и не нашелъ ни копѣйки.

— Зачѣмъ же вы ко мнѣ не обратились?—спросилъ Юрій, не скрывая уже насмѣшки, заигравшей на его губахъ.

„Вотъ оно когда дѣло-то пошло на чистоту!“ подумалъ онъ.

— Къ вамъ? За кого вы меня принимаете?—громогласно произнесъ Столѣнинъ, становясь въ театральную позу. А между тѣмъ радостныя искры такъ и запрыгали у него въ глазахъ.

— Я и теперь готовъ вамъ помочь,—сказалъ Юрій... —

вамъ дать взаймы, поправился онъ. — Сколько вы должны?

Явно презрительный тонъ Юрія ничуть не разсѣялъ счастливаго настроенія, вдругъ охватившаго Владиміра Валеріановича.

— Къ сожалѣнію, довольно много,—живо ответилъ онъ: — по счетамъ жены двѣнадцать тысячъ, да это бы еще ничего, тамъ подождутъ... А вотъ самое скверное — мнѣ нечѣмъ заплатить клубный долгъ. Представьте себѣ, жду вотъ съ часу на часъ денегъ изъ имѣнія, а пока сижу безъ копѣйки. Албанову я проигралъ уже двѣ недѣли тому назадъ пять тысячъ, Ломовисову — шесть, и всего непріятнѣе, что этому дураку Сабанѣеву чортъ меня дернулъ прошлую недѣлю проиграть десять тысячъ!.. и везло же этому олуху!.. Ну-съ, потомъ расходы по конюшнѣ...

Но у Двинскаго лоппуло терпѣніе...

— Не давайте себѣ труда считать,—брезгливо оборвалъ онъ Владиміра Валеріановича: — подведите итогъ и потомъ скажите мнѣ, хоть завтра, сколько вамъ нужно. Я все заплачу.

— Да я думаю, — нерѣшительно вымолвилъ Столѣнинъ, — придется внести на первыхъ порахъ тысченокъ шестьдесятъ или шестьдесятъ пять, а остальное потерпитъ. Васъ эта цифра не пугаетъ?

— Вы сказали шестьдесять пять? Послѣ завтра эти деньги будутъ у васъ.

— Есть однако счастливые люди, которымъ стоитъ подписать чекъ, и выложатъ имъ, сколько угодно? — шутя замѣтилъ Столѣнинъ.

А Юрія разбирало нетерпѣливое желаніе поскорѣй покончить съ объясненіемъ, завершившимся этимъ возмутительнымъ торгомъ. Онъ бы согласился дать Владиміру Валеріановичу любую сумму, хоть и зналъ очень хорошо, что можетъ получить ее только при помощи ростовщика.

— Стало быть,—взявшись за фуражку, проговорилъ онъ, — вы сдѣлаете все зависящее отъ васъ...

Но въ этотъ мигъ раздался въ передней рѣзкій звонокъ, и, двѣ минуты спустя, обоимъ пришлось изумиться, увидавъ входившую въ кабинетъ Мери. На ней лица не было: губы и щекистрашно поблѣднѣли, а въ глазахъ горѣла лихорадка.

— Я очень рада, что застаю здѣсь васъ обоихъ, заговорила она неестественнымъ, словно деревяннымъ голосомъ:—Двинскій, — обратилась она къ Юрію, — я возвращаю вамъ данное слово. Вотъ вамъ моя рука, только я протягиваю вамъ ее на прощанье.

Юрій съ жаромъ схватилъ ея руку; она была холодна какъ ледъ.

— Что съ вами? — прошепталъ онъ, наклоняясь къ ней... Опомнитесь!

Онъ былъ такъ ошеломленъ, что не находилъ словъ для отвѣта. Но она высвободила свою руку и гордо откинула голову.

— Мы обманывали другъ друга и самихъ себя тоже,— тихо возразила она: — теперь я поняла это. Вѣдь вы меня не любите, Юрій, я знаю это... да и давно знала, только завѣдомо не хотѣла примириться съ этой мыслью. Но теперь, слава Богу, я увидѣла правду лицомъ къ лицу.

Она говорила и двигалась, какъ на сценѣ, точно повторяя заученныя слова. Воля ея была напряжена до послѣдней степени. Слабая женщина, за часъ передъ тѣмъ не умѣвшая сдерживать слезы въ присутствіи Юрія, теперь прощалась со своимъ счастьемъ такъ хладнокровно, какъ будто это не стоило ей никакихъ усилій.

Владиміръ Валеріановичъ не проронилъ ни слова, онъ только пощипывалъ усы, глядя съ нѣмымъ, удивленнымъ любопытствомъ то на жену, то на Юрія. Онъ будто присутствовалъ при развязкѣ какой-то пьесы, нисколько его лично не касавшейся. Да и на самомъ дѣлѣ, какова бы ни была эта развязка, могъ онъ развѣ принять въ ней дѣятельное участіе? Онъ сознавалъ,

что въ его положеніи можно только покорно играть нѣмую роль и что, каковъ бы ни былъ исходъ, это положеніе не перестанетъ быть жалкимъ.

— Да что же случилось?—настаивалъ Юрій. — Отчего такая перемѣна?

Ему все еще казалось, что молодая женщина приневоливаетъ себя, что ею овладѣла вдругъ, по какой-то непонятной причинѣ, жажда самопожертвованія. Можетъ быть, она даже только испытываетъ его, ставитъ ему ловушку...

Никогда еще онъ не чувствовалъ себя такъ неловко, какъ въ эту минуту. Умолять ее опомниться, настаивать на томъ, что было между ними рѣшено—развѣ это было возможно въ присутствіи мужа? Да и съумѣетъ ли онъ придать достаточно искренней теплоты своему голосу? Вѣдь онъ не могъ скрыть отъ себя, что съ первыхъ же словъ Мери онъ почувствовалъ что-то похожее на радость, точно съ него свалились цѣпи. И онъ стыдился этого чувства; онъ сознавалъ, что его холодность должна глубоко оскорбить Мери, что ея пристальные глаза проникаютъ въ самую глубь его души.

Мери грустно покачала головой.

— Не теряйте словъ, князь—проговорила она:—того, что я рѣшила теперь, вы измѣнить не въ состояніи... еслибы вы даже захотѣли.

Иронія или скорбь звучали въ голосѣ Мери,—этого при всемъ стараніи Юрій разобрать не могъ. Въ сущности на сердце у нея теперь не было ни того, ни другого. Она ощущала одно лишь: совершенную глухую пустоту, точно все, чѣмъ жила она до сихъ поръ, было вырвано съ корнемъ, и непроглядный мракъ окуталъ ея будущее. Хотѣлось ей лишь поскорѣе довести до конца это уже ненужное теперь объясненіе, словно она боялась, что ей измѣнятъ силы, и она выдастъ себя, расплачется вдругъ какъ ребенокъ.

Когда Мери осталась одна въ кабинетѣ Юрія недовѣріе къ его искренности, мучительное сознаніе при-

носимой имъ жертвы поднялось въ ней съ новой силою. Она тревожно оглянула комнату, какъ бы вопрошая самыя стѣны. „Да“, говорила она себѣ, „здѣсь отыщутся нѣмые свидѣтели, которые выдадутъ его настоящія чувства, его тайные помыслы“. На одной изъ стѣнъ, возлѣ его письменнаго стола, рядомъ съ картинами старинныхъ мастеровъ, былъ большой портретъ его матери—тотъ самый, который прежде висѣлъ въ кабинетѣ княгини. Мери тотчасъ узнала ее; и ей показалось, что гордая, красивая женщина недружелюбно глядитъ на нее съ полотна—на нее, собиравшуюся почти насильно проникнуть въ семью Двинскихъ. Были тутъ и фотографіи, въ томъ числѣ много женскихъ. Мери узнала ихъ всѣ, и ни одна изъ нихъ, очевидно, не могла что либо значить для Юрія; это были все женщины ея круга. Другіе болѣе интимные портреты—воспоминанія минувшихъ отношеній—были, конечно, припрятаны гдѣ нибудь... Молодая женщина принялась за альбомы, но и тутъ она не нашла ничего. Она прошла въ спальную Юрія, и здѣсь надъ самымъ изголовьемъ ее поразилъ небольшой портретъ, завѣшанный тафтою. Она не сразу рѣшилась отдернуть прикрывавшую его завѣсу. Сердце въ ней сильно забилось. Что то ей подсказывало, что она увидитъ знакомыя черты столь ненавистной ей дѣвушки. И она не ошиблась. Отдернувъ наконецъ судорожнымъ движеніемъ тафту, Мери узнала Наташу. Это была карточка, данная Юрію молодой дѣвушкой еще въ деревнѣ. Онъ повѣсилъ ее возлѣ кровати, скрывая ее въ то же время отъ глазъ товарищей. Да и въ спальную его рѣдко входилъ кто либо изъ постороннихъ. Мери вся задрожала отъ волненія, увидѣвъ нѣмую обличительницу измѣны любимаго человѣка. Она мысленно обзывала это измѣной, совершенно забывъ, что сама она завѣдомо лишила молодую дѣвушку ея счастья... Но, можетъ быть, отыщутся и другіе свидѣтели? Можетъ быть, на его письменномъ столѣ, среди его бумагъ, она найдетъ ка-

кое-нибудь письмо?... Она была готова теперь подозрѣвать Наташу въ тайной перепискѣ съ нимъ; можетъ быть, ея подозрѣнія шли еще дальше. Она принялась шарить по столу и по ящикамъ. Въ одномъ изъ нихъ былъ ключъ, отпиравшій ихъ всѣ—Юрій не принималъ большихъ предосторожностей, слишкомъ увѣренный, что никому не придетъ въ голову искать у него разгадки какой-нибудь тайны. И вотъ въ одномъ изъ этихъ ящиковъ попалось ей подъ руки неоконченное письмо Юрія къ Наташѣ,—то самое письмо, которое онъ писалъ ночью послѣ встрѣчи съ ней у графини Елизаветы Андреевны. Мери прочла его, съ ужасомъ впиваясь въ каждую строку. Горькая правда ей рѣзко забила въ глаза, какъ ослѣпительный солнечный лучъ разомъ впущенный въ темную комнату.

„Нѣтъ", сказала она себѣ, „нѣтъ, я не пойду на это униженіе!... Брать какъ милостыню его любовь—ни за что на свѣтѣ! Да это и не любовь даже, а какое-то состраданіе... Нѣтъ, во сто разъ лучше терпѣть оскорбленія отъ мужа, жить подъ одной кровлей съ этимъ ненавистнымъ человѣкомъ и нести это какъ наказаніе, чѣмъ быть женою Юрія и каждый день убѣждаться, что я для него—что цѣпь для каторжника!..."

И Мери лихорадочнымъ почеркомъ набросала на бумагу нѣсколько прощальныхъ строкъ и, вновь опустивъ на лицо свою двойную вуаль, быстро вышла изъ дома князей Двинскихъ, рѣшивъ, что никогда уже она не войдетъ въ этотъ домъ.

— Владиміръ,—быстро отвернувшись отъ Юрія, подошла она къ мужу,—забудьте, что я говорила вамъ утромъ. Я не прошу васъ простить меня—это была бы ложь, которой бы вы даже не повѣрили. И примиренія никакого не надо—вѣдь настоящаго примиренія у насъ быть не можетъ; а постараемся оба забыть и будемъ терпѣливо выносить другъ друга.

— Il faut avouer, ma chère,—разсмѣялся Столѣнинъ—que c'est la au moins de la franchise. Хоть за то спа-

сибо, что трогательныхъ фразъ не наговорила. Что жъ? Будемъ жить по маленьку, постараемся.

Они всѣ трое были поставлены въ такія сложныя неестественныя отношенія другъ къ другу, что распутать эти отношенія просто и разумно было совершенно невозможно.

Все, что бы ни сказали и ни сдѣлали они въ эту минуту, вышло бы нелѣпо и натянуто. Юрій сознавалъ это, и въ немъ вдругъ поднялось злобное чувство противъ Мери, и ея мужа: вѣдь, благодаря имъ обоимъ, онъ теперь очутился въ этомъ глупомъ, невозможномъ положеніи, изъ котораго приличнаго исхода не было.

— Роль моя, стало быть, окончена, Марья Борисовна?—сказалъ онъ, хорошенько не зная, говоритъ ли въ немъ оскорбленное чувство, или простое желаніе, хотя бы ироніей, спасти свое достоинство. И полномочія мои прекращаются?

Мери не отвѣтила. Она стояла вся неподвижная, словно каменная, и слова Юрія какъ будто не долетѣли до ея слуха; только рука ея, опиравшаяся на столъ, судорожно дрожала.

— Да, князь,—снова прибѣгая къ развязному тону, отозвался Столѣнинъ,—все, про что мы такъ долго съ вами бесѣдовали, оказывается ненужнымъ. Видно такая ужъ воля судебъ!

Юрій бросилъ на него мимолетный взглядъ и молча подошелъ къ Мери.

— А могу я на васъ все таки разсчитывать?—остановилъ его Владиміръ Валеріановичъ.

Юрія передернуло отъ этой неслыханной наглости.

— Деньги будутъ у васъ послѣ завтра,—отвѣтилъ онъ, не поворачиваясь даже въ сторону Владиміра Валеріановича.—Отъ даннаго слова я никогда не отступаюсь.

Мери будто очнулась. Она ясно разслышала, что сказалъ Юрій, хоть и не поняла смысла его отвѣта.

— Что такое? Какія деньги?—спросила она, попеременно оглядывая мужа и Юрія.

— Такъ... ничего...—покусывая нижнюю губу, нерѣшительно проговорилъ Столѣнинъ.—Князь обѣщалъ... мнѣ дать... взаймы...

Послѣднее слово мужа стрѣлой вонзилось въ слухъ молодой женщины. Вся кровь мигомъ хлынула къ ней въ лицо.

— Взаймы?... Вы у него просили денегъ взаймы?—чуть слышно, съ видимымъ трудомъ, проговорила она, не сводя съ мужа своихъ воспаленныхъ глазъ. Сколько онъ вамъ обѣщалъ?

— Довольно крупную сумму,—нехотя отвѣтилъ Столѣнинъ.

Двинскій опустилъ голову и не проронилъ ни слова. Онъ стоялъ какъ виноватый передъ Марьей Борисовной, не смѣя взглянуть ей въ лицо. Она вскрикнула, какъ отъ боли. Ужасъ и негодованіе читались на ея чертахъ.

— Такъ вотъ что!!..—вырвалось у нея дикимъ неестественнымъ голосомъ.—Вы, стало быть, вы оба просто торговали мною!... Да... Ахъ! какой стыдъ! какой стыдъ! какой стыдъ!...

Она закрыла вдругъ лицо руками и какъ подкошенная упала въ кресло.

Всѣ трое молчали. Въ комнатѣ слышались однѣ глухія рыданія Марьи Борисовны. Но минуты двѣ спустя, она уже стояла передъ мужемъ, вся дышащая негодующимъ гнѣвомъ, и слезы мигомъ высохли на ея рѣсницахъ.

— Я не ожидала,—прошептали ея стиснутыя губы, что вы причините мнѣ такое униженіе. Понимаете вы, что вы сдѣлали? Понимаете, что послѣ этого я не могу уже оставаться здѣсь, потому что мнѣ противно васъ видѣть, противно знать, что я имѣла несчастіе быть вашей женою...

Юрій какъ будто пересталъ для нея существовать

въ эту минуту. Но случайно она повернула голову, и, увидавъ его, почувствовала новую волну жгучаго стыда. Болѣзненный крикъ опять вырвался у нея изъ груди и, не сказавъ болѣе ни слова, она бросилась вонъ изъ комнаты.

Едва переступила она черезъ порогъ, у нея подкосились ноги. Шатаясь, она дошла до гостиной и въ какомъ-то оцѣпенѣніи упала на кушетку. Вся поддерживавшая ее до сихъ поръ искусственная, точно ввинченая твердость разомъ ее покинула; все, наполнявшее до сихъ поръ ея жизнь, перестало для нея существовать. И все недавнее прошлое, почти еще наканунѣ казавшееся такимъ блестящимъ и свѣтлымъ, теперь опротивѣло ей—опротивѣло до того, что она не могла даже сожалѣть о немъ. Впереди одно только было ясно для Мери: прежняя жизнь продолжаться не могла; выносить присутствіе мужа послѣ того, что случилось, она уже не въ силахъ... И, говоря себѣ это, она припомнила, какъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, тоже оскорбленная мужемъ, но съ живой надеждой на сердцѣ, она быстрыми шагами выходила изъ этого дома, чтобы ѣхать къ Юрію. Тогда ее не пугала мысль о разрывѣ съ прошлымъ: она бодро, почти увѣренно шла навстрѣчу къ ожидавшей ее перемѣнѣ. Но тогда было не то, что теперь: она шла къ любимому человѣку, увѣренная найти въ немъ опору. Конечно, молва съ шумомъ разнесетъ вѣсть объ ея размолвкѣ съ мужемъ... Но передъ княгиней Двинской молва скоро бы затихла. Черезъ какой-нибудь годъ все прошлое было бы забыто, и передъ ней открылась бы новая, еще болѣе широкая, блестящая жизнь... Все это припомнилось ей теперь какъ волшебный сонъ. Отъ этихъ воздушныхъ замковъ не осталось и слѣда. Вокругъ нея все мракъ и одиночество, а впереди... бѣдность. Да, бѣдность. Она вѣдь не захотѣла бы теперь и прикоснутся до денегъ мужа, еслибы даже онъ задумалъ ей предложить свою помощь: все, что

связано съ нимъ, въ ея глазахъ, отмѣчено клеймомъ позора. А ея собственныя средства—она презрительно улыбнулась при этой мысли,—что могли они значить для избалованной женщины, привыкшей тратить, не считая! Мери знала, на что она идетъ, и хотя ее холодомъ обдавало при мысли объ ожидавшемъ ее будущемъ, она не отшатнулась отъ него, не измѣнила своему рѣшенію. Пусть ей придется узнать нужду привыкнуть къ такой жизни, которою въ ея домѣ не жила даже ея горничная. Съ какою-то злобной горечью она говорила себѣ, что чѣмъ больше будетъ лишеній, тѣмъ лучше она искупитъ свое прошлое. Жажда страданія словно охватила ее, точно она торопилась отречься отъ прошлаго. Да и въ самомъ дѣлѣ это прошлое стало ей ненавистнымъ.

И вдругъ она вспомнила про дочь—про дочь, о которой она ни разу не подумала, пока передъ нею была еще мечта о любви Юрія. Она не оставитъ Олли на рукахъ мужа. И Мери вдругъ почувствовала—можетъ быть, въ первый разъ,—что привязанность къ дѣвочкѣ ей дорога, что вмѣстѣ съ ней одиночество будетъ уже не такъ тяжело... Но захочетъ ли Олли раздѣлить судьбу матери? Какое право она имѣетъ на дочь? Вѣдь она была всегда дурной матерью.—Мери это сознавала теперь, и совѣсть принялась упрекать ее въ тотъ самый мигъ, когда въ ея глазахъ любовь къ дочери пріобрѣтала цѣну.

Она поднялась съ мѣста и пошла въ комнату Олли. Дѣвочка сидѣла за книгой. Буря, пронесшаяся въ этотъ день надъ роднымъ домомъ, ея какъ будто и не коснулась. Мать тихо подошла къ ней, бережно обвила ея шею и почти робко притянула къ себѣ ея голову. Олли посмотрѣла на нее съ удивленіемъ—до того непривычнымъ ей показался нѣжный поцѣлуй, непривычнымъ и сладкимъ въ то же время. И когда мать ей сказала, что черезъ нѣсколько дней уѣдетъ, чтобы жить отдѣльно отъ мужа гдѣ-нибудь въ скром-

ной, очень скромной квартирѣ и что отъ нея зависитъ послѣдовать за матерью или остаться съ отцомъ—выборъ дѣвочки не заставилъ себя ждать. Какъ ни холодна и несправедлива была съ нею мать, чувство привязанности къ ней все таки теплилось въ сердцѣ дѣвочки, и стоило согрѣть это чувство добрымъ словомъ и лаской, чтобы оно тотчасъ ожило и развернулось. Дѣвочка чутьемъ понимала, что эта перемѣна означала разрывъ со всѣмъ тѣмъ нехорошимъ, что наполняло до сихъ поръ жизнь матери. И она съ радостью привѣтствовала эту перемѣну. Бѣдность ее не пугала, да и она была слишкомъ молода и неопытна, чтобы знать, что такое бѣдность.

Куда бы вы ни пошли, мама, чтобы вы ни сдѣлали,—говорила Олли, цѣлуя мать и смотря ей въ лицо своими прямыми серьезными глазами,—я останусь съ вами. Развѣ вы могли въ этомъ сомнѣваться?

У Мери отлегло на душѣ, и чувство вины передъ дочерью—вины, которой ей нечѣмъ искупить, живо заговорило въ ней. Но все таки укоряющій голосъ совѣсти не отозвался въ ней горечью, и хорошо ей было чувствовать, что съ нею неразлучнымъ будетъ этотъ ребенокъ, готовый преданной любовью платить матери за долгіе годы своего холоднаго одинокаго дѣтства.

Недѣлю спустя, Мери Столѣнина покинула свой нарядный домъ и вмѣстѣ съ Олли поселилась въ небольшой квартирѣ на одной изъ скромныхъ улицъ Коломны.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Vtoroe pokolienie : poviest [an
891.733 G628VT
D90355870.

Переплетная „НИВА", С.П.Б.